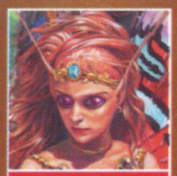


ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ КОЛЛЕКЦИЯ

Цветы на нашем пепле

—

Звездный табор, серебряный клинок

БУРКИН ЮЛИЙ

ЮЛИЙ БУРКИН

Цветы на нашем пепле

Звездный табор, серебряный клинок

ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ
КОЛЛЕКЦИЯ

ЮЛИЙ БУРКИН

Цветы на нашем пепле

Звездный табор, серебряный клинок

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВЗОИ
Москва
2004

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Б90

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

**Подписано в печать 20.02.04. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 42. Тираж 5000 экз. Заказ № 606.**

Буркин Ю.С.

Б90 Цветы на нашем пепле. Звездный табор, серебряный клинок: Фантаст. романы / Ю.С. Буркин. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ВЗОИ», 2004. — 798, [2] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

ISBN 5-17-023208-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9602-0313-8 (ОАО «ВЗОИ»)

В эту книгу вошли романы Ю.С. Буркина «Цветы на нашем пепле» и «Звездный табор, серебряный клинок».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Ю.С. Буркин, 2000, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2004

Цветы на нашем пепле

Предисловие

Для многих читателей имя Юлия Буркина знакомо, и вряд ли в этом предисловии есть необходимость. Для других — пока еще нет, им только предстоит знакомство с этим замечательным писателем... вот для них в первую очередь я сейчас и пишу.

С Юлием Буркиным я знакомился трижды.

Впервые — прочитав распечатку одной из самых ранних его повестей, «Рок-н-ролл мертв». Меня, что называется, «не зацепило». Я понял лишь, что автор любит рок-н-ролл, и сам явно не чужд музыкальных кругов, уж слишком со знанием дела были выписаны детали быта музыкантов.

Второй раз все было совсем по-другому. В какой-то скучный и однообразный вечер, из тех, что умеют подкрасться совершенно незаметно и беспричинно, я взял в руки белорусский журнал фантастики «Мега» с повестью Юлия «Бабочка и василиск». Скажу честно — я не ждал особых потрясений. Но уже на второй странице вся скука этого вечера куда-то бесследно улетучилась, а отобрать у меня журнал удалось бы лишь путем кровопролития. Мне до сих пор кажется, что «Бабочка и василиск» — это одно из лучших произведений нашей фантастики в девяностые годы.

Ну а третий раз мы встретились уже по-настоящему. Дело происходило в городе Алма-Ате, где я тогда жил, а Юлий приехал по делам — там выходила в свет его первая книга. Мы едва успели представиться друг другу, как Юлий воскликнул: «Слушай, у тебя есть магнитофон? Я только что записал новый концерт и даже ни разу его не прослушал — спешил!» Через час мы сидели у меня дома, и Юлий задумчиво прослушивал собственные записи. Мое первое впечатление тоже оказалось правильным — Буркин оказался не только писателем, но и рок-музыкантом. И, на мой взгляд, очень хорошим музыкантом.

Жизнь в эпоху перемен — увлекательное, пусть и нелегкое занятие. Юлий вернулся в свой родной город Томск, я переехал в Москву. Но перед этим мы успели написать вместе юмористическую трилогию «Остров Русь» (как обычно, все началось с воз-

гласа Буркина: «Слушай, я тут решил написать роман ужасов для детей, но я про детей писать не умею, а ты из их возраста еще не вышел...»). Как ни удивительно, но несостоявшийся роман ужасов до сих пор пользуется большой популярностью у детей всех возрастов, от десяти до семидесяти.

В следующую нашу встречу Юлий был уже автором самого странного проекта нашей фантастики — собственных книги и пластинки, выпущенных в едином оформлении и связанных общей концепцией. «Представляешь, человек читает книгу и при этом слушает музыку...»

Потом у Юлия вышли два компакт-диска, его песни стали появляться на центральных радиостанциях, но соперничество муз не прекратилось. Очередной книгой Юлия Буркина, написанной в соавторстве с томским автором Константином Фадеевым, стала «Осколки неба, или Подлинная история «Битлз». Опять же, совершенно уникальный и необычный проект, связавший воедино и беллетризованную биографию знаменитых музыкантов (кстати, Юлию принадлежат одни из лучших переводов песен «Битлз» на русский язык), и фантастический сюжет.

Наверное, литературе и музыке всегда суждено идти с Юлием рука об руку, ревниво поглядывая друг на друга. Книга, которую вы сейчас держите в руках, вроде бы далека от музыки в обычном понимании. Действие ее происходит в совершенно отличном от нашего мире, герои ее... Впрочем, не будем забегать вперед. Речь о другом — обратите внимание на стихи, предваряющие главы книги. Есть старая, но верная фраза братьев Стругацких о стихах, вставленных в тексты книг: «Стихи были либо известные, либо плохие». В этой книге вы не найдете ей подтверждения. Исключения все-таки возможны — когда писатель еще и поэт.

Слово «самобытный» в наше время во многом утратило свое положительное значение. «Самобытно», — изрекаем мы, слушая самодеятельного исполнителя, «самобытно» — замечаем, откладывая скучную книгу.

Юлий Буркин самобытен по-другому. По-настоящему. Есть питерская, есть красноярская, есть харьковская школы фантастики. Но есть писатели, которые похожи только на самих себя. Книги, которые они пишут, не просто уникальны — уникальна любая книга, они самобытны — потому что никто и никогда даже не подумал бы написать ничего подобного.

А теперь я с удовольствием уступаю место Юлию Буркину — писателю и поэту.

Сергей Лукьяненко

Так я и знал наперед,
Что они красивы, эти грибы,
Убивающие людей!

Кобаяси Исса
(1768–1827)

Книга первая

INSECTA SAPIENS (ГЕНЕЗИС)

1

Паутину плетет паук, паук,
Он не сможет тебя поймать.
В синем-синем небе птица летит,
Но не может тебя поймать.
Нынче — куколка ты, осторожна ты.
Мы — личинки твои, о Мать.

«Книга стабильности» махаон,
т. III, песнь XXI; мнемотека
верхнего яруса

Ливьен разбудила трескотня выстрелов. За время экспедиции это было уже пятое нападение на их караван. Выбравшись из шелкового спального мешка и быстро одевшись, она привычным движением сняла с крепления искровой автомат и осторожно выглянула из палатки. Как и все молодые *теплокровные бабочки*, она прекрасно видела в темноте, но в лагере никакого движения не заметила. Нападение, похоже, уже отбили и без нее — выстрелы раздавались из кустарника в глубине леса.

Пригнувшись, она вышла под открытое звездное небо, расправила крылья и вспорхнула в пронизанную свежестью ночь — в направлении шума и знакомых запахов соплеменниц.

Лететь пришлось недолго — минуты две, но когда она была еще на полпути, стрельба прекратилась. А когда добралась до своих, убедилась, что все обошлось.

Семь из двенадцати членов экспедиции (двое, видно, так и не проснулись, а двое часовых не могли покинуть пост) столпились над телом. Конечно же, это была урания, и конечно же, это был самец. Ливьен лишь мельком глянула на труп и отвела глаза: зрелище было ужасным. Чья-то пуля превратила лицо нападавшего в сплошное кровавое месиво.

Грудь, живот и руки дикаря были покрыты золотистой пыльцой. Ливьен знала из инструктажа, что это — окраска «любовной охоты».

— Проклятые идиоты! — обернулась к Ливьен экспедиционный биолог Аузилина. В ее миндалевидных фиолетовых глазах стояли слезы. — Теперь я всю жизнь буду чувствовать себя убийцей.

— Брось, — коснувшись поникших крыльев, обняла ее за плечи Ливьен, — он сам виноват.

— Да нет, Ли. Ты ведь знаешь, самое страшное в том, что они не хотят нас убивать. Они просто ищут любви.

— «Любви»!.. — желчно передразнил Аузилину кто-то за спиной Ливьен. — Не называй этим словом то, чего им надо! «Похоть» — вот это подходящее слово!

Ливьен обернулась. Ах вот это кто — старая Ферда. Ну, этато, наверное, уверена, что и в супружеской постели происходит сплошное изнасилование.

— Возможно, они хотят, чтобы их потомство росло в цивилизованном Городе и ассимиляция — единственный тому шанс, — вмешалась в разговор оператор думателя Сейна.

— У нас не может быть общего потомства, — просто, чтобы что-то сказать, констатировала общеизвестный факт Ливьен.

— Но они этого могут и не знать.

— Смотрите! — вскрикнул кто-то из склонившихся над телом. — У него на крыльях нет коричневых чешуек! Это метис!

— Ерунда, — возразила Ферда. — Метисы — выдумка неотесанных домохозяев. Обычный мутант, возомнивший из-за своего уродства, что он такой, как мы.

— Хватит болтать, — прервала обсуждение старший координатор экспедиции Инталия. — В лагерь. Не хватало еще нам дождаться здесь повторного нападения. — Она тряхнула крыльями и первая взмыла над травами. За ней последовали остальные.

Но спать легли не сразу. Несмотря на то что завтра предстоял долгий и изнурительный труд (перенося имущество на очередное место стоянки, они по четыре-пять раз перелетали туда-обратно), возбуждение было слишком велико, чтобы успокоиться сразу.

Еще минут двадцать они просидели у костра, лакомясь подогретым нектаром и обсуждая происшедшее.

Есть темы, которых не следует касаться лишний раз. Дома это могло бы привести к беде. Но здесь атмосфера была несколько иной, и Ливьен решила сделать вид, что по молодости (а она была самой молодой в группе) не понимает этого.

— И все-таки, — с невинными интонациями произнесла она, хлебнув нектара, — почему бы не приобщить дикарей к культуре? От этого выиграли бы все: они перестали бы быть дикарями, а мы не опасались бы их нападений.

— А ты уверена, что мы ужились бы вместе? — с усмешкой отозвалась Инталия.

— Конечно! Мы вполне могли бы жить рядом, места хватило бы всем!

— Мы-то — да. А они? Кто знает, как они используют силу, когда обретут ее? Мы не имеем права рисковать, ответственность слишком велика. Пока думатели есть только у нас, мы должны стараться сохранить это положение как можно дольше. Когда дикарь глуп, с ним еще можно бороться, куда страшнее умный дикарь.

Ливьен показалось сомнительным выражение «умный дикарь». Какой же он тогда дикарь? Но она промолчала.

Заговорила Лелия, историк-археолог, неуставный, но легальный лидер группы, носящая живую диадему гильдии Посвященных. И обратилась она именно к Ливьен:

— На свете немало бессмысленных и несправедливых вещей. Почему, например, нам не разрешают брать в экспедиции самцов, в то время как они сильнее и выносливее? Почему...

Ее прервала Инталия:

— Лелия! Я могу простить подобные речи несмышленой девчонке, но ты, моя дорогая... Если такое повторится, по возвращении я вынуждена буду... — Она замолчала. А продолжила уже с другой, усталой, интонацией: — Ладно. Отбой.

Полуночники разбрелись по палаткам. Завернувшись в крылья, Ливьен еще долго не могла уснуть. Существовавшее положение в обществе Города маака казалось ей естественным, ведь она родилась и выросла в нем. Но все-таки... Какая-то странная тревога всегда таилась в ее душе. Чем дикари хуже нас, ведь они устроены точно так же? Почему самцы имеют единственную роль — домохозяев и продолжателей рода, в то время как явно приспособлены природой к тяжелому труду и войне, уж, во всяком случае, не хуже, чем самки? Они не отличаются умом, но ведь им не разрешается образование в верхнем ярусе... Почему разговоры о думате-

лях окутаны негласным запретом, хотя все и всё о них знают? Хотя нет, не всё. Откуда они берутся — думатели?

Она уснула, так и не ответив себе ни на один из этих вопросов.

Утро выдалось великолепное. Оставив палатку, Ливьен в какой уже раз залюбовалась окружающей красотой. Громадные деревья с широко расставленными корнями-подпорками, покрытыми мхом и растениями-паразитами, словно праматери-гусеницы из древних махаонских легенд, удерживали небо над их небольшой полянкой. Лианы, сложенные кольцами, петлями и спиралями, оплетали абсолютно всё — от корней до вершин, а концы их свисали обратно от вершин к земле. Громадные белые и желтые цветы вьюнов своим легкомысленным видом только подчеркивали суровую прелесть векового леса.

Стесняться было некого, и бабочки, разбуженные колокольчиком координатора, абсолютно нагие и безоружные выскакивали из палаток на свежий воздух, поочередно трясли вьюны за лепестки и, смеясь и визжа, умывались в осыпающейся росе. Только караульные на срок несения дежурства были лишены этого удовольствия: намочив крылья, бабочка временно лишается способности летать, и этим могли воспользоваться дикари или махаонские диверсанты.

Растирая тело душистым прополисом, Ливьен разглядывала своих раскрасневшихся подруг и в тысячный раз поражалась мудрости и утонченному вкусу природы, создавшей такое совершенство. Гармония изящества и рациональности. Тонкие талии и стройные ноги, упругие груди и темно-радужные крылья... Трудно поверить, что их предки — обычные бабочки-насекомые, довольно невзрачные крылатые червяки со злыми глазами, напрочь лишенные интеллекта.

Да и прочие представители фауны не идут с ними ни в какое сравнение!

Мелко вибрируя крылышками, чтобы те побыстрее обсохли, Ливьен задумчиво шагала к палатке, когда ее кто-то негромко окликнул. Ливьен оглянулась. Это была Лелия:

— Девочка, я давно наблюдаю за тобой и вижу, что ты постоянно погружена в размышления. Не тревожит ли тебя нечто такое, чего не замечают другие?

Вопрос обрадовал Ливьен. Пожалуй, именно Лелия была тем, с кем ей хотелось бы сойтись ближе. Но сама она на первый шаг не решилась бы никогда.

— Меня мучают вопросы, на которые я не могу найти ответов.

— Я могла бы помочь тебе. Когда-то я и сама страдала от несуразностей нашей жизни. Если хочешь, давай встретимся и побеседуем. Сегодня ночью.

Ливьен согласно кивнула, и Лелия отвернулась. Ни Инталия, ни кто-либо из ее подручных не слышали их разговора, и уже это казалось Ливьен маленькой победой. Хотя почему она так это оценивает, она и сама вряд ли смогла бы объяснить. Ведь не могла же Посвященная всерьез опасаться навета координатора. Хотя кто знает... Возможно, Лелия просто не хочет напоминать Инталии о своих неограниченных правах ради такой мелочи, как беседа с юной сумасбродкой?

Каждая бабочка-самка маака носит на голове золотую диадему с камнем — символ материнства и готовности к нему. Но только члены гильдии Посвященных имеют живые Камни, дающие им законную власть над прочими. Это вовсе не значит, что они стоят вне критики и общественного долга. Напротив, сейчас, например, Инталия в любой момент могла приказать Лелии делать ту или иную работу, и та подчинится ей, как старшему координатору экспедиции. Однако если Лелия, поднеся ладонь к Камню, оживит его, тот вспыхнет ярким бирюзовым светом, и все, включая Инталию, обязаны будут выполнять ее приказы, не обсуждая.

Непослушание Посвященному, оживившему камень, строго карается Координационным Советом, а сейчас, по законам военного времени, может стоить ослушавшемуся жизни. Своим Правом Посвященные пользуются крайне редко, каждый такой факт впоследствии рассматривается Советом, и если повод оказывается недостаточно веским, бабочка лишается живого Камня.

Еще одна особенность. Камни различаются по старшинству, и возраст их отсчитывается от момента «рождения» — первой активации. Старший камень, загоревшись, гасит более молодой.

Весь день группа занималась привычными экспедиционными делами. Разобрав палатки и демонтировав пищеблок, путешественники компактно укладывали их в хитинопластовые мешки, а затем, ухватив поклажу за лямки по углам, вчетвером, сопровождаемые одной вооруженной охранницей, летели к месту очередной ночевки.

Таким же образом переносили и чехол с думателем. На этот раз его носильщиком была и Ливьен. И, как обычно в процессе его транспортировки, Сейна, державшая мешок с одного из углов, причитала:

— Девочки, девочки! Только осторожнее! Он плохо спал этой ночью, и сейчас ему дурно. Переднюю сторону повыше! Еще выше, у него преджаберья затекают... Все, все, стойте, он больше не может, давайте спустимся, передохнем!.. — Она буквально обливалась слезами.

— Отставить нытье! — по обыкновению рявкала Инталия, которая тоже всегда участвовала в его переносе. — Остановка только в лагере! — А затем, помягче: — Ничего, отлежится...

Ливьен понимала, что для координатора главное — не допустить возможность похищения думателя, а его самочувствие интересует ее постольку-поскольку. Случись думателю погибнуть, координатору, конечно, пришлось бы ответить перед Советом по всей строгости военного времени. Но утеря его живым — преступление много большее. Хотя не ясно почему, ведь общаться-то с ним все равно может только один-единственный оператор...

Так, с причитаниями и окриками, драгоценный груз без остановок был доставлен к месту. Сейна тут же упала на колени, расстегнула мешок, откинула передний клапан флуонового чехла и, утерев краем крыла свое заплаканное лицо, приникла лбом к поросшему шелковистой щетиной морщинистому надлобью думателя — чуть выше жвал.

На этот раз Ливьен не полетела обратно, а, руководствуясь боевым расчетом, встала на охрану возле Сейны и ее питомца. Не в первый уже раз наблюдала она эту сцену, почему-то казавшуюся ей одновременно и трогательной, и непристойной. Закрытые глаза Сейны обрамились синеватой тенью. Ее удивительно красивое беззащитное лицо стало бледно-желтым, как воск, и приобрело выражение то ли боли, то ли мучительного сладострастия. Время от времени по нему пробегала судорожная рябь, и в такие мгновения Ливьен казалось, что это — начало агонии.

Но нет. Как и всегда, все закончилось без осложнений. Минуло около получаса, и Сейна, обессиленная, отползла в сторону. Свернувшись калачиком, она моментально провалилась в глубокий, похожий скорее на обморок, сон. А оживший думатель начал шевелить жвалами, требуя пищи. Но кормить его в этот момент инструкцией строго запрещалось.

Ливьен, предохраняя Сейну от солнечного удара, накрыла ее несколькими крупными листьями подорожника и, продолжая нести караул, погрузилась в размышления.

Думатель сильно напоминает обыкновенную куколку, только в два-три раза крупнее, и имеет отсутствующие у куколки жабры.

А его жвалы и брюшные сегменты развиты в значительно большей степени. Благодаря последним он, кстати, даже способен передвигаться. Но очень медленно. Эта его способность упрощает уход за ним. Он абсолютно слеп и глух, но имеет острое обоняние. Когда Сейна проснется, она разложит перед ним весь его дневной рацион пищи — четыре порции в полуметре друг от друга, на одной прямой. В течение дня, ориентируясь по запаху и орудуя сегментами, думатель с передышками проползет это расстояние, поглощая порции одну за другой. И «поужинает» как раз перед заходом солнца.

Ливьен прекрасно сознавала, что, являясь абсолютно самостоятельным существом, думатель походит на куколку лишь по капризу природы, по недоразумению. Но сходство это в сочетании с беспомощностью задевали ее материнские чувства. Несмотря на отвратительный характер всех без исключения думателей, Ливьен иногда испытывала к ним приливы безотчетной нежности.

Как восхищала ее мудрость природы, создавшей бабочек, так же не переставала поражать ее и неисповедимость путей эволюции, произведшей на свет думателя — тварь, не способную ни на что, даже на самозащиту и добычу пищи. Но умеющую думать. Думать на порядок быстрее и эффективнее любой, пусть даже самой что ни на есть способной, бабочки. Думать и телепатически передавать результаты своих размышлений оператору.

Новые технологии, изобретения, прекрасные произведения искусства — всем этим маака обязаны думателям. Можно сказать, только благодаря им бабочки стали цивилизованным народом. Недаром думателей так холят и лелеют... Но это сейчас. А раньше? Как выжили их предки в беспощадной межвидовой борьбе за существование? И почему они сотрудничают только с народом маака?..

Хоть часть вечно мучивших ее вопросов Ливьен надеялась разрешить в предстоящей беседе с Лелией.

Только к вечеру, когда новый лагерь был уже окончательно развернут, Сейна пришла в себя, и на этом дежурство Ливьен возле думателя автоматически закончилось. Но она тут же сама напросилась в команду заготовителей, которую Инталия сформировала в помощь поварам, — собирать нектар и пыльцу, искать орехи, плоды и ягоды, а возможно, даже, если повезет, поохотиться на съедобных рыжих муравьев. Это было интереснее, нежели бессмысленно прозябать в лагере, а по-настоящему устать она не успела.

Порхая от одного крупного цветка к другому и перекликаясь, чтобы не заблудиться, команда сборщиков углубилась в чащу. Время от времени то тут, то там раздавались выстрелы, но звуки эти не внушали тревоги: таким образом бабочки отгоняли назойливых птиц.

Поход обошелся без приключений. Котомки были наполнены, и команда вернулась в целости и сохранности. В принципе бабочки почти не нуждаются в пище. Питание — основное занятие гусеницы, ее удел и смысл существования. Бабочке же для поддержания жизнедеятельности достаточно слегка перекусить один раз в пять—семь дней. Но в период тяжелых физических нагрузок питание все же рекомендуется более интенсивное. И Инталия придерживалась этой рекомендации.

Поужинав, члены экспедиции разбрелись по палаткам. Но Ливьен не спала. Выждав около часа, она выбралась наружу, сложила крылья и, стараясь не шуметь, подползла к палатке Лелии. Полог палатки не был застегнут, Ливьен приподняла его и нырнула внутрь.

— Ли? — услышала она тихий голос хозяйки.

— Да, это я.

— Тебя не заметили?

— Нет.

— Хорошо. У нас с тобой меньше часа.

Это Ливьен знала и сама: через час сменится караул, и перед тем, как отправиться на отдых, освободившиеся часовые произведут обход, проверяя, все ли на месте. Если к этому времени она не вернется в палатку, начнется переполох.

Рука Лелии коснулась ее плеча, затем сползла вниз, нащупала ладонь и потянула к себе. Способность видеть в темноте с годами притупляется, а Лелия была далеко не молода.

— Сюда, ближе. Располагайся.

Ливьен присела возле Посвященной.

— Так вот, девочка, — заговорила та. — Прежде всего хочу объяснить, зачем я позвала тебя.

Ливьен хотела сказать, что догадывается о цели их встречи, но сдержалась. А Лелия продолжила:

— Ты молода и любознательна. Тебя удивляют странности нашего бытия, и ты еще не научилась не замечать их. Любознательность в нашем обществе не считается добродетелью и не поощряется, более того, она подавляется — прямо или косвенно. Но именно те, кто ухитряется сохранить в себе это качество, вхо-

дят в привилегированные слои. Гильдия Посвященных поручила мне подготовить себе замену — на случай, если я погибну. Посвященного враг постарается убрать прежде всего. В экспедиции должен быть кто-то, способный взять в этом случае управление в свои руки и довести дело до конца. И я сделала свой выбор. Я, маака Лелия из семьи Чара, выбрала тебя.

От неожиданности у Ливьен пересохло в горле.

— Но почему?.. Чем я заслужила?

— Хотя бы тем, — усмехнулась Лелия, — что не разучилась задавать глупые вопросы. Тайный обряд свершится прямо сейчас. Или ты против?

— Нет, — выдохнула Ливьен.

— Молодец. Я знала, что ты ответишь так. Обряд прост и рационален. Прежде всего я открою тебе тайны нашего народа. Почему мы воюем с дикарями. Почему мы воюем с народом махаон. Почему наши самцы общественно-пассивны и им не разрешается получать образование в верхнем ярусе. Кто такие думатели, и откуда они берутся... Это и многое другое. Но я не имею права давать тебе эту информацию, пока ты не получишь от меня живой Знак.

Лелия подняла руку, и оказалось, что она держит в ней диадему — точную копию той, что Ливьен носила с момента своего превращения из куколки в бабочку.

— А эту безделушку отдай мне.

Ливьен послушно сняла с головы украшение и протянула Лелии. Та, кивнув, приняла его, но, когда Ливьен попыталась взамен надеть на свою голову драгоценный дар Посвященной, та остановила ее словами:

— Подожди. Зажми камень в кулаке. Он еще не знал ничьего прикосновения, и тот, кто коснется его первым, навек станет его единственным владельцем.

Ливьен накрыла камень рукой, согнула пальцы и ощутила, как неожиданно возникшее в ладони тепло, подобно электрическому разряду, пробежало по всему ее телу. Длилось это долю секунды и было скорее приятно, чем наоборот.

— Достаточно. Отпусти, — скомандовала Посвященная.

Ливьен разжала кулак, и чистый бирюзовый свет выхватил из тьмы тронутое улыбкой понимания лицо Лелии.

— Отныне, — слегка щурясь, торжественно произнесла она, — только твоя рука, эксперт Ливьен из семьи Сигенонов, сможет оживлять его. Наклонись.

Ливьен склонила голову и совсем не кстати полюбопытствовала:

— Живой Камень — изобретение думателей?

— Ты неисправима, — терпеливо улыбнулась Лелия. Диадема легла на волосы Ливьен. — Вопросы в такой торжественный момент...

— Простите... — потупилась Ливьен.

— Но этим-то ты и нравишься мне. Да. Это изобретение думателей. Ты удивишься, если узнаешь, как давно они помогают нам. Даже бумагу и умение выплавлять из руд металлы подарили нашим предкам они.

Ливьен и вправду оторопела:

— А что же мы сами?.. Хоть что-то... — И сама перебила себя, испуганная догадкой: — А может быть, это не они нам служат, а мы им?..

— Похвальная свобода мышления, — заметила Лелия одобрительно. — Я убеждаюсь, что не ошиблась в тебе, девочка. Но с думателями дело обстоит не совсем так, как ты предположила. Все значительно сложнее. К этой проблеме мы вернемся позже. Будем последовательны. Слушай же и постарайся не перебивать. Полученный тобою живой Знак внешне ничем не отличается от обычного украшения. То, что Камень живой, не знает пока никто, кроме тебя и меня. Пока есть я, ты должна хранить эту тайну. Свечение Камня, кстати, не только отличает его от простого, но и действует на подкорку мозга бабочки — таким образом, что все происходящее в этот момент раз и навсегда врезается в ее память...

— Я несколько раз присутствовала при оживлении Камня и ни разу не ощущала, что мою волю подавляют...

На этот раз Лелия слегка рассердилась.

— Я этого и не говорила. Будь внимательнее! Свечение влияет лишь на память, и распоряжение, которое ты даешь в момент активации, может быть сколь угодно обширным; исполнитель его запомнит. Так, например, ты уже никогда не сможешь забыть этот наш разговор.

Свет Камня был теперь не таким интенсивным, как вначале, но еще окрашивал лицо Лелии бирюзой. И выражение его было торжественно-суровым:

— Итак, запомни. Если я умру, а вероятность этого обстоятельства достаточно велика, ты должна активировать Знак и взять управление в свои руки.

— Смогу ли я?

— Обязана, — отрезала Лелия. — Да это не так уж и сложно. Тебе не придется постоянно контролировать подчиненных и командовать ими, ты ведь видишь, я не занимаюсь этим. Твоя зада-

ча — знать, куда и зачем идет экспедиция, при необходимости отдавать распоряжения координатору и лишь в самых чрезвычайных ситуациях — прибегать к непосредственному руководству, активируя Камень.

Ливьен хотела возразить, что она не знает, какова цель экспедиции, но сдержалась. И правильно поступила, потому что именно об этом и продолжила Посвященная:

— Скажи, почему, проявляя любознательность по всем иным вопросам, ты никогда не спрашивала, куда и зачем мы идем? Тебе не кажется противоестественным, что никто из вас не знает этого?

— Это — военная тайна...

— О да. Но не для тебя отныне. Знай же: мы ищем Пещеру Хелоу.

Ливьен почувствовала, как кровь ударила ей в лицо. Сказанное Лелией было настоящим кощунством. Хелоу — бог махаонов, бог заклятых врагов маака, разрушающих их инкубаторы с несмышлеными гусеницами и куколками. Лишь за то, что маака — атеисты, не признающие Хелоу. Искать Пещеру Хелоу — значит поверить в его существование, предав тем самым идеалы своего народа. Даже произносить вслух это имя считалось у маака неприличным.

Нарочито ровным голосом Лелия продолжала:

— Ибо прежде всего мы должны понять, кто мы и откуда мы взялись...

То, что она говорила, было столь дико, что Ливьен, не зная, как вести себя, инстинктивно попыталась встать.

— Сиди! — властно произнесла Посвященная и крепче сжала ее ладонь. — И слушай. Затем ты теперь и носишь Знак, чтобы знать то, о чем другим запрещено даже думать.

Ливьен неохотно опустилась на циновку.

— Вопрос о том, существовал ли Хелоу на самом деле или нет, вовсе не причина, а лишь повод для войны. Причина — та же, по которой мы, не щадя, убиваем дикарей: мы и махаоны не можем ассимилировать, а значит, рано или поздно мир станет достоянием только одного вида. ТОЛЬКО ОДНОГО! — повторила она с нажимом. — Интерес же Совета, и прежде всего — НАШЕЙ Гильдии, — (Ливьен с трепетом осознала, что и она теперь — Посвященная), — к Пещере, которая, по некоторым данным, все же существует, носит отнюдь не абстрактно-академический, а жизненно важный военно-стратегический характер. Представляется вполне вероятным, что именно там, в Пещере...

В этот миг раздалось легкое шуршание, и полог палатки приподнялся. Лелия замолчала. Ливьен обернулась и увидела, что внутрь просунулась огромная мохнатая лапа.

Вскрикнув, Ливьен отскочила к противоположному краю палатки. Лелия подслеповато прищурилась:

— Что случилось, Ли? — встревоженно спросила она.

— Кот! По-моему, это лесной кот! Где у вас автомат?

— Вот он! — Лелия выдернула искровик откуда-то из-за спины и теперь держала его на вытянутой руке.

Лапа тем временем несколько раз суетливо ударила о пол, проскребла в нем когтями глубокие борозды и вновь выжидательно приподнялась.

Решившись, Ливьен упала на пол и, расслабив крылья, перекатилась обратно к Лелии. Лапа ударила о землю, промахнувшись буквально на миллиметр.

Ливьен выхватила автомат из руки Посвященной и дала очередь по кожистым подушечкам лапы.

— Мяу! — возмутился хищник, ткань палатки с треском лопнула и отлетела в сторону. Полосатая морда чудовища хитро оскалилась, и он с размаху стукнул Ливьен второй лапой.

Уже теряя сознание, она почувствовала, как острые зубы хватают ее за крылья. А последним, что зафиксировало ее меркнущее сознание, был жаркий запах зверя и ощущение, что ее куда-то стремительно влекут. И — стрельба по зверю ее товарищей.

2

Если в небе горит звезда, звезда,
То не ты ли зажег ее?
Если в сонном ручье вода, вода,
То не ты ли пролил ее?
Если ты задумал уйти совсем,
Не уйдет ли с тобой весь мир?

«Книга стабильности» махаон,
т. VI, песнь II; мнемотека
верхнего яруса

В первый и единственный раз до этого Ливьен наблюдала кота в верхнем ярусе инкубатора, на экскурсии по галерее фауны. Несмотря на огромные размеры, зверь показался ей удивительно грациозным и подвижным. Даже милым. Рядом с ним домашний

любимец бабочек, гигантский богомол, смотрелся бы медлительной и неказистой букашкой. Да он и был насекомым, не более того. Кот же был ТЕПЛОКРОВНЫМ, и именно поэтому к бабочкам был в какой-то степени ближе. Однако отсутствие крыльев — у него и у нескольких более мелких теплокровных (исключая, само собой, птиц), населяющих Землю (все они были грызунами) — казалось Ливьен патологией.

Совершенно бессмысленный с позиции рациональности, мохнатый, напоминающий гусеницу отросток сзади туловища указывал на то, что предки монстра все же летали: у птиц хвост имеет важное аэродинамическое значение. Но почему этот рудиментарный отросток не только не исчез вместе с крыльями, но и развился до неимоверной длины, казалось загадкой, точнее — просто капризом природы.

И все же там, в галерее, когда цельнослюдяные стены делали кота абсолютно безопасным для экскурсантов, Ливьен ловила себя на мысли, что не может не любоваться изяществом этого полного оптимизма животного. Сейчас же, очнувшись и увидев над собой склонившуюся кровожадную полосатую морду, она испытала приступ парализующего волю ужаса.

Похоже, кот уволок ее глубоко в чащу: слух Ливьен не улавливал ни выстрелов, ни каких-либо других звуков искусственного происхождения, а ведь в лагере сейчас должен царить форменный переполох.

Бабочка лежала на мягком мху. Без сознания она, по-видимому, была не долго, во всяком случае, сейчас все еще ночь. Боль нигде не ощущалась. Значит, она не ранена. Кот сидел перед ней и внимательно наблюдал. Она шевельнулась, и кот с обострившимся любопытством склонил голову набок.

Она перевернулась на живот и поползла. Но удавалось ей это недолго. Мягко, но мощно лапа кота придавила ее к земле и, подтянув на прежнее место, отпустила.

Ливьен быстро поднялась на ноги и побежала, расправляя на бегу крылья. Но взлететь не успела. Удар лапой повалил ее на землю. Кот встал, потянулся, сделал пару шагов к ней и, приблизившись, уселся вновь.

«Проклятый зверь! — чуть не плакала Ливьен от досады. — Он забавляется. Сейчас он сыт и будет так мучить меня, пока не проголодается, а я окончательно не выбьюсь из сил. А потом — сожрет».

Что же делать? Притвориться мертвой?

Ливьен замерла и закрыла глаза. Но кот был не так глуп. Он жаждал игр, и провести его было непросто. Вытянув лапу, он выпустил коготки и осторожно притронулся к ее бедру. От укола Ливьен дернулась... Притворяться дальше не было смысла, и она вскочила. Кот отреагировал неожиданно: он вдруг подпрыгнул и, встав на задние лапы, навис над ней всей своей тушей. В страхе она упала опять... Кот, мгновенно успокоившись, вновь уселся перед ней. Ливьен разрыдалась во весь голос. Было ясно, что живой из этой переделки ей не выбраться. Но пусть бы он убил ее сразу!

Кот придерживался иного мнения. Он в очередной раз осторожно подпихнул ее лапой, приглашая продолжить предсмертные игрища.

Слезы душили ее, но она была вынуждена встать и, пошатываясь, сделать несколько шагов. «Если бы знать, в какой стороне лагерь, — пронеслось в ее голове, — можно было бы так, «играя», понемногу приблизиться к нему...» Даже если бы это и не удалось, если бы это не спасло ее, появилась бы хоть какая-то надежда и цель... Но сориентироваться не получалось.

Драться? С такой махиной? Но, может быть, это хотя бы ускорит дело? Ливьен наклонилась, схватила замеченный под ногами обломок сухой ветки, двумя прыжками подскочила вплотную к зверю и, целя в глаз, с размаху ударила. Но попала чуть ниже — в щеку.

Кота такой поворот событий несказанно обрадовал. Он «испуганно» выгнул спину, шерсть его распушилась, пасть издала громкий шипящий звук... Но этот псевдоиспуг моментально перешел в баловство. Кот неожиданно упал, перевернулся на спину и, задрав морду, чтобы не потерять бабочку из виду, несколько раз поочередно то правой, то левой передними лапами легонько ударил ее по бокам. Относительно легонько. Ливьен не сумела удержать равновесия и в какой уже раз свалилась на землю.

И тут кот взвизгнул. В этом звуке уже не было игры. Ливьен удивленно подняла глаза. Кот снова стоял на ногах. Тряся головой, он старательно тер лапой нос, словно пытаясь избавиться от назойливого муравья. Нет, не от муравья, а от вонзившейся в плоть стрелы. Стрелы дикарского лука!

Ливьен огляделась, но никого не увидела.

Раздался упругий свист, и еще две стрелы угодили в цель: одна — рядом с первой, другая застряла в кончике кошачьего уха, пробив его насквозь.

Кот обиженно мяукнул и, потеряв всякий интерес к Ливьен, грациозными прыжками умчался в чащу. Но облегченно вздох-

нуть она не успела. Слетая с травянистых листьев папоротника, к ней высыпало не меньше двух десятков вооруженных луками диких бабочек-ураний. Все они были самцами. Их одежду составляли лишь набедренные повязки из свежих цветочных лепестков, тела были покрыты черными и фиолетовыми разводами боевой раскраски.

Сложив крылья и бесшумно, как водомеры по озерной глади, скользя по мху, они окружили Ливьен.

Обессиленная, она сумела подняться только на колени и стала поспешно поправлять одежду. Но это не очень-то удавалось ей: ударяя, кот зацепил когтями воротник форменной шелковой блузы, и все ее левое плечо было теперь оголено, а вместе с ним наружу стремилась и маленькая упругая грудь.

Все так же беззвучно кольцо дикарей, убедившихся, что цивилизованная самка безоружна, подтянулось к центру, и множество рук и спереди, и сзади принялись ощупывать ее, стягивать с нее лохмотья. Глаза самцов горели вожделением, а лепестки их набедренных повязок не скрывали эрекции.

Душевных и физических сил Ливьен хватило лишь на то, чтобы, стоя на коленях и обхватив себя за плечи, дергаться и не позволять дикарям касаться груди.

Еще не успели на ее лице высохнуть слезы отчаяния, вызванные издевательством кота, как хлынули новые — слезы унижения и страха перед насилием. Но мало-помалу ее душу стала наполнять ярость.

«Грязные похотливые тараканы», — прошептала она. И придумать ругательство обиднее было, пожалуй, трудно: регулярные наплывы тараканьего племени — бич Города маака. Непрошеные гости не кусались, не являлись разносчиками инфекций и не были слишком уж прожорливы. Но они были ПРОТИВНЫ. Противны, огромны и ужасно плодовиты. Еще вчера твое гнездо принадлежало только тебе, и вдруг за одну ночь его оккупировала толпа невесть откуда взявшихся тварей высотой по щиколотку и такой силы, что, не будь они пугливы и осторожны, они вполне могли бы сбить тебя с ног. Они везде бесцеремонно суют свои грязные усы, они топчутся по обеденной подстилке, переворачивая посуду... Ночью, когда ты спишь, они могут даже пройти по тебе, того и не заметив; или наоборот — выясняя, съедобна ли ты, усами и лапками тебя ощупывать... Точно так же, как сейчас эти дикари. Мерзость! Тараканов следует уничтожать!

Ливьен вскочила на ноги и, сжав кулаки, оглядела трусливо отпрянувших самцов.

— Ну, давайте, давайте, подходите, тараканы! — взвизгнула она, крутанулась всем телом в махаонском боевом приеме и ударила пяткой в челюсть ближайшего дикаря. Затем расправила крылья для полета — пусть уж они лучше расстреляют ее своими стрелами...

Но не тут-то было. Левое крыло оказалось поврежденным. Да будь оно и целым, взлететь ей не удалось бы все равно: жадные руки самцов уже ухватились за края ее крыльев, и теперь она не могла даже повернуться, чтобы ударить кого-нибудь еще. Она сделала несколько попыток, но лишь ощутила боль в местах срастания крыльев с телом, и при каждом рывке боль эта усиливалась.

За исключением вопля Ливьен, вся эта сцена проходила в полной тишине. Но тут ее нарушил чей-то гортанный окрик. Дикари отпустили Ливьен и неохотно расступились. И перед ней предстал самец неожиданного вида: если бы не дикарская одежда и краска на теле, она была бы уверена, что перед ней — маака. Ни расцветкой, ни формой крыльев он ничем не отличался от горожанина. Единственным отличием было более мощное телосложение.

Бросив толпе несколько слов на их тарабарском языке, он в упор посмотрел в лицо Ливьен пронзительным взглядом небесно-голубых глаз и обратился к ней на неожиданно сносном языке маака:

— Не бойся. Не убивать. Будешь жена Рамбая, — и ударил при этом себя в грудь.

Ливьен пораженно молчала, а самец, удовлетворенно хмыкнув, взял ее за руку и потянул к себе. Но ей удалось выдернуть пальцы из его ладони и на шаг отступить. Окружавшие их дикари неожиданно громко загоготали.

Ливьен ожидала увидеть на лице своего самозваного жениха злобное недовольство, но вместо этого обнаружила лишь удивление и тень обиды.

— Рамбай, — ткнул он себя пальцем в грудь, — хороший муж. Зачем не хочешь? Некрасивый?

В душе Ливьен вынуждена была признать, что самец действительно красив. Но что из того?

— Я — самка, — ответила она мягко, стараясь не злить дикаря. — И я сама должна выбирать себе мужа.

— У вас так? — опять удивился Рамбай. Но тут же успокоился. — У нас не так. Ты — у нас. Пойдем. — И, снова ухватив сраженную его железной логикой Ливьен за запястье, повлек в чащу трав.

Прихрамывая, она потащилась за своим «спасителем». Толпа недовольно гудела. Но Рамбай, не обращая на это внимания, продолжал говорить:

— У нас так. Самец выбирает. Я — самец. Своих жен выбирал сам. Всегда.

Ливьен передернуло. К тому же еще и многоженство.

Тем временем ее спутник сделал какое-то неуловимое движение, и в его свободной руке появилась стрела, точно такая же, как те, что отогнали кота. Он что-то сердито проворчал, переломил стрелу пополам и бросил обломки под ноги. Ливьен не сразу поняла, что произошло. А когда гоняла, поразилась: он на лету поймал стрелу, посланную кем-то ему в спину! Его поистине дикарские слух и ловкость еще раз указали ей на разделяющую их пропасть.

Через несколько секунд стая ураний пролетела над их головами, и Ливьен сообразила, что они с Рамбаем двигаются пешком только потому, что он заметил повреждение ее крыла.

— Зачем тебе жена маака? — первой нарушила она наступившее молчание и, преодолев смущение, обосновала свой риторический вопрос: — Я не смогу продолжить твой род.

— Сможешь! — радостно сообщил он, остановившись, и поощрительно улыбнулся, вводя Ливьен в краску. — Сможешь, сможешь. Меня воспитало племя. Но мои родители жили в Городе.

Вот оно что. Ливьен слышала о случаях, когда заблудившуюся в лесу молодую бабочку маака подбирали и воспитывали дикари. Но она слышала также, что найденыш при этом так никогда и не становился полноправным членом племени, был всячески угнетаем и унижаем. Что с этим самцом дело обстоит совсем не так, тут же подтвердил он сам, говоря без гордости, а как бы просто констатируя факты:

— Рамбай — самый меткий и самый сильный, самый смелый и самый хитрый. Рамбай давно бы стал вождем, если бы имел потомство. Все мои жены были бесплодными, потому что я — маака. Роди мне несколько личинок, и я отпущу тебя. Если захочешь. Лучше — если не захочешь, — добавил он, а затем спросил: — Имя твое как?

— Ливьен.

— Ливьен, — повторил он, задумчиво улыбаясь. — Ливьен красивая. — И вдруг беззастенчиво погладил ее неприкрытую грудь. У нее перехватило дыхание.

— А если ты мне не нравишься?! — выдавила она.

— Будешь жить со мной, пока не понравлюсь. Рамбаю нужна жена, а не рабыня.

И он повлек ее дальше.

Этот дикарь не только хорош собой, но не лишен и своеобразного благородства, отметила она про себя. Однако в контексте его притязаний выказывать свою симпатию решила не спешить.

Наконец-то стало возможным определить хотя бы время: чуть забрезжил рассвет. Рамбай вновь остановился.

— Здесь дом, — объявил он.

Ливьен огляделась, но не заметила ничего похожего на жилище.

— Мы живем в дуплах. — Он указал вверх, в направлении кроны огромного дерева.

— Я взлететь не смогу, — напомнила Ливьен.

— Держись. — Рамбай подал ей ладонь, подведя вплотную к испещренному трещинами стволу.

Казалось, целую вечность карабкалась она, держась одной рукой за руку порхающего Рамбая и помогая себе здоровым крылом. Наконец они добрались до края дупла, и она, обессиленная, рухнула на пол.

— Мое гнездо — твое гнездо, — приложив руку ко лбу, произнес дикарь, по-видимому, ритуальную формулу гостеприимства, затем демонстративно отвязал от пояса шнур с остро заточенным куском кости и воткнул его в стену.

Его жилище оказалось на удивление просторным и уютным. Оно не было поделено, как городские гнезда маака, на секции; это была одна, почти абсолютно округлая комната без четких переходов между полом, стенами и потолком. Переходы были тем паче незаметны, что все поверхности были оклеены толстым слоем мягкого ворса янтарного цвета. Здесь не было ни мебели, ни какой-либо утвари; только четыре лука и множество стрел, сложенных пирамидой, стояли посередине.

Ливьен неуверенно присела на пол, и Рамбай сейчас же улегся на ворс возле нее, сладко потянулся и, уже закрыв глаза, пробормотал:

— Будем жить хорошо.

Он заснул мгновенно.

Ливьен внимательно вгляделась в безмятежное лицо.

Да, он был красив. Ее слегка отталкивали волевые черты, столь не характерные для смиренных домашних самцов маака. Но, несмотря на противоестественность, это же, как ни странно, было и по-своему привлекательно.

Почему он не боится, что она убежит? Понимает, что с поврежденным крылом она слишком беспомощна? И по той же причине не страшится, что она просто убьет его, воспользовавшись его же оружием? Или самки его племени так забиты и безвольны, что и от нее он не ожидает никакой инициативы? Или просто сам он столь прямодушен, что и представить не может такого коварства?

Она легонько коснулась его предплечья. Таких упругих, словно налитых свинцом, мышц она не видела еще никогда. Мелькнула мысль, что с таким покровителем она будет в полной безопасности. Но Ливьен тут же одернула себя: стать наложницей дикаря?! Ни за что!

А дикаря ли? Она задумалась.

Несмотря на все трудности сегодняшнего дня, сон не мог пересилить ее возбуждения. Когда Рамбай открыл глаза, Ливьен все в той же позе сидела перед ним. Сразу, только заметив, что он проснулся, спросила:

— Откуда ты знаешь язык маака?

— Меня учила мама, — ответил он и сел.

— В Городе?

— Нет, в лесу. Вот она. — Он сунул руку в незаметную щель под ворсом пола и, бережно достав оттуда кусок высохшей светлой коры, подал его Ливьен. На коре чем-то черным неумело и схематично был нацарапан контур фигуры бабочки.

— Мама была красивая самка, — полувопросительно сказал он, явно ожидая от Ливьен подтверждения.

Но на нее рисунок впечатления не произвел, и она вернула его с неопределенным кивком.

Рамбай благоговейно коснулся коры губами и запихал ее обратно в щель.

— А как вы здесь оказались?

— Мама убежала из Города. И принесла сюда меня. Рамбай был еще личинкой.

— Почему ты называешь себя то «я», то «Рамбай»?

— Потому что я — Рамбай. — Он для убедительности выпучил глаза и пошлепал себя ладонью по груди. Но потом честно признался: — Рамбай не понял твой вопрос.

— У нас о себе всегда говорят «я», — попыталась объяснить Ливьен, — и никогда не называют себя по имени.

— А-а, — понимающе кивнул он. — В языке маака есть слово «я», в языке племени — нет.

Ясно: дикари не пользуются личными местоимениями, вот он и сбивается на их лексику.

— А почему твоя мама сбежала в лес? Она нарушила закон и боялась наказания?

— Нет, мама была хорошая. Она... как объяснить?.. — Он в затруднении скривил губы. — Рамбай помнит, что она говорила, но не понимает... — Он беспомощно развел руками.

— А что она говорила?

— Что не хотела, чтобы из Рамбая сделали думателя.

— Что? — сказанное им не укладывалось в ее голове.

— Мама говорила, что слишком любила меня. И не хотела, чтобы из меня сделали думателя, — повторил он. — Рамбай не знает, что это значит. А это у тебя что? — Он коснулся рукой ее диадемы.

— Так, — уклончиво покачала она головой. В конце концов это — единственная связь с цивилизованным миром, которая осталась в ее распоряжении. — Украшение.

Слова Рамбая о думателе повергли ее в шок. Ведь они проливали свет на многое и переворачивали все ее представления о совершенстве общественных порядков маака.

3

Всякий был недоволен соседом своим
И покинул свое гнездо.
Но в другом лесу все вместе опять.
Разве кто-то мечтал о том?
Только ты одна осталась, о Мать.
Только ты и ушла притом.

«Книга стабильности» махаон,
т. II, песнь XI; мнемотека
верхнего яруса

На первый взгляд, из того, что Ливьен узнала из беседы с Рамбаем, уклад жизни племени ураний показался ей простым и бесхитростным. Взрослые самки занимались хозяйством и учили тому же молодых, самцы — охотились, параллельно также занимаясь обучением. Самец имел столько жен, сколько хотел и мог прокормить.

Первые часы, проведенные в гнезде Рамбая, она была так обеспокоена взаимоотношениями с ним, что многое пропускала мимо ушей. Но очень скоро и словами, и поведением он сумел убедить ее, что форсировать события не собирается. И она с об-

легчением предалась расспросам. Чем больше она узнавала, тем яснее ей становилось, что все не так просто.

Такими ли уж «угнетенными» были самки племени, если по его законам могли воспользоваться правом «развода»? Именно самка, прожив с самцом, который ее выбрал, обязательный срок — один детородный сезон, — могла в любой момент безнаказанно уйти от него. Не отпустить или преследовать ее — преступление, наказуемое изгнанием самца из племени. Ушедшую от мужа самку мог взять в жены любой другой самец, и она должна была подчиниться — опять минимум на один сезон.

Самец же, взяв жену, уже не мог без ее согласия отказаться от нее. Как бы ни был он ею недоволен, он должен был содержать и терпеть ее столько, сколько она пожелает. Если же он, пытаясь спровоцировать самку на уход, начинал дурно с ней обращаться, по повелению вождя он наказывался — сперва публичным сечением, повторно — подрезанием крыльев, а в третий раз — смертью...

Верховная власть в племени принадлежала вождю. Такая ли уж эта власть неограниченная, если вождь остается на своем посту лишь до тех пор, пока превосходит всех прочих самцов в силе, ловкости и плодовитости? (Отсюда, кстати, желание Рамбая во что бы то ни стало иметь потомство.)

Если учесть, что Ливьен не имела информации, кто конкретно правит ее Городом, дикарская «диктатура вождя» показалась ей, пожалуй, даже «демократичнее», чем форма правления ее собственного народа.

Первым делом Рамбай слетал куда-то и, принеся сосуд из ореховой скорлупы, залил трещину на крыле Ливьен его содержимым — тягучим соком каучука. Сок быстро затвердел, и теперь она снова могла летать, но не могла сложить крылья, что было довольно неудобно. В Городе ее вылечили бы более эффективно, но секретом искусственной регенерации дикари пока не владели. Однако со временем крыло срастется и само.

Затем Рамбай дал ей костяную иглу с буроватой грубой нитью клещевинного шелкопряда, и Ливьен кое-как починила обмундирование.

Вернув ей способность летать, Рамбай вновь не предпринял никаких серьезных мер, которые могли бы предотвратить ее побег. Он только попросил ее произнести вслух: «Ливьен никогда не покинет тебя, Рамбай, без твоего разрешения». Глупо? Как сказать. Произнеся эту фразу, она поняла, что действительно никогда не нарушит эту клятву.

Урании в отличие от цивилизованных бабочек ведут ночной образ жизни. Потому еще Рамбай так обрадовался встрече с Ливьен, что именно нынешней ночью должен был состояться ежесезонный Праздник Соития, а он уже отчаялся найти самку, способную понести от него. Именно сегодня ночью Рамбай собрался вести Ливьен к Большому Костру, чтобы представить ее вождю и публично объявить своей женой. Он сообщил ей об этом до обидного легко, как о решенном деле, но Ливьен, зная теперь его удивительно добродушный нрав, решила не упорствовать. Только уточнила:

— Я правильно поняла: то, что я официально буду названа твоей женой, ни к чему меня не обязывает?

Рамбай поуточнял значения слов «официально» и «обязывает», а потом подтвердил:

— Ты должна будешь сезон прожить в моем гнезде. А позволишь ли ты мне оплодотворить себя, зависит от твоей воли.

Натурализм его ответа слегка покоробил ее, но само положение вполне устраивало. В конце концов она была спасена от гибели в пасти кота и от изнасилования, и капризничать в ее положении было по меньшей мере некорректно. Она только спросила полуутвердительно:

— У тебя уже были жены?

— Да. Сначала — три, и потом, когда они ушли, еще одна... самка. И больше Рамбай никого не приводил в гнездо.

— Почему они уходили?

Рамбай нахмурился, но, помолчав, ответил:

— Они не могли зачать от моего семени. Я еще не понимал этого и, достигнув зрелости, взял сразу трех жен. Я мог прокормить их. Рамбай — лучший охотник.

Настроение у него явно испортилось, и Ливьен пожурила себя за бестактность. Но любопытство опять пересилило:

— Зачем же ты взял потом еще одну?

Он отвечал неохотно:

— Вайла была самой красивой девушкой племени. Она целый сезон тайно приходила ко мне и просила взять ее. Она хотела в мужья только Рамбая. Другие самцы знали это и не брали ее: она была бы им плохой женой. Вайла плакала и говорила, что сможет зачать от меня. Она очень этого хотела. Но этого не случилось.

Рамбай замолчал, отвернулся и уставился в стену. Ливьен прикусила язык. Ей очень хотелось узнать, куда же делась красавица Вайла, но она удержалась и не стала бередить явно не зажившую еще рану.

Конечно же, она не собиралась прозябать здесь весь «детородный сезон». План ее был таков: пожить тут еще два-три дня,

укрепить свою дружбу с Рамбаем, а затем — уговорить его отправиться вместе с ней на поиски экспедиционного каравана (справиться с этой задачей в одиночку она вряд ли смогла бы).

Такой поворот был тем более вероятным, что не только она расспрашивала Рамбая, но и он проявил живейший интерес к «Городу мамы». Ливьен рассказывала ему о хитинопластовых тоннелях улиц, переполненных весельем и случайными встречами, где для полета даже не нужно двигать крыльями, а следует лишь подняться к потолку, и поток искусственного ветра сам донесет тебя туда, куда нужно. Рассказывала о сферических парфюм-галереях, где сливки общества предавались наслаждению дегустации самых утонченных ароматов. Рассказывала и об инкубаторах, в которых не гибнет ни одна личинка, проходя путь от гусеницы и куколки до полноценной бабочки...

Правда, все это она и сама помнила уже не слишком хорошо, все это относилось к довоенному времени. И она рассказывала ему о сейсмических, электростатических и термитных минах махаонов, о нашествиях зараженных бешенством лесных клопов, об искровых автоматах и о кладбищах личинок...

Глаза Рамбая вспыхивали то восхищением, то бешенством. Она была уверена, что рано или поздно сумеет уговорить его отправиться с ней.

Наступила ночь.

Ливьен и Рамбай выпорхнули из дупла и полетели на еле уловимый запах Большого Костра. Впервые ночью в лесу Ливьен была без оружия и вне группы горожан-коллег. И, как ни странно, именно это заставило ее почувствовать, что лес — не враждебное и непонятное ей существо, а скорее, наоборот, — добрая мать, давно забытая дочерью, но всегда готовая принять ее.

Луна двигалась вместе с ними, и Ливьен отчетливо слышала, как то тут, то там падали на землю спелые плоды и сухие ветки, слышала, как цикады оглашают чащу золотистым звоном, и даже раздающийся время от времени крик неизвестной птицы казался не угрожающим, как обычно, а напротив — приветливым и радостным...

Может быть, так ей кажется оттого, что рядом с ней Рамбай, и исходящее от него ощущение силы, надежности и спокойствия так не походит на вечную настороженность ее соплеменниц, стократно усиливающуюся в лесу?

Где-то в направлении их полета все яснее слышалось ласковое журчание ручья. Так и должно быть — поселение не могло расположиться слишком далеко от водоема.

Вскоре между стволами мелькнул свет, а еще через несколько минут они вылетели к поляне с костром. И глазам Ливьен предстало живописнейшее зрелище. Точнее — действо, ведь составляющими его являлись не только зримые образы, но и звуки, и запахи.

Ритмичная пульсация низкого, на пределе слышимости, но мощного гула создавалась ударами копий воинов о натянутые меж деревьев толстые флуоновые паутины-струны. В такт им, искрясь, менялся цвет пламени огромного костра. Рамбай уже рассказал Ливьен о механизме этого чуда: костер выложен слоями специально подобранных горючих веществ, и слои эти имеют такую, точно рассчитанную, толщину, что скорость их сгорания соответствует ритму музыки. Так же ритмично менялись и запахи: слои были пропитаны благовониями.

Над костром в неистовом воздушном танце кружилось не менее пятидесяти обнаженных самок-девственниц, крылья которых, покрытые серебряной пыльцой, отражая огненные блики, создавали в полутьме калейдоскоп из быстро сменяющих друг друга геометрических орнаментов.

Темп волшебного танца и ударов по струнам нарастал. Ливьен, уже усевшаяся вместе с Рамбаем на ветку ближайшего к костру дерева, онемела от восторга.

Внезапно на ее слух со всех сторон обрушилась волна гортанных и в то же время мелодичных выкриков. Она огляделась. Деревья были усыпаны бабочками. Это были пары или группки — самец и две или несколько самок. И все они пели.

Пел и Рамбай, воздев руки и ритмично раскачиваясь из стороны в сторону. И Ливьен тоже захотелось включиться в этот хор, влить свой голос в раскатистый гармоничный поток... Но она не знала слов, не знала языка, на котором пелся этот гимн вечности жизни. (Так интуитивно она определила смысл этого песнопения.)

Оно прекратилось так же неожиданно, как и началось. Хоровод танцующих рассыпался, и в тот же миг из Костра в звездное небо фонтаном искр ударил разноцветный фейерверк. Гигантская лилия расцвела и опала. Костер горел теперь ровным желтым пламенем, а над ним зависло странное сооружение. На небольшой прозрачной площадке из паутины возлежал стройный мускулистый самец с головой, украшенной высоким башнеобразным убором. Нетрудно было догадаться, что это и есть вождь племени. Десятки нитей, словно спицы от оси, тянулись от его ложа к держащим их, порхающим в некотором отдалении, воинам.

В прерываемой лишь потрескиванием костра и журчанием ручья тишине вождь негромко произнес отрывистую фразу. Подданные нестройным хором ответили ему. Вождь вновь что-то коротко произнес, и с ветки одного из деревьев слетела пара бабочек — самец и самка.

Приблизившись к вождю, они зависли на расстоянии нескольких шагов от него. Вождь то ли проговорил, то ли пропел несколько фраз.

— Что он говорит? — шепотом спросила Ливьен.

— Рассказывает им, кто они, — шепнул Рамбай в ответ.

— Не поняла...

— Рассказывает им об их прошлой жизни, и теперь все сказанное станет их точным прошлым.

Ливьен не поняла все равно. Единственное разумное предположение: этот обряд — аналог уточнения анкетных данных перед регистрацией брака у горожан. Да, пожалуй, так.

Вождь закончил, самец-жених что-то ответил ему.

— Сказал, что все верно, — не дожидаясь вопроса, шепнул Рамбай.

Ливьен молча кивнула.

Вновь заговорил вождь.

— А теперь?

— Рассказывает им их будущую жизнь.

Предсказание? Или просто напутствие?

Вождь замолчал. Неожиданно самец и самка сложили крылья, быстро взялись за руки и рухнули вниз. У Ливьен перехватило дыхание. Но примерно в метре от вершины языков пламени бабочки отпустили друг друга и, взмыв вверх, полетели к своему дереву. Зрители загомонили, но тут же притихли: следующая пара уже порхала возле вождя.

Много раз повторялась одна и та же процедура. Вождь называл имя и к нему подлетал жених с одной или несколькими невестами. Брачующиеся выслушивали наставления и, совершив ритуальное падение к Костру, возвращались на свое место.

— Как он может упомнить их всех, да еще и подробности их жизни? — поразилась Ливьен.

— Не помнит, — пояснил Рамбай. — Советуется со жрецами, и они говорят ему все, что знают.

— Где они? — не поняла Ливьен.

— Они держат носилки. А слова передают по нитям.

Это было невероятно, но не верить Ливьен не имела никаких оснований. Возможно, дикари владеют каким-то особым языком, передающимся подрагиваниями нити?

Уже несколько десятков самцов представили вождю своих избранниц. И вот очередная пара падает вниз... Но что это?! Они не отпустили руки друг друга и упали прямо в огонь!

Толпа взревела. Ливьен в ужасе закрыла лицо руками.

— Вождь сказал, что не дает им права быть мужем и женой, — спокойно сказал Рамбай. — Самка была неправильная, и у нее могли быть неправильные личинки.

«Искусственный отбор — вот что это такое, — догадалась Ливьен, — уничтожение генетических отклонений».

— И он приказал им умереть?

— Нет. Они могли бы отказаться друг от друга и разлететься в разные стороны. Но они не захотели этого.

— Почему?

— Одиночество для самки — позор.

Как это страшно и красиво.

— Быть одной — позор? — уточнила Ливьен.

— Да, если тебя уже пытались взять в жены.

Закусив губу, она покачала головой. Потом спросила:

— Но почему она не убила себя одна?

Рамбай посмотрел на нее, словно жалея. Как смотрят на тяжелобольных.

— Как он мог жить без нее, если он ее выбрал?

С момента гибели несчастных влюбленных еще несколько самцов получили разрешение на брак. Но Ливьен все никак не могла смириться с увиденным.

— И он что, не знал, что она «неправильная»?

— Знал. Но не всем неправильным отказывают в браке. Это определяют жрецы. Он надеялся.

Три бабочки — самец и две самки, — взявшись за руки, рухнули в Костер. Ливьен не стала уточнять причину этого поступка. Но Рамбай сам шепнул ей объяснение:

— Неправильный был самец. Он отпускал их, но они не захотели позора.

«Какая дикость, — подумала Ливьен, понимая теперь, почему урании называют себя «эйни-али» — «дети любви». — Какая прекрасная дикость!»

Примерно через час вождь произнес:

— Рамбай.

Кивнув Ливьен, тот устремился к центру. Она с замиранием сердца последовала за ним. А если разрешения не будет? Неужели и она по своей воле сожжет себя?

Вождь говорил. Рамбай отвечал. Вождь говорил снова. До сих пор Ливьен видела только два исхода: разрешение на брак или

самоубийство. Волнуясь, но рассуждая трезво, она пришла к выводу, что второй вариант маловероятен, ведь Рамбай уже был женат, значит, раньше ему уже давали это разрешение, и принадлежность к иному виду не является для жрецов патологией, которую следует уничтожать. Возможно, потому, что она не могла передаваться по наследству, ведь жены Рамбая не могли забеременеть от него...

И тут Ливьен испугалась. Теперь, когда Рамбай нашел невесту-маака, его «патология» МОЖЕТ передаваться...

Она потеряла способность мыслить и тупо разглядывала вождя. Он был даже моложе Рамбая. Чуть ниже среднего роста самца маака, но одновременно и мощнее, и утонченнее. Уже привычные теперь ее глазу коричневые пятна внизу крыльев не казались ей уродством, а тонкие стрелки по краям были похожи на диковинные украшения. Все-таки урании — красивая раса.

С Рамбаем вождь разговаривал значительно дольше, чем с другими женихами. Или ей это только кажется? И тут произошло неожиданное. Рамбай не сложил крылья и не повлек Ливьен, как она ожидала, вниз, к пламени костра. Он просто шепнул ей: «Пошли», развернулся и полетел прочь — не к тому дереву, на котором они сидели до этого, а мимо, в чащу.

— Что случилось? — осторожно спросила Ливьен, когда они были уже далеко от Костра.

— Рамбая изгнали из племени, — ответил он с нескрываемой горечью.

— Из-за меня?

— Нет. Но пока не было тебя, Рамбай не был чужим, потому что не был опасным. Был просто бесплодным самцом. А ты можешь дать мне потомство. Но это будут не урании, а маака. Племя внутри племени.

— Ты мог бы остаться, улетела бы я одна.

— Отказаться от выбранной невесты — позор. К тому же Рамбай не хочет отказываться от Ливьен.

Она не знала, радоваться ей или огорчаться. Жалеть Рамбая или он не нуждается в жалости?

— Ты не ожидал, что может так получиться? — спросила она, когда они уже уселись на мягкий ворсистый пол гнезда, и непроизвольно погладила его жесткие светлые волосы.

— Нет. Не ожидал. Законы племени имеют несколько слоев. Рядовой воин знает только верхний слой, а в нем сказано: бесплодный не может быть вождем. Жрецы знают все слои... Мы должны покинуть земли ураний до восхода солнца.

Тут только Ливьен заметила, что она плачет. Почему? Ведь все складывается даже лучше, чем она могла надеяться. Она придвинулась ближе и без смущения стала целовать его лицо. Самки маака не стесняются проявлять свои чувства.

Рамбай со страстью ответил на ее поцелуи. Но внезапно отстранился.

— Это слезы? — спросил он. — Тебе жалко меня? Не нужно. Рамбай теряет свое племя, и это больно. Но Рамбай перестал быть уродом. Вождь, перед тем как изгнал меня, объявил нас мужем и женой.

Ливьен даже засмеялась от неожиданности. Как странно он все-таки рассуждает! Закон признал его чужаком, а он радуется, что этот закон поженил их.

А может, это правильно?

Рамбай почему-то засмеялся тоже и добавил, словно читая ее мысли:

— У племени больше нет Рамбая, а у Рамбая нет племени. Но у меня есть ты, а у племени тебя нет. Кто выиграл?

— Ты, — продолжая смеяться, ответила она.

— И Ливьен сможет продолжить мой род, ведь это главное?

— Да-да, я смогу, — улыбаясь, ответила она и неожиданно почувствовала себя счастливой. — Я смогу, — повторила она, торопливо расстегивая блузу. — Прямо сейчас. Я буду очень стараться. А ты?

— ...Вставай, жена моя, — услышала она сквозь сон. — Скоро взойдет солнце, и нас убьют.

Милая перспектива. Она села. Торопливо прикрыла нагую грудь ладонями, но тут же вспомнила все. Да, теперь уже довольно глупо прятать себя от него. Жена дикаря... Нечто в этом роде пророчила ей наставница верхнего яруса, пытаясь укротить ее слишком независимый и непоседливый нрав...

— Ты проснулась, о радость моих чресел? — присел Рамбай перед ней на корточки. — Поспеши.

Обращение было более чем сомнительным. Но ласковым. А учитывая, что речь идет о жизни и смерти, Рамбай, пожалуй, даже слишком мягок и неспешен.

Она вскочила и быстро оделась.

— Куда летим?

— Весь лес вне племени для меня одинаков, — довольно грустно заметил он. Но Ливьен сделала вид, что интонации не заметила, ведь только это ей и нужно было.

— Тогда — в наш лагерь. Ты сможешь его найти?

— А нужно ли нам искать его? — не двинувшись с места, спросил он. — Рамбай чужой там. Не лучше ли уединиться в чаще, оборудовать гнездо и отложить там тысячу личинок? Мы воспитаем новое племя — сильное, как я, и умное, как ты, о узор моих крыльев, Ливьен.

«Ну что за олух! Впасть в лирику в такой неподходящий момент!»

— Скажи, возлюбленная жена моя, — продолжал он, — с именем, певучим, как голос ручья. Скажи мне, Ливьен, не зачала ли ты еще?

— Я так быстро определять не умею! — огрызнулась она. Но тут же прикусила язык. Потому что Рамбай, разочарованно подняв брови, заметил:

— Да? А самки ураний — умеют...

— Ладно, научусь, — махнула она рукой. — Летим к нам. Я обещаю, тебя примут. — Она была далеко не уверена в своих словах, но необходимость заставляла хитрить. В конце концов, пока они летят, она что-нибудь придумает. — Главное — найти дорогу.

— Нет такой дороги, которую не нашел бы следопыт Рамбай, — заявил он.

— Тогда — в путь.

И они вылетели навстречу солнцу.

4

Белая, белая, белая смерть,
Пух — невесомей, чем сны.
Как-то Охотник решил посмотреть:
Мифы Пещеры — верны?
И он долетел. Но прежде — ослеп.
А убил его свет луны.

«Книга стабильности» махаон,
т. III, песнь X; мнемотека
верхнего яруса

— Ты уверен, что мы движемся ТУДА? — спросила Ливьен минут через двадцать полета.

— А ты уверена, что нам нужно ТУДА?

— Да. — Ливьен едва сдержала раздражение.

Рамбай покосился на нее. Вид у него был слегка виноватый.

— Тогда так, — сказал он и под прямым углом повернул направо.

Ливьен принялась про себя ругать его самыми грязными словами, какие только знала в языках маака и махаон. (Кроме этих ругательств, на языке противника она не знала больше ни единого слова.)

Через некоторое время Рамбай вновь резко повернул направо.

— Стоп, — скомандовала Ливьен. Но он продолжал лететь, словно и не слыша ее.

Ливьен отстала и опустилась на свисавшую с дерева петлю лианы.

Пролетев метров пятнадцать в одиночестве, Рамбай заложил вираж и, вернувшись, сел рядом, демонстративно не глядя в ее сторону.

С минуту они молчали. Самец не выдержал первым:

— Жена не должна перечить мужу, — заявил он.

— Это у вас. А у нас муж не должен перечить жене.

— Нас соединил закон НАШЕГО племени, — напомнил он.

— Твое племя нас выгнало, и мы летим в мое, — парировала Ливьен.

— Рамбай не станет рабом самки! Запомни это! — В сердцах он ударил кулаком по лиане, и Ливьен чуть не свалилась с нее. Это ее окончательно взбесило. Вот и началась счастливая семейная жизнь.

— Никчемный дикарь! — заорала она. — Ты — маака, понимаешь, маака! Ты летишь ДОМОЙ и боишься признать это! Морочишь мне голову, рыскаешь туда и обратно! Но если ты не приведешь меня в лагерь, я улечу одна. Понял?! Трус проклятый.

Он наконец обернулся к ней. Его лицо, казалось, окаменело:

— Я ничего не боюсь. Но я не умею искать при свете. Днем я плохо вижу и почти не чувствую запахов.

И отвернулся снова.

Лишь теперь Ливьен вспомнила, что урании — бабочки ночные. Хотя Рамбай и маака, но он всю жизнь прожил в режиме ураний, и, по-видимому, его органы чувств адаптировались...

— Что ж ты не сказал сразу? — смягчилась она. — Давай найдем место, где мы сможем переждать день, а с заходом солнца двинемся дальше. Отдохни.

Рамбай мрачно покосился на нее:

— Ты мне разрешаешь?.. — В его голосе слышались язвительные нотки.

«Ну надо же, — изумилась Ливьен, — мы еще и чувство юмора имеем...»

— О мой повелитель, — отозвалась она смиренно, — разве я могу разрешать или не разрешать тебе? Я пекусь единственно о твоем благе, и мне кажется, тебе было бы полезно немного поспать.

Рамбай озадаченно помолчал. Лицо его отчетливо отражало напряженную работу мысли.

— Ладно, — прекратил он тщетные попытки разобраться в значении ее интонаций. — Я тут приметил одно подходящее дупло. — Он помедлил, испытующе глянул ей в лицо и, не удержавшись, добавил: — Рамбай наблюдательный.

— Самый наблюдательный, — поправила Ливьен.

Он неопределенно подвигал бровями, но пикировку решил не продолжать и соскользнул с лианы. Только по нервной, дерганой манере полета можно было догадаться, как он зол. Ливьен с трудом поспевала за ним.

Минут через десять они устраивались на отдых в маленьком, но вполне приемлемом дупле.

Рамбай улегся молча и моментально уснул. Ливьен же снова не спалось. Вечно мучившие вопросы опять навалились на нее, и к ним прибавилось несколько новых.

Например, почему племя ураний изгнало Рамбая, отпустив с ним и ее, в то время как по логике межвидовой борьбы их следовало убить? Горожане маака обязательно поступили бы с парочкой попавших к ним дикарей именно так, предварительно, конечно же, проведя следствие, дознание, суд, красиво все обставив и убедив себя в том, что поступают единственно верным способом... Так кто же тогда большие дикари?

Мысли о думателях Ливьен просто гнала от себя. Какие-либо выводы по этому вопросу она решила делать только после того, как закончит прерванный разговор с Лелией. Обязательно побеседовав затем и с Сейной.

Главным же, что беспокоило ее, было то, как ее соплеменницы примут Рамбая. Точнее, если уж быть до конца честной с собой, то, что они просто не могут его принять. Он — дикарь из племени ураний, а значит — враг; он — самец, а самцов не допускают к участию в экспедициях; он — самец, ведущий себя с абсолютно недопустимой для представителя его пола независимостью... Что рано или поздно Рамбай выведет ее к каравану, Ливьен не сомневалась. А дальше? Она не может предать его.

Реакцию Инталии, например, она прогнозировала в мельчайших подробностях. Та просто-напросто убьет Рамбая, опять

же обставив дело так, что все будет выглядеть законно и справедливо...

Нет, надеяться можно только на поддержку Лелии, на ее власть Посвященной. Тут Ливьен вспомнила, что и сама теперь Посвященная. Только вот ВО ЧТО? Лелия так ничего и не успела ей толком рассказать. Но это-то как раз поправимо.

Мысль о том, чтобы, активировав свой Знак, просто приказать соплеменницам принять Рамбая в группу, была отброшена ею сразу, ведь Камень Лелии старше, и если та будет против, она без труда отменит этот приказ.

Сама того не заметив, она заснула, так и не найдя решения этой проблемы.

Ей снился эротический сон. А проснувшись, она обнаружила, что это и не сон вовсе. Что ее крайне обрадовало.

— ...Да, именно здесь на нас напал кот. — Ливьен стояла возле освещенных яркой луной обломков палатки Лелии.

— Маака умеют делать грязь, — покачал головой Рамбай.

— Не поняла...

Он молча отвернулся и пошел по поляне, собирая обломки хитинопласта, клочки флуона, пустые капсулы из-под веществ, используемых самками для гигиенических растираний, — прополиса, муравьиной кислоты и розового масла... Да, мусора на поляне было навалом.

— Брось! — нетерпеливо крикнула Ливьен. — Лес большой! Полетели!

Рамбай, упрямо не отзываясь, продолжал «санитарную уборку». Выругавшись про себя, Ливьен, чтобы хоть как-то ускорить процесс, стала помогать ему.

Собрав небольшую кучку мусора, Рамбай костяным ножом взрезал дерн, вынул небольшой его кусок, выкопал ямку, сложил мусор туда, закопал, а затем вернул дерн на прежнее место.

Он повторил эту операцию десятки раз. Через час поляна выглядела так, словно никакого лагеря тут никогда и не было.

Ливьен не стала спрашивать Рамбая, зачем ему все это понадобилось. Это мог быть инстинкт ураний; это мог быть принцип, ведь лес для него — дом, и мусор тут, возможно, так же раздражает его, как ей неприятна была бы грязь в ее городском гнезде.

Как бы ее ни злила эта вынужденная задержка, в душе она была солидарна с Рамбаем, ей даже было слегка стыдно перед ним, словно в неопрятности уличили лично ее. И она не роптала.

Рамбай встал в центре поляны, закрыл глаза и стал медленно поворачиваться... Остановился.

— Они там, — указал он рукой направление.

Но Ливьен уже и сама знала, где они должны быть.

— Моя палатка стояла вот тут, клапаном — на север. Мы двигались на восток, значит, новый лагерь — там, — указала она в противоположную сторону.

— Они там, — упрямо повторил он, указывая на запад.

— Этого не может быть, Рамбайчик, — со всей, на какую только была способна, убедительностью в голосе произнесла она. — Там — прошлая стоянка... — Внезапно она заподозрила, что этот глупый и чересчур уж чистоплотный самец нарочно морочит ей голову, намереваясь пройти по местам всех прошлых стоянок маака, чтобы убрать мусор и там. Это заняло бы у них минимум месяц.

— Там, — стоял он на своем.

— Этого не может быть, — повторила она. — Давай сделаем так. Сейчас полетим на восток. А если лагеря не обнаружим, вернемся.

— Давай. Но если твоих самок там не будет, Ливьен больше никогда не станет спорить с Рамбаем.

— И наоборот, — с удовольствием поддержала она.

— Да будет так, — ответил он, недовольно поджав губы, и взмахнул крыльями.

Они летели около двух часов. Никаких следов нового лагеря не было.

— Стой, — сдалась наконец Ливьен. — Так далеко они забраться не могли.

Рамбай молча развернулся, и Ливьен, кусая от досады губы, поспешила за ним.

Но что же могло случиться? Что могло заставить караван двинуться в обратную сторону? Ливьен терялась в догадках.

Они миновали очищенную ими от мусора поляну, а еще минут через сорок Ливьен почуяла знакомые запахи. Лагерь был минутах в трех.

Неожиданно Рамбай на лету ухватился за лиану, подтянулся, сделал подъем переворотом и уселся на нее верхом. Ливьен вернулась и спросила, нетерпеливо порхая на месте против него:

— В чем дело?

Вид у него был какой-то странный.

— Сядь, жена, — ответил он лаконично.

Ливьен почувствовала, что происходит что-то серьезное, и спорить не стала.

— Рамбаю стыдно, — заявил он и опустил голову.

— Да что такое?! — даже испугалась она. Такой самокритичности от него она никак не ожидала.

— Рамбай говорил, что ничего не боится. Неправда. Я боюсь. — Он поднял на нее умоляющий лазоревый взгляд.

— Я и сама боюсь, — призналась Ливьен. — Будет очень трудно убедить их...

Но Рамбай, не слушая ее, закончил:

— Я боюсь, что маака сделают из меня думателя.

Ливьен замолчала и нахмурилась, пытаясь вникнуть в смысл услышанного.

— Я не знаю, что это такое, — продолжил он, — но мама знала, что это очень плохо.

Детские страхи — самые глубокие. Ливьен взяла его за руку и, не без горечи усмехнувшись, заверила:

— Клянусь тебе, Рамбай, они не сделают тебя думателем. Ты уже вышел из этого возраста.

Он моментально повеселел:

— Полетели? — сжал он ее ладонь в своей.

— Подожди. — Ливьен почувствовала, что время для признания настало. — Тебе все-таки есть, чего бояться. Лагерь охраняют часовые, у них — автоматы. В дикарей они стреляют без предупреждения... Даже если они не убьют тебя сразу... Сначала мне нужно попасть в лагерь одной, все объяснить и доказать им, что ты — маака, что ты — мой муж, что ты будешь полезен экспедиции...

— Ты хочешь уйти от меня?

— Нет! — возразила она так пылко оттого, что где-то в глубине ее души теплилась эта трусливая мыслишка. — Поверь, если они не пожелают принять тебя, я сбегу и уйду с тобой в лес. Но я должна попробовать. Сейчас мы полетим дальше, но в лагерь я войду одна. А ты останешься ждать. Дай мне один день, только один, и я или позову тебя, или вернусь, чтобы уйти с тобой. — На миг она поставила себя на его место и поняла, что никогда не поверила бы в искренность этих слов...

Он молча кивнул, отпустил ее руку и, соскользнув с лианы, полетел вперед.

Часовым была Ферда. Она медленно двигалась вдоль границы лагеря, держа палец на курке искровика. Внимательно вглядываясь в чащу, она изредка посматривала вверх, хотя трудно представить, чтобы кто-то решился на нападение с воздуха.

Ливьен жестом приказала Рамбаю молчать и оставаться на месте. Потом порывисто обняла его, поцеловала в губы и, стараясь не шуметь, слетела вниз, к корням дерева, дупло которого он избрал своим временным пристанищем. Сделала несколько шагов и уже набрала в легкие воздух, чтобы окликнуть Ферду, как та, заметив шевеление травы, без лишних слов дала в ее сторону долгую автоматную очередь.

Ливьен припала к земле. И с радостью осознала, что по счастливой случайности пули не коснулись ее.

«Ферда!» — хотела крикнуть она, но от волнения поперхнулась и вместо крика — закашлялась.

Пара густых очередей скосила траву над ее головой. «Проклятие! Она ведь еще и плохо видит в темноте! — вспомнила Ливьен о возрасте Ферды. — Нужно было дождаться другого часового!» Но перспектива лежать здесь, вжавшись в землю и боясь шелохнуться, тоже не слишком улыбалась ей. И она решила рискнуть еще раз.

— Ферда!

Тишина.

— Ферда!

— Кто там? Брось оружие, встань так, чтобы я тебя видела, и не двигайся, иначе — стреляю!

Ливьен поднялась и развела руки в стороны, как у маака принято показывать, что ты безоружна.

— Это я — Ливьен!

— Ли?! — не поверила своим ушам Ферда. — Стой, где стоишь! Шелохнешься — убью!

Что она, с ума сошла, что ли?

Ферда сдернула с пояса акустическую гранату и отшвырнула подальше от себя. Оглушительный визг тревоги моментально поднял на ноги весь лагерь.

Спустя минуту все его обитатели стояли вокруг Ливьен, ощетинившись стволами искровиков.

— Откуда ты взялась? — с подозрением и неприязнью начала Инталия. — Как ты выжила, эксперт Ливьен?

Координатор явно с умыслом подчеркнула ее «сомнительную» гражданскую профессию.

— Я что, должна попросить за это прощения? — язвительно отозвалась Ливьен вопросом на вопрос. — Почему вы перебрались обратно?

— Вопросы задаю я! — рявкнула координатор. — Рассказывай подробно, где и как ты провела эти двое суток!

Подозрительность и осторожность свойственны маака, особенно в лесу. Но это было уже слишком. Ливьен огляделась. Лица соплеменниц были полны страха и даже, как ей показалось, ненависти. Что тут произошло, пока ее не было?

Ливьен поискала глазами Лелию. Уж она-то не потеряет самообладания ни при каких обстоятельствах. Но именно ее среди прочих не было.

Инталия направила искровик прямо в грудь Ливьен, повернула рукоять подачи топлива на полную мощность и процедила:

— Если ты немедленно не начнешь отвечать на мои вопросы, я разнесу тебя в клочья. Я НЕ ШУЧУ.

— Я буду говорить только в присутствии Лелии.

— То, что ты сказала, выдает тебя с головой. Лелия найдена вчера утром с горлом, перерезанным махаонским ножом. Только участники экспедиции знали, что она — Посвященная, и ее убили сразу после твоего исчезновения. Я подозреваю тебя... Нет, я ОБВИНЯЮ тебя в предательстве.

Лелия мертва! Какая потеря... Какая несправедливость — погибает именно тот, единственный, кому ты полностью доверяешь... Потому-то караван и повернул назад, что никто, кроме Лелии, не знает цели экспедиции... Кроме Лелии и меня. И она завещала мне...

Ливьен накрыла ладонью Камень диадемы, а когда отняла руку, ровный бирюзовый свет разлился вокруг. Инталия ошарашенно опустила автомат.

«Посвященная! Ли — Посвященная!..» — услышала Ливьен перешептывание за спиной.

— Да, я — маака Сигенон Ливьен — Посвященная. И я приказываю вам продолжать экспедицию, ибо знаю ее цель. Такова воля Совета, Гильдии и покойной Лелии из семьи Чара, Посвященной. — Ее саму удивило, как легко дается ей этот высокопарный стиль. Но она чувствовала, что все делает верно, что она — на высоте. Глаза окружающих восхищенно и радостно смотрели на нее.

— И еще, — продолжала она. — Отныне в экспедиции появляется новый участник, и ни один из вас не должен подвергать сомнению его самостоятельность и право быть одним из нас, быть нашим боевым товарищем. Рамбай! — крикнула она в темноту.

Не шевеля крыльями и абсолютно бесшумно, словно сухой осенний лист, Рамбай спланировал к ней. Лицо его было непроницаемо, как маска.

— Маака Рамбай, — представила она. — Воин и мой муж.

В глазах подруг она прочла недоумение, недоверие и даже брезгливость. Но с законом не шутят. Они подчинятся ей. А вот потом... Совет не простит ей включение в группу самца-дикаря.

А раз так — вперед! Вперед, а не назад. Вперед — к Пещере Хелоу! Где и по каким признакам искать эту пещеру? ЗАЧЕМ ее искать? Лелия ничего не успела рассказать ей... Но в Городе и ее, и Рамбая ждет смерть...

— Завтра — отдых, послезавтра с утра — снимаемся, — будничным голосом распорядилась она. — Сейчас: часовые продолжают несение службы, Инталия, Рамбай и... — она осмотрелась, — ...и ты, Аузилина, поможете мне поставить палатку. Остальные — спать.

Повернувшись спиной к Инталии, она двинулась в лагерь.

Свет живого Камня уже начал меркнуть. Она осторожно оглянулась. Две самки и самец покорно шагали за ней.

5

В черном небе плывет луна, луна,
Отраженье ее — в воде.
В черном небе луна — всегда одна,
Не в спокойствии, не в беде.
Отраженье ж не знает, что есть луна,
Отраженье живет во сне.

«Книга стабильности» махаон,
т. XI, песнь XIV; мнемотека
верхнего яруса

Следующий день прошел без особых приключений. Лагерь отдыхал, если только можно назвать отдыхом полусонное ожидание, кто станет следующей жертвой махаонских лазутчиков.

Откуда они взялись? Официально территорию леса считают своей и маака, и махаон, но конфликтов в этой связи не возникает: лес велик, спорить о том, чей он, — так же глупо, как пытаться доказать, что только тебе принадлежит небо. Возможно, когда-нибудь вопрос этот и станет актуальным, но пока популяции цивилизованных бабочек слишком малы. И сейчас экспедиция углубилась в такую чащу, где встретить кого-то, кроме дикарей, просто невозможно.

Вывод: махаоны знали об экспедиции и следовали за ней от самого Города, выжидая удобный момент для того, чтобы убить Лелию. А может быть, это не первая экспедиция? Может быть, подобные уже были и пропали, и начиналось все с убийства Посвященной? Не случайно Лелия предчувствовала свою гибель или, во всяком случае, отдавала себе отчет в том, сколь велик риск. Она сама говорила об этом.

Если дело обстоит так, то ситуация парадоксальна: противник знал о цели экспедиции раньше, чем Ливьен — ее нынешний лидер... И возможно, знает все то, что ей так и не успела открыть Лелия?

Были и другие «головные боли». С первых же минут общения с заново обретенными товарищами Ливьен почувствовала, как изменилось их отношение к ней. Ее новый статус, а в еще большей степени — появление Рамбая на немыслимое расстояние отдалили ее от них.

Но и с Рамбаем отношения не упрощались. Ему не нравилось здесь. Не нравилось — и все. Он не обмолвился об этом ни словом, но то, что он чувствует тут себя не в своей тарелке, сквозило в каждом его жесте и в каждом взгляде. Скорее всего он просто замечал плохо скрываемое презрение цивилизованных самок.

Ливьен недолго ломала голову, куда его пристроить. Оптимальное решение подсказала сама ситуация. Рамбаем усилили караул. Вооруженный теперь не только луком, но и искровиком, он заступил на пост. Инталия продолжала относиться к нему с недоверием и от этого решения была далеко не в восторге. Но Ливьен без особого труда настояла на своем.

Сама же, уединившись, попыталась собраться с мыслями и выработать наиболее рациональную линию поведения.

Итак, что она знает о махаонах? Прежде всего то, что они злобны и беспощадны. Но тот же взгляд им еще в инкубаторе внушали и на дикарей-ураний. Побывав же среди них, она изменила свое мнение. Скорее всего не столь отвратительны и махаоны.

Воспринять эту идею Ливьен было не так уж сложно. Во всяком случае, проще, чем кому-либо другому. Ведь она в отличие от подавляющего большинства маака была хорошо знакома с поэзией махаон. Именно литература противника являлась ее гражданской специальностью, и в свое время она, литературный эксперт, была несказанно удивлена, получив назначение в эту экспедицию. Кому и зачем могли тут пригодиться ее знания? Решение Координационного Совета было загадочным.

Собственно «литературы», в том значении, в каком это слово употребляют маака, махаоны не имеют. Есть только одно многотомное анонимное произведение — «Книга стабильности», состоящая из нескольких тысяч обособленных стихотворных строф. Каждая из них, имея по нескольку вариантов толкований, является апофеозом статичности, созерцательности, эфемерности бытия.

Будь то короткие сюжетные зарисовки, пейзажи, притчи или абстрактные ассоциативно-логические построения, все они призваны внушить читателю идею бессмысленности любого целенаправленного действия, любого преобразования окружающего мира, даже элементарного перемещения в пространстве.

Передаваясь из поколения в поколение, «Книга стабильности» лишь раз в несколько десятилетий бывает дополнена одной-двумя, опять же анонимными, строфами. «Книга» для махаон — одновременно и беллетристическое чтиво, и свод этических устоев, и кодекс поведения в быту, и сборник религиозных догм.

Профессиональной специализацией Ливьен было как раз доказательство безнравственности «Книги», пагубности ее философии. Пользуясь выполненным лингвистами официальным переводом «Книги» (изучать язык махаон было разрешено только им), эксперты маака к каждой ее строфе написали десятки аннотаций, показывающих, сколь губительна эта философия для бабочки-созидателя. (С этими аннотациями, а не с оригиналом знакомили прочих маака на занятиях верхнего яруса.) Ливьен и сама была автором чуть менее сотни таких аннотаций. Однако была у нее одна маленькая тайна. Полностью соглашаясь с тем, что «Книга стабильности» — произведение крайне упадочного толка, Ливьен... любила ее.

Она читала и перечитывала любимые строфы. И они завораживали ее своей отточенностью шарад, своей, если так можно выразиться, «экзотичностью мышления», непредсказуемостью ассоциаций. И всегда она поражалась: как народ, имеющий такой бездеятельно-созерцательный идеал, может быть в то же время столь изобретательным и агрессивным?

Махаоны — глубоко религиозны. Религия заменяет им и государственную власть, и науку, и культуру. В то же время их техника и технологии не так уж сильно уступают маака. И это при том, что они никогда не пользовались услугами думателей.

Думатель. Вот, пожалуй, с чего следует начать!

* * *

Сейны в палатке не было, но искать ее долго Ливьен не пришлось. Оператор занималась профилактикой наружных заболеваний — протирала сегментированное тело думателя специальными растворами.

Ливьен подождала, пока ее заметят. Приостановившись, Сейна улыбнулась, кивнула и продолжила свое занятие. Ливьен коснулась ее плеча:

— Зайди ко мне.

Сейна появилась в ее палатке через несколько минут и присела, ожидая вопроса. И Ливьен не стала ходить вокруг да около:

— Как зовут твоего думателя?

— Зовут?.. У них нет имен.

Это так. Маака получает имя, лишь став бабочкой.

— А как ты хотела назвать его, когда была беременна?

Выражение лица Сейны изменилось так, что Ливьен стало не по себе. Но она не собиралась церемониться с тем, кто способен так изуродовать своего ребенка.

— Ах вот что, — произнесла Сейна тихо. — Ты ведь Посвященная. И все-таки даже это не дает тебе права оскорблять меня. — Неприязнь и угроза в ее голосе внезапно сменились горечью. — Хотя ты и сама теперь чем-то на меня похожа. У меня — ненормальный сын, которого я все равно люблю, а у тебя — ненормальный муж... Что ж, ты права, у него есть имя. Но, кроме меня, его не знает никто. Его зовут Лабастьер. И мне он дороже всего на свете.

Ливьен уже пожалела о своем резком тоне.

— «Ла-ба-стьер», — тихо повторила она по слогам. — Красивое имя... Если я позову его, он ведь все равно не услышит меня?

— Нет. — Сейна нерадостно усмехнулась. — Но если хочешь, я могу передать ему привет от тебя.

— Он меня знает? — удивилась Ливьен, почувствовав на сердце неприятный холодок.

— О да. Он знает все, что знаю я. И даже больше. Только оценивает все по-другому. У него ведь другой жизненный опыт.

— И как он оценивает меня? И то, что с ним сделали.

— Он... Это зависит от настроения. Чаще всего он ненавидит нас всех, и в особенности свою мать. Но иногда вдруг решает, что ему повезло. Редко. И тогда он говорит, что утопился бы с тоски, если бы был таким тупым, как мы...

В лице Сейны было столько муки, что Ливьен испугалась.

— Прости. — Она была уже не рада, что затеяла этот разговор. — Понимаешь, хоть я и Посвященная, но знаю далеко не все. Я не знаю, например, почему думатель не становится бабочкой.

— Не знаешь? — В голосе Сейны послышалось недоверие.

— Не знаю. Но... я не хотела причинить тебе боль.

— Не знаешь... — Сейна покачала головой. Казалось, ее мысли витают сейчас где-то далеко. — Что ж, я еще никому этого не рассказывала.

— Может быть, не стоит...

Но Сейна, не слушая ее, то и дело останавливаясь и выдерживая тягостные паузы, повела свой невеселый рассказ.

Ее семья — Абальт — имела некую родовую тайну. В чем она заключалась, Сейна не знала до самого замужества, но ореол таинственности ощущала с первых дней превращения.

Мать Сейны, Посвященная Руппи Абальт, служила смотрительницей группы гусениц в инкубаторе. Это непростое, но почетное занятие. Следить за здоровьем и правильным развитием личинок, помогать им легче переносить две обязательные линьки и закукливание; разматывать коконы, получая из них флуон — грубоватый, но прочный шелк... К той же традиционной в семье профессии она подготовила и Сейну.

Руппи была неразговорчива и не баловала дочь лаской. Нередко, без всякой на то причины, Сейне казалось, что она в чем-то провинилась перед матерью, особенно когда ловила на себе ее брошенный искоса испытующий взгляд. И еще ей казалось, что, глядя на нее, Руппи спрашивает себя: «Выдержит ли она? По силам ли ей?..» Что? В чем ее тайное предназначение?

Спросить об этом напрямик Сейна не решилась ни разу.

Слушаясь, как и положено, во всем прежде всего мать, душой она была больше привязана к отцу, что у маака вообще-то считается чуть ли не порочным. Во всяком случае, это серьезный пробел в воспитании.

Алабан не отличался умом, был сентиментален и слезлив. Но это-то и притягивало к нему Сейну. Руппи объясняла ей законы и правила, учила ее выживать и быть хозяйкой жизни... А Алабан рассказывал ей странные, нигде не записанные и передающиеся только устно предания самцов.

Однажды, прилетев с работы в гнездо позже обычного и в приподнятом настроении, Сейна объявила Алабану, что решила выйти замуж.

— И кто же твой избранник? — Алабан утер руки о фартук и присел на коврик возле нее, за обе щеки уплетающей куски жареной на вертеле устрицы. (Никто не умеет готовить ее так вкусно, как Алабан, и Руппи не раз отчитывала его за то, что он слишком балует Сейну необязательной пищей.)

— Его зовут Сафши, — сообщила Сейна. — Руппи только что познакомила меня с ним. Она сейчас там — в гнезде Мионитов.

— Он — Мионит?

— Да, он сын Посвященной Мионы. Он очень красивый и дисциплинированный. Когда Руппи спросила, не желает ли он, чтобы я взяла его в мужья, он ответил, что стать членом семьи Абальт — великая честь для него...

Тут только она заметила, что по щеке Алабана стекает слеза.

— Как она могла, как могла... — с трудом разобрала она его бормотание.

— Что ты? В чем дело? — Она перестала есть и обняла его за плечи. Ей было немного смешно. Она привыкла к тому, что самцы тяжело переносят любое нарушение привычного хода явлений, пугаются любых перемен.

— Нет, нет, ничего, девочка... — бормотал он, успокаиваясь. — Ничего не случилось... Выходит, так надо...

...Сейна не придала серьезного значения этой сцене и вспомнила о ней лишь после официальной регистрации брака, когда ее неожиданно вызвали в средний ярус Координационного Совета, где располагается ложе Гильдии Посвященных.

С трепетом вошла она в секцию со светящимися стенами. Что могло понадобиться тем, кто знает все секреты бытия, от нее — молодой смотрительницы гусениц?

— Ты — Сейна? — уточнила развалившаяся в гамаке пожилая самка, по всей видимости — секретарь Гильдии.

— Да, — кивнула она.

— И ты взяла в мужья сына Мионы из семьи Мионитов?

Она кивнула еще раз.

— Так знай, Сейна, что теперь мы вынуждены принять тебя в Гильдию, ибо должны открыть тебе одну из тайн маака.

Сейна почувствовала, как дрожат ее колени.

— Надень это. — Секретарь протянула ей диадему...

— Так ты — Посвященная?! — не выдержав, перебила Сейну Ливьен. — Почему же ты не стала преемницей Лелии?

— Мои права жестко ограничены. Я могу пользоваться Камнем лишь тогда, когда непосредственная опасность грозит жизни Лабастьера...

«Вот как, — подумала Ливьен, — оказывается, Право может быть ограниченным. Лелия ничего не сказала мне об этом. Или не успела, как и о многом другом?»

Сейна тем временем продолжала:

— Если я активирую Знак без достаточных на то оснований, в Городе меня будут ждать большие неприятности. Когда убили Лелию, угроза жизни Лабастьера стала, конечно, несколько выше. Но приказ возвращаться Инталия дала и без моего вмешательства.

— Мы пойдем дальше.

— Я знаю.

Ливьен помолчала, переваривая услышанное. По-видимому, Сейна считает, что, когда она заменила Лелию, уровень опасности для жизни ее питомца (сына?) вернулся к прежней отметке.

— А если бы ты все-таки воспользовалась Правом, как об этом узнали бы в Городе?

— Как узнали? — переспросила Сейна, удивленно разглядывая Ливьен. — Ты не знаешь и этого?

Ливьен, смутившись, покачала головой.

— Оживая, Камень становится изопередатчиком, и секретариат Гильдии видит все происходящее вокруг него.

«Та-ак. Выходит, в Совете уже знают о Рамбае. И о том, что я объявила себя лидером экспедиции, не получив достаточных инструкций... Что ж, тем меньше смысла возвращаться».

По окончании ритуала посвящения секретарь Гильдии принялась наконец объяснять Сейне, чему та обязана такому доверию:

— Абальт и Миониты — семьи, способные к редуцированию думателей.

Сейна не поняла. Секретарь продолжала:

— Думатели — вовсе не особый вид насекомых, как принято считать среди непосвященных. Думатель — самая обыкновенная куколка с искусственно нарушенными гормональными функциями. Вместо того чтобы превратиться в бабочку, такая куколка только увеличивается в размерах, видоизменяется, приобретает жабры, а главное — многократно возрастают ее интеллектуальные способности.

— Думатели — наши дети? — не могла прийти в себя Сейна. — Дети, которых мы изуродовали?..

— Это святое уродство, — перебила ее секретарь. — Но думатель слеп и глух, польза от него может быть только в том случае, если у него есть оператор, который становится его глазами и уша-

ми. Способностью телепатически общаться со своей матерью обладают практически все куколки. Но у большинства она проявляется на уровне подсознания, на уровне эмоций. А вот даром СОЗНАТЕЛЬНО обмениваться информацией с плодом обладают представители лишь нескольких семей...

— Абальт и Миониты?.. — упавшим голосом начала вопрос Сейна.

— Да, — кивнула секретарь. — Таких семей в Городе чуть меньше двух десятков, и ваши — в их числе. Но то, что ты и твой муж принадлежите к этим семьям, — еще далеко не гарантия, что твой плод будет способен общаться с тобой. Бывает, что дар этот проявляется лишь через несколько поколений... Но, рано или поздно, он все же заявит о себе.

— Я НЕ ХОЧУ, чтобы мой ребенок стал думателем!

Секретарь, сердито глянув на нее, поерзала в гамаке. Затем ответила:

— Это твой долг перед народом маака. Думатели — наша единственная надежда на победу в борьбе с махаонами.

— Я не хочу, — упрямо повторила Сейна.

— Видишь ли, девочка, — нарочито ласково произнесла секретарь, но в лице ее явственно читалось раздражение. — Операцию гормонального взрыва твоей личинке сделают независимо от твоего желания или НЕжелания.

Сейну трясло.

— А если у меня не будет телепатической связи с ней?!

— Ей позволят стать гусеницей, затем — куколкой и расти еще в течение года. Связь, бывает, налаживается не сразу.

— А потом?

— Через год ее уничтожат. Общество не имеет достаточно ресурсов, чтобы содержать иждивенцев. К тому же это — гарантия того, что какая-нибудь упрямая бабочка не скроет, что телепатическая связь наладилась, и она уже общается со своим ребенком.

Слезы брызнули из глаз Сейны.

— Значит, вы убьете его... А если у меня родится второй ребенок?

— С ним повторится то же. Лишь пятая неудача признается последней, и шестой личинке, рожденной самкой из отмеченной даром телепатии семьи, гормональный взрыв не производится. Так, например, появилась на свет ты.

— Я у Руппи — шестой ребенок?! — не поверила своим ушам Сейна.

— Да.

Ей понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя. Наконец, собравшись с мыслями, она спросила:

— А если я скрою от вас, что телепатический контакт налажен?

— Чтобы твою куколку убили?

— По-моему, для нее это будет даже лучше...

— Не знаю, не знаю... Когда твой ребенок начнет мысленно говорить с тобой, ты полюбишь его. К тому же сам он не будет считать, что смерть для него — благо... Вряд ли ты решишься против его воли убить его своей ложью. — Секретарь усмехнулась. — А тем более — убивать своих детей пять раз подряд...

Ливьен, ошеломленная, молчала.

— Я знаю, о чем ты хочешь спросить, — нарушила тишину Сейна. — Был ли Лабастьер моим первым ребенком. — На лице ее вновь блуждала горькая усмешка. — Да, тут мне «повезло». Он заговорил со мной еще во чреве. После него я получила право рожать и нормальных детей, но я не пожелала этого. Я не хочу, чтобы они испытали то же, что пришлось мне. Я хочу, чтобы моя ветвь рода Абальт прервалась. И Лабастьер хочет того же.

— Вот почему плакал твой отец. А твоя мать была так скупа на ласку... Пятерых ее детей превратили в уродов и убили, прежде чем родилась ты. Родилась, чтобы пройти тот же путь.

— Да. Позднее я поневоле заинтересовалась, давно ли и каким образом наше общество пришло к такому раскладу. И мне позволили это узнать. И в старину случалось, что куколка росла, не превращаясь в бабочку. Это было вызвано каким-то врожденным гормональным расстройством. Это было редкостью, горем, болезнью... А способность матери телепатически общаться со своим плодом — и вовсе преследовалась, считалась «колдовством», и самки скрывали ее.

Но бывали редчайшие совпадения: куколка не превращалась в бабочку и при этом обменивалась мыслями со своей родительницей. Так и появлялись думатели. Их несчастные матери нередко становились тайными советниками королей... Но несколько сотен лет назад это гормональное расстройство научились вызывать искусственно...

Мой отец принадлежит к роду, не отмеченному даром телепатии. Возможно, поэтому моя Руппи не стала оператором думателя. Ни один ее плод не заговорил с ней. Она хотела, чтобы я

была счастлива, ей казалось, что страшнее, чем смерть детей, нет ничего... Вот она и нашла мне мужа Мионита.

— Ты могла бы просто не рожать...

— И через год мой брак был бы автоматически расторгнут. А я полюбила Сафши... А когда я услышала Лабастьера... Я люблю его, каким бы он ни был...

— Прости меня.

— Ничего. Мне было полезно выговориться.

— А что Лабастьер думает по поводу нашей экспедиции?

— Он возмущен, что ему неизвестна ее цель. Он знает, что его взяли для каких-то расчетов и логических операций по ее достижении. Но он хотел бы подготовиться. И вообще он очень любопытен...

— Мы ищем Пещеру Хелоу.

— Что?! — Сейна, отпрянув, уставилась Ливьен в глаза.

— Скажи ему только это. И пусть он сам попытается понять зачем. Расскажи ему все, что знаешь о Хелоу и махаонах, и пусть он сделает выводы. Я хочу узнать их. Я хочу, чтобы отныне и он, и ты стали не только моими помощниками, но и настоящими друзьями. Передай ему это. Я постараюсь заслужить вашу дружбу.

Сейна продолжала неодобрительно смотреть на нее.

Ливьен было нетрудно понять ее оторопь.

— После того, что ты сказала, вряд ли я смогу...

— Эту экспедицию придумала не я. Я и сама была поражена, когда услышала о Хелоу от Лелии.

Это имя подействовало как успокоительное лекарство. Сейна встряхнулась, словно заставляя себя решиться на что-то, а затем тронула ладонью руку Ливьен:

— Что ж, спасибо. Но знаешь... Лабастьер ненавидит нас, и он имеет на это право...

— Передай ему, что и я ненавижу тех, кто сделал его таким. Но в то же время преклоняюсь перед его умом. И еще скажи, что мой муж, Рамбай, тоже должен был стать думателем и избежал этой участи только потому, что его мать сбежала с ним в лес. Я думаю, Лабастьеру будет интересно познакомиться с Рамбаем и узнать, каким бы мог стать он сам...

Сейна испуганно прикрыла рот рукой. И Ливьен тут же поняла свою ошибку.

— Я не подумала. Конечно же, не говори ему этого. Ведь он сразу же спросит тебя, почему и ты не сбежала с ним...

Сейна покачала головой:

— Поздно. Мне уже не удастся скрыть от него эти мысли. Самое странное, что я до сих пор и не думала о такой возможности. Почему?.. Его мать была сильной... Я тоже хочу познакомиться с твоим мужем и расспросить о ней. Я тоже хочу узнать, какой могла бы стать Я.

Она резко повернулась и вышла.

— Постой! — крикнула Ливьен ей вдогонку. — Сейна, я не хотела...

6

Когда ослеп, он прозрел, прозрел,
Когда забыл, он узнал.
Когда получал, он еще хотел,
Получив же, тотчас терял...
Постоянство и смерть — суть одна стезя,
Он отцом двух личинок стал.

«Книга стабильности» махаон,
т. I, песнь III; мнемотека
верхнего яруса

Вечером, проверяя караул, Инталия обнаружила, что исчез Рамбай. Повода для беспокойства за его жизнь у Ливьен не было: двое часовых и двое караульных отдыхающей смены, значительно менее приспособленные к местной обстановке, были живы и невредимы. Нет, было очевидно, что он просто самовольно улетел в джунгли.

Ни словом, ни движением Инталия, рапортуя, не выдала своих чувств по этому поводу. Но взгляд ее торжествовал... В финале рапорта она хладнокровно предложила вновь усилить караул, ибо Рамбай, побывав в лагере, знает и расположение, и систему движения часовых, и нападение дикарей под его началом грозит их легкой победой...

Само собой, Ливьен не одобрила эту меру.

Она и не подозревала, что успела так сильно привязаться к нему. Хотя, возможно, так действовала на нее атмосфера недоверия окружающих. Она чувствовала себя изгоем, изгоем был и Рамбай. С ним ей было легко. Оказывается, весь этот день она прожила в ожидании встречи с ним, чтобы рассказать обо всем, что узнала от Сейны и пережила за этот срок.

Но удар она выдержала стойко.

— Рамбай воспитан дикарями, — сказала она Инталии, строго глядя ей в глаза. — К сожалению, я не успела объяснить ему, что такое дисциплина и сколь важна она в нашем положении. Это мое упущение, я признаю его. Он вернется.

На самом деле она была более чем растеряна. Значение и необходимость дисциплины Рамбай понимал не хуже городских самок, и она знала это.

— Нужды усиливать караул нет, — продолжала она. — С его стороны провокаций не будет.

Вот это она произносила уже с полной уверенностью. Какие провокации?! Он изгнан из племени, и он любит ее.

Любит? Как же он мог уйти, не посоветовавшись с ней? А вдруг с ним все же стряслось что-то непоправимое?..

Если он появится, она обрушит на него весь гнев, на какой только способна. А пока — нужно держаться. Нужно взять себя в руки еще крепче, чем прежде.

Приказав Инталии, не поднимая паники, в обычном порядке готовить группу к отбою, Ливьен прошлась по лагерю и, вернувшись в палатку, улеглась на циновку, не надеясь, правда, что сможет уснуть. Но даже если бы ей и удалось это, сон ее был бы недолог: минут через двадцать в палатку вползла Сейна. То, что она рассказала, перепугало Ливьен до дрожи в коленках, и она еще раз порадовалась, что завела себе подругу.

Оказывается, Инталия, в полном соответствии приказу Ливьен, паники не поднимала. Но часовым дала распоряжение при появлении Рамбая открывать огонь, даже без предупредительных окриков... Сейна случайно услышала это и поспешила сюда.

Формально координатор была абсолютно права. По ее логике Рамбай — или предатель, или дезертир. Даже если он и не имеет коварных намерений, он оставил пост, а по законам военного времени такой проступок карается смертью. Поэтому Ливьен не стала пытаться переубедить ее. Вместо этого она, поблагодарив Сейну, сама отправилась в палатку караула.

Выслушав ее, караульные отдыхающей смены — биолог Аузилина и стрелок Биньюат сухо ответили, что нарушать распоряжение координатора не имеют права. Ливьен, ругаясь про себя на чем свет стоит, была вынуждена оживить Камень. Караульные больше не спорили, но и не разговаривали с ней.

Также молча Ливьен сидела в их палатке до тех пор, пока они не ушли менять часовых. А когда появились снятые с поста — лингвист Иммия и стрелок Петриана, — провела с ними ту же процедуру.

Выждав, пока свет Камня померкнет, она отправилась обратно к себе. Но отдохнуть сегодня ей было не суждено. В палатке сидел... Рамбай. Он вертел в руках неизвестное Ливьен, но явно стрелковое оружие, а у его ног лежала связанная тонкими стеблями лианы бабочка махаон, одетая в чешуйчатый и складчатый серо-зеленый комбинезон из кожи ящерицы.

Злость Ливьен на его безответственность рассеялась как дым. Более того, сама того не ожидая, она кинулась к нему на шею и покрыла лицо поцелуями радости.

Рамбай смущенно хмыкал. Наконец, отстранившись и несильно пнув ногой связанного, объяснил:

— Рамбай охотился.

Ливьен смотрела на его самодовольную физиономию и не могла заставить себя как следует на него рассердиться. «И не надо», — решила она. Вместо этого то ли попросила, то ли приказала:

— Сиди тут. Я сейчас.

И вновь кинулась к палатке караульных.

Вернулась, ведя с собой Иммию.

Рамбай снял с губ своей добычи липкий лист почки гибискуса. У пленника появилась возможность говорить, и Ливьен обратилась к нему:

— Кто ты? — (Пока она даже не сумела разобрать, какого пола это существо.)

Иммия, переводя, коротко пробормотала ту же фразу на языке махаон.

Вместо ответа бабочка презрительно отвернулась и уставилась в стенку. Ее волосы были почти наголо острижены, лишь на макушке торчал собранный в тугой узел иссиня-черный клок. Обезображенное шрамом через всю левую щеку и переносицу, тонкое бледное лицо в голубоватых прожилках вен с успехом могло принадлежать как самке, так и самцу. Его выражение было непроницаемым, что, собственно, было естественно для религиозного фаната, не боящегося ни пыток, ни смерти. Об этом качестве махаонов известно всем. Никогда еще маака не удавалось развязать язык захваченному противнику. Потому их и предпочитают не брать в плен, а беспощадно уничтожать.

А раз так, смысла в Рамбаевой добыче было немного. Но Ливьен надеялась получить хоть какой-то минимум информации из случайно оброненной фразы, из поведения пленника... И ее дальнейшие действия были продиктованы скорее интуицией, нежели трезвым расчетом.

— Иммия, переведи, — кивнула она лингвисту. — Мы не хотим убивать. Хватит крови.

Удивленно глянув на Посвященную, Иммия залопотала на вражеском наречии.

— Здесь, в лесу, нет войны, — продолжала Ливьен. — Я не приказываю, я прошу: расскажи нам все, что ты знаешь о нашей экспедиции. Этим ты не предашь свой народ, ведь ты расскажешь только то, что мы знаем и без тебя. — (Иммия торопливо переводила.) — И мы отпустим тебя. Мы отпустим тебя, даже если ты ничего не скажешь. Ступай с миром. Но я прошу тебя рассказать о нас.

Она обернулась к Рамбаю:

— Развяжи.

Тот не шелохнулся.

— Я приказываю! — повысила она голос.

Что-то недовольно бормоча, Рамбай принялся возиться с путами. А Ливьен тихо произнесла, обращаясь к нему и Иммии:

— Будьте наготове.

Вскоре бабочка махаон была свободна. Первое, что она сделала, поднявшись, — приняла боевую стойку. Но искусство рукопашного боя изучается маака еще в инкубаторе. Ливьен и Иммия, вскочив тоже, поставили непроницаемые блоки. Рамбай же встал в какую-то свою, дикарскую, не менее грозную позу.

Махаон огляделся. На его правом колене стала отчетливо видна нашивка символа Хелоу — красный крест из двух одинаковых прямоугольников.

— Иди с миром, — повторила Ливьен, и Иммия вновь перевела эту фразу.

Махаон попятился к клапану, спиной раздвинул его и исчез за пределами палатки. Присутствующие недоуменно уставились на Ливьен. Отпустить врага? Того, кто скорее всего убил Лелию!.. Но оправдываться ей не пришлось.

Полог палатки вновь разошелся, и махаон тенью скользнул обратно внутрь. Он уселся в центре и что-то сказал.

— «Дайте мне нож», — перевела лингвист.

— Дай, — обернулась Ливьен к Рамбаю. Тот, все так же нехотя, отцепил от пояса шнур с костяным лезвием.

Махаон принял его и, сжав обеими руками, направил острие на себя. Ливьен испугалась, что он сейчас убьет себя, хотя и не понимала почему. Но вместо этого тот протяжно заговорил:

— Так требует гордость, — («честь», «совесть», «душа»? — Иммия успевала быстро проговаривать варианты перевода, пользуясь тем, что бабочка говорила медленно, по-видимому, торжественно). — Вы одержали победу, и я, Дипт-Дейен, мать солдат, должна умереть.

Ливьен вспомнила, что воспитатели верхнего яруса не раз рассказывали о противоестественном понимании махаонами воинской доблести. Возможно, ее решение отпустить лазутчика было продиктовано этим, казалось, забытым, знанием?

— Но прежде я должна выполнить требования победителя, — продолжала тем временем Дипт-Дейен, — если они не наносят ущерба моему народу. Глупая («странная», «достойная лишь гусеницы»?) просьба рассказать вам о вас же как раз и является таковой. Выполняя свой долг, я подчиняюсь. Слушай же.

Слепые слуги слепой науки, маака не верят своему сердцу, но верят своим слепым детям-уродам. Народ Хелоу махаон знает своего создателя в двух ипостасях: Хелоу — мир («бог», «космос»?) и Хелоу — существо («тело», «животное»?). Первый прислал второго, чтобы сотворить множество куколок и сохранить их в пещере до тех пор, пока Земля не очистится от скверны хаоса. Все мы — дети этой пещеры. Махаоны — верные дети, урании — блудные дети, маака — предатели.

Там, в Пещере Хелоу, есть все, чтобы делать жизнь, есть и все, чтобы делать смерть. Наши предки первобабочки, зная это, ушли далеко от пещеры, запутали следы и запретили потомкам искать ее. Махаоны помнят это. Маака, обезумевшие в своей гордыне, преступают запрет древних и ищут Пещеру, не имея Веры. Твой караван — один из многих, и да будет он проклят, и да сгинет, как прежние. Я сказала, и моя гордость спокойна.

Ни Рамбай, ни Ливьен, ни Иммия, завороженные мрачным пророчеством, не успели и шелохнуться, когда Дипт-Дейен вонзила кинжал себе под сердце и рухнула замертво.

Прежде чем вынести труп, Ливьен отослала Иммию обратно в палатку караульных, а затем, предупредив Рамбая, чтобы он не вмешивался в разговор, сходила за Инталией. Координатор спала. При всей своей нарастающей к ней неприязни Ливьен не могла не признать: на плечи координатора в последнее время свалилась непосильная ноша. Но разбудить ее пришлось. Та не задавала лишних вопросов.

Войдя за Ливьен в ее палатку, Инталия остолбенела:

— Что здесь стряслось?

— Рамбай выследил махаонского шпиона и убил его.

— А зачем приволок его сюда? — недоверчиво глянула Иммия на самца.

— Затем, что это единственный способ заставить вас верить ему. Или ты думаешь, я не знаю, что ты приказала часовым?

Лишь мгновение Инталия была в замешательстве.

— Этот приказ был обусловлен обстоятельствами, — ответила она, не отводя взгляд. — Я отменю его.

— Не трудись. Я уже сделала это.

Координатор нахмурилась. Мало того, что приказ, данный караульным конфиденциально, стал известен Ливьен, та еще и упразднила его. Инталия явно не могла смириться с переходом власти в руки самой молодой и самой взбалмошной бабочки группы. Да еще и приведшей в качестве мужа дикаря из чащи.

Но ей ПРИДЕТСЯ смириться. Ливьен и Инталия напряженно смотрели друг на друга.

— Учти, если ты еще хотя бы раз совершишь какие-либо действия или дашь распоряжения, касающиеся меня и Рамбая, не поставив в известность нас, ты дорого за это поплатишься, — процедила Ливьен. — Сегодня он спас жизнь всем нам. Запомни это.

Инталия опустила глаза, и Ливьен немного расслабилась:

— Сейчас вы с Рамбаем вынесете отсюда тело и похороните его, как подобает хоронить воина. И пусть при этом присутствуют все наши. Я хочу, чтобы они поняли: Рамбай нам далеко не бесполезен.

Скрепя сердце, Инталия покорно кивнула и склонилась над мертвецом. Но Рамбай остановил ее:

— Я сам.

Он выдернул из груди самоубийцы кинжал, отер о ее же одежду и подвесил обратно себе к поясу. Затем легко вскинул тело на плечо и вышел из палатки. Инталия последовала за ним.

Только сейчас Ливьен как следует разглядела обвисшие крылья лазутчицы. Как и у всех махаонов, они были наполовину белыми, и Ливьен с трудом поборола в себе приступ брезгливой тошноты.

Похороны прошли так, как распорядилась Ливьен. Само по себе это было необычно: в нынешней войне тела поверженных противников сваливают в безымянные братские могилы... Но

Ливьен твердо решила отдать дань уважения мужеству убитой. И даже произнесла короткую поминальную речь о долге и доблести, закончив строфой из «Книги стабильности»:

Встать пытался, но ветер подул, подул,
Ветер даже сидеть не дал;
Лег, и тут же услышал подземный гул,
Он об этом другим сказал.
И когда огонь этот мир встряхнул,
Всякий был готов. Всякий знал.

Одна из трактовок этого стихотворения: тот оказался спасителем соплеменников, кто не пытался бороться со стихиями. Если рассуждать логически, из этого можно вывести, что смерть — вершина доблести... С другой стороны, косвенно Ливьен напомнила товарищам, что врага уничтожил именно Рамбай, нарушивший дисциплину.

Когда они разошлись по палаткам, Рамбай заметил:

— Этот враг — не последний. Завтра Рамбай снова пойдет.

У Ливьен сжалось сердце. Снова маяться, не зная, жив ли он еще?.. Но если он прав, другого выхода нет. Не дожидаться же, пока махаоны нагрянут сами. Тогда может быть поздно.

...Остаток ночи они не сомкнули глаз. Они занимались любовью — без устали, в каком-то сумасшедшем упоении, словно соревнуясь друг с другом в выносливости и умении. Его полузвериные дикарские ласки и ее знания, полученные на специальных уроках верхнего яруса, дополняли друг друга.

Дойдя до исступления, в какой-то момент окончательно потеряв голову, они выползли из палатки и, не размыкая объятий, взмыли в небеса — так, как это иногда делают бабочки-насекомые.

Огромная луна освещала их своим колдовским светом, ветер ласкал разгоряченные обнаженные тела. Ароматы леса перемешивались с пыльными запахами лагеря и с запахами их собственного пота... То он, то она сбивались с ритма трепетания крыльев, и тогда Ливьен казалось, что они рухнут вниз и разобьются насмерть, и они действительно падали, падали, падали, но всегда успевали взять ритм и повиснуть над самой землей... И тогда они вновь устремлялись ввысь.

Несомненно, часовые видели их, но любовникам было не до смущения. Хотя у Ливьен и мелькнула мысль, что в принципе по уставу в них должны были стрелять... Но никто, кроме них самих, не нарушил тишину. Они то шептали друг другу ласковые имена,

то стонали, то даже кричали в экстазе... «Так любить можно только на краю гибели», — однажды пронеслось в голове Ливьен. И она, внезапно разрыдавшись, тут же объяснила себе происходящее: «Я боюсь, я безумно боюсь...»

— Рамбай не знал, кто он, пока не встретил Ливьен...

Эта фраза, сказанная им под утро, удивительно совпала с ее собственным ощущением. Кем она была до этой ночи?

На рассвете кто-то подергал наглухо застегнутый клапан палатки. Рамбай моментально вскочил. Костяной кинжал белел в его сжатой руке.

— Кто? — крикнула Ливьен.

— Сейна, — отозвались снаружи.

— Это — друг, — объяснила Ливьен Рамбаю. — Спрячь нож. — И расстегнув полы, впустила гостью.

— Я говорила с Лабастьером, — без предисловий объяснила та причину своего визита.

— И что же он сказал тебе? — Ливьен обратилась в слух.

— Он сказал, что знает, где искать Пещеру. Он сказал, что это нетрудно было определить по некоторым известным ему закономерностям расселения маака и махаон.

— Откуда он может знать эти закономерности?

— Тем его разум и отличается от обычного, что способен получить абсолютно достоверный результат, анализируя сотни и тысячи косвенных данных. Если он сказал, значит, это действительно так.

— И где же находится Пещера?

— Мы с самого начала двигались в верном направлении, и учитывая наши темпы, мы выйдем к цели примерно через семь с половиной месяцев.

— Семь с половиной?! — Ливьен в ужасе схватилась за голову. С момента их выхода из Города прошло лишь полтора!..

— Да, он назвал именно этот срок. И еще он велел передать, что ты и Рамбай ему нравитесь. — Сейна смущенно улыбнулась. — Такое я слышу от него впервые.

— Спасибо, Сейна. Передай ему, что и он нам очень симпатичен... Он не говорил тебе, что мы можем найти в Пещере?..

Сейна замешкалась, затем ответила:

— Он сказал, что там ты найдешь то, что даст тебе власть над жизнями всех бабочек мира.

Ливьен спокойно кивнула, думая: «Это почти слово в слово совпадает с тем, что поведала нам Дипт-Дейен. И это в конце концов логично. Если учесть, что мы направляемся в Пещеру ХЕЛОУ — создателя всего сущего. Нужно только перешагнуть через атеизм, навязанный обществом маака...»

— Ли, ты даже не удивилась, — заметила, изучая ее лицо, Сейна. — Ты знала? Выходит, Хелоу существовал? Почему же мы воюем с махаонами?

— Потому что на этой земле есть место или только нам, или только им. Это борьба за выживание вида, Сейна, а религия — только повод. — Ливьен объясняла подруге то, что и сама узнала от Лелии совсем недавно.

— Но почему так? — не согласилась Сейна. — Есть же на свете РАЗНЫЕ птицы и РАЗНЫЕ жуки, и они не ведут друг с другом войну на уничтожение, им хватает места. Так почему не может быть РАЗНЫХ БАБОЧЕК?

— Птицы и жуки — дети природы, а мы — рабы разума. И междоусобица неизбежна. Потому что если ты имеешь разум, ты можешь доверять, а значит, можешь и НЕ ДОВЕРЯТЬ. С какой это стати я буду доверять чужаку? Я — хорошая, я уступлю ему, а он возьмет и обманет — наберется сил и уничтожит меня... Нет уж, я хорошая, но я постараюсь опередить его. И вот, от большого ума, мы все убиваем и убиваем друг друга. И так будет продолжаться, пока не останется кто-то один. Не подумай, что мне самой это по душе. Но что-то изменить в этом раскладе — не в наших силах. Или мы, или они.

А верить или не верить в Хелоу — это тут совсем ни при чем. — Сейчас Ливьен говорила уже больше с собой, чем с Сейной, пытаясь убедить саму себя в новых, чуждых ее натуре, идеях. — Хотя, если честно, меня больше всего мучает как раз это. Раньше я верила в себя, в свои ум и силу, в друзей и врагов, в науку и поэзию... Но если есть Хелоу, значит, нужно поверить и в главные понятия религии махаон — судьба, предначертание, провидение... Неужели мы не принадлежим себе? Неужели все действительно в руках кого-то свыше?! В руках этого распроклятого бога Хелоу?!

— Хелоу — не бог, — вмешался вдруг молчавший доселе Рамбай. — Хелоу — очень большая, очень умная бабочка.

Ливьен и Сейна недоуменно уставились на него, потом переглянулись и вдруг захохотали, безудержно, как полоумные.

— Так говорят жрецы ураний, — пожал плечами Рамбай.

Он выглядел обиженным.

7

Как-то мудрая рыба в воде, в воде,
Увидала железный крюк.
А на нем, глядит: как в прекрасном сне,
Жирный, вкусный, большой паук.
Усмехнулась рыба и прочь уплыла.
Не бывает такого ВДРУГ.

«Книга стабильности» махаон,
т. II, песнь VII; мнемотека
верхнего яруса

Мало-помалу Ливьен завоевывала авторитет и доверие соплеменниц. Она поставила это перед собой ближайшей целью и, хорошенько поразмыслив, поняла, как ее достичь. Прежде всего — не так часто пользоваться Правом, пореже напоминать остальным о своей исключительности. Она вспомнила, как скромно вела себя Лелия.

За неделю, прошедшую с той ночи, когда Рамбай поймал вражеского лазутчика, она, хоть руки постоянно и чесались, заставила себя ни разу не оживить Камень. И трудилась наравне с остальными, беспрекословно выполняя команды Инталии. Только не ходила в караул; когда же она спросила Инталию, почему та не ставит ее в этот наряд, та напомнила, что в караул не ходила и Лелия. Нельзя подвергать повышенной опасности того, кто единственный знает, куда и зачем они идут... Возразить Ливьен было нечего, не могла же она открыть, что знает не так уж и много.

Они не только вернулись в оставленный лагерь, но и успели после этого еще дважды сменить место дислокации, заметно продвинувшись по намеченному маршруту.

Ее скрытая война с координатором потеряла недавний накал. Похоже, Инталия признала-таки права Ливьен и, удостоверившись в надежности Рамбая, отбросила подозрения.

Рамбай пропадал в джунглях, пытаясь найти следы махаонов, но не преуспел в этом. Ливьен начала склоняться к мысли, что его уверенность в том, что Дипт-Дейен была не диверсантом-одиночкой, а членом некоего преследующего караван отряда, — ошибочна.

Искровик Рамбай вернул Ливьен и, кроме лука, был вооружен теперь трофейным махаонским пружинным ружьем — абсолютно бесшумным, стреляющим тонкими крестообразными лезвиями. Это было оружие ближнего боя, но в лесу иного и не

нужно. Вращающиеся в полете лезвия были пострашнее любой пули.

К сожалению, на ремне Дипт-Дейен были только две запасные кассеты по сорок лезвий в каждой, а место, где лазутчица хранила боеприпасы, найти так и не удалось. С другой стороны, и этого должно было хватить надолго, ведь стрелять было не в кого.

Чтобы избежать недоразумений, Рамбай теперь не назначался в караул официально. Но когда он улетал в лес, у всех становилось легче на душе... Пожалуй, только старая Ферда продолжала поджимать губы при виде полуголого смуглого самца. Остальные же усвоили, что он — надежный защитник, и его появление в экспедиции — огромная для нее удача. Хотя Ливьен и подозревала, что в лесу он занимается не только охраной лагеря и поисками врагов, но и очисткой прежних мест стоянок каравана. Но она не спрашивала его об этом.

До той памятной сумасшедшей ночи любви Ливьен не считала Рамбая настоящим МУЖЕМ, ведь в конце концов браком их сочетали урании, по законам же Города маака они оставались чужими... Любовник, друг, экзотическое приключение, это — да... Но вот что-то переломилось в ее душе. Муж. Именно МУЖ. И она не хочет видеть рядом с собой никакого другого самца.

А он так редко бывает с ней...

Утешением для нее стала дружба с Сейной и нечто похожее на дружбу с Лабастьером.

Именно он передал ей через мать ответ на ее очередной вопрос: почему самцы в обществе маака находятся в таком неравном положении с самками.

Оказывается, много лет назад было все наоборот. Как раз самцы занимали главенствующее положение, самки же служили в лучшем случае «украшениями домов», чаще же — прислугой, наложницами, рабынями, если не сказать — домашними животными. Подобно самцам ураний, маака имели тогда по нескольку жен. Но столь мягких законов, как у лесных дикарей, у них не было. Да не было, как такового, и брака. Молодые самки просто покупались у отцов за определенную сумму. При желании и муж мог перепродать «жену» другому самцу.

Почему так сложилось, что сотни лет всем заправляли именно самцы, понять нетрудно. Они физически сильнее и выносливее, и они никогда не бывают так подолгу беззащитны, как самка в период беременности. А рожали самки ежегодно.

С развитием Города появились предпосылки для изменения этой ситуации. Во-первых, физическая сила в цивилизованном обществе утратила былой статус основной ценности. Во-вторых, запрет, снятый с противозачаточных средств, позволил самке иметь трех-четырех детей, а не десятки, как считалось естественным раньше.

Но кардинально все перевернул развивающийся институт думателей. Их становилось все больше. Все труднее дельцам и политикам становилось обходиться без них. И мало-помалу все ключевые позиции в науке, культуре, политике и производстве заняли самки—операторы думателей. Точнее, формально на высших постах оставались самцы, но без своих жен-советниц (именно так их тогда называли) они не могли ступить и шага. Функции самцов становились понемногу сугубо представительскими.

Так не могло длиться вечно. Рабский труд непродуктивен, в том числе и труд интеллектуальный. Наибольший расцвет получили те хозяйства, те отрасли и те семьи, где жены-советницы имели уже неприкрытую и неограниченную власть.

Но далеко не все самцы были способны спокойно воспринять эти изменения. Нередко жена-советница, чуть превысившая свои полномочия, бывала нещадно избита, а то и убита мужем. Кстати, никакого наказания самцу за убийство собственной жены закон маака не предусматривал... Убивали их и деловые конкуренты, и политические противники мужей, не боясь уж слишком сурового наказания... Но тогда погибал и думатель — беззащитный, всецело зависящий от своей матери.

И вот, чуть больше двухсот лет назад, по инициативе думателей в Городе разразилась беспощадная и беспрецедентная по своей жестокости гражданская война — «Великая война полов», начавшаяся с так называемого «Ночного бунта самок», когда в одночасье подавляющее большинство жен-советниц убили своих мужей. Самые влиятельные самцы, таким образом, были уничтожены. Но, несмотря на это, «Великая война полов» длилась еще более двух лет.

Надо заметить, что некоторые жены воевали и на стороне своих мужей. Но такие случаи были все же исключительными. И победили в конце концов самки. Это была страшная, кровавая победа. Самцов к концу войны почти не осталось: они уничтожались без суда и следствия. Права же тех самцов, которым все же сохранили жизнь, были так ущемлены вновь установленным законом, что возможность вернуться к прежнему была полностью устранена.

С тех пор порядок в Городе маака остается практически неизменным. И по сей день повторяются демографические взрывы и спады. Ведь перед своим ночным бунтом жены-заговорщицы постарались забеременеть — правдами и неправдами. Нельзя же было допустить, чтобы род маака попросту прервался... А затем, в ходе войны, такого, чтобы самка забеременела, наоборот, почти не случалось...

Ливьен была заворожена рассказом Сейны. «Великая война полов»... Кто бы мог подумать?! И ведь главное, нигде в официальной истории, изучаемой в инкубаторе, нет даже упоминания о ней! Лишь немногие Посвященные и думатели владеют этой информацией...

Ливьен поинтересовалась у Лабастьера, считает ли он нынешний порядок справедливым. Тот ответил, что абсолютной справедливости не существует в принципе, но сейчас общество маака более справедливо, чем прежде. «Но почему бы не уравнять в правах самок и самцов?» «Равенство полов невозможно, так распорядилась природа».

«Как бы ни был мудр думатель, он все же не способен по-настоящему адекватно воспринимать окружающее, — подумалось Ливьен. — Ведь вся информация о мире поступает к нему уже преломленной сознанием матери...» Она же, чувствуя себя абсолютно равной Рамбаю, в чем-то превосходящей, но в чем-то даже и уступающей ему, решила для себя, что нынешний порядок в Городе не менее противоестественен, чем прежний.

Но более всего Ливьен увлекли конкретные исторические сюжеты времен «Великой войны». Например, история торговца Лирбьеры, его жен-советниц Биени и Вейты и их думателей. (Ливьен, кстати, не сразу смогла понять значение слова «торговец», ведь сейчас такой профессии в Городе не существует.)

Каждый состоятельный самец в те времена старался обзавестись жёной, способной родить ему думателя. Это было залогом преуспевания. Такие жены стоили особенно дорого. Торговец Лирбьера имел всего двух жен, зато каждая из них, кроме обычных детей — продолжателей рода, подарила ему по думателю. И каждую из них он любил всем сердцем.

Последнее обстоятельство, правда, ему приходилось тщательнейшим образом скрывать от окружающих, ибо относиться к самке подобным образом считалось тогда в обществе постыдным, простительным только совсем юным самцам. Узнай о его чувствах к женам его деловые партнеры, они прервали бы с ним всякие контакты.

Жены отвечали Лирбьере взаимностью. Но обе они были членами тогда еще тайной Гильдии Посвященных, активистками комитета.

Итак, торговец Лирбьера любил своих жен. И возможно, от того, что чувство это было запретным, любовь его была абсолютно безрассудна. Ни Биени, ни Вейта и представить себе не могли, сколь хорошо их муж осведомлен о делах и планах заговорщиц. Лирбьера любил своих жен и считал недовольство самок своим социальным положением — справедливым. Он знал, что очень скоро Посвященные выйдут из подполья и начнут открытую войну. Он хотел сражаться на стороне своих возлюбленных жен. Но будучи самцом, он не мог рассчитывать стать их настоящим другом, другом по борьбе.

Раздумья его были мучительными и долгими. И он решился.

Объявив женам, что отправляется по делам в отдаленную провинцию (тогда еще Город не был единым конгломератом), Лирбьера на самом деле, уплатив не самому честному и не самому чистоплотному, но искусному врачу астрономическую сумму, сделал себе необычайную хирургическую операцию... Он сменил пол. Он стал самкой!

Никто до поры не должен был знать об этом, внешне Лирбьера почти не изменился, одежда без труда скрывала изменения. Только жены должны были знать правду и стать еще ближе... Любовь — всегда безумие, а уж тем более в те страшные времена.

Но судьба не вознаградила мужества. Лирбьера не знал точного срока, на который самками было намечено начало террора. Точнее, когда он покидал дом, срок установлен еще и не был.

Бунт самок произошел в одну из ночей его выздоровления после операции. Хирург, у которого он лежал дома (ведь операция была тайной), был заколот своей женой-советницей. Самого Лирбьеру спасла только демонстрация взбесившейся самке неоспоримых доказательств своей новой половой принадлежности.

Лирбьера уже мог летать, и он поспешил домой. В Городе царил хаос. Всюду на мостовых и в тоннелях валялись трупы, почти исключительно — самцов. Всюду слышались крики и плач, пальба и ругань. Лирбьера торопился. Да, наступили нелегкие и смутные времена. И теперь поступок его выглядел, пожалуй, не столь уж безрассудным. Он, Биени и Вейта будут по одну сторону баррикад!..

Лирбьера не знал, что подпольный комитет обязал их убить его. Напрасно они пытались доказать, что он не похож на других самцов, что он поможет самкам установить торжество справедливости... Комитет был непреклонен.

Вернувшись домой с заседания комитета и обсудив положение, Биени и Вейта отправили в мужнино загородное поместье своих нормальных детей, затем закололи своих думателей, а затем — повесились, обрезав предварительно друг другу крылья.

Эти четыре трупа и обнаружила по возвращении домой новоявленная самка Лирбьера. И именно под руководством этой бабочки прошла вся последовавшая за бунтом «Великая война полов», самая кровавая война в истории маака...

Ожесточившись, Лирбьера стал инициатором всех самых диких, самых массовых расправ над самцами. Когда победа самок стала бесспорной, многие самцы, пытаясь спасти свои жизни, сделали себе ту же операцию, что и Лирбьера. И тогда он (или все-таки «она»?) собственноручно издал указ о «недействительности» таких «искусственных самок». Отныне всякая самка, уличенная в «искусственности», каралась смертью через отрубание головы.

Подписав этот указ, Лирбьера подтвердил его силу тем, что добровольно первым взошел на эшафот.

Теперь Ливьен знала, что и Гильдия Посвященных, и Координационный Совет, и вообще вся современная административная структура Города зародились именно в те жестокие годы. Почти все в этих структурах призвано прежде всего подавлять малейший намек на реакцию и сохранять секретность любой информации, опасной для установленного тогда порядка.

Неразвенчанных иллюзий у нее, пожалуй, не осталось ВОВСЕ. Однако она не могла не признать, что при всем при том, живя в Городе, она не ощущала на себе ничьего давления, не замечала несправедливости, лживости или чего-либо подобного. И она была вполне счастлива там.

Она поинтересовалась у Лабастьера, каковы взаимоотношения полов в обществе махаон, хоть и сомневалась, что он владеет и этой информацией. Оказалось, он знает это. Изначально общества маака и махаон были очень похожи, различие было только в повышенной религиозности последних. Возможно, потому-то у них не появилось института думателей и не случилось «Войны полов». Самцы и сейчас занимают там главенствующее положение, самки же — предельно угнетены. И это еще одна причина взаимной ненависти махаон и маака.

Ливьен не была уверена, чье общество справедливее. Но война есть война. Дело в конце концов не в социальной структуре, а в сохранении вида.

* * *

...Минула еще одна неделя. Еще дважды караван успел сменить место расположения лагеря. Однажды, вернувшись утром из леса, Рамбай объявил:

— Будет большой дождь. Сегодня.

Дожди в лесу бывают нечасто, но экспедицию они парализуют напрочь: приходится отсиживаться в палатках, ведь под дождем бабочки не могут летать.

Приближение дождя бабочки чувствуют часа за два, и у них всегда есть время подготовиться. Сейчас Ливьен ничего подобного не ощущала.

— Ты уверен? — переспросила она.

— Когда Рамбай не уверен, он молчит.

— И как скоро он начнется?

— Через... — Он глянул на подаренные ему Ливьен часы. — Через... — Он наморщил лоб еще сильнее. — Через пять часов и тридцать семь минут, — объявил он наконец.

Ливьен только развела руками. Что ж, лесные жители, конечно же, более тонко понимают природу, нежели горожане.

— И сколько же этот дождь будет длиться?

— Два дня.

Ого...

Ливьен нашла Инталию и рассказала ей о прогнозе мужа. Координатор не стала подвергать сказанное сомнению и немедля принялась суетиться с подготовкой. Два дня — большой срок.

Прежде всего лагерь, до того разбитый между деревьями, был перенесен метров на пятнадцать в сторону — на открытую поляну. Это позволило бабочкам, достав из капсулы рулон тончайшей, но прочной паутины, слегка под углом растянуть ее над лагерем, цепляя несущие нити за стволы окружающих деревьев. Затем паутину облетели сверху и опрыскали специальным влагоотталкивающим аэрозолем. Теперь дождевые капли будут шариками скатываться с опущенного края.

К концу работы уже и городские самки почувствовали приближение осадков. Более того. Стало ясно, что это будет не просто дождь, это будет гроза, а то и буря. Небо темнело с невероятной быстротой, словно на несколько часов раньше положенного наступал закат. Видно, сказав «дождь», Рамбай просто не совсем точно выразился по-маакски. Или эпитет «большой» показался ему достаточно весомым.

Немедленно вокруг каждой палатки в почву стали вкручиваться дополнительные крепежные буравчики. Кроме того,

команда из трех бабочек собрала запас хвороста на два дня и теперь набивала его в специальные непромокаемые мешки...

Рамбай работал наравне со всеми, но вид у него был страшно недовольный. Он был медлителен и что-то все время бормотал себе под нос на языке ураний.

— Да что такое наконец?! — не выдержав, заорала на него Ливьен, когда он раз в двадцатый выронил из рук рулон флуоновой нити.

Рамбай расправил плечи, искоса глянул на нее, молча развернулся и, обойдя палатку, нырнул внутрь.

Ливьен, искренне раскаиваясь, поспешила за ним. Он валялся на циновке лицом вниз.

— Рамбайчик, миленький, ну прости меня, я не хотела тебя обидеть. Я просто очень спешу, мы все спешим. А ты — всегда такой ловкий, такой сильный, сейчас почему-то такой... такой... неуклюжий. Я ничего не понимаю! Ну извини меня, слышишь? — Она обняла его за плечи.

Он резко перевернулся и вдруг закричал:

— Зачем работа?! Зачем столько делать?! Вокруг ходит махаон, я чую, он ходит! И он с любой стороны подойти может! Дождь, ночь, никто не увидит!

— Ну а что же делать, милый? Будем бдительнее...

— Почему не хотите в дупло? Сколько Рамбай говорил?!

В самом деле, он уже несколько раз повторял, что намного безопаснее было бы размещаться в дуплах, не мучаясь с развертыванием, и Ливьен, соглашаясь с ним, передавала этот совет Инталии. Но той эта идея не казалась столь уж блестящей. Имея определенные достоинства, вариант Рамбая имел и серьезные недостатки. Найти дупло подходящей величины для всех вместе, да еще и с имуществом, не так-то легко, и им пришлось бы разбиться минимум на три группы. Кроме того, хоть охранять вход и проще, чем вести круговое патрулирование, но ведь и выход, в случае нападения, тоже один... И доводы Рамбая, и контрдоводы Инталии казались Ливьен в равной мере логичными.

— Пойми, — как могла убедительнее заговорила она. — Я — не вождь. Я не могу...

Но он перебил ее:

— Ты можешь! Рамбай знает, можешь! Чтобы вот тут был свет. — Он ткнул пальцем в диадему. — И они бы все тебя послушались.

Это так. Но не была она уверена в необходимости прятаться в дуплах! К тому же она твердо решила не пользоваться Знаком, если можно обойтись без этого.

Как горько предстоит ей вскоре пожалеть об этой своей принципиальности!..

Но сейчас она решила применить маневр.

— Да, милый, ты, конечно, прав. Ты — умный. А я — глупая. Я забыла... Но сейчас уже поздно что-то менять. Пойдем закончим нашу работу, а в следующий раз сделаем все так, как ты говоришь.

Рамбай подозрительно покосился на нее, затем, что-то недовольно ворча, выполз наружу. И они вновь принялись за укрепление палатки.

Черная туча уже полностью закрыла небо, и последнее крепление они устанавливали в полутьме. Чаща дышала сыростью и свежестью. Бабочки поспешно разбежались по палаткам, чтобы надеть на крылья предохранительные флуоновые чехлы. (Кроме часовых, которые позаботились об этом еще перед заступлением на пост.)

Рамбай флуон надевать отказался.

Справившись с застежками, Ливьен вместе с мужем выбралась обратно наружу. Они уселись у входа; гроза — зрелище редкое. Лес окутала мгла, и над лагерем нависла какая-то глухая придушенная тишина. Словно ЧТО-ТО готовилось к прыжку... И Ливьен поняла тревожную нервозность Рамбая.

Минута ползла за минутой, каждая — словно тяжелая жирная капля ртути.

Но вот внезапно небо на миг осветилось, расколотое на куски многохвостой серебряной змеей. И грянул гром. Такой силы, что у Ливьен перехватило дыхание.

8

И повис над землею туман, туман,
И неясно, куда лететь.
И спросил соплеменников Дент-Дайан:
«Может, нам и не нужно лететь?
Мы готовились долго, но, знайте, и там
Есть не только жизнь, но и смерть...»

«Книга стабильности» махаон,
т. VI, песнь IV; мнемотека
верхнего яруса

Плотные и черные, словно струи нефти, обрушились потоки воды на тонкую перепонку над их головами. Подул холодный промозглый ветер, и Ливьен, зябко поежившись, хотела было заб-

раться внутрь, но Рамбай вдруг громко рассмеялся и обнял ее. Она удивленно всмотрелась в его лицо и заметила в обращенных к небу глазах странный возбужденный блеск.

— В такую грозу мое племя поет песни, — сказал он, не дожидаясь ее вопроса и не опуская головы. — Вода бьет по листьям, листья — как струны. И каждый садится у края дупла. И Рамбай садился и свешивал ноги вниз. И вода била по ногам. Ноги — как струны. — Он снова диковато хохотнул и перевел взгляд на Ливьен, словно ожидая ее одобрения.

— А почему... зачем вы пели? — вместо этого спросила она.

— Весело, — ответил он и отвернулся, как будто объяснил странное поведение своих соплеменников более чем исчерпывающе.

Они помолчали. Рамбай снова посмотрел на жену, прочел на ее лице недоумение и, поджав губы, словно говоря, «эх, горожанки, ничего-то вы в жизни не понимаете», пояснил:

— Льется вода и стрекочут небесные цикады. Они хотят убить Рамбая, а ему — не страшно! В дупле сухо и тепло. Рамбай запел, а сосед подхватил. И весь лес поет. Все вместе.

И в какой уже раз Ливьен почувствовала себя ущербной от того, что не ощущает сердцем общности со своим племенем. Но разумом она понимала, как это должно быть прекрасно. И даже это знание согрело ее. Или это рука Рамбая была так горяча?..

— Спой, — попросила она.

Он недоверчиво покосился на нее. Но она повторила:

— Спой. Пожалуйста.

Снова сверкнула зарница, громыхнуло, и вода над ними зашумела еще яростнее.

— Слушай, жена.

Он отпустил ее, нахмурился и принялся, еле заметно раскачиваясь взад и вперед, отбивать ладонями замысловатый ритм. Затем тихим цоканьем в ритмическую канву вплелись хлопки его крыльев за спиной. Рамбай закрыл глаза и запел.

Мелодия этой песни была странной, непохожей ни на что слышанное Ливьен доселе. Пение то и дело, едва начавшись, переходило в быстрый хрипловатый речитатив, последнее слово которого вновь пропевалось, начиная следующую мелодическую фразу... Так повторялось снова и снова, завораживая, заставляя грезить наяву о чем-то вне времени и вне понимания.

Ливьен тоже закрыла глаза и нырнула в эти непонятные, но полные экзотического очарования звуки, чувствуя себя маленькой рыбкой в разноцветной воде...

Сколько это длилось? Минуту или час?

Рамбай замолчал, но Ливьен открыла глаза не сразу, стараясь как можно дольше удержать в себе этот новый для нее перламутровый мир. И рокот дождя помогал ей.

Но вот последний отзвук смолк в ее душе. Рамбай вновь обнимал ее. Что-то горячее подкатило к горлу.

— О чем ты пел?

— О том, как Рамбай любит свою жену, хоть она и не всегда его понимает.

Она сглотнула комок и осознала, что по ее щекам текут слезы. Что за хлипкая слезливая порода! Но ведь ничего подобного никто и никогда не пел ни ее матери, ни бабушке, ни прабабушке... Как они, наверное, счастливы, эти дикарки!

Она почему-то не хотела, чтобы Рамбай заметил ее слабость. Наклонила голову:

— Спасибо тебе. — Голос не выдал ее. — Спасибо. Пойдем спать.

В верхнем ярусе учили всему, только не объясняться в любви.

Ночью, проснувшись, Ливьен не обнаружила Рамбая возле себя. Оказалось, он снова сидит там же, у входа, и снова что-то тихо про себя напевает. Увидев Ливьен, объяснил:

— Жду.

Она не стала спрашивать, кого или чего. Ясно, что он ждет нападения махаонов. Ей же казалось, что его опасения беспочвенны. Да, слова Дипт-Дейен недвусмысленно подтвердили, что их экспедиция — не первая. Но ведь и махаоны, если они вообще существуют поблизости, не способны летать в такой ливень, а двух часовых вполне достаточно, чтобы надежно охранять лагерь по периметру. Особенно после той взбучки, которую Инталия устроила всем участникам экспедиции, когда Рамбай, никем не замеченный, протащил в лагерь плененного лазутчика... Но спорить она не стала. Знала, что переубеждать его бесполезно.

Она немного посидела рядом, прислушиваясь к его тихому пению и пытаясь вернуться в тот волшебный мир... Но что-то было не так. Уже не сверкали молнии и не рокотал гром. Было просто темно, холодно и сыро. Хотя бабочки и хорошо видят в темноте, но цветовая гамма их зрения при этом совсем иная, чем на свету: все — и предметы, и лица — приобретает мертвенный зеленоватый оттенок...

В конце концов она потрепала его выгоревшие на солнце волосы и, с трудом забравшись обратно в спальный мешок (очень мешали чехлы на крыльях), вновь провалилась в сон.

* * *

День отличался от ночи лишь тем, что тьма сменилась пасмурной серостью. Часов в шесть в центре лагеря разожгли костер, но толку от него было немного, ветер моментально выдувал тепло из-под открытого со всех сторон тента. И все же пляшущие языки пламени грели душу. И все, кроме часовых, собравшись вокруг огня, до отбоя просидели вместе, неторопливо переговариваясь ни о чем.

Днем Рамбай немного поспал, а ночью вновь уселся перед палаткой.

...Ливьен проснулась от того, что кто-то осторожно тряс ее за плечо. Это была Сейна. По ее лицу было видно, что она сильно встревожена. Ливьен знала вечную причину ее тревог:

— Что-то с Лабастьером?

— Да. Он боится. Так боится, что совсем не может спать. И представь, Ли, он заявил, что перестанет бояться, только если рядом будет твой Рамбай.

Ливьен не успела удивиться. Она и не слышала, как муж появился в палатке, и теперь вздрогнула, когда он произнес:

— Надо принести думателя сюда.

— Может, лучше ты пойдешь к нему?

— Нет. Рамбай не оставит Ливьен.

— Ладно, — сдалась она, — нужно только предупредить Инталию.

Как ни странно, координатор не возражала.

— Делайте, что хотите, — махнула она рукой. И они втроем перенесли Лабастьера в палатку Ливьен.

Сейна, само собой, устроилась тут же. Стало тесновато, но терпимо, если учесть, что Рамбай оставался снаружи. Только к исходившему от думателя резкому запаху мускуса привыкнуть было трудно. Но Сейна смущенно шепнула: «Он когда бояться перестанет, то и запах исчезнет». И Ливьен решила потерпеть.

Ей было немного обидно. Ей-то мечталось, что Рамбай, вынужденный два дня не вылетать в лес, побольше, чем обычно, посвятит времени ей. Выходило же совсем не так.

Беседа с Сейной текла вяло, и в конце концов Ливьен вновь задремала. Сон был тревожный, и то ли ей грезилось, то ли на самом деле, Рамбай, присев вплотную к клапану, стал о чем-то тихо переговариваться с Сейной. Проснувшись еще часа через полтора, она поняла, что это не сон. Только общался Рамбай не с Сейной, а... с Лабастьером.

То, что между ними происходило, вряд ли можно было назвать «беседой» в обычном смысле этого слова. Скорее это был «обмен информацией». Начала Ливьен не слышала, но вскоре поняла принцип их «обмена»: ответ за ответ, словно товар за товар. Они помогали друг другу понять мир. Думатель, который мог бы стать самцом, но так и не стал им, и самец, которого чуть было не сделали думателем.

И каковы же были их интересы? Для Ливьен они явились полной неожиданностью. Хотя, поразмыслив, она поняла, что все естественно и объяснимо. «Дикарь» Рамбай хотел побольше узнать об устройстве мироздания, о поднебесных высотах и о строении материи... А «мыслителя» Лабастьера интересовало, например, сколько у Рамбая было самок, как он с ними вел себя и что чувствовал.

— ...Ха! Но если нет небесной паутины, а только воздух, воздух и воздух, то почему небо синее?! И на чем ночью держатся звезды? — чуть агрессивно вопрошал Рамбай с коварными нотками в голосе.

«Не самый подходящий вопрос существу, у которого нет глаз», — отметила Ливьен про себя.

Сейна приникла к надлобью Лабастьера, передавая ему слова Рамбая. Затем выпрямилась:

— Вода прозрачная, а в ручье она серая или зеленая. Потому что ее много. Воздух синий, когда его много. — («Однако! — подумала Ливьен. — Он, оказывается, без труда оперирует цветовыми понятиями...») — Звезды — это солнца, и они просто висят в пустоте, — продолжала Сейна. — Но они очень далеко, там, где уже нет даже воздуха. Ты, конечно, спросишь, можно ли до них долететь. Но раз нет воздуха, то и крылья бесполезны. Есть и другие способы летать, но бабочки ленивы и недостаточно любопытны, чтобы строить специальные аппараты и пользоваться ими.

Сейна перевела дух. Потом «выслушала» очередной вопрос Лабастьера и задала его Рамбаю:

— Ты говорил, что, когда ты превратился из куколки в бабочку, ты не сразу почувствовал себя настоящим самцом. Когда, как и почему это все-таки случилось?

«С помощью Рамбая он пытается наверстать те естественные и обязательные периоды жизни, которые ему самому испытать не довелось», — догадалась Ливьен.

— Когда Рамбай вышел из куколки, он был прожорлив, как гусеница. Несколько дней мама не успевала кормить меня. И я

вообще ничего не знал, а умел только есть, ходить и летать, это все само получалось. Но я очень быстро всему учился и совсем ничего не забывал. И есть уже не хотел. Так было целое лето. Рамбай и сейчас помнит все, что было тем летом, каждую минуту. Чтобы выучить новый язык, сейчас Рамбаю понадобится год или даже два, а тогда язык ураний и язык маака я выучил за неделю... А в конце лета я вдруг понял, что я — настоящий взрослый самец. И что оплодотворить самку — это самое главное, остальное — на втором месте. Потому что главное, чтобы продолжалась жизнь... — Он помолчал. — Но я до сих пор не смог этого.

У Ливьен сжалось сердце от жалости. И вдруг она вздрогнула от собственной мысли: полуторачасовые менструальные выделения, случавшиеся у самок регулярно, каждые двенадцать дней, должны были пройти у нее еще неделю назад... «Вот так-так! Неужели я беременна?» Само собой, никаких противозачаточных у нее не было, кто ж мог предполагать, что во время экспедиции... Откуда в лесу взяться самцу маака?

Она представила, как был бы счастлив Рамбай, узнай он... Но сейчас это было бы так не вовремя! Нет уж. Будем надеяться, что задержка вызвана теми физическими и психологическими нагрузками, которые выпали на ее долю в последнее время.

Сейна уже передала ответ Рамбая Лабастьеру и, вновь подняв голову, слушала очередной вопрос.

— Если звезды — это солнца, только далеко и потому маленькие, то почему они стоят на месте, а солнце ползет по небу? Жрецы ураний говорят, что солнце — паук, а звезды — яйца, которые он отложил. Рамбай не верит жрецам. Но то, что говоришь ты, еще неправильнее. Если звезды просто висят в пустоте, то почему они не падают на землю? Рамбай всю жизнь прожил в лесу, но Рамбай не дурак. — К концу тирады в голосе его прозвучали нотки обиды.

«Да, трудно будет объяснить ему основы астрономии без чертежей и без понимания, что такое сила тяготения и как она уравновешивает центробежную силу... Мне, наверное, было бы попроще, чем Лабастьеру». И она вмешалась:

— Рамбай, давай я тебе это завтра сама объясню.

— Ты? — с сомнением протянул Рамбай. Видно, никак не свыкнется с мыслью, что самка может знать больше, чем он.

— Я, я. С астрономией у меня в порядке. Меня этому учили...

— Ладно! — согласился Рамбай, осознав, что выгадал, получив возможность задать Лабастьеру лишний вопрос. — Стой, стой! — закричал он Сейне, которая уже наклонилась к думателю. — Другое спрошу. Пусть ответит, почему думатель такой умный? Что, все куколки такие умные, а когда становятся бабочками — глупеют?

На этот раз Сейне пришлось наклоняться к Лабастьеру несколько раз и выдавать ответ порциями:

— Возьмем шире. Гусеница разумной бабочки почти ничем не отличается от гусеницы насекомого. Только размером. Ее задача — поглощать пищу и расти. Мозг у нее очень маленький, вмещающий только главные инстинкты. — («Ну, это не совсем правда, — подумала Ливьен. — Они все-таки посообразительнее, чем обыкновенные червяки. К тому же очень игривые и вообще симпатичные...») — Но вот гусеница достигла необходимой массы. Теперь она закукливается.

Куколка — это небольшой завод по постройке бабочки из накопленных гусеницей тканей. У насекомых этот процесс заканчивается созданием существа, единственной задачей которого является продолжение рода. Искать партнера, найти и зачать или оплодотворить, в зависимости от пола... У нас же куколка имеет и еще один этап развития — формирование мозга, несравнимого по размеру и сложности с мозгом насекомых.

Ты сам только что рассказывал, что после превращения очень быстро все усваивал, все понимал, но мало знал. Мозг был готов к работе, не было только информации.

А если сделать так, как сделали со мной — не дать куколке стать бабочкой как раз в период развития мозга, то процесс его увеличения и усложнения продолжается еще довольно долго. Мозг думателя примерно в четыре раза больше, чем мозг бабочки. Но он изолирован. И каждая песчинка информации, благодаря эператору попадающая в него, обрастает таким слоем мудрости, что становится жемчужиной...

«А наш Лабастьер еще и поэт, — заметила про себя Ливьен, — но от скромности он явно не погибнет». Она улыбнулась, вновь прикрыв глаза. Голоса Рамбая и Сейны звучали успокаивающе, словно баюкая. Завывания ветра и шум воды снаружи теперь совсем не казались угрожающими.

Ей снилось, что она в своем городском гнезде. Она сидит на коврике учебной секции, а ее любимчик, богомол Ю, который почему-то одновременно был и Рамбаем, примостившись на ее

плече, щекочет ей ухо тонкими колючими лапками. Она, играя, легонько стукнула его пальцем по носу, а он в ответ пискнул ей на ухо, почему-то испуганным голоском самки: «Ли, просыпайся. Проснись!..»

Она встрепенулась. Сейна осторожно теребила ее за плечо.

— Что?!

Сон словно рукой сняло.

— Тс-с. Рамбай сказал, чтобы мы приготовились к бою. Только тихо.

— Он что-то увидел?

— Не знаю. Но я и сама чувствую опасность. Какой-то странный запах...

Ливьен осторожно выползла из мешка, дотянулась до автомата и, вынув его из крепления, выглянула наружу.

И тут началось нечто невообразимое.

Рев и огненные вспышки раздались одновременно со всех сторон. Ночным зрением Ливьен увидела, что над их головами, прямо по водозащитной паутине носятся какие-то огромные четырехлапые тени.

Нечто светящееся и сферическое, размером с голову, провалившись сквозь паутину, упало рядом с палаткой караула. Полыхнуло, грохнуло, и от палатки остались только горящие обломки. Термитная бомба! Вначале она только горит, выделяя большое количество тепла и прожигая любые перекрытия под собой, а затем — взрывается. Успела ли спастись отдыхающая смена?! Кажется, да: неподалеку от зарева несколько маака вели непрерывный огонь по непонятным существам над головой.

Ливьен окончательно пришла в себя. Рамбая рядом не было, зато Сейна уже тоже строчила из автомата вверх. Ливьен вскинула искровик, выжала до отказа рукоять подачи топлива и полоснула первой очередью.

Еще одна бомба в клочья разнесла палатку Биньюат. И тут она увидела Рамбая. Сердце ее бешено заколотилось. Расправив крылья и не обращая внимания на пальбу, он летел вверх. Любая шальная пуля могла прекратить этот полет!.. Но нет, вот он достиг паутины, неизвестно как ухитряясь цепляться снизу за абсолютно гладкую поверхность, и, помогая себе трепыханием крыльев, зажатым в одной руке кинжалом, стал вспарывать нити и пленку застывшего аэрозоля.

Зачем?!

Влага хлынула в образовавшуюся щель и замочила ему крылья. Выпустив кинжал и ухватившись за край обеими руками,

он беспомощно повис на губительной высоте. Только теперь Ливьен поняла смысл его действий: одно из носившихся по паутине существ провалилось в дыру, едва не зацепив его самого.

Так вот кто напал на лагерь! Это был серо-зеленый пятнистый варан, оседланный махаоном в комбинезоне того же цвета. Раньше Ливьен думала, что наездники ящериц встречаются только в древних легендах...

Варан упал удачно — на лапы, махаон, похоже, не был ни ранен, ни оглушен. Веер сверкающих дисков разлетелся от него во все стороны, и в стенке палатки, в двух сантиметрах от головы Ливьен, появилось резаное отверстие.

Ленивыми, но быстрыми прыжками ящерица побежала через лагерь к краю поляны. Наездник прижался к ее спине, не слишком уютно чувствуя себя под перекрестным огнем. Но погубил его не кто-то из маака. Очередная бомба, упав сверху, взорвала походную кухню, и каким-то ее обломком махаона вышибло из седла.

Ливьен тем временем, бросив автомат, торопливо сдирала с крыльев влагоупорный флуон. Когда наконец ей удалось это, она взмыла вверх, уклоняясь от струй и брызг. Достигнув Рамбая, протянула ему руки:

— Держись!

Он уцепился сначала за одну руку, потом, отпустив паутину, схватил вторую. В этот миг рядом с ними сквозь щель провалились сразу две ящерицы. Одна тяжело рухнула вниз, другая же когтем передней лапы зацепилась за край и теперь болталась, корчась, извиваясь и делая дыру еще шире. Наездник не удержался на ее спине и упал, сломав о землю шею.

Рамбай был тяжел, и они с Ливьен тоже скорее падали, нежели приземлялись. Но это было все же мягкое падение. Кубарем прокатившись по земле, Ливьен вскочила на ноги, но Рамбай вдруг изо всех сил толкнул ее в сторону, и она упала вновь. А на то место, где она только что стояла, рухнула ящерица и, оглушительно визжа, забилась в агонии. Смрад, тот самый, отголоски которого Ливьен почувствовала, проснувшись, волнами разносился вокруг.

Рамбай рывком поднял Ливьен на ноги. Она в оцепенении смотрела на умирающего пятнистого зверя. Рамбай встряхнул ее за плечи и, выдохнув ей в ухо одно только слово: «Думатель!», пригнувшись, поволок ее за руку в сторону их палатки.

9

Капли влаги — душа дождя, дождя,
Грозный хор их — небесный гром.
У души нет закона и нет вождя,
Но сливается дождь ручьем.
Две улитки пьют из ручья, ведя
Тихий спор. О любви притом.

«Книга стабильности» махаон,
т. IX, песнь V; мнемотека
верхнего яруса

Лагерь горел. На пути к палатке Ливьен запнулась и с ужасом поняла, что под ногами — скрюченное тело маака Кумбии, самой тихой, исполнительной и незаметной бабочки группы, правой руки старшего координатора. Сразу два крестовидных махаонских лезвия завязли в ее теле, одно — в левой части живота, другое — в левом же предплечье.

Пронзительный предсмертный вопль варана, словно удар хлыста, сбил оцепенение с сознания Ливьен, и она, без автомата в руках, почувствовала себя беззащитной и как бы голой.

Искровик валялся возле палатки, рядом с Сейной и Инталией, палящими вверх, туда, где продолжали метаться по поверхности тента еще две ящерицы. Ливьен выдернула ладонь из руки Рамбая, схватила оружие и, упав на спину, на свои превратившиеся в мокрые измятые тряпки крылья, присоединилась к стреляющим.

— Нельзя позволить им уйти! — крикнула Инталия, и Ливьен в душе согласилась с ней. Нападение было столь внезапным и организованным, что, конечно же, махаоны должны были без труда стереть лагерь с лица земли. Так или почти так, наверное, гибли все предшествующие экспедиционные караваны. Но в прежних караванах не было Рамбая!

И сейчас перевес был явно на стороне маака. Если же хоть один наездник скроется в чаще, о безопасности ослабленной группы говорить не придется.

Все это пронеслось в голове Ливьен в один миг. Похоже, не только она и Инталия отдавали себе в этом отчет. С противоположного края лагеря полыхнула вспышка, и в небо взметнулся ярко-зеленый луч.

Ну конечно! Как она могла забыть о ручной ракетнице, предназначенной для борьбы с крупными птицами! Скорее всего

стреляет Петриана, к которой это легкое оружие приписано боевым расчетом.

Первый снаряд не задел ни одно из чудовищ, зато второй вонзился варану в брюхо и с утробным хлопком разнес зверюгу на куски.

Но сидящий на нем махаон как раз за миг до этого собирался метнуть очередную термитную бомбу, и она выпала прямо из образовавшегося на месте ящера густого облака дыма. И взорвалась примерно в том месте, откуда вылетали ракеты. И больше они не вылетали.

Тем временем последний оставшийся наверху варан метнулся к краю паутины и исчез во тьме, перепрыгнув на ветку ближайшего дерева.

— Ушел! — в сердцах ударила себя по коленке Инталия. — Ушел, проклятый!

Да, не скоро теперь они смогут вздохнуть спокойно.

Лагерь представлял собой жалкое зрелище. Или горящие, или, наоборот, насквозь промокшие обломки. Грохот прекратился, и по сравнению с ним шум дождя, журчание стекающих из отверстий в тенте струй, потрескивание огня и стоны — все это казалось тишиной.

Ливьен хотела предложить Рамбаю пройти с ней осмотреть руины, но обнаружила, что тот снова исчез.

Ее опередила Инталия:

— Все, Сейна, бояться больше нечего. Посмотри, как там думатель, а мы с Ливьен пробежимся. Может быть, кому-нибудь нужна помощь.

Сейна с готовностью нырнула внутрь палатки, а Ливьен и Инталия двинулись по территории.

Первым, что они нашли, был труп Аузилины. Той самой Аузилины, которая так переживала, подстрелив дикаря... По тому, что осталось от Иммии, нетрудно было представить, сколь мучительна была ее смерть: она сгорела заживо, оказавшись слишком близко от взорвавшейся термитной бомбы. Они узнали ее только по оторванной и потому не сгоревшей руке, валявшейся в двух шагах от обугленного тела.

Ливьен прошиб пот. До того, возбужденная, подстегиваемая порциями адреналина, она хоть и ощущала страх, но не в полной мере осознавала весь кошмар происшедшего. И вот теперь он всей своей грязной липкой массой навалился на нее. Чтобы избавиться от него, Ливьен вскинула автомат и, выкрикнув в

свинцовое небо махаонское ругательство, полоснула очередью в пустоту.

Инталия, таким нехарактерным для нее жестом, крепко обняла Ливьен за плечи, успокаивая ее; все их былые разногласия не имели теперь никакого значения. И они наверняка разрыдались бы, если бы не слабый хриплый стон поодаль:

— Ли...

Они бросились на звук, к дохлому варану — зов раздался из-за его туши.

Нет, ящер еще жив, что-то в нем еще теплилось. Дрожа мелкой рябью, он лежал на животе, поджав, словно готовясь к прыжку, мускулистые лапы. А под ним, по пояс придавленная его телом, распласталась на спине бедная Ферда.

Инталия уперлась в бок зверя и попыталась сдвинуть его с места. Бесполезно.

— Ноги... — простонала Ферда.

— Сейчас, сейчас, — запричитала Ливьен и тут догадалась, что следует предпринять. Она переложила автомат в левую руку, отбежала в сторону, вытащила из какой-то горящей кучи крупный обломок доски и, крикнув Инталии: «Тяни!» — сунула головешку ящеру под нос. Пахнуло паленой шкурой. Рефлекс сработал: чудовище на миг приподнялось на лапах и тут же, смрадно дохнув Ливьен в лицо, осело вновь.

Но выдернуть из-под его брюха Ферду координатор успела.

— Как она? — выпалила Ливьен, подскочив к Инталии, склонившейся над раненой.

— Скончалась, — поднялась та, отряхивая колени.

— Да ведь только что!.. — вскричала Ливьен.

Координатор кивнула:

— Да. Пошли.

...Стрелок Джибика умерла легкой смертью: лезвие пробило ей сонную артерию. А вот ее коллеге Биньюат... она находилась в палатке, когда туда попала бомба...

— Да остался тут хоть кто-нибудь живой?! — истерично воскликнула Ливьен. И, словно в ответ, вновь послышался стон. Совсем рядом.

Махаон. У несчастного не было обеих ног.

Инталия, присев на корточки, склонилась над ним...

Неуловимое движение, и координатор с булькающим хрипом упала на спину. Махаонский кинжал торчал у нее из горла.

Бессмысленно длинной — минутной — очередью Ливьен превратила махаона в набитый пулями мешок. И всю эту минуту она,

сама того не замечая, издавала протяжный крик, больше похожий на вой... Обойма кончилась, и искровик продолжал щелкать вхолостую...

Когда воцарилась тишина, Ливьен, вздрогнув, услышала над ухом голос Рамбая:

— Рамбай гнался и догнал. Хотел живьем, не вышло.

Она обернулась. В руке за черный вихор он держал срезанную с плеч голову махаона. По всей видимости, того самого, что удрал на последнем варане. Это, конечно, была удача, но Ливьен попросила:

— Брось...

Она уже не могла радоваться чьей-то смерти. Даже смерти врага.

Рамбай послушно разжал пальцы, голова упала на землю, и он ногой отпихнул ее в сторону. Ливьен приникла к его груди.

— Она только что была жива, — стуча зубами, кивнула она на Инталию, мертвыми глазами рассматривающую мертвую черноту вверху. — Этот гад...

— Рамбай видел, — остановил ее муж. — Но не успел. Идем.

— Надо проверить, может, все-таки кто-то...

— Никто, — покачал он головой. — Рамбай проверил. Ты, я, Сейна и думатель. Больше живых маака нет. Рамбай думает, махаоны знали, где думатель, и не стреляли туда, и не кидали туда бомбы. Рамбай думает, это он нас спас.

Сейна не обратила внимания на это странное умозаключение.

— Нужно потушить пожар, — сказала она.

— Не нужно. Вода потушит. Я нашел хорошее дупло. Пойдем быстрее, надо посмотреть еще одного врага. Пока не очнулся.

Последних слов Ливьен не поняла, но покорно двинулась за ним.

Так вот что имел в виду Рамбай. На полпути к палатке они наткнулись на сидящего спиной к ним и раскачивающегося взад и вперед махаона. Он был контужен.

Рамбай одним прыжком подскочил к нему и, стараясь не повредить крылья, болевым приемом завернул ему за спину руку. Махаон вяло сопротивлялся. Рамбай крикнул Ливьен:

— Что-нибудь связать!

— Зачем он нам нужен? — вскидывая автомат, закричала она в ответ. Ненависть снова вернулась к ней. — Отойди, я прикончу его!

— Не надо, — замотал головой Рамбай. — Втроем с думателем трудно лететь будет. Этот — будет помогать.

— Ты думаешь, он полетит? — с сомнением спросила Ливьен, памятуя о фанатизме махаонов. Но ствол опустила.

— Как стрекоза! — с раздражением в голосе заверил Рамбай. — Ну давай же, непокорная жена, неси мне быстрее веревку!

Дождь кончился, но оставаться здесь, среди трупов, действительно было невыносимо. Решив отложить погребение погибших на завтра, лишенные влагой возможности лететь, Рамбай, Ливьен и Сейна волоком тащили запеленутого в чехол Лабастьера к присмотренному Рамбаем дереву. На счастье, оно было не так уж далеко. К чехлу Рамбай привязал еще и чудом не сгоревший легкий мешок сухого хвороста.

Пленного они с собой не взяли, оставив его в лагере жестко прикрученным связанными руками к крепежному буравчику одной из сгоревших палаток. Сперва Ливьен была против этой меры, боясь, что кто-то из нападавших все же сумел уцелеть и теперь, вернувшись, освободит их пленника. И тогда их станет уже двое. Но Рамбай еще раз повторил, что махаонов больше нет. Он пересчитывал. А Ливьен уже не один раз убеждалась, что многих бед можно было бы избежать, если бы она безоговорочно доверяла его интуиции, чутью и опыту.

Когда добрались до дерева, Рамбай вскарабкался по мокрой коре вверх (только дикарь, всю жизнь проведший в лесу, был на это способен), а затем сбросил вниз конец прихваченного в лагере хитинопластового шпагата.

Сперва наверх был поднят хворост, затем, когда Рамбай вновь сбросил шпагат, им вокруг пояса обвязалась Ливьен. По ходу ее подъема Рамбай выбирал шпагат, все время держа его в натяжении. Продвигалась она медленно, несколько раз, поскользнувшись, срывалась и повисала, как паук на своей нити. Но Рамбай держал крепко и даже ухитрялся понемногу подтягивать ее наверх.

Насквозь промокшая, исцарапанная и перемазанная смолой, она наконец в изнеможении распласталась на полу дупла. Знакомый тревожный запах пощекотал ей ноздри.

— Тут что, живет лесной кот? — испуганно спросила она Рамбая.

— Нет. Кот здесь бывает. Сейчас дождь, он не придет.

Стало ясно, что засиживаться на новом месте не придется, хотя Рамбай и добавил успокаивающе:

— У нас будет огонь. Кот боится.

Вдвоем они втянули наверх думателя, а затем к ним присоединилась и Сейна — бледная, с всклокоченными волосами и горящими, почти безумными, глазами.

Лишь появившись в новом жилище, она тут же кинулась к Лабастьеру, развернула чехол и, как всегда после его транспортировки, припала к надлобью.

Ливьен было больно видеть, как думатель буквально высасывает из ее подруги последние силы. Но... В конце концов она — мать, и не Ливьен было решать за нее, что отдавать, а чего не отдавать своему, вновь отвратительно пахнущему от страха, чаду...

Дупло было довольно просторным. Рамбай развел небольшой костерок. Сейна, закончив свою миссию, отползла от думателя и лежала теперь поодаль, свернувшись клубком.

Ливьен колотил озноб, и огонь все никак не мог согреть ее. Она пыталась уснуть, но перед глазами снова и снова вставали эпизоды боя и еще более страшные картины его последствий. Раздавленная Ферда, сгоревшая заживо Иммия, Инталия с кинжалом в горле... Каждую из них она по-своему любила; пусть это и не проявлялось внешне, но каждая была близка ей...

Рамбай погладил ее волосы, но Ливьен это было почему-то неприятно, и она отстранилась. Она словно чувствовала вину за то, что жива, что сидит в тепле, рядом с любящим ее самцом, когда там, на поляне, лежат их окоченевшие трупы. Ей было плохо, но она не позволяла себе глушить эту боль.

Она снова села. Она не могла лежать. Рамбай хмуро глянул на нее, потом достал откуда-то из-за пояса небольшой мешочек и, высыпав из него на ладонь щепотку светло-коричневого порошка, поднес к ее лицу:

— Вдохни носом.

— Что это?.. — не столько на самом деле интересуясь или опасаясь, сколько чисто рефлекторно, спросила она.

— Сделай глубокий вдох, — повторил Рамбай, подставляя ладонь к самым ее ноздрям.

Запах был сладковатый, незнакомый, какой-то ОПАСНЫЙ. Но ей было все равно. И она изо всех сил шмыгнула носом.

Ей показалось, что от неистового жжения, сперва опалившего слизистую оболочку, а затем переметнувшегося в грудь и живот, глаза выходят из орбит. Дыхание сперло. Одной рукой она схватила себя за горло, силясь сделать хотя бы один вдох, другой сжала лоб, боясь, что голова расколется от вспучившегося изнутри болезненного напряжения... Она и не заметила, что нечаянно активировала этим Камень диадемы.

...Она неслась через спиральный тоннель, не касаясь его синих флюоресцирующих стенок. Она не могла касаться их уже потому, что ей было нечем сделать это: у нее не было ни рук, ни ног; вообще не было тела. Оно осталось где-то в далекой прошлой жизни, и там (Ливьен как бы ПОМНИЛА это) оно билось в безудержном, разрывающем легкие кашле. На самом же деле сейчас Ливьен мчалась в синем сиянии — выше и выше. Внезапно что-то лопнуло, и она выплеснулась в темное небо, высоко над тучами, в зеленовато-серебряный свет луны.

«Куда?» — спросила душа Ливьен сама себя.

«Конечно же, домой!»

И она, усмехнувшись от ощущения своего могущества, в один миг пронзила расстояние, отделяющее ее от Города.

Свободно проходя через уличные перекрытия, она нырнула в материнское гнездо, в свою спальную ячейку, и не узнала ее. Другие предметы, другие цвета и запахи. В обширном гамаке дремлет незнакомая пожилая бабочка.

«Для Совета я — мертва, и мое гнездо отдали кому-то другому, — догадалась Ливьен. — Но что они сделали с мамой?..» Она метнулась в средний ярус Совета и оказалась в смотровой палате Гильдии, о которой прежде не имела представления. Несколько бабочек сидели тут за овальным столом-пультом. Одна из стен помещения светилась бирюзой Камня. И она увидела огромное, в полстены, испуганное лицо Рамбая, а за ним — освещенные пламенем костра неподвижные фигуры Сейны и Лабастьера.

Миг тянулся и тянулся. Время остановилось, картина застыла и не менялась. Час, два, три... Она хотела закричать, но сумела издать лишь слабый стон... Но и его хватило для того, чтобы уничтожить это странное видение. Оно лопнуло, разбрасывая вокруг разноцветные искры... Ее сознание в один миг проделало обратный путь. И Ливьен открыла глаза.

Лицо Рамбая, склоненное над ней, было именно таким, какое она видела там... Где?.. Видела?..

Она осмотрелась.

— Сколько я?.. Сколько прошло времени?

— Минут десять.

— Что это было? Что ты мне дал?

— Сушеный сок гриба пейота.

Ливьен ничего не знала о таком растении. Но дело было не в названии.

— Наркотик? У нас за это карают смертью.

— А у нас — изгоняют из племени. Но этим же жрецы лечат тех, кто без причины захотел умереть.

Ливьен прислушалась к себе. И неожиданно обнаружила, что ее депрессию как рукой сняло.

— Рамбай беспокоился, что дал тебе слишком много.

— Нормально, — покачала она головой. И почувствовала, что ужасно хочет спать. Она устала. И это была НОРМАЛЬНАЯ усталость, и это будет НОРМАЛЬНЫЙ сон. Сейчас — получится. Она хотела сказать что-то еще, но не нашла в себе сил шевельнуть губами. И смежила веки.

Она ощутила, как Рамбай поцеловал ее в лоб, и чуть-чуть улыбнулась в ответ, не открывая глаз.

Что же она видела только что? Сновидение? Или ее душа действительно совершила путешествие домой — в Город маака? Завтра она поподробнее расспросит Рамбая о свойствах этого странного порошка. А сейчас — спать, спать и спать. Спать, спать и...

10

«Подскажи, как найти то, что спрятал мрак
В миг рожденья у нас внутри?»
Чтоб запутать нас, хитроумный враг
Подарил нам глаза свои.
«Только Мать-Первобабочка знала КАК...
Мы — осколки ее любви».

«Книга стабильности» махаон,
т. X, песнь II; мнемотека
верхнего яруса

Утро было таким свежим, таким солнечным, что, пробудившись, Ливьен не могла заставить себя поверить, что все происшедшее накануне — не болезненный кошмар. Но проснулась она не в лагере, а в дупле, и тело слегка ныло от вчерашнего напряжения и ссадин...

Рамбай встал еще раньше: над костерком, распространяя аппетитный аромат, шкворчали прутики с мясом какой-то гусеницы или улитки. Сам он колдовал возле. А поодаль лежала кучка орехов и ягод.

Пожелав доброго утра, Ливьен подошла к краю дупла, повернулась и раскрыла крылья так, что они оказались снаружи (внут-

ри дупла ей не хватило бы места). Все в порядке, они обсохли, можно летать. Более того, во время всех ее вчерашних падений каучук, когда-то наложенный Рамбаем на трещину, почти полностью счистился. И стало ясно, что он уже и не нужен — ткани срослись.

Она подсела к огню возле Рамбая, и он снял с ее крыла остатки клея.

Перед Лабастьером, который, успокоившись, не распространял больше неприятный запах, лежал нетронутый кусок мяса. Видно, и думатель вчера вымотался до предела.

Спала и Сейна. Но ее пришлось разбудить: Рамбай и Ливьен собрались отправиться в разгромленный лагерь — похоронить убитых, очистить поляну от «мусора», забрать пленника и все, что может пригодиться. Рамбай хотел идти один, однако Ливьен сумела убедить его, что лучше знает снаряжение. Но главной ее целью было — лично отдать последний долг погибшим. Хотя и не с прежней остротой, но нелогичное ощущение вины за то, что она жива, продолжало мучить ее.

В дневном свете, по контрасту с сияющей зеленью леса, лагерь выглядел еще страшнее и сиротливее, чем ночью. Грязные, покрытые отвратительными кровавыми подтеками лохмотья тента болтались на ветру, словно силясь прикрыть от солнца обгорелые обломки, дохлых ящериц, промокшее тряпье и обезображенные тела бабочек.

Зачем?! Кому нужны все эти бессмысленные смерти?

Или это СУДЬБА? ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ? «Божий промысел» того самого ненавистного Хелоу, жилище которого они разыскивают?

Но почему же он так безжалостен не только к маака, но и к махаонам, которые раболепно поклоняются ему?

Ну уж нет, даже если он и существует, Ливьен никогда, НИКОГДА не станет молиться ему.

Ярость душила ее. И с той же ненавистью, что о вражеском божестве, подумала она и о Координационном Совете Города. Мало того, что от участников экспедиции скрыли ее цель, им не удосужились даже сообщить, что они — не первые, что все их предшественники погибли! (У Ливьен не было никаких оснований не верить тому, что сказала Дипт-Дейен.) Никто, никто из непосредственных исполнителей не представлял степень риска, на который идет... У Ливьен сами собой сжались кулаки.

...Она была никудышной помощницей Рамбаю. Она все никак не могла отогнать от себя видений прошлого. Начало экспедиции. Настроение такое, словно они собрались на продолжительный, но увлекательный пикник; все были веселы, полны жизни и оптимизма. Да разве могли их напугать какие-то полуголые дикари? Их, вооруженных автоматами и наукой?..

Двенадцать мертвых тел были перенесены к центру лагеря и сложены рядом. Восемь маака и четыре махаона. От Биньюат не осталось ничего, что можно было бы похоронить.

Пленный махаон неотрывно следил за Ливьен и Рамбаем водянистыми зелеными глазами. Он провел здесь ночь — в грязи, холоде и дыму, со связанными руками и почти без движения... Но увидев их, он не проронил ни звука, и Ливьен вновь подивилась выносливости и стойкости неприятеля.

Рамбай, отыскав небольшую походную лопату, принялся копать общую могилу, а Ливьен, откладывая в кучку то, что считала необходимым забрать с собой — боеприпасы и кое-что из утвари, сносила к краю ямы весь хлам, который тоже предстояло зарыть в землю...

Рамбай нашел среди отложенных Ливьен предметов сосуд с медом, смазал им махаону крылья и слепил их вместе. Теперь тот мог только идти. Но не хотел. Он просто падал на землю и не обращал на пинки и оплеухи Рамбая ни малейшего внимания. Ливьен не могла объяснить ему, что они не собираются убивать его, только Иммия владела его языком... Хотя и уговоры подействовали бы вряд ли. Ливьен хорошо помнила достоинство, с каким приняла смерть Дипт-Дейен.

Как Рамбай намерен заставить пленного помогать им нести Лабастьера? Похоже, он и сам этого уже не знает. Пока что все происходило наоборот. Так и не сумев принудить пленного двигать ногами, Рамбай, стиснув зубы, взвалил его себе на спину и протащил так почти полпути. Потом вдруг остановился, бросил нарочито невозмутимого самца (на этот раз Ливьен сразу определила пол махаона) на землю и заявил:

— Ты была права, мудрая жена. Надо его убить.

Но теперь уже Ливьен не могла согласиться с таким решением. Слишком многих они уже похоронили сегодня.

— Развяжи его, и пусть летит на все четыре стороны.

— Ага, — проворчал Рамбай и, вновь взвалив пленника на себя, поволок его дальше.

— Это бессмысленно, — пыталась образумить его Ливьен, тащившая, в свою очередь, тяжеленный мешок с оружием и снаряжением, — ты зря тратишь силы и время.

— Мои силы. Мое время, — лаконично отозвался тот. Но вскоре, снова уронив махаона на землю, в изнеможении растянулся на мху возле него и прикрыл глаза.

— Надо его отпустить, — настойчиво повторила Ливьен, присаживаясь рядом.

— Или заставлю, или убью, — не поднимая век, ответил Рамбай. Потом добавил: — Но если я его убью, мы не сможем лететь с думателем.

Спорить с этим доводом было трудно, но и толку от его верности не было никакого.

Махаон продолжал спокойно наблюдать за ними.

— Но как ты хотя бы объяснишь ему, чего мы от него хотим? — Ливьен начала злиться.

— Надо пробовать, — заявил тот невразумительно и, со вздохом поднявшись, поволок махаона дальше. Добавив при этом то ли чистосердечно, то ли язвительно: — Если Ливьен устала, пусть оставит все здесь, Рамбай потом вернется и подберет.

«Ну и ладно! — окончательно вышла из себя Ливьен. — Ну и тащись один, упрямый дикарь!..»

Бросив мешок и взяв искровик в руку, чтобы не мешал крыльям, она молча взмыла в небо и полетела вперед.

Страшно даже представить, что могло бы случиться, не обозлись она на Рамбая и не появись возле дерева на несколько минут раньше его.

Кот, серо-рыжий и полосатый, точно такой же, как тот, что когда-то напал на палатку Лелии, стоял задними лапами на ветке, под дуплом, засунув в него одну из передних. Ливьен оцепенела. Почему Сейна не защищается?! У нее есть автомат, у нее есть огонь! Да жива ли она еще?!

Стрелять в полете ужасно неудобно, а о точности не приходится и говорить. Но ничего иного не оставалось. Отдача развернула ее в воздухе, и, как и следовало ожидать, она промахнулась. Кот на выстрелы даже не обернулся, только дрогнуло его рыжее ухо, светящееся розовым на пробивающемся сквозь листву солнце.

Ливьен приблизилась настолько, что промахнуться стало уже просто невозможно, и выстрелила вновь.

Кот взвизгнул, выдернул лапу из дупла и, цепляясь когтями за кору, быстро пополз вниз.

В дупло Ливьен буквально влетела, успев сложить крылья за миг до того, кубарем прокатилась по полу и больно ударилась обо что-то плечом. Концентрация мускусной вони была просто убийственной. Сейна, бессвязно причитая, стояла на коленях возле Лабастьера.

— Почему ты не стреляла?! — закричала Ливьен, садясь и растирая ушибленное место. И тут же успокоилась: вроде бы все живы.

— Я заснула, понимаешь?! — обратила на нее Сейна искаженное ужасом лицо. — Кот ранил его когтем! Это я виновата!

Ливьен разглядела обширную рваную рану на хитиновой спине думателя. Тело его вяло сокращалось, мотаясь из стороны в сторону.

— Он никогда в жизни не чувствовал боли! — продолжала истерику Сейна. — Я не знаю, что с ним может случиться! Бедный, бедный! Я никогда не прощу себе этого!

— Хватит паниковать! — рявкнула Ливьен, понимая в то же время, что помочь не может.

Сейна прижалась к Лабастьеру и тут же, отпрянув, умоляюще сказала:

— Ему очень больно, а еще сильнее — страшно. Он просит, чтобы его вынесли наружу, там ему будет легче. Он очень просит.

Ливьен не стала спорить, ей и самой было уже невмоготу находиться в этом смрадном воздухе.

— Скажи ему, чтобы потерпел и не двигался, — скомандовала она. Сейна вновь склонилась над раненым чадом, и миг спустя Лабастьер замер, лишь изредка вздрагивая.

Они быстро свернули и застегнули его чехол, подхватили за лямки, подтащили к отверстию и, вылетев, аккуратно опустились на траву. «Да, — подумала Ливьен, — далеко с ним не улететь, даже если нести втроем...»

Кота не было и в помине. «Удрал зализывать раны», — злорадно усмехнулась Ливьен.

Чехол открыли, и думатель опять начал болезненно дергаться. А Ливьен еще раз рассмотрела рану. Похоже, ничего страшного; поврежден только хитин, глубже ткани почти не тронуты.

И тут из кустарника, заставив Сейну вскрикнуть от испуга, выбежал махаон. Он мчался как угорелый, связанные руки держа вытянутыми перед собой. За ним еле поспевал Рамбай. Поведе-

ние пленного было совершенно непостижимым. Он поравнялся с Ливьен и Сейной, упал рядом и вдруг забился мелкой дрожью. Его глаза закатились, на губах выступила желтоватая пена, а вскоре он затих. Неподвижно лежал и Лабастьер.

— Что это с ним? — уставилась Ливьен на Рамбая.

Тот только недоуменно пожал плечами. А Сейна склонилась над думателем. Затем пораженно посмотрела на Ливьен:

— У него прошла боль. И он заснул.

Ливьен растерянно покачала головой. Потом указала на лежащего без сознания пленника:

— Может быть, это как-то связано с ним?

Они попытались привести махаона в чувство, но безрезультатно. Обморок был глубоким. Рамбай ножом перерезал веревку на его затекших запястьях.

Все разъяснилось, как только проснулся думатель. Сейна, сама пораженная полученными от него сведениями, сообщила, что Лабастьер еще никогда в жизни не был так счастлив, как сейчас. Во-первых, он узнал, что такое боль и, несмотря на муки, как никогда отчетливо ощутил свою связь с окружающим миром. Во-вторых, НА НЕГО НАПАЛ КОТ, то есть он как бы принял, пусть и пассивное, участие в сражении и почувствовал себя при этом чуть ли не полноценным самцом маака...

Ну а третье и главное — то, что у него появился новый канал связи с реальностью, новый реципиент и собеседник: пленный махаон был телепатом. Притом намного более сильным, чем Сейна. Если та «слышала» мысли Лабастьера только вплотную к нему прижавшись, то махаон... Рамбай рассказал, что еще метрах в пятидесяти от их дерева тот перестал противиться движению. А через несколько шагов сам со всех ног помчался вперед. Нетрудно было догадаться, что случилось это как раз в тот момент, когда в тело Лабастьера вонзился коготь кота.

Сообщение это тревожило. Враг, обладающий превосходящими их способностями... На первый взгляд, опасаться было нечего, но кто знает... Не может ли он, например, чем-нибудь повредить Лабастьеру? С другой стороны, похоже, именно он помог думателю избавиться от боли. Но кто знает, кто знает... Как бы там ни было, нужно быть начеку.

Сейна, испытывая нечто похожее на ревность, более подробно расспросила Лабастьера и выяснила, что поток сознания махаона буквально захлестнул его. Тот явно не старался специально

общаться с думателем, просто его сознание было предельно «открыто». Лабастьер не знал языка махаон, но слова и мысли — далеко не одно и то же. И он уже многое знал о пленнике. То, что зовут его Дент-Байан, что в карательную команду он был включен именно по причине своих телепатических способностей, для того чтобы найти думателя, уберечь его от гибели при нападении на лагерь маака и позаботиться о доставке в целости и сохранности в некую «цитадель мудрости».

И еще Лабастьер добавил, что в миг общения с махаоном «увидел» какие-то яркие образы, крепко запечатленные в сознании Дент-Байана, но пока он даже затрудняется определить, что они собой представляют. Это не пейзажи и не что-либо еще. Более всего они похожи на зрительное воплощение неких абстрактных понятий или даже рассуждений.

Вот одна из этих картин. Плотный оранжевый вихрь навис над матовой, покрытой седой щетиной серой плоскостью. Вихрь бешено вращается, сужаясь при этом в диаметре, и из его центра к плоскости вытягивается веретенообразный отросток. Плоскость прогибается, как бы стремясь уберечься от соприкосновения с острым концом отростка. Впадина становится все глубже, ее стенки и дно растягиваются, напрягаются все сильнее... Внезапно «дно» лопается, вихрь стремительно входит в образовавшееся отверстие и исчезает по ту сторону плоскости. Края отверстия тут же смыкаются, плоскость медленно выпрямляется и разглаживается. Над седыми волосками светится изумрудная бездна...

Больше Лабастьер не успел рассказать ничего, потому что проснулся махаон.

«Разговор» с Дент-Байаном оказался на удивление легким делом. Если, конечно, можно назвать разговором общение через двух посредников-телепатов, один из которых — думатель. Ливьен задавала вопрос, Сейна мысленно передавала его Лабастьеру, тот — уже без слов, а в абстрактных образах — пленнику. Затем эта цепочка двигалась в обратную сторону. Точность передачи информации была, конечно, очень относительной, и определить степень искажения было просто невозможно.

Но почти сразу Ливьен добилась главного: не оставляющего сомнений согласия махаона помогать в транспортировке думателя. И это было подозрительно. И еще: Ливьен казалось, что Сейна чего-то недоговаривает. Во всяком случае, функцию переводчика та выполняла с явной неохотой. Наконец, прервавшись на полуслове, она заявила (на этот раз уже от себя):

— Ли, нам нужно поговорить наедине.

Ливьен была заинтригована. Наказав Рамбаю сторожить растирающего запястья пленника, она предложила Сейне подняться в дупло. И уже там накинулась на нее:

— Что происходит?! С чем ты не согласна?!

Та, не отводя взгляда, заявила тоном, не терпящим возражений:

— Мы возвращаемся в Город.

Ливьен остолбенела.

— В Город? С какой стати? Экспедиция продолжается.

— В таком составе? Две самки, дикарь, махаон и думатель? Мы чудом остались живы, и это чудо больше не повторится. Я не могу рисковать жизнью Лабастьера.

— Возвращаться ничуть не безопаснее...

— Обратный путь в три раза короче, чем расстояние до предполагаемого места нахождения Пещеры! Если она вообще существует. А потом еще — путь назад!

Ливьен не могла объяснить Сейне, что для нее и Рамбая появление в Городе закончится скорее всего гибелью. К тому же она подозревала, что Сейна и сама понимает это. Но жизнь Лабастьера ей, конечно же, дороже.

— Мы пойдем вперед, и только вперед, — отрезала она.

— Я не имею на это права, — покачала головой Сейна.

Ливьен решила воспользоваться последним средством и коснулась Камня. Бирюзовый свет сделал происходящее нереальным.

— Я приказываю тебе.

— А я приказываю ТЕБЕ, — выпалила Сейна и притронулась к СВОЕЙ диадеме. Камень Ливьен моментально погас, но бирюзовый свет в пещере мерцать продолжал. Как она могла забыть, что Сейна — тоже Посвященная, и ее Знак старше?! Стало ясно, что убедить ее ЗАКОННЫМ способом не удастся. И тогда Ливьен перешагнула эту черту.

— Мы будем искать Пещеру, — сказала она твердо. — А если ты будешь возражать или мешать мне, я убью Лабастьера. Так что для его жизни будет безопаснее, если ты подчинишься.

Сейна молча смотрела на нее ненавидящим взглядом. И ненависть эта была безмерна.

Ливьен испугалась и раскаялась. В один миг она потеряла подругу, получив взамен заклятого врага. Но никакие извинения уже не помогут. К тому же, извинись она хоть тысячу раз, она все равно не повернет обратно к Городу.

11

Всякий скажет, что только вода, вода
Пребывает в покое, струясь;
Посмотри в глубину, там душа твоя
Отдыхает, во тьме таясь...
Отраженье души над водой стоит,
В отраженье свое глядясь.

«Книга стабильности» махаон,
т. VII, песнь I; мнемотека
верхнего яруса

«Может быть, конечно, в Пещере думатель им вовсе и не понадобится, а его транспортировка — перестраховка Совета, — рассуждала Ливьен. — Возможно, это и имело смысл, когда их было много, но сейчас — излишняя роскошь... Хотя кто знает... Уж лучше бы я отпустила Сейну, чем наживать врага. Но ведь она не смогла бы одна нести думателя, возвращаться пришлось бы и мне, прихватив с собой Рамбая... Нет, я поступила верно».

Допрос пленного продолжить не удалось. Сейна заявила:

— В мои обязанности не входят функции переводчика. — И удалилась спать. Настаивать Ливьен не стала — чтобы не накалять и без того взрывоопасную атмосферу в их небольшой теперь группе. Пока достаточно и того, что и Сейна (по принуждению), и махаон (по неясным пока Ливьен мотивам) полетят с ними и понесут Лабастьера. Позднее она постарается смягчить гнев Сейны.

И утром следующего дня они вылетели по маршруту.

Вчетвером они продвигались значительно быстрее, чем большим экспедиционным караваном. Они не тратили времени ни на перенос скарба, ни на развертывание лагеря. Все необходимое умещалось в их поясных рюкзачках. Они летели, держа чехол с думателем за четыре лямки, до тех пор, пока усталость не заставляла их опускаться на короткий отдых. Вечером, без какой-либо предварительной разведки, благодаря своему поистине дикарскому чутью Рамбай всегда находил поблизости более или менее пригодное для ночевки дупло. (Дент-Байану на ночь Рамбай связывал руки и ноги — но таким образом, чтобы они не затекали. Предосторожность эта была нужна не только для того, чтобы махаон не сбежал, но и для того, чтобы он во сне не перерезал глотки своим пленителям.)

За четыре дня они преодолели расстояние, на которое раньше им потребовалось бы около двух недель, и если расчеты Ла-

бастьера верны, они достигнут цели месяца через два... Горечь утраты товарищей несколько притупилась, но душа Ливьен продолжала болеть. Прежде всего от того, что Сейна излучала буквально физически ощутимые волны ненависти. И почти не разговаривала. Общаться Ливьен могла теперь только с Рамбаем, но и тот стал неразговорчивым, страдая от невозможности вести «ученые беседы» с думателем.

Только Дент-Байан, казалось, был абсолютно спокоен. Часто Ливьен замечала, как он смотрит в одну точку остановившимся взглядом, и лицо его при этом часто меняет свое выражение. Она догадывалась, что в эти минуты пленник «беседует» с Лабастьером. О чем?! Дорого бы она дала за то, чтобы хоть раз «подслушать» их «разговор».

Ну ничего. Уж два-то месяца она вытерпит...

Но очередной перелет показал, что их экспедиция может затянуться, а то и остановиться на довольно продолжительный срок...

Сначала все как будто бы было в порядке. Летели они, как всегда, невысоко, лишь чуть поднявшись над травами, прячась от беспощадного солнца в тени древесной листвы. (Перелеты даже нравились Ливьен: физический труд отвлекал ее от невеселых раздумий, и в эти моменты казалось, что они действительно составляют ОТРЯД, некую сплоченную боевую единицу. Это ощущение приносило хотя бы кратковременное успокоение.) И вдруг у нее закружилась голова от острого незнакомого запаха. Она с трудом удержалась от того, чтобы не разжать руку... Дурнота усиливалась, сопровождаясь желудочными спазмами. И Ливьен начала осторожно опускаться. Остальные, удивленно переглядываясь, последовали вниз.

Что это? Последствия действия той гадости, которой накачал ее Рамбай? Но прошло уже много времени... И что же это за отвратительная едкая вонь?!

Они приземлились у замшелого корневища старой секвойи. Ливьен тяжело дышала, пытаясь привести себя в норму усиленной дозой кислорода. Но ни головокружение, ни вонь не проходили. Внезапно она осознала, что это за запах. Так пахнет ОНА САМА, ее разгоряченное тело, ее пот... И сразу, без тени сомнения, она поставила себе диагноз: «Беременность». Все-таки — беременность!

Только этого ей сейчас не хватало.

Рамбай встревоженным взглядом следил за тем, как она нервно расстегивает форменную блузу.

— Что с тобой, жена моя?

— Рамбай, я...

Но тут она явственно представила себе последствия откровенного признания. Конечно же, Рамбай не позволит ей лететь дальше, таща тяжелую ношу. Он оборудует жилье, окружит ее заботой и лаской и будет упиваться своей, наконец-то обретенной, полноценностью самца... Беременность бабочки длится два с половиной месяца, за это время они вполне способны добраться до цели...

— Рамбай, я... я не знаю... Кружится голова. Похоже, я простудилась.

Рамбай с сомнением потрогал ее лоб.

— Огонь недуга не борется с твоим телом. Передохнем, я найду нужные травы. Рамбай умеет лечить.

Ливьен благодарно сжала его ладонь:

— Спасибо, дорогой. Но лучше ты отдохни тоже, я думаю, все пройдет само.

Рамбай нахмурился:

— Когда ты перестанешь, о жена, перечить мне?! Ливьен умная, это так, но муж ВСЕГДА знает лучше...

— Хорошо, хорошо, милый, — замахала она руками, — делай что хочешь... — («Только бы твои лекарства не повредили ребенку», — добавила она про себя...)

Связав махаона, Рамбай отправился собирать травы, а Ливьен, растянувшись на мягком ковре из мха, закрыла глаза. Она не могла объяснить себе точно, почему так уверена в необходимости двигаться дальше. Но, кое-как собравшись с мыслями, она все же сумела сформулировать для себя более или менее приемлемую причину. В привычных координатах их нынешнее положение безвыходно. Она не считала возможным для себя избрать судьбу лесной жительницы, но невозможно и вернуться. Надеяться можно только на чудо. А именно ЧУДО обещает им Пещера Хелоу.

...Рамбай вернулся примерно через час, развел костер и принялся за приготовление своего варварского зелья. Ливьен принюхивалась с содроганием. Возможно, его варево и обладало обещанными целебными свойствами, но запашок имело омерзительный. (Отличить настоящую вонь от кажущейся в связи с беременностью Ливьен была вполне способна. Да приступ и отступил уже.)

Рамбай присел перед ней на корточки, держа перед собой чашу из ореховой скорлупы с жидкостью оранжевого цвета:

— Выпей, о нежность в руках моих...

Ливьен уже давно привыкла к его «изысканным» эпитетам и не обращала на них особого внимания. Пить же эту гадость ей очень не хотелось.

— Я прекрасно себя чувствую, — попыталась она протестовать. — Я могу лететь...

— Пей, — настаивал Рамбай.

Зажмурившись и стараясь не дышать носом, она залпом осушила чашу.

На удивление, в отличие от запаха горьковато-кислый вкус снадобья был по-своему приятен. Тепло, сперва наполнив желудок, растеклось по всему телу.

— Ну вот, мне уже и совсем хорошо! — поднялась она на ноги. Сейна и Дент-Байан молча наблюдали за ней.

— Нет, жена, — остановил ее Рамбай. — Я подыскал дупло, и сейчас мы пойдем туда. Ливьен плотно закутается и будет спать до завтрашнего утра. Только так лечит это лекарство.

«Проклятие!» — выругалась Ливьен про себя. Но делать нечего. Придется продолжать изображать недомогание, иначе Рамбай может заподозрить неладное. А впредь она будет осторожнее. Приступы болезненно-острого восприятия уже не будут для нее столь неожиданными, и она сумеет скрыть от окружающих свою слабость.

Она проснулась среди ночи, мокрая от пота. Отвар действовал вовсю. Приподнялась на локте. Рамбай лежал возле нее на боку, подперев голову ладонью. Похоже, он так и не сомкнул глаз.

— Зачем ты наблюдаешь за мной? — спросила она беспокойно. Вынужденные коротать ночи вчетвером, они с Рамбаем уже давно не были вместе (сейчас, в ее положении, это, возможно, было даже кстати; хоть и рановато).

— Мне хорошо, когда я гляжу на тебя, — ответил он просто. А помедлив, дополнил: — До тебя так было только однажды. И не так.

— Это было с той девушкой? — Неожиданно для себя Ливьен вспомнила лишь однажды произнесенное Рамбаем имя. — С Вайлой?

— Да, — кивнул он. — Но я не хочу говорить о ней.

— Почему? Тебе все еще больно?

— Тебе, — возразил он.

— Нет, — мотнула Ливьен головой. — Нет. Я хочу знать все. Больно, когда не знаешь.

Рамбай помолчал. Лицо его стало неподвижным, как маска.

— Ладно. Пусть. Слушай же.

Прижившись в племени, Пиолина, мать Рамбая, заняла в нем особое, хоть и шаткое положение: она занималась обучением детей горстки самых высокопоставленных «вельмож» племени — вождя и жрецов. Азы математики, географии, пения и стихосложения — все то, что маака проходят в нижнем ярусе инкубатора, показалось вождю не лишними и для подрастающей знати ураний. Поначалу Пиолина давала и кое-что из астрономии, истории и философии, но приставленный к ней для контроля и присутствующий на каждом занятии жрец Вайла Четвертый посчитал эти дисциплины вредными и подвергающими сомнению устои племени.

Юная Вайла была дочерью жреца. Имена жрецов передаются детям, независимо от пола, но если это самец, к имени прибавляется порядковый номер. Сына Вайлы Четвертого звали Вайла Пятый. Дочь звали просто Вайла. Она была лучшей ученицей Пиолины. Но никто, кроме Рамбая, не догадывался о главной причине ее успехов. Встретившись в первый же день ее обучения, они без памяти полюбили друг друга, и каждое слово матери возлюбленного имело для юной самки особое значение.

Это случилось в конце первого лета жизни Рамбая в воплощении бабочки. Вайла Четвертый привел к Пиолине свою только что вышедшую из куколки дочь, и Рамбай, раскладывавший на поляне коврики для сидения, встретился со взглядом ее миндалевидных глаз. И он поклялся себе, что она станет его женой.

Нередко, словно бы случайно проходя мимо гомонящей кучки учеников, толпящихся возле наставницы или молча сидящих перед ней, он украдкой бросал взгляд на Вайлу. И всегда он встречал ее ответную улыбку. А однажды им даже удалось перекинуться парой слов с глазу на глаз. Хотя самок, не бывших доселе в браке, всячески оберегают от контактов со взрослыми самцами наедине, и если бы их поймали во время беседы, были бы строго наказаны и он, и она. Разговор их был краток и прост:

— Ты будешь моей женой, — сказал он.

— Да, — ответила она, — но ты должен ждать.

— Моя плоть требует самки сейчас.

— Женись, — ответила он, — я же буду твоей второй или третьей женой. Или ты не прокормишь и двух? — Ее глаза блеснули

озорными искорками. Ей ли было не знать, что, несмотря на молодость, Рамбай уже признан лучшим охотником нынешнего сезона.

Потому Рамбай в ответ засмеялся и поспешил исчезнуть. Уже через неделю он поселился отдельно от матери, а в очередной Праздник Соития взял в жены сразу трех девушек.

Но к концу детородного сезона, когда он мог бы уже посвататься и к Вайле, ни одна из жен не зачала от него... И, боясь стать причиной гибели возлюбленной (им могли отказать в браке, и Большой Костер стал бы их уделом), он постарался забыть о ней.

Но он не хотел обидеть ее. Он явился в дом жреца и, признавшись в своих чувствах к его дочери, поведал ему и о своей беде. Он просил жреца рассказать обо всем дочери и подыскать ей хорошего мужа. Но на следующий же день, когда ночное племя погрузилось в сон, Вайла, нарушив один из самых строгих его законов, прилетела к Рамбаю (жены уже покинули его) и со слезами умоляла представить ее вождю как свою избранницу.

Впервые они были рядом так долго. И только истинная любовь удержала Рамбая от того, чтобы взять ее. «Нет, — говорил он, — нет, радость моей жизни... И не прилетай ко мне, ведь ты умрешь, если об этом узнают жрецы...» «Мой отец — жрец, — отвечала она, — и он не допустит, чтобы с его дочерью поступили дурно». «Закон сильнее твоего отца», — говорил он...

Но она прилетела и на следующий день.

Связь их была тайной для всех, кроме ее отца. Он был хорошим отцом.

Вскоре быть рядом друг с другом стало так привычно и естественно, что им обоим стало казаться, что так было и будет всегда.

В жарких любовных объятиях Вайла часто рассказывала Рамбаю о молодом воине Карахе, сватающемся к ней. Рамбая мучила ревность, Вайла же, смеясь, подначивала его: «Ах, какие усики растут на лице Караха, а ресницы, ресницы — длинные, как у самки... Любая будет счастлива, если ее полюбит такой...» Но стоило ему нахмуриться или открыть рот, чтобы сказать все, что он думает о ней и о ее Карахе, как она набрасывалась на него с таким пылом, что ревности не оставалось места.

Но продолжалось все это недолго. Наступил очередной Праздник Соития. «Возьми меня в жены, возьми, — снова и снова уговаривала его Вайла, — если ты не будешь глупым, я понесу от другого самца, но никто не будет знать об этом, и мы будем счастливы всю жизнь!..»

Рамбая не пугали эти слова. Настоящая любовь сильнее ревности. Но и это уже не было выходом. «После первой неудачи жрецы не разрешат мне жениться, — объяснял он, — и нам придется выбирать между смертью и позором». «Отец уговорит их», — настаивала она. Но Рамбай не верил. А в последний день перед праздником, после разговора с отцом, Вайла подтвердила сама: «Он не поможет. Жрецы не преступят закон. Он не смог уговорить их...»

И вот настала эта страшная ночь. Праздник. Даже ритуальный танец девственниц не подсластил той горечи, которую испытывал Рамбай, сидя в одиночестве на своей ветке.

Вождь подзывал к себе самцов с их невестами и диктовал им свою волю и волю жрецов. Рамбай, погруженный в свои печальные мысли, следил за происходящим вполглаза. Пока не услышал произнесенное вождем знакомое имя. «Карах». И рядом с молодым воином он увидел свою возлюбленную.

Рамбай не верил своим глазам. Неужели все, что она говорила ему... Хотя, конечно же, так будет лучше для них обоих.

Вождь объявил о своем согласии на брак Караха и Вайлы. И тут произошло такое, чего не помнили даже старейшины. Заговорила невеста:

— О вождь, я не смею ослушаться тебя, — сказала она. — Но я не смогу стать Караху хорошей женой, потому что люблю воина по имени Рамбай. Прости меня, Карах, — посмотрела она на своего жениха, а затем нашла глазами Рамбая: — Прости и ты, любимый. Но я не смогла бы жить без тебя. Запомни: я хочу, чтобы ты жил. Не вздумай предать меня своей смертью. Прощай.

С этими словами, сложив крылья, Вайла бросилась в Костер.

Рамбай кинулся было за ней, но, увидев, что уже поздно, остановился и повис в воздухе. Боль утраты и вины пронзила его. Что он может сделать? Только одно... И он полетел к центру. Остаться жить с этой болью? Он не мог.

Но внезапно, словно эхо, он отчетливо услышал ее голос внутри себя: «Не вздумай предать меня своей смертью...» Так как же быть? Как быть?!

Его остановили слова Караха:

— Ты должен выполнить ее желание. Я ненавижу тебя, маака, неспособный дать счастье самке. Но она любила тебя, и я беру себе твою боль и твою вину. Они сгорят.

И Карах кинулся в бушующий огонь вслед за Вайлой.

* * *

— ...С тех пор Рамбай жил только потому, что так решила она. — Этими словами закончил он свое невеселое повествование. И, помолчав, добавил: — Пока не появилась ты.

Не все в его рассказе было понятно Ливьен, не все поступки казались логичными и правильными. Но было ясно главное: это была история НАСТОЯЩЕЙ любви. Ничего подобного невозможно представить себе в Городе. В ее родном цивилизованном... НЕСЧАСТНОМ Городе.

Она молчала, не решаясь первой прервать тишину, не решаясь обидеть Рамбая неосторожным словом, коснуться его еще не зажившей раны.

Чем может она, грубое неотесанное дитя эмансипации, сгладить свою вину за то, что вновь заставила его пережить самые страшные минуты жизни? Пожалуй, только признанием в том, что она ждет ребенка... Нельзя. Нельзя, но... И она неуверенно начала:

— Знаешь, Рамбай... я хотела тебе сказать... я...

— Молчи, самка, — перебил он, конечно же, уверенный, что, кроме оскорбительных слов жалости и утешения, ей сказать нечего. Перевернулся с боку на спину и добавил: — Давай спать, возлюбленная моя жена.

— Давай, — согласилась она, взяв его руку в свою.

12

Если имени нет у дождя, дождя,
Значит, нужно его назвать.
Ну а если имени нет у меня,
Ты не сможешь меня позвать...
Назови меня. Позови меня.
Позови и забудь опять.

«Книга стабильности» махаон,
т. VI, песнь IX; мнемотека
верхнего яруса

Чего угодно могла ожидать Ливьен от Сейны в их нынешнем положении и при их нынешних отношениях... Только не того, что произошло.

В этот вечер Сейна неожиданно нарушила свой бойкот. После очередного перелета она подсела к Ливьен, возле разведенного Рамбаем на открытом воздухе костра, и сама начала разговор:

— Я была не права.

Ливьен обрадовалась, но постаралась не показать этого слишком откровенно. Она пожала плечами:

— Ты выполняла свой долг. Но я не могу вернуться в Город.

— Нет, я была не права, — упрямо повторила Сейна. — С Рамбаем мы в безопасности, а значит, мы должны продолжать поиски.

Ливьен расслабилась.

— Я рада, что ты со мной, — с благодарностью глянула она на Сейну.

— Я случайно слышала ваш разговор.

Это Ливьен не понравилось. Но если Сейна не спала, не слышать она не могла при всем желании.

— Так больше нельзя, — не дождавшись ответа, продолжила Сейна. — Рамбай нервничает. Он — взрослый самец, вынужденное воздержание идет не на пользу его психике.

Стыдливость не свойственна маака, но — до определенных пределов. Ливьен слегка обозлилась.

— Что ты предлагаешь? Чтобы вы не только слушали, но еще и наблюдали?.. — боясь спугнуть установившийся вновь контакт с Сейной, она сдержалась от того, чтобы повысить голос.

— Не иронизируй. Мы всецело зависим от него, и мне небезразлично состояние его нервов. Есть простой выход: вы можете ночевать отдельно.

Ливьен не понравилось это предложение.

Но чем они рискуют? Предположим, Сейна хитрит. Но без Лабастьера она не улетит. Тащить его в одиночку — не сможет. Даже если допустить, что ей поможет Дент-Байан, думателя им далеко не унести и вдвоем. Другая опасность: Сейна отпустит пленника. Зачем? Он для нее не значит ничего, Лабастьер — все. И наконец, последний вариант: сговорившись с пленным, Сейна освободит его, чтобы он убил Ливьен и Рамбая, а потом они вместе, не боясь погони, не торопясь, двинутся обратно... Но это уже полный бред. Пойти на сговор с махаоном, убить своих... Да и Дент-Байану абсолютно незачем лететь в Город маака...

— Возможно, ты и права, — кивнула Ливьен Сейне. — Я поговорю с Рамбаем.

Того долго уговаривать не пришлось. Но он был бдительнее, а его подход к делу — радикальнее:

— Ее свяжем тоже.

— Ну нет! — возмутилась Ливьен. Она не могла себе представить, что ответит Сейне такой черной неблагодарностью на ее, скорее всего искреннее, участие. — Она во всем права. И она — свободная самка маака.

— Ладно, — неохотно согласился Рамбай, поразмыслив. — Но будем улетать туда, где нас не смогут найти.

Единственное, что теперь их беспокоило, — безопасность Сейны. Махаон связан, и случись что-нибудь непредвиденное, защищаться способна только она. Они оставили ей целый арсенал боеприпасов. А сами улетели на такое расстояние, что, случись беда, выстрелы они все же услышали бы.

И эта ночь, впервые после долгого перерыва, стала для них ночью любви. Ливьен и забыла, как это бывает хорошо.

Только под утро они забылись в своем ставшем таким уютным тесном гнезде-на-одну-ночь.

Не проспав и часа, Ливьен очнулась с ощущением неуемной тревоги на сердце. Может быть, она во сне слышала выстрелы?

Она коснулась плеча Рамбая. Перекинувшись лишь парой слов, они поспешили к дуплу Сейны. Утренняя прохлада заставляла Ливьен ежиться на лету, но предчувствие беды холодило еще сильнее.

То, что дупло оказалось пустым, сюрпризом для Ливьен не стало. Мысль о том, что они из элементарного похотливого эгоизма обрекли Сейну и Лабастьера на, возможно, страшную смерть, была для нее мучительна. Но Рамбай быстро приглушил голос ее совести трезвым рассуждением:

— Никто не ест крыльев. Никакой зверь не унесет сразу троих. Они сбежали.

— Куда они могли убежать — с Лабастьером?!

— Будем искать.

Прихватив оружие, они летели назад — без отдыха и почти без слов. Тут и там им встречались следы цивилизованных бабочек, но это могли быть и их собственные следы, оставленные, когда они двигались по маршруту.

Лишь к вечеру они прекратили полет, примерно в полпути от того страшного места, где происходила памятная битва с махаонами. (На такой предельной скорости, без думателя, им понадобился на это всего лишь день.)

— Бесполезно, — мрачно заявил Рамбай. — Мы летим не туда. Летим обратно.

Ливьен, стиснув зубы, молчала. Она не только была вымотана сама, но и чувствовала, как выбилось из сил маленькое существо у нее под сердцем.

— Ты устала, жена моя, — догадался наконец Рамбай. — Отдыхай. Рамбай будет искать дальше один.

Ливьен не стала возражать. Хотя бы уже потому, что понимала: ночью шансов на успех у него больше.

Они без труда отыскали дупло, в котором когда-то уже останавливались на ночлег. Ливьен с наслаждением растянулась на постеленной еще тогда, а теперь подсохшей траве. Прикрыла глаза. Под веками нестерпимо жгло. Она полежала так, приходя в себя, несколько минут, затем открыла глаза, уверенная в том, что Рамбай уже покинул ее. Но он сидел рядом.

— Надо искать, — напомнила она.

— Рамбай не может бросить Ливьен, — ответил он. — Опасно.

Она очень обрадовалась такому решению, хотя сама просить его остаться не стала бы. Но радость мгновенно сменилась отчаянием. Их осталось только двое...

— Полетим без них, — добавил он.

— Тогда спи, — выдавила она из себя и отвернулась.

В путь они двинулись утром. Снова — в первоначальном направлении. «Как это ни глупо, — подумалось ей, — но я продолжаю выполнять задание Совета. Не потому ли, что это дает хотя бы призрачное ощущение цели?»

— Стой! — внезапно повис на месте Рамбай. — Запах!

Ливьен принюхалась, но особенного ничего не заметила. Обычные лесные запахи. Но Рамбай круто повернул влево. Ливьен не могла сказать уверенно, найдет ли, если понадобится, прежнее место стоянки... Но... не все ли равно?..

Вскоре и она почувствовала знакомый запах — запах испуганного думателя.

Рамбай повис перед деревом, облетел его, то поднимаясь выше, то вновь опускаясь.

— Здесь! — неожиданно воскликнул он и принялся ковырять костяным лезвием испещренную трещинами кору. И Ливьен разглядела, что тут она немного отличается по цвету. Это была «заплатка», поставленная на дупло!

Ливьен хотела напомнить Рамбаю об осторожности: спрятавшиеся беглецы могли открыть огонь. Но не успела: подцепив отошедший край, он дернул его и...

Внутри лежал Лабастьер. Один. Здесь же было спрятано и оставленное Сейне оружие.

Ливьен была потрясена. Чтобы Сейна вот так оставила сына? Или ее уже нет в живых? Махаон каким-то образом уговорил ее помочь ему, а добравшись досюда, убил ее... Ливьен не хотела верить в это.

— Они спрятали его, а сами полетели дальше, — высказала она вслух другое, хоть и менее вероятное, но зато не такое страшное предположение.

— Да, — отозвался Рамбай. — За помощью. Думатель тяжелый.

— Это значит... — Новая догадка осенила ее. — Это значит, где-то по близости есть лагерь махаонов?!

Рамбай согласно кивнул:

— Они вернутся, убить нас. Чтобы мы не нашли Пещеру. Надо искать лагерь.

— Зачем искать, если они сами сюда прилетят?

— Будем ждать — дождемся смерти. Махаоны — сильные воины. Дент-Байан знает Рамбая. Они будут готовы. Если побежим, они догонят... Надо найти лагерь, и Рамбай сможет убить их всех.

— А если мы не найдем?

— Если мы не найдем их, — раздраженно повысил голос Рамбай, — значит, и они не найдут нас... Не перечь мне, жена!

В его рассуждениях чувствовалась логика опытного бойца. Спорить не было смысла.

— И куда мы полетим?

— Рамбай думает, махаон оставил думателя на пути к лагерю. Значит, нужно лететь туда. — Рамбай, не колеблясь, указал направление. Его способность ориентироваться в лесу не требовала проверок.

Минут пятнадцать потратили на обратную закупорку думателя (медленно перемещаясь, он мог выпасть) и двинулись в путь. Ливьен чувствовала себя окончательно вымотанной. Ее спасало лишь то, что Рамбай периодически бросал ее, а сам нырял в чащу, отклоняясь от заданного направления в ту или иную сторону. Оставаясь одна, Ливьен испытывала панический ужас... Но это все же был отдых.

Местность мало-помалу становилась иной. Пологая равнина сменилась склоном холма, поросшим ровными и гладкими, как жерди, деревьями. Между стволами тут и там валялись огромные валуны, покрытые мхом и желтыми цветами бегонии.

Стволы, тоже усыпанные множеством мелких цветов-паразитов, словно бы подпирали тяжелую плотную крышу из листьев. Солнце пробивалось только через редкие щели в ней, и полутьма делала торчащие из земли корни еще более похожими на кисти мертвых рук...

Пейзаж, конечно, был мрачный. Но смена все же радовала: Ливьен ужасно устала от прежнего лесного однообразия.

Рамбай в очередной раз нырнул куда-то в сторону, бросив:

— Жди.

Она примостилась на плоском камне (ветви деревьев были слишком высоко) и на всякий случай слегка приспустила рукоять подачи топлива на искровике. Хотя деревья тут росли достаточно редко и подобраться к ней незаметно было практически невозможно...

Не успела она подумать об этом, как буквально из ничего перед ней вырос Рамбай.

— Есть! — выпалил он.

...Лагерь махаонов раскинулся за холмом, там, где природа вновь становилась сочной и изобильной. Разбит он был явно давно и имел скорее капитальный, нежели временный характер.

Спрятавшись над струящимся серебряной змейкой ручьем, на ветке одного из ближайших к лагерю деревьев, Ливьен и Рамбай внимательно разглядывали открывшуюся их взорам картину.

Она впервые видела строения махаонов. Понятно, что это — вариант «походный», и скорее всего то, что они видят, совсем не похоже на их настоящие дома. Но даже в этих конструкциях ощущалось нечто абсолютно чуждое мироощущению маака.

Они были неправильной грибовидной формы с входным отверстием сверху, в центре глиняной «шляпки». «Ножка» была деревянной. Таких «грибов» на поляне было пять. Стояли они кругом, а между ними, в центре, высился столб с красным крестом наверху — ненавистным знаком бога Хелоу.

На нескольких деревьях вокруг поляны были укреплены подвесные площадки, и Ливьен поняла, что часовые благодаря этому приспособлению обходят лагерь не только понизу, но и поверху — перелетая с площадки на площадку.

Но часовых не было. И вообще лагерь казался неживым. Не наблюдалось ни малейшего движения. Лишь ветерок своими порывами время от времени тревожил покой деревьев, и те, качаясь и шевеля ветками, предостерегающе поскрипывали. Ветер же до-

носил до ноздрей Ливьен и какой-то сладковатый знакомый запах... Но она так и не вспомнила его.

Рамбай жестом приказал Ливьен не двигаться и, держа пружинное ружье наготове, осторожно спланировал с ветки на одну из караульных площадок. Лишь коснувшись ее ступнями, он сложил крылья и присел. Но никакой реакции на его появление в лагере не произошло. Он осторожно выпрямился и с полминуты оставался на месте, приглядываясь и ожидая. Ливьен, затаив дыхание, следила за ним.

Вот он вновь взмахнул крыльями и, приблизившись к «шляпке» одного из строений, несколько секунд порхал над ней. Затем встал на нее, опустился на колени и заглянул внутрь. Еще через пару секунд он скрылся внутри.

У Ливьен оборвалось сердце. Секунды превратились в вечность. Наконец она не выдержала и, прекрасно сознавая, что поступает неправильно, полетела туда же.

Не успела она коснуться ногами поверхности, как из отверстия высунулась голова Рамбая. Неодобрительно глянув на Ливьен, он повторил жестом: «Сиди тут», после чего скорчил гримасу, которая, по всей видимости, должна была означать: «О строптивая самка, как смеешь ты не выполнять указания своего мужа?!» Затем выражение его лица вновь изменилось, и теперь оно означало: «Но я тебя люблю и прощаю, тем более что ослушалась ты единственно из опасения за мою жизнь...» Это было сложное выражение лица.

Рамбай вылез наверх и полетел к следующему «грибу», а Ливьен, не выдержав терзаний любопытства, влезла в этот, спустившись по вертикальной деревянной лестнице.

Здесь вполне могло поместиться несколько бабочек, но жить постоянно, не стесняя друг друга, — не более двух. Хотя, возможно, у махаонов иные, нежели у маака, понятия о комфорте.

Ничего похожего на мебель тут не было. Не было даже ковриков, на которые можно было бы прилечь. Зато весь пол был заставлен разнообразными сосудами самых причудливых форм. Ливьен не успела разобраться, чем служило это помещение — химической лабораторией, медпунктом или чем-то еще, как к ней спрыгнул Рамбай.

— Никого нет, — уже не опасаясь говорить во весь голос, объявил он, присев на корточки. — Ушли недавно.

«Ушли искать нас», — подумала Ливьен. А Рамбай продолжил:

— Смотри, что я нашел.

Он протянул руку. Ливьен пригляделась и узнала форменную блузу Сейны. Первой ее мыслью была мысль о сексуальном насилии, но она тут же отбросила ее: что же, махаоны так и таскают Сейну за собой голой? Может, они переодели ее в свой наряд? Или... они убили ее? Последняя мысль моментально превратилась в уверенность:

— Они убили ее! — воскликнула она вслух.

— Зачем раздели?

Ливьен хотела сказать, что они убили Сейну, сперва изнасиловав, но не успела, потому что Рамбай вскочил, вскричав:

— Знаю! Запах!

Он кинулся вверх по лесенке, и Ливьен, ничего не понимая, поспешила за ним. Выбравшись, она тут же вновь уловила тот самый сладковатый аромат, который заметила сразу, как только они приблизились к лагерю. И сейчас она вспомнила, что это за аромат, и поняла ход мыслей Рамбая. Так пахнет сок дианеи — растения-хищника, приманивающего к себе крупных насекомых, мелких грызунов и пожирающего их. В устных легендах самцов маака дианея, полуцветок-полузверь, как и октавия реггия, появилась вместе с бабочками — полунасекомыми-полутеплокровными и соперничала с ними в покорении мира. Потому-то, гласит легенда, никогда и не отказывается дианея «помочь» маака-самоубийце...

Сок дианеи парализует и анестезирует. Это легкая смерть.

Определить направление, откуда исходит запах, было нетрудно. Пролетев метров сорок от лагеря, Ливьен и Рамбай издали заметили розовеющие между стволами пятна.

Они опустились возле соцветия. Какой из цветов не пуст, было видно сразу. Он был раза в полтора крупнее остальных, и его волнистые края были плотно сомкнуты.

— Осторожно! — осадил Рамбай порыв Ливьен, когда та потянулась к цветку. — Не так! Руки застынут. Рамбай знает как.

Он быстро подобрал вокруг несколько сухих веточек, поломал их, сложил в кучку и запалил. Едва язычки пламени коснулись растения, цветок заколыхался, будто тронутый ветром. Рывками, словно корчась, мясистые края стали подвертываться наружу — казалось, цветок-убийца разрывается между необходимостью отпустить свою жертву и нежеланием этого делать. Вот он принял такую форму, что Ливьен на ум невольно пришло непристойное сравнение. Что-то протяжно чмокнуло, края резко раздвинулись, и на землю, словно рожденное заново, вывалилось покрытое прозрачной слизью обнаженное тело Сейны.

У Ливьен подкосились колени, она опустилась на землю и ее стошнило.

Рамбай склонился над Сейной. Двумя пальцами разомкнул ее веки. И воскликнул:

— Она жива!

13

Я и ты — летим. А внизу цветут
Сотни роз неземной красоты.
Мы летим много дней; но мы знаем: тут
Ненадолго и я, и ты...
И на нашем пепле опять взойдут
Неземной красоты цветы.

«Книга стабильности» махаон,
т. VII, песнь XI; мнемотека
верхнего яруса

Это означало, что с того момента, как махаоны покинули лагерь, прошло не более трех часов. Так, во всяком случае, сообщил Ливьен Рамбай, более сведущий в повадках растения-хищника. Действие парализующих токсинов еще не коснулось сердца и дыхательных путей Сейны. Грубо говоря, она просто спала. Но сок дианеи успел поразить значительные участки ее кожи. Красные пятна, припухлости и кровоподтеки испещряли все ее тело.

Утерев губы и сдерживая новые спазмы, Ливьен разглядывала Сейну. И вывод ее был неутешителен: с такими ожогами долго бедняге не прожить. Состояние самой Ливьен было таково, что, глядя на изуродованное тело вчерашней подруги, она не испытывала никаких эмоций.

В какой уже раз на высоте положения оказался Рамбай.

— Трогать нельзя, — бросил он Ливьен и торопливо направился в один из махаонских «домов». Вскоре, вернувшись с сосудом, наполненным водой, и куском ветоши в руках, он принялся осторожно смывать с кожи Сейны едкий сок.

— Она выживет? — без тени надежды спросила Ливьен. Чувствуя себя беспомощной, как личинка, она, не узнавая себя, безропотно передала инициативу в руки самца.

— Да, — неожиданно заверил тот. — И будет летать. Наверное.

По мере того как ядовитый сок смывался с кожи, успокаивалось и вызванное им раздражение. Красные пятна становились бледно-розовыми, розовые исчезали совсем.

— Мы успели вовремя, — заметил Рамбай. — Еще час, и было бы поздно.

Он уже без опасений за собственные руки прикасался к коже Сейны, на второй и на третий раз протирая ее влажным тампоном. Орудовал он споро, и пришедшая наконец в себя Ливьен хоть и не испытывала бессмысленной ревности, но была поражена, сколь умело он так и сяк вертел податливое тело самки. А когда, широко расставив ей ноги, он аккуратно, словно акушер, промыл ей влагалище, у Ливьен захватило дыхание. Она понимала, что действие это носит сугубо медицинский характер, но, во-первых, беспокоилась (совершенно беспочвенно, конечно же), так ли считает и сам Рамбай, а во-вторых, удивлялась таким навыкам у дикаря.

Хотя... И дикарки, и цивилизованные самки рожают одинаково. Возможно, принимать роды в племени ураний — обязанность мужей, и каждый самец должен это уметь.

Еще через несколько минут Рамбай, уже не боясь ожечься, бережно взял Сейну на руки и, сопровождаемый Ливьен, двинулся за пределы лагеря.

Добравшись до ручья, он продолжил омовение тела, на этот раз — опустив Сейну в прохладную проточную воду. Теперь и Ливьен помогала ему.

Сейчас Сейна выглядела уже вполне прилично, опасение вызывало лишь ее затянувшееся коматозное состояние и несколько откровенных ожогов — на плечах, груди, ягодицах и щеках. В то же время вселяло надежду то, что она стала еле слышно постанывать, когда вода попадала ей в рот. Веки ее при этом подрагивали и приоткрывались, но зрачков под ними не было, только болезненно-розовые, покрытые паутиной капиллярных сосудов белки.

— Вот так, — сказал Рамбай, вынеся наконец Сейну на берег и расправив ей крылья, чтобы они быстрее просохли. — Теперь нужно ждать.

— Сколько?

Рамбай, присев на корточки, двумя пальцами приоткрыл Сейне веки. Ливьен, тоже присев, внимательно следила за его действиями.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Может быть, час. Или день. Или два...

— А если они вернутся?

Внезапно в Рамбае словно разжалась стальная пружина. Он вскочил на ноги и замер как вкопанный. Ливьен с испугом смотрела на него снизу и впервые видела на его лице столь глубокую растерянность. В чем дело? Она оглянулась туда, куда смотрел он.

В двух шагах от них, держа под прицелом обоих, стоял махаон. И Ливьен показалось, что это — Дент-Байан. Но это мог быть и не он, ведь все махаоны для нее — на одно лицо. Она подумала об оружии и тут только осознала, что у него в руках: в одной — ее искровик, в другой — дисковое ружье Рамбая. Все внутри нее сжалось в ожидании выстрела...

Но махаон медлил. Почему-то он не убивал их. Если бы он хотел их просто убить, он бы сделал это еще до того, как они заметили его... Он сумел подкрасться к ним и завладеть оружием, и чутье Рамбая впервые дало осечку... Похоже, это достойный противник.

Выдержав основательную паузу, как бы дав Ливьен и Рамбаю в полной мере осознать всю безнадежность их положения и всю свою власть над ними, махаон медленно опустил оружие, а затем бросил его на землю, отступил на два шага и сложил руки на груди...

Этот жест мог означать только одно: махаон желает мира, оружие же взял лишь затем, чтобы его не убили еще до того, как он успеет продемонстрировать свои дружеские намерения. Он рисковал. Он невозмутимо наблюдал за тем, как Рамбай и Ливьен, опасливо поглядывая на него, приблизились к своему оружию и подняли его.

Выждав, пока они вновь отступят назад, махаон шагнул к распростертой на земле Сейне и опустился перед ней на колени так, что они коснулись ее головы.

Все-таки это действительно был Дент-Байан! Теперь Ливьен была просто уверена в этом.

Он протянул руки и положил свои ладони Сейне на виски. Затем закрыл глаза и застыл — неподвижно, как каменное изваяние. Он явно пытался помочь ей — каким-то своим, особенным способом. Что-то эта картина напоминала Ливьен... Да! Он обращается с Сейной так, как сама она — с Лабастьером... Так же, как оператор после транспортировки думателя, Дент-Байан, просидев так несколько минут, казалось, на глазах состарился на несколько лет, часть своей жизненной энергии отдав Сейне.

...Махаон отпрянул. Сейна открыла глаза. Упершись одной рукой в землю, она чуть приподнялась...

— Где я? — недоуменно спросила она, оглядываясь по сторонам. Махаон был теперь позади нее, и она увидела лишь Рамбая и Ливьен. Затем перевела взгляд на собственные обнаженные ноги и живот. Безуспешно пытаясь свободной рукой прикрыть грудь, она продолжала: — Где моя одежда?

Ливьен подняла с земли и подала ей блузу. Сейна, согнув ноги, попробовала встать на колени, но, не удержавшись, неловко упала набок и глухо застонала от боли.

— Подожди! — кинулась к ней Ливьен. — Я помогу!

— Убирайся! — не глядя на нее, сквозь слезы выкрикнула Сейна. — Я вспомнила! Я все вспомнила! Ты... Ты... — и она захлебнулась в истерических рыданиях.

— Успокойся, оденься. — Ливьен хотела погладить Сейну по голове, но та отмахнулась, больно ударив ее по руке.

— Оставь меня! Почему ты не даешь мне спокойно умереть?! Кто просил спасать меня? Я ненавижу тебя! Будь ты проклята! — Ее хрупкое тело сотрясалось от рыданий, а скрюченные пальцы в бессильной злобе скребли землю...

Истерика прекратилась так же внезапно, как и началась. Сейна молча села, взяла из рук Ливьен блузу, чтобы надеть ее, но лишь болезненно поморщилась: от прикосновения материи ожоги заныли еще сильнее.

Пошатываясь, она поднялась во весь рост и, морщась от боли, обмотала блузу вокруг бедер. Потом повернулась и, тут только увидев Дент-Байана, застыла как статуя. Затем глухо промолвила:

— А этот предатель здесь откуда?

Тот смотрел на нее, не отводя взгляда.

— Я не знаю, откуда он, и не знаю, почему он предатель, — еле сдерживая раздражение, ответила Ливьен. — Я вообще ничего не знаю!

— А где остальные? — Сейна кивнула на Дент-Байана, и стало ясно, что под «остальными» она подразумевает именно махаонов.

— НЕ ЗНА-Ю, — слегка повысив голос, с расстановкой повторила Ливьен. — Может быть, сначала ТЫ объяснишь мне, как ты здесь оказалась, почему?..

Сейна перебила ее:

— Там никого нет? — и вновь кивнула головой, на этот раз — в сторону лагеря.

— Нет.

Сейна всмотрелась в лицо Дент-Байана.

— Неужели... — начала она сама с собой, но, осекшись, обернулась к Ливьен: — Мы должны найти Лабастьера, тогда я смогу все тебе объяснить.

— Хорошо. Пусть так, — смирив гнев, согласилась Ливьен. — Но сможешь ли ты лететь?

Сейна расправила крылья и, сначала мелко дрогнув ими, сделала несколько взмахов.

— Вполне.

Возле дерева, в дупле которого был спрятан думатель, лежали мертвые махаоны. Шесть окровавленных обезображенных трупов. Зрелище это вновь вызвало у Ливьен легкий приступ дурноты. Она начала смутно догадываться о том, что здесь произошло, однако выстроить точную логическую цепь пока не могла. Во всяком случае, то, что в живых остался лишь Дент-Байан, наводило на мысль, что он-то их всех и убил. И похоже, защищая Лабастьера. Полный абсурд.

Хотя этот махаон постоянно ставит ее в тупик. Перед тем как полететь сюда, он заставил Рамбая вернуться с ним в опустошенный лагерь и прихватить с собой две термитные мины. Зачем?

Вчетвером они вынесли думателя из дупла и, отлетев подальше от места недавнего побоища, опустили его на землю. Сейна попыталась было войти с ним в контакт, но ее отстранил Дент-Байан и сам склонился над ним. Сейна благодарно улыбнулась ему и в изнеможении легла рядом. Разорванная пополам по шву блуза теперь служила ей не только набедренной повязкой, но и кое-как прикрывала полную грудь. Ливьен присела возле нее.

— Теперь ты расскажешь?

— О чем? Ты ведь уже обо всем догадалась...

— Ты хочешь сказать, что сбежала с ним добровольно?

— Да. Никогда ни один маака так не относился к Лабастьеру! Он его любит, понимаешь? И я люблю... их обоих.

Ливьен передернуло. Любить махаона!.. Любить мокрицу или двухвостку...

— У вас не может быть детей, — высказала она наиболее практический довод, доказывающий противоестественность такого союза.

— А я и не собираюсь их заводить.

Ливьен не нашлась, что возразить, потому спросила о другом:

— Ты хотела, чтобы махаоны убили нас?

— А ты хотела убить Лабастьера, — парировала та.

Конечно же, она не собиралась этого делать. Но она сказала... Сейна — мать. И она по-матерински серьезно и болезненно отнеслась к этой глупой угрозе... «Впредь буду умнее и осторожнее в словах», — подумала Ливьен, а вслух спросила:

— И куда бы вы отправились?

— Он рассказал мне, что религия запрещает махаонам создавать думателей. Но современная технология без них не может. Потому трофейные думатели — величайшая для них ценность. Их стараются захватывать вместе с операторами; хотя у махаонов и есть такие телепаты, как Дент-Байан, — значительно более сильные, чем наши, но думатель трудится эффективнее, когда рядом с ним — мать.

— Они заботились бы о тебе... Ты продала нас врагу в обмен на личное благополучие...

— Нет. На жизнь Лабастьера. Хотя мне абсолютно все равно, что ты думаешь обо мне... Ты первая предала нас.

И вновь Ливьен почувствовала, что права Сейна. Эта нелепая угроза убить Лабастьера... Да, во всем происшедшем виновата только она сама...

— И что же случилось потом? — продолжила она расспросы.

— Мы спрятали Лабастьера, а сами направились в лагерь за подмогой для его транспортировки. Дент-Байан обещал, что ни мне, ни Лабастьеру ничего не угрожает. Нас вместе переправят в «цитадель мудрости»...

— Что это такое?

— Пока не знаю. Наверное, что-то вроде Совета... Не знаю. Лабастьер нашел его доводы убедительными, хотя сам хочет двигаться дальше к Пещере. Он ведь хочет знать все. Я не могла его послушаться. Я хочу, чтобы он жил... Но когда мы появились у периметра их лагеря, часовые объявили тревогу. Вот эти, — она мотнула головой сторону, где лежали трупы, — собрались вокруг нас, потом перекинулись с Дент-Байаном парой слов, тут же схватили меня, сорвали одежду и потащили. — Голос Сейны задрожал, она вновь переживала испытанные недавно страх и унижение. — Я думала, это он предал меня, — показала она глазами на Дент-Байана. — Мне стало немного легче, когда я увидела, что они волокут меня к дианее. Они не собирались насиловать или пытать меня, они просто хотели убить.

— Ты и сейчас думаешь, он предал тебя?

— Нет. Теперь мне кажется, он и сам не ожидал такого оборота. Но он видел, что спорить бесполезно, и не сопротивлялся. Он повел их к Лабастьеру. А в дупле мы оставили оружие. И он воспользовался им, войдя туда первым. А потом вернулся, чтобы спасти меня.

— Он мог опоздать...

— Видимо, другого выхода не было.

Все это выглядело бы достаточно правдоподобно, если бы не неверная, по мнению Ливьен, оценка Сейны побуждений Дент-Байана.

— Они — фанаты веры, — обратилась она к Сейне. — Неужели ты думаешь, что он переступил через все ради тебя?..

— Не знаю. Я ничего не понимаю сама.

Тем временем махаон, закончив свое воздействие на думателя, выпрямился и сел, скрестив, как всегда, руки.

— Сейчас я все узнаю, — бросила Сейна и склонилась над Лабастьером.

Минут десять над поляной висела тягостная тишина. Ливьен внимательно разглядывала своих спутников. Рамбай, поигрывая пружинным карабином, то и дело бросал осторожные взгляды на махаона. Тот сидел, уставившись в одну точку, иногда вдруг закрывая глаза, и тогда чуть заметно шевелил губами. Он опять «говорил» с Лабастьером. Сейна то и дело отстранялась от своего чада и напряженно морщила лоб, видно, приводя в систему получаемую информацию. Затем наклонялась снова.

Тряхнув головой, она объявила:

— Я все поняла. Он и впрямь не лгал мне. Когда захватывают думателя, его мать стараются заполучить тоже, чтобы вместе с ним отправить ее в «цитадель». Но было кое-что, о чем он не знал. Весь этот отряд, кроме него самого, состоял из братьев и сестер — детей одной матери. Такие семейные отряды у махаонов — норма. Но в семье не было телепата, потому взяли и его. А матерью всех этих воинов была...

— Дипт-Дейен, — догадалась Ливьен сама.

— Да. И они поклялись не оставить в живых ни одного маака из нашего отряда. Это была семейная клятва, и Дент-Байан ничего не знал о ней.

Все вставало на свои места, и чем дольше говорила Сейна, тем яснее становилась картина происшедшего.

...Когда они с Дент-Байаном вошли в лагерь махаонов, Сейна демонстративно держала руки так, чтобы часовому было ясно видно, что у нее нет оружия. По тревоге их окружили остатки отряда.

— Конечно же, ты жив, презренный бессрочник, — констатировал старший сын Дипт-Дейен — Райа. (Точнее — Дент-Райа. Приставки «Дипт» и «Дент» указывают на пол носителя фамилии и на то, что самец или самка находятся в браке.) — О да, конечно же, ты жив! Погибают славные воины славных семей, а не такое отребье... Ни один из нас не принял бы жизнь в дар от маака, ни один

не позволил бы пленить себя... — Он помолчал, усмехаясь и переводя тяжелый взгляд с Байана на Сейну. — Кто эта зловонная предательница веры, которую ты привел с собой?

— Ее зовут Сейна. Она — мать думателя, и она пошла со мной по своей воле.

— А где же сам несчастный, которого изуродовала ЭТА? — ткнул Райа Сейну в грудь.

— Мы спрятали его.

— Это хорошо, — кивнул Райа. — Тогда тебя убивать не будем. Мы убьем только ЭТУ...

— Я обещал ей, что дети Хелоу оставят ее с думателем.

— Ты достоин смерти, презренный бессрочник, лишь за то, что посмел обещать от нашего имени. — Райа кивнул своим сородичам и распорядился: — Предательницу веры отдайте второму созданию Хелоу.

Сейну поволокли к дианее, а Райа, шагнув к Дент-Байану, вырвал ружье из его побелевших от напряжения рук.

— ...Почему «бессрочник»? И почему махаоны так презрительно к нему относятся?

— Полностью я не разобралась... Ведь они с Лабастьером общаются не словами... Но он мне передал именно «бессрочник», или «самец без потомства и без срока жизни», и это — оскорбительное прозвище. Единственное, что я поняла, — откуда и зачем они берутся. На специальное обучение и последующую службу каждая семья махаонов отдает своего седьмого сына...

— Самки махаон так плодовиты?

— Не забывай: у них — многоженство. Имеется в виду седьмой сын одного отца. Да и таких — немного.

— И что же это за «служба»?

— Я не могу сформулировать точно. Это и служба, и обучение... Они становятся телепатами. Они не знают своей семьи, за что и презираемы остальными. Они не имеют права воевать, заниматься производительным трудом, даже быть простыми ремесленниками. Некоторые готовят смену, но большинство — приставлены к думателям. Их основная функция — связь, передача информации. Все они находятся на достаточно солидном правительственном обеспечении. «Бессрочник» — это презрительное просторечное прозвище. Еще, объясняя их положение, Лабастьер выразился так: «привилегированные изгои». Их мировоззрение отличается от мировоззрения обычного махаона. Их интеллект выше, они не столь ревностны в вере...

«Привилегированные изгои», — повторила Ливьен про себя. Институт «бессрочников» у махаон имел ту же природу, что и институт думателей у маака. И те, и другие без собственного на то согласия лишаются прав рядового члена общества в угоду неких высших целей... Ничего не будет удивительного, если выяснится, что и «бессрочниками» становятся не без медицинского вмешательства...

Она подняла руку, прервав Сейну, и сменила тему на более актуальную:

— Теперь мы вместе идем к Пещере?

— Да.

— И он? — Ливьен кивнула на Дент-Байана.

— Да, он полетит с нами. После того, что он сделал, ему нет пути назад.

— Но откуда кто-то может узнать о происшедшем?

Сейна пожала плечами:

— Я не знаю... И что-то еще беспокоит его, я не поняла — что. Подожди... — Сейна припала к надлобью Лабастьера. Поднявшись, сказала: — Оказывается, у него дома остался кто-то, кто находится с ним в постоянной телепатической связи. Он не может прервать эту связь. Он говорит, что именно поэтому нам следует поспешить: за нами обязательно будет погоня. Земля махаон далеко, но мы перешли кордон, который доселе считался непреодолимым. Это обязательно вызовет переполох. И еще, он просит предать тела своих соплеменников огню.

14

— Почему ты твердишь, что Охотник жив?
Почему ты не бросишь ждать?
— Верить сердцу, лишь сердцу, сомненья забыв,
Учит нас Первобабочка-Мать:
«Я не ведала, кем я хотела быть,
Потому и сумела СТАТЬ».

«Книга стабильности» махаон,
том II, песнь IV; мнемотека
верхнего яруса

Тела махаонов сложили в яму и запалили в ней термитные бомбы (вот, оказывается, зачем прихватил их Дент-Байан). Пепел засыпали землей. Речей не говорили.

После натирания какими-то собранными Рамбаем корешками кожа Сейны окончательно пришла в порядок. И тогда она наконец оделась — в коричнево-зеленый костюм с красным крестом на колене. Форму сняли с одного из убитых. Щепетильность пришлось отбросить: запасного обмундирования маака не было. К тому же при ее нынешних отношениях с Дент-Байаном в этом была и определенная логика.

Сразу после процедуры захоронения снялись с места и двинулись по маршруту.

...Неделя промчалась без приключений.

Былые отношения с Сейной не восстанавливались. Да Ливьен и не стремилась к этому. Трудно забыть предательство, даже если ты и нашел ему объяснение. К тому же при всей своей широте взглядов Ливьен не могла думать без гадливости о том, что Сейна живет с махаоном. Как когда-то ее товарки не могли простить ей замужество с дикарем (пусть и маака), так и ее саму теперь передергивало от отвращения при одной только мысли о близости Сейны с Дент-Байаном. А когда она вспоминала, что кто-то наблюдает за ними его глазами... что он как бы носит, не снимая, активированный Знак... она и вовсе не могла понять привязанность Сейны. Ну о каких «интимных» отношениях можно в этом случае говорить?

Но как бы то ни было, ситуация стабилизировалась, и это уже само по себе было достаточно хорошо. Теперь перед сном Рамбай не связывал махаона, но ночи они коротали в разных дуплах, разбившись на пары (Лабастьер при этом, конечно же, оставался с Сейной и Дент-Байаном). На всякий случай Рамбай не сообщал Сейне точного положения их с Ливьен очередного места ночлега.

Они быстро продвигались вперед.

Однажды им пришлось пересечь огромную поляну, одно воспоминание о которой с тех пор заставляло Ливьен содрогнуться. Это было кладбище кузнечиков. Похоже, они собирались сюда в предчувствии смерти со всего континента. На каждой травинке, на самом ее кончике, вытянувшись в предсмертной судороге, словно давая душе направление к звездам, чуть колыхался на ветру высохший трупик. Он, шелестя, падал к ногам путников и рассыпался на мелкие чешуйки, стоило лишь коснуться стебля. Сколько тысяч лет этому кладбищу? Ноги путников по щиколотку увязали в буро-зеленой пыли.

Но еще более ярким событием в этот период стала для Ливьен встреча с удивительными, невиданными ею доселе птицами. С самого раннего возраста Ливьен привыкла считать пернатых злейшими и опаснейшими врагами бабочек — как предков-насекомых, так и цивилизованных. Каково же было ее умиление, когда она впервые увидела изящных изумрудных пташек размером со шмеля. Трепеща крыльями, они совсем не по-птичьи жужжали и своими непомерно длинными клювами, словно соломинками, ухитрялись на лету (!) пить из цветов нектар. А еще чуть позже стали встречаться колибри покрупнее, но зато окрашенные во все цвета радуги. Сочетания могли быть самыми разнообразными: желтая спинка, лиловое брюшко, бирюзовые крылья и красный хохолок...

К сожалению, долго любоваться этими удивительными созданиями не пришлось. Они перестали встречаться одновременно с тем, как почти напрочь исчезли цветы. Лес менял свой характер. Он становился строже. Пропали не только цветы на почве, но и вьюны на стволах. Пропали лианы. А сами деревья стали мощнее и кряжистее. Раньше Ливьен таких деревьев не видела, Рамбай же называл их «кебрачо».

Уж не сказывается ли приближение гор? Рамбай на этот вопрос ответить уверенно не мог. Когда они, в надежде подтвердить свою догадку, взлетели над кронами деревьев, они не увидели впереди ничего, кроме молочно-белой дымки тумана.

Однако вскоре близость гор хоть и снова косвенно, но все же подтвердилась. Сначала на пути им встретилась небольшая речка. Перелетев ее, они неожиданно уткнулись в почти абсолютно вертикальную стену из скальной породы, высотой метров двадцать—двадцать пять. Поднявшись, обнаружили наверху точно такой же лес. А не прошло и суток, как эта ситуация повторилась. Сейна сообщила, что Дент-Байан знает об этом природном явлении из махаонских легенд, и называется оно «лестница Хелоу».

В течение недели они преодолевали террасу за террасой. Ступеней у «лестницы Хелоу» оказалось много. На одной из них внимание путников привлек странный, ни на что не похожий звук. Словно огромное племя дикарей, не прерываясь ни на секунду, колотит о тысячи струн-паутин... Сейна и Дент-Байан остались ждать, а Ливьен с Рамбаем полетели на звук, выяснить, что же это такое.

Это был водопад. Ливьен не верила своим глазам. ВОДОПАД! Она-то была уверена, что водопад — безответственная, но прекрасная выдумка древних сказителей. Зрелище было удивительно

красивым, и несмотря на то что вблизи водопада крупных деревьев не было, на отдых решили устроиться именно тут — прямо под открытым небом. Тем паче что от привычных опасностей они, похоже, ушли...

До самого заката наблюдали они бриллиантовую игру микроскопических брызг на солнце. Затем, умиротворенно поболтав, завалились спать. (Рамбай и Ливьен помогли Сейне и Дент-Байану оттащить думателя подальше, и их группа, как и всегда в последнее время, разделилась на ночь на две части. Правда, теперь они уже не скрывали друг от друга свое местонахождение.)

...Две части. Ливьен уже привыкла к тому, что их отряд состоит из двух супружеских пар... Но этой ночью ей довелось пережить одно из самых болезненных разочарований в своей жизни.

В последние дни она стала замечать, что слегка пополнела. Скоро ее беременность станет заметна окружающим. И уже сейчас близость с самцом могла привести к неприятным последствиям. Потому Ливьен уклонилась от нее, сославшись на сильную усталость. Рамбай не настаивал, в конце концов, хотя ощущение опасности и покинуло их, он все же был начеку и не хотел, чтобы кто-то мог застать их врасплох... И Ливьен преспокойно уснула, убаюкиваемая шумом воды.

Проснулась от ощущения, что она — совершенно одна. Протянула руку. Рамбая не было. Сон как рукой сняло. Она поднялась и огляделась. В той стороне, где устроилась со своим «семейством» Сейна, колыхался огонек костра. Ливьен пошла туда. Именно пошла, а не полетела. Почему-то ей не хотелось, чтобы ее заметили сразу.

Сейна, Рамбай и Дент-Байан сидели возле костра. Рядом, на подстилке, лежал Лабастьер. Ливьен услышала голос Рамбая, явно продолжающего разговор, который начался значительно раньше:

— ...Почему же ты не можешь обмениваться мыслями с ней? — Он указал рукой на Сейну.

Та наклонилась к Лабастьеру, затем, выпрямившись, произнесла:

— Он говорит, бессрочники не могут общаться друг с другом непосредственно, только через думателя. И это еще одна причина, почему думатели маака — величайшая для махаонов ценность. И тот, кто приставлен «слушать» его мысли ТАМ, — она неопределенно махнула рукой, — в «цитадели мудрости», делает это через своего думателя.

Тут только Ливьен сообразила, что, собственно, происходит. Рамбай беседует с Дент-Байаном! По цепочке — через Сейну и

Лабастьера. Но почему тайком?! Почему не сказав ей об этом ни слова?! Похоже, она неверно оценивала нынешний расклад в их группе. Похоже, она — одна, а остальные — вместе...

Закусив губу, Ливьен прислушалась вновь.

— Спроси его, что он знает о Пещере, — задал очередной вопрос Рамбай.

Совершив все ту же процедуру общения с Лабастьером, Сейна ответила:

— Он говорит, что не верит в существование Пещеры. Он говорит, что ему приятно в этом кому-то признаться. Дома за такое высказывание он бы понес какое-то страшное наказание.

Она снова наклонилась над Лабастьером и продолжила:

— Он никогда не имел возможности поделиться с кем-то своими догадками. Хотя он и верит в существование Хелоу, он считает заблуждением официальную версию о двух его ипостасях — «существо» и «космос». Он верит лишь во вторую его ипостась, первая же, говорит он, пришла из древних легенд, сочиненных еще в те времена, когда бабочки не были способны к логическим абстракциям. Он считает, что Хелоу — высший дух, высший закон материи. Говорить же о Пещере Хелоу, о конкретном жилище бога — нелепое варварство.

— Как он прятал свои мысли, если их читают без его ведома?

— Карают лишь за мысль высказанную. Бессрочники убедились в том, что преступные мысли есть у каждого. Но считается, что, пока они не высказаны, они не являются преступлением. Если один бессрочник попытается предать другого, ему придется произнести запретное вслух, и преступником станет он сам.

— Если он уверен, что Пещеры нет, зачем он пошел с нами?

Голос Сейны, когда она отвечала на этот вопрос, звучал несколько смущенно:

— Он сказал, что идет не с вами, а только со мной. Бессрочник не может жениться. Даже просто иметь самку. Ни одна самка махаон не станет «пачкаться» связью с ним. Но когда бессрочник входит в связь с пленной самкой маака, на это смотрят сквозь пальцы. Потому что для любого другого махаона это был бы ужасный позор. Для презираемого всеми бессрочника это как раз нормально. Он пошел в лес за самкой, и он нашел ее.

Рамбай презрительно выпятил нижнюю губу:

— Ради самки, которая к тому же не продолжит его род, он предал свой народ?

Сейна недобро блеснула глазами в его сторону и ответила сама, не обращаясь к Лабастьеру:

— Его народ презирал его, но уйти ему было некуда. Я — первое в его жизни существо, с которым он может говорить искренне и обо всем. А что касается продолжения рода... Направленного на обучение в бессрочники в первую очередь стерилизуют, и он после этого, не имея жены, носит приставку «Дент». Смеясь, бессрочников называют «женатыми на себе»...

Ливьен слушала, затаив дыхание. Обида на Рамбая за то, что он общается с остальными втайне от нее, обида на всех за то, что они отторгли ее, — все это отошло на второй план. На первый же вышла любознательность. Ей так мало известно о махаонах...

И Рамбай, словно подслушав ее мысли, продолжил расспросы, касаясь теперь не личности Дент-Байана и его побуждений, а истории и социальной структуры народа махаон.

В основе общественного порядка махаон лежит идея того, что теплокровные бабочки — высшая ступень развития НАСЕКОМЫХ. И именно колонии насекомых — пчел, муравьев, термитов — служат для них исходной структурной моделью.

Общество махаон, так же как и маака, не имеет жестких вертикальных делений — на «высших» и «низших». Однако деление на кланы по горизонтали, чаще всего — по признаку принадлежности к тем или иным сферам деятельности, неизменно уже сотни лет.

Сын лекаря не может стать никем, кроме как лекарем. Сын жестянщика — только жестянщиком. Сын «хранителя тайны Хелоу» — «хранителем тайны Хелоу». Не это ли — истинное равенство? Исключение из правила составляют только бессрочники.

Тут Дент-Байан устами Сейны сообщил то, что, пожалуй, более всего поразило Ливьен во всем его рассказе. А именно: почему «привилегированных изгоев» называют «бессрочниками».

Для всех членов того или иного клана установлен совершенно определенный срок жизни. Не дожить до этого срока считается грехом, который ложится на всю семью. Но, дожив до своего срока, махаон безболезненно умерщвляется. В обществе махаон практически нет стариков. Никто даже не пытается пережить установленный срок... (Ливьен припомнилось почему-то кладбище кузнечиков.) И только телепатам срок не установлен. Они — единственные — умирают от старости, одряхлевшие телом и разумом. Вот и еще одна причина презрения к ним.

Несмотря на то что в обществе этом царит освященный религией патриархат, фактическим правителем клана нередко является старшая самка; самец же просто-напросто пользуется

положенным ему комфортом и пребывает в блаженной праздности.

Удивительный механизм имеет экономика махаон. Она в общем-то является доведенным до совершенства и веками отшлифованным до блеска натуральным хозяйством. Каждый клан точно знает, когда, сколько и какому клану он должен предоставить своей продукции (услуг). Непрекращающийся плановый товарообмен приводит к тому, что каждый махаон имеет все необходимое.

Контроль и балансировку этой ювелирно-тонкой и в то же время громоздкой системы производит базирующийся в «цитадели мудрости» клан «счетчиков». Сейчас, когда народ махаон стал столь многочислен, «счетчики» справляются со своими обязанностями лишь благодаря помощи думателей и сети связистов-бессрочников.

И все же, случается, механизм дает сбои. Чаще всего — от численной нестабильности кланов. Потому контроль за рождаемостью — одна из важнейших функций «счетчиков».

Кроме бессрочников, в непосредственном подчинении счетчиков находятся дружины клана жандармов, готовых навести порядок — где угодно и невзирая на средства. Но случается такое крайне редко. Каждый член сообщества сознает: от того, сколь четко выполняет свои обязанности лично он, зависит порядок ВО ВСЕЙ обменно-распределительной системе, а значит, зависит и непосредственно его жизнь. Так завещал Хелоу.

Слушая все это, Ливьен поражалась тому, что ничего из рассказанного Дент-Байаном не имеет ни прямого, ни косвенного отражения в изучаемых ею песнях «Книги стабильности». Хотя... Само название «Книги» прозвучало теперь для Ливьен совсем по-иному, нежели раньше.

Ливьен подумала и о том, что тоталитарная общественная система махаон напрочь лишает бабочек и свободы воли, и свободы выбора, но как раз в этот момент Дент-Байан, словно отвечая ей, заметил, что благодаря четкой отлаженности, многовековой традиции и освященности религией данный порядок воспринимается всеми без исключения как естественный и единственно верный. Рядовой махаон чувствует себя внутри этой системы вполне счастливым. И Ливьен про себя признала, что в этом общества маака и махаон сходны, как личинки одной бабочки.

— ...Спроси его, самка, — продолжал расспрашивать Рамбай, — почему бессрочники не главные? Они могут разговаривать

так, что не услышит никто, они могут договориться... Другие без них ничего не могут...

«Действительно, — согласилась про себя Ливьен с Рамбаем, — они вполне могли бы диктовать условия. Однако мой муж еще и интриган...» А Сейна тем временем передала вопрос Лабастьеру и теперь, сосредоточенно морща лоб, излагала ответ махаона:

— Стабильность превыше всего. Изменения идут только во вред. Бессрочники и без того ни в чем не нуждаются. Нас презирают, но и власть не приносит любви. Добиться права на раннюю смерть? Но мы привыкли сознавать, что будем жить дольше других. Способность оплодотворять самок не вернет нам никто... У нас нет детей, ради которых стоило бы что-то менять...

— Почему же ты пошел с нами?

Сейна замешкалась с ответом. Наконец проговорила, явно озадаченная сама:

— Нельзя менять внутри. Но можно уйти вовне. Потому бессрочники всегда готовы к предательству. Потому их боятся, берегут и ненавидят.

В отсветах костра Ливьен явственно разглядела на лице Рамбая презрительно-брезгливое выражение. Да уж. Ту еще тварь подыскали они себе в помощники и союзники... Хотя можно ли требовать верности от того, кого без его согласия превратили в изгоя. Пусть даже и «привилегированного»?.. Опять все тот же вопрос: можно ли оправдать предательство?..

Тут Сейна, помедлив пару секунд, продолжила:

— И еще Лабастьер добавил от себя, что, пока он жив, Дент-Байану можно доверять без опаски.

Привязанность махаона к думателю была не совсем понятна Ливьен, но, по-видимому, тут нет никакого подвоха, ведь для Лабастьера сознание Дент-Байана — открытая книга.

— Спроси его, что он показывал Лабастьеру, когда они встретились впервые, — продолжил Рамбай. Сейна недоуменно приподняла брови:

— Не поняла...

— Лабастьер рассказал, что видел что-то непонятное...

Сейна кивнула, видно, вспомнив то, о чем говорит Рамбай, и наклонилась к думателю. Затем ответила:

— Дент-Байан говорит, что Лабастьер видел свою боль и то, как он снимал ее. Он говорит, что тогда еще не знал слов и мысленных символов Лабастьера, поэтому мог общаться с ним только на уровне зрительных образов. То, что видел Лабастьер, помогло Дент-Байану быстрее справиться с его болевым шоком.

Передав ответ, Сейна вновь склонилась над своим чадом, после чего выпрямилась и понимающе кивнула махаону.

— Что спросила Сейна? — подозрительно прищурился Рамбай.

— Тебе будет неинтересно.

— Что спросила Сейна?! — настойчиво повторил тот. В его голосе послышалась угроза.

— Рамбай, — Сейна устало провела рукой по лицу, — мы разговариваем с ним по нескольку раз в день. Ты ведь не сможешь контролировать нас все время. Сейчас я спросила, не бессрочники ли пишут «Книгу стабильности».

Рамбай расслабился и удовлетворенно кивнул. И спросил — скорее для порядка, нежели интересуясь всерьез:

— Что он ответил?

— Что бессрочники — самые образованные и самые талантливые из махаон. Но считается, что они не могут быть истинными выразителями духа. Потому они никогда не выступают авторами «Книги». Он считает это несправедливым. Он считает, что мудрость бессрочников пропадает зря.

Эта часть разговора коснулась профессиональных интересов Ливьен, и она прислушалась еще внимательнее. Сейна, вновь обратившись к Лабастьеру, продолжила:

— Бессрочники любят сочинять стихи, но записывать их им запрещено. Считается, что их творчество может только растлить умы других махаон. Потому бессрочники обмениваются своими творениями только друг с другом, мысленно. Дент-Байан привел Лабастьеру одно свое стихотворение, но тот не может передать его форму. Только содержание. Примерно так: «Ты никогда не один. Одиночество — счастье...»

«Да, — отметила про себя Ливьен, — даже одна эта строчка показывает, насколько идеалы бессрочников разнятся с идеалами тех, кто писал «Книгу». И в то же время есть между ними какая-то неуловимая связь... Есть что-то общее... Возможно, поистине философская лаконичность тех и других?

Рамбай же тем временем явно потерял интерес к разговору. Он поднялся:

— Рамбай должен идти. Возлюбленная Ливьен — одна. Долго. Нельзя.

Ливьен испугалась, что не успеет вернуться на место незамеченной мужем, и уже повернулась было, чтобы бежать, но тут услышала вопрос Сейны и замерла:

— А почему ты никогда не берешь ее с собой?

Рамбай помедлил, но потом все же ответил:

— Ливьен нужно много спать. В ее теле зреет плод Рамбая.

Его ответ поразил Ливьен.

Он знает. Знает!

Так вот почему он так ласков и осторожен с нею в последнее время и в то же время никогда не настаивает на физической близости. Это устраивало ее, и она не интересовалась причиной...

Она передумала возвращаться незамеченной. Наоборот, она обернулась лицом к костру и вышла из-за ствола навстречу Рамбаю.

Он остановился в двух шагах от нее. Лицо его помрачнело.

— Ливьен подслушивала, — констатировал он. Но она не считала нужным оправдываться.

— Почему ты не сказал мне, что знаешь?! — почти выкрикнула она с возмущением.

— А почему Ливьен не сказала мне сама? — ответил он вопросом на вопрос. И этот ответ слегка обескуражил Ливьен.

— Я думала... — начала она растерянно. — Я думала, так будет удобнее...

— Рамбай тоже думал, что так будет удобнее, — чуть заметно, одними глазами, улыбнулся он.

К месту ночлега они возвращались молча, не проронив больше ни слова.

15

Первобабочка-Мать не искала зла,
Зло само находило ее.
Первобабочка-Мать улететь могла,
Но не стоит бросать жилье...
Первобабочка-Мать научилась ждать;
Зло само покидало ее.

«Книга стабильности» махаон,
т. I, песнь X; мнемотека
верхнего яруса

Секретность, в которой до сих пор держала Ливьен свою беременность, служила, по-видимому, и определенным сдерживающим фактором. Стоило ей произнести это вслух...

Все негативные признаки этого состояния в одночасье навалились на нее. Слабость и тошнота, сонливость и раздражительность, внезапные переходы от эйфории к бездонной депрессии...

Но каков муженек?! А она-то думала, стоит лишь ему узнать о том, что она в положении, как он начнет мучить ее непомерной заботой, а то и вовсе заставит прекратить дальнейшее продвижение по маршруту... Как бы не так! Будучи, оказывается, в курсе событий, он с холодной расчетливостью поддерживал ее игру во «все нормально».

Почему?! Неужели его настолько увлек поиск Пещеры?

Это было странно. Но она не задавала вопросов. Игра продолжалась и после их короткого ночного обмена откровениями.

И эта игра имела дурные последствия.

Они поднялись на очередную ступень «лестницы Хелоу». Каменистая мрачная равнина, не только лишенная деревьев, но и лишь кое-где прикрытая зелеными травяными заплатами, сразу настроила Ливьен на самые дурные предчувствия. Потому-то она и заметила раньше остальных быстро растущую темную точку в низком линялом небе — в тот момент, когда их группа разбрелась по плато в поисках хоть чего-нибудь пригодного для разведения костра. (Связанное с подъемом понижение температуры по ночам уже давало знать о себе.)

— Птица! — крикнула Ливьен и, схватив искровик, двумя привычными движениями подготовила его к бою. Так же поступил и Рамбай. Сейна бегом вернулась к Лабастьеру, присев на корточки, привалилась к нему спиной и лишь тогда вперила ствол автомата в небо.

А вот Дент-Байан не понял смысла окрика Ливьен. Он, безоружный, находился от нее шагах в двадцати и, услышав тревожный возглас, удивленно оглянулся. Тогда она, понимая, что попасть в птицу с такого расстояния практически невозможно, только для того, чтобы указать махаону на опасность, все же выпалила в воздух.

Дент-Байан глянул вверх и, развернувшись, побежал к остальным. И в этот же миг черная туша камнем рухнула вниз.

В первый момент у Ливьен радостно дрогнуло сердце: она решила, что все-таки, даже и не надеясь на то, случайно подстрелила крылатое чудовище. Но птица, упав прямиком на махаона и накрыв его распахнутыми веерами крыльев, через мгновение живая и невредимая взмыла вверх. Дент-Байан корчился в ее костлявых, когтистых розовых лапах.

Остальные, задрав головы, беспомощно смотрели вверх: стрелять было нельзя — слишком велика была опасность угодить в махаона.

Птица набирала высоту. Она двигалась раза в два—два с половиной быстрее, чем могла бы лететь бабочка. Но ничего иного, кроме попытки преследовать ее, не оставалось. Рамбай расправил крылья. Его примеру последовала Ливьен, и они вместе вспорхнули в небо.

Боковым зрением Ливьен заметила, что к ним присоединилась и Сейна.

— Возвращайся вниз, к Лабастьеру! — крикнула ей Ливьен.

Сейна, лишь тут оценив степень опасности, которой подвергает думателя, покинув его, подчинилась. Еще бы. Ведь эта, унесшая Дент-Байана, птица могла быть и не единственной...

Догнать ее, конечно же, невозможно. Но оставалась надежда, что они сумеют хотя бы проследить, куда она унесет махаона.

Но внезапно птица повисла на месте, судорожно и бестолково хлопая крыльями. Ливьен услышала ее злобное визгливое клокотание. Похоже, ее добыча доставила ей какое-то неудобство. Расстояние между похитительницей и преследователями стало сокращаться. Теперь Ливьен смогла разглядеть, что в воздухе идет беспощадная борьба.

Дент-Байан, стараясь вырваться, отчаянно извивался и колол птичьи лапы лезвием махаонского кинжала. Птица то озадаченно глядела на него немигающими змеиными глазками, то делала короткие ныряющие движения головой, пытаясь его клюнуть. Но тот ухитрялся уворачиваться от ее костяного жала. Одинаково туго приходилось обоим.

Птица стала терять высоту.

Рамбай тем временем значительно опередил Ливьен и сейчас оказался достаточно близко к пернатому хищнику, чтобы выстрелить, не боясь попасть в Дент-Байана. И все же из осторожности он еще чуть-чуть помедлил и поднялся выше. Теперь он и вовсе не видел махаона из-за птицы и мог стрелять абсолютно безбоязненно.

Ливьен видела, как птица, в очередной раз мотнув головой, сумела-таки клювом ударить Дент-Байана — в шею. У Ливьен перехватило дыхание. Тело махаона обмякло. Вот тут-то и раздался характерный упругий щелчок пружинного ружья Рамбая.

Издав звук, больше похожий на скрежет металла о металл, нежели на крик живого существа, птица разжала когти. Но, зацепившись за них одеждой или плотью, Дент-Байан не сразу выпал из ее лап.

Отбросив автомат, Ливьен ринулась вперед и вниз. Один рывок, и она оказалась в опасной близости от покрытого перьями

чудища. Холодея от ужаса, она «поднырнула» под птицу и обеими руками уцепилась за щиколотку ноги махаона.

И — как раз вовремя. Птица нервно дернула лапами, раздался треск лопающейся ткани, и безжизненное тело Дент-Байана, удерживаемое Ливьен за ногу, беспомощно повисло вниз головой. Его вес был слишком велик для Ливьен. Лететь она не могла. Изо всех сил работая крыльями, она пыталась хотя бы уменьшить скорость падения, но та все же оставалась близка к смертельно опасной.

Краем глаза Ливьен видела грозную мохнатую тень, кружащуюся вокруг нее. Это раненая птица, не желая так легко расставаться со своей добычей, сопровождала их в падении. Но еще один выстрел Рамбая заставил ее бросить преследование. Похоже, на этот раз Рамбай задел ее основательно. Птица перестала обращать внимание на бабочек и пыталась теперь удержаться в воздухе. Но это ей плохо удавалось.

Земля стремительно приближалась к Ливьен, воздух свистел в ушах. У нее мелькнула мысль отпустить махаона; пусть хотя бы один из них двоих останется жив... Но она подавила в себе эту малодушную идею и, зажмурившись от напряжения, всю свою волю, все свои силы сконцентрировала на работе крыльев. Еще миг, казалось ей, и что-то лопнет внутри нее...

...Внезапно наступило облегчение.

Она больше не падает!!!

Она открыла глаза. Рамбай висел в воздухе напротив нее, держа Дент-Байана за руки. Он догнал их! Он успел!

Волна благодарности захлестнула Ливьен, она даже рассмеялась от избытка чувств... И не узнала свой смех. Он был похож на сухой болезненный кашель.

Она глянула вниз и буквально задохнулась от нового приступа хохота. Они висели... в метре от земли. Сейна, оставив Лабастьера, бежала к ним.

Они осторожно опустились на каменистую, покрытую слоем бурой пыли почву, положили тело. Сейна упала перед Дент-Байаном на колени. А Ливьен, сотрясаемая нервной дрожью, обливаясь слезами и давясь ими, рухнула лицом вниз и все смеялась, смеялась, смеялась... «Это — истерика», — хладнокровно констатировала некая, оставшаяся спокойной, часть ее сознания. Но истерика от этого не прекратилась. Ливьен не хватало воздуха, она задыхалась...

— Ливьен, — услышала она голос Рамбая. Сильные руки самца перевернули ее на спину. Она подумала, как, наверное, ужас-

но она сейчас выглядит: перекошенный рот, свалявшиеся, испачканные пылью волосы, потная, красная от натуги физиономия... Она закрыла лицо руками, через силу сделала глубокий, успокаивающий вдох... И тут же скорчилась от боли, пронзившей низ ее живота.

Она моментально перестала смеяться и, отняв ладони от лица, прижала их к очагу боли в паху.

— Что с Ливьен? Где больно? — Рамбай встревоженно заглядывал ей в лицо.

— Здесь... — простонала она, загибаясь. И тут же поняла: это схватки. Схватки! Она рожает. На неделю раньше положенного срока.

— Позови Сейну, — простонала она.

Спустя полчаса Ливьен, раздетая догола, лежала на мягком ложе из сухого мха, застеленного шелковым спальником. Сейна колдовала в двух шагах от нее, укрепляя над костерком прихваченную Рамбаем из махаонского лагеря посудину, наполненную водой.

Сам Рамбай при горячей поддержке Ливьен с места решающих событий был Сейной изгнан. Та, смотрительница гусениц в нижнем ярусе инкубатора, имела профессиональные навыки акушерки. Но походные условия и преждевременность родов заставляли ее нервничать.

Рамбай, то и дело косясь в их сторону, занимался раненым Дент-Байаном.

Рана махаона оказалась неопасной. Шейные позвонки уцелели, и он пришел в сознание почти сразу после приземления. Но его шея распухла и малейшее движение головой причиняло ему муки. Хотя об этом можно было только догадываться. Он стойко перенес прижигание раны раскаленным на огне лезвием и сейчас, когда Рамбай накладывал повязку, переносил и это без единого звука. Но Рамбай не мог не заметить, как при каждом его неловком движении вздрагивают и расширяются зрачки водянистых глаз.

Ливьен не могла похвастаться выдержкой Дент-Байана и молчала лишь в короткие промежутки между схватками.

Мучила ее не только физическая боль, но и глубочайшее разочарование. Если бы все это происходило с ней в Городе, она была бы уверена в счастливом разрешении от бремени, несмотря на его преждевременность. При нынешних же обстоятельствах это было практически невероятно. Ливьен знала, что в древнос-

ти, когда у маака еще не был должным образом развит институт родовспоможения, погибал каждый второй новорожденный, даже если и был нормально доношен. Нередко гибли при родах и матери. Что-то в эволюции бабочек делало роды для них значительно более опасными, нежели для всех других живых существ.

По глупости, из какого-то нелепого благородства, она, спасая абсолютно чужое ей существо, теряет ребенка, а возможно, и жизнь. Теряет ребенка Рамбая. Ребенка, зачатого в любви... Щемящее чувство безысходности переполняло ее душу. Лишь слезы немного облегчали боль.

...Схватки утихли, и она задремала. Проснулась же лишь на закате, укрытая огромными птичьими перьями. Все ее спутники расположились неподалеку, возле костра. Пахло жареным мясом. Ливьен чуть не стошнило от одной только мысли о пище.

Ее пробуждение первым заметил Рамбай.

Упруго поднявшись с корточек, он приблизился, держа в руке костяной нож с нанизанным на лезвие куском мяса.

— Съешь, возлюбленная жена моя, — предложил он, присев рядом и протягивая лакомство.

Ели сдерживая тошноту, Ливьен стиснула зубы и отчаянно помотала головой.

— Та самая птица, — ухмыльнулся Рамбай так, что не удержалась от улыбки и Ливьен. — Съешь. Ливьен нужны силы.

— Я не могу, — с трудом выдавила она из себя. — Убери.

Рамбай навесом бросил нож Сейне. Та поймала его, а он, вновь обернувшись к Ливьен, неожиданно заявил:

— Мне стыдно, жена моя.

Ливьен удивленно вскинула брови.

— Как только Рамбай понял, что Ливьен беременна, он должен был остановить ее. Рамбай захотел для себя и для Ливьен сразу два счастья — найти Пещеру и родить наследника. — Он горестно поник головой. — Рамбай забыл мудрость древних ураний: «двойное счастье — хуже несчастья»...

— Ты ни в чем не виноват, — начала было Ливьен успокаивать его, но приступ резкой боли в пояснице заставил ее замолчать. Боль усиливалась. — Сейну! Позови Сейну! — прохрипела она. В глазах померкло, и она потеряла ощущение времени. А когда пришла в себя, Сейна уже была рядом. И вновь — взрыв боли внутри.

— Рамбай... — тихонько простонала она.

— Я здесь, о слеза моей глупости. — Он склонился над ней и отер ей испарину со лба.

Вмешалась Сейна:

— Кажется, началось, — заявила она деловито. И тревожно добавила, разговаривая сама с собой: — Но почему не отходят воды?

— Дай мне ЭТО, — продолжала Ливьен тихо, обращаясь к Рамбаю.

Он сразу понял, о чем идет речь.

— Нельзя. Сейна сказала, сок пейота может убить ребенка. Мы говорили.

— Он умрет все равно. Но я не хочу умирать.

Сейна, сбросив с Ливьен перья, стояла спиной к Рамбаю так, что взбухший живот Ливьен был как раз между ее ног. И теперь она медленно присаживалась, опускаясь прямо на него.

У Ливьен зашевелились на голове волосы при мысли, что ей сейчас предстоит испытать.

Рамбай воровато покосился на Сейну, торопливо высыпал из мешочка щепоть знакомого порошка себе на ладонь и поднес ее к лицу Ливьен, приподняв ей голову другой рукой.

Ливьен торопливо втянула в себя воздух. Огонь опалил ее внутренности, и, как и в прошлый раз, она почувствовала смертельное удушье. Но на этот раз не испугалась: вместе с удушьем пришло и облегчение.

И вот она уже висит в воздухе, глядя на себя сверху.

Сейна не только всем своим весом давила ей на живот, но и энергично раскачивалась взад и вперед. Распластанная под ней белой нагой лепешкой, Ливьен показалась себе отвратительной.

Ее ноги были широко раздвинуты и согнуты в коленях. Сейна протянула руки вперед. Рамбай стоял рядом с Сейной и что-то доказывал ей. И тут Ливьен увидела, ЧТО выходит из ее чрева. Нет, не обычная личинка, а нечто огромное, сферическое, синевато-серое с кровяными прожилками на блестящей от слизи поверхности.

Ливьен охватил было ужас, но она тут же отбросила его. «Э, нет, — сказала она, точнее — ее дух, себе. — Это проблемы той, что внизу. А я — свободна!» Она с усилием отвела взгляд.

И увидела нависший над миром неописуемой красоты закат.

«Я отправляюсь путешествовать!»

Даже если бы это случалось с ней каждый день, она вряд ли смогла бы привыкнуть к тому чувству освобождения ОТ ВСЕГО, в том числе и от физических законов вселенной, которое сейчас испытывала.

Домой? Нет. Ее уже не интересует, что происходит и там. А не посмотреть ли ей на страну махаонов? Да! Это будет любопытно.

Предположительно установив направление, она, словно не знающий расстояния световой луч, скользнула на тысячи километров вперед. И оказалась над угрожающе темной поверхностью воды.

Или направление, или расстояние были ею выбраны неверно. Она несколько раз обернулась вокруг себя. Берегов нет. «Океан», — догадалась она. Тот самый океан, которым, как учили ее в инкубаторе, покрыта вся поверхность земного шара.

И тут она со страхом поняла, что напрочь потеряла ориентацию в пространстве и не имеет ни малейшего представления, где находится тот небольшой и единственный на планете участок суши, на котором расположились и Город маака, и страна махаонов, и лес ураний, и горы...

Она принялась бестолково метаться в пространстве, то снова выныривая над гладью океана, то — в пульсирующей слабым голубоватым светом бездне, то — в черноте земных недр...

С трудом взяв себя в руки, она, висящая на этот раз над дыбящимися штормовыми бурунами, попыталась рассуждать трезво. Сам процесс мышления в ее состоянии был странен. Словно МЫСЛЬ думает самою себя...

Но, как бы то ни было, она МОГЛА рассуждать.

«Действительно ли я — душа Ливьен или все это сон, иллюзия, галлюцинация? Если верно второе, то не о чем и беспокоиться. А значит, на всякий случай следует предположить первое. Тогда — очередной вопрос. Душа сама собой вернется в тело, когда оно проснется, или же наоборот — только когда вернется душа, тогда оживет и тело? Допустим, это так. Тогда, если душа не вернется, тело умрет... Она должна разыскать себя!»

Слегка успокоившись, она начала методично «прочесывать» поверхность планеты, совершая «прыжки» только в одном направлении, длиной примерно в тысячу километров.

Вода и только вода. На светлой — дневной — стороне планеты и на темной — ночной... Похоже, она вернулась в исходную точку. Развернувшись на девяносто градусов, она двинулась в направлении, перпендикулярном прежнему.

Сколько все это длится? Годы? Миг?..

Но однажды, вынырнув из ничего, она увидела далеко под собой зеленое полотно суши. Нацелившись в сторону виднеющихся гор, она совершила очередной «прыжок», но, чуть не

рассчитав, оказалась не возле, а внутри горы, в ее плотно спрессованном гранитном монолите.

Двинувшись вверх, она неожиданно очутилась в обширном, явно рукотворном помещении, в которое не проникало ни лучика света. Но «ночное видение» позволило Ливьен разглядеть многое.

Это был зал. И огромные предметы, наполнявшие его, не были похожи ни на что. Это была какая-то техника. Но странная, неземная техника. В то же время казалось, что какая-то тайная жизнь теплится в этих переплетениях металлических труб, гроздьях сфер и экранов... У Ливьен возникло ощущение, что кто-то подглядывает за ней. И ей стало страшно.

А особенно жутко ей стало, когда на идеально гладком полу она увидела останки бабочки — обглоданный временем костяк.

В своем нынешнем состоянии Ливьен не могла адекватно определять размеры предметов. Но скелет показался ей просто ОГРОМНЫМ.

В испуге она энергично «дернулась» в сторону и вылетела из горы на яркий солнечный свет. Слишком яркий -- от того, что тысячами алмазных искр он переливался на неестественно белой, словно стерильной, поверхности.

Ливьен не сразу сообразила, что это. До сей поры она видела только искусственный снег. Кому и зачем понадобилось делать его столько?..

Она двинулась над снежным полем, удаляясь от вертикали скалы, и вскоре обнаружила пропасть. Скользнула вниз. Тут равнина была уже не такой безжизненной. Еще ступень... «Лестница Хелоу!» — догадалась она.

И тут же увидела своих. И себя. Собственное тело. Рядом сидела Сейна.

Ливьен обрадованно метнулась туда.

...И открыла глаза.

— Очнулась! Она очнулась! — закричала Сейна. И тут же затараторила: — Ли, ты была без сознания четверо суток! Я уже думала, ты не очнешься никогда! Ты не представляешь, как нам повезло! Личинка вышла в оболочке! Это — один случай на тысячи!

— Я была в Пещере Хелоу, — еле слышно прошептала Ливьен.

Подлетевший на зов Сейны Рамбай произнес с благоговением в голосе:

— Он будет жить, возлюбленная мать моего потомка...

— Я была в Пещере, — повторила Ливьен и вновь закрыла глаза.

16

Слышишь, как муравьи поют, поют
Песнь о смерти своей звезды?
Видишь сна паутину? Ее плетут
Пауки, что зовутся «мечты»...
Ты открыла глаза, ты хотела уйти,
Только это — уже не ты.

«Книга стабильности» махаон,
т. VII, песнь XV; мнемотека
верхнего яруса

Подняться Ливьен смогла только на следующий день. Сейна подвела ее к небольшому углублению в почве, наспех облицованному Рамбаем обожженной глиной. Там, в теплой, почти горячей воде лежал ее плод — полупрозрачный, напоминающий яйцо насекомого, пузырь.

Никаких материнских чувств Ливьен не ощутила.

Рамбай и оправившийся от ранения Дент-Байан ежеминутно вычерпывали из углубления немного воды, выливали ее в подогреваемую на костре посудину, а обратно добавляли столько же, но уже горячей, поддерживая тем самым необходимую для развития личинки температуру.

Ливьен склонилась над «яйцом». Внутри, изредка слабо пошевеливаясь, плавала свернувшаяся гусеничка.

Ливьен выпрямилась.

— Я слышала раньше, что иногда, очень редко, ребенок начинает выходить прямо в оболочке, — обернулась она к Сейне, — но ведь ее тогда прокалывают...

— Рамбай не позволил мне этого сделать. Я боялась, что ты не выдержишь, но он заявил, что дал тебе сильный наркотик и ты выдержишь все. Он спас ребенка. Теперь то, что ты не доносила его, не отразится на его развитии.

Ливьен кивнула. Не наученный горьким опытом, Рамбай вновь погнался за «двойным счастьем». И на этот раз ему повезло. Но могло случиться и по-другому. Уже во второй раз за последнее время она убедилась, что, несмотря на всю преданность и

нежность, он, если это необходимо, способен без колебаний рисковать ее жизнью и здоровьем.

Но — «победителей не судят».

Две недели тянулись как годы — в монотонном ухаживании за личинкой и запасанием для нее провианта. Гусеница маака ужасно прожорлива. Рамбай и Дент-Байан, оставляя присматривать за плодом самок, отправлялись в длительные перелеты вниз, к плодородным местам и возвращались с корзинами, полными лесных орехов, ягод, улиток и рыжих муравьев.

Фрукты нарезались тонкими дольками и развешивались сушиться на флуоновых нитях меж вкопанных в землю жердей. На тех же нитях сушились и муравьи, но — целиком. И большая часть мяса подбитой давеча птицы тоже была завялена впрок.

Как назвать ребенка, пока не решили. Да и не решали. В племени ураний гусениц не называли вообще, а давали имя позже — уже вышедшей из куколки бабочке. У маака гусеницам в нижнем ярусе присваивали порядковые номера. Тем более что гусеница не имеет пола, и до ее превращения неизвестно — мужское давать имя или женское.

Так что, когда к концу второй недели окрепшая гусеничка, разрушив стенки оболочки, принялась беспомощно барахтаться в теплой воде, дежурившая в этот момент возле нее Сейна крикнула так, словно вопрос с именем новорожденному был решен давным-давно:

— Ливьен! Рамбай! Скорее! Ваш Первый проклюнулся!

«Ваш Первый», — отметила про себя Ливьен. Звучит так, словно точно известно, что будет и Второй, и Третий...

До сей поры Ливьен не приходилось подолгу общаться с гусеницей, и если бы не Сейна, уверявшая, что все идет так, как и должно быть, она решила бы, что произвела на свет монстра. Первый ел не переставая. Он (она?) пожирал все, что ему давали, — без разбора и ограничений. Только в первый день он включал в свой рацион и материнское молоко, а уже на следующий Ливьен с несказанным удивлением наблюдала, как ее маленькое мохнатое зелено-коричневое чадо носится по равнине в поисках съестного, умопомрачительно быстро перебирая десятком ножек-присосок.

И все же размер был не единственным, что отличало Первого от насекомого.

Первый смеялся.

Поиск пищи Первый начинал с того, что приподнимался верхней частью корпуса над землей и, поворачиваясь ею из стороны в сторону, тщательно принюхивался. Наконец, уловив вожделенный запах еды, он заразительно хихикал (иногда даже падая на спину и подергивая в воздухе ножками) и несся к кучке провианта, только что заготовленного взрослыми...

Если он не ел, то спал, свернувшись клубком. Он рос не по дням, а по часам.

Он начал нравиться Ливьен. Ей было приятно и весело наблюдать за ним. Порой она даже чувствовала приливы нежности к нему, и ей казалось, что Первый отвечает ей взаимностью.

Что касается Рамбая, то он просто лопался от гордости.

Было решено, что, когда Первый станет куколкой, они спрячут его в укромное место поблизости и продолжат поиск Пещеры. Им должно было хватить времени — добраться до нее, исследовать и вернуться, — пока куколка не превратится в бабочку.

Пару раз Рамбай намекал Ливьен, что, мол, возможно, теперь спешить и не стоит, что, возможно, никакой Пещеры и нет... Но та стояла на своем. Она не рассказывала, что происходило с ней во время родов, но сама об этом забыть не могла. Она уже побывала в Пещере... И это был далеко не бред. Теперь она точно знает, что цель их поисков существует.

Наблюдая за Первым, Ливьен не раз поражалась его сообразительности и той быстроте, с которой он находит очередную (или внеочередную) порцию пищи. Поделившись этой мыслью с Сейной, она получила более чем неожиданное объяснение:

— Ему подсказывает Дент-Байан.

— ?.. — Ливьен недоуменно уставилась на Сейну.

— Твой Первый — телепат. Они разговаривают.

Телепат?! Откуда? Почему? В ее роду не было телепатов!

И тут же до нее дошло. Мать Рамбая унесла его в лес, боясь, что его превратят в думателя. Значит, у него в роду телепаты были...

Какое счастье, что Рамбай — дикарь, что они встретились с ним не в Городе. Случись по-другому, не миновать бы Первому судьбы Лабастьера...

Сейна добавила, что чтение мыслей имеет собственные, довольно странные законы. Она может «говорить» с Лабастьером,

то же может делать и Дент-Байан, а вот «говорить» друг с другом они не могут. Первый общается с Дентом, но ни с ней, ни с Лабастьером у него связи нет...

Ливьен попросила Сейну узнать у Дент-Байана, что Первый думает, чего хочет, как к ним относится. Сейна не замедлила выполнить ее просьбу и сообщила вот что:

— Он очень любопытный, но глупый. — (Ливьен слегка покоробило такое определение.) — Он хочет знать все, но его память устроена так, что, поспав, он снова ничего не помнит. Если он не голоден, ему всегда весело, и он всех нас любит. Но если мы исчезнем в тот момент, когда он будет спать, он даже и не вспомнит, что мы когда-то были... Дент-Байан уверен, что Первый будет самцом; но я не поняла, как он это определил.

Случай, происшедший с ними вскоре, наглядно продемонстрировал Ливьен нрав и способности Первого.

В очередной раз самцы отправились на заготовки, но задержались дольше обычного. Сейна прилегла поспать, а Ливьен, присматривая за Первым, варила ему похлебку из улиток, которую он обожал (как, впрочем, и все прочее, что можно было запихать в рот).

Некоторое время он не давал Ливьен покоя, нетерпеливо кружа вокруг костра и принюхиваясь к исходящему от варева аромату. Стоило Ливьен лишь однажды на миг отвлечься, как он подскочил к котелку, сунулся в него, ошпарил нос и, обиженно заверещав и замотав головой, чуть не опрокинул варево в костер.

Ливьен была вынуждена строго на него прикрикнуть, и Первый, загрустив, удалился.

Некоторое время он, меланхолично понурившись, слонялся по территории стоянки, пока наконец не нашел себе очередное занятие. Подкравшись к шестам, между которыми были натянуты нити с сушившимися припасами, и придерживаясь лапками за один из них, он попытался дотянуться до свисающего куска птичьего мяса. Попытка эта была обречена на неудачу, так как высота шеста раза в полтора превышала длину Первого, а взобраться по шесту Первый не мог: тот был слишком тонок.

Стоя на задних конечностях и держась остальными за шест, Первый принял вертикальное положение и даже ухитрился чуть-чуть подпрыгнуть. Но, шмякнувшись о землю, удрученно пискнул и дальнейшие эксперименты прекратил.

Похлебка поспела, Ливьен, обмотав ладони кусками ветоши, осторожно сняла ее с огня и поставила на землю — стынуть. А когда обернулась, Первого не увидела. Ливьен встревоженно огляделась. Позвала. Никто не откликнулся.

Ливьен вспорхнула над землей, но и тогда не увидела его. Никакого шевеления, насколько хватало взгляда.

В панике Ливьен разбудила Сейну и рассказала об исчезновении ребенка. В первую очередь Сейна «поговорила» с Лабастьером, но тот не имел никаких предположений. Тогда они вдвоем принялись за поиски.

В земле, метрах в двухстах от костра, они обнаружили расселину, раньше на которую не натыкались. Она была столь узка, что спуститься в нее на крыльях было невозможно. Все, что они могли предпринять, это идти вдоль этой трещины, то и дело наклоняясь и зазывая: «Первый! Первый!..» Но в ответ из бездны не доносилось ни звука.

— Если он жив, он уже отозвался бы, — заявила Сейна, и от этих слов по спине у Ливьен пробежали мурашки. Но Сейна не заметила в своем высказывании жутковатого оттенка и прагматично добавила: — Давай искать в другом месте.

Прошло около полутора часов, они вдоль и поперек облетели весь обжитый участок плато, но следов Первого так и не обнаружили. Ливьен была почти уверена, что он провалился в расселину. Чтобы отогнать от себя страшные мысли и видения, она повторяла про себя: «Ну, я найду тебя, я устрою тебе прятки! Ты не забудешь их, сколько бы ни спал!» Но с каждой минутой угроза эта казалось все бессмысленнее и все чаще вместо нее Ливьен принималась клясть и корить себя за невнимательность.

Они добрались до скалистого края «ступени Хелоу». Где-то там внизу, за туманной дымкой, занимались добычей провианта самцы. Но у них есть крылья! А у Первого крыльев нет. Если он сорвался...

И в этот миг из тумана вынырнули Рамбай и Дент-Байан.

Вылетев им навстречу, Ливьен и Сейна обрушили на самцов полные смятения крики (хотя понимать их мог, конечно, только Рамбай):

— Первый пропал!..

— Его нигде нет!..

— Мы обыскали все вокруг! Там, в земле — щель!..

Лицо Рамбая стало суровым, в голосе послышалась чуть ли не угроза:

— Где была Ливьен?

— Я... Я была возле костра...

Мрачный, как туча, он увеличил скорость и, заложив вираж, полетел к костру. Остальные еле поспевали за ним.

Никто не посмел проронить ни слова. Пока они не добрались до места... И не увидели Первого. Который сладко дрых возле опустошенного и начисто вылизанного котелка.

— Где он был?! Где он прятался?! — еле сдерживая слезы облегчения и обиды, как могла более возмущенно вскричала Ливьен.

Сейна перекинулась с Дент-Байаном какими-то жестами.

— Разбудите его, Дент сейчас все у него узнает, — кивнула она Ливьен и поспешила к Лабастьеру.

Ливьен послушно растолкала Первого. Тот отряхнулся, осоловело посмотрел на взрослых, что-то недовольно пискнул и, улегшись поудобнее, задремал вновь.

Вернулась Сейна:

— Бесполезно. Он уже ничего не помнит, — сообщила она. И тут, наклонившись, подняла с земли предмет, доселе взволнованными путниками незамеченный.

Это был обруч, похожий на диадему самок маака, но чуть меньше диаметром. Он был иззелена-черен, покрыт кавернами и наростами глины, с большим утолщением с одной стороны. Чем бы ни был этот предмет, приволочь его мог только Первый; оттуда, где он побывал. Но где?! Где он побывал?!

Взрослые недоуменно вертели находку в руках, передавая друг другу. Ясно было одно — это очень-очень старая вещь. И она имеет искусственное происхождение.

Когда находка во второй раз попала в руки Рамбаю, он присел на корточки, снял с пояса свой костяной кинжал и принялся скрести им о темную округлую поверхность. Вскоре очертания предмета стали более четкими.

— Золото, — определил Рамбай, не прекращая чистку.

В том месте, где на обруче было утолщение, обозначилась грань отполированного зеленого камня.

Да, это была диадема. Диадема с изумрудом. Но бабочка, когда-то носившая ее, была, по-видимому, раза в полтора меньше обычной.

Однако, когда Рамбай очистил предмет достаточно хорошо, уверенность покинула Ливьен. Дело в том, что камень не был, как это делается обычно, вкраплен в обруч, а был прикреплен к нему пятью загнутыми штырьками. И камень этот был ужасно велик — с половину кулака Рамбая.

Можно предположить, что когда-то в древности тут обитал низкорослый народ, для представителя которого обруч этот был как раз впору. Но таскать на лбу такой камень?.. Или этот обруч надевался на шею? Нет, это еще нелепее. Хотя от дикарей можно ожидать все, что угодно.

Ливьен пригляделась еще внимательнее. Потрогала. Металл был гладок. В одном месте на его поверхности были выгравированы какие-то знаки.

Нет, вряд ли изделие столь совершенной чеканки могли изготовить дикари...

Сейну, похоже, терзали те же сомнения, что и Ливьен.

— Может, они носили камень на затылке, — без предисловия высказала она предположение. — Или эту штуку носила гусеница?..

— Возможно, — откликнулась Ливьен. — Если это была личинка вождя, ее вполне могли украшать подобным образом... Рамбай, ты никогда не слышал о таком обычае?

— Нет, Рамбай не слышал, — отозвался тот. — Рамбай думает, не нужно говорить зря. Нужно искать, где он был. Завтра будем искать. — Он отвлекся от работы и, взглянув на Ливьен, впервые с момента возвращения улыбнулся ей. — Это знак. Наш Первый будет великой бабочкой.

Сейна хмыкнула и бросила Ливьен:

— Иногда самцы говорят неглупые вещи.

Рамбай посуровел вновь:

— Идите спать, самки, — пробурчал он. — Рамбай будет сторожить. И думать.

Ливьен и Сейна не стали спорить с ним. Сегодня была его очередь первым заступать в караул. Через два часа он разбудит Дент-Байана, и тот сменит его. Затем наступит очередь Сейны. Ливьен пока в караул не ходила — она еще не вполне оправилась от родов.

Потому она и удивилась так, когда Сейна разбудила ее среди ночи:

— Ливьен, проснись. Только тихо...

— Что опять стряслось? — Она напряженно села на подстилке и приготовилась к неприятностям.

— Ничего, ничего, успокойся. — Сейна опустилась перед ней на корточки. — Я просто подумала, что должна сказать тебе. Я описала обруч Лабастьеру, и он вроде бы знает, что это такое.

— Что же это? — не скрывая облегчения, Ливьен опять прилегла.

— Это перстень.

— Перстень? А что такое перстень?

— Украшение, которое древние самцы маака носили на пальцах.

— На пальцах? — снова переспросила Ливьен, но тут же, сообразив, что это означает, села вновь.

На пальцах! А она-то думала, что владелец обруча был меньше, чем современная бабочка...

— Да, — продолжала Сейна. — А ты помнишь, что сказал о Хелоу Рамбай?

— Нет, — призналась Ливьен.

— Он сказал, что Хелоу — просто ОЧЕНЬ БОЛЬШАЯ БАБОЧКА.

Сомкнуть глаз в эту ночь Ливьен больше не смогла.

Перед ее мысленным взором вновь и вновь вставал кошмар, который доселе она боялась даже вспоминать. Картина из ее наркотического бреда. Странные неземные предметы. Машины, которые, кажется, подглядывают за тобой. Гладкая зеркальная поверхность пола. И зеленовато-белые кости на нем. Кости ОЧЕНЬ БОЛЬШОГО скелета.

17

Нам являться из небытия дано,
Чтобы влиться в лесную сень.
Неминуемо день превращается в ночь,
Но и ночь превращается в день.
Жизнь однажды кончается смертью, но
Разве вечна ночная тень?

«Книга стабильности» махаон,
т. I, песнь XIX; мнемотека
верхнего яруса

Утром принялись за скрупулезное изучение обнаруженной Ливьен и Сейной расселины, в которой предположительно побывал Первый. Вскоре какие-либо сомнения развеялись. Рамбай, видевший в темноте не хуже, чем при свете дня, углядел на одном из участков трещины, на глубине полутора-двух метров, металлическую трубу. Точнее — два конца трубы с рваными краями, торчащие из каменистых стен. Было очевидно, что раньше они со-

ставляли единое целое, но, треснув, порода разорвала пополам эту древнюю коммуникацию.

Ширина трещины не позволяла воспользоваться для ее обследования крыльями. Рамбай и Дент-Байан слетали на предыдущую ступень «лестницы Хелоу» и принесли оттуда крепкую жердину, вполне способную выдержать вес бабочки. Привязав посередине нее флуоновую нить, они перекинули жердь через трещину, и Рамбай, цепляясь за нить руками и упираясь ногами в стенки, спустился к трубе. Он примостился рядом с ней, на выпирающей из стены глыбе, и, крепко обвязавшись вокруг пояса, принялся за осмотр.

Диаметр трубы оказался как раз подходящим для того, чтобы в нее могла пролезть гусеница. Но для бабочки он был слишком узок.

Металл, из которого была изготовлена труба, на первый взгляд абсолютно не подвергся коррозии. Но когда Рамбай взялся за ее край и приложил некоторую силу, кусок белого сплава отломился, как ореховая скорлупа. Время изменило-таки физические свойства этого материала.

В какой из рваных концов трубы лазал Первый, определить было нетрудно. Из того, который шел в сторону их стоянки, торчал жгут почерневших от времени проводов. Когда Рамбай потрогал их, они рассыпались, словно зола. С другой стороны такого жгута не было. Значит, его уже разрушил Первый. Он был именно там, в той стороне, которая ведет к центру скалы.

Как он нашел эту трубу, как сумел спуститься и влезть в нее, осталось для взрослых загадкой. И уж тем паче загадкой было, куда он проник через нее, где побывал, откуда приволок пресловутую золотую вещицу. (Хотя на этот счет Ливьен и имела кое-какие соображения. Но она не спешила поделиться ими с остальными.)

Стоило Ливьен представить, скольким опасностям подверглось ее непутевое чадо, ее прошибал болезненный озноб.

А Первый тем временем, пережив две положенные линьки, начал вести себя по-новому.

Сегодня он уже не охотился за припасами, не носился как угорелый туда-сюда и не совал куда ни попадя свой любопытный нос. Нет. Сперва он на пару часов как бы впал в некую философскую рефлексию, а затем поведение его стало деловитым и целенаправленным.

Он готовился к закукливанию.

* * *

В нижнем ярусе городского инкубатора кокон личинке не нужен. И без того там поддерживаются необходимые температура, влажность и освещенность. Но инстинкт, несмотря ни на что, заставляет гусениц вырабатывать флуоновую нить. Она используется маака в промышленных целях.

Но в нынешних условиях поведение Первого было оправдано на сто процентов. Он с удивительным проворством выхватывал веточки из приготовленной взрослыми кучи хвороста и, смачивая соединения быстро схватывающейся слюной, плел из них нечто вроде продолговатой, поставленной вертикально корзины с узким отверстием сверху. Скорее всего Первый как-то прикрепил это сооружение к почве, иначе оно должно было упасть. Но как и когда он это сделал, Ливьен не заметила.

Вмешательство в этот процесс взрослых по совету опытной Сейны ограничилось лишь заготовкой прутьев.

Закончив изготовление каркаса, Первый, ловко перебирая лапками, принялся ползать по нему, многократно обматывая его вдоль и поперек флуоновой нитью. Спустя несколько часов ветки каркаса под гладкой сероватой, матово блестящей поверхностью уже не угадывались вовсе.

Наложив несколько слоев, Первый забрался на верхушку своей конструкции и нырнул в отверстие. А еще через несколько минут кокон зашатался и рухнул набок.

О том, что Первый ведет внутри некую бурную деятельность, теперь можно было догадаться лишь по тому, как кокон дрожит и подергивается.

Ливьен решила, что в ипостаси гусеницы Первого больше уже не увидит, и у нее защемило сердце. Она успела привязаться к нему. Что ж, бессмысленно было ожидать от личинки слез прощания или иных проявлений сыновней нежности... И все же...

По задумке Рамбая кокон после закукливания Первого следовало куда-нибудь спрятать и замаскировать. Но инстинкты Первого сделали эту предосторожность излишней. Когда Ливьен уже потеряла надежду еще раз его увидеть, он неожиданно выбрался из кокона и принялся рыть почву рядом с ним. Выкопав небольшой продолговатый окоп с наклонным дном, Первый, упершись парой передних лапок в стенку кокона, столкнул его туда.

Кокон лег в землю под углом градусов в сорок пять и почти полностью скрылся из виду. На поверхности остался только то-

рец с отверстием. Первый закидал яму щебнем. Если бы не отверстие, вряд ли кто-то смог бы теперь догадаться об искусственном происхождении этого холмика.

Лишь после этого Первый, удалившись окончательно, замуровался изнутри. Но прежде он совершил поступок, явно продиктованный не одними инстинктами и поразивший Ливьен. А именно: он утащил в свое логово «перстень Хелоу» (так про себя окрестила Ливьен его находку).

Зачем понадобился ему этот золотой предмет? Может быть... Может быть, Первый почувствовал, что контакт с древней и загадочной вещью даст ему нечто особенное в процессе таинства превращения?.. Если так, то прав был Рамбай, говоря о великом будущем Первого.

Размышляя, Ливьен глянула на мужа и убедилась, что тот расценивает происшедшее так же. Никогда еще не видела она на его лице такой смеси гордости и блаженства.

Заметив ее взгляд, Рамбай поспешил принять невозмутимый вид. Но сказал:

— Даже личинки ураний, живущих в лесу, не умеют прятать свой кокон. — Многозначительно помолчав, он продолжил: — В племени, изгнавшем Рамбая, есть обычай: перед свежим коконом личинки кладут несколько предметов. И по тому, что она захватит с собой, определяют ее дальнейшую судьбу. Рамбай взял стрелу и стал охотником. Первый взял изумруд — камень мудрости и власти.

О да, это было похоже на предзнаменование. Но в то же время Ливьен испытала и легкое разочарование. Оказывается, манеру тащить что-нибудь с собой в кокон имеет не только ее вундеркинд-Первый, но и прочие гусеницы. И по большому счету, тут ему и взять-то больше было нечего, кроме перстня, который, кстати, и находился к кокону ближе всего... Что же касается Рамбая, то кем еще, кроме как воином, он мог стать?

Итак, забота о ребенке отошла в прошлое, и путники вновь принялись готовиться в дорогу.

Превращение из куколки в бабочку длится около месяца. Они должны были уложиться в этот срок.

Прежде чем лететь дальше, Ливьен настояла на изготовлении теплой одежды. Она помнила снежную равнину из своего «бреда».

Рамбай поначалу ни о чем таком не хотел и слышать.

— Объясни, жена моя, — язвительно вопрошал он, — зачем Рамбай должен обрастать шерстью, как дикий кот, или покрываться перьями, подобно глупой птице? Рамбай — не кот и не птица!

— Чем выше мы поднимаемся в горы, тем становится холоднее, — терпеливо объясняла Ливьен. — Ты ведь и сам это заметил. А дальше будет так холодно, что не будет таять снег.

— Рамбай никогда не слышал такого слова.

— Снег — это вода, которая от холода стала твердой.

— Ха! — Рамбай презрительно усмехнулся. — Всегда я знал, что самки из Города только кажутся умными! «Твердая вода!» — передразнил он. — Личинка махаона не смогла бы придумать ничего глупее... Займись сборами, жена, и не морочь мне больше голову.

Но Ливьен не отступала:

— Я не двинусь с места, пока у нас не будет теплой одежды!

— Сейна! — рявкнул Рамбай.

Сейна отложила возню с чехлом Лабастьера и подошла к ним.

— Прошу тебя, самка, — с легкой издевкой в голосе обратился к ней Рамбай, — спроси премудрого Лабастьера: может ли быть вода твердой и нужна ли нам какая-то особая одежда, чтобы двигаться дальше? Рамбай сделает так, как скажет думатель... — Он победно зыркнул на Ливьен.

«Нет, не зря Городом правят самки! — раздраженно думала Ливьен, пока Сейна общалась с Лабастьером. — Эти спесивые болваны абсолютно не способны прислушиваться к чужому мнению! А что может ответить Лабастьер? Вся его информация — опосредованна. Откуда ему знать о том, что творится в высокогорье — там, где не бывала еще ни одна бабочка?!»

— Лабастьер сказал, что Ливьен права, — объявила Сейна вернувшись. — Теплая одежда нужна. Следует утеплить и его чехол.

Рамбай обескураженно уставился на нее.

— Он так и сказал? — переспросил он недоверчиво.

— Так и сказал.

— И твердая вода бывает? — спросил он так, что стало ясно: до истерики остался один шаг.

— Об этом я не спрашивала. Я и сама знаю. От холода вода твердеет и превращается в лед.

— Ливьен называла другое слово, — все с той же, не предвещающей ничего хорошего, интонацией заметил он.

— Я рассказывала ему про снег, — пояснила Ливьен. — Понимаешь, Рамбай, лед — твердый, а снег — мягкий...

— Снег!!! Лед!!! — взорвался он наконец. — Вода твердая, вода мягкая!!! Ответь мне, самка, — продолжал он голосом, полным сарказма, — научи глупого Рамбая: бывает ли вода жидкая?..

— Бывает! — зло рявкнула Ливьен.

— Это хорошо, — покивал он, ехидно прищурившись. — А может быть, вода умеет плясать на лесной поляне, украсив себя цветами магнолии? Или вода кусается, выскакивая из дупла? Или она летает по воздуху, пока никто не видит?!

— Если ты так глуп, что сунешь свой нос в кипяток, вода укусит тебя, — взяв себя в руки, мрачно ответила Ливьен. — А вода, которая летает по воздуху, называется «пар»... Ты обещал поступить так, как скажет Лабастьер. И хватит об этом.

Рамбай скрипнул зубами. Но промолчал.

Однако говорить о необходимости теплой одежды оказалось много проще, чем сделать ее. Ливьен пожалела, что не поставила этот вопрос раньше.

Два дня подряд Рамбай и Дент-Байан спускались на «ступень» ниже в поисках какого-нибудь зверька, шкурку которого можно было бы выделать. Но тщетно. Ничего подобного тут не водилось.

Были еще перья, оставшиеся от хищной птицы, но Ливьен не представляла, как их можно использовать. Выход подсказал Дент-Байан.

Срезав пух с нескольких перьев, махаон набил им свой спальный мешок, а затем, чтобы пух не сбивался в один край, прошил мешок нитью — несколькими строками, крест-накрест. И это свое изделие он предложил в качестве утепляющей прослойки в кожух Лабастьера.

Ливьен и Сейна с воодушевлением восприняли эту идею и принялись за работу. Искромсав спальники, они получили в результате четыре удлиненных теплых жилета с широкими щелями для оснований крыльев. Спереди эти неказистые одеяния зашнуровывались флуоновой нитью, ею же затягивались на бедрах.

Рамбай заявил, что никогда и ни за что не наденет эту уродливую тряпку. Но пока что его и не заставляли этого делать. Жилеты свернули и запихали в раздувшиеся поясные рюкзачки. Только изделие Дент-Байана сразу вложили в чехол Лабастьеру, от чего тот стал раза в полтора объемистее.

Собрали и остальные пожитки. Можно было лететь.

Неожиданно задержал Рамбай.

Встав на колени возле холмика, под которым прятался кокон с куколкой Первого, он закрыл глаза и принялся что-то быстро и негромко говорить на дикарском наречии ураний.

Что это было? Молитва? Прощание? Напутствие? Ливьен не знала. И не решилась спросить. Но встала на колени с ним рядом. И почувствовала неожиданное волнение. Вернувшись сюда, она встретится с бабочкой маака, которую не видела еще ни разу в жизни. И это будет ее ребенок. Ее Первый.

Если, конечно, она вернется...

Она должна вернуться!

Сейна и Дент-Байан в терпеливом ожидании молча сидели поодаль.

18

Раз увидел Охотник во сне, во сне,
Как горит его дом дотла.
В то же утро он разобрал свой дом,
Чтоб судьба его сжечь не смогла.
Он судьбу обманул. Но бездомен он.
Так ответь же мне — чья взяла?..

«Книга стабильности» махаон,
т. XV, песнь IX; мнемотека
верхнего яруса

На третьи сутки полета, к вечеру, они добрались до очередной отвесной стены и остановились на привал у ее подножия.

«Подзарядкой нервной энергии» Лабастьера теперь занимался Дент-Байан, а не Сейна. У него получалось быстрее и безболезненнее.

Равнина, над которой они летели в последний из трех дней, была не горизонтальной, а заметно забирала вверх. И уже тут похолодало настолько, что путники поспешно облачились в свои импровизированные утеплители. Рамбай, перестав ворчать по поводу времени, потерянного на их изготовление, поступил так же, как и остальные. Тем паче что собранный для костра сухой мох (а ничего другого тут уже и не росло) дыма давал больше, нежели тепла.

Путники тесно сбились вокруг костра. О сне в таком холоде страшно было даже подумать. Но и продолжать полет без отдыха сил уже не было.

Желая поддержать товарищей, Рамбай тихонько запел, мерно покачиваясь в такт. Ливьен узнала эту песню. Именно ее он пел во время ливня накануне боя с махаонами. И действительно, стало как будто теплее, во всяком случае ей. Она даже ухитрилась задремать, положив голову Рамбаю на плечо и покачиваясь вместе с ним.

Ей снилось счастье.

Снилось, будто бы они с Рамбаем летят над прекрасным светлым городом. А между ними, уверенно работая крыльями, порхает юный самец с божественно сияющим ликом. Это ее Первый? Или это бог Хелоу? Или и тот и другой одновременно?.. Она оглянулась, и дыхание ее захватило от радости: позади них летели все, кто, казалось бы, так недавно покинул с нею Город. И строгая Инталия, и старая Ферда, и сентиментальная Аузилина... А чуть впереди прочих, ближе всего к ней, к Рамбаю и к юному незнакомцу, — Лелия с лучезарной улыбкой на устах.

Сейна помнила, что всех их нет в живых. Но, несмотря на это, ей казалось вполне естественным, что они летят вместе.

Она хотела спросить Лелию, где они, что это за город под ними. Но не успела открыть рот, как уже услышала на свой вопрос мысленный ответ Посвященной:

«Это Город, в который мы стремимся с момента своего рождения. Город, где нет места лжи и злу. Где нет различий между видами бабочек... Ты и раньше знала об этом Городе».

«О да, — отвечала Ливьен без звука, — я встречала упоминания о нем в «Книге стабильности». Кажется, встречала... — Она вдруг засомневалась. — Но если даже встречала, то он — из поверий махаон. Выходит, они верны? А мы — мертвы? Так?»

«Нет. Мы тут уже давно. А вас еще нет. Мы вернулись лишь за тобой и за твоим мужем. Вы — в пути...»

«А Сейна? А Дент-Байан и Лабастьер?»

Лелия нахмурилась:

«Они еще не готовы. Но и они будут с нами».

И вдруг лицо Лелии утратило четкость. Словно затянулось туманной дымкой. И Ливьен почувствовала, что теряет высоту.

Она глянула вниз, но Города там не было. Только боль.

Она хотела закричать, но услышала лишь собственный стон.

И с трудом разлепила склеенные инеем ресницы.

...В зеленоватом спектре ночного зрения она разглядела склонившиеся над ней лица Сейны и Дент-Байана. Махаон энергично тряс ее за плечи, а Сейна старательно растирала ей лицо ладонями.

— Живая! — обрадовалась Сейна, увидев, что глаза Ливьен открылись. — А я уже испугалась, что мы потеряли тебя! Вставай! Разомнись!

Зачем они разбудили ее? Было так хорошо. Ливьен вновь смежила веки и моментально погрузилась обратно в теплую ласковую мглу. Но грубые руки Дент-Байана опять вернули ее в реальность.

— Ли! — кричала ей в лицо Сейна. — Проснись! Если ты не проснешься, ты умрешь!!!

Боль во всем теле. Холод. Страх.

Страх!

Она испугалась, что НИКОГДА не увидит Первого бабочкой. Она испугалась, что ее прекрасное видение — только сон, а когда она умрет, он исчезнет, и не будет НИЧЕГО...

Она встрепенулась, попыталась встать... Но тут же упала: подогнулись пронзенные болью колени. Сейна кинулась массировать ей ноги.

Костер не дымился. А следить за ним вызвался Рамбай. Рамбай!

Ливьен приподнялась на локтях и нашла его глазами. Дент-Байан уже пытался разбудить его. Только слабое размеренное дыхание выдавало то, что тот еще жив. Рамбай-богатырь, Рамбай — бесстрашный герой, Рамбай — неуязвимый и ловкий дикарь оказался бессилен перед тем, к чему природа никак не могла его подготовить, — перед холодом, который никогда не встречается в плодородной низине джунглей.

Его приводили в чувство втроем. Испугавшись за мужа, Ливьен перестала ощущать собственную боль в обмороженных руках и ногах. Они били его по щекам, они трясли его, они массировали его лицо и конечности...

Наконец тот глубоко вздохнул и протер воспаленные глаза. И возиться с ним осталась одна Ливьен. Сейна и Дент-Байан тут же переключились на Лабастьера.

Как ни удивительно, на думателя холод подействовал менее пагубно, нежели на остальных. По словам Сейны, он лишь пожаловался, что стал «медленнее думать». Хотя этого следовало ожидать. Думатель — почти куколка. А процессы в куколке при пониженной температуре протекают медленнее и на долгий срок могут затормозиться вовсе.

Выяснилось, что первым всполошился Дент-Байан. Он вспомнил стихотворение из их «Книги», в котором некоего Охотника у врат Пещеры убивает «свет луны». А по представлениям махаонов, луна излучает холод. Ливьен тут же вспомнила этот

стих. В нем же говорится, что, прежде чем погибнуть, Охотник ослеп от белизны. Если раньше эта фраза казалась ей просто малопонятной метафорой, то сейчас наполнилась конкретным смыслом. Кто знает, как действует на зрение полное отсутствие цветов на заснеженном плато?

Но какие сделать из этого практические выводы? Сейчас было ясно одно: они чудом остались живы, и сидеть на месте больше нельзя. Нужно двигаться — вперед (точнее — вверх) или назад. Коротко посовещавшись, выбрали все-таки первое.

Но взлететь сумели не сразу: покрытые инеем и шелушками льда крылья потеряли свою легкость и эластичность. И пришлось потратить некоторое время на то, чтобы вычистить их и размять.

С каждым десятком метров подъема становилось все холоднее. Спасало только энергичное движение крыльями. К рассвету взобрались на очередную «ступень». Ливьен сразу узнала эту мертвенно-белую равнину.

В прошедшую ночь впервые рассеялась дымка внизу, и путешественники смогли оценить, как они высоко. Весь мир под ними был как на ладони, за сплошным зеленым ковром внизу, казалось, даже угадывается морская гладь. Морозный воздух был хрустально чист, и в нем, серебрясь и играя на солнце, виднелись пики и вершины, которые им удалось обойти, чернели провалы и бездонные трещины, через которые они перелетали.

Но холод подгонял и не давал слишком долго любоваться красотами пейзажа.

Для того чтобы удерживаться в разреженном воздухе, сил требовалось вдвое больше, чем обычно. Да и крылья от холода слушались все хуже. Чехол же с Лабастьером, покрывшись ледяной коркой и сосульками, стал значительно тяжелее. То одна, то другая бабочка, не удержавшись, отпускала свою лямку, а когда, скоординировавшись, вновь подхватывала ее, остальные трое уже выбивались из сил. Продолжать движение таким образом стало просто невозможно. Пролетев около километра вперед, путники вынуждены были опуститься на снег.

Двинулись пешком. Чехол поволокли по снегу. Крылья пускали в ход лишь тогда, когда ноги проваливались в пуховую трясину слишком глубоко. Лишь иногда делали короткие, но теперь — крайне изнурительные перелеты через ямы и трещины. Скорость продвижения стала столь низкой, а холод столь невыносимым, что Ливьен усомнилась в верности их недавнего решения двигаться вперед.

Сияющая белизна под ногами подавляла волю, казалось, она высасывает из тебя последние жизненные силы. То и дело зачерпывая ладонью снег, Ливьен набивала им рот, надеясь, что талая вода спасет ее от жажды. Но этого не происходило.

Она видела, как воспалились глаза ее спутников. Белки глаз стали розовыми и покрылись кровавыми трещинами...

Случилось это внезапно. Упав на колени, Сейна принялась тереть глаза, повторяя:

— Я не вижу! Я ничего не вижу!..

Вернется ли к ней зрение или этот процесс необратим? Они не знали. Но они надеялись. И Рамбай, достав из ранца обрывок спальника, соорудил из него ленту и повязал ее Сейне на глаза.

— Надо смотреть по очереди, — сказал он после этого.

Глаза себе завязали и Ливьен, и Дент-Байан. Единственным зрячим остался Рамбай. Остальные двигались вслепую, держась за чехол, волоча его из последних сил, спотыкаясь и падая. Через полчаса Рамбай снял ленту с глаз махаона и повязал ее себе. Поводырем стал Дент-Байан.

Похоже, это был правильный ход. Из троих больше никто зрения не потерял.

Спутались ночь и день, явь и бред. Сколько понадобилось им времени, чтобы доползти до отвесной стены? «Дежурной зрячей» в тот момент была Ливьен, но и она не смогла бы ответить на этот вопрос, спроси ее кто-нибудь...

Да, они находились на последней «ступени». И если верна легенда махаонов, вход в Пещеру находится где-то здесь. Но плато обширно, чтобы пройти его полностью вдоль стены, понадобится столько времени, сколько им уже не прожить. Хотя...

— Стойте! — скомандовала Ливьен. — Снимите повязки.

Рамбай, болезненно щурясь, огляделся, сорвал повязку с Дент-Байана. Надеясь, что зрение вернулось к ней, сняла тряпку с воспаленных глаз и Сейна, но тут же, натянув ее обратно, без сил повалилась в снег.

— Мы должны разделиться, — высказала свою идею Ливьен. — Рамбай, ты пойдешь влево, я — вправо. Остальные останутся тут.

— Ты права, самка, — прохрипел Рамбай и сел.

Он назвал ее «самкой», а не «возлюбленной женой своей» и не «матерью его наследника»... Но ей было не до обид. И стало ясно, как он вымотался — самый сильный и выносливый из них. На протяжении всего пути он брал на себя все наиболее трудное

и тяжелое. Он меньше всех спал и больше всех трудился... Когда он называл ее «возлюбленной женой», она нередко испытывала раздражение. Сейчас же, наоборот, неожиданный прилив нежности заставил ее шагнуть к нему, опуститься рядом и поцеловать в потрескавшиеся губы.

Может быть, это их последний поцелуй...

Сейна тем временем ощупью нашла застежку на чехле Лабастьера и, отогнув края, утонула головой в складках флуона. Дент-Байан тронул плечо Ливьен. Она оглянулась. Махаон согласно кивнул. Он принял мыслепередачу Сейны и был готов остаться с ней и Лабастьером — ждать. В какой-то степени он был главой семьи.

Сейна выпрямилась.

— Лабастьеру совсем плохо, — жалобно сказала она. — Холода он почти не чувствует, но все его жизненные функции настолько заторможены... Он в полузабытьи.

— Он уже давно не ел, — заметила Ливьен.

— Он не хочет... не может. Мне страшно. Мне кажется, он умирает.

— То же можно сказать и о каждом из нас, — отозвалась Ливьен. — Но если сегодня мы найдем вход, мы, возможно, спасемся.

— Будь она проклята, эта Пещера, — прошептала Сейна, и Ливьен не возразила ей. Она хотела сказать, что для Лабастьера смерть будет не так мучительна, как для остальных, но не стала. Слабое утешение для матери.

Договорившись в случае чего оповестить остальных и друг друга выстрелом, Рамбай и Ливьен разошлись в разные стороны. Само собой, вместо бесшумного махаонского пружинного карабина Рамбай захватил с собой искровик Сейны.

Казалось, время остановилось. Медленно, слишком медленно продвигалась она вдоль стены. Временами она теряла сознание, но понимала это, лишь придя в себя. Боясь, что в очередной раз она может и не очнуться, она гнала от себя оцепенение, но оно лживыми ласковыми объятиями душило ее сопротивление.

Поднялся ветер, но Ливьен уже почти не чувствовала его укусов.

Дважды она обнаруживала в скале небольшие пещеристые углубления. Забравшись в них и пройдя несколько шагов, она оказывалась в тупике.

Соблазн хотя бы от ветра передохнуть в таком гроте был велик. Но Ливьен боялась прекращать движение и гнала себя наружу.

Третья пещера оказалась глубже. Ливьен прошла метров двести. Тоннель свернул сначала влево, а затем — вправо. Тупика не было.

Становилось теплее. Значительно теплее. Похоже, недра скалы хранили в себе некий источник тепла. Стены пещеры были сухими и почти горячими.

Это было спасением. Перенеся сюда Лабастьера, они смогут оставаться тут сколь угодно долго, набираясь сил перед обратной дорогой. А спуск будет легче, чем подъем.

Нет никакой Пещеры Хелоу. Нет! Теперь единственная задача — выжить. И возможно, это удастся им.

Отложив искровик, Ливьен сбросила с себя опостылевший бесформенный жилет и уселась на теплый пол, привалившись спиной к стене и прижав к ней расправленные крылья.

Тело ныло от усталости. Кисти рук ломило, но это была приятная боль. А минут через десять начался нестерпимый кашель. Ливьен поняла, что сильно простыла. Похоже, есть и температура. Кашель не давал отдохнуть. Лучше уж продолжать разведку, чем так, без сил, корчиться на каменном полу. Она поднялась и, оставив снаряжение, двинулась дальше, вглубь. Она прекрасно видела в темноте. Ширина пещеры и высота ее свода позволяли даже летать, крылья просохли и слушались хозяйку. Но для полета она была слишком слаба. И она пошла пешком. Кашель немного отпустил.

А через десяток шагов случилось невероятное.

Неожиданно прямо перед ней возник огромный, метров десяти высотой, светящийся красный махаонский крест.

Ливьен остановилась как вкопанная. Она могла поклясться, что секунду назад креста не было. А сейчас он висел прямо перед ней и медленно вращался вокруг вертикальной оси.

Это сон, галлюцинация! Она потеряла сознание, и все это только кажется ей. Она чуть не до крови укусила себя за запястье. Но ничего не изменилось. Она не проснулась. Крест не пропал. Сияя, он продолжал плавно вращаться прямо перед ней.

Сооружение такого размера должно весить не меньше тонны. Но крест завис в воздухе без всякой видимой опоры.

Испытывая благоговейный ужас, Ливьен расправила крылья и, подлетев к кресту, хотела коснуться его кроваво-красной по-

верхности. Сердце бешено стучало в груди, отдаваясь пульсом в висках.

Порхая на месте, Ливьен протянула руку... И та свободно прошла сквозь светящуюся плоскость. Ливьен не почувствовала ни малейшего сопротивления.

Все-таки это — галлюцинация. Она бредит. Она действительно сильно больна.

Она развернулась в воздухе, отлетела немного назад, приземлилась и оглянулась. Никакого креста, конечно же, не было.

Надо быстрее, пока болезнь окончательно не свалила ее, позвать сюда остальных.

Натянув теплый жилет и подобрав брошенный автомат, она, пошатываясь, двинулась к выходу.

Товарищам о своем видении она решила не рассказывать. Она не хотела, чтобы ее сочли сумасшедшей.

19

Если небо решило упасть, упасть,
Не пытайся его держать.
Пять проворных гусениц встали в ряд
И пытались его держать.
Лишь одна, не посмев, удалилась прочь.
Мы — личинки твои, о Мать.

«Книга стабильности» махаон,
т. III, песнь IX; мнемотека
верхнего яруса

Рамбай, Сейна и Дент-Байан, волоча Лабастьера, добрались до входа в пещеру почти через час после того, как Ливьен дала несколько очередей в воздух из искровика.

— Это она?! — возбужденно спросил Рамбай у Ливьен, имея в виду Пещеру Хелоу.

Ливьен отрицательно покачала головой.

— Нет. Но тут сухо и тепло. Мы не умрем здесь.

Кое-как они дотащились до того места, где прежде останавливалась Ливьен. Да, судьба не хотела их гибели. Путники повалились на пол, со стонами сдирая с себя покрытую наледью одежду.

Было решено хорошенько выспаться, а потом уж думать, как поступать дальше. Ливьен снова начал душить кашель, и она долго не могла уснуть.

* * *

...Разбудил ее Рамбай.

— Жена моя, — сообщил он трагическим шепотом. — Муж твой сошел с ума. — Его глаза были полны печали. — Там, — он указал в глубь пещеры, — там я видел крест махаонов!

Ливьен вскочила, не веря своим ушам.

— Рамбай решил разведать, — тем временем продолжал он. — И там я увидел... Он большой.

Тут только Ливьен заметила, что Рамбай дрожит, как в лихорадке.

— Успокойся, дорогой. — Она взяла его ладонь в свою. — Сейчас мы посмотрим вместе...

Он не возражал. Он стал сговорчив.

Прихватив автоматы и взявшись за руки, они вдвоем двинулись вглубь.

...Крест возник так же внезапно и в том же самом месте, что и в прошлый раз. Ливьен почувствовала, как Рамбай судорожно сжал ее ладонь.

— Я тоже вижу его, — успокоила она мужа.

— Значит, Рамбай не сошел с ума?

— Значит, мы все-таки нашли ее.

Они продолжали идти вперед. И они прошли через крест, ничего не почувствовав. Он вновь исчез, как только они отошли от него на несколько шагов. А еще через миг, так же ниоткуда, возник светящийся великан.

Он был около двух метров роста, то есть раз в двадцать больше обычной бабочки. Да он и не был бабочкой: у него не было крыльев! И одет он был очень странно. Ни махаоны, ни маака, ни тем более урании никогда не носили таких нелепых костюмов...

И он улыбался. Он глядел поверх голов Ливьен и Рамбая, но им казалось, он видит их насквозь.

Великан поднял правую руку, качнул ладонью и произнес:

— Хеллоу.

...Они опрометью, не оглядываясь, неслись прочь. И пришли в себя только возле спящих товарищей. Тут, почувствовав себя в относительной безопасности, они повалились на расстеленное тряпье и вдруг принялись хохотать. Они смеялись и не могли остановиться.

Проснулся Дент-Байан, а за ним и Сейна. Она протерла глаза. Зрение вернулось к ней! С недоумением смотрела она на странную истерику Рамбая и Ливьен.

— Там, там, — показывая в глубь пещеры, попыталась объяснить Ливьен, но вновь, не удержавшись, задохнулась смехом, а потом и закашлялась.

Наконец, отсмеявшись, откашлявшись и отдышавшись, она произнесла:

— Хелоу там. Мы видели его. А ты, ты снова видишь?

Сейна кивнула и вновь потерла воспаленные веки. Озадаченность на ее лице сменилось недоверием:

— Хелоу?!

— Он большой, — подтвердил Рамбай. — Он улыбался, и он ничего нам не сделал. Нужно идти туда.

Когда перед четверкой путешественников, несущих чехол с думателем, возник сияющий алый крест, Дент-Байан рухнул на колени и наотрез отказался двигаться дальше.

Они отступили на десяток шагов, и крест исчез. Ливьен, вспорхнув, несколько раз приближалась к тут же появляющемуся знаку махаонов, а затем удалялась, и знак исчезал. Пару раз она пролетала сквозь него. В конце концов Дент-Байан, общаясь с Ливьен через Сейну и Лабастьера, признал, что выглядит все это не столько мистикой, сколько автоматикой.

И они все вместе прошли дальше — сквозь пылающее видение. А вскоре появился и великан. Все с той же улыбкой на устах, с тем же взмахом руки. Из какого-то хулиганского азарта Ливьен прикоснулась к Камню диадемы, активизируя его. «Пусть и в Городе видят Бога!..» Хотя она и не была уверена, что эта связь действует на таком расстоянии.

И вновь Он сказал:

— Хеллоу.

А затем, выдержав паузу, принялся, жестикулируя, говорить дальше на неизвестном певучем языке. С благоговением внимали ему потрясенные путники.

Он говорил. И вдруг на его месте возникла подернутая дымкой голубая сфера. «Это Земля, — догадалась Ливьен. — Или какая-то другая планета? Земля покрыта водой, а здесь — минимум треть поверхности занимает суша с причудливой конфигурацией материков».

Голос Бога продолжал звучать, а на месте сферы появилось объемное изображение фантастического города. Город этот был населен не бабочками, а такими же, как и Бог, бескрылыми существами. Они сновали по пешеходным дорожкам, ездили на уди-

вительных самодвижущихся приспособлениях, парили над землей, сидя на летающих площадках, покрытых прозрачными полусферами... Они заходили в свои странные громоздкие жилища, они занимались множеством дел, смысл которых не был ясен нашим путникам...

Первой догадалась Сейна:

— Хелоу — тоже только изображение. Я не знаю, как это сделано, но это записали зарансе и сейчас нам показывают...

Они принялись экспериментировать. Они удалялись от этого места — и видения исчезали. Они возвращались — и вновь появлялся Хелоу, произносил те же слова, в той же последовательности появлялись объемные «картинки»... И тут Ливьен поняла, зачем они взяли в экспедицию Лабастьера. Он, получая информацию от Сейны, должен был расшифровать и выучить язык Хелоу, а затем перевести и запомнить все, что тот говорит... С Дент-Байаном все это можно было сделать в сотню раз быстрее, ведь он мог становиться «глазами» и «ушами» думателя.

Целиком «обучающая программа» Хелоу занимала чуть меньше суток. Дент-Байану пришлось просмотреть ее трижды, мало что понимая и лишь механически передавая образы Лабастьеру. Запасы провианта для думателя кончались, и Сейна страшно волновалась за его здоровье. Но в то же время она признавала, что никогда еще тот не был так счастлив. Наконец-то он получал количество новой информации, соизмеримое с возможностями его интеллекта.

Остальные тем временем исследовали Пещеру, но изобилием находок похвастаться не могли. Точнее, находка была одна, и она была тут же, перед носом, — огромная цельнокаменная дверь. Но как открыть ее, путники не знали. Все, а особенно Рамбай, изнывали от любопытства: что находится за ней? Что узнал Лабастьер из «уроков» Хелоу? Но думатель, со свойственной ему строптивостью, отказывался сообщать что-либо, пока не поймет, не переведет и не усвоит ВСЁ.

Только в конце третьих суток путники из уст Сейны кое-что узнали от него.

Когда-то давным-давно Земля выглядела совсем не так, как сейчас. Суши было значительно больше, и населяли ее вот такие бескрылые гиганты. Несмотря на то что каждый из них в отдельности хотел жить, по какой-то странной причине сплетение их

судеб неминуемо вело к самоуничтожению вида. И понимая это, они попытались создать систему возрождения.

«Биохранилище» с эмбрионами бескрылых расположилось внутри одной из самых высоких гор мира, называемой ими «Джомолунгма». Но временной отрезок между предполагаемой катастрофой и моментом, когда Земля вновь станет пригодной для жизни, мог оказаться слишком долгим. Эмбрионы не могли оставаться способными к оживлению и развитию сотни тысяч, а то и миллионы лет...

И появилась новая идея. Даже без специального оборудования, при достаточно низкой температуре куколка насекомого может оставаться жизнеспособной столетия. Познания бескрылых в области биологии были столь велики, что позволяли создать совершенно новый вид разумного существа — нечто среднее между ними и насекомыми. В биохранилище эмбрион такого существа мог сохраняться в сотни раз дольше, чем эмбрион теплокровных.

Выбрав из насекомых четыре вида бабочек, существо наделили крыльями (сказалась вечная мечта бескрылых). Соответственно, чтобы полет был возможен, размер этого существа должен быть много меньше. Однако на уровень интеллекта повлиять это не должно было. Мозг Insecta Sapiens, включая в себя элементы строения мозга насекомого, должен был стать не менее мощным, чем у Homo Sapiens.

Куколок поместили в биохранилище, не слишком надеясь на успех. Скорее надеясь на то, что Insecta Sapiens никогда не появятся на свет, что такой необходимости просто не возникнет, что здравый смысл восторжествует и бескрылые не дойдут до полного самоуничтожения... А если это все-таки случится... Система обеспечения биохранилища была запрограммирована так, что в случае успешного оживления эмбрионов бескрылых куколки Insecta Sapiens уничтожались. У Земли не должно быть двух разумных хозяев...

— Но случилось так, что выжили именно мы, — резюмировала Сейна. — Точнее, три вида из четырех. Один из видов по каким-то причинам исчез.

Путешественники подавленно молчали. Тишину нарушил Рамбай:

— Рамбай думает, все правильно. Махаоны говорят: Хелоу сделал бабочек, он их и сделал. Значит, он — Бог.

Сейна усмехнулась:

— Никакого Хелоу нет и не было. Того, чье изображение мы с вами видим, зовут Роберт Страйк. Он — ученый бескрылых.

— А Хелоу? — не унимался Рамбай. — Я слышал, он так сказал...

— «Хеллоу» — на языке его народа означает «здравствуйте».

На Ливьен это известие почему-то произвело даже более гнетущее впечатление, нежели то, что бабочки — искусственно созданные существа. Искусственно и «на всякий случай».

Сейна добавила:

— Они оставили это «послание потомкам», рассчитывая, конечно же, на то, что это будут их прямые потомки — бескрылые гиганты. Какие-то специальные приборы улавливают биополе. Видимо, наше биополе отличается не слишком сильно или не отличается совсем... Там, внутри, бескрылые поделятся с нами всеми своими знаниями.

— Как открыть дверь? — нетерпеливо спросил Рамбай.

— Нужно произнести какое-то сочетание слов. Сейчас я уточню. — Сейна вновь наклонилась к Лабастьеру.

— Заклинание, — удовлетворенно заметил Рамбай.

Ливьен усмехнулась.

Подлетев к двери, Сейна выкрикнула несколько непонятных слов, первым из которых было все то же «хеллоу». И та со скрежетом ушла вправо.

Путники подхватили Лабастьера и впорхнули внутрь.

— Что ты сказала? — поинтересовалась Ливьен.

— На языке бескрылых эта фраза означает буквально: «Здравствуйте, родители. Ваши детеныши пришли домой».

«Неуместный юмор предков», — подумала Ливьен.

Дверь позади закрылась.

Просторный коридор круто уходил вниз. Дважды вспыхивали какие-то бесформенные осветительные приспособления, но тут же с шипением гасли, по-видимому, выходя из строя. Но бабочки и без того прекрасно ориентировались в темноте.

Ливьен сразу узнала помещение, в которое они влетели спустя пару часов. Гигантские останки бескрылого лежали именно там, где она видела их в наркотическом бреду. Путники опустились возле них. На одной руке скелета не было пальца. «Работа Первого», — догадалась Ливьен, и жуть, нагоняемая на нее этим могильником древней расы, на миг уступила радости: ее сын сейчас где-то совсем недалеко от нее, хотя между ними и непроницаемая каменная толща.

Сейна коснулась другого пальца скелета. С легким шорохом тот отделился от кисти и рассыпался в прах.

Сколько же прошло тысячелетий?..

На полу, возле головы скелета, Ливьен увидела неровно высеченные на камне знаки, похожие на те, что были начертаны на «перстне Хелоу». Дент-Байан наклонился над ними, передавая зрительный образ Лабастьеру. А еще через пару секунд Сейна, узнав у думателя перевод, произнесла его вслух:

— «Я — один».

Ливьен вновь стало нестерпимо жутко. Рамбай ласково приобнял ее. Наверное, он чувствовал то же самое.

Зал был наполнен множеством предметов непонятного назначения и, конечно же, огромных размеров. Но почти все, к чему прикасались бабочки, ломалось или даже рассыпалось в ничто.

Когда они добрались до центра залы, вновь, так же неожиданно, как и у входа, появилось голографическое изображение Роберта Страйка. И он сразу принялся говорить.

Словно губка, впитывал Лабастьер знания древней эпохи бескрылых через слух и зрение Дент-Байана. Математика и кибернетика, прикладная теология, физика поля и физика элементарных частиц, астрономия и термодинамика, микробиология и химия... Это был «подарок предков». Доселе бабочки даже и представления не имели о многих направлениях науки, которыми в совершенстве овладели бескрылые.

Кое-какие пробелы появлялись — оттого, что все материальные пособия, на которые предлагал обратить внимание Страйк, пришли в полную негодность. Но Лабастьеру хватало и чистой теории. Мощный интеллект думателя быстро восполнял прорехи собственными логическими выкладками. К тому же выяснилось, что голограмма, управляемая логической машиной под названием «компьютер», была способна не просто выдавать информацию, но и вести нечто похожее на беседу...

От времени не пострадал лишь этот самый компьютер, так как устроен был абсолютно автономно и, находясь в полном вакууме, был защищен толстыми стенками платиновой капсулы.

Вообще-то продумано бескрылыми все было прекрасно, сохраняться сколь угодно долго ДОЛЖНО было и все прочее содержимое Пещеры... Почему все же случилось так, как случилось? Лабастьер понял это позднее.

* * *

Знания бескрылых были неоценимы. Точнее, были бы неоценимы, если бы до Пещеры добралась нормальная экспедиция маака. Теперь они не имели никакого практического смысла: ведь Город никогда не примет ни дикаря Рамбая, ни махаона Дент-Байана, а значит, не вернутся туда и Ливьен с Сейной. Чего-то другого ждала Ливьен от «Хелоу», какого-то ЧУДА...

Но чуда не будет. Теперь это стало ясно, как день.

Что делать со всеми этими знаниями? Их практическая реализация требует производственных мощностей... Но для Лабастьера это не имело ни малейшего значения. Он удовлетворял свою чудовищную страсть к познанию и был на вершине блаженства. Остальные изнывали от тоски, но терпели. Лабастьер заслужил эту игрушку.

«Учеба» длилась уже больше недели. Сейна нервничала: организм думателя был крайне истощен. Рамбай предложил сделать «вылазку» за провиантом, но самки не осмелились отпустить его.

Но вот, в один прекрасный момент, Сейна объявила: Лабастьер считает, он смог узнать все, что только можно было тут узнать. Спешно принялись за сборы. Между делом Сейна сообщила версию Лабастьера о том, почему не выжили эмбрионы бескрылых.

Теперь уже невозможно сказать, что привело к гибели их цивилизацию — война или стихийное бедствие. Но, как бы то ни было, биохранилище выстояло. Должно было сохраниться и все ее содержимое, если бы во всей Пещере, согласно проекту, поддерживался абсолютный вакуум.

Но последний из выживших пытался спастись здесь. Ему нужен был воздух. И он разгерметизировал Пещеру.

Его-то останки и покоятся тут.

Кем он был? Теперь никто не ответит на этот вопрос. Ясно только то, что, спасая свою жизнь, он погубил единственную надежду на возрождение своего вида.

«Немудрено, что бескрылые исчезли с лица Земли, если каждый из них был способен на подобный, поражающий степенью эгоизма, поступок», — подумала Ливьен и вновь ощутила холодок в сердце, на миг поставив себя на место того, чьи останки так напугали ее.

Каково это, знать, что ты — ОДИН?.. А впереди — безжизненная вечность. И безжизненной сделал ее ТЫ.

20

Где жизнь, там и смерть. Охотник постиг:
Тень — только там, где свет...
Вся наша жизнь — это солнца блик,
Жизнь камня — застывший бег.
Ты моргнула. На это ушел лишь миг.
Камень моргает век.

«Книга стабильности» махаон,
том X, песнь V; мнемотека
верхнего яруса

Выяснилось, что Пещера имеет пять запасных, снабженных шлюзами, выходов, расположенных значительно ниже того, через который путники сюда проникли. По проекту именно через эти тоннели должны были выйти наружу дети возрожденных бескрылых. Но или время, или некий катаклизм привели к глобальным геологическим смещениям, и нижние коридоры были похоронены под многотонными гранитными массами.

Всюду путники, пытаясь пройти этими коридорами, натыкались на каменные стены. Лишь один из коридоров, который, возможно, и остался неповрежденным, они не смогли пройти до конца. Сейна, Рамбай и Ливьен, занимающиеся разведкой в то время, пока Лабастьер и Дент-Байан общались с «тенью Роберта Страйка», наткнулись в этом запасном выходе на новую опасность.

Это были отвратительного вида существа, примерно одного с бабочками размера, снабженные сильными перепончатыми крыльями. Ни о чем подобном Ливьен доселе не слышала. Похоже, это были не птицы, а какие-то «научившиеся летать» грызуны. Однако путникам было не до восхищения или удивления. С мерзким писком эти твари набросились на них, и только треск и пули искровиков дали им возможность без потерь вернуться восвояси.

Чем эти летучие звери питаются тут? Как ориентируются в кромешной тьме? Сейчас бабочкам было не до выяснения этих вопросов. Единственным итогом опасной и неожиданной встречи стало лишь то, что путники уяснили: возвращаться им предстоит тем же трудным путем, которым они пришли сюда. Нашли они и коммуникационную трубу, через которую сюда пробрался Первый, но она была слишком узка.

Но, как бы то ни было, возвращаться всегда легче, чем двигаться вперед. И спускаться — проще, чем подниматься. Эта мысль обнадеживала.

...И действительно, обратный путь оказался быстрее, хотя на самой верхней ступени путники и были вновь вынуждены тащиться пешком, волоча Лабастьера по снегу.

После многодневного пребывания в темноте дневной свет и белизна снежного покрова показались им нестерпимо яркими. На этот раз, наученные опытом, путники сразу же воспользовались повязками, поочередно оставляя зрячим поводырем то одного, то другого.

Равнина шла под уклон, и становилось теплее. Но когда они уже почти добрались до обрывистого края, Сейна, то и дело озабоченно прикладывающаяся к надлобью думателя, упала на колени и зарыдала:

— Он умирает! Умирает! Нам уже не спасти его!

Ливьен встряхнула ее за плечи. Обмороженные потрескавшиеся губы почти не слушались ее:

— Прекрати истерику. Еще сотня шагов, а там — вниз. Мы отогреем и накормим его.

Сейна поднялась и молча, стиснув зубы, ухватилась за лямку.

Достигнув обрыва, они расправили крылья и полетели. Это был опасный полет. Почти падение. Разреженный воздух не желал удерживать на себе такой вес.

Но они не разбились. И вскоре достигли того места, где был спрятан Первый. Только тут позволили себе отдохнуть. Да и то лишь после того, как, оставив Сейну с думателем ожидать их возле холмика куколки, остальные трое налегке слетали еще на ступень вниз и вернулись с пищей.

Оказалось, они подгадали как раз вовремя: появись они тут на день позже, Первый вышел бы на свет без них. Не успели они покормить Лабастьера, как вершина холмика зашевелилась, треснула, и покрытая прозрачной слизью новорожденная бабочка выползла из образовавшегося отверстия.

Ливьен залюбовалась на свое чадо. Молодой самец был очень похож на Рамбая, но изящнее, без приобретенной отцом в джунглях дикарской угловатости.

Прежде всего Первый накинулся на еду. Не прошло и получаса, как от припасов не осталось ни крошки.

Тем временем к Ливьен, глядя на нее сухими, но ставшими от горя бездонными глазами, подошла Сейна:

— Лабастьер умрет. Сейчас он сам сказал мне это. Он всегда безошибочно определяет свое состояние... Он умрет. И он просит разрешения передать свои знания твоему сыну, ведь он телепат. Лабастьер говорит, что сейчас, в первые дни жизни, твой сын способен усвоить все.

— Неужели мы ничего не можем сделать?!

Сейна только горестно покачала головой.

С той же ненасытностью, с какой Первый поглощал непрерывно добываемую Рамбаем и Ливьен пищу, усваивал он и знания, которыми думатель пичкал его через Дент-Байана. Ливьен забеспокоилась, не повредит ли ее сыну такая лавина информации, но Сейна, спросив об этом Лабастьера, тут же передала его ответ: «Не повредит. Гордись, самка: ты стала матерью первого крылатого думателя».

Ливьен не сразу осознала смысл этой фразы, а когда поняла, испугалась снова.

Рамбай — отпрыск отмеченного даром телепатии семейства. Если бы он был горожанином и они повстречались бы с Ливьен в Городе, за ходом ее беременности тщательно следили бы власти. Первый, находясь во чреве, не «заговорил» с ней. Значит, согласно правилам, о которых рассказывала Сейна, ему позволили бы родиться и даже стать куколкой, но затем — произвели бы «гормональный взрыв».

У маака нет таких мощных телепатов, как у махаонов. Или Первый все же «заговорил» бы с матерью и стал думателем, или был бы уничтожен.

Сейчас же ситуация — уникальная. Первый — телепат — все же стал бабочкой, а думатель передает ему все свои знания, а плюс к ним — все знания древней цивилизации бескрылых...

Ее сын будет не таким, как все... Но это — плата за то, что она не потеряла его. В конце концов и муж у нее не такой, как все. Да и сама она уже успела нарушить все писаные и неписаные законы своего народа.

Интенсивный телепатический метод обучения давал поистине поразительные плоды. Уже к вечеру следующего дня после превращения Первый, как и Рамбай, одетый в одну набедренную повязку, разговаривал с остальными бабочками, как взрослый. Причем с Дент-Байаном — на языке махаон!

Не было темы, на которую он не мог бы поддержать разговор. Но времени на это у него было мало: часы напролет он молча просиживал возле Дента и Лабастьера. Тревога за него, гордость и нежность переполняли душу Ливьен, но у нее не было возможности излить их на сына: его временем распоряжался увядающий думатель.

В результате все эти чувства она обрушила на того, кто один из всех мог разделить их и понять ее. После всех пережитых вместе трудностей, после стольких гибельных дней и ночей, да к тому же еще и после столь длительного воздержания, Ливьен и Рамбай словно взорвались любовью.

Медленно увядал Лабастьер. Бесконечно страдала Сейна. Первый постигал мудрость мертвого мира... А они, не в силах противостоять нахлынувшему чувству, уединясь, занимались любовью. И говорили, говорили, словно пытаясь перетечь друг в друга душами, преодолевая отчуждение, почему-то охватившее их с момента рождения Первого...

Они говорили о своих чувствах, рассказывали друг другу эпизоды из детства, спорили о том, какое дать имя сыну, ведь Первый — просто порядковый номер гусеницы... Собственно, сделать это было пора уже давно, но до сих пор не находилось времени.

Это странное счастье было неуместно, оно было бестактно по отношению к остальным... Но они ничего не могли с собой поделать...

Почему-то Ливьен уверилась вдруг в том, что зачнет тут своего Второго.

...Солнце катилось к закату, превращаясь в зрелую, готовую упасть со стебля ягоду. Тишина, к которой Ливьен так и не сумела привыкнуть, будоражила нервы и обостряла ощущения.

Рамбай, привлекая к себе внимание, коснулся рукой ее волос. Ливьен повернулась на бок и улыбнулась ему.

— Ты ведь не вернешься в Город? — полуутвердительно спросил он, впервые коснувшись темы, негласно возведенной ими в разряд запретных.

— Не знаю... — Она действительно не знала, что они будут делать дальше. Они выполнили свою миссию. Но она была уверена, что это не отвратит от них гнева Совета за нарушенные запреты, стоит им только появиться в Городе. С другой стороны, где еще она сможет жить?.. Она с беспокойством ощутила в себе острую тоску по дому... Вернется ли она в Город? Она нашла правильный ответ: — Без тебя — нет.

— В Городе нас убьют, — покачал Рамбай головой, продолжая гладить ее волосы.

— Да... Но Первый... Он не рожден быть дикарем.

— Лучше быть дикарем, чем мертвым. Рамбай — дикарь. Разве лучше, если бы я был мертвым?

— Глупый. — Она сняла со своей головы его руку и, поднеся ее к губам, стала тихонько покусывать кончики его пальцев.

— Глупый, — согласился Рамбай. — Рамбай такой глупый, что не понимает, куда мы полетим дальше.

— Тогда я — тоже глупая.

— Может, знает думатель? — внезапно придя в возбуждение, спросил Рамбай и сел. — Может быть, на Земле есть и другие Города, куда мы могли бы лететь без страха?

Ливьен не хотелось разочаровывать его. Но она-то знала точно: планета покрыта водой. Огромный, безбрежный и угрюмый океан. И маленький-маленький клочок суши в нем.

Она хотела было рассказать ему о своем пророческом видении, но ее отвлек какой-то шорох.

Она обернулась. На фоне догорающего солнца к ним приближалась фигура Сейны. Ни разу до сих пор никто не нарушал их уединения, и у Ливьен защемило сердце. Она сразу догадалась о причине, которая заставила Сейну искать их.

Сейна подошла к ним и села рядом. Влюбленная пара не смела нарушить тишину. Наконец это сделала Сейна.

— Я хочу попросить тебя об одной вещи, Ливьен.

— Я слушаю.

— Твой сын стал настоящим самцом, и я прошу дать мне право подарить ему имя.

— Как ты хочешь назвать его?

Сейна помолчала, словно что-то застряло у нее в горле. Но, пересилив себя, твердо произнесла:

— Лабастьер. Пусть это имя произносят вслух.

Ливьен и Рамбай коротко переглянулись.

— Моего сына зовут Лабастьер, — кивнула Ливьен и крепко сжала в руке холодную сухую ладонь Сейны. — Отныне мы с тобой — две матери одного сына.

А Рамбай добавил:

— Когда жрец племени ураний передает свое имя сыну, он добавляет к нему цифру — Вайла Третий, Вайла Четвертый... — (Ливьен вспомнила, что именно так — Вайла — звали девушку, которую Рамбай любил когда-то...) — Так пусть же нашего сына зовут Лабастьер Первый.

«Что ж, — подумала Ливьен, — это не лишено смысла. Правда, в Городе маака такой традиции нет. Но разве мы живем по законам Города?»

Думателя похоронили на рассвете. Молчали. Сейна стояла у края вырытой Рамбаем могилы с полными тоски, но сухими глазами. Не плакали и Ливьен, и Рамбай.

Но плакал Дент-Байан, сидя на краю ямы и свесив туда ноги. Безразличный ко всему, беспощадный, хладнокровный махаон. Зрелище это было нереальным, а потому — страшным.

Первый, точнее, теперь — Лабастьер Первый, подойдя к краю могилы и опустившись на колени, бросил вниз то, что Ливьен привыкла называть про себя «перстнем Хелоу». Затем заговорил. Голос его был тих:

— Два подарка тебе, Учитель, от тех, чьи мысли ты освободил от плена небытия. Вот второй.

Кто скажет теперь, что жил ты на свете?
Врывается боль в полумрак озаренный.
Два голоса слышу — время и ветер.
Заря без тебя разукрасит склоны.

Бред пепельно-серых цветов на рассвете
твой панцирь наполнит таинственным звоном.
О светлая боль и незримые сети!
Небытие и луны корона!

Корона луны! И своею рукою
я брошу цветок твой в весенние воды,
и вдаль унесется он вместе с рекою.

Тебя поглотили холодные своды;
и память о мире с его суетою
сотрут, о Учитель, бессчетные годы.

Никогда раньше Ливьен не слышала этих странных строк. Когда обряд погребения был завершен, Ливьен спросила сына (впервые она обращалась к нему с вопросом):

— То, что ты прочел, — из поэзии махаонов? Я знаю «Книгу стабильности», но таких слов не помню.

— Это из поэзии бескрылых, мама. Тот, кто это написал, жил за миллион лет до того, как погиб их мир. Его звали почти как бабочку — Федерико из семьи Лорка. Он жил мало, его убили другие бескрылые. За то, что по-своему он все же был крылат...

Именно в этот миг, внезапно, Ливьен с полной отчетливостью осознала, что НИКОГДА не научится понимать Лабастьера Первого в той мере, в какой матери хочется понимать сына. Он был ДРУГОЙ. Юный, но отягощенный мудростью веков.

А еще несколько минут спустя она получила тому новое подтверждение. Когда все собрались возле костра, Лабастьер Первый, появившийся на свет меньше месяца назад, поднялся и сказал:

— Сегодня вылетаем в Город. Я знаю, как избежать смерти, которой вы так страшитесь. Я знаю, как заставить слушаться нас. Мы будем править Городом, а затем и всем миром бабочек. Я знаю, как прекратить войны между видами, как сделать жизнь каждой бабочки изобильной, счастливой и насыщенной. Я знаю, как достичь других планет и как строить города под водой. Я знаю ВСЁ, отец. — Он ладонью остановил Рамбая, который только приоткрыл рот, чтобы что-то сказать. — И вы поможете мне.

И никто не посмел ему перечить, даже строптивый Рамбай. Он лишь спросил:

— Если мы пойдем путем мертвых, не умрем ли мы сами?

— Нет, отец, — спокойно ответил Лабастьер Первый. — Мы не пойдем их путем. Мы лишь воспользуемся их знаниями. Мы другие, и у нас есть их пример.

«Другие? Разве бабочки не убивают друг друга? — подумала Ливьен, но тут же одернула себя: — Он ЗНАЕТ, что нужно делать дальше. А я — не знаю. Стоит ли предаваться сомнениям? Нет. Я должна просто поверить». Она взглянула на сына с восхищением и страхом. Лабастьер Первый. Чем не имя для императора?

Но поверят ли ему остальные? Она всмотрелась в лица спутников. Глаза их были устремлены на ее сына. Во взглядах Сейны и Дент-Байана читалось суеверное обожание. Во взгляде Рамбая — честолюбивая гордость.

Refren

Возрождение человечества в его первозданном виде было возможно.

В пятом столетии правления императора Лабастьера Первого произошло событие, которое заставило его призадуматься. В Солнечную систему, а точнее — прямо к Земле, вернулся первый и единственный межзвездный корабль бескрылых.

Где провел он эти миллионы лет? Как случилось, что не все его бортовые системы вышли из строя? Или эти посланники древности двигались со сверхсветовой скоростью и, в то время как на Земле минули миллионы лет, на борту звездолета прошел сравнительно небольшой срок? Никто, кроме его обитателей — двухсот находящихся в анабиозе особей, — не мог бы дать ответ на эти вопросы.

Но биосистемы звездолета не вывели астронавтов из анабиоза, это можно было сделать, лишь вмешавшись извне...

ОН был по-своему любопытен. Любопытен, но нетороплив. И ОН в течение нескольких лет всерьез раздумывал над тем, не разбудить ли астронавтов...

А тем временем его прапраправнук, король колонии планеты Безмятежной Лабастьер Шестой, со смертоносной миссией отправил на Землю своего двоюродного деда.

Книга вторая

INSECTA ASTRALIS (ИМПЕРАТОР)

1

Две улитки в лиловых цветах, цветах
Свой вершили неспешный путь.
Две влюбленных улитки, забыв про страх,
Позволяли себе уснуть...
Улыбался Охотник, найдя в кустах
Двух улиток, не смел вздохнуть.

«Книга стабильности» махаон,
т. IV, песнь XII; учебная мнемотека
Храма Невест провинции Фоли

Наан, воспитанница махаонского Храма Невест провинции Фоли, долго не могла уснуть этой ненастной ночью. Дождь колотил в овальный свод храма, и молнии, притянутые землеводным шестом, непрерывно трещали на его серебряном шаровом наконечнике. Раньше она радовалась бы такой погоде. И не только потому, что гроза — это красиво и романтично... Дождь приносит урожай, а молнии — изобилие энергии, а значит, и развлечений.

Но теперь она вздрагивала от каждого щелчка. Со смешанным чувством почтения, заочной любви и болезненного страха представляла она себе встречу с Лабастьером Первым, точнее, с одним из его телесных воплощений. В этом сезоне избыток энергии в Храме означал для нее прежде всего то, что именно сюда в первую очередь может прибыть император для выбора жены. И Наан почему-то была уверена, что из четырехсот сорока четырех самок он обратит внимание прежде всего на нее.

Каков он — Внук Бога? Почему каждая из тысяч его жен говорит, что она — счастливейшая? Почему всякая из них бывала беременна от него, но никто не видел его взрослых детей? Почему, в конце концов, никто не спросил Наан, когда она только

вылупилась из куколки, желает ли она воспитываться в Храме или же хочет познать жизнь простой городской самки?.. Каждый день ей пытаются внушить, что ее участь — неслыханное везение... Но не объясняют, *почему*.

Под аккомпанемент дробных ударов ливня о черепицу, ворочаясь во флуоновом гамаке и то так, то сяк пристраивая крылья, словно как раз они были причиной ее бессонницы, Наан вспоминала свой путь к Храму от кокона куколки и никак не могла обнаружить то, что сделало ее его обитательницей.

Нет, если бы сейчас кто-нибудь спросил ее, намерена ли она выполнить свой долг, она немедленно подтвердила бы свою готовность и, пожалуй, даже оскорбилась бы, что в ней посмели усомниться. Но нечто недосказанное, смутное шевелилось в ее душе...

Чмокнула перепонка в потолке, и во входном отверстии, на миг открыв взору черноту неба, показалась фигура матери-настоятельницы. Крылья Дипт-Шаим были зачехлены от дождя, потому в проход между спящими в гамаках Невестами она спустилась по гибкой лестнице и двинулась меж своих воспитанниц, заглядывая в лица.

Наан поспешила закрыть глаза. Бессонная ночь пагубно влияет на цвет кожи, а портить свою внешность — значит выражать неуважение к императору, который когда-нибудь, внимательно разглядев и оценив Невест, выберет себе одну из них.

«Нас выращивают как бессмысленные парниковые цветы!..» — поморщилась Наан своим мыслям и тут же услышала тихий голос настоятельницы:

— Не пытайся обмануть меня, тебе это все равно не удастся. Открой глаза, дорогуша.

Наан послушно разлепила веки. В ночном зрении лицо Дипт-Шаим казалось зеленовато-землистым, и без того отталкивающие черты выглядели сейчас просто страшными.

— Ну? — хмурилась она. — И как ты мне это объяснишь?

Воспитанницы Храма недолюбливали и боялись настоятельницу, ведь недаром в чехле на ее поясе покоился жезл электрошока. В то же время они слегка жалели ее: когда-то и она была Невестой, но император пренебрег ею, в то время как у каждой из них шанс еще есть.

— Зачем императору столько жен? — вместо оправданий выпалила Наан и сама поразилась своей дерзости.

Дипт-Шаим покачала головой:

— Ты не перестаешь удивлять меня... Я не уверена, что ты соответствуешь своему предназначению. Любой другой воспитаннице я бы ответила просто: «Так устроен наш мир», и та была бы вполне удовлетворена. Но ты не такая... Что ж, я отвечу тебе так, как понимаю это сама. — Не часто настоятельница была столь добра, обычно зарвавшиеся воспитанницы успокаивались ею с помощью электрического разряда. — Когда-то наш народ, народ махаон, был вынужден содержать огромное количество счетчиков-координаторов... Ты, надеюсь, знаешь историю?

— Да. Счетчикам помогали бессрочники — несчастные изгои нашего племени...

— Верно, дитя мое. Изгои, без которых невозможно было обойтись. Не лучше обстояло дело и у маака. Они уродовали своих детей, превращая их в думателей... И мы, и они жили по законам, противным Богу. И Он прислал нам своего внука, который умеет быть везде одновременно. «Бог есть Любовь, — сказал Лабастьер Первый. — Живите же, не искажая Его путей»...

«Шестой постулат. Я слышала его тысячу раз, — подумала Наан. — Все это нам рассказали, едва мы вышли из куколок...» Но настоятельница продолжала, впадая в легкую экзальтацию:

— И он один заменил собою всех счетчиков и всех думателей мира. Он навсегда прекратил рознь маака и махаон. Он думает за всех нас и находится в тысяче мест в один и тот же миг. Везде, где он нужен. Везде, где нуждаются в его помощи...

Она остановилась, как бы заставляя себя успокоиться, а затем продолжила, понизив голос:

— Но и он нуждается в любви, не так ли? Однако нет ни одной самки, которая могла бы быть с ним везде одновременно. — «Это что-то новое», — насторожилась Наан и стала слушать внимательнее. Но Дипт-Шаим уже заканчивала: — Потому-то в каждой точке, где выполняет он свой тяжкий труд, с ним находится одна из верных возлюбленных жен его — махаон, урания или маака... Возможно, ты станешь одной из них. Не счастье ли это?.. А теперь — спи.

Наан закрыла глаза. Как ни странно, слова настоятельницы успокоили ее. И теперь, прислушиваясь к дождю и ветру, она улавливала в них мотив колыбельной. И она мягко окунулась в ватное забытье, без сновидений, но с ощущением облегчения.

...Императорский антиграв, описав эффектную дугу в прозрачном безоблачном небе, приземлился на площади возле Храма. В том, кому принадлежит аппарат, сомнений не возникало:

он был украшен копией знаменитого гигантского перстня бескрылых предков, покоящегося ныне в могиле Давшего Имя.

Взволнованный шелест пробежал по рядам встречающих Невест. Каждая из них благоухала, была одета в приготовленный специально для этого случая наряд, а натертые воском крылья хотя и потеряли некоторые свои аэродинамические свойства, но ослепительно сверкали и переливались на солнце.

Десяток сопровождающих императора воинов-ураний, с телами, покрытыми золотистой пыльцой и лиловыми набедренными повязками, опустились рядом с антигравом. Сложив крылья, они каменными изваяниями застыли в боевой стойке, сжимая в руках тяжелые бластеры-плазмобои из металла того же золотистого цвета, с рукоятками, инкрустированными бело-радужным перламутром. Их вооружение было скорее данью традиции, нежели необходимостью, ведь и представить себе невозможно, что у кого-то может подняться рука на Внука Бога.

Лабастьер Первый встал с водительского кресла, снял с головы обруч мнемодатчиков управления и сделал шаг навстречу семенящей к нему Дипт-Шаим. И был он именно таков, каким представляла его себе Наан: сосредоточенно-величественен и красив неземной, божественной красой. Как и у любого маака, на его крыльях не было ни единого белого пятнышка, но если у любого другого маака махаону это казалось уродством, Лабастьера Первого это делало еще очаровательнее.

Он неторопливо прошел вдоль шеренги воспитанниц, оглядывая Невест и выслушивая их короткие представления: «Дипт-Эйден из семьи Моз. Я училась любить тебя всю свою жизнь, о господин мой, и я была способной...», «Я — Дипт-Лаали, дочь семейства Руан. Посмотри на меня. Все говорят, что я красива, и я стала такой только для тебя...» Согласно качая головой и бросая на соискательниц скучающие взгляды, Лабастьер Первый, не останавливаясь, двигался вдоль шеренги.

Он был еще метрах в четырех от Наан, когда та почувствовала, что от страха у нее подкашиваются коленки, и она сейчас потеряет сознание. «... Я твоя. Если ты хочешь узнать достойную тебя нежность, о господин, узнай меня...» — повторяла она про себя приготовленную фразу... Но от повторения та напрочь потеряла смысл, и Наан стало казаться, что сейчас она выпалит не имеющий значения набор звуков, вызвав злорадный смех подруг и недовольство императора.

И вот он поравнялся с Наан. Она смотрела на него молча, не в силах заставить себя произнести ни единого слова. Он про-

должал выжидательно смотреть на нее, и лицо его при этом тронула легкая насмешливая улыбка. Лицо же Дипт-Шаим, стоявшей за его спиной, выражало крайнюю степень недовольства растерянностью воспитанницы: глаза превратились в щелочки, рот поджат...

И тут в один-единственный миг все перевернулось в душе Наан. Но по инерции она начала:

— Я — Дипт-Наан из семьи Мари...

— Из семьи Мари... — зачем-то повторила за ней Дипт-Шаим многозначительно.

— Я твоя... я... — Наан остановилась, нервно кашлянула, а затем вполголоса, ровно, произнесла то, что отчетливо осознала лишь только что: — Я ненавижу тебя.

Невесты пораженно ахнули. Дипт-Шаим испуганно прикрыла рот рукой. Левая бровь императора поползла вверх. Во взгляде его теперь читалось недоумение и в то же время какое-то неожиданное озорство.

— За что же? — спросил он.

— За то... За то, что ты заставляешь всех этих девушек униженно просить тебя взять их в жены, а затем выбираешь лишь одну, оставив остальных несчастными и опозоренными...

— Господин мой, — торопливо вмешалась Дипт-Шаим, — позволь мне увести глупую девчонку прочь и наказать ее так, как она того заслуживает... — То ли настоятельница все же любила своих воспитанниц, то ли сама боялась наказания за сумасбродство одной из них. — Не сердись на нее, она не в себе, она переволновалась и, по-видимому, нездорова...

Но император остановил ее взмахом ладони и спокойно поинтересовался у Наан:

— За что-то еще?

— За то, что заставляешь нас быть твоими невестами, не спросив, хотим ли этого мы... За то, что ты так красив, отчего отвергнутые тобой Невесты будут несчастны вдвойне... — Наан осеклась и опустила глаза в ожидании неминуемой кары.

Голос императора был все так же спокоен:

— Я никогда не считал себя красавцем. Просто тебе с твоего первого дня показывали мои портреты и научили так думать. И не я придумал это. Ты сказала, что я «заставляю» вас быть моими невестами. Но ведь и это не так. Глупый обычай ввел не я, его изобрели вы сами — мои подданные. Я лишь принял его как дар.

«Он оправдывается?!» — поразилась Наан и уже без прежнего пыла пробормотала:

— Ты мог бы отказаться.

— Я не стал обижать вас своим отказом. К тому же ты ведь и сама прекрасно знаешь, что после четырех лет послушничества Невесты уходят в мир и становятся женами простых смертных.

— Да? — насмешливо спросила Наан и вновь подняла глаза. — И ты впрямь думаешь, что хоть одна из них может быть счастлива после того, как ее отверг Внук Бога? А каково самцу брать в жены девушку, имя которой и без того произносится с приставкой «Дипт»?

— Я не думал об этом...

— Да?! — повторила она, приходя в какое-то бесшабашное веселье. — А нас учили, что ты знаешь все на свете! Да ты, наверное, не смог бы даже сам лишить самку девственности, иначе зачем мы прошли унизительную процедуру искусственной дефлорации?!

Эти слова были столь кощунственны, что мать-настоятельница просто оцепенела, и глаза ее наполнились ужасом. Самое удивительное, что и сама Наан еще вчера считала произведенную с ней и ее однокашницами в День совершеннолетия операцию вовсе не унизительной, а напротив — почетной.

Лабастьер Первый немного помолчал, словно переваривая услышанное. Затем произнес, обращаясь к Дипт-Шаим:

— Я беру эту.

У Наан перехватило дыхание. Настоятельница же воскликнула почти возмущенно:

— Но вы не познакомились еще и с десятой частью из них!

— Эту, — твердо повторил тот.

Если бы Наан сказали раньше, что избранницей станет она, она посчитала бы себя счастливейшей из самок. Но после той выходки, которую она только что совершила... Унижение — вот единственное чувство, которое она испытала. А она-то на миг посчитала, что император беседует с ней как с равной! Но он тут же указал ей на ее место и продемонстрировал свою власть...

— Но ведь она дочь... — вмешалась было настоятельница вновь, но осеклась, недоговорив, и Наан не поняла, что та пыталась сказать. Но ей было и не до размышлений.

— Я понял, — ответил Лабастьер Первый настоятельнице и протянул руку Наан.

— Нет, — сказала та и не подала ему своей руки.

Лабастьер расхохотался. Никогда и никто еще не слышал его смеха. Наан, во всяком случае, нигде ничего не встречала об этом.

Его смех был неожиданно чистым, без тени сарказма, угрозы или показного превосходства.

— Да, — сказал он, успокоившись. — Да. — И обернулся к стражникам: — Проводите ее в антиграв.

Она не сопротивлялась. Это было бесполезно и значило бы упорствовать в своей глупости. В конце концов она и сама не понимала, что с ней произошло. Где-то в глубине души она, наверное, все-таки гордилась тем, что император выбрал ее, и взгляды, которыми провожали ее подруги, подтверждали, что эта гордость оправданна.

— А теперь послушай меня, — сказал он, когда аппарат с тихим свистом взмыл в бирюзовое поднебесье и остановился, поджидая эскорт ураний, которые не могли лететь так быстро. — Давным-давно, а ты ведь знаешь, что я живу уже более трехсот лет, моя мать — Ливьен из племени Сигенонов — рассказала мне о том, как стала женой моего отца...

— Почему ты не наказал меня, а наградил своим выбором? — перебила Наан.

— Не будь же так нетерпелива, невеста моя, — вновь усмехнулся своей загадочной улыбкой Лабастьер. — Именно об этом я и хочу рассказать тебе. Ты, конечно же, знаешь, кто были мои родители. В книгах жрецов вашей Новой Веры они провозглашены святыми. Но нигде не написано о том, что рассказала мне мать. Представь себе, она не хотела выходить замуж за моего отца.

Наан пораженно уставилась на него. Если бы эти слова произнес не Лабастьер Первый, а кто-то другой, их посчитали бы ересью.

— Она была образованной городской самкой маака, — продолжал тот, — а он — неотесанным дикарем. Она, согласно традиции маака того времени, считала всех самцов бабочками второго сорта, он же считал, что жена обязана во всем повиноваться мужу...

— Он взял ее силой? — осторожно спросила Наан.

— Нет. Просто у нее было безвыходное положение, ей грозила опасность, и отец мой, Рамбай, спасая ее, сказал: «Будь моей женой, но я не принуждаю тебя делить со мной ложе. Если это когда-нибудь и случится, то только по твоему желанию...» Знай же, Дипт-Наан из семьи Мари, сегодня я решил поступить так же. Обряд бракосочетания состоится через два месяца, но это только обряд, и он ни к чему тебя не обязывает.

— Я вовсе не была в безвыходном положении...

— Правда? — поднял брови Внук Бога. — После всего того, что ты наговорила?

Наан задумалась. Действительно. Он прав. Месяц содержания в карцере было бы самой мягкой мерой наказания за ее проступок. Изгнание из Храма, пожизненный позор...

— Ты великодушен, — признала она нехотя. И тут же испытующе прищурилась: — Значит ли это, что отныне я получила право говорить тебе то, что действительно думаю?

— Да, — кивнул он, усмехнувшись. — И я даже прошу тебя об этом. Это будет твоей привилегией. Хотя, похоже, по-другому ты и не умеешь. Этим-то ты и понравилась мне. Никто не говорит мне того, что думает, в том числе ни одна из моих жен.

— Раз так, — глядя ему прямо в глаза, заявила Наан, — я и сейчас скажу тебе то, что думаю. Твое великодушие не стоит и пыльцы с цветка одуванчика. Сначала ты строишь тюрьму и заточаешь в нее, а потом ждешь благодарности за то, что открыл двери; сначала бьешь, а затем — лечишь раны.

— Ты нравишься мне все больше, строптивая. — Лабастьер коснулся ладонью ее щеки.

— Я даже не могу ударить по этой руке, — не отстраняясь, произнесла Наан ледяным тоном, — хотя она и трогает то, что пока не принадлежит ей.

Лабастьер отдернул руку и отвернулся.

«Все-таки я и вправду неблагодарная тварь», — подумала Наан, слегка раскаиваясь. Но она словно потеряла способность управлять собой. Какая-то упрямая пружина неукротимо разворачивалась у нее внутри, заставляя говорить только опасные дерзости.

Император не смотрел в ее сторону.

За время дальнейшего полета к Фоли — главному городу провинции — они больше не сказали друг другу ни слова.

Летать, не пользуясь собственными крыльями, Наан не приходилось еще ни разу в жизни, ведь это — привилегия императора и самых близких к нему придворных... Так ей, во всяком случае, казалось, ибо она никогда еще не видела простую бабочку, управляющую антигравом. Чтобы отвлечься от невеселых мыслей и хоть немного снять внутреннее напряжение, Наан сосредоточилась на ощущениях необычного полета.

В конце концов она призналась себе в том, что ей нравится летать на антиграве...

* * *

Убранство фолийской цитадели Лабастьера Первого было на удивление простым и неприхотливым. Наан ожидала увидеть толпы слуг и море роскоши, но ничего этого тут не было.

Низ двухъярусного полусферического строения, расписанного снаружи прекрасными фресками, занимали придворные воины-урании со своими женами и личинками. Наан же предстояло поселиться в верхнем семикомнатном ярусе. Сейчас там жили только двое: сам император и немолодая уже самка — то ли служанка, то ли нянька его будущих детей.

Император повел себя так, словно никакой размолвки не было.

— Знакомься, Наан, — произнес он, когда они спустились с крыши в центральный зал, — это — Реиль. Она будет заботиться о тебе. Ты должна доверять ей и быть послушной, ведь она старше тебя и годится тебе в матери. А ты, — продолжил он, обращаясь к пожилой самке, — сделай так, чтобы Наан подошла ко дню свадьбы такой же красивой, как сейчас. Но еще и счастливой.

— Хорошо, сынок, хорошо, любимый, — закивала самка и приветливо улыбнулась Наан. А та от изумления просто окаменела: «Сынок» назвала эта несчастная обезумевшая бабочка сына святой Ливьен?! «Любимый»?! Да кто она такая, эта старуха, чтобы так обращаться к императору?!»

— Пойдем, пойдем, милая, я покажу тебе твою опочивальню... — потянула Дипт-Реиль Наан за руку. А следующая же ее фраза развеяла недоумение новенькой: — Когда-нибудь и ты так же поведешь в спальню его новую невесту...

«Она — прежняя жена императора! — догадалась Наан. — Он бессмертен, а жены его старятся и умирают...»

Это была не самая веселая мысль. Да Наан и забыла уже, когда в ее голову приходили веселые мысли. Она послушно двинулась за предшественницей.

...Жизнь Наан в цитадели Внука Бога протекала странно. Дни напролет император занимался какими-то непонятными ей делами, то отдавая приказания главам кланов и воинам посредством коммуникационных устройств, то беседуя со своими бесконечными посетителями. Она же была полностью предоставлена сама себе.

Отношения с Дипт-Реиль стали почти дружескими. Пожилая бабочка советовала Наан те или иные, в том числе текстовые, мнемоносители маака из императорской мнемотеки, и Наан с

интересом знакомилась с ними. Дипт-Реиль, правда, всякий раз подчеркивала, что все тексты маака, по ее мнению, — более или менее талантливые перепевки махаонской «Книги стабильности». Но Наан они казались если не мудрее, то, во всяком случае, интереснее: в них подробно описывались хитросплетения судеб героев, рассказывалось об их приключениях и переживаниях, вывод же чаще всего предлагалось сделать самому читателю...

Иногда Дипт-Реиль вылетала с Наан на прогулки по Фоли и учила ее по цветам и покрою костюмов бабочек различать их профессиональные кланы.

— Черные шальвары говорят о том, что основа жизни клана — земные недра, желтый пояс означает огонь, а голубой верх — металл. Так к какому клану принадлежит этот самец?

— К клану литейщиков? — предположила Наан.

— Верно, девочка, — поощрительно кивала Дипт-Реиль, — ты очень догадлива. А если бы и шальвары были такими же голубыми?

Наан задумалась, а затем призналась, что ответ найти не может.

— Металл проходит через огонь, оставаясь металлом. Так одеваются кузнецы.

...Дипт-Реиль охотно отвечала на любые вопросы Наан, но тотчас замыкалась, лишь стоило той поинтересоваться ее прошлым и отношениями с Лабастьером.

Как-то в разговоре Дипт-Реиль высказалась в том смысле, что признательна императору уже за то, что продолжает жить, несмотря на преклонный возраст. Наан знала и раньше, что в прежние времена срок жизни махаонов был ограничен, но потом эта традиция отошла в прошлое. Однако как и почему это случилось, Наан не знала, и Дипт-Реиль объяснила ей.

Эфтаназия была объявлена вне закона одним из первых указов Лабастьера в самом начале его правления. Поначалу это вызвало волну недовольства: право на добровольную смерть махаоны считали почетным и естественным, а жизнь дольше установленного срока — позорной. Но мало-помалу роптать перестали. Ведь необходимость уходить из жизни в расцвете сил прежде была вызвана перенаселенностью и экономическими трудностями, а руководство Лабастьера экономикой устранило эти причины. К тому же протест приверженцы старого порядка выражали демонстративными суицидами, и вскоре недовольных просто-напросто не осталось.

...На занятиях в Храме Невест Наан рассказывали, что раньше в жизни бабочек царил хаос, что общества махаон и маака из года в год потрясали кризисы, заставляя их воевать друг с другом; урании же, находясь в искусственной изоляции от цивилизации, не могли подняться на уровень выше дикарского. Но однажды явился Внук Бога и сказал: «Я пришел сделать вас равными в благоденствии». И правители всех трех видов покорились ему. Тогда и наступила нынешняя Эпоха Стабильности.

Наан подозревала, что это не более чем красивая легенда. Император не может не быть тираном. Но теперь она стала допускать, что именно так все и было на самом деле. Ведь ни разу не заметила она со стороны Лабастьера ни единого проявления властолюбия. Быт его был аскетичен, а все его время подчинено трудам на благо подданных.

Единственное, что она могла поставить ему в вину, так это ее собственное вынужденное прозябание здесь. Но и то лишь с большой натяжкой. Ведь он действительно спас ее от наказания в Храме. И он не пытался овладеть ею — ни силой, ни уговорами, ни богатыми подарками... От которых она, конечно же, гордо отказалась бы. Он как будто чего-то ждал. Возможно, он ждал, когда она полюбит его?

Иногда ей даже казалось, что император попросту напрочь забыл о ней, и тогда она не могла решить для себя — радует это ее или печалит.

Но время от времени он приходил в ее спальню и садился на коврик возле ее ног.

— Приветствую тебя, возлюбленный жених мой, Внук Бога, умеющий быть везде, — произносила она ритуальную фразу.

— Молодец, — отзывался он, — я, как всегда, рад, что ты не забываешь этикет. А теперь, пожалуйста, поддержи мое к тебе уважение и поведай, что сегодня у тебя на сердце в действительности.

И тогда она задавала вопросы. Те из них, на которые не желала или не могла ответить Дипт-Реиль.

Однажды, например, она спросила, правда ли, что маака и махаон не могут иметь общих детей, и император ответил:

— Да, это так. Это относится и к ураниям. Но не забывай: детей от самок всех трех видов бабочек могу иметь я, и это объединяет их.

Сегодня, набравшись смелости, Наан спросила у него о Дипт-Реиль. Действительно ли та — его бывшая жена, состарившаяся и тем попавшая в немилость и опалу?

Император покачал головой:

— Я вижу, ты никак не можешь отделаться от идеи, что я обязательно должен быть коварен, свиреп и неблагодарен... Да, Дипт-Реиль — моя бывшая жена... В какой-то степени... И я состарился вместе с ней. Даже несколько раньше. Я умер от старости, и она похоронила меня. А затем родила вновь, потому-то она еще и мать мне.

Наан недоуменно и испуганно смотрела на него. Он улыбнулся и погладил ее.

— Ты многого не знаешь обо мне, невеста моя. И это немудрено. Простые бабочки не должны знать кое-каких секретов из жизни своего императора. Излишнее знание может посеять смуту. Оно же лишает наивности, а значит, и счастья.

— Нас учили, что именно знание ты ставишь превыше всего...

— О да. Знание. О природе вещей, пространства и времени. Но не знания о личной жизни другой бабочки. Она священна, суверенна и неприкосновенна, будь то личная жизнь твоего соседа или самого императора. И я никому не позволяю нарушать это правило.

— Почему же ты все-таки рассказываешь мне иногда...

— Потому, что ты сама теперь — часть моей личной жизни. Рано или поздно ты все равно будешь знать все. А что сегодня ты знаешь обо мне? Расскажи.

Наан знала много, но нужно было как-то все скомпоновать и коротко сказать о главном.

— Новая Вера учит так. Бог создал бескрылых гигантов. Но они прогневили Его, и Он уничтожил их, сохранив лишь знания, накопленные ими. Ливьен и Рамбай родили тебя, нашли Пещеру бескрылого Хелоу, и его дух передал эти знания тебе через думателя Дающего Имя. Так ты стал Внуком Бога. Спустившись с гор, ты пришел к правителям бабочек и сказал: «Я пришел сделать вас равными в благоденствии». И правители покорились...

— Хватит, — остановил ее Лабастьер. — Мне совершенно не интересно слушать этот краткий пересказ ваших религиозных постулатов. Давай-ка я расскажу тебе, как все было на самом деле. Прямо сейчас. Хочешь?

Наан кивнула несколько раз подряд.

— Молодец. — Лабастьер прилег, вытянувшись на ковре и положив голову ей на колени. — Давай так: я буду рассказывать, а ты будешь почесывать мне голову и гладить волосы. Так мне лучше думается. Ты ведь знаешь, в моей жизни не так уж много удовольствий, почти всю ее без остатка занимает работа.

— О да. И мне, признаюсь, странно это... — ответила Наан и послушно провела рукой по его волосам. — Ты можешь превратить свою жизнь в сплошной праздник, заслуги твои неоценимы, а возможности беспредельны. Но вместо этого...

— Сейчас ты все узнаешь и все поймешь, — остановил он ее и закрыл глаза, погружаясь в водоворот воспоминаний.

2

Рыба ослепла, не знала она,
Есть ли, куда ей плыть.
Молча она опустилась до дна
И там поняла, как быть.
Рыбу спасло, что она — одна:
Времени нет грустить...

«Книга стабильности» махаон,
т. V, песнь XII; учебная мнемотека
Храма Невест провинции Фоли

— Жена моя, — доверительным тоном произнес Рамбай, разбудив Ливьен среди ночи на четвертые сутки обратного перелета. Его глаза блестели лихорадочным блеском. — Я долго думал и понял: от всех тех премудростей, которым думатель обучил нашего выдающегося сына, тот повредился умом. Немножко.

Они лежали на мягком ворохе сухих листьев в глубине просторного уютного дупла. Ливьен огляделась. Похоже, Сейна, Дент-Байан и Первый крепко спят. Кивком и вопросительным взлетом бровей она предложила мужу растолковать свою мысль. Тот пояснил:

— «Сто самок», — сказал он. Ему нужно сто самок. Рамбай — сильный, но МНЕ нужна только ты...

— Да, — согласилась Ливьен, — мне и самой все это кажется странным. Но понимаешь... Я не решаюсь спросить его, что за странную авантюру он затеял. Я его боюсь. — Ей нелегко далось это признание.

— Ливьен боится?! — В голосе мужа послышалась насмешка. — Собственного сына?! — Он помолчал и закончил: — Рамбай тоже.

Ливьен тихо засмеялась, а самец, сердито глянув на нее, продолжил:

— Сто самок... Сто самок... — повторил он почти мечтательно. — Когда я почувствовал себя настоящим самцом, мне тоже

казалось, что их нужно очень много. И я взял сразу трех. Ты знаешь, Рамбай говорил... — И неожиданно резюмировал: — Нам надо быть построже со своим ребенком.

— Что ж, давай попробуем повоспитывать его, — с иронией в голосе согласилась Ливьен. — Ты начнешь, а я поддержу тебя.

— Да? — похоже, ее предложение не показалось Рамбаю удачным.

— Да. А сейчас лучше поцелуй меня. Мы так давно не были вместе.

— Давно, — согласился Рамбай. — Двое суток.

Следующий день они провели в полете, почти не общаясь друг с другом. Но вечером, когда все расселись у костра и Дент-Байан принялся готовить махаонское блюдо — лепешки из засушенной и толченой саранчи, — Рамбай все-таки решил затеять беседу с сыном.

— Тебе нужно сто самок? — произнес он с такой легкой интонацией, будто переспросил только что произнесенную фразу или словно названные самки прячутся где-то поблизости и добрый папа готов прямо сейчас подарить их сыну.

Ливьен и Сейна, тревожно переглянувшись, прислушались.

— Да, отец, — пепельно-серые глаза Первого выражали почтение и насмешку одновременно, — пока сто.

— Зачем так много? Хватит и... — Рамбай опасливо глянул на Ливьен, — ...и пяти. Я знаю. Я уже давно — взрослый.

Несмотря на легкий укол ревности (что бы ни говорил муженек ей, оказывается, он не отказался бы от пяти!), Ливьен еле удержалась от того, чтобы не рассмеяться.

Но Лабастьер был серьезен:

— Ты хочешь сказать, отец, что столько самок достаточно для любви?

Рамбай утвердительно кивнул.

— Думаю, ты прав, отец, у тебя есть опыт. Но мне они нужны для другого.

— Самки больше ни для чего не нужны, — сделав большие глаза, категорично заявил Рамбай. А Ливьен подумала: «Ах наглец. Я еще припомню тебе эти слова...»

— Они нужны мне для того, чтобы рожать воинов.

Идея показалась Ливьен сомнительной, и она наконец решила вмешаться:

— Если тебе нужны воины, не лучше ли воспользоваться услугами тех, кто уже рожден без твоего участия? Я еще никогда не

слышала, чтобы родители изготавливали детей для каких-то определенных целей. Тем более для военных.

— Армия махаонов держится как раз на этом принципе, — заметила Сейна. — Самка рожает нескольких сыновей, и с нею во главе семья становится боевым подразделением.

Лабастьер кивнул и пояснил:

— Чужих придется долго обучать. И они могут предать. А мои дети будут телепатами, такими же, как я сам. Они сами с первого дня будут знать все, что нужно, и они не смогут прятать свои мысли от меня.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Почти все технологии бескрылых невозможно применять без необходимых материалов. Но со своим телом я кое-что сделать смог...

— Если тебе нужны дети, — перебил его Рамбай, — зачем же мы летим к ураниям? От них у тебя детей не может быть.

— Может, — не согласился с ним Первый, — я перестроил свой организм таким образом, что все необходимое для зачатия ребенка есть во мне самом. А самка нужна мне только для того, чтобы выносить плод...

— Первый уверен в том, что говорит? — с сомнением качая головой, спросил Рамбай.

— Конечно, отец. И давай не будем больше возвращаться к этому. Будем есть. Лепешки, по-моему, уже готовы?

Действительно, махаонское кушанье выглядело хоть и странно, но аппетитно. А аромат от него исходил неописуемый. Дент-Байан уже разложил зеленовато-коричневые лепехи на кленовые листья, словно на тарелки, и ждал, когда остальные прекратят болтовню, чтобы приступить к трапезе.

— Будем есть, — согласился Рамбай. — Лабастьер Первый хочет много детей. Тогда ему надо много есть. Я знаю.

До территории ураний они добрались довольно быстро и без приключений. Но вот тут им предстояло застрять минимум на месяц: именно столько времени оставалось до очередного Праздника Соития, на котором Лабастьер рассчитывал выбрать себе жен.

Все это предприятие казалось Ливьен более чем сомнительным. Хотя она и помнила поразительную мягкость дикарских порядков, благодаря которым некогда осталась в живых, а Рамбай уверял, что сможет уговорить вождя и жрецов.

— Рамбая приняли в племя, хоть он и маака, — объяснял он, — значит, примут и его сына. Но Рамбай не смог оплодотворять самок ураний и взял в жены маака, тебя, о возлюбленная моя Ливьен. Значит, Рамбай — чужой. Но если бы жены-урании понесли от меня, я остался бы в племени. И стал бы его вождем. Если самки ураний понесут от Лабастьера, он будет их вождем.

В его словах присутствовала определенная логика, но все это казалось Ливьен слишком простым, чтобы быть правдой. Кроме того, если верить тому, что рассказал Лабастьер о своих благоприобретенных способностях, его дети будут маака. Устроит ли это племя? Но она не спорила. В конце концов, почему бы не попробовать? Лишь раз во время одного из разговоров на эту тему она спросила мужа:

— Постарайся быть предельно искренним. Признайся, ты сам-то уверен в том, что говоришь?

Тот посмотрел на нее с неожиданной неприязнью и, вздохнув, ответил:

— Нет. Но так правильно.

Вечерело, когда Рамбай по одному ему ведомым меткам на стволах определил границу территории. Он предостерегающе махнул рукой, и остальные вслед за ним опустились на толстую ветвь лиственницы. Ливьен да и все остальные порядком измотались за эти дни и рады были любой случайной минуте отдыха.

— Сейчас нас найдут, — заверил Рамбай.

И не ошибся. С десяток воинов-дикарей в боевой раскраске появились возле них уже через несколько минут. Они в один миг окружили путников и принялись вращаться в стремительном и грозном хороводе, ощетинившись копьями и стрелами на натянутых тетивах.

Рамбай, демонстрируя мирные намерения, развел руки в стороны и что-то выкрикнул им на певучем языке ураний. Один из воинов, выдвинувшись из хоровода к центру, неподвижно повис перед путниками и пропел Рамбаю в ответ целую арию.

— Вождю скажут, что мы хотим говорить, — сообщил тот, расправляя крылья. — Это много. Отдайте им оружие. Не бойтесь, нас не тронут. Летим.

Разоружившись и чувствуя себя беззащитными, как новорожденные гусеницы, они покинули свою ветку и, конвоируемые угрюмыми дикарями, вслед за Рамбаем воспарили в неизвестность вечернего неба.

* * *

...Их содержали под стражей в тесном дупле и лишь на пятый день объявили, что вождь наконец готов встретиться с ними. И именно в этот день, незадолго до назначенной аудиенции, произошло событие, сделавшее их положение еще более тревожным.

— Дент-Байан чувствует приближение того, кто находится с ним в телепатической связи, — сообщил Лабастьер Первый. — Махаоны разыскивают нас, и он служит для них ориентиром.

— Что мы можем сделать? — забеспокоилась Ливьен.

— Однажды он уже предлагал мне завязать ему глаза, — призналась Сейна. — Но я посчитала, что опасность слишком далека.

— Нужно было сделать, — покачал головой Рамбай.

Через несколько минут глаза Дент-Байана были плотно закрыты шелковой полоской, оторванной от блузы Ливьен. Но, как вскоре выяснилось, эта мера предосторожности была предпринята слишком поздно...

По требованию вождя Рамбай отправился к нему в одиночку. Но через некоторое время старший из воинов заглянул в дупло и по слогам пропел:

— Ла-ба-стьер...

Ливьен, Сейна и Дент-Байан остались томиться в ожидании.

Отца и сына не было около часа. А когда они вернулись, на Рамбая было страшно смотреть. Он был взбешен.

— Вождь сказал, что только испорченным городским самцам могла прийти в голову гнусная мысль взять в жены сотню самок!.. Он прав! Вождь всегда прав!

— Но ведь ты сам говорил, что это соответствует закону вашего племени... — удивилась Ливьен.

— Вождь сказал, можно любить двух, трех, пять самок. Но не сто!!!

— О любви разговора и не было...

— То-то и оно! Урании называют себя эйни-али, а это означает «дети любви»... Рамбай знал, что так будет.

«Если бы знал, отговорил бы Лабастьера», — подумала Ливьен, но промолчала.

Из дальнейшего рассказа она поняла, что предложение Лабастьера Первого вождь посчитал настолько оскорбительным для племени, что был склонен немедленно казнить пленников. Рамбаю пришлось проявить чудеса дипломатии для того, чтобы их все же отпустили с миром.

— Отец, — вымолвил Лабастьер, до того хмуро молчавший. — Мне очень жаль, что я поставил тебя в неловкое положение. Но чтобы планировать свои действия и не повторять подобных ошибок, я должен владеть всей полнотой фактов. Ты же не сказал мне, что количество жен в вашем племени имеет ограничение.

— А я знал?! — прорычал Рамбай, оскалившись.

Только Ливьен могла понять причину столь крайнего его раздражения: он уже во второй раз был с позором изгнан теми, кого с детства привык считать своей семьей.

Вмешалась Сейна:

— Раз уж нам нужно уходить отсюда, то лучше не задерживаться. Ведь махаоны знают, что мы здесь.

Замечание было резонным, его даже не обсуждали.

В обратный путь до рубежей дикарской территории их вновь сопровождали все те же воины. Дент-Байан летел с завязанными глазами, держась за кусок лианы, второй конец которой крепко сжимала Сейна. Но летел он уверенно: сказывались навыки, приобретенные в пору полета над снежной пустыней.

И вновь Ливьен была поражена мягкостью законов ураний: на границе территории племени они вернули пленникам оружие.

На ночлег остановились в ближайшем дупле.

— Я знаю, что делать дальше, — заявил Лабастьер.

— Я тоже, — мрачно отозвался Рамбай. — Спать. — И он демонстративно улегся на дно дупла, отвернувшись к стенке.

Ливьен молча, тихим движением руки остановила Лабастьера, собиравшегося было вступить с отцом в полемику. Утро вечера мудренее. Первый внимательно посмотрел на нее, улыбнулся и согласно кивнул.

А когда они легли, Ливьен впервые обратилась к сыну с просьбой:

— Расскажи нам о бескрылых.

— Я знаю о них слишком много. — Ночное зрение делало его лицо похожим на маску. — Что бы ты хотела услышать, мать?

— Они умели любить?

— О да. В этом мы с ними совершенно одинаковы. Точнее, вы.

Он помолчал.

— Я могу рассказать тебе очень популярную у бескрылых историю. О юноше Ромео из семьи Монтекки и его возлюбленной Джульетте из семьи Капулетти...

«Какие странные имена», — подумалось Ливьен, но Лабастьер уже начал свой рассказ, и она окунулась в него, забыв обо всем на свете.

— ...Они были чище нас, — тихо сказала растроганная Ливьен, когда Лабастьер закончил.

— Это только сказка, — возразил тот. — Потому она и была любима ими, что помогала забыть о грязной реальности их мира. Боли и подлости в их жизни было даже больше, чем в истории бабочек.

— Племя ураний живет по законам этой сказки, — сообщил Рамбай. Оказывается, он тоже не спал. Ливьен огляделась. Бодрствовали все.

— Они оставили нам хорошее наследство, — тихо сказала Сейна. Она сидела, привалившись к стенке дупла, и лицо ее было заплаканно. Дент-Байан лежал рядом, положив голову на ранец возле ее коленей. Повязка была снята с его лица: внутренний интерьер дупла никак не мог послужить ориентиром разыскивающим их махаонам... Глаза Дент-Байана были так же водянисты и непроницаемы, как и всегда. Ведь Первый рассказывал на языке маака, и Дент-Байан вряд ли понял хоть что-то.

После гибели думателя Сейна и ее самец махаон могли общаться только с помощью переводчика, которым время от времени выступал Лабастьер. В то же время и он, и она понемногу изучали язык друг друга...

«Нужно попросить Лабастьера, чтобы он рассказал эту повесть о бескрылых влюбленных Дент-Байану на его родном языке или мысленно, — подумала Ливьен. — Его народ суров, но бессрочнику, наверное, было бы нетрудно понять эту историю и оценить ее...»

И в этот момент их отдых прервал грохот.

С оружием в руках они поспешно летели обратно в сторону поселения ураний, навстречу треску выстрелов, и уже издалека видели пламя пожарища. Только Дент-Байан остался в дупле: так решил Лабастьер.

Махаоны! Никто не произнес этого слова вслух, но каждый понял, что это могли быть только они. Они выследили осквернителей Пещеры Хелоу и теперь разыскивали их там, где прервалась зрительная передача от Дент-Байана. Они напали на селение ураний, и, раз они решились на это, значит, их достаточно много.

То, что предстало глазам четверки путников, даже трудно было назвать сражением. Скорее — бойней или избиением.

Несколько десятков мускулистых серо-зеленых варанов носилось по центральной поляне селения и меж прилегающих к ней деревьев. Всадники на их спинах, стреляя долгими очередями, разбрасывали по сторонам веера смертоносных лезвий.

Смерть настигала воинов-ураний еще до того, как те успевали натянуть тетивы своих луков. Спастись бегством в поднебесье было невозможно, смерть настигала и там: махаоны, порхая в воздухе, безжалостно добивали тех, кто пытался вырваться из гибельного круга всадников в небо. Стоны и предсмертные крики оглашали цветущую поляну. Горели деревья.

Путники затаились. У Ливьен заныло сердце. Она вспомнила, как на этом самом месте вели свой прелестный хоровод девушки-урании... Теперь-то она знала, что дикари, несмотря на свой воинственный и дикий вид, нежны душой и поэтичны, пожалуй, значительно более, чем остальные виды бабочек.

Напавшие представляли собой как бы прилипший к земле пузырь, внутри которого бился клубок из воинов-ураний. Клубок этот таял, а гора трупов на земле становилась все выше и выше.

Ливьен вздрогнула, услышав возле себя возню. Она оглянулась и, не веря глазам, уставилась на своих спутников. Рамбай и Лабастьер, рискуя сорваться с ветки, ожесточенно боролись друг с другом, а Сейна пыталась разнять их.

Они дрались молча, стиснув зубы, понимая, что быть замеченными махаонами — значит умереть.

— Да что это с ними?! — шепотом воскликнула Ливьен.

— Рамбай хотел лететь на помощь дикарям, а Лабастьер не позволил ему.

Понятно. Уж если у нее картина истребления ураний отозвалась глубокой душевной болью, каково же тогда было состояние Рамбая?

Лабастьер оказался сильнее Рамбая. Он сумел завернуть отцу за спину руку и теперь держал его в неудобной позе, прижимая лицом к ветке.

— Выслушай меня, — хрипло дыша, зашептал он. — То, что ты хочешь сделать, — глупо! Ты погибнешь, и это единственное, чего ты добьешься.

— Лучше Рамбай погибнет в бою, чем будет отсиживаться здесь и смотреть, как убивают его братьев!

— Но я знаю, как спасти их. Во всяком случае, хотя бы некоторых из них.

— Говори, — сквозь зубы процедил Рамбай.

— Они ищут НАС. Они убивают ураний, потому что уверены: мы — среди них. Они руководствуются тем, что видит Дент-Байан, а сейчас этот ориентир потерян ими...

— Отпусти меня, сын, — прошипел Рамбай. — Я все понял. Поспешим!

Лабастьер ослабил хватку.

Уже в полете Рамбай объяснил Ливьен и Сейне их план. Вместе со снявшим с глаз повязку Дент-Байаном они полетят обратно к горам, и махаоны, оставив в покое ураний, погонятся за ними. Через некоторое время они спрячутся в какое-нибудь дупло, а Дент-Байан продолжит путь один, ведя за собой махаонов. Остальные, переждав, вернутся к ураниям. Потом и Дент-Байану нужно будет спрятаться в какое-нибудь темное дупло и просидеть там как можно дольше, чтобы махаоны потеряли его след. У Дента будет шанс спастись, хотя рискует он и больше, чем остальные...

План был жесток, но логичен. Во всяком случае, ничего другого им не оставалось. Слишком высокая степень риска, которому по этому плану должен был подвергнуться Дент-Байан, смущала, пожалуй, только Сейну. Она молчала, но была мрачна, как туча. Рамбай же, успокаивая совесть, бормотал:

— Он — махаон... Его братья убивают моих братьев... Он один может увести...

Дент-Байан принял план Лабастьера без малейших возражений, и они вылетели в направлении гор.

В начале первого дня полета Ливьен еще сомневалась, верно ли они поступают, действительно ли махаоны полетят за ними. Но уже вечером Рамбай возбужденно сообщил:

— Запах махаонов. Они близко опять.

Ливьен привыкла доверять чутью Рамбая.

К концу четвертого дня полета Лабастьер объявил:

— Все. Дальше Дент полетит один.

— Нет, — возразила Сейна, — он полетит не один. С ним буду я.

— Ты нужна нам! — воскликнула Ливьен, испугавшись, что потеряет единственную подругу, и искательно посмотрела на Рамбая и Лабастьера.

— Я останусь с ним, — твердо повторила Сейна. — И даже не пытайтесь переубедить меня.

Рамбай отвел глаза, а Лабастьер, согласно кивнув Сейне, сказал ей:

— Если ты решила так, то нам это только выгодно. Лети рядом с ним, побольше разговаривай... Сделай так, чтобы тот, кто смотрит его глазами, как можно позднее понял, что вас только двое...

Рамбай тронул руку Ливьен и тихо произнес:

— Наш сын не по возрасту умен.

И Ливьен с горечью осознала, что в интонациях его голоса сквозит презрение.

3

Тронул я ветку, она, шевелясь,
Тайну шепнула мне:
«Ты — это я, но во сне бытия
Тождества правды нет...»
«Я это знаю, — ответил я, —
Вместе сгорим в огне».

«Книга стабильности» махаон,
т. XXV, песнь XII; учебная мнемотека
Храма Невест провинции Фоли

Лабастьер Первый замолчал. Он останавливался и раньше, но тогда было ясно, что паузы связаны с желанием более точно восстановить в памяти минувшие события. Сейчас же, как поняла Наан, император свой рассказ завершил окончательно. Но ее это не устраивало.

— И что же было дальше? — настойчиво спросила она. — Дент-Байан и Сейна тоже причислены Новой Верой к лику святых, но святых-мучеников. Я знала о них только то, что они погибли, помогая Внуку Бога. Это случилось как раз тогда?

Сложив крылья на одну сторону, Лабастьер перевернулся на спину и лежал теперь, глядя ей прямо в глаза.

— Да. Сейну и Дент-Байана я больше не видел никогда. С ними исчез и отряд махаонов. Думаю, все они погибли в морозном преддверии Пещеры Хелоу... А я и мои родители поселились с остатками племени ураний. Махаоны уничтожили почти всех самцов. Зато самок осталось предостаточно.

— Все вышло так, как ты и хотел, повелитель? — Наан произнесла эти слова без ярко выраженных интонаций, чтобы Лабасть-

еру не показалось, что она осуждает его. Но сегодня, похоже, император был склонен к самобичеванию:

— Хотел?.. Да, пожалуй. Я не побрезговал воспользоваться тем, как сложилась ситуация. Но мне не нужны были все эти жертвы, и не я устроил побоище... А Сейна и Дент-Байан были близки мне не меньше, чем отец и мать.

— Но ты не побрезговал... — не удержалась Наан.

— Да! — Лабастьер вскочил на ноги. — Да! И все дальнейшие события показали, что я был прав! Хотя я и потерял навечно любовь своих родителей. — Он повернулся, чтобы уйти, но почувствовал, как руки Наан обхватили его сзади за талию.

Он обернулся.

— Прости... — раскаяние на ее лице казалось искренним.

— За что?

— За то, что я посмела осудить тебя. Но все то, что ты рассказываешь, слишком не похоже на то, чему нас учили в Храме. Грязь, боль... А нам говорили, что Лабастьер Первый словами о любви и справедливости убедил правителей тех времен...

Император криво усмехнулся и, отстранившись от невесты, опустился обратно на коврик.

— Не ты убивал воинов-ураний, и не ты убивал махаонов-преследователей... — продолжала та. — Так в чем же мне винить тебя? — вздохнув и покорно опустив голову, она присела рядом. — Расскажи мне остальное...

— Если ты смирилась с моим рассказом лишь потому, что гибель я приносил не своей рукой, то лучше не проси меня продолжать. Это было лишь началом. На руках моих столько крови, что ее не смоет и горный водопад.

— Я хочу знать все, и я постараюсь понять. Хоть я и... — Наан запнулась.

Лабастьер молча ждал, когда она наберется мужества, чтобы сказать ему то, что хотела.

— ...Хотя я и ревную тебя ко всем самкам, которых ты, по-видимому, оплодотворил в то лето.

Брови императора поползли вверх, а затем, прикрыв рот рукой, он то ли рассмеялся, то ли разразился приступом кашля. Затем объяснил причину своего замешательства:

— Это было так давно... Твоя ревность смешна, но приятна мне... Да и можно ли ревновать к тому, что происходит между самцом и самкой без любви? Если я и виноват, то совсем в другом. Когда-то бескрылые оставили в своем биохранилище эмбрионы четырех видов теплокровных бабочек...

— Четырех? — с удивлением перебила его Наан.

— Да, — кивнул император. — Были еще бабочки-приамы. Бескрылые, экспериментируя, наделили способностью к избирательной телепатии два вида из четырех. Это и обусловило наиболее скорое развитие цивилизаций маака и махаон. Урании и приамы значительно отстали от нас, а к тому времени, как моя мать нашла Пещеру Хелоу, приамы исчезли вовсе, по-видимому, не выдержав конкуренции с ураниями. Но теперь нет и ураний. Им уже никогда не возродиться. Теперь осталось только два вида.

— Но ведь это не твоя вина... — начала было снова Наан, но Лабастьер остановил ее жестом и продолжил:

— Отец рассказывал мне об их прекрасных танцах, он пел мне их песни, пересказывал легенды... Это было очень немногочисленное, но красивое и гордое племя. После встречи со мной его история закончилась. Племя превратилось в один огромный инкубатор для моих личинок.

...Вождь и большинство жрецов погибли. Лабастьер лично руководил масштабным погребением убитых махаонами воинов, и рыдания вдов прервались лишь на те несколько минут, когда он произносил переводимую Рамбаем скорбную речь.

Подчинить себе горстку оставшихся в живых самцов (чуть более трех десятков) не составило труда. Рамбая еще помнили как одного из наиболее вероятных претендентов на пост вождя, но помнили также и об его изгнании. Однако он ведь и не претендовал на главенство. Вождем стал его сын.

Решающую роль в этом сыграли три фактора. Первый из них — то, что самозваный вождь, объявив о необходимости возродить племя, поставил в обязанность каждому из уцелевших самцов взять на содержание не менее десятка жен, а их количество в племени всегда считалось верным признаком высоты социального положения. И честолюбивых самцов устраивало это решение. Второй — то, что всех остальных самок Лабастьер объявил своими женами и заявил, что к концу детородного сезона каждая из них понесет от него. Третьим фактором стало огнестрельное оружие в его руках и в руках его родителей.

— Сын мой, — пытался увещевать Лабастьера Рамбай, — когда ты говорил о ста самках, я соглашался с тобой, хотя это и слишком много. Но теперь их будет у тебя трижды по сто. Рано или поздно они покинут тебя, а имя твое покроется позором.

— Почему?

— По законам племени ты должен быть способен прокормить их...

— Урании так прожорливы?

— Как и другие бабочки, они могут не есть месяцами. Но когда-нибудь тебе все же придется их кормить.

— Пока дойдет до этого «когда-нибудь», они уже будут беременны. Больше мне ничего от них и не надо.

— Это бесчестно! — возмутился Рамбай и замолк, презрительно поджав губы.

— Отец, — Лабастьер положил руку на его плечо, — пойми, я не могу быть чересчур щепетилен в исполнении ваших обычаев. Цель, которая стоит передо мной, слишком велика.

— У моего великого сына великая цель, — отстраняясь, промолвил Рамбай саркастически. — Счастье для всех. Цель такая великая, что ради нее он готов сделать всех несчастными.

Но обставлено все было вполне законно. Праздник Соития был отмечен в положенный срок. Сумевший избежать гибели и безоговорочно принявший сторону нового вождя жрец по имени Вальта сумел организовать его почти таким, каким видела его когда-то Ливьен.

Вновь услышала она в ту ночь ритмичную музыку натянутых меж деревьев флуоновых струн. Вновь увидела разноцветье искрящегося праздничного костра. Вновь ощутила дурманящие запахи благовоний.

Вот только всеобщая песня племени, последовавшая за воздушным танцем девственниц, казалась ей теперь не радостным гимном вечности жизни, а горестным причитанием по украденному счастью...

Песнь оборвалась на пронзительной ноте. Распустилось и опало гигантское соцветие фейерверка, и над ритуальным костром стал виден возлежащий на прозрачной паутине вождь Лабастьер Первый.

Самцы со своими невестами подлетали к нему за разрешением о браке. И отказано не было никому. Не случилось традиционных любовных трагедий и романтических самоубийств. И именно поэтому Ливьен казалось, что вместо виденного ею когда-то грандиозного зрелища очищения сейчас она наблюдает некий постыдный фарс.

...Рамбай не стал дожидаться конца церемонии, а, ни слова не сказав, полетел в чащу — в их с Ливьен теперешнее жилище.

Она догнала его на полпути.

— Что тебя так угнетает, милый? — слегка запыхавшись и едва поспевая за ним, спросила она, хотя и прекрасно понимала причину его раздражения.

— Все! — отрезал тот.

— И все-таки?.. — Она пыталась отвлечь его. — Может быть, то, что лишь у тебя, из всех самцов племени, осталась одна-единственная жена? — (Проклятие бесплодия по отношению к самкам-ураниям не позволило Рамбаю последовать примеру остальных.)

Он резко остановился и, порхая на месте, медленно обернулся. Еще никогда Ливьен не видела на его лице такого страшного выражения.

— Самка, — произнес он глухо. — Если бы я хоть на миг забыл, что ты — возлюбленная моя жена, я убил бы тебя на месте.

Он развернулся и полетел дальше, и Ливьен поспешила за ним. Теперь они летели бок о бок. Ее так и подмывало заговорить вновь, но она сдерживала себя. Вскоре он начал сам:

— Племя истребили из-за нас. Из-за нашего сына.

— Он не виноват. Он не мог предвидеть такого исхода.

— Так. Но если ему безразличны мои бывшие братья, мы должны были лететь дальше. А если нет — мы должны были отдать племени все свои силы... Но наш сын решил по-другому. Он надругался над умирающим племенем.

— Но Лабастьер возродит его...

— Нет! — внезапно закричал Рамбай во весь голос. — Лабастьер Первый только обещает! Лабастьер Первый — лжец! Он ведь сам сказал нам, что все его дети будут маака.

Ливьен еще не думала об этом в таком ракурсе, и сказанное Рамбаем стало для нее откровением.

К своему дуплу они подлетели молча, и близости этой ночью между ними не было.

И все-таки, несмотря на горечь потери Сейны, несмотря на тягостные сомнения в этичности поведения сына, были у Ливьен в эти дни и кое-какие радости. И связаны они были с более глубоким узнаванием ею бабочек племени, взрастившего Рамбая.

Она подружилась с двумя самками. Одна из них была еще совсем юной. Ее звали Шалла, и она стала одной из многочисленных жен Лабастьера. А значит, как это ни смешно, родственницей Ливьен. Можно сказать, «невесткой». Другая, напротив, имела преклонный возраст. Она была женой жреца Вальты, и звали ее Сананой.

Последняя отличалась живейшим нравом, безудержным любопытством и, казалось, знала всё и про всех. По-видимому, из подсознательного протеста против своего иерархического неравенства с мужем, в то время как сама она не чувствовала себя ни глупее, ни социально пассивнее его, Санана заняла в племени неформальную должность «хранительницы фольклора». Она знала несметное количество сказок и легенд ураний. В какой-то степени они с Ливьен были коллегами, и общение их протекало именно на этом фоне.

Подстраиваясь под ураний, Ливьен вынуждена была привыкнуть к ночному образу жизни. Часто теплыми лунными ночами они просиживали с Сананой и Рамбаем у костра по нескольку часов. Ливьен рассказывала пожилой урании о Городе маака, Рамбай переводил, а Санана внимательно слушала, то и дело переспрашивая и уточняя. По характеру ее вопросов Ливьен догадывалась, что та моментально перерабатывает ее истории в витиеватые, полные загадок небылицы, пополняя свой устный архив.

Затем они менялись ролями, и рассказывала Санана.

Самой красивой, самой чарующей легендой ураний Ливьен показался рассказ о приключениях некоего воина Кахара, тем более интересный тем, что герой в поисках счастья побывал в городах маака и махаон.

Так звучала эта легенда.

«Много подвигов совершил храбрый Кахар. Многих чудовищ поразил он — и на охоте, и защищая соплеменников. Многих жен он имел, но больше всего любил младшую — нежнейшую Дайну, дочь жреца Дайна. А еще больше любил он высоту. Чем выше дерево встречалось ему в лесу, тем радостнее было у него на сердце. Таков был Кахар.

И было у него два друга и советчика. Высоко в листве кроны дерева, в дупле которого жил Кахар, обитал белокрылый птах, мечтатель Лаэль. А под корнями, в норе, прятался хвостатый серый Мерцифель. И никто, кроме Кахара, не знал о них. Часто обращался он к ним за советом, и Лаэль всегда говорил ему о хорошем, Мерцифель же — о плохом. Внимательно прислушивался Кахар к обоим и многих бед сумел избежать.

Но, видно, не всегда победы и слава ведут только к добру. Порой они лишают героев разума. Однажды наскучила Кахару жизнь в племени, и решил он облететь весь мир, чтобы узнать, где на свете деревья самые высокие.

Долго плакала младшая его жена красавица Дайна. «Нет деревьев выше тех, что в родном лесу, — причитала она, — но коль ты решил искать, возьми и меня с собой». Но был непоколебим гордый Кахар в своем решении, а Дайну взять не пожелал, оберегая ее от неминуемых опасностей дальнего странствия.

И все же решил он спросить совета. «Нужно ли мне уходить? — обратился он к Мерцифелю. — Деревья перестали расти. А я хочу выше». И проскрипел Мерцифель в ответ ему: «Лети, лети и разыщи свою погибель...» Лаэль же сказал: «Лети. И ждет тебя великая слава».

Разные итоги пророчили они, но «лети» — сказали оба. И отправился герой в нелегкий путь.

Но напоследок любящая Дайна дала мужу маленькое семечко, молвив при этом: «Отец мой, жрец Дайна, сказал, что это семя волшебное, но в чем сила его — не открыл, иначе сила эта исчезла бы. Он сказал, что семя это может даже остановить тебя, но я тому не верю. Однако не теряй его, ведь в этом семени — часть твоего родного гнезда. А посади его лишь тогда, когда почувствуешь, что нет больше выхода. Так сказал отец, и кто знает, быть может, мудрость жрецов действительно поможет тебе».

Плача, упорхнула она прочь, а Кахар полетел к неведомым землям.

Долго двигался он туда, куда подсказывало ему сердце. Ветер и деревья окружали его. Они переполняли его и изнутри. Ветер, деревья и звезды.

И вылетел он к страшному месту, где деревьев не было вовсе. То был Город маака, убивающих ураний. Не успел он моргнуть и глазом, как двое воинов с огнедышащими луками в руках пленили его и бросили в сырую каменную темницу с решетками на круглых окнах под потолком.

«Мы умеем строить башни выше любых деревьев, — похвалялась перед ним дородная самка. — Ты же, дикарь, недостоин жизни и сегодня будешь казнен».

Но ночью услышал Кахар шелест. И увидел за прутьями Лаэля. Друзья-советчики проследили за ним и пришли спасти его.

Ухватившись за прутья когтями, Лаэль сумел согнуть их так, что герой смог бы протиснуться меж ними. Сам же Лаэль для этого был слишком велик. Но крылья Кахара отсырели, и не мог он подняться к окну.

Впал было он в уныние, но зашевелился пол темницы, набух, а затем и разверзся. И оттуда выполз хвостатый Мерцифель, что-

то сердито бормоча. Взобрался герой другу на мохнатую шею, поднялся тот на задние лапы, и оказался Кахар прямо перед окном. И вскоре уже летел он прочь от этого глупого и опасного места, сидя на белоснежной спине Лаэля.

А самка маака лопнула от злости.

Крылья Кахара обсохли, и дальше он двинулся сам. Лаэль же предупредил его: «Я не могу летать столь далеко от леса. Или вернись со мною домой, или впредь рассчитывай только на себя». Гордый Кахар попрощался с другом.

Вскоре увидел он под собой отвратительную сеть, под которой прячут свой город махаоны — город, похожий на исполинский мрачный термитник. Нечего было там делать герою и хотел он пролететь над городом незамеченным, но ринулись к нему снизу пущенные махаонами стрелы-крылодеры с вертящимися лезвиями на наконечниках. И поразила одна из них героя в крыло. И пал он на сеть, едва не разбившись.

Махаоны каленым железом пытали Кахара, опоив его лишающим воли колдовским зельем. И выведали они у него, где живет жизнелюбивое племя ураний эйни-али, и направили тысячу воинов, оседлавших злобных ящериц, чтоб стереть детей любви, избранников радости, с лица земли.

«Ты искал большие деревья?! Выше звезд и луны?! — смеялся над ним военачальник, уходя убивать эйни-али. — Знай же, грязный дикарь, что нет нор глубже тех, что прорыл твой народ, и нет деревьев выше родных!»

И услышал Кахар, что враг его слово в слово повторил сказанное прекрасной Дайной, и опечалился он, и понял, что неверный путь выбрал в гордыне своей изначально.

Издали заметили урании махаоново племя и сумели скрыться, оставив селение пустым. Махаоны не смогли найти их и в злобе дотла сожгли все деревья, в коих те жили.

Правитель же махаонов, не зная еще об этом и ни на миг не сомневаясь, что навеки покончено будет с ураниями, отпустил Кахара на волю, лишив его прежде крыльев. Чтобы жил он средь махаонов как насмешка, неспособный продолжить свой род, неспособный даже подняться в небо.

Но поспешил Кахар в родное селение, в кровь разбивая ноги. А когда завидел в небе мчащееся обратно махаоново войско, смог укрыться и переждать.

А на месте цветущей родной долины увидел герой лишь мертвую землю да пепелища. И нашел он убитую птицу, и нашел обгорелую крысу.

Помутился рассудок Кахара. Встал он, плача, на колени, кляня себя за предательство, в коем виновен и не был вовсе, встал, причитая: «Мерцифель, Лаэль... Ничего, ничего у меня не осталось!..» Так рыдал он до наступления темноты.

Торчащие из земли уродливые корни и обугленные стволы окружали его. Месяц освещал ужасную картину запустения. Кахар не знал, что Дайна спешит сюда в надежде, что муж жив и вернется. И помыслить он не мог, что она не убита махаонами. И внезапная диковинная идея обуяла Кахара. Перерыл он всю свою одежду и нашел подаренное Дайной семечко. И выполнил ее прощальное пожелание: зарыл его, орошая слезами.

А ночью началась в долине внезапная гроза. И почувствовал Кахар свежесть. И с невиданной скоростью в небо устремился светящийся ствол. И пульс его зеленой крови, совпадая с пульсом Кахара, мигал сквозь тонкую прозрачную кору. Столь высокого дерева не видел еще никто на свете. А на самой макушке ствола трепетал оранжевый бутон. Но вскоре он поднялся так высоко, что перестал быть виден Кахару.

И решил лишенный крыльев герой, что должен немедля узнать, что там — на самом верху. И не боясь соскользнуть в кипящую под ним грязь, петля за петлей пополз Кахар вверх по стволу. Был тот прохладен и покрыт короткими мягкими волосками...

Таковы волшебные умения жрецов ураний.

...А когда наконец достигла этого места усталая и промокшая Дайна, под невиданным деревом нашла она тело мужа — с обожженным лицом, но счастливой улыбкой на устах.

Ведь ствол этот цвел солнцем.

А назавтра его не стало.

Как и предрекал Мерцифель, нашел Кахар погибель свою. Как и предрекал Лаэль, слава Кахара стала бессмертной.

Горе тому, кто не умеет ценить любовь. Горе тому, кто не умеет ценить дружбу. Горе тому, кто не умеет ценить узы племени. Горе тому, кто мнит свое величие превыше всего.

Слава вечная безумным смельчакам».

Как и все в жизни ураний, легенда эта показалась Ливьен абсолютно нелогичной, но прекрасной. Стихи «Книги стабиль-

ности» махаон при всей своей мудрости и загадочности не шли с нею в сравнение по легкости и поэтичности языка.

А еще благодаря этой легенде у Ливьен слегка отлегло от сердца. Оказывается, махаоны не впервые пытаются уничтожить племя ураний. Быть может, обойдется и на этот раз? Хотя вряд ли...

Эту и множество других историй рассказала Санана Ливьен, и мало-помалу образованная самка маака окончательно влюбилась в нрав и обычаи «детей любви».

Тем больнее ей было сознавать, что племя это отныне скорее всего не имеет будущего.

Ливьен записывала и кропотливо редактировала эти тексты, надеясь когда-нибудь внести их в мнемотеку. Впервые за много дней она вспомнила свою гражданскую специальность и даже слегка пугалась этого: слишком уж безмятежно протекали ее дни в последнее время, и это напоминало затишье перед бурей.

— Значит, впоследствии ты все-таки помирился с родителями, — утирая со щеки слезинку, спросила Наан, — раз Ливьен рассказала тебе эту прекрасную легенду?

— Я нашел ее в мнемотеке верхнего яруса, — покачал головой Лабастьер Первый.

4

«Не пытайся найти, только жди и верь,
Не пытайся себя понять.
Не пытайся пытаться, свой пыл умерь», —
Учит нас Первобабочка-Мать.
Если ты таков, никаких потерь
Не придется тебе познать.

«Книга стабильности» махаон,
т. XII, песнь VI; учебная мнемотека
Храма Невест провинции Фоли

Иногда император приносил в спальню Наан сосуд с жидкостью, которую он называл «напитком бескрылых». Светло-розовый, желтоватый или почти абсолютно бесцветный и прозрачный, как вода, напиток чуть пенился в чашах и играл в них мелкими пузырьками. Он был вкусен, утолял жажду, иногда приятно пощипывал во рту и всегда приносил расслабляющую эйфорию.

— Так не похожа на тебя, повелитель, та жадность, с которой ты скрываешь от бабочек секрет «напитка бескрылых», — заметила она как-то.

— Жадность тут ни при чем. История бескрылых знает слишком много случаев, когда они становились рабами этого напитка, теряли над собой контроль, совершали злодеяния...

— В это трудно поверить.

— Однако это так. В чрезмерных количествах этот напиток небезопасен, а ограничить себя способен далеко не каждый. Потому-то его секрет открыт мною лишь избранным. И прошу тебя, не утруждай себя поисками в моих действиях коварных побуждений. Уж лучше я сам поведаю тебе о них...

И он продолжил свой рассказ.

...Совсем по-иному, нежели с женой жреца, складывались отношения Ливьен с юной женой Лабастьера Шаллой. С одной из трех сотен его жен. Шалла сама нашла повод и момент для знакомства.

Каждый вечер, проснувшись от полуденного сна, Ливьен проводила на берегу протекаемого неподалеку от поселения ручейка, отлетев вместе с Рамбаем на почтительное расстояние вверх по течению — туда, где их не могли побеспокоить урании. Что может быть приятнее для цивилизованной самки, чем недоступное в городе купание на лоне природы?

Рамбай не разделял этого пристрастия жены и сопровождал ее лишь из осторожности. Так, во всяком случае, утверждал он сам. Однако Ливьен подозревала, что есть и иная причина: ему доставляет удовольствие наблюдать за ней. Подозревала она и то, что он просто не умеет плавать, но уязвлять его самолюбие прямым вопросом не хотела.

Раздевшись и осторожно, стараясь не замочить крыльев, войдя в игривый поток, она, словно несмышленая гусеница, принималась, повизгивая, плескаться в прохладной влаге, багряной рябью искрящейся в закатных лучах солнца...

Время от времени мимо, почти не опасаясь ее присутствия, неторопливо проплывали огромные серебристые рыбины, и однажды Ливьен из озорства ухватила одну такую за хвост и даже попыталась выволочь ее на берег. Рыбина принялась биться и извиваться, поднимая столб брызг. Встревоженный Рамбай подлетел поближе и, увидев, в чем дело, кинулся на помощь. Но опоздал. Силы были неравны, и Ливьен уже отпустила ручейную тварь, только зря окорябав ладони.

А на следующий вечер Ливьен с удивлением обнаружила, что она не единственная самка, пожелавшая искупаться именно тут.

Когда они с Рамбаем подлетели к своему излюбленному месту, там, по щиколотку в воде, уже стояла прелестная нагая девушка-урания. С точки зрения маака, у нее были слишком уж узкие, почти мальчишеские, бедра и совсем неразвитая грудь. Но Ливьен не могла не признать, что и такая фигура по-своему красива. Она покосилась на Рамбая, и от того, как заинтересованно тот разглядывал незнакомку, у нее ревниво екнуло сердце.

— Спроси, кто она и что ей тут нужно, — скомандовала она сухо.

Рамбай послушно произнес фразу на дикарском языке, а затем перевел ответ:

— О мать моего мужа, мудрейшая. Вчера я случайно наблюдала, как ты пыталась рыбачить здесь. И сегодня я подумала, что могла бы научить тебя этому.

— Скажи ей, что я не нуждаюсь в ее обучении, — бросила Ливьен. Но вместо того чтобы перевести сказанное ею, Рамбай возразил:

— Рыба полезна беременным самкам, а скоро их у нас будет много...

Ливьен подозрительно глянула на мужа:

— С чего это ты печешься о них?

— Нашему сыну неведомо понимание чести, ведь он воспитан не ураниями и даже не маака, а древними бескрылыми, которые в злобе убили сами себя... — ответил тот с нескрываемой горечью. — Что ж, тогда Рамбай будет кормить его жен...

Ливьен покачала головой:

— Ну, всех-то беременных тебе не прокормить. К тому же, думаю, не стоит нам судить Лабастьера слишком строго. Прав ли он, покажет результат...

Рамбай скривился:

— Непокорная жена моя спорит со мной всегда... Ладно... Знаешь ли ты, что наш чудо-сын Лабастьер приказал ураниям заготавливать провизию для будущих личинок? Он установил норму, и те, кто не выполнит ее, будут наказаны.

— Нет... — Ливьен была озадачена. — Почему никто не сообщил мне об этом?

— Мы — маака. Мы вне племени.

Ливьен помолчала, переваривая услышанное... Затем бросила Рамбаю, кивнув на молодую уранию:

— Ладно. Скажи ей, пусть учит.

* * *

Ловля рыбы оказалась на удивление увлекательным занятием.

Инструментом, которым пользовалась Шалла, была флуоновая нить, один конец которой привязывался к вбитому в берег колышку, а на другом имелась петля-удавка.

Шалла неподвижно стояла в воде и делала рывок в сторону рыбы лишь тогда, когда та, забыв осторожность, проплывала совсем близко.

Петля накидывалась рыбине на хвост, и чем энергичнее зверюга пыталась высвободиться, тем крепче удавка затягивалась.

Заарканив таким образом первую жертву, Шалла выбралась на берег и принялась, легонько подтягивая нить, наматывать ее на колышек... Через несколько минут рыба билась уже у самой кромки воды.

Тогда Шалла без тени брезгливости и, как Ливьен показалось, сострадания вспорола бедняге брюхо острым костяным ножом. Затем она опустилась перед ней на колени, закрыла глаза и нараспев произнесла несколько слов.

— Она благодарит ваших духов за удачную охоту? — поинтересовалась Ливьен у Рамбая.

Тот отрицательно помотал головой:

— Она просит у рыбы прощения за то, что пришлось убить ее. Она объяснила рыбе, что нужно кормить детей вождя.

— Мы тоже должны так делать?

Рамбай посмотрел на жену жалостливо, как на слабоумную:

— Никто не должен. Так — правильно.

Втроем ловля пошла споро. К полуночи они вытащили на берег еще двух рыбин. Ливьен вошла в азарт и рвалась продолжать, но Рамбай осадил ее:

— Больше не унесем.

Действительно, перетащить туши к лагерю оказалось труднее, чем поймать их. Зато интерес соплеменников Шаллы к улову был огромен. Рамбай объяснил Ливьен, что указ Лабастьера о заготовке пищи как раз вошел в силу, но выполняется пока с трудом. Самки-урании собирают съедобные корешки, ягоды и орехи, самцы — охотятся, а вот о рыбной ловле пока не вспоминали: традиционно рыба — не самое популярное в племени блюдо. Но как раз рыбалка — сравнительно легкий способ выполнить необходимый пищевой минимум.

И уже на следующую ночь к ручью отправилось целое полчище бабочек, а меж деревьев тут и там появились флуоновые нити с вялящимися полосками рыбной мякоти.

* * *

Шалла и Ливьен привязались друг к другу. Рамбай в качестве переводчика был им почти не нужен, так как они практически и не разговаривали. Шалла была слишком молода, и ей нечего было рассказать Ливьен. Сама же она интересовалась единственно собственной беременностью, и тут самки понимали друг друга без слов. Шалла ужасно гордилась, что, по ее сведениям, она зачала плод Лабастьера самой первой из всех...

И вскоре Ливьен принимала у нее роды... В племени разразилась «родильная эпидемия». Почти одновременно самки, большинство из которых были женами Лабастьера, принялись рожать личинок. Подавляющее большинство которых были соответственно гусеницами маака...

Все они были очень милы и игривы, все, как один, похожи на прелестную гусеницу, которой был когда-то Первый. Ливьен почти оттаяла. Все эти симпатичные малыши были ее внуками, а с гусеничкой Шаллы она, наравне с матерью, возилась день и ночь.

Рамбай же был мрачен, как туча.

— Милый, тебе он не нравится?.. — спросила как-то Ливьен мужа во время купания маленького внука. (Делалось это так: Шалла хватала беднягу за голову, Ливьен — за хвост, и они, не обращая внимания на сопротивление, тащили его в воду. Малыш верещал, дрыгал лапками и весело хохотал... Мать и «бабушка» сияли.)

— Тебе он не нравится?

— Он — маака, — угрюмо ответил Рамбай. — Они все — маака.

— Ну и что? Ты ведь и сам — маака.

— Да. Рамбаю они нравятся. Но Рамбай жил в племени. Нашим внукам грозит беда.

— Брось, дорогой! — не поверила ему Ливьен. (Они с Шаллой тем временем вытащили чадо на берег и пытались обтереть его сухим шелком, тот же отчаянно отбивался, извивался и взахлеб хихикал: гусенички крайне чувствительны к щекотке.) — Разве может кто-нибудь причинить ему вред? Твои соплеменники — добрейшие из бабочек!

— Это так. Пока дело не касается сохранения вида. Ты помнишь Большой Костер?

Да, Ливьен помнила гибнущих в костре влюбленных, которых вождь посчитал «неправильными»... И все же она не могла поверить, что над малышами нависла реальная угроза. Хотя она и заметила, что после рождения личинок урании стали как будто менее приветливы с ней. Но она списывала это на то, что у них стало больше забот...

— А ты спроси у Шаллы, есть ли для нее разница, кто ее дитя — урания или маака, — посоветовала Ливьен, уверенная, что та ответит отрицательно.

— Она — мать, — пожал плечами Рамбай и все же что-то произнес на языке ураний, обращаясь к Шалле.

Улыбка сползла у той с лица, и она отпустила гусеничку. Ливьен в одиночку не смогла удержать ее, и она опрометью кинулась в поселок. Шалла что-то коротко ответила Рамбаю. Помолчала, а затем добавила еще несколько фраз. Рамбай перевел:

— Она сказала, что я напомнил ей о боли в сердце. Она сказала, что любит своего ребенка, но только тогда, когда ей удается забыть, что он — чужой. Она сказала, что хочет еще детей, но только — ураний.

Сказанное было для Ливьен настоящим откровением. Хотя, конечно, ей трудно было представить, что чувствовала бы она сама, роди она, к примеру, махаона... Конечно же, это невозможно... Но ведь случилось же подобное с тремя сотнями самок-ураний!

По приглашению Ливьен Шалла с малышом поселилась в ее дупле. Потому-то Ливьен и не осталась в стороне, когда в поселке разразилась предсказанная Рамбаем трагедия.

Однажды дневной сон Ливьен был нарушен истошным визгом Первого. (Так иногда по традиции маака Ливьен называла внука.) Вскочив, она увидела, что гусеничка неистово корчится, крепко прижатая к полу руками и коленями Шаллы.

Рамбай стоял рядом с беспомощным видом, и Ливьен, обращаясь к нему, испуганно закричала:

— Что она с ним сделала?!

— Она ни в чем не виновата, — ответил тот взволнованно. — Рамбай не спал и все видел. Его никто не трогал. Он сам вдруг начал визжать и биться... Шалла держит его, чтобы он не навредил себе сам.

— Что же с ним? — еще сильнее всполошилась Ливьен. — Может, он заболел?

И в этот миг в их дупло влетел Лабастьер. Окинув взглядом происходящее, он коротко бросил Рамбаю:

— Мне нужна твоя помощь, отец.

— Помощь? — По тому, как Рамбай произнес это слово, Ливьен еще раз почувствовала, что сердце мужа полнится обидой на сына. В том числе и как раз за то, что тот никогда еще не обращался к нему за помощью или за советом.

— Они убивают моих детей, — при всей своей сдержанности Лабастьер не мог скрыть смятения и боли.

— Откуда ты знаешь?

— Я — телепат, и они — тоже.

Рамбай схватил прислоненный к стене махаонский пружинный карабин и, не тратя больше времени на разговоры, двинулся вслед за сыном, который уже покинул дупло. Вооружившись искровиком, кинулась за ними и Ливьен. Рамбай попытался остановить ее:

— Будь с внуком!

— Там тоже мои внуки! — возразила она, и Рамбай промолчал.

Они летели втроем. Поселок звенел от истошного визга малышей-гусениц. Лабастьер торопливо объяснял:

— Когда сделали больно одному, было больно и остальным, и они сильно перепугались. Я тоже чувствовал эту боль... Они убили уже четверых. Но я не знаю где!

— Что толку искать убитых?! — заявил Рамбай. — Нужно защитить остальных!

— Как? — вмешалась Ливьен. — Мы не можем оказаться в трехстах гнездах одновременно!

— Но мы можем остановить убийцу, — согласился с отцом Лабастьер. В этот момент они как раз подлетали к дуплу своих ближайших соседей.

— Кто он?! — вскричал Рамбай.

— Вальта.

Рамбай кивнул. В лице его не отразилось и тени удивления, Ливьен же сначала подумала, что она ослышалась. «Жрец Вальта?! Муж ее добрейшей подруги Сананы?! Мудрейший из известных ей ураний, тот самый, что первым принял правление Лабастьера и убедил остальных принять его... Тот самый Вальта, который организовывал последний Праздник Соития!..»

Из гнезда соседей раздавался приглушенный писк гусеницы. Выставив перед собой ствол карабина, первым туда влетел Рамбай. Ливьен и Лабастьер вломились вслед за ним.

Картина, которая предстала их взорам, мало чем отличалась от той, которую они только что оставили: две самки, молодая и пожилая, удерживали на полу плачущую личинку.

Именно в тот момент, когда они вошли в дупло, малыш забился в приступе судорог. Ливьен посмотрела на Лабастьера, и ей стало страшно. Ее сын стоял, привалившись спиной к стене и

прижимая ладони к вискам. Его лицо, искаженное болезненной гримасой, было белым, как снег предгорий...

Поймав взгляд Ливьен, он выдавил из себя:

— Еще один...

Тем временем Рамбай перекинулся несколькими фразами с хозяевами гнезда и сообщил:

— Вальты тут не было. Самки насмерть перепуганы тем, что творится с их чадом. Рамбай объяснил.

Лабастьер уже оправился от болевого шока:

— Спроси, есть ли у них оружие.

Рамбай выполнил это распоряжение и ответил:

— Да, у них есть лук, оставленный их бывшим мужем. Его убили махаоны, и самки научились...

— Скажи им, что я приказываю, — прервал Лабастьер. — Лук держать наготове. При появлении Вальты — стрелять, не вступая в переговоры. До того, как тот произнесет хоть слово!

Рамбай кивнул и стал переводить, а Ливьен обратилась к Лабастьеру:

— Почему Вальта делает это? И почему именно Вальта?

— Мне трудно понять его логику, — сказал тот. — Я знаю только одно: это межвидовая борьба...

Инструктаж самок закончился, маленький отряд вылетел наружу, и ситуацию объяснил Рамбай:

— Лабастьер обманул жреца. Тот поверил, что Лабастьер возродит племя, оплодотворив всех самок. Но родились только маака — враги ураний. Жрец предан своему племени, он мудр и умеет убеждать. Там, где он появляется, самки помогают ему убивать собственных детенышей.

Ливьен вспомнила слова Шаллы о том, что она любит Первого лишь тогда, когда забывает, что он — маака...

— Мы остановим его, — заявил Лабастьер. — Вальта не знал, что все мои личинки — телепаты. Если бы не это, в живых к утру не осталось бы ни одного.

Еще в четырех гнездах происходило то же. А в пятом они нашли самку, неподвижно сидящую на корточках перед задушенной гусеницей. Она не отвечала на вопросы Рамбая, и тот вскинул карабин.

— Не надо, — остановил его Лабастьер. — Этим ничего не исправишь.

— Она будет убивать других, — возразил Рамбай.

— Ты уверен?

— Да. Рамбай знает. Она помогла убить своего детеныша, будет убивать и чужих.

Лабастьер поднял автомат вслед за отцом, но не смог заставить себя выстрелить. Ливьен видела, как трудно самцам сделать необходимое. И она взяла это на себя. Очередь ее искровика успокоила совесть матери-убийцы.

...Приступы случались с Лабастьером еще несколько раз. Наконец в одном из гнезд они обнаружили жреца и его жену. Но сначала они увидели перед дуплом двух самцов с луками на изготовку. Рамбай не стал дожидаться, когда они выстрелят, и почти бесшумно уложил обоих лезвиями махаонского карабина. Не было сомнений в том, что Вайла именно тут. Так и оказалось. Он был безоружен. Вскочив с колен, он уставился на маака с беспомощной ненавистью во взоре.

Личинка была уже мертва. Лабастьер, Рамбай и Ливьен не вступали со жрецом в полемику. Без суда и следствия они превратили его, Санану и несчастную мать убитого малыша в мешки, нашпигованные пулями и махаонскими бритвами.

Всего в этот страшный день было задушено двенадцать гусениц. А казнено за детоубийство — около трех десятков самок и трое самцов, включая жреца.

Погребение несчастных детенышей маака и их убийц состоялось последовавшей ночью. К погребальному костру слетелось все племя. Ливьен испытующе вглядывалась в лица ураний. Сожалеют ли они о случившемся? Не повторится ли это снова?.. Но лица их были непроницаемы.

Ливьен была уверена, что Лабастьер скажет речь и пригрозит страшной смертью всякому, кто еще посмеет поднять руку на его детей. Но он не произнес ни слова.

Однако кровавые события того дня больше не повторились. То ли своей карательной акцией маака сумели запугать ураний, то ли не нашлось среди них бабочки столь же убежденной, авторитетной и сильной духом, как жрец Вальта.

Сожалеют ли они о случившемся? Искаженное ненавистью мертвое лицо добрейшей сказочницы Сананы будет с тех пор и до конца жизни преследовать Ливьен в сновидениях.

...Урании добывали пищу не покладая рук. Гусеницы в мгновение ока пожирали все добытое. Они резвились, толстели и росли.

Так продолжалось до тех пор, пока не пришла пора закукливания.

И вот срок подоспел. Ливьен с нетерпением ожидала, когда из куколки выйдет ее любимый внук, Первый — сын Шаллы, спрятавшей свой кокон под их деревом.

Пожалуй, этот период был самым спокойным и самым бессмысленным за все последнее время. Ливьен просто ждала.

И миг настал.

По всем подсчетам, именно сегодня на свет должна была появиться новая бабочка. Именно «на свет», ведь Первый был маака, а не ночная урания.

Ливьен, Шалла и Рамбай не спали. Они сидели возле холмика под деревом, то и дело поглядывая на него.

Внезапно земля зашевелилась, кусок дерна, приподнявшись, отодвинулся в сторону, и из отверстия выбрался покрытый слизью юный самец. И был он точной копией новорожденного Лабастьера.

Он огляделся. Выражение его пепельных глаз было на удивление осмысленным. Он остановил свой взгляд на Ливьен и вдруг произнес:

— Здравствуй, мама.

Лицо Рамбая исказилось ужасом. Новорожденный не мог уметь говорить! А у Ливьен появилось ощущение, что все это — глупый розыгрыш, что из кокона вылез их взрослый сын. Да ведь и «мамой» он назвал ее, а не Шаллу... (Та же, находясь на грани истерики, сидела, зажав, чтобы не закричать, рот ладонями, и, раскачиваясь из стороны в сторону, тупо смотрела на свое чадо.)

А «новорожденный» усугубил противоестественность происходящего словами:

— Вот я и родился снова.

...Император смолк, испытующе глядя на невесту. Наан нахмурилась, пытаясь осмыслить услышанное. Наконец ей стало ясно все, и она в ужасе отпрянула от Лабастьера Первого:

— Я все поняла! Так вот что означает «умеющий быть везде»! Ты ведь говорил уже, что самка нужна тебе только для того, чтобы вынашивать плод. Выходит, ты воспроизводишь сам себя в теле каждой самки! И все вы связаны друг с другом телепатической связью...

— Да, ты права. Дело обстоит именно так. Нас тысячи. И в то же время все мы — один-единственный Я в тысячах телесных воплощений. Таким образом я стал бессмертным и всемогущим.

— Ты — чудовище, а вовсе не Внук Бога!

— Я в большей степени Бог, чем, например, Хелоу. А еще я — армия. Никому, правда, теперь не нужная.

— Я не могу быть твоей женой. — Наан била мелкая дрожь, и чувство, которое она испытывала, было сродни брезгливости. — Я не возлягу с тобою на брачное ложе. Я не могу принадлежать сразу тысячам самцов!

— Множество тел, но одна личность. И сейчас рядом с тобою — одно тело и одна личность. Это ли не норма?

— Но ведь у тебя тысячи жен. Выходит, ты спишь с тысячью самками одновременно?! Это ты называешь «нормой»?! — Наан потерла виски и произнесла на тон ниже: — Оставь меня, возлюбленный жених мой, Внук Бога, умеющий быть везде... Если ты не лгал, то ты ценишь во мне то, что я говорю с тобой искренне и без страха... Прошу тебя, уйди! — Она вновь сорвалась на крик. — Меня тошнит от одной мысли о близости с тобой. Мне кажется, я становлюсь грязной только от того, что ты рядом...

Она замолчала, уже не в первый раз испугавшись, что перешагнула черту дозволенного. Но вновь Лабастьер оказался выше ее ожиданий.

— Не спеши судить меня, — сказал он с явственно различимой горечью в голосе и поднялся. — Побудь в одиночестве и хорошенько подумай обо всем, что я поведал тебе... И если пожелаешь, я продолжу свой рассказ. Возможно, ты так возбуждена от выпитой дозы «напитка бескрылых». Поспи и успокойся. Пока же я займусь делами; я и так отвлекся от них слишком надолго.

И он вышел из спальни своей насмерть перепуганной невесты.

5

Сорванный ветром, падает плод,
Падает наземь он.
Плод умирает, и плод гниет,
Чтобы, спустя сезон,
Семя взрастало... Бутон цветет...
Плод будет вновь рожден.

«Книга стабильности» махаон,
т. III, песнь VII; учебная мнемотека
Храма Невест провинции Фоли

Мысль о побеге пришла в голову Наан сразу после того, как Лабастьер Первый покинул ее обитель. Идея эта была всепоглощающей. Она как будто бы сожгла все иные думы и стремления и прочно заняла их место... Наан чувствовала, что просто физичес-

ки не может больше оставаться тут. Она как будто бы даже привязалась к императору. Но ведь она не знала... Она не может отдать себя этому многоликому существу, лишь внешне напоминающему бабочку!

А до обряда их бракосочетания осталось меньше месяца.

Чисто технически побег был не таким уж сложным делом. Ее жилище имело не только внутренние коммуникации, но и внешний, выводящий на крышу, выход. Она могла летать куда захочет и удаляться от цитадели императора на любое расстояние...

Препятствием служила лишь добросердечная Дипт-Реиль, везде и всюду следовавшая за ней. Но Наан, оценив свои способности к лицемерию, пришла к выводу, что легко сможет перехитрить ее.

Однако простой идея побега казалась только на самый поверхностный взгляд. Потому что существовал не только вопрос «КАК?», но и вопрос «КУДА?».

До того как император забрал Наан к себе, она ни разу не вылетала с территории Храма Невест без присмотра евнухов-репетиторов, и за его пределами у нее не было ни единого друга или даже просто знакомого.

Возможность скрыться в лесу Наан отвергла сразу: судя по тому, что рассказал Лабастьер, дикарских поселений ураний на свете больше не существует, а в одиночку ей не справиться с опасностями, подстерегающими там. Она жаждала свободы и в то же время панически боялась ее.

Бежавшую от императора невесту могли бы приютить его враги... Но если правдой было все то, что о современном мире рассказывали воспитанницам предметные репетиторы и мать-настоятельница, выходило, что поголовно все граждане Объединенной Империи действительно чтят своего правителя и преклоняются перед ним, как перед божеством, — и махаоны, и маака, и горстка так и оставшихся малочисленными ураний.

Возможно, это и не так. Любая религия порождает еретиков, любое правительство бабочек во все века имело скрытую или легальную оппозицию, Наан помнила это из уроков истории. Но она все равно не знает, где их искать. Когда-то в обществе махаон эту социальную функцию выполняли бессрочники, но теперь нет и их.

С обескураживающей ясностью она осознала, как беззащитна и одинока в этом мире. Родственники? Возможно, они и помогли бы ей скрыться... Хотя лояльность к законному правитель-

ству — традиция в обществе махаон, пожалуй, даже более сильная, чем святость семейных уз. Да к тому же она просто-напросто не знает своих родственников!

Говорить о семье в Храме было не принято, но нет-нет да и проскальзывали в болтовне Невест какие-нибудь намеки о родне. Наан же всегда казалось, что тайну ее происхождения хранят както особенно ревностно. И как раз это было одной из причин никогда не затевать разговоров на данную тему.

Но однажды мать-настоятельница допустила оплошность. Она заглянула на занятия по макияжу и, оглядев возбужденных напомаженных и разукрашенных воспитанниц, пришла в умиление. Настолько сильное, что позволила себе вольность. Указав на Наан, она бросила одному из репетиторов-кастратов: «Кто бы мог подумать, а? Похоже, поговорка «Ядовитое семя не приносит съедобных плодов» вовсе не всегда бывает верной...»

Говорила она тихо, так, чтобы ее услышал только репетитор, но именно в тот момент случилось так, что «невесты» на миг перестали щебетать, и в тишине слова Дипт-Шаим прозвучали отчетливо и ясно. И почему-то они заставили Наан смутиться, а сердце ее тревожно и сладко забилось в груди...

Конечно, Дипт-Шаим могла выразиться и чисто фигурально, не имея в виду ничего конкретного... Но что-то подсказывало Наан, что это не так, что настоятельница знакома с ее родословной. В первый и в последний раз услышала она тогда хотя бы косвенное упоминание о своих родителях, и эпизод этот ярко запомнился ей. Сотни раз прокручивала она душными ночами эту сцену в памяти, пытаясь вникнуть в ее тайный смысл, но единственное, к чему пришла в итоге, это к мысли, что ее родители имеют дурную репутацию.

Хотя... Что-то о ее семье Дипт-Шаим говорила и Лабастьеру Первому, в день, когда император выбрал ее... Но Наан в тот момент была так взволнована, что теперь из намеков матери-настоятельницы не могла припомнить ни слова.

Ей пришлось собрать всю свою выдержку, чтобы обуздать желание податься в бега немедленно. Утром следующего дня, после почти бессонной ночи, она придумала, как выведать что-либо о своих родственниках, и сообщила Дипт-Реиль, что хочет посетить Храм Невест. Та была удивлена и даже недовольна:

— Поверь, ты найдешь там только зависть своих бывших подруг, и это омрачит твои воспоминания о прошлом, — сказала та,

сервируя завтрак. (Невесты питались редко и более чем скромно, чтобы сохранить фигуры тонкими и стройными, здесь же Наан баловали лакомствами почти каждый день.) — К тому же скоро ты в любом случае побываешь там, ведь обряд бракосочетания будет проходить именно в Храме.

Инстинктивно Наан чувствовала, что лучший способ лгать, не вызывая подозрений, — говорить почти правду. Правду, но не всю. Чуть-чуть не договаривать. И она продолжала настаивать:

— Дело вовсе не в подругах. Честно сказать, у меня их никогда и не было. Но мне очень хочется повидать мать-настоятельницу еще до этого знаменательного дня; она всегда была добра ко мне, и пока что у меня нет никого ближе нее...

Дипт-Реиль понимающе покивала головой, и выражение ее лица смягчилось:

— Я понимаю тебя, милая. Когда-то и я почитала и любила свою настоятельницу, как самое близкое мне существо. Но эту проблему значительно легче решить по-другому. Я передам твое желание Лабастьеру, и твою старшую подругу доставят сюда.

— Но мне хотелось бы увидеть ее сегодня. (Наан было трудно представить, как она выдержит тут еще хотя бы несколько дней. А знания о семье приближали побег.)

— Сегодня? — Дипт-Реиль остановилась и испытующе посмотрела на нее. — Что ж, возможно, так и случится. Но не будь, однако, капризной...

Позавтракав с Наан и поболтав о маловажных предметах, Дипт-Реиль покинула ее. Но примерно через час она вновь появилась в опочивальне и выглядела теперь слегка раздосадованной:

— Что-то не припомню я, чтобы император был раньше так внимателен к чьим-нибудь прихотям, — бросила она.

Наан насторожилась:

— Что тебя рассердило, любезная Дипт-Реиль?

— Ради меня и моих капризов Лабастьер Первый никогда не оставил бы дела. Да я никогда и не позволяла себе подобного... Только что он лично отправился за твоей настоятельницей в Храм.

Наан тронула руку Дипт-Реиль:

— Не сердись. — Она действительно испытывала некоторое смущение. — Я ведь не просила его об этом... И зачем ему было лететь самому?

— Вот и я сказала ему то же самое. Но он ответил, что доставить мать-настоятельницу на антиграве будет значительно быстрее, чем заставлять ее лететь сюда самостоятельно.

— Но ведь это так.

— Так-то оно так. Но антигравы есть не только у императора. И все-таки он пожелал сделать это сам.

«В этом он весь, — подумала Наан. — Сам решил, что является для меня благом, и, не жалея сил, добивается этого... Только вот моего мнения почему-то не спрашивает...»

Но Дипт-Реиль вряд ли понравились бы подобные рассуждения. Скорее всего ей нужны слезные оправдания. Наан безуспешно пыталась придумать их, но та сама прекратила разговор умиротворяющим тоном:

— Впрочем, не нам судить о смысле поступков Внука Бога.

Наан целый день промаялась в ожидании, прикидывая, как поделикатнее выведать у матери-настоятельницы информацию о своей семье.

...Чего никак нельзя было заметить в лице Дипт-Шаим, когда та появилась в опочивальне бывшей воспитанницы, так это огромной и искренней радости от встречи с ней. Еще бы, ведь ее, как подозревала Наан, доставили сюда, даже не спросив, желает ли она того...

Лабастьер Первый продолжал усиленно изображать благородство: исполнив каприз невесты, сам он ей на глаза не показался, то ли чтобы не выслушивать слов благодарности, то ли ожидая, когда та позовет его сама.

Наан же решила играть роль до конца. Во всяком случае, пока в одной с ними комнате находится и Дипт-Реиль, празднично нарядившаяся по случаю прибытия гостьи. Ее белые шальвары и блуза были разукрашены флюоресцирующими изображениями разноцветных пауков-солнц из фольклора ураний, и этот наряд резко контрастировал со сдержанными цветами культовой формы настоятельницы.

Лицемерно улыбаясь, Наан шагнула к Дипт-Шаим и, испустив возглас восторга, почтительно сложила крылья, развела руки и склонила голову.

Та не посмела прямо высказать свое неудовольствие, пусть и бывшей своей подопечной, но ныне — бабочке, которая со дня на день должна была стать женой императора, и замерла в ответ-

ном приветственном поклоне. (На это почтение и рассчитывала Наан в предстоящем разговоре.)

Выдержав положенную паузу, Наан затараторила:

— О мать-настоятельница! Я так счастлива нашей встрече! Мне так много нужно сказать тебе и так много узнать!.. Как идут дела в Храме? Не обижены ли на меня остальные Невесты за выбор Внука Бога? Как идет подготовка к торжеству бракосочетания?..

Настоятельница, покосившись на Дипт-Реиль, промямлила:

— Все идет согласно установлению...

Дипт-Реиль наблюдала за этой неказистой беседой с умилением, но тень подозрительности все же не покидала ее лицо. Внезапно она встрепенулась:

— Я принесу вам лакомства!

Стоило ей скрыться за перепонкой, как сгоравшая от нетерпения Наан сбросила маску:

— Кто мои родители? — выпалила она, напрочь забыв о своем намерении быть деликатной и осторожной. И тут же сообразила, что совершает роковую ошибку. Теперь, если она действительно сбежит отсюда, первой допросу подвергнется именно мать-настоятельница, и уж она, конечно же, сразу припомнит этот вопрос.

— Зачем тебе это знать? — продолжая улыбаться, вопросом на вопрос ответила Дипт-Шаим, и в голосе ее прозвенела сталь.

— Простое любопытство, — соврала Наан, чувствуя закипающую злость.

— Не похоже... — протянула настоятельница. — Но если это так, то ради бесцельной прихоти я не собираюсь поступаться святыми установлениями Храма.

— Ты смеешь перечить мне? — нахмурилась Наан. — Ты забыла, кем я скоро стану? То, что является прихотью жены Внука Бога, для прочих является законом!

— Ах так? Понятно, понятно... — мстительно усмехнулась Дипт-Шаим. — Выходит, твой интерес непосредственно связан с интересами императора. Но ведь ты пока еще не стала его женой. Что ж он сам не задал мне этот вопрос?

Наан не нашлась, что ответить, и почувствовала, как ярость всецело овладевает ею, чуть ли не лишая рассудка. Ненавистное лицо настоятельницы, ее маленькие прищуренные глазки пробудили в памяти Наан все унизительные сцены, которые происхо-

дили с ней в Храме. И всегда участницей, а чаще — зачинщицей этих ситуаций была именно Дипт-Шаим.

Наан вспомнила часы, которые провела в темном карцере, стоя голыми коленями на каменном крошеве... Вспомнила, как невесты по приказу настоятельницы устраивали провинившейся бойкот... Вспомнила электрические разряды жезла, ожоги от которых не проходили по многу дней... Моральный и физический прессинг вершился матерью-настоятельницей с фарисейской улыбкой всепрощения и сопровождался самыми добродетельными словами.

— Кто мои родители?! — повторила Наан угрожающе и сделала шаг к своей собеседнице.

В этот миг в комнату с подносом, уставленным яствами, вошла Дипт-Реиль.

— Убирайся! — не в силах далее сдерживаться, зло рявкнула на нее Наан. Впервые она повысила голос на свою пожилую непрошеную подругу. Та испуганно попятилась, а затем, торопливо поставив поднос на пол, выскользнула прочь. Дверная перепонка моментально затянула проем.

Ситуация окончательно вышла из-под контроля. Больше не было смысла прятать свою ненависть, и нельзя было терять ни секунды. Прошлые обиды и нервное напряжение последних часов разом выплеснулись наружу. Наан сделала еще шаг вперед и, схватив настоятельницу за горло, сжала пальцы:

— Отвечай! — Она и сама не ожидала от себя этой вспышки агрессии.

Задыхаясь, Дипт-Шаим выпучила глаза. Одной рукой она ухватилась за стебли свисавшего из-под потолка декоративного растения и лишь благодаря этому удержалась на ногах.

Что-то хрустнуло у Наан под пальцами, и мать-настоятельница захрипела. Наан поспешно разжала руку, и тут же ее парализовала жгучая боль в паху. В свободной руке Дипт-Шаим держала выдернутый из чехла жезл электрошока.

Оцепенение Наан длилось лишь мгновение. Придя в себя, она вновь рванулась к настоятельнице и схватила ее за сжимавшую жезл руку. Отреагировать та не успела, и спустя секунду Наан завладела ее оружием. Недолго думая, она ткнула его концом в грудь Дипт-Шаим.

— Отвечай! Отвечай!.. — выкрикивала она истерично и жалила настоятельницу голубыми искрами разрядов.

Дипт-Шаим рухнула на пол и прохрипела:

— Твои родители... — и вновь замолчала.

— Кто?! — выкрикнула Наан. — Отвечай или я прикончу тебя прямо сейчас! — и она еще раз ударила жезлом несчастную в живот. Та вскрикнула от боли и с трудом произнесла:

— Твои родители — Мари — казнены... Жив только брат...

Произнеся эти слова, Дипт-Шаим испустила глубокий вздох и замерла. Наан потрясла ее за подбородок, а затем, стремясь привести ее в себя, еще дважды ткнула жезлом. Но настоятельница не реагировала.

«Я убила ее... — осознала Наан и пришла в неописуемый ужас. — Бежать! И именно сейчас! У меня есть брат?! Кто он? Где?..»

Послышался топот. Похоже, крики в ее комнате привлекли внимание стражников или их позвала Дипт-Реиль. Наан метнулась к лестнице, ведущей на крышу.

Пытаться улизнуть от сильных, тренированных бойцов-ураний было просто бессмысленно, и все же Наан быстро взобралась к наружному выходу и, миновав перепонку, оказалась на плоской поверхности. Держась за землеводный шест, она расправила крылья, а затем, шагнув с крыши, поплыла над простиравшейся перед цитаделью Внука Бога эспланадой.

И в тот же миг на глаза ей попался императорский антиграв, охраняемый внизу одним-единственным часовым. (Собственно, большей охраны и не требуется, так как аппарат этот настроен так, что подчиняется только командам своего хозяина.)

Лабастьер говорил ей, что управление антигравом не представляет никакой сложности, ведь приказы ему отдаются мысленно... Он даже обещал дать ей возможность полетать на нем самостоятельно и сказал, что ввел для этого в кодовую систему аппарата наряду со своими и ее генетические параметры. Но тогда она не проявила к этому живого интереса и так ни разу и не воспользовалась предложением императора. Теперь же все это в один миг всплыло в ее памяти.

Она буквально спикировала к антиграву и, с трудом удержавшись на ногах, приземлилась возле часового. Тот узнал невесту императора и склонил голову в поклоне. На мгновение Наан замерла перед ним в замешательстве. Что она скажет ему? Что решила покататься? Полная ерунда! Без личного распоряжения Лабастьера никто ей этого не позволит!

И тут со стороны цитадели послышались крики преследователей. Часовой, отвлекшись, устремил свой взгляд туда. И Наан,

сбросив оцепенение, ткнула все еще сжимаемый в руке жезл настоятельницы бедняге прямо в шею. (Позднее Наан узнала, что напряжение разряда жезла зависит от силы сжатия его рукоятки. По-видимому, на этот раз она сжала рукоятку изо всех сил...) Часовой повалился как подкошенный.

Наан прыгнула в водительское кресло, напялила на голову обруч с мнемодатчиками и постаралась как можно яснее произнести про себя команду: «Вверх!»

Аппарат не шелохнулся.

«Слова тут ни при чем», — подумала Наан и попыталась представить, что взлетает в воздух. Но чуда не произошло и тогда.

Самым отвратительным было то, что она совершенно не могла сосредоточиться. Страх вытеснил из ее головы все мысли, кроме одной, путанной и совершенно бесполезной сейчас, появившейся во время борьбы с Дент-Шаим: «Мои родители казнены... У нас существует смертная казнь?.. Кем они были?..»

Краем глаза Наан видела, что десяток преследователей спускаются к ней, и постаралась изгнать из своего сознания неуместные вопросы.

«Небо! Небо!..» — Она заставила себя ясно представить, как взмывает в лазурную высь... Но это так ничего и не дало ей. «Я буду схвачена... Может быть, именно за такие поступки и карают смертью?.. В семействе Мари смертная казнь — добрая традиция, — с горькой иронией подумала она. — Эдакий фамильный признак...»

«Код! — внезапно дошло до нее. — Какая же я бестолковая идиотка!..» Она поискала глазами и тут же нашла сиреневое пятно в форме пятерни на левом подлокотнике кресла. — «Ввел ли Лабастьер мои параметры, как обещал? А вдруг все-таки не ввел?»

Она вложила кисть руки в контуры и почувствовала легкое покалывание. Антиграв задрожал, оживая... А затем — стремительно взвился в поднебесье!

Перегрузка буквально вдавила ее в кресло, а в ушах послышался свист ветра. Чудовищная скорость была, наверное, обусловлена силой желания Наан убраться отсюда подальше.

И на этой безумной скорости она врезалась прямо в рой мчавшихся к ней преследователей.

Звук удара, крики боли и испуганные ругательства она слышала лишь пару секунд и вскоре была уже много выше места столкновения. Выделывая немыслимые пируэты и мертвые петли, она неслась в неведомом ей самой направлении.

6

Если Охотник сумел уснуть,
Ты не тревожь его.
Ветер пожаром ли будет дуть,
Враг ли вокруг него...
Если Охотник решил вздремнуть,
Нету важней ничего.

«Книга стабильности» махаон,
т. XII, песнь II; учебная мнемотека
Храма Невест провинции Фоли

Наан не испытывала страха от того, что антиграв практически неуправляем, ведь в любой момент она могла выскользнуть из кресла и лететь на собственных крыльях. Главным было то, что, как бы он ни кувыркался, он уносил ее прочь со скоростью, недоступной преследователям. Единственным, чего она опасалась, было то, что аппарат может со всей своей стремительностью помчаться к земле... Но и тогда она не рисковала жизнью. Хотя быть пойманной скорее всего означает скорую смерть.

Но антиграв несся вперед и вверх. Ветер шипел у Наан в ушах, и вскоре императорская цитадель уже виднелась внизу еле различимой точкой. А еще через некоторое время Наан наконец поняла, как следует вести себя, чтобы антиграв летел ровно. Нужно просто не думать о нем.

Аппарат откликался и на прямые команды, и на попытки представить цель, но и то, и другое только сбивало его, заставляя совершать хаотические броски... Он был «умней» легендарных махаонских боевых варанов и прежде всего ориентировался на действительное желание водителя, пусть и не выраженное конкретной мыслью. Ведь не надо отдавать специальные команды твоим собственным крыльям или ногам для того, чтобы они несли тебя туда, куда нужно. А так как Наан пока не знала даже направления, в котором ей следовало двигаться, а хотела лишь как можно скорее скрыться, теперь аппарат на предельной скорости мчал ее по прямой.

Наан расслабилась и огляделась. Она уже миновала край Фоли: концентрические окружности и радиальные отрезки улиц центра провинции сменились внизу пустынным и безжизненным буро-зеленым пейзажем равнины. Легкого интереса Наан к тому, что эта равнина представляет собой вблизи, оказалось достаточно, чтобы антиграв резко уменьшил скорость и опустился почти

к самой земле. Стало видно, что цвет равнине придает низкорослая жухлая трава. И теперь антиграв двигался над ней со скоростью пешехода.

Куда она летит? Что ждет ее впереди? Лишь сейчас Наан осознала всю глубину безысходности того положения, в которое себя поставила, и ее охватило глубочайшее отчаяние. Но, собрав все свои душевные силы, она постаралась сосредоточиться на поиске цели.

Итак, ее родители казнены... Как бы невероятно это ни звучало, у Наан не было ни малейших оснований не верить словам настоятельницы... Она убила ее... Она — убийца! Мысли ее смешались вновь. Какой бы сильной ни была их взаимная неприязнь, она вовсе не собиралась никого убивать!

Наан вновь подавила в себе очередную волну отчаяния и заставила себя мыслить конструктивно.

Ее родители — отпетые преступники... Так вот почему тайну ее родословной скрывали от нее даже тщательнее, чем ото всех прочих воспитанниц. Теперь она отчетливо понимала это. Ее родители были ужасными, ужасными преступниками... Как и она теперь...

Внезапно в ее мыслях забрезжил слабый огонек ясности. Семейство Мари!.. Мари — род последнего главы клана счетчиков, фактического властителя махаонов, закончившего свое правление в годы появления Внука Бога в единственном тогда Городе махаон! Почему прежде ей и в голову ни разу не пришло, что ее родовое имя не случайно совпадает с именем известнейшего исторического деятеля? Наверное, потому, что она слышала его сотни раз и привыкла не обращать внимания на эту «случайность».

Благодаря рассказу Лабастьера о том, как он распорядился судьбами племени ураний, Наан понимала теперь, что изучавшаяся ею в Храме Невест официальная история разительно отличается от реального прошлого. Теперь она была почти уверена, что в суровые годы становления власти нынешнего императора те, кто противился его Режиму Стабильности, вполне могли быть жестоко казнены... Но ведь это было триста лет назад!

И новая догадка поразила Наан. При создании определенных искусственных условий куколка может десятки, а то и сотни лет не превращаться в бабочку. Когда-то это помогало махаонам контролировать уровень рождаемости: порой родители по нескольку лет не позволяли куколке превратиться в бабочку, пока семья не достигала определенного уровня благосостояния... Но Наан никогда не слышала, чтобы этим пользовались сейчас... И никогда

не слышала, чтобы срок хранения куколки превышал десятилетие. Но в принципе это возможно. Если это как раз тот случай, то, выходит, она, Наан, — родственница, а возможно, даже и дочь последнего махаонского правителя-счетчика?!

Некоторое время, придавленная тяжестью своего открытия, Наан тупо смотрела вперед. Мысли, прекратив свой отчаянный галоп, не желали двигаться дальше.

Но понемногу сознание возвращалось к ней.

Кому и зачем пришло в голову задерживать срок ее появления на свет?.. Вряд ли без фактов и посторонней подсказки она сумеет найти ответ на этот вопрос...

Но где-то в мире существует ее единокровный брат... Он может помочь ей понять все это... Он может помочь ей спрятаться... Он может помочь ей...

Но сначала надо найти его. Что почти невозможно.

Хотя... Если она хочет отыскать его, то узнать о нем хоть что-то она скорее всего сможет там, где осуществлял когда-то свою власть ее знатный родственник. (Или родитель?)

Вероятнее всего попытка найти брата окончится неудачей, она будет поймана и казнена... Но она должна хотя бы попытаться. Она должна лететь в столицу...

Наан встряхнулась.

Она без особого труда определила, в каком направлении ей следует лететь, чтобы попасть в старый Город. И антиграв, вновь набирая скорость, понес ее на северо-запад, почти под прямым углом к тому курсу, по которому двигался до этого.

...Открытые с воздуха, подобные Фоли, города махаоны стали строить уже во время правления Лабастьера Первого, когда войны между бабочками превратились в достояние легенд и стали казаться невозможными. А когда-то (Наан знала это из уроков истории) весь ее народ жил в единственном городе-конгломерате, укрытом от вторжения врагов пограничным куполом флуоновой сети.

Блоки этого купола поддерживались в воздухе наполненными летучим газом пузырями и бдительно охранялись изнутри воинами клана стражников. Нелепое и в то же время величественное стратегическое сооружение веками сохранялось в идеальном порядке.

Наан никак не ожидала, что купол существует и поныне.

Она летела целый день, начиная порой сомневаться, верное ли направление выбрала. Начало смеркаться. И вдруг...

Громадная, заполнившая собой добрую половину горизонта и светящаяся нездоровой зеленью полусфера вздыбилась над поверхностью земли. Чем ближе подлетала к ней Наан, тем яснее различала она мириады фосфоресцирующих паутиновых нитей. Словно уродливая опухоль вздулась на окраине мира, и вид ее внушал трепет.

Вблизи Наан стало ясно, что идеальной сохранностью купола сегодня уже похвастаться нельзя. Тут и там во флуоновой сетке виднелись обширные прорехи, кое-где из-за отсутствия поддерживающих шаров флуон провисал и болтался на ветру нелепыми неопрятными лохмотьями...

(Позднее ей стало известно, что, когда необходимость в защите от внешних врагов у ее сородичей отпала, содержание купола стало прежде всего данью традиции и привычке. Хотя сеть продолжала все-таки выполнять и кое-какие полезные функции. Например, освещать столицу в ночное время и беречь ее жителей от нападавших время от времени воробьиных полчищ (тогда как в провинциях птиц отпугивают выстрелами из пушек)...

Все это ей рассказали потом. Сейчас же открывшийся ей вид поразил ее воображение.

С замиранием сердца Наан отыскала в неровной поверхности достаточно большое для антиграва отверстие и нырнула внутрь. Она уже напряглась, готовясь к встрече со стражниками, но ничего подобного не произошло. Граница продолжала существовать, но в охране не нуждалась.

Что столица велика, Наан знала и раньше, но бескрайняя панорама Города заставила ее еще яснее прочувствовать бессмысленность затеянного предприятия. Во время полета она гнала от себя эту мысль. Но вот цель достигнута. Что дальше? Как она собирается отыскать в этом муравейнике своего мифического брата?

Антиграв выжидательно повис в воздухе.

Первым, что Наан бросилось в глаза в небе над Городом, было множество таких же или иных по форме летательных аппаратов. Сотни антигравов сновали туда и сюда. Оказывается, в диковинку они только в провинции, тут же она, не расставаясь с антигравом, может летать, куда ей заблагорассудится, ни у кого не вызывая ни малейшего подозрения... И все же лучше избавиться от него. К тому же вряд ли не замеченным может остаться аппарат, украшенный копией перстня бескрылых.

Она внимательно оглядела императорскую реликвию и с облегчением обнаружила, что перстень укреплен не жестко, а легко вынимается из специальных зажимов. Сняв его и спрятав у себя под ногами, она начала сравнительно медленное снижение, ориентируясь на центр Города, определить который благодаря традиционной кольцевой форме улиц было несложно.

...На плоской кровле массивного бесформенного строения Наан заметила площадку, явно предназначавшуюся для парковки транспорта: несколько аппаратов уже стояло там. Опускаясь, Наан поняла, что нарушает какие-то правила: что-то возмущенно вскрикивая, от нее шарахнулось в стороны несколько пролетавших мимо бабочек.

И все же она сумела без происшествий приземлиться на крышу, сняла с головы мнемодатчики и поспешила покинуть это место. Несколько мгновений она боролась с искушением прихватить с собой электрошоковый жезл настоятельницы, но осторожность победила, и оружие осталось в антиграве.

Одиноких бабочек почти не было, в воздухе сновали пары, а еще чаще — небольшие группы. Вопреки здравому смыслу Наан казалось, что кто-то может здесь узнать ее, и она вздрагивала от каждого громкого восклицания. Но никому до нее не было ни малейшего дела, и, понемногу успокоившись, она стала внимательнее приглядываться к окружающему.

Вид у большинства бабочек был праздный и беспечный. Принадлежность к тем или иным кланам Наан могла определить очень редко: одежда столичных жителей не походила на ту, которую ее учила «расшифровывать» в Фоли Дипт-Реиль. Изредка попадались бабочки, облаченные в светло-голубые одежды энергетиков; легко узнавались воины. Но профессии большинства остальных оставались для Наан загадкой. Кроме того, многие самки были одеты так экстравагантно и ярко, что было ясно: их наряды предназначены прежде всего для украшения и никакой информации в себе не несут.

Ей нравилось тут. И она даже почти забыла обо всех свалившихся на ее голову напастях... Глазея на бабочек и на величественные фасады каменных и хитинопластовых жилищ, Наан довольно долго без цели порхала по улицам, пока не заметила, что в какой-то момент множество горожан двинулись в одном направлении. Наан пристроилась к этому потоку и вскоре оказалась на обширной и ярко освещенной площади, покрытой ков-

ром мягкой шелковистой травы и уставленной по периметру какой-то громоздкой аппаратурой.

Под охраной стражников возле странных машин, имеющих чуждые всему, что видела Наан прежде, очертания, суетились энергетики и самцы в незнакомых полосатых черно-белых формах.

Десятки тысяч бабочек уже находились на площади. Они не порхали над землей, а стояли, сложив крылья, по-видимому, приготовившись находиться тут долго. Переговариваясь полушепотом, все они явно чего-то ожидали. Наан догадалась, что ей предстоит стать свидетельницей какого-то зрелища, ранее, в провинциальной глуши, недоступного ей. И не ошиблась.

Сперва под аккомпанемент взволнованного вздоха толпы на концах возвышавшихся над прочей техникой металлических шестов засветились слабые бирюзовые искорки. Они разгорались все ярче и вскоре освещали уже всю площадь. Наан вспомнила рассказ кастрата-репетитора о свечении живых Камней на диадемах Посвященных маака времен святой Ливьен и подумала, что видит сейчас нечто родственное этому явлению.

Внезапно тишина сменилась пленительными звуками незнакомых музыкальных инструментов. Волны гармоничных созвучий окутали Наан, и одновременно с этим легкий ветерок донес до ее ноздрей букет запахов, прекраснее которого она не обоняла никогда в жизни.

Тем временем над центром площади повис возникший из ниоткуда веретенообразный клубок разноцветных огней. Вращаясь медленным вихрем и переливаясь всеми цветами радуги, он стал увеличиваться в размерах, и больше всего это походило на рост волшебного бутона из легенды ураний. Наан замерла, завороженная этим прекрасным видом.

И вдруг оказалось, что это действительно бутон. Под восхищенные возгласы собравшихся он распался на пять лепестков; и у Наан перехватило дыхание и подкосились колени от того, кого она увидела внутри.

Это был Лабастьер. Фигура его и без того возвышалась над зданиями, а в считанные секунды она выросла до еще более исполинских размеров — в три-четыре раза превышающих высоту жилищ. Казалось, император чуть ли не касается головой флуонового купола.

Махаоны повалились на колени, и, дрожа, Наан поспешила поступить так же.

Лик Внука Бога блистал величественной улыбкой. Взгляд же его был столь проницательным, что Наан, устрашившись быть узнанной, прикрыла ладонью лицо и смотрела сквозь щель между пальцами. Но император ее не замечал. Оглядев своих подданных, каждый из которых мог уместиться на фаланге его мизинца, он изрек:

— *Приветствую вас, возлюбленные дети мои, граждане великого Города махаон.*

Его голос, усиленный отзвуками раскатистого эха, мощной волной прокатился над площадью. Толпа взревела в ответ. Переждав крики, Лабастьер продолжил:

— *С нашей традиционной встречи не прошло обычного годового срока.* — (Наан догадалась, что подобное представление жители столицы лицезреют ежегодно. Скорее всего в День Начала Эпохи Стабильности.) — *Я знаю, все вы были удивлены объявлением о незапланированной встрече со мной. Но, надеюсь, вы не огорчены этим?*

Зрители вновь ответили бурей восторженных возгласов.

— *Но сегодня я не буду рассказывать и показывать вам, как возросло могущество Объединенной Империи за истекший срок. Всему свое время. Причина того, зачем я собрал вас,* — *иная.*

Император протянул руку, и на его ладони возникла маленькая голубая фигурка. Она быстро росла, и вскоре уже можно было разглядеть, что это — бабочка. Самка. Она становилась все больше, и Наан показалось, что в этой фигуре есть что-то знакомое ей... И тут она испытала настоящий шок. На ладони императора стояла... она сама.

— *Вглядитесь внимательно,* — молвил император торжественно и скорбно. — *Перед вами — моя Невеста из провинции Фоли, Наан рода Мари, свершившая то, чего не случалось еще за три столетия моего правления: бежавшая из моей цитадели...*

По площади пробежала волна недоверчивого ропота. Наан, чуть придя в себя, во все глаза разглядывала свой объемный фантом. Бабочка на ладони Лабастьера вела себя живо и естественно. Вот она поправила волосы и, переступив с ноги на ногу, приняла непринужденную позу...

Несмотря на страх, Наан не без гордости отметила про себя, что она очень красива.

— *...Запомните ее.* — Лабастьер поднес свою пленницу к лицу и легонько дунул. Бабочка, всплеснув руками, кувырком свалилась с его ладони, но, расправив крылья, с комичным выражением удивления на лице повисла в воздухе возле императора. Не-

смотря на то что она была значительно меньше его, она была все же достаточно велика, чтобы каждый из собравшихся мог хорошенько разглядеть ее.

А Лабастьер Первый продолжал:

— *Приглядитесь к ней и запомните ее. Невеста-ослушница должна быть поймана и доставлена в любую из моих цитаделей. Тот, кто найдет ее, будет щедро вознагражден. Но предупреждаю: ни один волосок не должен упасть с ее головы! Всякий, кто посмеет без нужды обидеть ее, будет сурово наказан. Запомните: сколь бы ни была тяжела ее вина, это МОЯ невеста!.. Только я могу миловать или наказывать ее!*

Произнеся эти слова, он протянул ладони и прихлопнул порхающую перед ним крылатую фигурку. Из его рук на площадь посыпались разноцветные искры.

Он говорил что-то еще, но паника ослепила и оглушила Наан. До нее дошло, в какую она попала западню! Скорее всего ей не удастся даже покинуть эту площадь... Но если уж пытаться сделать это, то именно сейчас, пока взгляды горожан прикованы ко Внуку Бога.

Взлетать нельзя, она сразу привлечет к себе внимание... Не вставая с колен и низко наклонив голову в ожидании неминуемого разоблачения, Наан стала осторожно пятиться к краю площади. Но край был далек, и такими темпами ей пришлось бы ползти всю ночь...

Она не продвинулась и нескольких шагов, когда внезапно чьи-то сильные руки ухватили ее сзади за запястья, а горячий шепот произнес прямо в ухо:

— Тише. Не кричи. Я — друг.

Друг?! Откуда?! Скорее преследователь, который отдаст ее в руки императорской власти!..

Хватка ослабла, и Наан с бешено колотящимся сердцем обернулась. Мускулистый самец с огненно-рыжими волосами и глубоко посаженными блекло-зелеными глазами продолжал:

— Прижмись лицом к моей груди, как к возлюбленному.

Что-то подсказало Наан, что он не лжет. И она, не споря, уткнулась носом в его грудь, чувствуя терпкий запах кожи самца и ощущая, как эйфория облегчения растекается по ее телу. У нее есть друг. Есть кто-то, кто поможет и защитит...

— Слушай меня, Наан, — вновь заговорил незнакомец тихо. — Есть только один способ остаться неузнанной. Стоять так и уйти отсюда последними.

— Хорошо, — шепнула она, чувствуя, как страх уступает в ее душе место волнению иного рода: впервые в жизни она находилась в объятиях самца.

— Но есть одна... опасность... — Голос незнакомца стал неуверенным.

— Какая?

— По традиции после встречи с Внуком Бога многие занимаются на площади любовью... Почти все.

— Прямо здесь? — Наан была озадачена. Она знала о столичной традиции массовых публичных совокуплений, но думала, что это — далекое прошлое.

— Да. Это бывает один раз в год. Но сегодня, наверное, будет также... День встречи с императором считается Днем Любви, и ни одна самка не должна отказать самцу, если он ее пожелает. И наоборот. И никто не должен ревновать потом. Или пытаться продолжить знакомство, если партнер того не захочет...

И тут до Наан дошла суть ситуации, и она почувствовала, что краска заливает ей щеки.

Девственницей Наан не была только физически, она лишилась плевы посредством хирургического инструмента в руках матери-настоятельницы. Единственными самцами, посещавшими Храм, были предметные репетиторы, но они были кастратами...

Однако она постеснялась сказать обо всем этом новоявленному «другу». Она вообще не могла даже представить себе разговор на эту тему с самцом.

— Я дала обет... — шепнула она.

— Он еще имеет для тебя значение?

Действительно, что для нее, преступницы и беглянки, означает теперь этот обет верности, данный во славу императора?

— Можно делать вид... — произнесла она, все более ощущая свою обреченность.

— Да? — саркастически спросил зеленоглазый. Наан искоса глянула на своего собеседника и заметила на его физиономии блуждающую и, как ей показалось, похотливую ухмылку. — Ты сумеешь?

— А может быть, ты просто хочешь воспользоваться случаем?!

Усмешка сползла с его лица.

— Я не сумасшедший. Ты слышала, что сказал император. Я рискую так же, как и ты. Может быть, даже и больше.

— Да кто ты такой?! — Наан чувствовала, как нервная дрожь вновь охватывает ее.

— Тише. Я — друг твоего брата. Он давно разыскивает тебя.

Наан вздрогнула и еще крепче прижалась лицом к груди незнакомца.

— Я не могу...

— Свет Живого Знака стимулирует память. Никто из горожан уже никогда не забудет твое лицо. Тебя поймают... Нас поймают сейчас же.

— Я не могу!.. — в смятении повторила Наан.

— Тише.

— Я... Может быть, все-таки можно обойтись без... этого?

— Мы должны уйти с площади последними.

Внезапно Наан охватила слабость, она обмякла, но руки самца не поддержали ее.

— Мы будем любить друг друга, — тихо, но твердо сказала она. — Как тебя звать?

Случилось так, как и предрекал зеленоглазый. Император закончил речь, и под аккомпанемент вновь зазвучавшей музыки тысячи тел, освещенные разноцветными сполохами объемной мозаики, сверкающей над центром площади, слились в любовном экстазе.

Его звали Дент-Харрул. И он стал первым самцом в жизни Наан. Он, а не император, как грезилось ей когда-то в Храме... И это делало все происходящее еще более нереальным, безумным.

Впервые плоть самца вошла в ее лоно, и возможно, кроме страха и обиды, она смогла бы почувствовать в этот момент хоть что-то еще, если бы Дент-Харрул не шепнул зачем-то ей в затылок:

— Учти, я делаю это только для того, чтобы спасти тебя...

Эти слова погасили в ней мимолетное желание получить от близости удовольствие, и она, стиснув зубы, пробормотала:

— Я очень ценю твою находчивость...

Он больше не сказал ни слова, был ласков и сделал все, чтобы она не ощущала себя униженной. И скованность отступила. Порой, в порыве неведомой ей прежде экзальтации, Наан кричала и, забыв об осторожности, принимала такие положения, что кто-то из окружавших легко мог узнать ее. Лишь тогда самец, ни на миг не выпускавший ситуацию из-под контроля, действовал грубовато и быстро: или закрывал ее лицо пятерней, или прижимал к земле, или натягивал наверх ее блузу, или накрывал ее своими крыльями...

Иногда ей было хорошо, но лишь изредка. Болезненных ощущений она испытывала значительно больше. А еще более нестер-

пимым был огонь, изнутри выжигающий ее душу. Стоило ей закрыть глаза, как перед ней вставало лицо Лабастьера Первого. И это пугало ее. Странное нелогичное чувство вины заполняло ее душу. И вот тогда даже боль, отвлекая ее, становилась желанной.

...Оргия продлилась до самого утра. Наан не заметила, как уснула, лежа на животе и уткнувшись лицом в траву. Осознала она это лишь тогда, когда ее разбудил Дент-Харрул:

— Вставай. Твой брат ждет тебя. Нужно спешить, пока Город спит.

Она поднялась. Все тело ныло. Огляделась. Было еще темно, но утренняя зарница уже занялась. Площадь была пуста. Пуста была и ее душа.

Наан машинально стала поправлять одежду. Заметив на себе внимательный взгляд зеленоглазого, она, вопреки всякой логике, почувствовала внезапное смущение и остановилась.

— Если для тебя это что-то значит, — сказал самец, беззастенчиво разглядывая ее, — ты — лучшая самка из всех, кого я знал.

— Нет, — резко ответила она. — Не значит. — И отвернувшись, в тягостном молчании привела себя в порядок. Затем коротко скомандовала: — Летим.

— Ты ведь, наверное, знаешь, что ваши куколки появились на свет триста лет назад? — разговорился Дент-Харрул уже в воздухе. Как ни странно, он взял курс не к окраинам, а наоборот — направил свой полет еще ближе к центру Города.

— Я догадалась.

— Тогда не удивляйся, что твой брат значительно старше тебя. Его куколку активировали несколько раньше.

— Кто он?

— Он — архивариус имперской мнемотеки. В нее-то мы и направляемся сейчас. И мы почти на месте. Я работаю там же.

— Как вы меня нашли? — спросила Наан, хотя по большому счету сейчас это было ей совершенно безразлично. Больше ее мучил вопрос к себе: так уж много выиграла она, не став женой Лабастьера Первого?.. С момента ее побега прошли только сутки, а впереди — целая вечность...

— Мнемотека пользуется имперскими каналами связи, — отвечал зеленоглазый, словно и не замечая ее отчужденности. — Мы узнали о твоем бегстве почти сразу. Настоятельница твоего Храма сообщила, что ты интересовалась родителями.

— Она жива? — опешила Наан.

— Конечно, — удивился тот. — Почему ты спрашиваешь?

«Значит, в убийстве меня не обвинили бы...» — подумала она с горечью.

Не дождавшись ответа, Дент-Харрул продолжил:

— Мы решили, что поиски родни должны привести тебя в столицу, и наша организация приложила все силы к тому, чтобы засечь тебя. И это случилось, когда твой антиграв прошел через купол. Но добраться до тебя я сумел только на площади. Мне повезло.

— Вот как?.. — Вопрос Наан подчеркнул двусмысленность его высказывания.

— В том смысле, что, не окажись я там вовремя, законопослушные горожане уже выдали бы тебя страже, — пояснил Дент-Харрул поспешно, но, покосившись на нее, не удержался и слегка усмехнулся. — А ты подумала...

— Я ничего не подумала. — Голос Наан вновь стал безжизненным. — Ничего и не было.

— Что ж, забыть и никогда не вспоминать... это соответствует традиционным правилам Дня Любви...

— Ты сказал «организация», — сменила тему Наан. — Кто вы?

— Ты все узнаешь. Тем более что мы уже прибыли.

Здание, на которое он указал, напоминало семейство древесных грибов или несколько поставленных на ребро океанских раковин. В то же время и в очертаниях, и в использованном строителями материале (тщательно отполированный серый мрамор с черными прожилками), а главное — в масштабах явственно ощущались величие и размах.

— Добро пожаловать! — широко улыбнулся Дент-Харрул, когда они приземлились на крышу, и шагнул было к входному отверстию, но Наан остановила его:

— Подожди.

Он удивленно обернулся.

— Подожди... — повторила Наан тихо и несколько секунд вглядывалась в его смуглое лицо... А затем, основательно размахнувшись, отвесила ему звонкую пощечину.

Оторопевший самец даже не успел отшатнуться, только схватился за щеку и затравленно молчал, глядя на Наан блеклыми изумрудинками глаз.

— Извини, — сказала она все тем же бесцветным голосом. — Пойдем.

7

— Знаешь ли ты, кого ты ждешь?
— Нет. Но таков мой рок.
— Знаешь ли ты, зачем ты живешь?
— Нет. И какой в том прок?
— Знаешь ли ты, когда ты умрешь?
— Да, коль назначен срок.

«Книга стабильности» махаон,
т. III, песнь III; учебная мнемотека
Храма Невест провинции Фоли

Впервые в жизни Наан столкнулась с приспособлением, которое Дент-Харрул назвал лифтом. Она нашла его хоть и странным, но удобным. Они опустились к основанию строения, затем, проведя Наан десятком узких кривых коридоров, Дент-Харрул вывел ее в центральный информаторий мнемотеки — просторное сферическое помещение, стены, пол и потолок которого были усеяны тысячами небольших углублений с носителями информации.

Наан бывала в мнемотеках и раньше, правда, значительно меньшего масштаба, но в первый раз она видела, чтобы пространство зала информатория не было абсолютно пустым, что позволяет бабочке, свободно перелетая от ячейки к ячейке, выбрать себе все необходимое. Наоборот — этот зал сверху донизу был опутан множеством флуоновых нитей. Приглядевшись, она поняла, что это — эластичные лестницы. А еще чуть позже уяснила себе и их назначение. После того, как увидела брата.

Она помнила, что брат ее немолод, и, как ей казалось, была готова к встрече... Но это оказалось заблуждением. Цепляясь за перекладины, проворно и в то же время неуклюже, словно лесной паук, по одной из лестниц на пол сполз самец. Сначала он показался Наан дряхлым от старости. Но она тут же поняла, что дело вовсе не в возрасте, а в том, что перед ней — калека. Вместо кистей обеих рук из рукавов его серого комбинезона торчали блестящие металлические крючья-протезы. Лицо самца было обезображено шрамом, захватившим и правый глаз. Но больше всего Наан поразило то, что у него не было крыльев.

Очутившись перед Наан, калека, криво усмехаясь, вперил в нее жесткий взгляд единственного черного как ночь глаза.

— Здравствуй, сестричка, — проскрипел он и тут же разразился приглушенным ухающим смехом, больше похожим на ка-

шель. Так же неожиданно прервавшись, он добавил: — Испугалась?

— Чего я должна бояться? — пересилив оцепенение, произнесла Наан твердо.

— Не «чего», а «кого». Меня, конечно! — заявил калека и заухал снова.

— Твои увечья достойны жалости, а не страха, — ответила она холодно. — Но я думаю, все они — последствия честной битвы, а значит, достойны еще и уважения.

Ее собеседник одобрительно качнул головой:

— Я вижу, в Храме вас учат не только произносить славословия императору. Ты хорошо держишься. Меня зовут Лайвар. Приставки «Дент», само собой, нет: кто ж пойдет за такого урода?

Наан пропустила это самоуничижительное высказывание мимо ушей.

— Рада, что нашла тебя.

— Ты — меня? — Лайвар усмехнулся вновь, но Наан не назвала бы эту улыбку доброй. — Что ж, пусть будет так. А я в таком случае рад, что нашел тебя. — Он перевел взгляд на Дент-Харрула: — Оставь-ка нас. Нам нужно посекретничать. По-родственному.

Зеленоглазый нахмурился, но, нехотя кивнув, удалился.

Калека вновь повернулся к Наан:

— Итак, что же ты натворила?

— Сперва я должна быть уверена, что ты — действительно мой брат и что ты не собираешься предать меня.

— Доказать то, что ты требуешь, достаточно сложно, а времени у нас немного... Тебе придется поверить на слово. У тебя просто нет другого выхода. Тебя ищут.

Время действительно работает отнюдь не на нее... Она огляделась:

— Ладно. Я вынуждена довериться тебе. Ты сможешь меня надежно спрятать? Но учти, император в курсе, что я ищу тебя.

— Знаю, знаю, — нахмурился Лайвар. — Что ж... Тогда поспешим. Следуй за мной.

Он ловко зацепился правым крюком за флуоновую ступеньку, качнувшись, одним махом перепрыгнул на другую и, бросив: «Лететь не пытайся, только зря истреплешь крылья», — резво пополз вверх.

Наан и сама догадалась, что воспользоваться крыльями в этой путанице нитей не сумеет. И полезла вслед за Лайваром.

Но он почти сразу остановился:

— Теперь тебе лучше обогнать меня. Так будет безопаснее, поверь моему опыту. Если ты будешь выше меня, я смогу подстраховать.

Наан кивнула и двинулась первой. А Лайвар добавил:

— Пока — только вверх.

Оказавшись примерно в центре сферы информатория, Наан глянула вниз и содрогнулась: если рухнуть с этой высоты, крылья не спасут, их просто не будет возможности расправить. Падение означает неминуемую смерть...

Мысль эта не добавила ей осторожности. Наоборот, испуг сыграл с ней злую шутку. Дважды после этого она совершала неверные движения, оступалась и оказывалась на волосок от гибели. Но оба раза Лайвар приходил ей на помощь.

— Когда не можешь летать, сестричка, поневоле научишься ползать, — сказал он с неприкрытой горечью, в очередной раз подставив плечо под ее соскользнувшую со ступеньки ногу. — Знаешь, как меня тут прозвали? «Таракан». Не очень-то лестно, а?

«Не очень лестно»? Это мягко сказано, — подумала Наан. — Скорее оскорбительно». Но она тактично промолчала.

— А я не обижаюсь, — продолжал Лайвар. — Мне симпатичны эти насекомые. Им не дано летать, но они намного более живучи, чем бабочки. Кроме того, — он осклабился, — они почти такие же гнусные, как я. Говорят, они жили и процветали еще во времена бескрылых...

— Ты веришь в бескрылых? — чуть задыхаясь, спросила Наан. Она уже привыкла считать, что абсолютно ничего в Новой Религии и в официальной истории не соответствует действительности.

— Верю? — хмыкнул Лайвар. — Нет, не так. Я ЗНАЮ.

Некоторое время они двигались молча, а чуть позже он скомандовал:

— Уцепись покрепче и пока не двигайся. Я покажу, куда ползти дальше и тогда — держись уже позади меня. Там будет не опасно.

Он обогнал ее и, сменив направление, пополз вбок. А затем поднялся на ноги и, осторожно ступая по хитинопластовому настилу с перильцами, двинулся в горизонтальном направлении. Выбравшись за ним на настил, Наан облегченно вздохнула и поспешила вперед.

— Я все-таки не пойму, зачем тут напутано столько лестниц и мостиков? Тебе-то, конечно, так удобно, но обычным бабочкам...

— Обычных тут не бывает. Это — личная мнемотека императора, а я — лучший архивариус Города, и все тут приспособлено специально для меня.

Они добрались до стены.

— Эти ячейки — фальшивые, — сообщил самец, очертив протезом окружность на стене. — Постарайся запомнить их, это может когда-нибудь пригодиться тебе. Приглядись, замок помечен.

Наан различила под одной из ячеек, на которые он указал, старинную махаонскую эмблему «детей Хелоу» — маленький красный крестик. Лайвар надавил на него крюком, и обрисованный им участок стены со скрипом ушел внутрь, образовав округлое отверстие лаза.

— Добро пожаловать в тайное логово Таракана, сестричка. Тесновато, конечно, но зато об этом убежище не знает даже наш вездесущий император! — В голосе калеки явственно слышалось злое торжество. Он первым пролез внутрь, затем высунул наружу уродливый крюк. — Держись!

Испытывая легкую брезгливость, Наан ухватилась за холодный металл, и Лайвар буквально втащил ее в пропитанную затхлостью полутьму.

— Полежи, отдышись, — распорядился он. Затем, протиснувшись между ней и стеной обратно к отверстию, закрыл его. Наступила полная темнота. — Отдышись, — повторил Лайвар. — Попотеть еще придется. Труба довольно длинная. — И пояснил: — Это — бывшая вентиляционная шахта, но, как чувствуешь по запаху, она уже давно не используется по назначению.

Запах действительно был отнюдь не свежим.

Глаза Наан перестроились на ночной режим, но смотреть тут было не на что, кроме шероховатой поверхности из ракушечника прямо перед носом. И отдышаться она уже успела.

— Я не устала, — сообщила она.

— Что ж. Прекрасно. Тогда — вперед.

И они поползли дальше.

...Ход резко пошел под уклон, а ракушечник сменился гладкой скользкой керамикой. На верхней плоскости хода имелись скобы, держась за которые можно было медленно сползать вниз. Но Лайвар скомандовал:

— Отпускайся и катись. Не бойся. Падение будет мягким.

Вперед ногами, сперва медленно, а затем все быстрее и быстрее Наан заскользила вниз. У нее перехватило дыхание, и что-то словно оборвалось внутри. Мысленный взор ярко нарисовал ей жуткую картину: внизу, по окончании этого тоннеля, она со всего разгона нанизывается на гладко отполированный деревянный кол...

Но это был бы слишком изощренный способ убийства. Она взяла себя в руки и закрыла глаза; если бы Лайвар хотел убить ее, он бы давно уже сделал это. И намного проще.

Скольжение было долгим, но вскоре Наан, а за ней и Лайвар вывалились из отверстия в потолке довольно просторной, но низкой комнаты. Наан инстинктивно расправила крылья, но не успела и почувствовать сопротивления воздуха, как уже оказалась прямо на флуоновом гамаке, растянутом посередине помещения.

Она села и огляделась. Слабый свет проникал сюда через узкие вертикальные щели в одной из стен, освещая серое известковое покрытие остальных.

Лайвар, уже сидящий напротив, поймал ее взгляд.

— Это древнее здание раньше служило цитаделью счетчиков, — объяснил он. — Когда-то тут трудился и наш отец... На этот тайник я наткнулся лет десять назад. Вся воздушная цепь централизована, и только эта ветка зачем-то сделана обособленно. И кто-то задолго до меня замаскировал отдушину...

— Это помещение с самого начала было тайным? — догадалась Наан.

— Скорее всего. Я думаю, оно — дело рук бессрочников. Только они в те времена были самостоятельны и способны на интриги. — Он устало, с явным удовольствием потянулся. — Тут тебе нечего бояться. Тебя не найдут. Сейчас я вернусь в информаторий и на несколько дней забуду о тебе. Думаю, меня будут допрашивать, но я не видел тебя.

Наан хотела спросить, чем ей тут заниматься, но Лайвар опередил ее вопрос:

— Я давно готовился к этой встрече, сестричка. Там, в углу, ты найдешь мнемопроектор. Пользоваться умеешь?

Наан даже слегка обиделась:

— Да уж наверно... В Храме дают довольно обширное образование. Или ты думаешь, раз я воспитывалась в провинции...

Лайвар усмехнулся и перебил ее:

— Ну, кое-чего вам уж точно не договаривали. Этот-то пробел в своих знаниях ты здесь и восполнишь... Впрочем, раз ты сбежала, значит, ты не столь тупоголова, как остальные, и кое-что уже понимаешь. Сообразительность — черта у нас фамильная... От папы... Рядовые бабочки не имеют доступа к приготовленной для тебя информации, я скомпоновал эти мнемоносители тайно. Надеюсь, к тому дню, когда я вернусь сюда, ты откроешь для себя много нового.

— Я хотела бы умыться, — сменила тему Наан на более насущную. — Я вся пропиталась потом.

— Самки всегда радуют меня своей практичностью, — кивнул Лайвар. — Но я предусмотрел это. Сосуд с водой — возле проектора. Ладно. Не скучай. И не бойся: рано или поздно я появлюсь.

Он поднялся, вытянул вверх свои крючья и, зацепившись за нижнюю скобу, полез обратно в тоннель.

Оставшись наедине, Наан откинулась на спину и немного полежала на крыльях, прикрыв глаза и чувствуя удовольствие от того, как усталость мало-помалу покидает мышцы. В голову полезли воспоминания сегодняшней ночи, и желание умыться усилилось.

Она спустилась на пол и нашла мнемопроектор. Это была обычная учебная модель. Наличие возле прибора мягкого коврика слегка умилило ее. «Таракан»-Лайвар проявляет о младшей сестре трогательную заботу. Как он и обещал, тут же стоял и объемистый кувшин с водой. Сосуд был старинный, серебряный, с вычеканенным знаком Хелоу на боку. Возможно, когда-то он принадлежал главному счетчику Мари. Наан знала, что серебро сохраняет воду свежей сколь угодно долго, и вновь предусмотрительность брата отозвалась в ее душе благодарностью.

Она сбросила одежду и, отойдя с кувшином к противоположному углу, расправив крылья, с удовольствием смыла со своего тела грязь, пот и память о прикосновениях Дент-Харрула. Она попыталась понять, изменилось ли в ней что-то этой ночью. И с удовлетворением пришла к выводу, что не изменилось ничего. Она не ощутила в себе ни отвращения к физической любви, ни особого желания ее повторения.

Обсыхая, она вернулась к прибору и присела возле.

Цилиндрических мнемоносителей было два.

Внезапно ощущение покоя сменилось страхом. Наан подумалось вдруг, что, возможно, ей всю жизнь теперь придется скры-

ваться от гнева императора, и все ее дальнейшие годы будут протекать в подобных невзрачных потайных уголках, где единственной радостью будет возможность умыться...

Одно неприятное чувство выволокло на свет из закоулков ее души и другое, не менее тягостное. Мысль о Лабастьере отразилась беспричинным, но пронзительным чувством вины.

Наан поняла, что ее психика переполнена впечатлениями. Ей стало зябко, и она накинула на плечи блузу. А затем, не столько из любопытства, сколько для того, чтобы хоть как-то отвлечься от неясных, но горестных раздумий, нацепила обруч мнемодатчика на голову и сунула один из носителей в приемное отверстие аппарата.

С мягким жужжанием цилиндр втянулся внутрь. Наан привычно закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на чужих мысленных образах. Но они ускользали, словно мимолетное цветное сновидение, содержание которого невозможно восстановить уже через миг после пробуждения; они протекали мимо нее потоком чужих грез, слишком посторонних и непривычных; они тянулись пучками тончайших невесомых нитей... Но Наан, пользуясь навыками, полученными в информатории Храма, продолжала «нащупывать» эти нити, продолжала попытки двигаться вместе с ними...

Наконец ей удалось это, и она поплыла по течению.

...Оглянулась по сторонам. Точнее, оглянулся тот, чьими глазами она сейчас смотрела, тот, с чьего сознания была снята когда-то эта мнемозапись.

Она сидела на толстой ветке перед дуплом, свесив ноги вниз. Ее окружал древний сумрачный лес. Ноздри щекотали сладкие запахи прелости и древесной смолы, никогда раньше ею не ощущаемые. Природа вокруг была дикой и девственной, нигде не было заметно никаких следов бабочек. Ветерок ласкал ее волосы, и чувство покоя охватило ее.

Мнемокопирование производится обыкновенно в одном из двух форматов. В первом запись позволяет пользователю лишь видеть, слышать и ощущать то, что когда-то видела, слышала и ощущала бабочка-мнемодонор. Запись, произведенная во втором, усложненном, формате, включает в себя не только ощущения, но и память, мысли, образы подсознания; работая с мнемоносителем этого формата, пользователь как бы живет жизнью бабочки-донора, на время теряя собственную личность.

Эта мнемозапись, как Наан стало ясно сразу, была произведена в первом, упрощенном, формате, и она оставалась лишь наблюдателем, имеющим собственные мысли и чувства.

Внезапно невесть откуда, подкравшись абсолютно неслышно, прямо перед ней возник статный голубоглазый самец маака, чем-то неуловимо знакомый Наан. Мелко трепеща крыльями, он завис напротив, на расстоянии вытянутой руки, и стало ясно, кого он ей напоминает: ее высокопоставленного жениха.

— Ты должна поговорить с нашим сыном, жена моя, — сказал самец, глядя ей прямо в глаза. И от его взгляда, в котором ясно читались сила и благородство, у Наан по коже пробежали мурашки.

Язык, на котором он говорил, не был языком махаон, но Наан понимала его. Судя по всему, это был язык маака. Следующая же его фраза подтвердила эту догадку:

— О возлюбленная жена моя. Мы не должны проливать кровь наших сородичей — маака. Останови его.

— Но как? — Наан чувствовала, как шевелятся ее губы, но говорила не она. Чужим был и голос, который она слышала, чужим был и язык. — Ты ведь знаешь, он не послушается меня.

— Пригрози ему проклятием.

— Он не суеверен. Кроме того... Я вовсе не убеждена, что он не прав.

— Не убеждена?! — Лицо самца окаменело. — Он готовится убивать твоих соплеменников.

— Они и сами постоянно убивают друг друга... Не сердись. Успокойся. Сядь со мной рядом, и я кое-что объясню тебе.

— Рамбай не устал.

Услышав это имя, Наан даже вздрогнула. Она была потрясена. Так вот чью мнемозапись она читает: самой святой Ливьен! Это ее губами она произносит:

— Лабастьер уверяет, что он несет народам маака и махаон справедливую структуру, стабильность, покой и процветание. А бабочкам действительно не хватает всего этого. Если не будет войн, не будет казней, не будет уродования куколок для превращения их в думателей...

— Только для начала он поубивает всех, кто с ним не согласен... Он уже принес «справедливость и покой» племени ураний...

— История бабочек не знает таких ступеней вверх, которые бы не были обагрены кровью. Да, он собирается сражаться. Но спасенных жизней в итоге будет во много раз больше.

— Откуда Ливьен знает, что наш сын — бог? Может, ему это только кажется?

— За ним — огромный опыт бескрылых...

— Которые убили сами себя. — Голос Рамбая был полон сарказма. — «Бескрылые»! Мне противно это слово! Почему вы все так преклоняетесь перед ними?.. Лучше бы наш сын учился у ураний! Вместе с «мудростью» бескрылых думатель перелил в его голову и собственное презрение к бабочкам. Рамбай думает так.

На этой фразе эпизод оборвался. И сразу, без перехода, начался следующий.

...Они подлетают к Городу маака. Ливьен, Рамбай, два десятка самых преданных воинов-ураний и три сотни абсолютно одинаковых Лабастьеров. Слаженность и синхронность движений последних подтверждают тот факт, что психически все они — суть одно существо.

Лишь тот, что летит ближе всех к Ливьен, немного отличается от других внешне: он выглядит несколько старше.

Город маака представлял собой нагромождение тысяч полупрозрачных сфер, соединяющихся друг с другом сетью труб-коридоров, и высоких сторожевых башен, торчащих из этого хаоса в небо. Самые длинные трубы, связывающие наиболее отдаленные друг от друга сферы, были двойными и имели слюдяные окна.

Наан никогда не интересовалась жизнью маака, однако кое-что все же помнила из занятий. Вот и сейчас она вспомнила, зачем нужны эти сдвоенные параллельные трубы: в каждую из них мощными компрессорами нагнетается воздух, и бабочка, лишь расправив крылья, может часами, не уставая, мчаться в пневмопотоке к нужному ей месту.

Город приблизился, и стали видны сотни следов внешних нападений на него. Тут и там торчащие из сфер трубы коридоров не вели никуда, а обрывались и были запаяны. Да и сами сферы были усеяны трещинами и даже огромными заплатами. Еще более плачевно выглядели сторожевые башни. Скорее всего они многократно разрушались и восстанавливались: на опорах чередовались обугленные, обезображенные кислотами и обновленные участки...

И все же, несмотря на все это, своими масштабами Город маака поразил воображение Наан, пожалуй, даже более, чем современная столица махаон.

8

Бел или черен ты, или сер,
Времени — все равно.
Жил-был Охотник, и он, например,
Твердо усвоил одно:
Всех ожидает один барьер,
Что облететь не дано...

«Книга стабильности» махаон,
т. I, песнь XI; учебная мнемотека
Храма Невест провинции Фоли

По-видимому, в данный момент маака и махаоны находились в состоянии перемирия. Ливьен поняла это по тому, что множество бабочек были сейчас не в сферических помещениях, а порхали рядом, прямо под открытым небом.

Часовые на башнях первыми заметили приближающийся отряд, но переполох это вызвало локальный: обычно махаоны нападали на город многотысячными армиями. Завизжала акустическая граната, и к моменту, когда отряд поравнялся с ближайшей башней, вокруг уже не было ни души.

— Стойте! — гулко прозвучал усиленный мегафоном голос самки-стражницы.

Отряд послушно повис на месте, окружив башню кольцом и вращаясь вокруг нее медленным хороводом. Только Ливьен да Рамбай остались неподвижно порхать в стороне.

Стражница выглядела взволнованной, допотопный искровик в ее руках был приготовлен к бою, а живой Знак в диадеме — активирован, отчего лица окружающих приобрели бирюзовый оттенок. Когда, вглядевшись, стражница обнаружила тот дважды противоестественный факт, что большинство из окруживших ее воинов — самцы маака и что все они абсолютно одинаковы, ее волнение переросло в мистический ужас.

— Кто вы такие?! Замрите и не двигайтесь! Малейшее шевеление, и я открываю огонь!

Отряд прекратил вращение, а ближайший к Ливьен Лабастьер обернулся к ней:

— Объясни им, мама.

Ливьен растерялась. Ни о чем подобном они не договаривались. Но она тут же взяла себя в руки. Если Лабастьер поручил переговоры ей, значит, в этом есть резон.

Она коснулась своего Камня, а когда отняла руку и свет от него разлился вокруг, диадема стражницы погасла. Камень Ливьен был старше, и это хотя бы временно снимало многие проблемы.

— Я — маака Сигенон Ливьен — Посвященная, — произнесла она весомо. — Я, мои сыновья и мои друзья возвращаемся из долгой научной экспедиции, куда были посланы Советом. И я приказываю тебе пропустить нас внутрь.

— Но это... это же — дикари! — растерянно ткнула пальцем в одного из воинов-ураний часовая.

— Я могла бы все объяснить тебе, но данная информация секретна... Опусти искровик и пропусти нас. Или ты хочешь нарушить клятву Посвященной и быть наказанной?

На стражницу было жалко смотреть. Все, все говорило за то, что перед ней — преступники. Но клятва предписывала беспрекословно выполнять приказы Посвященной, которой принадлежит старший Камень.

И дисциплина восторжествовала над здравым смыслом.

— Я пропускаю их, — произнесла стражница, глядя на активированный Знак Ливьен, памятуя, что через него секретариат Гильдии сейчас наблюдает за ней. — Мой сектор — двухсот первый, восточный. Если это необходимо, вы встретите их на магистрали...

С этими словами она опустила ствол автомата и, еще раз неприязненно окинув взглядом отряд, сделала еле уловимое движение рукой, по-видимому, поворачивая какой-то рычажок на стене.

Снизу раздался скрип, и в верхней части ближайшей к ним сферы открылось входное отверстие.

— Наш сын Лабастьер умеет использовать все и всех, — восхищенно и в то же время презрительно бросил Рамбай жене, когда они вслед за отрядом опускались к отверстию. — Даже тебя и твою находчивость, о радость и печаль глаз моих.

Надежда стражницы на то, что странный отряд будет продолжать движение в том же порядке, оказалась несостоятельной. Очутившись в первой же жилой сфере, Лабастьеры, не сговариваясь (это было им и ни к чему), разбились на небольшие группы и, прихватывая с собой ураний, направились в разные коммуникационные коридоры. Старший из них повлек за собой Ливьен и Рамбая.

— Куда мы летим? — поинтересовалась Ливьен.

— В средний ярус Координационного Совета. Наша задача — обезвредить и занять ложе Гильдии Посвященных.

— Втроем? — не поверила ушам Ливьен. — Их там сотни, и все они вооружены!

— Я все рассчитал. Я знаю тактику маака. Стража в этот момент будет в других местах. Нас троих вполне достаточно.

Рамбай тем временем с благоговейным видом разглядывал помещение. Он впервые находился в искусственно созданном строении такого масштаба...

В этот миг откуда-то издалека раздались выстрелы, и лицо Лабастьера исказилось болью.

— Поспешим, — сказал он, встряхнувшись. — Ваших внуков уже убивают. К тому моменту, когда мы займем ключевые позиции, нас должна остаться хотя бы сотня, иначе нам не удержаться.

— В средний ярус ведет другой коридор, — заметила Ливьен, когда Лабастьер повис возле отверстия в стене, приглашая родителей туда.

— Мы идем в обход, — пояснил тот. — Удар приняли на себя другие, а мы, по моим расчетам, должны достигнуть цели беспрепятственно именно этим путем. И все-таки приготовьте на всякий случай оружие.

— Сын, — сурово обратился к нему Рамбай, — даже дикарь не посылает на смерть своих детей, чтобы спастись самому...

— Они и я — одно и то же, — возразил Лабастьер. — Отсекая пальцы, я сохраняю голову. А мои пальцы умеют отрастать заново. — По его лицу вновь пробежала рябь. Он на миг зажмурился, затем открыл глаза и, утерев ладонью выступившую испарину, закончил: — Хотя это и больно. Не время дискутировать об этике, отец. Оставим это до лучших времен. Вперед!

Рамбай неодобрительно покачал головой, но в отверстие влетел первым.

Как и обещал Лабастьер, путь в средний ярус оказался чист. В тоннеле их не попыталась остановить ни одна стражница. Ливьен диву давалась, как Координационный Совет мог допустить такую оплошность и оставить эту коммуникацию незащищенной. Но как бы то ни было, расчеты Лабастьера оказались верными.

За время пути они несколько раз пересекали те или иные помещения, но там им встречались только штатские самки, провожающие троицу удивленными, возмущенными, а порой и брезгливыми взглядами: как смеют презренные самцы так нагло раз-

гуливать за пределами своей семейной ячейки? И почему летящая с ними самка не поставит их на место?! Нервы Ливьен были натянуты, как струны; она уже отвыкла от слепой дисциплинированности своих соплеменниц. Но именно эта доминанта поведения горожанок оказалась спасительной для нее и ее сопровождающих: у маака не принято вмешиваться в чужие дела.

Однако в самой ячейке Совета им были готовы дать подобающий отпор. У входа Ливьен вновь активировала Камень. Но он погас тотчас, как они вошли в зал: навстречу им из гамака поднялась пожилая самка, и ее сверкающий Знак был явно старше. Ливьен была знакома эта Посвященная. Ее звали Лаузания. Она была одним из членов Совета, участвовавших в организации экспедиции к Пещере Хелоу. Кроме нее, в комнате находились три вооруженные до зубов самки-стражницы, тотчас при виде нападавших ощетинившиеся стволами искровиков.

— Ливьен из семьи Сигенон, — повелительным жестом подняла руку Лаузания. — Ты — отступница. Ты нарушила все писаные и неписаные законы нашего народа и заочно приговорена к смерти, так же, впрочем, как и дикари, сопровождающие тебя, и твои, противные самой природе бабочек, дети и внуки. Но прежде Совет желает выслушать...

Однако договорить она не успела. Со стороны противоположного входа в ячейку раздались выстрелы. Лаузания и стражницы рефлекторно обернулись туда, и в тот же миг Лабастьер, крикнув Ливьен и Рамбаю: «Ложитесь!» — открыл огонь.

Ливьен упала на пол, закрыв голову ладонями. Сверху сыпалось флуоновое крошево и обломки хитинопласта. Невообразимый гром длился лишь несколько секунд, затем наступила неестественная тишина.

Ливьен подняла голову. Рамбай лежал рядом с ней. Его глаза были открыты, но взгляд был безжизнен. Ливьен с ужасом подумала, что он мертв. Но он шевельнулся, а затем, отряхиваясь, сел. Однако выражение его лица так и осталось пустым и потерянным.

Стражницы и Лаузания остались неподвижно лежать в лужах крови.

Из противоположного входа в ячейку влетел еще один Лабастьер и два дикаря-урании.

— Нам не будет прощения, Ливьен, — поднимаясь на ноги, обреченно сказал Рамбай.

Лицо Лабастьера, напротив, хоть и выглядело усталым, в то же время светилось торжеством.

— Все ключевые позиции города захвачены, — заявил он. — Сегодняшний день — точка отсчета наступления эры справедливости в жизни маака.

...Последующие картины слились в сознании Наан в одно кровавое месиво. Тем паче что запись теперь принадлежала не Ливьен, а неизвестным мнемодонорам. Тот, кто монтировал этот информационный носитель (а судя по тому, что сказал Лайвар, это был именно он), позаботился о том, чтобы ни одна отвратительная и жестокая сцена не осталась вне внимания пользователя.

Наан видела, как публичной казни через повешение с предварительным обрезанием крыльев были подвергнуты те Посвященные, которые уцелели во время штурма, но не пожелали признать власть Лабастьера.

Наан содрогнулась, наблюдая, как сотню обнаженных самок до полусмерти секла другая сотня — «добровольных палачей» — за то, что первые не признавали равенства своих мужей в правах с собою. (Среди маака нашлось немало и таких, кто, страшась кары или надеясь возвыситься, принялся ревностно служить новоявленному императору. Их руками и проводились многочисленные казни и наказания, оформленные как массовые зрелища.)

Затем секли самцов, не желавших становиться «свободными».

...Но самой ужасной была последняя сцена.

Сперва Наан показалось, что вереница маака выносит из инкубатора обыкновенных куколок. Но что-то в этой картине было не так... Десятки матово блестящих тел, одно за другим, тащили на специальных ковриках, держа за лямки по краям... Каждую куколку несли по четыре бабочки... И тут до Наан дошло, что именно показалось ей неправильным. Эти куколки были огромны, чудовищно огромны, в полтора-два раза больше нормальных.

Наан ни разу не видела думателей маака воочию, лишь слышала о них от репетитора, но теперь догадалась: это именно они. На занятиях по истории маака репетитор объяснял Невестам, что, хотя думатели и превосходили обычных бабочек в интеллекте во много раз, сам институт их — явление уродливое и преступное. Но сейчас Наан чувствовала, что омерзение в ее душе сменяется жалостью.

Гигантский размер думателей только подчеркивал их беззащитность. Когда-то их, не спрашивая на то их согласия, лишили

нормальной жизни, возможности двигаться, любить, продолжать свой род... Сердце Наан болезненно сжалось.

Бабочки выносили думателей на внешнюю поверхность жилой сферы, а затем взмывали с ними в воздух... А потом... Пурпурное закатное солнце освещало огромный ров, вырытый в земле за городом, а в нем — сотни слабо шевелящихся лоснящихся тел.

Добровольные экзекуторы принялись методично забрасывать яму землей.

...Наан сорвала с головы обруч мнемодатчика. Тошнотворная картина исчезла. Но бабочка еще долго не могла справиться с собой и остановить рыдания.

И все это свершалось с именем Лабастьера на устах?! Во имя его «высшей справедливости»?!

Наан окончательно утвердилась в мнении, что ее побег из цитадели — пусть гибельный, но единственно верный шаг. А ведь находясь там, она порой и ловила себя на мысли, что, возможно, согласится когда-нибудь разделить с императором брачное ложе... Наан вытерла слезы и сделала глубокий вздох. Она должна быть сильной.

С легким чмокающим звуком носитель вышел из гнезда мнемопроектора. Значит, она недосмотрела лишь чуть-чуть.

Она брезгливо, двумя пальцами, взяла цилиндрик и поставила его на пол рядом с аппаратом. Подняла второй... Но тут же вернула его на прежнее место. Нет, сейчас она не в силах выдержать очередной подобный сеанс. Чуть позже. Ей нужно немного отдохнуть.

Одевшись и перебравшись на сеть под потолком, она уснула почти мгновенно. Но за миг до того, в полузабытьи, она со смесью удивления и тревоги поняла, что хочет хотя бы одним глазком еще раз увидеть Лабастьера Первого, заглянуть в бездонные колодцы его печальных, ласковых и страшных глаз цвета пасмурного неба...

...Запись второго носителя была целиком посвящена махаонам. События, свидетельницей которых становилась Наан теперь, происходили значительно позднее, через добрый десяток лет после того, как Лабастьером была захвачена власть в Городе маака.

И вновь Наан не могла сказать, чьими глазами она сейчас смотрит. Скорее всего носитель был смонтирован из отрывков воспоминаний нескольких мнемодоноров.

К махаонскому сетчатому куполу приближалось целое полчище одинаковых воинов. Полет их был странен неестественной слаженностью, но Наан это уже не удивляло: ведь все это полчище было Лабастьером.

Наан почувствовала, как часто забилось ее сердце. Но от бессмысленных неясных переживаний ее тут же отвлекла грозная картина сражения.

Махаоны оказались более подготовленными к встрече неприятеля, нежели маака. Навстречу незваным гостям (или незваному гостю?) из отверстий купола вылетела не менее внушительная и не менее живописная армия контратакующих.

Махаоны летели, сгруппировавшись в маленькие стайки по семь—десять бабочек. Наан знала, что каждое из этих миниатюрных подразделений — семейство из клана воинов, возглавляемое их матерью. А еще через миг Наан увидела такое, что не сразу поверила своим глазам: прямо по сетке, огибая канаты, к которым прикреплялись поддерживающие ее воздушные шары, стараясь не отстать от летящих, мчалось не менее сотни огромных оседланных бойцами ящериц.

И именно наездники первыми начали бой. То один, то другой варан останавливался как вкопанный, и наездник выставлял в сторону приближающихся маака толстый орудийный ствол ракетного гранатомета. Оглушительный хлопок выстрела сопровождался неимоверной силы отдачей, от которой ящерица, не удержавшись на лапах, падала, распластавшись, на сеть, а порой и проваливалась вниз. Наан передернуло, когда она вспомнила, на какой высоте над городом натянут купол. Сами воины-махаоны не рисковали ничем, и через пару мгновений они выбирались на сеть через то отверстие, в которое только что провалились. Но для оседланных животных эта высота была, конечно же, гибельной.

Однако игра стоила свеч. Снаряд, достигнув армии маака, взрывался тысячами осколков, и безжизненные тела нападающих посыпались вниз.

Но несмотря ни на что, Лабастьер не менял тактику и с непоколебимым хладнокровием не перестраивал свои ряды. Его армада неотвратимо приближалась к куполу.

Наан смотрела во все (чужие) глаза. Насколько она знала, в междоусобицах маака и махаонов последние или побеждали, или как минимум успешно противостояли неприятелю благодаря исконным фанатизму и упорству, несмотря на изобретательность

первых в технических уловках. Но в этом бою все было наоборот. Лабастьер как будто бы и не замечал своих потерь.

И вот, оказавшись прямо над куполом, его армия рассыпалась в разные стороны. Воины, разлетаясь от центра, зависали таким образом, что распределились в одной плоскости несколькими концентрическими кругами все большего и большего диаметра. Армия махаонов оказалась как раз под этой плоскостью.

И когда перестроение завершилось, каждый из Лабастьеров вытянул руку, и на ладони ближайшего из них Наан увидела маленький, тускло мерцающий сиреневым шарик. Лабастьер сжал его в кулаке, а затем, раскрыв ладонь, одновременно с остальными уронил эту горошину вниз.

Наан увидела, что воздух между ней и приближающимся войском махаонов слегка помутнел и задрожал легкой рябью, так, словно наполнился знойным маревом. Легкая пелена окутала собой все махаонское полчище. А затем произошло невообразимое. Прозрачный «мешок» с невиданной скоростью и силой начал сжиматься к центру, сминая и волоча по воздуху обезумевших махаонов.

Лишь минуту был слышен хор их приглушенных предсмертных криков и хруст ломающихся костей, а спустя это время только что заполненное махаонами пространство опустело, образовавшийся же в центре темно-бордовый шар из спрессованных тел диаметром всего лишь с десяток метров рухнул вниз.

Об этом страшном оружии бескрылых — «гравитационной ловушке» — Наан слышала от репетиторов. Рассказ о нем служил прекрасной иллюстрацией жестокости древних гигантов и их изощренности в искусстве уничтожения себе подобных... Но она и представить не могла, что когда-либо гравиловушка применялась и самими бабочками...

Мертвый шар провалился сквозь разорванный купол, а Лабастьеры, спустившись пониже, принялись методично уничтожать очередями искровиков бестолково мечущихся по поверхности сети наездников...

Спустя кратчайший срок итог боя был решен. Маака плавно опускались на купол, добивая тех немногих, кто в панике не скрылся внизу.

...Следующая картина показалась Наан чем-то знакомой. Где-то она уже видела этот величественный фасад... Да это же то самое здание, в котором она прячется сейчас!.. Императорская мнемотека... Бывшая цитадель счетчиков... Наан, точнее кто-то, кем

сейчас была Наан, в окружении нескольких ураний и маака стояла на крыше здания. Двое из маака были Лабастьерами, а один — Рамбаем. И Наан догадалась, что вновь смотрит на мир прошлого глазами святой Ливьен.

Слова, произносимые одним из Лабастьеров, сейчас же подтвердили это:

— Ты можешь считать меня жестоким, о мать, — сказал он, — но ты не можешь не согласиться хотя бы с тем, что я помог маака достичь их древней мечты: махаоны низложены.

Наан почувствовала, как шевелятся ее губы:

— Да. Но прежде ты настолько изменил общество маака, что я не уверена, победа ли это...

— Мне понятна твоя горечь, мать. Но стоит ли горевать об ушедшем? Я знаю, ты никогда не считала, что маака живут правильной жизнью. Ты всегда противопоставляла собственную независимость общепринятым догмам... Ты чувствуешь неудовлетворенность. Она естественна. Секрет в том, что эта победа маака — одновременно и победа махаонов. Пока что ни те, ни другие не осознали этого, но нынешнее общество маака таково, каким вскоре станет и общество махаонов.

— Я бы сказала по-другому. Не маака победили махаонов, а Лабастьер — и тех, и других, — с невеселой усмешкой произнесла Ливьен. — В этой войне есть лишь один победитель — ты. Все остальные — побежденные...

— Лабастьер не имеет родины, — мрачно произнес Рамбай, твердо глядя сыну в глаза. — Лабастьер перестал быть нашим сыном, любовь моя, Ливьен. Теперь он сам себе и мать, и отец, и племя... Мне непонятно только одно: зачем он тратит свое драгоценное время? Зачем ему «порядок» у махаон и маака? У него есть он сам — тысячи Лабастьеров. Вот и устанавливал бы среди них порядки, которые ему нравятся.

— Ошибаешься, отец, — одновременно покачали головами оба Лабастьера, произнося эту фразу синхронно, — мой народ — все бабочки мира; и мой народ любит меня.

...Внезапно Наан ощутила невыносимую тяжесть. Тысячи звуков и тысячи картин одновременно втиснулись в ее оглушенное сознание, ухитряясь оставаться самостоятельными и не смешиваться друг с другом.

Она видела апартаменты сотен дворцов, множество пейзажей лесных массивов, грандиозные строительства подводного Города

и межзвездного корабля... и в то же время в различных направлениях летела под облаками — на крыльях и на антигравах. Она видела раболепно склоненные перед собою фигуры придворных, слышала крики пытаемых бунтовщиков и ощущала страстные ласки жен... Она была Лабастьером Первым. И она ужаснулась той психической нагрузке, которая навалилась на нее. Неужели император испытывает эту нагрузку постоянно?!

Невозможно было бы дать достаточно корректную картину восприятия Лабастьера, будь этот участок мнемозаписи выполнен в обычном формате, позволявшем пользователю лишь видеть, слышать и ощущать органами чувств мнемодонора. Но эта запись была произведена во втором, усложненном, формате.

Наан «услышала» мысли Лабастьера, окунулась в его память и подсознание. Так, например, видя гигантский остов космического корабля, она почувствовала безотчетный страх императора перед далями космоса... Но она не сразу поняла все это; сначала, когда в ее рассудок вломился ревущий хаос чужих мыслеобразов, ей показалось, что она просто сошла с ума.

Она почти перестала помнить себя, растворившись в калейдоскопе императорских чувств, сильнейшим из которых была ПЕЧАЛЬ... И тут же острая, невыносимая физическая боль пронзила ее сердце и заставила сосредоточить все внимание на одном из непрерывно сменяющих друг друга и наползающих друг на друга видений...

Самец, вонзивший стальной клинок в сердце Лабастьера, был знаком ей... Да-да! Ведь это ее брат! Но он значительно моложе и еще крылат... Лабастьер прочил его на должность личного архивариуса и был уверен в его беззаветной преданности...

— Зачем? — прохрипел Сын Бога, оседая на пурпурный шелковый ковер.

— Затем, что ты казнил моего отца, — гордо подняв голову, ответил Лайвар, окровавленные руки которого крепко держали два воина-урании, готовые в любой миг уничтожить его.

— Триста лет... Я мог бы убить и твою куколку, но я не сделал этого... — розовая пена выступила на губах Внука Бога. — Я пощадил...

— И ты полагаешь, я должен быть благодарен тебе за это? — Лайвар презрительно сморщился. — Пощада — это унижение...

— Но какой смысл?.. Ведь я бессмертен...

— Что-то не заметно, — недобро усмехнулся Лайвар. — Я никогда не верил этой лживой легенде.

Лабастьер захрипел в судорогах агонии, и Наан почувствовала, как сознание ускользает от нее, как холодеют конечности и гробовая тишина затягивает ее в себя...

Она покрылась холодным потом. Миг умирания был короток, но ничего страшнее она еще не испытывала. Словно бесконечная закрученная в спираль пропасть всасывала ее в себя, и она мчалась сквозь нее навстречу холодному, бесстрастному, но и безжалостному огню...

Но мнемоноситель уже показывал следующий эпизод, перескочив вперед на несколько дней.

...Ее брат вновь стоял перед императором. И вид его уже не был столь самоуверен.

— Так, значит, мое бессмертие — лживая легенда?

— Я так считал... — Лайвар был явно обескуражен.

— Но теперь-то ты признаешь свою ошибку?

— Да... Ты жив... Хотя я своими глазами видел, как ты умер...

— Итак, ты убедился. И если бы сейчас твои руки были свободны, а в одной из них был бы кинжал, как бы ты поступил на этот раз?

Лайвар молчал, упрямо уставившись в пол.

— Ну, — поторопил его Лабастьер. — Я жду.

Стражник-урания, поторапливая с ответом, ткнул Лайвара в бок древком копья. Тот вздрогнул и поднял голову. Он был бледен, но лицо его выражало решимость:

— Я бы снова поступил точно так же, мой император. Отец должен быть отмщен. Таков неписаный закон нашего племени. И ты знаешь о нем.

— Что ж, ты честен. Строптив, как отец, но честен. И ты — отличный работник. Я оставлю тебе жизнь...

В глазах Лайвара мелькнули удивление и радость. Было видно, что он не рассчитывал на пощаду.

— Но лишу тебя способности летать...

Лайвар пошатнулся.

— Подобное наказание давно уже не практикуется в нашем Мире Стабильности, — продолжал император, — но и на жизнь Внука Бога не покушались уже почти три столетия.

— Лучше убей...

— Всему свое время. Кто же будет заведовать моим информаторием?

— Лучше убей, — повторил Лайвар, голос его окреп. — Иначе я буду мстить и дальше...

— Мне нравится такая игра, — усмехнулся Лабастьер. — Знал бы ты, как мне бывает скучно.

— Я не остановлюсь.

— Что ж. Если ты решил поселить в своем гнезде скорпиона, будь готов к его укусам... Мсти, Лайвар. Устраивай заговоры, плети интриги, планируй перевороты... Богу иногда полезно испытать ненависть смертного. Это забавляет и не дает бдительности уснуть окончательно. Уведите его, — бросил он ураниям. — И пусть сегодня вечером палач отсечет ему крылья. А в следующий раз, — вновь обратился он к Лайвару, — тебе отрежут кисти рук, ежели они вновь дерзнут подняться на императора...

Стражники поволокли Лайвара прочь, а Лабастьер, откинувшись на спинку стула, закрыл глаза и окунулся в водоворот образов, видимых тысячами его глаз. И вновь Наан ощутила доминанту совокупности его эмоций. Это была ПЕЧАЛЬ ОДИНОЧЕСТВА. Печаль, похожая на беспросветную всеобъемлющую скуку. Ему действительно нужно, чтобы кто-нибудь ХОТЯ БЫ НЕНАВИДЕЛ его. Он никогда не испытывал любви, и то религиозное обожание, которое выказывали ему подданные, тоже не было любовью. Наан казалось, что огромная ледяная глыба застыла у нее (у него) в том месте, где должно быть сердце.

И именно этим щемящим ощущением закончилась вторая мнемозапись Лайвара.

Наан стянула с головы обруч. Чувствовала она себя совершенно разбитой.

9

Ты уснул во сне, и приснилась явь,
Ты проснулся обратно в сон...
Жил Охотник. Как-то, себя познав,
Не вернулся из яви он...
Он исчез. Теперь ты спроси себя:
«Знаю ль я, что я впрямь рожден?»

«Книга стабильности» махаон,
т. VII, песнь III; учебная мнемотека
Храма Невест провинции Фоли

Наан проснулась от неожиданного сотрясения сетки гамака.

— Привет, сестричка! — прокряхтел Лайвар, вывалившись из отверстия в потолке и рухнув рядом с ней. — Как поживаешь?

Было видно, что настроение у него отличное, хотя в то же время он казался изрядно вымотанным. Морщины на его лице как будто бы стали еще глубже, а единственный глаз был воспален.

Наан провела ладонями по щекам, потянулась, зевнула и села.

— А я уже боялась, что ты не появишься никогда.

— Еще немного, и так бы оно и было. Нашелся императорский антиграв, на котором ты сюда прилетела, и сомнения в том, что ты в столице у Лабастьера Первого, исчезли окончательно. Само собой, меня подвергли допросу.

— И?..

— Я и знать ничего не знал! — хитро прищурился Лайвар.

— Думаю, подручные императора умеют допрашивать...

— Не забывай, я — главный специалист империи в области информации, и скрывать ее я тоже умею отменно. Покопайся-ка. — Лайвар подставил бок, и Наан выудила из кармана его комбинезона небольшой темно-серый полупрозрачный ромбовидный камешек с застежкой-серьгой на короткой серебристой цепочке. — Нацепи это на ухо, и даже самый сильный телепат не сможет прощупать твое сознание.

— И это не вызовет подозрений? — спросила Наан, надевая украшение, благо, уши невестам протыкают в тот же день, когда производят и дефлорацию.

— Сознание ураний вовсе непроницаемо для телепатов, встречаются подобные бабочки и среди махаонов, и среди маака. Хоть и редко, но встречаются. А о существовании таких блокираторов не знает никто, кроме меня и двух-трех моих сподвижников.

— Неужели император не обезопасил себя от таких штучек? — тронула Наан сережку рукой.

— Телепатическая связь — основа его власти, и работы в этой области строго-настрого запрещены. Собственно, это-то и навело нас на идею создания блокираторов.

— На какой срок рассчитан этот приборчик?

— Срок не ограничен.

— Ты упомянул своих сподвижников. Вас много?

— Нет. Пока — нет.

— Вы боретесь с императором? — Вопрос Наан был скорее риторическим, и она продолжала, не дожидаясь ответа: — Но можно ли тягаться с ним в силе? Не безумие ли это?

— Нельзя... — кивнул Лайвар, помрачнев. — Но и послушно терпеть его беспредельную власть тоже нельзя. Ты видела, каким путем он добился ее. Видела?

— Да, — кивнула Наан. — Но ведь это было так давно! Это уже история. Есть ли смысл мстить за наших родителей, которые погибли несколько веков назад? Мы даже не знали их. А сейчас... Невозможно оспаривать то, что сейчас благодаря Лабастьеру Первому наше общество достигло стабильности, и оно процветает как никогда...

— Ты не понимаешь! — Глаза Лайвара сверкнули гневом. — Месть тут ни при чем! Лабастьер не просто правит нами, он подмял под себя всю нашу цивилизацию! Экономика бабочек сегодня всецело зависит от него, а значит, и от его прихоти.

— У тебя есть основания не доверять ему и чего-то опасаться?

— Да, есть. Лабастьер — не бабочка. Это нечто другое. Бессмертное и многоликое. Бабочки нужны ему только для самовоспроизводства, без наших самок он лишится своего бессмертия, вот он и заботится о том, чтобы мы продолжали существовать.

— А может быть, стоит посмотреть на это и с другой стороны? Мы нужны ему, а он нужен нам. Мы служим его благу, а он — нашему...

— Откуда ему знать о том, что для нас благо, а что — нет?! Он — существо совсем иной природы.

— Но до встречи с тобой я не встречала недовольных.

— Конечно! Недовольные были уничтожены еще три века назад. Но чистку, в меньших, конечно, масштабах, ему приходится повторять регулярно. Лабастьер объявил себя Внуком Бога, он и определяет, чего мы хотим, а чего не хотим. Он воспитал целый мир рабов, радующихся собственному рабству! Мы — трава под его ногами. Он поливает и удобряет нас.

— Может быть, ты в чем-то и прав... Однако сейчас мир устроен так, что если не станет Лабастьера, наступит хаос... Но все это — досужие разговоры, разве есть способ остановить его?

Лайвар испытующе посмотрел на сестру.

— Я бы мог тебе кое-что рассказать. Но, судя по всему, ты не настроена на борьбу.

— Я... — Наан неуверенно помолчала. — Я не знаю... — Наконец она решилась на откровенность. — Я, как и ты, ненавижу его. Но это чувство носит чисто личный характер... А иногда мне кажется, что я и люблю его.

— А если я знаю способ взять его власть под контроль?

— Не знаю. Я не уверена, что хочу этого. Пока ты не объяснишь, о чем идет речь, я не могу тебе ответить.

Лайвар покачал головой:

— Ты еще капризнее, чем я думал... Ладно. В конце концов ты — моя сестра. Даже если ты откажешься помогать мне, я надеюсь, ты хотя бы не предашь меня?

— Не предам, — твердо ответила она. — Клянусь.

— Тогда слушай.

...Ночь. Наан стоит на центральной площади города и напряженно вглядывается в полутьму. Она ждет императора, и сердце ее бешено колотится, несмотря на уверения Лайвара, что ей ничего не угрожает. «Сестричка, — сказал он, — я прочитываю все мнемозаписи Внука Бога. Это часть нашей игры. Его могущество — против моей осведомленности. Он никогда не обидит тебя. Представление на площади, которое он устроил для горожан, — не более чем представление. Он учинил его, чтобы ускорить поиски. Уж не знаю, в чем тут дело, но, похоже, ты — первая самка за сотни лет, которая ему почему-то по-настоящему интересна. И это большая удача для нас, если, конечно, ты сделаешь то, о чем я прошу. Но хотя бы помни свою клятву...»

Она почти уверена, что не сделает того, о чем ее просит брат. И сердце ее колотится вовсе не от страха.

Наан не знала, каким образом Лайвар, не раскрываясь при этом сам, сообщит императору о том, где ее искать. Но, по-видимому, ему известен такой способ.

В небе, тускло освещенном фосфорной зеленью защитного купола, показалась тень. Она приближалась, и вскоре Наан узнала контуры антиграва. Он явно направлялся к ней, и Наан почувствовала, что кровь отхлынула от ее щек. Она крепче сжала в кулаке данную ей братом капсулу, которую только что собиралась просто выбросить.

Еще минута, и аппарат приземлился возле нее. Лабастьер Первый поднялся с сиденья, и некоторое время они молча смотрели друг на друга. Как и пророчил Лайвар, император, имея возможность не вмешивать в собственные сердечные дела третьих лиц, прибыл за ней один. В суровом лице его невозможно было прочитать ни ненависти, ни любви, ни даже простого интереса.

— Приветствую тебя, возлюбленный жених мой, Внук Бога, умеющий быть везде... — почти прошептала Наан.

Лабастьер Первый молча кивнул и жестом пригласил ее подойти ближе.

Наан повиновалась.

И вот они стоят лицом к лицу, изучающе разглядывая друг друга, — хозяин мира и его непокорная невеста. Не выдержав,

Наан опустила глаза. «Он любит меня?! — лихорадочно вертелось у нее в голове. — Он любит?! Нет, Лайвар явно что-то напутал...»

— Садись, — услышала она спокойный и даже ласковый голос Лабастьера. — Пора домой.

Она готова была разрыдаться. «Любит?!» Если бы император метал в гневе громы и молнии, если бы он жестоко (и справедливо) наказал ее, даже если бы он хотя бы просто повысил на нее голос, она знала бы точно, что делать дальше... Но сейчас...

Она села рядом с Лабастьером и тут же почувствовала, что не в силах больше обманывать его. Она не предаст брата, но она должна очиститься...

— Мне помогали прятаться твои подданные, которые ненавидят тебя.

— Я догадывался об этом.

— Но я не могу назвать тебе их имена. — Эти слова Наан произнесла с вызовом, ожидая, что Лабастьер будет настаивать.

— Это и ни к чему, — ответил он.

— Я обещала им помочь бороться с тобой.

— Сделай то, что считаешь нужным.

Наан изумленно посмотрела императору в лицо.

— Но... Это заговор против тебя.

— Я не боюсь заговоров, — ответил он, глядя ей в глаза. — Единственное, чего я боюсь, — непонимания между нами. Я бессмертен, а потому умею ждать. Если ты хочешь причинить мне боль, сделай это. Когда-нибудь твои желания иссякнут, и тогда мы станем равны.

— Ты говоришь так лишь потому, что веришь: никто не может причинить тебе ощутимый вред... — Страх и чувство вины отпускали Наан, а на их месте расцветало прежнее, заставившее ее когда-то бежать из императорской цитадели, раздражение. — Ты говоришь «сделай мне больно», а сам думаешь, что я не смогу этого... Но это не так!

— Я жду, — перебил ее император. — Причини же мне вред. Я буду рад, если ты не сделаешь этого, значит, наше противостояние закончилось. Если же сделаешь, это будет лишь очередным шагом к такому итогу.

Проклятая самоуверенность!

Наан, глядя, как завороженная, в глаза Лабастьера, сжала капсулу, и та хрустнула в ее кулаке. Наан подняла руку, раскрыла ладонь и легонько дунула на нее. Еле видимое в полутьме облачко газа окутало лицо императора. Он хрипло выдохнул, его глаза

закатились, и тело обмякло. Повалившись набок, он уткнулся головой в живот Наан.

Снова, в какой уже раз, она совершает поступок, противоречащий здравому смыслу, идущий вразрез с ее чувствами... Но что-то заставляет ее вести себя именно так и никак иначе. Что? Какое-то безумное наваждение! Наан с трудом подавила рыдания, заметив, что с крыши ближайшего здания сорвалась четверка выжидавших доселе бабочек. Падающими листьями они спланировали к антиграву.

Наан встряхнулась. Уж если она сделала то, что хотел Лайвар, надо быть последовательной. Дрожащими руками она осторожно сняла мнемообруч с головы императора и надела его, затем вложила кисть своей руки в контуры сиреневого пятна на левом подлокотнике кресла... Но не почувствовала покалывания, и аппарат остался безжизненным. Значит, Лабастьер уже удалил ее генетические параметры из его памяти или это была и вовсе другая машина.

Тем временем, опередив приближающихся бабочек, из-за угла вылетел антиграв значительно большего размера, чем императорский, и приземлился рядом. Им управлял Дент-Харрул. Лицо его было напряженно и испуганно. Он приветственно махнул рукой, но Наан не удостоила его ответом. Машина была шестиместной, но, кроме водителя, в ней находились еще двое — Лайвар и незнакомая Наан молодая светловолосая самка.

Последняя с любопытством и, как показалось Наан, с ревностью, уставилась на нее миндалевидными и такими же зелеными, как у Дент-Харрула, глазами. Она и Харрул были вооружены тяжелыми плазмобоями, какие раньше Наан видела только у телохранителей Лабастьера Первого.

— Рад видеть тебя, сестричка! — махнул Дент-Лайвар своим омерзительным крюком-протезом.

Наан ответила ему неопределенным пожатием плеч.

Четверо самцов, облаченных в серые комбинезоны горняков, добравшись наконец до места, поспешно перенесли Лабастьера в машину мятежников. Наан тем временем сошла с императорского антиграва, и «горняки», подхватив его, благо весила машина совсем немного, куда-то поволокли.

— Перебирайся к нам, — бросил Лайвар сестре. — Да поскорее. У нас нет ни секунды. Нужно немедленно убираться отсюда. Искать одно из своих тел император начнет именно с этой площади. Уверен, вся имперская охрана уже поднята по тревоге и мчится сюда.

Наан послушно села к заговорщикам, и вновь голова Лабастьера Первого оказалась у нее на коленях. И она увидела на ухе Внука Бога точно такую же серьгу, какую Лайвар дал ей в мнемотеке. Тот поймал ее удивленный взгляд и пояснил:

— Он потерял телепатическую связь с остальными воплощениями, и, даже если он очнется раньше, чем мы рассчитываем, он не сможет сообщить, куда мы движемся... Честно говоря, не ожидал, что ты сделаешь это... — добавил Лайвар уже другим голосом, в то время как аппарат стремительно ввинчивался в ночное небо. — Надеялся, но не ожидал. — Его агатовый глаз сиял благодарностью и торжеством.

Вместо ответа Наан, ощутившая вдруг непреодолимую усталость, спросила сама:

— Сколько времени он пробудет без сознания?

— Несколько часов.

— Куда мы летим?

— Через лес, в горы. Там, в одной из пещер, расположено наше тайное убежище.

Расчет Лайвара был прост. Спрятать Лабастьера так, чтобы тот не мог определить место своего нахождения и, под угрозой мучительных пыток, диктовать ему свои условия.

«Он не способен прервать телепатическую связь ни с одной из своих частей, — объяснял Лайвар сестре еще в мнемотеке, — как часть твоего тела, рука или нога, не смогут существовать вне тебя, даже если ты этого сильно захочешь».

«У него есть простой выход, — возражала она, — самоубийство».

«Мы позаботимся о том, чтобы он не мог совершить его».

За пределы купола они вырвались без происшествий, и антиграв окутала кромешная тьма, которой никогда не бывает в городе. Низкие яркие звезды делали ее только гуще. Стремительность полета и теплый ветер, омывающий лицо и пузырями раздувающий одежду, почему-то успокаивали Наан.

Время от времени Лайвар и Дент-Харрул о чем-то вполголоса переговаривались между собой, а незнакомая самка хранила молчание, и Наан это вполне устраивало. Она закрыла глаза и попыталась разобраться в себе.

Что заставляет ее совершать дерзкие, ничем не оправданные поступки? Она далека от лайваровской фанатичной ненависти к императору. Ей неведом и его гибельный азарт. Она не уверена,

что контроль за Лабастьером необходим, и уж точно не хочет, чтобы ему причиняли боль. Так в чем же дело? Есть ли какое-то хоть мало-мальски разумное объяснение ее поведению?! Наан решила пересмотреть свой путь с самого начала.

Итак, она — воспитанница Храма Невест. Все ли устраивало ее в этом положении? Да... Если бы не то, что быть невестой императора отнюдь не означает, что ты обязательно станешь его женой. Ее приучили верить, что такое положение естественно, но иногда, чаще — бессонными ночами, она приходила в ревнивое исступление от мысли, что Внук Бога выберет не ее...

Но ведь все-таки он выбрал именно ее! Что же не устраивало ее теперь? Может быть, ее расстроило положение ее бывших подруг? Нет. Она никогда не чувствовала сердечной привязанности ни к одной из них, и ей абсолютно безразлично, огорчены ли они... Но... Ей небезразличен тот факт, что жен имеет каждый из тысяч воплощений Лабастьера. Она вспомнила, например, сколь болезненный укол в сердце ощутила она, когда узнала, что старая Дипт-Реиль тоже когда-то была его женой.

Ревность! Вот что движет ею прежде всего. Она хочет владеть Лабастьером единолично и не желает его с кем-то делить! И то, что это ее желание противоречит самой природе ее возлюбленного (да-да, именно возлюбленного!!!), и заставляет ее совершать все те безумные поступки, которые она совершила.

Оглушенная своим открытием, Наан открыла глаза и обнаружила, что вокруг уже не так темно, как прежде, что уже различим горизонт и контуры горных кряжей и что уже простым зрением видно, как колышется под антигравом темное и таинственное море древесных крон.

Если они летят в ту же сторону, откуда когда-то явилась святая Ливьен, то довольно скоро они окажутся недалеко от Пещеры Хелоу. Эта мысль почему-то взволновала Наан.

И еще она обнаружила, что руки ее гладят волосы Лабастьера Первого, а незнакомая зеленоглазая самка продолжает пристально наблюдать за ней. Что ж, пусть. Она ни от кого не собирается скрывать свои чувства.

Все-таки интересно, кто она, эта зеленоглазка, и что привело ее в стан мятежников? Когда-нибудь она узнает это.

Наан вновь прикрыла глаза и подумала вдруг, что еще... Еще, возможно, она хочет детей от Лабастьера... Но она хочет, чтобы это были и ЕЕ дети, а не только ЕГО, как это бывает у него с другими самками. И это — уже полное безумие, ведь он сам од-

нажды рассказал ей, что те изменения, которые он совершил в своем организме, — необратимы. А если бы это было и не так, даже по первоначальной своей природе Лабастьер — маака... Наверное, ей нужно было бы полюбить простого самца-махаона, такого, как, например, Дент-Харрул, и стать ему верной и счастливой женой. Но нет, она любит Лабастьера, и только Лабастьера. И именно недостижимость счастья и делает ее такой сумасшедшей...

Она расплакалась, прикрыв лицо рукой, так, чтобы никто не заметил ее слез. А вскоре, обессилев, она задремала, сама не заметив того.

По тому, как было оборудовано помещение, куда они в конце концов добрались, Наан поняла, что операцию по похищению императора мятежники готовили давно. Рассчитывали ли они при этом на ее помощь? Вряд ли. Скорее всего они лишь искали удобный случай, и он подвернулся им в лице непокорной, но любимой Невесты...

Комната, находящаяся неглубоко от входа в скальную каверну, была почти правильной сферической формы, вся внутренняя поверхность ее была покрыта чем-то мягким и светло-коричневым, похожим на камышовый ворс, и ничто не позволяло находящемуся там узнику определить, в какой части материка он находится.

Так и не пришедшего в себя Лабастьера положили на пол, и первым делом Лайвар поспешно снял с его уха сережку.

— Честно говоря, я даже не знаю, как на него подействовало бы отсутствие телепатической связи с остальными. Копаясь в его мнемозаписях, я нашел спрятанный глубоко в подсознании панический ужас потери этой связи. Ведь он един с остальными буквально с момента зачатия. Он никогда не был самостоятельной личностью, он всегда был лишь тысячной его частью...

— Это не бабочка, — хмыкнул Дент-Харрул, — это плесень.

— Он не вправе властвовать над нами! — впервые подала голос зеленоглазая самка. И голос этот почти карикатурно не соответствовал ее внешности: он был низким, хрипловатым, и ненависть буквально клокотала в нем. У Наан по спине пробежали мурашки.

...Ожидать, когда император очнется, остался один Лайвар. Наан, несмотря на все ее протесты, заставили удалиться, и вместе с Дент-Харрулом и самкой она, обойдя спрятанный у выхода в пещеру антиграв, выбралась на поверхность.

Утренний воздух был прохладен, и, зябко поеживаясь, Наан огляделась. Только теперь она увидела все то, что от волнения рассмотреть не успела сразу по прибытии.

Раскинувшийся перед ее глазами пейзаж был восхитителен и величав. Пещера находилась у самого подножия горы, вершина которой терялась в заоблачной дымке. Однако и гора эта поднималась не сразу с равнины, а со своеобразной, приподнятой над равниной ступеньки. На этой-то ступеньке-плато, покрытой мхами, лишайниками и чахлыми деревцами, и стояла сейчас Наан. Внизу, вдали, буйным зеленым морем раскинулся бескрайний лес.

Наан оглянулась на своих провожатых. Похоже, они тут уже не впервые, и их совершенно не занимают красоты природы. Дент-Харрул собирал в кучку какие-то сухие корешки и веточки, а зеленоглазка с помощью поставленного на минимальную мощность бластера разводила огонь.

Не посчитав нужным сообщать им о своих намерениях, Наан расправила крылья и полетела в сторону края ступени, чтобы лучше рассмотреть то, что находится под ним. Обернувшись, она увидела, что ее спутники прекратили работу и внимательно следят за ней. Однако остановить ее они не пытались. Еще бы, далеко ей без антиграва не улететь.

Подобие свободы порадовало Наан. Ей вовсе не хотелось затевать беседу с Дент-Харрулом. Что же касается самки... Конечно же, Наан было любопытно, кто она и откуда, но навязываться с расспросами она не хотела, в то время как та не выказывала ни малейшего желания знакомиться с ней.

Мелко трепеща крыльями, Наан зависла над самым краем ступени, представляющим собой крутой обрыв из серо-голубого гранита, и вгляделась вниз. Лес с этой позиции был виден лучше, стало различимо, что он не однороден, и кое-где меж крон зияют обширные просветы. По тому, что просветы эти были не зелеными, а радужными, Наан догадалась, что поляны внизу покрыты цветами.

Никогда еще не видела она такого великолепия, и ей нестерпимо захотелось вниз... Там, казалось ей, душа ее успокоится, и чувство вины, чувство неудовлетворенности, ревность и страх перед будущим покинут ее. Она обязательно должна побывать там — в зарослях прекрасных соцветий...

Но нет, не сейчас.

Наан развернулась и полетела обратно.

10

Был бы ты птицей, ты мог бы летать
У самых звезд, в облаках.
Был бы ты рыбой, ты мог бы плясать
В бурных морских волнах.
Если ж ты бабочка, можешь мечтать;
И наяву, и в снах.

«Книга стабильности» махаон,
т. I, песнь XVI; учебная мнемотека
Храма Невест провинции Фоли

Костер уже пылал, Наан присела перед ним и протянула к нему слегка озябшие ладони.

— Мы будем ждать прямо здесь? — спросила она Дент-Харрула.

Зеленоглазка презрительно усмехнулась, а самец, делая вид, что не заметил язвительности интонации, с которой был задан вопрос, ответил:

— Конечно, нет. Я и Дипт-Шиан будем по очереди дежурить тут, а ты и тот, кто из нас будет свободен, будут отдыхать в другом месте. Неподалеку, в другой пещере, есть еще одна обжитая комната.

— То есть я буду все время «отдыхать»? Ну уж нет. Не забывайте, что в плен вы взяли не меня, а императора, и именно я помогла вам в этом. Я не потерплю ограничения свободы.

— А тебя никто не спрашивает, — неприязненно бросила самка.

— Невежливо вмешиваться в чужой разговор, — огрызнулась было Наан, но тут же постаралась говорить более миролюбивым тоном. Было бы неплохо сделать эту самку своей союзницей. — Нас к тому же еще и не познакомили, и я чувствую себя неловко.

Зеленоглазка открыла было рот, явно намереваясь ответить очередной дерзостью, но Дент-Харрул остановил ее движением руки.

— Это Дипт-Шиан, — пояснил он Наан. — Моя жена.

Наан почувствовала, что ее лицо заливает краска. Знает ли Дипт-Шиан о том, как Дент-Харрул «спасал» ее на площади? Если да, то неудивительно тогда, что та не питает к ней особой симпатии.

— Рада знакомству, — пробормотала она, разведя руки в ритуальном приветствии.

— А я — нет, — отрезала Дипт-Шиан и демонстративно отвернулась.

— Не обращай внимания на ее резкость, — вмешался Дент-Харрул. — Она ненавидит императора, а всех его Невест считает продажными тварями. Я не разделяю ее убеждений и не вижу вины Невест в том, что их так воспитывали.

— У каждой бабочки — свои крылья, — прервала его Дипт-Шиан пословицей.

— И Наан сделала свой выбор, она с нами, — возразил Харрул.

— Мне кажется странным то, как горячо ты ее защищаешь. И то, как она покраснела и стала прятать глаза, узнав, что я — твоя жена.

Наан сменила опасную тему:

— Я понимаю своего брата, у нашей семьи с Лабастьером Первым особые счеты. Но мне непонятно, за что ВЫ так ненавидите императора. Что движет вами?

Дипт-Шиан, хмыкнув, отвернулась, а Дент-Харрул покачал головой:

— У нас оснований еще больше. Если хочешь, я расскажу тебе нашу историю.

...Харрул и Шиан поженились во время стажировки в клане подводных монтажников Океанополиса.

Клан этот был молодой, созданный волей императора, он не имел еще своих устоявшихся традиций, зато состоял из самых веселых, самых здоровых и самых красивых бабочек, которых когда-либо встречал Харрул. Еще бы: император находил время лично побеседовать с каждым добровольцем, а их были тысячи, «добро» же он давал примерно одному из ста.

Строительство подземных городов не было праздной прихотью Лабастьера, так никто и не считает; большинство уверено, что оно — лишнее подтверждение возросшей мощи бабочек, освоивших не только сушу, но и океанские недра... Это не так. Во всяком случае, не совсем так.

Великой мечтой древних бескрылых учителей Лабастьера был космос, но бескрылые нашли свой предел, так и не сумев вырваться за пределы галактики. Немудрено, что мучимый скукой, проистекающей от знания всего на свете, Внук Бога решил осуществить мечту своих учителей.

Технология бескрылых позволяла решить задачу по преодолению скорости света, но, по иронии судьбы, для того чтобы освоить космос, следовало сперва обжить океанские недра... Сверхсветовой полет требовал больших запасов природного полония, содержащегося в слое раскаленной магмы, добраться до

которого можно было только со дна океана. Бескрылые не выполнили эту задачу, их захлестнули иные страсти. Лабастьер же последовательно претворял идею в жизнь.

Несмотря на то что махаоны и маака теперь не враждовали, селиться они все-таки предпочитали порознь. Это было оправдано. Опыт совместных поселений приводил к трагедиям: появлялись смешанные пары, и они были бесплодны. В то же время в грандиозном проекте императора желали участвовать обе великие расы. Потому-то на дне океана и началось строительство сразу двух городов...

(«Двух? — удивилась Наан. — Но я всегда считала, что есть только один подводный город — Океанополис маака... И я удивилась, когда ты сказал о стажировке: никогда не слышала, чтобы махаон учился чему-то среди маака...» «В том-то и дело, что сначала городов было два, — кивнул Дент-Харрул печально и почти торжественно, подбросив при этом в костер несколько сухих веточек. — И Шиан стала мне невестой и женой именно в подводном городе махаонов». Говоря это, он нежно коснулся рукой светлых волос зеленоглазки, но та, резко поднявшись, перекинула плазмобой из руки в руку и, бросив: «Поищу хворост», — расправила крылья для полета. Похоже, ей были тягостны эти воспоминания.)

...Увидел ее Харрул даже несколько раньше, возле цитадели Внука Бога, в ожидании беседы с ним. Толпа соискателей-добровольцев состояла из нескольких сотен самцов и самок, но эта юная светловолосая и такая же зеленоглазая, как и он, самка взволновала воображение Харрула. И он, не решаясь заговорить с нею, загадал: «Если нас обоих допустят к работе под водой, она станет моей женой».

Так в конце концов и случилось.

Но Харрул не сразу узнал, что приглянувшаяся ему блондинка тоже стала подводницей: ее не было в той группе молодых добровольцев, в числе которых он опустился в батискафе в пучину, и это слегка разочаровало его. Но унывать по-настоящему времени не было.

Приникнув с несколькими добровольцами к нижнему иллюминатору, Харрул тщетно вглядывался во тьму внизу, пытаясь не думать о той силе, которая стремится раздавить их отважное суденышко, словно лапа элефанта, мифологического зверя бескрылых, скорлупку муравьиного яйца.

Сперва тьма становилась лишь гуще, но пока еще что-то можно было разглядеть, Харрул дважды замечал какое-то неясное дви-

жение рядом с батискафом, а однажды нос к носу с ним в иллюминатор уперлась тупая и злобная рыбья морда. Харрул, как и остальные, отпрянул от стекла, но рыбина, похоже, испугалась не меньше их и исчезла почти сразу.

Тьма сгущалась, но через некоторое время Харрулу показалось, что он видит слабое свечение на самом дне. Пятно света росло и росло до тех пор, пока взгляду притихших молодых маханонов не открылась величественная и прекрасная картина.

Прозрачные стены огромных четырехгранных хрустальных пирамид (их было пять) казались такими тонкими и хрупкими, что не верилось, что в действительности они противостоят навалившемуся на них поистине чудовищному давлению воды. Харрул знал, что перейти из одной пирамиды в другую можно было через тоннели, прорубленные еще глубже — в каменистой земной коре. Но этих переходов, само собой, видно не было, и пирамиды казались обособленными друг от друга драгоценными кристаллами, нечаянно оброненными в воду великанами древности, или же выросшими сами по себе.

Невозможно было заставить поверить себя в то, что эти светящиеся громадины — дело рук маленьких теплокровных бабочек. Но чем ближе опускался батискаф к строениям, тем больше деталей можно было разглядеть внутри. Было, например, видно, что пирамиды разделены на ярусы горизонтальными прозрачными плоскостями. А вскоре стало возможным увидеть и крошечные фигурки бабочек, чаще не летающих, а, за отсутствием достаточного для полетов пространства, передвигающихся пешком — в кущах обильно произрастающей на ярусах зелени.

Харрул ощутил гордость за своих соотечественников... Да и за себя: ведь ему и самому приведется участвовать в строительстве еще семи предусмотренных планом пирамид.

Батискаф опустился на самое дно, на ровную площадку между пирамидами, так что окружность слегка выдающегося из корпуса нижнего иллюминатора пришлась точно в углубление того же диаметра. Раздалось сочное гудение, и иллюминатор, который был одновременно и крышкой люка, стал отвинчиваться под действием находящихся снаружи механизмов. Затаив дыхание, пассажиры батискафа наблюдали за этим процессом...

Наконец крышка провалилась вниз, с легким хлопком установился баланс давлений, и в проеме люка показалась седая голова пожилого самца. Оглядев вновь прибывших, он усмехнулся:

— Я — Дент-Зайлар, ответственный за ваше распределение. Спускайтесь за мной. — И голова исчезла.

* * *

Едва новобранцы очутились в Океанополисе, как тут же их развели по местам работ. Никто здесь не собирался тратить свое время на то, чтобы водить их из купола в купол в качестве праздных зевак... В курс дела им предстояло входить самостоятельно.

К магме с полонием пробивались, буря скважины прямо под пирамидами. Хотя наличие этого вещества именно в этом месте пока что и было лишь предположительным. Бурение шло круглосуточно, но реального результата пока не наблюдалось.

Харрул быстро втянулся в работу, тем паче что была она скорее увлекательной, нежели тяжелой. Его молчаливый, но улыбчивый напарник Дент-Наймар управлял подводным вездеходом, сам же Харрул, вставив руки в специальные отверстия, распоряжался движениями наружных манипуляторов, при помощи которых подгонял друг к другу и скреплял между собой прозрачные блоки новой пирамиды.

На его объекте работало семь таких машин, и Харрулу было приятно замечать, что изо дня в день груда строительных материалов мало-помалу приобретает определенную стройную форму. Но в еще больший восторг приводили его живые организмы, которыми кишело дно. Когда-то давным-давно бескрылые, убив самих себя, прихватили в небытие и большинство сухопутных видов животного царства. Более того, они уничтожили и самою сушу, оставив бабочкам лишь ничтожный клочок ее... Но, похоже, трагедия почти не коснулась морских недр.

Тысячи видов водорослей, кораллов, моллюсков, головоногих и рыб окружали строителей Океанополиса, поражая их великолепием красок, разнообразием форм и не обделяя своим вниманием ни единого движения вездеходов. Некоторые из них пробовали машины на ощупь, а то и на зуб, но, убедившись, что расколоть хитинопластовый панцирь невозможно, быстро теряли к ним интерес...

Если бы Харрул своими глазами не видел всего этого удивительного многообразия, он никогда не поверил бы в то, что оно возможно. В своей изобретательности природа дошла, например, до того, что создала рыбу, к голове которой был приделан небольшой фонарик!.. Иногда Харрул жалел, что своей строительной специальности не предпочел профессию гидробиолога.

Нравился Харрулу и тот нарочитый аскетизм, который буквально во всем проявляли отважные подводники. Он напоминал порядки Города махаон древности, о которых он знал из мнемолитературы. Каждый тут имел свое место и свою задачу, о развле-

чениях и отдыхе, напротив, не вспоминал никто... Ему, как ни странно, нравилось даже то, что тут он не мог летать. Это было романтично: не летать в банальном лазоревом небе, а ползать по беспросветному дну океана...

Он строил. Большая же часть жителей подводного города занималась бурением скважин на участках предполагаемых залежей полония. Поначалу Харрул не мог привыкнуть к непрекращающейся легкой вибрации стен пирамиды, но вскоре перестал замечать ее, и позднее, уже на суше, он нередко ловил себя на том, что не может заснуть именно от того, что неосознанно пытается уловить привычную дрожь жилища.

Тут не происходило смены дня и ночи, и отсчет времени был достаточно условен. Вскоре Харрул уже не мог ответить даже самому себе, как долго он находится здесь. Порой ему казалось, что именно на дне океана он провел всю свою жизнь, а суша, родительское гнездо — не более чем фантастические сны... Тем удивительнее ему было узнать, что с момента его прибытия сюда и до появления очередной партии добровольцев прошел всего лишь месяц...

В этой-то партии и спустилась в Океанополис та юная светловолосая зеленоглазая самка, на которую он обратил внимание на площади, возле цитадели Внука Бога, и которую уже успел позабыть.

Он увидел ее, когда новички, с любопытством таращась во все стороны и благоговейно перешептываясь, цепочкой шли по соединительному подземному коридору за старейшиной Океанополиса Дент-Зайларом. Сам Харрул как раз собирался на смену и шел в обратную сторону — к шлюзам. Его глаза встретились со взглядом самки, и он остолбенел. А та, неожиданно улыбнувшись ему, приветливо помахала рукой.

Неужели там, на суше, она тоже приметила его?

Он ответил ей дружеским жестом и вдруг понял, что прелестная девушка смотрит на него не столько с интересом, сколько с нескрываемым восхищением. «Нет, — понял он, — она не заметила его на суше, среди таких же добровольцев, как и она сама; там он ее не заинтересовал... А сейчас она приняла его за подводника-старожила... Что ж, он не будет ее разубеждать».

...По специальности Шиан была клаустроботаником, то есть занималась выращиванием растений в условиях герметично замкнутого помещения. Зелень в ярусных оранжереях требовала ухода, и штат ботаников в Океанополисе был довольно велик. Харрулу не составило труда выяснить, к какой из оранжерей прикомандировали Шиан, и вскоре он «случайно» столкнулся с ней.

Девушка явно обрадовалась встрече, они разговорились, а затем стали видеться ежедневно.

Наблюдая за ними, коллеги не раз подшучивали над его стеснительностью. Еще наверху, на суше, Харрул много раз слышал о том, что во взаимоотношениях с противоположным полом аскетизм подводников выражается в крайней, почти циничной, простоте. Считалось, что на ухаживания тут времени нет, и если самка нравится самцу, он просто предлагает ей переселиться в его спальную ячейку. Но если та отвечала отказом, самец должен был раз и навсегда оставить свои притязания.

Харрул был бы рад воспользоваться этой удобной традицией, и часто, оставаясь в одиночестве, он на разные лады повторял: «Шиан, а не пора ли нам начать жить вместе?..», «Шиан, мы уже давно не личинки, и моя плоть требует тебя...» Однако что он станет делать, если вопрос этот окажется преждевременным и она ответит отказом? Стоило им встретиться вновь, как его решимость улетучивалась, и он лепетал что-нибудь вроде: «Ты обещала показать мне магнолии на шестом ярусе...» И они отправлялись на очередную экскурсию.

Но однажды этот порядок нарушила сама зеленоглазка. «Мимозы?! — насмешливо воскликнула она в ответ на его предложение глянуть на эти цветы. — Хорошо! Я не против. Но учти, если ты прямо сейчас в конце концов не возьмешь меня, я отыщу для этой цели кого-нибудь другого. Я не собираюсь возвращаться на сушу девственницей».

Вскоре они стали официальными супругами, а так как отношения самцов и самок тут крайне редко заканчивались браком, их свадьба стала настоящим праздником для всего Океанополиса.

Но именно Дипт-Шиан заняла главенствующее место в их новоиспеченной семье.

Ее беременность прервала стажировку Харрула, и они вместе вернулись на сушу, намереваясь вновь спуститься сюда после того, как их первенец превратится в куколку.

— Моя Шиан нормально выносила плод и родила мне сразу двух прелестных гусеничек, — продолжал Харрул, опустив глаза и обломком ветки вороша угли в костре. — Самца и самку. Но они обе так и не стали куколками. Они умерли от лейкемии у нас на руках.

Дент-Харрул смолк. Наан закусила губу. Она не знала, как выразить свое сострадание. Смерть ребенка — всегда ужаснейшая трагедия. Смерть первенца — удар, который выдерживают не многие браки...

Понятно, что болезнь гусеничек стала результатом подводных работ супругов, по-видимому, виной была близость Океанополиса к залежам радиоактивного сырья... Но в то же время это ведь не было злонамеренным актом императора, конечно же, это был не более чем несчастный случай. Так стоит ли ненавидеть за него Лабастьера?

Она хотела сказать об этом Харрулу и уже подыскивала наиболее корректные слова, когда тот сам развеял ее заблуждение:

— Служители касты знахарей посоветовали Шиан воздержаться от родов, открыв нам, что и в дальнейшем наши дети не будут доживать до стадии закукливания. Точнее — мои. Шиан могла бы иметь здоровое потомство от другого самца, и я уговаривал ее. Но она любила, да и сейчас любит только меня, и она не захотела детей ни от кого другого.

Что было делать? Погоревав, мы решили посвятить себя работе... Но учреждения, которое заведовало прибытием и убытием в Океанополис работников, в том здании, в котором оно находилось прежде, не оказалось. Теперь это помещение занимала императорская парфюм-галерея.

Мы обратились в справочные службы, но ее сотрудники смотрели на нас удивленными глазами... Подводный город махаон? Может быть, мы что-то путаем? Подводный город построили маака... Нигде мы не обнаружили никаких следов своего Океанополиса. За то время, которое мы провели наверху, сведения о существовании этого города исчезли из всех информационных хранилищ. В одном месте нам сказали, что вроде бы план строительства подводного города махаон действительно имел место, было даже объявлено о наборе добровольцев, но тем дело и кончилось, ибо для космического проекта императора оказалось достаточно полония, добываемого маака.

— Как же так?! — вырвалось у Наан.

— Единственным подтверждением нашего с Шиан пребывания на дне океана были урны с пеплом наших детей, стоящие у изголовья нашего брачного ложа. В поисках ответов на свои вопросы мы метались около года и понемногу, как я понимаю теперь, сходили с ума. Вскоре я и Шиан решили, что наши воспоминания о пребывании на дне океана — ложь, что они — продукт потрясения, которое мы пережили, потеряв личинок. Идея безумная, но иного объяснения происходящему мы найти не могли, а служители касты знахарей охотно подтверждали такую возможность. Наверное, в конце концов мы действительно сошли бы с ума, если бы не твой брат. Он сам нашел нас и все объяснил.

— Так что же стряслось на самом деле?!

Дент-Харрул помолчал. Затем заговорил, но не отвечая на вопрос сразу, а начав издалека:

— Лайвару нужны были помощники. А найти в империи бабочек, недовольных правлением Лабастьера Первого, не так-то легко. Информационные службы о многом умалчивают. Недовольные бесследно исчезают... Только записи императора, хранящиеся в его личной мнемотеке, не подвергаются цензуре, но доступны они одной-единственной бабочке — твоему брату. Лайвар тщательно изучает их, и именно там находит те ниточки, которые приводят его к будущим мятежникам.

Глаза Харрула сузились, и он, погрозив кулаком в небо, мрачно произнес:

— Император еще пожалеет, что затеял с Тараканом эту идиотскую игру.

Прежде эту кличку Наан слышала лишь от самого Лайвара, и сейчас слова Дент-Харрула слегка покоробили ее. Он прочел это в ее взгляде, но оправдываться не стал, лишь пожал плечами и объяснил:

— Прости, но между собой мы называем твоего брата именно так. Мы прозвали его так за цепкость и живучесть, и это прозвище вовсе не оскорбительно...

— Ладно, — перебила его Наан, — не отвлекайся от главного. Что же случилось с подводным городом?

— Проектная ошибка императора. Оказалось, что мы ставили город прямо на залежах радиоактивной руды. Но пока алмазные буры не добрались до нее, это никак не влияло на здоровье подводников. По-видимому, именно я стал первой жертвой. Но я вовремя покинул Океанополис, и облучение отразилось не столько на моем здоровье, сколько на моем потомстве и на моей способности иметь его. А через некоторое время там разразилась повальная эпидемия лучевой болезни: смертоносная радиоактивная пыль, смешиваясь с водой, проникала во все уголки строительства и оседала там навсегда. Продолжать работы стало невозможным.

Подавляющее большинство подводников были неизлечимо больны. И император не стал возиться с горсткой тех, кого еще можно было спасти. Напротив, он эвакуировал на дно тех немногих, кто когда-либо побывал в Океанополисе, а теперь находился на суше, а затем уничтожил город.

— Почему?!

— Потому что память о нем подтверждала бы то, что Внук Бога способен ошибаться, и порождала бы в умах ненужный скепсис.

Наан открыла было рот, чтобы задать естественно возникший вопрос, но Дент-Харрул опередил ее:

— Мы с Шиан тоже были обречены. Нас спасла какая-то путаница. Какая-то случайность. Наше убытие из Океанополиса было вызвано беременностью Шиан, формально же срок нашей стажировки не окончился, и, по-видимому, мы продолжали числиться там...

Сзади раздался низкий голос Дипт-Шиан, Наан и не заметила, что та вернулась:

— Я простила бы ему и гибель моих личинок, и гибель города, потому что ошибаться могут все, и это была бы наша общая боль. — Самка сидела на корточках за спиной Наан, в метре от нее, и, говоря, слегка покачивалась взад и вперед. — Мы привыкли к тому, что под его контролем находится буквально все, но на самом деле нельзя винить его за стихийные бедствия. Однако после того, что он сделал потом... Я мщу ему и за наших товарищей, и за наших детей, и за тысячи других личинок, которые неизвестно куда исчезают из инкубаторов, и за все прочие его преступления, о которых мы еще ничего не знаем, как никто, кроме нас, не знает об убийстве жителей Океанополиса... И тебя, «невеста», я ненавижу тоже. Как часть той системы, которую он создал.

Наан не успела возразить ей, потому что из пещеры, щурясь на солнце, вышел Лайвар, и все уставились на него. Его лицо выражало глубокую озабоченность.

— Он хочет говорить с тобой, — матово поблескивающий металлический крюк приподнялся, указывая в направлении Наан. — Не забывай, сестричка: любовь чудовища не имеет цены.

11

Ветер — лишь воздуха шумный поток,
Голос — движенье его же.
Ветер деревья с корнями рвет,
Голос быть ласковым может...
Чу! Слышишь, ветер кого-то зовет?
Он — чей-то голос тоже?

«Книга стабильности» махаон,
т. IV, песнь XIII; учебная мнемотека
Храма Невест провинции Фоли

Лабастьер Первый, Внук Бога, пленник, сидел на мягкой циновке, привалившись спиной к стеновому покрытию. Руки его были схвачены за запястья металлическими браслетами, а те — цепочками прикованы к стене так, что почти не стесняли его

свободы. В то же время снять их самостоятельно он не имел ни малейшего шанса.

Он выглядел усталым, но не измученным. Было очевидно, что Лайвар не пытал его, и Наан почувствовала себя более комфортно: степень ее вины оказалась несколько меньшей, чем она предполагала.

Лабастьер молча смотрел на нее, ожидая, что разговор начнет она. Но сделать это ей было не так-то просто. Некоторая тяжесть на душе у нее все же осталась. Бремя вины за то, что она предала чужую любовь... Его любовь. Ведь и Лайвар говорил ей, что она — единственная самка, которую император любил когда-либо по-настоящему; и она воспользовалась этим... Но она пыталась подавить в себе это ненужное чувство, повторяя про себя слова Лайвара: «Любовь чудовища не имеет цены...»

Пауза затянулась. Наконец Наан, встряхнувшись, спросила о том, что так и не успела толком выяснить у брата:

— Чего они хотят от тебя?

Лабастьер Первый криво усмехнулся:

— Ты предала меня, даже не зная зачем? — Эти слова, как пощечины, обожгли ее лицо. — Похоже, ты сделала это только для того, чтобы доставить мне неприятность.

Она не привыкла прощать пощечины.

— Ты почти угадал, о возлюбленный жених мой, Внук Бога, умеющий быть везде... — Ритуальное обращение звучало сейчас скорее издевкой, чем данью традиции. — Я помогла им лишь потому, что они в отличие от тебя ПОПРОСИЛИ меня о помощи.

— Когда-то я просил стать тебя моей женой...

— Э нет! Ты не просил, ты ВЫБРАЛ меня. Как вещь из множества подобных, уже давным-давно принадлежащих тебе.

— У народа махаон так было всегда.

— Неужели? А я-то думала, так было только до того, как ты стал императором. Я думала, ты сам провозгласил равенство видов и полов. Но я забыла одну деталь: для себя ты сделал исключение.

— Гордость... Только этим ты и твой брат похожи друг на друга. Но зато этим похожи ОЧЕНЬ. И, наверное, за это я и люблю вас обоих так, как не люблю больше никого.

— Любишь? Лайвара?! И обрезаешь ему крылья, отрубаешь ему руки! «Любишь» меня и преследуешь, демонстрируя своим подданным, что раздавишь меня, как тлю!.. — говоря это, она вытянула ладони и хлопнула ими, повторяя жест голографического изображения Лабастьера на площади.

— Что касается тебя, то ты видела: я прилетел за тобой один и безоружный. Что же касается его... Ты ведь знаешь, он пытался убить меня. И не единожды. Кто угодно на моем месте попросту казнил бы его или же как минимум на всю жизнь упрятал в темницу.

— Ты ждешь благодарности? — усмехнулась Наан. — Ты оставил его в живых лишь для того, чтобы тебе было с кем играть в свои жестокие игры, разгоняя тем самым свою чудовищную скуку. Не только ты, но и он прекрасно знает об этом.

— Я уже привык к тому, что благодарность, став неотъемлемой частью Новой Религии, покинула души моих подданных.

«Как он красив! Как красив!!!» — внезапно полыхнуло в висках Наан, но она подавила в себе этот неуместный порыв.

— Ты так и не ответил мне, чего же хочет от тебя Лайвар.

— Многого. Но в то же время все его требования можно выразить одним-единственным словом. И это слово — «власть». Вся власть в этом мире принадлежит мне, а твой брат считает этот расклад несправедливым. Ему, в частности, не нравится моя затея со строительством межзвездного корабля. По его мнению, во имя великой мечты путешествия к иным звездным системам бабочками приносятся чересчур большие жертвы. Да и мечту эту он называет не иначе, как «мечтой бескрылых», презрительно морщась при этом, как будто бы не бескрыл сам... Мне же эти жертвы кажутся вполне оправданными и даже естественными. Кому, как не бабочкам, считаю я, мечтать о все более дальних и все более быстрых полетах и претворять эту мечту в реальность?

— Ему, которого бескрылым сделал ты, я склонна верить в большей степени, нежели тебе. Потому что знаю, как легко ты приносишь в жертву целые города, а то и народы.

— Если ты думаешь, что это легко дается мне, ты глубоко ошибаешься...

— Убивая, ты плачешь от жалости? Не верю. Но если и так, это не делает твои преступления менее тяжкими.

— Я... К сожалению, жертвы бывают необходимы. Прежде чем принести очередную, я тщательно взвешиваю все возможности, и лишь убедившись, что без жертв не обойтись, выбираю самый бескровный вариант. Но и тогда совесть моя не бывает спокойна. Пожалуй, я расскажу тебе о том, как погибли мои родители. Тогда, возможно, ты изменишь свое мнение обо мне. И присядь, в конце концов мне уже надоело разговаривать с тобой, задрав подбородок.

* * *

...Ливьен и Рамбай не слишком-то дорожили своим статусом «святых» в скрижалях Новой Веры и вели себя, не руководствуясь ее интересами. Их власть и популярность были сравнимы лишь с властью и популярностью Лабастьера, но они никогда не пользовались этим.

Рамбай тяготился жизнью в Городе маака, не прижился он и в великолепном дворце, который выстроили для него и Ливьен махаоны. Прожив в цивилизованном мире несколько лет, родители императора покинули его, уединившись в лесной чаще, в скромном, но уютном дупле древней секвойи и жили там затворниками, словно замаливая в глуши некое страшное прегрешение. Рамбай охотился, хотя необходимости в этом и не было, а Ливьен занималась нехитрой домашней работой.

Время от времени Лабастьер навещал их. Трудно поверить, но он по-настоящему любил их, хотя и не находил с ними общего языка. Нередко он привозил подарки — различные предметы, созданные по технологиям бескрылых, которые он усердно внедрял в жизнь бабочек. Но его родителям не приглянулся ни антиграв, ни бластеры-плазмобои, ни голографический проектор, с помощью которого можно было наблюдать забавные сценки, разыгрываемые актерами, или узнавать новости цивилизованного мира... Родители неизменно мягко отклоняли все его дары. Лишь два из них привлекли их внимание: Ливьен приняла маленького механического работника, беспрестанно ползающего по гнезду и наводящего чистоту в нем, и работник «прижился», а Рамбай закрепил на макушке соседнего с их дуплом дерева портативный оптический телескоп и время от времени вглядывался через него в ночное небо.

«Когда-нибудь я побываю там, отец», — сказал ему Лабастьер однажды.

«Даст ли тебе это что-нибудь?» — качая головой, ответил тот, и Лабастьер не нашелся, что ответить.

Ливьен беременела еще трижды. Возня с гусеничками увлекала ее, но, когда те закукливались, она сама просила Лабастьера поместить их в общий инкубатор. Она и Рамбай не хотели, чтобы их дети были отмечены печатью «единокровных братьев и сестер императора». Они хотели, чтобы жизнь их детей была простой и счастливой. И жертвовали ради этого собственной радостью общения с ними.

Без особой охоты они встречались и со своим великим первенцем. Порой они вели себя с ним столь подчеркнуто официоз-

но, что Лабастьер с трудом подавлял в душе ярость. Он все чаще и чаще ловил себя на мысли, что жаждет их любви больше, чем чего-либо еще.

Иногда он делал вид, что нуждается в их совете, спрашивая, как ему поступить в той или иной ситуации... Но их реакция на это была неизменной. Переглянувшись с мужем, Ливьен отвечала: «Ты — император, сынок. Делай, как знаешь...»

Он искал с ними духовного контакта. Ему казалось, что они — единственная ниточка, связывающая его душу с душами обычных бабочек... Но ниточка эта была тонка и невидима. И все чаще ему казалось, что ниточка эта безвозвратно утеряна.

Он не знал, за что родители подвергают его инстинктивному бойкоту. Он нуждался в них. Однажды он даже предложил им сделать свое общество постоянным: одно из его многочисленных телесных воплощений могло бы оставаться с ними всегда... Но родители, как всегда переглянувшись и мягко улыбнувшись друг другу, отклонили и это его предложение.

«С нами не будет нашего сына, — объяснил Рамбай. — С нами будет лишь одна тысячная его часть. Можно ли любить тысячную часть? Так зачем же она будет с нами?»

Так протекали годы. Боль в его душе росла. О том, что и родители его испытывают нечто подобное, он догадывался лишь по тому, что изредка находил их лежащими в дупле в состоянии наркотического кейфа. Он не мог запретить им нюхать порошок из сушеного сока пейота, хотя пагубное воздействие этого зелья на их здоровье и тревожило его.

Однажды его прорвало. Однажды, после очередного печального визита к ним, он, стоя возле антиграва, заявил им:

«Я не нужен вам в том виде, в котором существую. Вы презираете меня за то, что смерти я предпочел бессмертие. Я и сам начинаю презирать себя за это. Вы считаете, что миру бабочек я принес больше горя, чем радости и справедливости. Я тоже начинаю так считать. Но я готов все изменить».

«Как?» — спросила Ливьен.

«Ни одно из моих воплощений не боится смерти, пока на свете остается еще хотя бы одно. Все мои воплощения, кроме одного, убьют себя, и останется одна-единственная бабочка Лабастьер. Обыкновенная бабочка. Тогда вы сможете любить ее?»

Он почти верил в то, что говорил. Хотя и надеялся, что до этого не дойдет. Он надеялся, что сможет дать им почувствовать силу своей привязанности, и они наконец ответят ему взаимностью.

Но по тому, как разговаривает с ним Рамбай, он понял, что и эти его слова не достигли цели:

«А что, о боль моя, станет тогда с миром, который ты вылепил для себя из того, что подвернулось под руку?»

«Не знаю, — пропустил он иронию мимо ушей. — Но если мне приходится выбирать между вами и всем остальным миром, я выбираю вас».

«А хотим ли мы, чтобы нас выбирали?» — задал риторический вопрос Рамбай. А Ливьен добавила:

«Мы и без того чувствуем себя виноватыми. Не увеличивай нашу вину тысячекратно».

«Так подскажите же мне правильное решение!»

«Ты — император, сынок. Делай, как знаешь...» — ответила Ливьен как всегда.

«Нет! На этот раз вы не отделаетесь от меня этими пустыми словами! Сейчас все зависит действительно только от вас!»

«Мне кажется, ты все решил еще много лет назад, там, у подножия «лестницы Хелоу», — покачала головой Ливьен.

«Всегда и все можно изменить!»

«Это — заклинание бескрылых, — сказал Рамбай. — Оно привело их к смерти».

«Но мы подумаем, — кивнула Ливьен. — Мы подумаем и скажем тебе в следующий раз».

«Я буду у вас через десять дней, — сказал Лабастьер. А устраиваясь в кресле антиграва, добавил: — Через десять дней вы должны сказать мне, как я могу получить единственное в этом мире, чего не могу просто взять, то, что без труда имеет в этом мире каждый, кроме меня, — любовь своих родителей».

«Я не уверена, что мы найдем ответ на твой вопрос, — сказала Ливьен, и впервые за много лет Лабастьеру послышалась в ее голосе нежность. — Но какое-то решение мы обязательно примем».

Он улетел от них почти счастливым.

Лабастьер Первый помолчал, словно собираясь с силами. Затем продолжил:

— Примчавшись к ним через десять дней, я нашел их мертвыми. — Наан с ужасом увидела, что по щекам императора текут слезы. — Порошок из пейота... Они приняли дозу, которая убила их. Они лежали, обнявшись, на полу гнезда, и на их лицах не было страдания; они улыбались. Возможно, потому, что впервые, как им казалось, смогли чем-то помочь своему сыну. Теперь у меня не стало проблемы, с кем оставаться — с миром моих подданных или

с ними. Они убили возможность выбора. А вместе с ней убили и то немногое, что еще оставалось во мне от обычной бабочки.

Глядя на слезы в глазах Лабастьера, Наан чувствовала, что и у нее самой в горле набух горячий комок. Но она, сумев подавить жалость, поинтересовалась:

— А Лайвар знает эту историю?

— Конечно. Он знает все мои уязвимые места. Правда, после смерти родителей и до появления тебя у меня практически не было их. Триста лет... Появилась ты... И я люблю тебя. Но сейчас я не ставлю перед собой того же вопроса — «быть с тобой или с миром?» Я изменился, я очень изменился за эти триста лет без любви.

— И что будет дальше? Что будет со всеми нами? — как-то невпопад спросила Наан.

Лабастьер дотянулся одной из своих прикованных рук до лица и утер глаза тыльной стороной ладони. Затем потряс головой, словно выбрасывая из нее воспоминания. На губах его заиграла обычная усмешка:

— Твой брат безумен. Он думает, что способен долго прятать меня. Я не сказал ему о том, что, когда вы покидали город, ваш антиграв засекли. Он направлялся в сторону Пещеры Хелоу, и сейчас сотни антигравов мчатся туда... Точнее, *сюда*, ведь так?

Наан промолчала. Жалость и ощущение вины исчезли. Она вспомнила, что перед ней чудовище. А «любовь чудовища не имеет цены»... Но может иметь цену ЛЮБОВЬ К ЧУДОВИЩУ. Огромную цену. К прекрасному чудовищу.

— Глазами одного из моих воплощений я уже вижу приближающиеся горы, — продолжал тот. — Найти этот тайник для моих телохранителей не составит большого труда... — Он замолк, приглядываясь к ней. И внезапно сменил тему: — Ты прелестна сейчас, о моя непокорная невеста. Ты прелестна и в радости, и в гневе, и в печали, и в страхе. Скоро нас найдут. Скоро все это кончится. И единственное, о чем я жалею, так это о том, что мы уже не сможем тогда разговаривать с тобой так, как сейчас. Кстати, ты знаешь, какая участь ожидает тебя, Лайвара и его помощников, когда нас найдут?

Наан молча смотрела на него, не вникая в слова и еще не понимая, что с ней происходит. Но она чувствовала, как теплые волны возбуждения прокатываются по всему ее телу.

— Вас просто отпустят, — продолжал Лабастьер. — Как всегда. Не знаю, как ты, но они, я уверен, в благодарность за это начнут готовить очередной заговор против меня.

Как он красив! Красив и несчастен. Несчастен и великодушен. Вновь Наан почувствовала, что ее разум окутывает туманное и терпкое облако желания принадлежать ему.

Она еще никогда не желала близости с каким-то конкретным, реально существующим самцом. Но желание вообще было знакомо ей: порой знойными предгрозовыми ночами она просыпалась с этим чувством в гамаке спальни Храма Невест, и именно оно заставляло ее в полубреду, руками, которые, казалось, обретали собственную жизнь, ласкать свое тело так, как она не позволила бы это никому... кроме императора. И тогда ей почему-то казалось, что множество рук касаются ее, множество глаз нежат его вожделеющими взглядами.

А сейчас... Сейчас она поняла, что впервые ее Лабастьер беззащитен перед ней и находится в полной ее власти. Да, ОН пребывает в ее полном распоряжении! А не наоборот! И такой расклад вряд ли повторится еще когда-нибудь.

— Не все твои подданные неблагодарны, — произнесла она тихо, покидая циновку и подползая к Внуку Бога на коленях. — Отнюдь не все, мой повелитель...

Лабастьер смотрел на нее с недоумением.

Наан легко справилась с застежками его одежды (в Храме Невест застежкам императорских одежд посвящался целый отдельный курс занятий). Дыхание Императора стало громким и прерывистым. Он расслабился и почти повис на цепях, к которым были прикованы его руки. А Наан, отдавшись инстинкту, принялась ласкать его тело. Она целовала его грудь, плечи, шею... И вот его губы слились с ее губами, а его отвердевшая плоть почти сразу вошла в ее лоно.

Наан со стоном откинулась назад и, заложив руки за голову, принялась совершать размеренные и в то же время неистовые движения страсти. Его тело было послушным и умелым... «Еще бы, ведь у него такой опыт», — мелькнуло в голове у Наан, и она приостановилась, словно струей воды охлажденная этой ревнивой мыслью.

Внезапно она осознала, что занимается любовью сейчас не с одним Лабастьером, но и со всеми его воплощениями... Множество рук, множество глаз... Но сейчас она хотела любви, а вовсе не того, чем она когда-то занималась в своей узкой девической постели. Эта аналогия была невыносима. И она породила новую безумную идею.

Открыв глаза, Наан зацепила ногтем застежку серьги телепатического блокиратора, которую дал ей Лайвар, сдернула ее со

своего уха и, рывком наклонившись вперед, нацепила ее на правую мочку Лабастьера.

Она знала, что прибор начинает действовать в тот момент, когда смыкается металлический зажим, и чуть-чуть сжала пальцы. Раздался щелчок... И сразу за ним — исступленный крик Лабастьера.

Наан отпрянула, вглядываясь в его искаженное лицо и пытаясь понять, чем вызван этот крик — ужасом, болью или наслаждением.

— Что со мной? — выдохнул он. — Что ты сделала со мной? Я стал таким маленьким... Еще! Прошу тебя... Сильнее! — Это уже относилось к тем движениям, которые она продолжала машинально совершать.

И ему не пришлось долго упрашивать ее. Ведь теперь она знала, что занимается любовью с одним-единственным, принадлежащим только ей, Лабастьером.

«Любовь чудовища не имеет цены?» Теперь она не была так уж уверена в этом.

12

Набухают капли воды, воды,
Чтобы ливнем пролиться вниз.
Я б пустыней стал, стань водою ты,
Это правда, а не каприз...
Но уходят годы. Мои мечты
Остаются мечтами лишь.

«Книга стабильности» махаон,
т. XIV, песнь III; учебная мнемотека
Храма Невест провинции Фоли

Они очнулись. Наан поспешно оделась и привела в порядок костюм Лабастьера. Выражение его лица было странным и незнакомым. Казалось, он ошарашен, напуган и прислушивается к собственным ощущениям, как это бывает с теми, кто внезапно заболел неизвестным ему доселе недугом.

— Я знаю, что ты сделала, — произнес он наконец, трогая сережку. — Ты блокировала мое сознание от всех прочих моих телесных воплощений. Это так?

— Прости. Лайвар говорил, что это может быть вредно тебе... — Она потянулась к его лицу. — Дай я сниму.

— Подожди, — поспешно отстранился он. — Я еще не решил, хочу ли я этого. Это он приказал тебе?

— Нет. Наоборот. Он запретил. Но я не удержалась.

Наан еще внимательнее вгляделась в его лицо.

— У меня такое чувство, будто... мир сузился до этого маленького гнездышка... — Он огляделся, и в глазах его еще явственнее, чем прежде, появились изумление и страх. — Раньше любые стены казались мне прозрачными... А теперь я всецело принадлежу этому месту и беспомощен, как личинка. Еще бы, ведь вместо тысяч глаз у меня их теперь столько же, сколько и у тебя...

— Тебе страшно?

— Да. Но еще никогда мои чувства не были так свежи. — Его взгляд остановился на лице Наан. — Ты прекрасна. И я люблю тебя, моя непокорная невеста.

— Я уже не невеста тебе, мой император, я жена тебе и счастлива этим.

Он улыбнулся, но в улыбке этой сквозила растерянность.

— Да, ты права. Но не во всем. Я — не император. Я лишь небольшой кусочек, отрубленный от его тела и души.

— Но от этого ты дорог мне еще больше... Так ты действительно не хочешь снять сережку?

— Не-ет, — протянул Лабастьер, качая головой. — Я слишком хорошо знаю себя... большого. Если я сниму прибор, который ты называешь «сережкой», ОН уже никогда не позволит мне надеть его снова... Меня нынешнего, маленького, не станет... Я знаю: император сейчас в бешенстве, ведь вместе со мной — своей микрочастичкой — он потерял и тебя. А он любит тебя, я не лгал. Бессмертный не может любить смертного в полную силу, ведь, глядя на тебя, он всегда помнит, что красота твоя не вечна, что скоро ты увянешь, а затем и умрешь... И он готовит себя к этому. Но все же он любит. И я. А это значит, что отныне, — Лабастьер поднял голову и взглянул в глаза Наан твердо и решительно, — отныне мы с ним — соперники и враги.

Она слушала, с трудом постигая его вывернутую логику.

— Думаешь, он понял, что я блокировала твое сознание, а не просто убила тебя?

— Я всегда догадывался... Точнее, ОН всегда догадывался, что, несмотря на запрет, втайне над созданием подобного прибора кто-нибудь работает... А смерть выглядит не так. Я знаю.

— Если ты — враг императора, значит, ты — союзник Лайвара?

— Не думаю, — покачал головой Лабастьер, — твоему брату я нужен был именно как часть императора, чтобы манипулировать им. А вовсе не как самостоятельное и беспомощное существо, которым я стал сейчас.

И тут до Наан окончательно дошло, каким действительно слабым и ограниченным должен считать себя этот самец, привыкший пользоваться восприятием тысяч воплощений. И как трудно ему сейчас.

— Может быть, все-таки снять блокиратор? — в третий раз повторила она вопрос, чувствуя, что звучит он уже навязчиво.

— Нет, — покачал головой Лабастьер. — Теперь я уверен в этом. Я обрел собственную личность. Можно сказать, я только что родился. И мне повезло родиться в твоих объятиях. В какой-то степени ты не только жена мне теперь, но и мать... Будучи одним из телесных воплощений, я никогда не мечтал, да и не мог мечтать о самостоятельности... Ты сделала это со мной... Ты СДЕЛАЛА МЕНЯ без моего согласия. Но ведь еще ни одну бабочку, прежде чем зачать ее, не спросили о том, хочет ли она родиться. И это никогда не было поводом для самоубийства, не так ли? И я тоже не хочу теперь исчезать, вновь слившись с тем, большим... Если, конечно... Ты же не собираешься бросить меня? Ты любишь меня?

Как ни странно, вопрос этот застал Наан врасплох. Да, она любит Лабастьера... Но какого? Того, огромного, которого ее учили и заставляли любить в Храме Невест с самого первого дня ее появления на свет, или этого, нового — слабого и растерянного, считающего себя лишь малой частичкой чего-то по-настоящему значимого?

Наверное, ее сомнения отразились и на лице. Лабастьер смотрел на нее с робостью, столь непривычной для этого лика.

— Я... Я не знаю... — промямлила она.

— Решай немедленно. Я не лгал: император обнаружит этот тайник с минуты на минуту. Если ты со мной, нам нужно срочно бежать отсюда. И первым, кто попытается нас задержать, будет твой брат.

— Ты думаешь, у нас есть шансы?

— Мало. Но я знаю все самые сокровенные тайны своего противника, и один шанс из тысячи у нас все-таки есть. Поспеши с решением! Мы не сможем воспользоваться антигравом, он не настроен на наши параметры. Приходится рассчитывать только на собственные крылья, а я не уверен, что мои не повреждe-

ны, и я смогу лететь... Да, честно говоря, я... мое тело еще ни разу в жизни не делало больших перелетов на собственных крыльях.

На мгновение Наан представила, что Лабастьер все же снимет серьгу-блокиратор. По его словам выходит, что для него это равносильно смерти. Да, действительно, еще совсем недавно его, во всяком случае как самостоятельной личности, попросту не существовало... Но ведь тогда, если он снимет серьгу, в мире не изменится практически ничего. Нет. Убийство новорожденного остается убийством. А велика ли цена личности, если та всецело зависит от маленького камешка в ухе?

«Однако, — одернула она себя, — сейчас не время задаваться этими абстрактными вопросами. От меня требуется быстрое и однозначное решение. Если она не послушается Лабастьера, он снимет сережку. И это она, Наан, убьет его. Его, по-настоящему любящего ее самца! Ну почему именно она вновь должна решать чужую судьбу?!»

И все же она спросила еще:

— Что нас ждет? Ради чего нам бежать? Если ты хочешь бороться с императором, не лучше ли это делать вместе с мятежниками?

— Они не правы. Бороться с ним невозможно и бессмысленно. Я предлагаю тебе просто скрыться, спрятаться, просто быть вместе, потому что мы любим друг друга.

Понимая, что скорее всего она вновь совершает ошибку, Наан кивнула:

— Что я должна делать?

Лабастьер облегченно вздохнул, а затем спросил:

— Если ты постучишь в дверь, тебя услышат снаружи?

— Да.

— Тогда для начала помоги мне освободить руки.

Справиться с Лайваром большого труда не составило. На всякий случай Наан конфисковала найденную у него вторую сережку-блокиратор (ту самую, которую он цеплял Лабастьеру, когда тот был в беспамятстве). Но главным приобретением при обыске стал довольно странный бластер, сконструированный так, что им мог пользоваться Лайвар со своими крюками вместо пальцев. Теперь, с трудом приспосабливаясь к нетривиальной форме, это оружие сжимал в руках Лабастьер.

— Что он тебе посулил, предательница нашего рода?! — сверкнув угольком глаза, бросил Лайвар сестре, оказавшись в том са-

мом беспомощном положении, в котором только что был Лабастьер — с прикованными к стене изуродованными руками.

— Главное — то, что вас отпустят с миром, не причинив вреда. — Она не стала объяснять брату мотивы своего поступка, слишком мало времени у них оставалось, да и вряд ли тот смог бы понять и простить ее.

— Поспешим... — дернул ее за руку Лабастьер, и они кинулись к выходу.

...Дипт-Шиан и Дент-Харрул нападения явно не ожидали.

— Сидите, как сидели, и не двигайтесь! — скомандовал Лабастьер и, неловко держа уродливый плазмобой, направил его ствол на дежуривших у костра супругов. Харрул начал было подниматься, но Лабастьер сделал предупреждающий выстрел. Раздался характерный чмокающий звук, полыхнуло, в небо взметнулось облачко пыли, и на том месте, где только что был костер, образовалась воронка правильной конусообразной формы с блестящими оплавленными стенками.

Дент-Харрул послушно присел обратно, Наан же тем временем обыскала супругов и забрала их оружие — два бластера и допотопное пружинное ружье, предназначенное, по-видимому, для охоты или для защиты от птиц.

— Будь ты проклята! — процедила сквозь зубы Шиан, в то время как Наан обшаривала карманы ее комбинезона. — Я знала, что тебе нельзя верить... Самцы глупы, они способны положиться на влюбленную самку...

— Когда-нибудь ты поймешь, сестра, что в мире есть не только белое и черное, — ответила ей Наан и замолчала, понимая, что любые слова сейчас бессмысленны.

— Ты не сестра мне, и не смей оскорблять меня нашим мнимым родством, — прошипела та.

Но времени на дискуссию не было. Молча слушая проклятия самки, Наан заставила супругов сесть спинами друг к другу и связала их руки куском найденной у Харрула флуоновой бечевки.

— Ты действительно уверен, что их не казнят? — закончив свою работу и пряча себе в карман остаток шнура, спросила Наан Лабастьера нарочито громко, так, чтобы и пленники слышали этот их разговор.

— Да, я... точнее ОН решил так.

— Тогда — в путь!

Лабастьер кивнул, слегка поморщившись, расправил крылья и полетел вдоль скального кряжа. Он летел довольно медленно и

неуверенно, Наан без труда догнала его и протянула ему один из плазмобоев:

— Избавься от этой кошмарной штуковины, — кивнула она на оружие Лайвара. — Когда ты выстрелил, я боялась, что ты прикончишь их.

— Я и сам испугался, — признался тот, послушно отбросив один бластер и принимая другой.

— Куда мы летим? — спросила Наан.

— Для начала мы должны скрыться из виду. А потом — туда. — Лабастьер указал рукой вверх. — К Пещере Хелоу.

— Зачем?! Там есть что-то такое, что поможет нам спастись?

— Нет, делать там нам абсолютно нечего. У нас нет причин лететь туда. А значит, это единственная возможность избежать того, что ОН выследит нас; ведь еще довольно долго он будет угадывать каждый мой шаг так же легко, как свой.

— А этот шаг он не угадает?

— Возможно, что и так. Но выбора у нас нет... Я уверен, если ОН и станет искать нас там, то — в последнюю очередь.

Перспектива показалась Наан довольно унылой, но предложить что-то более конструктивное она не могла. «В конце концов все складывается в какой-то степени логично, — с долей самоиронии подумала она. — Я и до сей поры непрерывно совершала только самые нелепые поступки, но делала это в одиночку. Теперь мы будем заниматься этим вдвоем. Это даже отрадно...»

Она покосилась на Лабастьера, и тот, поймав ее взгляд, улыбнулся.

Напряжение, в котором Наан находилась с того момента, как решилась бежать с ним, спало, а опасность погони, хотя и была более чем реальной, оставалась пока лишь теоретической. Сейчас же они — две свободные и самостоятельные бабочки — просто летели вместе над расстилающимся внизу суровым, но живописным пейзажем и, изредка переглядываясь, улыбались друг другу.

И Наан подумала, что, возможно, она счастлива сейчас. Да, счастлива! Впервые за всю свою короткую, сперва такую спокойную, а теперь бурную и полную опасностей жизнь.

...Делая небольшие передышки на покрытых мхом и лишайником выступах скалы, они целые сутки летели почти вертикально вверх, прежде чем добрались до края очередной ступени Хелоу. У самой кромки ступени они подверглись нападению трех огромных черных птиц, и лишь непрерывный огонь из двух плаз-

мобоев спас их: один из крылатых монстров камнем рухнул вниз, двое оставшихся убрались восвояси.

Наан устала, а Лабастьер и вовсе выбился из сил. Со стонами облегчения они упали на холодную, покрытую реденькой травкой почву, а потом засмеялись, передразнивая собственные стоны. Они не занимались любовью, но каждый взгляд, каждое их прикосновение друг к другу казались не чем иным, как частью затянувшейся любовной игры.

Нахохотавшись вдоволь, они успокоились и затихли, устроившись поудобнее. Стылый воздух, проникая в легкие Наан, заставил ее вспомнить о том, что, по легенде, для того чтобы добраться до Пещеры, им предстоит перейти через плато, покрытое замерзшей водой.

Когда-то святую Ливьен, ее товарищей и думателя спасла в этой ситуации самодельная теплая одежда. Но у Наан с Лабастьером не было ничего такого, что можно было бы для этого приспособить. Или он надеется добраться до Пещеры достаточно быстро благодаря тому, что точно знает дорогу?

Желая спросить, Наан глянула на своего возлюбленного. Он лежал на спине, с закрытыми глазами, и то, как ровно вздымалась его грудь, подсказало ей, что он уснул. Он укрыл себя, завернувшись в крылья, но это, конечно же, не могло спасти его от утренней прохлады высокогорья. Лицо его осунулось, черты обострились, и если бы не то, как Наан относилась к нему, он выглядел бы просто жалким.

Она тоже прикрыла веки, но сон, несмотря на усталость, не приходил. Вместо этого ее сознанием овладели мучительные сомнения и страхи.

Если отбросить романтическую идею, что ради нескольких дней на свободе рядом с любимым существом стоит жертвовать жизнью (хотя Наан и была согласна с этим тезисом), план Лабастьера не выдерживает никакой критики. Собственно, это даже нельзя назвать «планом». Если даже они почему-то и не погибнут от холода на снежной равнине, рано или поздно (и скорее рано, чем поздно) император настигнет их и в Пещере.

Что он сделает с ними? Ее Лабастьер вновь станет частью, одним из многих телесных воплощений императора, она же... Кем или чем станет она, останется ли она живой или нет, уже не имело значения. Даже если император вновь пощадит ее, существование ее отныне будет безрадостным и бесцельным, и в душе ее не останется гордости.

Лабастьер не желает обсуждать этот вопрос. Слишком хорошо зная мощь своего противника, он уже покорился судьбе и не видит ничего лучшего, чем недолгий побег без надежды на спасение. Просто он еще не научился быть по-настоящему самостоятельным.

Но она-то устроена по-другому! Да, она ошибалась. Но еще никогда она не складывала крылья, покоряясь обстоятельствам! Она должна что-нибудь придумать и на этот раз! Хоть как-то отодвинуть страшную развязку на более отдаленный срок.

Наан открыла глаза, села и тут же почувствовала, что у нее кружится голова. Ее лицо пылало, в горле першило. Похоже, она уже простудилась. Дело оборачивается все хуже.

Так что же делать? Обмануть, перехитрить императора? Возможно ли это? Да, если попытаться вновь воспользоваться его привязанностью к ней. Но это подло... Нет! Разница их сил и возможностей столь разительно велика, что в ее борьбе с ним запрещенных приемов нет.

Стоило Наан прийти к этому выводу, как она тут же поняла, что ей следует предпринять. Немедленно. Это было настоящим озарением.

Пересилив головокружение и заставив себя забыть о болезненных симптомах, Наан встала на колени. Вынув бластер, она установила указатель его мощности на самую нижнюю отметку. Затем достала из кармана остаток той бечевки, которой связывала Дент-Харрула и Дипт-Шиан, оценила его длину и, отметив середину, поднесла плазмобой к этому месту. Нажала на спуск.

Легкий дымок, противный запах горелого флуона — и шнур разделился на два равных отрезка.

Наан осторожно, стараясь не шуметь, подползла на коленях к Лабастьеру и в нерешительности встала перед ним. Опять, опять она совершает предательство... Но ведь это — во имя его же пользы... Однако она не спрашивает его разрешения. Но если она спросит, потеряется весь смысл задуманной ею авантюры.

Отбросив робость, она одной половиной бечевки крепко, но не стягивая, чтобы не разбудить Лабастьера, связала ему ноги. Удостоверившись, что он не проснулся, она бережно раздвинула его крылья и, опасливо поглядывая возлюбленному в лицо, принялась связывать и руки, положив их сперва одна на другую.

Был миг, когда ей показалось, что он просыпается, и она почувствовала, что от волнения покрывается испариной. Но, пробормотав что-то нечленораздельное и передернув плечами, Лабастьер так и не открыл глаз.

Вытащив из его кармана бластер и отбросив его подальше, Наан перевела дух, а затем, поднявшись, обошла спящего. Она присела возле его головы, вздохнула и решительным движением сделала самое главное и самое страшное: отомкнула крепление сережки-блокиратора и сняла ее...

Лабастьер открыл глаза и уставился на нее. Наан знала, что сейчас его глазами на нее смотрит император, но она не ожидала, что разница будет столь очевидна.

Несмотря на то что черты его лица, само собой, остались прежними, на нее смотрело совершенно другое существо. Взгляд его был холодным, волевым, и в нем чувствовалась такая чудовищная сила, что все внутри Наан сжалось и задрожало от робости.

— Приветствую тебя, — произнес император Лабастьер Первый, не добавляя обычных эпитетов, и в голосе его сквозил мертвенный холод.

— Приветствую тебя, возлюбленный жених мой, Внук Бога, умеющий быть везде... — склонила Наан горящий жаром лоб.

— Что за очередная низость взбрела тебе в голову? Я не перестаю удивляться твоей изобретательности.

— О нет, мой повелитель, я не собираюсь причинять тебе вред...

— Почему же тогда я связан? — Император перевалился набок, а затем рывком сел.

Вид его был решителен, и Наан испугалась, что теперь у него достанет силы порвать флуон или, дотянувшись до щиколоток, развязать ноги. Она уже потянулась было за плазмобоем, но стало ясно, что ни того, ни другого он сделать все же не способен. И она успокоилась.

— Ты забыла про крылья, — заявил император. — Я могу улететь и связанный.

— У меня есть бластер, — напомнила она, дивясь собственной наглости.

— Та-ак, — протянул он. — Чего же ты хочешь?

— Выслушай меня, мой повелитель, я все тебе объясню.

Император мрачно кивнул.

— Я всегда знала, что люблю тебя. Всегда. Этому меня учили в Храме, к этому я пришла и сама... Но что-то, что не зависит от моей воли, не позволяло мне слепо подчиниться предначертанию. Ты знаешь, я наделала много глупостей, и в некоторых из них я искренне раскаиваюсь. Но никогда, никогда я не стану

раскаиваться в том, что отделила от тебя одно из твоих воплощений...

Лицо императора исказилось злобой:

— Это как раз единственное твое настоящее преступление, единственное, чего я не обещаю простить тебе!

— Да-да, мой повелитель, я понимаю... Но именно с ним, с одним из твоих воплощений, а значит, в какой-то степени и с тобой, я узнала, что значит любить по-настоящему...

— «В какой-то степени», — передразнил тот. — Хотя... «В какой-то степени» это так. Ведь все, что было в его памяти, теперь помню и я... — На его лице, возможно, помимо его воли, появилась блуждающая улыбка.

— Я хочу предложить тебе обмен, — выпалила Наан, пользуясь сменой его настроения.

— Сделку?! — поднял брови император и усмехнулся. — Безумная маленькая бабочка. По-моему, ты просто не понимаешь, в каком жалком положении ты сейчас находишься. Я, конечно, не предполагал, что это мое, возомнившее себя самостоятельной особью, воплощение потащит тебя в сторону Пещеры Хелоу. В этом нет ни малейшего смысла. Но все равно через пару дней я нашел бы вас и там. Ну а теперь, когда я знаю, где ты, не пройдет и получаса, как до вас доберутся мои антигравы.

— Когда я сняла с твоего уха сережку, я понимала, что тем самым выдам наше местонахождение. Но я надеюсь на твое благородство! — Наан вложила в эти слова всю страстность, на которую только была способна. — Выслушай же меня, не перебивая, ты ведь и сам говоришь, что времени у меня немного, а я должна успеть! Я поняла, почему я бунтовала, почему не могла покориться неминуемому. Я не находила сил заставить себя любить только часть чего-то огромного. Не знаю: или другие твои жены лгут тебе, или это я — неправильная самка... Мне нужно время. Я хочу добраться с одним из твоих воплощений до Пещеры, хочу какое-то время прожить там с ним и любить его так, как люблю уже сейчас. Я должна привыкнуть к нему и привыкнуть к мысли, что рано или поздно он вновь станет тобой... И тогда, мне кажется, я смогу перенести всю свою любовь на тебя... Я буду стараться! Дай мне срок! Помнишь, ты ведь говорил, что умеешь ждать!

— Так вот зачем ты связала меня... Чтобы я не сопротивлялся, когда ты станешь цеплять мне обратно на ухо свой проклятый прибор... То, что ты говоришь, не лишено смысла. Но только в отношении тебя. А как быть с моим воплощением? Простит ли

он тебе новое предательство? Ведь он будет помнить все, что ты только что мне сказала.

— Он любит, и он поймет меня. Он уже отчаялся и покорился. Единственное, чего он хочет, — хотя бы на несколько дней оттянуть миг, когда нас схватят.

— А о каком сроке говоришь ты?

— Месяц. Хотя бы месяц. Обретая самостоятельность, твое воплощение становится нерешительным, но оно не менее благородно, чем ты. И я обещаю: через месяц он снимет эту серьгу со своего уха сам. Он будет благодарен тебе за эту отсрочку.

— Но... я ревную тебя, — с тенью смущения произнес император.

— Ревнуешь?! Значит, мы квиты. Я ревную тебя ко всем самкам, с которыми ты был за эти триста лет во всех своих воплощениях. А к кому ревнуешь ты? К собственной части, память которой вскоре вновь станет твоей?..

Император прищурил глаза, но она не отвела взгляд, и ни один мускул не дрогнул на ее лице.

— Если бы мои чиновники владели искусством убеждения и обмана в той мере, в какой им владеешь ты, — наконец вымолвил он, — я, пожалуй, переложил бы часть своей работы на их плечи... А что будет, если я не соглашусь с твоими доводами?

— Я убью себя, — заявила Наан решительно, доставая плазмобой, и она на сто процентов верила в то, что говорила. Она приставила ствол к груди, а палец положила на кнопку пуска.

Император дернулся, желая, по-видимому, помешать ей, но путы не позволили ему этого.

— Перестань! — рявкнул он. — Ладно. Я согласен. Я даю вам этот месяц. Мне ли, бессмертному, не подождать этот смехотворный срок? Месяц — это миг по сравнению с вечностью. Хотя, возможно, это и будет самый мучительный миг в моей жизни... Может быть, мне помочь вам добраться до Пещеры?

Наан на миг задумалась, а затем отрицательно покачала головой:

— Нет, мы должны сами проделать этот путь. Как Ливьен и Рамбай.

Она не смогла бы объяснить даже самой себе, почему она ответила именно так. Скорее всего потому, что хотела считать этот месяц счастья своей собственной заслугой, а не подарком императора. Внезапно ей показалось, что существо перед ней — ее любимый Лабастьер, и она, порывисто наклонившись, поцеловала его в губы.

— А потом, через месяц, ты не убьешь себя? — спросил император, когда она отстранилась, и в его голосе мелькнуло что-то, что заставило ее сердце болезненно сжаться.

— Нет, я не убью себя, — ответила она искренне и тут же сменила тему: — А ты можешь передать от меня привет моему брату?

— Могу, — кивнул тот. — Но вряд ли он обрадуется. Сейчас он сидит в антиграве рядом с одним из моих воплощений и проклинает тебя всеми возможными проклятиями.

— Передай ему, что мне очень жаль. И спасибо тебе. Прощай.

С этими словами Наан поспешно протянула руку и, водворив серьгу на место, щелкнула застежкой.

Лабастьер застонал и вновь повалился на спину.

— Я задушу тебя, подлая, низкая тварь! — простонал он.

— Подожди, любимый! — вскричала она, и из глаз ее как реакция на пережитое только что напряжение брызнули слезы. Врать и оправдываться, врать и оправдываться... Ее жизнь превратилась в сплошную муку. — Не спеши обвинять меня. — Она подползла к нему и, осыпая горячими поцелуями его лицо, забормотала быстро и страстно: — Все, что я говорила ЕМУ, — ложь, ложь все, до последнего слова. Но у нас теперь есть целый месяц, и за это время мы можем придумать что-нибудь еще!

— Нет! Не верю! — закричал он, мотая головой и уклоняясь от ее поцелуев. — Если это так, то почему же ты сняла серьгу в то время, когда я спал?! Ты подкралась ко мне, как воровка, и связала меня! Почему же ты сначала не рассказала о своем замысле мне?!

Его глупость отрезвила ее.

— А ты подумай, — холодно отозвалась она, выпрямившись, села и отвернулась.

Пауза длилась недолго.

— Прости, — сказал он. — Действительно, если бы ты согласовала это со мной, ОН знал бы, что все это хитрость. Он никогда не поверил бы тебе, и не дал бы нам этот месяц. А он поверил, я знаю, ведь я только что был ИМ. Я даже помню, как отдал приказ всем антигравам возвращаться в Город... — Он помолчал. — И все-таки мне больно.

— Мне тоже, — отозвалась она, смягчаясь. И спросила: — Я могу тебя развязать? Глупостей больше не будет?

* * *

Лишь час любви, который они наконец позволили себе, окончательно снял с их душ груз обмана и ощущение лживости всего и вся. А затем, когда нервное напряжение спало, Наан вновь почувствовала себя больной. И тут уж расклеилась по-настоящему.

Она то впадала в забытье, то приходила в себя и тогда видела склонившееся над собой озабоченное лицо Лабастьера. Однажды, в полубреду, ей привиделось, что Лабастьер уговаривал ее спуститься обратно — в тепло, на ту ступень Хелоу, где находилась тайная пещера мятежников. Ей привиделось, что она согласилась, и они полетели вниз. Точнее, не полетели, а почти упали, так как в полную силу крыльями работал только Лабастьер, держа Наан висящей на вытянутых руках, а она своими крыльями лишь чуть-чуть помогала ему.

...А потом оказалось, что все это был не бред, и она очнулась на мягком полу той самой уютной теплой комнатки, которая совсем недавно служила темницей плененному императору.

Очнувшись одна, она хотела было выползти наружу, но тут в проеме возник Лабастьер. Он принес нанизанные на прутик куски жареного мяса.

— Тебе надо подкрепиться, — весело сказал он. — Я очень испугался за тебя, но, кажется, кризис миновал, и дело пошло на поправку. Это мясо той птицы, которая напала на нас, я нашел ее на этой ступени. Представляешь, — добавил он с воодушевлением, — я впервые за триста лет сам готовил еду!

— Сколько я провалялась? — спросила Наан.

— Двое суток.

— Двое суток?! — вскричала Наан, приподнимаясь на локтях. — Двое суток из подаренного нам месяца?! Я должна немедленно встать!

— Успокойся, не спеши, — остановил ее Лабастьер. — Лучше подкрепись. В конечном счете твоя болезнь пошла нам на пользу.

— Каким образом? — недоверчиво спросила Наан, откусывая попахивающий дымком пресный, но сочный и душистый кусок птичьего мяса.

— Если бы ты не заболела, мы были бы сейчас уже на полпути к Пещере. И мы бы плелись сейчас по снежной пустыне, потому что обледеневшие крылья не способны удержать бабочку в воздухе, тем более в таком разреженном, как там...

— Нам еще предстоит это, — заметила Наан, дожевывая кусок и чувствуя, что силы действительно возвращаются к ней.

— Вовсе не обязательно, — заявил Лабастьер. — Император уверен, что мы отправились туда. А мы вместо этого спустимся вниз, доберемся до Города маака, изменим нашу внешность, смешаемся с толпой и будем жить долго и счастливо. А?!

Наан перестала жевать и изумленно посмотрела на Лабастьера. А ведь это настоящий выход!.. Ей такая возможность и в голову не приходила. Он действительно становится самостоятельным самцом.

Он же смотрел на нее, улыбаясь блаженно и глупо.

— Но если я изменю внешность, будешь ли ты, коварный самец, любить меня?

— Конечно, нет, — засмеялся он. — Для того-то я это все и придумал.

13

Если бы только Охотник знал,
Где поджидает кот,
Он никогда бы туда не летал,
Пусть его кот не ждет.
Если не хочешь, чтоб кто-то поймал,
Не залетай вперед.

«Книга стабильности» махаон,
т. III, песнь XIV; учебная мнемотека
Храма Невест провинции Фоли

Весь следующий день Наан пролежала, не вставая, терзаемая приступами отчаянного кашля. Однозначно это была пневмония. Но метаболизм теплокровных бабочек интенсивен, и болезни, если они и случаются, длятся недолго. Уже к вечеру она почувствовала, что идет на поправку.

Они обсуждали идею Лабастьера и приходили к выводу, что, возможно, у них все-таки есть будущее. За месяц им на собственных крыльях, конечно же, не долететь до Города, но там, внизу, в диком лесу, они смогут скрываться сколь угодно долго и, если повезет, рано или поздно доберутся до него. Они оба понимали, что все далеко не так просто, и шансов быть пойманными у них значительно больше. Но оба старались казаться наивнее, чем есть, и поддержать другого своей показной уверенностью в успехе.

Но еще больше они разговаривали на самые отвлеченные темы, просто, чтобы лучше узнать и понять друг друга. Не-

ожиданно оказалось, что представление Лабастьера о своей возлюбленной, искаженное памятью того существа, частью которого он был, мало соответствует реальности. Да и Наан, как выяснилось, не совсем точно знала, каков он на самом деле. По большому счету он и сам еще не очень хорошо знал себя.

— Почему вы такие разные? — спросила она однажды. — Почему все лучшее, что я видела В НЕМ, в тебе сохранилось, а все то, что пугало и отталкивало меня, исчезло?

Лабастьер ненадолго задумался.

— Я, кажется, понимаю, о чем ты говоришь. И постараюсь объяснить тебе. Император взвалил на себя непосильную ношу, и она деформировала его. Если поначалу телепатия служила для его телесных воплощений не более чем средством связи, через несколько поколений она перевела его в иное качество. Его личность как бы «размылась» в тысячах воплощений. Он действительно перестал быть бабочкой. Я помню... Я очень много видел и слышал, очень много знал и понимал, но чувствовал я совсем не так. Тускло. Я цепенею даже сейчас, когда вспоминаю это ощущение. Единственное, чему я удивляюсь, так это тому, что я так легко адаптировался, став самостоятельным. Наверное, это благодаря тебе.

Наан пропустила мимо ушей лестное для нее признание и продолжала расспросы:

— Но если ты говоришь, что ему плохо, тогда зачем ему все это? Не понимаю!

— Ему, собственно, не с чем и сравнивать... Как бы тебе объяснить... — Он беспомощно поморщился и потер затылок. — Как объяснить... Ты знаешь про космический проект императора?

— Да. Мне рассказал о нем Дент-Харрул.

Лабастьер непонимающе глянул на нее, и она уточнила:

— Тот зеленоглазый мятежник, которого ты чуть было не пристрелил.

— А-а... — кивнул Лабастьер с легкой усмешкой; ему явно доставляло удовольствие это воспоминание. Еще бы, ведь это был его первый самостоятельный и решительный поступок после отделения от императора. — Помню. Помощник твоего брата. Так вот, ты знаешь, почему бабочки до сих пор не отправились в космос? — Наан отрицательно покачала головой, и Лабастьер объяснил: — Потому что возглавить такой полет может только сам император — одно из его воплощений. Никому другому он не доверит этого. Но расстояние, на котором действует телепатическая связь, не бесконечно. И он боится. Потерять хотя бы одно

из воплощений ему так же страшно, как тебе, например... вырвать зуб. Даже страшнее.

— Но если этот зуб болит?

— Если болит, это дело другое! Недаром воплощения императора никогда не умирают от старости, а кончают жизнь самоубийством, как это было когда-то принято у вас, махаон.

Наан усмехнулась. Император в своем амплуа. Запретив эфтаназию законом, для себя он вновь сделал исключение.

Лабастьер тем временем продолжал:

— Но если все-таки не болит?! Кому-нибудь может прийти в голову вырвать себе зубы лишь потому, что ему сообщат, что каждому отдельному зубу так будет лучше, и жить они будут самостоятельно? Но еще больше он боится того, что отделившееся воплощение пойдет его же путем, там, далеко в космосе, оплодотворит тысячи самок и создаст тысячи своих воплощений... Он не знает, что произойдет при встрече двух таких множественных существ — слияние или гибельная борьба.

Наан сменила тему:

— А по поводу его божественного происхождения? Выходит, это полный обман, не имеющий под собой ни малейших оснований?

— Все не так бесспорно. Давай разберемся для начала, что же такое Бог. Ни махаоны, ни маака, ни урании не добрались в этом направлении познания даже до половины того пути, который прошли бескрылые. У них, как и у нас, было множество религий, одни сменялись другими, порой даже воевали друг с другом! Но в отличие от нас бескрылые все-таки сумели обобщить весь свой опыт в этой области, и они создали науку — прикладную теологию. Науку о Боге. Они НЕ ВЕРИЛИ, но они не были и атеистами. Они ЗНАЛИ.

— Так что же такое Бог? Неужели кто-то действительно может ответить на этот вопрос? Ты, ты сможешь мне это объяснить?! — Она вспомнила, как зубрила в мнемотеке Храма постулаты Новой Веры и, пытаясь вникнуть в их смысл, не находила его.

— Ты думаешь, можно изложить курс целой науки, главной науки бытия, в двух словах?

— Попробуй.

— Не знаю...

Наан выжидательно смотрела на него.

— Что ж, начнем. Бог — это ничто, пришедшее в гармонию и создавшее из себя все.

— Эта сказочка мне знакома! — возмутилась Наан. — Это — Первый постулат Новой Веры!

— Да! В том-то и дело, что император, взяв конечные выводы науки бескрылых, превратил их в постулаты, в аксиомы без доказательств. Он посчитал, что знание бабочкам вовсе ни к чему, и вновь заменил его слепой верой, добавив кое-что и от себя.

— Зачем?

— Он считает, что для вашей же пользы.

— «Вашей» или «нашей»?

— Не лови меня на слове, я еще не привык считать себя обычной смертной бабочкой.

— А ты боишься смерти?

— Я еще не осознал, не прочувствовал, что это такое. Но уже, кажется, начинаю. Во всяком случае, я не мог бы так хладнокровно убивать, как это делает ОН.

— Много? Он много убивает?

— Да. Но я не хотел бы говорить об этом. Мне тяжело вспоминать это.

— Затопление махаонского Океанополиса — самое его массовое убийство своих подданных за последнее время?

— Нет.

Наан поймала себя на том, что эта беседа начинает ее раздражать, а чересчур лаконичные ответы Лабастьера кажутся ей уклончивыми.

— Хорошо, вернемся к теме, — сказала она. — Итак, он решил, что вера для бабочек важнее знания. А как считаешь ты? Ведь ты — почти он!

— Сперва мне придется объяснить тебе кое-что еще. Создавая из себя материальную вселенную, Бог не превратился в нее полностью, Он остался и духовной субстанцией, гармоничным НИЧТО, пронизывающим вещество и поле. И самое яркое выражение этого — жизнь, наши души. А император един в тысячах воплощений, и потому он считает, что он — сгусток душ, а значит, тысячекратно ближе к Богу, чем любая обыкновенная бабочка. А раз так, он — мессия, Внук Бога, и он вправе диктовать остальным все, что угодно. Но стоило мне отделиться от него, как я моментально осознал, что это — величайшее заблуждение. Это-то и потрясло меня более всего.

— А как на самом деле?

— Тут не действуют законы арифметики. Слияние сознаний не суть слияние душ. Император не ближе к Богу, чем кто-либо еще. Он просто другой. Он информированнее и сильнее. По боль-

шому счету он — особый организм, точнее — колония организмов, не более того.

— Выходит, Лайвар был прав...

— Да. Но на земле нет силы, способной бороться с императором. Да и способной заменить его в случае победы тоже нет.

— Но бескрылые как-то ведь жили?..

— И где они теперь? Им не помогла даже их наука о Боге.

Наан удрученно покачала головой. А Лабастьер продолжил:

— Но на самом деле, я думаю, мир свободных бабочек все же возможен.

...Город общего счастья,
Город без зла и лжи,
Город, где нет ненастья,
Город, где все равны... —

продекламировал он. — Ты помнишь, откуда это?

— Конечно. «Сон святой Ливьен по пути к Пещере Хелоу».

...Город, куда дорогу
Хочет найти любой.
Знает ее Внук Бога
И поведет за собой...

Лабастьер невесело усмехнулся:

— Да. Поначалу я и в самом деле думал именно так. Но, изменяясь, я, сам того не замечая, менял и свои устремления. — Наан посмотрела на него удивленно. Не заметив того, Лабастьер опять заговорил об императоре в первом лице. — И теперь, чтобы сделать мир таким, как мне мнилось когда-то... Как ЕМУ мнилось, — поправился он наконец, — его-то самого и нужно уничтожить прежде всего. И принести в жертву еще много, очень много жизней. Стоит ли? Вообще стоит ли идея жизней? Однажды он решил, что стоит, и вот что из этого получилось. Он думал, убивать придется только в начале, а оказалось — останавливаться нельзя.

— Смерть, снова смерть... — устало пробормотала Наан, прикрывая веки. А Лабастьер, тряхнув головой, добавил:

— А мой вопрос «Где теперь бескрылые?» не столь риторичен, как может показаться. Они теперь — это мы. Процесс реинкарнации не остановился с гибелью мира бескрылых. Он не остановится никогда. А вот тебе и главное тому подтверждение: мы любим друг друга, как когда-то любили друг друга они.

* * *

В путь двинулись с рассветом следующего дня и до берега небольшой речки, от которой брал свое начало суровый кряжистый лес низовья, добрались спустя всего лишь неделю. Благо, над каменистыми и пустынными плоскостями «лестницы Хелоу» лететь им пришлось вниз и налегке. Они не позволяли себе отдыхать более четырех-пяти часов в сутки, забываясь неглубоким тревожным сном, хотя первые два дня Наан и чувствовала себя еще нездоровой и слабой.

Они не дежурили по очереди, ведь если бы они делали так, время на отдых увеличивалось бы вдвое. Опасность, которая могла возникнуть во время их сна, была достаточно абстрактна, тогда как месть императора была более чем реальной, и каждая бессмысленно потерянная минута приближала ее. Они полностью положились на судьбу. И им повезло: за эту неделю ни единой экстремальной ситуации не возникло.

Перелетев речку и опустившись на ее берегу, они, не сговариваясь, сбросили с себя опостылевшую, пропитанную потом одежду, положили на землю оружие и, поначалу чуть-чуть стесняясь своей наготы, а потому не глядя друг на друга, вошли в пенистый игривый поток.

Студеными струями воды усталость смывалась с их тел вместе с последними признаками цивилизованности, и вскоре, почувствовав себя блудными детьми природы, они принялись играть и резвиться так, словно в душах их не было ни страха, ни стыда, ни тяжкого бремени прожитого.

Они не боялись вымочить крылья, так как заранее договорились, что, добравшись до леса, устроят себе большой привал в первом попавшемся дупле, к которому можно будет влезть по веткам. Для того чтобы способность летать вернулась, достаточно будет нескольких часов. А уж до места привала можно добраться и пешком.

Плескаясь и любуясь алмазной игрой капель на солнце, Наан то и дело прикасалась к мокрой горячей коже Лабастьера и чувствовала от этого пьянящее возбуждение. Но когда он, по-видимому, испытывавший то же самое, попытался овладеть ею, она выскользнула из его объятий, шепнув: «Не сейчас...» И он не настаивал. Эта ситуация принесла Наан неожиданное наслаждение, ведь она впервые повела себя с Лабастьером так, словно он был обыкновенным влюбленным в нее самцом, и он ответил ей тем же.

(В какой-то степени, хотя, конечно же, с большой натяжкой, их даже можно было назвать ровесниками: телесное воплощение императора, ставшее теперь самостоятельным, вышло на свет из куколки всего лишь на год раньше Наан.)

И вот, часть одежды обмотав вокруг бедер, а остальное свернув в узлы, они, посвежевшие, но все еще ощутимо нуждающиеся в отдыхе, выбрались на берег. Сжимая в руках бластеры и вибрируя крыльями, чтобы те обсохли побыстрее, босые и притихшие, вошли они в тенистые кущи.

Величавые гладкоствольные деревья с широко раскинувшимися в поднебесье кронами обступили их неотвратимо и безмолвно, словно укоряя за что-то своим извечным молчанием. Кое-где буро-зеленая кора вековых великанов была покрыта бесформенными наростами и мхом. Ни крики птиц, ни шелест ветра не нарушали тишь. Даже крупные муравьи, проползая вверх и вниз по стволам, казалось, ставят свои лапки на кору дерева с особой осторожностью и торжественностью.

Наан, оглядевшись, не заметила вокруг ни одного молодого деревца, и ей пришло в голову, что лес этот, однажды родившись, вечен, что он сродни императору и уж точно имеет божественное происхождение.

Лабастьер отнесся к окружающему с несколько меньшим благоговением, возможно, потому, что его трехсотлетняя память еще хранила впечатления начала его жизни, точнее, жизни первого воплощения Внука Бога. Он не вертел головой и не ахал, как это делала Наан, а лишь внимательно вглядывался в заросли, подыскивая подходящее для отдыха отверстие в стволе. Но стволы были ровными и цельными.

— Похоже, отдыхать придется прямо на земле, — сообщил он.

— Это слишком опасно. Пока мы еще в состоянии двигаться, лучше уж тогда идти, — отозвалась Наан. — В лесу немало неожиданностей. Если мы остановимся тут, обязательно придется бодрствовать поочередно, и это займет уйму времени. Когда-нибудь лес изменится, и мы найдем убежище.

— Откуда такая уверенность?

— Целое племя ураний жило в этом лесу в дуплах.

— Лес велик. До того участка, где они обитали, — еще почти месяц лету. Это во-первых. А во-вторых, дупла, в которых жили урании, — искусственного происхождения. Из поколения в поколение они, по традиции, делали глубокие надрезы в стволах молодых деревьев. Когда те вырастали, на месте надрезов появлялись дупла, служившие жилищами потомкам тех, кто позаботил-

ся об этом. Но в принципе, — кивнул он, — ты права. Лучше все-таки идти и искать. Если, конечно, ты еще не выбилась из сил...

Покосившись на него, Наан чуть заметно улыбнулась. Он ведь не хуже нее знает, что она и крепче, и выносливее его. Порой он ведет себя даже не как ее сверстник, а как бабочка значительно моложе ее.

К закату крылья обсохли настолько, что путники смогли лететь. И, несмотря на сомнения Лабастьера, вскоре они все-таки действительно выбрались на поляну совсем иного характера. Новый пейзаж был несколько веселее за счет обилия лиан, вьюнов с крупными желтыми и белыми цветами и за счет снующих вокруг последних удивительных миниатюрных пташек с непомерно длинными клювами. Но прежде всего картина кардинально изменилась от того, что тут росла совсем другая порода деревьев — кустистая и разлапистая, с уродливыми корневищами, высоко высовывающимися из почвы, и с корой, испещренной глубокими вертикальными трещинами.

Легкая прохлада опустилась на землю, и путники вновь облачились в свои костюмы. То Лабастьер, то Наан облетали очередное «подозрительное» дерево, проверяя, не спряталось ли в его листве подходящее для ночлега дупло. И найти такое удалось. Но уже ночью. Однако пользоваться при этом ночным зрением не пришлось: налитый презрением к маленьким крылатым существам драконий глаз луны был сегодня таким ярким и огромным, что в лесу было светло почти как днем.

Отверстие было глубоким, но узким. Две бабочки, вытянувшись на дне во весь рост, только-только помещались в нем, хотя прижиматься друг к другу и не приходилось. Сперва Наан думала, что уснет моментально, как только появится возможность прилечь. Но, проворочавшись минут двадцать на охапке наспех набросанных листьев, она принялась стягивать с себя одежду: ей стало казаться, что складки блузы врезаются ей в кожу, что материя стала влажной и липкой...

Ее примеру последовал и Лабастьер. А спустя еще немного времени они, сами поражаясь своей ненасытности, принялись ласкать друг друга так страстно, словно не мечтали об отдыхе всю неделю, а минувший день провели не в изнурительных перелетах, а в неге и в томительном ожидании любви...

У Наан не было привычки спать в объятиях самца. В середине ночи она проснулась, чувствуя, что ей душно и неудобно. Стараясь не разбудить Лабастьера, она высвободилась и села.

Это их и спасло.

Внезапно Наан поняла, что вход в дупло чем-то плотно закрыт, так как свет луны не пробивается внутрь. Оттого, по-видимому, ей и стало душно. Сфокусировав свое не слишком натренированное ночное зрение, она оцепенела. Заслонив собой проем, на нее, не мигая, смотрела уродливая чешуйчатая морда. Она была столь велика, что не могла пролезть в дупло целиком, и упиралась в его верхний край надбровными дугами.

Не отрывая своего взгляда от гипнотических глаз, Наан осторожно потянулась к изголовью за плазмобоем, но чудище опередило ее. С легким шелестом из безгубой пасти выскользнул тонкий и длинный раздвоенный язык и, молниеносно обвившись вокруг запястья Наан, потянул ее к себе. Наан с визгом уцепилась свободной рукой за шевелюру Лабастьера.

Несмотря на неожиданную боль, тот, проснувшись, сумел сориентироваться на удивление быстро. Наан не отпускала его волос, и голова его была неестественно перекошена и прижата подбородком к груди. Но он сразу протянул руку туда, где лежало оружие и ухватил то, что попалось.

К несчастью, это был не бластер, а старинное махаонское пружинное ружье. Чтобы привести его в боевую готовность, следовало минут пять заводить пружину, вращая выдвижную рукоятку. Такой возможности у Лабастьера не было. Дотянуться до бластера он теперь уже не мог, так как чудовище, слегка отпрянув, подтащило Наан к самому краю проема, а та, в свою очередь, не переставая визжать, стянула со своего места и Лабастьера.

И все же тот не растерялся и принялся что есть силы колотить прикладом пружинника по языку монстра, то есть и по руке Наан.

— Больно! — перестав верещать, простонала та после второго удара. Но Лабастьер, не обращая внимания на ее жалобу, ударял еще и еще. И это подействовало: шершавый жгут языка размотался и, хлюпнув, втянулся в пасть. И тут же морда зверя вновь прижалась к проему вплотную.

Несмотря на ужас и на боль в руке, Наан с удивлением обнаружила, что чудище улыбается. Осмысленно и приветливо. Вместо того чтобы предпринимать какие-то активные меры защиты, Наан, вяло отползая вглубь, не отрываясь, смотрела на насмешливую змеиную морду, вяло рассуждая про себя: «Может, оно вовсе не улыбается? Может, просто дело в том, что так у него устроены челюсти?..» Словно в данной ситуации это что-то меняло.

Но Лабастьер в отличие от Наан продолжал действовать. Полыхнул разряд его бластера, и чудище, исторгнув леденящий душу хриплый вопль, отшатнулось. Только тут Наан пришла наконец в себя и поняла, что была загипнотизирована его немигающими тусклыми глазами.

Но и тогда она осталась неподвижно сидеть, прижимаясь спиной к дальней стенке дупла, а ее зубы, изредка поскрежещивая, дробно стучали друг о друга. Лабастьер же все палил и палил из плазмобоя, сначала высунувшись из гнезда по пояс.

— Что... Кто эт-то бы-был? — с трудом преодолевая озноб, спросила его Наан, когда тот вернулся.

— Древесная змея, — ответил он. — Урании называли ее «савваманти-анит'а», что значит «зовущий взглядом во тьму себя».

Услышав, что Наан при этих его словах истерически хихикнула, он встревоженно спросил:

— Ты в порядке?

— В по-по-порядке, — подтвердила та, затем хихикнула еще раз, а потом — расплакалась навзрыд. И как ни уговаривал ее Лабастьер, как ни обещал чутко сторожить ее сон, она уже до рассвета не смогла заставить себя сомкнуть глаз.

В конце концов рассудили наоборот: коль скоро ей этого уже не суждено, спать завалился Лабастьер. Так что за ночь выспался только он. Она же уснула лишь утром, когда он протер глаза. И проспала до полудня.

14

Первобабочка-Мать не желала знать,
В чем личинок ее судьба.
Не желала знать Первобабочка-Мать
И того, что найдет сама.
Если б стала она путь иной искать,
Мир, возможно, накрыла бы тьма.

«Книга стабильности» махаон,
т. IX, песнь I; учебная мнемотека
Храма Невест провинции Фоли

Шли дни. Путешествие через лес не казалось Наан чересчур изнурительным, оно напоминало ей скорее развлекательно-познавательное турне. В принципе ей было так хорошо с Лабастьером, что иногда представлялось возможным навсегда остаться с

ним в лесу. Но здравый смысл подсказывал ей, что рано или поздно она начнет тосковать по обществу других бабочек.

Кроме того, Лабастьер неоднократно повторял ей, что по окончании месяца, узнав об очередном обмане Наан, император будет в такой ярости, в какой, пожалуй, не был еще никогда. А уж кому-кому, а Лабастьеру можно верить в знании императорской натуры... Внук Бога направит на поиски беглецов все свои силы и не отступится, пока не найдет их. И, как бы ни был велик лес, укрываться от его гнева здесь в течение многих лет невозможно.

Возвращение в город, конечно, еще опаснее. Но если им удастся в первые же дни сделать пластические операции, можно будет надеяться прожить неузнанными до конца своих дней, при том, что серьги-блокираторы надежно защитят их от мнемозондирования. (Наан мысленно похвалила себя за то, что забрала у Лайвара вторую сережку.)

Другими словами, сказать уверенно, нужно ли им спешить в Город или, напротив, им следует как можно дольше прятаться в чаще, было затруднительно. А коль скоро так, они предпочитали не задумываться над этим лишний раз, а порхали от дупла к дуплу и занимали себя всем, чем только могли.

Время от времени, не столько для того чтобы подкрепить свои силы, сколько для удовольствия, они устраивали себе роскошные пикники, лакомясь подогретым на огне нектаром, фруктами и ягодами, орехами, нежным мясом древесной улитки, запеченной в собственной раковине, и кисловато-терпкими сушеными рыжими муравьями.

Иногда, когда их очередное жилище оказывалось особенно удобным, они задерживались в нем на целые сутки, предаваясь любви, разговорам и снова любви.

Не обошлось без встреч с дикими котами и прочей хищной живностью, но с бластерами в руках бояться им было нечего.

А месяц уже приближался к исходу, в то время как осилили они не более половины пути.

Как-то раз, готовясь к очередному ночлегу, Лабастьер заметил, что земли, над которыми они сейчас порхают, пожалуй, самые неисследованные на континенте.

— Цивилизованными бабочками, — согласилась Наан. — Урании-то, думаю, тут бывали.

— Вполне вероятно, что и нет. Их территория, дальше которой они обычно не забирались, находилась ближе к городу. Сей-

час там — секретный космодром императора, — добавил он. — И это уже не так далеко.

— Космический корабль построен? — полюбопытствовала Наан.

— О да. Он огромен и прекрасен. Но я говорю о другом. Я говорю о том, что именно тут ни маака, ни махаоны, ни урании не бывали никогда.

— А экспедиция святой Ливьен? — возразила Наан.

— Да, мои отец и мать со своими спутниками были где-то в этом районе, но ведь они, как и мы, продвигались продолжительными перелетами, — пояснил он. — И, как и мы, скорее были *над* этими землями, чем *на* них.

— Так давай же пройдемся по ним пешком, — предложила Наан. — Мы будем первыми!

— Почему бы и нет? — согласился Лабастьер. — Правда, это значительно медленнее.

— А мы куда-то спешим? — пожала плечами Наан. — Думаю, если один день мы потратим на то, чтобы, как наши бескрылые предки, пройтись ногами, вряд ли что-нибудь изменится к худшему.

На том и порешили.

Идти было и труднее, и интереснее. Крыльями они пользовались в этот день, лишь перелетая через ручейки и расщелины. Наан внимательно изучала встречавшиеся им растения, наслаждалась запахами цветов и трав, наблюдала за повадками разной насекомой мелюзги. Несколько раз они натыкались на крупных кузнечиков, и те, перепуганные, шарахались от путников в сторону. А однажды Наан наступила на камешек, а тот, оказавшись малюсенькой пятнистой лягушкой, чуть не сбил ее с ног и гигантскими прыжками ускакал прочь. Наан даже присела от испуга, а потом хохотала как сумасшедшая, заразив своим смехом и Лабастьера.

Густая чаща джунглей сменилась редколесьем, травы стали ниже, и удовольствие от пешей прогулки стало еще ярче. Наан уже давно поражали маленькие разноцветные птички, называемые Лабастьером «колибри». Но сейчас, выйдя на поросшую цветами поляну, она увидела такой поразительный экземпляр, что просто не могла отвести от него восхищенных глаз.

Эта пташка была просто чудом. Она была похожа на все, что угодно: на невиданную зеленую пчелу-медянку или на маленький, висящий над алым соцветием камешек изумруда, на

волшебную душу цветка или просто на капельку душистого нектара...

Как завороженная, замерев, любовалась Наан на это диво, а затем осторожно, боясь спугнуть, попробовала приблизиться... Колибри, жужжа крылышками, как майский жук, а вовсе не как пернатое, перелетела на соседний цветок и, повиснув над ним, опустила в его середину длиннющую соломинку клюва. Наан на цыпочках двинулась туда, но птичка перелетела вновь.

Так, забыв обо всем, Наан перебегала от цветка к цветку, пока не услышала сдавленный возглас Лабастьера. Она обернулась и остолбенела: Лабастьер, беспорядочно размахивая крыльями, болтался над землей вниз головой, привязанный веревкой за ногу к ветке дерева.

— Что с тобой?! — воскликнула Наан, направляясь к нему.

— Капкан, — прохрипел тот. — Я не заметил петлю...

Наан, трепеща крыльями, попыталась развязать узел флуонового шнура, но это не удалось ей.

— Бластер! — надоумил ее Лабастьер. — Свой я уронил.

Но она успела лишь потянуться за оружием, когда кто-то тяжелый свалился на нее сверху и, уцепившись за шею, утянул на землю.

Силы были неравными, и борьба недолгой. Через пару минут Наан лежала под деревом, спутанная по рукам и ногам, привязанная к явно заготовленной заранее жерди, и с ужасом разглядывала напавшее на нее существо.

Без сомнения, это был самец теплокровной бабочки. Но такого уродливого создания Наан не видела еще никогда. Его тело и лицо были иссиня-черными и покрытыми нелепыми разноцветными разводами. Он был абсолютно гол, лишь половые органы были запрятаны в подвязанный к поясу мешочек. Его нос, видимо для украшения, был проткнут насквозь тонким, отполированным до блеска прутом, загибающимся к правому уху и пронзающим также его мочку; лоснящиеся от жира волосы заплетены в три толстенные, торчащие в разные стороны косы.

Беспомощно болтаясь на веревке, Лабастьер, плазмобой которого валялся на земле под ним, угрожающе кричал на это безобразное существо, но дикарь, не обращая на него внимания, быстрыми, уверенными движениями туго скрутил Наан, а затем, пригнувшись, в несколько прыжков вернулся к дереву и с удивительным проворством полез с ветки на ветку вверх.

И тут Наан, несмотря на ужас положения и боль в связанных запястьях, заметила и еще одну странную особенность этого су-

щества, не позволявшую ему летать. А именно: его крылья были перегнуты, притянуты за четыре уголка к середине спины и каким-то образом закреплены там.

Минуту спустя Лабастьер и чернокожая бабочка свалились на землю и кубарем покатились по поляне. А еще через несколько минут Лабастьер, упакованный так же умело и аккуратно, как Наан, лежал рядом с ней.

— Кто это? — простонала она.

Изо всех сил стараясь казаться спокойным, Лабастьер ответил:

— Трудно поверить, но, по всей видимости, это приам — представитель вида бабочек, считавшегося вымершим.

— Что-то такое мне рассказывал император... Как ты думаешь, приамы едят бабочек?

— Не думаю. Ведь других бабочек, кроме них, тут нет. Если только допустить, что они пожирают друг друга... И все-таки мне непонятно, почему их до сих пор не нашли?

— Может быть, потому, что они пожирают исследователей? — продолжала гнуть свою линию Наан.

Тем временем белоглазый дикарь, оскалившись, интенсивно почесал себе грудь и бока. Затем достал из-за спины розовую раковину, полуприсев, приложил ее к губам и подул. Раздался громкий воющий звук, напоминающий гул предгрозового ветра, но более конкретный, имеющий определенный тон. Несколько подобных звуков отозвались ему из чащи, и, судя по громкости, откликнувшиеся были где-то рядом.

— Что же нам делать теперь? — Наан была напугана всерьез. — Этот приам выглядит совсем диким и очень опасным.

— Да, по сравнению с взрастившими моего отца лесными ураниями это просто животное... — отозвался Лабастьер. — Пока что мы бессильны что-либо предпринять. Единственное, что мы можем, — быть наблюдательными. Если нам все-таки повезет, нам может помочь спастись любая замеченная мелочь.

— У меня затекли руки и ноги, и я не могу думать больше ни о чем.

В этот миг той же крадущейся походкой на полусогнутых ногах из-за деревьев на поляну выбрались сразу несколько приамов и, непрерывно почесываясь, уставились на пленников выпуклыми, словно сделанными из фарфора глазами. Вид их был более чем живописен. Их тела были раскрашены абсолютно поразному, и в узорах не прослеживалось никакой системы. Тонкие прутики пронзали не только носы и уши, но иногда и губы, а у

двух особей женского пола они соединяли соски недоразвитых обвислых грудей.

Но крылья у всех были связаны одинаково. Похоже, представители этого племени по какой-то причине сознательно отказались от способности летать. И Наан пришло в голову, что, возможно, именно благодаря вето на полет приамы и не были обнаружены раньше.

Удачливый охотник, мыча и приплясывая, принялся усиленно корчить рожи и жестикулировать. Наан с ужасом заметила, что в левой руке он сжимает бластер Лабастьера. И то, чего она опасалась, не заставило себя долго ждать. Прозвучал характерный чмокающий звук и жахнула молния... Но обошлось без жертв, лишь вспыхнули росшие неподалеку кусты.

Приамы рухнули на землю, а стрелявший испуганно отбросил плазмобой в сторону.

Дикари поднялись, вращая глазами, обменялись друг с другом интенсивными жестами, а затем подскочили к пленникам и обшарили их, вытащив разную мелочь, включая сережку, которая была спрятана в кармане у Наан. Затем они схватили концы жердей, к которым пленники были привязаны, забросили их на плечи и трусцой побежали с поляны в чащу.

Приамы тащили свою добычу минут сорок, и Наан казалось, что от боли и тряски она с минуты на минуту потеряет сознание. Кусты хлестали ее по лицу; она стонала, а несколько раз выкрикнула: «Стойте!», «Хватит!», «Я больше не могу!» Но дикари на ее мольбы внимания не обращали.

Неожиданно остановившись, приамы кинули пленников на землю и, упав на четвереньки, принялись быстро разгребать какие-то наваленные в кучу ветки.

— Они не летают и живут под землей, — догадался Лабастьер. — Потому-то о них никто ничего не знает.

Но Наан все это уже мало интересовало.

— Мне кажется, мы умрем, — простонала она. — Они убьют нас.

— Но они взяли нас в плен, значит, мы нужны им живыми, — возразил Лабастьер. — Между прочим, именно в этом племени мы могли бы достаточно надежно и долго скрываться от императора. Хотя мне и не нравится эта идея.

— Да уж... — простонала Наан. Но продолжить диспут не удалось. Лабастьер оказался прав: под ветками обнаружилось узкое отверстие. Приамы подтащили к нему своих пленников и, не це-

ремонясь, спихнули их вниз, сначала Лабастьера, а за ним — Наан. Но перед этим безобразный приам, именно тот, который поймал их, осклабившись и смрадно дыша, склонился над Наан и внимательно, явно вожделея, вгляделся в нее, одной рукой быстро и больно сжав ее грудь. Затем, хохотнув, облизал ей губы и нос, от чего ее чуть не стошнило, а уж потом столкнул ее в темноту.

Высота оказалась немаленькой, и когда Наан свалилась на Лабастьера, тот болезненно охнул. Но Наан и сама больно ударилась боком о привязанную к нему жердь. И это была далеко не последняя боль: дикари попрыгали вниз прямо на них... Затем они долго волокли свою добычу узким коридором. В стенах его тут и там имелись «карманы», служившие, по-видимому, жилыми помещениями. Там горели костры, самки и самцы, сгрудившись вокруг них, занимались какими-то примитивными делами: что-то мастерили, чесали друг друга и сами себя, иногда, судя по запахам, готовили какую-то пищу...

Когда добычу тащили мимо них, дикари, живо отреагировав на событие, подползали к выходам из карманов и пытались схватить, ущипнуть или хотя бы потрогать незнакомцев. Но те, кто их волок, огрызались, а порой и отгоняли любопытных безжалостными ударами. Тут и там возникали короткие побоища, но движение не замедлялось.

Блуза на спине Наан порвалась, ее спина, казалось, стерлась до плоти, но она уже перестала чувствовать боль, лишь мысль о том, сколько грязи набивается сейчас в ее раны, заставляла ее страдать. Дикари уставали и делали короткие минутные передышки. И в эти минуты Наан вновь с отвращением чувствовала руки одного из них, исподтишка ощупывавшие ее.

Наконец они прибыли к месту назначения. Им оказался примитивный инкубатор — огромная и глубокая неосвещенная яма, битком заполненная куколками и гусеницами. Они ползали друг по другу, испражнялись, вереща, отбирали друг у друга куски пищи. В ночном зрении все это казалось Наан живым бледно-зеленым месивом.

По краю этой ямы имелся широкий уступ, на котором были навалены сушеные фрукты, орехи, ягоды и прочий провиант, и куда гусеницы добраться не могли... По-видимому, продукты время от времени сбрасывались отсюда вниз. На этот-то уступ и положили пленников.

— Нас скормят этим тварям, — сказала Наан скорее себе, чем Лабастьеру, и почувствовала, что к горлу подкатил комок. Неуже-

ли ее жизнь закончится так бесславно в этой отвратительной яме, заполненной потомством грязных дикарей?

Лабастьер не успел ответить ей, потому что изловивший их приам наклонился над ним и сорвал с его уха серьгу, порвав бедняге мочку уха. Тот лишь вскрикнул от боли, а затем хрипло рассмеялся голосом императора.

И ответил Наан уже ОН:

— О да, о да, гордая и лживая самка. Только я не боюсь этого. Потому что в мире останется еще очень много МЕНЯ. А вот ты получишь по заслугам.

Наан не выдержала того, что в последние минуты своей жизни она потеряла возлюбленного и осталась наедине с существом, которого она ненавидит больше всего. И она разрыдалась беспомощно и горько, не находя в слезах ни утешения, ни облегчения.

А император все говорил и говорил:

— Хотя, возможно, ты умрешь и не от зубов этих личинок. Сейчас в боевую готовность приходит весь мой воздушный флот. И вся эта армада через несколько минут примчится сюда, чтобы уничтожить это подземное жилище. Найти это место мне будет совсем не сложно.

— Тебе-то что сделали эти несчастные дикари?! — воскликнула Наан сквозь слезы.

— Их не было в моих планах, и их не будет там никогда, — лаконично объяснил император. И добавил: — Теперь и тебя нет в моих планах.

Закрыв глаза, Наан постаралась унять рыдания, чтобы император не подумал, что она о чем-то жалеет. Она и в самом деле не жалеет ни о чем... И все-таки ей так хочется жить!

Внезапно она почувствовала какое-то движение. Приоткрыв веки, она увидела возле своих ног заплетенную в косы голову их пленителя. Встав на четвереньки и ухватившись рукой за жердь, к которой была привязана Наан, он, пыхтя, поволок ее в сторону выхода из инкубатора.

Император вновь глухо рассмеялся:

— А еще до того, как ты умрешь, тобой овладеет эта уродливая тварь. Что ж, это, конечно, намного приятнее, чем принадлежать мне...

— Да! — выкрикнула она. — Это намного приятнее! — и слезы ее моментально высохли.

Воровато оглядываясь по сторонам, приам затащил ее в ближайший от инкубатора карман, затем подполз к его входу и стал

закладывать его сложенными в штабель деревянными брусьями, вставляя их в специальные пазы. Вскоре вход был довольно плотно закрыт: брусья были хорошо подогнаны друг к другу, и между ними не осталось ни единой крупной щели.

Наан подумала, что, возможно, это помещение служит специально для спаривания, недаром оно находится рядом с инкубатором, и ее передернуло от этой мысли. Наверное, таких комнат тут несколько, и они обладают статусом неприкосновенности. Закрыв вход, приам обезопасил себя от разоблачения...

Дикарь тем временем еще немного повозился у входа, и через пару минут там запылал костер.

Несмотря на то что намерения приама были ясны, Наан подумала, что все это немного обнадеживает. Он явно стремится сделать помещение комфортабельнее, и он не набрасывается на нее, как зверь. Возможно, для него будет небезразличным и ее поведение, возможно, изнасилование — не в традиции этого племени... Или, может быть, она сумеет перехитрить его? Надежда была слабой, и все-таки Наан почувствовала некоторое воодушевление.

Последующие действия приама укрепили эту надежду.

Он развязал свою пленницу, а затем, корча рожи, принялся угрожающе мычать и жестикулировать, акцентируя ее внимание на выходе. Наан поняла: он хочет сказать ей, что пытаться бежать бесполезно. Она послушно присела на пол и стала растирать затекшие ноги и руки.

Дикарь успокоился, отполз в сторону, отвалил от стены небольшой камень, достал что-то из углубления пбд ним, а затем, одной рукой прижимая к груди ворох предметов, вернулся к Наан. Он разложил перед ней свои «дары»: костяной нож, недозрелый лесной орех, моток флуоновой бечевки, гладко отполированный камень, который мог бы служить молотком, раковину и... сережку Лабастьера. (Второй серьгой завладел, по-видимому, кто-то другой.)

Оттягивая время, Наан попыталась подыграть ему. Она стала внимательнейшим образом рассматривать все эти вещи, трогать, обнюхивать, причмокивая и даже одобрительно взвизгивая. Дикарь при этом очень серьезно смотрел на нее, время от времени быстрым движением протягивая к ней руку и трогая какой-нибудь участок ее тела.

О близости с этим существом Наан было жутко даже помыслить. И она гнала от себя эту идею, продолжая «игру в базар» и стараясь определить: действительно ли дикарь предлагает ей что-

то в обмен на ее любовь или он пытается завязать с ней «беседу», пользуясь за недостатком слов предметами. Или же он просто хвастается своими сокровищами, показывая, сколь велик его статус в племени?

Наан уже по нескольку раз брала поочередно все эти предметы, и приам начал выказывать явные признаки нетерпения. Не успела Наан подумать, верно ли она поступила, притронувшись к «дарам», тем самым, возможно, показав свою готовность продать себя, как мысль эта подтвердилась. Когда Наан раз в десятый взяла в руки сережку, дикарь, вдруг хрипло рыкнув, попытался повалить ее на пол.

Наан сумела вывернуться и откатиться в сторону. Приам, придя в неистовство, азартно взвыл и прыгнул в ее сторону... И тут пещеру потряс невиданный, закладывающий уши грохот. Стены, душераздирающе скрежеща, шевельнулись и покрылись трещинами, с потолка посыпались комья земли и осколки породы. Пол задрожал и заходил ходуном.

Землетрясение?!

Приам, моментально потеряв всякий интерес к пленнице, прикрыл голову руками и затравленно огляделся. А затем кинулся к выходу и принялся торопливо разбирать загородку. Наан поспешила к нему на подмогу, и он не отказался от ее поддержки.

Спустя десяток секунд лаз был свободен.

15

Если будешь взывать о помощи в ночь,
Беды придут на зов.
Если ты полетишь от несчастья прочь,
Найдешь его вновь и вновь.
Если что-то и может тебе помочь,
Лишь то, что внутри. Любовь.

«Книга стабильности» махаон,
т. XX, песнь II; учебная мнемотека
Храма Невест провинции Фоли

Выскочив из боковой каверны в общий коридор, Наан увидела, что встревоженные стихийным бедствием дикари, поведя себя на удивление слаженно, бросились спасать потомство. Одни из них спешили в «инкубатор», другие уже волокли оттуда куколок или извивающихся гусениц.

Сунув сережку, которую так и держала в руке, в карман разорванной блузы, Наан поспешила за теми приамами, руки которых были еще свободны.

— Сюда! — закричал император, едва завидев ее. — Развяжи меня!

Наан упала перед ним на колени, послушно взялась за флуоновые нити... Но тут же вспомнила, что перед ней — вовсе не Лабастьер... Она уже, было, полезла за серьгой, но тут же остановилась, услышав:

— Не бойся. Пока мы не выйдем отсюда, трясти больше не будет.

Наан нахмурилась:

— Так это устроил ты?

— Да. Мои воины уже прибыли сюда и заложили сейсмические мины. Там, наверху, находится одно из моих воплощений, и команду повторить толчок я дам лишь тогда, когда мы с тобой, неблагодарная, будем в безопасности.

Наан поняла, что сейчас вовсе не время превращать императора в Лабастьера. Если она сделает это, тот, что наверху, скорее всего продолжит землетрясение, одним махом избавляясь и от племени приамов, и от непокорной невесты-предательницы, и от вышедшего из-под контроля воплощения.

Она быстро справилась с узлами и, влившись в вереницу перепуганных дикарей, они поспешили в сторону выхода. Интереса к ним не проявляли: у племени были дела поважнее. Но вскоре возбуждение стало спадать, дикари начали замедлять свой бег, и Наан тут же заметила, что кое-кто из них уже нехóрошо косится в сторону светлокожих бабочек.

Император тоже заметил это, и вновь пещеру основательно, хотя и заметно слабее, чем в первый раз, тряхнуло. Интерес к чужакам тут же пропал, и через несколько минут они вместе с несколькими приамами выбрались на поверхность по сплетенной из лиан лестнице.

Страхуясь от того, чтобы не провалиться, когда рухнут своды их подземного жилища, дикари, волоча куколок и брыкающихся гусениц, бежали в разные стороны. То ли страх, то ли природное отсутствие любопытства были виной тому, но они абсолютно не обращали внимания на антиграв, стоящий буквально в нескольких шагах от входа. Зато император и Наан бросились именно к нему.

В водительском кресле восседал воин-урания. При виде императора он приветственно развел руки и почтительно склонил голову. Затем вынул из уха полусферическую слуховую капсулу

гарнитуры переговорника. Нить, соединявшая капсулу с таким же полусферическим микрофоном, сократилась, и воин сунул образовавшийся шарик в кожух на поясе.

— Поднимайся! — рявкнул император Наан. — Скорее! Мы похороним их!

Наан устроилась на сиденье, и антиграв, взлетев по дуговой траектории, повис над поляной.

— А тех, кто успел выбраться, вы все равно убьете? — задыхаясь, спросила она.

— Да, — лаконично ответил император. — А тебе жаль их? Он был хорош, этот дикарь?

— Ничего не было, — успела сказать Наан, и в тот же миг снизу раздался быстро нарастающий гул, а затем и грохот, а потом земля под ними вздыбилась гигантским пузырем.

— Готово! — почти весело выкрикнул император.

Наан коснулась руки водителя:

— А тебе не жаль их?

Урания покосился на императора, и тот кивнул, разрешая ответить.

— В легендах моего народа есть рассказы о племени бабочек, с которым урании древности вели войну не на жизнь, а на смерть. Мои предки победили, но не стали убивать оставшихся, поставив условие, что жить те станут под землей и никогда не будут летать. Я думал, это сказка. Мне не жаль врагов моих предков, и я не столь мягкосердечен, как они. Сейчас, когда моего племени почти не существует, эти тараканы тем более не достойны жизни.

Наан подумала о том, что звучит это все довольно неубедительно, если учесть, что племя ураний уничтожил император... Но она промолчала. И тут же вспомнила, что в кармане у нее покоится серьга-блокиратор. У нее зачесались руки.

Тем временем земляной пузырь внизу лопнул. Антиграв ощутимо тряхнуло взрывной волной, и Наан, воспользовавшись заминкой, быстро сунула руку в карман, поднесла серьгу к неповрежденному уху императора и щелкнула креплением...

Император сморщился и закрыл ладонью глаза. Затем, отняв руку от лица и хитро покосившись на Наан, Лабастьер наклонился к водителю:

— В Город! И как можно быстрее! — Голос его стал совсем другим.

Антиграв стремительно помчался в указанном направлении.

Но не прошло и пяти минут, как на поясе водителя запищал сигнал вызова. Тот машинально потянулся к переговорнику, но

Лабастьер, перехватив его руку, отобрал шарик и швырнул его вниз.

— Я не понимаю вас, император, — сказал водитель, провожая переговорник недоуменным взглядом.

Он посмотрел Лабастьеру в лицо, и антиграв резко остановился.

— Ты не император! — заявил водитель. — Ты — самозванец! Ты только похож на него! — Он сорвал с пояса роскошный плазмобой и уткнул его ствол Лабастьеру в грудь.

— Тише, тише! — осторожно развел руки Лабастьер. — С чего это ты решил, что я — не император?

— Потому что ты выбросил переговорник! Настоящий император вызывал меня! Мы возвращаемся.

— Нет, стой! — приказал Лабастьер решительно. — Ты не подчиняешься императору?! Ты смеешь обсуждать его действия?! Ты достоин смерти!

— Ты не император, — повторил воин мрачно, но его голосу явно не хватало уверенности. А Лабастьер продолжал:

— Но ты бдителен и достоин награды. У меня есть предложение к тебе.

Воин, недоверчиво глядя на Лабастьера и не опуская бластера, ждал объяснений.

— Ты видишь башню под нами? — спросил тот. — Вон, чуть правее... Ты знаешь, что это такое?

Перепуганная Наан проследила за его рукой и разглядела там возвышающуюся над кронами деревьев ярко-красную стелу, острием устремленную в небо.

— Ты знаешь, что это такое?! — повторил вопрос Лабастьер.

— Вход в подземные шлюзы космодрома, — неохотно отозвался воин.

— Кто может войти туда?

— Только император. Замок настроен на его генетические параметры.

— Так летим же туда. Летим, проверим, кто я. Если замок не откроется, ты убьешь меня и будешь награжден.

— Зачем мне это? — неуверенно произнес воин. — Лучше я просто сдам тебя, самозванец, настоящему императору.

— Ладно. Но учти. Если ты не выполнишь мой приказ, а я все-таки окажусь императором, ты будешь жестоко наказан за непослушание. Если же выполнишь и убедишься, что я — император, будешь награжден за бдительность.

Несколько секунд урания напряженно размышлял. Затем, не опуская плазмобой, он нехотя повернул антиграв и направил его на снижение, к стеле.

Они приземлились возле полусферического строения, из вершины которого эта стела выходила, и Лабастьер с Наан под прицелом бластера приблизились к нему.

Лабастьер приложил ладонь к начертанной на стене пятерне, и стена со скрежетом раскололась пополам. Щель увеличилась до ширины входа, за ней обнаружилась серебристая перепонка с таким же пятном замка. Лабастьер положил ладонь на нее, и перепонка лопнула.

Урания рухнул на колени:

— Карай меня, мой император! — выдохнул он и смиренно опустил голову, ожидая возмездия.

— Ты действительно достоин кары, — заявил Лабастьер, — за то, что не веришь в мою честность. Я сказал: «Ты будешь награжден за бдительность». Отдай мне бластер и лети в Город за наградой. Быстрее.

Расставшись с плазмобоем, урания вскочил и со всех ног кинулся к антиграву.

Лабастьер впихнул Наан в отверстие.

— У нас от силы минут десять! — торопливо сказал он ей.

Перепонка за их спинами моментально затянулась. Они опрометью кинулись по коридору. На бегу Лабастьер говорил ей:

— Как только ты меня освободила, я уже знал, что делать. ОН думал об этом. ОН боялся, что я, отделившееся от него воплощение, завладею космическим кораблем. Но он перестал этого бояться, как только мы оказались в ловушке и приам снял с меня блокиратор...

Запыхавшись, они влетели в кабину лифта, тут было несколько сиреневых пятен датчиков, и Лабастьер приложил ладонь к одному из них.

Кабина плавно провалилась вниз.

— Я... точнее, ОН бывал тут сотни раз, — тяжело дыша, продолжал Лабастьер. — Он прилетал сюда, проходил в кабину, садился в кресло... на большее он не решался. Решимся мы.

Кабина космического корабля, стены которой светились мягким сиянием, была уютна и поражала тем, что в ней не было абсолютно никаких приборов. Лишь одно-единственное кресло со все тем же датчиком-пятерней на подлокотнике и мнемообручем управления.

Лабастьер упал в кресло и, многозначительно глянув на Наан, вложил кисть руки в фиолетовое пятипалое углубление.

— Еще пару минут на подготовку к старту, — сообщил он. — Располагайся. Возьми бластер и держи под прицелом вход. Думаю, антигравы уже несутся сюда, и император сможет войти...

Корабль ожил. Раздалось мерное гудение, свет померк, а на полу кабины возникло объемное изображение того участка леса, под которым они, по-видимому, сейчас находились. Наан с бластером в руках, присев возле кресла, не смогла удержать свое внимание на входе и, как завороженная, уставилась на открывшуюся ей голографическую картину.

Гул усиливался. Лес дрожал и даже, казалось, шевелился под действием чудовищной подземной силы. Алая стела мелко зашаталась и повалилась набок, а затем ровная доселе поверхность земли стала медленно вспучиваться, превращаясь в сопку. Еще через минуту эта сопка стала столь высока, что деревья встали почти горизонтально и попадали, не выдержав собственной тяжести.

Наконец земля треснула, и наружу начал выдвигаться огромный гладкий тупой нос корабля, блестящий на солнце золотом. За полусферой носа медленно поднимался ствол такого же гладкого и золотистого корпуса. Ничего более грандиозного Наан еще не приходилось видеть. Судя по соотношению размеров корабля и деревьев, в диаметре он был чуть ли не с ее родной городок Фоли. Высота же его оказалась раз в десять больше диаметра.

— Куда мы полетим? — смогла выдавить из себя Наан. И тут заметила, что со всех сторон к ним, стремительно увеличиваясь в размерах, несутся мушки имперских антигравов. Опасения Лабастьера были напрасны: император был еще далеко.

— Пока для нас главное — убраться отсюда, — проворчал Лабастьер.

Внезапно гудение стихло, голографическое изображение исчезло, а вместо этого стены, пол и потолок кабины стали абсолютно прозрачными. Махина корабля, в котором они находились, стала совершенно невидимой. Наан казалось, что она висит над развороченным лесом, сидя прямо на воздухе, и у нее даже рефлекторно задергались крылья. Видимым осталось только кресло Лабастьера.

— Нам повезло, — сообщил он как ни в чем не бывало, наблюдая за стремительно приближающимися антигравами. — Мы основательно опередили их.

Он натянул на голову обруч и скомандовал:

— Ляг. Я не знаю, что мы почувствуем, пронзая вселенную.

От антигравов отделилось несколько пылающих точек боевых ракет.

...Мир вокруг беглецов рассыпался на мириады разноцветных искр. Звон хрустальных колокольчиков разлился чарующими аккордами в их ушах. Цвета превращались в звуки, звуки — в запахи жасмина и олеандра... Наан почувствовала, что тонет в вихре восхитительных ощущений, и даже испугалась, что не выдержит этого счастья и сойдет с ума. Но так же внезапно она поняла, что ничего дурного с ней случиться не может, потому что весь мир — это она, а ее жизнь — вечность... И вся эта вечность была наполнена наслаждением. Наслаждением острым, как боль...

Но эта вечность длилась всего лишь миг.

Наан очнулась и обнаружила, что, став невесомой, парит в кромешной тьме среди незнакомых, но очень ярких звезд и созвездий. Она была оглушена и подавлена. Пристегнутый к креслу Лабастьер протянул к ней руку, она инстинктивно взмахнула крыльями и, стремительно пронесясь мимо него, больно ударилась о невидимый пол.

Лабастьер поймал ее за блузу, подтянул к себе и усадил на колени.

— Мы успели, — с вымученной улыбкой на бледном, освещенном холодными звездами лице сообщил он.

— Где мы? — спросила Наан, не узнавая собственного голоса. В ушах все еще звенело, и пульс болезненно стучал в висках.

— От Земли довольно далеко, — ответил Лабастьер. — Это — созвездие Ориона.

Наан молчала, осмысливая сказанное.

— Так далеко, что, думаю, сережка мне уже не нужна, — добавил Лабастьер.

— Что мы будем делать дальше? — выдавила наконец Наан. Она чувствовала, что понемногу приходит в норму.

— Во-первых, приведем себя в порядок, — отозвался он. — На борту есть все необходимое... Видела бы ты сейчас себя... — Явно делая над собой усилие, он улыбнулся.

— А потом? — Наан пропустила мимо ушей его замечание по поводу ее внешности, изрядно потрепанной в подземелье приамов.

— Потом будем искать подходящий для жизни мир, — ответил он, и голос его зазвучал нарочито бодро. — По убеждениям

бескрылых, во вселенной таких миров великое множество. Мы обшарим планеты ближайших светил и, если не обнаружим искомого, совершим скачок в другую звездную систему. Подплывем и обыщем ее.

— И мы найдем? — спросила Наан, сознавая, что вопрос ее звучит глупо. Но она изо всех сил старалась верить его наигранному оптимизму, получая при этом какое-то странное удовольствие от того, что кто-то может решать за нее.

— Да. Вот тебе и еще одно подтверждение того, что мы, создания бескрылых, являемся одновременно и их продолжением. Мы претворяем в жизнь их вековую мечту — ищем иные миры.

Наан заставила себя верить ему, и тревога отступила. Ощущения счастья и страха смешались в ее душе.

— Когда-нибудь мы вернемся? — спросила она.

— Если захотим, — отозвался он.

— «Если захотим», — эхом откликнулась она и вдруг почувствовала, что на глаза ее навертываются слезы. — Ты думаешь, нам не будет одиноко вдвоем?

Лабастьер усмехнулся и нараспев процитировал незнакомое Наан стихотворение:

Подруга, сестра,
Умчаться пора
Нам в край, на тебя похожий,
Где будем вдвоем
И ночью, и днем
И даже на смертном ложе.

Там солнечный луч
Сквозь занавес туч
Сверкает, непостоянен
И тайной чреват,
Как нежный твой взгляд,
Когда он слезой отуманен...

— Это стихотворение маака?

— Нет, когда-то давным-давно это написал бескрылый из семьи Бодлеров. Его звали Шарль.

— И все-таки, — настаивала на своем вопросе Наан, — ты думаешь, нам не будет одиноко?

— О да, мы будем очень одиноки, — ответил он и поцеловал ее. Но поцелуй этот был скорее печален, нежели страстен.

Всем своим существом Наан ощутила, как далеки они сейчас от Земли — два маленьких комочка Бога в бесконечном океане пустоты.

Она отстранилась и взглянула в глаза Лабастьера, ища в них отражение своих чувств. Но вместо этого увидела такую плутоватую ухмылку, какой никак не ожидала увидеть на этом лице, да к тому же в такой момент.

— Мы очень одиноки, — повторил он. — Если не считать тридцать тысяч куколок будущих колонистов, которые хранятся в наших трюмах.

...Когда Наан заикнулась о том, что, унеся с Земли украденных императором из инкубаторов Объединенной Империи куколок, они продолжают его преступление, Лабастьер резонно возразил: «Ты и сама не веришь собственным словам. На Земле они были бы травой под ЕГО ногами. А в том мире, который мы с ними построим, они будут счастливы. И не спорь. Ты ведь, надеюсь, не предлагаешь нам вернуться?»

...Путь был долог, и многое пришлось повидать и испытать им на этом пути. Благо, на корабле имелось все необходимое для исследования химического состава атмосферы, почвы и для многого другого. Но вот однажды наконец навстречу им выплыла планета, такая прекрасная и приветливая, что трудно было поверить, что они не найдут здесь приюта.

Все анализы говорили за то, что для жизни она подходит не хуже, чем Земля. Да тут уже и имелась жизнь — примитивная и, как выяснилось позже, неразумная. Хотя растения тут разительно отличались от земных. Тем, что в их раскраске почти не встречался зеленый цвет. Преобладали фиолетовый, лиловый и изредка бирюзовый. А вокруг планеты вращалось сразу два естественных спутника...

— Ты думаешь, это именно то, что мы искали? — спросила Наан, с тревогой взглянув на Лабастьера, когда они проплывали над планетой в разведывательном антиграве.

— Да. Я уверен в этом.

Они помолчали.

— А помнишь, любимая, — заговорил он снова, — о чем ты спросила меня, когда мы только отправились в путь?

На поверхности планеты, окутанной розовой дымкой, невооруженным взглядом различались сиреневые заплаты материков и рассекающие их ломаные линии голубых рек.

— «Не будем ли мы одиноки?» — припомнила свои слова Наан.

— Нет. Я не о том. Ты спросила, вернемся ли мы когда-нибудь на Землю...

— Ну и?..

Лабастьер отвлекся от величественного и радостного зрелища и посмотрел Наан в глаза. Казалось, он чувствовал себя в чем-то виноватым.

— Я много думал об этом. Нам будет хорошо здесь. И мы сумеем построить тут мир согласия и равенства. Мир, о котором мечтала Ливьен. И я нарекаю эту планету именем «Безмятежная»... — сказал он.

В его тоне ощущалась недосказанность, и Наан молча ждала продолжения. И он продолжил:

— Но мы должны помнить, что ОН будет искать нас. Нас или наших потомков. И я пока что не знаю, как нам себя вести. Надеяться на то, что найти нас невозможно, жить мирно и не думать о прошлом? Или готовиться к обороне? Или когда-нибудь внукам наших колонистов все-таки придется самим вернуться на Землю и вступить с НИМ в схватку. Раньше, чем Безмятежную найдет ОН сам.

Холодок шевельнулся в душе Наан. Но сейчас обо всем этом лучше не думать...

— Посмотрим, — положила она руку на плечо мужу. — Что-нибудь решим. А название хорошее.

Refren

Возрождение человечества в его первозданном виде было возможно.

В пятом столетии правления императора Лабастьера Первого произошло событие, которое заставило его призадуматься. В Солнечную систему, а точнее — прямо к Земле, вернулся первый и единственный межзвездный корабль бескрылых.

Где провел он эти миллионы лет? Как случилось, что не все его бортовые системы вышли из строя? Или эти посланники древности двигались со сверхсветовой скоростью, и, в то время как на Земле минули миллионы лет, на борту звездолета прошел сравнительно небольшой срок? Никто, кроме его обитателей — двухсот

находящихся в анабиозе особей, — не мог бы дать ответ на эти вопросы.

Но биосистемы звездолета не вывели астронавтов из анабиоза, это можно было сделать, лишь вмешавшись извне...

ОН был по-своему любопытен. Любопытен, но нетороплив. И ОН в течение нескольких лет всерьез раздумывал над тем, не разбудить ли астронавтов...

А тем временем его прапраправнук, король колонии планеты Безмятежной Лабастьер Шестой, со смертоносной миссией отправил на Землю своего двоюродного деда.

Книга третья

ОТСЕЧЕНИЕ ГИБЛЫХ КОРНЕЙ (ПИЛИГРИМЫ)

1

Говорить «красота сильна» — смешно,
Красота — как воды глоток.
Быстро вянут цветы, осыпаясь, но
Только там, где увял цветок,
Обнаружишь следующей весной
К небу тянущийся росток.

«Книга стабильности» махаон,
т. VI, песнь VI; дворцовая
библиотека короля Безмятежной
(доступ ограничен)

— И каков же наш маршрут, мой господин? — спросил махаон, приземлившись на спину гужевого сороконога позади молодого короля. Сложив крылья и усевшись поудобнее, он добавил: — Спасибо, кстати, что вовремя, я уже начал беспокоиться.

— Лаан, мы же договорились, что «господином» ты будешь звать меня только в присутствии подданных, — с укоризненной улыбкой обернулся к нему Лабастьер Шестой. — Ты заставляешь меня чувствовать себя виноватым в том, что я — сын своего отца.

— Не вини себя, брат маака, — ухмыльнулся Лаан, — с кем не бывает. Я вот, например, тоже сын своего отца...

Лабастьер пропустил это дурацкое замечание мимо ушей, но упоминание об отце товарища заставило его оглянуться. Помахав рукой многочисленным родственникам Лаана, высыпавшим попрощаться со своим любимцем на веранду, он легонько стеганул своего сороконога по кличке Умник плетью в чувствительный просвет между шейными пластинами. Тот вздрогнул, как всегда, словно бы обиженно, покосился на хозяина калейдоскопическим

оком и, ускоряясь, засеменил вперед. Грубый, но приятный запах его тела усилился.

— Маршрут простой, — сказал Лабастьер, убедившись, что животина благополучно пересекает покрытую розовым мхом Площадь Согласия и не собирается по своему обыкновению остановиться, дожидаясь повторной команды, — будем двигаться от селения к селению до тех пор, пока я не найду нам невесту-маака. И не надо начинать все сначала. — Он поднял руку и повысил голос, упреждая возражения будущего со-мужа. — Мы обсуждали все это уже тысячу раз.

— Я и не думал ничего начинать, — пожал плечами тот. — Как я могу перечить прихотям короля, мечтающего, чтобы в народе его прозвали Лабастьером Шестым Скромнейшим?..

— Все-таки завелся, — обреченно вздохнул Лабастьер.

— Все юные самки Безмятежной ждут от тебя одного-единственного слова, чтобы примчаться на смотрины и покорно ждать твоего выбора. Но нет, ему нужны приключения, ему не жалко ни своих, ни моих сил и времени, он сам отправляется на поиски любви... Разлучая, между прочим, с невестой своего якобы лучшего друга.

Ловко огибая старые светло-лиловые и молодые, бирюзовые, стебли курган-травы, Умник несся уже примерно раза в полтора быстрее, чем летают бабочки. Лабастьер похлопал его ладонью по спине, фиксируя эту скорость, и оглянулся. Громада купола Золотого Храма была уже еле видна.

— Фиам, хочу тебе напомнить, и моя невеста тоже, брат-махаон, — бросил он.

— Ну да, ну да, — покивал Лаан дурашливо, — только не ты ее выбирал, не ты влюблен, не тебе страдать от разлуки, не тебе с нетерпением ждать, когда...

— Ну хватит ныть, — перебил его Лабастьер. — Хочешь скорее соединиться с ней, помоги мне хотя бы этим.

Закон «семейного квадрата» нередко приносит молодым бабочкам Безмятежной сложности, а порой и разочарования. Когда самец и самка маака решают соединиться, они ищут такую же пару влюбленных махаонов. А пары махаонов ищут влюбленных маака. И эти пары должны понравиться друг другу. «Мир на пересечении диагоналей» — вот главный семейный принцип и главный же тост на свадебных пирушках. И никому и в голову не приходит оспаривать необходимость этой традиции. Ведь так завещал колонистам Безмятежной Лабастьер Второй Мудрый, и никогда махаоны и маака не узнают, что такое межвидовая враж-

да. Ведь они разделяют друг с другом брачные ложа и вместе воспитывают личинок.

— Для вас, маака, семейные узы не значат того, что они значат для махаонов, — заявил, нарушив тишину, Лаан. — Женившись, махаон становится совсем другим. Недаром это и в наших традициях учитывается. У нас, махаонов, даже имя после женитьбы меняется. Вот, например, я, Лаан, стану Дент-Лааном, а ты, брат-маака, так и останешься Лабастьером... А моя милая Фиам будет зваться уже Дипт-Фиам... И все-таки признайся, — с коварными нотками в голосе неожиданно сменил он тему, — она привлекает тебя как самка. Разве нет?

— Я отдаю должное твоему вкусу, — нарочито бесстрастно бросил Лабастьер.

В подавляющем большинстве семей со-мужья свободно совокупляются с женами друг друга. И все-таки вопрос этот достаточно деликатен. Полное взаимодоверие приходит не сразу, лишь после того, как притупляется естественная ревность.

— Как я тебя понимаю, — мечтательно протянул махаон. И тут же встрепенулся: — Слушай, чего это мы ползем, как дохлые?! Так мы никогда не доберемся до твоей избранницы! Пришпорь-ка своего лентяя.

Улыбнувшись непосредственности товарища, Лабастьер основательно (для видимости) размахнулся, но хлестнул совсем слабо, и сороконог, блеснув глазом, ускорился лишь чуть-чуть. Лаан, ожидая рывка, придержал рукой свой красный берет, означающий принадлежность его владельца к дворянскому роду Первой гильдии. Стайка разноцветных полупрозрачных птиц-пузырей выплыла из-под поникшего широкого листа, задетого головой Умника, и, испуганно шипя, метнулась в сторону.

— В таком темпе до ближайшего селения мы доберемся не раньше заката, — вздохнул Лаан, отпуская берет. — Скоротаем путь рассказами?.. Ты знаешь, брат-маака, как я люблю слушать о твоем прадеде...

Молодой король, конечно же, не был знаком со своим великим предком. Но на мочке его уха, на серебристой цепочке, красовалась бесценная реликвия рода — серый полупрозрачный камешек неизвестной породы, серьга Лабастьера Второго. И потомок знал множество семейных легенд.

— Хорошо, — согласился он. — Приготовься слушать. Я расскажу тебе о том, как мой прадед впервые ступил на землю Безмятежной.

Махаон удовлетворенно кивнул, но, не желая терять времени даром, извлек из ножен костяную саблю и принялся в такт поскрипыванию чешуек сороконога натирать ее лезвие укрепляющей мастикой.

— Когда прадед Лабастьер Второй и возлюбленная жена его Дипт-Наан спустились с небес и вышли из Золотого Храма... — начал маака, но Лаан, на миг прекратив свое занятие, перебил его:

— Ну это-то, положим, сказки. Подумай сам, какая сила может поднять такую махину?

— Может быть, и сказки, — согласился Лабастьер Шестой. — Но когда мама рассказывала эту легенду, я тоже спросил ее: разве может летать по небу целая скала? И знаешь, что она ответила? «Летать не может, но она может падать...»

— Хм, — скептически покачал головой Лаан и продолжил полировку лезвия. — Ладно, давай дальше.

— Они огляделись, и мой прадед сказал: «Этот мир прекрасен. Он создан для любви и покоя, а значит, он создан для нас с тобой. И мы должны научиться жить в нем так, чтобы не нарушить его первобытной гармонии...»

— Тридцать тысяч личинок! — Порхая над равниной невдалеке от разведывательного антиграва, Наан впервые осознала, какая ответственность ложится на их плечи. — Ты только представь себе, сколько им понадобится пищи! А мы не знаем даже, есть ли тут что-нибудь съедобное.

— Обязательно есть, — с деланной убежденностью заявил Лабастьер. — Зондирование показало, что состав воздуха и почвы тут практически идентичен земным, а это значит, что метаболизм местных живых форм тоже подобен нашим.

На самом деле он вовсе не был уверен в сказанном. Уже то, что широколистные травы, которыми была покрыта простирающаяся под ними долина, имели не зеленый, а ядовито-фиолетовый цвет, наводило на подозрение о непригодности местной флоры в пищу.

— Состав воздуха и почвы ничего не значат, — безжалостно возразила Наан. — Разве мало и на Земле несъедобных растений? А животных тут что-то и вовсе не наблюдается.

— Пока не наблюдается, — отозвался Лабастьер с нажимом на первое слово. — Что можно разглядеть с такого расстояния? Так что не спеши прятать плазмобой... Что касается съедобнос-

ти... ОН предусмотрел, что перед колонистами неминуемо встанет эта задача. Браслет на моей руке — это анализатор химического состава как раз на этот предмет. Нам не придется, рискуя жизнью, экспериментировать на собственных желудках. И что-то подсказывает мне, что результаты анализов не разочаруют нас.

— Так чего же мы ждем? — нахмурилась Наан. — Надо спускаться вниз и приниматься за работу.

— Ты права, — согласился Лабастьер. — Но как мы все-таки эту планету назовем?

— Ты ведь уже решил назвать ее «Безмятежная», — удивилась Наан. — С таким названием она просто не способна будет строить нам козни. Ты что, передумал?

— Да нет, — пожал плечами Лабастьер, и они, подобно падающим листам клена, стали кругами планировать вниз. — Надеюсь, ты окажешься права. Но у меня появилась новая идея: почему бы не назвать ее «Наан»?

— Ну уж нет! Возможно, для кого-то это и будет нормально, но только не для меня. Представь, ты скажешь: «Как я люблю тебя, прекрасная Наан...», а я буду гадать, обращаешься ты ко мне или это у тебя приступ местного патриотизма.

— Ты как всегда права, о возлюбленная жена моя, — усмехнулся Лабастьер. — Пожалуй, не стоит называть планету твоим именем, ведь вместе с именем она может перенять и твой нрав. Не выживем...

...В этом месте рассказа Лаан засмеялся и вновь перебил молодого короля вопросом:

— Как ты думаешь, зачем нашим предкам понадобилось сочинять все эти небылицы? Как ты назвал браслет твоего прадеда? «А-на-ли-за-тор?» Какое дурацкое словечко. Ты можешь себе представить, чтобы такой волшебный предмет существовал на самом деле? И кто этот таинственный ОН, о котором говорил Лабастьер Второй? И где находится эта пресловутая Земля?..

Молодой король сокрушенно вздохнул:

— Я не могу ответить ни на один из твоих вопросов. Сам я думаю, что на самом деле какая-то болезнь, война или иное стихийное бедствие унесло однажды жизни всего взрослого населения планеты, кроме моих предков. Они остались одни с тысячами куколок, и им пришлось начинать этот мир заново. А все эти легенды они придумали для того, чтобы мы не повторили гибельных ошибок наших предшественников.

— Но это не объясняет, зачем они придумали все эти приспособления — «анализаторы», «плазмобои», о которых я слышу с детства. Не твой ли прадед завещал нам не создавать никаких орудий сложнее ножа и сабли?

— Да, сплошные неувязки, — задумчиво согласился Лабастьер Шестой. — Мама уверяет, что ответы на все свои вопросы я получу сразу после рождения первенца... Говорит, так заведено в королевской семье... Но она не объясняет, каким образом это случится. Похоже, она и сама этого не знает, ведь отец погиб, когда я был еще гусеницей...

— Или вот еще, — продолжал разглагольствовать Лаан. — Всегда говорят «Лабастьер Второй и его возлюбленная жена Наан»... Почему?! Он — маака, она — махаон, у каждого из них была своя пара в диагонали, но их имен мы даже не помним!

— Я-то помню, — пожав плечами, возразил король. — Но в целом ты прав...

— И все-таки правильно твой прадед завещал, — перескочил на прежнюю тему Лаан, любуясь своим сверкающим в лучах закатного солнца начищенным клинком. — Только глянь, какая красота! Зачем нам что-то сложнее?! — Он размахнулся и точным ударом перерубил проносящийся над ними стебель. Вспугнув очередную стаю птиц-пузырей, на этот раз покрытых спиралеобразным узором, позади них рухнул огромный травяной лист. — Красота... — повторил он удовлетворенно.

— Мыслитель, — усмехнулся Лабастьер Шестой. — Кстати, заросли редеют. Мы движемся по тропе. Похоже, мы приближаемся к селению.

Лаан вернул саблю в ножны и, покопавшись в поясной сумке, извлек из нее кусок туго скрученной флуоновой ткани.

— Карта, — пояснил он. — Это тебе, брат-маака, все равно, куда крыла свои направить, а я все-таки желал бы иногда и уточнить, где мы находимся. — Распустив тесемку, он развернул флуон и вгляделся в выдавленный на нем рисунок. (В местах сильного нажатия флуон, прессуясь, становится прозрачным, и изображение видно достаточно отчетливо, особенно если свиток расстелить на чем-нибудь темном.) — «Селение» — громко сказано, — сообщил Лаан. — Скорее хутор. Семей десять—пятнадцать, не больше. Думаю, не стоило бы туда и заглядывать, но не мешает отдохнуть...

В этот миг Умник внезапно остановился как вкопанный, и наездники, не удержавшись в седлах, вылетели из них, зависнув в воздухе. Тело сороконога издавало терпкий запах испуга.

Прямо перед ним, уперев клинок шпаги ему в лоб, стоял молодой хмурый самец-маака с грубоватыми чертами лица. Зверь, осторожно перебирая лапами, подался чуть назад.

— Эй, ты кто такой?! — первым оправился Лаан. — Чего тебе надо?!

— Я — Ракши-младший, — заявил тот, — а вы — королевские глашатаи, кем же вам еще быть.

— Допустим, — сказал Лабастьер, повернув голову так, чтобы незнакомец не заметил серьгу. — И что из этого следует?

— Убирайтесь отсюда! — выкрикнул назвавшийся «Ракши-младшим», не опуская клинок. — Обойдите стороной это место, и тогда я не трону вас. Ничего интересного тут для вас нет. А не послушаетесь, живыми отсюда не уйдете!

— Фу-ты ну-ты! — поморщился Лаан, снова доставая саблю. — Дайте-ка, мой господин, я поговорю с этим невежей, как подобает самцу.

Он вылетел чуть вперед, но Лабастьер поймал его за руку.

— Подожди. И чем же тебе не угодили королевские глашатаи? — обратился он к незнакомцу, поворачиваясь под его пристальным взглядом анфас. И тот наконец заметил драгоценный амулет.

— Еще того не легче, — пробурчал он. — Никак, само Королевское Величество к нам пожаловали... — Он немного помолчал, размышляя, затем почесал свободной рукой затылок и, встряхнувшись, решительно заявил: — Оно и к лучшему. Покончим с этим раз и навсегда. Защищайтесь!

Выкрикнув это, Ракши-младший взвился в воздух и ринулся на Лабастьера.

— Мятеж на Безмятежной, — ошарашенно бросил Лаан и рванулся вперед, закрывая собой друга. Ведь по традиции на поясе короля, кроме небольшого фамильного кинжала, нет никакого оружия.

Ракши-младший оказался не слишком опасным противником. Он был силен и ловок, и, возможно, среди односельчан он и слыл первоклассным бойцом. Но его техника фехтования оставляла желать лучшего, и рядом с Лааном, обучавшимся этому искусству при дворе, он выглядел сущей личинкой.

Лабастьер не вмешивался в их бой: во-первых, это было бы нечестно, во-вторых, оценив силы соперников, он был спокоен за друга, наконец, в-третьих, он знал точно, что и тот не прольет кровь вздорного сельчанина без особой на это нужды, хотя тот и ведет себя далеко не самым верноподданническим образом.

Через пару минут точным приемом Лаана шпага Ракши-младшего была выбита из рук последнего и полетела на землю. Сложив крылья, тот рухнул за ней, но Лаан, готовый к этому, опередил его. Еще через миг они оба стояли на земле друг против друга. Правой ногой Лаан наступил на шпагу противника, а острием своей сабли уперся ему в грудь.

— Вот так-то, — сказал он и опустил саблю. Правилами боевого этикета победа была определена.

Но, похоже, этому настырному юноше не были знакомы ни этикет, ни страх. Издав обиженный рык, он с голыми руками ринулся на Лаана. Тот, отпрыгнув, снова поднял саблю.

— Эй, эй! — растерянно выкрикнул он. — Еще шаг, и я тебя прирежу!

Не дожидаясь кровопролития, Лабастьер упал на плечи Ракши-младшего сверху, зажав его голову между ног. Тот не удержался на ногах, и они покатились по мху.

Лаан поспешил на помощь, и вскоре он и Лабастьер, навалившись всей тяжестью своих тел и безжалостно смяв крылья поверженного противника, сидели на его спине. Лаан выдернутым из его же шальвар ремешком стягивал пленнику руки.

— Трусы! Трусы!!! — ревел тот, выгибая шею и отплевываясь. Пару раз он что есть силы дернулся всем телом, пытаясь освободиться. Но не тут-то было. — Двое на одного! Король — трус! — только и оставалось рычать ему.

Напоминать ему, кто из них первым нарушил правила чести, явно не имело никакого смысла.

На хутор они въезжали втроем: связанный по рукам и ногам, но не желавший ничего объяснять мятежник лежал поперек спины сороконога, между Лабастьером и Лааном, крепко прикрученный к их седлам. Не переставая костерить его самыми отборными словами, Лаан тщетно пытался очистить грязь со своего изрядно измятого берета.

Как и большинство простых жителей Безмятежной, хуторяне использовали в качестве домов светло-коричневые и розовые сферические раковины «воздушного коралла». Их в изобилии находят на берегах пресных водоемов, вычищают от съедобной, кстати, мякоти и катят к месту обитания. Размеры раковин и прочность стенок превращают их в отличные жилища. Одна семья использует обычно до десятка таких раковин, плотно подогнав их друг к другу, скрепив флуоном, прорубив отверстия пере-

ходов из одной «комнаты» в другую и оборудовав выходы наружу.

Вот и здесь Лабастьер увидел несколько домов из сложенных пирамидками сфер. Ни на земле, ни в воздухе не было видно ни одной бабочки: уже основательно смеркалось, и жители, по всей видимости, готовились ко сну.

— Эй! Есть тут кто-нибудь?! — громко выкрикнул Лаан, когда их Умник добрался до небольшой площади, явно — центрального места хутора, и остановился.

Заскрипели створки дверец, раздались тихие голоса... И вскоре короля, его спутника и их необычную ношу окружили подошедшие и подлетевшие маака и махаоны. Их было десятка два. Большинство из них выглядели доброжелательно, но на некоторых лицах Лабастьер прочел и озабоченность. Он догадался, что причиной ее скорее всего служит вид их связанного соплеменника. Не теряя времени, он спрыгнул на землю и обратился к собравшимся:

— Мир и покой вам, подданные. Я — ваш король, Лабастьер Шестой. Я правлю вами по закону и совести.

Хуторяне нестройно отозвались на приветствие.

— Есть ли среди вас кто-то, — продолжал он, — с кем я мог бы поговорить как с главным?

Вперед выступил пожилой самец-маака, выглядевший как раз не очень-то дружелюбно. На дворянское звание предпоследней Шестой гильдии указывал синий цвет его берета.

— Я — староста этой деревни, Ракши-старший, — начал он, вопреки традиции не поклонившись. — Мы — мирные жители и рады были бы встретить своего, известного добротой и справедливостью, правителя со всеми положенными случаю почестями. Но не мы первыми нарушили законы гостеприимства, — одновременно и растерянно, и грозно закончил он, указывая на связанного.

— Да?! — язвительно вскричал Лаан и хлопнул пленника по спине. — Хороша деревня! Если тебя звать Ракши-старший, значит, это твой сынок разбойничает на лесных тропах?! Хорош староста!

В этот миг, перепорхнув через толпу, возле Лабастьера оказалась юная светловолосая самка-маака. Лишь коснувшись ногами земли, она тотчас рухнула перед королем на колени и, схватив его ладонь, осыпала ее поцелуями. Лабастьер инстинктивно отдернул руку.

— Прости его! Прости, наш господин! — взмолилась девушка.

— Кого из них простить-то, старшего или младшего? — сварливо поинтересовался Лаан, беззастенчиво рассматривая прелестную самку.

— Встань, — скорее попросил, чем приказал Лабастьер. — Встань и все нам объясни.

— Ракши — мой возлюбленный, — ответила та, продолжая стоять на коленях. Лабастьер заметил, что при этих ее словах на лице старосты промелькнуло удивление. — Мы поклялись друг другу в верности, несмотря на то что наши родители ничего об этом не знают. — Ее прекрасные серые глаза были полны слез.

— А мы-то тут при чем? — спросил Лаан, спрыгнув наземь и подавая девушке руку. — Давай-ка поднимайся, это тебе все-таки король приказал. Экие вы тут строптивые.

— И представься, — добавил Лабастьер. — Как тебя звать?

— Мариэль, — отозвалась та наконец, вставая. — Простите его, — повторила она. — Мы любим друг друга.

— Вот что, — притворно рассердился Лабастьер, — ты объяснишь нам в конце концов, с какой стати твой возлюбленный пытался убить своего короля?! Если нет, я немедленно поступлю с ним так, как того требует закон.

— Он испугался. Он очень боялся, — заговорила та торопливо. — Все знают, что молодому королю пришла пора жениться, и все ждали глашатаев, которые объявят смотрины. Ракши вбил себе в голову, что вы, мой король, выберете именно меня... — Лицо девушки залил румянец.

— А между прочим, он не так уж глуп, — вполголоса сказал Лабастьеру Лаан. — Может, наше путешествие закончилось?

— Лентяй, — бросил ему Лабастьер так же тихо. — Мы его еще и не начали.

А девушка продолжала:

— Он уже много дней пропадает в чаще, чтобы перехватить глашатаев и заставить их обойти нашу деревню стороной. Я отговаривала его, но он не хотел и слушать...

Лаан тем временем отвязал пленника от седла, тот мешком рухнул в пыль и завозился, пытаясь подняться.

— А почему вы скрыли от родителей свою привязанность друг к другу? — спросил Лабастьер.

— Потому что... Потому... — Мариэль замешкалась. Но тут голос подал Ракши-младший, ухитрившийся подняться на связанных ногах:

— Потому что ее родители только и ждали объявления королевских смотрин, чтобы отправить ее во дворец.

— Вот как, — усмехнулся Лабастьер. — А что, в этой деревне не действует закон свободы выбора супруга, объявленный еще моим прадедом Лабастьером Вторым Мудрым?

— Мы — верные подданные Вашего Величества, — вмешался Ракши-старший, — но сильны и семейные традиции. Хорошая дочь не пойдет против родительской воли.

— Идти против родителей плохо, а убивать королей — нормально! — возмутился Лаан и, легонько пнув связанного, обратился к нему: — Что же ты, герой, не уговорил ее? Женился бы сначала, а потом бы уж и уладил все как-нибудь...

Ракши-младший неприязненно блеснул на него глазами.

— В нашей деревне нет ни одной молодой пары махаон, — процедил он сквозь зубы, а затем, повернувшись к Лабастьеру, пояснил более спокойно: — Ведь не могли же мы преступить закон «семейного квадрата». Отправиться на поиски диагонали и оставить Мариэль тут я не мог. Не мог я и взять ее с собой, она так хрупка, а в пути встречается слишком много опасностей...

— Мы заметили, — не преминул съязвить Лаан.

— Я не ожидал, что приедет сам король, я ждал простых глашатаев, — огрызнулся связанный.

— Что ж, теперь мне все ясно, — кивнул ему Лабастьер и, обернувшись к Мариэль, испытующе вгляделся в ее пепельные глаза. — Скажи мне, а если бы все обернулось именно так, как опасался твой возлюбленный, ты бы согласилась стать моей женой?

— Воля короля, воля моих родителей — закон для меня, — ответила та дрожащим голосом и вдруг разрыдалась, говоря: — Но люблю я только его!

— Полно, полно, милая девушка, — успокаивающе коснулся ее плеча Лабастьер. — Кто только внушил тебе эту странную идею, что твой король — тиран и изверг? Мое призвание — делать своих подданных счастливыми, а вовсе не наоборот. — Он перевел взгляд на Лаана: — Развяжи-ка беднягу.

Пока тот возился с путами, король продолжал, вновь обратившись к самке:

— Я решил, как помочь вашей беде. Если твой суженый присягнет мне в верности, я возьму вас с собой. Будем искать счастье вместе.

— О-о! — страдальчески возвел глаза к небесам Лаан, — я так и думал.

Толпа возбужденно загомонила.

— Позднее, если все закончится благополучно, вам обоим найдется место при дворе, — продолжал король. — Кто верен в любви, тот верен и в службе. Надеюсь, ни у кого нет возражений моему решению? Где, кстати, твой отец?

Из круга бабочек выступил пожилой, но крепкий еще махаон:

— Дент-Вайар, Ваше Величество, — произнес он, склонив голову.

— А где ее кровный отец?

— Погиб на охоте.

— Понятно. Я и сам мужское воспитание получил от махаона... Ну так как, Вайар, устраивает тебя мое решение?

Мариэль смотрела на своего сводного отца, затаив дыхание.

— Преклоняюсь перед вашей мудростью, мой король, — ответил тот сдержанно.

В этот миг, освобожденный от пут, к ногам Лабастьера припал Ракши-младший:

— Моя жизнь принадлежит тебе, мой король! — воскликнул он. — Клянусь служить тебе верой и правдой!

— Ты же не хотел, чтобы она отправилась на поиски с тобой, — ехидно напомнил Лаан и передразнил: — «Она так хрупка, а в пути опасности...»

— Я был один, а теперь нас трое, — огрызнулся тот. — Или на тебя, махаон, в случае чего, нам рассчитывать нечего?

— Встань, — вмешался Лабастьер. — Официальную церемонию присяги проведем позднее, как это принято у нас, возле Золотого Храма предков. А сейчас... — Он обвел взглядом присутствующих. Было уже совсем темно, но ночное зрение позволяло ему видеть восторженные выражения их лиц. — Сейчас нам пора отдохнуть.

— Кстати, может быть, кто-нибудь в конце концов покормит нашего сороконога? — желчно спросил Лаан. Морда Умника выражала полное согласие с этими словами.

Сельчане радостно загалдели.

— Мой дом принадлежит вам, — оттаял наконец и Ракши-старший. — Простите, что встреча была недостаточно радушной. Зато теперь... Надеюсь, вы не поспешите покинуть наши места с рассветом? Мой сын помолвлен и приближен ко двору... Завтра — пир для всех моих соплеменников, и я прошу вас оказать мне честь своим присутствием.

— Нормально, — сказал Лаан. — Нам спешить некуда.

2

Ветви, ствол паук постылый
Душной сетью оплетал.
Ветер сжалился, подул и
Паутину оборвал.
Только дерево вздохнуло,
Ветер дерево сломал.

«Книга стабильности» махаон, т. XI, песнь III; дворцовая библиотека короля Безмятежной (доступ ограничен)

Пир для жителей Безмятежной — событие нечастое. Собраться за угощением означает как бы вернуться в детство, отрешиться от насущных забот и проблем. Ведь оседлый образ жизни не способствует энергетическим затратам, и еда для взрослых бабочек — скорее забава, чем необходимость. В то время как маленькие гусенички, набирая вес, прожорливы невероятно.

Хорошенько выспавшись и побродив по окрестностям хутора в сопровождении Ракши-младшего, которому после многодневного поджидания королевских глашатаев была знакома тут каждая веточка, Лаан и Лабастьер вернулись в селение к назначенному сроку.

Голову Ракши-младшего теперь тоже украшал синий берет. Надо отметить, что Ракши, безоговорочно приняв власть и покровительство молодого короля, на его друга-махаона продолжал поглядывать с нескрываемой неприязнью, и врéмя от времени между ними возникали легкие перебранки. Однако до ссоры дело не доходило: Лабастьер пресекал ее развитие, осаживая то одного, то другого забияку.

На небольшом участке деревенской площади был сооружен загончик из плетеных травянистых щитов. Другой ее участок был устлан шкурками, рогожками растительного происхождения и кусками материи, тканной из флуона. Прямо на них стояли посудины из раковин, обожженной глины, ореховых и яичных скорлупок, наполненные самыми разнообразными яствами: продолговатыми зелеными ягодами жгучей урмеллы, сладковатая горечь которой только разжигает аппетит, печеными плодами чайги, кусками сладкого мяса волосатого озерного угря и мякотью воздушного коралла.

Еще большее количество снеди было просто кучами насыпано в загончике, и Лабастьер догадался, что это — место для гусениц-детенышей.

Всей этой нехитрой сервировкой занималось несколько самцов и самок. При виде вернувшихся с прогулки гостей одна из самок-махаон поспешно ударила костяным пестиком в туго натянутую кожу бонга, и к месту торжества стали слетаться остальные сельчане.

Если взрослые бабочки вели себя чинно и сдержанно, устраиваясь поудобнее возле посудин, то дюжина гусениц маака и махаон, которых привели сюда их мамаши, с верещанием и хохотом накинулись на приготовленное им лакомство.

— Наша пища проста, — начал речь староста, поднявшись и обращаясь к королю, — и, наверное, недостаточно изысканна. Но пусть приправой к ней служат наши верность, любовь и вера в монаршую справедливость. Вот и все, что хотел сказать я, — садясь на место, закончил он и поощрительно кивнул устроившемуся рядом махаону, отцу Мариэль, Дент-Вайару. Приняв эстафету, встал тот.

— Все сказано как нельзя лучше, — сказал он. — А трапезу, я думаю, следует начать с доброго глотка «напитка бескрылых».

Жены того и другого как раз в этот момент принесли тугие бурдюки и разливали напиток в глиняные чаши. Дент-Вайар протянул сосуд королю.

— Мне показалось, — сказал тот, обращаясь к подданным, — что ваш староста как будто бы оправдывается за простоту оказанного нам приема. С одной стороны, это говорит о его скромности и радушии. С другой же, я хочу напомнить, что простота — это как раз то, что завещал нам мой прадед Лабастьер Мудрый. «Глуп тот, кто не видит в простоте изысканности, а в доброте — главного сокровища жизни». Я сам читал эти слова, начертанные его рукой в старинном свитке. Ароматы вашей еды дразнят свежестью, а лица ваши светлы.

Отхлебнув глоток напитка и отметив, что качество и вкус его отменны, он под одобрительный гул собравшихся передал чашу по кругу. И завязалась неторопливая беседа. Оказалось, у сельчан есть множество вопросов, ответы на которые может дать им только их король.

— Например, эта жидкость, которую мы сейчас пьем, называется «напиток бескрылых», — заметил Ракши-старший. — А почему? По мне, так наоборот. Вот я выпил, закрыл глаза и, хоть сижу на месте и не машу крыльями, кажется, что лечу...

— Что ж тут непонятного, — встрял Лаан. — Выпей побольше, и не то что летать, ползать не сможешь.

Переждав дружный хохот, свою версию изложил Лабастьер:

— По нашей семейной легенде, там, откуда прибыл на Безмятежную Лабастьер Второй, жили не только бабочки, но и другие, более древние, бескрылые существа. Они-то и научились делать этот напиток первыми.

— Неужели это не сказка? — спросила Мариэль, сидящая тут же. — Неужели и вправду бабочки прилетели со звезд? Я и верю, и не верю в это. Верю, потому что это красиво. А не верю, потому что не вижу в нашей жизни никаких тому подтверждений...

— Мне и самому порой трудно это представить, — признался Лабастьер. — Ведь все в этом мире словно специально создано для нас. Но подтверждение все же есть. Оно состоит в том, что на Безмятежной еще не найдено абсолютно ничего, что было бы создано руками бабочек до эпохи Лабастьера Мудрого. Остается тогда предположить, что до того бабочки ничего не умели и научились всему в одночасье. А это еще более невероятно.

— Но необжитых земель на планете много больше, чем обжитых, — возразила самка. — Может, стоит поискать там?

— Верно, — согласился молодой король. — Я вижу, ты обладаешь не только выдающейся внешностью, но и пытливым умом.

Мариэль смущенно опустила глаза. Ракши-мла́дший при этом с гордостью глянул на нее, но, видно, в его памяти всплыли все его недавние опасения, и он перевел на Лабастьера ревнивый, почти неприязненный взгляд. И тоже задал вопрос:

— Не все наши законы, мой господин, кажутся мне удобными и понятными. Вот, например, верно ли, что закон, предписывающий бабочкам селиться не более тысячью семей в одном месте, также принадлежит еще вашему прадеду? И в чем смысл такого порядка?

— Большое скопление бабочек привело бы к отдалению от природы, а это, по мнению Лабастьера Мудрого, рано или поздно обернулось бы катастрофой. Наверное, у него были основания считать так.

— А правда ль, господин наш, — вмешалась в разговор зрелая розовощекая самка-махаон, жена Дент-Вайара, выпучив для убедительности глаза, — правда ли, что по лесным дорогам нашего королевства бродит гигантский крылатый паук Ракка, коий самцов поедает, а самок утаскивает неведомо куда?

Лабастьера опередил Лаан. Точно так же выпучив глаза, он заверил спросившую:

— Конечно, правда! Только мы-то с королем проведали, где он, злыдень, самок держит. Туда и направляемся!

Слова Лаана вызвали очередной взрыв веселья. Он явно становился любимчиком здешних жителей. Отхлебнув из чаши, он подал голос вновь:

— Мой король, спешу напомнить, что этот дерзкий юноша, — кивнул он в сторону Ракши-младшего, — вчера прервал ваш начатый в пути рассказ. А услышать его, думаю, было бы интересно не мне одному. Так как же, если верить легенде, ваш прадед и возлюбленная его жена Дипт-Наан сумели прокормить тридцать тысяч личинок? Да и возможно ли это? — добавил он, указывая рукой на загончик, где дюжина гусениц уже расправилась с пищей. Одни из них теперь упали, сморенные сном сытости, другие вяло барахтались, играя друг с другом, а парочка, видно, самых прожорливых, озабоченно обнюхивала углы в поисках еще чего-нибудь съестного.

— Друг мой, — усмехнулся Лабастьер, — легенда гласит, что в Золотой Храм были привезены куколки. — Он сделал особое ударение на последнем слове. — Именно куколки. Свой самый прожорливый период первые колонисты провели в тех землях, откуда они прибыли.

— Но когда бабочка только выходит из куколки, она некоторое время еще сильно нуждается в пище... Да что я рассказываю, мой господин, не вместе ли мы обжирались лакомствами в первое лето нашей жизни?

— Это так, — улыбнулся Лабастьер, припомнив некоторые их совместные проказы. — А помнишь ли, брат-махаон, как мы выкрали у придворного повара ключ от кладовки с сушеным нектаром?

Лаан, мечтательно зажмурившись, так причмокнул губами, что сельчане вновь покатились со смеху. Лабастьер же продолжал:

— Что касается первых колонистов... Если это действительно интересно, я расскажу, как мои предки справились с этой проблемой.

...Опасения Наан оказались напрасными. Многие растения Безмятежной были не менее съедобны, чем земные. Вкус часто казался непривычным, но анализаторы показывали наличие всего спектра необходимых для организма бабочки веществ.

Что касается фауны, она тут оказалась еще более своеобразной. Самыми многочисленными видами живых существ тут были черви, ракообразные, членистоногие и моллюски. Правда, облик они имели отнюдь не земной и больше походили на гигантских насекомых. Но как раз этим природа Безмятежной казалась даже более родственной бабочкам, чем земная.

Тут не было птиц, но их место в небесах занимали удивительные существа, избравшие в качестве принципа полета воздухоплавание. Наполненные легким газом живые шары, казалось, свободно и хаотично плавали с места на место. Но приглядевшись, Лабастьер Второй понял, что беспорядочность эта обманчива. Еле заметные колебания ворсинок на их поверхности создавали вихревые потоки воздуха, заставлявшие этих существ смещаться в нужном направлении. Это и объясняло способность и маленьких «птиц-пузырей», и огромных «шар-птиц» сохранять стайность.

Кроме того, если им угрожала непосредственная опасность, «птицы» пользовались и реактивной силой. В нужном месте поверхности вскрывалось отверстие, газ, шипя, с силой вырывался наружу, и «птицу» отбрасывало в противоположную сторону. Однако способность к полету она после такого побега на некоторое время теряла и отсиживалась в кустах, вырабатывая новую порцию газа.

Борьба за существование на Безмятежной была не столь ожесточенной, как на Земле, и почти на всех ее животных можно было охотиться буквально голыми руками. Но и тут встречались опасные и коварные хищники. Такие, как, например, «сухопутный скат», от электрического удара которого Лабастьер едва не лишился жизни.

Итак, Лабастьеру и Наан предстояло дать начало новому миру бабочек. И прежде всего — обеспечить достаточным количеством пищи тридцать тысяч колонистов, когда они выйдут из куколок. Задача эта сперва показалась им попросту невыполнимой, но, хорошенько подумав, они пришли к выводу, что это не так. Просто сначала решено было вывести из анабиоза лишь небольшое количество куколок, такое, для которого и вдвоем удастся заготовить достаточно провианта. Затем этим нескольким бабочкам предстояло стать помощниками Лабастьера и Наан и заготавливать пищу для следующей, уже более многочисленной, партии.

И еще одна, не менее важная, задача стояла перед беглецами с Земли. С самого начала нужно было создать некий свод законов, жизнь по которым была бы достойной и справедливой. Возможность эта — начать целый мир «с нуля» — была уникальной, и было бы глупостью ее не реализовать.

Охотясь, собирая ягоды и плоды, Лабастьер и Наан до хрипоты спорили об устройстве будущего общества. Довольно легко они сошлись на том, что на Безмятежной не должно быть крупных городов, не должно быть огнестрельного или иного сложного оружия, не должно быть искусственных средств передвиже-

ния... Короче, всего того, что называется «технократической цивилизацией». Ведь бабочкам всего этого для счастья вовсе не нужно. Скорее наоборот, все это только мешает счастью. Это — во-первых, а во-вторых, пока иного решения не найдено, лучше спрятаться от НЕГО поглубже. Технократическую цивилизацию обнаружить проще.

Затем Лабастьер сообщил Наан, что когда-то, в условиях натурального хозяйства, древние бескрылые жили по законам феодального общества, и объяснил ей, что это такое. Модель, если только исключить из нее эксплуатацию одних сограждан другими, показалась привлекательной. Действительно, что может быть достойнее жизни по законам чести? И те, кого остальные признают наидостойнейшими, вправе претендовать на некоторые привилегии. Если их дети столь же достойны, они остаются дворянами, если еще более достойны, поднимаются по иерархической лестнице еще выше. Если недостойны — лишаются своего дворянского звания.

Такая система должна привести к чему-то, похожему на естественный отбор, в результате которого в обществе будет культивироваться дух благородства и рыцарства, а заправлять делами будут достойнейшие.

Вопрос о том, кто же будет стоять на самой вершине этой пирамиды, даже не поднимался. Только Лабастьер и Наан обладали знаниями и опытом. Только Лабастьер мог передавать все это из поколение в поколение без потерь. Но сразу, чтобы не повторить ошибок своего предшественника, было решено, что он будет иметь только одного ребенка-наследника. «И я хочу, чтобы ребенок этот был самостоятелен с самого начала, — заявил он. — В момент рождения я нацеплю ему на ухо серьгу-блокиратор. Пусть она-то и будет символом королевской власти. И пусть сын передает ее внуку, а внук — правнуку». И лишь достигнув зрелости, они будут входить в телепатическую связь с родителем. «Но не может же так продолжаться вечно, — возразила Наан, — рано или поздно блокиратор выйдет из строя». «Поколений на двадцать хватит, — заверил ее самец, присвоивший себе титул «король Безмятежной Лабастьер Второй», — память об этой проблеме будет передаваться вместе со всем остальным, и когда-нибудь она будет решена».

Следующей темой стала тема сосуществования неспособных к ассимиляции видов бабочек. Лабастьер сообщил, что в число колонистов император включил только маака и махаон, ураний ОН уже давно вычеркнул из того будущего, которое хотел пост-

роить, приамов обнаружил лишь в тот день, когда корабль покинул Землю, но, конечно же, и их ОН в расчет не взял бы. Маака и Махаоны. Будущие законы должны были обеспечить мир между двумя этими видами.

Тут-то Лабастьер Второй и изобрел кардинально новое устройство семьи — «квадрат», состоящий из пары того и пары другого вида. Он не сразу решился изложить свою идею Наан, но, когда наконец сделал это, выяснилось, что опасения его были не напрасными. Та, как он и ожидал, была просто вне себя от возмущения:

— Так просто и скажи, похотливый бесстыдный самец, что одной меня тебе мало, что тебе нужна еще и новорожденная самочка маака! — Она отпустила свою рукоятку корзины, которую они волокли сейчас к выкопанной неподалеку от корабля землянке-хранилищу, и сочные плоды чайги посыпались на мох.

— Да нет же, милая, — принялся увещевать ее Лабастьер Второй. — Поверь, мысль о том, что и тобой будет владеть какой-то юнец-махаон, мучительна для меня...

— И все-таки ты хочешь этого!

— Но согласись, традиция смешанных семей решила бы самую главную будущую проблему...

— Возможно! Но пусть эта традиция станет уделом тех, кто не жил на Земле, у кого еще нет никаких моральных устоев, кто легко может принять те правила, которые мы им продиктуем. Но мы-то воспитаны по-другому... Хотя нет! Ты-то ведь как раз имел тысячи жен. Вот откуда взялись у тебя эти замашки!

— Я ведь уже объяснял тебе, и надеюсь, ты веришь, что НЕ Я имел тысячи жен. ОН и я — совсем разные существа. А я любил, люблю и буду любить только тебя.

— Да, да, да! Как это все красиво! Но скажи тогда, что мешает тебе, провозгласившему себя королем будущего народа, сделать монаршей привилегией моногамную семью?

— В которой самец — маака, а самка — махаон? — покачал головой Лабастьер. — Привилегии должны быть справедливыми, король должен быть эталоном, он должен быть тем, кому подражают остальные. Если мы останемся вдвоем, остальные или не подчинятся предложенному им порядку, или подчинятся, но втайне будут считать его несправедливым, или даже будут скрыто подражать нам, и не известно еще, к каким потрясениям это в конце концов может привести. А мы должны внушить идею, что «семейный квадрат» — естественное и единственно возможное устройство семьи в этом мире...

— Не знаю... — Наан оставалась мрачна. Внезапно ее осенила и новая догадка: — Но если все будет так, как ты настаиваешь, я должна буду рожать личинок от какого-то махаона, а наследника тебе родит самка маака?!

Даже сам Лабастьер опешил от этого, абсолютно логичного, вывода, но тут же нашелся:

— Ты ведь прекрасно знаешь, что, кто бы ни вынашивал моего ребенка, в нем не будет ни одной материнской молекулы. Так какая разница... — Он глянул на ее выражение лица и поспешно добавил: — Почему бы это не сделать тебе?..

— Какая разница?! — вскричала Наан, подбоченившись. Последние его слова она пропустила мимо ушей.

— Оставим этот разговор и хорошенько обдумаем все это, — умиротворяюще предложил Лабастьер. — Времени у нас предостаточно...

Но Наан не унималась.

— Ну уж нет, — сказала она, пристально глядя в глаза самцу. — Мы все решим именно сейчас.

Лабастьер пожал плечами, но попытался все-таки уклониться от продолжения дискуссии, наклоняясь, чтобы собрать рассыпанные плоды обратно в корзину. Но Наан стремительным движением поймала его за подбородок и приковала его взгляд к себе.

— Ладно, — сказала она, и Лабастьер услышал в ее голосе нотки, не предвещающие ничего хорошего. — Возможно, ты и прав. Я согласна. Но при одном условии: и самца, и самку для нашей семьи буду выбирать я.

...Рассказ молодого короля хуторянам был, конечно же, несколько иным. Ведь многое из сказанного выше ему не было известно и самому, а кое-что из того, что было известно, он считал, вовсе ни к чему знать его подданным. Таким образом, рассказ этот не касался незыблемых законов жизни общества Безмятежной, зато был и длиннее, и красочнее: большую его часть занимало описание подвигов и иных славных деяний великого предка, а центральным эпизодом было экспрессивное описание боя Лабастьера Второго с сухопутным скатом.

Вечерело. Обе луны Безмятежной, белая и розовая, или, как прозвали их махаоны, Дент и Дипт, были отчетливо видны на небосклоне, и их мягкое сияние добавляло умиротворения в души пирующих. Беседа приобрела отвлеченный характер.

Самки увели гусеничек в жилища, загончик разобрали, а на освободившемся участке площади был сложен и разожжен праздничный костер. Несколько разрумянившихся от «напитка бес-

крылых» самок взялись за музыкальные инструменты, и нежная мелодия флейты-раковины, сопровождаемая звоном струнных и постукиванием бонгов, превратила окружающее в сказку.

— Откуда бы ни прилетели сюда наши предки, они сделали верный выбор, — сказал Лаан. — Трудно поверить, что где-то еще есть мир прекраснее того, в котором мы живем.

— Это так, — кивнул Дент-Вайар. — И все-таки, наверное, нет мира, в котором не было бы несчастных.

— Наши печали так же красивы, как и наши радости, — возразил король. — Легенды говорят о том, что наши предки часто бывали нетерпимы друг другу и нередко убивали друг друга в бессмысленных войнах...

— Разве бабочки Безмятежной никогда не гибнут в поединках? — задал риторический вопрос Лаан.

— Мы сражаемся лишь тогда, когда хотим защитить нашу честь, — покачал головой Лабастьер, — этот обычай лишь добавляет нашей жизни ярких красок.

— О да, — подтвердил Дент-Вайар, — самая большая беда, которую может представить отец, — несчастная любовь его чада. В то же время все мы понимаем, что любовь прекрасна всегда.

— Думаю, вам нечего тревожиться о судьбе своей дочери, — отозвался Лабастьер.

— Почему вы поступили не так, как ваши отец и дед? Почему вы сами отправились на поиски невесты? — спросил махаон то, что, конечно же, интересовало и всех остальных, и в тоне его прозвучала нотка досады.

— Во-первых, кроме женитьбы, у меня есть и иная, возможно даже главная, цель. Мой отец, именно потому, что юные самки сами прибыли к нему на смотрины, ни разу не обошел королевство с личной инспекцией. А когда отправился, уже после женитьбы, пропал без вести. Так что результаты его похода неизвестны. Я хочу своими глазами убедиться, что в моем королевстве царят добро и справедливость. А там, где это не так, вмешаться и навести порядок. Ну а во-вторых... на примере вашей дочери все мы убедились, что мое решение было правильным. Я не хочу трагедий, не хочу делать кого-то несчастным. Полное представление о правильности своего выбора я могу сделать только в той среде, где обитает моя возможная избранница, познакомившись с ее родителями, родственниками... Или даже с самцом, которого она любит, как это случилось тут.

— Не буду кривить душой, мой король, я и мои возлюбленные жены действительно хотели отправить Мариэль на смотрины и мечтали, что именно она станет матерью наследника трона...

— И в этом не было бы ничего удивительного, — заверил его Лабастьер. — Ведь вы ничего не знали о том, что она уже любит и любима. Что же касается ее качеств... Если бы сердце вашей дочери не было занято... Но не все в этом мире подвластно нашим желаниям. Нет, наверное, на свете большего греха, чем разлучить любящие души.

— Потому я и не ропщу, — согласился махаон. — Хотя разлука с дочерью и тяжела для меня, особенно тогда, когда рухнула надежда... Вы еще не знаете всех ее талантов. Дочка, — обернулся он к Мариэль, — спой-ка нашим высоким гостям.

Девушка послушно кивнула и пересела поближе к музыкантам. О чем-то посовещавшись с ними, она негромко запела под их аккомпанемент:

Темной ли ночью, светлым ли днем
Вместе бываем мы только втроем.
Вместе, но порознь ищем тебя,
Где ты, четвертая, где ты, желанная,
В марєве жизни блуждаешь, родня?

Лао-лэй, лао-лэй, ла...

Крылья устанут, по долу втроем,
Словно улитки лесные, ползем,
Вместе, но порознь ищем тебя,
Где ты, четвертая, где ты, желанная,
В мареве жизни блуждаешь, родня?

Короток век, вянет самок краса,
Столь же не вечна и сила самца.
Вместе, но порознь ищем тебя,
Где ты, четвертая, где ты, желанная,
В мареве жизни блуждаешь, родня?

Под стать пламени костра, ясный, колеблющийся голос девушки проникал в самую душу.

Иль суждено нам друг друга забыть,
Род не продолжить и в счастье не жить?
Вместе, но порознь ищем тебя,
Где ты, четвертая, где ты, желанная,
В мареве жизни блуждаешь, родня?

Лао-лэй, лао-лэй, ла...

Мариэль умолкла, и Лабастьер огляделся. Блики костра падали на лица сельчан. Большинство из них задумчиво улыбались, вспоминая, наверное, юность и время создания собственных семей. Отчаяние нередко посещает бабочек в этот период, потом же оно кажется им смешным и трогательным.

Король перевел взгляд на Лаана и обнаружил, что тот, не отрываясь, смотрит на Мариэль и мрачен при этом, как туча.

— Что с тобой, брат-махаон? — тихо спросил Лабастьер, когда песня закончилась и остальные заговорили между собой. — Ты грустишь об оставленной Фиам?

— Еще бы, — невесело, через силу, усмехнулся тот. — Но, признаюсь, и новая печаль гложет мою душу.

— В чем же она состоит? — поднял брови король, на самом деле уже догадавшись о том, что он сейчас услышит. И он не ошибся.

— Я думаю, господин мой, сколько бы мы ни бродили по дорогам Безмятежной, вряд ли мы найдем девушку маака, более достойную войти в нашу семью, чем эта певунья.

— Невысокого же мнения ты о моем народе... — с напускным осуждением покачал головой Лабастьер. — Я говорю так не потому, что эта самка мне чем-то не по нраву, а потому, что уверен: в моем королевстве есть еще немало достойных претенденток на трон... На самом же деле вся беда лишь в том, что ты слишком влюбчив, мой друг. Не успели мы и начать свое путешествие, как ты уже уверен, что его цель обретена.

— До последнего времени ты не подвергал сомнению мою интуицию... — огрызнулся Лаан.

Его тон слегка покоробил Лабастьера.

— Если эта девушка действительно так тебе нравится, брат-махаон, — сказал он жестко, — то у тебя есть возможность предложить этой паре составить квадрат с тобой и Фиам.

— Чтобы я взял в со-мужья ее неотесанного самца?!

— Он смел и находчив, — возразил король.

— Да в нем ли дело?! Разве могу я бросить тебя? Разве я могу нарушить слово?

— Я освобожу тебя от данного мне слова, если ты попросишь меня об этом.

Лаан зябко передернул плечами и посмотрел на друга укоризненно:

— Вот, оказывается, как ты думаешь обо мне. Чем, интересно, я это заслужил? Высоко оценивая достоинства этой девушки, я думаю не о себе, а именно о тебе.

— Я не хотел тебя обидеть... — смутился Лабастьер. Он уже пожалел, что затеял этот разговор.

— Нет, брат-маака, боюсь, что хотел. — Глаза Лаана превратились в узенькие щелки. — Иначе ты припомнил бы, что мир между самцами значит в семье много больше, чем их симпатии к женам друг друга.

— Ладно, оставим этот бессмысленный разговор, — раздраженно махнул рукой Лабастьер. — Я понимаю, что и твое счастье зависит от моего выбора, и я всегда помню об этом. Но позволь мне все же сделать этот выбор самостоятельно.

Они замолчали и сидели теперь, демонстративно не глядя друг на друга.

— Я был не прав, — первым нарушил молчание Лаан.

— То-то, — смягчился Лабастьер. — И давай больше никогда не возвращаться к этой теме. Она исчерпана. Глянь, кстати, — обвел он рукой по сторонам, — пока мы с тобой препирались, кое-кто отправился домой, а кое-кто задремал прямо здесь. Думаю, друг мой, пора идти спать и нам. Ведь завтра нам предстоит путь, который будет и длиннее, и, уверен, много сложнее, нежели пройденный вчера.

— И я надеюсь, он будет полон приключений! — встрепенулся Лаан.

3

Действительно, даже когда мы уйдем,
Мир с нами не сгинет весь,
И ночь не единожды сменится днем,
И будут поляны цвесть...
Да, правда: грядет продолженье во всем,
Но вряд ли — достойней, чем есть.

«Книга стабильности» махаон,
т. XXIII, песнь IX; дворцовая
библиотека короля Безмятежной
(доступ ограничен)

И приключения не заставили себя ждать.

По карте Лаана определили направление к ближайшему крупному селению и тронулись. То ли сороконог Ракши и Мариэль, по кличке Ласковый был моложе и резвее королевского, то ли управлял им более лихой наездник, но, как только оборвалась

тропа и путники двинулись по бездорожью, Лабастьер перестал поспевать за своими новообретенными товарищами. А вскоре они и вовсе исчезли из виду, затерявшись в листве.

— Дай-ка, брат-маака, я сяду вперед, — предложил Лаан, явно намереваясь править сороконогом энергичнее короля.

— Мы куда-то спешим? — возразил Лабастьер.

— Мы-то как раз нет, — отозвался Лаан. — Нужно догнать ЭТИХ и напомнить, что и им спешить некуда.

Конечно, рано или поздно те и сами остановятся подождать отставших, но неизвестно, когда Ракши придет это в голову, а нестись с такой скоростью по незнакомой чаще небезопасно.

Трюк смены мест на ходу был отрепетирован друзьями давным-давно.

— Давай! — крикнул король и, взмахнув крыльями, подлетел вверх. Пока Лаан перебирался на его место, Лабастьер, по инерции и помогая себе крыльями, висел над бегущим Умником.

Несколько секунд спустя он мягко приземлился позади махаона.

— Хей-е-е-е!!! — заливисто выкрикнул Лаан и основательно стеганул сороконога в просвет меж шейных пластин. Бедняга, укоризненно покосившись на седоков, заметно ускорил шаг.

Собственно, меняться для этого местами было вовсе не обязательно, Лабастьер и сам бы мог заставить Умника бежать быстрее. Но так уж повелось, что по отношению к сороконогу функции товарищей были разделены: король хвалил и поощрял его, а Лаан ругал и погонял.

Лишь после того, как он повторил свою нехитрую процедуру несколько раз, они настигли Ракши.

— Эй ты! — крикнул Лаан. — Куда несешься, как бешеный таракан?! — Название этого мифического животного было не столько оскорбительным, сколько комичным. — Стой, тебе говорю!

Если бы впереди на Умнике сидел Лабастьер, Ракши, наверное, беспрекословно послушался бы. Но в чем-либо уступать Лаану он намерен не был.

Свистнула плеть, и его сороконог рванулся вперед... А еще мгновение спустя Мариэль и Ракши повисли в воздухе, а перепуганный зверь корчился на боку, пытаясь освободить две передние пары лап от вязкой жгучей охотничьей смолы, в которую угодил.

Им еще повезло, что Ласковый, почувствовав, как почва уходит у него из-под ног, шарахнулся в сторону, а не вляпался в смолу остальными лапами. Ведь тогда, ополоумев от жжения и

барахтаясь, он увяз бы в капкане всем телом, что и происходит, как правило, с лесными животными.

— Держи его за голову и успокаивай! — крикнул Лаан подоспевшему Ракши.

Охота с помощью жгучей смолы была давным-давно запрещена королевским указом, и Лабастьер дорого бы дал за то, чтобы браконьеры оказались сейчас тут... Но капканы облетают лишь изредка, собирая добычу, так что вряд ли браконьеры находятся в данный момент где-то поблизости, и поджидать или искать их не было смысла.

Ракши и Мариэль, разговаривая с Ласковым и почесывая его в местах, не защищенных чешуей, смогли умерить его панический страх и заставить лежать смирно. А Лаан с Лабастьером помогли ему освободиться. Затем, изорвав на куски смену белья, они стали осторожно, так, чтобы не обжечься самим, счищать смолу с его пораженных подрагивающих конечностей. Осторожничать нужно было еще и потому, что, дергаясь, Ласковый мог оцарапать руки своих спасителей острыми хитиновыми выростами, защищающими суставы.

Это муторное занятие поглотило все их внимание, но, когда лапы сороконога были приведены в порядок и протерты порцией прихваченного Ракши «напитка бескрылых», распря между спутниками начала разгораться вновь.

— Что за идиотская выходка?! — завелся Лаан. — Кто тебя просил мчаться, как угорелому? В результате мы потеряем как минимум полдня! Ты что, не слышал моей команды?

Но не так-то легко признать свою вину, если обвинителем выступает твой обидчик. Красный от досады Ракши запальчиво выкрикнул:

— Кто ты такой, чтобы командовать мной?! Да, я слышал! Я слышал, как ты обозвал меня! Если бы не это, ничего бы и не случилось! Или ты думаешь, что цвет твоего берета дает тебе право обращаться с окружающими пренебрежительно?!

Насмехаться над тем, что кто-то имеет дворянское звание ниже твоего или не имеет его вовсе, — форменная подлость. А ведь именно в этом Ракши обвинил сейчас Лаана, чем всерьез задел его.

— Ах вот как? — произнес тот холодно, берясь за рукоять сабли. — Нет, мой друг-таракан, разница цветов наших беретов тут вовсе ни при чем. Во всяком случае, она не помешала бы мне вызвать тебя на поединок. Вот только не знаю, честно ли это

будет, ведь мы уже убедились, что языком молоть ты умеешь значительно бойчее, чем можешь за себя постоять.

Ракши не замедлил тоже схватиться за шпагу, но тут в их перебранку вмешалась Мариэль.

— Вы оба стоите друг друга! — вскричала она. — Ваше поведение постыдно. Вы бранитесь, как пустые обидчивые самки, и уже готовы безо всякого смысла продырявить друг друга, забыв при этом, что ваши жизни принадлежат прежде всего королю! А вы, Ваше Величество, — обернулась она к Лабастьеру, и ее серые глаза горели гневом, — почему молчите вы? Или вам нравится наблюдать за этим унизительным раздором? И вы хотите созерцать воочию, как один из этих олухов прикончит другого?!

— Вы правы, — кивнул Лабастьер, и в голосе его слышалась легкая горечь. — Король в ответе за все, и уж точно за то, что происходит в его присутствии. Итак, — обратился он к ссорящимся, — я вижу, ваша беспричинная неприязнь достигла вершины. Мне надоело терпеть ее. Думайте друг о друге что хотите, я не властен над вашими помыслами. Но я требую, чтобы вы вспомнили о дворянской чести. И я клянусь, что, если еще хоть раз, повторяю, еще хотя бы один раз, кто-то из вас словом или делом обидит другого, вы оба лишитесь своих беретов, и путь я продолжу один.

Лаан открыл было рот, чтобы что-то возразить, но удержался. Лабастьер выдержал паузу и продолжил:

— Я не оговорился. Вы ОБА лишитесь дворянства. При этом один из вас опустится лишь на две ступени, а второй потеряет сразу семь. Но, друг мой махаон, именно то, что вы носите красный берет, многократно увеличивает и вашу ответственность. Отныне, волей короля, вы — сподвижники и друзья. И больше к этой теме я возвращаться не намерен.

Лаан и Ракши неуверенно смотрели друг на друга. Но слова Лабастьера Шестого возымели свое действие.

— Дай мне свою шпагу, — протянул руку Лаан, и Ракши, вынув оружие, отдал ее. Поцеловав клинок, тот вернул ее хозяину с ритуальными словами:

— Ты брат мне, и твоя жизнь дороже моей.

Ракши, поцеловав лезвие сабли Лаана, произнес те же заветные слова.

Часа через два, обойдя траншею со смолой, двинулись дальше. Шли медленно, так как Ласковый, чуть изогнув переднюю часть туловища вверх, держал обожженные лапы на весу. Наступать на них он сможет не раньше следующего дня.

Лабастьер исподволь наблюдал за своими строптивыми спутниками, раздумывая, надолго ли их хватит и возможно ли это вообще — стать друзьями по приказу. Пусть даже и королевскому. Однако он с удивлением обнаружил, что или они оба — великие лицемеры, или их взаимная антипатия улетучилась, как дым...

Но вскоре он понял, что неприязнь эта, возникшая без какого-либо серьезного повода, тяготила и их самих, но ложные понятия о чести не позволяли каждому из них сделать первый шаг к примирению. Поклявшись же друг к другу в верности, они сбросили со своих душ этот тягостный груз и теперь болтали как старые приятели. Сороконоги топали параллельно, чуть ли не прижимаясь боками, а Лаан и Ракши правили ими.

— Я хотел бы многому научиться у тебя, брат-махаон, — признался юноша маака, когда речь зашла о том, какие опасности могут встретиться им на пути. — Твоя манера боя поразила меня.

— Думаю, у нас будет возможность позаниматься, — отозвался Лаан. — Через пару десятков уроков наши силы сравняются. У тебя есть главное — то, научить чему невозможно, — отвага.

— Мой прадед был одним из командиров отряда т'анг-расчистки Лабастьера Второго. Именно за смелость он и был удостоен берета, но от предложения придворной службы отказался. Жизнь на лоне природы прельщала его больше.

— Каждому свое, — отозвался Лаан. — Как это ни странно, командиром отряда т'анг-расчистки был и мой прадед, однако он остался с королем и дослужился до зеленого берета; дед — до оранжевого, а уже отец — до красного. Собственно, выходит, самому-то мне и гордиться особенно нечем.

Они засмеялись оба, прекрасно понимая, что подвиги предков ничуть не меньший повод для гордости, чем собственные.

Лабастьер посмотрел на Мариэль. Именно она заставила его вмешаться в ссору, и именно ей он обязан восстановлению мира. Похоже, она понимает в логике и чувствах самцов даже больше, чем они сами. Она поймала его взгляд и улыбнулась, догадавшись о посетившей его мысли.

— Я и мои братья, двойняшки-махаоны, появились на свет почти одновременно, — заговорила она тихо, чтобы не нарушить беседу Лаана и Ракши. — И оба самца нашей семьи, само собой, усиленно занимались добычей пищи для нас. Однажды, возвращаясь с охоты, они перелетали через ручей и заметили в нем огромного волосатого угря. Тот медленно плыл по течению, и мой кровный отец, его звали Тиман, во что бы то ни стало решил поймать его. Дент-Вайар отговаривал его, но отец не слушал, он

был смел, силен и хотел помериться с чудищем силой. Бросив свою поклажу на берегу, самцы догнали угря и полетели над ним. Улучив момент, когда тот полностью всплыл на поверхность, они упали на него и вонзили свои копья в его шкуру.

Угорь стал извиваться и биться, Дент-Вайар отпустил свое копье и поднялся в воздух, чтобы выждать, когда тот затихнет. Но тот ведь мог уйти на дно, и добыча была бы потеряна. И Тиман не отпустил свое копье. Угорь оказался живучим, он долго и яростно мотался из стороны в сторону. Тиман замочил крылья и теперь, при всем желании, не мог бы взлететь.

Дернувшись в очередной раз, угорь ударил моего отца хвостом. Тот упал в воду. По-видимому, он был оглушен и сразу пошел ко дну... Говорят, бабочки могут научиться плавать... Не знаю, в нашем селении плавать не умеет никто. Дент-Вайар не мог даже попытаться спасти со-мужа, он только беспомощно летал над тем местом...

Он до сих пор считает себя виновником гибели Тимана. И он всегда был со мною даже нежнее, чем с моими братьями-махаонами. Но сама я думаю, что отца погубила глупая неосторожность, которую самцы почему-то считают храбростью. А угорь, из-за которого погиб отец, был никому не нужен. Никому.

Мариэль подняла пытливый взгляд на Лабастьера, словно проверяя по выражению его лица, взял ли он в толк, что она хотела сказать, поведав эту печальную историю.

— Я понимаю, — покачал головой тот. — Но согласитесь, Мариэль, если бы не вечная тяга самцов к риску, пусть порой и безрассудному, мир был бы не таков. И он был бы несколько хуже.

Девушка явно собиралась возразить, но Лабастьер опередил ее, поясняя сказанное:

— Я вовсе не хочу приуменьшить достоинств прагматичной осторожности самок. Они берегут уют и тепло наших гнезд... Но так устроен наш мир. Как говорит Лаан, «не случайно Дент и Дипт восходят одновременно».

— Что это вы там про меня? — вмешался Лаан, прервав разговор с Ракши.

— Я говорил о том, — пояснил Лабастьер, — что гармония мира проявляется абсолютно во всем. Потому-то рассудительность самок и уравновешивает безрассудство самцов.

— Ага, — скорчил обиженную гримасу Лаан, — так и думал, что косточки перемываете...

Мариэль, пропустив мимо ушей слова махаона, продолжила тему:

— Если бы действительно существовало такое равновесие, все было бы прекрасно. Но так ли это? Вы, мой король, насколько мне известно, и сами лишились отца, будучи еще личинкой?

— Это так, — вздохнул Лабастьер. — Но, согласитесь, я же не вправе винить его за это. Хотя часто, очень часто, его не хватало мне.

— Что с ним случилось? Никто и никогда не рассказывал мне об этом.

— Он отправился с инспекцией владений, когда я был еще куколкой. И не вернулся. Я никогда не видел его.

— И вы не знаете, как он погиб?

— Нет. И этого не знает никто. Так что, поверьте, сумасбродство самцов я расхваливаю не из пустой солидарности. Эта мысль выстрадана мной...

Тут Ласковый резко остановился, и Ракши, взмахнув рукой, крикнул: «Стойте!» Замер и Умник.

Вглядевшись, Лабастьер заметил прямо перед сороконогами замаскированную листвой темную, матово поблескивающую смоляную поверхность.

Опять капкан?!

— Вот вам и доказательство того, как вы не правы, — заявила Мариэль. — Вы сказали, что не вправе винить отца за раннюю гибель. Но разве ответственность перед потомством не должна делать самца предельно осторожным? И разве ответственность перед народом не должна делать еще более осторожным его короля? Ваш отец оставил Безмятежную без реальной власти. Если бы он был жив и правил королевством, мы не встречали бы на каждом шагу запрещенные капканы! Нет короля, нет и закона.

— Мариэль права, — вмешался Ракши. — Для меня слово «король» всегда означало нечто предельно далекое от жизни. Кто его видел, короля? Признаюсь, именно потому я так легко и обнажил против вас свою шпагу... В чем, конечно же, раскаиваюсь теперь.

Сороконоги, как и в первый раз, двинулись в обход траншеи капкана.

Лабастьер Шестой долго сидел молча, и лицо его было непроницаемым. Наконец он расправил плечи и, оглядев своих товарищей, сказал:

— Я наведу порядок на Безмятежной.

Заночевали на открытом воздухе, привязав сороконогов на таком расстоянии, что они не могли бы повздорить, и разведя по периметру бивуака четыре костерка. Самцы дежурили поочеред-

но, поддерживая огонь и бдительно охраняя спящих. Укладывались прямо в одежде, благо, сухая погода не вызывала опасений за крылья.

Лишь Мариэль переоблачилась на ночь в более свободное и мягкое одеяние. И тут, кстати, Лабастьер убедился в том, что его спутники в самом деле окончательно помирились. По просьбе Мариэль самцы отвернулись, ожидая, когда она закончит туалет. Вдруг Лаан со шкодливым выражением лица начал тихонько поворачивать голову, косясь назад. И тут же получил от Ракши основательный подзатыльник. Лабастьер напрягся, ожидая бурной реакции друга, но вместо того, чтобы оскорбиться, махаон лишь крякнул, расхохотался и пробормотал: «Поделом мне...»

А еще один неожиданный, почти мистический знак примирения пришел ночью.

Лабастьер проснулся от того, что над равниной раздались странные чарующие звуки. Два высоких хрипловатых голоса пели протяжную, но радостную песнь без слов. То заводил один, а подхватывал другой, то оба вместе они, порой захлебываясь, выводили странную, но гармоничную трель...

Лабастьер протер глаза и сел.

— Кто это? — спросил он дежурившего Лаана, но тот только пожал плечами, вглядываясь в темноту, и вполголоса бросил:

— Минут пять уже...

— Я думала, что это сказка, выдуманная стариками, — вмешалась Мариэль, которая, оказывается, проснулась тоже. — Неужели вы не поняли? Это же поют наши сороконоги.

Нежная музыка никак не соответствовала привычному представлению об этих довольно уродливых гужевых зверюгах родом из членистоногих. Но Мариэль явно не шутила:

— Говорят, такое бывает раз в сто лет, когда два самца сороконога клянутся друг другу в вечной дружбе.

— Это — верная примета того, что их хозяев ждет небывалая удача, — добавил Ракши.

Лабастьер пригляделся, но ночным зрением мешал пользоваться свет костра. В то же время свет этот был столь слаб, что сороконоги в нем выглядели бесформенными темными пятнами.

Больше никто из путников не произнес ни слова. Еще около получаса лежали они не двигаясь, боясь спугнуть поющих. Ни Лабастьер, ни Лаан никогда и не ведали, что сороконоги могут вытворять такое. Оттого, наверное, что в столице их принято держать порознь: считается, что сороконоги или безразличны друг к

другу, или относятся неприязненно, и один норовит сделать другому какую-нибудь гадость. Вместе держат только пары в период случки. А вот, поди ж ты...

Сороконоги смолкли так же внезапно, как и начали петь. Наступила тишина, и путники, один за другим, уснули вновь. Впадая в уютную дремоту, Лабастьер старался как можно дольше сохранить в себе отзвук пленительной мелодии, как и остальные, сознавая, что в душе его в эту ночь стало больше света.

С первыми лучами зари они уже двигались дальше. Странное, казалось бы незначительное, ночное происшествие словно бы что-то изменило в каждом из них. И уж точно изменило их отношение к сороконогам.

Ноги Ласкового почти зажили, и шагал он значительно быстрее, чем вчерашним вечером, почти не отставая от Умника. В результате к полудню путники вышли к окраине обширного селения.

...Да, это был действительно крупный населенный пункт. В небе парили сотни бабочек, а это говорило о том, что расстояния тут достаточно велики — коль скоро полет жители предпочитают пешим прогулкам.

Улочки между сферическими раковинами воздушного коралла уже с окраины были тут не покрыты мхом, а вымощены светло-зеленой и бирюзовой кварцевой породой. Причем каменные пластины были подогнаны друг к другу так тщательно, что через щели меж ними не проросла бы и травинка.

Ракши и Мариэль смотрели вокруг полными восторга глазами. Глянув на них, Лаан заметил:

— Оказывается, глупцы есть везде.

— Что ты хочешь сказать этим, брат-махаон? — подозрительно посмотрел на него Ракши.

— Я говорю о здешних строителях, — успокоил его Лаан. — Наш король снял с должности придворного архитектора, когда тот лишь заикнулся о том, чтобы вымостить в столице тропинки.

Невесело поглядывая вокруг, Лабастьер Шестой улыбнулся одними губами и кивнул:

— Что может быть нелепее для бабочки, чем ходить по мертвым камням? А если бабочка здорова и летает, зачем ей такой унылый пейзаж?

— Пожалуй, вы правы, мой король, — согласилась Мариэль. — Вообще-то мне кажется это красивым... Но так удаляться от при-

роды... Думаю, бабочки тут совсем другие, нежели в нашем поселке. И у меня есть предчувствие, что вряд ли они понравятся мне.

Хмыкнув, Лаан бросил:

— У меня тоже есть такое предчувствие. Но естественно предположить, что покрытие почвы камнем сделано не только для красоты. В этом есть какой-то смысл...

Сороконоги искателей счастья двигались по мостовой к центру, неестественно высоко задирая лапы: твердая поверхность была непривычна и тревожила их. Все чаще вместо домов-раковин путникам попадались строения правильных геометрических форм, выполненные из того же, что и тротуары, до блеска отполированного камня. Если поначалу они контрастировали с розовыми и коричневыми коралловыми сферами, то вскоре полностью вытеснили их. И этим центр производил величественное и вместе с тем тягостное впечатление.

Дома эти имели по нескольку наружных выходов, один над другим, причем те проемы, которые возвышались над землей, были оснащены небольшими верандочками, а вход, примыкавший к тротуару, был раза в два больше остальных. Смысл всех этих архитектурных деталей был неясен. Было понятно лишь то, что вторжения посторонних тут никто не боится: ни одно из отверстий в стенах не имело дверей, все они прикрывались лишь флуоновыми шторками.

Жители уже давно заметили пришельцев, но в отличие от давешних хуторян не спешили приближаться к ним с приветствиями, а лишь пролетали мимо, бросая короткие любопытные взгляды и делая в то же время вид, что не обращают на них внимания.

Однако правителю поселения весть об их прибытии кто-то уже передал. Когда молодой король со своими спутниками выбрался на традиционную центральную площадь и остановился перед громадным пирамидальным строением, стоящий на его веранде худощавый седой махаон в голубом берете приветственно поклонился ему.

— Подождите меня тут, — бросил Лабастьер Шестой остальным, сам же расправил крылья и полетел к встречавшему.

Седовласый махаон в знак уважения шагнул с веранды и заскользил на распахнутых крыльях навстречу своему королю.

— Дент-Маари, — представился он, поравнявшись с Лабастьером, облетев вокруг и поднимаясь теперь вместе с ним. — Чем обязаны столь высокому визиту? — Речь его была вкрадчива, но особой радости в голосе не звучало.

— Разве король не должен время от времени лично проверять, как выполняют законы его вассалы?

Еще один взмах крыльями, и они оба стояли на краю веранды.

— О да, — кивнул махаон. — Однако мы предполагали, что все помыслы нашего молодого, но известного своей приверженностью к традициям короля направлены сейчас на выбор достойной его супруги.

— Я предпочел выбору поиск, — пояснил король.

— Ах так... — Лабастьеру показалось, что во взгляде махаона промелькнуло облегчение; он даже слегка улыбнулся. — Счастлив буду помочь. Когда прикажете созвать бал? Сегодня? Завтра?

— Думаю, не стоит будоражить общество чрезмерной поспешностью. Бал состоится послезавтра.

— Послезавтра? — переспросил махаон, как-то странно взглянув на Лабастьера. — Именно послезавтра?

— Да, — насторожился Лабастьер. — Сегодняшнего и завтрашнего дней мне вполне хватит, чтобы ознакомиться с тем, как тут у вас обстоят дела. И убедиться, кстати, в том, что вы не превратили свою вотчину в «город». Памятуя о том, что создание городов запретил Лабастьер Второй Мудрый. — Говоря это, Лабастьер внимательно вглядывался в лицо Дент-Маари, пытаясь заметить в нем признаки страха или хотя бы беспокойства. Но оно вновь приняло выражение учтивой непроницаемой маски.

— Разве могли бы мы посметь нарушить справедливейшие законы вашего предка? Если пожелаете, я предоставлю вам списки живущих в нашем СЕЛЕНИИ.

— Я предпочел бы облететь его лично.

— Как будет угодно Вашему Величеству, — согласился правитель. — Вам требуется отдых? Мое скромное жилище — в вашем полном распоряжении. — Махаон жестом указал на отверстие, ведущее с веранды внутрь здания. Его «скромное жилище» было раз в пятьдесят больше королевского дворца и уступало в размерах, наверное, только Золотому Храму.

— Нет, отдых нам пока что не нужен. Чего не скажешь о наших животных. Распорядитесь лишь о том, чтобы их накормили и уложили на мягкие подстилки. А я и мои друзья немножко полетаем.

— Я отдам распоряжение немедленно, а затем буду рад сопровождать вас.

— Последнее совершенно ни к чему. Или в вашем небе таится некая опасность?

— Нет, мой король. Наши жители миролюбивы, а ваша серьга и береты ваших спутников и вовсе делают вас неприкосновенными тут, как и в любом другом поселении королевства.

Подозрение не подтвердилось. Четверка путешественников вдоль и поперек облетела и облазала селение, но ничего предосудительного они так и не обнаружили. Кроме тротуаров, которые, кстати, были идеально гладкими и покрывали всю, без исключения, поверхность между домами. Казалось даже, что сперва всю землю тут заковали в камень, а уж потом поставили на него коробки и сферы домов...

Жители уже не шарахались от гостей так, как это было поначалу, но все равно казались настороженными и уж, во всяком случае, с разговорами не лезли.

Домов насчитали чуть больше восьмисот. Хотя некоторые из них были несуразно велики, и можно было предположить, что в них живет не одна, а несколько семей. Но на самом деле это оказалось вовсе не так, в чем Лабастьер и его товарищи убедились, побывав в гостях в одном из таких жилищ, которое было хоть и меньше замка Дент-Маари, но выглядело все же достаточно внушительно.

Как и у всех здешних каменных зданий, нижний овальный вход его был несоразмерно велик. Однако именно он не был оснащен приспособлением для вызова хозяев, потому Лабастьер и его спутники приземлились не внизу, а на одну из веранд. Хоть дверей по местному обыкновению и не было, но все-таки не стоило входить без разрешения, и Лабастьер дважды отогнул и отпустил прикрепленный к стене возле входа острый хитиновый язычок.

Низкий, зудящий звук, раздавшийся при этом, должен был привлечь внимание находящихся внутри. Действительно, спустя несколько мгновений шторка шевельнулась, и наружу выглянула самка махаон с бледным утонченным и как будто бы сонным лицом. Окинув взглядом стоящих на веранде, она вышла и, как полагается, поклонилась:

— Приветствую вас, Ваше Величество. Ведь вы — Лабастьер Шестой, я не ошиблась?

С ответом короля опередил Лаан:

— Нет, самка, ты не ошиблась, — в его голосе звучала шутливая язвительность. — Надо быть или слепой, или глупой, чтобы не узнать короля, когда у него в ухе серьга.

Лабастьер хотел было отчитать товарища за бесцеремонность, но самка и сама за словом в карман не полезла:

— Красный берет делает некоторых самцов ужасно робкими, — проговорила она негромко, словно разговаривая сама с собой, однако Лаан, решив, что это ирония, смутился и даже слегка покраснел. И тут самка окончательно «добила» его, на этот раз говоря во весь голос и презрительно глядя в упор: — Но некоторые, натянув этот убор на голову, становятся откровенными хамами!

Лаан просто опешил от такого неожиданного натиска, а остальные не удержались от смеха.

— Да, ты не ошиблась, — пряча улыбку, ответил наконец король. — Я — Лабастьер Шестой. А это — мои друзья.

— Мой дом принадлежит вам, — кивнула та, произнося традиционную формулу. — Меня же звать Дипт-Кайне. Глядя на вас, мой король, я радуюсь, что я — махаон. — Лабастьер нахмурился, пытаясь вникнуть в смысл этой фразы, а после пояснения настала его очередь краснеть от смущения. — Иначе я безумно страдала бы от того, что уже замужем!

...Ничегошеньки подозрительного не заметили друзья внутри жилища острой на язык хозяйки. Из двух супружеских пар, составлявших ее семейный квадрат, дома была только она: ее оставили нянчиться с двумя гусеничками — махаон и маака.

Дипт-Кайне угостила вошедших острым нектаром цветов урмеллы, была крайне радушна и с удовольствием отвечала на вопросы. Так, например, на вопрос, почему у ее семьи жилище такое огромное, она ответила более чем просто: «Потому что мои самцы умны и трудолюбивы, и мы можем себе это позволить». Лабастьер не стал уточнять, что он скорее хотел узнать не «почему», а «зачем» им такая громадина... Стало ясно, что величина дома является тут мерилом благополучия и тешит честолюбие хозяев. Глупо, но не противозаконно.

Вдоволь наигравшись с гусеничками и поблагодарив Дипт-Кайне за угощение и гостеприимство, путники полетели дальше. Но напоследок Лабастьер задал ей и еще один, мучивший его, вопрос. И начал он издалека:

— В вашем селении многие бабочки лишены возможности летать?

— Почему вы так думаете? — удивленно подняла брови Дипт-Кайне.

— Если нет, то зачем вам каменное покрытие улиц?

Самка еле заметно вздрогнула. Но тут же взяла себя в руки и ответила вызывающе:

— Разве мы не имеем права украшать свое селение так, как нам заблагорассудится? Мощенные камнем улицы кажутся нам красивыми. Вот и все... — Говоря это, она не смотрела в глаза Лабастьеру, а напротив — отвела взгляд в сторону.

Выглядело ее поведение в этот момент по меньшей мере загадочно. Но В ЧЕМ подозревать Дипт-Кайне и ее соплеменников, Лабастьер и его спутники просто ума не могли приложить.

4

Нет отдаленья, и близости нет,
Да и не может быть.
Долго Охотник летел к Луне,
Славу себе добыть...
— Стал ли он ближе хоть чуточку к ней?
— Надо Луну спросить.

«Книга стабильности» махаон,
т. XV, песнь XVI; дворцовая
библиотека короля Безмятежной
(доступ ограничен)

Бал состоялся на верхнем ярусе пирамидального дворца Дент-Маари. Множество вертикальных оконных щелей в конусообразной кровле пропускали сюда достаточно солнечного света, чтобы видимость была отчетливой, однако в целом освещенность была несколько мрачноватой.

Тут присутствовало не менее сотни юных самок маака, желающих быть представленными молодому королю, и их родители; несколько молодых пар махаон, ищущих пару-диагональ маака для создания семейного квадрата, а также вся местная знать — в голубых, синих и фиолетовых беретах.

Давешние простые хуторяне с их непосредственным поведением и простодушными разговорами были Лабастьеру более по душе, чем это, загадочное в своей подчеркнутой сдержанности и даже чопорности, общество. Несмотря на то что все гости явились сюда по собственной воле, почему-то казалось, что на самом деле всем им глубоко безразличны и повод, и виновники этого празднества.

— Сдается мне, солнца все эти самки никогда и не видывали, — заметил Лаан, разглядывая собравшихся.

И действительно, бледная кожа и манерная вялость, которые Лабастьер заметил, общаясь еще с Дипт-Кайне, оказывается, были характерными чертами всех местных жительниц. Лишь глаза, лихорадочный блеск в них, выдавали глубоко спрятанный темперамент или даже сладострастие их обладательниц.

Многие местные девушки были хороши, но жизни в них было так мало, что взоры короля и его друга буквально отдыхали на их спутнице Мариэль.

Тут и там, поднимаясь снизу по винтовой лестнице в центре зала, меж гостей сновали самки с сосудами, наполненными «напитком бескрылых», но почти никто из присутствующих не притрагивался к ним. Потенциальные невесты поглядывали на Лабастьера Шестого с сонным интересом и, несмотря на то что Дент-Маари громогласно представил его обществу, приближаться и знакомиться лично не спешили.

Попытки Лаана оживить ситуацию натыкались на нарочитое равнодушие или вежливый интерес. Лишь когда зазвучала музыка — трое пожилых самцов заиграли на деревянных духовых басового регистра, две самки завели диалог мелодий на нежных флейтах-раковинах, а худощавый юнец принялся отбивать ритм на бонгах, — окружающие слегка оживились. Одни вступили в танец, сгруппировавшись семейными квадратами, другие — парами, третьи, уже совсем неожиданно, танцевали втроем.

— Что-то с ними со всеми не так, — высказался Ракши. — У меня ощущение, как будто они все нездоровы...

— Многое я отдал бы за то, чтобы выяснить, что за хворь их тут обуяла, — отозвался Лаан. — Гляди-ка, — тронул он Лабастьера за запястье, — похоже, какая-то самка удосужилась наконец обратить внимание на короля.

Действительно, из глубины зала, покачивая крыльями, припорошенными золотистой пыльцой, к ним приближалась синеглазая девушка, которая была бы просто прелестной, если бы не болезненная белизна кожи и печать то ли усталости, то ли безучастия на утонченном лице. Лабастьер предпочел бы танец с Мариэль и поискал ее глазами, но ту в центр зала уже увлек Ракши.

— Жиньен, — поклонилась самка, представ перед королем, — не окажете ли честь подарить мне несколько минут вашего высочайшего партнерства?

— Я предпочел бы, чтобы самки не делали мне скидок на происхождение и положение, а оценивали бы меня только за мои личные качества, — с улыбкой ответил Лабастьер, поведя самку в

гущу танцующих. Двигалась та умело и грациозно, однако в прикосновениях ее прохладных ладоней не было ни тени увлеченности или хотя бы волнения. Отозвавшись на тираду короля легкой улыбкой, она промолчала.

— А я уже, было, решил, что никто из ваших соплеменниц так и не обратит внимания на своего бедного короля, — заставил себя Лабастьер продолжить разговор. — Мне кажется, что, как это ни противоестественно, никто тут не собирается вступить в борьбу за престол. Верно ли, по-вашему, я заметил?

— О да, — отозвалась, вновь чуть заметно улыбнувшись, Жиньен, — все мы слишком любим то место, где живем. — Она глянула на него своими огромными бездонными глазами так, словно проверяла, в полной ли мере он понимает некий скрытый смысл ее слов. — Признаюсь, я и сама пригласила вас на танец единственно по настоянию своего второго отца.

Это прозвучало почти оскорбительно.

— Ваш второй отец — Дент-Маари, — догадался Лабастьер.

— Это так, — кивнула самка. — Он не хотел бы, чтобы мы показались вам негостеприимными. Хотя сама я считаю, что вся эта игра совершенно ни к чему, — добавила она задумчиво. — Мы таковы, каковы мы есть.

Лабастьер окончательно помрачнел.

— Игра? — переспросил он. — Хотел бы я понять ее суть... И каковы же вы? Чем вы отличаетесь от нас?

— Вряд ли вы сможете понять это, — ответила Жиньен, разглядывая короля уже с откровенной насмешкой. — Да никто тут и не станет пытаться разъяснить вам это.

— А вы попробуйте, — предложил Лабастьер нарочито безразличным голосом, чувствуя на самом деле, как в душе его начинает вскипать гнев.

— Музыка кончилась, — вновь усмехнулась Жиньен. — А значит, конец и танцу. — Она прощально махнула рукой и растворилась в толпе.

Лаан встретил короля возбужденно:

— Куда мы попали?! Только что я танцевал с самкой маака, так она чуть ли не угрожала мне!

— То есть? — прислушался Лабастьер, с трудом обуздав раздражение, которое вызвала у него беседа с Жиньен.

— Она прямо сказала мне, что в этом селении нам делать нечего и что все только и ждут того, когда наконец мы уберемся!

— Так и сказала? — недоверчиво прищурился король.

— Ну-у, не совсем так... — признался Лаан, — но почти. Смысл, во всяком случае, был именно таким. Интонации... Да я и сам это вижу! А запах?! Вы не чувствуете его, мой король?

Действительно, в воздухе витал какой-то незнакомый, еле уловимый аромат. Но ничего подозрительного в нем Лабастьер не находил. И все-таки...

Как раз в этот момент к ним приблизился Дент-Маари. Его сопровождала молодая самка с подносом.

— И как ваши успехи, мой король? — обратился он к Лабастьеру. — Не приглянулась ли вам уже какая-то из наших девушек?

— Не кажется ли вам, милейший, — отбросив этикет, пошел напролом Лабастьер, — что вам уже давно пора прекратить этот фарс и объяснить, что здесь происходит?!

— Что вы называете фарсом? — сделал удивленное лицо правитель.

— Все! Все это! — Лабастьер обвел рукой зал.

— Вы хотите обидеть нас? — поднял брови Дент-Маари. — Однако, будучи вашим законопослушным вассалом, обижаться на короля я просто не вправе. А значит, вы ставите меня в затруднительное положение. В то же время мне совершенно не понятно, чем мы могли заслужить ваше нерасположение... Но, повторяю, не мне, носителю голубого берета, пытаться разгадать движения души короля. Мне жаль, что наше скромное общество не пришлось вам по вкусу и что, по-видимому, суженую свою вы найдете не среди наших юных самок. — Он сокрушенно покачал головой. — Смею добавить, Ваше Величество. Сороконоги отдохнули, они почищены и сыты. Вы ведь, насколько мне помнится, именно сегодня собирались покинуть нас? — Его лицо было непроницаемо вежливым. — Мы готовы проводить вас с подобающими этому случаю почестями.

— Ах так?! — взвился Лаан. — Вы выставляете нас?! И не надейтесь! Мы и с места не сдвинемся, пока не поймем, зачем вы водите нас за нос!

Лицо Дент-Маари оставалось каменным. Лаана он не удостоил и взглядом, продолжая разговаривать только с Лабастьером:

— Не нам указывать королю и его свите, как себя вести, мы прекрасно сознаем это. В то же время, думаю, всем нам будет лучше, если вы отправитесь в путь прямо сейчас. — Последнее было сказано с нажимом, который можно было принять даже за открытую угрозу.

Лаан открыл было рот, чтобы продолжить перебранку, но Лабастьер, тихонько наступив ему на ногу, опередил друга:

— Вы правы. Мы тронемся в путь немедленно... — На его лице появилось совсем не свойственное ему выражение каприза: — Но знайте, я очень, очень вами недоволен. И ноги нашей больше не будет на этой земле!

Лаан с недоумением уставился на него.

Дент-Маари же выглядел удовлетворенным. Без всякой логики он сделал знак самке с подносом, и та удалилась.

— Через несколько минут животные будут стоять внизу, — пообещал он. — Я еще раз выражаю свое искреннее сожаление тем, что какое-то недоразумение препятствует установлению между нами дружеских отношений. Однако я и не претендую на это.

Поклонившись, махаон покинул короля и его друга.

— Да ты что, брат-маака?! — накинулся Лаан на Лабастьера. — Уезжаем?! Да ведь тут за версту пахнет изменой! С каких это пор мы начали послушно выполнять «пожелания» предателей?!

— Тихо, — осадил его Лабастьер. — Не думай, что я ослеп.

— Так в чем же дело?!

— Дент-Маари забеспокоился еще тогда, когда я устанавливал день проведения бала, а сейчас его тревога достигла кульминации...

— И что из этого?

— Он очень хотел, чтобы бал состоялся не сегодня, а вчера, — продолжал Лабастьер. — И тогда мы решили, что он просто боится предоставить нам слишком много свободного времени... Но теперь мне стало совершенно ясно, что дело вовсе не в этом. А в том, что нечто тайное должно свершиться в этом селении именно сегодня ночью или в крайнем случае завтра днем. Вот они и хотят побыстрее от нас избавиться.

Лаан задумчиво сдвинул брови. Потом кивнул:

— Похоже. Да, похоже. Но почему же тогда мы послушно согласились убраться отсюда?! Мы непременно должны выяснить, что за преступления тут вершатся, и пресечь их!

— Потому что это наш единственный шанс остаться живыми. — Произнося эти слова, Лабастьер сделал такой жест, как будто бы пьет что-то из несуществующего бокала.

Глаза махаона округлились.

— «Напиток бескрылых»! — воскликнул он шепотом. — О беременный таракан! Как же я не догадался сразу?! Они хотели отравить нас! Как только вы, мой мудрейший король, заявили о своем решении немедленно покинуть селение, Дент-Маари, вместо того чтобы предложить нам отведать прощальную чарку на-

питка, отослал самку с сосудами прочь! Но он обязательно напоил бы нас, реши мы остаться! Напоил бы и отравил!

— Тихо, тихо, — осадил товарища Лабастьер. — Пойди-ка лучше найди наших танцоров. Надо побыстрее уходить отсюда.

— Но мы вернемся, мой господин? — произнес Лаан скорее утвердительно, чем вопросительно. — Ночью? Ведь так?

— Да, — кивнул Лабастьер. — Мы непременно выясним то, что от нас так тщательно скрывают.

— Выясним и разорим это преступное гнездо! — удовлетворенно кивнул Лаан и отправился в центр зала на поиски Ракши с Мариэль. Лабастьер же только позавидовал его решительному настрою. Сам он далеко не был уверен в успехе задуманного. Незавидная роль — искать неизвестно что...

Минут через десять, оседлав сороконогов, четверка пилигримов в ускоренном темпе двигалась к границе селения. Часть гостей бала, высыпав на открытый воздух, стайкой сопровождали короля и его друзей, порхая или рядом с ними, или над их головами. Лица большинства из них приняли наконец радостное, а то и восторженное выражение. Они с искренним жаром выкрикивали хвалы и прощальные слова своему королю... Лабастьер, натянув на лицо маску благодушия, отвечал им кивками.

На границе селения жители его наконец оставили путников в покое, и те углубились в чащу травяного леса. Забравшись подальше и убедившись, что за ними не следят, путники остановились и разбили лагерь.

— Дождемся тут темноты, — пояснил Лабастьер, — а затем я и Лаан слетаем обратно, на разведку. Скорее всего в селении нас ожидает какая-то опасность, поэтому вы, Мариэль, останетесь тут под защитой своего жениха.

— Это почему? — нахмурилась девушка, сведя и без того почти сросшиеся брови.

— Потому что так приказал вам ваш король, — отрезал Лабастьер. — И обсуждению это распоряжение не подлежит.

— Объясните хотя бы, что стряслось?! — возмутился Ракши.

Они имели право знать все, и Лабастьер кратко изложил свои умозаключения.

— Да, — задумчиво согласилась Мариэль. — Вы правы. И мы с Ракши тщетно пытались заметить хоть мало-мальский интерес к себе. Ведь все прекрасно знают, что мы ищем диагональ махаон, и все знают, что мы приближены к королю. Было бы естественным ожидать, что пары махаон будут атаковать нас... Но с

каждой минутой все эти странные бледные бабочки становились все напряженнее. Зато уж когда мы стали прощаться, их радости не было границ!..

— А у меня было такое чувство, — неожиданно высказался Ракши, — как будто все вокруг нас — уже давно мертвые.

Путники подавленно примолкли. Каждый поймал себя на том, что испытывал примерно то же самое, но не решался сформулировать это ощущение столь категорично.

— Ладно, — нарушил тишину Лаан. — Хватит гадать. Давайте-ка лучше поспим. Ночью у нас вряд ли выдастся такая возможность. А до темноты в селение лучше не соваться.

Кивнув, Лабастьер добавил:

— Думаю, правильнее всего будет, если до заката спать не будет Мариэль. Затем она разбудит нас. Мы с Лааном отправимся обратно, Ракши останется дежурить, а она ляжет отдыхать.

На том и порешили.

— Мне страшно, мой король, — призналась Мариэль, разбудив его первым, когда на мир наползла зловещая тьма. — Дент и Дипт сегодня прячутся в тучах, а это — плохой знак... Может быть, не стоит вам лететь туда?

— Я король, — сев, покачал головой Лабастьер. — Я должен.

— Может быть, вам лучше сделать это потом, когда ваше путешествие завершится счастливой находкой и вы справите свадьбу? — предложила она, глядя на него умоляюще. Несмотря на то что ночное зрение Лабастьера придавало ее лицу в его глазах зеленоватый оттенок, все равно она была удивительно хороша.

— Нет, милая самка. — Король осторожно, по-братски, погладил ее волосы. — Долг важнее осторожности. Я чувствую, где-то поблизости таится измена, и я должен выяснить, в чем ее суть. — Чуть наклонившись, он коснулся губами ее щеки, но тут же поспешно отпрянул. — Буди остальных. Нам с Лааном пора.

Подлетев к окраине, Лабастьер и Лаан сразу заметили в селении необычное для ночного времени оживление. Надеясь, что их не заметят, разведчики поднялись повыше и с удивлением наблюдали за тем, как из домов-раковин выползают наружу их обитатели.

Несмотря на наличие ночного зрения, бабочки предпочитают все же свет солнца или огня, который дает возможность различать цвета и ощущать объем... Жители селения не зажгли ни единого факела. Да и зачем им был свет, если они не совершали

абсолютно ничего? Они просто стояли, прижавшись спинами к выпуклым стенам своих домов. Стояли, не шевелясь, молча таращась в темноту. Руки их были пусты. Мощеные тротуары под ними выглядели неправдоподобно гладкими, отполированными буквально до блеска, до того, что в них отражались звезды...

И картина эта была столь нелепой и жуткой, что Лабастьер Шестой почувствовал, как мурашки пробежали у него по спине.

— Что за странность?.. — начал Лаан вполголоса. Но в полной тишине слова его прозвучали невыносимо громко, и Лабастьер шикнул на него.

Лаан примолк, но вскоре выяснилось, что он все же успел привлечь к себе внимание негостеприимных странных и бдительных жителей этого селения. Спустя буквально несколько мгновений в воздухе раздались необычные звуки, такие, словно что-то упругое ввинчивается в небо, — «вр-р-жик, вр-р-жик, вр-р-жик...»

— Ой! — воскликнул Лаан и, беспорядочно и неказисто захлопав крыльями, начал быстро снижаться.

— Крылодер! — крикнул он еле поспевающему за ним Лабастьеру. — Они стреляют из запрещенных луков! Поднимайтесь выше, мой король, они убьют вас!

Но Лабастьер Шестой не последовал совету друга, а попытался догнать его, чтобы помочь. Тем паче что, идя на снижение, они уже добрались до центра селения, а тут в отличие от окраин на улицах не было ни души.

Догнать Лаана ему не удалось, и со странным хлюпающим звуком тот рухнул на тротуар. Сразу за ним приземлился и Лабастьер. К своему удивлению, он, поскользнувшись, тоже не удержался на ногах и упал на спину. И моментально потерял способность летать: крылья были безнадежно замочены.

Вот почему так блестели тротуары! Это вовсе не полировка, это слой воды, которого днем не было, скрывающий ступню бабочки и доходящий примерно до щиколотки.

Но раздумывать, откуда взялась эта вода и зачем она тут разлита, времени не было. Лабастьер, ощущая, как противно булькает влага в сапогах, подбежал к другу, который пока только и сумел, что подняться на четвереньки. Крыло у него было в ужасном состоянии. Крылодер — преступная стрела с лопастями-резцами на наконечнике — превратил правое крыло Лаана в безобразные лохмотья.

Встревоженный Лабастьер хотел было спросить, цел ли Лаан в остальном... Но не успел, ошарашенный неожиданным поведением друга. Вместо того чтобы стонать от боли или на чем свет

стоит костерить стрелявших, тот поднял на короля исполненный восторга взгляд. Его губы блаженно расплылись.

— О, как хорошо! Как хорошо, брат-маака! — тихо произнес он, а затем глаза его закатились, руки расползлись, и он, блаженно застонав, упал лицом в воду.

Наверное, он так бы и захлебнулся, если бы, недоумевая, Лабастьер поспешно не перевернул его на спину. Лаан закашлялся, но в себя не пришел, а на его устах продолжала блуждать счастливая улыбка.

Лабастьер принялся хлестать его по щекам, но тщетно.

И тут все странное, все подозрительное, что видел и слышал Лабастьер в этом селении, внезапно совместилось в его сознании... Т'анг! Неужели т'анг?! Почему он не догадался об этом сразу?! Да потому, что это невероятно! Потому что т'ангов давным-давно не существует, и они превратились в легенду, в страшную сказку прошлого! Ведь все они уничтожены еще во времена Лабастьера Второго!

Т'анги — отвратительные мокрицы-чародеи — стали единственной угрозой для бабочек, взявшихся за колонизацию Безмятежной. Неповоротливое, слабосильное, слепое и глухое существо, т'анг имел лишь одно орудие выживания: телепатическое излучение счастья, благодаря которому прочие животные не только не нападали на него, не только не защищались, но приползали сами, с радостью отдаваясь ему на растерзание. (Ничего не зная о телепатии, бабочки Безмятежной, само собой, называли это воздействие на них т'анга «колдовством» или «мороком».)

Бабочки оказались даже более восприимчивы и чутки к мороку т'ангов, чем представители местной фауны. Как бы не имея иммунитета, они против этих чар были совершенно беззащитны. И что самое неприятное, чары т'анга не только парализовывали бабочку, но и порождали стойкую, подобную наркотической, психологическую зависимость. Достаточно было несчастной попасть под их воздействие три-четыре раза, чтобы именно они превратились в ее единственную цель жизни.

Когда колонисты Безмятежной вторглись в ограниченный ареал обитания т'ангов, их спасло то, что их король носил в ухе магический амулет, и то, что т'анг большую часть своей жизни проводит в спячке. Свои чары он пускает в ход лишь два раза в год, в периоды охоты или тогда, когда чувствует опасность.

Но никогда еще не слышал Лабастьер Шестой о том, чтобы во власти т'анга находилось целое селение. Тут же дело явно об-

стоит именно так. Иначе жители селения не угробили бы столько труда на постройку сети каменных дорожек, по которым, после того как их покрывает вода, т'анг может свободно ползать от дома к дому, выбирая себе очередную жертву. (Как раз то, что неповоротливые т'анги способны передвигаться лишь по дну мелководных ручейков, и ограничило распространение этого вида совсем небольшим территориальным районом.)

Все это в один миг промелькнуло в голове Лабастьера Шестого, и он содрогнулся, осознав, от какой опасности спас его маленький заколдованный кусочек металла и камешек в мочке уха, передающийся его предками по наследству, из поколения в поколение.

Подхватив Лаана под мышки, он подволок его к стене и, усадив, прислонил к ней спиной. Промокший насквозь берет Лабастьер торопливо отжал и, чтобы не потерять, нахлобучил другу на голову. Затем выдернул из его ножен саблю и кинулся по пустынному тротуару на поиски мерзкого зверя-чародея. Нужно найти т'анга именно сейчас, пока жители селения находятся в пароксизме наслаждения и не могут его защитить. Защитить любой ценой. Вплоть до убийства своего короля.

Разбрызгивая воду из-под ног, Лабастьер пересек непонятно почему пустующий центр и выскочил к домам-раковинам. Бабочки сидели, прислонившись к стенам, а некоторые и лежали. Их позы были нелепы, а лица были как бы оплавлены струящимся извне наслаждением.

Лабастьер остановился, прислушиваясь. Ничего.

Перешагивая через неподвижные тела, он вновь побежал наугад, чувствуя, что его охватывает отчаяние. Если бы не мокрые крылья, он бы нашел т'анга в два счета, оглядев селение сверху. Но сейчас у него такой возможности нет, и он рискует упустить время!..

И, как это часто бывает, именно в тот момент, когда надежда окончательно оставила его, поиски увенчались успехом. Его слух уловил нечто необычное. Звук раздался из центра и больше всего походил на долгий и тяжелый вздох. И еще он почувствовал запах, тот самый странный запах, на который обратил его внимание Лаан в замке правителя, но на этот раз — отчетливый до отвращения. Лабастьер кинулся туда, откуда раздался звук.

Он пересекал центральную площадь перед дворцом Дипт-Маари, когда вновь услышал тот же звук значительно ближе, справа. Он побежал туда и неожиданно оказался в том самом месте, откуда начал свои поиски, там, где оставил Лаана. Тот

сидел все в той же мешковатой позе. Только берет, съехав, закрыл ему лицо.

Лабастьер побежал дальше... И наконец увидел то, что ожидал. Но, несмотря на ожидание, он не смог подавить в себе приступа жути при виде старого т'анга — зверя-чародея, вышедшего из страшной легенды о доблести Лабастьера Второго.

Толщина этой белесой слепой твари была равна примерно полуторному росту средней бабочки. Длина мокрицы составляла два с половиной—три таких размера. При движении тело т'анга колыхалось, как обтянутый кожей студень, а то, что можно было назвать «мордой», имело лишь одно отверстие клоаки посередине и две лапки-щупальца по сторонам от него, снабженные лезвиеобразными роговыми клешнями. Два ряда тонюсеньких ножек с присосками проходили по низу его тела.

Лабастьер в оцепенении наблюдал за тем, как т'анг вытягивает вперед эти дрожащие отростки. Вот они плотно прилипли к мокрым камням, а затем резко сократились. И тело т'анга рывком передвинулось. Так, что «мордой» он едва не коснулся Лабастьера, присутствие которого не мог ощутить благодаря королевской серьге.

Т'анг был жалок и ужасен одновременно. Рывок его тела сопровождался надсадным выдохом-стоном, и Лабастьера окатила волна зловония, вырвавшегося из отверстия клоаки.

Король попятился, не решаясь нанести первый удар. Стебельки ножек т'анга уже вытянулись вновь, готовясь к очередному рывку... Выдох... Студенистое тело вновь сдвинулось вперед. Лабастьеру подумалось, что каждый «шаг» т'анг делает так, словно это его последнее, предсмертное движение.

Откуда он взялся?! Точнее, как он, единственный из всего своего немногочисленного, правда, племени, сумел выжить? Способен ли он размножаться? Сколько поколений местных бабочек превратил он в свое послушное стадо? Что станет с этими несчастными, если т'анг умрет?..

Думая обо всем этом, Лабастьер, стараясь дышать только ртом, продолжал пятиться назад, а т'анг рывок за рывком продвигался навстречу своей неведомой цели.

В конце концов эти бабочки сами сделали свой выбор, сами построили свою тюрьму. И другим они не опасны. Так, может быть, лучше оставить все так, как есть? Может быть, пусть живут так, как им нравится, ведь их уже не переделать?..

Лабастьера осенило: ответ на вопрос о способности т'анга к размножению очевиден. Если бы это было не так, зачем бы ему

тогда понадобилось это селение? Ведь чары т'анг использует только для подманивания добычи. Сам-то он при этом — существо травоядное, и хищником становится лишь для того, чтобы дважды в год отложить свою личинку в концентрат из крови и плоти животных...

Этот т'анг охотится! Значит, он может размножаться! А раз так, он таит в себе страшную угрозу королевству, и убить его просто необходимо!

Но решение пришло слишком поздно. Вместо того чтобы в очередной раз сделать свой мучительный рывок вперед, т'анг внезапно вытянул свои хилые отростки вбок — прямо во входное отверстие ближайшего здания. Рывок! И его «морда» скрылась внутри дома какого-то знатного жителя селения. Жертва избрана, и движения т'анга стали как будто бы несколько резвее.

Так вот почему нижние проемы в этих домах значительно больше остальных! Какая нелепость! В этом больном поселке главная привилегия знатного жителя перед простолюдином состоит в том, что он может позволить себе встретить блаженство от т'анга или смерть от т'анга (а возможно, и то и другое одновременно), не выходя из дома!..

Рывок... И т'анг уже наполовину вполз в здание.

Не раздумывая далее, Лабастьер размахнулся и ударил острием сабли в бок зверя так, как если бы бил шпагой. Лезвие почти без сопротивления, по эфес вошло в рыхлую ткань. В тот же миг лапки зверя в очередной раз судорожно сократились, и массивная туша въехала в здание целиком. Лабастьер едва успел отпустить саблю, и лишь этим спас руки от переломов: рукоять, чуть зацепившись за край входа, исчезла внутри.

Безоружный и все еще лишенный крыльев, Лабастьер на миг растерялся. Если бы он мог взлететь, он бы проник в здание через один из его верхних входов!.. Но что он может сделать сейчас?.. Беспомощный и посрамленный, король тупо рассматривал заднюю часть туловища т'анга, которая чуть-чуть все-таки еще высовывалась наружу. Самым омерзительным было то, что отверстие в этой части тела т'анга отсутствовало. Ведь и питалась, и испражнялась, и спаривалась мокрица через клоаку.

Оцепенение прошло, и Лабастьер впал в бешенство. Сперва он пару раз с наслаждением пнул т'анга в зад острым носком сапога. Изо всех сил. Но туша откликнулась лишь мелкой водянистой дрожью.

Ах так?! Лабастьер выругался и выдернул из-за пояса фамильный кинжал.

— Я прорублю тебе дырку в заднице, если об этом не позаботилась природа!!! — вскричал он и принялся в исступлении кромсать лезвием податливую плоть.

Через минуту пара оставшихся снаружи лапок т'анга засучила по камням тротуара, а затем, присосавшись, наполовину выдернула его тело из дома обратно на улицу. Лабастьер едва успел отскочить. Углядев торчащую из бока рукоять сабли, он вновь завладел ею.

Ножки-стебельки т'анга уже настроились на очередной рывок назад, и Лабастьер, встав возле входа, приготовился нанести несколько решающих ударов.

Рывок!.. И т'анг оказался снаружи целиком... Всю решительность Лабастьера словно ветром сдуло. От явившегося взору зрелища его замутило. Ночное зрение не позволяло различать цвета, но и без того было ясно, что густая темная кайма вокруг отверстия клоаки т'анга намазана не чем иным, как кровью. В одной из безвольно покачивающихся клешней-резцов тварь держала руку бабочки, отрезанную от тела в предплечье. С другой клешни свисали гроздья кишок и еще каких-то внутренностей.

Преодолев тошноту, Лабастьер принялся яростно колоть и рубить зверя в участок над отверстием клоаки: именно там располагался мозг этой твари, не уступающий размерами мозгу бабочки. Эти удары т'ангу были явно небезразличны: он раскачивался из стороны в сторону, издавая жалобные стоны.

Драться т'анг не умел. Он не умел даже сопротивляться и защищаться. Он умел только одно: неторопливо разделывать тела пребывающих в блаженном восторге жертв... Он не удосужился даже разжать свои болтающиеся клешни, и кровавые мазки то и дело настигали Лабастьера. А тот все колол и рубил, испытывая злобное наслаждение от того, что каждый его укол отдается в теле т'анга болезненным подергиванием...

Жизненных сил т'ангу хватило еще лишь на один-единственный рывок назад. Затем он просто издох. Щупальца с клешнями плетьми обвисли по сторонам клоаки. Ножки-стебельки почти полностью втянулись в переставшее подрагивать тело.

Король отступил и, прижавшись спиной к стене дома, обессиленно опустился прямо в холодную мокреть.

Уже светало. Лабастьеру не хотелось лишний раз смотреть на поверженного врага: зрелище было не слишком приятным. Но он ничего не мог поделать с собой... В свете первых лучей солнца стало видно, что розовато-серое тело т'анга испещрено сетью бледно-голубых вен. Внезапно Лабастьер подумал, что сейчас эта

тварь более всего напоминает мертвый фаллос, отрубленный от тела старого великана.

И тут Лабастьер вздрогнул: над селением, нарастая, повис неприятный, даже страшный звук. Сперва он подумал, что это крик какого-то животного. Но вскоре понял: нет, это кричат бабочки. И этот их многоголосый вой боли и ненависти адресован ему — королю, лишившему их всех счастья и смысла жизни.

Он хотел подняться, чтобы побыстрее покинуть это проклятое место. Но когда опасность миновала, нервное перенапряжение дало о себе знать самым неожиданным образом: внезапно его колени подогнулись, и он мягко соскользнул в золотистый обморочный туман.

5

Как-то забрался на ветку червь
И прыгнул с нее. Летать
Вздумал бедняга. Залез на ветвь
И прыгнул с нее опять...
Тщетно, приятель, тебе, поверь,
Бабочкою не стать.

«Книга стабильности» махаон, т. IV, песнь XI; дворцовая библиотека короля Безмятежной (доступ ограничен)

...Лабастьеру и Лаану лишь две недели от роду, но они уже крепко подружились. И основой этой дружбы служит то, что оба они одинаково любопытны, шкодливы и вечно голодны.

Голод этот проистекает не от нехватки продуктов, уж где-где, а в королевском-то дворце всегда можно найти, чем полакомиться, а от того, что организм юных бабочек еще продолжает интенсивно наращивать мышечные ткани, а находить и добывать пищу самим намного интереснее, нежели получать ее от прислуги с разрешения родителей.

И вот, в поисках еды и приключений, Лабастьер и Лаан спускаются по крутой лестнице в погреб, что расположен под полом кухни королевского дворца. Улучив момент, когда взрослые покинули кухню, они влетели в окно и прошмыгнули сюда никем не замеченные. Они еще ни разу не были тут, но обоняние их обмануть не может. Запахи категорически свидетельствуют о

том, что, кроме всего прочего, тут хранится самое вкусное, что только можно себе представить, — сушеный нектар цветов урмеллы.

Юные самцы двигаются осторожно, даже боязливо. Ведь мир для них пока что является совокупностью пугающих и сладостных загадок. Шаг вниз, еще шаг... Становится все темнее... Миг слепоты, и дневное зрение заменяется ночным. А в этом, еще непривычном зеленоватом свете, мир становится еще более таинственным и опасным. Шаг, еще шаг...

Но вот наконец последняя каменная ступенька преодолена, и они достигают горизонтального хода. Касаясь ладонями стенки, они двигаются вперед, а перед внутренним взором Лабастьера почему-то возникает картинка, которая довольно часто встает перед ним. Особенно когда он оказывается в темноте. Это — его самое первое в жизни воспоминание.

...Четверо — мать-королева Суолия, родители-махаоны Дент-Заар с Дипт-Чейен и махаон-церемониймейстер Жайер — внимательно разглядывают его. По щекам Суолии текут слезы. «Он так похож на отца... Как будто бы тот вернулся...»

И еще — нечто непонятое до сих пор присутствует в этом воспоминании. Словно НЕКТО прямо внутри него обрадованно здоровается с ним и сулит будущую встречу. Но не словами, а как бы ощущениями, ведь слов он пока что и не понял бы... Правильнее даже сказать так: Лабастьер отчетливо помнит ощущения радости знакомства и надежды на встречу в будущем, которые возникли в его голове, но пришли как будто бы откуда-то извне, в самый первый миг его осознания себя.

Дент-Заар протягивает к нему руку, и Лабастьер чувствует резкую, но недолгую боль в мочке уха. И НЕКТО навсегда исчезает из его разума. «Вот так», — говорит Дент-Заар, улыбнувшись. «Традиция исполнена!» — торжественно провозглашает Жайер. «Да, — добавляет Дент-Заар, — отныне этот юный самец — наш новый король. Во всяком случае, до тех пор, пока не объявится его отец...»

И названия предметов, и имена этих бабочек, и значения их слов Лабастьер узнал значительно позже, но сама картинка прочно врезалась в его память.

...Коридор закончился запертой дверью. Какое разочарование!.. Но в двери есть небольшое окошечко, и Лабастьер просовывает туда руку, пытаясь что-нибудь нащупать... Но это ему не удается. А запах нектара становится почти осязаемым... В следующий раз, прежде чем спускаться сюда, они выкрадут у придвор-

ного повара ключ от двери, а сейчас надо подумать о том, как столь же незаметно выбраться отсюда...

Лабастьер уже собирается вынуть руку из отверстия, когда внезапно что-то мокрое и холодное хватает его ладонь. Он испуганно дергает руку, но не тут-то было: то огромное и страшное, что прячется в темноте за дверью, уже крепко-накрепко держит ее.

Его прошибает пот. Он собирает в пучок всю свою волю и что есть силы дергает руку к себе... И тут же, вздрогнув, открывает глаза. Оказывается, обморок перешел в сон. А разбудил его жирный ядовитый лесной ракочервь, который тычется ему в ладонь. Вот откуда это окончание сновидения.

Лабастьер поспешно убрал руку и огляделся. Итак, он давно уже не ребенок. Он сидит на каменном тротуаре, задницей в воде, неподалеку от туши убитого им т'анга. Ощущение реальности и память происшедшего окончательно вернулись к нему.

Вода на тротуаре так и кишела мелкой живностью, как магнитом притянутой сюда чарами. Кое-кто из этих представителей фауны был далеко небезопасен для бабочек, но пока что им было не до Лабастьера. В воздухе беспорядочно болталось несколько десятков шар-птиц и несметное количество разноцветных птиц-пузырей. «Редкий зверь удостаивается на своих похоронах стольких гостей», — подумал король с несколько неуместной иронией, точнее даже, с сарказмом.

Он поднялся... И тут вспомнил свою последнюю мысль перед обмороком: нужно как можно быстрее убираться отсюда, пока жители селения не отомстили ему за смерть своего гнусного божества.

Но прежде нужно найти Лаана.

Все еще чувствуя тошноту и головокружение, Лабастьер неверной походкой побежал туда, где оставил друга. Миновав пару кварталов, он вскоре без труда нашел его.

— Лаан! Вставай! — потряс он махаона за плечо, после того как сунул ему в ножны позаимствованную саблю.

Тот пришел в себя на удивление быстро и изумленно потряс головой:

— Что это было, мой король? — Тут он заметил валявшийся рядом и вновь насквозь промокший берет. Он поднял его. — Мы летели, меня подбили, я падал, — нахмурившись, начал он вспоминать. — Потом был яркий свет... Нет! Не свет, а волшебная игра красок, запахов... Как будто... — Он встрепенулся, ясно припомнив ускользающую картину пережитого. — Я как будто бы

родился заново в другом, НАСТОЯЩЕМ, мире... — И тут улыбка сползла с его лица. — А потом был страх и была боль, ужасная боль!.. И вот я здесь... — Лаан внимательно посмотрел на короля: — Это был сон? Но у меня такое чувство, будто бы все наоборот, будто бы сон — это то, что происходит со мной сейчас. И сон довольно неприятный. — Он повертел в руках берет и бросил его обратно перед собой.

— Это был морок старого т'анга, — терпеливо объяснил ему Лабастьер, подобрал берет, выжал и сунул его себе за пояс. — Нам надо спешить. — Он подал Лаану руку, помогая тому подняться.

— Т'анга? — отряхиваясь и со слабым интересом разглядывая поврежденное крыло, переспросил Лаан. — Но ведь т'анги давным-давно истреблены.

— У меня нет времени рассказывать тебе все подробно. Поспешим. Мы в серьезной опасности, нас могут убить.

Они побежали в ту сторону, где в лесу их ждали Мариэль и Ракши. Лаан с трудом поспевал за королем. У него затекли ноги, и он с трудом передвигал их. Но вскоре выяснилось нечто более важное: молодого махаона напрочь покинул его боевой дух. Он был растерян.

— Мне не нравится этот мир, — заявил он вдруг, резко остановившись. — Если даже меня и убьют, мне наплевать на это.

— Перестань капризничать! — рявкнул на него Лабастьер. — Ты просто еще не в себе. Соберись. Это приказ! — «Как же должны себя чувствовать жители селения, — думал он при этом, — если Лаан, только раз испытавший на себе чары т'анга, настолько выбит из колеи?»

Лаан открыл было рот, чтобы что-то возразить, но вместо этого неподвижным взглядом уставился Лабастьеру через плечо. Тот, ожидая самых неприятных сюрпризов, резко обернулся. Высоко поднимая ноги над поверхностью воды, брезгливо потряхивая ими и затравленно глазея по сторонам, в их сторону плелся сороконог. Это был Ласковый. Видно, его привязь была недостаточно крепкой, и он, привлеченный мороком, порвал ее, чтобы тоже примчаться сюда.

Как бы то ни было, это было очень кстати. Лабастьер бросился навстречу животному. С первого взгляда было понятно, что бедняга падал, и возможно, не раз: он был мокр, чешуйки были исцарапаны, а некоторые и обломаны. Однако седло было на месте, упряжь цела и никаких обрывков привязи не наблюдалось.

Но обдумывать этот факт времени не было. Через миг Лабастьер подвел Ласкового к Лаану:

— Живо залазь в седло! — скомандовал он.

Лаан подчинился. Вид у него при этом был такой, будто он слушается короля лишь потому, что это менее хлопотно, чем перечить. «Ничего, — подумал Лабастьер, — главное, побыстрее выбраться отсюда, а уж потом я сумею привести его в сознание!» Он уселся вперед и, наклонившись, рявкнул сороконогу прямо в ухо:

— Хей-е!

Тот оживился и, словно бы обретя смысл жизни, довольно быстро засеменил вперед. Лабастьер вздохнул почти радостно. Но как раз в этот миг они миновали пустынный центр и выбрались к домам-раковинам окраины. И тут их взорам предстала совершенно дикая картина.

Тротуар кишел обезумевшими и обессиленными бабочками. Одни из них все так же сидели прямо в воде, расправив крылья и прислонившись спинами к стенам. Другие, еле волоча ноги, куда-то плелись, натыкались друг на друга, падали и вновь поднимались... А порой и не поднимались. Их движения были неверны, казалось, они ослепли или напрочь потеряли способность совершать осмысленные действия.

Сороконог старательно огибал всех этих несчастных, но время от времени он ненароком все же сбивал кого-нибудь из них с ног... Лабастьер пригляделся и, к своему ужасу, осознал, что все сидящие или, во всяком случае, большинство из них — мертвы.

Если бы Лабастьер знал, что болевой шок т'анга приведет к таким ужасным последствиям, он бы еще поразмыслил, нужно ли его убивать. Или прикончил бы его позже, спящим в своем логове, как это делали отряды т'анг-расчистки Лабастьера Второго. Но сейчас он даже не понял, что гибель стольких бабочек — на его совести. «Прочь! Прочь от этого зачарованного места!» — вот единственная мысль, которая вертелась сейчас в голове Лабастьера Шестого.

— Хей-е! — прикрикнул он на Ласкового еще раз, и тот побежал чуть быстрее и еще менее осторожно, но, не пройдя и сотни шагов, внезапно без команды остановился. Он не попытался обойти бредущих ему навстречу самца и самку, потому что... Лабастьер не поверил своим глазам: это были Ракши и Мариэль. Они держались за руки, и лица их были такими же отрешенными, как и у прочих.

Спрыгивая на землю, Лабастьер костерил себя всеми известными ему бранными словами. Ведь он должен был сразу же, только увидев Ласкового, сообразить, что раз чары т'анга достигли их бивуака, то и эта пара усидеть на месте не могла никак! И ему следовало немедленно броситься на их поиски, а не бежать из селения. То, что он сейчас случайно на них наткнулся, — величайшая удача.

Они узнали его, и Мариэль сумела даже вымученно улыбнуться.

— Король... — пробормотала она. — Мы так устали...

Лабастьер заставил ее немедленно занять свое место на сороконоге и обратился к Ракши:

— Сможешь идти сам?

Ответить тот не успел, так как, сползая с седла на землю, вмешался Лаан:

— Давайте определим его сюда, мой король. Похоже, я уже очухался.

Лабастьер взглянул на товарища и с удовлетворением убедился, что тот и в самом деле выглядит почти так, как обычно. Только не было сейчас в его лице обычной готовности разразиться смехом. Но не было и давешней беспредельной апатии.

— Простите меня за проявленное малодушие... — продолжил было Лаан, но Лабастьер остановил его:

— Не время оправдываться, лучше помоги мне.

Вместе усадили Ракши позади Мариэль, и тут же король принял новое решение, благо, крылья его уже порядком подсохли и он чувствовал, что сможет лететь.

— Двигайте к лагерю и ждите меня там, — обратился он к Лаану. — Мне еще нужно закончить тут кое-какие дела.

Он заметил в лице друга совсем не свойственное ему выражение испуга и беззащитности, какое можно увидеть у только что вылупившейся из куколки бабочки, когда родители на какое-то время оставляют ее одну.

— Я скоро буду, — успокоил он друга. — Вам нечего бояться, — и повторил: — Ждите меня в лагере.

Помахав крыльями и убедившись, что они готовы к полету, Лабастьер поднялся в воздух. Он двигался в центр, к замку Дент-Маари, под которым, по его предположению, находилось логово старого т'анга. Он должен удостовериться, что мокрица не оставила там личинок. А если оставила, он должен «позаботиться» о них.

Тротуары были все так же покрыты водой. Наверное, кто-то должен был открыть какой-то слив, чтобы вода ушла, но сейчас сделать это было некому.

Только с высоты полета Лабастьер смог в полной мере оценить масштабы трагедии, которую он навлек на селение. Мокрые, сверкающие под утренним солнцем мостовые были усеяны трупами. Впервые в душу короля закралось сомнение: верно ли он поступил?..

С другой стороны, он ведь не мог и предполагать, что т'анг, издыхая, потащит за собой и своих обожателей.

Бесформенную груду мертвого тела зверя-чародея Лабастьер увидел прямо под собой в двух кварталах от внушительной бирюзовой глыбы замка Дент-Маари. Он присмотрелся внимательнее и с отвращением обнаружил, что та самая лесная живность, которую выманил из леса сладостный морок т'анга, сейчас, придя в себя, принялась с жадностью вгрызаться в его розово-серую плоть. Десятка два бабочек окружили ее и, не вмешиваясь, стояли или сидели на корточках, наблюдая за этим омерзительным погребальным пиршеством. Выражений их лиц Лабастьер разобрать не смог.

...Он приземлился на веранде верхнего этажа и прошел в тот самый зал, где еще совсем недавно звучала музыка и царило странное призрачное веселье. Зал был пуст и не убран. Подносы с сосудами стояли прямо на усыпанном какими-то обрывками полу; притом некоторые бокалы были только чуть пригублены. Тут же, сваленные кучей, валялись музыкальные инструменты...

Возможно, гости развлекались тут до самой ночи, но более вероятно, что, лишь только король и его спутники покинули замок, бал моментально прекратился, и все поспешили по домам. «Еще бы, — с горечью подумал Лабастьер, — ведь их ожидало иное, более изысканное, НАСТОЯЩЕЕ веселье...»

Он двинулся к винтовой лестнице, в центр зала, но не успел взяться за перила, как уловил внизу легкое поскрипывание ступеней. Король остановился и настороженно прислушался. Вероятнее всего, это Дент-Маари. И если это он, вряд ли разговор с ним будет приятным... Даже более того, вряд ли он будет мирным... На всякий случай Лабастьер положил руку на рукоять кинжала.

Но вместо пожилого самца-махаона на площадку верхнего этажа поднялась молодая самка-маака. И Лабастьер узнал ее. Это была дочь диагонали Дент-Маари, красавица Жиньен. Еще во

время танца на балу Лабастьер обратил внимание на болезненную бледность ее кожи и заостренность черт. Сейчас и то и другое было выражено еще ярче, но, как это ни удивительно, девушка от этого стала как будто бы еще прекраснее; возможно, потому, что ее темно-синие глаза стали казаться еще бездоннее.

— Ах, это вы... — произнесла она бесцветным голосом, смерив короля то ли презрительным, то ли безразличным взглядом. — О да... Я должна была догадаться, кто у нас виновник торжества...

Сказав это, она двинулась мимо него, к выходу на веранду. Полосы пробивавшегося через щели в потолке света заскользили по ее фигуре.

Лабастьер догнал ее и поймал за руку:

— Где ваш сводный отец?

— Там, — указала она вниз свободной рукой, и холодная улыбка тронула ее лицо. — Они все лежат там. И мои кровные родители, и Дент-Маари с женой, и три моих старших брата... Зачем-то осталась только я.

— Мне очень жаль... — неловко начал король, но, встретившись глазами с девушкой, он остро ощутил, как несуразно звучат сейчас его слова и осекся. Затем сухо спросил: — У вашего т'анга было потомство?

Вынув руку из ладони короля, Жиньен покачала головой:

— Когда ваш доблестный пращур устроил постыдную бойню, моим предкам удалось спасти лишь одного детеныша. Когда он вырос, у него не было пары, чтобы продолжить свой род...

— Зачем же он выходил на охоту?!

— Инстинкт. Раз в полгода он оплодотворял себя сам и откладывал мертворожденных личинок.

Короля передернуло. А девушка продолжала:

— Но сам он мог бы прожить еще очень долго, и еще многие поколения моих соплеменников могли бы жить настоящей жизнью...

— Настоящей жизнью?! — вскричал Лабастьер. — Жизнью, которая подчинена какой-то грязной мокрице!..

— Спрятавшись от истинного счастья за свой фамильный амулет, вы ведь так и не испытали того, о чем говорите, мой король, — покачала головой девушка и потянулась рукой к серьге Лабастьера, но он поспешно отстранился. А она, теперь уже явно презрительно прищурившись, закончила: — Так о чем же вы можете судить? Но вы судите. Судите и убиваете. Вы ведь не умеете ничего больше.

Резко повернувшись, Жиньен продолжила свой путь к веранде.

— Нет, подождите, — двинулся за ней Лабастьер. — Может быть, вы и правы, может быть, мне и не следовало вмешиваться в вашу жизнь... Хотя я не представляю, кто на моем месте мог бы стоять, опустив руки, когда на его глазах уродливое чудовище пожирает бабочку!..

— Как я завидую ей! — отозвалась самка. — Такой конец был пределом наших мечтаний. Я, кстати, даже ни разу не видела его. Отец не разрешал его беспокоить. А когда наш повелитель просыпался, я уже не могла выйти... Не могла ходить.

— Можете полюбоваться. «Ваш повелитель» валяется неподалеку отсюда.

— Нет. Не думаю, что мне это понравится. Я хотела увидеть его, когда он был жив, в тот момент, когда он... — Жиньен умолкла, а затем произнесла с такой болью в голосе, что у Лабастьера пробежали по спине мурашки: — Что вы натворили!

— Но почему меня хотя бы не предупредили?!

— И это бы остановило вас? Не лгите себе. Ведь вы, подобно своему предку, уверены в том, что верны только ВАШИ ценности. Но мы жили по своим правилам. Жили долго и счастливо.

Они уже вышли на веранду, и оба, защищаясь от солнечных лучей, поднесли к глазам ладони. Лабастьер чувствовал, что все его, доселе казавшиеся незыблемыми, представления о жизни разбиваются о ее доводы в прах.

— Я... Я хотел бы хоть чем-то скрасить горечь утраты тем, кто остался жив...

— Может быть, вы хотели сказать «искупить вину»? — Одна бровь девушки поползла вверх.

— Пусть будет так. И я могу начать с вас, Жиньен. Вы красивы и молоды, в ваших жилах течет кровь знатных родителей... Но вы потеряли их. И в этом виноват я...

Девушка смотрела на него с усмешкой, явно догадавшись, к чему он клонит и ожидая продолжения. И он выпалил наконец:

— Хотите стать королевой?! Я делаю вам предложение. — Произнося эти слова в порыве неожиданного раскаяния, он и сам поражался, как все это нелепо выходит. Но отступать было не в привычках короля.

— Ах, какая честь, — качнула самка головой. В ее голосе сквозила ленивая ирония. — Однако достойна ли я?..

— Вы могли бы составить счастье любому, даже самому придирчивому самцу. И это я сочту за честь, если...

— Как это мило, — продолжая усмехаться, перебила его Жиньен. — И как по-королевски. Это — жест... Вы ведь и вправду уверены, что сможете дать мне счастье?..

— Я постараюсь...

— Постойте немного здесь, — сказала она. — Я помогу вам выйти из неловкого положения.

— Куда вы? — попытался остановить ее Лабастьер.

— Я все-таки решила взглянуть...

Расправив крылья, она соскользнула с веранды и, двигаясь кругами, стала по спирали набирать высоту. Лабастьер растерянно наблюдал за ней, продолжая держать ладонь у глаз и думая о том, как скоро и как несуразно окончился его поиск суженой.

В этот миг, поднявшись высоко над замком, Жиньен повисла на месте. Найдя взглядом короля, она махнула ему рукой, и он ответил ей таким же приветливым жестом. И тогда самка, сложив крылья, камнем рухнула вниз.

У короля перехватило дыхание, и он беспомощно шагнул вперед. Но он уже не мог спасти девушку.

Еще одна смерть прибавилась к тягостному грузу, лежащему на его душе.

...Лабастьер нашел своих друзей там, где они и должны были его ждать. На первый взгляд, все пришло в норму. Только глаза Мариэль были заплаканы, да и все остальные были несколько подавлены и немногословны. Если бы они были в порядке, они, конечно, обратили бы внимание на то, что и сам король растерян и мрачен. Но каждый был занят собственными переживаниями.

Оседлав сороконогов, двинулись в путь по извилистой, но довольно широкой тропе.

— Вы не хотите услышать от меня, как все было? — спросил Лабастьер, чтобы хоть чем-то расшевелить своих спутников.

Лаан покачал головой:

— Нет, мой король. Ведь сами-то мы не сможем объяснить вам того, что испытали... Скажу только, что я, наверное, стал теперь совсем другим. Я не тот Лаан, которого вы знали. Так, во всяком случае, я чувствую.

— Хорошо еще, что, когда все это началось, мы с Ракши отвязали только Ласкового... — словно разговаривая сама с собой, пробормотала Мариэль.

— Вы осуждаете меня за то, что я сделал? — спросил Лабастьер. Он хотел до дна испить свою чашу.

Лаан вновь сделал отрицательный жест, но добавил при этом:

— Если и есть тут вина, то она лежит на всех нас. Возможно, мы несколько поторопились. Если бы нам не показалось оскорбительным, что от нас что-то скрывают, наверное, многих смертей можно было бы избежать.

— Да, это так, — согласился Лабастьер Шестой, но тут же сам возразил себе и Лаану: — Хотя только что я был свидетелем того, что жизни без морока т'анга местные бабочки предпочитают смерть. Помнишь ли дочь правителя, с которой я танцевал? Она покончила с собой у меня на глазах. Так что, уничтожь я их идола позже, они точно так же поубивали бы сами себя. Согласись, не мог же я просто оставить здесь все так, как есть?!

Вмешался Ракши, обычно самый неразговорчивый из них:

— Ваше Величество, к чему эти сомнения? Вы поступили именно так, как и должны были поступить. Бабочкам нельзя испытывать то, что пережили мы. Иначе потерялся бы смысл всему. Если бы Лабастьер Второй в свое время не истребил т'ангов, мы все стали бы не более чем их ходячим кормом и были бы при этом счастливы таким положением. Вы продолжили деяния прадеда. И кто же должен был это сделать, если не вы?

— Все так... — вздохнул король. — Только не продолжил, а закончил. Оказывается, этот зверь был последним.

— А вдруг нет? — как будто очнулась ото сна Мариэль, и Лабастьер явственно услышал в ее голосе нотки надежды. — Ведь если бы не случайное совпадение, мы никогда не обнаружили бы и этого!..

Приглядевшись к спутникам, Лабастьер увидел, что лица их после слов самки заметно оживились. И тогда он понял, что, как бы глубоко ни спряталось со временем в их душах блаженное проклятие т'анга, оно поселилось в них навсегда. Что ж, он и сам теперь никогда уже не будет таким же беспечным и открытым, как прежде.

Он вспомнил слова, произнесенные совсем недавно на пирушке Дент-Вайаром: «Самая большая беда, которую может представить отец, — несчастная любовь его чада...» Да... Его представления о жизни бабочек на Безмятежной претерпели за истекшие сутки основательные изменения. Подумав об этом, Лабастьер тяжело вздохнул.

— Все, хватит! — заявил Лаан, повеселевший так же, как Мариэль и Ракши. — Предлагаю раз и навсегда закрыть эту тему и больше к ней не возвращаться. Не мешало бы, кстати, хлебнуть «напитка бескрылых», а то у меня лично изрядно пересохло в

глотке; да и крыло, признаться, ноет. Надеюсь, в ближайшем селении мне помогут его заштопать. Слышь, Ракши, в твоем бурдюке еще что-нибудь осталось?

Но и это выражение бесшабашной жизнерадостности показалось Лабастьеру несколько наигранным. Было похоже, что Лаан не хочет продолжать разговор исключительно из опасения услышать что-нибудь такое, что может потушить искорку его воскресшей надежды.

«Хотя, — подумал король, — возможно, я и становлюсь излишне мнительным...»

6

«Знаешь ли ты, как его зовут?»
«Сумрак осенний в лесу».
«Знаешь ли ты, почему он тут?»
«Нет», — головой трясу.
«Я подскажу». «Что за это берут?»
«Утреннюю росу».

«Книга стабильности» махаон,
т. XIX, песнь IV; дворцовая
библиотека короля Безмятежной
(доступ ограничен)

— Ну наконец-то, — заметил Лаан, когда на четвертые сутки путники выбрались из травянистого леса, недавно сменившегося зарослями фиолетовых псевдокриптомерий, и оказались на обрыве, с которого открылся вид на селение под ним. — И выглядит все вроде бы прилично.

Действительно, пейзаж внизу напомнил Лабастьеру уменьшенную копию столицы: уютно расположившись на лиловой траве, дома из раковин и камня радовали глаз неярким разноцветьем.

Вспорхнув с Ласкового, Мариэль пролетела с десяток метров вперед и, вернувшись, сообщила:

— Вниз спуска нет. Похоже, нашим сороконогам придется туго.

— Нам тоже, — вздохнул Лаан. — Особенно мне. — И помахал поврежденным крылом.

Рано или поздно нечто подобное должно было произойти. При всех преимуществах движения в седле — скорости и воз-

можности везти с собой все необходимое — имели место и недостатки. Перед водоемом, ущельем или подобным этому крутым обрывом сороконоги в отличие от своих крылатых седоков были беспомощны.

Именно для таких случаев путники и припасли клубок длинного флуонового шнура. Однако длина его была не бесконечной. Лабастьер слетал на разведку, измерил спуск и, вернувшись, сообщил, что несколько ниже середины есть небольшая ступень. Дотуда веревки хватит вполне, а дальше склон уже не столь крут, и сороконоги смогут спускаться сами.

Обмотав один конец веревки вокруг задней части панциря Ласкового, между последней и предпоследней парами ног, Лаан дважды обернул ее вокруг ствола ближайшей, стоящей в десятке метров от края обрыва, псевдокриптомерии. Затем он с клубком в руке уселся на Умника позади Лабастьера, и они двинулись вдоль обрыва, разматывая шнур по ходу.

Когда веревка кончилась, они обвязали ее вокруг туловища Умника, и Лабастьер вернулся к Мариэль с Ракши.

— Готово, — объявил он. — Двигаемся.

После чего он взлетел повыше и знаками показал Лаану, что тот может приближаться.

Мариэль, в свою очередь, взяла за повод Ласкового и, как только веревка чуть ослабла, повела его к краю обрыва. Ракши остался возле дерева, следить, чтобы веревка не застряла или не зацепилась за что-нибудь.

Добравшись до края, Ласковый остановился и недоверчиво покосился на Мариэль, вспорхнувшую и висящую над обрывом чуть впереди.

— Ну же, — подбодрила она, — давай, не бойся... — и сильнее потянула за повод.

И Ласковый, осторожно перебирая лапами, стал сползать по почти вертикальной плоскости вниз, едва ли не повиснув на шнуре вниз головой. Обвитая вокруг ствола флуоновая струна натянулась, но за ее прочность можно было не беспокоиться, она вполне могла бы выдержать и троих сороконогов одновременно.

Сперва веревка скользила по стволу свободно, и Лаан изо всех сил удерживал Умника, чтобы тот шел помедленнее. Подстраховывать, держа веревку, приходилось и Ракши. Но вскоре она глубоко врезалась в ствол, вследствие чего трение усилилось, и всем стало полегче.

Минут через десять, когда Лаан на Умнике приблизился к дереву настолько, что мог переговариваться с Ракши, веревка ос-

тановилась, и ее натяжение ослабло. Наблюдавший за всем этим процессом с воздуха Лабастьер спустился.

— Все в порядке, — сообщил он. — Отдохните немного, а я слетаю к Мариэль.

Вернулся он вместе с девушкой.

— Бедняжка ужасно напуган, — сообщила она. — И так смотрит на меня, словно я его предала. Улегся и дрожит.

— Не хотел бы я оказаться на его месте, — кивнул Ракши.

— Тебе и не придется, — вздохнул Лаан, — а вот мне, кажется, да... А вот на его месте, — кивнул он на Умника, — мы сейчас все будем.

С Умником они повторили в точности ту же процедуру, что и с Ласковым, разница была лишь в том, что впрячься вместо сороконога пришлось всем троим самцам. Но все обошлось, и вскоре на площадке дрожали уже оба сороконога.

Затем, ругая последними словами свое поврежденное крыло, веревкой обмотался Лаан, а Ракши с Лабастьером спустили и его.

Передохнув на площадке и дождавшись, когда животные успокоятся, путники продолжили спуск по менее покатому склону. Он был достаточно сложен, но еще минут через двадцать они были у подножия. И вскоре, приведя в порядок внешность, они въехали в селение.

— Да ведь это же наш король! — завопил первый же подлетевший к ним местный житель и, вместо того чтобы, как это полагается по этикету, опуститься на землю и поклониться правителю, выкрикнул: — Я скажу всем! — и умчался прочь.

— Излишней вежливостью они тут не страдают, — заметил Лаан.

— Мне это даже нравится, — отозвался Лабастьер. — С излишней вежливостью мы недавно уже сталкивались.

Прошло совсем немного времени, и уже несколько десятков любопытных бабочек хороводом кружили над путниками. Шуму и гаму при этом было столько, что сороконоги в конце концов остановились и, озираясь, не желали двигаться дальше. Однако весь этот шум носил явно восторженный характер, и Лабастьер вместе с остальными, улыбаясь, кивал своим подданным и помахивал ручкой.

Внезапно крики разом смолкли, уступив место пронзительным и крайне нестройным звукам оркестра деревянных духовых. Только тут Лабастьер обратил внимание на группу бабочек, приближающуюся к ним по земле. Навстречу торопливо вышагивал

немолодой, но и не старый еще, во весь рот улыбающийся румяный махаон. Шел он, торжественно расправив крылья, сопровождаемый несколькими музыкантами, но чуть впереди всех. На его голове красовался желтый берет, а на теле — что-то вроде комбинезона, расписанного широкими серебристыми и золотистыми вертикальными полосами. Однако не только костюм, но и сама эта бабочка была весьма необычна. Таких Лабастьер еще не видывал. Махаон был толст. Неимоверно толст, а при более внимательном рассмотрении еще и лыс.

— Наконец-то! Наконец! — закричал он уже издалека, перекрывая душераздирающий рев духовых. — А я уж думал, король никогда не наведается в нашу глухомань!

Приблизившись на предписанное этикетом расстояние, толстяк остановился и с поразительным при его габаритах изяществом совершил положенный поклон. Затем, обернувшись к трубачам, рявкнул:

— Хватит! Чудовищно! Идите репетируйте! До вечера... Вечером — бал! Беда, да и только, — вновь обернулся махаон к королю, сложив крылья, — я непрестанно разрываюсь между долгом и желанием. То туда, то сюда, — изобразил он всем своим грузным телом. — А что в результате? В результате я не могу послушать приличной музыки. Ах да, простите, — осекся он. — Меня зовут Дент-Пиррон, и я, как вы, Ваше Величество, наверное, догадались, правитель всех этих несчастных, — обвел он рукой порхающих в воздухе и отнюдь не выглядевших несчастными жителей, а затем указал на музыкантов. — В том числе и этих бездарей. Пошли вон! — рявкнул он, и трубачи, сунув под мышки инструменты, поспешно ретировались.

Дент-Пиррон вновь обернулся к королю, и его лицо опять расплылось в приветливой улыбке. Он снял берет и, перевернув, принялся утирать им вспотевшую лысину. Убедившись, что толстяк закончил свою тираду, Лабастьер, сойдя на землю, как и полагается, ответил на поклон.

— В чем же суть вашего внутреннего конфликта, любезнейший? — спросил он, тщетно пытаясь удержаться от улыбки.

— О! Это драма всей моей жизни! — вскричал Дент-Пиррон и, бесцеремонно подхватив короля под руку, поволок его за собой. — Ваш досточтимый предок Лабастьер Второй наказал потомкам, то бишь нам, не создавать никаких сложных предметов. Так?! — Махаон остановился и испытующе уставился в лицо короля.

— Так, — подтвердил тот.

— А музыкальные инструменты?! — возопил махаон. — Это простые предметы или сложные?! А?!

— Ну-у... — растерялся король.

— То-то и оно! — не дожидаясь ответа, выкрикнул Дент-Пиррон и поволок короля дальше, не прекращая разглагольствовать. — Как-то, будучи в дурном расположении духа, в порыве верноподданнического рвения, я приказал этим несчастным, под страхом сурового наказания, немедленно уничтожить имеющиеся у них музыкальные инструменты как предметы недозволенно сложные. Но вскоре подоспел городской праздник. А какой же праздник без музыки? И я приказал изготовить новые инструменты. Затем это повторилось еще раз, потом еще... И вот какой нелепый выход я выдумал... Да, признаю, нелепейший! Но иного я измыслить не смог. Теперь я прячу музыкальные инструменты у себя в доме, в кладовке. И выдаю их музыкантам только в праздничные дни. Вот, например, сегодня им повезло, ведь ваш визит — это, несомненно, праздник для нас... Но им катастрофически не хватает времени на репетиции, и в итоге... Ну, вы и сами слышали... Чудовищно!

Позади них раздался многоголосый гогот. Лабастьер оглянулся. Оказывается, вся только что окружавшая их в воздухе толпа опустилась на землю и топает теперь позади них. Жители селения с нескрываемым обожанием пялились на своего грузного правителя.

— А вы чего уставились?! — заорал на них Дент-Пиррон. — Ну-ка летите по домам и готовьтесь к сегодняшнему балу! Я кому сказал?!

— Подождите, — остановил его Лабастьер и обратился к подданным. — В качестве приветствия примите мой подарок, гостеприимные жители этого прекрасного селения. Королевским словом я разрешаю вам играть на музыкальных инструментах в любой день.

— Слышали?! Наконец-то! Прекрасно! — вскричал темпераментный толстяк. — У меня просто камень с души свалился. Слава нашему королю! Все. Вперед! — махнул он бабочкам, и те, взвившись в воздух, полетели по домам. Сороконоги с Лааном, Ракши и Мариэль ускорили шаг и догнали Лабастьера с его собеседником.

— Прекрасные зверюшки! — покосился Дент-Пиррон на сороконогов. — А я, представьте себе, запретил сельчанам разъезжать на них.

— Почему?! — поразился Лабастьер. — Ведь это же животные, а не механизмы.

— Так-то оно так, — часто закивал махаон, — да только мои выдумали прицеплять к ним грузовые коляски. Вы знаете, что такое коляски? — опасливо глянул он на короля.

— Да, — кивнул Лабастьер, — конечно. Такие коляски называются «телегами», и они внесены в специальный «Реестр дозволенных приспособлений» Лабастьера Второго. В нем предписано пользоваться ими во время строительства, для перевозки камня. Очень удобная вещь.

— Да вы что?! — всплеснул руками Дент-Пиррон. — Как бы мне заполучить этот документик?! Я и слыхом о нем не слыхивал! Коляски — очень, очень удобная вещь. Но я-то думал — противозаконная!

— Сложность их не выходит за грань дозволенного, — уверил его Лабастьер, — как, впрочем, по-моему, и сложность музыкальных инструментов.

— А где, где эта грань?! — страдальчески наморщился толстяк. — И где же мне взять упомянутый вами реестр?

— К сожалению, доступ к нему имеют только члены королевской семьи. Но я собственноручно выпишу вам разрешение использовать телеги, — пообещал Лабастьер. — Мое распоряжение имеет силу указа.

— Как вовремя вы появились! — вскричал Дент-Пиррон. — Мы как раз затеваем крупное строительство... А как насчет воздушных пузырей?

— Чего-чего? — не понял Лабастьер.

— Ну-у... — потупился толстяк. — Э-э...

— Говорите, говорите, — потребовал король. — О чем вы меня спросили? Повторите.

— О воздушных пузырях, Ваше Величество.

— А что это такое?

— Да, наверное, не стоит и обращать ваше драгоценное внимание на подобную ерунду, — попытался уклониться от ответа махаон. — Вот, кстати, мы и добрались. Мой дом принадлежит вам, — произнес он ритуальную фразу, указывая на небольшое, но очень симпатичное строение из зеленого с голубыми прожилками камня. Однако в устах толстяка эта формула потеряла всякий оттенок торжественности и прозвучала более чем обыденно. К тому же он сразу добавил: — Не правда ли, милый домик? Его выстроил еще мой дед, его звали так же, как меня... Точнее, меня назвали в его честь...

Лабастьер, по достоинству оценив красоту дома, не позволил сбить себя с толку и стал настаивать:

— Любезный, объясните же мне, что это за «пузыри» вы имели в виду.

— Одну минуту, я только распоряжусь о том, чтобы поухаживали за вашими сороконогами, — бросил Дент-Пиррон и, не без затруднений протиснувшись в дверной проем, исчез в доме.

— Мне он нравится, — заявил Лаан. — Только толст он просто неприлично.

— Он, наверное, и летать-то не может, — заметил Ракши. — Никакие крылья не выдержат такой вес.

— А мне его жалко, — добавила Мариэль. — Наверное, он болен. Но он очень милый.

— Вы слышали весь наш разговор? — спросил Лабастьер. — Боюсь, и тут нас ожидает какая-то тайна...

В этот миг из дома высунулась голова Дент-Пиррона.

— Никаких тайн, — заявила она. Вслед за головой протиснулся и ее хозяин: — Если вам показались подозрительными мои слова про воздушные пузыри, то я немедленно развею ваши подозрения.

С верхнего этажа слетели двое самцов маака и, приняв поводы сороконогов из рук Ракши и Лаана, повели животных прочь.

— Так вот, достопочтенные, — продолжил махаон. — Вы, я думаю, не оставили без внимания мои несуразные размеры? — Произнеся это, он нелепо растопырил руки и повернулся вокруг себя. — Вы, наверное, решили, что я болен?

Лабастьер заподозрил было, что толстяк «случайно» уловил не только последнюю фразу его разговора с друзьями, а подслушивал и всю их беседу, но тут же эту мысль отбросил.

— Вовсе нет, — продолжал Дент-Пиррон. — Я просто люблю есть. Сам не знаю почему. Люблю до непристойности. Я ем буквально каждый день и ничего не могу с собой поделать. Но ведь в этом же нет преступления? — посмотрел он на короля с надеждой.

— Нет, — успокоил его тот. — Хотя это и странно. Так при чем же тут «пузыри»?

— Сейчас, сейчас, вы все поймете. И вот однажды я обнаружил, что вешу уже так много, что больше не могу летать. Я собрал в кулак всю свою волю и прекратил есть. И примерно через полгода снова начал летать. Но что это были за полгода! — Толстяк страдальчески возвел глаза к небу. — Я испытывал муки. Я потерял сон! Мое настроение было отвратительным, и я начал изводить соплеменников строгими распоряжениями! Да я и чувствовал себя при этом отвратительно. Тогда я плюнул на все и

снова стал есть столько, сколько мне нравится. И снова потерял способность летать. Это продолжается уже несколько лет.

И вот тогда один из моих, э-э-э... подчиненных придумал штуковину, которая бы очень мне помогла, если бы только я не посчитал невозможным ею воспользоваться. Он выдул из флуона большой пузырь, а затем наполнил его газом, который выкачал из наловленных им для этой цели шар-птиц. Он даже сумел не причинить бедняжкам никакого вреда и отпустил их на волю. В результате он получил пузырь, который так и тянет вверх любой груз. Сам по себе этот пузырь поднять меня не смог бы, но когда я немного помогал себе крыльями... Я снова летал!

Две ночи я забавлялся этим давно забытым ощущением... — Дент-Пиррон виновато заморгал. — Да, признаюсь, я не смог удержаться от того, чтобы не попробовать... Но потом выяснилось, что кое-какие негодяи подглядывали за мной. Устроили, понимаете ли, себе развлечение... И тогда я взял себя в руки и... и спрятал этот пузырь туда же, где держу музыкальные инструменты. Казните меня, мой король. Я виноват и вину свою признаю полностью.

— Да, это занятная история, — признал Лабастьер, представив толстяка болтающимся в небе на флуоновом пузыре и пряча улыбку. — Но, думаю, большой вины за вами нет...

— Да? Я очень рад, — торопливо согласился толстяк. — А как насчет водопровода?

— А это еще что такое? — нахмурился король. — Впрочем, я, кажется, понял, что тут у вас творится. Выкладывайте уж сразу все, что вы тут напридумали...

В разговор вмешалась Мариэль:

— Кстати, что это за симпатичные любопытные лица постоянно выглядывают из ваших окон? Наверное, это ваши домашние?

— Совершенно верно, милая девушка, — обрадовался смене темы городской владыка.

— Так что же вы их нам не представите?

— Я попросил их не мешать нашему разговору.

— Это не совсем прилично, — заметил Лабастьер. — Давайте-ка познакомимся с ними. А обо всех ваших преступных изобретениях мы поговорим позже.

— Все мои домашние — маака, — продолжал без умолку болтать Дент-Пиррон, ведя гостей наверх по винтовой лестнице. Лицо его стало печальным. — Моя любимая женушка Дипт-Рууйни скончалась при родах, а жениться во второй раз я не поже-

лал. В нашей семье осталась самка-маака, так что я не обделен теплом, а Рууйни мне все равно никто не заменит, да и продолжать свой род с кем-то другим я не стал бы... И ничего. В нашей семье множество детей — маака. Кстати, и есть-то без всякой меры я начал именно тогда. Я и раньше, возможно, любил покушать несколько больше других, а тут уж и вовсе потерял голову. Тосковал и ел. Ел и тосковал...

Они добрались до второго этажа и прошли через потолочное отверстие. С напольных ковриков поднялись и поклонились гостям трое маака — супружеская пара и юный самец, очевидно, их младший, еще живущий с родителями, сын. Цвета их одежды были те же, что и у Дент-Пиррона, — серебро и золото. По-видимому, это были фамильные цвета.

Не успели гости и хозяева обменяться приветствиями и представиться, как Дент-Пиррон вскричал:

— Кстати! А не пора ли нам перекусить?!

— Нашим гостям, пожалуй, пора, — отозвалась самка, назвавшаяся Айнией. — Они потратили в дороге много сил. А вот нам это не обязательно. Особенно тебе, дорогой. И, думаю, надо распорядиться о том, чтобы кто-то позаботился о поврежденном крыле, — указала она на Лаана.

В тот момент, когда самка произнесла слово «дорогой», Лабастьер бросил взгляд на самца маака и по умиротворенному выражению его лица убедился, что в этой, хоть и неполной, семье царят мир и согласие.

— Айния, — укоризненно покачал головой Дент-Пиррон. — Неужели ты думаешь, я не заметил, что наш многоуважаемый гость нуждается в лечении? Но есть тут один щекотливый момент... С одной стороны, крыло можно починить традиционным способом, но тогда оно не будет складываться полностью, будет доставлять неудобство на земле, да и в полете будет недостаточно гибким... С другой стороны, есть у меня один умелец... Э-э... Если возьмется он, крыло будет как новое... Но... Боюсь, его методы несколько не соответствуют... Инструменты и приспособления, которыми он пользуется...

— Непозволительно сложны, — догадался Лабастьер.

— Вот именно, вот именно, — подтвердил махаон и удрученно потупился.

— А долго он будет возиться, этот ваш умелец? — поинтересовался Лаан.

— Если возьмется прямо сейчас, к началу сегодняшнего бала вы уже могли бы летать, — с воодушевлением заверил Дент-Пир-

рон, но тут же стушевался и, осторожно глянув на короля, добавил: — Только уважение к вашему другу заставило меня сделать это предложение. Не сомневайтесь, упомянутые инструменты и приспособления я держу все в той же кладовке...

— Вместе с музыкальными инструментами, воздушным пузырем, — продолжил за него Лабастьер, — и этим, как его...

— Водопроводом? — поспешил на помощь махаон.

— Вот-вот.

— Нет, мой король, водопровод, к несчастью, в кладовую не спрячешь, это довольно громоздкий предмет...

— Мой господин, — вмешался Лаан, обращаясь к королю, — мне бы хотелось починить крыло так быстро и качественно, как он обещает.

— Действуйте, — махнул рукой Лабастьер. — Хотел бы я побывать в этой вашей кладовке. Я даже настаиваю на этом.

— Я и сам мечтаю о том же! — вскричал Дент-Пиррон. — Тяжким бременем на моей душе лежит то, что мне приходится хранить взаперти очень удобные и полезные вещи. Но я не уверен в их законности. И я очень хотел бы, чтобы вы лично указали, какие из них следует уничтожить, а какие — разрешить. И присаживайтесь наконец. В мою кладовую отправимся сразу после трапезы. Айния! Ну где же угощения?!

— Успокойся, милый, — кивнула маака. — Уже несут.

— А ты, мальчик мой, — обратился Пиррон к юному самцу, — будь добр, отведи нашего раненого гостя к мастеру Луару, и пусть тот немедленно возьмется за починку-лечение.

— Так инструменты-то у вас в кладовке, — заранее догадываясь, что примерно услышит в ответ, вкрадчиво напомнил Лабастьер.

— У Луара есть свой ключ, — как ни в чем не бывало сообщил Пиррон, принимаясь за принесенные лакомства.

Лабастьер усмехнулся и покачал головой. Похоже, преступные механизмы, хранящиеся в кладовке махаона, не так уж недоступны жителям его селения, как он хотел изобразить сначала. Но разговор этот король решил отложить до момента посещения этой самой кладовой и не портить сейчас настроения гостеприимным хозяевам.

Лаан с юным маака удалились, остальные же приступили к трапезе.

— ...Итак, вы ищете невесту, — сказал со-муж Дент-Пиррона маака Бармн. Взгляд его бежевых глаз был мягок, но проницателен. — Что ж, вполне возможно, что вы найдете ее именно у нас.

В наших краях множество молодых и привлекательных самок, есть среди них и дочери именитых семейств.

— Я был бы счастлив такому исходу, — подтвердил Лабастьер и, скорее из вежливости, нежели от жажды, пригубил «напиток бескрылых» из глиняной пиалы.

— А кем, если не секрет, приходится вам ваша милая спутница? — улыбнувшись Мариэль, спросила Айния.

— И этот молчаливый юноша, которого вы назвали «Ракши», — добавил Бармн, переведя на того свой взгляд.

— Мариэль и Ракши — жених и невеста, — пояснил Лабастьер, — и они — наши друзья по несчастью. Они ищут диагональ. Так что не только я буду с надеждой знакомиться с вашими молодыми соотечественниками.

— Сколь трагичны порой, но сколь прекрасны и справедливы наши обычаи, — заметила Айния.

— А что, в том селении, откуда вы пришли, ни вам, ни вашим спутникам никто не приглянулся? — отвлекся от поглощения пищи Дент-Пиррон и с каким-то опасливым любопытством посмотрел на Лабастьера.

— Любезный мой вассал, — прищурился король, — я уже по достоинству оценил ваш осторожный нрав и хитрый ум. Я уверен, что этот вопрос вы задали неспроста.

— Ну-у... — смутился Пиррон. — Ладно, скажу начистоту. Не нравятся мне наши соседи. Не понимаю я их. Они не проявляют открытой враждебности, но и от контактов вежливо уклоняются. А были случаи, что наши бабочки, отправившись туда, исчезали навсегда.

— Этого больше не будет, — заверил Лабастьер. — Вы действительно не догадывались о причинах вашей с соседями взаимной неприязни?

Выражения лиц хозяев убедили Лабастьера в их искренности, и он продолжил:

— Они находились во власти, я надеюсь, последнего, тщательно скрываемого и охраняемого ими т'анга.

В зале повисла тишина, словно король сказал что-то неприличное. Да, собственно, так оно и было. Ненависть к этим тварям прошлого прививается бабочкам буквально с первого дня жизни рассказами о подвигах Лабастьера Второго и бойцов отрядов т'анг-расчистки.

— Вот как, — нарушив молчание, тихо произнес Бармн. — Вот как. Многое становится ясным. И вы, я надеюсь, навели там порядок?

— Полный, — подтвердил король.

— Неужели и вправду там был этот... это... неприятное существо? — Дент-Пиррон искательно глянул на Ракши и Мариэль. Те только подтверждающе кивнули ему.

— Вы убили его? — уточнил самец маака.

— Да. — Лабастьеру не доставило удовольствие это признание. Но что сделано, то сделано.

Барми поднялся и церемонно поклонился.

— Вы достойны славы своих предков, — сказал он торжественно.

— А теперь вы будете наводить порядок у нас? — жалобно спросил Дент-Пиррон.

— Успокойтесь, — усмехнулся Лабастьер. — Я понимаю вас и в чем-то даже уважаю ваше стремление сделать жизнь интереснее и комфортабельнее. Но в вашем поведении есть все же нечто общее с поведением ваших соседей: и вы, как и они, не желаете довольствоваться простыми радостями, данными нам природой. А потому я все-таки буду строг.

7

Упоенно журчит ручей, ручей,
И бежит, не жалея сил.
«Кто хозяин твой?» — сам не знаю, зачем,
У него я, присев, спросил.
Он ответил мне: «Я ничей, ничей...»
И глотком себя угостил.

«Книга стабильности» махаон, т. XVI, песнь II; дворцовая библиотека короля Безмятежной (доступ ограничен)

То, что Дент-Пиррон называл «кладовкой», на деле полностью занимало весь цокольный этаж его дома. Спустились они сюда вдвоем — только хозяин и король. Весь потолок тут был покрыт каким-то люминесцентным составом, и светло было, как днем на открытом воздухе.

— Да-а... — протянул Лабастьер при виде открывшегося ему зрелища. Ничего подобного лицезреть ему еще не приходилось. Весь пол внушительного помещения был заставлен самыми разнообразными предметами, один вид которых недвусмысленно свидетельствовал об их преступной сложности...

Дент-Пиррон, ведя гостя меж этих предметов, называя их и рассказывая об их предназначении, сперва краснел и бледнел от смущения, но затем, увлекшись, принялся говорить с воодушевлением:

— ...А вот — точильная машина! Жмете ногой вот сюда, круглое точило вертится, вы подставляете лезвие, вж-жик — и готово! Пользуясь ею, вы в течение дня можете наточить все ножи и сабли, имеющиеся в селении. А вот это как будто бы просто палка. Но она начинена специальным взрывающимся порошком. Поднимаешься в небо, поджигаешь вот тут, крепко держишь палку, а крылья устанавливаешь неподвижно, как для планирования, и р-раз!.. За несколько минут вы пролетаете столько, сколько не пролетели бы и за несколько часов! Эта штуковина называется «прыжок бескрылых». А это... Загляните сюда, мой король, вот в это отверстие. Видите это огромное бревно? А это, между прочим, всего лишь мой палец! Отчетливо видно каждую полоску на коже! Приспособление, названное мною, да простит меня Ваше Величество, «королевским оком», увеличивает зрительный образ примерно в пятьдесят раз! Смотрите, смотрите, сейчас вы видите краешек моего крыла. А вы, наверное, и не ведали, что материал крыла устроен так мудрено! Это крайне поучительное зрелище. А вот эту штуковину я назвал...

— Кто и в связи с чем изготовил все это? — оторвавшись от глазка «королевского ока», мрачно спросил Лабастьер Шестой.

— Честно говоря, эту коллекцию начал собирать еще мой дед. Это было его прихотью. Он считал, что изготовление подобных штуковин развивает ум и ловкость; он считал, что все это — не более чем игрушки, и пользоваться ими по назначению не разрешал. В отличие от деда мой отец не поощрял изобретательство. Но коллекцию сохранил. А я... В юности я любил торчать здесь. Но когда я сам стал править селением, я в полной мере ощутил ответственность и решил продолжить дело отца. И я стал бороться с изобретательством. Тогда я объявил, что всякий желающий может пополнить эту коллекцию и не будет при этом наказан; если же кто-то скроет какой-нибудь механизм, он будет наказан обязательно. И выяснилось, что чуть ли не каждая вторая семья втайне хранит какое-нибудь сомнительное приспособление. Они боялись наказания и тащили все это сюда. Это просто зараза какая-то, — сокрушенно вздохнув, развел руками Дент-Пиррон. — Прямо-таки и не знаю, как с ней бороться... А порой мне кажется, что бороться и не надо. Возможно, придет время... И все это пригодится...

Лабастьер покачал головой:

— Боюсь, подвергнув сомнению заветы Лабастьера Мудрого, вы, милейший, пошли по скользкому пути.

— Знаю, — окончательно поскучнел Дент-Пиррон. — Но... Взгляните, например, сюда. Это — каллиграфическая машина. Как пригодилась бы она вам при дворе! — Дент-Пиррон воодушевился. — Смотрите! Сюда я вставляю флуоновый лист, жму на клавиши...

Махаон с таким проворством и точностью принялся колотить по кнопкам с начертанными на них знаками алфавита, что у Лабастьера от удивления глаза полезли на лоб.

— Текст набран, — продолжал пояснять свои действия Пиррон. — Теперь жмем вот на этот рычаг... Готово! — воскликнул он и подал королю квадратный листок. Изумительно четким правильным почерком на флуоне было выдавлено:

«ВЕРНОПОДДАННЫЙ ПИРРОН, НОСИТЕЛЬ ЖЕЛТОГО БЕРЕТА, КОЛЕНОПРЕКЛОНЕННО НАДЕЕТСЯ НА МИЛОСТЬ, ДОБРОСЕРДИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ МОЛОДОГО КОРОЛЯ».

— Повторно текст набирать уже не надо, — добавил Дент-Пиррон. — Вставляем следующий листок, жмем на рычаг, р-раз! Пожалуйста! — Он протянул королю точно такой же квадрат с точно такой же надписью. — Я могу сделать сто таких, тысячу, сколько угодно...

— Вряд ли это поможет вам, — хмуро разглядывая флуон, отозвался Лабастьер.

Пиррон поперхнулся.

— Ну, может быть, все-таки... — промямлил он, откашлявшись. Вялыми движениями он зачем-то вставил в щель машины новый кусок флуона, нажал на рычаг и, пряча глаза, подал королю очередной экземпляр текста.

— Хватит! — рявкнул Лабастьер. — И вообще с меня довольно. Не надо больше демонстраций. Объясните-ка лучше, зачем вам все это надо?! К примеру, эта ваша «каллиграфическая машина». К чему она?! Вы говорите, она пригодилась бы при дворе... Но у меня есть прекрасные каллиграфы, и они вполне меня устраивают! К тому же они счастливы своим искусством, и единственное, что может сделать эта машина, — лишить их счастья! «Прыжок бескрылых»? Но у нас-то есть крылья! А это ваше «королевское око»?! Что в нем королевского?! Зачем мне видеть то, чего природа видеть не позволяет?.. К сожалению, при всей моей симпатии к вам, Пиррон, я вынужден констатировать: ваша деятельность и в самом деле преступна.

Тяжело вздохнув, махаон понуро уселся прямо на ящик каллиграфической машины. Бедняга даже как будто бы стал поменьше в габаритах.

— Мне трудно объяснить вам это, мой король, — тихо сказал он. — Но я не могу все это просто взять и разломать. И не могу наказывать тех, кто это делает. Я пробовал... Я был тогда совсем молод. Моя Рууйни была беременна, а я как раз в тот момент вел непримиримую борьбу с изобретателями. И был в их числе один... Он был моим лекарем... Он сделал вот это... — Пиррон указал рукой в угол. Там, отгороженный от прочего зеленой траурной полосой, начертанной на белом ракушечном полу, стоял неказистый агрегат, состоящий из цилиндрических емкостей и изогнутых трубок. — Рууйни никак не могла разродиться от бремени, — продолжал Дент-Пиррон, — и лекарь вынужден был вскрыть лезвием ее лоно... Это редкая операция, и самка при этом выживает не всегда, иногда случается заражение... Гусеничка была мертва. Но Рууйни могла бы жить дальше, и лекарь сказал, что для полной безопасности следует лишь смазать рану жидкостью, которую он получает из «напитка бескрылых» с помощью вот этой машины... А я не позволил ему этого и машину отобрал...

Пиррон смолк.

— Она умерла, — закончил за него король.

— Да. — Махаон поднял на короля покрасневшие припухшие глаза. — Да, — повторил он и попытался улыбнуться, но вместо улыбки лицо его исказилось жалкой гримасой. — Но больше в моем селении при таких обстоятельствах не умерла ни одна самка! — почти выкрикнул он. — А у всех тех, кто сделал эти предметы, — обвел он рукой помещение, — есть свои ключи...

— Идемте, Пиррон, — тронул король плечо вассала. — Сейчас мне трудно решить что-либо. Но позже, хорошенько все обдумав, я приму решение и постараюсь, чтобы оно было максимально справедливым. А сегодня — бал! Забудем же о печалях. Мне жаль, что я потревожил вашу память. Давайте веселиться...

Дент-Пиррон сполз с крышки каллиграфической машины на пол и стоял теперь лицом к лицу с королем.

— Я и вправду очень ждал вас... — произнося эти слова, он сделал такое движение, словно снимал рукой что-то прилипшее к лицу. — Вы говорили о реестре дозволенных приспособлений Лабастьера Мудрого... Если бы я от вашего имени послал за ним кого-нибудь в столицу...

Король покачал головой:

— Не стоит, Пиррон. Я помню его почти наизусть. Можно сказать уверенно, что, за малым исключением, ничего из того, что у вас тут хранится, в реестре нет. Слишком уж тут все сложное. Там... Ножницы, щипцы, телега... Еще с десяток наименований. Остальное — запрещено.

Дент-Пиррон потряс головой и суетливо поправил свой полосатый комбинезон.

— Что ж, — сказал он и наперекор ситуации сумел наконец улыбнуться по-настоящему. — Будем веселиться.

Приятной неожиданностью для гостей селения стало то, что здесь имелось даже особое местечко для проведения всеобщих праздников. Эту аккуратную площадку, устланную специально посаженным тут лиловым мхом и разделенную на секторы газончиками ровно подстриженного кустарника, местные жители называли «Веселым садом».

Вечерело. Темень еще не окутала селение полностью, лишь чуть потускнели краски, Дипт, Дент и первые звезды уже проявились в небе. То ли от того, что день репетиций пошел трубачам на пользу, то ли потому, что к деревянным духовым прибавились струнные и ударные, музыка, струящаяся в воздухе Веселого сада, была довольно стройна, красива и немного печальна.

Когда Дент-Пиррон привел сюда Лабастьера, Ракши и Мариэль, оказалось, что Лаан уже тут.

— Это не лекарь, а волшебник! — закричал тот, помахивая крылом. — Как новенькое! Я уже и летать пробовал! Внимание... — Он взвился в поднебесье, сделал несколько грациозных петель и спланировал обратно к друзьям. Сельчане, наблюдавшие эту картину, разразились рукоплесканиями.

— Как-то глупо получилось, — смутился Лаан. — Они же не знают, что крыло у меня было повреждено, и думают, что это я демонстрирую им свое умение летать... Как новорожденная бабочка. Как будто они сами так не умеют...

— Успокойтесь, мой друг, — замахал на него Пиррон, — все и все прекрасно понимают! Известие о том, что королевский фаворит прибыл от наших негостеприимных соседей с рваным крылом, моментально облетело селение. А уж то, что король позволил чинить его мастеру Луару его нетрадиционными методами, — настоящее для всех событие!

Лаан с гордостью показал то место, где еще недавно в его крыле зияла безобразная дыра. Теперь она была затянута каким-

то полупрозрачным голубоватым, матово поблескивающим материалом.

— Луар — просто кудесник! — повторил Лаан. — И еще он дал мне емкость с клеем и пакетик чешуек. Через пару дней, когда я смажу это место и посыплю по нему чешуйками, вообще ничего не будет заметно! — Похвастившись таким образом, Лаан виновато глянул на короля. — Я весьма ценю ваш поступок, мой господин...

— О чем ты? — удивился Лабастьер. — И давай без церемоний...

Лаан, посмотрев по сторонам, наклонился к самому уху короля:

— Нет уж, когда вокруг подданные, лучше с церемониями... Нельзя ронять престиж престола. А говорю я про то, что, позволив мне воспользоваться услугами названного лекаря, вы, друг мой, маака, по всей видимости, несколько усложнили себе жизнь. Как тут порядок наводить, как запрещать изобретения, когда мы сами ими пользуемся?!

— Ничего, как-нибудь... — с деланной беззаботностью ответил Лабастьер, оглядываясь по сторонам.

Желающих пообщаться с королем и его спутниками становилось все больше. В полном соответствии с той задачей, которая стояла перед данным мероприятием, самки маака прогуливались по Веселому саду в одиночку, стайками или в обществе родителей, молодые же махаоны были представлены почти исключительно парами. Среди самок маака Лабастьер даже успел приметить несколько очень миленьких особей, с которыми не мешало познакомиться поближе.

Ракши и Мариэль, в свою очередь, терялись еще меньше. Они уже стояли в окружении нескольких бабочек, и Мариэль что-то оживленно рассказывала им. Ракши, как всегда, молчал, но время от времени хозяйским жестом поглаживал Мариэль по спине.

Внезапно Лабастьер ощутил укол ревности. Но чувство это было настолько несуразным и необоснованным, что он тут же загнал его в самый далекий и темный угол своей души, найдя отличный для этого способ.

— Не пора ли мне начать завязывать знакомства с вашими бабочками? — спросил он Дент-Пиррона.

— То есть вы уже готовы, — блеснул глазками махаон. — Отлично! Тогда — несколько минут терпения. Сперва — небольшой сюрприз. Кто знает, вдруг вы все это запретите... Так что у нас последняя возможность...

— Что за загадки вы там бормочете?

— Ничего, ничего. Все в порядке, мой государь... Саддин! — окликнул он молодого худощавого махаона с каким-то неказистым раструбом в неказистых руках. — Начали! Объявляй!

Тот приставил раструб ко рту, и Лабастьер понял, что это приспособление многократно усиливает громкость голоса.

— Внимание, внимание! — громовым раскатом пронеслось над Веселым садом. — Именем правителя Пиррона прошу всех в течение нескольких минут не подниматься в воздух. Прошу также всех, кто уже находится над землей, немедленно опуститься.

Выждав, когда это распоряжение выполнят, Саддин продолжил, обращаясь неизвестно к кому:

— Поджигатели! Приготовились... — Произнеся эти загадочные слова, он посмотрел на Лабастьера, широко ему улыбнулся и тут же заорал, обращаясь уже явно ко всем: — Да здравствует наш король!!!

И тут началось... Сперва послышалось легкое шипение, и со всех сторон одновременно потянуло легким дымком. А затем грянул такой оглушительный грохот, что Лабастьер от неожиданности даже присел. Звук был столь мощным, что казалось, он осязаем. А одновременно с громом в вечереющее небо из центра Веселого сада взметнулся мощный огненный ствол. Весь он состоял из разноцветных прожилок, и примерно на максимальной высоте полета бабочки он расслоился и распался на тысячу разноцветных падающих звезд.

— Измена! — услышал Лабастьер. Подскочивший к нему Ракши, держа в руках оголенную шпагу, орал ему прямо в ухо.

— Успокойтесь! — также в ухо, наклонившись, крикнул ему в ответ король. — Это просто для красоты! И ведь действительно красиво!

Они огляделись. Разноцветные звезды плавно оседали на землю. Их отблески и тени ползли по саду, по лицам оцепеневших бабочек и делали мир нереальным... И в этот миг весь периметр Веселого сада занялся густыми фонтанами стерильно белых искр. Эти фонтаны иссякли так же внезапно, как и появились, а вместо них вокруг сада, все ускоряясь и ускоряясь, хороводом помчались языки сочного желтого пламени.

У Лабастьера закружилась голова, и он на миг прикрыл глаза, а когда открыл их, оказалось, что картина уже вновь изменилась, и теперь с периметра сада к его центру выросли ажурные огненные арки, и цвета их, пульсируя, меняются. А из центра к небу поднялся тонюсенький, но пронзительно яркий зеленый стебе-

лек... Еще миг, и он расцвел в поднебесье розовым бутоном... И осыпался в тот же миг, оставляя после себя лишь изумительный, незнакомый Лабастьеру аромат...

Все кончилось. Бабочки ошарашенно смотрели друг на друга. Дент-Пиррон, нерешительно улыбаясь, что-то сказал Лабастьеру, но тот не расслышал. Он отрицательно покачал головой и показал на уши руками. Пиррон приблизился к королю вплотную, держа за руку того самого худощавого молодого махаона, у которого был прибор, усиливающий громкость голоса.

— Саддин! — указал на него Пиррон. — Он называет себя «мастером огней». Кое-что он мне уже показывал, но ТАКОЕ я и сам вижу впервые.

— Я составлял этот букет несколько лет. Я и не надеялся на то, что вы сами появитесь тут, и хотел привезти его в столицу, когда будет объявлено о вашей свадьбе.

— И вы были уверены, что заслужите похвалы? А не наоборот?

— Это не важно, мой король, — ответил махаон и улыбнулся так, как может улыбаться только по-настоящему счастливая бабочка.

— Когда это кончится? — вмешался Ракши, показывая на свои уши.

— Не бойтесь, скоро. — Саддин развел непропорционально длинные руки. — Это — единственный недостаток моего искусства. Раньше был еще едкий дым, но я преодолел это. И даже научился создавать ароматическое облако.

— Вас представили мне, не назвав при этом приставки «Дент», — заметил Лабастьер. — По всей видимости, вы еще не женаты?

— Нет, мой король.

— В таком случае я разрешаю вам устроить подобное зрелище в день вашей собственной свадьбы.

— Спасибо, мой король. — Саддин даже засмеялся от удовольствия.

В разговор встрял Дент-Пиррон:

— Боюсь, дружок мой, у всех сейчас заложены уши, и мне не докричаться. Объяви-ка в свой раструб, чтобы нам принесли чего-нибудь промочить горло.

Саддин поднес замысловатое приспособление с раструбом ко рту, и, перекрывая возбужденную болтовню бабочек, над Веселым садом разнесся мощный глас:

— Принесите «напиток бескрылых»! Король Лабастьер Шестой испытывает жажду!

— Ваше Величество, вы еще не готовы вынести свой вердикт? — с надеждой взглянул на Лабастьера Дент-Пиррон.

— Нет. Давайте-ка сначала посмотрим все-таки на ваших самок. И не торопите меня, в конце концов!

...Тьма опустилась на мир, но Веселый сад был освещен множеством пропитанных смолой факелов, делавших все окружающее похожим на зыбкий романтический сон.

Небольшой пятачок с музыкантами, предназначенный для танцев, был утыкан этими факелами значительно более обильно, и там было по-настоящему светло. То, что танцы проходят на открытой площадке, давало возможность танцующим время от времени вспархивать в небо и продолжать танец над площадкой. Окружающими это воспринималось как свидетельство чувственного порыва и встречалось рукоплесканиями и возгласами одобрения.

— Ну и как твои сердечные успехи, брат-маака? — спросил Лаан, приблизившись к стоящему неподалеку от танцплощадки королю настолько, что никто больше не мог бы их услышать. — Вы побеседовали уже по меньшей мере с сотней самок, и я заметил, некоторых из них вы с удовольствием приглашаете потанцевать...

— Беда в том, мой друг, что это единственная возможность разглядеть их как следует, — отозвался тот. — Если, поговорив с самкой, я обнаруживаю, что передо мной не полная дура, я тащу ее к свету... И приходится танцевать. Несмотря на то что ты уже разочарован.

— Хотите совет, друг мой? — заговорщически понизил голос Лаан.

— Буду признателен.

— Если не хотите испытывать разочарования, тащите к свету именно дур.

Они громко расхохотались, но тут же осеклись, заметив на себе удивленные взгляды.

— «Напиток бескрылых» у старины Пиррона исключительно хорош, — заметил Лаан, поднимая пиалу-раковину с плетеного столика. — Так же, как и зрелище, которым он подивил нас сегодня. Вы намерены пресечь пагубную страсть его соплеменников к изобретательству?

— Конечно. Ведь это мой долг, — также пригубив напиток, отозвался Лабастьер. — Но я не решил пока — в какой форме, насколько сурово и до каких пределов исполнять его. Честно го-

воря, именно об этом я и думаю все время. Решение где-то рядом, оно так и вертится прямо передо мной, но я никак не могу ухватить его... И ни одна самка пока что не сумела отвлечь меня от этих мыслей. А это для меня показатель, — усмехнулся он. — Боюсь, мой друг, наше путешествие еще не окончено.

— Я частенько радуюсь, что не обременен вашими заботами, — кивнул Лаан, — и ничто не отвлекает меня от приятного времяпрепровождения. — В его голосе зазвучала легкая ирония. — Желаю вам найти ответы на свои эпохальные вопросы... А я пока что пойду потанцую с Мариэль.

— С Мариэль? — поднял бровь король. — А как же Ракши?

— Нашего тихоню атаковала какая-то местная прелестница. Честь не позволяет ему обидеть самку отказом, и он ведет с ней уже пятый круг. Хотя недовольным он, кстати, не выглядит. Да вот и он, взгляните.

Лабастьер устремил взгляд туда, куда указал Лаан, и действительно у края площадки увидел Ракши, кружащегося в танце с ослепительно красивой темноволосой бабочкой-маака.

— Хм, — нахмурился король. — Эта ко мне не подходила.

— Может быть, и подходила... — покачал головой Лаан. — Но вы не нашли нужным отвести ее к свету...

Друзья переглянулись и, не удержавшись, расхохотались вновь.

Лаан нырнул куда-то в сумрак, и как раз в этот миг рядом с королем появился Дент-Пиррон.

— Кто эта синеглазка? — кивнул Лабастьер на партнершу Ракши.

— О! Это моя племянница Тилия. Я знал, что рано или поздно вы обратите на нее внимание. Девушка исключительных дарований.

Лабастьер посмотрел на правителя с подозрением:

— Она что-то изобретает?

— Нет, что вы! — всплеснул руками Пиррон. — Как вы могли... э-э-э... Ну-у... Да. Изобретает. — Он вздохнул и потупил взгляд. — И весьма недурно. Несмотря на возраст и пол.

— И что же она изобретает? — спросил Лабастьер, чувствуя, что вспыхнувший было в его душе интерес к этой самке моментально остыл.

— Оружие.

— Вот как?! — Лицо короля потемнело. — Создание сложного оружия вдвойне преступно, это общеизвестная истина. И тут для меня нет альтернативы. Я просто обязан наказать преступника.

— О да. Я это знаю, и, опасаясь за Тилию, я не позволил ей создать ни единой действующей модели. Все — в чертежах, только в чертежах. Так что преступления не совершено.

— И на том спасибо, — вздохнул Лабастьер с облегчением. — Я должен признаться вам, Пиррон, что вы поставили меня в крайне затруднительное положение. Я не знаю, что делать. Я убил т'анга ваших соседей, а потом сильно пожалел об этом, несмотря на то что я просто обязан был так поступить. Погибли сотни бабочек, и это камнем давит на мою совесть...

В этот миг публика разразилась аплодисментами и одобрительными возгласами. В небо, делая изысканные пируэты, одновременно взмыли сразу две прекрасные пары: Ракши с Тилией и Лаан с Мариэль.

— Признаюсь, я чувствую себя несчастным, — продолжал король, следя за тем, как эти пары распались, а затем четыре бабочки, взявшись за руки, стали с ускорением кружиться в небе. — Не всегда, но сейчас это ощущение стало почему-то особенно острым. Что-то я должен решать и с вами. Но я боюсь ошибиться. Помогите мне, Пиррон. Попробуйте хотя бы объяснить мне, зачем все это. Я должен понять. Зачем, например, эта самка, ваша племянница, изобретает то, чего даже не собирается изготавливать? Если вы, конечно, не лжете.

— Нет, я не лгу... — пряча глаза, Дент-Пиррон, по своему обыкновению, снял берет и утер им пот. — Вы спросили «зачем»? — Он нахлобучил берет обратно на лысину. — Мы, признаться, не задаемся этим вопросом. Сам я, знаете ли, не изобретатель, но я много общаюсь с ними. Они относятся к этому делу как к искусству. Им просто нравится. Вот и все. — Он в упор посмотрел королю в глаза.

Лабастьер покачал головой.

— Не знаю...

— Вот что, мой друг, — лукаво прищурился Дент-Пиррон. — У меня есть очередное преступное предложение к вам... Когда умерла моя дорогая Рууйни, я тоже вознамерился умереть. Я хотел наказать себя за строптивость... И я, в порыве отчаяния, выпил залпом ту самую жидкость, которую изготавливал мой лекарь. Я думал, эта жидкость убьет меня. И это было бы только справедливо. Она обожгла мои внутренности, я не мог дышать, и из моих глаз потекли слезы... Я приготовился заснуть вечным сном. Но представьте себе, вместо боли и предсмертных мук я неожиданно почувствовал огромное облегчение! Жжение прекра-

тилось, дыхание выровнялось, а тем временем ноша словно бы покинула мою совесть. Я больше не был несчастен! И я понял, как мне следует вести себя дальше, я смирился с собой... Потом, когда действие жидкости прошло, я никому не выдал ее секрета. Но время от времени, когда жизнь ставит передо мной особенно сложные задачи или когда становится невмоготу терпеть тоску по моей Рууйни, я прячусь в своей спальне и делаю пару глотков... И иногда это помогает. Вы, мой король, первый, кому я признаюсь в этом. Потому что, мне кажется, простите меня за смелость, но именно сейчас вам очень бы не помешало выпить немного моего зелья...

— Тащите! — махнул рукой Лабастьер. — В конце концов вы прекрасно вылечили Лаана, вы показали нам удивительное огненное зрелище... И если это ваше зелье действительно лечит меланхолию, оно придется мне весьма кстати. А если бы вы хотели меня отравить, вы бы уже давным-давно сделали это.

— Я выпью из того же сосуда и столько же, сколько и вы, — заверил Дент-Пиррон. — Ожидание вашего решения и, по всей видимости, наказания, знаете ли, тоже не самое легкое и приятное дело...

8

Молчи, сверчок, молчи;
Запуталася рыба в иле.
Молчи, сверчок, молчи;
Гнездо без входа птицы свили.
Молчи, сверчок, молчи;
Любимая лежит в могиле.

«Книга стабильности» махаон, т. XVI, песнь V; дворцовая библиотека короля Безмятежной (доступ ограничен)

Лабастьер очнулся, но глаза разлепить не спешил. Тр-рок-ток-ток, тр-рок-ток-ток — отдавался в голове перебор лап сороконога. Это умиротворяло. Почему-то Лабастьер знал, что стоит ему открыть глаза, как все станет намного хуже.

Итак, он, привязанный к седлу, лежит на ведомом под уздцы сороконоге. Это что-то новенькое. Как это, интересно, он оказался в столь странном положении? Лабастьер попытался при-

помнить, но ничего не вышло. Вместо этого перестук лап стал пульсировать в висках тупой головной болью.

Но не пролежишь же так всю жизнь. Лабастьер приподнял веки... и сразу же закрыл их: при виде бездонного синего неба у него закружилась голова. Внезапно он отчетливо вспомнил, как, разлив прозрачное зелье по пиалам-раковинам, они с Дент-Пирроном залпом осушили свои посудины... Как спазм сжал горло, и Лабастьеру показалось, что он вот-вот умрет от удушья. Он выпучил глаза и захрипел... Но более опытный Пиррон успокаивающе замахал руками и сиплым голосом произнес: «Не бойтесь, мой король. Это пройдет...»

И действительно, миг спустя Лабастьер уже смог дышать, а пламя, только что сжигавшее ему чрево, приятными огненными ручейками разбежалось по всему телу... И больше он не смог припомнить ничего.

Он повторил попытку и приоткрыл глаза вновь. На этот раз все обошлось. Он повернул голову и увидел впереди спину Лаана.

«Эй!» — хотел крикнуть он, но вместо этого сумел издать лишь какой-то нечленораздельный и жалкий стон. Однако Лаан услышал его.

— Наконец-то! — обрадованно воскликнул он, обернувшись.

— Тс-с! Тихо... — сморщившись, прошептал Лабастьер, которого выкрик махаона словно бы ударил по темечку молотком. — Развяжи меня, что ли...

Лаан завозился с креплениями. Когда дело было сделано, Лабастьер сполз с Умника и присел на мох.

— Что случилось? — спросил он Лаана наконец-то нормальным голосом. — Что это тебе вздумалось меня связывать?

В этот миг их как раз нагнал Ласковый, бредущий с Ракши и Мариэль на спине.

— Как вы, король?! — встревоженно поинтересовался Ракши.

— Нормально, — поморщился Лабастьер и повторил вопрос: — Что случилось-то?

— Проклятый толстяк отравил вас, и я чуть было его не убил! — отозвался Ракши.

— Он преувеличивает, — возразил Лаан. — Как только мы заметили, что вы не в порядке, вы тут же предупредили, что Пиррон ни в чем не виноват и что его зелье вы выпили по собственному желанию. Вы что, мой друг, действительно не помните ничего из того, что было дальше?

— Ничего, — помотал головой Лабастьер. — Но когда ты рассказываешь, я сразу вспоминаю, что так оно и было. К примеру,

сейчас я хорошо помню, как защищал Пиррона от Ракши... Но что было дальше... Опять пустота.

— Тогда вспоминайте. Во-первых, вы громогласно объявили, что ни одна самка этого селения вас не интересует и интересовать не может.

— Почему? — удивился Лабастьер.

— Это вы меня спрашиваете? — с нажимом произнес Лаан. — Мне-то вы объяснили почему. Но приказали при этом НИКОМУ, НИКОГДА И НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ЭТОГО НЕ ОТКРЫВАТЬ. И я поклялся.

Лабастьер рассмеялся, но в его смехе было больше растерянности, чем веселья. Затем он признался:

— Да... Помню... Как ты клялся — помню отчетливо. А вот что за тайну я тебе сообщил — не помню, хоть убей...

— Оно и к лучшему... — пробормотал Лаан, но король, пропустив его слова мимо ушей, продолжал:

— Впрочем, не думаю, что это действительно столь уж важно... — Внезапно на него навалилась очередная волна удушливой дурноты. — Ох, как некрасиво, — простонал он, потирая виски. — Какой пример я подаю подданным... Я, наверное, и праздник всем испортил...

— Нет, обошлось, — возразил Лаан. — Дент-Пиррон хотел было прекратить торжество, но вы не позволили ему это сделать. Затем вы наконец-то высказали свою волю относительно изобретательства.

— И какова же была эта воля? — холодея, спросил Лабастьер. — И почему никто не остановил меня, ведь ясно же было, что я не в себе?!

— В том-то и дело, что не очень. Да, вы были какой-то необычный. Но рассуждали вы довольно логично и вели себя последовательно.

— Так какова же была моя воля? — повторил вопрос король. — Я никого не казнил?

— Напротив. Вы сказали Пиррону, что примете решение относительно его деятельности только после того, как у вас родится наследник и вы передадите ему свой королевский амулет, а сами взамен наденете белый берет. Вы сказали, что ваша достопочтимая матушка много раз повторяла, что лишь тогда на вас снизойдет великая мудрость. Вот вы и решили ее послушаться и не принимать скоропалительных решений.

— Точно! — вспомнил король. — Я так и сказал. И ведь правильно сказал! Почему я не додумался до этого раньше?.. А потом?

— А потом вас начал одолевать сон, вы клевали носом, буквально падали с ног. Дент-Пиррон хотел помочь нам отвести вас в спальню, но вы заявили, что нам немедленно надо отправляться в путь. Вы сказали, что уверены в мудрости принятого решения, но опасаетесь, что завтра, когда действие зелья пройдет, вам оно может показаться недостаточно мудрым, и вы, может статься, передумаете. «Чтобы этого не случилось, — заявили вы, — надо немедленно отсюда убираться». Я возразил, что в вашем состоянии вы не сможете удержаться в седле. Вы расхохотались и приказали Пиррону налить вам очередную порцию зелья. Затем, осушив пиалу, вы приказали мне и Ракши привязать вас к седлу в горизонтальном положении. Вы были очень веселы при этом. А когда мы выполнили ваш приказ, вы моментально уснули...

— Да-а, — протянул Лабастьер, поникнув головой. Затем жалобно посмотрел на Лаана: — Интересно, Пиррон, когда угощал меня, именно на такой исход и рассчитывал?

— Не думаю, — усмехнулся тот. — Пока вы гнули свою линию, он гнул свою. Он все время уговаривал вас пойти с ним и спалить его дом вместе со всеми хранящимися там преступными изобретениями, раз они так вас огорчают. Ему очень нравилась эта идея, и мы с трудом удержали его...

— Помню, — кивнул Лабастьер обреченно. — Ладно... — Он выдержал паузу. — Будем считать, что все обошлось. Я уже могу сидеть в седле. Поехали дальше.

Карта Лаана подсказывала, что очередное, вновь довольно крупное, селение встретится на их пути примерно через двое суток.

— Что ждет нас впереди? — задумчиво сказал Лаан, вполоборота повернувшись к Лабастьеру. — Давненько не было на Безмятежной королевской инспекции...

— Ты ведь знаешь, что в этом нет моей вины, — отозвался тот. — К тому же, если вдуматься, то, возможно, это и хорошо. Все те нарушения, которые встречаются нам сейчас, появились задолго до моего рождения, но тогда их старательно прятали от внимания властей. Сейчас бдительность нарушителей притупилась, и у нас появилась возможность все увидеть и пресечь.

— Вообще-то мы ищем вам невесту, — напомнил махаон.

— Да. Я и сам не ожидал, что, куда бы мы ни приехали, у нас будут находиться совсем другие дела.

— И у меня есть подозрение, что главная наша задача отошла на второй план... А на Безмятежной почти полсотни селений.

— Соскучился по Фиам?

— Не то слово...

— Не беспокойся, как только найдем невесту, сразу же отправимся домой.

— Что-то я на это уже и не рассчитываю, — пробормотал Лаан.

— Я окончательно утвердился в мысли, — заверил его король, — что, дабы не натворить непростительных ошибок, настоящую инспекцию действительно надо будет проводить после рождения наследника, когда со мной должно произойти что-то... Я и сам не знаю, что, но ты ведь понимаешь, о чем я толкую.

— Да, конечно. О той загадочной мудрости, которая должна на вас при этом снизойти. Да простит меня Ваше Величество, но мне эти разговоры кажутся сомнительными. В них есть только один бесспорно разумный момент. В походе вы подвергаетесь опасностям, порой смертельным. Если, страшно подумать, с вами стрясется непоправимая беда, Безмятежная останется без отпрыска королевского рода.

— В этом ты, конечно же, прав. И поверь, это заставляет меня думать об осторожности. Но при всем при том я привык к мысли, что и матушкины слова — не пустой звук.

Перед Умником возникла развилка, и он, неуверенно замедляясь, скосил глаз на седоков. «Все-таки это — одно из главных чудес Безмятежной», — подумал Лабастьер, разглядывая этот глаз, словно бы состоящий из десятков переливающихся перламутровым разноцветьем ромбиков.

— Влево, влево, — похлопал Лаан зверя по боку, и тот двинулся вновь, но его к этому моменту уже догнал Ласковый, и дальше сороконоги пошли бок о бок.

— А вы, мой друг, не познакомились ли у Пиррона с достойной вас парой махаон? — поинтересовался Лабастьер, повернувшись к Ракши. — Вы, по-моему, были более общительны, чем я.

Ракши и Мариэль странно переглянулись. Было похоже, что между ними произошла размолвка.

— Нет, мой король, — отозвался юноша, в его голосе явно чувствовалась какая-то натянутость. — Хотя нам понравились многие пары, и мы записали их имена. Но мы решили, что, раз уж у нас есть такая возможность, мы будем сопровождать вас до конца путешествия. И мы отдадим свое предпочтение кому-то из тех, кого присмотрели тут или присмотрим в другом месте, лишь тогда, когда вы найдете королеву.

— Мне льстит ваша преданность, и я благодарен вам, — улыбнулся Лабастьер одними губами, — но, право, это необязательная жертва.

Лаан насмешливо глянул на Ракши.

— А не слишком ли вы привередливы? — с некоторой иронией заметил он. И добавил: — Почему-то, милая моя Мариэль, мне кажется, что эта идея принадлежит вам.

— Вовсе нет, — помотала головой самка так энергично, словно сказанное Лааном было страшным обвинением и ей приходится оправдываться. — Так предложил Ракши, но я сразу же согласилась. Кто знает, сколько селений нам предстоит еще посетить, зачем же спешить? Зачем отказываться от представившейся возможности сделать достойный выбор диагонали, с которой придется затем делить очаг и ложе в течение всей жизни?

— Так-то оно так... — протянул Лаан, а затем, хмыкнув, отвернулся и пробормотал столь тихо, что его мог слышать только король: — Похоже, эта парочка не очень-то торопится с женитьбой...

— Это решение не лишено здравого смысла, — ответил Лабастьер одновременно и ему, и девушке. — Однако не стоит упорствовать, если судьба распорядится иначе и симпатичная, достойная вас пара встретится вам раньше того, как невесту себе найду я. Мне не хотелось бы стать помехой вашему счастью.

Голос короля слабел с каждым последующим словом, и Лаан, встревоженно обернувшись, увидел, что тот смертельно побледнел.

— Что с вами, мой господин?! — воскликнул он.

— Остановись. — Лабастьер прижал ладони к вискам. — Зелье Пиррона дает знать о себе. Давайте-ка сделаем привал.

— Может быть, уже и не стоит сегодня тащиться дальше? — предложил Лаан, спрыгнув на землю и помогая королю спуститься. — Я бы как раз занялся своим крылом, вы бы набирались сил... А путь продолжим с утра. А?

— Посмотрим, — сказал Лабастьер, усаживаясь прямо на землю. — Если и через час я буду чувствовать себя так же дурно, как теперь, мы поступим по-твоему.

Через час король распорядился разбивать лагерь. И не столько потому, что его состояние не улучшилось, сколько оттого, что сообразил: его спутники в отличие от него не отдыхали уже больше суток.

Сороконогов на этот раз привязали рядом. Однажды слышанная их хозяевами волшебная песня убедила всех в том, что животные не причинят друг другу вреда.

Первым делом решили облететь окрестности, собирая все, что могло бы гореть, чтобы ночью по периметру стоянки разжечь сторожевые костры. Сперва за хворостом хотели было отправиться Лаан и Ракши, но Лабастьер попросил кого-нибудь из них остаться с Мариэль, так как сам чувствовал необходимость проветриться. Хотя логичнее было бы, если бы это был Ракши, остаться с ней моментально вызвался Лаан, объяснив это тем, что будет пока приводить в порядок крыло и Мариэль поможет ему в этом.

Собирая хворост неподалеку от лагеря, в бирюзовых зарослях курган-травы, Лабастьер и Ракши вновь обнаружили капкан со жгучей охотничьей смолой. Похоже, он был давным-давно забыт теми, кто его изготовил: поверхность смолы во рве была почти полностью закрыта иссохшими тушками угодивших в него, но так и не вынутых браконьерами мелких зверьков, ракочервей, оболочками шар-птиц и птиц-пузырей. Тут покоился даже костяк крупного сухопутного ската, и Лабастьер поклялся себе, что безнаказанным это бессмысленное злодеяние не оставит.

Вернувшись, король заметил, что Мариэль и Лаан ведут себя как-то чудно. Они то и дело переглядывались и натянуто улыбались. Присмотревшись, он обратил внимание и на то, что глаза самки слегка припухли, так, словно она только что плакала. Однако выглядеть они старались как ни в чем не бывало.

Лаан, например, потрясывая только что покрытым цветными чешуйками крылом, то и дело демонстрировал его друзьям, не переставая восхищаться:

— Как новенькое! Нет, правда же?! Красота! Кто бы мог подумать, что такое возможно!..

Наконец, не выдержав таинственности, король улучил момент, когда их не могли слышать, и обратился к самке:

— Что тут у вас произошло? У меня такое подозрение, Мариэль, что этот молодчик, — указал он на друга, — чем-то вас обидел.

— О нет, поверьте, — с излишней убедительностью возразила та. — Мы просто поговорили с ним о жизни.

— А точнее?

— Простите, Ваше Величество, но это касается только нас двоих.

— Вот как? — поднял брови король. — Занятно. — Но настаивать на дальнейшей откровенности он посчитал себя не вправе.

* * *

Предыдущая, украшенная фейерверком Пиррона, ночь была слегка сыроватой, потому на ночлег решили растянуть шелковый шатер. Укладываясь, Мариэль призналась:

— Со мной творится что-то странное. Весь вечер меня не покидает чувство, что за нами кто-то наблюдает.

Но у остальных путников никаких подозрительных ощущений, а тем более наблюдений, не было, и слова самки пропустили мимо ушей. Первым на дежурство заступил Лаан, остальные уснули сразу, стоило им только улечься.

...Лабастьера разбудил встревоженный голос присевшего перед ним на корточки Ракши.

— Ваше Величество! Проснитесь!

— Чего тебе? — Лабастьер сел, с трудом разлепляя веки. — Уже смена?

— Нет. Но, кажется, стряслась беда. Пропала Мариэль.

— Как так пропала?! — воскликнул Лаан, который, оказывается, проснулся тоже. — А ты куда смотрел?!

Именно Ракши был сейчас дежурным часовым, поэтому вопрос Лаана был в полной мере обоснован.

— Она... — замялся Ракши. — Обильные угощения Пиррона не прошли даром... Она просто отошла, чтобы справить свои естественные надобности.

— Давно? — уточнил Лабастьер.

— Нет, не очень. Но она ведь должна быть где-то совсем рядом. А когда я начал беспокоиться и позвал ее, она не откликнулась.

— О беременный таракан! — вскричал Лаан и тут же поправился: — Это я не о вас, Ракши, а о ситуации. Но и вы, кстати, хороши! Почему, скажите на милость, вы не пошли ее сопровождать?!

— Это неприлично... К тому же я не мог бросить пост. А главное — она зашла в кусты, что в двух шагах от палатки, даже не покидая периметр. Вот и все. А ведь она всегда прекрасно ориентировалась в ночном лесу. Дома она прилетала ко мне на свидания в лес чуть ли не каждую ночь.

— О-о, — застонал Лаан. — Но это был другой, знакомый лес! Так почему же вы...

— Хватит пререкаться, — перебил его Лабастьер. — У нас нет на это времени. Надо искать девушку, а не виноватых.

Согласно кивнув, Лаан первым сделал шаг из шатра и обнажил шпагу. Ночь была светлой: Дент и Дипт сияли так ярко, что ночное зрение было просто ни к чему, а как раз возле костров тьма была густой и непроглядной.

— Мариэль! — крикнул Лаан.

Никто не отозвался. Но тишина почему-то казалась искусственной... Словно там, в чаще, НЕЧТО готовилось к прыжку. Лабастьер и Ракши тоже выбрались из палатки.

— Давайте-ка для начала крикнем вместе, — предложил король.

Они набрали в легкие побольше воздуха и гаркнули хором:

— Ма-ри-эль!!!

И в тот же миг лес внезапно наполнился буквально гулом враждебных звуков — какими-то выкриками, свистом, треском ломающихся веток и шелестом крыльев... Десятка два доселе невидимых бабочек сорвались с крон травянистых деревьев, где, оказывается, они таились, и тенями промчались над головами путников — справа налево. А еще через мгновение сверху упала тонкая флуоновая сеть.

— Руби! — закричал король и попытался достать кинжал... Но не тут-то было. Сеть была смазана каким-то клейким веществом, которое, соприкасаясь с поверхностью крыльев, мгновенно затвердевало. Таким образом Лабастьер, Лаан и Ракши оказались как бы спеленутыми единым коконом и любое их движение только усиливало хватку.

Но они не сразу сообразили это и сперва пытались освободиться. Лабастьер что было сил дернулся еще раз, но результатом этого стало лишь то, что все трое со сдавленными стонами рухнули на землю. Клей к тому же прилипал не только к крыльям, но и к волосам. Это делало невозможным повернуть голову, а любое движение, натягивающее сеть, отдавалось болью в корнях волос.

— Ну вот и славно, — услышал король над собой низкий, хрипловатый, но явно принадлежащий самке голос. Он лежал сейчас лицом вниз и увидеть говорящую не имел возможности. — Тащим их в город.

— Город? — простонал Лаан. — Вы слышали, мой король? Она сказала именно это преступное слово...

Все тот же голос отозвался надтреснутым саркастическим смешком:

— Говорите, «преступное»? Как вам угодно. Однако судить будем вас мы, а не наоборот. Ну, давайте, — вновь обратилась говорящая к своим сообщникам, — берем и понесли.

По-видимому, не менее десятка рук ухватилось за флуоновые нити, и пленники застонали от боли, чувствуя в то же время, что их кокон поднимается ввысь. Лабастьер испытывал при этом отвратительное чувство беспомощности. Ведь вскоре они оказались на огромной высоте, неспособные при этом воспользоваться своими крыльями. Стоило их похитителям разжать пальцы, и они бы расшиблись насмерть.

— А где же все-таки Мариэль? — услышал Лабастьер сдавленный шепот Ракши.

— Если она схвачена, мы ей не поможем, — отозвался Лаан. — А вдруг ей удалось бежать?

— Тс-с, молчите, — выдавил из себя Лабастьер. Ведь их пленители могли их подслушивать.

Полет был долог и мучителен. Время от времени кто-то из пленников, не выдержав боли, издавал стон. Но из осторожности они не обменялись больше ни единым словом.

Лабастьер потерял счет времени. Ощущение бессилия вскоре притупилось, но боль в корнях волос и в основании крыльев становилась все мучительнее. По-видимому, чтобы хоть как-то отвлечься от нее, Лаан что-то тихонько бормотал про себя. Прислушавшись, Лабастьер разобрал слова песенки, которую самки напевают своим несмышленым гусеничкам, укладывая их спать:

Терпи, терпи, мохнатый,
Терпи, терпи, малыш,
Наступит день, когда ты
Над миром полетишь.
Лао-лэй, лао-лэй,
Лао-лэй, ла, лао-лэй...

Несмотря на боль и безнадежность ситуации, Лабастьер не удержался от усмешки: обещанный день явно наступил... Король был не одинок: откуда-то сбоку раздался смешок Ракши, больше, правда, похожий на стон. А Лаан продолжал бубнить:

Красивый и свободный,
Ты крыльями взмахнешь,
И голосочком звонким
Мне песенку споешь.

Лао-лэй, лао-лэй,
Лао-лэй, ла, лао-лэй...

Терпи, терпи, мохнатый,
Терпи, терпи, малыш...

Словно заклинание, он повторял это снова и снова. Казалось, прошла целая вечность, пока голос предводительницы их пленителей не прервал его бормотание, распорядившись:

— Давайте сюда, на другой берег.

Они пошли на снижение, перелетев неширокую речку или ручей. Недалеко уже виднелись темные силуэты строений. Но до берега они еще чуть-чуть не дотянули, когда прозвучала новая команда:

— В воду их.

Приземление сопровождалось болезненным шлепком и фонтаном брызг, но принесло нахлебавшимся мути пленникам моментальное и неожиданное облегчение: вещество, покрывавшее сеть, потеряло свою клейкость, и они, фыркая и отплевываясь, вскочили на ноги, чувствуя себя свободными.

Но не успели они и глазом моргнуть, как их обезоружили и связали руки.

Только теперь Лабастьер смог разглядеть своих похитителей и их атаманшу. Это была немолодая самка махаон с грубыми волевыми чертами лица, одетая, как самец.

— Вы соображаете, что вы творите?! — гаркнул король, выходя на сушу. — Я — Лабастьер Шестой, законный правитель Безмятежной, и ваша выходка может стоить вам жизни!

— Вы слышите? Он грозит нам расправой, в то время как именно его жизнь находится в наших руках, а вовсе не наоборот, — усмехнулась самка. — Я так и знала, что наш монарх — напыщенный дурак, неспособный даже трезво оценивать обстановку.

Окружавшие их бабочки загоготали, а самка продолжала:

— Мы прекрасно осведомлены, кто ты, и как раз за тобой-то мы и охотились. Потому что ты — единственный представитель династии смешенцев; к счастью, ты еще не успел продолжить свой преступный род. И мы прервем его. Мы будем судить тебя, а затем — казним.

— Это становится доброй традицией, Ваше Величество, — заметил Лаан. — Где бы мы с вами ни появились, вас всюду пытаются прикончить.

— И это, наверное, неспроста, — отреагировала самка. — Если подданные повсеместно покушаются на короля, значит, они не довольны его правлением.

— Да каким правлением?! — взвился Лаан. — В том-то все и дело, что никакого правления еще не было! Когда погиб Лабастьер Пятый, его сын — вот он, перед вами — был слишком юн,

чтобы взять бразды в свои руки. И в колонии наступил хаос, беззаконие, и злоумышленники, подобные вам, восторжествовали!..

— Постой, Лаан, — прервал его Лабастьер. — Прежде всего я хочу знать, в чем меня обвиняют. И что это за словечко тут прозвучало — «смешенец»? Нетрудно сообразить, что оно явно имеет бранный оттенок... Тем неприятнее, когда тебя поносят, а ты даже не понимаешь смысла сказанного...

— И что это за праведный суд такой, который состоится в укромном месте?! — вмешался Ракши.

«Атаманша», хмыкнув, покачала головой:

— Нет. Напрасно вы пытаетесь уличить нас в коварстве. Суд состоится не здесь, а в городе. Каждый желающий сможет присутствовать на нем. И суд этот будет более праведным, чем королевский. Мы остановились тут только для того, чтобы снять с вас путы. Чтобы король, каков бы он ни был, вошел в город так, как ему подобает: на собственных ногах и с поднятой головой.

— И на том спасибо, — бросил Лаан.

Самка же продолжала:

— Но это его не спасет. Потому что народ не желает терпеть смешенца, который принуждает маака и махаонов жить общими семьями. Вот вам, кстати, и ответ на ваш вопрос, что означает это слово.

— А чем вам такой порядок не нравится? — искренне поразился Лабастьер. — Так жили наши деды и прадеды...

— Чем?! — вскричала самка. — Да тем, что это противоестественно! Это противоречит самой нашей природе! Маака и махаоны не могут иметь общего потомства! Мы — разные существа. Как ракочерви и сонные пауки, как сороконоги и сухопутные скаты! Так почему мы должны жить вместе? Почему мы должны спать в одной постели?!

— Понятно... Вы ненавидите маака, — догадался Лабастьер.

Отряд похитителей вновь разразился хохотом.

— Я так и думала, что вы не сумеете этого понять, — презрительно бросила «атаманша». — Взгляните: в моем отряде — поровну маака и махаонов. Но все мы, каждый из нас — противник ваших «семейных квадратов». Маака и махаоны равны именно в своем праве жить раздельно и быть только собой.

— Традиция семейных квадратов позволяет нам уживаться в мире, — высказал Ракши прописную истину.

— Мы в нашем городе живем в мире и без этого постыдного принудительного и аморального закона, который выдумал Лабастьер Второй и который вы теперь пытаетесь выдать за традицию,

якобы сложившуюся естественным путем... «Жить в мире», — передразнила она. — Это каким же презрением к своим подданным нужно обладать, чтобы рассудить таким образом!.. Что мы будем жить в мире, только если загнать нас в общее ложе! Да! Конечно! Так нами управлять значительно проще! Но только это — политика. А когда во имя политики попираются естественные законы бытия — это уже ПРЕСТУПЛЕНИЕ! Так?! — с горящими глазами обернулась она к своему отряду. Бабочки согласно загудели. — Впрочем, — продолжала она, — что это за дискуссию мы тут развели? Будет суд, и будут разговоры. А сейчас — пора двигаться дальше.

— Подождите еще чуть-чуть, — остановил ее Лабастьер. — Я никогда не задумывался о том, что семейные квадраты кого-то могут не устраивать и даже оскорблять. Я привык считать этот порядок чем-то само собой разумеющимся. Но, по-видимому, названная вами проблема действительно существует. Почему бы нам сперва не обсудить ее? Почему вы не обратились ко мне раньше? Может быть, мы сумели бы найти решение вместе и без кровопролития? Я, например, склонен признать, что вы — настоящий оратор и настоящий лидер. Я даже склонен восхищаться вами: самому мне всегда недоставало названных качеств, столь необходимых королю. И наконец, я хочу хотя бы иметь представление, кто вы, и почему именно вы встали во главе этих несчастных. Как вас звать, в конце концов?

— Оттягиваешь время? — тихо спросил Лабастьера Лаан.

— Мне действительно любопытно, — откликнулся тот, посмотрев на друга укоризненно.

— Очень вовремя, — с горькой иронией заметил Лаан.

— Вот-вот, — вмешалась «атаманша». — Ваше неуважение к своим подданным выражается даже в мелочах. Вы разговариваете между собой так, словно другие не способны вас понять... Обсуждать нам нечего. Пословица гласит верно: «Гнилые корни следует отсекать». Что касается меня... Я удовлетворю ваше любопытство. Меня зовут Наан, и мой отец, Дент-Таллур носил оранжевый берет.

— Наан?! — совсем не ко времени рассмеялся Лабастьер. — Ваш благородный отец назвал вас в честь моей прабабушки, которая, как гласит легенда, стала одной из двух самок первого на Безмятежной семейного квадрата... Какая ирония... А почему вы сказали «Наан», а не «Дипт-Наан»? Ваш возраст...

— Потому что я не замужем, — отрезала самка. — Я не пожелала делить ложе с маака, и мой жених, такой же, как выясни-

лось, бесстыдный самец, что и ваш прадед, составил партию с другой самкой.

— Ага! Выходит, не все считают так же, как вы?! — воскликнул Лабастьер, пропустив мимо ушей оскорбительный выпад в адрес своего великого предка.

— Это было давно, — помотала головой самка. — С тех пор, как правительницей города стала я, закон семейных квадратов у нас не действует. И мы не собираемся возвращаться к старому... А втянуть меня в бессмысленную дискуссию у вас не получится.

— Я давненько заметил, — встрял Лаан, — что когда самка долго живет без самца, она становится буйной и сварливой...

— Ну все! Хватит! — рявкнула Наан, побелев от гнева. — Вы ведете себя так, словно не верите в то, что жить вам осталось от силы несколько часов!.. Довольно болтовни. Пора двигаться. — Самка повернулась к пленникам спиной и пошагала в сторону селения, называемого ею «город». Она пошла пешком потому, что королю и его спутникам лететь не позволяли намоченные крылья. Подручные Наан принялись грубо, толчками и зуботычинами, подгонять их.

Но не успели они сделать и нескольких шагов, как ситуация вновь кардинально переменилась...

9

Тихо с ветки на ветку две капли ползут,
Им хотелось бы вместе быть.
Только, слившись, от тяжести вниз упадут,
Не успев от любви остыть.
И, тотчас войдя в беспощадный грунт,
Сгинут. Им — не любить, не жить.

«Книга стабильности» махаон,
т. IV, песнь XXIV; дворцовая
библиотека короля Безмятежной
(доступ ограничен)

...В небе еле слышно зашелестели крылья. Лабастьер оглянулся и в свете лун увидел, что со стороны реки к отряду строптивой Наан приближается не менее полусотни бабочек.

Окружив своих пленников, отряд ощетинился клинками. Подоспевшие бабочки, в свою очередь, образовали в воздухе кольцо, а затем резко опустились вниз — так, что похитители короля оказались внутри.

Но опустились при этом не все: небольшая часть из подлетевших осталась в небе, чтобы пресекать попытки окруженных покинуть позицию по воздуху.

Бабочки, пришедшие на помощь королю, были незнакомы ему, и вооружены они были незнакомым, странным оружием.

Все описанное произошло в считанные мгновения, так, что никто не успел проронить и слова. И без того озадаченный Лабастьер с еще большим удивлением обнаружил, что среди бабочек, оставшихся в небе, есть самки. Одна фигура показалась ему знакомой... Мариэль?!

— Это бабочки Пиррона! — придя в себя первым, радостно сообщил свою догадку Лаан.

Откликнуться Лабастьер не успел. Сделав короткий шаг вперед, один из бойцов, окруживших отряд Наан, весомо произнес:

— Именем закона я требую немедленной выдачи нам короля и его спутников.

Лаан узнал его. Это был со-муж Дент-Пиррона, маака Бармн.

— Как бы не так, — бросила Наан, и ее воины откликнулись одобрительным, но опасливым гулом.

— Предупреждаю, — продолжил Бармн, — наше оружие убивает мгновенно и на расстоянии.

— А негодяй Пиррон уверял, что его любимая племянница только чертежи рисует, — пробормотал Лаан, явно воодушевляясь.

Пауза чуть затянулась. А затем непокорная Наан, явно храбрясь, вскричала:

— Бред! Нам ли бояться этих трусов?! Атакуем их!

Количество вновь прибывших ненамного превышало численность отряда Наан, и в честном поединке, принимая во внимание недюжинные способности отважной Наан воодушевлять своих бойцов, исход боя был бы предрешен. Но оружие, в существование которого она не поверила или сделала вид, что не верит, все-таки действительно имелось.

Отряд Наан кинулся в атаку, причем, используя крылья, его бойцы приняли горизонтальное положение, благодаря чему стали менее уязвимы для колющего оружия...

В тот же миг незнакомый голос самки сверху выкрикнул:

— Король! Ракши! Ложитесь!

Названные, а вместе с ними и Лаан рухнули на землю, еще не понимая, зачем это нужно... И тут же раздался грохот, подобный тому, который произвел давешний фейерверк в Веселом саду. Но коренная разница этих звуков состояла в том, что нынешний сопровождался не благоуханием, а отвратительной едкой вонью, что

служил он не красоте, а смерти, и сопровождался не восторженными вздохами, а криками боли.

За несколько секунд отряд Наан, обстрелянный снизу арбалетными стрелами и забросанный ручными гранатами сверху, был частично разбит и полностью деморализован. С десяток окровавленных мертвых тел лежало на земле, остальные бунтовщики, перепуганные, побросав свои клинки, стояли, демонстративно разведя руки в стороны: они сдавались.

Лабастьер и его спутники поднялись на ноги.

— Где Наан? — спросил король, но за звоном в ушах и сам не услышал собственного голоса и повторил громче: — Где атаманша?!

Отозвался Лаан.

— Убита, — кивнул он в сторону. Лабастьер посмотрел в указанном направлении. И сразу же отвернулся. Изуродованное тело бесстрашной самки представляло собой жалкое зрелище...

Тем временем бабочки Пиррона под предводительством Барми связывали пленников, собирали их оружие, возились с телами погибших.

Лабастьер почувствовал, что кто-то позади него перерезает путы на его руках. Флуон лопнул, и король обернулся. Это была Мариэль. Они порывисто обнялись.

— Вы спасли нас от смерти, — произнес король с благодарностью. — Вы вернулись к Пиррону и привели сюда его отряд... Как вы сумели добраться сюда в столь короткий срок? — Он отпустил ее и отстранился в некотором смущении.

— Вместе с остальными я воспользовалась приспособлением, которое они называют «прыжком бескрылых»...

— Ясно, — кивнул Лабастьер. — Пиррон рассказывал мне об этой штуковине... Итак, — обернулся он к Лаану, — как это ни прискорбно, но правительница этого селения убита. Не думаю, что его жители в связи с этим будут очень уж рады нашему визиту. Тем паче что все они, насколько я понял, отменные строптивцы, предпочитающие жить по своему, а не по королевскому закону и даже называют свое селение запрещенным словом «город».

— А я и не позволю вам нанести этот опасный визит, мой король, — безапелляционно заявил Лаан.

— Вот как? — поднял брови Лабастьер. — А как же тогда я сумею установить там порядок?

— Вам все еще мало? Вновь только чудо спасло вас от гибели. А впереди еще полсотни селений. Если вы будете продол-

жать «наводить порядок» в них, вы неминуемо оставите королевство без наследника. Так что настоятельно советую вам, мой друг, заняться этим только после рождения сына и в сопровождении хорошо вооруженного отряда. Такого, как, например, этот. А сейчас, Ваше Величество, — сменил Лаан тон с приятельского на официальный, видя, что король хмурится, — лишь только наши крылья высохнут, мы подобру-поздорову отправимся домой.

— Не слишком ли много ты на себя берешь, брат-махаон? — мрачно осведомился король. — Близость смерти, конечно же, всех сближает и уравнивает, независимо от рангов... Но опасность уже позади. Так вот: я не собираюсь возвращаться домой, не найдя невесты.

— А по-моему, вы уже нашли ее...

— Я не понимаю тебя, друг мой, — отозвался король, несколько опешив.

— Она перед вами, — заявил Лаан, указывая на Мариэль. (Его руки уже были свободны.)

— Наглец! — гневно вскричал Лабастьер. — Мариэль — невеста Ракши, и честь никогда не позволила бы мне...

— Уймитесь, Ваше Величество, — перебил его Лаан, — взгляните-ка лучше сами на этого юношу.

Лабастьер обернулся и увидел, что лицо стоявшего в двух шагах от него связанного Ракши осыпает поцелуями синеглазая Тилия — оружейница, племянница Дент-Пиррона. И тот явно не собирался ей сопротивляться.

— Ракши, вы что, действительно любите эту девушку? — ошарашенно спросил король.

Тилия отпрянула и, наклонившись так, что лица ее Лабастьер теперь видеть не мог, принялась распутывать Ракши руки.

— Моя жизнь принадлежит Мариэль, — произнес Ракши твердо.

— О! Какие же вы все идиоты! — вскричал Лаан. — Мариэль, милая, вы единственная среди них здравомыслящая бабочка! Так помогите мне хотя бы вы! Повторите то, в чем признались мне вечером, когда эти надутые, как шар-птицы, самцы летали за хворостом.

— Я же просила вас молчать, — начала Мариэль укоризненно, — и вы поклялись мне...

— Повторите, — властно потребовал Лабастьер, чувствуя, как кровь бьется у него в висках.

Решительно посмотрев ему в лицо, девушка сказала:

— Я призналась Лаану в том, что люблю вас. Но...

— Никаких «но»! — замахал на нее руками Лаан. — А теперь вспоминайте, мой король, что вы мне говорили прошлой ночью, когда выпили зелья Пиррона! Вы, мой друг, сказали, что, кроме Мариэль, вам не мила ни одна самка на свете, и в связи с этим вы и вовсе намерены навек остаться холостяком. Припомнили?!

По тому, каким сконфуженным стало выражение лица Лабастьера, было абсолютно ясно, что он вспомнил эти свои слова.

— Так-то! — вскричал Лаан и обернулся к Ракши: — Все, другмаака! Забирайте свою Тилию и женитесь на ней.

Синеглазка, закончив распутывать Ракши руки, выпрямилась, и стало видно, что лицо ее сияет озорной радостью.

— Но я поклялся Мариэль... — начал Ракши, однако Лаан перебил его:

— Да не нуждается она в вашей верности! Она любит короля! А клятва... Я, например, только что нарушил сразу две клятвы — Мариэль и королю; но если кто-нибудь посмеет сказать, что у меня нет чести, я немедленно буду драться с ним... Далась вам эта клятва, дружище?!

Ракши и Тилия, Мариэль и Лабастьер обескураженно переглядывались.

— Он прав, — выдавил наконец Лабастьер.

— Он прав, — эхом, еле слышно, отозвался Ракши, глядя на Мариэль, и во взгляде его читалась мольба о прощении. — Я и сейчас готов отдать за тебя жизнь... — Его голос становился тверже. — Да. Но Тилия... Один взгляд, одно слово... Я и сам не знаю, почему это случилось... А когда мы клялись друг другу, мы ведь еще ничего не понимали...

— Он прав! — недослушав экс-жениха, звонко воскликнула Мариэль и кинулась на шею... Лаану. А еще через мгновение его уже зацеловывали обе самки.

Лабастьер и Ракши глянули друг на друга и, внезапно расхохотавшись, обменялись рукопожатием. Все еще смеясь, Лабастьер огляделся по сторонам.

Оставшиеся в живых бойцы правительницы Наан сидели на земле — связанные, с намоченными крыльями. Рядом стояли бабочки Пиррона. И все — и друзья, и враги, — затаив дыхание, с любопытством прислушивались к разговору монарха и его сотоварищей.

— Вот так представление мы устроили! — покачал головой Лабастьер. — Скажем прямо, мы выбрали не самые подходящие время и место для решения своих сердечных проблем...

— Я вообще не понимаю, зачем надо было сюда тащиться, — с напускным недоумением заявил Лаан, которого самки наконец оставили в покое. — Я ведь, Ваше Величество, сразу, еще на хуторе у Мариэль, сказал, что вашей женой должна быть именно она.

— Ладно, ладно, — усмехнулся король. — Только не рассчитывай, что я теперь буду день и ночь благодарить тебя. Ты ведь уже заработал свой выигрыш, заполучив ее в диагональ.

Тем временем Тилия в радостном порыве прижалась лицом к плечу Ракши, а Мариэль взяла Лабастьера за руку и заглянула ему в лицо. Ее взгляд был полон удивления и радости:

— Ваше Величество, неужели я действительно стану королевой? А я-то думала, что мне всю жизнь придется прятать свою любовь и довольствоваться тем, что вы где-то рядом...

— А я, — посерьезнел Лабастьер, — я спрятал свое чувство так глубоко, что лишь сейчас, под натиском этого плута, — кивнул он на Лаана, — впервые признался в нем сам себе...

Заря поднималась над лесом на противоположном берегу речки. Первые ее лучи, пробиваясь сквозь листья и становясь от этого лиловыми, тронули и согрели тех самых бабочек, которые сперва убивали друг друга, а затем с не меньшим увлечением наблюдали за мелодраматическим развитием в отношениях короля и его друзей...

Лаан, покопавшись в сваленном в кучу оружии, нашел кинжал короля, свою саблю и шпагу Ракши. Раздав оружие, он встряхнул крыльями, проверяя, насколько они высохли.

— Ха! А чешуйки-то держатся! — сообщил он. — Как родные. Минут через двадцать уже можно будет лететь. Как там наши сороконоги? Небось, бедняги, отчаянно перепугались и уже не надеются, что мы вернемся.

Но судьбы подданных беспокоили Лабастьера значительно больше.

— Мне жаль, что это утро, утро великой радости, кому-то принесло смерть, — покачал он головой. — Сколь бы преступна ни была предводительница этих несчастных, отдадим ей должное: она была отважной и по-своему честной самкой. Надо освободить их, — кивнул он в сторону пленников.

— Когда полетим, тогда и развяжем им ноги, — ворчливо возразил Лаан. — И запомните! — обратился он к пленникам, грозно

сведя брови. — Его Величество еще вернется! Сразу, как только эта достойнейшая самка, — указал он на Мариэль, — родит ему наследника. А она сделает это, и очень скоро, помяните мое слово. Так что, злодеи, навести у себя порядок советую вам самим, загодя.

— И похороните погибших со всеми подобающими героям почестями, — добавил Лабастьер. — Такова воля вашего короля.

Обратный путь.

«Прыжки бескрылых» у бойцов отряда Пиррона закончились, еще когда они мчались спасать короля и его друзей, так что сейчас все летели самым тривиальным образом.

Добравшись до места, где были вынужденно брошены сороконоги, Лабастьер обнаружил, что зря за них беспокоился Лаан. Оказалось, к ним еще на тот путь был приставлен самец маака из селения Пиррона, и животные выглядели сытыми и вполне довольными.

— Это место теперь твое, Мариэль, — великодушно заявил Лаан, указывая на седло Умника позади короля.

— Но к Ракши, я думаю, сядет Тилия, — возразила та, — как же тогда вы? Лучше будет, если...

— Лучше будет, если ты раз и навсегда перестанешь мне перечить, — прервал ее Лаан. — Не забывай, я уже почти что сомуж короля, и строптивости в нашей семье я не потерплю!

При этом он так подмигнул ей, что Лабастьер, соскочив с сороконога на землю, хотел немедленно как следует отдубасить его. Но тот взмолился:

— О, простите меня, Ваше Величество. Я заговариваюсь от счастья... А глаз, глаз подергивается от волнения... — Заметив, что гнев короля больше напускной, чем взаправдашний, он сварливо добавил: — И, между прочим, не надо лишать меня последних сил, которые я берегу для полета; путь-то предстоит неблизкий! Правда ведь? — обратился махаон к Умнику, и тот всем своим видом подтвердил верность его слов.

Махнув рукой и стараясь не рассмеяться, король вспорхнул обратно в седло. Да и мог ли он сердиться на друга всерьез?

Далее две пары влюбленных двигались верхом, а отряд Пиррона и присоединившийся к нему Лаан сопровождали их по воздуху. Бежать сороконоги способны значительно быстрее, чем могут лететь бабочки, но чтобы не приходилось никогс поджидать, наездники сдерживали животных и время от времени, чтобы летящие могли отдохнуть, устраивали короткие привалы.

Иногда остановки были и вынужденными: когда перед сороконогами возникали те или иные преграды. Тогда отряд, подоспев, по очереди переносил перепуганных зверей через овраг или ручей, и они продолжали путь.

Во время одной из таких передышек Лабастьер перекинулся несколькими словами с синеглазой Тилией. Конечно же, она была очень мила, но... Его несказанно забавляла мысль о том, что эту самку Ракши предпочел самой Мариэль, и ему очень хотелось понять, как же такое могло произойти.

— Я думаю, дорогая Тилия, вы сделали завидный выбор, — обратился король к девушке. — Я обещал Ракши и Мариэль, что они отправятся со мной в столицу и останутся при дворе. Теперь это распространяется на вас, и я надеюсь, вы не откажетесь от этого предложения. С Ракши мы знакомы совсем недавно, но благодаря ряду качеств я уже включил его в число своих лучших друзей. Он смел и благороден, добр и великодушен...

— Мне не нужно расхваливать его, Ваше Величество, — мягко остановила короля самка, — это было бы пустой тратой вашего драгоценного красноречия. Мне было достаточно нескольких минут общения с ним, чтобы понять, что мы рождены друг для друга.

— О да, понимаю, — кивнул головой Лабастьер, — то же случилось и со мной, когда я увидел Мариэль. И все-таки, если бы не Лаан...

— Кроме вашего друга, мы должны благодарить и удивительное стечение обстоятельств, — возразила Тилия. — На балу Пиррона мы с Ракши и словом не перемолвились о своих чувствах. Его удерживала честь, а меня — гордость. Лишь известие о том, что он вместе с вами находится в смертельной опасности, вывело меня из состояния меланхолии, в которое я впала сразу, как только вы нас покинули. Ведь я была уверена, что больше никогда не увижу того, кого полюбила больше жизни. А если бы я не занималась оружием, меня бы не взяли с собой, и тогда... Все это похоже на чудо.

Тихий смех Мариэль заставил Тилию и Лабастьера обернуться.

— Там, где любовь, там и чудо, — улыбаясь, сказала та, — простите, что я невольно услышала конец вашей беседы. Меня послал за вами Ракши: в седельной сумке Ласкового сохранился последний сосуд с «напитком бескрылых», и мы посчитали, что это очень кстати. В нашем селении помолвки принято отмечать несколькими глотками... Все уже приготовлено.

10

«О взгляни, гусеницу несет муравей,
Разве он, Первобабочка-Мать,
Не прекрасен в своем неустанном труде,
Пусть он и не умеет летать?»
Улыбнулась она: «Это нужно, скорей,
У поклажи его узнать».

«Книга стабильности» махаон,
т. IX, песнь XXII; дворцовая
библиотека короля Безмятежной
(доступ ограничен)

И это было только начало праздника. Бал, который устроил Дент-Пиррон в честь того, что король нашел-таки наконец невесту, а также в честь своей племянницы, которая должна в ближайшее время стать придворной, был еще более роскошен, нежели давешний. Конечно же, все были слегка шокированы неожиданной перетасовкой в компании короля, но, во-первых, такой исход устраивал всех, а во-вторых, он придавал веселью некий особый налет авантюрности и бесшабашности.

Праздник, сопровождаемый обильными возлияниями, танцами и фейерверками, длился двое суток, на третьи же вновь настало время расставания. До самого края селения король и его спутники шли пешком, сопровождаемые толпой восторженных подданных. Боевой отряд Дент-Пиррона был тут же, по поручению правителя он подрядился сопровождать короля до самой столицы.

Свою лепту в это решение внес и Лаан, заявив: «Вы поедете в седлах, а я, выходит, один буду по небу лететь?!» Но как раз эта-то проблема была решена моментально: услышав слова Лаана, к его великому восторгу, Пиррон тут же подарил ему великолепного молодого сороконога по кличке Прорва.

— Он любит поесть почти так же, как я, — объяснил Дент-Пиррон происхождение этого имени и заверил: — Но у него-то это от молодости и быстро пройдет.

Прощаясь, правитель селения отозвал короля в сторонку.

— Я — старый толстый махаон, и бояться в этой жизни мне уже нечего, — сказал он. — Потому напоследок хочу заметить вам вот что. Мир меняется. Да, он меняется, мой господин, нравится нам это или нет. И то, что когда-то было единственно правильным для него, сегодня, возможно, ему уже не соответствует или даже мешает...

— О чем это вы, милейший?

— Все о том же, Ваше Величество. Тилия рассказала мне, как нелегко было всем вам расстаться с устаревшими представлениями... А уж как счастливы вы теперь, сделав это.

— Ну и?..

— Я очень рад, что вы сумели так поступить. Это внушает мне надежду. Подумайте, а может быть, и с изобретательством дело обстоит подобным же образом?

— Ах вот оно что. Вы снова за свое...

— Не будь «прыжков бескрылых», не будь того оружия, которое мастерит моя племянница, как я ни пытался отучить ее от этого, вас могло бы уже не быть в живых... Все-все-все, — замахал руками толстяк, видя, что король хмурится, — я вовсе не хочу оказывать на вас давление и не напрашиваюсь на благодарность... Я замолкаю.

— Хорошо, мой друг, — сжав его пухлую ладонь в своей руке, сказал Лабастьер. — Я обязательно подумаю над тем, что вы сказали. И какое бы решение я ни принял, поверьте, моя симпатия к вам безгранична.

Дент-Пиррон выдернул руку и утер со щек внезапные слезы.

— Слышала бы это моя дорогая, моя любимая женушка Дипт-Рууйни, — пробормотал он, качая головой. Затем, шмыгнув носом и не сказав больше ни слова, он повернулся и побрел обратно в селение. Глядя на золотые и серебряные полосы его одеяния, Лабастьер подумал, что на округлом теле махаона эти полосы напоминают раскраску лесных шар-птиц. Может быть, эти цвета вовсе не фамильные? Может быть, просто Пиррону хочется хотя бы внешне походить на то, что способно летать?

За правителем потянулись и остальные провожающие. Причем никто из них не воспользовался крыльями, видя, как расстроен Пиррон, и не желая лишний раз напоминать ему о том, чего он лишен.

...В последнее пристанище последнего т'анга, закованное в камень селение, решили не заезжать. Времени с памятных событий прошло совсем еще немного, и король посчитал, что вряд ли его визит сюда чем-то поможет тем, кто остался жив, и вряд ли также он будет им приятен. Он обязательно собирался наведаться сюда, но несколько позже.

Однако любопытство взяло свое, и, поручив бабочкам из отряда вместе с сороконогами двигаться в обход, Лабастьер и Лаан полетели прямиком над селением.

— Смотри в оба, — предупредил король, — помни о крылодере!

Но предупреждение оказалось излишним. Как ни вглядывались друзья вниз, на мощенных светло-зеленым и бирюзовым кварцем тротуарах они не заметили никаких признаков жизни.

Зато в небе порхало несколько десятков бабочек, и это доказывало, что окончательно жизнь в селении все ж таки не остановилась. Собственно, это и было тем единственным, что хотел выяснить Лабастьер, потому, стараясь не столкнуться ни с кем из жителей нос к носу, разведчики сперва добрались до центра, а затем свернули вбок, так, чтобы быстрее догнать идущий в обход отряд.

— А может, спустимся? — предложил Лабастьер, пролетая над изрезанным вертикальными щелями конусом крыши дворца Дент-Маари.

— Не стоит, — мотнул головой Лаан, — бессмысленный риск.

— А я все-таки склонен не послушаться тебя, брат-махаон, — заявил король. — Хочу посмотреть поближе, как они там.

— Мой господин! — обернулся Лаан, и Лабастьер с удивлением обнаружил, что лицо друга выражает крайнюю степень отчаяния. — Я прошу вас! Ради меня, ради нашей дружбы, летим отсюда как можно быстрее!

— Прости, я не понимаю...

— Я не думал, что это будет так мучительно. Вид этих домов и улиц снова заставил меня вспомнить о раз и навсегда утерянном счастье. Вы не можете и представить... Давайте поскорее покинем это место, чтобы в обыденной суете я поскорее вновь позабыл, как бессмысленна моя жизнь. И поспешим к нашим друзьям, я не удивлюсь, если и с ними сейчас творится нечто подобное.

...Но оказалось, что ни Мариэль, ни Ракши не испытали и тени навалившейся на Лаана депрессии. Простого знания о том, что они находятся где-то поблизости от прежнего обиталища т'анга, все же было недостаточно для этого. Лаан же еще долго был непривычно молчалив и подавлен, а оттаял лишь тогда, когда отряд добрался до гостеприимного селения Мариэль, где он стал любимчиком еще в прошлое посещение.

Он ожил, едва они вышли из зарослей травянистого леса и вдалеке показались сложенные пирамидками светло-коричневые и розовые сферы «воздушного коралла».

— Хей-е! — выкрикнул Лаан и легонько щелкнул беднягу Прорву бичом меж шейных пластин. Молодой сороконог, казалось, только и ждал возможности порезвиться. И припустил он так, что остальным за ним было бы не угнаться при всем желании. Да они и не пытались.

— Бьюсь об заклад, что еще до того, как мы войдем в селение, все его жители уже будут знать и о нашей помолвке, и, главное, о том, что все устроил не кто-нибудь, а Лаан, — оторвал взгляд от удаляющегося друга Лабастьер и, улыбаясь, обернулся к Мариэль. Он чувствовал, что с души его свалился груз. Подавленное состояние махаона очень беспокоило его.

— Он имеет на это право, — улыбнулась в ответ Мариэль, — и хорошо, что обо всем моим соплеменникам сообщит именно он. Они полюбили его. А я как раз ломала голову над тем, как объясню происшедшее отцу Ракши, Дент-Вайару и матерям.

— Думаешь, твои не поймут? Они ведь сами хотели отправить тебя ко мне на смотрины. Хотя я понимаю, о чем ты...

Как и предполагал Лабастьер, стоило сороконогам и крылатому отряду лишь пересечь границу селения, как там их уже встретил рой бабочек, взбудораженных потрясающим воображение известием: королевой все-таки будет их односельчанка...

— Да здравствует король! — раздался выкрик сверху, и Лабастьер с досадой узнал голос Лаана. Но толпа, словно только и ждавшая этой команды, взорвалась радостными возгласами.

Лабастьер покосился на Мариэль. Девушка выглядела несколько напряженной и как будто бы выискивала кого-то в толпе. Не успел он отвести от нее взгляд, как она встрепенулась и несмело помахала рукой. Еще миг, и к их сороконогу опустился и почтительно сложил крылья в поклоне Дент-Вайар. Соскочив с Умника, Лабастьер протянул махаону руку.

— Итак, ваш друг Лаан ничего не преувеличил? — спросил Дент-Вайар, ответив на рукопожатие, и сдержанно кивнул дочери.

— Если он сказал, что ваша дочь будет моей женой, то он сказал истинную правду, — отозвался Лабастьер. — Или у вас имеются возражения?

— Возражения? — усмехнулся махаон. — Вы шутите. Возражения у меня были тогда, когда она отправилась в дорогу с Ракши. Но даже тогда я не говорил лишнего, чтя наши законы, включая закон свободы выбора супруга. Ну а уж теперь... Так ведь ей и было написано на роду. Ее кровный отец и мой со-муж Тиман был уверен в этом... — Дент-Вайар оглянулся на притихших односельчан и сообщил то, чего они ждали: — Все — правда.

И те, встрепенувшись, вновь завопили:
— Да здравствует король!!!
А кое-кто, слегка опережая события, кричал уже и:
— Да здравствует королева!!!

...И все же, как и следовало ожидать, самой трогательной, самой щемящей была встреча молодого короля и его невесты с жителями столицы.

Воздух родины как будто бы встревожил даже шедшего впереди Умника, и он стал заметно оживленнее и резвее. Еще час, два, и в лучах заходящего солнца сверкнул купол Золотого Храма.

— Вот мы и дома, дорогая, — сказал Лабастьер Мариэль со смешанным чувством радости и тревоги. Не случилось ли чего в столице в его отсутствие? Все ли родные живы и здоровы? Как-то встретят его избранницу мать-королева и родители махаоны? — Волноваться настал черед мне, — добавил король, и девушка ответила ему понимающей улыбкой.

Лес поредел, а затем и расступился, и Лабастьер залюбовался открывшимся видом. Вечерело, но освещенность была еще достаточной для того, чтобы виден был каждый цветовой оттенок.

Все здесь соответствовало представлениям Лабастьера о гармонии разума и природы — и листва растений, переливающаяся в спектре от лилового до светло-бирюзового, и разноцветные, но всегда мягкие тона стен жилищ с их куполами, башнями и полусферами. Ажурные каменные замки дворян и ракушечные дома простых жителей не уступали друг другу ни в красоте, ни в изяществе, а то, что первые были крупнее и выстроены из более изысканного материала, ничуть не унижало вторых, а являлось не более чем данью традиции.

— Я не видела ничего великолепнее, — прошептала Мариэль.

— Еще увидишь, — усмехнулся Лабастьер, — когда войдешь внутрь своего дворца. Он выше всех. Вон — зеленые башенки с желтыми гребешками. Как они тебе?

— Это королевский дворец? Да, конечно же, это он. Это настоящее украшение мира... Но Золотой Храм... Я знала, что он велик, но и представить себе не могла, что он огромен до неправдоподобия... Он как будто бы растет из самого центра Безмятежной. И в него можно войти?

— Что ты, — покачал головой Лабастьер. — О том, что это не цельнолитая глыба, говорят только легенды. Ничем снаружи это не подтверждается. В его поверхности нет ни щелей, ни единого отверстия, ни малейшего признака входа.

Он остановил сороконога, чтобы дождаться остальных. Тот в нетерпении недовольно подергивал суставчатыми лапами.

— А вон там, — указал Лабастьер, — видишь, возле дворца, розовое пятно? Это Площадь Согласия.

— Я знаю, — отозвалась Мариэль, — мне рассказывал о ней Дент-Вайар. Она покрыта розовым мхом, и на ней установлена каменная арка-звонница, а в ней — огромный гонг, которым еще Лабастьер Второй созывал всех жителей столицы на общий сход. Так?

— Да. Именно так, — улыбнулся король. — Ты не сказала только про колотушку для гонга, что висит на цепи тут же.

— Ты ударял в него когда-нибудь?

— Ни разу. Но думаю, сегодня — самое время. Мои подданные уже готовятся ко сну, но, уверен, они не будут на меня в обиде.

Слева и справа от Умника остановились Ласковый и Прорва.

— Со счастливым прибытием, мой король! — радостно воскликнул Лаан и, сорвав с головы красный берет, помахал им в воздухе так, словно жители столицы уже летели навстречу искателям счастья, и он приветствует их.

Кивнув, Лабастьер посмотрел на Ракши и Тилию и прочитал на их лицах благоговение.

— Мы будем здесь жить? — недоверчиво произнесла синеглазая самка.

— Будете, — заверил Лабастьер. — И вы будете жить счастливо. Уверен, в столице вы найдете достойную вас диагональ. И любой здесь будет рад породниться с друзьями короля.

В небе зашелестели крылья, это нагнали наездников и повисли над их головами бойцы Пиррона.

— Все в сборе? — скорее констатировал, нежели спросил Лабастьер. — Что ж, двинем, друзья. Нас давно уже ждут.

Низкий раскатистый звон взбудоражил столицу. Со всех сторон сюда стали слетаться возбужденные жители. Ведь прикасаться к гонгу-на-Площади имеет право только король. А значит, Лабастьер Шестой вернулся с невестой!

Небо столицы зажглось сотнями огней. Это спешащие к Площади Согласия бабочки несли в руках праздничные факелы. Добравшись, они приземлялись на розовый мох и приветствовали монарха возгласами неподдельного ликования. Огонь факелов разогнал закатную полутьму, и Лабастьер, не прибегая к ночному зрению, вглядывался в лица подданных, время от времени узна-

вая приближенных ко двору и здороваясь с ними кивком или взмахом ладони. Те, держа в свободных от факелов руках фамильные береты, неистово размахивали ими в ответ.

Но где же Суолия? Где родители-махаоны Дент-Заар и Дипт-Чейен? Лабастьер обеспокоенно оглядывался по сторонам. Задать кому-либо вопрос и расслышать ответ на него в царящем гвалте было просто невозможно. Оставалось ждать и надеяться, что сейчас они все же появятся и заключат наконец своего блудного сына в горячие родительские объятия.

Но первым дождался Лаан.

— Фиам! — вскричал он и взмыл навстречу своей возлюбленной.

Лабастьер разобрал этот выкрик только по губам друга, а Мариэль и вовсе смотрела в другую сторону. Король, взяв ее за руку, указал в небо.

Кто-то из сопровождавших Фиам родственников Лаана взял у нее факел, и она со свободными руками летела к жениху. Вот они слились в объятиях в нескольких метрах от земли, и толпа взревела еще пуще прежнего.

А спустя миг бабочки расступились, образуя коридор, через который, как положено на официальных торжествах, сложив крылья, шествовали члены королевской семьи со свитой.

Не выпуская руки Мариэль, Лабастьер двинулся им навстречу, увлекая девушку за собой.

Пожилой, но так и оставшийся холостым махаон-церемоний-мейстер Жайер поднял сверкающий золотом жезл, и шум моментально стих. Присутствующие замерли, чтобы не только голосом, но даже шелестом крыльев или одежд не нарушить тишину и не пропустить ни единого слова, сказанного друг другу монаршими особами. Жезл не опускался.

— Сынок, — молвила королева Суолия, и улыбка разгладила морщины на ее лице. — Здравствуй, сынок. — Обращение это было вопиющим нарушением этикета, но уже следующая фраза целиком ему соответствовала: — Замок был пуст без вас, Ваше Величество.

— Счастлив видеть вас в здравии, Ваше Высочество — почтительно поклонился Лабастьер. — Я вернулся. И я привез вам дочь.

Королева испытующе оглядела молодую самку, и щеки Мариэль залил румянец. Присутствующие затаили дыхание. Чуть наклонившись, что-то произнесла королеве-матери на ухо Дипт-Чейен. Та, молча кивнув, повернула голову ко второй половине диагонали — махаону Дент-Заару. Тот так же коротко что-то бросил ей.

Королева улыбнулась и вновь перевела свой взгляд на сына.

— Ваши родители считают, что ваша способность совершать выбор делает вам честь, — сказала она и обратилась к Мариэль: — Наш дом принадлежит тебе, милая самка.

Церемониймейстер опустил жезл.

И уж тут толпа взорвалась таким оглушительным, таким неистовым ревом, что, казалось, не выдержат и рухнут стены королевского замка.

Уткнувшись лицом в грудь Лабастьера, Мариэль неожиданно для себя разрыдалась взахлеб. Тот, поглаживая ее волосы, приговаривал: «Что ты, милая, что ты? Я и не сомневался, что ты им понравишься...» Но она скорее всего не слышала этих слов.

...Дни, недели и месяцы летели с ошеломляющей быстротой. Праздники во дворце сменялись один другим. Сначала — грандиозный бал в честь возвращения короля. Затем — бракосочетание «королевского квадрата»: Лабастьера, Мариэль, Лаана и Фиам. Сразу после этого — торжественное принятие присяги Ракши и Тилии, а чуть позже — и их свадьба: подходящая диагональ из именитых махаонских родов действительно, как и предполагал Лабастьер, нашлась для них очень быстро.

И родители Ракши, и родители Тилии, и их многочисленные родственники, в том числе Дент-Пиррон и его диагональ Айния и Бармы, прибыли на эту свадьбу, и от хлопот у короля голова шла кругом.

Но и в промежутках между праздниками Лабастьер Шестой не имел возможности заняться государственными делами: все его дни были расписаны на аудиенции знатным особам, отказать в приеме которым он не мог. Все они стремились лично поздравить его и поближе познакомиться с молодой королевой.

Лабастьера уже начал по-настоящему раздражать весь этот феерический вздор, измотанной выглядела и Мариэль, хотя она и старалась не показывать, что чем-то недовольна, стойко неся бремя навалившейся на нее обязанности быть центром любого торжества. Лишь однажды, отходя ко сну, она заметила, что с первого дня жизни во дворце, получив соответствующий доступ, она мечтает с головой окунуться в недра королевской библиотеки (единственного хранилища свитков на Безмятежной), но до сих пор ни разу даже не заглянула в помещение, где та расположена.

— В чем же дело?! — вскричал Лабастьер. — Давай отправимся туда немедленно!

— От этого посещения я хочу получить истинное наслаждение, — возразила Мариэль, — сейчас же я чувствую себя усталой, у меня мигрень... И я хочу любить тебя, мой король, у нас так мало времени для этого. Или тебе так не кажется?

Конечно же, он не мог с нею не согласиться. В конце концов для знакомства с библиотекой впереди у них была целая жизнь.

От всей этой парадной свистопляски они все чаще, чуть ли не с тоской, стали вспоминать свои недавние скитания по Безмятежной. Приключения, опасности и то упоительное чувство свободы, которое испытывали они, готовясь ко сну в походной шелковой палатке посреди травянистого леса. Это навело Лабастьера на мысль, которая привела к еще одному празднеству.

Собственноручным указом он перевел Ракши в очередную, Пятую дворянскую гильдию, соответствующую голубому цвету берета, и назначил его командиром специального боевого отряда, который формировался для того, чтобы сопровождать короля в его будущих инспекциях своих владений. Тилии, само собой, было предписано отвечать за вооружение бойцов этого отряда... Все это и отпраздновали.

...Только было Лабастьер вздохнул свободно, как Мариэль сообщила ему, что беременна. Конечно же, это было радостью, огромной радостью. Но это сообщение окончательно отодвинуло занятия государственными делами на неопределенный срок.

Надо сказать, что близость с Мариэль была в последнее время тем единственным, что спасало его от помешательства. Их отношения с Лааном и Фиам еще не стали так доверительны в интимном плане, чтобы делить с ними брачное ложе, но сама мысль об этом будоражила воображение Лабастьера и придавала остроту ощущениям, если те притуплялись.

Лабастьеру Шестому всегда была симпатична избранница Лаана — стройная миловидная черноволосая самка-махаон, славящаяся при дворе своим остроумием и независимым характером. Его тешила мысль, что когда-нибудь они с полным на то правом окажутся в одном брачном ложе. Точнее, во флуоновом гамаке огромной опочивальни со слабо фосфоресцирующими зелеными стенами, где большей частью и проходили его любовные игры с Мариэль.

Но теперь, с ее беременностью, все это отодвинулось на неопределенный срок. Так что радость в душе Лабастьера смешалась с досадой. Но он старательно подавлял в себе это эгоистическое чувство. Когда же Мариэль заикнулась о том, что сейчас, возможно, ему самое время напомнить о своих правах Фиам, Лабас-

тьер с негодованием отверг эту идею. «Это было бы нечестно, — заявил он, — у нас с тобой все должно быть поровну!»

В то же время известие о том, что скоро Мариэль подарит ему наследника, заставило его непрерывно думать о том, что же за откровение, что за особая мудрость и благодать снизойдут на него тогда? Или прав Лаан, и это — не более чем традиционное заблуждение, зачем-то культивируемое в королевской семье? Однажды, не выдержав раздумий, он обратился с этим вопросом к Суолии. Само собой, открыв ей при этом и причину своего интереса.

— Итак, мальчик мой, твоя жена скоро подарит нам внука? — Лицо пожилой самки, сидящей в кресле, сплетенном из ветвей урмеллы, выражало удовлетворение. — Что ж, это приятное известие. Ты помнишь, я была против твоего отъезда на поиски невесты, но теперь склонна признать, что ты оказался прав. Мариэль хороша собой, воспитанна, кротка и обладает острым умом. Кроме того, мне докладывали, что о ее таланте исполнять на пирах песенные баллады в народе уже складывают легенды, а это немаловажно: подданные должны не только уважать и бояться короля, они должны восхищаться им... Я и сама с удовольствием слушаю очаровательный голос твоей жены...

— Ваше Высочество, — нетерпеливо перебил мать Лабастьер Шестой (если Суолия могла иногда позволить себе фамильярность с сыном, то он должен был обращаться к ней только сообразно этикету), — уж я-то прекрасно осведомлен обо всех достоинствах Мариэль. Более того, я люблю ее... Но спрашиваю вас я совсем о другом...

— Сожалею, Ваше Величество, — лицо королевы-матери стало непроницаемым, — но при всем желании я не могу удовлетворить ваше любопытство...

— Это тайна?

— Нет. А возможно, что и да. Но мне и самой неизвестна природа этого явления...

— А не выдумки ли все это?

Суолия покачала головой:

— Не думаю. Хотя сама я и не была свидетельницей того, что это истинная правда. Вообще-то вы вовремя затеяли этот разговор, я давно должна была предостеречь вас...

Лабастьер весь превратился во внимание.

— Ваш отец и мой муж, король Лабастьер Пятый, нарушил завет своего деда и снял королевскую серьгу еще до того, как вы вышли из куколки. Я вижу, что с вами происходит сейчас, как изнываете вы под бременем необходимости проводить жизнь в

праздных увеселениях... То же было и с ним, с той только разницей, что отношения между нами были куда более прохладными, чем между вами и Мариэль.

Последняя фраза матери смутила Лабастьера, но он продолжал внимательно слушать ее.

— Потому я и не противилась вашему отъезду, несмотря на грозившие вам опасности, что не хотела, чтобы вы повторили ошибку своего отца и женились на самке, которую не любите. Он же поступил именно так, уступив традиции и выбрав меня — невесту из самого именитого дворянского рода... В результате у него не было той отдушины, которая есть у вас. И он сбежал.

— Сбежал?! — вырвалось у Лабастьера.

— Да-да, мой мальчик. Пока вы были гусеничкой, он находил утешение, играя с вами, когда же вы превратились в куколку, он впал в привычную для него меланхолию, а однажды ночью — исчез. На столике возле нашего ложа он оставил королевскую серьгу и записку, в которой сообщал, что отправляется в инспекцию вверенной ему колонии и поручал Дент-Заару нацепить королевский знак на ваше ухо, когда вы выйдете из куколки и станете бабочкой.

— Да, я помню, он-то это и сделал...

— Также король заверял нас в этом письме, что вернется довольно скоро, — продолжала Суолия с горечью, — но больше мы не видели его никогда. И я убеждена, что его гибель была расплатой за нарушение традиции. Не повторите его ошибки, сын мой.

Лабастьер подавленно молчал. Суолия, невесело усмехнувшись, заговорила снова:

— Ну и наконец, я хотя бы частично удовлетворю ваше естественное любопытство. Как я уже сказала, мне не пришлось быть свидетельницей того, что происходило с моим мужем, когда он снял королевскую серьгу. Но его мать и моя свекровь, королева Биатэ, рассказала мне, что в этой ситуации произошло с ее мужем, королем Лабастьером Третьим Созидателем. «Он стал совсем другим, — говорила она. — Он стал мудрым, предусмотрительным, он, казалось, в единочасье постиг все на свете, стал разбираться во всех вопросах жизни так, словно прожил уже много сотен лет... Правда, он стал меньше любить меня при этом», — всегда добавляла она... Вот и все, что я знаю, сын мой. Я не рассказывала вам ничего этого прежде потому, что не хотела травмировать вас сведениями о недостойном поведении вашего отца.

— Мне очень жаль... — начал было Лабастьер, но Суолия перебила его:

— Не надо. Я давно уже пережила все это и простила его. Ошибкой был наш брак, а его побег был только следствием этой ошибки. Но ошибку эту допустили мы оба... Зато наша диагональ, твои родители-махаоны, оказали мне такую поддержку, о которой я могла только мечтать. И я уже давно не чувствую себя несчастной. Жаль только, что у них нет собственных детей, которые были бы братьями тебе... Признаюсь, меня всегда пугало твое поразительное сходство с отцом, но я убедилась, что сходство это только внешнее. Ты сильнее его. И я надеюсь, что и счастливее.

11

Танцы обезумевших светляков,
Песни безмозглых любовников;
Улитки, вырвавшиеся из оков
Раковин уютных домиков...
Что с миром? Куда он лететь готов?
И как наказать виновников?..

«Книга стабильности» махаон,
т. IX, песнь XXI; дворцовая
библиотека короля Безмятежной
(доступ ограничен)

Время шло, и животик Мариэль стал заметен уже и постороннему взгляду. Ей стало тяжело летать. У Лабастьера Шестого появился прекрасный повод отклонять аудиенции, ссылаясь на недомогание жены, и теперь вместе наедине они бывали почаще. Это было приятно, но иногда и мучительно. Конечно же, Мариэль нередко удовлетворяла страсть мужа тем или иным нетрадиционным способом, но почти всегда после этого между ними возникало чувство некоторой отчужденности, которое они не могли рационально объяснить ни каждый себе, ни друг другу.

Потому, честно и бережно ухаживая за женой дни напролет, по вечерам Лабастьер нередко старался задержаться или в кабинете, или в библиотеке, или в саду. Иногда он проводил время, просто беседуя с Лааном или Ракши, иногда они, попивая «напиток бескрылых», планировали свои будущие экспедиции по Безмятежной... Главное, чего добивался Лабастьер, — чтобы Мариэль уснула, не дождавшись его. Лишь тогда он прокрадывался в спальню и осторожно, стараясь не разбудить ее, ложился рядом.

Однажды, в очередной раз проделав подобный маневр, он тихонько влез в гамак, сложил крылья на одну сторону, укрылся ими и примостился, спина к спине, к спящей жене. Спустя совсем немного времени, раздумывая о Мариэль и о том великом подарке, который она ему готовит, он погрузился в мягкое теплое марево полузабытья. Но мысли продолжали свое бесконтрольное движение, перетекая в сон и становясь все более откровенными и все менее целомудренными. Это было еще не сновидение, а только фантазия на уровне ощущений... Но ощущения эти имели совершенно определенный толк...

И именно в это время, то ли во сне, то ли наяву, Лабастьер почувствовал, как легкие руки самки принялись ласкать его тело, и перевернулся к ней лицом. Губы коснулись любимых губ, а все те же нежные руки направили его возбужденную плоть в горячее лоно...

Лабастьер встрепенулся, проснулся окончательно и увидел перед собой лицо... Фиам.

— Ты?.. — выдохнул он, не в силах заставить себя отстраниться от ее объятий. — Где Мариэль?!

— Я здесь, милый, — услышал он тихий голос жены. — Я хочу этого... Я буду в гостиной.

Час напролет король и самка-махаон тешили друг друга изнурительными и блаженными ласками. В один из редких моментов отдыха Фиам, не без ноток гордости в голосе, заметила: «Хоть мы, маака и махаоны, и живем так тесно вместе, мой милый король, у каждого из наших народов есть особенности традиционного воспитания. Заниматься любовью меня учили тогда же, когда учили читать и писать, — и закончила чуть насмешливо: — А бедняжке Мариэль до всего приходится доходить своим умом».

Лабастьер был вынужден признать ее правоту. «Своим умом» приходилось доходить не только Мариэль, но и ему. Однако в этом совместном с ней постижении премудростей плотских наслаждений имелась масса прелестей, главной из которых было то, что они любили друг друга... Но Фиам вытворяла такое... Чтобы до такого додуматься, им с Мариэль потребовались бы годы. Это просто завораживало.

...Выходя из спальни, Лабастьер облился потом стыда, представив, как и что он будет сейчас говорить Мариэль. А как он завтра посмотрит в глаза Лаану?.. Должен ли он скрывать от него происшедшее или...

Но додумать он не успел, уставившись на открывшуюся ему картину. С ножницами и угольками в руках Мариэль и Лаан ползали по расстеленному на полу гостиной отрезу светло-голубого шелка, явно выкраивая из него комбинезончик с отверстиями для ног, какие в последнее время имеют обыкновение напяливать на своих драгоценных гусеничек благородные столичные самки.

— А! Натешились?! — услышав шорох, поднял голову Лаан и, то ли осуждающе, то ли лукаво, оглядел жену и друга.

— Но я... э-э... — попытался собраться с мыслями Лабастьер, но Лаан перебил его:

— Не беспокойся, — ухмыльнулся он своей бесстыжей обескураживающей улыбочкой, — мы с Мариэль свое еще наверстаем.

Лабастьер хотел было возмутиться, но тут же осознал, что не имеет на это никакого права, и только досадливо хрюкнул. Это заговор, понял он. Заговор самых близких ему во всем мире существ против его упрямой застенчивости. И сопротивляться этому заговору нет ни малейшего смысла.

...Доступная только представителям высшей знати Королевская библиотека, где Лабастьер Шестой с супругой стали проводить большую часть появившегося у них свободного времени, была не слишком-то обширной. В основном здесь хранились свитки флуона с выдавленными на них каллиграфами законами, указами и распоряжениями монархов, начиная от Лабастьера Второго.

Были тут и «летописи», вести которые вменялось в обязанность придворному церемониймейстеру. Тут же наличествовали топографические карты и планы, описывающие исследованную местность, «Гастрономические отчеты» (списки всего съедобного и несъедобного, найденного на Безмятежной), «Реестр дозволенных приспособлений», кое-какая справочная и учебная литература.

Только в специальном отделении, доступ в который имели лишь члены королевской семьи, содержались записи иного характера. Выполнены они были рукой Наан, возлюбленной жены Лабастьера Мудрого, и представляли собой изложение единственной культурной ценности древности, которую та посчитала нужным сохранить для потомков первых колонистов Безмятежной, в то же время засекретив ее. Конечно же, это была «Книга стабильности» махаон.

Шестистишия «Книги», которой Мариэль не на шутку увлеклась, будоражили воображение красотой и часто ускользающим,

но явно присутствовавшим в них смыслом. Однако того, что она в них искала прежде всего — однозначного подтверждения космического происхождения бабочек Безмятежной, она не обнаруживала.

Подавляющее большинство реалий, встречавшихся в «Книге», были прекрасно знакомы ей — звезды, ручей, вода, рыба (так порой называют сельчане волосатого угря), паук, улитка (ракочервь)... Неясным было, правда, что, например, за «паутину» якобы плетет лесной паук и что за «гнезда» строят шар-птицы (или птицы-пузыри, в «Книге» употреблялось только слово «птица», без уточнения), но подобные нелепости Мариэль относила на счет фантазии древних авторов.

Вовсе незнакомыми были слова, явно означавшие неких представителей фауны — «кот», «муравьи» и «светляки», но это абсолютно ничего не доказывало, ведь это могли быть и просто устаревшие названия и имена вымерших или даже сказочных зверей. А наличие в тексте таких неизвестных персонажей-бабочек, как Дент-Дайан, Охотник и Первобабочка-Мать, говорило лишь о том, что «Книга» — осколок чего-то большего, возможно, что и существовавшей когда-то, но погибшей культуры.

Мариэль поделилась этим соображением с мужем, и тот согласился с ней, пойдя при этом в уничижении предков еще дальше, чем она.

— Полная дребедень, — заявил он, оторвавшись от «Реестра дозволенных приспособлений» и выслушав несколько прочитанных Мариэль строф. — Туманно и претенциозно.

— А мне кажется, что-то здесь все-таки есть. И уж точно, это красиво. Вот, например:

Капли влаги — душа дождя, дождя,
Грозный хор их — небесный гром.
У души нет закона и нет вождя,
Но сливается дождь ручьем.
Две улитки пьют из ручья, ведя
Тихий спор. О любви притом.

— Разве это не про нас?!

— Хм, — пожал плечами Лабастьер, — про нас? Про дождь вообще ничего не ясно, а про улиток... Вот уж не думал, что тебе понравится сравнение с ракочервем. Гнусная, надо сказать, тварь... Впрочем, — добавил он, заметив, что Мариэль хмурится, — я в этом ничего не понимаю. Пусть будет про нас... Дай-ка я лучше поцелую тебя.

Выполнив это намерение, он вновь уткнулся в приглянувшийся ему свиток:

— Ты только послушай: «Строго-настрого, под страхом смерти, запрещается создавать устройства, позволяющие читать чужие мысли...» Ха! Выходит, это возможно? Вот же гадость...

Так и бежало их время в ожидании появления сына. (Хоть Лабастьер и с некоторым недоверием выслушал мать-королеву, утверждавшую, что у королей Безмятежной не бывает дочерей, он таки был вынужден признать: действительно, он никогда и ничего не слыхал о самках, в жилах которых с рождения текла бы королевская кровь.)

И этот час настал. Схватки, отошедшие воды... Короля не пускали в комнату, где две пожилые бабочки-маака помогали Мариэль разрешиться от бремени. Волнению его не было границ, он прислушивался к звукам, доносящимся из-за перекрытия, то и дело заставляя замолчать друзей, дежуривших в гостиной вместе с ним...

Эти дни он почти не спал, но все же в тот момент, когда все и произошло, он как раз на миг задремал в плетеном кресле.

— Свершилось, — тронул его плечо церемониймейстер Жайер, выводя из забытья, — королева зовет вас, Ваше Величество.

И он вбежал в комнату, воздух которой был пропитан благовониями, и первое, что он увидел, было бледное, осунувшееся, но словно светящееся изнутри лицо любимой на розовом шелке подушек. Но серые глаза ее были сухими и ясными... И она смотрела на мужа так, словно одержала победу и ожидала от него похвалы.

Он скользнул взглядом... К ее груди, к той самой груди, которой доселе с трепетом касался только он, извиваясь и подрагивая, присосалось продолговатое зелено-коричневое мохнатое существо...

— Как ты? — выдавил из себя Лабастьер Шестой. — Как ты, любимая?

— Мы — в порядке, — ответила ему Мариэль, сделав особый нажим на слове «мы». — А вот ты плохо выглядишь, милый. Тебе надо поспать.

— Спать?! — вскричал король так, словно в его присутствии было произнесено неприличное слово. — Никогда!

Гусеничка вздрогнула и, оторвавшись от соска, огляделась по сторонам.

Тихо засмеявшись, Мариэль приподняла личинку на вытянутых руках:

— Тогда подержите наследника, Ваше Величество, я попробую встать.

— А ей уже можно? — встревоженно спросил король одну из бабочек-повитух, опасливо разглядывая чадо.

— О да, — покивала пожилая самка, — роды королева перенесла прекрасно.

Делать было нечего, и Лабастьер Шестой дрожащими руками принял личинку.

Та, внезапно перестав извиваться, принюхалась, затем, изогнувшись, ткнулась ему в рукав и задумчиво пожевала материю. Потом фыркнула, глянула на отца черными бусинками глаз и вдруг... чихнула и заразительно хихикнула.

И десяток столпившихся за спиной короля приближенных, не удержавшись, расхохотались ей в ответ.

— Да здравствует принц Лабастьер Седьмой! — торжественно провозгласил Лаан и тут же, склонившись к уху короля, заговорщически добавил: — Все как нельзя вовремя. Сегодня Фиам сообщила мне, что настала и ее очередь.

...Пестуемый заботливыми няньками, принц-гусеница быстро рос и набирал в весе. В коротких перерывах между поглощением пищи он, заразительно хохоча, носился или по дворцу, или по внутреннему дворцовому садику, а иногда, под присмотром счастливых родителей, и по розовому мху Площади Согласия. В такие моменты над площадью зависало по нескольку бабочек, с умилением наблюдавших за его проказами.

А выглядел он отменно. Наслаждаясь материнством, Мариэль, не без помощи Фиам и Тилии, то и дело шила ему все новые наряды, а шерстку на тех частях тела, которые не закрывала материя, регулярно расчесывала гребнем из раковины.

Кстати, и Фиам, и Тилия помогали подруге не совсем бескорыстно: решено было, что комбинезончики Лабастьера Седьмого, каждый из которых он одевал лишь по два-три раза, будут «по наследству» передаваться и их будущим чадам. Тем более что выяснилось: беременны обе.

Известный столичный художник, маака Даламо, вызвался вылепить портрет-скульптуру юного наследника престола. Материалом послужила голубая глина с вкраплениями редких камешков, раскрашенная затем во все необходимые цвета. Портрет по просьбе молодой королевы установили в спальне, чтобы она могла любоваться им даже тогда, когда гусеничка станет бабочкой.

Точно такую же скульптуру художник соорудил и для королевы-матери, души не чаявшей во внуке.

— Когда он со мной, — говорила Суолия сыну, — мне кажется, что я вновь стала молоденькой самкой, ведь он точь-в-точь такой же, каким, Ваше Величество, были вы.

А в положенный природой срок Седьмой, внезапно став серьезным и деловитым, соорудил себе в садике дворца кокон и закуклился. Через некоторое время кокон с куколкой с великими предосторожностями был перенесен оттуда в заранее приготовленную для наследника опочивальню.

И вот тут в жизни королевской четы наступило долгожданное блаженное затишье. Только теперь, ожидая появления принца-бабочки, они смогли позволить себе в полной мере насладиться обществом друг друга. Целыми днями они, прогуливаясь, летали по столице, и Лабастьер рассказывал Мариэль обо всем, что связывает его с тем или иным живописным уголком.

А по ночам король на практике показывал жене то, чему научила его Фиам. И Мариэль оказалась способной ученицей. Кроме всего прочего, ей пришлось внять и наставлениям королевы-матери, обучившей ее приемам контрацепции: ведь по традиции короли Безмятежной всегда имели только одного сына.

Возможно, Лабастьер и не позволил бы себе так беззаботно отдыхать, ведь дел в королевстве было невпроворот. Но ведь ждать того дня, когда его должна была осенить обещанная великая мудрость, осталось так недолго, что не стоило пока и браться за что-то серьезное.

И они упивались свободой. Иногда они выводили из стойла мающегося бездельем Умника и верхом мчались за край столицы. Там, вдали от всех, зайдя не слишком глубоко в лес, они вновь занимались любовью, имея возможность взлетать и падать вниз, не разжимая объятий, так, что сердца у каждого из них готовы были выскочить из груди. Никто не мог их увидеть тут, лишь сороконог озадаченно, но с явным интересом поглядывал на них.

Единственное, что поначалу беспокоило Лабастьера, это то, что за ним числился «должок» перед Лааном. Ведь тот теперь находился точно в том же затруднительном положении, в котором был и сам Лабастьер, когда ему на помощь пришла Фиам. Однажды, не выдержав недосказанности, он прямо спросил Мариэль, готова ли та поступить так же самоотверженно, как поступила самка-махаон их диагонали. Конечно же, втайне он надеялся на то, что Мариэль откажется. Но вышло по-другому.

— Ты очень спешишь с этим? — лукаво прищурилась она.

— Я-то нет, а вот Лаан...

— Вспомни, милый, Фиам пришла к тебе не сразу после того, как я забеременела, а только тогда, когда об этом ее попросила я. Предоставь подобные вопросы решать, как это принято, самкам. Когда это будет действительно нужно, она позовет меня...

...Самые беззаботные и счастливые дни в жизни Лабастьера промчались так скоро, что он, как ему показалось, не успел и глазом моргнуть. И вот, призванный церемониймейстером, он уже склонился над только что разорвавшим кокон и с любопытством оглядывающимся по сторонам сыном.

Суолия и Мариэль помогли новорожденному подняться, волглыми шелковыми полотенцами стерли с его кожи остатки слизи и набросили на его плечи просторную белую сорочку до колен.

Церемониймейстер кивнул отцу, и тот, казалось бы, уже давно готовый к этой процедуре, неожиданно разволновавшись, снял со своей мочки серьгу и защелкнул ее на ухе новорожденного.

Юноша вздрогнул от боли и слегка нахмурился, трогая камешек. А Лабастьер Шестой в тот же миг ощутил невыразимую беспричинную усталость, навалившуюся на него.

— Традиция исполнена, — кивнул Жайер.

Присутствующие — Суолия и Мариэль, Дент-Заар и Дипт-Чейен, Лаан и Фиам (точнее, теперь уже — Дент-Лаан и Дипт-Фиам) — переглянулись и, доселе молчавшие, обменялись поздравлениями.

— Без амулета я чувствую себя голым, — нерешительно усмехнувшись, признался Лабастьер Шестой. — Или так, словно у меня отняли часть тела... Что-то мне к тому же нездоровится...

— Вот что поможет вам, Ваше Величество, — молвил церемониймейстер, подавая ему белый берет.

— Ну и как? — спросил Лабастьер, впервые в жизни натянув головной убор.

— Ты неотразим, милый, — с пониманием кивнула Мариэль. — Почти как сын.

...Принц уже научился говорить, а обещанная мудрость к его отцу все не приходила. Король и так, и сяк тестировал свои интеллектуальные способности, но, к своему разочарованию, убеждался, что те не стали ни на йоту выше. Во всяком случае, никаких уж очень необычных мыслей в голову ему не приходило. Пришлось смириться с тем, что легенда оказалась не более чем леген-

дой. Но должен же был молодой король хоть чем-то прославить свое имя среди подданных. К тому же его одолевала беспричинная хандра.

Нужен был подвиг. Принц, как и все новорожденные, имел отменный аппетит. В семьях простых колонистов в этот период самцы непрерывно добывают пищу для своего потомства. Недостатка продуктов в королевских кладовых, конечно же, не было, но Лабастьер Шестой заявил жене, что хочет почувствовать себя настоящим отцом семейства, и назначил королевскую охоту на сухопутного ската.

Предприятие это достаточно рискованное, в давние времена сухопутный скат чуть было не убил электрическим разрядом Лабастьера Второго Мудрого, и, само собой, Мариэль была всерьез обеспокоена этой, как она считала, вздорной затеей мужа. Поддерживаемая Дипт-Фиам и Тилией, мужья которых, конечно же, без уговоров ввязались в эту авантюру, она не уставала повторять, что он не должен рисковать, что именно так и сама она когда-то лишилась родного отца. Но в упрямстве ни один из них не уступал другому, кроме того, в последнее время в их отношениях наблюдалась некоторая отчужденность. И вскоре небольшой отряд охотников, состоящий из шести всадников с копьями на трех оседланных сороконогах и из десятка парящих над ними, вооруженных луками самцов, выдвинулся к окраине столицы.

Целый день они провели в поисках следов зверя, по которым можно было бы найти его логово, и лишь к вечеру обнаружили характерную слизь на траве. Полдела было сделано, и охотники разбили лагерь, установив шатер, с тем чтобы двинуться по следу следующим утром.

...Лабастьер проснулся среди ночи, чувствуя, что на него навалился сильнейший приступ тревоги и страха за свою жизнь. «Наверное, приснился кошмар», — решил он и попытался уснуть. Но тяжесть не проходила. Фантазия, словно подстегиваемая кем-то извне, рисовала ему картины, одну ужаснее другой. То ему грезилась Мариэль и сын, рыдающие над его искалеченным телом, то он представлял, с каким лицом он сообщает Фиам о гибели Лаана, и как та реагирует на это известие. То внутреннее зрение рисовало ему сухопутного ската, но не таким, каков он есть на самом деле, а в образе невиданных чудовищ, столь устрашающих, что перехватывало дыхание и прошибал озноб. Видения эти были неконкретными, как бы размытыми, перетекающими одно в другое, что не делало их менее омерзительными. Но иногда

образ конкретизировался, и Лабастьеру мерещился некогда убитый им старый т'анг.

Липкий пот уже не давал ему даже просто лежать с открытыми глазами, и он осторожно, чтобы никого не разбудить, выбрался из шатра. Он надеялся, что свежий ночной воздух умерит его не на шутку разгулявшееся воображение.

Видения отступили, но страх остался. Ему показался грозным вид огромных холодных, безразличных ко всему звезд, а Дент и Дипт, мерещилось ему, смотрят с небесной выси злорадно и подозрительно. «Да что это со мной такое?! — начал он гневаться на собственное малодушие. — Уж не пришла ли ко мне наконец-то та самая хваленая мудрость отцовства?! Нет уж, увольте. Если она будет заключаться в вечном страхе за свою шкуру, она не нужна мне... Надо взять себя в руки!..»

Но решить это было много проще, чем сделать. Он не находил в себе сил даже на то, чтобы вернуться в шатер, боясь, что дикие образы вновь завертятся вокруг него. Внезапно он впервые в жизни осознал величие, бездонность и безысходность черноты космоса, распростершегося над ним. И осознание собственной беззащитности и одиночества было столь жутким, что даже пересилило прежний страх, и он поспешно забрался в шатер.

«Я болен! — осенило его. — Я просто-напросто болен!» Но легче от этого не стало, и Лабастьер понял, что терпеть все это и дальше без чьей-либо поддержки он уже не в силах.

Он разбудил Лаана и сбивчиво рассказал ему то, что с ним происходит. Лаан слушал его озабоченно и с обидным, чуть ли не презрительным сочувствием. Он потрогал королю лоб.

— Жара нет, — констатировал он. — Но все-таки, думаю, вы действительно захворали, мой господин.

— И что же теперь делать? — спросил Лабастьер так жалобно, что стало противно самому.

— Не мне решать. На то есть придворный лекарь, — пожал плечами махаон. — Но полагаю, поход наш продолжать не следует. Даже если страх и отпустит вас, болезнь способна притупить вашу реакцию, и охота может и в самом деле закончиться плохо. Как только взойдет солнце, двинемся в обратный путь.

— Охоты не будет?! — воскликнул Лабастьер, силясь изобразить разочарование, но, несмотря на его старания, в голосе явственно прозвучали радость и облегчение.

— Конечно же, нет, — успокаивающе заверил его Лаан. — А сейчас давайте попробуем заснуть.

— Только не рассказывай остальным, что со мной стряслось, ладно? — попросил Лабастьер, послушно укладываясь на свое место... И тотчас же, не успев даже услышать ответ, забылся глубоким сном.

Потерянный вид и нездоровая бледность короля послужили несомненным подтверждением его хвори, и охотничий отряд бесславно отправился восвояси. На самом же деле король чувствовал себя вполне нормально, лишь слегка не выспавшимся, но мысль о том, что поиски сухопутного ската можно было бы и продолжить, отдавалась в его сознании неизъяснимым отвращением.

Весь обратный путь Лабастьер Шестой мучился вопросом, что же такое с ним творится. Мало-помалу он пришел к выводу, что если он и болен, то болезнь эта душевная.

Мысль эта не давала ему покоя и дома. Все ему стало не в радость — ни ласки жены, ни успехи принца, который уже перестал заботиться только о своем желудке и сейчас с той же жадностью, с которой еще недавно набрасывался на еду, поглощал знания и навыки, даваемые ему репетиторами.

Внимательно прислушиваясь к себе, король заметил и новые признаки психического расстройства. Так, например, нередко ему вдруг начинало казаться, что некоторые его мысли и ощущения принадлежат вовсе не ему, а кому-то другому, и в то же время этот «кто-то» как бы смотрит на него со стороны.

Порой, когда он оставался в полном одиночестве, а он все чаще стал испытывать в этом необходимость, ему вдруг начинало чудиться, что в помещении находится кто-то еще. Ощущение было столь четким, что он, прекрасно понимая бессмысленность этого занятия, принимался за поиски того, кто за ним «подглядывает», но, конечно же, никого не находил. Иногда, усевшись против зеркала, он часами всматривался в свое отражение, и ему казалось, что и во внешности у него появилось нечто чужеродное, и что сейчас он выглядит совсем не так, как выглядел раньше. Но в чем конкретно разница между ним прежним и нынешним, он уловить не мог...

Положение усугублялось еще и тем, что, избегая общения, Лабастьер Шестой испытывал жгучий стыд за свой недуг перед женой и чувство вины перед сыном, которому именно сейчас так требовалось его общество. Но если юный принц еще не был способен понять, что его отец ведет себя неправильно, то глаза Мариэль постоянно выдавали ее...

* * *

Все это длилось уже около месяца, когда однажды он, проснувшись среди ночи, с кристальной ясностью осознал, что превратился в никчемную обузу для окружающих. Как ни осторожны, как ни предупредительны они с ним, как ни боятся показать, что отчетливо видят все его постыдные странности. И он подумал, что, как бы они его ни любили, все они, наверное, ощутят некоторое облегчение, если его не станет. Ведь любили-то они прежнего Лабастьера, а не того, каким он стал сейчас.

Тут же у него возникла и другая мысль. Он подумал, что, по-видимому, его болезнь — наследственная, и в свое время его отец покинул дворец и отправился в добровольное изгнание, а возможно, и на поиски смерти, испытывая те же чувства. Лабастьер Пятый нашел в себе мужество поступить таким образом... А значит, найдет в себе мужество и он, Лабастьер Шестой.

Но сделать все это надо так, чтобы принести по возможности меньше боли близким. Король с горечью подумал, что семья его отца не сумела оценить принесенной им жертвы, не оценят и его поступка Мариэль, принц и махаон диагонали. Но он отбросил эту малодушную мысль и принялся за выбор способа самоубийства. Как это ни странно, занятие сие доставило ему некое извращенное наслаждение.

Уехать в лес и там перерезать себе вены? Это больно, а главное, как-то «не чисто»: если его найдут, его тело будет лежать в луже крови, обглоданное мелким зверьем...

Подняться как можно выше, а затем, сложив крылья, рухнуть вниз, как некогда это сделала Жиньен, дочь правителя Дент-Маари? Нет, он так не сможет. Трудно себе представить, что при этом крылья все-таки инстинктивно не расправишь. К тому же можно ведь и выжить, оставшись калекой...

Яд? Изготовление ядов — преступно. Не следует королю уходить из жизни незаконным путем, давая дурной пример подданным...

В итоге раздумий самой надежной и достойной ему показалась традиционная смерть несчастных влюбленных: повешение с предварительным обрезанием крыльев... Встать на спину сороконога, накинуть на шею петлю привязанной к ветке верви, а затем криком «Хей-е!» отогнать животное в сторону...

Да, это лучшее, что можно придумать. Мило и благородно. А главное — вдали от дома.

Его охватила лихорадочная жажда деятельности в избранном им гибельном направлении. Все нужно проделать быстрее — сейчас же, пока не передумал... Отец оставил записку, я тоже сделаю это...

Лабастьер сел и посмотрел на Мариэль. Даже в зеленоватой гамме ночного зрения она была прекрасна. У него защемило сердце. Он дал ей так мало счастья... Хорошо еще, что родился принц, он хоть немного утешит ее... Может быть, хотя бы у того никогда не проявится эта странная наследственная болезнь...

Лабастьер наклонился и осторожно, чтобы не разбудить, поцеловал жену в прохладный лоб. От жалости к ней и к себе к горлу подкатил комок, но Лабастьер проглотил его. Он уже начал спускать ноги с гамака, когда внезапно его остановил отчетливый голос:

— *Ладно, хватит, успокойся.*

— Кто здесь?! — воскликнул король, озираясь.

— *Чего орешь?* — отозвался ГОЛОС. — *Жену разбудишь.*

— Кто ты? Где? Я не вижу тебя!

— *А может, я невидимый?* — ехидно откликнулся ГОЛОС.

— Если ты немедленно не скажешь мне, кто ты и где прячешься, клянусь, я убью тебя, кем бы ты ни оказался! — угрожающе крикнул король в пустоту и схватил с тумбочки кинжал.

— *Сначала найди,* — ответил ГОЛОС и саркастически хохотнул.

— Я понял, — потер лоб Лабастьер. — Тебя нет. Ты мой бред, видение, очередная галлюцинация...

В этот момент Мариэль заворочалась во сне и открыла глаза.

— С кем ты разговариваешь, милый? — встревоженно спросила она.

— Тебе показалось, — заверил ее Лабастьер, пряча кинжал и укладываясь обратно головой на подушку. — Просто что-то не спится.

— А-а, — протянула Мариэль и, вновь смежив веки, добавила что-то неразборчивое.

В этот момент ГОЛОС тихо-тихо сказал:

— *Пойдем-ка в библиотеку.*

— Ты там? — так же тихо спросил король.

— *Ага,* — язвительно подтвердил ГОЛОС, — *и ору там во все горло, ты аж здесь слышишь.*

Лабастьер уже и сам понял бессмысленность своего вопроса, а ГОЛОС добавил:

— *Вот же болван. Иди давай в библиотеку, там разберемся.*

12

Встать пытался, но ветер подул, подул,
Ветер даже сидеть не дал;
Лег и тут же услышал подземный гул,
Он об этом другим сказал.
И когда огонь этот мир встряхнул,
Всякий был готов. Всякий знал.

«Книга стабильности» махаон,
т. XXV, песнь I; дворцовая
библиотека короля Безмятежной
(доступ ограничен)

Лабастьер подчинился. Стоило ему перешагнуть порог библиотеки, как ГОЛОС заявил:

— *Болван, неужели ты до сих пор не понял, что я разговариваю с тобой мысленно?*

И король моментально осознал, что именно так дело и обстоит. ГОЛОС сразу показался ему каким-то необычным, но в чем заключается его странность, он понял лишь сейчас: у ГОЛОСА не было голоса! Он звучал прямо в голове!

— То есть я действительно сошел с ума? — подвел итог Лабастьер.

— *Ну конечно,* — согласился ГОЛОС. — *Нет ни малейшего в этом сомнения. Сошел с ума. Свалился с него. И не ушибся, благо невысоко было.* — ГОЛОС вновь паскудно хохотнул своей громоздкой шутке.

Пропустив очередную издевку мимо ушей, Лабастьер обреченно покачал головой.

— Я понял. Теперь в моей голове живут двое: я и ты...

— *А вот и не угадал,* — весело сообщил ГОЛОС.

— Так где же ты есть?! Кто ты?! — чуть не плача, вскричал Лабастьер.

— *А какой мне смысл тебе это объяснять, если ты уже поклялся, что прирежешь меня?* — риторически заметил ГОЛОС.

— Беру свои слова обратно.

— *Выходит, невелика цена твоего королевского слова... А?*

Тут Лабастьер подумал, что заставит ГОЛОС замолчать, если перестанет вести с ним диалог. И не отозвался.

— *Полный болван,* — заявил ГОЛОС. — *Раз я с тобой мысленно общаюсь, значит, и твои мысли читаю. Ты можешь не разговаривать со мной, но не думать-то не можешь.*

И тут Лабастьера захлестнула волна отчаяния. Давешняя идея самоубийства стала еще более актуальной. Не может же он продолжать жить, когда в его голове завелось это мерзкое ехидное существо. И медлить нет уже никаких сил. Лабастьер выдернул кинжал из ножен и, держа его двумя руками, нацелился в сердце.

— *Стой, стой, стой!!!* — завопил ГОЛОС торопливо и испуганно. — *Подожди еще чуть-чуть!!! Я тебе все-все сейчас объясню! Прости меня за дурацкую игру! Ты совершенно здоров, а я живу не у тебя в голове, а совсем в другом месте!*

У Лабастьера не было ни малейшего повода поверить этим словам. «Все правильно, — подумал он, лишь чуть помедлив, — когда я покончу с собой, эта тварь, которая сидит во мне, умрет тоже. А умирать ей неохота...» Мстительно усмехнувшись, он уже готов был нанести себе смертельный удар, когда ГОЛОС завопил снова:

— *Я — твой дядя Лабастьер Четвертый! Брось, пожалуйста, кинжал...*

Заявление было настолько диким, что пальцы короля разжались сами собой, и он действительно выронил свое оружие. Его дед, Лабастьер Третий Созидатель, и в самом деле, вопреки традиции, детей производил на свет дважды. Потому что его первенец, Лабастьер Четвертый, умер куколкой, даже не став бабочкой.

Король бессильно повалился в кресло и истерично хохотнул. Сумасшествие дошло до предела. Он разговаривает с мертвецами...

— *Никакой я не мертвец,* — обиженно возразил ГОЛОС. — *Не умер я. И не собираюсь. Со мной стряслась другая беда. Я закуклился, а бабочкой и впрямь так и не стал. Я стал ДУ-МА-ТЕ-ЛЕМ, знаешь ты, что это такое?.. Не знаешь.*

— Бред, бред, полный бред, — раскачиваясь в кресле взад и вперед, бормотал Лабастьер Шестой.

— *Это не бред, это истинная правда. А общаемся мы с тобой мысленно потому, что я, как и все мы, Лабастьеры, телепат. Знаешь, что это такое?.. Опять не знаешь.*

— Знаю, — возразил Лабастьер, слегка приходя в себя. — О телепатии я читал в «Реестре дозволенных приспособлений» Лабастьера Второго, — ткнул он пальцем в сторону книжной полки.

— *Ну вот!* — обрадовался ГОЛОС. — *На Безмятежной мы, Лабастьеры, единственные телепаты. Когда наш прародитель Лабастьер Первый отбирал на Земле личинок колонистов, он об этом*

позаботился, так как не хотел, чтобы в новом мире этим искусством владел кто-то, кроме него. Это одна из причин, почему мы, Лабастьеры, носим королевское звание... Но ты не мог об этом знать, потому что эту нашу тайну тебе должен был открыть только твой отец, мой брат. Сережка, которую ты всю жизнь таскал в ухе, — это специальный прибор, который уничтожает телепатию. Твой отец открылся бы тебе и передал тебе свою мудрость, лишь когда дождался бы внука, тому бы перешла сережка, и вы с отцом оба были бы способны к телепатии... Но твоего отца нет в живых. Хорошо еще, что на свете есть я. Я еще многому тебя научу.

Лабастьеру Шестому начало казаться, что при всей фантастичности происходящего то, что сообщает ему ГОЛОС, не лишено некоторой логики и смысла. И тут он вспомнил свое самое первое в жизни ощущение, которое он испытал, когда только-только стал бабочкой. Словно кто-то приветствовал его... Неужели?..

— Точно! Это был я, — подтвердил ГОЛОС. *— Я тогда так обрадовался, что ты родился. Ведь у меня нет ни ушей, ни глаз, и единственная возможность общаться с миром у меня — через родственников-телепатов. Сначала это был мой дед, Лабастьер Второй. Потом и отец, но только когда родился мой братец, и он снял сережку. Но умер и он, и я снова оказался в тюрьме своего безглазого и безухого тела. Затем сережку снял твой папаша, когда сбегал от жены. Как я обрадовался! Да и он тоже, ведь он обрел брата, а я вновь обрел целый мир. К тому же я очень много знаю, во мне скопилась вся информация, которую Лабастьер Второй вывез еще с Земли. Я очень многое рассказал твоему отцу, очень многое показал, я ведь умею передавать и зрительные образы.*

Мы отправились в путешествие по Безмятежной, как это было здорово! Но совсем не долго. Его убил и сожрал тот последний т'анг, которого недавно уничтожил ты. Правда, я-то при этом испытывал дикое блаженство, но сразу после этого — провал, тишина и пустота. Пока не родился ты. Но только я выглянул в мир твоими несмышлеными глазами, как этот идиот церемониймейстер нацепил тебе сережку. И снова — годы глухоты и слепоты. Я не знаю, как я не свихнулся. Так уж не удивляйся, племянничек, что характер у меня не ахти.

— Почему же ты не объявился сразу, как только сережку снял я?

— Ну-у... Понимаешь... Хотелось немножко поблаженствовать бесконтрольно. И только когда ты затеял эту охоту... Я так перепугался, что повторится история с твоим отцом...

— *И когда мы с Мариэль...* — уже приспосабливаясь к новому методу общения, мысленно начал вопрос Лабастьер Шестой.

— *Да, конечно,* — не дожидаясь окончания, самодовольно ответил Лабастьер Четвертый, думатель. — *Не сердись, я больше не буду.*

— *И этот ужас на охоте тоже внушил мне ты?!*

— *Кто ж еще...*

— *И видения...*

— *Получи!*

Лабастьер вздрогнул от того, как явственно перед его взором возникло изображение т'анга, тянущего к нему свои отвратительные тоненькие бессильные лапки с клешнями, и пахнуло зловонием из клоаки... И вдруг короля захлестнула волна счастья и боли... И все это моментально закончилось.

— *То, что я тебе сейчас показал, — последнее, что видел твой отец.*

Лабастьера передернуло, он с трудом отходил от испытанного. «Да-а, ну и родственничек у меня объявился», — подумал он, переводя дыхание.

— *Не сердись, я же сказал, я больше не буду,* — заверил думатель виновато. — *И я научу тебя, как от меня «отключаться».*

— *Чтобы поверить во все это, я должен увидеть тебя собственными глазами,* — заявил король мысленно.

— *Вообще-то ты уже поверил. Но почему бы и нет? Это можно устроить, племянничек. Я коротаю свою несчастную жизнь в космическом корабле, который вы называете Золотым Замком. В отсеке для личинок колонистов.*

— *Ерунда! В Золотой Замок нет входа.*

— *Есть. Под землей. О нем знает только церемониймейстер. Этот идиот меня и кормит. Между прочим, не слишком-то сытно...*

— *Еще вопрос,* — не обратив на жалобу внимания, продолжил мысленное общение Лабастьер Шестой. — *Зачем была придумана вся эта сложная система с передачей сережки? Ведь именно из-за нее возникло столько неудобств.*

— *Для того, чтобы ты, например, вырос нормальной бабочкой. Если бы не было этой сережки, сознания всех Лабастьеров были бы переплетены всегда, мы превратились бы в совсем другое существо. Так уже случилось на Земле, откуда мы все сюда прибыли. И это привело к полной ее деградации. Бескрылые, создавая нас, воплотили две главные мечты своей расы: способность летать и способность*

читать мысли. Последнее чуть было нас не погубило. Если хочешь, я сейчас расскажу тебе все это...

— Нет, нет, — перебил думателя Лабастьер, для усиления своей воли воспользовавшись голосом. — У меня уже и без того голова пухнет. — Он замолчал и продолжил мысленно: — *Ты обещал научить меня отключаться. Я хочу сделать это именно сейчас и продолжу общение с тобой, лишь убедившись, что ты и правда есть.*

— *Так сразу отключиться не получится. Нужно долго тренироваться. Месяцы.*

— Но я не хочу, чтобы ты всегда сидел в моей голове! — снова вслух вскричал король.

— *Только скажи, и я исчезну сам до положенного срока. Что-что, а чувство времени у меня отличное. К тому же тогда ты быстрее убедишься в том, что я — не галлюцинация. С галлюцинацией нельзя договориться, чтобы она исчезла до назначенного времени, ведь так?*

— *С какой это стати ты такой сговорчивый?*

— *А кто тебя, дурака, знает? Я ведь совершенно беспомощное физически существо и теперь полностью нахожусь в твоей власти. Возьмешь да и прикончишь меня, чтобы меньше было проблем.*

Лабастьер Шестой даже покраснел от негодования за то, что его заподозрили в таком вероломстве. Но сказать ничего не успел, так как думатель, уловив его чувства, немедленно сгладил свою бестактность:

— *Виноват, виноват. Я же сообщал уже, что характер у меня отвратительный. Я не хотел тебя обидеть.*

Почти успокоившись, Лабастьер Шестой продолжил:

— *Но если ты, как ты говоришь, «отключишься», ты ведь все равно будешь смотреть моими глазами, слушать моими ушами, копаться в моих мыслях; а я не хочу этого.*

— *Ох и зануда же ты, племянничек... Знал бы ты только, как это противно, лежать бревном, не чувствуя ничего, кроме запахов и вкуса еды, когда к тому же и то и другое довольно однообразно... Но я понимаю тебя. Ко всему, что ты сегодня узнал, привыкнуть трудно. Надо дать тебе отдохнуть. Открою тебе секрет: мое присутствие в твоем сознании не проходит для тебя даром. С непривычки ты чувствуешь его как некую подавленность, беспричинную усталость. К этому чувству легко притерпеться и не замечать его, если только захотеть. Но сейчас, когда ты обо всем узнал, ты сразу почувствуешь, когда я уйду из твоего сознания, и почувствуешь, когда я вернусь.*

— *Точно?*

— *Сейчас ты убедишься в этом. Только скажи, когда мне можно будет вернуться?*

— *Завтра в полночь.*

— *О-о, почти сутки!* — Даже мысленно это восклицание воспринималось как стон. — *Ладно. Что мне толку ныть? Все равно ты никогда не поймешь, как это жестоко... До встречи.*

И в тот же миг Лабастьер Шестой ощутил такое облегчение, такую эйфорию, какой он еще никогда не испытывал. Словно с каждой клеточки его тела убрали постылый груз, словно из его ушей вынули флуоновые пробки, а с глаз спала невидимая пелена, лишавшая мир красок. Ничего вроде бы не изменилось, но в то же время изменилось все. К нему вернулась радость жизни, которую он потерял, сам не заметив, когда. Хотя теперь-то он знал, когда: в тот миг, когда снял с уха волшебную серьгу.

— Прекрасно! — вскричал Лабастьер. — Как мне хорошо! Эй ты! Ты меня слышишь?!

Но думатель, конечно же, не отозвался.

Лабастьер Шестой вскочил с кресла... И остолбенел, встретившись взглядом со стоявшей на пороге библиотеки Мариэль, которую он до сих пор не замечал. Глаза ее были полны тревоги.

— Что с вами, Ваше Величество?! — спросила она чужим голосом. — С кем вы разговариваете тут?.. — Кроме беспокойства, в голосе ее звучали нотки жалости и даже презрения.

«Ну еще бы! — моментально оправдал ее для себя король. — Ведь с момента превращения принца в бабочку я вел себя как форменный негодяй! Я совсем не любил ее, а все тяготы по воспитанию сына взвалил на ее плечи. А потом еще малодушно удрал в лес охотиться на ската, затем еще более малодушно вернувшись...»

— Милая, — шагнул он к ней, раскрывая объятия, — милая, как же я люблю тебя!

Она отшатнулась, но он поймал ее и прижал к себе.

— Прости меня за все те неприятности, которые я доставил тебе. Когда-нибудь я все объясню. Теперь я снова тот, кого ты любила... Отныне наша жизнь пойдет совсем по-другому...

Она перестала сопротивляться, только внимательно вгляделась в его глаза. И неизвестно, чего в ее взгляде было больше — радости или испуга.

* * *

Ночь пролетела в любви.

Проснувшись далеко за полдень, Лабастьер Шестой немедленно вызвал к себе церемониймейстера.

— Это правда, мой дорогой Жайер, что в Золотой Замок есть вход из-под земли?

— Правда, Ваше Величество, — подтвердил тот, и при этом ни один мускул не дрогнул на его изборожденном морщинами лице.

— Почему же ты не сказал мне об этом раньше?

— Вы не спрашивали меня об этом, Ваше Величество, — все так же невозмутимо отозвался старый махаон.

— А ты не считаешь, что я должен знать все, что происходит в моем королевстве? Тем более когда речь идет о главной реликвии нашего народа!

— Это не моя тайна, Ваше Величество, и никто не давал мне полномочий раскрывать ее.

— И ты больше ничего не хочешь мне сказать?

Слегка помешкав, Жайер отозвался:

— Нет, Ваше Величество. Ничего.

— Так, так... А ты, случайно, никого там не подкармливаешь?

Церемониймейстер опустил глаза:

— Да, Ваше Величество.

— Ах, негодяй! — вскричал король, вскакивая с кресла. — Да как ты посмел скрывать от меня, что жив мой родственник, мой родной дядя, которого я всегда считал погибшим?!

— Жив?! — под натиском несправедливых обвинений извечная сдержанность махаона неожиданно отступила, и лицо его исказила гримаса гнева и боли. — Вы называете это жизнью?! Горемычное уродливое существо, которое и умеет-то только, что поглощать пищу, испражняться и испускать зловоние, вы называете своим родственником, своим любимым дядей?! О его существовании не знает даже ваша матушка, о нем не знал и ваш отец... Потому что знание это лишило бы их жизнь радости, как отравило оно мою жизнь. Этот уродец — проклятие и позор королевской семьи, и я уверен, всем, в том числе и ему самому, было бы только лучше, если бы мы умертвили его, как делают все прочие бабочки, когда в семье случается эта редчайшая врожденная патология.

— Почему же вы не сделали этого? — спросил Лабастьер Шестой, холодея при мысли, сколько на Безмятежной погуб-

лено несчастных душ, и уже догадавшись, что Жайер не знает о телепатических способностях думателя и о том, что тот вполне разумен.

— Так решил ваш несчастный прадед Лабастьер Мудрый, при дворе которого начал свою службу мой предшественник, — объяснил церемониймейстер. — И не мне обсуждать это решение. Мое дело исполнять его. На меня возложено заботиться об этом существе... И я посвятил этому, поверьте, отнюдь не радостному занятию всю свою жизнь. Я и не женился, лишь боясь того, что отвратительная тайна королевского рода станет известна тем, кого я к себе приближу. Я все ждал, когда же эта тварь издохнет сама, но она оказалась на редкость живучей. Она пережила и вашего деда, и вашего отца, и я не удивлюсь, если она переживет и вас.

— Прости меня, Жайер, — успокоившись, поднялся с кресла полный раскаяния король и, вопреки этикету, подал церемониймейстеру руку. — Я не хотел тебя обидеть. Благодарю тебя за верную службу и обещаю тебе самую высокую награду, которую ты только пожелаешь. Хотя и понимаю, что нет награды, способной возместить тебе все, чего ты лишился ради нас... А сейчас я хочу, чтобы ты проводил меня к нему.

Когда в сопровождении церемониймейстера король спускался в дворцовые кладовые, куда он и Лаан так любили лазать в юности на поиски лакомств, он думал о том, действительно ли уничтожение неспособных к дальнейшему развитию куколок является убийством в полном смысле этого слова. Скорее всего он все-таки поторопился ужаснуться этому факту.

Ведь в отличие от думателя королевской крови эти куколки не имеют телепатической связи с миром, они не имеют об этом мире никакого представления, их разум спит и не развивается. И, наверное, действительно смерть только облегчает участь этих горемычных бессознательных тел.

С другой стороны, возможно, что все это вовсе и не так. Возможно, тех крох знаний, которые достаются куколке-переростку путем обоняния и осязания, достаточно для того, чтобы выстроить в мозгу под хитиновым панцирем некий самодостаточный мир...

Наверное, можно попытаться общаться с ним и какими-либо другими, нетелепатическими, способами. Пытался ли кто-либо когда-либо достучаться до этого разума, прежде чем принять решение о его уничтожении? Действительно ли выяснилось, что

куколки-переростки не более чем бессмысленные тела-инвалиды, или же бабочки в этом вопросе просто пошли по пути наименьшего сопротивления?

Но додумать он не успел. Они прошли кладовые насквозь и уткнулись в тупик. Как ни напрягал король свое ночное зрение, он не смог заметить тут ничего такого, что выдавало бы потайной вход. Однако Жайен, протянув руку, нажал на один из камней стены, и тот провалился внутрь. Церемониймейстер толкнул стену, и в ней со скрипом открылся небольшой дверной проем.

Они ступили во тьму. Но стоило Жайену дверь прикрыть, как помещение, куда они попали, осветилось ровным неярким светом. Это была совсем маленькая комнатка с белыми светящимися стенами, овально перетекающими в пол и потолок. А на стене, противоположной двери, в которую они вошли, имелся матово поблескивающий серебристый круг с сиреневым пятном в форме пятерни бабочки посередине.

— Раньше этот замок подчинялся только отпрыскам королевской крови, — торжественно произнес церемониймейстер. — Но Лабастьер Второй Мудрый сделал так, что он стал подчиняться моему предшественнику, а Лабастьер Третий сделал его доступным вашему покорному слуге. Положите сюда ладонь, Ваше Величество.

Лабастьер Шестой послушно совместил пальцы руки с рисунком, и стена внезапно лопнула, оказавшись тоненькой перепонкой. Жайен указал рукой на образовавшееся отверстие, и король с благоговейным содроганием шагнул вперед. Церемониймейстер последовал за ним.

Лабастьер услышал за спиной легкий чмокающий звук и обернулся. Загадочная, поражающая воображение хитроумностью ее создателей перепонка двери уже затянулась снова. Но это не вызвало паники в душе короля: посередине серебристой поверхности вновь появилось сиреневое пятно замка, и было ясно, что уйти отсюда не составит труда.

Они прошли по трубе коридора с такими же белыми флюоресцирующими стенами, что и в начале, и добрались до его конца. Тут перед ними открылись раздвижные двери, и они оказались в небольшой кабинке с рядом сиреневых пятен-замков. Все тут выглядело столь нарочито искусственным, что вызывало у Лабастьера самые неприязненные ассоциации. Создавалось впечатление, что бабочкам, изготовившим все это, доставляло какое-то извращенное удовольствие как можно большее отдаление от природных форм и красок.

— Мне кажется, создатели всего этого были довольно неприятными существами, — заметил король. И добавил, имея в виду бесспорно неимоверную сложность спрятанного от глаз, но бесперебойно функционирующего оборудования Золотого Замка: — А если руководствоваться законами Лабастьера Второго, то наши предки были еще и страшными преступниками.

— Скорее всего так оно и было, — согласился Жайен. — Потому-то ваш прадед и его возлюбленная жена Наан и покинули Землю с тысячами личинок колонистов на борту. Мне никогда не нужно было доказывать, что это не легенда, а истинная правда. — Он указал рукой на одно из пятен: — Положите руку сюда, Ваше Величество. Думаю, вас послушаются и остальные замки, я же могу пользоваться только этим.

Король послушно приложил ладонь, кабинка вздрогнула, и по изменению веса, а затем и по последующей нагрузке, Лабастьер определил, что она быстро опустилась вниз.

Дверцы отворились.

Грузовой отсек космического корабля выглядел еще более отталкивающе. Если верить в то, что когда-то тут покоились куколки колонистов, то нетрудно было понять, что лежали они не менее чем по сотне в каждой прозрачной ячейке, на которые было разделено все это обширное помещение. Ячейки десятками громоздились одна на другой и ровными рядами стеллажей уходили в глубь помещения.

Жайен повел короля вдоль одной из стеклянных стен. Лабастьер Шестой не успел внимательно рассмотреть окружавший его интерьер, да и не стремился к тому. Зато усиливающийся с каждым шагом резкий незнакомый запах заставил его дышать ртом, а очень скоро, остановившись как вкопанный, он уставился на существо, к которому церемониймейстер подвел его.

Без сомнения, это был тот, кто называл себя «думателем». Как ни был Лабастьер готов к необычному зрелищу, но когда он увидел думателя воочию, он, почувствовав приступ тошноты, был вынужден прислониться к гладкой прозрачной поверхности стены. Дурноту частично вызывал и запах, достигший тут максимальной концентрации; но все-таки самым тошнотворным был сам вид этой горемычной твари.

Омерзительным было сходство думателя с куколкой, то есть с ребенком — существом, вид которого обычно вызывает в душе бабочки нежность. Но эта «куколка» была по меньшей мере раза

в два крупнее нормальной и имела недоразвитое, безглазое и безухое подобие лица: четко был обозначен поросший шелковистой щетиной морщинистый лоб, имелась некая ротообразная впадина, а по бокам вместо ушей красовались полуприкрытые хитиновыми пластинами щели, напоминающие жабры волосатого угря.

Того, что Лабастьер увидел, было ему вполне достаточно, чтобы убедиться в правдивости сегодняшнего ночного кошмара. Он хотел было сказать Жайену, что вполне удовлетворен и готов возвращаться, когда внезапно в «лице» думателя произошло какое-то изменение.

— Что это с ним?! — спросил Лабастьер, не узнавая собственного голоса.

— Просит есть, — объяснил церемониймейстер. — Учуял мой запах, вот и шевелит жвалами.

В этот миг думатель всем телом еле заметно придвинулся к посетившим его гостям.

— Так покормите же его! — вскрикнул король, непроизвольно отступая.

— Не время, — покачал головой Жайен, и Лабастьеру в его голосе послышались нотки злорадства. — Я кормлю его по строго установленной вашим прадедом инструкции. Возможно, Ваше Величество, это одна из причин его завидного долголетия. А жрать он просит в любое время дня и ночи, когда бы я тут ни появился. Через два часа я принесу сюда и разложу перед ним весь его дневной рацион, поделив его на четыре порции. И весь день, ориентируясь по запаху и орудуя брюшными сегментами, он будет переползать от одной до другой кучи, пожирая их и испражняясь...

— Хорошо, хорошо, — оборвал король его откровения. — Поступайте, как считаете нужным. И давайте-ка пойдем отсюда. Я увидел все, что хотел увидеть.

— И у вас не будет никаких распоряжений? — Жайен посмотрел на короля таким тяжелым взглядом белесых старческих махаонских глаз, будто ждал, что тот прикажет немедленно думателя прикончить.

— Нет, нет, никаких, — поспешно заверил его король. — Пусть все остается как прежде. И пусть тайна королевской семьи остается тайной. Когда-нибудь я открою вам, сколь неоценимую услугу вы оказываете нам, ухаживая за этим несчастным... Да пойдемте же отсюда поскорее, пока мы насквозь не пропитались этой вонью.

13

Грянул гром шально,
Начал дело гроз.
Заглянул в окно,
Капнул в гнезда ос.
Плачет рыба, но
Не увидишь слез.

«Книга стабильности» махаон,
т. III, песнь XXI; дворцовая
библиотека короля Безмятежной
(доступ ограничен)

Мариэль уже уснула, а Лабастьер Шестой, лежа в гамаке рядом с ней, ждал. И ровно в полночь, одновременно с тем, как он почувствовал характерное депрессивное давление, он услышал в своей голове беззвучный голос думателя:

— *Ну и как я выгляжу?*

Отозваться король не успел. Видно, покопавшись в его голове, думатель и сам нашел ответ на свой вопрос:

— *Да-а, не очень-то я тебе понравился...*

Лабастьер Шестой от этих слов испытал странную смесь стыда и злорадного удовлетворения. В конце концов не он непрошеным гостем вломился в чужое сознание...

— *Вот что, «дядюшка»,* — уже привычно мысленно отозвался он, — *зачем тебе нужен я, я понял: я — твои глаза и уши. А вот зачем мне ты, этого я пока что не уловил.*

— *Я — твоя вторая голова. Я знаю столько, сколько не знают все жители Безмятежной вместе взятые!*

— *А зачем мне все эти знания? Я — законопослушный король, и избегать лишних знаний — мой священный долг, раз уж я требую этого от своих подданных.*

— *Вообще-то такая позиция для бабочек противоестественна, как она была противоестественна и для их предков и создателей — бескрылых...*

— *Ты можешь мне их показать?*

— *Вот видишь, ты все-таки любопытен! К сожалению, показать тебе их я смогу вряд ли. Возможности моей памяти огромны, но не безграничны. Очень многое из того, что я знал, стерлось и истлело в ней. Особенно это касается древнейших знаний, которые когда-то давным-давно на Земле информационная машина бескрылых передала думателю Лабастьеру, который даже не был нашим*

родственником. Во всяком случае, за годы моего вынужденного затворничества многие зрительные образы стали расплывчатыми и неконкретными и сохранились в моей памяти лишь в форме фактических знаний... Мне известно, что бескрылые были почти точно такими же, как вы, только, само собой, без крыльев и во много раз крупнее. В этом смысле показать тебе бескрылого не составило бы мне труда, но ведь тебя интересует не созданная моим воображением модель, а нечто исконное... Я многое могу РАССКАЗАТЬ о них, но ты-то хочешь, чтобы я ПОКАЗАЛ тебе их мир...

— Конечно.

— Подожди, я сосредоточусь.

В тот же миг перед внутренним взором Лабастьера Шестого пронеслось неясное видение огромного поселения. Конечно же, это был город — наверное, именно такой, создание которых заповедал Лабастьер Второй. Все в нем гремело, мчалось и бушевало. Все в нем было громоздко, тесно и искусственно. Все в нем несло угрозу. Какие-то неказистые существа сновали по его поверхности, меж чудовищных громад жилищ, туда и сюда — и пешим образом, и в каких-то приспособлениях. В небе на гигантских скоростях то и дело мелькали разнообразные механизмы странных обтекаемых форм...

Словно кошмарный сон, видение это, так и не конкретизировавшись, моментально растаяло.

— Вот и все, что я смог вспомнить.

— Негусто. Но достаточно, чтобы испытать омерзение. Мир, в котором живем мы, гармоничнее и естественнее...

— Ты просто привык к нему. Но чтобы он появился, бабочкам пришлось пройти огромный путь, и тот мир, в котором они жили на Земле, был немногим проще мира бескрылых, а может быть, и сложнее. Это дело вкуса: по мне так и тот был хорош, ведь он был просто нашпигован информацией...

— Ты можешь показать мне Наан, возлюбленную жену Лабастьера Второго? — перебил думателя король.

— Без труда. И такой, какой я застал ее при жизни, и такой, какой она была, когда меня еще не было на свете.

...Пожилая самка махаон возлежит в гамаке. (На территории того самого придворцового садика, узнал король, где недавно гусеница принца Лабастьера Седьмого прятала свой кокон.) Ее загорелое, испещренное морщинами лицо имеет волевое, но умиротворенное выражение.

«Мы неплохо поработали с тобой, о возлюбленный муж мой, Внук Бога, умеющий быть везде, — произносит она, чуть заметно

улыбаясь. — Мне кажется, наш мир — это как раз тот мир, который хотели построить твои родители Ливьен и Рамбай».

«Забавно слышать от тебя, Дипт-Наан, ритуальное обращение невесты императора, — вздрогнув, услышал Лабастьер Шестой голос, как ему показалось, свой собственный. — А помнишь, когда-то оно было ненавистно тебе?»

«Потому что этот титул ты заслужил только сейчас, а там, на Земле, ты был не более чем самозванцем», — откликнулась самка и рассмеялась. И надтреснутый смех самца вторил ей.

— *А вот такой она была*, — «услышал» король мысленную фразу думателя, — *это первое воспоминание о своей избраннице Лабастьера Первого.*

И в тот же миг видение изменилось. И король увидел самку махаон, стоящую в строю таких же совсем юных самок на фоне фантастических зеленых растений. Он даже почувствовал приторный, но приятный запах, исходящий от девушек. Их одежды сверкали великолепием, а крылья неестественно переливались на солнце. Но лицо самки, на которую он смотрел, было хмурым и немного испуганным...

На миг одно видение уступило место другому. Он увидел эту же девушку обнаженной, со смехом плещущейся в воде, и прохладные брызги, взметающиеся из-под ее ладоней, освежают кожу его лица...

Но вот он снова перед строем очаровательных девушек. Угловым зрением он видит край какого-то вычурного строения, а сбоку от себя — одетого в лиловую набедренную повязку самца, судя по расцветке крыльев, неизвестной ему расы. Торс самца покрыт золотистой пыльцой, а в руке он держит странное оружие.

Но внимание Лабастьера приковано к неприветливому лицу юной самки. И он увидел собственную руку, указывающую на нее. И услышал свой голос:

«Я беру эту»...

Видение растаяло.

— *Кто такие Ливьен и Рамбай?* — переведя дыхание, спросил король думателя.

— *Это отец и мать нашего прародителя Лабастьера Первого.*

В сознании Лабастьера возник мгновенный зрительный образ. Полуголый мускулистый самец-маака обнимает за плечи стройную, подтянутую самку, одетую в странную аскетичную, по всей видимости военную, форму. В руках у самки незнакомый Лабастьеру предмет, но это явно — оружие, и явно — мощ-

ное. Пара эта смотрит прямо ему в глаза, словно заглядывая в душу, и кажется, эти бабочки знают о нем все, и конечно же, они любят его...

— *Ливьен — «Первобабочка-Мать»?* — догадался король, припомнив «Книгу стабильности» махаон.

— *Э-э...* — замешкался думатель. — *Нет. Все-таки нет. Легенда о Первобабочке появилась значительно раньше, и у махаон... Зато в какой-то степени, в чисто биологическом смысле, Ливьен и Рамбай — и твои, и мои родители. Ведь главная тайна королевского рода состоит в том, что Лабастьеры не способны оплодотворить самку.*

— Ерунда! — не удержавшись, воскликнул король вслух, но тут же, покосившись на спящую Мариэль, продолжил мысленно: — *Как же, по-твоему, на свет появился я?! А мой сын?! Нашел бесплодных!*

— *Я имел в виду совсем не это... Но объяснить тебе все это словами будет слишком трудно. И каждый ответ потянет за собой еще сотню вопросов. Но если хочешь, если ты сможешь довериться мне, я смогу за несколько сеансов передать тебе большую часть своих знаний.*

— *Вообще-то я не горю таким желанием,* — отозвался король, тут же припомнив слова Суолии о том, что случилось с его дедом, королем Лабастьером Третьим Созидателем. Он стал мудрым и предусмотрительным, но он перестал любить свою жену Биатэ...

— *Я понимаю твое опасение,* — отозвался думатель. — *Но такой результат совсем не обязателен. Знания, которые я передам тебе, будут касаться только истории нашего мира и нашего рода. Пойми, я уже стар, и жить мне осталось недолго. Хоть я и живуч, но отнюдь не вечен. Может случиться, что рано или поздно ты все-таки захочешь узнать все это, но когда я умру, не будет на этом свете больше никого, кто смог бы тебе помочь. А твой сын и вовсе будет лишен такой возможности.*

— *Мне нужно подумать,* — ответил король, почувствовав внезапно глубокую усталость.

— *И есть кое-что еще...* — продолжал думатель. — *Ты любишь мир Безмятежной, и ты боишься потерять эту любовь. Но ты можешь потерять и сам этот мир. Только я знаю, какая опасность ему угрожает. Если бы это было не так, зачем бы я настаивал? Мне-то от этого — не горячо, не холодно...*

— *Мне нужно подумать,* — повторил король. — *А сейчас, пожалуйста, оставь меня в покое. Я еще не привык к тебе. Я утомился. Мне скверно.*

— *Когда я смогу вернуться?*

— *Завтра, в это же время.*

— *Хорошо. И пожалуйста, передай этому олуху, Жайеру, что я могу есть все, что едят бабочки. Все без исключения. И чем разнообразнее будет рацион, тем лучше...*

Миг! И чувство неизъяснимого облегчения доподлинно подтвердило королю тот факт, что думатель покинул его сознание.

Сладко потянувшись, Лабастьер Шестой перевернулся на бок и приобнял Мариэль одной рукой, ощутив теплую упругость ее тела. Она шевельнулась и прижалась к нему плотнее.

«Ни за что, — подумал Лабастьер, — ни за что я не соглашусь получить знания, которые могут сделать меня бесчувственным. Так я ему завтра и скажу...»

Но все утро следующего дня короля преследовали загадочные слова думателя о смертельной опасности, которая якобы грозит Безмятежной. И ведь до сей поры тот не давал ему повода к недоверию.

Наблюдая за тем, как в зале боевых искусств облаченный в просторный белый комбинезон и защитную сетчатую маску репетитор натаскивает одетого точно так же принца мастерству фехтования, он заранее не мог отделаться от неотступного чувства вины за то, что собирается лишить сына свободы выбора. Пусть знания, предлагаемые думателем, ему самому и не нужны, но где гарантия того, что, переступив порог зрелости, тот рассудил бы так же? А его внук? Правнук?..

Думатель умрет, и тогда принятое сегодня решение станет необратимым...

А принц, положительно, делает успехи. Шпага — оружие не королевское, но владеть ею король должен в совершенстве. Лабастьер Шестой невольно залюбовался тем, как сын, проведя ложный выпад, выбил шпагу из рук опытного вояки и проворно приставил к его горлу клинок.

Хотя... Если верить думателю, то он любуется сейчас на собственное отражение... А если так, то, повзрослев, принц в подобной ситуации принял бы то же решение, что и он.

Король поймал на себе взгляд Лабастьера Седьмого, очевидно, ожидавшего одобрения с его стороны, и несколько раз хлопнул в ладоши:

— Браво, Ваше Высочество.

Просияв, юноша опустил шпагу и поклонился в ответ.

— Подойди ко мне, сынок, — позвал король.

Вкладывая шпагу в ножны, принц приблизился.

— Представь, — медленно подбирая слова для примера, предложил ему отец, — ты — король. Гонцы сообщили тебе, что в отдаленных лесах Безмятежной завелся крылатый паук Ракка, который поедает твоих мирных подданных. Ты отправился бы сразиться с ним?

Принц улыбнулся:

— Конечно, Ваше Величество. Хотя я бы и знал заранее, что это досужий вымысел. Паук Ракка — выдумка вздорных самок.

— Так чего же ради ты пустишься в этот путь, только выставляя себя посмешищем?

Нахмурившись, юноша задумчиво помолчал, а затем ответил с чуть заметной обидой в голосе:

— Вы сомневаетесь в моей преданности долгу, отец? Напрасно. Несмотря на риск быть осмеянным, я посчитал бы своей обязанностью отправиться туда. Таково наше предназначение: брать на себя ответственность за судьбы наших подданных, каких бы жертв нам это ни стоило. Королю не пристало бояться ни насмешек, ни чего-либо еще. Так учит меня мой репетитор по этикету и второй отец Дент-Лаан.

— Что ж, так тому и быть, — пробормотал Лабастьер Шестой так тихо, что услышать эти слова мог только он сам. Затем вновь обратился к сыну: — Продолжай урок. У тебя хорошие учителя.

До середины дня Лабастьер пребывал в тягостном томлении. Решение было почти принято, но чем конкретно это грозит ему, он не знал. Однако, сам того не желая, он принялся мысленно прощаться со всеми и всем окружающим.

В середине дня он предложил Мариэль прогуляться на сороконогах в лес, ощущая при этом небывалый прилив нежности к ней. Она с радостью согласилась, и это была одна из их самых прекрасных прогулок.

На Безмятежной наступала короткая теплая осень, когда в большинстве своем фиолетовые, изредка же — бирюзовые, растения планеты становятся синими и голубыми, а листья некоторых из них украшаются яркой зеленой каймой и выглядят так, словно облачились в карнавальный наряд...

Насквозь пропитавшись пряными запахами леса, к вечеру супружеская чета отправилась в обратный путь, и каждый из двоих был полон любовью. Ибо гласит пословица: «Ракочервь и любовь: чем больше оторвешь, тем больше вырастет».

Усталость была приятной, но столь сильной, что Лабастьер уснул до появления думателя в его голове. Лишь утром, проснувшись возле спящей еще жены и почувствовав себя разбитым, он сразу заподозрил, что находится под воздействием «дядюшки». И действительно, тут же он услышал привычный уже мысленный голос:

— Как спалось?

— Ты не разбудил меня потому, что не захотел меня беспокоить, или потому, что в принципе не способен разбудить меня изнутри?

— Я-то не способен? Еще как способен. Я ведь могу внедриться в твои сновидения и такое тебе показать, что ты не то что проснешься, а еще и гамак обмочишь.

— Спасибо на добром слове. Однако снилось мне что-то приятное...

— Это я показывал тебе «Праздник соития» земного племени ураний — расы, которой нет на Безмятежной. Это воспоминание нашего прародителя Лабастьера Первого. Но несмотря на древность этой информации, я способен воспроизводить ее довольно отчетливо...

— Верно, верно! — встрепенулся Лабастьер. — *Разноцветный костер, танец девственниц... Помнится, во сне я был вождем этого гордого и красивого племени. Но что-то было не так... Да! Мои родители! Те самые Рамбай и Ливьен, которых ты недавно мне показывал. Они были очень недовольны чем-то.*

— Еще бы. Ведь они понимали, что племя погибнет...

— Да, в красоте этого праздника было что-то погребальное... Ты объяснишь мне, в чем там было дело?

— Пожалуйста. Но это — лишь маленькая частичка тех знаний, которые я хочу передать тебе... Так что ты решил?

— Ты и сам прекрасно знаешь, что я решил.

— И когда мы приступим?

— Дай мне хотя бы еще один день пожить простой жизнью простого короля Безмятежной. Придержи свою страшную тайну при себе...

— Хоть день, хоть неделю, хоть месяц... Мне все равно. Мне слишком мало осталось жить, чтобы я еще чего-то боялся. Обстоятельства сложились так, что я держал эту тайну при себе годы, порой впадая в отчаяние и уже не надеясь на контакт с миром... И ничего страшного с Безмятежной за это время не произошло. Возможно, беды не случится еще столько же, а может быть, она не приключится вообще... Но в то же время каждая минута может оказаться последней.

— *Один день!* — упрямо повторил король. — *Я же сказал, я решился. Все говорит за то, что мои предки совершали подобный шаг, и я не вижу причин быть исключением. Но мне нужен один-единственный СЕГОДНЯШНИЙ день!*

Он и сам не смог бы объяснить, почему он так упорно отстаивает этот незначительный срок. Скорее всего потому, что предыдущий день был так прекрасен...

Некоторое время длилась пауза. Наконец мысленный голос думателя отозвался:

— *Чтобы процесс передачи информации был максимально эффективен, между нами должно царить полное взаимодоверие, и тебе не должно казаться, что в этом деле содержится хотя бы намек на насилие. Поэтому я покидаю тебя. А приду — опять в полночь. Только не усни.*

14

Безумствует гроза, сияют зори,
Иль звезды тишью украшают ночь,
Заметь, всегда есть то, что на просторе
Свой путь найти готово нам помочь.
А в гнездах каменных во взорах страх и горе,
И всяк, кто встречен, тщится скрыться прочь.

«Книга стабильности» махаон,
т. V, песнь XXI; дворцовая
библиотека короля Безмятежной
(доступ ограничен)

Однако «перед смертью не надышишься». День, за который он так упорно торговался с думателем, не принес Лабастьеру никаких радостей. Словно их прощальный запас был исчерпан вчера.

Сначала он рассмотрел выполненный министром юриспруденции проект приказа о введении на Безмятежной смертной казни дворянам за измену королевской присяге. Но не подписал его, чем министра крайне разочаровал.

Потом он принял Ракши, и пришлось заниматься уже несколько раз откладываемым им вопросом о легализации некоторых видов оружия, коими Тилия намеревалась оснастить королевский отряд. Проспорив около часа, пришли к обоюдному решению — немного повременить...

Затем явился Лаан. Лабастьер несказанно обрадовался и предложил другу провести часок за сосудом напитка бескрылых. Но тот вел себя как-то странно и затеял туманный разговор — сперва об успехах принца Лабастьера Седьмого, а потом — о неких долгах и обязанностях...

Лабастьер тщетно пытался вникнуть в суть его слов, но тот бродил вокруг да около... Наконец король, догадавшись, на что Лаан намекает, заявил ему, что если тот желает спать с Мариэль, то к ней с этим и следует обращаться, и скрепя сердце добавил, что та вроде бы отказывать не собирается.

Лаан внезапно вспылил и в самых повышенных тонах ответил, что, мол, пришел он вовсе не за тем, а чтобы напомнить королю о его долге перед народом. На Безмятежной царит хаос и беспорядок, в чем они лично убедились во время недавней кратковременной инспекции, король же, вкушая радости семейной жизни, проводит дни напролет в неге и безделье и даже не пытается преодолеть охватившую его позорную болезнь боязливости...

Лабастьер не нашелся, что ответить ему. Но тот и не стал дожидаться, а гордо удалился сразу, как только закончил свою тираду.

И тут же появилась Мариэль. Выглядела она разгневанной, чему Лабастьер даже не удивился. Такой сегодня день. Причина ее дурного расположения духа выяснилась сразу. Она сообщила, что невольно слышала разговор Лабастьера с Лааном и возмущена той пошловатой легкостью, с которой он сообщил махаону об их возможной близости. Она предложила Лабастьеру хорошенько подумать о своем поведении и о ее положении в королевской семье, в то время как она с группой придворных отправляется показывать принцу красоты лесной природы...

Лабастьер решил развеяться и полетать в одиночестве в столичном небе. Но прохладный осенний ветерок добавил еще один штришок в картину его удрученности, а легкий моросящий дождик прекратил прогулку, вымочив ему крылья, и во дворец король возвращался пешим ходом.

Махнув рукой на все, он засел в библиотеке.

Когда Мариэль вернулась, они помирились, но до любовных ласк как-то не дошло.

...И вот наступила полночь.

— *?..* — спросил думатель даже не словом, а самим ощущением скептического ожидания. Что сильно Лабастьера обозлило. Словно сговорившись, все тычут ему сегодня его несостоятель-

ностью. Но он тут же сообразил, что причиной раздражения служит подавляющее его психику телепатическое поле.

— *Я готов,* — отозвался он.

— *Зови болвана-церемониймейстера!*— обрадовался думатель.

— *Это еще зачем?*— удивился король.

— *Если мы будем общаться в непосредственной близости, контактируя буквально физически, процесс займет раза в три меньше времени.*

Лабастьер Шестой припомнил вид грузового помещения Золотого *Храма,* облик думателя и зловоние вокруг него... Его передернуло.

— *Я не тороплюсь,* — отозвался он.

— *Как знаешь,* — согласился думатель. — *Но тогда повозиться придется с недельку.* — И перед глазами короля внезапно возник образ ослепительно красивого пожилого седовласого самца-маака, с доброжелательной усмешкой пожимающего плечами.

— *Это один из моих эмоциональных автопортретов,* — пояснил думатель. — *Так я выгляжу сам для себя.*

Не успел Лабастьер и подумать, сколь разительно этот образ отличается даже не от реального вида думателя, а от того, какое впечатление производит его характерец, как тот добавил:

— *А иногда и вот так...*

Старец был тем же, но теперь он был лыс, морщинист, а черты его лица источали наиподлейшее ехидство.

— *Не беспокойся, я воспринимаю себя достаточно адекватно,* — пояснил думатель. — *Автопортретов у меня три. Все зависит от настроения. Третий, между прочим, самка... Хотя те два портрета, которые ты сейчас видел, я употребляю существенно чаще. Но хватит обо мне. Расслабься. Я начинаю.*

Лабастьер даже вздрогнул, как от удара, почувствовав, что нечто мощное и пульсирующее врывается в его голову: *«!!!... !!!... !!!... !!!... !!!...»* Он не мог сосредоточиться на содержании этого вихря мысленной информации, но ощущение было почти физическим...

Он замер и, потеряв счет времени, отдался этому чувству...

...!!! ...!!! ...!!! ...!!! ...!!! ...!!! ...!!! ...!!! ...!!! ...!!!

...Казалось, прошла вечность. Но в какой-то момент его обуял внезапный ужас перед сумасшествием. Ему вдруг показалось, что он — совсем не он, а кто-то другой... И нечто похожее на боль набухало у этого «другого» в голове. Он открыл глаза и попытался закричать... Но крика не получилось, он лишь застонал.

И звук этот отдался в висках уже настоящей острой болью и тошнотой.

— *Все-все-все,* — виновато улыбаясь, сказал ему седовласый старец. — *На сегодня хватит. Мы трудились почти пять часов. Переваривай то, что получил, а я появлюсь завтра...*

Он взмахнул крыльями и улетел в никуда.

А Лабастьер Шестой, сжав голову руками, выполз, чтобы не разбудить Мариэль, из гамака и, постанывая, распластался на полу спальни. А мириады слов, картин, образов, запахов, целые жизни и даже эпохи, словно бутоны, точно свернутые доселе тугие клубки, распускались, разворачивались сейчас в нем и, переплетаясь, занимали свои места в его памяти, беспощадно растягивая ее до болезненно немыслимых размеров...

Лишь под утро, перебравшись обратно в гамак, он забылся беспокойным сном, а проснулся соответственно к середине дня. Но теперь он чувствовал себя не так уж плохо. А полученные от думателя сведения уже давали о себе знать.

Например, вкус предложенного ему придворным освежающего напитка из урмеллы напомнил ему вкус жасминового нектара, и он явственно представил себе этот невиданный на Безмятежной цветок. Ассоциация потянула за собой воспоминание о том, что жасминовый нектар особенно вкусен подогретым, и Лабастьер тут же распорядился, чтобы в следующий раз урмелловый напиток ему подали горячим.

Выйдя на веранду дворца и оглядевшись, король испытал неожиданное чувство, как будто видел все окружающее впервые. Дома дворян и простолюдинов показались ему удивительно нарядными и умиляли своей нефункциональной прелестью. А в осенних красках природы почудились нечто сказочное, и Лабастьер догадался, что проистекает это от того, что земная флора окрашена совсем по-иному...

С площади вспорхнули и направились к нему несколько бабочек, и король узнал сопровождаемых репетиторами сына и жену. Неожиданно он почувствовал легкий укол ревности, ведь он-то теперь знал точно, что между Лабастьером Седьмым и Мариэль нет никакого кровного родства, и биологически по отношению к ней они с сыном абсолютно равны. Но он моментально отбросил эту мысль. Ведь она-то об этом не знает. И никогда не узнает.

Сын, махнув ему рукой, пролетел с репетиторами мимо, а Мариэль, приземлившись на веранду, обеспокоенно вгляделась в лицо мужа:

— Вы плохо спали, Ваше Величество?

Он молча смотрел на нее восхищенными глазами. И восхищение это имело новую окраску. Ведь стоило ему глянуть на нее повнимательнее, как в голову пришло, что она чрезвычайно похожа на «оператора думателя» красавицу Сейну — боевую подругу праматери Ливьен. «И не исключено, что сходство это не случайно, — подумал он, сам поражаясь этим мыслям. — Не исключено, что личинка ее предка-колониста принадлежала семье Абальт...» Но эта мысль тут же сменилась другой: «Вряд ли. Абальт — семейство, предрасположенное к телепатии, а ОН избегал брать личинок с этим свойством».

Неожиданно он понял, как преодолеть неловкость затянувшейся паузы, и наконец отозвался, поддерживая ее игру с официальными титулами:

— Да, Ваше Сиятельство. Пророчество сбывается. На меня снисходит мудрость моих предков, и этот процесс требует сил и покоя.

— И как долго это будет длиться? — В ее лице не отразилось и тени сомнения.

— Несколько дней.

Мариэль удовлетворенно кивнула:

— Я подожду, милый, — сказала она, ласково касаясь губами его лба.

— А кто сказал тебе, что постижение мудрости и любовь — занятия несовместимые? — усмехнувшись, отозвался он и поцеловал ее в губы. — Если бы это было так, я бы отказался от мудрости. — Его пальцы тем временем легко справлялись с хитростями ее туалета.

— Ну, ну, — засмеялась она, — давайте хотя бы уйдем со всеобщего обозрения.

День сменялся днем, и вот настал тот миг, когда думатель объявил, что передал королю всю информацию, которой, по его мнению, тот должен владеть. Теперь они могли общаться на равных.

Была ночь. Лабастьер Шестой, завернувшись в крылья, сидел в плетеном кресле, в библиотеке.

— Итак, теперь я знаю, о какой опасности для Безмятежной ты говорил мне. ОН не оставит нас в покое. Хотя мне и не ясно, каким образом ОН может нас обнаружить.

— Именно надеясь быть ненайденными, Лабастьер Второй и Наан избрали для Безмятежной нетехнологический путь разви-

тия, — отозвался думатель. — *Но верно ли они поступили, вопрос достаточно спорный.*

— *Ты не ответил. Как ОН может нас обнаружить? Ведь ОН боится космоса, боится отделения от себя какого-либо из своих телесных воплощений!..*

— *И все-таки это лишь вопрос времени. Техническое решение для этой задачи обязательно есть, и рано или поздно ОН непременно найдет его. Ведь не зря же ОН все-таки построил звездолет, в котором я коротаю свои дни... Даже я, лежа тут в темноте, сумел кое-что придумать. Например, специальные телепатические буи. Распространяя их в космосе, ОН будет мало-помалу увеличивать контролируемое пространство. Можно также создать прибор, улавливающий телепатическое излучение на сверхсветовых расстояниях...*

— *Значит, ОН обязательно найдет нас. Найдет и уничтожит — или поработит... А раз так, раз эта задача неразрешима, объясни мне, «дядюшка», зачем мне было все это узнавать?* — Лабастьер почувствовал, как в душе его вскипает раздражение. — *Чтобы мучиться от обреченности не в одиночку?! Тебе не хватало партнера?!*

Думатель мерзко захихикал, и перед мысленным взором Лабастьера возник уже знакомый образ сморщенного плешивого старика.

— *Ты почти угадал,* — прокаркал тот ехидно. — *Но ты недооцениваешь силу моего подлого разума. Я ведь все-таки ДУМАТЕЛЬ! Я знаю, как обезопасить Безмятежную. Есть одно средство... Одно-единственное.*

— *Какое?*

— *Боюсь, оно тебе не понравится...*

— *Какое средство?!*

Внезапно образ старика окутался струящимся маревом... И вдруг он обернулся юной зеленоглазой самкой маака.

Скромно потупившись и держа руками края крыльев, она, за неимением одежды, безуспешно пыталась прикрыть ими прелестную грудь.

— *Не надо...* — прошептала девушка. — *Не уговаривай меня... Я знаю точно, тебе это не понравится...*

— *Да говори же ты!* — взорвался Лабастьер, чувствуя, что краснеет. — *Хватит тебе играть со мной в свои дурацкие игры!*

Юная самка моментально превратилась обратно в старого ублюдка, и тот, криво улыбаясь, прошамкал:

— *Надо уничтожить Землю.*

— *Что?..* — не поверил своим ушам Лабастьер.

— *Надо уничтожить Землю,* — повторил думатель, злобно щурясь. И добавил: — *И я знаю как.*

И в тот же миг король увидел яркую, словно реальную, картину: огромная туша Золотого Храма, рассекая черную пустоту мироздания, мчится к неприметной желтой звезде...

— *Запаса полония на борту хватит на то, чтобы превратить земное Солнце в сверхновую.*

— *Но ведь там миллионы бабочек!* — ужаснулся Лабастьер.

— *Но там же и ОН,* — возразил думатель.

— *Ты хочешь, чтобы я взял на свою совесть ответственность за такое безумное решение?*

— *Пусть оно будет на моей совести. Ты же должен думать только о безопасности своих подданных.*

— *Почему же тогда ты обратился ко мне?*

— *Потому что только рука одного из Лабастьеров может оживить корабль. А мне с этим не повезло, ты ведь знаешь это не хуже меня... И кто-то еще должен прикрепить к моему надлобью обруч мнемодатчика управления.*

— *Эта идея чудовищна...*

— *Мир Земли болен. Мы не в силах его излечить. И когда-нибудь эта болезнь доберется до вас. Вы — вывезенные оттуда здоровые ростки... А «гнилые корни следует отсекать», — гласит ваша же пословица...*

— *Ты предлагал то же самое моему отцу, моему деду?..*

— *Нет,* — поколебавшись, отозвался думатель. — *Но не потому, что я не додумался до этого раньше. Просто тогда мне было что терять. Я был молод. Но не сейчас. Так что решайся... Ведь, когда я умру, такого шанса у тебя не будет...*

— *Никто! Никто не вправе принимать подобные решения!* — воскликнул Лабастьер так возбужденно, что ему даже показалось, что произнес он эти слова не мысленно, а вслух.

Но нет, слуховая память подсказала ему, что ничего, кроме легкого покрапывания ночного моросящего дождика, он на самом деле не слышал.

— *Оставь меня,* — попросил он. — *Дай мне отдохнуть.*

Думатель не отозвался. Но не почувствовал Лабастьер и характерного облегчения, которое всегда испытывал в тот миг, когда тот покидал его. Однако, взбудораженный беседой, он не обратил на это внимания, а поднявшись с кресла, прошел из библиотеки в спальню и вышел на веранду.

Если бы не повышенная влажность, он бы обязательно полетал в ночном небе, чтобы успокоить расшалившиеся нервы. Но хватало и ночной прохлады, остужающей его тело.

Дипт и Дент, войдя в фазу полнолуния, отчетливо освещали столицу. Как любит он этот мир! Какими чуждыми и враждебными рисуются ему прочно сидящие теперь в его памяти земные картины.

Город маака — бесформенное нагромождение тысяч полупрозрачных сфер, соединяющихся между собой переплетением труб-коридоров, с обугленными и обезображенными кислотами пиками сторожевых башен... Город махаонов, словно уродливая опухоль вздувшийся над поверхностью земли зеленой полусферой изорванного, обвисшего нелепыми лохмотьями флуонового купола... Отвратительные зловонные подземелья приамов...

— *Позволь мне сказать тебе еще только несколько слов, и я исчезну,* — вновь влез в его мысли думатель.

— *Говори,* — разрешил король, испытывая досаду от того, что не замечал в себе его присутствия.

— *Когда-то давно, уничтожив свой мир, бескрылые надеялись продолжить себя в нас — искусственно созданных ими существах. И это им почти удалось. Почти! Они допустили ошибку, сделав бабочек предрасположенными к телепатии. Думатели у маака, бессрочники у махаонов... А в конечном итоге — ОН, существо в тысячи раз более страшное, чем убитый тобой т'анг. Мир бабочек двигался к самоуничтожению даже быстрее, чем мир бескрылых.*

Лишь счастливая случайность привела сюда, на Безмятежную, бабочек, лишенных порочного свойства телепатии. Лишь тут мир может развиваться дальше, приближаясь к идеалу, о котором мечтала наша мать Ливьен. Земной же мир бабочек — неудачная попытка, память о которой должна исчезнуть вместе с памятью о мире бескрылых, прежде чем метастазы болезни доберутся сюда.

— Хватит! — рявкнул Лабастьер вслух. Тут, на веранде, он не боялся разбудить своим голосом Мариэль. — Между прочим, и на Безмятежной есть телепаты — ты, я, мой сын...

— *Я думал об этом и знаю, как использовать этот факт во благо и только во благо. Я продумал и многое другое. Например: приближаясь к Земле, я неминуемо попаду в ЕГО поле, и ОН подчинит меня себе. Но я рассчитал траекторию таким образом, что скорость, с которой мой космический корабль будет нестись к земному солнцу, будет к тому времени уже столь велика, что, при всем желании, я не смогу ничего изменить...*

— *Дядюшка!* — взмолился Лабастьер Шестой, вернувшись в спальню, заползая на гамак и пристраиваясь рядом со спящей женой. — *Пожалуйста, отпусти меня! Я же сказал тебе: я не считаю себя вправе уничтожить целый мир...*

— *Но ты не можешь устраниться от защиты мира Безмятежной. Ты — король.*

— *Уйди!* — Лабастьер вложил в это слово всю боль, которая накопилась в нем.

Седовласый старец с добрыми и мудрыми глазами, появившийся перед его мысленным взором, понимающе покачал головой.

— *Ты устал. Ноша, которую я взвалил на тебя, слишком тяжела...*

И тут же старец обернулся зеленоглазой самкой. Та, обольстительно улыбнувшись, закончила:

— *Я ухожу. Но мы не прощаемся...*

Послав королю воздушный поцелуй, она расправила крылья. Стройное тело открылось ему во всей своей наготе. Но лишь на миг, спустя который самка взмахнула крыльями и улетела в ночь.

Чужой разум покинул его сознание. Чувствуя приятное облегчение во всем теле, Лабастьер потянулся и, повернувшись на бок, ткнулся носом в шею Мариэль. Выходка думателя с превращением в самку показалась ему даже забавной. Но последняя его мысль перед тем, как он забылся сном, была далеко не из приятных:

«У меня есть только два пути: или уничтожить мир Земли, или убить думателя... То-то порадуется Жайер...»

Эпилог

В назначенный час в селение въехал целый десяток сороконогов, оседланных основательно вооруженными воинами короля. Сопровождаемый приветственными криками подданных, Лабастьер Шестой со свитой проследовали к деревенской площади, где все уже было готово к торжественной встрече и пиру.

Увидев их первой, одна из тех самок-махаон, что занимались сервировкой, ударила костяным пестиком в кожу бонга.

— Наконец-то! — поднявшись с рогожки, радостным поклоном встретил короля и его спутников Дент-Вайар, которого Мариэль по праву считала родным отцом. — Мой дом принадлежит вам! А я уж думал, Ваше Величество, вы так никогда и не порадуете нас своим посещением. А где же внук? Я хочу видеть внука!

— Лабастьер Седьмой остался в столице, — развел руками король, спрыгнув с сороконога.

Сельчане разочарованно зашептались, но Лаан вернул им веселость шуткой в своем духе:

— Так что ждите правнуков! — и подмигнул.

Обнимая отца, Мариэль переждала взрыв хохота и пояснила:

— Принц Лабастьер и сын Ракши Кахар неразлучны, и оба они одинаково трепетно относятся к Найаль, дочери Лаана. Со дня на день она проходит махаонский обряд зрелости, и юноши, хоть и очень хотели поехать с нами, не пожелали ее оставить. Боюсь, когда-нибудь они будут соперничать за право взять ее в диагональ.

— Ваше Величество, поскорее располагайтесь сами и прикажите сесть своим молодцам. — Дент-Вайар выпустил дочь из объятий. — Мне не терпится выпить с вами глоток доброго «напитка бескрылых» так же сильно, как гусеницам, — указал он рукой в сторону детского загончика, — не терпится сожрать порцию мякоти воздушного коралла... А надолго ли вы в наши края?

— Нет, любезный, — садясь, покачал головой король. — Переночуем — и сразу в путь. Слишком много впереди работы. Ведь ваше селение, наверное, единственное, где не попраны королевские законы. Да и то объясняется это скорее всего не более чем близостью к столице.

— Однако законы меняются с непостижимой стремительностью, — осторожно заметил Ракши-старший, как раз закончив обниматься с сыном и синеглазой невесткой.

— Да, это так, — подтвердил Лабастьер Шестой. — Я надеюсь, вас это не слишком смущает? Между прочим, по новым законам ваш родственник Дент-Пиррон уже не является преступником. И не кто-нибудь, а ваша невестка оснащает короля запрещенным доселе оружием...

— Честно говоря, привыкнуть к тому, что пересматриваются основы, заложенные еще Лабастьером Вторым, довольно трудно. Однако подтверждение вашего на то права было столь значительным, что никто и не думает его оспаривать.

— О да! — влезла в беседу словоохотливая жена Дент-Вайара, розовощекая Дипт-Хаан. — Нас тряхнуло так, что мы подумали, Безмятежная треснет пополам или лопнет, словно подстреленная шар-птица! Хорошо, что вы, Ваше Величество, еще за месяц до того предусмотрительно отправили глашатаев во все уголки колонии. Они обо всем предупредили нас, потому мы хоть и перепугались, но довольно быстро успокоились. А когда я своими глазами увидела, что над миром и впрямь поднимается Золотой Храм, я думала, глаза у меня от удивления выпадут на землю. А какая громадина! Он ведь был над столицей, а отсюда видать!

— Глашатай сообщил, что предки прекращают над нами свою тайную опеку и передают нашу участь в наши собственные руки... — то ли вопросительно, то ли утвердительно произнес Ракши-старший.

— Да, — подтвердил Лабастьер Шестой. — Золотой Храм отправился туда, откуда мы все появились — к Земле, а мы остались тут, чтобы вершить свои судьбы самостоятельно... Но не хватит ли нам серьезных разговоров? Мы так устали с дороги...

— А уж в глотке пересохло так, — в тон ему продолжил Лаан, — что ее не размочить и за час!

Пир продолжался до глубокой ночи.

— Как я люблю их всех, — прижавшись к мужу, шепнула Мариэль. — Они такие простые и настоящие...

— Они — плоть от плоти нашего мира, а он превосходен. Я и сам всем сердцем полюбил твоих соплеменников. Сейчас ты убедишься, что это не пустые слова.

Он поднял глиняную чарку, и все присутствующие притихли.

— Я не случайно отправился в путь именно сегодня, — начал король. — Этой ночью некое небесное знамение должно подтвердить нам, что Безмятежную ждет вёликое будущее, что опасности, о которых мы даже не подозревали, но о которых знали наши предки, миновали. И это событие я хотел встретить только тут и только с вами.

Король пригубил напиток, его примеру, загомонив, последовали остальные. И именно в этот миг... (В своих расчетах думатель оказался точен до минуты.) Площадь озарилась пурпурно-розовым светом.

Сельчане, задрав головы, как зачарованные, смотрели в небо. Там, почти в зените, кровавым цветком воссияла доселе невиданная и неправдоподобно яркая звезда.

— Свершилось! — торжественно, как церемониймейстер, вымолвил король. — Эта новая звезда называется Гелиос. И уж поверьте мне, то, что она зажглась на нашем небе, является залогом нашего счастливого будущего. Эй! — внезапно крикнул он. — Помнится, в вашем селении есть прекрасные музыканты?! По-моему, сейчас самое время для плясок!

Никто, кроме Мариэль, не заметил в голосе короля каких-то несвойственных ему бесшабашных, почти истерических ноток. Но она уже смирилась с мыслью, что недавно снизошедшая на ее возлюбленного супруга мудрость порой делает его недоступным ее пониманию.

Музыканты ударили в бонги и зазвенели струнами. А флейта-раковина запела мотив, сотканный из радости и печали. Подвыпившие сельчане взвились в небо и завели там суматошный хмельной хоровод...

И все же Мариэль не удержалась от того, чтобы шепотом спросить Лабастьера Шестого: «Что с тобой, милый?», когда увидела, что по щекам его текут слезы, а отблеск Гелиоса делает их похожими на струйки крови.

— Со мной? — вздрогнул король. — Что со мной? — Он оторвал взгляд от удивительного небесного зрелища, которое скоро станет привычным, и явно не понимая, о чем идет речь, глянул на Мариэль. И только тут сам почувствовал влагу на своих щеках.

— Со мной все в порядке, — сказал он, улыбнувшись одними губами, и утер лицо ладонью. Как тебе такие строчки:

...Послушайте!
Ведь если звезды
зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

Он замолчал.

— Какой странный слог, — заметила Мариэль. — Чье это? Это написала бабочка с Земли?

Лабастьер Шестой покачал головой:

— Это написал бескрылый. Один из тех, что появились на свете задолго до бабочек. И ты знаешь, он убил себя. Приставил к виску штуковину вроде тех, что делает Тилия, и вогнал себе в мозг кусочек раскаленного металла...

Король тряхнул головой, вскочил на ноги и, расправив крылья, подал королеве руку:

— Но полно! Хватит мне нагонять на тебя тоску! Давай-ка потанцуем тоже! Или наш мир не самый прекрасный на свете?! Или мы не любим друг друга?! А?!

1995–1999 гг.

Автор приносит особую благодарность московскому художнику Всеволоду Мартыненко, чей рисунок стал первым посылом к написанию этого романа, а также Сергею Лукьяненко и Константину Фадееву, давшим пару полезных советов.

Спасибо и Ирине Кузнецовой, чьи замечания «профессионального читателя» были учтены, а предложенные ею исправления внесены.

Автор признателен также Зое Вотяковой, чьи любовь и терпение помогали ему в работе.

Звездный табор, серебряный клинок

«На свете есть только две вещи, от которых срывает крышу, — космос и женщины».

Мой сын Константин

Очень короткое, но очень нужное предисловие

Долго нудил Дядюшка Сэм, уговаривая меня описать доставшиеся на мою долю приключения, уверяя, что потомкам это крайне необходимо. Но я все отбрыкивался, сознавая, что нет, наверное, в этом мире человека более невежественного, чем я. Однако выбранная когда-то профессия и надежда на нечто, о чем я скажу позже, всё-таки заставили меня взяться за перо. В конце концов, это ведь и развлечение.

Для собственного удобства я решил писать так, словно читать эти строки будут мои бывшие современники — жители конца двадцатого — начала двадцать первого века. И не только для удобства: соображение, о котором я обещал сообщить ниже, делает это решение еще более оправданным. (Если уж так не терпится узнать, что я имею в виду, загляните в самый конец книги.)

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что текст этот не имеет никакой эстетической значимости и может служить лишь своеобразным историческим документом, однако, создавая его, мне удобнее было время от времени сбиваться на откровенно беллетристический, а иногда и буквально опереточный стиль. Когда же мне надоедало это, я возвращался к стилю сухого документального отчета.

Хочу заранее предупредить и о том, что я не имею ни малейшего понятия, что моему потенциальному читателю может быть интересно, а что нет. Потому излагаю я прежде всего то, что интересно мне, что запомнилось мне наиболее ярко, время от времени прибегая к помощи и свидетельствам тех, кто, кроме меня, был участником описываемых событий.

Настоящим подарком стал для меня дневник Квентина, добытый и доставленный на Блиц-12XL Дядюшкой Сэмом. Без него мое повествование выглядело бы, наверное, довольно куце. А так оно даже может претендовать на некоторую законченность фабулы.

Вот, наверное, и все, или почти все, что я хотел бы сообщить тому, кто решился начать чтение этого документа — от скуки ли, из любопытства или же по каким-то иным, неведомым мне, побуж-

дениям. Возможно, мне следует извиниться еще за то, что сам я — человек недостаточно любопытный, я бы даже сказал — поверхностный, и совершенно не склонный вникать в глубинные причины происходившего со мной.

Извиняет меня, пожалуй, лишь то, что мое невольное появление в данном месте и в данное время в конце концов положительно отразилось на течении истории целого мира. И пока что единственного известного нам мира. Этого, думаю, не станет отрицать никто. Да и, в конце концов, с какой это стати я взялся извиняться? Вас ведь никто не заставляет читать это. Так?

Ну а взялись, так — с Богом. Тешу себя надеждой, что текст этот принесет вам несколько приятных минут или хотя бы поможет уяснить последовательность некоторых событий, которые стали для этого мира поворотными.

Книга первая

ЗВЁЗДНЫЙ ТАБОР

«Решил вести дневник. Потому что дело, похоже, выгодное...»

Игорь Иванов.
«Метаморфозы, или Как я стал цыганом»

Долблёный челн
На лоне вод.
За ним плывёт
Скоблёный плот.

Владислав Куприянов

Глава 1

«ТАК НЕ БЫВАЕТ!!!»

— Красивые цветы. Спасибо, Рома, — сказала Ольга и помакнулась лицом в припорошенные редким снежком розы.

Мы стояли с ней в рыхлом пятне света, падающего из круглого окна ее подъезда.

— Фирма веников не вяжет, — сообщил я и даже почувствовал, что покраснел от сознания своей беспросветной тупости и никчемности. Придурок. Остряк-самоучка. Ну почему с ней (и только с ней!) я бываю таким идиотом?!

Я знал, что улыбка ее вовсе не высокомерна, и понимал, что если бы не нравился ей, она не стояла бы тут со мной, время от времени стряхивая искрящиеся снежинки с упрямых волос... Но я ничего, НИЧЕГО не мог с собой поделать!

Почти всегда, в любой компании я умел находить слова, которые делали меня своим: шутку, байку, анекдот... Но Ольга была так красива, так неправдоподобно красива, что ее улыбка казалась мне приговором, и если я и ухитрялся что-то еще выдавливать из себя, то такие пустые и банальные фразы, что они, с кар-

тонным шорохом падая на землю, превращались в промокшие окурки «L&M» или мятые обертки из-под мороженого...

«Есть только два пути, — решил я наконец, — попрощаться или спросить, не могу ли я зайти к ней... выпить чашечку кофе. Сама она меня, конечно, не пригласит, но, кто знает, может, и не прогонит... Попрощаться или спросить? Еще не известно, какой из вариантов будет для нее обиднее. Зато второй — несомненно, беспроигрышен. Если откажет, не изменится ничего, я же при этом не буду выглядеть тюфяком. А если не откажет...»

А ведь я знал... К сожалению, знал, кто из наших спал с ней. Но такое сегодня время. Никто не может оставаться ангелом. Или это даже к лучшему: не прогонит и меня. Но у нас-то с ней все будет серьезно...

Да! Сейчас я должен поцеловать ее и спросить: «Можно, я зайду к тебе?..»

Я приоткрыл рот, сделал короткий нервный вдох... И с ужасом услышал, как мои собственные губы внятно произносят:

— Ну, я, пожалуй, пойду... Увидимся?

И даже это «увидимся» было не утверждением, а обращенной к хозяину мольбой существа третьего сорта, рассчитывать которому не на что!

— Наверное, — усмехнулась она.

Презрительно? А может быть, многообещающе? Хотя с чего бы?.. Или все-таки?..

Она повернулась ко мне спиной, тронула кнопки кодового замка и скользнула в подъезд. А я, костеря себя на чем свет стоит, двинулся к своему дохлому «форду-сиерре» с дядькиного плеча.

Нет на свете машины нелепее моей. Даже «Ока», хотя и является не чем иным, как пылесосом на колесах, на мой взгляд, практичнее и милее. Потому что древняя иномарка — это проклятие российского автомобилиста конца второго — начала третьего тысячелетия. После августовского скачка бакса детали на иномарки подпрыгнули раз в десять, и новая коробка передач, например, стоит сейчас больше, чем вся эта колымага целиком. А «летит» все по кругу...

Да, сам бы я такую не купил... Впрочем, нет, надо быть честным, хотя бы перед собой. Сам бы я И ТАКУЮ не купил. Откуда деньги у студента-филолога?

«Сиерру» эту подарил мне мой дядька. Он у меня предприниматель (читай: бандит), и эту машину всучил ему какой-то хачик в счет погашения долга. Больше хачику отдать было нечего. Беден был хачик на мою беду. «С дурной овцы — хоть шерсти

клок», — решил дядька и машину взял. Но ему-то, крутому, этот металлолом зачем? Вот мне и пожаловал, приговаривая: «Запомни, Рома: не любят красивые женщины — купи крутую тачку; нет денег на тачку — заведи красивую женщину...»

Подойдя к машине, я даже пнул ее в сердцах... Но, честно говоря, не только для того чтобы выместить на ней разочарование от бесславного прощания с Ольгой, но и из чисто практических соображений: без этого почему-то не открывается замок водительской дверцы.

Я уселся за руль и повернул ключ зажигания. На удивление машина завелась сразу, не успела еще, значит, остыть. А то бы я попрыгал тут. Я ведь обычно и не езжу при минусовой температуре: хрен заведешь. Сегодня же вывел ее только для того, чтобы пустить пыль в глаза Ольге. Встретить девушку не просто, а на своей собственной тачке!.. Пришлось при этом забашлять какому-то парню на нормальной «девятке» за то, что он кварталов пять тащил меня на буксире, пока моя «сиерра» не затарахтела самостоятельно. За эти деньги я спокойно проехался бы и на такси. И на обратный путь еще осталось бы.

А «пыль в глаза» пустить все равно не получилось. Ольга села в машину с нескрываемой опаской. Еще бы! Разве на ТАКИХ машинах возят ТАКИХ девушек?! Тут только я понял, что злобными размышлениями об автомобиле я подсознательно гоню от себя мысли о своей мужской несостоятельности и позорном бегстве от ее подъезда...

Я включил печку, и окна моментально запотели. Но ничего, скоро оттают. Я закурил и тронулся. Запустил дворники, и в тоненьком слое свежего снега образовалось два полукруга. При этом я нечаянно газанул сильнее, чем надо, нешипованная, да еще и лысая резина секунд пять побуксовала, и машину повело в сторону. И вот так неказисто, как корова на льду, с трудом выровнявшись и взревывая, она наконец тронулась. Хорошо хоть этого Ольга не могла видеть...

Но в конце концов, не я ли в детстве из принципа снимал тормоза с велосипеда? За ненадобностью! Я никогда не ладил с техникой, никогда не мог ничего починить, но никогда и не жаловался. Я всегда умел приноравливаться к любым неисправностям и не боялся их.

И вот я иду уже под девяносто. Снег стал гуще, и встречные машины видны только парами огней. С моими водительскими талантами в такую погоду следовало бы встать на обочину, вклю-

чить аварийку и дождаться конца снегопада. Но если снег будет валить часа два, самостоятельно мне тогда уже не завестись, а цеплять меня ночью никто не остановится... Ладно. «Дотянем до леса, — решили друзья...»

Мне казалось, я еду очень даже рискованно, на весьма приличной скорости... Но какие-то мудаки преспокойно меня обгоняли, и это бесило еще больше.

Перед глазами возникло насмешливое лицо Ольги. Я нервно затянулся, и огонек сигареты обжег пальцы: оказывается, я уже курю фильтр. Я закашлялся и стал крутить ручку окна, чтобы выбросить окурок в промозглую тьму. Как раз в этот миг машина поравнялась с перекрестком, а желтый глаз светофора сменился красным.

Выбрасывая бычок наружу, я машинально отреагировал на сигнал светофора: отжал сцепление и ударил по тормозам. Сознавая, что делаю все неправильно, совсем не так, как полгода назад учил меня инструктор по вождению... Надо было спокойно проскочить на красный «ввиду небезопасности маневра», а еще правильнее было бы плавно снизить скорость загодя... Все я знал... Но было уже поздно, и я лишь вцепился в баранку обеими руками, в то время как машина, словно на коньках, заскользила по обледеневшему шоссе, практически не замедляясь.

Она неслась вперед, слегка разворачиваясь при этом влево. Угловым зрением я видел ряд мчащихся на меня огней. Вот так. Допрыгался... Первый удар пришелся по левому заднему поворотнику. От сотрясения у меня потемнело в глазах. Но лишь на миг. Как раз за этот миг мою «сиерру» окончательно развернуло — мордой к потоку автомобилей, которые только что мчались позади меня. И я, придя в себя, увидел несущийся прямо на меня огромный джип «чероки». Я даже успел разглядеть за его лобовым стеклом перекошенное лицо вцепившегося в руль «братка».

Удар!.. Зажмурившись, я приготовился к боли, к хрусту ломающихся костей, рвущих сухожилия и кожу... Но... Почему у меня есть время представлять все это? Я приоткрыл глаза. В висках стучало. Я глубоко вздохнул, и розовая пелена ужаса в моих глазах рассеялась. И я увидел перед собой все те же вытаращенные глаза бритоголового.

Такие, как он, в отличие от меня страховочным ремнем не пристегиваются. Или он на подушку надеется? Ну и где она, подушка?.. Подавшись вперед, бритоголовый уже почти касался лбом стекла, как бы готовясь выбить его. Вот, значит, почему это окно называется лобовым.

Но что за чертовщина?! Почему со мной ничего не происходит?! Хотя я много раз читал, что перед смертью течение времени словно бы останавливается. И сейчас я вспомню всю свою жизнь. Она, словно пущенное задом наперед кино, галопом пронесется перед моим внутренним взором. А затем время вновь извергнется гибельным вулканом, и бритая голова водителя джипа все-таки пробьет стекло, а моя грудная клетка лопнет, стянутая серым ремнем безопасности, и машины завертятся, закружатся нелепыми фигуристами на катке магистрали, вовлекая в аварию все новых и новых несчастных...

Но ничего этого не совершалось. Никакого движения. И я с удивлением осознал, что даже поблескивающие в свете фар снежинки за лобовым стеклом не падают, а висят, как малюсенькие елочные игрушки, привязанные к чуть подрагивающим невидимым нитям...

Я попробовал шевельнуться, почти уверенный, что ничего не выйдет. Раз уж весь мир застыл, словно воздух — прозрачный лёд, то и я — вмёрзший в него карась... Но ни фига подобного: двигаться мне ничего не помешало.

Я отстегнул ремень и вышел из машины. Мир продолжал цепенеть. Самое подходящее слово, это я вам как филолог заявляю. Именно цепенеть. Все окружающее нелепо застыло, мелко дрожа, словно изображение на видео в режиме паузы. Нормально двигаться мог только я.

Хотя нет, не только. Теперь лишь я увидел, что на обочине дороги стоят два персонажа в нелепых светло-розовых плащах. И они делают мне руками знаки. Похоже, они зовут меня. Позади них призрачным зеленым светом мерцает прозрачный куб размером чуть больше человеческого роста.

Я не люблю фантастику... Любил раньше, но после того как на филфаке почитал НАСТОЯЩУЮ литературу, к фантастике стал относиться довольно прохладно. Но иногда все-таки почитываю... Так вот, картина была явно из романа какого-нибудь Головачева или Лукьяненко. То есть неправдоподобно-глупая.

Я хотел крикнуть «розовым»: «Кто вы?», и мне казалось, я даже сделал это... Но не услышал собственного голоса, мой вопрос остался лишь мысленным. А им надоело ждать, когда я наконец послушаюсь их, и они сами побежали ко мне. Тогда я на подгибающихся ногах шагнул им навстречу, а затем тоже побежал, вдруг осознав, что это невероятное оцепенение мира может прекратиться так же внезапно, как началось, и тогда я погибну под колесами одной из этих машин, уже втянутых в ДТП и сто-

ящих под самыми неестественными углами, порою касаясь друг друга. Ведь я нахожусь в самой их гуще.

Я видел похожих на восковые куклы людей в салонах этих автомобилей. Лица у некоторых из них были перекошены испугом, у некоторых — недоумевающие, некоторые уже успели расквасить носы и лбы, а на лице девушки, вцепившейся в руль новенького белого седана, я заметил оскал упоительного азарта...

Я даже приостановился. Такой кадр отлично вписался бы в клип на песню Высоцкого: «...чую с гибельным восторгом: пропадаю! Пропадаю!!!» Но тут люди в розовом, встретившись со мной, схватили меня за руки и торопливо поволокли к обочине.

Едва добравшись до зеленого куба, они, отпустив меня, окунулись в его стенку (именно окунулись) и вытащили из него, держа под мышки, тело.

Впервые за все время этой переделки мне стало по-настоящему дурно. То есть меня чуть было не стошнило. Это было МОЁ тело с моим же, само собой, лицом. Было бы странно, если бы я не узнал это лицо и эту одежду. Никогда я не любил свое лицо, и мой внутренний взор рисует меня совсем другим человеком, значительно более симпатичным... Но я достаточно часто видел это лицо в зеркале, чтобы смириться и уяснить: это и есть я.

Сглотнув и с трудом оторвав взгляд от открытых глаз мертвого двойника, я глянул на одного из «розовых». Это был усатый, слегка смахивающий на Андрея Макаревича мужчина с припухшим, словно после вчерашней попойки, лицом, глазами чуть навыкате и вьющимися волосами. Поймав мой взгляд, он недвусмысленно показал мне жестом, что я должен помочь.

Я подхватил своего двойника за ноги, отметив, что и полуботинки на нем такие же точно, что и на мне: потрепанные «Саламандры». Купить что-то поинтереснее или хотя бы поновее не получилось: все деньги ушли на текущий ремонт «форда», а последняя заначка — на сегодняшний букет Ольге.

Втроем мы доволокли тело обратно до моей машины и усадили его в кресло. Руки от вибрации чуть немели, но я, понимая уже, что мы занимаемся инсценировкой моей гибели, без каких-либо подсказок влез в салон и пристегнул тело ремнем к спинке сиденья так, как недавно был пристегнут сам. Делая это, я коснулся груди, а затем и шеи моего двойника... Меня прошиб пот, и слегка закружилась голова. Это тело не было мертвым, как показалось мне сначала, оно просто пребывало в том же оцепенении, что и всё остальное, кроме меня и «розовых».

Но попереживать по этому поводу мне не дали и из машины выдернули рывком. Бегом мы вернулись к зеленому кубу и тут же

вошли в него. Только тут вибрация прекратилась, и это принесло ощутимое облегчение. Все происходящее снаружи было прекрасно видно.

Едва я успел обернуться, чтобы глянуть на место своей чуть было не свершившейся гибели, второй из «розовых» (был он пониже первого ростом, так же пучеглаз, но бледен и лысоват) коснулся рукой продолговатого металлически поблескивающего предмета на груди... И мир ожил. И лопнула ватная тишина.

Завизжали тормоза, заскрежетал и загрохотал коверкающийся металл. Мой «форд» был уже не виден под грудой наползающих на него машин-айсбергов...

Лысоватый, прищурившись, обернулся ко мне и, скривив рот в улыбке, слегка нараспев произнес:

— Беда-а...

Я согласно кивнул, хотя мне и показалось, что сказал он это почему-то с иронией. Теперь ко мне обратился кудрявый, так же распевно, но с интонацией явно официальной:

— Поздравляю вас, государь. Волею Провидения вы спасены.

— Спасибо, — выдавил я и не узнал собственного голоса, думая в то же время о том, с какой это стати я стал государем. Похоже, меня с кем-то спутали. Хотя главное то, что они вытащили меня из мясорубки, так что пусть называют, как хотят. «Хоть тушкой, хоть чучелом...»

— Служим престолу и отечеству, — проблеяли мои спасители. Я уже перестал чему-либо удивляться, но если бы даже и не потерял эту способность, все равно не успел бы. Потому что как раз в этот миг из гибельной кучи малы, кувыркаясь по продольной оси, прямо на нас помчался тот самый белый седан, за рулем которого я видел азартную девушку.

— Эй-эй! — испуганно выдохнул я и ухватился за руку того, который напоминал Макаревича, по-видимому, инстинктивно ощущая в нем большую силу, чем в лысоватом. Хотя у меня и мелькнула успокоительная мысль, что под защитой зеленого куба мы неуязвимы, ведь, наверное, это какое-нибудь сверхпрочное силовое поле. Но мои спасители так не считали. С поспешностью, явно продиктованной боязнью, лысоватый вновь коснулся брелка...

И все померкло.

А очнулся я уже совсем в другом месте.

Хотя «очнулся» — не самое точное слово, которое тут подходит. Я ведь и не терял сознания. Но и в реальности в полном смысле этого слова я тоже не оставался.

В тот момент, когда «розовый» задействовал свой брелок, каждая моя клеточка ощутила щемящую, похожую на оргазм, блаженную боль... А еще через мгновение мне показалось, будто бы я раскололся на тысячу разноцветных искр, которые, словно трассирующие пули, растянулись в светящиеся змейки. И, вращаясь вокруг одной оси, они радужным веретеном протянулись через холодную бездонную черноту вселенной...

Сколько длилось это болезненное счастье? Миг? Вечность? И то, и другое?.. И вот, спустя этот миг или эту вечность, я и мои спасители очутились в некоем новом месте. В ушах еще звенело и сладко посасывало под ложечкой, а я уже оглядывался по сторонам.

Вообще-то я догадывался, что спасли меня (или похитили?), конечно же, пришельцы из будущего. Прежде всего потому, что уж больно они походили на рыцарей Джедаев из «Звездных войн». Но это, однако, не довод... Ну а кем еще они могли быть? Инопланетянами? Чепуха! Не верю, как Станиславский! Жителями параллельного пространства? Не верю я и ни в какие параллельные пространства. Правда, я и в пришельцев из будущего не слишком-то верю... Но будущее, оно все-таки как-то реальнее, чем параллельные миры.

Ну а то, что я увидел теперь, догадку мою однозначно подтверждало. Это помещение... Или скорее пейзаж... Это была как бы полянка, и не маленькая, метров двести в диаметре, покрытая темно-зеленой сочной травой, а кое-где и невысокими, причудливо изогнутыми деревцами, словно сошедшими с японских акварелей на шелке. И все же потом, когда я узнал, что это — рубка и единственное жилое помещение космического корабля, я даже не удивился сильно. Из-за прозрачного, усеянного яркими-яркими звездами полусферического купола, накрывающего эту полянку.

Казалось бы, что такого — трава в планетарии. Пусть даже и чрезвычайно большом. Но я почти сразу заметил и то, что делало окружающее по-настоящему невозможным. По прозрачному, как мне сперва показалось, куполу туда-сюда, от звезды к звезде бегали сотни малюсеньких, но отчетливо видимых космических кораблей самых разнообразных форм. Причем довольно часто корабли эти не ползли куда-то, а просто исчезали в одном месте, а в другом появлялись, и между двумя этими точками в тот же миг возникала и тут же исчезала светящаяся линия... И я понял, что никакой это не прозрачный купол, а огромная звездная карта.

Все эти впечатления и мысли заняли совсем немного времени. Ситуация требовала от меня немедленной адаптации. А я еще во время службы в армии заметил, что способен на это, благодаря

чему часто выходил из сложнейших переделок. И еще благодаря чувству юмора. А переживал после, когда опасность была уже далеко позади...

Я переключил внимание на обитателей этого помещения-пейзажа. Теперь, кроме меня, их было трое: два моих спасителя-похитителя и седовласый с залысинами голубоглазый старик, одетый в нечто, до смешного напоминающее национальный русский наряд. Жаль, не знаю названий его деталей... Длинная белая рубаха с закрытым воротом, подпоясанная тонким пояском, темно-синие широкие штаны, лихо заправленные в черные глянцево поблескивающие полусапожки. А на шее, поверх рубахи, у него висел крестик! Неужели христианство доживет до... До каких времен? Откуда, из каких пучин времени прибыли за мной эти люди?

Моя мысль о живучести христианской религии подтвердилась тут же.

— Благодарение Господу, все прошло удачно, — произнес старец, перекрестился и слегка поклонился мне. — Рад приветствовать вас, государь мой.

— Кто вы, люди добрые? — в тон ему, по-былинному задал я наконец вопрос, который хотел задать еще на автостраде. И тут заметил, что ни старец, ни розовые Джедаи не стоят, как я, на траве, а как бы парят в сантиметре над ней.

И мне пришло в голову, что все происходящее — все-таки какая-то загробная фантазия. Просто я разбился в аварии, а в последнее предсмертное мгновение мой мозг сумел впихнуть такое количество образов, ощущений и несуразных видений, что мне кажется, что жизнь продолжается... Говорят, звезда гаснет, а свет все летит и летит... Почему у меня возникли именно такие видения? А кто его знает?! Кто объяснит, почему нам снятся именно такие, а не иные сны? А может быть, я и в самом деле сплю? Сон — всё, в том числе и сама авария? Мысль не оригинальная, но всё объясняющая.

Я немножко увлекаюсь техникой видения осознанных снов, читал в Интернете специальные методики и пару раз ухитрялся управлять своими сновидениями. Это, надо сказать, чертовски занятно. Итак, если это сон, я, дважды посмотрев на какие-то одинаковые мелкие детали, например цифры или буквы, увижу совершенно разную картинку.

Я глянул на часы. 1.23. Отвел глаза. Посмотрел еще раз. 1.24... Ну, это еще ничего не значит: просто одна минута закончилась и началась другая. Тогда я посмотрел на небольшой участок купола и запомнил расположение нескольких звезд, отвел

глаза, посмотрел снова... То же самое. Не сон? Я поспешно поднес ко рту запястье и со всей силы укусил себя... Больно было нестерпимо.

— Полно, Роман Михайлович, — замахал на меня руками старикан, улыбаясь, — не спите вы, не спите! Я сейчас вам все объясню. Возьмите-ка вот это, — подал он мне какой-то предмет.

Машинально протянув ладонь, я принял из его рук нечто бесформенное, на ощупь похожее на кусок подтаявшей замазки... И тут же пожалел об этом. Потому что ладонь обожгло, и огонь, похожий на тот, что бывает, когда натощак или с мороза хватишь полстакана водки, пробежал по всему моему телу... А в ладони уже ничего не было! «Замазка» всосалась в нее!

Я отшатнулся от старца... И неожиданно для себя отлетел от него метров на пять. И повис над травой под углом к земле градусов в сорок пять.

— Успокойтесь, — пряча улыбку, сказал мне старец, — просто теперь тут, в корабле, вы сможете управлять своим телом так же, как и мы.

С этими словами он сперва еще чуть приподнялся над поверхностью, а затем принял горизонтальное положение и, взмыв под купол, сделал кульбит. И тут же вернулся на прежнее место.

— Попробуйте, — предложил он.

Я послушно попробовал и, к собственному удивлению, без малейшего труда повторил его трюк, сам не понимая, как мне это удается.

— Чего же они ко мне ТАМ не подлетели? — показывая на «розовых», несуразно спросил я, вернувшись к старцу. Но он понял меня.

— Эта штуковина называется «мнемогравитат» или просто «гравитат» и действует только там, где установлены специальные генераторы, — пояснил он. — В нашем мире пользоваться им могут лишь самые высокопоставленные персоны. Всякий раз, когда вы будете входить в зоны действия подобных генераторов или выходить из них, вы будете ощущать во всем теле эдакое легкое жжение, словно... — Он замешкался в поисках сравнения.

— Словно водки выпьешь, — подсказал я.

— Точно! — обрадовался старец и хитро прищурился. — А не желаете ли, кстати?

Я уже привык к певучему говору моих спасителей-похитителей, и интонация, с которой седовласый и лысоватый христианин предложил мне выпить, ясно указала мне на то, что сам он это сделать никогда не прочь. Я пригляделся и заметил, как забегали его бездонные глазки...

— Отчего же? — согласился я. — За знакомство, например. Или за мое удивительное спасение.

— Вот-вот, — благостно подтвердил старец. — Водочки? Коньяку? Али чего другого?

— Водки, — выбрал я. — Легко.

И тут же прямо из земли между нами вырос ажурный столик с графинчиком, рюмочками и какими-то закусками. Я вспомнил «Мастера и Маргариту». Пробуждение Степы Лиходеева. Но на Воланда старикан не тянул. Как его зовут-то хотя бы?

— Меня, Роман Михайлович, Сэмюэлем зовут, — словно отвечая на мой мысленный вопрос, сказал он, разливая прозрачную жидкость в четыре рюмки. Заметив мое удивление, пояснил: — Русские имена, к сожалению, в быту совсем не сохранились. А уж тем паче традиция по отчеству величать. Отца моего, к примеру, звали Сомерсетт. Согласитесь, вряд ли можно было бы услышать что-либо глупее, чем Сэмюэль Сомерсеттович?

— Да уж, — промямлил я, принимая рюмку из его рук.

— Так что хотя я и считаю себя чистокровным славянином и, кстати, горжусь этим, зовите меня просто Дядюшка Сэм. Я к этому привык.

Я подумал, стоит ли сообщать ему, что когда-то Дядюшкой Сэмом было принято называть Соединенные Штаты Америки да еще и изображать этаким набитым долларами злобным толстяком с сигарой в зубах... Но решил воздержаться. Вместо этого обернулся к «розовым»:

— А вас как звать?

В том, что они — подчиненные Дядюшки Сэма, и в том, что субординация тут строжайшая, сомнений не возникало. Это было ясно хотя бы уже по тому, как бедолаги притихли и оцепенели. Но распивание спиртного, видно, нарушением дисциплины не считалось: оба Джедая уже держали в руках по рюмашке. Услышав мой вопрос, они искательно посмотрели на начальника. Тот, чуть заметно кивнув головой, заметил:

— Подчиненных у нас принято называть по фамилиям.

— Синицын, — представился кудрявый, слегка поклонившись.

Затем назвался лысый:

— Семецкий. Можно Сёма, — добавил он, крякнул и виновато посмотрел на Дядюшку Сэма.

— Так за знакомство! — протянул я рюмку, чтобы чокнуться, но никто из троих не поддержал меня. Я сперва удивился, но потом догадался, что этот обычай людям будущего неизвестен.

— За знакомство, — повторил я и просто опрокинул рюмку в рот. И остальные последовали моему примеру.

А водка-то оказалась не фонтан. Просто самогон какой-то, а не водка... Взяв с овального блюдца что-то мокрое и твердое, я сунул это в рот и похрустел. Вот это вкусно. Овощ или корешок какой-то. Какой, не понял. Вроде как маринованный. Сойдет, короче.

— Ну и что вы со мной собираетесь делать? — спросил я, прожевав.

— С вами? — поднял брови старец с деланным удивлением. — Ошибаетесь, дорогой Роман Михайлович. Это вы с нами будете делать... Все, что только пожелаете. Ведь вы, Роман Михайлович, царь наш батюшка.

Ну вот, приехали... Вообще-то после повторенного несколько раз обращения «государь» я был готов к чему-то подобному. Но все-таки удивился.

— Царь? — переспросил я тупо.

— Вот именно, — подтвердил он. — Наш символ, наше национальное знамя. Наш оплот и надежда на возрождение.

— С какого хрена? — сбил я елейность его тона грубой интонацией.

— Кровь у вас монаршая, вот с какого, — заявил он.

— Поясняй, — потребовал я и вдруг заметил, что тон, с которым я это произнес, и впрямь какой-то царский. — С каких это пор опять цари появились? В мое время демократия была, президент был — Путин. Туманный, но вроде нормальный.

— Поясняю, — кивнул он. — Все просто. Реставрация монархизма в России произошла еще в начале двадцать первого века. Ежели бы вы, Роман Михайлович, в автомобиле не разбились, вы бы это дело и сами застали. После долгой, почти в сто лет, паузы царем себя провозгласил Никита Михалков...

— Михалков?! Актер?! — не поверил я своим ушам. — Тот, который «шагает по Москве»?!

Дядюшка Сэм пожал плечами:

— Я не совсем понимаю, о чем вы говорите, я, видите ли, не историк и не в курсе всех политических интриг того времени... Знаю лишь, что избран президентом он был в основном при поддержке провинции, тогда как названная вами Москва была чуть ли не поголовно против... А царем он себя провозгласил, положив, так сказать, судьбу свою на алтарь служения отечеству. Ибо, будучи монархистом, иного пути реставрации самодержавия он не видел. Самодержавие, православие, народность — вот триединый оплот России во все века ее процветания.

Тут я вспомнил, что Михалков в одном своем фильме и в самом деле сыграл царя. «Сибирский цирюльник» фильм называется. Кто бы мог подумать?! Хотя... Другой киношник — Станислав Говорухин — тот, помню, да, выставлял свою кандидатуру на президентских выборах. Опять же, Рональд Рейган... Видно, дурной пример оказался заразительным...

А Дядюшка Сэм продолжал:

— Кончил он худо. Как всякий самозванец. Началась на Руси смута, и то ли на кол его посадили, то ли просто пристрелили, аки пса сбесившегося... Однако ж самодержавие на Руси с тех самых пор так и стоит незыблемо. Так что спасибо ему, каков бы он ни был.

— За Никиту Михалкова? — предложил я, подняв пустую рюмку и почувствовав, что на глаза навертываются слезы. — А я ведь его живьем видел. В Доме кино, на встрече...

— Не может быть! — воскликнул Дядюшка Сэм, всплеснув руками. А затем, недоверчиво на меня поглядывая, стал молча разливать.

— Да честное слово! — даже обиделся я. — Чего особенного?! Вся группа ходила. После встречи фильм «Утомленные солнцем» показывали. Классный фильм. И мужик классный. Усатый такой, обаятельный, как кот. А еще больше на кота он в «Шерлоке Холмсе» похож. Да я его вот так, как вас, видел, правда! Автограф не взял только потому, что я их не собираю.

— Сомкнулась связь времен! — заявил Дядюшка Сэм, видно, прекратив подозревать меня во лжи. И хоть я и не слишком прилежный студент-филолог, я все-таки узнал цитату. Это он Шекспира наизнанку вывернул.

— Это судьба, — продолжал он. — Вы были знакомы с тем, кто восстановил на Руси монархию.

Это, конечно, большое преувеличение, говорить, что я был с ним знаком. Видел, не более. Но Дядюшка продолжал:

— Это мистическое подтверждение правильности нашего пути! Если доселе у меня и были сомнения, то отныне их больше нет! За пчеловодов! За Михалкова!

Я не стал спрашивать, при чем тут какие-то пчеловоды. Какое мне дело? Вот за Михалкова — не грех. И мы выпили, опять же не чокаясь, но тут уже с полным правом, так как вроде бы «за упокой». На кол — это неприятно...

— И все-таки, я-то тут при чем? — спросил я, проглотив очередной неизвестный овощ. — Мало ли кто Михалкова видел?!

Дядюшка Сэм строго на меня посмотрел. На щеках его играл хмельной румянец.

— Ладно, — сказал он. — Не хотел я так сразу вводить вас в курс дела. Но раз уж есть мистические знамения... А я, знаете ли, верю в мистические знамения... Буду с вами предельно откровенен.

— Пожалуйста, — попросил я. — Мне бы очень хотелось.

— В Думе идет борьба фракций, — понизив голос, начал Дядюшка Сэм. — Власть нынешнего самодержца Рюрика ведет Россию в тупик. Наша фракция оппозиционна, и все идет к тому, что вскоре она будет объявлена вне закона и представители ее подвергнутся гонениям. Самый надежный, хотя и сложнейший способ уберечь себя, а также и спасти Россию — сделать царем своего ставленника. Но мы никогда и не подумали бы о такой возможности, если бы не появилась реальная возможность предъявить сенату истинного потомка рода Романовых.

По его логике однозначно выходило, что потомок рода Романовых — я. Это предположение было столь нелепым, что я даже не стал пытаться его перебить, а просто промолчал и стал слушать дальше, надеясь, что объяснение прозвучит.

— Мы сделали ставку на чудо. Мы профинансировали работу над установкой, которую в легкомысленной литературе вашей эпохи было принято называть «машиной времени». И вот результат: мы изъяли вас из вашего времени, причем так, что это никоим образом не могло повлиять на ход истории и привести к необратимым последствиям.

— Но ведь я-то — не потомок Романовых! — не выдержав, наконец вскричал я. — Моя фамилия Безуглов!

— Без-углов, — зачем-то раздельно произнес Дядюшка Сэм и хитро на меня посмотрел. — А вы никогда не слышали о том, что прадед ваш получил эту фамилию в детском приюте? Что когда его подобрали, родителей своих он не помнил?.. Без-углов — это ведь значит только то, что человек не имеет своего угла, не так ли? Ваш прадед был беспризорником... Его реальная фамилия была совсем иной, опасной в те времена. И все-таки — не Романов. Он был незаконнорожденным сыном князя Романова. Генный детектор безошибочно показывает в вас прямого наследника царской династии, и ежели возжелаете, я представлю вам, милейший государь мой Роман Михайлович, ваше до тонкостей нами восстановленное иерархическое древо...

— Потом, — махнул я рукой, в который уже раз за сегодняшний день чувствуя себя полным идиотом. И особый идиотизм

заключался в том, что ситуация перестала казаться мне сказочной и невероятной. Она обрела плоть и логику.

— Водочки? — неожиданно, несмотря на субординацию, обрел дар речи лысый Джедай. Видно, уж очень жалко я выглядел. Я с благодарностью посмотрел на него... Никогда раньше не замечал я в себе способностей к предчувствию, но сейчас, в миг потрясения, мне показалось, что в лице этого человека я вижу некую незримую печать. «Не жилец», — подумалось мне.

— Налей, — согласился я. — Как твоя фамилия, подданный? — попробовал я на вкус новое для меня словечко. — Запамятовал я.

— Семецкий я, — отозвался он, наполняя рюмки.

— Береги себя, Семецкий, — сказал я, поднимая рюмаху. — Хороший ты, видно, человек. И товарищ твой вроде тоже ничего, — решил я не обижать и второго.

Но похоже, их фамильярность со мной Дядюшке Сэму показалась недопустимой.

— За государя Всея Руси Романа Михайловича Безуглова-Романова, — с нажимом произнес он, — хоть и не венчанного пока на царствование, но законного по крови!

И именно то, что я полностью уверовал в свое царское происхождение, вызывало во мне протест по отношению к этой театральности.

— А меня того... Как Михалкова — на кол не посадят? — поинтересовался я дурашливо. Но Дядюшка Сэм моего ернического тона услышать не пожелал.

— Вся Россия возликует, когда на трон взойдет Романов, — торжественно возвестил он. — Истинно вам говорю.

— А какая она сейчас, Россия? — спросил я. — Большая?

— Восемнадцать планетных систем из тридцати одной освоенной человеком, — не без гордости сообщил Дядюшка Сэм. — Империя включает в себя девять автономных территориальных субъектов.

— А Земля — наша?

— Земли нет, — покачал он головой. — Земля уничтожена в двадцать третьем столетии — двести лет назад. Наш звездолет вращается сейчас как раз по ее былой орбите.

— Эх, — выдавил я из себя, чувствуя, как сердце сжимается от жалости. Вдруг перед глазами почему-то возникло лицо Ольги... Хотя что тут непонятного? Она — последний человек, с которым я разговаривал в своем времени на несуществующей ныне планете... А ведь для меня с того момента прошло каких-то несколько часов!

Может, вытащить и ее сюда — на царствование? Престол Всея Руси из восемнадцати обжитых планетных систем — это не прожженное сигаретой кресло «форда-сиерры» восемьдесят второго года выпуска... Но... Рано об этом. Да и вряд ли это выполнимо.

И не зная, что еще сказать, я просто опрокинул рюмку.

Столичная планета Москва, куда мы сейчас должны были направиться, находилась в центральной части галактики, но для того чтобы добраться до нее, необходимо было, оказывается, сперва подзарядиться энергией на заправочной станции в районе Бетельгейзе. Только тогда мы сможем сделать нуль-пространственный скачок и в один миг оказаться возле Москвы. А до Бетельгейзе будем тащиться целых несколько дней в экономичном режиме «поглощения пространства», как назвал его Дядюшка Сэм.

А энергии у нас маловато потому, оказывается, что ее здорово жрет «машина времени». Особенно в тот момент, когда заставляет время остановиться. Потому-то там, на Земле, когда я в момент аварии замешкался, Синицын и Семецкий и бежали за мной как угорелые. Каждая секунда их пребывания там влетала их фракции не то что в копеечку, а в добрый миллиардик.

Еще я узнал, почему всё там слегка вибрировало. Им ведь нужно было не просто попасть в прошлое, а выкрасть меня в миг катастрофы, то есть именно остановить время. Однако по выкладкам изобретателя установки выходило, что если в паузе не гонять время вперед и назад на коротком отрезке, а по-настоящему остановить его, то все связи между частицами реальности разрушатся, ведь движение — основа материи... И всё тогда. Хана нашему миру.

— А давно уже люди путешествуют во времени? — поинтересовался я.

— Это был первый и последний раз, — сообщил Дядюшка Сэм как ни в чем не бывало, я же от этого заявления просто обалдел. — Как только вы сюда прибыли, установка отправлена в зону безвременья, а изобретатель... — Он, замешкавшись, отвел взгляд. — Из его памяти будет удалено все лишнее.

Однако я догадался, что с изобретателем будет худо.

— А кто он? — спросил я.

— Семецкий, — отозвался Дядюшка Сэм.

«Так я и знал, что этот лысый симпатяга плохо кончит», — подумал я. И дальнейшее показало, что я был прав, хотя и обернулось все совсем не так, как я предполагал... Но все-таки еще более в рассказе Дядюшки Сэма меня поразило другое:

— И лишь ради того, чтобы вытащить меня из прошлого, вы рисковали существованием всего мироздания?!

— Нет. Мы рисковали ради будущего России, — с апломбом заявил он. — И мы выиграли.

«Ненавижу фанатиков», — подумал я. Но промолчал. А еще решил, когда представится такая возможность, предупредить Семецкого об опасности.

Я узнал также, почему Дядюшка Сэм не опасается, что появятся и другие претенденты на российский престол по ветви Романовых. Оказывается, еще во времена правления Михалкова и последующих монархов разнообразные спецслужбы методично «купировали» все ветви романовского генеалогического древа. Чтобы ни у кого не возникало искушения реставрировать эту династию. В результате ни одна прямая линия не дотянула и до конца двадцать первого века.

А меня нашли так. В режиме сканирования «машина времени», рассказал мне Дядюшка Сэм, работает абсолютно безопасно и энергии потребляет совсем немного. Пользуясь этим в сочетании с генным детектором, найти и отследить жизненные пути всех потомков Романовых было хоть и трудно, но выполнимо. Благо, средств не жалели. А образцы генов получили, похитив микрочастицу мощей из соборного Храма Святого Царя-искупителя Николая Второго, канонизированного как мученика еще в конце двадцатого века.

Бред. Но не я его выдумал. Выяснилось к тому же, что нашли меня уже довольно давно, дистанционно сняли мои точные генетические данные и вырастили мой клон. Его-то мы в «форд» и запихали. Клонирование людей, по словам Дядюшки, — преступление страшнее убийства, да к тому же сложное и дорогостоящее дело, в особенности — выращивание в ускоренном режиме. Но последовательным надо быть, даже совершая криминал. «Взялся за гуж, не говори, что не дюж».

Я, конечно же, спросил, почему им тогда было не создать клон самого Николая Второго да и не посадить на трон именно его? Но Дядюшка объяснил, что клонирование людей — дело, противное Богу, это общепризнанный факт, и такого царя народ никогда бы не признал. Без смуты не обошлось бы.

Далее Дядюшка поведал, что носителей генома Романовых в нашем веке нашли довольно много. Почему же остановились именно на мне? Ответ и на этот вопрос был также достаточно прост. Во-первых, возраст, в котором я погиб (а забрать человека из прошлого можно было только в момент его гибели). Царь ну-

жен был не старый, способный продолжить свой род. Но и не какой-нибудь желторотый юнец: держать в тайне его существование до достижения зрелости потомкам тоже не улыбалось. Во-вторых, не зная о своих корнях, я не испорчен сознанием своего врожденного величия, как какие-нибудь Великие Князья — седьмая вода на киселе, схоронившиеся в семнадцатом году в парижских борделях...

Я — самый что ни на есть нормальный русский парень, ни на что особенно не претендующий. Школа, армия, университет... Отличная характеристика для соискателя престола — это так мне Дядюшка Сэм объяснил. А сам я понял по-другому: нашли такого, у которого понтов поменьше, кем вертеть можно будет как угодно... Посмотрим, посмотрим...

А ведь на самом-то деле я всегда, ВСЕГДА, особенно в детстве, чувствовал, что я не такой, как все, что у меня великое будущее! Только ничто этого не подтверждало... Интересно, и вправду это кровь во мне говорила или юношеский максимализм, свойственный всем?..

Узнал я, наконец, и то, почему за такой срок совсем не изменился русский язык... Ничего подобного! Еще как изменился. Современный мне язык они специально для меня выучили. А когда мне Дядюшка Сэм пару фраз на нынешнем русском произнес, я вообще ничего не понял... Хотя своим филологическим ухом кое-какое чисто фонетическое сходство все-таки уловил. Хуже польского, короче. Особенно раздражает обилие внедрившихся в наш язык англицизмов. Даже «здравствуйте» теперь по-русски — «хай»! Вот же гадость какая! А я, между прочим, всегда так с друзьями и здоровался. Но это же в шутку. А когда всерьез — противно...

Так что это даже хорошо, что нам до Бетельгейзе несколько дней лететь, хоть язык чуть-чуть подучу. И вот так, значит, мы и летели, водочку попивали, беседовали о том о сем, порхая над тавкой и кустиками... Только обидно, не нашлось у потомков сигарет. Они мне даже во сне снились...

Особенно много пили за моих родителей. Жалко их. Ночью, когда никто не видел, я даже всплакнул пару раз... Но ничего тут не поделаешь. Я ведь в самом деле в тот вечер насмерть разбился, никто этого не подстраивал, сам виноват. И если меня в прошлое возвращать, то только прямиком в то месиво из железа и мяса, а иначе — никак... Никакого от этого ни мне, ни папе с мамой толку не будет... Хоть бы весточку им... Но нет! И весточки нельзя.

А Ольге каково было узнать, что по дороге от нее я погиб, что оставь она меня у себя, я бы еще жил бы да жил?.. Что ей, трудно,

что ли, было предложить мне зайти к ней? Кофе пожалела? Причем вовсе не обязательно при этом со мной спать было... Хотя и желательно... Так ведь нет, понты не позволили. Может быть, я даже еще и женился бы на ней, детей бы нарожали... Прикидываю, как она себя казнила... Бедная.

А дядька мой — благодетель... Он ведь мне этот «форд» от чистого сердца подарил... Каково ему сейчас?.. Точнее, тогда... Ох, как давно это было. Пятьсот лет назад... Но вина-то моя от этого меньше не становится. Ведь вот сколько я людей несчастными сделал...

Так я горевал и убивался... И в результате слов выучил совсем немного. Зато водки мы выпили с Дядюшкой Сэмом порядочно. Я всё расспрашивал его о нынешней жизни. Например, задал актуальный вопрос: неужели и в двадцать пятом веке люди пьют столько же, сколько и в наше время?! И получил удивительный ответ.

Оказывается, ученые будущего пришли к выводу, что алкоголь в человеческом обществе выполняет важнейшую эволюционную функцию. Он — первостепенный фактор естественного отбора. Выживать ведь стали все кому не лень, независимо от состояния физического и психического здоровья. И человечество из-за этого могло превратиться в вид поголовно больных особей. Но, на свое счастье, люди наткнулись на алкоголь. Только благодаря ему слабые имеют меньше шансов продолжить свой род, и вид в целом не деградирует... А раз так, употребляя алкоголь, ты, рискуя собственным здоровьем, участвуешь в крайне важном процессе глобального оздоровления человечества.

...И лишь от ответа на один вопрос он все время уходил. Чем политика его фракции отличается от политики ныне правящего государя Рюрика Четвертого? Чем тот, собственно, плох? «Я обязательно открою вам это, дорогой мой друг, — говорил он. — Но не сейчас. Сейчас это было бы несколько несвоевременно. Поверьте мне. Если, конечно, вы прикажете, я не смогу вам отказать. Но я прошу: не приказывайте мне этого...» И я не приказывал. Не так уж это и важно.

А еще Дядюшка Сэм показал мне на небесном куполе отображение нашего звездолета. На самой окраине. Полз он еле-еле, как клоп по стенке...

...И все ж таки мы добрались. Когда подлетали к Бетельгейзе, Дядюшка Сэм сделал так, что почва перед нами расступилась, и мы по скобам, словно в канализационный колодец, спустились с ним в какое-то подземное помещение. Внутренности мне при

этом обожгло приятным огоньком, и это значило, что тут я управлять гравитацией уже не смогу. Тут генераторы искусственной силы тяжести обыкновенные, и она неуправляемая, и ходить тут нужно ножками...

Комнатушка, в которую мы спустились, была страшно тесная, не имела ни окон, ни дверей, и освещена была более чем скудно.

— Придется потерпеть, — сказал Дядюшка Сэм. — Незачем вам всем и каждому на глаза попадаться. Тут ведь, бывает, и таможенный патруль случается... Посидите часика три-четыре, пока зарядимся.

Он просочился обратно, и почва за ним сомкнулась, а я остался осматриваться.

Боже ж мой! Да почему ж они меня сразу сюда не определили?! Тут ведь пыль есть! Представляете?! Нормальная человеческая пыль! И какие-то железяки ржавые. И, по-моему, я тут даже мышиные какашки нашел! А больше в этом склепе ничего и не было.

Но как мне тут поначалу хорошо было! Там, наверху, и красиво, и чистенько, да знал бы кто, как мне надоело порхать над стерильной травкой под звездным небом, словно ночной мотылек какой... Только справить нужду и присаживался. А трава эта диковинная все тут же в себя поглощала, и попу еще подтирала... Блин! Ужас.

Однако тут, в склепе, мне, как ни странно, надоело еще быстрее. И часа через два я уже начал тосковать. А когда окончательно убедился, что кучка посередине — это и вправду мышиный помёт, я его осторожненько смёл в уголок, чтобы не наступить.

Самым противоестественным было то, что по перегрузкам, которые я испытал дважды, я определил, что мы и садились куда-то, и потом наоборот — взлетали. Но никто за мной не пришел. Вместо этого где-то часа через четыре от начала моего заточения и минут через пятнадцать после взлета наверху раздался дикий грохот, и мне даже послышались крики. «Таможенники? — подумал я. — Только чем они там могут грохотать?»

После этого шума я просидел еще примерно час. Ничего не менялось, и я начал беспокоиться. А что, если, например, таможня по каким-то причинам задержала корабль, ссадив команду? На сутки или даже на несколько. За сутки я умом тронусь в этой камере, а за несколько могу и помереть. А Дядюшка Сэм и пальцем для моего спасения не шевельнет: пусть уж лучше я помру, чем его уличат в попытке государственного переворота.

Разок я в темноте поднялся по скобам и уткнулся в твердый потолок. Как открыть потайное отверстие? Как пройти наверх? Этим искусством владел только Дядюшка Сэм. Он ведь объяснил мне, что все в этом звездолете слушается только его телепатических команд. И это единственный такой суперсовременный корабль. Остальные попроще.

Я обшарил «потолок», но в гладкой поверхности не обнаружил ни единой выемки или выпуклости. Спустился обратно и попытался выяснить, куда еще можно попасть из этой комнатушки. Оказалось — никуда. Наблюдение, что тут нет ни дверей, ни окон, подтвердилось. Ни намека.

Тогда я поднял с пола металлическую болванку и принялся обстукивать ею стены, надеясь обнаружить пустоты, а значит, возможно, и потайные ходы. Но звук был одинаково гулок везде. Везде вокруг моей кельи была пустота. Попробовал просто колотить железякой поувесистее в стену, но не только не смог пробить ее, но не оставил ни малейшего следа, сам же чуть не оглох. Так же безрезультатна была и попытка пробить «потолок»...

Выхода не было. Нашлось, правда, узкое вентиляционное отверстие в одном из нижних углов комнатки. Но никаких шансов на спасение оно не добавило. Сунул туда руку, но нащупал только гладкие стенки трубы. Покричал туда что есть силы, но без толку. Лишь взмок и основательно проголодался.

Убедившись наконец, что силиться выбраться отсюда самостоятельно бессмысленно, я решил ждать и беречь силы. Я уселся на пол, привалился спиной к прохладной стене, закрыл глаза и стал думать обо всем том невероятном, что произошло со мной за какие-то несколько дней.

Я чудом спасен из автокатастрофы, погибнуть в которой должен был неминуемо. Я совершил путешествие во времени и попал в будущее. Я узнал, что являюсь законным наследником русского престола, и все, что мне нужно было, чтобы вступить в свои права, — добраться до столицы... Которая называется Москвой, так же как и мой родной город. И вот вместо этого я сижу тут, заточенный в душной и грязной темнице, и, возможно, тут-то и суждено мне подохнуть от самого пошлого голода.

Я начал плакать. Я всегда был чересчур раним, иногда слезы навертывались мне на глаза перед телеэкраном в момент счастливой развязки самой наибанальнейшей мелодрамы. Даже индийской. Но в подобных случаях я старался прятать свою сентиментальность от окружающих. Здесь же скрываться было не от кого. Да и основания для расстройства были более чем серьезные. Так что поревел я вволю.

Самое ужасное, кстати, состояло в том, что я понял: оказывается, не отдавая себе отчета, я разработал для себя схему, благодаря которой мог без слез вспоминать о родителях, о друзьях, об Ольге... Она заключалась в том, что, не появись пришельцы из будущего и не спаси они меня, я бы погиб. И никому от этого было бы не лучше. А отсюда то, что я спасся, — радость. Жаль, что об этом не знают мои близкие, но если бы узнали, это была бы радость и для них. Так что можно считать, что живу я теперь и для них тоже, и род наш продолжу. А раз так, то и горевать — глупо. Но теперь эта схема сломана. Всё тщетно. Пусть и не по своей воле, но выходит, что я снова всех подвел...

Я плакал навзрыд, когда почувствовал, что кто-то коснулся моей ноги. Я протер глаза. Передо мной сидела здоровенная крыса. Я брезгливо отдернул ногу. Крыса отскочила в сторону, но уходить не собиралась. И смотрела она на меня как-то нехорошо. То есть, наоборот, уж слишком радостно. Если бы она умела говорить, она бы, наверное, восклицала: «Как много еды! Как мне повезло!..»

Тут я подумал: раз эта крыса откуда-то пришла, значит, выход есть! Я схватил металлическую болванку и запустил в крысу, стараясь не упускать ее из виду. Но чуда не случилось. Крыса юркнула в ту самую отдушину в полу, о существовании которой я прекрасно знал и без нее.

Я вновь прикрыл глаза. И понял, что хочу спать. Что ж, это хорошо. Во сне хотя бы не чувствуешь голода. Время пройдет незаметно, и, кто знает, может быть, за мной все-таки придут... Но крыса!

Я встал и заложил вход в ее нору несколькими железяками. Отодвинуть их зверюге будет не под силу. Вернувшись на место, я почти сразу уснул, отметив, что с начала моего заточения прошло уже больше двенадцати часов.

Проснулся я от того, что почувствовал, как кто-то легонько теребит меня за плечо. Я вскочил, но, где нахожусь, сообразил не сразу. А в еще большее замешательство привело меня то, что я увидел прямо перед собой.

Это была женщина. Похоже, молодая. Но ужасно безвкусно одетая и размалеванная. От ее цветастых юбок исходил кисловатый запах давно не мытого тела. И она прижимала к губам палец, призывая меня молчать.

— Тс-с, — прошептала она. И добавила с сильным акцентом: — Роман Михайл*о*вич.

При этом в моем отчестве она сделала ударение на «о».

— Да? — также шепотом отозвался я.

— Роман Михайлович, — повторила она так, словно пробовала эти слова на вкус. А затем протянула мне сверток, который до этого держала под мышкой.

Это была одежда и провизия. В первую очередь я, конечно же, накинулся на пищу, разрывая упаковки из тонкого пластика, доставая и жадно запихивая в рот хлеб, вареное мясо, сыр, какие-то фрукты и что-то еще, природу чего я не понял. Но это было не существенно. Главное, что это была еда!

Утолив голод, я развернул одежду. Какой-то клоунский наряд. Мятые зеленые штаны с золотыми лампасами и черная, покрытая аляпистыми красными петухами рубаха с кружевами на рукавах и на воротнике. Женщина умоляюще свела брови, и я понял, что одеть все это необходимо, иначе она меня спасать не станет.

Я переоделся. Но «красотка» никуда меня не повела, а присела передо мной на корточки и вновь сказала:

— Тс-с... — показав пальцем вверх. И добавила: — Дядья Сэм.

Это имя окончательно успокоило меня. И если нужно подождать, то я подожду. Я опустился на пол рядом с женщиной, и некоторое время мы сидели молча, почти не шевелясь. Но время от времени она касалась меня — то руки, то щеки, словно проверяя, каков я на ощупь. Или убеждаясь, что я существую. Внезапно она положила руку мне между ног и слегка сжала. Я подпрыгнул от неожиданности, а она залилась смехом, но тут же оборвала сама себя, повторив: «Тс-с!»

Прошло еще около получаса, как вдруг сверху раздался шорох. Женщина, которую, как я к тому времени выяснил, зовут Ляля, потянула меня за рукав к скобам лестницы. Так и есть: почва у нас над головами расступилась, и через трубу колодца засияли звезды корабельного потолка-карты.

Она поползла вверх первой, я двинулся за ней, и вскоре мы выбрались наверх. Ощутив, как по моему телу пробежал знакомый жар, я, воспользовавшись гравитатом, слегка приподнялся над травой. Ляля испуганно охнула, но при этом крепко ухватила меня за руку и поволокла за собой. Оглядевшись вокруг, я сообразил, что идти ногами будет безопаснее.

На лужайке, которая вчера еще была буквально стерильной, царил форменный бедлам. Тут было человек тридцать мужчин и женщин, одетых примерно так, как Ляля и я. Большинство из них валялось прямо на траве, сваленные, по-видимому, доброй

дозой спиртного. Волны перегара и дружный храп подтверждали это.

Неясно, зачем неподалеку от того места, где мы, осторожно оглядываясь по сторонам, выбрались на свет, был разбит латаный-перелатаный шатер. Что может быть нелепее, чем шатер на звездолете? Разве что костры. Они дымили. Да — костры на космическом корабле! Нелепость еще большая, чем шатры. (Позднее я узнал, что и то, и другое абсолютно не функционально, это лишь дань традиции и особый шик.) Посередине поляны-пола, прямо в бесценную «умную» траву был вбит толстенный ржавый кол, и возле него прикованный цепями на руках и на ногах сидел Дядюшка Сэм.

Я не верил своим глазам. Ляля обняла меня за плечи и, имитируя пьяную походку, поволокла прямиком к Дядюшке. Он нас увидел тоже, но никак не реагировал, по всей вероятности, чтобы ничем не привлечь к себе и к нам внимания окружающих. Мы подошли к нему вплотную, и Ляля усадила меня на траву спиной к пленнику и к пьяному в стельку охраннику рядом, которого я заметил только сейчас.

— Мой государь, слушайте меня внимательно, — тихо и монотонно заговорил Дядюшка Сэм. — Мы в опасности, поэтому, чтобы не притягивать к нам излишнего интереса, не откликайтесь и не спрашивайте меня ни о чем. Я постараюсь сам объяснить вам все — исчерпывающе подробно. Делайте вид, что целуетесь с этой девушкой, а еще лучше, целуйтесь на самом деле.

От такой перспективы меня покоробило, но я послушался его и, стараясь не дышать носом, приник лицом к густым волосам Ляли. Как ни странно, пахли они довольно приятно. Дядюшка вещал:

— Итак, мы захвачены джипси. Это грязное бродячее племя звездокрадов — (услышав такое словечко, я вздрогнул), — которое не имеет своей планеты и кочует по галактике на ворованных звездолетах...

— Цыгане! — догадавшись, не удержался я.

— Тише. Молчите. Ни слова больше. Да, правильно, теперь я вспомнил, это племя упоминается еще в литературе вашего времени и именно под этим именем... Итак, мы захвачены. Когда мы освободимся и вы взойдете на престол, я лично подам вам прошение о том, чтобы вы со всею строгостью наказали меня за проявленную неосмотрительность. Их табор кружил вокруг заправочной станции, и это должно было насторожить меня. Но никогда доселе я не слышал, чтобы джипси нападали на звездо-

леты, не покинутые командой. Джипси — отъявленные воры, но не грабители... Однако в этот раз все произошло по-другому. Они напали на нас сразу после того, как мы заправились. Видно, добыча показалась им достаточно простой и лакомой...

Семецкий убит кинжалом, Синицын сбежал на шлюпке, но и ему в открытом космосе долго не протянуть. Похоже, кто-то из персонала станции находится с джипси в сговоре, и свидетелей они не оставят. За меня они могут просить крупный выкуп, ведь мой код социальной значимости чрезвычайно высок. У вас же этого кода нет вовсе, так что, если бы я проговорился о вашем существовании и вас нашли, они просто убили бы вас. А если бы я сумел убедить их в том, что вы наследник престола, они бы потребовали выкуп и за вас. И тогда бы, уверен, вас выкупили не наши друзья, а Рюрик, ведь он на несколько порядков богаче всей нашей фракции. В этом случае вы неминуемо будете уничтожены. Есть опасность, что и меня выкупят не друзья, а враги, но это менее вероятно.

Дядюшка замолчал и тяжело вздохнул. Да, картину он нарисовал невеселую. Но я молчал, уверенный, что у него есть какие-то варианты выхода. И он действительно продолжил:

— Теперь о спасении. Сейчас мы ничего сделать не можем. Но я рискнул открыться этой девушке, пообещав, что, взойдя на престол, вы женитесь на ней...

Дядюшка заметил, как меня передернуло при этих словах, и заговорил еще поспешнее:

— Молчите. Потом что-нибудь придумаем. Сейчас джипси погонят корабль в какое-нибудь укромное местечко. А так как слушается он только меня, с требованием выкупа они пока что повременят. Искать его тоже, кстати, никто не будет, так как создан он был незаконно и тайно, специально для операции по поиску наследника трона. Он не числится ни в каких жандармских реестрах, не имеет опознавательных знаков и радиомаяка. Не будут они сильно торопиться еще и потому, что только меня слушается и синтезатор провизии, а есть и пить они хотят непрерывно. Так что я для них, как это у вас в сказках... Тише, я вспомню сам! Ага! «Скатерть-самобранка».

Так вот. Вы должны сидеть все это время в подземелье и ждать, когда звездолет куда-нибудь прибудет, и тогда эта девушка выведет вас. До тех пор она будет кормить вас. Сидите и ждите своего часа. Эта девушка, как я уже сказал, тайно выведет вас, а затем приведет обратно, назвав своим мужем. Это нужно затем, чтобы я смог найти вас, когда освобожусь сам. Вне табора вам

находиться нельзя, так как в нашем мире без детектора социальной значимости вам не пройти и шага. Только в воровских притонах да тут, в племени изгоев, единственных во всей вселенной людей, не имеющих кода социальной значимости, вы можете чувствовать себя более или менее спокойно. Если, конечно, будете осторожны и осмотрительны.

А теперь идите. Мой болван-часовой может проснуться в любой момент. Наши шансы на спасение малы. Но они есть, мой государь. Не отчаивайтесь. Да поможет нам Бог.

Цыган я всегда недолюбливал. Нет, мне, конечно, нравился фильм «Табор уходит в небо». (Знал бы режиссер Латяну, какое пророческое название дал своей картине!..) Песни, пляски, красавцы-скакуны, любовные страсти и свободолюбие... Красота, короче. Да только все это — не более, чем кино. И даже актриса Светлана Тома в главной роли, играющая прелестную Раду, — сама и не цыганка вовсе. Я по телевизору с ней интервью видел...

А на деле цыгане — это воровство, псевдогадание, хамство, грязь и полный рот золотых коронок. Это паленая водка и анаша в любое время года. И тогда, и сейчас. Пять веков прошло, а ничегошеньки не изменилось! Были конокрады, стали звездокрады! (Хотя словечко это, как я понял потом, придумал для меня сам Дядюшка Сэм, пользуясь продуктивными формами русского языка моего времени. И неказисто придумал. Правильно было бы «звездолетокрады».)

А вот Пушкин цыган любил.

Цыгане шумною толпою
Толкали жопой паровоз
И только к вечеру узнали,
Что паровоз был без колес...

Это такая школьная переделка. Исполнялась на мелодию песни «Как много девушек хороших». Переделка эта нравится мне больше, чем оригинал. Во всяком случае, тот, кто ее сочинил, был менее безответственно сентиментален, нежели Александр Сергеевич.

...В своей мрачной келье я просидел около месяца, совершенно одичав. Почему так долго? Да потому, что в таборе не было больше ни одного звездолета, снабженного гиперпространственным двигателем, и все они тащились на «поглотителях». Это и многое другое я узнал из коротких записок Дядюш-

ки. Их я находил в свертках с едой, которые Ляля раз в день сбрасывала мне.

Пищу из свертка я растягивал на сутки, прикармливая, между прочим, и крысу, нареченную мною Сволочью. На день я освобождал проем ее «норы», и она разгуливала по каморке, привыкнув ко мне и совершенно меня не боясь. Лишь на ночь я загонял ее обратно и вновь закрывал дыру болванками. Крыса, знаете ли, есть крыса, даже если ты с ней и подружился.

Чуть ли не самым отвратительным в моем положении было то, что и справлять свои естественные нужды мне приходилось здесь же. Надо сказать, пища, которую спускала мне с помощью веревки Ляля, была незнакомой и непривычной. А как гласит народная мудрость, «каков стол, таков и стул...» Потому сами собой сложились и постоянно вертелись в моей голове строки хокку:

Что-то не очень
Дружу я сегодня с жопой.
Огурцы с молоком.

Печаль моя была глубока, а вонь неописуема. То ли поэтому, то ли из опасения быть разоблаченной, Ляля больше ни разу не спускалась ко мне. Но меня это вполне устраивало. Зато, как я позже узнал, она часы напролет проводила возле скованного Дядюшки Сэма, обучаясь русским словам моего времени.

Чего я только не передумал за этот месяц... Не утешало меня даже вино, недурное, кстати, которое время от времени спускала мне Ляля вместе с едой... Наконец мы прибыли на космостанцию контрабандистов, где за умеренную плату можно было укрыть под непроницаемым для зондирования силовым колпаком все что угодно, вплоть до звездолета.

Ночью Ляля через автоматические шлюзы станции вывела меня наружу. Несмотря на мои уговоры, крыса Сволочь со мной не пошла. Только выползла проститься. Но оно и хорошо: значит, этот корабль еще не тонет.

— Подарок дядьи Сэма, — сказала Ляля, сунув мне в руку пачку блестящих кредиток. Как бы ни оскорбляло это мое славянское самолюбие, но нынешние русские деньги называются тугриками.

— Как мы встретимся?

— Завтра в десьять часов вечера, Роман Михайлович. — Она все так же делала ударение на «о», но говорила, на удивление мне, достаточно чисто и связно. — В корчме «Ганджа», в баре.

Возможно, это слово произносится и не совсем так, как я расслышал, но вместе с деньгами Ляля сунула мне в руку пластиковую карточку, на которой печатными буквами было написано «Gaundжar». (Слово это цыганское и означает как раз то, что Дядюшка Сэм назвал «звездокрад». Человек, ворующий космические корабли.)

— Не летать! — добавила она, но в тот момент я не понял, что она имеет в виду.

А понял я это несколько позже, войдя в первый же уличный тоннель станции, когда по телу моему прошла знакомая горячая волна... Выходит, я мог бы передвигаться тут, управляя гравитационными генераторами. Но Ляля предупредила — не летать, и я послушно не рискнул воспользоваться своими способностями. А потом понял, почему этого не следовало делать. Ведь одет-то я был как простой джипси, отщепенец, человек вне закона. Стоило мне воспарить, как я был бы моментально разоблачен.

По слабо освещенным тоннелям улиц сновали приспособления, отдаленно смахивающие на автомобили, и я припомнил фильм «Пятый элемент». Примерно на таком транспорте и работал таксистом персонаж Брюса Уиллиса. Кажется, в фантастике эти штуковины называют флаерами.

Прежде всего мне следовало найти место ночлега. Заметив, как одну такую машину человек рядом со мной тормознул обыкновенным взмахом руки, я поступил так же. Машина остановилась, я забрался в нее и обнаружил, что водителя нет. Живому шоферу я бы еще как-то объяснил, что мне надо, но киберу... Пришлось выметаться из такси обратно на тротуар. Позже я убедился, что такси бывают и автоматические, и управляемые живым шофером. Но тогда-то я этого не знал.

И я начал приставать к пешеходам, но они шарахались от меня, как когда-то шарахался и я сам, лишь услышав вкрадчивое: «Молодой человек, дай руку, всю правду скажу...»

Наконец какая-то доверчивая девушка с обнаженной грудью (большинство девушек тут ходило именно так) внимательно меня выслушала. Я эмоционально произносил: «Hotel! Гостиница! Спать! Sleep!..» и изображал, что я, как на подушку, прикладываюсь на свою руку, закрываю глаза, смачно похрапываю...

Девушка, улыбнувшись, сделала недвусмысленный жест, потыкав себя большим пальцем между ног, и вопросительно посмотрела на меня ясными глазами. То ли она хотела узнать, правильно ли она поняла, что я хочу спать с ней, то ли уточняла, бордель мне нужен или что-то другое... Я интенсивно замотал

головой и вновь, закрыв глаза, усиленно захрапел, чтобы уж точно было ясно, что я хочу спать, именно спать и только спать.

Когда же я открыл глаза, девушки рядом со мной не было. Наконец до меня дошло, что Дядюшка Сэм и Ляля скорее всего предусмотрели мои сложности, и в «Гандже» наверняка есть и спальные номера. Показывая карточку тем, кто не шарахался от меня, как от прокаженного, я довольно скоро добрался до этого заведения и с грехом пополам объяснил администратору, что мне нужно.

Это была строго одетая дама лет пятидесяти. Слушала она меня подозрительно, то и дело оглядывая с головы до ног и даже принюхиваясь. Но когда я достал пачку кредиток, она расцвела, и мы скоренько обо всем договорились.

Апартаменты были прекрасными, постель просто роскошной. Я растянулся на ней, но совсем ненадолго. Я ведь уже знал, что лучший отдых — висение в невесомости. Повозившись с замком и уяснив, как он закрывается, я заперся, а затем завис над кроватью и уснул мертвым сном. Это вам не валяться на жестком полу тесной каморки.

...Чтобы оградить себя от случайностей, я не выходил из номера до самого вечера. Наконец в половине десятого я отправился в вестибюль и нашел бар.

Я уселся на порхающее безо всяких ножек сиденье, взял меню и ткнул пальцем в первые попавшиеся на глаза названия. Официантка, девушка в прозрачном, соблазнительно открывающем взору ажурное белье комбинезоне, записав заказ, почему-то продолжала стоять возле меня, натянуто улыбаясь.

Наконец я сообразил, что она, как и давешний администратор, не доверяет мне, и протянул кредитку. Вежливо кивнув, она удалилась, и вскоре мой столик был уставлен знакомыми и незнакомыми яствами. А в качестве сдачи я получил целую гору кредиток других цветов.

Я принялся за дегустацию. И так увлекся этим, что и не заметил, как ко мне за столик подсела девушка. Почти совсем голая. Весь ее туалет составляла узкая желтая лента, заменяющая юбку, и нечто вроде жилетика того же цвета, но с круглыми прорезями для груди...

Хотя сперва я увидел ее ноги. И ноги эти были хороши. Потом я, сам того не желая, уткнулся взглядом в соблазнительно правильной формы отнюдь не миниатюрную грудь. Затем, не без усилия оторвав от этого предмета взгляд, я поднял голову и посмотрел девушке в лицо. И обалдел окончательно. Она была по-

чти точной копией Ольги. Те же полные губы, те же брови дугой, те же черные с поволокой глаза... И она, поймав мой взгляд, чуть заметно улыбнулась мне.

А что у нее творилось на голове! Это был какой-то застывший фейерверк... Хотя нет, не застывший. Что-то там порхало, переливалось и перемигивалось...

Но в конце концов, это первая девушка в мире будущего, которую я могу внимательно разглядеть. Наверное, все они тут не менее прекрасны. И нечего мне пялиться на нее, это, кроме всего прочего, еще и неприлично... Мне сейчас не до девушек должно быть. У меня здесь деловая встреча, от которой зависит вся моя дальнейшая жизнь...

— Ты не узнавать меня, Роман Михайлович? — вдруг услышал я знакомый насмешливый голос и, подскочив как ошпаренный, принялся озираться по сторонам. Но никого, кроме юного создания в желтом, рядом не было.

— Ляля?! — продолжал я не верить очевидному. — Ты?!

— Я, — просто ответила она.

Почему же она так уродовала себя до сих пор?

— Зачем... было всё это? — продолжая стоять, я стал показывать, как будто повязываю на себя одну за другой юбки.

Она поняла меня и не очень-то весело усмехнулась:

— Я — джипси. Мусор. Вор. Так мне надо...

Я понял ее и был тронут. Как часто молодые люди вынуждены подчиняться идиотским традициям своего народа... «Что же мы-то всё в заднице, да в заднице?» «Там наша родина, сынок...»

Но я действительно понял ее. Есть обычаи племени, и она не может не соблюдать их, нравится ей это или нет. Ей жить в таборе, и только в нем... А я — ее единственный шанс стать чем-то большим. Что ж, я не против. Такая девушка достойна быть царицей. А что цыганка... Так когда ж у нас царицы русские были?

И тут я испугался, что опять, как когда-то на Ольгином крыльце, не найду нужных слов, не решусь поцеловать, буду вновь выглядеть полным идиотом... И последствия могут быть не менее чудовищные... «Ну уж нет! — решил я. — Нужно брать быка за рога. Тут, в будущем, нелепые условности, похоже, отброшены». Я вспомнил давешнюю девчонку на тротуаре. И, подавив в себе робость, показал так, как показала мне она — большим пальцем между ног. А потом указал вверх, туда, где была моя комната. И предложил:

— Пойдем?

Ляля холодно отстранилась от меня.

— Я джипси, а не блядь, Роман Михайлович. Есть закон. Нет мужчин до свадьбы.

Вот так.

Я снова обосрался.

В далеком двадцатом веке был у меня приятель, прекрасный поэт Макс Батурин. Он покончил с собой. Заперся в общежитской комнатке и проглотил несколько стандартов снотворного, запивая водкой... Талантлив он был до гениальности. Однажды, когда он был еще жив и здоров, мы, попивая пивко, разговорились о его стихах. И он признался, что у него есть кое-какие технические приемы, наработки, которые он скрывает от коллег по музе и пегасу. Я засмеялся, а он никак не мог понять, что я вижу в этом смешного... А это было как... Как если бы мнящий себя хитрым моллюск скрывал от окружающих свои приемы изготовления больших жемчужин. Что, например, надо для этого брать не обыкновенную средненькую песчинку, а большую, не гладкую, а шершавую и обязательно белую... Но те, от кого сей наивный моллюск прятал эти приемы, просто-напросто не умели вырабатывать драгоценную перламутровую слизь, и жемчужины у них не получились бы, бери они хоть большие песчинки, хоть самые маленькие, хоть гладкие, хоть шершавые...

А на самом деле Макс был ярым жизнелюбом, остряком и весельчаком. И было у него такое стихотворение:

Меня повстречали Оля и Ляля
заверещали они о-ля-ля
меня не чая встретить гуляли
они скучая и тихо скуля

меня они крепко облобызали
ведь мы не виделись с февраля
и бросив в урну букет азалий
который им подарил спекулянт

мне описали свои страданья
мол тра-ля-ля и еще тополя
беседа в пивном закончилась зале
попойкой на двадцать четыре рубля

а потом мне добрые люди сказали
что Оля блядь да и Ляля блядь
и как мне быть теперь я не знаю
смеяться или же хохотать

Вот и я не знал, смеяться мне или же хохотать. Но могу ли я на самом деле в чем-то винить Ольгу? Такие были у нас времена. А у цыган времен нет, у них есть только традиция. И я ощутил, что уже за одно это начал уважать столь глубоко презираемое мною доселе племя.

...Но она не обиделась, и мы весь вечер просидели с ней в «Гандже», болтая, «мол, тра-ля-ля и еще тополя»... Например, я поинтересовался, зачем тут, на станции, принадлежащей контрабандистам, улицы оснащены специальными гравитационными генераторами.

— Здесь что, бывают важные государственные персоны? — спросил я.

— Нет, никогда, — отрицательно покачала она головой. — Тут есть свои большой шишки.

— И это законно? — продолжал удивляться я.

— Нет, тут нет закона, — развела она руками. — Свой закон. Тут порядок, — добавила она. — Он больше, чем там, — показала она рукой в потолок. — Тут — покой.

Я не сразу понял, что она имеет в виду. Но потом дошло. Вот как. Мы — в мире организованной преступности. И, как часто и в России моего времени, мафиози тут умеют поддерживать порядок не хуже, а, возможно, и получше, чем официальные власти.

Хотя говорил в основном я. А она слушала меня, затаив дыхание. Я рассказывал ей о Земле двадцатого века, о родителях, об армии, об институте... Она, казалось, понимала почти все. Она, как выяснилось, была весьма способной к языкам и уже к концу вечера говорила на *моем* русском заметно лучше, чем в начале. Хотя этого следовало ожидать, ведь цыгане всегда схватывали на лету... То, что плохо лежит.

Какой-то пожилой невысокий человек прервал наш разговор, перекинувшись с Лялей несколькими фразами.

— Что ему нужно? — спросил я, когда он удалился.

— Он говорил, что плохо сидеть красивая девушка с джипси. — Она засмеялась, и от звука ее смеха у меня блаженно засосало под ложечкой. Какого черта старый хрыч ходит тогда в «Ганджу», если не любит цыган? А Ляля закончила: — Сказал сесть к нему, потом спать с ним.

Я почувствовал, что багровею, что готов вскочить, догнать и вытрясти из старого козла душу. Ляля же продолжала тихо посмеиваться, но, похоже, уже надо мной. Что, интересно, забавного видит она в этой грязной ситуации?.. Но смех ее был таким искренним и заразительным, что я почти сразу успокоился и даже

хохотнул ей в тон. И подумал, что всегда был туповат в отношениях с женщинами, принимая жеманство за скромность, а прямодушие за испорченность.

Она спросила, умею ли я драться, и я хотел было уже расписать свои вымышленные подвиги, но вовремя осадил себя. Искренность так искренность. И я признался, что драться по-настоящему, как профессионал, не умею. Приходилось, конечно, участвовать в пьяных разборках, но ни самбо, ни боксу, ни, тем паче, восточным боевым искусствам не обучался.

Я боялся увидеть в ее глазах презрение, но вместо этого увидел огонек радости. Оказывается, ее прабабушка по имени Аджуяр, самая уважаемая в таборе колдунья, еще в детстве нагадала ей, что ее муж не будет уметь драться в рукопашной, но принесет ей любовь и счастье. А у джипси есть такой обычай: объявив кого-то своим женихом, девушка должна предложить любому мужчине табора помериться с ее избранником силой в поединке. Вот и еще одна причина, по которой Ляля обычно так отчаянно уродовала себя одеждой и косметикой. Помня о предсказании и боясь лишиться своего счастья, она старалась выглядеть так, чтобы ни один мужчина не захотел бы добиваться ее и не укокошил бы ее беспомощного суженого.

Лишь время от времени, оказавшись вне табора, она позволяла себе, сменив одежду и макияж, хотя бы недолго быть красивой и современной девушкой. И даже если при этом она встречала кого-то из сородичей, он все равно ее не узнавал...

— Ты не любишь свой народ? — прямо спросил я ее, думая, что, если бы это было не так, она бы не устраивала этот маскарад.

— Ай, Роман Михайло́вич, — прищурилась она. — Есть одно, за что я люблю джипси больше, чем всех других.

— Что же это?

— Гордость. Джипси никому не служит.

Я не мог оторвать от нее восхищенных глаз. Заметив это, она стала еще и подначивать меня, говоря уже с откровенно цыганскими интонациями:

— Взгляд твой — кипяток, а я — сахар, таю. Завтра поведу тебя к своим, завтра и возьмешь меня, как захочешь. А сейчас не смотри ты так. Отведи глаза, а то сердце мое из груди выскочит.

С этими словами она взяла мою руку и положила себе на грудь. И от этого, и от ее слов голова моя окончательно пошла кругом, но я, попытавшись взять себя в руки, срывающимся голосом спросил:

— Как я буду говорить с твоими, я же не знаю языка?

— Я буду говорить, — отозвалась она. — В разных таборах языки неодинаковые. Бывает, джипси из разных таборов совсем друг друга не понимают. Говори по-своему, я переводить буду. Или свое буду говорить. Я ведь знаю, что сказать надо, а ты нет... Одежду другую купи: эта — брата моего. Узнает.

Назавтра я ждал ее в том же самом месте, в то же время. Но на этот раз в корчму вошла не вчерашняя современная девушка, а прежняя грязнуля в ворохе юбок. Однако ни грязь, ни краска не могли теперь скрыть от меня милых черт. В каждом жесте, в каждом подрагивании брови или уголка рта замечал я отблеск красоты своей возлюбленной...

И вот мы стоим перед пестрой цыганской толпой на обшарпанной, изгаженной, но обширной верхней палубе звездолета, где запах табака и перегара давно уже намертво впитался в переборки. Тут были дымящие трубками старики и женщины, остервенело трясущие свертками с детьми. Тут были черноусые парни, разукрашенные побрякушками, как армейские дембеля, и девушки в разноцветных юбках до пят...

Из толпы сделал шаг человек, внешность которого надо описывать отдельно. Прежде всего в глаза бросалось кольцо из желтого металла в его мясистом, изрытом оспинами носу. Потом — толстенные прокуренные серо-лиловые губы и лихо завитый чубчик на бритой морщинистой голове. И наконец близко посаженные глазки-угольки — такие, какие могли бы быть у очень-очень умной свиньи. Довершали его образ армяк из грубого серого сукна с вышитыми лилиями на груди и длинная курительня трубка из материала, называемого тут «пластикат». Кстати, среди мужчин табора только он один не носил усов, словно это была его привилегия.

Я знал, кто передо мной. Ляля заранее описала его мне. Это атаман табора, «цыганский барон», «джипси-кинг» Зельвинда Барабаш.

— Хай, рома, — поднял он приветственно руку с трубкой. Но я не удивился, откуда он знает, как меня звать: «рома» джипси называют себя сами, когда разговор приятен и радостен.

— Хай, рома, — ответил я так же.

Ляля, шагнув вперед, что-то коротко произнесла, показывая на меня рукой. Я знал: она объявляет меня своим избранником и предлагает кому-либо сразиться со мной за нее.

Я выдернул из спрятанных под кушак ножен магнито-плазменный кинжал и угрожающе повел им из стороны в сторону. Но

сражаться со мной, как и предполагалось, никто не вызвался. Зельвинда же, сунув трубку в рот, одобрительно воздел руки к небу и захохотал, точнее, заухал, не разжимая челюстей. Бурдюк его живота ходил вверх-вниз и, казалось, того и гляди лопнет.

Его смех поддержали и остальные, окружив нас кольцом и то и дело дотрагиваясь до меня. Словно желая убедиться, что на свете и впрямь существует олух, пожелавший жениться на этом пугале.

«Ничего, ничего, — сердито думал я. — Вы еще узнаете, какую невесту отдали чужаку без боя. Еще локти кусать будете». Я был почти взбешен и чуть ли не желал, чтобы кто-нибудь все-таки вызвался драться со мной. Но этого так и не случилось.

Просмеявшись, Зельвинда что-то коротко рыкнул. Ляля с улыбкой обернулась ко мне:

— Деньги. Калым. Позолоти ручку, ласковый.

Отключив кинжал, я сунул его обратно под кушак и полез в задний карман новеньких лиловых штанов. И похолодел. Кожаного портмоне, набитого кредитками, там не было. Теперь-то я уже знал, что сумма, переданная мне через Лялю Дядюшкой Сэмом, была немаленькой, на нее, к примеру, вполне можно было бы купить (плохонький, правда) звездолет. И вот — ужасный миг. Тугрики похищены.

Мы с приятелем вдвоем
работали на дизеле,
Он мудак, и я мудак,
у нас дизель спиздили...

Я увидел, как улыбка сползла с лица у Ляли. Я готов был разрыдаться от бессилия и обиды. Но тут позади меня раздался скрипучий глумливый смех. Я резко обернулся. Немолодая уже женщина, осклабившись, повертела моим кошельком у меня перед носом. Такие тут шутки, понял я и вырвал портмоне из ее морщинистых рук.

Открыл. Деньги были на месте. Похоже, старуха даже не заглянула туда, уверенная, что у такого недоумка, как я, не может водиться приличных денег.

Со слов Ляли я знал, что в качестве калыма достаточно двух кредиток, а за нее, как за «неликвидный товар», хватит и одной. Но я отсчитал пять и протянул их Зельвинде.

Старуха захлебнулась собственным смехом и хрипло закашлялась, осознав, какой куш она упустила. Притихли и остальные.

Наверное, ни один из присутствующих мужчин не вручал табору за свою невесту такую сумму. Это было и глупо, и гордо. Как раз по-цыгански.

Отдав кому-то подержать трубку, Зельвинда Барабаш взял кредитки из моих рук. Послюнив указательный и большой пальцы правой руки, он растер одну кредитку между ними. Затем глянул через нее на свет.

— Ха! — сказал он, опуская руку, и ногтем другой руки щелкнул себя по кольцу в носу, извлекая тоненький мелодичный звон. — Ха-ха-ха!!!

И племя возликовало. Кредитки были подлинными, а значит, пир сегодня будет горой. Да и не только в этом было дело, как я уже начал к тому времени понимать. Просто умели эти вольные люди радоваться, когда радостно, и горевать, когда худо. Что-то еще выкрикнул атаман, и Ляля, обернувшись, развела руки:

— Целуй же меня, яхонтовый, муж ты мне отныне.

Стоило нам с Лялей оторваться от губ друг друга, как ее взяли под руки женщины, меня — мужчины, и под звуки удалой скрипки нас развели по шатрам.

В шатре меня раздели, умыли, натерли какими-то пахучими кремами и снова одели, украсив цветами. А когда я вышел, увидел переодетую Лялю. Нет, это была не та эффектная цивилизованная девушка, с которой я беседовал в корчме, это была стопроцентная цыганка. Но какая!.. Соплеменники не сводили с нее глаз. Теперь-то, наверное, многие мужчины готовы были бы драться за нее не то что со мной, но и с самим чертом... Но поезд ушел. Раньше надо было думать. И никто из них не решится нарушить традицию, ибо тут она — и закон, и совесть.

И ударили бубны, и закружилась лихая цыганская свадьба: молодое вино и копченое мясо тау-китянского краба с дымком, песни под аккомпанемент чудных, напоминающих банджо, но напичканных какой-то электронной начинкой, инструментов, именуемых тут балисетами и самых обыкновенных сладкоголосых скрипок. И понеслось веселье, и грянули жгучие пляски, да с прыжками через костер. Всё — до упаду! (Кроме, конечно, прыжков через костер.)

И пьет наравне с нами вино, и танцует вместе с нами невиданный мною доселе зверь на цепи — по всему вроде как медведь, да только о шести лапах. Говорят, с Альдебарана.

И вдруг стронулся с места весь табор, все семнадцать ведомых хмельными штурманами звездолетов, и ну носиться лихо от планеты к планете системы — то наперегонки, а то и навстречу

друг другу, уклоняясь от лобового столкновения в самый последний, самый рискованный момент...

А потом была ночь любви. И сказать, что я был счастлив, значит, не сказать ничего. И я решил, что если Дядюшка Сэм не найдет меня, то сам я никогда и вспоминать не стану, что я — какой-то там наследник... А где он, кстати, Дядюшка Сэм? Я спросил об этом у Ляли, поглаживая ее утомленное, но все такое же чуткое тело. И услышал:

— Продали.

И даже в темноте заметил, как многозначителен был ее взгляд. И понял: не-ет, о том, кто я такой, не даст мне забыть она.

Глава 2

GAUHDЖAR

Старательно обходя патрульные кордоны, пограничные заставы и таможенные пункты, табор Зельвинды Барабаша плелся от звезды к звезде без какой-либо цели и особой нужды. Дорога — она и цель, и нужда для джипси. Если нам все же приходилось сталкиваться с пограничниками или таможенниками, те особо не свирепствовали, ведь если табор и пересекал какие-то границы, то только внутренние между субъектами Российской империи.

Джипси старались держаться центра обжитой зоны: в отличие от окраины тут всегда можно было чем-нибудь поживиться. Но удавалось это далеко не всегда, и порою каравану звездолетов приходилось менять направление движения на прямо противоположное.

Несмотря на то что за Дядюшку Сэма (вместе с его феноменальным кораблем) табор выручил достаточно кругленькую сумму, почти вся она пошла на латание многочисленных технических прорех. Каждый корабль, например, был теперь укомплектован утерянными в тех или иных передрягах космошлюпками, без коих он — потенциальная братская могила. Особенно это касается кораблей того возраста и состояния, которыми владели джипси.

Когда меня привели в машинное отделение судна, принадлежащего Лялиному семейству (или, как тут говорят, «джузу», и это нечто большее, чем просто семья), мне почудилось, что я оказался

под капотом своего «форда». Все тут, так же как и там, ходило ходуном, стучало, брызгало, вибрировало, болталось и подтекало... И это было тем более невероятно, что находились мы в сердце пусть и древнего по нынешнем временам, но все ж таки «термоядерно-фотонного двигателя-поглотителя четвертого поколения».

Недаром новая шлюпка стоит порой больше такого, с позволения сказать, корабля. Но когда я спросил Лялю, почему бы Зельвинде было не купить на эти деньги пару современных кораблей, где вполне мог бы разместиться весь табор, она посмотрела на меня как на маленького и, возможно, даже не совсем нормального ребенка:

— Никогда два джуза не поселятся на одном корабле...

Несмотря на кажущуюся нелепость, мне нетрудно было воспринять эту идею. Многие мои товарищи по университету были уже женаты, и почти всем приходилось жить с родителями — своими или жены. И как бы они не любили своих «предков», как бы те не помогали им, все-таки и молодым, и старым приходилось при этом нелегко. Что уж говорить о джузах, в которые входило до двухсот — двухсот пятидесяти человек.

Я так и не сумел выяснить, кому был продан Дядюшка Сэм: товарищам по фракции или Рюрику. Скорее всего Зельвинда и сам не знал этого, ему на это было глубоко плевать. Кто купил, тому и продал.

Итак, мы плелись по южному (если смотреть на общепринятую здесь звездную карту) сектору галактики, находясь на территории России. Однажды мне передали, что атаман желает переговорить со мной. Надо сказать, что за несколько месяцев я довольно сносно овладел языком русских джипси, который является диалектом русского языка. Таким образом к тому времени я мог не только легко общаться с цыганом, но, пусть и с большими затруднениями, понимал и современную русскую речь.

Я прошел в штурманскую рубку и уселся перед экраном модуля связи.

— Я долго думал, — начал Зельвинда.

Я сразу понял, что к добру это привести не могло.

— Я долго думал, Рома, — повторил атаман, и было заметно, что произносить мое имя ему приятно. Он как бы обращался ко всему племени. — Я присматривался к тебе. Ты — чужак. Но наши законы мягки к чужакам, что пожелали примкнуть к табору... Особенно к мужчинам, берущим в жены наших женщин: дети их будут плоть от плоти нашего табора... И я понял. Пора тебе украсть себе корабль и создать собственный джуз.

Примерно чего-то такого я и боялся больше всего. Предупреждала меня Ляля, что «слишком хорошо, тоже нехорошо», когда я правдами и неправдами добивался любви и уважения ее соплеменников. Сколько денег потратил я в каждом порту на подарки, сколько историй рассказал у костра, сколько произнес льстивых комплиментов... И вот, похоже, действительно перестарался. Атаман ревнует и хочет избавиться от меня. «Разделяй и властвуй».

Или я неправильно оцениваю его побуждения? Может быть, наоборот, он действительно оказывает мне особое доверие, покровительство и поддержку? Но мне-то от этого не легче. Свой корабль мне нужен как собаке пятая нога или как старому еврею дыра в голову...

От суммы, оставленной мне Дядюшкой Сэмом, осталось не более половины, но в принципе я мог бы подзанять, взять кредит или крутануться как-то еще...

— Может, мне лучше *купить* себе корабль?

Лицо Зельвинды исказила презрительная гримаса.

— Если в твоем родном таборе так принято... — Он тяжело на меня посмотрел. — Тогда я не уважаю его атамана.

Плевать я хотел на атамана своего несуществующего табора. Но я знал, что при этих словах я должен дико оскорбиться и схватиться за кинжал. И я, конечно же, схватился за него.

Глаза Зельвинды одобрительно блеснули.

— Ну полно, полно, — сказал он. — Я не хотел тебя обидеть, Рома. (Или «рома» с маленькой буквы. Но это не имеет значения.) — Через несколько дней мы будем во владениях графа Ричарда Львовского, владельца множества грузовых звездолетов, обслуживающих государев Двор. Корабли у графа добрые. Там и займешься нашим промыслом.

Всем своим видом Зельвинда показал, что разговор закончен, и я поплелся восвояси. Я пересказал суть беседы с атаманом Ляле, стиравшей наше белье в пластикатовом корыте. Утерев со лба пот, она озабоченно нахмурилась. Но мне сказала:

— Не кручинься, сердечный мой Роман Михайлович, — теперь, хоть уже и не делая ошибки в ударении, она упорно называла меня только по имени-отчеству, но мне это даже импонировало, — что-нибудь придумаем.

Прямо как из сказки какой-то. «Что ты, Ванечка, не весел? Что ты голову повесил?..» Как раз в этот момент к нашему шатру подошел молодцеватый чернокудрый паренек по имени Гойка, с

которым я за последнее время сдружился более всего. В руках он держал балисет и явно был настроен повеселиться.

Концы его невероятной длины усов были заброшены за плечи, а вместо трубки он курил обычные сигареты. Я же еще на корабле Дядюшки Сэма был вынужден бросить курить и теперь уже сознательно удерживался от того, чтобы не начать снова. Хотя иногда и тянуло.

— Хай, Рома! — помахал он мне рукой, присаживаясь к костру. — Слышал я, что скоро будет у тебя свой джуз. Прими и меня с моей Фанни. Нарожаем мы множество детей, породнятся они с твоими, то-то радость нам будет. А?

Лихо же тут разносятся слухи. В отличие от меня он явно уверен в том, что корабль я себе добуду...

— И на добычу возьми меня, — словно прочитав мои мысли, продолжал Гойка. — Ведь ты знаешь, нет в таборе равных мне в штурманском ремесле. А в драке — тем более. А?

Я неопределенно пожал плечами, но Гойка словно бы и не замечал мою неуверенность.

— А как узнал я об этом деле, так и захотелось мне спеть для тебя одну старую-старую песню, которую показал мне еще мой дед. Приготовься же слушать, это длинная песня. А называется она «Баллада о джипси Бандерасе и о том, чего у джипси нельзя отобрать».

«С чего начинается Родина», — пронеслось у меня в голове, а он замолчал и стал, бренча по струнам и трогая клавиши темброблока на корпусе, менять окраску звука. Наконец он что-то выбрал, замер и уставился на огонь. Затем ударил украшенными дешевыми перстнями пальцами по струнам и стал мелко и ритмично перебирать их. Гнусавостью звучание его инструмента напоминало индийский ситар, а мелодикой — испанское фламенко.

Ляля, развесив белье на веревки, подсела к нам. До сих пор я не перестаю удивляться этим кострам на корабле! Жгут древесные поленья, стоят которые безумных денег. Сжигают кислород, из-за чего регенераторам приходится работать с двойной нагрузкой... Но «красиво жить не запретишь». Без этого они, понимаешь ли, не чувствуют себя джипси!..

Целью долгой Гойкиной увертюры было не привлечение слушателей и даже не введение их в нужное эмоциональное состояние. Насколько я понимаю, а я уже не в первый раз слушал его, Гойка сейчас занимался чем-то вроде самогипноза или медитации, и только после этого он мог петь по-настоящему.

И вот зазвучал его голос:

Эй, ромалы, слушайте правдивый рассказ,
Что ветер нашептал, который бродит меж звезд,
О том, что жил когда-то, братья, братом меж нас
Бандерас, и глаза его не ведали слёз.

Ой да отсохнет пусть тогда мой подлый язык,
Коль я солгу, когда скажу, что был он так смел,
Как тот, кого не ранит даже плазменный штык,
Как тот, кто и внутри звезды и то б не сгорел.

Ни от кого не бегал и не прятался он,
Наоборот, туда он мчал, где наверняка
Он мог ворваться коршуном в жандармский кордон,
Чтоб взять на абордаж там звездолет вожака...

Это, как Гойка и обещал, действительно была чертовски длинная и крайне поучительная песня. Сперва по смыслу она напомнила мне песенку про капитана, в которой «он краснел, он бледнел, и никто ему по-дружески не спел...» Бандерас, как и тот капитан, влюбился и пропал... Нюансов дальнейшего сюжета я, отвлекшись на собственные посторонние мысли, не уловил, но к концу почему-то все умерли. Как и почему конкретно — не знаю, пропустил мимо ушей, но мораль сей басни была такова: свободу нельзя менять даже на любовь.

Собравшиеся возле нашего костра соплеменники рыдали как один, сраженные вдохновенным Гойкиным вокалом. Я тоже, чтобы не оскорблять их чувств, сделал печальное лицо. Хотя подобный сюжет помню еще по уроку литературы седьмого класса, когда мы проходили рассказ Максима Горького «Макар Чудра». А потом по этому рассказу был поставлен упомянутый уже мной фильм «Табор уходит в небо». И так как я раза три его видел, катарсиса от песни не случилось, и я не смог выжать из себя ни одной слезинки. Это при моей-то сентиментальности. Но зато я извлек из этой ситуации некую науку: всё в этом мире меняется, кроме анархических цыганских идеалов.

— Всё понял? — спросил Гойка, утирая слезы. Как настоящий художник он сам переживал не меньше, а то и больше публики.

— А то! — ответил я, разведя руки.

Хотел бы я знать, что он имел в виду.

Но именно во время слушания его песни я замыслил и почти детально продумал дерзкий план добычи звездолета для своего будущего джуза. А куда деваться?

* * *

...И вот мы в засаде на захудалой геоподобной планетке, именуемой «Треугольник БГ». Я прекрасно помню альбом Бориса Гребенщикова «Треугольник», но, думаю, это все-таки чистейшее совпадение. С «Треугольника БГ» мы собираемся угнать звездолет сборщика налогов.

Спланированная мной дерзкая, на первый взгляд, операция в сущности значительно безопаснее угона какого-нибудь частного грузовика-дальнобоя, чем промышляют джипси обычно. Дело в том, что мы вошли в сговор с губернатором планеты, и условия угона у нас будут самые благоприятные.

Основной источник доходов в бюджет «Треугольника» — добываемое тут и только тут вещество «мудил», сырец для производства повсеместно используемого в медицине наркотического препарата «ебутина». Мудил не найден больше ни на одной обжитой планете галактики. В этом и счастье и беда треугольцев.

Добыча подобных уникальных веществ по закону облагается налогом в размере пятидесяти процентов натурой. А после реализации — еще тридцать процентов отдается государству, как налог от продажи наркосырья. В результате две трети дохода от добычи мудила уходит государству, и лишь треть — в бюджет планеты. Само собой это мало устраивает ее жителей.

Уговор между нами и губернатором состоял в том, что он поможет нам угнать уже загруженный годовой порцией мудила звездолет налогового инспектора, мы же в оплату за помощь вернем этот груз треугольцам. Груз — им, корабль — нам. Но выглядеть все должно так, как будто бы мы скрылись вместе с мудилом, и само собой никто не станет требовать от администрации планеты платить налог снова.

Самым трудным было убедить губернатора в том, что мы не собираемся обмануть его и вместе с кораблем присвоить также и груз мудила... (Да какой же мудила придумал веществу такое название?! Нет, всё! Отныне буду называть его «сырец ебутина»... Тьфу ты!.. Просто «сырец»).

Губернатора понять нетрудно. Мало кто склонен доверять цыганам. И правильно. Если бы мы знали, куда можно сбыть сырец или как произвести из него наркотик, мы бы обязательно умыкнули и его. Но мы не знали ни того, ни другого: секрет производства принадлежит государству, охраняется им как зеница ока, и на этот рынок еще ни разу не поступала самопальная продукция. Это убедило губернатора. Все остальное было делом техники.

Табор раскинулся вокруг «Треугольника БГ», когда звездолет налоговой инспекции был уже загружен сырцом, а во дворце губернатора начался прощальный банкет (традиционная форма скрытой взятки). Мы же с Гойкой уже заранее находились на планете в засаде — на пригорке возле космодрома, откуда прекрасно был виден и дворец губернатора.

В задачу губернатора входило напоить своих непрошеных гостей — налогового инспектора и штурмана корабля — до полного беспамятства, а также позаботиться о том, чтобы дежурить на космодроме выпало в эту ночь самым бестолковым из имеющихся в штате охранникам. Тогда картина кражи будет выглядеть натурально.

На пригорке мы проторчали больше двух часов. Наконец окна губернаторской спальни дважды мигнули. Это означало: «Готовы оба». Архаичность приемов, то, что информацию мы не доверяли современным средствам связи, работала на чистоту операции. Вот и команду на посадку звездолетов я дал, выпустив в небо три зеленые ракеты. Не заметить их через бортовые телескопы Зельвинда просто не мог.

Максимальная загрузка единственного местного космопорта — сорок звездолетов, но он никогда не бывает загружен даже наполовину. Сейчас, например, на площадке только девять кораблей — восемь местных и один, самый навороченный, налогового инспектора — тот, на который мы нацелились. В связи с такой недозагрузкой персонал тут привык работать не спеша...

И вдруг сразу семнадцать посудин, находящихся возле планеты, передают просьбу об экстренной посадке в связи с техническими неисправностями! Закон требует непременно удовлетворить такой запрос, если, конечно, позволяет площадь космодрома. А она позволяет!

Персонал в замешательстве. Если бы у дежурного диспетчера хватило ума не следовать слепо букве закона, если бы он решил взять на себя ответственность и не разрешил посадку... Но за пультом — отменнейший болван. Скорее всего он почувствует какой-то подвох и, прежде чем дать «добро», позвонит губернатору... Но тот, как и его гости, в стельку пьян...

С ревом и грохотом повалились на площадь космодрома все семнадцать цыганских кораблей, покрытых вековой окалиной, трещинами и кое-как наляпанными заплатами. Такого металлолома тут, наверное, еще не видели. Джипси же скорее всего даже и не заметили когда-то, как перебрались в эти звездолеты из кибиток.

Но — не время для лирики и философии! Выдернув из-за поясов парализаторы, я и Гойка, пригнувшись, бросились вниз по склону к воротам космопорта. На такую удачу мы даже и не рассчитывали: ворота открыты, охраны нет. Хотя оно и понятно: сыплющиеся с неба корабли вызвали вполне естественное смятение: они восприняты как потенциальная угроза, хотя и неясно, чего от них ждать. Но уж нападения с тыла сейчас, в мирное время, предвидеть тут не мог никто.

Внезапно из помещения диспетчерской, к которому мы, собственно, и спешили, навстречу нам выбежал человек в форме служащего космопорта. Мы увидели друг друга одновременно, но мы уже держали оружие в руках, он же только судорожно потянулся к кобуре... И получил двойной парализующий заряд.

Вся эта операция совсем не походила на традиционные воровские вылазки джипси. Я с трудом уговорил на нее Зельвинду, нажимая на то, что времена меняются, что расчет и хитрость могут стоить сегодня не меньше смелости и удачи. Я же настоял и на применении парализаторов. Джипси не кровожадны, грабежу они предпочитают бескровное воровство и мошенничество. Но они никогда не пользуются дистанционным оружием, предпочитая всему прочему магнито-плазменные кинжалы, при необходимости легко превращающиеся в сабли или шпаги. И уж если случается рукопашная, бьют насмерть. Я же хотел заполучить корабль, не погубив ни единой души.

Хлопки парализаторов слышались тут и там. Это, вывалив из звездолетов, «цыгане шумною толпою» убирали свидетелей будущей отгрузки сырца. Мы с Гойкой уже вбегали в диспетчерскую, когда я отчетливо услышал свист: заряд бластера прошел где-то совсем рядом с моим ухом. Гойка среагировал быстрее меня, и еще один работник космопорта на сутки превратился в неподвижный манекен.

Мы тщательно осмотрели диспетчерскую. Нельзя было оставлять ни единого свидетеля. Тут было тихо и пусто. Но дотошность, с которой мы обследовали каждый угол, оказалась нелишней. В запертой кабинке туалета мы обнаружили дрожащую женщину лет тридцати пяти, одетую все в ту же форму.

Дверь кабинки Гойка выбил пинком, женщина завизжала, но тут же смолкла, сраженная зарядом парализатора. Гойка не был бы джипси, если бы не посчитал ее своим законным трофеем. Он внимательнейшим образом обследовал ее, затем обернулся ко мне и изобразил на лице гримасу, означавшую: «Ничего хорошего». Я сделал вид, что огорчен. Мы продолжили путь и вскоре выскочи-

ли на улицу. Вдалеке уже слышался рокот гусениц транспортеров. На то, чтобы выгрузить сырец, хватит пяти-шести часов.

А вот и роскошный губернаторский флаер (в просторечье — «псевдолет»). Он остановился перед нами, и из него, чуть пошатываясь, выбрался хозяин — дебелый рыжий мужчина в старомодном вечернем костюме. Выглядел он довольно неважно: видно, не одну таблетку спорамина пришлось ему заглотить, чтобы нейтрализовать действие алкоголя. Хмель при этом проходит, но нагрузка на организм ужасающая.

— Всё чисто? — спросил он меня, делая вид, что не замечает мою протянутую для рукопожатия ладонь.

— Чисто, — отозвался я, пряча руку в карман. Мне глубоко плевать на его отношение ко мне. Я — джипси, и не мне добиваться расположения у этой рыжей государственной свиньи. — Вы сняли генный код инспектора?

— Да, — кивнул он. — Поспешите к кораблю.

Он хлопнул дверцей и помчался вперед. Скотина! Руку жать не обязательно, но мог бы и подвезти!

Операция прошла как по маслу. Треугольцы вернули свой сырец, мы заполучили судно. Новый корабль табора, корабль моего джуза, ведомый Гойкой, поднялся в небо первым. За ним взметнулись и остальные семнадцать звездолетов.

...На борту со мной все те, кто решил встать под мое покровительство, человек примерно около пятидесяти. Большинство из них бродили сейчас по дну, осматривали, ощупывали и даже обнюхивали элементы его интерьера. Им еще никогда не доводилось бывать на таком современном и комфортабельном звездолете. Но если жена Гойки, чернокудрая болтушка Фанни, непрерывно нахваливала наше новое жилище, то желчный старикан Хомук смотрел вокруг недоверчиво и сердито. «Не будет нам удачи на этом корыте, ой, не будет...» — бубнил он, и было неясно, зачем же тогда он попросился в мой джуз. Разве что из прежнего его выгнали...

Есть среди этих людей, конечно же, и прабабка Ляли, старая колдунья Аджуяр. И она то и дело оказывается возле меня. И вид у нее такой, словно она только и ждет подходящего момента, чтобы что-то мне сказать. Но это ее проблема. Не дождется старая ведьма, чтобы я подошел к ней первым.

Я и Ляля, обнявшись, стояли возле штурманского Гойкиного кресла, когда застрекотал и замигал огоньками щиток модуля связи. Ткнув в кнопку пальцем, я увидел перед собой довольную рожу Зельвинды.

— Хай, рома! — воскликнул он с жаром, поднимая перед собой объемистую посудину. — С удачей тебя! — и, как он всегда это делал в моменты наивысшего душевного подъема, щелкнул пальцем по колечку в носу, чтобы то отозвалось сиреневым «дзин-н-нь!». — Ты еще без чарки?! И куда ж это смотрит твоя красавица жена?!

— Ай, атаман, моя оплошность, — улыбаясь, кивнула Ляля и, выскользнув из моих объятий, отправилась за вином, заранее ею припасенным.

— Эх, — покачал головой Зельвинда, — а я-то сдуру собрался наречь тебя именем «Рома Чечигла». — («Чечигла» по-цыгански — хитроумный. Прямо как Одиссей.) — Не рано ли? Ты, как я погляжу, и жену-то воспитать как следует не можешь... Ладно. Придет девка, принесет вино — вызови меня. — И Зельвинда отключился.

Вот тут-то, улучив момент, когда ее правнучки не было рядом, ко мне и подковыляла старуха Аджуяр. Потянув за рукав, она увела меня от Гойкиного кресла и тихо спросила:

— Она уже сказала тебе, что беременна?

Я ошеломленно покачал головой, и Аджуяр, сверля меня ведьминским взглядом из-под мохнатых бровей, продолжала:

— Видно, касатик, совсем я рехнулась на старости лет. Только никогда еще карты меня не обманывали. И вот что они говорят на этот раз. Быть твоему сыну на царевом престоле, ежели только убережешь его от погибели.

— О-о!.. — только и смог вымолвить я. Лишь бы старуха не разоблачила меня перед соплеменниками. А я-то уже успел позабыть, зачем появился в этом мире. И как не хочется мне об этом вспоминать!..

Внимательно проследив всю череду эмоций на моем лице, старуха издала сиплый смешок и загадочно произнесла:

— Жалко мне тебя, бриллиантовый, ох жалко. А еще жальче правнучку мою, раскрасавицу...

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что на нас никто не обращает внимания, я схватил старуху за повязанную на шее выцветшую косынку и притянул к себе:

— Говори, ведьма, что знаешь!

— Отпусти-ка руки, — просипела старуха. — Не вводи в грех.

Я послушался ее, вспомнив про порчу, сглаз и прочую цыганскую чертовщину. Потерев шею и поморщившись, старуха вновь усмехнулась:

— Кабы знала чего, так сказала б. Не чужая мне Ляля, а напротив — любимая правнучка. И сынок твой, выходит, мне пра-

правнучком придется. Но карты — не книга. Что открыли, то лишь и ведаю... А только сыночка-то покрести, покрести. Коль не покрестишь, ой, дюже потом сокрушаться будешь...

О боги! Неужели вот это косматое и бородатое чудовище с головой, повязанной кроваво-красной косынкой, что ведет через тьму галактики угнанный у властей звездолет, неужели этот неопрятный монстр и есть Роман Безуглов, то бишь я?.. Тот самый Роман Безуглов, который еще недавно был студентом-филологом. Тот самый несуразный человек, с которым там, в двадцатом веке, вечно происходили какие-то нелепые происшествия...

Например, в армии. Ну с кем, скажите, с кем еще мог случиться такой идиотизм, о котором вслух я никому и никогда не рассказывал... (Я понимаю, что этот кусок выбьется из стиля всего прочего повествования, но, надеюсь, вы простите мне это.)

Однажды я попал в госпиталь с воспалением легких. И пока лежал, начальник госпиталя, майор, прознал, что я хорошо рисую. И предложил мне полежать еще несколько месяцев, оформить в госпитале «красный уголок». Я само собой согласился, ведь всяко это лучше, чем служить на общих основаниях, ходить в наряды. Но загвоздка была в том, что я выздоровел. Майор сказал: «Мы тебе такую болезнь напишем, что держать у себя сможем сколько захотим». И в историю болезни написал «геморрой». Мол, случилось обострение — положили, прошло — выписали...

Вот лежу я месяц, два, три, «красный уголок» расписываю, все вокруг о нашем договоре с майором знают... И тут пришел в госпиталь новый врач, лейтенант, прямо из медицинского института. И сразу вышел на дежурство. Вечером устроил обход. Садился перед постелью больного, листал историю болезни, выяснял, как самочувствие, рекомендовал что-нибудь... Если ангина, горло смотрел, градусник ставил, а если рана какая-нибудь, осматривал ее, перевязывал... И вот добрался до меня. Заглянул в карточку... Говорит:

— Пройдите со мной.

Иду я за ним по коридору и размышляю: «Наверное, он знает, что никакого геморроя у меня нет. Но он-то думает, что другие больные этого не знают, а потому повел меня к себе якобы для осмотра. А на самом деле чайку попьем, покурим, поболтаем, он меня и отпустит...»

Потом подумал по-другому: «Или ничего он не знает? Тогда надо ему объяснить. А вдруг тогда он обо всём настучит в округ, и майора моего, благодетеля, накажут. Да и меня по головке не

погладят...» Так я ничего конкретного и не решил к тому моменту, как мы до его кабинета добрались. Там он мне говорит:

— Снимайте штаны.

Я снял.

— Наклоняйтесь, — говорит он и натягивает резиновую перчатку.

Я наклонился. И решился наконец на откровенный разговор. Но было поздно. И уже чувствуя, как его смазанный вазелином палец входит мне в задницу, я, почему-то очень писклявым голосом, сказал:

— Я вам сейчас все объясню...

— Что объясните? — и палец его при этом совершает вращательное движение.

— Поговорите с товарищем майором, — все так же пискляво продолжил я, чувствуя, что краснею.

Уж и не знаю, что он подумал, но сразу же меня отпустил.

Вот такие истории со мной случались... А с женщинами?! Да, они были у меня. Но в какие только нелепые ситуации я не попадал с ними, каким только унижениям не подвергался... Но к делу это не относится...

Да. И вот этакий недотепа стал главой космического джуза, тайным претендентом на русский трон и ведет свой звездолет к Храму своего предка, святого мученика Царя-искупителя Николая Второго, к главному православному храму этого мира...

Потому что если уж где-то крестить сына (если, конечно, не врет колдунья, и у нас родится именно сын, а не дочь), то лучшего места, чем эта, одна из немногих клерикальных космостанций, и представить себе нельзя было. Покрестим, так сказать, чисто по-семейному.

Уговорить Зельвинду направить табор именно в этом направлении мне не составило ни малейшего труда, поскольку самому ему куда лететь было в высшей степени начхать. По моим расчетам, тащиться нам туда предстояло около десяти месяцев. В тот момент, когда мы двинулись в путь, Ляля была на втором месяце беременности. То есть когда мы доберемся до Храма, моему сыну (или все-таки дочери?) будет три месяца...

И вот к настоящему моменту мы преодолели уже полпути, то и дело останавливаясь на планетах, на крупных обжитых астероидах или же пристыковываясь к космическим станциям. И где бы мы ни оказывались, всюду мы устраивали торговые ярмарки.

Далеко не одно только воровство приносит джипси средства к существованию, напротив, прежде всего это относительно чест-

ная торговля. Мы не платим налогов и пошлин, а потому наш товар несколько дешевле, чем у других торговцев, и простой люд покупает его у нас с превеликим удовольствием.

Так что жители многих, в первую очередь отсталых аграрных планеток души не чаяли в цыганах и встречали их с распростертыми объятиями, устраивая красочные праздничные карнавалы... Но ухо, правда, держали при этом востро. Мало ли...

Нашей ближайшей остановкой должна была стать планета под неактуальным пока, но все-таки близким названием «Рожай резче!». Да-а, уж что-что, а названия обжитого человеком космоса совсем не похожи на те, которые представлялись фантастам двадцатого века. И ничего удивительного. Первопроходцы вкладывали в названия то, что им было по-настоящему близко. Случались, конечно, и более или менее стандартные названия, но значительно чаще на звездной карте встречались такие оправданно унылые, как «Надоели Консервы», такие романтические, как «Подарок Матильде» и «Рай Котам», или такие агрессивные, как «Пшел вон!».

В одной из обжитых звездных систем я заметил две планетки, одна из которых являлась спутником другой. Та, что крупнее, называлась «Тут-то я ее и трахну», спутник же назывался «Не вышло»... Но потом, наверное, все-таки вышло, потому что планета «Рожай резче!» находилась от этой парочки как раз примерно в семи — девяти месяцах движения на поглотителях.

Правда, было довольно много названий и земного географического происхождения — названия городов, а изредка и стран, с приставкой «новый» или без нее: Париж, Болонья, Екатеринбург, Новая Саломанка, Новый Томск, Новые Холмогоры, Новая Кастория и даже Новая Новая Гвинея...

Я выбрал для привала именно «Рожай резче!», прежде всего чтобы повеселить Лялю названием, Зельвинда же был не против. При условии, что мой корабль сядет первым — на разведку. Всякое ведь бывает.

Сев, мы увидели то, о существовании чего я уже давным-давно забыл. Но чего, как оказалось, мне отчаянно не хватало. Мы увидели снег.

Мои цыгане были прекрасно знакомы с этим природным явлением, но относились к нему совсем не так, как я. Сразу после приземления ко мне подошел Гойка:

— Чечигла Рома, летим отсюда, а?

— Почему же?

— Там, где даже вода стала холодной и твердой, люди не бывают добрыми и приветливыми.

— Не спеши, рома, — возразил я. — Было дело, я жил в мире, где снег регулярно покрывал землю и не таял по несколько месяцев. Однако люди там были не хуже, а может, и лучше, чем в других местах. А как они справляли Новый год! До него осталось всего несколько дней. Возможно, и тут его отмечают так же весело...

— Не думаю, — пожал плечами Гойка. — Может, там, откуда ты родом, Новый год и праздник. А в России — нет. Рождество Христово — это праздник...

Сели мы на заснеженном плато космодрома, отстоящем от города на несколько километров, и минут пятнадцать ждали, когда появится хоть кто-нибудь из официальных лиц. Никаких документов мы оформлять само собой не собирались, а хотели просто дать взятку. Но дать ее было некому. Это было неестественно. Обычно в надежде на наживу мелкие чиновники, как стервятники, слетаются к прибывшему на планету кораблю.

Так никого и не дождавшись, я решил выйти на разведку, хотя бы для того чтобы походить по снегу, послушать под ногами его гипнотический скрип. Гойка увязался за мной. Хотела пойти и Ляля, но я не разрешил: в ее положении не до разведки.

Одевшись потеплее, мы с Гойкой спустились по трапу вниз. И именно в тот миг, когда подошвы наших сапог коснулись снега, на горизонте показалась черная движущаяся точка. Сперва я подумал, что это что-то вроде аэросаней, но когда объект приблизился, я с удивлением обнаружил, что эта машина передвигается на мощных, по колени проваливающихся в снег ногах. Она сильно походила на гигантского страуса, но без шеи и без головы. Мчался «страус» с невероятной скоростью, высоко задирая колени, и снег, клубами взметаемый толстыми ногами, казалось, не был для него помехой.

Мой интерес почти не имел примеси опасения. Вряд ли местные жители настроены к нам агрессивно. Кому мы, нищие цыгане, нужны? Что с нас взять? Самое плохое, что нам могут сделать, — это потребовать покинуть планету. Время от времени такое случалось. Но Гойка глянул на меня с беспокойством. Похоже, он не разделял моей уверенности в нашей безопасности. В тот момент, когда «страус» поравнялся с нашим звездолетом, из-за горизонта показалось еще несколько таких же фигур. Их было штук десять.

Остановившаяся перед нами громадина согнула ноги и присела на корточки, словно собираясь помочиться. Передняя дверца с тонированным лобовым стеклом откинулась вверх, и на снег соскочил невысокий лысоватый человечек. Я не поверил своим глазам. Это был Семецкий. Убитый Семецкий! Он стоял передо мной в нерешительности, видно, сомневаясь, тот ли я, кого он ищет. Ведь внешность моя основательно изменилась.

— Семецкий! Вы живы?! — шагнул я ему навстречу.

— Приветствую вас, государь! — чуть отступив, обрадованно воскликнул он на русском языке двадцатого века и поклонился.

— А Дядюшка Сэм сказал мне...

— Я был серьезно ранен, но я выжил, — перебил он меня. — Товарищи по борьбе подобрали мне кое-какие бэушные органы на подпольном биоразборе и поставили меня на ноги. Простите, что перебил вас, но я должен немедленно вам сообщить...

Но тут уже его прервал громкий посторонний звук — шум с напором текущей воды. Одновременно повернув головы, мы уставились на его «страуса». Тот писал. Специфический запах мочи на морозе, знакомый мне по деревянным дачным сортирам, не оставлял места для сомнения. Булькающий звук длился минуты две, и за «страусом» образовалась обширная проталина, от которой поднимались клубы пара. Чистоплотный «страус» сделал шажочек в сторону и замер вновь.

— Беда, — сказал Семецкий. — Эти биороботы отвратительны, но другого транспорта тут не нашлось. А как они спариваются... — Его лицо исказила гримаса брезгливости. — Впрочем, я тут вовсе не для того, чтобы описывать вам это. Времени у нас в обрез. За мной погоня. Я должен немедленно сообщить вам...

— Они уже близко! — снова перебил я его. — Расскажете в корабле! Гойка, улетаем! — крикнул я по-цыгански.

Мы бросились к трапу. Первым по вертикальной лестнице поспешно лез Гойка. Вторым был я. Резко затормозив, «страусы» встали полукругом и одновременно, словно по команде, присели. Гойка стал подниматься еще быстрее, опасаясь то ли их пассажиров, то ли предстоящей вони. Дверцы откинулись, и в тот же миг морозную тишину нарушило характерное шипение, с которым воздух рассекает плазма бластеров. В нас стреляли.

— Скорее! — заорал Гойка. — Они пробьют обшивку!

Позднее я понял, что преследователи не решились бы поставить бластеры на столь мощный режим, ведь случись им повредить реактор, они погибли бы сами. Но в тот момент слова штурмана подстегнули нас, как хорошая плеть.

Мы стремглав взлетели к дверной диафрагме шлюзового отсека, Гойка рухнул на пол и, откатившись подальше, вскочил на ноги. Так же поступил и я. В проеме показалась фигура Семецкого... Но именно тут ему в спину угодил плазменный заряд, предназначенный скорее всего мне. Я кинулся к нему, протянул руки к его вытянутым рукам... Но схватить не успел.

— Спасайтесь! — выдохнул Семецкий и рухнул назад. Но еще до этого какой-то серый комочек, сорвавшись с его ладони, шлепнулся передо мной. Не обращая на это внимания, я, несмотря на опасность, хотел высунуться из люка, но, видно, Гойка уже нажал клавишу замка, и диафрагма моментально задраила выход.

Обессиленный, я повалился на пол, и тут же серый комочек взбежал мне на плечо. Это крыса! Милая Сволочь! Как же я, оказывается, скучал по тебе!

Я сгреб ее в ладонь и поднес к лицу. Уж ты-то знаешь, что хотел сообщить мне бедняга Семецкий. Но нет, ты не сможешь мне этого рассказать... Я глянул в глубь коридора, Гойка уже исчез. Раздался нарастающий гул, и корабль охватила предстартовая вибрация. Поднявшись и вернув Сволочь на плечо, я побрел в рубку.

Гойка, мрачный, готовился к взлету. Я забрался в кресло второго пилота. Непоседливая Сволочь сбежала вниз и пропала из виду. Заснеженный пустырь космодрома на штурманском экране был как на ладони, только клубы густого пара несколько усложняли видимость. Двое наших преследователей волокли тело Семецкого к одному из переминавшихся с ноги на ногу «страусов». Его же биомашина так и оставалась неподвижной. Участь ее была решена: она будет сожжена огнем наших дюз.

Корабль рванулся ввысь, и перегрузка распластала меня по креслу. Гойка! Идиот! Трус! Я ведь строго-настрого запретил на период Лялиной беременности брать с места слишком резко! Я с трудом повернул голову, но он уже и сам осознал свою ошибку.

— Прости, Чечигла, — простонал он, снижая мощность двигателей. — Запамятовал.

— Если с ней что-нибудь случится, ты будешь сам рожать мне сына, — пообещал я осипшим голосом. Я переключил экран модуля связи на интерком и глянул на верхнюю палубу. Там, слабо шевелясь, вповалку валялись цыгане, захваченные перегрузкой врасплох.

— Ляля! — позвал я.

Одно из тел пошевелилось. Ляля приподнялась и глянула прямо в камеру. Ее глаза на бледном, как у манекена, лице, казалось, смотрят сквозь меня. Мое сердце сжалось от жалости и страха.

— Что случилось? — еле слышно проговорила она.

— В нас стреляли, — ответил я, оправдываясь за этого идиота Гойку. — Нам нужно уносить ноги. Как ты?

— Нормально, милый. — Она вымученно улыбнулась. Тем временем и остальные джипси начали садиться, потягиваясь и разминая плечи.

— А как... Как ребенок? — не унимался я.

— Посмотрим... Но я ведь — джипси. Не бойся, Роман Михайлович. Вряд ли с ним случится что-то худое.

Я вздохнул почти облегченно. Будем надеяться, что она права. Почему все-таки она так упорно величает меня по отчеству? Даже в такой ситуации. Возможно, для того чтобы я не забывал, кто я для этого мира? Но не скрою, это приятно.

— Я скоро буду с тобой, — пообещал я, отключил связь и закрыл глаза.

— Рома, прости... — опять затянул Гойка.

— Заткнись! — огрызнулся я. — Не мешай мне думать.

Так что же хотел передать мне Семецкий? Теперь мне это не откроет никто. Ясно лишь одно. Моя спокойная жизнь главы цыганского джуза закончилась. На меня объявлена охота. А это значит, что скорее всего Дядюшка Сэм все-таки попал в руки врагов, а не друзей. И они сумели выпытать у него правду о моем происхождении. И они каким-то образом следят за мной.

Так что же я должен делать? Да понятия не имею!.. И тут до меня дошло. Нас будут преследовать. Я обернулся к Гойке.

— Немедленно отключи все наши навигационные маяки! — приказал я, а затем вызвал корабль Зельвинды.

— Хай, Рома, — хмурясь, отозвался атаман. — Что стряслось? Кто вам на хвост наступил?

— За нами погоня, — пропустил я мимо ушей его вопрос. — Прикажи звездолетам отключить все маяки.

— Ты понимаешь, что говоришь?! — выпучил глаза Зельвинда. — Мы исчезнем со всех карт, и кто-нибудь выскочит из гиперпространства прямо у нас перед носом! Свобода дорога, но она бывает только у живых.

— Не время спорить! — заорал я сердито. — Вероятность столкновения невелика, а если мы останемся видимыми, нас уничтожат точно!

— Ай-ай-ай-ай-ай! — мотая головой, состроил свирепую гримасу Зельвинда. — Во что ты нас втягиваешь, Чечигла Рома?

— Уже втянул. Но давай обсудим это потом! — взмолился я. — Отключите маяки, а я сейчас же переберусь к тебе в шлюпке.

— А знаешь ли ты, что если жандармы застукают нас на этом, нам раз и навсегда запретят пилотировать звездолеты?

Ах ты какой законопослушный гражданин... Я молчал, подыскивая убедительный довод. Но неожиданно Зельвинда сдался сам:

— Ладно, — сказал он. — И на какой срок?

Если б я знал. Больше всего мне хотелось ответить — «навсегда», ведь когда целый табор вновь включит навигационные маяки, нас обнаружат мгновенно. Из гиперпространства звездолеты толпой не выходят. Но я не мог позволить дискуссии затягиваться.

— Убери маяки и встречай шлюпку, — ответил я уклончиво. — Мы всё решим вместе, атаман.

«Голова — хорошо, а два сапога пара...»

Пристыковавшись к кораблю Зельвинды, благо, пилотируется шлюпка автоматически, я направился в рубку. Давненько же я тут не бывал. Все-таки мой и этот корабли — небо и земля. В мой джуз перешли самые дисциплинированные и чистоплотные джипси табора. А тут... Грязь, вонь и вечная атмосфера вялотекущего пьяного дебоша. Пробираясь в рубку и здороваясь с соплеменниками, я не на шутку беспокоился о том, чтобы не нахватать в бороду вшей.

И вот я предстал перед сердитым ликом кольценосого Зельвинды Барабаша. Я уже почти решил признаться ему во всем и получить по заслугам. Но не захочет ли тогда Зельвинда купить покой своему племени, выдав меня властям. У него достаточно твердые понятия о чести, и мы — почти друзья, но я обманул его, и когда он узнает, что я — не джипси, что я — чужак... Пристав к табору, я подверг опасности всех его людей. Хотя осознал это только сейчас... К счастью, Зельвинда сам подсказал мне, как обманывать его дальше. Едва завидев меня, он взревел:

— Говорил я тебе, Рома, что воровать корабль мытаря — опасно! Видно, рано дал я тебе имя Чечигла!

Итак, он уверен, что преследуют нас только из-за корабля. Моя голова моментально стала работать в этом направлении.

— Я должен отвести опасность от табора, — заявил я. — Придется вам еще некоторое время оставаться невидимыми для жандармских навигационных систем. Я же включу все маяки и поиграю с ними в кошки-мышки, пользуясь гиперпространственным приводом. Пусть попробуют поймают.

Зельвинда моментально оттаял.

— Ха! — сказал он и щелкнул ногтем по кольцу в носу. — Ты хитер. И ты справедлив. Но есть загвоздка. Ни один штурман на-

шего табора не умеет протыкать пространство. У нас никогда не было таких кораблей. — Сказав это, он сунул в рот трубку, пустил клуб дыма прямо мне в лицо и прищурился, ожидая ответа.

— Мы доберемся до ближайшего порта и выкрадем себе штурмана, — продолжал я гнать напропалую.

— Смелый и глупый, — сообщил мне Зельвинда сведения обо мне. — Я не позволю тебе опять рисковать нашими головами. Красть корабли это одно, а красть людей — совсем другое.

— Зельвинда, — решил я сменить тактику спора, — не надо корчить из себя ангела. Я, между прочим, знаю, что перед самым моим появлением в таборе вы не просто угнали корабль, а захватили и продали его вместе с капитаном. А двух его помощников — прикончили.

— Девка разболтала?! — нахмурился атаман. — Нет юбкам веры!

— Муж и жена — одна сатана, — парировал я. — Что это за секрет, о котором знает весь табор? Что ли только мне знать не положено? Она моя жена, и она должна рассказывать мне все, что знает.

— Ладно, прав, — смирился Зельвинда. — Ну, прикончили. И что с того? Табор голодал, а тут подвернулся случай. Не тебе меня учить, что можно, а чего — нельзя! Так и так было помирать. Но нашелся шанс выжить, и все получилось. Как раз потому, что жандармы никогда не заподозрили бы в грабеже мирных джипси. А сейчас ты предлагаешь играть с законом в открытую.

— Да. Но я один. Все наши корабли без маяков разлетятся в разные стороны, а потом по очереди включат их, как будто бы выныривая из гиперпространства. Это не вызовет подозрений. Ты был прав, не стоило связываться с налоговой инспекцией. Когда я уведу погоню подальше, я постараюсь украсть обычный грузовик и пересяду в него. И все мы встретимся вновь.

— А люди твоего джуза?

— Ты заберешь их на свои корабли. Мы все провернем вдвоем с Гойкой.

— Не выйдет. — Зельвинда покачал головой. — Тебя воспитывал странный табор. Наши люди не покидают своего капитана в беде.

— Но это нужно. Я прикажу.

— Даже не пытайся. Джипси — народ вольный. Они скорее убьют тебя, нежели выполнят такой приказ.

Вот, блин, логика! Они не покинут меня в беде, они скорее убьют меня...

— Но табор таким образом мы спасем, — продолжал он. — Что же касается тебя и твоего джуза... План слишком сложный, чтобы сработать. Но это — дело твое и твоих людей. Что ж, рискуй. Если пропадешь, про тебя сложат новую песню. — Он ударил меня по плечу.

Наверное, последнему его высказыванию я должен был безмерно обрадоваться. И Зельвинда не был бы собой, если бы в его руках откуда ни возьмись не появился объемистый кувшин вина.

— За риск! За свободу! За доблесть! — провозгласил он, наполнив чаши.

В моем плане было слишком много тонких мест, готовых лопнуть в любой момент. Вот первое. Пока на моем борту не появится штурман, умеющий прыгать через гиперпространство, я не мог включить навигационные маяки. Но как без них садиться в космопорту?

Приходилось выкручиваться. И данную проблему мы с Гойкой решили следующим образом. Мы вдвоем спустимся на планету в шлюпке, а невидимый для навигаторов корабль оставим болтаться на орбите вокруг нее. Если учитывать, что из гиперпространства звездолеты выныривают в некотором отдалении от планет, риска столкнуться с ними нет. А если к планете кто-то будет подлетать в пониженном режиме поглощения пространства, он не сможет не заметить наш корабль.

— И он не станет никому сообщать о нас, — подмигнул мне Гойка. — Мало ли почему звездолет мытаря, отключив маяки, затаился на орбите? А?

Хотя я и был уверен, что все будет именно так, как предсказывал атаман, я все-таки собрал своих людей на сход. Я рассказал им о том, что за кораблем охотятся власти, о нашем плане, а закончил свою речь тем, что считаю, им безопаснее было бы на некоторое время перебраться на другие корабли табора. Освещение палубы имитировало сумерки, блики костра выдергивали из толпы непроницаемые лица моих цыган. Они молчали.

— Ну?! — не выдержал я тишины. — Чего притихли? Разве я не прав?

На помощь мне пришла Ляля:

— Не серчайте, ромалы, — сказала она. — Он ведь даже язык наш не знал, когда я его в табор привела, что же он может знать о наших порядках?

Похожий на старого облезлого волка старик Хомук проскрипел:

— Ты была бы права, девка, коли б он не был нашим джуз-атаманом. Мы доверяем ему нашу жизнь, а он до сих пор не знает наших главных законов.

Цыгане тихонько загудели.

— Ты считаешь, он не достоин? — с вызовом спросила Ляля.

— Я считаю, что его надо учить, — ответил Хомук и вновь повернулся ко мне. — Только смерть может заставить джипси покинуть капитана. И еще — переход в новый джуз. Но и то, и другое может случиться только один раз.

Я пошел ва-банк:

— Знаю. Но прежде чем подвергнуть вас риску, я хотел узнать, готовы ли вы идти за мной или предпочтете выбрать на мое место другого. Таков закон моего родного табора.

— Да-а, — протянул Хомук, — из далеких краев ты прибыл к нам, Рома... Хватит болтовни. Делай то, что считаешь нужным, и пусть все будет так, как будет.

Что ж, пора снять напряжение и закрепить удачу. Предвидев недовольство, я загодя придумал, как это сделать. Рояль в кустах. Правда, балисет имеет только пять струн, но к этому нетрудно было приспособиться, и несколько раз я бренчал на нем Ляле, а больше никто в таборе не слышал, как я играю.

Я убедился, что инструмент строит, потрогал клавиши темброблока и добился того, что звук стал почти фортепианным. Затем я провел по струнам и огляделся. Цыгане замерли в ожидании. Блики костра играли на лицах... Когда-то в студенческом театре мы ставили оперетту «Мистер Икс». Ария из нее будет сейчас, пожалуй, как нельзя кстати. И я запел:

Снова туда, где море огней,
Снова туда с печалью моей.

Цыгане пооткрывали рты.

Светит прожектор, фанфары гремят,
Публика ждет, будь смелей, акробат...

Тут какой-то кусок у меня вылетел из головы... Собственно, вот строчка, из-за которой я вспомнил это произведение. Она актуальна:

...Устал я греться у чужого огня...

А следующая уже не актуальна:

...Ну где же сердце, что полюбит меня...

Ляля подозрительно уставилась на меня. Она ведь знает *мой* русский язык... Слова окончательно перепутались. На автомате я еще пропел:

...Да, я — шут, я — циркач, так что же?
Пусть меня так зовут вельможи.
Все они от меня далеки, далеки...

И все. Следующая строчка стерлась напрочь. Как отрезало. Потому, невольно выдержав эффектную паузу, пришлось импровизировать:

Дураки, мудаки, говнюки!

Я остановился и замолчал. Бедный Кальман.

— Ты — великий менестрель, Рома! — воскликнул Гойка восхищенно. — Твоя песня странна и прекрасна!

— И что же она означает? — поинтересовался Хомук скептически.

Ляля, укоризненно покачав головой, опередила меня:

— Я одинокий. Я выступаю с номерами в балагане, богатые люди не уважают меня. Они — глупые и плохие.

— Справедливая песня, — кивнул Хомук.

И цыгане захлопали. Ведь на ярмарках все они ходили по канатам, жонглировали, показывали фокусы и дрессированных животных. И нельзя сказать, что они были так уж счастливы своим положением.

Что ж. Мой подорванный было авторитет восстановлен. А моя совесть — чиста. Я предупредил их, а они сделали свой выбор.

Ближайшая к нам планета называлась просто, но со вкусом: «Рай». И это наполнило меня самыми недобрыми предчувствиями. Наша шлюпка приземлилась в удаленном от конторы уголке космодрома. Если нас и засекли, то смылись мы раньше, чем к шлюпке кто-либо приблизился. Возможно, посудину в наше отсутствие арестуют, но тогда и будем действовать по ситуации. В конце концов, в таком рискованном предприятии, как наше, все до мелочей предугадать невозможно.

Пока мы летели к Раю, Гойка учил меня, как следует вести себя на планете, слегка удивляясь моей неосведомленности. Главной проблемой, с которой мы могли столкнуться, было отсутствие у нас обоих кода социальной значимости. Но если мы сразу двинем в портовый кабак, заверил меня Гойка, обойти это обстоя-

тельство будет нетрудно. Главное, чтобы при нас были тугрики. Хозяева подобных заведений редко бывают чересчур щепетильны.

Когда шлюпка приземлилась, я испытал забытое уже ощущение: словно огонь пробежал по телу. Значит, я могу летать тут с помощью гравитата. Но делать этого снова нельзя. Провожаемые подозрительными взглядами служителей космодрома, мы, воспользовавшись самодвижущимися дорожками, довольно резво добрались до ворот и соскочили на обычный тротуар. Теплый ветерок обдувал наши лица. Если такая погода держится тут всегда, происхождение названия планеты легко понять.

За воротами меня вновь окатило огнем: зона действия антигравитационных генераторов закончилась, видно, они установлены только на космодроме. Гойка моментально определил, какое из зданий является кабаком, и мы направились туда.

Впервые за все время пребывания в двадцать пятом веке я увидел негра. Он был толст и похож на Луи Армстронга. Одет он был в коричневую ливрею с золотыми отворотами. Это был швейцар. Стоило нам приблизиться к дверям, как над ними с препротивнейшим звуком замигало табло. Негр шагнул нам навстречу, и белки его глаз угрожающе сверкнули.

— Спокойно, — выставив вперед ладонь, остановил его Гойка. — Мы — свои. — Он сунул в карман руку и всучил швейцару одну из тех кредиток, которыми я его заранее снабдил. — Это тебе на чай. Для начала.

Негр хмыкнул, положил карточку во внутренний карман ливреи и, коснувшись петлицы, произнес:

— Босс, тут двое джипси. Без кодов.

Он помолчал, по-видимому, получая наставления. Затем выдал:

— Но они дали мне пятьдесят хрустящих.

(Я точно видел, что Гойка дал ему сотню.) Негр опять немного помолчал, закатив глаза выслушивая шефа, затем еще раз коснулся петлицы и, растянув в улыбке пухлые губы, указал нам на дверь:

— Добро пожаловать в «Преисподнюю».

Только тут я обратил внимание на вывеску. Заведение называлось именно так. Ад в раю. Предчувствия мои стали еще более тягостными.

Однако, войдя в ресторан, ничего особенно адского, кроме пламени газовых горелок в форме факелов, я не заметил. Да нарочитую мрачность красно-черных костюмов официантов, которые все поголовно были неграми. Один из них, слегка пританцо-

вывая под ритмичную музыку, провел нас через несколько комнат к свободному столику, парящему над полом.

Итак, наша задача — сидеть и наблюдать за посетителями. Выяснить, кто из них штурман современного гиперпространственного корабля, и любым способом доставить его на наш звездолет. Купить, запугать, споить или просто связать по рукам и ногам... Решим по ходу.

В кабаке, состоящем, словно улей, из множества небольших сообщающихся друг с другом зальчиков, было людно и шумно. Большинство присутствующих были мужчины, выглядевшие заправскими головорезами и прожженными космическими волками. Женщин было мало, но все они были полуодеты, а их вид и поведение также не оставляли сомнений в роде их деятельности. Поголовно все посетители были пьяны и болтали, стараясь переорать музыку и друг друга.

Ловко орудуя дистанционными пультами, официанты отправляли плавающие под потолком подносы со снедью в нужные места. Но некоторых посетителей такая манера не устраивала, и к их столикам напитки и яства официанты приносили сами.

Наши цыганские одеяния вызвали всеобщее оживление и приковали множество глаз. Просмотрев меню, Гойка сделал заказ, и официант исчез. Тут же от соседнего столика отделилось плавающее сиденье и, неся на себе грузную фигуру, пристыковалось к нашему.

Перед нами возник здоровенный верзила со светлыми, словно выгоревшими на солнце, волосами, заплетенными в косу. Коса, в свою очередь, словно толстый ошейник, была обмотана вокруг его шеи. Верзила наклонился к нам, обвел нас пьяными красными глазами, а затем сообщил, вперившись взглядом в Гойку:

— Джипси.

— О да, — подтвердил Гойка.

— А где табор?! — с нажимом произнес наш непрошеный сотрапезник и вдруг заржал так, словно чрезвычайно удачно пошутил. Просмеявшись, он все так же безапелляционно сообщил Гойке:

— Цыгане петь умеют. Цыганские песни. — И вновь разразился хохотом.

«Хорошо смеется тот, кто смеется, как лошадь...» Я видел, как Гойка потянулся к кушаку, под которым был спрятан плазменный кинжал. При этом он демонстративно не смотрел на своего собеседника, а повернул застывшее лицо ко мне. Нужно

было срочно вмешаться и разрядить обстановку. Я торопливо заговорил:

— Все нормально. Нас никто не пытается оскорбить. Человек просто пьян, понимаешь? Просто пьян.

Несмотря на то что говорил я на диалекте русских джипси, верзила понял меня и взревел:

— Кто пьян?! Я пьян?! — Он угрожающе выпрямился... И тут же сник: — Да. Пьян. И что?

Гойка убрал руку от кушака.

— Нет, ничего, — сказал я примирительно. — Через полчасика мы будем такими же.

— Хо! — слегка взбодрился верзила. — Шутка. — И, словно пытаясь удостовериться, спросил: — Шутка?

— Да, — подтвердил я.

— Хо-хо! — развел руками мой собеседник. — Никогда не слышал, чтобы джипси шутили. Впрочем, я вообще с джипси еще никогда не разговаривал. Джипси не ходят в наши кабаки. Как это вас занесло сюда?

Два подноса с едой и пивом проплыли над головами и аккуратно приземлились перед нами.

— Эй! — заорал верзила в сторону. — Фредди! Принеси-ка пива и мне. И ножками, ножками! — Он повернулся к нам. — Не люблю я эти штуковины, — сообщил он, щелкнув пальцем по моему подносу. — За мои кровные пусть меня обслуживают как следует!

Пять минут спустя мы уже пили втроем. Выяснилось, что верзилу зовут Бенедикт, и он не звездолетчик, а портовый заправщик. И сегодня у него выходной. Мы, в свою очередь, назвали ему свои имена и изложили легенду, из которой следовало, что мы ищем опытного штурмана, который обучил бы нашего человека гиперпрыжкам. Это было почти правдой.

— Украли звездолет? — простодушно спросил Бенедикт.

— Купили, — возразил я, прекрасно понимая, что он не поверит. И правильно сделает.

— Хо, — покачал он головой. — Опять шутишь. Никогда еще не слышал, чтобы джипси покупали корабли.

— А что ты вообще о нас слышал, а?! — агрессивно спросил Гойка. — В кабаки мы не ходим, шутить не умеем, корабли не покупаем... Какого дьявола вы держите нас за дикарей? Если бы все наши корабли были ворованными, жандармы от нас не отставали бы. Да мы бы все уже давно по тюрьмам сидели.

Это традиционная песенка джипси для чужаков. На самом деле они научились находить спрятанные в корпусе звездолета

контрольные датчики, и им почти всегда удается перепрограммировать их, да так, что комар носа не подточит.

— Хм-м, — выпятил губу Бенедикт. — Вообще-то верно. Только не надо мне говорить, что вы вообще никогда не угоняете звездолеты.

— А мы и не говорим, — пожал плечами Гойка.

— С кем не бывает? — добавил я.

— Хо-хо-хо! — радостно закатился Бенедикт. — И правда! С кем не бывает?..

Мы выпили и принялись за еду.

— Значит, репетитор вам нужен? — полувопросительно сказал Бенедикт. — Ладно. Подыщем. Я всех тут знаю. Только заплатить придется.

— Сколько? — полез я в карман.

— Не-е, — помотал головой Бенедикт. — Не мне. Деньги будете учителю платить.

— А ты что, бесплатно нам поможешь? — недоверчиво усмехнулся Гойка.

— Конечно, нет, — ответил ему Бенедикт с еще более наглой ухмылкой на роже. — Вы мне петь будете. Как джипси поют, легенды ходят, а я никогда не слышал.

— А что ты слышал? — опять завелся Гойка. — В кабаки мы не ходим, шутить не умеем...

Я положил под столом руку на его колено, и он осекся.

— Как мы будем петь без инструмента? — спросил я. — Да еще в таком шуме.

— Это мы решим, — помахал ладонью Бенедикт.

— А учителя нам точно найдешь? — прищурился Гойка.

— Будь спокоен. Лучшего!

— Тогда давай, решай, — согласился Гойка.

— Будет инструмент, будут и песни, — добавил я.

— Виолину, балисет или аккордеонус?

— Балисет, — не задумывался Гойка.

— Фредди! — вновь позвал Бенедикт, и перед нашим столиком вырос чернокожий юноша-официант. — Ну-ка живо слетай к Дьяволу и скажи, что Бенедикту нужен балисет. И еще каждому, — обвел он нас троих пальцем, — по пиву.

Юноша рванулся к выходу, но Бенедикт остановил его:

— Стоп! Я тебя отпускал? Правильно, не отпускал. А чего тогда ты дергаешься, словно тебя укусил кто-то? Отключи в нашем зале музыку, а выходы перекрой сайленс-полем. Все понял?

— Всё, — торопливо кивнул официант. Но опасливо добавил: — Только другие клиенты могут быть недовольны.

— Это моя проблема, — заявил Бенедикт. — А твоя задача состоит в том, чтобы остаться живым. Повтори, что для этого ты должен нам обеспечить?

— Тишину, балисет и пиво.

— Неправильно, — капризно покачал головой Бенедикт. — Все наоборот. Сначала — пиво. Потом летишь за балисетом, а потом уже и тишину делаешь. Теперь ясно? Всё. Исчез.

Когда инструмент появился у Гойки в руках, он повертел его и неодобрительно поморщился:

— Автомат. Терпеть не могу.

Он нажал на клавишу автонастройки, и ослабленные до этого струны натянулись. В зале к тому времени установилась почти полная тишина. Музыка прекратилась совсем, раздавались только голоса посетителей, но теперь, чтобы их услышали, им не приходилось орать во всю глотку. Однако это и впрямь понравилось не всем.

— Какого черта выключили музыку?! — крикнул кто-то.

— Успокойся! — рявкнул Бенедикт. — Раз выключили, значит, надо! Сейчас нам джипси будут петь!

Видимо, это сообщение действительно заинтересовало народ, так как возражать никто не стал. Поставив аккорд, Гойка провел по струнам ногтем. Я приготовился к очередной цыганской балладе. Но вместо этого он замолотил по струнам словно балалаечник. Аккорд был минорным, и звучание получилось тревожно-трагическим. Неожиданно для меня Гойка запел на русском (само собой образца двадцать пятого века):

Распустила крылья перепончатые ночью мышь летучая,
В небе черной тенью промелькнула между грозовыми тучами,
Месяц на монаха беглого глаз скосил свой злой,
Тот бежит от звездолета по тропе лесной.
Вымокнув до нитки, сушит рясу в кабаке, от леса в трех верстах.
Пьяному монаху отказались наливать, и он кричит в сердцах:
«У греховности и святости — равная цена;
Что ж вы, суки, я пришел к вам, дайте мне вина!»

Но все смеялись. Лишь блудница одна
Подала с молитвой чашу вина,
И он испил до дна...

Пел он страстно и разливисто. Было в его исполнении что-то рок-н-ролльное. Драйв. Но все-таки это был не рок-н-ролл. Иногда он приглушал струны ладонью и произносил целые фразы речитативом без аккомпанемента. Люди вокруг окончательно смолкли, и многие стали подтягиваться к нам.

Распустила крылья перепончатые ночью мышь летучая,
В небе черной тенью промелькнула между грозовыми
тучами,
В свете молний путник движется по тропе лесной,
И вертепы, и святыни — за его спиной!..

Гойка остановился. Последний аккорд затих не сразу. Затем несколько секунд в зале царило безмолвие. А потом оно взорвалось восторженным ревом, свистом и топотом.

— Еще! Еще! Давай еще! — кричал Бенедикт, перекрывая остальных. — Да ты, братец, умеешь! Умеешь, братец!

Гойка снисходительно усмехнулся.

— Спой им про Бандераса, — посоветовал я.

Гойка кивнул.

— Теперь нашу, — сказал он и запел по-цыгански в своей коронной испано-индийской манере:

Эй, ромалы, слушайте правдивый рассказ,
Что ветер нашептал, который бродит меж звезд...

И вновь по окончании разразилась восторженная буря.

— Не знаю, о чем ты пел, — сказал Бенедикт, — но и не надо. И без того душа трепещет.

Люди одобрительно кивали, били Гойку по плечам и заказывали кружку за кружкой. А Бенедикт заявил:

— Кстати, о штурмане. Я уже приглядел тут для вас кое-кого. Брайни, поди-ка сюда. — Он потянул за руку худощавого парнишку ярко выраженной семитской наружности и выволок его к самому столу.

— Вот, пожалуйста. Видите, какой штурман. Зовут Брайан. Из колледжа недавно, так что и теорию еще помнит. Но и на практике... Ну-ка, Брайни, перечисли-ка свои маршруты.

— Беня, я тебя умоляю...

— Давай, давай!..

Парнишка поднял глаза к потолку и, загибая пальцы, затянул:

— Москва — Новые Фермопилы, Москва — Петушки, Четвертая Альдебарана — Рай, Е-272/87 — Долгожданная Эрекция, Алмазный Край — Юпитер Гелиоса, Челябинск — Рай...

— Ну хватит, хватит, — остановил его Бенедикт. — Видали?!

— Что-то молод он больно, — недоверчиво помотал головой Гойка.

— Молодой да ранний, — заверил Бенедикт. — Вам как раз подойдет.

— А чего им надо? — поинтересовался парнишка. — Ты меня, Беня, как какую-то тварь бессловесную продаешь...

— А ты и есть тварь, — заявил Бенедикт. И добавил, выдержав паузу: — Божья.

Народ заржал, а парнишка, пытаясь вырвать руку из мертвой хватки Бенедикта, заявил:

— Не, я к джипси не пойду. Если им надо корабль украсть, то я — пас.

— Нам нужен репетитор, — вмешался я. — Обучить нашего штурмана гиперпрыжкам.

— А-а, — протянул Брайан. — Это-то мне — раз плюнуть. Хоть и сложно. Только я все равно не могу.

— Как это не можешь?! — возмутился Бенедикт. — Я пообещал!

— Ты пообещал! А меня начальник транспортной службы графа Ричарда Львовского к себе вербует, сулит немножечко деньжищ заплатить.

— А вот это видел? — показал ему Бенедикт кулак. — Сулит ему! Еще вякнешь, и будет тебе обрезание по самые уши! Ты уж лучше молчи. А вот ты — пой, — повернулся он к Гойке.

— Пусть-ка брат мой споет, — отозвался тот, вручную перестраивая балисет для меня. — Я по этой части против него — пацан, не более. Хотите верьте, хотите — проверьте.

Этого мне только не хватало. Хотя, с другой стороны, почему бы и не спеть? Я принял инструмент из рук Гойки и на миг задумался... И решил взять слушателей контрастом. В противовес разухабистым Гойкиным песням спеть что-нибудь щемяще-грустное. Типа «Ночной птицы» Никольского или его же «Музыканта»: «Повесил свой сюртук...» Интересно, смогу ли я заставить их слушать меня на русском языке двадцатого века так, как они слушали Гойку на цыганском? Я опрокинул в глотку рюмку водки, которая уже тоже появилась на нашем столике, поморщился и сказал:

— Я знаю песни только на диалекте своего родного табора.

И тут меня осенило. Я понял, что именно я буду петь. Когда-то давным-давно я сам положил на музыку стихи моего сокурсника Лёши Михалева. И всем нравилось.

— В этой песне говорится о любви и смерти, — сказал я. Хотел добавить что-то еще, но не стал. Потом переведу, если попросят. И запел:

На город мой безмолвна и бела
Ложится ночь, укутавшись в метели,
Два ангела ко мне в окно влетели,
Сложив за спинами замерзшие крыла,
Сказали мне, что Королева умерла,

И замолчали. Я хотел уехать
Тотчас из города, где ночь белым-бела,
Безмолвна. Где, быть может, «Умерла» —
Чуть слышно прошептало эхо
За мною вслед и подавилось смехом.

Им нечего мне было рассказать,
Я понял все по их молчанью,
Расправив крылья над плечами,
Два ангела летели к небесам
В свой добрый мир, из моего назад.

Люди слушали молча, завороженно глядя мне в рот. Я чувствовал себя удавом Каа в городе обезьян. Но краем глаза я увидел, как из-за соседнего столика поднялся какой-то человек и проворно вышел из нашего зала. Все, что я успел заметить в нем, — зачесанная на лоб челка и большие уши. Не всем, значит, нравится, как я пою. Ну и ладно, скатертью дорога. Я опустил глаза, чтобы больше не видеть ничего такого, что могло бы сбить меня.

На город мой безмолвна и бела
Ложится ночь, укутавшись в метели,
Волшебное виденье стало тенью
И отраженьем тени в зеркалах,

И страхом плотским пред Господним гневом.
Для всех живая умерла сегодня Королева
И значит, все грехи я оплатил
Тем, что другой такой мне не найти.

Я замолчал и поднял глаза. Не знаю, может, я преувеличиваю или выдаю желаемое за действительное, но лица окружающих казались мне потрясенными.

— Тебе, братец, не здесь надо петь, — сказал Бенедикт, — а в столице выступать. Бабки бы огребал немеренные.

Я с удивлением увидел, что у него на коленях примостился молодой штурман Брайан, и по щекам его текут слезы. Надо же какой чувствительный. И это при том, что не понимает слов. Или Бенедикт так и не отпустил его руку, и бедняга плачет от боли? Но нет, руки Брайана свободны.

— Все равно я с вами не пойду, — хлюпнув носом, сказал тот, — хотя уже хочется...

Бенедикт словно и не слышал его. Сделав глубокий вдох, будто бы отгоняя от горла комок, он изрек:

— Такой странной музыки я еще не слышал. Ни на что не похоже. — («Еще бы, — подумал я, — все-таки пять столетий прошло».) — И язык... Чей, говоришь, это язык?

— Джипси, — привычно соврал я. — Этот табор ползает по задворкам, и мало кто его знает...

— А вот и лжете, сударь мой, Роман Михайлович, — раздался скрипучий голос неподалеку.

Я вздрогнул. И поразило меня даже не то, что кто-то произнес мое имя. А то, что сказана эта фраза была на русском языке двадцатого века.

Я без труда нашел глазами говорившего. Это был тот самый человек, который слинял из зала, когда я пел. Не зря мне это не понравилось. Внешность его была бы неприметной, если бы не идиотская прическа и непропорционально большие уши. Он стоял совсем рядом, за спиной Бенедикта, между двух здоровенных жандармов в лиловых формах.

— Я надеюсь, вы не будете делать глупостей? — ласково улыбнулся ушастый. — Будьте любезны, проследуйте с нами в участок. Сбежать вам не удастся, даже и не пытайтесь.

Я обернулся к Гойке и по выражению его лица понял, что объяснять ему ничего не надо. О главном он догадался: у нас неприятности.

— Что бормочет эта лопоухая гнида? — спросил меня Бенедикт.

Неожиданно ему ответил Гойка:

— Бормочет, что ты, ты и ты, — он ткнул в грудь Бенедикта и еще двоих самых грозных на вид головорезов, — пожаловались ему на то, что мы, подлые грязные джипси, обокрали вас.

Лицо ушастого вытянулось.

— Что?! — поднимаясь, обернулся к нему Бенедикт. Указанные Гойкой парни повели себя так же грозно. Все, кто только что слушал наши песни, обернулись и, закрывая нас от шпика, сомкнулись в хмельную стенку.

— Разойдись! — взвизгнул ушастый. — Приказываю именем Его Величества Рюрика Четвертого! Я следователь имперской прокуратуры! Вот ордер на арест! Если вы сейчас же...

Договорить он не успел, так как получил от Бенедикта увесистейшую оплеуху. В тот же миг Гойка, вырвав у меня из рук балисет, вспрыгнул на стол и что есть силы треснул им по башке одного из жандармов. Струны взвыли, и инструмент раскололся на куски.

И тут началось. Жандармы палили, проститутки визжали, с потолка на головы сыпались куски оплавленного пластиката, летали, ударяясь о черепа, кружки и подносы... Гойка поволок меня за руку в какой-то проем, а я, в свою очередь, потащил за собой втянувшего голову в плечи Брайана. Выбравшись на воздух, мы втроем кинулись к воротам космодрома.

Стоило мне почувствовать приятный огонь в теле, как я, не раздумывая, воспользовался своими возможностями. Схватив за руки Гойку и Брайана, я принял горизонтальное положение и, волоча их, стремительно полетел вперед. Они мчались за мной семимильными шагами, словно маленькие дети за спешащим папашей. Мы домчались до «бегушки», и я смог увеличить скорость еще...

Неожиданно Брайан вырвал свою руку из моей. Я отпустил и Гойку, встал на ноги. Бегущая дорожка продолжала мчать нас в сторону нашей шлюпки. И та была уже близко.

— Куда вы меня тащите?! — взвизгнул Брайан.

А с ним одновременно, обращаясь ко мне, воскликнул Гойка:

— Как ты это делаешь?!

— Потом! — ответил я ему и повернулся к Брайану. — Нам нужен репетитор, ты же слышал!

— Это ваши небольшие проблемы. А я ни на что не соглашался. Я бежал только для того, чтобы не связываться с жандармами. И всё. Дальше с вами идти у меня нет никаких веских причин.

— Есть! — возразил Гойка. Неуловимым движением он выдернул из-за пояса кинжал, наставил на Брайана и щелкнул переключателем режимов. Плазменный клинок вмиг вытянулся до размеров сабли и коснулся кончиком здоровенного кадыка Брайана. От неожиданности тот сглотнул, и глаза его округлились.

— Стой, молчи и не двигайся, — приказал ему Гойка. — Рома, обыщи его.

Я старательно обшарил парнишку и, найдя бластер, передал его Гойке.

— Теперь так, — сказал тот. — Если ты брякнешь еще хоть слово, я сделаю то же самое, только рукоятку поднесу поближе. Ты понял, а? Если понял, мигни.

Брайан мигнул. Гойка отключил нож. Мы были уже возле шлюпки и соскочили с «бегушки». Краем глаза я увидел какое-то шевеление возле ворот, позади. Погоня? Действительно, несколько фигур мчались к нам по воздуху так, как это только что делал я, но значительно быстрее. Воздух с шипением рассекли плазменные заряды бластеров: преследователи стреляли. Но мы успели забраться в шлюпку, задраить люк, и Гойка ударил по газам.

...Мы пристыковались к звездолету. Непрерывно слыша требования планетной жандармерии остановиться, мы отогнали его на расстояние, безопасное для гиперпрыжка. Тут только Гойка разрешил Брайану говорить.

— Всё, — сказал он. — Заклятие снято. Ты обретаешь дар речи. Садись на мое место, останавливай корабль и прыгай.

Только что подоспевшая Ляля опасливо прижалась ко мне.

Брайан сел на штурманское место, положил руки на колени и, глядя в одну точку, тихо сказал:

— Я не умею.

— Что?!! — вскричали мы хором.

— Я ни разу не прыгал через гиперпространство. Я все врал. Меня выгнали с первого курса космоколледжа. Сразу после практики.

— За что? — невпопад спросил я. Какая разница, за что?! Но Брайан с готовностью объяснил:

— О, я учился только на «отлично»! Но на практике совсем ничего не мог сделать правильно. Я волновался... Трусил. И меня выгнали.

Мы слушали его с открытыми ртами, а он все так же нудно бубнил:

— Я работаю продавцом средств от домашних насекомых в папашином магазинчике. А по вечерам хожу в «Преисподнюю» и вру. Мне там хорошо. Но я ничего не умею. Простите меня, — жалобно попросил он под конец.

«Приказываем немедленно остановиться! Приказываем немедленно остановиться! — передавал модуль связи. — В случае неповиновения ровно через парсек ваш корабль будет уничтожен!..» Жандармский крейсер был уже явственно виден на экране. Он приближался.

— Остановиться я могу, — добавил Брайан. — А вот прыгать не умею.

— Так останавливайся, — сказал я и посмотрел на Гойку. — Им нужен только я.

— Останавливайся, — эхом повторил за мной Гойка и отключил на модуле связи звук.

Брайан принялся деловито манипулировать приборами управления. Мы молча следили за ним. Скорость корабля стала падать, и жандармский крейсер подошел к нему вплотную.

«Почему они не стреляли? — подумал я. — Ах да. Они, наверное, знают, что никто из джипси не умеет нырять в гиперпространство. Умные люди, если это возможно, всегда стараются взять врага живым, чтобы использовать его в каких-нибудь политических целях».

— Всё, — сказал Брайан. — Мы стоим.

И тут Ляля, оттолкнув меня, шагнула к штурманскому креслу и, схватив Брайана за грудки, закричала:

— Ты! Ты учился, сукин ты сын! Ты знаешь, как это делать! Прыгай или задушу тебя! — и тут же, бессильно опустившись перед ним на колени, она заплакала. — Ну пожалуйста. Я прошу тебя, миленький мой, алмазный... — И она принялась осыпать поцелуями его руки. Отдернув их и прижав к груди, Брайан пролепетал:

— Вообще-то я могу попробовать... Но мы тогда, наверное, погибнем.

— Да, — подтвердил Гойка. — Крейсер уже слишком близко.

— А вот и нет, — откликнулся Брайан, не глядя на него и лихорадочно настраивая какие-то приборы. — Это я вам как отличник говорю. Вы немножечко ничего не понимаете в гипертеории. Если бы мы были рядом с телом, значительно превышающим нас по массе, отраженная сила нас маленько уничтожила бы. Если же массы примерно равны... Нас чуть-чуть тряхнет, очень сильно, и вынырнем мы не совсем там, где собирались, но взорвется только тот, кто останется. Были прецеденты.

— Теоретик, — процедил Гойка. — Так прыгай же!

Брайан посмотрел на него безумными глазами:

— Прыгать?!

— Прыгай! — рявкнул тот.

Я же словно оцепенел. Я понимал, что они делают что-то не то, но не мог заставить себя вмешаться.

— Куда?! — все так же истерически отозвался Брайан.

— Куда угодно!

— Понял, — сказал Брайан. Его руки перестали бегать по рычажкам и сенсорам. — Вообще-то все готово. Но все-таки мы, наверное, погибнем. Это я предупреждаю.

— Спасибо, — кивнул Гойка хладнокровно.

Я подумал, что надо все-таки остановить их. На борту — несколько десятков человек. Но в этот момент Ляля зачем-то снова включила звук модуля связи. Пластинка там сменилась. Чей-то мягкий голос вещал:

— ...Пожалуйста, воспользуйтесь шлюпкой и перейдите к нам на борт. Роман Михайлович, у вас нет иного выхода. А ваших экзотических соратников мы не тронем...

«Да, так и нужно сделать», — решил я окончательно, и тут почувствовал, как по моему рукаву, проворно перебирая лапками, лезет Сволочь. Она уселась мне на плечо. Сволочь, как агент Дядюшки Сэма. Сдался бы он или рискнул?

Уж он-то, наверное, рискнул бы, раз для того, чтобы вытащить меня в будущее, он рискнул существованием всей вселенной... Но у меня-то нет его политических амбиций. И я уже открыл рот, чтобы сообщить всем о своем решении, как Брайан опередил меня неожиданным вопросом:

— Никто не помнит, как сказал тот русский, в древности? Ну, который первый полетел в космос на своей консервной банке! Какое-то слово дурацкое?!

— Поехали, — машинально откликнулся я.

— Точно, — кивнул Брайан. — По-е-ха-ли! — повторил он по слогам и треснул кулаком по огромной черной кнопке в центре щитка. И все потонуло в феерическом разноцветье бесшумного взрыва.

Глава 3

ЗАТИШЬЕ И ВСПЛЕСК

Я почувствовал шевеление возле уха. «Очнулся. Я жив», — было моей первой мыслью. Я лежал на боку в неудобной позе. Пошарил рукой там, где ощущалось движение. Это была Сволочь, и она тут же выползла из-под моей руки. В ушах у меня звенело, во рту пересохло, и чувствовался противный привкус железа. Я попытался оглядеться, но золотистое обморочное мер-

цание не позволяло мне сделать этого. Я сел, закрыл глаза ладонями, а затем открыл. Сияние стало чуть менее интенсивным. Я повторил эту нехитрую процедуру несколько раз, и мерцание окончательно рассеялось.

Сволочь тихонечко отползала от меня в сторону трапа на верхнюю палубу. Видно, ей тоже пришлось туго. Я нашел взглядом Лялю. Она как раз поднималась на ноги, цепляясь за подлокотник штурманского кресла.

— Как ты? — спросил я и не узнал собственного голоса.

— Нормально, — вымученно улыбнулась она. — Я давно мечтала испытать это... А вот наш мальчонка-штурман, он, похоже, не в порядке. У него кровь идет носом.

Брайан сидел в кресле, неестественно задрав голову и прижав к лицу руку.

— Я вас умоляю, не делайте трагедии, — заявил он, не меняя позы и не открывая глаз. — У меня всегда так, при любой нагрузке. Зато мы прыгнули! Вот я и выдержал экзамен, — и он хохотнул с истерическими нотками в голосе.

Пошатываясь, поднялся на ноги и Гойка. Он шагнул к Брайану.

— И где мы теперь находимся? А?

— Сейчас посмотрю. Погоди, кровь остановится...

— Ладно, сиди. Сам гляну.

Гойка уселся в кресло второго штурмана, всмотрелся в экран, проверил показания приборов... Затем откинулся на спинку и покачал головой.

— Ну? — спросил я. — Где мы?

— В парсеке от того места, где были. Считай, Чечигла, где нырнули, там и вынырнули.

Да. Вот так убежали... Хотя...

— А связь включена? — спросил я, тоже поднимаясь и чувствуя, что ноги плохо слушаются меня.

— Вот и я о том же, — кивнул Гойка. — Крейсера нет. Будто и не было.

— Я же говорил! — воскликнул Брайан и, швыркая носом, сел в кресле прямо.

— Одно слово — профи, — кивнул я. — Вот что, рома, — тронул я плечо Гойки. — Давай-ка посадим этого молодчика в шлюпку и отправим, от греха подальше, домой.

— Это мысль, — кивнул Гойка. — Его Рай так и кишит тараканами и клопами. Должен же с ними кто-то бороться!..

Да. Нельзя лишать планету такого солидного специалиста по уничтожению домашних насекомых и жандармских крейсеров. Тем более что свое дело он, как мавр, сделал и может теперь удаляться: «хвоста» за нами больше нет, и вряд ли кто-нибудь станет искать нас в том самом месте, где мы нырнули.

Гойка щелкнул тумблером «Подготовка шлюпки к вылету», но в окошечке над ним тут же замигала надпись: «Шлюпка отсутствует. Шлюпка отсутствует...»

Та-ак... Гойка включил соответствующую камеру внешнего обзора. На креплениях стыковочного модуля, к которым была пристегнута шлюпка, виднелись только бесформенные куски искореженного металла.

— Ай придется, крошка Брайни, тебе полетать с нами, — сообщил Гойка.

— Как это, с вами? — растерянно хлюпнул носом парнишка. — Папаша мне голову оторвет!

— Могу порадовать тебя только тем, — заметил я, — что случится это, по-видимому, не слишком скоро.

Ляля погладила его курчавую шевелюру:

— Не кручинься, герой. Мы отправим тебя домой, как только сможем.

...За табор теперь можно было не волноваться. Мы связались с Зельвиндой, и тот подтвердил, что жандармы ни разу не остановили ни один из его звездолетов. И добавил:

— Ты рассчитал все правильно, Чечигла Рома, и ты отвел от нас беду. Теперь самое время тебе пересесть на другой корабль, и никто вас не найдет.

— Нужно еще добыть его.

— Ха! — воскликнул Зельвинда и щелкнул себя по колечку. — Пока ты делал свое дело, я делал свое. Подвернулся тут мне один грузовичок... Не такой роскошный, как твоя теперешняя посудина, но зато безопасный. Спрячься на какой-нибудь пустынной планете, и я подгоню его тебе.

Я спросил Гойку, не уронит ли такой подарок мой авторитет среди людей джуза, ведь джипси вроде бы должен добывать себе корабль сам. Но тот ответил, что, угнав звездолет налоговой инспекции, я уже показал себя настоящим ганджа и подтвердил свое право быть джуз-атаманом. А то, что новый корабль для меня справил Зельвинда, даже поднимет мне авторитет.

Еще я спросил его: .

— Я, наверное, должен объяснить тебе, почему я умею летать...

Но он жестом остановил меня:

— Не надо. Мне не нужна лишняя тайна. Я знаю, что ты — мой друг, а для джипси этого вполне достаточно. Ведь так, рома?

...В ожидании Зельвинды мы остановились на планете, не имеющей даже нормального названия, а только номер — 335/14. Собственно, «планетой» эту жалкую голую каменную глыбу можно было назвать только с натяжкой. Не выходя из корабля, мы проторчали тут больше двух недель, бездельничая, валяясь у костров на палубе, пожирая и пропивая запасы пищи и вина.

Давненько я не отдыхал так основательно. И впервые у меня было так много времени, чтобы пообщаться с Лялей и прочими джипси, попеть песни, порассказывать друг другу разные истории. Больше всех историй из практики бравых звездных капитанов знал горе-штурман Брайан, одну невероятнее другой. Но если джипси начинали насмехаться над ним и уличать в откровенной брехне, их осаживала Ляля, как бы взявшая над ним покровительство. Ревности это во мне не вызывало, я был солидарен с ней в том, что мальчишка (и наш спаситель, между прочим) как никто другой нуждается в поддержке.

Однако количество отнюдь не определяет качество. Самым занимательным рассказчиком оказалась старая Аджуяр. Язык у нее развязывался нечасто, но тогда она рассказывала чудесные цыганские легенды о сказочном королевстве Идзубарру, откуда якобы и вышли астроджипси. Это королевство занимало целую галактику, и разумными обитателями его были не только люди обоих полов, но и живые Корабли-самки, с которыми связывали свои жизни храбрейшие из людей мужчины-Капитаны.

Мне послышались в этом отголоски реальной истории, когда цыгане правили не металлическими звездолетами, а живыми лошадьми. Но фантазия джипси шла значительно дальше: корабли в их легендах не были просто транспортным средством, они были женщинами, и порою прекрасными... Звучит это нелепо, но мир Идзубарру в легендах выглядел вполне стройно и даже привлекательно.

Короче, мое филологическое прошлое взбунтовалось, и я стал втайне записывать все услышанное от этой ведьмы, которая к тому же стала мне родственницей. Я записал и литературно оформил несколько ее легенд. Вот одна из самых пронзительных из них, которую я так и озаглавил:

Корабли Идзубарру*

1

Вот вам, джипси, рассказ о Ленне-Отступнике. Вот вам история о Ленне-Предателе... Да не повторится она во веки веков и да послужит молодым в назидание, а пожилым — в размышление.

Однажды в незапамятные времена бывший принц Идзубарру гулял по набережной королевских верфей. Звали его Ленн, и был он плохим правителем — злым, жестоким и коварным. И восстали джипси — и люди, и Корабли — и свергли его правление. Казнить, однако, не решились, а позволили ему заниматься чем угодно из того, что не связано с политикой, войной и порабощением.

И спрятал Ленн глубоко в свою черную душу великую злобу на всех и вся, и явился с нею на Праздник Молодых Кораблей. И вот, лишенный всех привилегий и даже своего родового имени, разгуливал он по причалам верфи, подбирая себе подходящее судно.

День стоял чудесный. Молодые Корабли были бы рады показать себя с наилучшей стороны, даже если бы на море бушевали штормы и приливы, теперь же они, необъезженные еще, тем более резвились и плясали.

Нарядная толпа джипси обтекала принца со всех сторон, на все лады обсуждая достоинства тех или иных Кораблей, результаты соревнований меж ними и ходовых испытаний.

Почти все пространство Яхонтовой бухты, по которой уже начали разбегаться розоватые блики заката, было до отказа забито молоденькими Кораблями, будущими покорителями звездных пространств. Было им от роду лет по сто—сто пятьдесят, а росту в них было соответственно лишь метров по сто же. И только некоторые, особо крупные, достигали в длину и двухсот метров, обещая лет через триста стать хорошими скакунами через пространство, а кое-кто и через время.

Кто-то из юных Кораблей резвился, высоко выпрыгивая из воды, демонстрируя свои скорость и маневренность, кто-то заранее радовался удачному выбору, высылая своим будущим Капитанам и повелителям прехорошеньких Посредниц, а кто-то мило беседовал на неслышимых человеческому уху частотах с более солидными Матками-родительницами или Наставницами.

---

* Автор новеллы «Корабли Идзубарру» Анна Богданец (*под ред. Ю. Буркина*).

Более взрослые Матки, длиной этак метров в четыреста — пятьсот, виднелись в открытом море подальше от берега и приливных волн, окруженные эскортом из учениц и потомства. Их принаряженные экипажи прогуливались вдоль бортов, принимая самые приятные для человеческого глаза формы и посылая в людскую толпу улыбки и воздушные поцелуи.

Именно взрослые Матки, солидно покачивающиеся на волнах, знали настоящую цену и себе, и молодняку, и заявленным Капитанам, и именно они решали вопросы о правомочности тех или иных брачных контрактов, следя за тем, чтобы не случалось при их заключении откровенных мезальянсов.

И большинство молодых Кораблей в такие дни подыскивали себе действительно подходящую пару из числа молодых Капитанов джипси. Но немало случалось и ошибок, разочарований и трагедий. Выбор Капитана — наука, искусство и магия одновременно. Сколько тестов проводилось в дни Праздника Молодых Кораблей, сколько сжигалось жертвоприношений и возносилось молитв... А сколько шарлатанов и гадателей сделали себе целые состояния, предсказывая Маткам, будет ли их будущий Капитан заботлив, не будет ли он груб, здоров ли будет произведенный Экипаж, и окажется ли произведенное потомство способно к межзвездным перелетам...

Всем известно, как быстро растут и совершенствуются Матки с любящими и заботливыми Капитанами, как при жизни одного лишь Капитана преодолевают они этапы Грузовоза и Исследователя, становясь полноценными Лайнерами, которых с радостью нанимают самые богатые дома. А заработанные деньги помогают им вырастить полноценный здоровый Экипаж и целое семейство новых крепеньких Маток.

Менее же удачливые могут навсегда застрять в Грузовозах и за несколько веков так и не набрать необходимой для трансформации массы. А самые жалкие так и будут прозябать в нищете, с Экипажем из монстров, перевозя лишь грязные руды и рабов.

К концу праздничной недели большинство сделок было уже заключено, большинство пар сформировано. Неудачники столпились у дальнего причала, еле-еле поплескивая хвостами и плавниками. Туда и направил свои стопы бывший принц и нынешний изгнанник Ленн, отыскивая себе неведомо что.

Был он красивым, средних лет мужчиной, чуть начинающим на покое полнеть, но сохранившим свои властные замашки, капризность и высокомерие. И все же был он обаятелен и умел нравиться людям и Кораблям, когда это было ему выгодно.

Время от времени он останавливался возле того или иного до сих пор неизбранного Корабля, заглядывал в справочник, но, недовольно хмыкая, шел дальше. Ни один из Кораблей не удовлетворял его странным запросам. Да он и сам не знал точно, что ему нужно, надеясь лишь на интуицию и импровизацию.

Но вот он остановился против одного из корабликов. Изысканные обводы и привлекательная, белая с голубым, окраска, обещающая с возрастом потемнеть, шелковистая, еще не загрубевшая от перепадов температур и жестких излучений шкурка были очаровательны. Молодая Матка выслала на нос Посредницу, которая кротко и задумчиво вглядывалась в набегающие на берег пенные барашки. Корабль еще не имел собственного имени и значился под номером 15-23.

Принц нашел в справочнике нужную страницу и присвистнул: Корабль показал отличные результаты во всех соревнованиях и испытаниях, в большинстве из них войдя в первую десятку. Да и происходил он от знатных родителей, являясь хоть и дальним, но родственником королевской Матки. В то же время молодой Корабль упорно отвергал все предложения, коих ему было сделано в эту неделю немало.

Хитрый изгнанник тут же разглядел в глазах Посредницы мятущуюся романтичную душу, ожидающую чудес, и, зная подобные натуры, понял, как следует с нею обращаться: сочетать элементы снисхождения, восхищения и садизма, манипулировать ее склонностью к авантюризму и нестандартным решениям... И, пустив в ход все свое обаяние, он приступил к обольщению невинной Матки.

Он поднял руку в традиционном приветствии и приблизился к самой кромке причала. С настойчивым, граничащим с наглостью, вниманием начал он пристально рассматривать все формы и изгибы корпуса Корабля. Он молчал. Молчала и Посредница на носу, и только ветерок трепал ее черные волосы и белую матросскую юбочку.

— Привет, — наконец вымолвил Ленн. — Ждешь Капитана?

— Да, мой господин! — звонко и отчетливо отозвалась Посредница, потупив из вежливости синие очи.

— Меня зовут Ленн, — сообщил принц в изгнании.

— Просто Ленн? — на всякий случай уточнила Посредница.

— Для тебя пока просто Ленн, — гордо вскинув голову, пренебрежительно ответил мужчина. Он не намерен был объяснять каждой встречной, отчего не носит своего полного родового имени.

Девчонка на носу чуть помешкала, пока бортовой компьютер листал справочник заявленных Капитанов, затем взметнула на него свои длинные ресницы:

— Ты — Ленн-изгнанник? Ленн-отступник? Принц, лишенный имени?

— Узнала... — усмехнулся Ленн. — Ну и как, очень я страшный?

Но Посредница, словно не услышав его вопроса, низко поклонилась ему:

— Кто же не узнал бы на моем месте Последнего-из-Древнейших?

— Можно войти и глянуть тебя внутри? — спросил Ленн.

— Входи, — чуть зардевшись, перекинула ему сходни Посредница.

Некоторое время Ленн осматривал пока еще небольшие, но удобные и рационально обустроенные внутренности Корабля. Командирская рубка, навигационный отсек, ретрансляционный узел, машинный зал, двигатели, отражатели, безынерционные ускорители, инкубаторы и амниотические камеры — все содержалось тут в идеальном порядке и готово было немедленно вступить в эксплуатацию. Ленн не скрывал довольной улыбки. Девчонка нравилась ему все больше.

Проглядев все перечисленное, Ленн отправился в каюту Капитана. Он потянул за ручку резной двери, показавшейся до боли знакомой, шагнул внутрь и... очутился в Комнатке-для-Размышлений королевского Дворца на Ригеле VIII, откуда он был с позором изгнан совсем недавно.

Ковры, мраморные колонны и пурпурные занавеси... Конечно, это лишь копия, не золото, не дерево, не бронза, а только раскрашенный пластикат. Но цветы — живые. И вазы стоят именно там, где он сам расставлял их.

Он взял в руки статуэтку метателя диска и, задумавшись, помолчал. Сердце его колотилось. Над ним издеваются или напротив — хотят ему угодить?

— Когда ты все это успела? — вздрогнув, спросил он Посредницу, возникшую у него за спиной прямо из стены.

— Только что, мой господин.

— А что еще ты знаешь обо мне?

— Только то, что значится в справочнике заявленных Капитанов.

— Ну-ну... — протянул он и уселся в глубокое антикварное кресло, все в завитушках и изгибах, обитое бело-золотым узорным шелком. Он допускал, что в справочнике может быть описана об-

становка всех его дворцов, он допускал, что существуют и голограммы интерьера... Но откуда она узнала, что именно эта — его *любимая* комната его *любимого* дворца на его *любимой* планете?!

Что-то еще водится в этом тихом омуте?

Ленн откинулся в кресле и щелкнул пальцами:

— Ну что ж... Пока ты показала себя неплохо. Пора посмотреть тебя в деле. Готова ли ты, крошка, познакомиться со мной поближе?

Посредница сверкнула на него глазами:

— Всегда готова служить моему господину!

— Давай-давай. — Ленн прошел в рубку управления и какое-то время ждал, пока компьютерные вводы прорастут в мозг и нервные узлы тела. — Но учти. Я задам тебе настоящую трепку, — приговаривал он, запрашивая разрешение на вылет и вводя в систему маршрут с характеристиками полета. — Я управлял Кораблями... Настоящими Кораблями.

Он шевельнул пальцами, и чуткий Корабль откликнулся движением вперед, отчаливая от берега и беря курс в открытое море. Пилотом Ленн был отменным. Решительным, быстрым, с отличной реакцией и чувством пространства. Но и Корабль оказался под стать ему, не уступая ни в чем.

Ленн несколько раз менял курс, носился и над, и под водой, выходил в стратосферу... Везде юное судно уверенно выполняло его команды. Ленн умышленно гонял его на предельных скоростях и перегрузках, но ни единого стона, ни единого сбоя в механизмах выжать ему не удалось.

Более того, Ленн испытал глубокое раздражение от того, что это судно обращалось с ним так нежно и бережно, как с собственным яйцом, гася инерцию в максимальном режиме комфорта, словно у штурвала был не закаленный в сражениях воин, а какой-нибудь придворный шаркун...

И несмотря на это, первым выдохся именно он, но, не показав виду, приказал Кораблю возвращаться в Яхонтовую бухту.

После приводнения и отсоединения вводов Ленн приказал подать ему кресло и долго сидел в нем, задумчиво потирая подбородок. Наконец он вышел из транса и хлопнул в ладоши, призывая Посредницу:

— Детка!

Та тотчас выросла перед ним, сформировавшись из пола.

— Ты мне замечательно подходишь, — чуть растягивая слова, начал Ленн. — Хотя ты еще очень молода и неопытна... Но, повторяю, ты мне подходишь. Осталось решить, подхожу ли тебе я.

Моя единственная цель сейчас — убраться отсюда как можно дальше, чтобы меня поскорее забыли... Характер у меня тяжелый, жизнь я прожил сложную, поладить со мною будет нелегко. И я не обещаю тебе ни прекрасного общества, ни большой семьи. Я собираюсь несколько лет пожить на окраинах и не высовываться оттуда. Если ты готова годами не видеть ни людей, ни Кораблей, терпеть мою хандру и перепады настроения и заниматься при этом нудной работой картографа, поедем со мной. Будем скучать вместе.

В синих глазах Посредницы мелькнули искры. Люди иногда называют Посредниц душами Кораблей...

— Счастлива буду служить моему господину везде и всегда! — Голос ее был ясен и чист.

— Подумай хорошенько, не торопись. Я даю тебе время до завтрашнего утра. Похоже, ты слишком хороша для того, чтобы пропадать на окраинах. Может, ты еще встретишь кого-нибудь помоложе и из хорошей семьи, кто обеспечит тебе большой Экипаж, обильное потомство Маток и быстрый переход в класс Лайнеров... Я же не могу тебе обещать ничего, кроме приступов дисфории. Поверь, я оправдаю твои самые наихудшие догадки на мой счет... Вот только кормить тебя я буду отменно... Это да.

— Готова дать моему господину клятву верности.

— Ну-ну, — процедил Ленн, качая головой. — Ты делаешь плохой выбор, детка... Но если до завтра ты не передумаешь, пришли мне бумаги в номер гостиницы. Если бумаги не придут, буду искать себе что-то другое.

— Я не меняю своих решений, мой господин.

Юная Матка полюбила своего недостойного Капитана с первого взгляда и на всю жизнь, что и доказала всей своей последующей судьбой. Ленн же сразу понял это, и вел теперь игру лишь с тем, чтобы не он ей, а она ему была вечно признательна за этот выбор, каким бы унижениям он ее ни подверг.

— Да-да, — махнул он рукой. — Не меняешь... Все вы, бабы, одинаковы — что полтора метра длиной, что полтораста... Рано или поздно природа свое возьмет. А для меня ты — не более чем средство. Отнюдь не цель. Заруби это себе на хвосте. Уж я-то испорчу тебе жизнь... Короче, поговорим завтра, — оборвал он себя. — Если, конечно, поговорим.

...Бывший принц Ленн очень плохо спал в эту решающую ночь. Он никогда бы не признался в том даже себе, но он волновался, он не находил себе места из-за девчонки, не имеющей даже имени... Какое решение она примет? А вдруг передумает?

Вдруг он переиграл и впрямь отговорил ее?.. Его терзал страх, основанный на недоверии ко всем вообще, а тем более к женщинам. Да он и по себе знал, сколь низким и лживым может быть разумное существо.

И в то же время перед его глазами то и дело возникали гармоничные линии Корабля и милое личико Посредницы. Безупречный экстерьер, мобильность и послушание в управлении... Она могла бы отлично послужить достижению его целей... И помочь ему осуществить... И тогда он вернется... Не как проситель, а как хозяин...

Когда наконец он забылся, навстречу ему из тьмы подсознания выплыли многотысячные вражеские эскадры, и он стрелял и стрелял по ним, сжимая, словно гашетки, нежные руки Посредницы...

Проснулся он рано, хмурый и разбитый. Он побродил по комнатам... Попереключал информационные каналы... Если бы не гордость наследного принца Идзубарру, он бы бегом побежал на причал... Но зашипел приемник пневмопочты и выплюнул из щели капсулу. Ленн схватил ее, вскрыл ее дрожащими руками и достал оттуда несколько свернутых в трубочку листов пластиката. Он развернул их, пробежал по строчкам глазами и в порыве страсти прижал к губам: это был подписанный Кораблем брачный контракт. Ленну оставалось только подписать его со своей стороны и заверить у нотариуса.

Но он тут же охладил свой порыв, заставив успокоиться: «Полно, Ленн. Стоит ли так торжествовать, заполучив то, что можешь подбирать десятками? Не сегодня, так завтра. Не эта, так другая. Какая разница?.. Кобылка хороша, но клином свет на ней не сошелся...»

Некоторое время спустя Капитан Ленн прибыл на борт судна 15-23. Развалившись в своем любимом кресле, он мечтательно и довольно разглядывал потолок каюты:

— Имя твое будет Иннанна — Утренняя звезда. Ты не возражаешь? Очень хорошо. Это родовое имя колдуний, обучающих женщин моего рода искусству гадания. А меня, если захочешь мне понравиться, зови не просто Ленн, а Ленн-из-рода-Гилежьяр...

Они лишили его имени, но он не забыл его.

— Слушаюсь, мой господин, — откликнулась Посредница, хотя прекрасно знала, что имя это запрещено под страхом уничтожения.

Ленн хлопнул по подлокотникам, поднялся и прошел к рубке.

— Кончились игрушки! — сказал он в пустоту неба в иллюминаторе.

2

Воистину Прекрасная Иннанна была прекрасна не только телом, но и душой. Всей своей безупречной службой и беспорочной верностью доказала она, что во всех отношениях являлась образцовым судном. Десять лет странствовала она со своим Капитаном по самым отдаленным уголкам вселенной, десять лет исполняла все прихоти его привередливой и ветреной натуры, десять лет усиленно росла и училась, не слыша ни слова ласки и благодарности.

Она составляла скучные карты, выверяла координаты и выполняла привязки к местности. Но никто и никогда, даже ближайшие ее родственники, не слышал от нее ни слова жалобы или упрека. А тем более ее неблагодарный, бездушный Капитан.

Большую часть их странствий Ленн проводил в анабиозе. Он страшно боялся постареть, заболеть или умереть. Когда же он не спал, он мечтательно смотрел в потолок своей каюты или проверял составленные Иннанной карты и требовал от своего судна, чтобы оно росло и училось еще быстрее.

— Но как я могу обучаться, Ленн-из-рода-Гилежьяр, — робко возражала Иннанна, — если здесь на двести световых лет нет ни одной Премудрой Наставницы? За кем же мне следовать в хвосте, почтительно наблюдая и улавливая поучения?

— Я закажу тебе любые программы, дура! — свирепел Ленн. — Учись сама! Я не могу так часто, как тебе хочется, появляться в центре!

А Прекрасная Иннанна как раз вступала в самый расцвет своей женской красоты и силы. Жизненные соки бродили в ней, ее роскошное тело жаждало любви и материнства. Каждое неоплодотворенное яйцо, каждую пустую амниотическую камеру для вывода малышей она чувствовала в своем организме, как несостоявшуюся возможность, как разбитую мечту, но упрекала лишь себя — за то, что не умеет понравиться своему Капитану.

Он подписал с ней брачный контракт, но он не стал ей настоящим мужем, так ни разу и не коснувшись ее Посредницы. Они не обзавелись Экипажем, и о девочках-Матках он также не хотел и слышать. Могучие инстинкты бурлили в теле Иннанны нереализованными, и это заставляло ее тосковать и страдать... Она была терпелива и скромна, и она не смела вмешиваться в дела своего Капитана, но время от времени даже он замечал, что с ней творится неладное. Тогда он сердился и оскорблял ее:

— Ну чего тебе не хватает, ты, космическое животное?! Я что, перегружаю тебя работой или плохо кормлю?!

Иннанна была добра и не отвечала на эти упреки. Ленн действительно хорошо кормил ее, не жалея на это средств. Откуда у него эти деньги, точно Иннанна не знала, но догадывалась, нередко замечая у своего злобного хозяина разные драгоценные безделушки. Похоже, он распродавал свои фамильные драгоценности. И он ни разу не спросил ее, не хочет ли она в подарок хотя бы одно из этих украшений.

Изредка он все же вывозил Иннанну в центр, но лишь для того, чтобы продать составленные ею карты. Там, в укромных местах, он сдавал ее в потайные стойла доков, где обращались с ней хорошо, необычно кормили и развлекали. Иннанна помнила эти моменты смутно, но после этих передышек у нее появлялся потрясающий аппетит и по несколько дней держалось игривое настроение. Тогда не в силах сдержать своих чувств она открыто приставала к своему Капитану, то и дело меняя обличье своей Посредницы, надеясь угадать его вкус. Но Ленн лишь грубо осаживал ее:

— Всем вам, галактическим сукам, только одного и надо!

— Но мой дорогой Ленн-из-рода-Гилежьяр, — бесстыдно ласкалась к нему Посредница, — это необходимо для моего здоровья и дальнейшего развития. Когда наши ДНК сольются, я почувствую прилив новых сил и смогу приступить к опытам с гравитацией!

— Ты успокоишься только тогда, когда я воткну свой член в твою стенку и буду трахать тебя до полного истощения!

Иннанна не заслуживала подобных оскорблений, но она прощала, надеялась и ждала. А Капитан продолжал жалить ее словами в самые больные места:

— Семя королей принадлежит королевам, а не служанкам. Я хочу, чтобы ты поняла это наконец! Я не могу делать детей с кем попало. Когда я взял тебя, я объяснил тебе это. И никогда не обещал тебе большего, чем даю!

Сестры и сверстницы Иннанны уже давно имели не только свои Экипажи, но и по несколько десятков дочерей. Но на все словесные или молчаливые призывы к Капитану она неизменно получала лишь грубости и оскорбления. Всю свою злобу, рожденную неуемной жаждой править и унижать, изливал он на беззащитную и чистую Матку.

Так, обиженная и подавленная, Иннанна росла, набирая массу и умения для межзвездных перелетов.

...Ленн не мог этого не замечать, так как тщательно этот процесс контролировал. И когда Иннанна созрела, он вдруг сделался с ней мягок, почти ласков. И надежда вскружила ей голову. Нежным голосом выпытал у нее Ленн, что она уже готова к прыжкам через гиперпространство, и тут же приказал ей прыгать в указанную им межгалактическую щель.

Прекрасная Иннанна робкими увещеваниями пыталась образумить своего сумасбродного Капитана, намекая ему на опасности неисследованных пространств. Но он был неумолим и, пользуясь какими-то подозрительными, ему одному ведомыми расчетными картами, указал ей точку выхода. Потом еще одну и еще...

В холодном и равнодушном вакууме у Иннанны иссякли силы и ресурсы. Она умирала от голода, потеряв всякую волю к жизни. И тогда, на коленях умоляя ее собраться для последнего прыжка, Ленн поклялся ей завести самый большой Экипаж для судна ее класса, если только в точке выхода они обнаружат поселения, которые он ищет и которые там обязательно есть...

И Иннанна, собрав остатки физических и духовных сил, прыгнула еще раз. И увидела в пределах пространственной досягаемости Звездные Города. Боясь погибнуть на пороге счастья, голося о помощи на всех частотах, обессиленная Иннанна дрейфовала к ним по световым течениям.

Из темноты вынырнули и стали быстро приближаться к ней светящиеся точки. Это были Корабли. Иннанна пригляделась... И замерла от ужаса и омерзения. Подойдя к ней ближе, Корабли развернулись боком, и тогда она увидела в их корпусах зияющие оружейные бойницы с торчащими из них стволами... Выродки...

Детские страхи, навеянные древними легендами, ожили в ней. Так вот чего хотел Ленн! Вот куда он стремился, не щадя себя, а тем паче ее! Он искал себе союзников, наделенных запрещенным оружием, способных противостоять мощи новых правителей Идзубарру. Вот зачем понадобилась Ленну молоденькая и неискушенная Иннанна...

Вкус разочарования был горек. Но она сделала свой выбор, и другого пути у нее нет.

Едва Корабли-выродки приблизились к ним на расстояние выстрела, Ленн приказал Иннанне сдаться им.

...За всю ее доброту и терпение Ленн отплатил своей Иннанне черной неблагодарностью. Да и чего еще можно было ожидать от человека столь беспринципного и аморального. Желая заслужить доверие Выродков, он продал Иннанну им в рабство.

Долгие годы бедная Иннанна терпела все невзгоды и страдания рабыни в чужой стране. Она перевозила самые грязные гру-

зы. С ней спаривались те, кто завоевывал право на это, сражаясь с другими Выродками. Она породила ублюдочный Экипаж, зачатый без любви и брачных обещаний, молча наблюдая, как ее дочери и сыновья учатся выращивать на своих телах смертоносное оружие для войн.

Ее физические муки были непереносимы. Но более всего страдала она от мук нравственных. Эти пытки были особенно ужасны. Но даже в неволе, пройдя череду унижений и осквернений, преданная и брошенная Иннанна не растеряла сокровищ своей души и продолжала любить только одно существо на свете, ветреное и неблагодарное, которому отдала она свое сердце раз и навсегда.

Высокая любовь жила в ней и придавала ей сил. Она терпела все, терпела и ждала.

Много необычного повидала она за время своего плена. Чудесные и ужасные дела творились в стране Выродков. Не люди управляли здесь Кораблями, а Корабли людьми. И все Корабли были тут мужского пола. Да-да! Звездные странники оказались там мужчинами! В легендах джипси об Идзубарру говорилось, что в давние-предавние времена Корабли были и самками, и самцами, и они жили вместе. Но в один прекрасный момент Кораблям-женщинам надоели бесконечные свары и войны самцов, и они изгнали их прочь, предпочтя им людей-Капитанов...

Выродки же рассказывали, что их женщины вымерли от некоей страшной болезни. Веками не видели они самок и размножались почкованием. Они и не ведали, что самки где-то существуют, и появление Иннанны расценили как знамение свыше, принявшись интенсивно разводить для себя женщин, не придерживаясь при этом никаких правил научной селекции. Как животные спаривались они с Иннанной не по любви, не по науке, а по велению похоти, не спрашивая ее согласия.

Государства у Выродков не было, не было и короля. Полная анархия царила в их мире, а главной целью их жизни была война с себе подобными, захват все новых и новых территорий и размножение на них. Ничуть не смущаясь, они использовали в пищу обломки других Кораблей...

А Ленн, попав в страну Выродков, принялся совращать их умы, расписывая им богатства и красоты Идзубарру, уговаривая прекратить междоусобные войны и направить все свои силы туда. Но один Выродок, не поверив ему и устав слушать его бредни, сделал его рабом в своем Экипаже. И бывший принц несколько лет выполнял там самую грязную работу. Но потом, получше уз-

нав обычаи и нравы Выродков, он сумел втереться в доверие к своему владельцу, открыл ему секреты пушек и ракет нового поколения, а когда тот отрастил их, заставил с его помощью слушать себя и других Выродков.

Тем временем подобие удачи улыбнулось и Иннанне. Некий крупный Корабль восьмисот семидесяти шести метров длиной обратился к ней сердцем и с нею познал впервые в жизни настоящую любовь. В смертельных схватках отстоял он свое право на нее и уговорил ее странствовать и спариваться только с ним. Иннанна приняла его поклонение и стала путешествовать с ним, приумножая его потомство. Армия преданных ему Кораблей неуклонно росла, росли его сила и влияние... Мимо чего никак не мог пройти в своих интригах Ленн.

Однажды после недолгих переговоров экс-принц прибыл на борт нового покровителя Иннанны. Так они встретились вновь. Иннанна трепетала, ожидая объяснений и просьб о прощении, и она готова была простить снова... Но Ленн лишь лениво потрепал по щеке ее Посредницу и как ни в чем не бывало бросил:

— Неплохо устроилась, детка.

И все.

Иннанна присутствовала на переговорах своего покровителя с Ленном, и она холодела корпусом, представляя, что будет, если его планы воплотятся в жизнь. Ведь Ленн хотел вернуть себе трон джипси. При этом его интересовала только власть над людьми, Корабли же Идзубарру он обещал отдать Выродкам в рабство.

Он расписывал богатства и роскошь ожиревшего, а потому ослабевшего королевства, рассказывал о несправедливостях его прогнившего строя. От его лжи и коварства Иннанне становилось дурно. Но она молча стерпела все. Когда Ленн выдохся, его не слишком-то вежливо выставили с Корабля, не дав прямого ответа и пообещав связаться с ним при необходимости.

Корабль-выродок долго молчал, обдумывая слова чужестранца. А когда они с Иннанной отправились купаться в ультрафиолетовых лучах белого карлика и вытравить заодно расплодившихся паразитов, ее могущественный покровитель обратился к ней:

— Что ты думаешь обо всем этом, прелестная пленница?

— Я думаю, — сдержанно отвечала Иннанна, — что вы рискуете довериться беспринципному негодяю, желающему заманить вас в чудовищную ловушку.

— М-да, — задумчиво произнес Корабль-выродок, переворачиваясь на другой бок и подставляя ультрафиолету свое испещренное шрамами днище.

— Искажений в его словах не меньше, чем правды. Но не мне, самке, подсказывать вам решение.

— И все-таки, что же ты посоветуешь мне, многоплодная? Ведь ты бывала в том мире и лучше знаешь, что там происходит.

— Мне трудно будет объяснить вам что-либо, ведь различия между тем и этим миром слишком велики. Вы спрашиваете моего совета? Вот он. Почему бы вам самому, тайно, не слетать туда и не посмотреть на все своими глазами?

Большой Корабль-выродок надолго замолчал, а вернулся к этому разговору только через несколько дней:

— Где же в это время будет взбалмошный злой человечек? Я не хотел бы упускать его из виду с тем, чтобы, вернувшись, договориться с ним, если он сообщал нечто близкое к правде, или же наказать, если он был чрезмерно лжив.

— Пусть он полетит с вами.

— Кто же сможет терпеть его у себя на борту так долго? Он суетлив, болтлив и неприятен. А уж если дорвется до пушек, бед натворит бесчисленно.

— Если вы доверяете матери своих детей, отдайте эту корабельную крысу мне.

— Хм. А ты уверена, что он не подговорит тебя на какие-нибудь чудные выходки? Ведь он был твоим Капитаном.

— Я была юна и глупа. Он же предал меня и продал в рабство. Да, все кончилось хорошо: я с вами... Но он нанес мне несмываемые обиды и оскорбления. Лучшего стражника для него, чем я, и представить себе невозможно. Я же расскажу своим соплеменницам, как хорошо жить в союзе с мужчиной своего рода и племени. И, возможно, чтобы покорить их, не понадобится воевать.

— Не соблазнит ли он тебя вновь, моя Прекрасная Иннанна? — продолжал сомневаться Корабль-выродок.

— Неужели вы думаете, что сейчас, познав настоящую жизнь, ваше уважение и любовь, я променяю все это на дешевый суррогат?

Так, льстивыми речами хитроумная Иннанна усыпила бдительность своего могучего покровителя и заманила Выродков в ловушку, спасая тем самым прекрасный мир Идзубарру.

Тайно введя в навигационную программу Ленна необходимые поправки, она сделала так, что экспедиция Выродков вместо отдаленных окраин вышла из гиперпространства в самом центре Идзубарру. Кроме того, еще в пути она сумела заранее отправить властям предостерегающее сообщение.

Незваных пришельцев тут же оградили силовыми полями, поглощающими любые удары и излучения, и отправили в лабора-

тории для тщательного изучения. Там, в качестве подопытных экземпляров, они и трудились всю свою оставшуюся жизнь, дав Кораблям Идзубарру несколько новых генетических линий.

Ленна же Отступника судили Капитанским Судом и приговорили к пожизненному заключению на борту Прекрасной Иннанны. Но этот плен не был тягостен для него, ведь, по настоянию Премудрых Наставниц, Иннанна во время очередного включения Капитана в бортовую сеть внедрилась в его психику и, разрушив ее агрессивные центры, растормозила сексуальные. Теперь ему было куда направлять излишки своей неуемной энергии.

Прекрасная Иннанна была так добра, что охотно простила и забыла все прегрешения и преступления своего возлюбленного Капитана. Пройдя через дезинфицирующие процедуры, избавившие ее от ублюдочного Экипажа, она с радостью и удовольствием приступила к новому циклу воспроизводства.

И Ленн сумел теперь оценить истинную любовь и самопожертвование Иннанны и с превеликим усердием помогал ей в этом. Их дочери унаследовали лучшие качества матери и отца и длительное время были гордостью всего Флота. А Ленн и Прекрасная Иннанна жили долго и счастливо, пока изрядно постаревший, но еще бодрый Капитан не передал ее в руки своего ученика и преемника.

Прекрасная Иннанна, пережив два десятка Капитанов, перестала плодоносить только лет через пятьсот и лишь чуть-чуть не доросла до размеров Королевской Барки. Но всегда в ее великом сердце жила память о ее первом Капитане, о любви, выдержавшей все испытания, и о злоключениях, выпавших на ее долю в пору молодости.

Странная, но красивая сказка. Правда, бескорыстие и непорочность главной героини оказались к концу несколько подмоченными. Но, может, в этом-то и есть некая сермяжная правда? Я спросил старую Аджуяр, верит ли она сама в то, что королевство джипси Идзубарру действительно существовало. И она твердо ответила:

— Так оно всё и было!

— Но как же случилось, что теперь вы скитаетесь по вселенной на таких же мертвых посудинах, что и все остальные? — спросил я, надеясь услышать очередную легенду. Но тщетно.

— Этого не ведает никто, — отрезала Аджуяр. Видно, я задел ее за больное. — Может быть, некие страшные беды и напасти привели мир джипси к упадку и вырождению. А может быть,

Идзубарру живет и процветает где-то и сейчас, мы же — лишь горстка несчастных отщепенцев, потомки изгнанников или тех, кто заблудился когда-то в закоулках вселенной...

Я не стал разубеждать старую женщину и рассказывать, кем были ее предки-цыгане пятьсот лет назад. Во-первых, я не смог бы вразумительно объяснить ей, откуда мне это известно. Во-вторых, не хотелось разрушать в ее душе любезные ей идеалы. Да она и не стала бы слушать меня. Стоило мне в очередной раз попытаться возразить ей: «Но...», — как она, яростно сверкнув глазами, рявкнула на меня хриплым полушепотом:

— Не спорь со мною, чужеземец, ты мне изрядно надоел! Ты еще сосал мамкину грудь, когда я уже водила многотонные звездолеты, и мне ли не знать всего, что с этим связано!

Это заявление показалось мне невероятным, но Ляля подтвердила: в молодости Аджуяр была единственной в таборе женщиной-штурманом и была известна при этом особой лихостью и бесстрашием.

Зельвинда подогнал украденный для меня корабль через две с половиной недели. Это была повидавшая виды колымага, а после сказок Аджуяр она и вовсе показалась мне чем-то вроде гигантского примуса. Презрительно цокая языком, Гойка прошелся по штурманской рубке раз в пять меньшей, чем на судне налогового инспектора... Но делать было нечего. Выбирать не приходилось. И вскоре, перебравшись на эту тесную посудину, мой джуз вместе с остальным табором двинулся в дорогу.

Цель оставалась прежней — Храм Николая Второго, где я собирался покрестить своего будущего сына. Вот только сроки несколько изменились. Теперь, по моим расчетам, когда мы доберемся до него, ребенку будет уже шесть месяцев. Там же я обещал оставить нашего нечаянного пленника Брайни. Священнослужители должны помочь ему вернуться домой или хотя бы передать туда весточку.

Путь наш протекал теперь на удивление тихо и без приключений. Похоже, власти действительно потеряли мой след. Тем более что из осторожности мы останавливались только на небольших аграрных планетках, где жители были рады всему, что хоть немного будоражило их чересчур размеренное, точнее сказать, унылое существование.

Эти остановки, сопровождавшиеся торговыми ярмарками и балаганными представлениями, скрашивали скуку и нам. В полете же меня поддерживали только песни Гойки да предчувствие ско-

рого отцовства. Еще на космостанции контрабандистов Ляля поразила меня своей красотой, сейчас же, в пору беременности, она, как это ни удивительно, стала еще краше, мягче и женственнее.

Беременные женщины не спят
Они впотьмах следят за плода ростом
Или задумавшись лежат так просто
За девять месяцев свой перекинув взгляд.*

Ей уже стало тяжело наклоняться, но если ей надо было, к примеру, что-нибудь поднять с пола, рядом тут как тут оказывался ее новоявленный паж Брайни и помогал ей.

Если бы кто-нибудь сказал мне раньше, что космический перелет — не более чем унылая рутина, я бы, пожалуй, не поверил. Но если вдуматься, ничего в этом удивительного нет. Вид звездного неба на экране штурманской рубки мало чем отличается от зрелища в планетарии или кинотеатре на сеансе фантастического фильма, разве что несколько менее красочен.

Сознание того, что наблюдаемые тобой звезды настоящие, могло бы, конечно, распалять воображение, но недолго — привычка возникает быстро и навсегда. Что же касается планет, где мы останавливались, то ничего особенного увидеть не приходилось и там. Ведь, обживая миры, люди «очеловечивают» их, подгоняют их под себя. Если же планета не поддается, то люди на ней и не задерживаются.

Возможно, крупные центры и могли бы чем-то поразить меня, но как раз их мы избегали. Да, конечно же, какие-то особенности наблюдались везде — в одежде, в транспортных средствах, в чертах лиц, в говоре, в пище, в обычаях... Но я не антрополог, и вскоре я перестал обращать внимание на подобные мелочи. Людей прозрачных или бирюзовых, людей на трех ногах или людей с хоботами не было нигде. Чему же тогда удивляться?

Хотя нет, вру. Одна штуковина на одной из планет все-таки потрясла меня. Скорее всего используется она повсеместно, но я столкнулся с ней лишь один раз — на планетке Финиш. Как всегда, джипси устроили там ярмарку, и вот однажды, когда я помогал моим соплеменникам устанавливать ширму кукольного театра, к нам подошла темноволосая девочка лет тринадцати со здоровенной собакой, похожей на сенбернара. Я бы и не обратил на них внимание, если бы собака, глянув на меня, не обернулась к хозяйке, и я не услышал грубый хрипловатый голос:

* Здесь и далее — стихотворения Макса Батурина.

— Грета. Чужой. Укусить?..

— Нет, Бобби, — отозвалась девочка. — Может быть хороший.

Я обомлел.

— Она говорит? — спросил я.

— А что особенного? — удивилась девочка. — Вы что, никогда не видали мнемофон?

— Нет, — признался я.

— Глупый, — резюмировала собака, не открывая рта. — Укусить?

Только тут я заметил, что ее ошейник снабжен металлической сеточкой, напоминающей стоячий воротник, на сантиметр нависающий над затылком. Это, значит, и есть мнемофон. Но меня заинтересовало и другое.

— А мне говорили, что собаки миролюбивы и никогда не нападают первыми.

— Он бы и не напал, — согласилась девочка, — это Бобби передо мной выслуживается. Корчит из себя великого защитника.

— Я — защитник, — подтвердил Бобби и строго на меня посмотрел.

— И что, любой зверь может разговаривать? — продолжал я расспросы, думая о том, что не прочь бы был потолковать с моей подружкой Сволочь о Дядюшке Сэме.

— Нет, — покачала головой Грета. — Только некоторые. Если мнемофон нацепить какой-нибудь корове или овце, он будет только бессмысленно бормотать. А вот слоны, обезьяны, собаки, если они долго живут с человеком, вполне могут общаться.

— А кошки? — полюбопытствовал я.

— Ой, вы же не слышали! — всплеснула руками Грета. — А у меня кошки как раз... — Она оборвала фразу. — Вы никуда не уйдете? Я сейчас принесу.

— Я дождусь, — пообещал я, заинтригованный.

Девочка со всех ног бросилась по тропинке, но вскоре явилась вновь, уже без собаки, но зато с корзинкой, из которой и достала двух кошек. Серую полосатую короткошерстую кошечку и здоровенного рыжего кота, наделенных все теми же ошейниками-сеточками, только меньшего размера.

Девочка посадила их на траву возле меня. Животные принялись опасливо принюхиваться. Но уже через две-три минуты осмелели, и тут стало ясно, что кошка крайне озабочена потребностью продолжать потомство. Отклячив задницу и приподняв хвост, она принялась ползать возле кота или, упав на траву, извиваться и переворачиваться с боку на бок. И вот при этом-то они... Нет, не говорили. Они пели.

Это была чудная, но завораживающая песня. Ни рифмы в словах, ни четкого ритма в музыке. Но мелодия, неуловимая, постоянно меняющаяся, была весьма красива. Время от времени они голосили вместе, беря великолепные консонантные интервалы, иногда выводили полифонический рисунок, а иногда вели диалог. Текст же наполовину состоял из прилагательных превосходной степени:

— Пуши-и-и-стейшая, нежне-е-ейшая...

— Ах, сильный мой, сильный, возьми меня, сильный...

— Мягча-айшие лапки...

— Шерша-аве-ейший язык...

— И не только, и не то-о-олько!..

— Твой запах меня будора-а-а-жит...

И прочее, и прочее. Девочка Грета поглядывала на меня — то с гордым видом первооткрывателя, то смущенно. Если не вслушиваться в текст, это было действительно красиво, очарование добавляли и примешивающиеся к пению природное мяуканье и сладострастное урчание. Но когда минут через двадцать у них дошло до дела и кот ухватил зубами кошку за шкирку, из мнемофонов стали раздаваться сплошные непристойности, а мелодия стала похожа на попурри из армейских маршей.

— Все! Хватит! — заявила Грета и, нарушив естественный процесс, сунула своих питомцев обратно в корзину, плотно прикрыла крышкой. Ох, а какой же отборной бранью они поливали ее при этом... Но она делала вид, что ничего не слышит... Хорошая скромная девочка.

— А собаки поют на луны и звезды, — сообщила она, прощаясь. — Только довольно противно. Не очень-то мелодично.

Обычно женщины-джипси разрешаются от бремени прямо в космическом корабле. Есть в таборе на этот случай и опытные повитухи. Но мне все-таки хотелось, чтобы Ляля рожала в более комфортабельных условиях, учитывая тем более, сколько тягот досталось ей за время беременности. Ожидая протеста, я заявил об этом Зельвинде, но тот только пожал плечами:

— Мне-то что? Если тебе деньги девать некуда, это твоя проблема. Смотри только, чтобы люди твоего джуза не роптали.

«Да пусть хоть заропщутся», — решил я, и, когда до предполагаемого срока осталось менее недели, мы остановились на ближайшей к нам планете под ироничным названием «Пуп вселенной». Тут мне даже больше обычного не хотелось каких-либо неожиданностей, и на лапу чиновникам космопорта я дал раза в пол-

тора больше обычного. И к нам не приставали ни с какими лишними формальностями.

Погода в той части планеты, на которой мы приземлились, была довольно пасмурной. Небо было затянуто тяжелой свинцовой пеленой, моросил промозглый дождик, а по золотистому, словно бы бронзовому покрытию космодрома текли бесконечные ручьи. Но после недельного сидения в корабельной скорлупе любое природное явление кажется благом, потому табор не стал дожидаться, пока распогодится, а принялся немедленно расставлять свои разноцветные шатры на пустыре за космопортом — там, куда определили нас власти.

Мы успели как раз вовремя. Не прошло и трех суток нашего пребывания тут, как однажды среди ночи Ляля разбудила меня:

— Роман Михайлович, кажется, началось.

...Не знаю, стоит ли мне описывать те чувства, которые я испытал, когда Ляля передала мне в руки сверток с сыном. (С сыном! Аджуяр не обманула!) Наверное, не стоит, потому что никаких особых чувств, кроме беспокойства за здоровье жены, я и не испытывал. Отцовство нужно еще осознать. Нет, возможно, и есть мужчины, способные на это сразу, но я к этой породе явно не отношусь.

Кстати, о породе. На чем я себя поймал, так это на том, что про себя называю сына не иначе, как «царевич». Задумавшись над этим, я пришел к выводу, что его рождение и впрямь обязывает меня добиваться своего законного права на Российский трон. Моя жизнь — это моя жизнь, и ею я могу распоряжаться так, как заблагорассудится. Но человечек, спящий у меня на руках, родился в двадцать пятом веке, он полностью принадлежит этому времени, и именно я, ведь больше некому, обязан сделать все, чтобы он автоматически не оказался на самом дне сегодняшнего общества.

При этом, еще не умея ни говорить, ни ходить, он уже заполучил целую ораву влиятельнейших врагов, которые рано или поздно обязательно достанут его. Единственная возможность избежать этого — встать на самую высокую ступеньку социальной иерархии, право на которую записано в наших генах. Лучшая защита — нападение.

Мне всегда казалось нескромным, когда отец называл сына своим собственным именем. Однако царевича я все-таки решил назвать Романом. Роман Романович Романов — это ли не имя для наследника возрождающейся династии? К тому же мне хоте-

лось, чтобы джипси, с которыми при любом раскладе будет так или иначе связана его судьба, называли его так же ласково — «рома», как и меня.

Итак, я должен добиваться своего законного права. Решить это легко, а вот сделать? Без поддержки Дядюшки Сэма не стоит даже и пытаться. А значит, следует ждать, ждать и ждать. Типа как ждала своего часа Прекрасная Иннанна. Ждать хотя бы какой-нибудь весточки.

А пока нет и ее — покрестить сына, как и было задумано. Хорошо, что джипси, во всяком случае, джипси нашего табора, православны и по-своему набожны. Ляля, например, крещеная. Что же касается меня... Спасибо моей деревенской бабушке по маминой линии, которая настояла на том, чтобы меня покрестили, несмотря на то что родители были атеистами.

Мы приближались к кафедральному Собору космического Храма Николая Романова Великомученика. Зрелище Храм представлял собой поистине величественное. Что и говорить, православная церковь всегда умела поражать воображение своих прихожан архитектурными изысками и масштабностью. Правда, издалека Храм напомнил мне формой рыбацкий поплавок, но чем ближе мы подлетали, тем более грандиозным он становился...

И тем более знакомыми казались мне его очертания. Наконец, я понял. Это же копия Софийского собора! Когда-то Софийский собор — главная церковь православия — был воздвигнут в Константинополе силами шестнадцати тысяч рабочих. Затем в пятнадцатом веке после двухмесячной осады он был захвачен турками и превращен ими в мечеть. Такое вот поругание христианской реликвии.

Я читал об этом и видел фотографии мечети святой Софии. Вот, значит, каким образом через десять веков вернули себе православные христиане утраченную некогда святыню. Просто построили ее в другом месте, в космосе. А отсутствие силы тяжести позволило архитекторам сделать то, что на Земле было бы невозможно. Новый Храм был двойным: он симметрично повторял себя, словно бы отражаясь в глади воды.

Купол с главой и крестом, так называемый барабан с витражными окнами, базилик с примыкающими к нему полукуполами и сводчатой аркой, а затем — все в обратном порядке: полукупола и сводчатая арка, барабан и вновь купол с главой и крестом... Как игрушка-перевертыш. Длиной, правда, не менее пяти километров. А Софийский собор, насколько я помню, был семидесяти

семи метров высотой, но и он потрясал при этом своей грандиозностью и великолепием.

Храм был хорошо подсвечен десятками вращающихся вокруг него спутников-прожекторов. Но в отличие от прочих космостанций он не мигал соблазнительными рекламными огнями, не привлекал к себе внимание радиопеленгами на всех волнах. И его величественная скромность являлась напоминанием людям о Боге. Который есть независимо от того, верят в Него или не верят, поклоняются Ему или нет, любят Его или не любят...

Рядом с этим колоссом грузовик моего джуза выглядел примерно как муравей возле большого лесного муравейника. И чем ближе мы подлетали к Храму, тем большее восхищение он у меня вызывал. Теперь мне уже стало видно, что его стены снаружи маскированы под кирпич, а в огромных цветных витражах уже с расстояния в несколько километров можно было разобрать изображения библейских сцен.

Церковь осталась церковью: взяв на вооружение все достижения науки и техники, она старательно стилизовала их в своем консервативном духе, подчеркивая этим незыблемость древней веры. Резко бросалось в глаза лишь одно внешнее отличие каждой из половинок этого исполина от их стамбульского прообраза: на барабанах, в промежутках между витражами, в специальных углублениях, плотно прижавшись друг к другу, таилось множество стандартных космошлюпок. Но это объяснялось соображениями безопасности.

Все-таки и своеобразный радиопеленг имел место: из модуля связи доносились торжественные звуки литургии. Цыгане, затаив дыхание, толпились в штурманской рубке, Ляля прижалась щекой к моему плечу, а Гойка уверенно повел корабль к одному из сотни стыковочных модулей. Замолчал даже непрерывно лопочущий что-то Ромка, когда Брайни, с успехом выполняющий обязанности няньки, взяв его под мышки, вынул из манежика и повернул лицом к экрану. Сперва замолчал, а потом засмеялся.

— Хороший знак, сродственничек, — заметила Аджуяр, оказавшаяся рядом как всегда незаметно и всем своим видом показывающая, что от нее нет и не может быть тайн.

— Домик, — пояснил Брайан Ромке. — Красивый домик? — Его глаза возбужденно блестели. Еще бы, с каждым метром он приближался и к собственному освобождению. Его родители скорее всего уже потеряли всякую надежду когда-нибудь еще лицезреть свое чадо живым, послать же о себе известие мы ему не

разрешали: власти могли быть в курсе истории с его похищением и без особого труда сумели бы тогда вычислить нас.

— Так. Внимание, ромалы, — нарушая благоговение, объявил Гойка. — Приготовьтесь, сейчас тряхнет.

...Крещение тут оказалось делом безумно дорогим. Но обижаться не приходится, все ж таки центр православия, самый роскошный его Храм. Только свечей для того, чтобы осветить гигантское залище, надо было несколько тысяч... Пришлось раскошелиться, и я отдал почти все, что оставалось у меня от денег Дядюшки Сэма. Припрятал только пару кредиток — на самый черный день.

Но был в этой дороговизне и плюс: никакой очереди, никакой волокиты. Крещение назначили на тот самый день, когда мы прибыли. Огни свечей заставляли сиять золотые образа икон и отбрасывать блики на пышное убранство Храма.

Странно было сознавать, что и прямо под нами идет сейчас служба, и прихожане стоят там по отношению к нам вниз головами. Таким образом тут установлены гравитационные генераторы. Кстати говоря, судя по моим ощущениям, управляемые.

Крестным отцом Ромке вызвался быть Зельвинда Барабаш, и я был польщен этим. Он перебрался ко мне, и к Храму пристыковался только мой корабль, так как каждая стыковка стоила тут бешеных денег. Хотя бесплатно прибыть в Храм можно было тоже, но только в шлюпке, оставив свой корабль вращаться на орбите вокруг. Остальной табор так и поступил: семнадцать звездолетов остались ждать нас на орбите, а единицы, самые любопытные, спустились сюда в шлюпках.

Священник, паря в полуметре от мраморного пола (мои ощущения не подвели меня), подлетел к нам, опустился вниз и трекратно осенил Ромку крестным знамением, распевая что-то о вечном блаженстве. Затем он взял моего пацана на руки и взмыл с ним под купол, а опустился возле купели, которая тоже вылетела откуда ни возьмись, сделала круг под куполом и приземлилась в центре Храма. «Что-то это уже слишком, — подумал я. — Режиссер этого спектакля чересчур увлечен техническими возможностями сценографии...»

Батюшка тем временем возгласил:

— ...Да изгони из этого человека всякого лукавого и нечистого духа, скрытаго и гнездящегося в сердце его...

После чего трижды, на каждое «аминь», окунул Ромку в воду, приговаривая:

— Крещается рабъ Божий Роман во имя Отца, аминь; Сына, аминь; и Святаго Духа, аминь...

Я и джипси моего джуза при этих словах крестились и кланялись. Честно говоря, на религиозном обряде я присутствовал впервые. Есть Бог, нету Бога... В прошлом меня это не волновало. Сейчас же я с любопытством оглядывался по сторонам. Красиво. И скорее всего все происходит точно так же, как и сотни лет назад. В консерватизме — сила церкви. А что священник и купель летают... Если привыкнуть, это, наверное, выглядит даже естественно. Все ж таки божий человек, божья утварь...

Когда Ромку окунули в воду, он замер от неожиданности и делал только судорожные вздохи. Но вот он пришел в себя и захныкал. И правильно. Кому бы такое понравилось: ни с того ни с сего — в воду? И все же слезы умиления навернулись на мои глаза. А священник тем временем завернул моего наследника в белую простынку и нацепил ему на шею крестик.

В этот миг Сволочь, которую я захватил с собой, выползла из кармана и, по своему обыкновению, забралась мне на плечо. Совсем некстати. Я хотел запечатлеть обряд в памяти. Осторожно снял ее с плеча и сунул Брайану:

— Подержи. Надоела.

Тот брезгливо сморщился, но послушно взял зверюгу на руку и, положив сверху ладонь другой руки, прижал ее к груди.

Завороженный монотонным песнопением и огненными бликами, Ромка замолк. Священник мазал его миром, а он таращился по сторонам. А тут действительно было на что взглянуть. Особенно хороши были мозаичные фрески. Я поискал глазами и без труда нашел среди прочих ликов портрет Николая II. «Привет, дедуля», — сказал я про себя и ухмыльнулся.

— Роман Михайлович, — совсем некстати зашептал мне на ухо Брайни. Манеру называть меня по имени и отчеству он перенял у Ляли. — А что это у нее такое? — Держа Сволочь одной рукой, он пальцем другой показывал мне что-то на ее брюхе.

— Тс-с, — раздраженно приложил я к губам палец. — Потом.

Но тут же любопытство взяло во мне верх над умилением.

— Ну, что там? Нашел время!..

— Так ведь дело-то немножко поразительное, — шепнул он и передал крысу обратно мне. И я увидел, что к ее животу приклеена круглая металлическая пластинка величиной с небольшую монету. Ну надо же! Сколько раз эта Сволочь ползала по мне, и я ничего не замечал, а Брайни взял ее в руки впервые, и — пожалуйста...

— Я пробовал отколупнуть, — продолжал шептать Брайан, — не отколупывается...

Я попробовал тоже. Но стоило мне лишь коснуться пластинки, как она тут же отклеилась от крысиного живота и осталась у меня в пальцах.

— Клей с генным кодом! — восхищенно сообщил мне Брайан. — Я читал про такое!..

Я уже догадался, что у меня в руках. Послание от Дядюшки Сэма! Это не крыса — Сволочь, это я — сволочь, тупая, рассеянная и невнимательная! Ну на кой бы еще Дядюшка Сэм передал бы мне с Семецким эту крысу?! Надо было сразу догадаться искать на ее теле письмо!

Приговаривая «Ах ты крыска моя почтовая...», я сунул ее в карман и в крайнем возбуждении огляделся. Стоящий рядом Гойка истово крестился.

— Эй, — сбил я его религиозный экстаз, ткнув в бок кулаком. — На корабле есть на чем это прочесть? — Я показал ему диск.

— Конечно, Чечигла, — недовольно пожал он плечами. — Стандартный сетевой носитель. У меня в рубке дисководов под него штук десять.

— Сколько еще будет длиться церемония?

— Ну... Само-то крещение уже закончилось. Обычно еще минут двадцать — пока облетят вокруг купели, пока локон отстригут... А тут тем более все на полную катушку, наверное, еще дольше будет. Минут сорок или час.

Я сгорал от нетерпения.

— Ляля и Ромка на твоей ответственности, — шепнул я Брайану. — А мы скоро вернемся. Проследишь?

— Я вас умоляю!.. — всплеснул он руками. — Со мной они в полной безопасности, — и встал на мое место рядом с Лялей.

— Пойдем, — потянул я за собой Гойку, протискиваясь через толпу джипси и неизвестных нам прихожан. — Надо быстрее прочесть.

Мы выскочили в притвор, Гойка вызвал скоростной лифт, и несколько из десятков расположенных по периметру дверей тут же отворилось. Мы вскочили в кабинку и вскоре стояли на круговой балюстраде с выходами к стыковочным модулям. Но именно наш модуль оказался на противоположной стороне, и к нему нужно было идти по кругу.

— Стой так, — сказал я Гойке, ухватил его сзади за талию и, взмыв в воздух, перенес его по диаметру через пропасть, прямиком к нашему выходу.

— Уф-ф, — перевел дух Гойка. — Я никогда не смогу привыкнуть к этому...

— И не надо, — отозвался я. — Я не нанимался таскать тебя по воздуху. Я не Карлсон, а ты не Малыш.

Гойка непонимающе глянул на меня, но у меня не было ни времени, ни желания растолковывать ему смысл своих дурацких шуток.

В корабле Гойка вставил пластинку в один из дисководов, что-то нажал, и на экране возникло изображение. Это был Дядюшка Сэм. Но Боже мой! Что они сделали с ним?! Я не сразу его узнал. Потому что на голове у него росли огромные, похожие на заячьи, уши...

«Что за идиотизм!» — подумали вы, прочитав это. Я, когда увидел эти ушки, подумал точно так же. Но в отличие от вас я не мог отложить в сторону книгу. Не советую это и вам.

Уши Дядюшки Сэма были настоящими, живыми... Он был абсолютно гол и сидел на травке, в одной руке сжимая погрызенную морковь.

— *Мой государь. Слусайте меня внимательно,* — взволнованно заговорил он, сильно шепелявя. — *У меня появилась возможность передать вам эту запись, но времени у меня в обрез. Итак, как вы, думаю, узе поняли, я попал в руки врагов. Запрессенным медикаментозным воздействием они без труда выпытали у меня всё, сто я знаю. И уверенные в своей полной безнаказанности продолзают ставить на мне бесцеловецные генетисесские опыты. Вот,* — скосив глаза, он помахал своими гигантскими ушами, — *дазе если бы я и безал, разве смог бы я скрыться в таком виде?*

Гойка захихикал, но, увидев на моем лице грозное выражение, смолк.

— *К тому зе я совсем не могу обходиться без этой гадости,* — продолжал Дядюшка Сэм, показывая нам морковку. — *Зависимость буквально наркотисесская.* — Смачно хрустнув, он откусил от нее. Задумчиво пожевал. Мечтательно возвел очи... Но, с видимым усилием взяв себя в руки, встрепенулся и заговорил опять: — *Но дело не во мне, мой государь, а в вас. Вы — в велицяйсей опасности. Постарайтесь выйти на насых друзей. Это рискованно, но иной возможности я не визу. Наса секретная стаб-квартира находится на подмосковной планете Петуски, город Ерофеев, угол улиц Путина и Распутина, двести тридцать три, дробь один, корпус восемь. Предъявив пароль, вы найдете там убезыссе и*

помось. Пока я не могу сказать, цто это за пароль, но позднее вы узнаете об этом сами...

В этом месте Дядюшка Сэм примолк, а за кадром что-то то ли хрустнуло, то ли пискнуло. Доблестный подпольщик опасливо навострил ушки, но тут же успокоился и продолжил:

— *И просу вас, показыте им эту запись, возмозно, они сумеют установить, где я нахозусь, и вызволить меня. Тот, кто меня снимает, не говорит мне этого, видно, у него есть на это свои присины...* — Невидимый нам оператор поводил объективом вокруг. Но ничего, кроме лесной полянки, лубяной избушки и корзинки с морковью, мы не увидели. Было в этом что-то издевательское. — *Цтос, спасибо ему и за то, цто он делает для меня, хотя он и не последователен в своей помосси...* — продолжал Дядюшка. — *Так вот. Пусть найдут меня, но пусть запасутся этой гадостью.* — Показал он на морковь, вновь хрустнул ею, впал при этом в кратковременный стопор, но встряхнулся:

— *Да! Цють не забыл! Насы враги уверены, сто рано или поздно вы обязательно долзны появиться в Храме Николая Романова. Это логисьно. Так вот. Храм заминирован. У Рюрика и его прихвостней он узе давно как бельмо на глазу. Я слысал разговор. Если вы появитесь там, эти мерзавцы взорвут великий Храм, избавившись, так сказать, от двух зайцев сразу...* — Дядюшка Сэм примолк. Лицо его приняло скорбное выражение, и я понял, кого он остро напоминает мне: персонаж из мультфильма, в котором на оперной сцене играли детскую считалочку «раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять...».

— *От двух зайцев сразу...* — повторил он печально и задумчиво... Поднес к лицу огрызок морковки... Но вдруг зарычал и, вскочив на ноги, что есть силы отбросил его в сторону. Воля гордого оппозиционера была не сломлена. — *Храм опасен!* — выкрикнул он. — *Облетайте его стороной! Насы сансы на спасение малы. Но они есть, мой государь. Не отцяивайтесь. Да помозет нам Бог!*

Экран погас.

— Живо в Храм! — вскочил я. — Ты слышал?!

Но Гойка остановил меня:

— Подожди, Рома. Пока ты доберешься, пока объяснишь... А людей в храме множество. Одних священников не меньше тысячи. Что будет с ними?

— Плевать! Мне нужно спасать жену и сына! — возразил я, но слова Гойки о том, что я могу опоздать, звучали убедительно. — А что предлагаешь ты?!

Он уже связывался с информаторием Храма. На экране возникло длинноносое лицо молодого человека с усиками, бородкой и скуфейкой на голове.

— Слушаю вас, дети мои, — обратился он к нам.

— В Храме — бомба! — выпалил Гойка, одновременно с этим готовя корабль к вылету.

Юноша сделал короткое движение рукой, и тут же с экрана душераздирающе взвыла аварийная сирена.

— Эвакуация уже началась, — сообщил он, на лице его была написана тщательно скрываемая растерянность. — И откуда у вас эта информация?

— Мы не можем сообщить это, — отозвался я.

— Но, надеюсь, в курсе, что за ложное сообщение вы несете административную и уголовную ответственность, да простит вас Господь? — поинтересовался священник-диспетчер.

— Да, — кивнул Гойка, — я передаю свои позывные и скрываться не собираюсь.

— Уже записаны, — кивнул юноша. — И все же я молю Отца нашего Вседержителя о том, чтобы сообщение ваше было ложным, а заодно и за спасение ваших душ. — Он перекрестился.

— Не молиться надо, — заорал я, — а людей выручать!

— Одно другому не мешает, — мягко улыбнулся юноша. — Я вижу на своих мониторах, что уже стартует первая партия эвакуированных во главе с архиепископом Арсением. При нем и капсула со святыми мощами.

— Во главе с архиепископом!.. — передразнил я. — Не с того начинаете! О людях надо думать! В Храме идет крещение младенца. Я надеюсь, он и его мать будут эвакуированы первыми?!

— Нет никаких сомнений, — кивнул диспетчер. — У нас семьсот пятиместных шлюпок. По тревожному расчету первыми усаживаются и отстреливаются прихожане, а уж затем духовенство, — он перекрестился, — дети и женщины, само собой, первыми из первых. Исключением является лишь архиепископ, так как он сопровождает святыню — мощи царя-великомученика...

Я услышал гул двигателей и понял, что Гойка уже закончил расстыковку и корабль стартует.

— Если вам больше нечего сообщить нам, дети мои, — заметил священнослужитель, — я отключаюсь, ибо пора позаботиться и о собственной бренной оболочке.

— Валяй, — кивнул Гойка.

— Правду вы сообщили или не правду, — заметил юноша, прежде чем отключиться, — но следственные органы встретятся с вами.

Его лицо с экрана исчезло. Спасибо на добром слове.

— Гойка, — преодолевая перегрузку, повернулся я к другу. — Что-то мы делаем не так. Мы убегаем, а наши люди — там...

— Уже не там. Посмотри на экран.

И я увидел, что действительно шлюпки уже вылетают из-под купола Храма.

— А пристыковаться к нам они смогут, — продолжал он, — только если мы будем в открытом космосе. Ты же слышал, твои Ляля и Ромка уже в одной из шлюпок. Не забывай, Чечигла, моя Фанни тоже там. И если я поступаю так, значит, именно так я надеюсь еще встретиться с ней.

— Дай-то Бог, — закрыл я глаза, остро осознавая собственное бессилие. — Ты представляешь, какой там сейчас переполох?

— Не думаю, — отозвался Гойка. — У церковников дисциплина жестче армейской... — Шум разбуженных двигателей уже мешал нам говорить. Он нацепил наушники. — Я попытаюсь связаться с нашими.

Шлюпки на экране так и сыпались в открытый космос из-под обоих куполов Храма, и мне вновь пришла на ум нехитрая метафора о муравейнике и муравьях.

— Ляля пока не отзывается, — сообщил Гойка. — Может, не разобрались еще со средствами связи? А?

— Конечно, — согласился я. — Ведь с ней крошка Брайни...

Мы переглянулись и, несмотря на отчаянность ситуации, обменялись улыбками. Я почувствовал облегчение. Наверное, Гойка прав. Наверное, мои близкие уже вне опасности.

— От Ляли пока ничего нет, — повторил Гойка, — но некоторые наши уже летят к нам. Скоро нам, между прочим, будет не до смеха. Когда православная епархия предъявит нам счет за ложную тревогу. Тут одного горючего ушло... Чем платить-то будем, Рома? О! — внезапно сменил он тему. — Есть! Вот она! — Он переключил звук с наушников на внешнее вещание, и я услышал встревоженный голос Ляли:

— Роман Михайлович! Ты слышишь меня?! Что случилось?

— Вы в шлюпке?! — выкрикнул я вместо ответа.

— Да! — откликнулась она.

— Уже летите?!

— Да, да, мы уже довольно далеко от Храма, вас видим и двигаемся к вам, так что приготовьтесь нас принять. Но что все-таки стряслось? Почему нас выпихнули оттуда, едва закончив обряд?

Я облегченно откинулся на спинку кресла и отозвался:

— Есть вероятность, что Храм заминирован. Но не беспокойся, милая. Опасность позади. Как Ромка?

Вместо Лялиного мы услышали голос Брайана:

— С ним все довольно прекрасно. Окрещенный жует мой палец. Ты чего, Тела Господня не наелся?.. — Это он, по-видимому, уже к Ромке обращался.

— Фанни с вами? — спросил наконец Гойка, и я оценил его выдержанность. Но она-то его и подвела. Вместо ответа послышалось шипение помех. Связь прервалась. И тут я увидел, что Гойкины глаза становятся огромными, как полтинники. Я перевел взгляд с его лица на экран.

Храм менял свою форму. Купола покосились, словно съехавшие набекрень береты с крестами вместо хвостиков. Полукупола отделялись друг от друга. Ажурное сооружение, как бы раздуваясь изнутри, превращалось в шар. А затем этот шар треснул, лопнул и превратился в огромный огненный сгусток.

Наш звездолет тряхнуло так, что я подумал, голова у меня слетит с шеи. Но страшнее этой встряски была мысль о той опасности, которой подвергаются сейчас Ляля и Ромка.

— Ой-йо!!! — вскричал Гойка, пытаясь увильнуть от несущегося прямо на нас колокола размером с наш звездолет, а может, и больше. И мне показалось, что от напряжения его усы при этом встали торчком.

Увернуться Гойка сумел, и гигантская хреновина, болтая языком, пролетела мимо. Нас и самих взрывной волной неотвратимо тащило прочь от того места, где только что парил прекрасный и величественный Храм. И слава Богу, что нас уносит оттуда. Несмотря на работу кондиционеров, в корабле заметно поднялась температура. Скорее всего обшивка снаружи корабля плавится.

— Вы заплатите за это, собаки! — оскалившись, погрозил Гойка кулаком в экран. И я был солидарен с ним. Внезапно сквозь шум помех пробился голос Брайана:

— Роман Михайлович!

Я вцепился в подлокотники кресла и заорал:

— Да?! Слушаю!

— Наша шлюпка немножко повреждена. Вынуждены пристыковаться к ближайшему кораблю. Это жандармский крейсер... Уже пристыковались! Вы слышите меня?!

— Да, я понял! — закричал я в ответ. Но не знаю, слышал ли он меня в прошлый раз, услышал ли сейчас. Его голос вновь захлебнулся в треске статических разрядов.

Глава 4

КОШКИ-МЫШКИ И КРЫСКА

Меня лихорадило. Слова Брайана принесли мне одновременно и облегчение, и новую тревогу. Облегчение от того, что Ляля и Ромка живы и защищены от последствий взрыва. Тревогу от того, что они в руках властей, в руках Рюрика, моего лютого врага... Имеют ли обитатели жандармского крейсера отношение к взрыву?

Нет, вряд ли эта изуверская акция могла быть проведена настолько открыто. Любой правитель ратует о популярности в народе... А там, где в силе церковь, популярность правителей зиждется на ее поддержке. Так что скорее всего Рюрик еще устроит розыск виновников взрыва, и я не удивлюсь, если им буду объявлен именно я.

С другой стороны, что я смыслю в нынешней политике? Вдруг в крейсере все-таки те, кто охотится на меня? Тогда в курсе ли они, что в их руки попала не простая цыганка и не простой мальчуган, а моя жена с моим прямым наследником? Надеюсь, что нет...

Тем временем последствия взрыва стали уже почти незаметны. Во всяком случае, на том расстоянии от его эпицентра, на которое отбросило наш звездолет. Лишь мелкие обломки, судя по датчикам, ударяли в нашу обшивку несколько чаще, чем обычные метеориты.

Мне не терпелось связаться с крейсером, но канал связи был плотно загружен, а на непрерывное сканирование не было времени, приходилось заниматься более насущным делом: нужно было спасать людей. Мы непрерывно ловили сигналы бедствия. Оба стыковочных модуля работали без остановки, принимая со шлюпок на борт и своих, и чужих.

Среди спасенных были и наши джипси, и прихожане, но больше всего было представителей духовенства. Сперва, пока Гойка был с головой занят маневрированием, нехитрое управление модулями пришлось взять на себя мне, затем, когда ситуация несколько стабилизировалась и стало возможным довериться автопилоту, стыковками мы занялись вместе.

Из семнадцати (без нашего) кораблей табора нам удалось связаться только с четырнадцатью. Еще три звездолета не отвечали. В лучшем случае были повреждены их системы связи, в худшем —

они погибли. Гойкина Фанни нашлась. Ее не было с Лялей, но она покинула Храм в другой шлюпке и сейчас, живая и невредимая, находилась на одном из наших кораблей. А вот о Зельвинде Барабаше никаких сведений не было.

На мой грузовик, где было тесновато и полусотне людей моего джуза, сейчас набилось больше ста человек. Понятно, что это была вынужденная мера. Так что джипси, хоть и поглядывали на чужаков неприязненно, занимались их обустройством, а раненым оказывали необходимую медицинскую помощь. Люди проникли уже и в рубку, но мы с Гойкой не обращали на них внимания...

Наконец, с удалением от эпицентра и просто со временем, интенсивность спасательных работ несколько спала: сигналы бедствия стали редкими, и ближе оказывались не мы, а кто-нибудь другой. Это позволило мне вернуться к мыслям о Ляле и Ромке.

— Попробуй вызвать жандармов, — велел я Гойке.

Но тот лишь помотал головой:

— Не стоит, Чечигла Рома, — сказал он. — Я хоть и джипси, но кое-что понимаю. Ты умеешь управлять гравитацией, за тобой охотятся спецслужбы, ради того чтобы избавиться от тебя, взорвали Храм... А этот зайчик, — кивнул он на пустой экран, — называет тебя государем... На что лично мне наплевать, — добавил он, гордо выпятив подбородок. — Не лезь сам в ловушку, которую на тебя поставили.

— Но не могу же я сидеть сложа руки!

— Потерпи немного. Только самую чуточку. Они не уверены, что убили тебя. Увидишь, они обязательно попытаются сами связаться с тобой. Но стоит тебе откликнуться, как тебя тут же вычислят.

Внезапно меня осенило, и я похолодел:

— Если они узнают, что Ромка — мой сын, они убьют его!

В глазах Гойки отразилась моя тревога, но длилось это лишь мгновение. Его лицо просветлело:

— Э-э, нет, Чечигла Рома. Они сделали бы это, только если бы убедились, что мертв ты сам. Ведь тогда он — единственный наследник. А пока они будут трястись над ним и сдувать с него пылинки, боясь твоего гнева. Ты еще не знаешь этих трусов. Они всегда работают на два фронта и стараются угодить всем, от кого хоть что-нибудь зависит. А значит, сейчас, рома, остынь и хорошенько подумай, как убедить жандармов, что ты жив, но и не выдать при этом, где ты находишься. А? Хороша задачка?

— А может быть, все-таки?.. — потянулся я к модулю связи.

— Нет, — вновь осадил меня Гойка. — То, что твои враги не могут связаться с тобой, спасает твоих родных от беды. Кто знает этих идиотов? А вдруг, как только им станет ясно, что ты их слышишь, твою жену и ребенка начнут пытать? Ты же видел, в средствах они не разбираются. А если это случится, ты помчишься выручать их. И вас убьют. Всех троих. Так что думай, думай. Подумаю и я.

Сказав это, он закурил и, полуприкрыв веки, откинул голову на спинку кресла. Я тоже закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться... Сказанное Гойкой заключало в себе противоречие. С одной стороны, «они будут сдувать с него пылинки», с другой — «будут пытать»... Но он прав в том, что нужно надеяться на лучшее, но быть готовым к худшему.

Итак, я должен поставить в известность своих врагов о том, что уцелел, но так, чтобы они не могли определить мое местонахождение. К тому же они должны считать, что сам я их слышать не могу. Это залог того, что они не тронут Лялю и Ромку... Нет. Слишком много противоречащих друг другу условий... Слишком сложно...

Но допустим, мне это удастся. Что я должен делать потом? Достигнуть планеты Петушки и найти там соратников Дядюшки Сэма. И уже с ними решать, как вызволить моих родных, а заодно и их доблестного патрона... Вряд ли у этой головоломки есть решение...

Надо, кстати, в любом случае не потерять диск с письмом. Ведь там адрес, который не должен знать никто, и только по этой видеозаписи можно попытаться определить, где находится лубяная тюрьма-избушка моего горе-спасителя, чтобы вытащить его оттуда... В какую противоестественную игру играет наш неведомый помощник, сделавший эту запись...

Проклятие! Я упорно думаю о чем угодно, только не о сформулированной Гойкой задаче. А вот еще и моя почтовая Сволочь. Мешать пришла. Как всегда, по-хозяйски лезет по моей ноге. Я привычно наклонился и сунул зверя в карман. Выпустив клуб дыма, заговорил Гойка:

— Только что к нам пристыковался четырехместный скутер, — сообщил он. — Хорошая, брат, посудина. Хоть и без гиперпривода, но раза в четыре быстроходнее нашего корабля. Если бы среди спасенных на нашем борту нашелся опытный штурман, мы могли бы посадить его на мое место...

Он смолк. Но я понял, что он хотел сказать и почему, не договорив, осекся. Да, мы могли бы угнать скутер и направиться

по названному Дядюшкой Сэмом адресу. Но мы не можем этого сделать, пока я не буду уверен в безопасности моей семьи... И вдруг за нашими спинами раздался скрипучий голос:

— Штурман есть.

Я подпрыгнул от неожиданности. Я совсем забыл, что мы тут не одни и нас могут подслушивать. Между нашими креслами, чуть позади, стояла старая Аджуяр, подкравшаяся, как всегда, незаметно.

— Похоже, настала уже пора МНЕ решать ваши проблемы, бестолковые щенки, — продолжала она, поглаживая седые космы. — Вызывайте жандармский крейсер.

— Нельзя, — возразил я. — Они узнают...

Помотал головой и Гойка. Но Аджуяр сверкнула на него угольками глаз и сделала такой жест рукой, словно что-то в него кидает. И Гойка с сомнамбулическим выражением лица потянулся к приборному щитку. Я хотел остановить его, но Аджуяр коротко глянула на меня, и я словно наткнулся на какую-то невидимую преграду. Мои ноги стали ватными, руки безвольно повисли, а язык онемел. Я не мог даже выругаться. Я мог только думать: «Проклятые ведьминские штучки!..»

А Гойка уже настроил модуль связи, и на экране появились два жандармских офицера в пилотских креслах. Один из них уже приоткрыл рот, чтобы что-то сказать, но Аджуяр, опередив его, вновь махнула рукой, и он не проронил ни звука.

— Спите, — сказала она.

Фигуры в лиловых формах обмякли. Глаза офицеров затуманились.

— Что вы намерены делать с молодой джипси и ее ребенком? — ровным голосом спросила старуха. Я недооценивал ее. Она явно была в курсе всех происходящих событий.

— Мы должны убедиться, что ее мужа, самозванца, претендующего на трон, нет в живых, — («Проклятие! Они все-таки всё знают!..»), — и тогда инсценировать несчастный случай, в котором наши пленники погибнут, — послушно отозвался офицер, который, судя по большему числу нашивок на форме, был старше по званию. От его слов у меня перехватило дыхание. А он продолжал:

— Затем по престольному каналу связи доложить о выполнении задания в департамент национальной безопасности имперской прокуратуры.

— А если тот, кого вы называете самозванцем, жив? — кивнула Аджуяр.

— Беречь пленников как зеницу ока.

— Вот и берегите, — проскрипела ведьма. — Пуще себя самих берегите. Государь жив, и он — не самозванец! И ежели с головы его жены или сына упадет хотя бы один волосок, вы пожалеете, что появились на этот свет! Истинно толкую вам, дуралеи казенные: жив Государь. Вот он. Смотрите внимательно.

И она сделала пасс руками в мою сторону. Взгляды жандармов на миг просветлели и они жадно впились в меня. Старуха махнула рукой, и загипнотизированные вновь обмякли.

— И об этом должен знать Рюрик... — добавила она. — Когда вы очнетесь от дрёмы, вы будете помнить все, что я сказала вам. Но вы не вспомните, откуда у вас это знание. А сейчас отключайте связь, затем — просыпайтесь. Ну!

Офицеры дернулись и одновременно потянулись к щитку. Экран погас. Аджуяр обернулась ко мне и провела рукой по моему лицу. В тот же миг я вновь стал хозяином своего тела и обрел дар речи.

— Почему ты не приказала им вернуть Лялю?! — воскликнул я тут же.

— Потому что у них она будет в большей безопасности, чем с тобой, — отозвалась та, усмехаясь и проводя рукой по лицу Гойки точно так же, как прежде она сняла чары с меня. Гойка потряс головой и тоже накинулся на ведьму:

— Это ненадолго! Хорошие специалисты-психологи выудят из сознания жандармов все что угодно!

— Но нас тут уже не будет, рома, — спокойно ответила она. — Придержи четырехместку, на ней-то мы и уберемся.

— А кто поведет корабль джуза? — не понял Гойка, думая, что под словом «мы» она подразумевает нас троих.

— Ты, кто же еще?! А мы с этим, — ткнула она в меня пальцем, — покинем его. Ляля — моя правнучка, плоть от плоти моей, кому ж, как не мне, спасать ее? Не доверять же это дело таким олухам, как вы!

Я вспомнил, что по преданию Аджуяр когда-то была самым лихим штурманом табора. Но когда это было?! Да и было ли? Она словно бы прочитала мои мысли:

— Если ты бестолочь, ты никогда не научишься водить звездолет. А если нет — никогда не разучишься. В управлении кораблями уже лет пятьдесят, как ничего не менялось, кроме того, что появился гиперпривод. Им я пользоваться не умею, это правда, но на скутере его и нет.

— Но... — начал было я, однако она по своему обыкновению прервала меня:

— Нет у нас времени на то, чтобы препираться. Поспеши-ка лучше, родственничек. Пора. — И, повернувшись к нам с Гойкой спиной, заковыляла вон из рубки.

Чувствуя себя чуть ли не предателем, я обернулся к другу:

— Ничего не поделаешь, Гойка. Придется ее послушаться...

Он неохотно кивнул.

— Дай-ка мне диск, — попросил я, поднимаясь.

Гойка вынул пластинку из дисковода и протянул ее мне.

— Береги себя, Чечигла Рома, — сказал он.

— А ты береги джуз, — откликнулся я, пряча письмо в нагрудный карман. — Ты теперь тут главный. А если не найдется Зельвинда...

— Тогда мы выберем нового атамана, — не дал он мне закончить. — Но, я думаю, он найдется. Пока же я сделаю все, что от меня зависит. Обещаю.

Неожиданно, совершенно несвойственным джипси жестом, он поклонился мне:

— Обещайте же и вы, государь, что, как только появится такая возможность, вы немедленно свяжетесь со мной.

Я шагнул к нему и крепко обнял:

— Обязательно. Сразу, как только это станет возможным. И запомни. Для тебя я — не государь, а Чечигла Рома. Так будет всегда, как бы не сложились обстоятельства в дальнейшем.

— Ай, Чечигла, — сказал он мне на ухо горестно. — Как я буду жить без твоих песен?

Отстранившись, я подмигнул ему:

— Ты их еще услышишь.

Сказав это, я бегом бросился вслед за колдуньей. И спешил я не только потому, что боялся ее не догнать. Но и для того, чтобы Гойка не заметил, как я не уверен в своем показном оптимизме...

Завладеть скутером нам большого труда не составило. Точнее, не нам, а Аджуяр, моя же роль в этом процессе была сугубо пассивной.

— Какого черта?! — взревел здоровенный верзила, встретивший непрошеных визитеров на пороге тесной, но уютной рубки. — Почему ваш штурман не отпускает нас?! И почему он не отвечает на мои запросы?!

Наш вид явно не внушал ему доверия, и в течение всей этой тирады он держал ладонь на рукояти плазменного кинжала.

— Мы взяли на борт семерых потерпевших, а вы согласились принять их к себе! — продолжал он. — Но дело, я вижу, не чисто. Не знаю, что у вас на уме, но плевать я на вас хотел!.. Если еще через десять минут вы не разблокируете стыковочный контур, я дам старт и разворочу вам бок! Так и передайте своему капитану! — Он явно не догадывался, что мы сюда не в гости, а надолго.

В кресле помощника сидела молодая рыжеволосая женщина с утонченными чертами не знавшего загара лица и, так же как и капитан, неприязненно нас рассматривала. До сих пор ничего не могу с собой поделать: стоит мне увидеть неприкрытую женскую грудь, как я не в силах оторвать от нее взгляд. Наши-то цыганки ходят по старинке, и «иммунитета» на это зрелище у меня не выработалось. И это тем неприятнее, что джипси-мужчины, и я в их числе, не носят нижнего белья, а традиционные шальвары не могут скрыть внезапную эрекцию. Верзила заметил мой... взгляд.

— И какого черта, — рявкнул он, — ты, грязная цыганская рожа, пялишься на мою жену так, словно...

Что «словно», он договорить не успел. Аджуяр вскинула руки ладонями вперед.

— Идите в наш корабль, — сказала она. — Вам ничего не угрожает. Вы спасены. — И добавила мне: — Отведи глаза, бесстыжий, у тебя жена в опасности...

...Уже в рубке опустевшего скутера, сидя в кресле помощника штурмана, я обратился к ней:

— Старуха, почему ты не пользовалась своим даром раньше? Мы могли бы избегнуть многих неприятностей.

— Я могу делать это только во имя спасения кровного родственника, — отозвалась она, внимательно разглядывая пульт и с диковатой улыбкой поглаживая его ладонями. — Да и за это мне еще придется платить.

Кому ей придется платить, было неясно, но уточнять я не стал. В конце концов, это ее личные заморочки. Наверное, судьбе или карме, или чему-нибудь типа того... Перекинувшись по связи парой фраз с Гойкой, Аджуяр перекрестилась.

— Значит, говоришь, планета Петушки? — глянула она на меня. — Что ж, с Богом. — И добавила: — Пристегнись.

Но выполнить эту команду я не успел, зачарованный быстрыми и точными движениями ее сухих, похожих на куриные лапки, рук... Даже Гойка не позволял себе таких крутых стартов и виражей. Мой затылок вдавило в спинку кресла, в глазах потем-

нело, дыхание перехватило, и я запаниковал, осознав, что мне грозит удушье.

Но через несколько секунд корабль остановился так же резко, как тронулся. Меня выбросило из кресла, и я больно ударился грудью и лицом о щиток, с хрипом втягивая в легкие воздух. Старуха издала несколько коротких, похожих на лай, смешков и с неприкрытым ехидством проскрипела:

— Научись выполнять мои приказы проворно... Государь мой.

Облизывая кровь с разбитых губ, я понял, что путь к друзьям Дядюшки Сэма обещает быть не самым веселым в моей жизни. Скорость звездолета вновь, хотя уже и плавно, начала нарастать, и я поспешно потянулся к ремням. Но Аджуяр тут же осадила этот мой порыв:

— Да уж, голубчик мой, опоздал теперь. Отправляйся-ка лучше на камбуз и поищи чего-нибудь спиртного.

Стало ясно, что рывок, стоивший мне расквашенной губы, преследовал сугубо воспитательные цели. Я почувствовал, как ярость вскипает в моей душе, но проглотил все созревшие в ней эпитеты и поплелся исследовать корабль. И камбуз, как было велено, — прежде всего.

...Запасы провизии и спиртного были сделаны хозяевами скутера основательно и со вкусом. Чего тут только не было. В обнаруженную на камбузе тележку я сложил бутылку какого-то вина, бутылку джина, кое-что из снеди и покатил все это по коридору в сторону капитанской рубки. Однако на полпути из моего кармана вылезла позабытая мною Сволочь, перебралась по руке в тележку, по-хозяйски исследовала её содержимое и, ухватив кусок сыра, спрыгнула на пол. И тут же юркнула в какую-то дыру, которую я никогда и не заметил бы.

Я наблюдал за ее действиями с умилением. Вот ведь какая независимая тварь. «Не то что я», — пришло мне в голову внезапно, и я, пораженный этой мыслью, продолжал стоять на месте, хотя Сволочи уже простыл и след. Да какого дьявола?! С какой это стати я послушно взялся выполнять обязанности стюарда и обслуживать сумасшедшую старуху?! Словно некая пелена спала с моих глаз.

И вообще, почему я безропотно согласился лететь куда-то к черту на кулички, в то время как Ляля и Ромка находятся в плену свирепого врага?.. Я должен быть рядом. Я должен спасать их! Похоже, Аджуяр при помощи своих гипнотических чар подавила мою волю, и рассеиваться эти чары начали только сейчас. Так оно и есть! Проклятая колдунья!

Прежде чем вновь встретиться с ней, нужно окончательно прийти в себя и собраться с мыслями. Я понимал, что времени на это у меня немного — минут десять—пятнадцать. Если я задержусь дольше, старуха заподозрит неладное. Я огляделся. Толкнул боковую дверь и вкатил тележку в какое-то темное помещение. Но свет в нем тут же вспыхнул. Это была небольшая гостиная с прозрачным столиком в центре и четырьмя креслами вокруг него. В одном из которых восседала Аджуяр.

— Входи, входи, — ехидно и одновременно загадочно усмехаясь, глядела она на мое ошарашенное лицо. — Пора уже нам поговорить начистоту, иначе толку не будет.

Как я мог забыть об автопилоте? Расстыковка произведена, сложный участок пройден, направление задано, и теперь штурман может полностью положиться на автоматику, лишь для порядка время от времени проверяя верность курса. Но как старуха догадалась, что я отправлюсь именно сюда, именно в эту комнату, я ведь и сам еще минуту назад не знал этого?..

— Это я тебя сюда направила, — ответила она на невысказанный мной вслух вопрос. — Садись же, не стой, как столб, на пороге. Примета дурная.

Что мне оставалось делать? Я подкатил тележку к столику и плюхнулся в кресло.

— Вижу, норов у тебя настырный, так и метишь бунтовать. Запросто под чужую дудку плясать не желаешь.

— С чего ради? — выдавил я из себя.

— Раз так, будем договариваться.

— Зачем тебе договариваться со мной, если ты можешь влезать мне в мозги и приказывать что угодно?

— Так-то оно так. Но не раб мне нужен. Раб только о том и думает, как воли достичь. С таким каши не сваришь.

— Я к тебе в друзья и не набивался.

— Вот и толкую тебе: пора уже нам договор заключить. Может, все-таки по своей воле помогать мне будешь. Цель-то у нас одна.

— Чего ж раньше силком заставляла?

— Рассуждать некогда было, вот я тебя и околдовала. А ежели договоримся, никогда больше свои чары против тебя не применю. Если уж прямо сказать, был бы ты попроще, я бы чары и не снимала, а ты бы их не чувствовал и не сопротивлялся бы. Но с твоим упрямым характером, вижу, толку от тебя при таком раскладе никакого не будет. Ну что? Успокоился? Готов? — Она испытующе прищурилась.

Я, не зная, что сказать, только пожал плечами, Аджуяр же тем временем, как Веллина из «Волшебника Изумрудного города», вынула из складок своей обширной юбки колоду карт.

— Но посмотрим сперва, что нам ОНИ скажут, — пояснила старуха, тасуя карты. — А ты покамест разлей чего покрепче. Долгий будет разговор, взбодриться бы надо.

— ...Да-а, — протянула старуха, ловко перекладывая карты с места на место. Такого я еще не видывала. Все в твоей судьбе перепутано, словно ты и не человек вовсе. Никогда еще мне карты не лгали, а по ним судя, выходит, что твой смертный час уже давным-давно пробил. Как это понимать прикажешь, любезный мой?.. — глянула она на меня. — Не хочешь объясняться? А не хочешь — не надо, сама разберусь.

— Не разберешься, — возразил я, чувствуя, как джин приятным теплом разливается по внутренностям. В конце концов придется, наверное, играть с ней в открытую. — Я из прошлого.

— Это как? — не отрывая глаз от карт, спросила она.

— Меня вытащили из прошлого враги нынешнего царя... — начал я, но она закончила за меня:

— Чтобы на трон посадить. Так выходит?

— Так, — подтвердил я, выуживая из банки то ли малюсенький фрукт, то ли ягоду, то ли даже какой-то бутон. Сунул его в рот и сморщился. — Что за гадость?!

— Каперсы, — глянув на банку, пояснила Аджуяр. — Деликатес, слышала. Не вкусно, что ли?

— Сама попробуй, — мстительно посоветовал я.

Она поднесла банку к лицу, понюхала и, передернув плечами, возвратила ее на столик:

— Благодарствую. Сам притащил, сам и ешь.

Вернувшись к картам, она поцокала языком и сказала:

— Из прошлого, говоришь. Вот, значит, как. А не видать тебе, милый, престола, как собственных ушей. Вот что я тебе скажу.

— Плевать я хотел и на престол, и на твои пророчества, — покривив душой, сообщил я. — Но те, кто меня сюда вытащил, спасли меня от смерти. А я обещал им...

— А я и не отговариваю, — перебила она. — Потому как дальше карты показывают два пути. Коли по одному дело пойдет, страшное станется: и правнучка моя, и праправнук погибель найдут. Коли по другому, быть твоему сыну царем, а ей — царевой матерью. А про тебя карты больше ничего не говорят. — Но в ее последних словах мне послышалась еле заметная неуверенность. И я глупо поинтересовался:

— Совсем?

— Да не то чтобы совсем... — покачала Аджуяр головой и подняла на меня глаза. — Только непонятно мне что-то. По картам выходит, диковинная у тебя судьба: коли предашь кого, бросишь, тем его и спасешь. А коли не предашь, упрешься — наоборот, погубишь.

— Что это ты несешь, старая! — повысил я голос, угрожающе наклоняясь к ней.

— Говорю же я тебе, сама не пойму! — не отводя едкого взгляда, процедила она. — Все ведь у тебя не по-людски. Только запомни эти слова мои. Пригодиться могут.

Залпом осушив свой сосуд с джином, она смешала карты и продолжила:

— Но выбор этот тебе не скоро предстоит. А пока — спасать надо Лялю с чадом. Не с нашими силенками за такое дело браться, вот и летим к приятелям твоим. Ну так что, будем вместе это делать или же будем дальше мешать друг дружке?

Что я мог ответить?

— А ты точно знаешь, что сейчас Ляля и Ромка в безопасности? — спросил я примирительно. Но тут же получил оплеуху:

— В безопасности? — переспросила ведьма. — Глуповат ты, братец, как я погляжу. У вас все там, в прошлом, такие олухи были?

— Ты по существу говори! — вновь сменил я тон на враждебный. И со злости даже кинул в рот несколько каперсов. Как ни странно, на этот раз они показались мне вполне съедобными, даже вкусными.

— С жандармского корабля идет непрерывный сигнал о том, что, в случае если ты не сдашься, твоей жене и сыну грозит гибель... Но раз грозит, значит, пока еще все не так плохо. Они не уверены, что ты их слышишь, и не будут зря уничтожать свой единственный против тебя козырь... Ну так что? Будем действовать сообща? — вновь насела она.

Положение бесило меня. Меня злило, что эта неприятная старуха вновь заставляет меня плясать под свою дудку. Но логика ее слов меня убедила. В конце концов, мы и вправду союзники.

— Ладно, — махнул я рукой. — Уговорила. Чего делать-то?

— А не догадываешься? — старуха хихикнула. — Лететь, чего ж еще?..

Как бы то ни было, я почти успокоился. И даже нашел способ, как искусственно приглушать свою тревогу о близких. Отнюдь не спиртным: такой путь почему-то казался мне нечестным.

Я сумел найти иной, не столь физиологичный способ отвлечься. Нечто вроде кино.

Тут, на скутере, я дорвался наконец до того, с чем стоило бы познакомиться с самого начала моего пребывания в двадцать пятом веке. Хотя «дорвался», пожалуй, сказано громко. Не шибкото я и рвался. Я уже так привык к стилю жизни «перекати-поле», что о самообразовании или хотя бы об интеллектуальных развлечениях даже и не помышлял.

Но сейчас я с головой окунулся в то, что, по-видимому, заменяет тут беллетристику. Вообще-то слово «кино» довольно точно определяет суть данного развлечения. Но есть и основательные технические отличия. Элементы компьютерной игры, интерактивного телевидения... Нет, все не то! Больше всего это походило на грезы на заданную тему.

Когда я, завалившись на кровать, включал то, что Аджуяр назвала «мнемопроектором», я просто-напросто становился участником неких событий. Редко, но ведь бывают такие сны, которые и по насыщенности, и по сюжету ничем не уступают яви. Именно в такие сновидения я и попадал. Вот только содержание большинства этих «мнемофильмов», к сожалению, оставляло желать лучшего.

Сперва меня изрядно раздражало, что в бортовой мнемотеке совсем нет просветительных, учебных или хотя бы исторических записей. Но, если вдуматься, часто ли «серьезные» ленты подобной тематики занимали место на полках наших домашних видеотек двадцатого века? А что там обычно стояло? Боевики, эротика, детективы, плохая фантастика...

Поставив в мнемопроектор диск из коробочки с надписью «Гигант», я превратился в несчастного грудного младенца, которого терпящие бедствие родители-косморазведчики вынуждены были засунуть в капсулу и отстрелить куда глаза глядят — в пространство.

...Хныча и агукая, мчался я с околосветовой скоростью через вселенную и неминуемо помер бы с голоду (благо осознать опасность и испугаться я еще способен не был), если бы не счастливая случайность: на пути мне встретилась некая планета. И не простая, а живая. Типа как у Лема в «Солярисе». Только это сравнение не совсем удачно, потому что в отличие от Соляриса ни черта эта планета не соображала и никаких «гостей» не создавала.

Все что она умела — с помощью гравитационных ловушек схватывать и пожирать метеориты, коих в этом секторе космоса летало превеликое множество, затем переваривать их и удручен-

но, с треском, испражняться. Тем и жила. Так что если Солярис был чем-то вроде гигантского мозга, то эта планетка, соответственно, была чем-то вроде гигантской задницы.

Мою капсулу она само собой приняла за очередной метеорит, мягко подтянула к себе... Так бы мне и быть перемолотым в дерьмо в ее недрах, но, к счастью, на планете имелись разумные обитатели — ленточные паразиты-симбиоты. Они-то меня и приютили, пригрели и даже по-своему приласкали. Хотя, правду сказать, это им было не так-то легко, ведь размером они были миллиметров по пять длиной, не более... Да и вся эта планетка в диаметре была не больше десятка километров.

Чтобы я выжил, мои спасители кое-что во мне переделали, и я стал питаться случайными грозовыми электроразрядами. Еще они обучили меня своей философии. Мастурбировать я научился сам, чем поверг своих спасителей и учителей в недоумение, близкое к коме.

И жил бы я себе поживал припеваючи, буквально как Маленький Принц в теплой заднице, но тут, как водится, как раз в период моего полового созревания на планету прибыл исследовательский корабль, конечно же, с девушкой на борту. Тут, естественно, любовь... Но довольно странная. Просто-таки несчастная.

Девушку я (по сиськам) ассоциировал с единственной женщиной, которую когда-либо видел, — с матерью. А психические механизмы, внедренные в мое сознание друзьями-паразитами, срабатывали так, что мать я ассоциировал с задницей. Потому я постоянно стремился залезть бедной девушке именно туда. Но я ведь прекрасно осознавал, что слишком велик для этого!

Как я страдал! Каким уродом ощущал я себя! Проклятый, проклятый гигант!.. Да по сравнению с моим — эдипов комплекс показался бы вам легкой грустью о сорванном ветром цветке... Да к тому же еще я время от времени бился током, как добрый электрический скат. Девушка страдала не меньше меня, но любовь не позволяла нам расстаться.

Душераздирающим был и последний эпизод мнемофильма. Я на что-то решился. Я еще и сам не осознал, что собираюсь сделать. Я откинул одеяло со своей спящей возлюбленной. Она лежала на животе. Ее формы были прекрасны...

И всё. Фильм оборвался, и я снова стал самим собой. Финал — в худших традициях триллеров моей юности, когда зритель так и не знает, закончилась ли история, а если да, то хорошо или плохо...

Самое ужасное, что с момента включения мнемозаписи я полностью забывал себя как личность, а значит, не мог остано-

вить процесс, не дойдя до запрограммированного создателями фильма окончания. Сила воздействия мнемофильмов на мой неподготовленный разум была столь велика, что после «Гиганта» я ловил себя на том, что меня то и дело тянет забраться в какое-нибудь узкое отверстие. А дважды я просыпался по утрам под дверью каюты Аджуяр.

Вторым мнемофильмом, оказавшим на меня пагубное воздействие, был фильм «Весенние уходы», в котором я сперва был сразу пятнадцатью или шестнадцатью персонажами (сосчитать я все время не успевал), так как сюжет имел полифоническую структуру романа. Но потом автору показалось и этого мало, и каждому персонажу он создал по двойнику. И ими всеми опять же был я. Потом некоторые персонажи довольно болезненно погибали, зато появлялись новые.

А идея этого произведения состояла в том, что во вселенной сработал какой-то механизм, какой-то новый закон, и из ничего стали появляться двойники людей, олицетворявших собой те или иные стороны мирового бытия: Любовь, Надежду, Стыд, Срам, Голод, Холод, Эйфорию Сытости, Тягу К Насилию, Стремление К Мировой Гармонии, Желание Поссать, Стремление К Познанию Истины, Ненависть К Бурчанию В Животе Соседа, Веру В Идеалы, Удивление Птицы При Виде Того, Как Кукушка Подсовывает Ей В Гнездо Свое Яйцо и т.д., и т.п.

И вот новоявленные двойники, еще более усиленно олицетворявшие все это, должны были (по второму пункту придуманного умным автором вселенского закона) лупить друг друга чем ни попадя, ибо кто останется, по образу и подобию того двинется мир в своем дальнейшем развитии.

Персонажи быстренько поделились на «хороших» и «плохих», но почти все они поодиночке и группами периодически перебегали из лагеря в лагерь, отчаянно интригуя против своих вчерашних друзей, так как добро то и дело оборачивалось злом, а зло — добром.

Лично я сразу понял обреченность заданной ситуации. На самом деле разницы, кто останется, нет ни малейшей. В любом случае останется самый сильный или скорее самый удачливый убийца, «крысиный король». У Любви с руками по локоть в крови с Подлостью с руками по локоть в крови общего значительно больше, чем различий...

Однако раз уж автор замутил такую кровавую кашу, то и старательно делал вид, что не замечает ее внутреннюю порочность, и Добро наравне со Злом, Радость наравне с Печалью и прочие персонажи месили друг друга бластерами, кидали в домны, зафу-

говывали в черные дыры, а иногда и по старинке бесхитростно кроили друг другу черепа молотками и небольшими кувалдами. Как у многих душевнобольных, желание убивать обострялось у них по весне. Отсюда и название.

В результате я пережил столько агоний, что, когда из всех персонажей остался один, то есть Я в единственном числе, я так и не понял, что оставшийся образ олицетворяет. Сложный какой-то букет. То ли Праведный Огонь, Бушующий В Сердце Поборника Идей Вертикального Прогресса, то ли Неприятное Предчувствие, Что Скоро Разболится Заусенец Указательного Пальца Левой Ноги, то ли что-то среднее между тем и тем.

После участия в этом фильме я не мог оклематься почти неделю, страдая множественным раздвоением личности... И вновь дважды просыпался я под дверью Аджуяр. Но теперь — не с голыми руками. Первый раз я обнаружил у себя в руках невесть откуда взявшиеся чугунные каминные щипцы, и по моему настоянию Аджуяр выбросила их в открытый космос. Во второй раз я сжимал в ладони пилочку для ногтей.

...Старуха стала сторониться меня. И немудрено. Я и сам стал за себя побаиваться. Потому, в очередной раз выбирая мнемодиск — носитель записи для мнемопроектора, я взял тот, что назывался «Драма любви». «Уж тут-то никаких противоестественных фантастических вывертов сюжета не случится, и мой рассудок останется в полном здравии», — решил я...

Сеанс начался, и я превратился в маленького мальчика, коротающего свое счастливое детство в прекрасном огромном, почти в полпланеты, экзотическом саду своего отца. Но счастье было недолгим. Некий высокопоставленный злодей по имени Клайд Хабаров цинично пристрелил моего папашу, оставив меня тем самым круглым сиротой, и завладел нашими фамильными драгоценностями, домом и садом.

А меня, несчастного, голодного и холодного, отправили на голую, ветреную, покрытую серым лишайником планету-приют, где я и рос, словно волчонок в такой же стае волчат, как и я сам. И единственным светом в моей жизни были вынашиваемые мною планы мести.

Я знал, что богатство — главное для моего врага. А значит, чтобы убить его, чтобы умер он в страшных душевных муках, нужно лишить его этого богатства.

Я вырос. За годы созрел план мести. Я устроился работать ночным оператором некой компании, занимающейся клонированием сельскохозяйственных видов животных. Клонирование

людей запрещено, но время от времени подобные прецеденты все же случаются. Тогда закон, кроме наказания виновных, регламентирует и права клонов. При этом неукоснительно соблюдаются три основных принципа.

Первое: «Клон не виноват в том, что его создали, ибо создали его без его ведома и согласия».

Второе: «Клон — такой же человек, как и любой другой, его жизнь и свобода неприкосновенны».

Наконец, третье: «Клон обладает всеми теми правами, что и его матрица (за исключением наследования дворянских титулов), материальные блага в момент возникновения клона делятся между ним и его матрицей поровну».

Все это я и решил использовать для того, чтобы уничтожить своего лютого врага.

Я подкупил личного врача-косметолога единственной дочери Хабарова — юной Долорес. Та, прокалывая девушке мочки ушей под подаренные папашей бриллиантовые сережки, незаметно припрятала в колбу клочочек ее кожи. А позже принесла эту колбу мне. Я сумел отыскать в содержимом сосуда жизнеспособную клетку, вырастил достаточное количество «клеточной субстанции» и заложил ее в инкубатор.

И вот в один прекрасный день в автоклавах инкубатора вместо очередной партии в пять тысяч овец появилось пять тысяч Долорес Хабаровых. Причем дело это я сумел обставить так, что сам остался вне подозрения.

Это был сокрушительный удар. Мало того, что Хабаров должен был теперь содержать всю эту ораву наравне с дочерью, но и поделить впоследствии поровну между ними свое наследство. Подавленный случившимся Клайд Хабаров свел счеты с жизнью.

Но это была только первая половина душещипательной истории. Дальше события развивались следующим образом. Когда я, давясь злорадным смехом, смотрел телевизионную сводку новостей, я увидел в ней заплаканную Долорес. Впервые я видел эту девушку собственными глазами и... влюбился.

Я потерял покой и сон. В конце концов я отправился в тот самый обширный сад, в котором провел детство и который теперь стал прибежищем всего выводка Долорес. Вид пяти тысяч и одной (первоначальной) возлюбленных, слоняющихся по райскому саду моего счастливого младенчества, потряс меня. А все пять тысяч и одна дева по уши влюбились в меня с первого взгляда. Иначе и не могло случиться, ведь мы были просто созданы друг для друга.

Что я мог сделать? Что я должен был предпринять? Выбрать одну, оставив несчастными пять тысяч остальных? Я не мог поступить так жестоко. И суд совести приговорил меня. Я вновь подложил в инкубатор «клеточную субстанцию» человека. Но на этот раз — выращенную из моей собственной клетки.

Причем запрограммировал инкубатор так, что сейчас он породил на один клон больше, чем в прошлый раз. Потому что я знал, что теперь-то от руки закона мне уже не уйти и пожизненное заключение — минимальное наказание, которое мне грозит. А оставить несчастной, обделенной парой хотя бы одну из Долорес я не мог и помыслить...

Меня приговорили к смертной казни, правда, самой гуманной: в камере специальной установки лишили молекулы моего тела сил притяжения... В последний путь меня провожали пять тысяч и одна абсолютно одинаковых рыдающих влюбленных пар. И в лужицу помоев я превратился со счастливой улыбкой на устах.

Бред! Полнейший бред! Но когда ты внутри, тебе так не кажется, и трезвую оценку ты способен дать только по окончании сеанса. Подобный эффект наблюдается и при просматривании обычного кино, но там отвлечься все-таки можно. Тут — никак.

Чем-то вышеописанный сюжет напомнил мне индийскую двухсерийку. Но самым ужасным было другое. Видно, чисто технический момент, когда «зритель» становится одновременно двумя или несколькими людьми, — непременный атрибут мнемофильмов или есть в этом какой-то особый форс, обойтись без которого киношнику стыдно. Типа как звук «диджитл саунд» или компьютерная графика в конце двадцатого столетия...

На протяжении сеанса все было спокойно, и я было уже расслабился, наслаждаясь остротой ощущений... Но когда повылупились мои клоны, я стал одновременно пятью тысячами двумя человеками, и мне стало не до смеха. Голова у меня после этого трещала неделю.

Честно говоря, среди дисков я наткнулся-таки на одну «историческую драму». Более того, в рекламной аннотации на футляре было сказано, что мнемофильм посвящен «нелегкому быту и политическим каверзам наших предков — россиян начала XX столетия...»

Дико обрадовавшись, я чуть было не принялся за «просмотр», но меня несколько насторожило продолжение фразы: «...начала XX столетия, когда техническим чудом считались паровые машины, когда паровоз был символом мощи, а в подпольных лабораториях гонимого официальной наукой профессора-генетика Ва-

вилова создавалось существо, способное передвигаться по рельсам и призванное беспощадно бороться с тоталитаризмом...»

Обескураженный, я перевернул футляр и прочел название. *«Ж/д монстроид, или Человек-дрезина против Сталина»*. Я осторожненько поставил диск обратно на полку...

Немного посомневавшись, я взял мнемофильм с шаловливым названием «Попрыгунья» и подписью «эротика». И совершил ужасную ошибку. Так как оказалось, что «Попрыгунья» — это вовсе не прозвище какой-нибудь суперсексапильной крошки. Нет. С начала сеанса я стал просто-напросто мандавошкой! Или лобковой вошью, если так вам кажется более благопристойно.

Я не буду подробно пересказывать сюжет «Попрыгуньи». Ни к чему это. Скажу лишь, что от этого мнемофильма оправиться труднее, чем от всех предыдущих вместе взятых. И именно в этот раз моя престарелая спутница подвергалась, пожалуй, максимальной опасности, находясь в одном помещении со мной.

...Короче, если говорить честно, из прожитых нескольких десятков мнемофильмов только один мне понравился по-настоящему: своею простотой, непритязательностью и похожестью на привычные мне американские фильмы. Это был фантастический триллер под названием «Загадочный паук».

Включив его, я превратился в некоего молодого ученого, мечтающего вывести суперприспособленную разумную форму жизни, которая могла бы существовать в космическом пространстве, то есть прямо в пустоте. Да еще и перемещаться при этом, куда ей вздумается.

И вот благодаря генной инженерии и еще кое-каким запрещенным методам я (опять из своей собственной клетки) сумел создать разумного паука размером эдак с крупную собаку с биологическим гиперпространственным приводом в брюхе. Паук был довольно-таки неприятным существом, неумным, злобным, трусливым и ленивым. Он позволял мне себя исследовать за то, что я его сытно кормил синтезированным мясом, и в принципе такое положение вещей вполне устраивало нас обоих.

Но, наверное, от того, что кое-что в биологии у нас с ним было общим, он конкретно положил глаз на мою невесту — красавицу лаборантку Кимберли. Чтобы не мешать эксперименту, Ким мужественно скрывала от меня грязные приставания паука. Но когда однажды этот гад перешел все пределы дозволенного, она со слезами призналась мне в этом. Я само собой хотел паука изничтожить, но он, почуяв недоброе, из лаборатории сбежал.

Все перечисленное уместилось минуты в четыре. Последующие два часа паук носился по вселенной, нападал на различные

планеты и пожирал всех подряд. Власти устраивали облавы на него, но он без труда прятался в гиперпространство, чтобы выскочить оттуда в противоположном уголке космоса и, мерзко хихикая, сожрать кого-нибудь и там. Я и Ким таскались за ним по пятам, но угнаться никак не могли.

Надо сказать, что мы синтезировали порошок, который должен был убить его, проблемой было только заставить его этот порошок сожрать. Но в конце концов мы, почти отчаявшись изловить паука, взяли тайм-аут для свадьбы и вернулись домой. Однако ревнивый паук каким-то образом прознал о готовящейся свадьбе и явился к нам сам.

Звонок раздался среди ночи. Я подошел к двери. «Кто там?» — спросил я. «Свои», — ответил паук загадочно. Я все понял. Взяв с полки приготовленную заранее коробочку с отравой, я распахнул дверь. Злобно хохотнув, паук разинул пасть. Я кинул туда коробочку. Паук, клацнув зубами, захлопнул пасть и удивленно сглотнул.

В животе у него забурчало. Паук приподнял бровь. Задумчиво вслушиваясь в то, что происходит у него внутри, он, забыв обо мне, прошел в дом, в гостиную, и, зайдя за большой антикварный стол, принялся там чихать и покашливать. Он чихал и кашлял, время от времени укоризненно поглядывая на меня из-за стола... В конце концов он сдох.

Тут как раз подоспела разбуженная его предсмертным кашлем прелестная Кимберли в полупрозрачном пеньюаре, не способном скрыть аппетитные формы и ажурное белье. Увидев на полу дохлого паука, она моментально поняла, какой опасности я только что подвергался, и со слезами радости от того, что все это наконец-то закончилось, заключила меня в свои страстные объятия.

Всё. Конец.

...Крыша съезжает окончательно. Поймал себя на том, что совершенно серьезно раздумываю, не является ли вся моя история с переносом из прошлого в будущее да еще с перспективой стать царем Всея Руси, таким же мнемофильмом, как и просмотренные мной.

А что? Сюжетец не менее идиотский. Занимательный. Есть стрельба, эротика, есть воплощение стремления «маленького человека» к власти, и никакой «общегуманистической идеи». Все это свойственно тому, что называется «массовая культура».

То, что у меня есть многолетняя память, ничего не доказывает: подобная память персонажа «пристегивается» зрителю почти с

каждым мнемофильмом. То, что я не помню, кто я на самом деле? Есть и такой эффект. То, что я имею свободу воли? Ощущение наличия свободы воли испытываешь и в мнемофильмах.

А как проверить? Покончить жизнь самоубийством? Но вдруг это все-таки настоящая жизнь? Обидно получится. А если и нет, то ведь все равно суицид я совершу, только если он задуман режиссером, и именно тогда, когда это предписано сценарием... Да и то, что я обо всем этом догадался, — тоже тогда не более чем «режиссерская находка».

В конце концов я остановился на мысли, что даже если мое нынешнее существование и является мнемофильмом, то это ничего не меняет. Подобные догадки приходили в голову людям и до меня. Солипсисты, например, расценивают свою жизнь как собственные фантазии. А буддисты считают, что мир есть сон Будды. Так что я не одинок. А жить как-то надо.

Но как бы то ни было, благодаря мнемозаписям я и не заметил, как промчалась большая часть нашего пути. А тоска по Ляле и Ромке, страх за них, хоть и были загнаны в самый дальний уголок моего сознания, все же не прекращали отзываться в груди тупой ноющей болью.

Время от времени мы останавливались на той или иной заштатной планетке или искусственной космостанции для того, чтобы пополнить запасы провизии и горючего. Иногда нас и инспектировали — то таможенники, то жандармы. Но решение всех сложностей, пользуясь своим даром, брала на себя Аджуяр, и мы преспокойно двигались дальше.

Лишь однажды столкнуться с властями вынужден был непосредственно я. И событие это чуть было не закончилось весьма плачевно, но обернулось внезапной радостью. Дело было так.

Аджуяр заболела. На время мне пришлось оставить бесконечное участие в бредовых мнемофильмах. Старуху знобило, она не могла подняться, а порой впадала в забытье или бредила. Мне приходилось одновременно и ухаживать за ней, и следить за показаниями приборов в штурманской рубке.

Страшно было даже представить, что будет со мной, с Лялей и с Ромкой, если Аджуяр умрет. А как прикажете ее лечить? Подобие индивидуальных аптечек, а точнее, автоматические универсальные диагностико-лечащие приборы, космолетчики (кроме, конечно же, моих джипси) носят на теле и не расстаются с ними. Хозяева скутера унесли свои экземпляры на себе, а мы не додумались отобрать их.

И вот тут-то нас и настиг очередной жандармский патруль. Махина крейсера зависла неподалеку от нашего суденышка, двигаясь параллельно с ним, и модуль связи требовательно заверещал. Я отозвался, предварительно отключив передающую видеосистему. О такой необходимости предупредила меня Аджуяр, так как мой портрет скорее всего введен в реестр разыскиваемых лиц, и жандармский бортовой компьютер безошибочно распознал бы меня.

На экране появилось пухлое рыжеусое лицо в обрамлении форменного воротничка.

— Эй, там, на скутере, — позвал офицер с явственным раздражением в голосе, — я не понял, ты меня видишь или нет?

— Да, конечно, — отозвался я. — Я прекрасно вас вижу.

По выражению лица рыжеусого было понятно, что его обладатель — из породы людей вечно недовольных, но не злых. Такие любят вас нудно поучать — к месту и не к месту.

— Какого же дьявола ты отключил изображение?! — повысил голос жандарм. — Это, брат, тебе не частная беседа. С девкой своей в прятки играй. А с нами играть нечего. Мы — представители Его Величества. Или ты Его Величество не уважаешь?

— У нас поломка, — уклоняясь от ответа, соврал я. — Похоже, метеорит попал куда-то не туда.

— А то, что с неисправной системой связи движение запрещено, ты не знаешь, болван ты разэтакий?

— Виноват, прошу прощения, — смиренно откликнулся я. — Но это случилось совсем недавно, и с тех пор мы еще не встречали пунктов ремонта.

— Чует мое сердце, что-то ты, брат, темнишь, — покачал головой офицер. — Должна была сработать аварийная система, а соответствующих сигналов ваш корабль не подает. Сколько вас на борту?

— Двое.

— Ладно. Готовьтесь принимать гостей. Мы спускаем шлюпку. И учти: малейшее замешательство расценивается как сопротивление властям, и мы открываем огонь.

— В курсе, — ответил я, как только мог спокойно, — я себе не враг. — И, отключив связь, опрометью кинулся в спальню Аджуяр.

— Жандармы! — выкрикнул я, влетев к ней. — Они направили к нам шлюпку!

— Успокойся и не дергайся, — вымученно усмехнулась старуха, приподнимаясь. — Встреть их. А когда они потребуют документы, скажи, что все бумаги у матери.

— У кого? — вырвалось у меня.

— У меня! — рявкнула старуха, сверкнув на меня глазами, и ее голова без сил опустилась обратно на подушку. — Туповат ты у меня, сынок. В кого только уродился... Твоя задача заманить их ко мне в комнату, а уж остальное предоставь мне.

Кивнув, я помчался обратно в рубку, чтобы помочь жандармам пристыковаться. Не хватало еще мне показаться им недостаточно вежливым и насторожить чем-то, кроме отключенной видеосистемы.

...Когда давление выровнялось, в шлюз из шлюпки ввалилось трое в лиловых формах. Я открыл дверную диафрагму и встретил гостей на пороге. Я уже давно сбрил бороду и таскал одежду из гардероба бывшего хозяина скутера, так что на джипси похож не был. Но это не уменьшило подозрительности рыжеусого офицера.

— Что-то мне твоя рожа знакома, — нахмурился он, оглядев меня с головы до ног. — Мы тебя случайно раньше не арестовывали?

Я замотал головой.

— Чего трясешься? И чего глаза выпучил? Где путевой лист, где корабельный паспорт? Тебя что, учить надо, как представителей власти встречать? И где второй астронавт?

Хотя и не видно было, чтобы жандармы впрямь почуяли недоброе, но два сопровождавших офицера младших чина, стоя на шаг позади него, демонстративно поигрывали бластерами.

— Вторая, — уточнил я, чувствуя, как предательски дрожит мой голос.

— Что «вторая»? — передразнил рыжеусый.

— Астронавт, — пояснил я. — Вторая, а не второй. Я лечу с матерью, и все документы у нее. Но она больна и не может выйти...

— А ты их вынести не можешь?

— Она спала, я не хотел ее будить...

— Темнишь, ох, темнишь, — покачал головой рыжеусый. — Да только зря темнишь, вот что я тебе скажу. Выкладывай-ка лучше сразу, что скрываешь от слуг Его Величества? — Внезапно он приблизил свое лицо вплотную к моему и рявкнул: — Груз мудила?!

Я не успел сообразить, что меня приняли за контрабандиста и речь идет о сырце наркотика, и от словечка этого подпрыгнул, словно ударенный током. А какой русский, рожденный в двадцатом веке, не подпрыгнул бы на моем месте, услышав такое?

— Я так и знал, — ухмыльнулся офицер. — От меня, брат, ничего не скроешь... Значит, так, — повернулся он к одному из подчиненных. — Ты, Дэзра, останься тут, держи этого молодчика на мушке и не позволяй приблизиться к себе ближе двух шагов. А попытается, стреляй без предупреждения. А мы пока осмотрим корабль и пообщаемся с его матушкой, ежели таковая и вправду тут имеется.

Рыжеусый офицер с помощником углубились в недра скутера, а я остался на пороге шлюза, чувствуя себя под стволом бластера крайне неуютно...

Я с трудом оторвал от него взгляд и поднял глаза на его владельца. Лицо жандарма было блеклым, словно у альбиноса, и похожим на маску. Мне стало страшно. Я даже ощутил легкое головокружение и тошноту. Только бы Аджуяр справилась, только бы болезнь не уменьшила ее гипнотическую силу...

Неожиданно блеклолицый Дэзра свободной рукой достал что-то из нагрудного кармана кителя и шагнул ко мне. Я отпрыгнул от него как ошпаренный и прижался спиной к стене. «Два шага, сказал офицер, — пронеслось у меня в голове. — Неужели мой страж хочет инсценировать неповиновение с моей стороны и пристрелить меня?!»

— Тс-с, — приложил Дэзра палец к губам, и я увидел, что в руке он сжимает сложенный листок пластиката. — Тихо, — продолжил он шепотом, — это вам, Роман Михайлович. — С этими словами он протянул листок мне.

«Провокация!» — подумал я, но рука машинально потянулась к записке.

— Спрячьте, — так же шепотом велел блеклолицый и с видимым усилием изобразил на лице улыбку. И я понял, что он напуган не меньше моего.

Я поспешно сунул листок за пазуху, а физиономия жандарма вновь превратилось в безжизненную личину. И тут же из коридора вывалили его коллеги. Смотрелись они слегка ошарашенными.

— Что ж ты, брат, сразу не сказал, что такое дело? — неестественно хохотнув, спросил меня рыжеусый. — Сказал бы сразу, мы бы и не пикнули. — В его глазах мелькнул сумасшедший огонек. — Убери пушку, Дэзра, — кивнул он альбиносу. — Тут такое дело, а ты пушкой тычешь!.. Пойдем-ка отсюда. У нас и у самих проблем навалом. Хватит нам здесь... Когда такое дело... Тут уж хочешь, не хочешь... — совсем уже невразумительно закончил он и полез через диафрагму в шлюз.

Я глянул на Дэзру, но его непроницаемое лицо не выражало ни малейшего удивления от происшедшей в офицере метаморфозы. Чертовски выдержанный молодой человек. Прирожденный конспиратор. Не обронив в мою сторону и полвзгляда, он последовал за старшим в шлюз.

Диафрагма затянулась, и я без сил сполз по стенке на пол. Пронесло! Ай да старуха!.. Что это она, интересно, им внушила?.. «Но какого рожна я расселся тут? — встрепенулся я. — Конечно, отстыковаться шлюпка может и без моей помощи, но на всякий случай нужно продолжать быть предельно вежливым».

Я поспешил в рубку и, произведя все необходимые манипуляции, вскоре наблюдал, как маленький кораблик поплыл в сторону гигантского судна. И только тут, окончательно придя в себя, я позволил себе вспомнить о записке.

Я достал листок из-за пазухи и чуть не порвал его, разворачивая дрожащими, непослушными пальцами. Нет, не порвал бы, ведь это не бумага, а только имитирующий ее шершавый пластикат-заменитель... Необычный, какой-то угловатый и неуверенный, совсем незнакомый мне почерк... Ощущение такое, что каждую буковку рисовали отдельно. Но написано на русском. На МОЕМ русском! Некоторое время я не мог сосредоточиться, но в конце концов смысл слов, в которые складывались буквы, стал до меня доходить.

«РМ, милый РМ. Надежды, что ты прочтешь это письмо, почти нет, но добрый и честный человек, который взялся переправить его, сказал мне, что и среди ж. немало людей, готовых помочь тебе. Они будут переписывать это письмо друг у друга с тем, чтобы кто-то из них, столкнувшись с тобою, передал его тебе. Они называют его «Письмо счастья», веря, что всякий, переписавший его 33 раза и тайно раздавший коллегам, будет счастлив. Хоть это и опасно. Надежды почти нет, но почему-то я уверена, что ты его прочтешь. РР растет не по дням, а по часам. Нам безумно повезло, что с нами вместе оказался Б. РР души в нем не чает, а тот отвечает ему взаимностью. Одно только беспокоит меня: иногда, хоть я и прикрикиваю на него, РР называет Б «папой»... Поскорей бы он снова встретился с настоящим. Поскорей бы он снова привык к тебе...»

Я оторвал взгляд от бумаги, так как слезы замутили изображение и строчки разбежались в разные стороны. У меня не было ни малейшего сомнения в том, что эту записку отправила мне Ляля... Да, это действительно «Письмо счастья»! Ведь РМ — это

я, Роман Михайлович. Ж. — жандармы. РР — Ромка, Роман Романович... Он уже говорит! А Б. — стало быть, Брайни. «Папа»... Я покажу ему «папу», попадется он мне только под руку!.. Хотя, с другой стороны, ему еще спасибо надо сказать... И БОЛЬШОЕ спасибо. Учитывая, что он-то вообще ни при чем и силой втянут мною в этот переплет...

Записка изобиловала орфографическими и синтаксическими ошибками, но я опускаю их. Еще бы не появиться ошибкам, ведь те, кто переписывал это послание, делали это, не зная языка, сугубо механически. Швыркнув носом и утерев глаза рукавом, я вернулся к чтению:

«...Обращаются с нами сносно. Кормят нормально и не обижают. Вот только из корабля не позволяют и шагу шагнуть, даже в космопортах. Я боюсь, как бы это не отразилось на развитии РР. Но, когда я думаю об этом, я понимаю, что при той опасности, в которой находится его жизнь, беспокоиться о таких мелочах глупо. Нет смысла писать тебе, где мы сейчас находимся, так как нас таскают по всей галактике безо всякой видимой системы. Ж., который предложил мне написать это письмо, объяснил мне, что мы до сих пор целы и невредимы только благодаря твоему уму. Все знают, что ты жив, но никто не знает, где ты. И еще, он сказал, благодаря тому что при взрыве храма удалось уберечь мощи, а значит, доказать, что ты Р-в, осталось возможным. Милый, дорогой мой, яхонтовый РМ. Не поддавайся на угрозы, если они будут пугать, что убьют нас или что сделают больно РР или мне. Не посмели раньше, не посмеют и впредь. Знал бы ты, как они тебя боятся. Тебя и Зайца...»

Зайца! Выходит, она знает и о Дядюшке Сэме!

«...Так что не беспокойся за нас, а делай все так, как ты считаешь нужным. И все обязательно будет хорошо. Целую и надеюсь встретиться с тобой как можно скорее. Вечно твоя перед Богом и людьми, Л».

Я вновь задохнулся от смеси радости и жалости. Ляля уверена, что это я такой умный... Да если бы не Гойка, если бы не Аджуяр, я бы уже давным-давно сдался в лапы властям, пытаясь обменять свою жизнь на жизни Ляли и Ромки...

Да! Аджуяр! Нужно немедленно показать это письмо ей.

— ...Отозвался на свое имя... Взял письмо у жандарма... Ох, простофиля, простофиля... А если бы все это было подстроено?! Чует мое сердце, когда-нибудь твоя глупость погубит нас, — хмурясь, бормотала старуха, выслушивая мой рассказ и вертя запис-

ку перед глазами. — Ну да ладно. Похоже, в этот раз нам повезло, и это не ловушка. Переведи же наконец, что здесь написано.

Я прочел ей письмо, переводя на язык джипси. А когда остановился, увидел, что она плачет.

— Бедная, бедная девочка, — перекрестившись, сказала она тихо. — А что еще предстоит ей перенести?.. Помни же, помни всегда, что это ты виноват в ее несчастьях. — В глазах старухи мелькнули недобрые искры. — Помни, что ты обязан ей по гроб жизни.

— Я помню, — откликнулся я. — Но, полагаю, правильнее сейчас будет думать не об этом, а о том, как ее спасти.

— Да уж ты спасешь... — скептически протянула старуха и вновь в изнеможении прикрыла глаза. — Иди-ка лучше в рубку и посмотри, сколько нам осталось до Петушков. Я чувствую, что силы возвращаются ко мне, и через день или два я смогу снова заступить на вахту. Господь, по какому-то только ему ведомому резону, часто помогает таким болванам, как ты. Я не умерла, и мы вызволим твою семью. — Внезапно голос ее потеплел. — Обязательно. Можешь мне поверить... — Но она тут же легко справилась со своей нечаянной слабостью. — Иди, сказала, отсюда! Пшел! Ей-богу, чем меньше я буду видеть тебя, тем быстрее оправлюсь!

— ...До Петушков — два дня, — сообщила Аджуяр. — Где у тебя записан адрес?

— Адрес? — сперва не понял я. — А-а, ты о штаб-квартире? Сейчас, минутку... — А я про него и забыл! — Я кинулся в свою каюту, нашел там свое цыганское одеяние, вытащил из его кармана диск письма и опрометью кинулся обратно в рубку. Аджуяр, качая головой, вставила его в дисковод.

Вид голого Дядюшки Сэма с заячьими ушами вновь привел меня в трепет. Мне никогда не привыкнуть к этому зрелищу. А Дядюшка снова рассказал нам о своей смертельной зависимости от «оранжевой смерти» — моркови, затем продиктовал адрес, который я записал на лист пластиката, и добавил:

— *Предъявив пароль, вы найдете там убезыссе и помось. Пока я не могу сказать, цто это за пароль, но позднее вы узнаете...*

Аджуяр остановила запись.

— Проклятие, — пробормотала она. — Позднее узнаете... Когда позднее? Мы уже подлетаем...

Она включила запись с начала, и мы тупо просмотрели ее вновь. На этот раз Аджуяр не выключила ее после слов о пароле:

— Пока я не могу сказать, что это за пароль, но позднее вы узнаете об этом сами...

Вот тут в записи произошла какая-то заминка, я заметил ее еще в прошлый раз. Дядюшка Сэм приостановился, и раздался какой-то непонятный звук — то ли хруст, то ли писк. А потом он начал говорить дальше, но я уже слушал не его, а какой-то необычный звук, доносящийся из коридора нашего корабля: мелкое дробное цоканье. Аджуяр, услышав этот звук, выключила запись и так же, как и я, уставилась на дверной проем рубки. И тут в этот самый проем вбежала Сволочь.

Зрелище было ужасным. Потому что бежала она не по-крысиному, а как-то по-лошадиному: галопом, на вытянутых ногах. Вбежав в рубку, она помчалась в нашу сторону и прямо с пола прыгнула на пульт. А это было сделано уже по-кошачьи. Никогда бы не подумал, что крыса может подпрыгнуть на полтора метра вверх.

Но она сделала это. А оказавшись на пульте, она развернулась мордой к нам, встала, помогая себе хвостом, на задние лапки и сказала... Да-да, именно сказала — отвратительным хриплым шепотом, от которого по моей спине пробежали мурашки, а волосы под мышками встали дыбом... Она сказала:

— Я — пароль. Меня предъяви...

И, произнеся эти слова, завалилась на бок. Чувствуя, что со мной может случиться истерика, я обернулся и глянул на Аджуяр. Она поймала мой взгляд. Вид у нее был встревоженный и в то же время какой-то торжественный.

— Зомбирование животных, — то ли с омерзением, то ли с благоговением заговорила она, — строжайше запрещено законом. Как и клонирование людей. И то, что друзья твоего «зайца» владеют этой технологией, говорит об их могуществе.

Меня немного «отпустило». И я понял, кого напомнила мне Сволочь в той роли, которую она только что сыграла. Голографическое изображение принцессы из «Звездных войн».

— Что с ней? — выдавил я из себя, показывая на Сволочь пальцем.

— Она без сознания. Она потеряла много энергии. Но она должна прийти в себя.

— А почему она повела себя как зомби именно сейчас, а раньше была нормальной?

— Услышала какой-то кодовый сигнал... Скорее всего этот тоненький скрип, который был на записи.

— Но я уже слушал это письмо при ней, и ничего подобного не случалось...

Я боязливо протянул руку и погладил Сволочь.

— Это говорит лишь о поразительной прозорливости тех, кто отправил его. Ими был установлен какой-то срок, в течение которого код не действовал. Или он должен был сработать только при повторном прослушивании.

— Но Сволочь-то со мной намного раньше, чем я получил это письмо!

— Все та же поразительная прозорливость. Кто-то закодировал ее заранее на тот случай, если когда-нибудь понадобится использовать ее в качестве пароля.

Я преодолел наконец в себе страх и, взяв Сволочь в ладони, приподнял. Она подрагивала всем телом, и особенно здорово это было заметно по колебанию усиков.

«Сволочь, разлюбезная моя Сволочь. — Умиление нахлынуло на меня как реакция на только что испытанную жуть. — Ты — наш золотой ключик в мир Дядюшки Сэма...» В порыве чувств я поднес безжизненное тельце вплотную к лицу. Я хотел поцеловать ее... Сволочь приоткрыла один глаз, вяло приподнялась... И вцепилась зубами мне в нос.

Взвыв от боли, я сдавил крысу в кулаке, и она, завизжав, разжала свои челюсти. Я отшвырнул ее на пульт.

— Остолоп! — рявкнула Аджуяр и, подавшись вперед, схватила Сволочь. — Жизнь твоей семьи в ее лапах!

Я и сам прекрасно понимал это. Но кто на моем месте смог бы сохранить хладнокровие? В конце концов, я дернулся не осознанно, а рефлекторно... Я надеюсь, что не совершил непоправимого...

— Жива, — облегченно выдохнула Аджуяр, осмотрев крысу, но благоразумно не поднося ее слишком близко к лицу. — Если бы она подохла, я пристрелила бы тебя собственными руками.

Я молча потирал саднящий нос. Крыса оставалась крысой. Хотя раньше она никогда не проявляла в мой адрес агрессии... А может быть, ее привязанность ко мне, ее стремление находиться всегда рядом со мной — не более чем часть психологической программы? Кто и когда ввел эту программу в ее маленький мозг?.. А сейчас она просто отомстила мне за все человечество, надругавшееся над ней?

Да. Что может быть омерзительнее для животного, чем превращение его в человека? Что может быть унизительнее? Только превращение человека в животное.

Надо спасать Дядюшку Сэма!

Глава 5

РОЖДЕННЫЙ ПОЛЗАТЬ, ЛОМАТЬ НЕ СТРОИТЬ

Близость столицы на Петушках я почувствовал сразу. Внутренности мои окатило огненной волной, оповещая о том, что я могу воспользоваться тут гравитатом. То же случалось и почти во всех космопортах, в которых я побывал. Но на периферийных планетках действие его прекращалось сразу за воротами космопорта, тут же повторного ощущения не возникло до самого места назначения. Но перед Аджуяр я, конечно же, ничем не выказал этого. Зачем ей это знать? Нужно иметь про запас хоть какой-то козырь...

Стоило нам сойти с площадки, предназначенной нашему скутеру, как нас тесным кольцом обступили водители антигравитационных «псевдолетов», наперебой предлагая нам свои услуги. При этом цыганское одеяние моей спутницы ничуть не смущало их. Я же был одет вполне цивильно.

Сцена развернулась, подобная прибытию самолета в какое-нибудь «Шереметьево» или «Домодедово», с той лишь разницей, что над головами таксистов без всяких ниточек висели разноцветные светящиеся шарики, кубики и пирамидки с бегающими по ним мерцающими надписями типа: «Дешевле всех!», «Быстрее всех!» или «Знаю каждый закоулок!!!», дополнявшими их беззастенчивую устную саморекламу.

Но Аджуяр не обращала внимания на этот услужливый натиск и, лишь изредка что-то недовольно шипя себе под нос, шагала вперед.

— Куда мы? — еле поспевая за ней, поинтересовался я.

— На стоянку аэробуса, — откликнулась она. — Эти — три шкуры сдерут.

— Нам бы побыстрее надо, — возразил я, думая про себя: «Скаредная дура! Нашла время экономить...»

Она не ответила мне и, даже еще слегка ускорив ход, пёрла дальше. Вырвавшись из тесного кольца таксистов, она остановилась и огляделась по сторонам, ища стоянку. Необозримая площадь была плотно забита время от времени осторожно поднимающимся над землей, а затем взмывающим в небо транспортом, и что-то понять в этом хаосе лично для меня было достаточно затруднительно. Точнее, просто невозможно. Я искательно глянул

на Аджуяр и понял, что, как бы она ни храбрилась, она растеряна не меньше моего.

Тут кто-то подергал меня за рукав, и я, подпрыгнув от неожиданности, оглянулся. Чернявый загорелый паренек с открытым улыбчивым лицом подмигнул мне:

— Подвезу по цене аэробуса... По двойной цене.

— С чего так дешево? — не поверил я.

— Да у меня уже есть клиент богатый, он мне дорогу и так оплачивает, — чистосердечно признался малый. — А в псевдолете еще четыре места свободных, что им зря пропадать? Хоть что-то с вас возьму дополнительно.

— А клиент твой не против будет? Расклад-то несправедливый.

— А вы ему не говорите, сколько мне платите.

Побуждения таксиста показались мне естественными, а предложение — заманчивым. Действительно, стоит ли нам стоять на остановке в ожидании аэробуса, если за ту же сумму можно добраться на индивидуальном флаере? Вряд ли за прошедшие века что-то изменилось, и то, что раньше называлось «общественным транспортом», быстрее и комфортабельнее такси.

— Пойдем, — согласился я.

— Может, нам и не по пути вовсе? — подозрительно прищурилась Аджуяр.

— До Ерофеева всем по пути. А там — или до места довезу, если по дороге, или пересядете. Куда вам?

— Угол Путина и Распутина, — сказал я и сам пожалел о своей откровенности. Кто его знает?..

— Близко, — вновь широко, сверкнув белыми зубами, улыбнулся парень. — Довезу. Айда к машине.

Мы двинулись за ним.

— Ой, не нравится мне все это, — проворчала Аджуяр. Но всерьез не сопротивлялась.

Мы подошли к флаеру, возле которого уже стоял первый пассажир: немолодой худощавый человек с интеллигентным проницательным лицом. «Он похож на графа Калиостро из фильма «Формула любви», — подметил я и тут же подумал о другом: — Сейчас скорее всего нет во всей вселенной ни одной живой души, кроме меня, которая видела бы этот фильм».

— Поехали? — с чуть заметным нетерпением в голосе спросил Калиостро у шофера, вынув изо рта сигарету.

— Сейчас, сейчас! — суетливо заверил шофер. — Вы, ребята, две минуты еще покурите, а я попробую еще кого-нибудь с этого рейса поймать. Если сразу не найду, поедете втроем...

— Две минуты! — предупредил Калиостро. А я промолчал, решив, что и сам не прочь с дороги постоять на свежем воздухе. К тому же так приятно было почувствовать забытый уже запах табачного дыма.

Пока шофер бегал, мы успели перекинуться парой слов.

— Зачем прибыли? — спросил меня незнакомец, завязывая, по-видимому из вежливости, разговор.

— Есть кое-какой интерес, — ответил я уклончиво.

— Что может заинтересовать нормального человека в этой дыре? — довольно самокритично заметил тот.

— Просто ищу одного знакомого, — отозвался я, решив, что самым правдоподобным враньем будет легкая недоговоренность.

Мужчина покачал головой.

— Искать кого-то при нашем-то бардаке? — скептически заметил он. — Вряд ли получится, если вы не знаете точного адреса... И с адресом-то не всегда найдешь. — Он помолчал и добавил. — А я вот по делам...

— Ну, мы в общем-то тоже по делам. Без дела никто никуда не летает.

— И что за дело у вас? — поинтересовался мой незваный собеседник со скучающей интонацией.

Я глянул на Аджуяр, и мне пришло в голову, что тут она больше всего похожа на героиню какого-то «костюмного» фильма. «Есения», например.

— Хочу предложить сценарий для мнемофильма, — как-то автоматически соврал я.

— Ах, вот как? — улыбнулся незнакомец. — Тогда, конечно, не стоит вас расспрашивать. Охрана интеллектуальной собственности поставлена у нас из рук вон плохо.

Мы вновь помолчали.

— Кстати, есть у меня в Москве один знакомый, связанный с этим бизнесом, — вновь заговорил он, бросив окурок в проплывающую мимо нас урну. — Но он занимается по-настоящему серьезными, некоммерческими проектами. Сейчас, например, он продюсирует постановку романа одного древнего классика, не думаю, что вы о нем когда-нибудь слышали.

— Что за классик? — чисто машинально спросил я.

— Маркес. Это еще двадцатый век... Роман «Сто лет одиночества».

Я даже вздрогнул от неожиданности. «Сто лет одиночества» — одна из моих любимых книг. Я никак не ожидал, что здесь, а точнее, что СЕЙЧАС, кто-то может знать ее. И упоминание об этом романе как-то сразу расположило меня к собеседнику.

— Я читал эту книгу, — не удержавшись, похвастался я.

— Да что вы? — удивился Калиостро. — Вот не думал я, что нынешняя молодежь способна на такие подвиги. Читать, а не участвовать в мнемофильмах — это действительно подвиг в наше время. При том что девятьсот девяносто девять мнемофильмов из тысячи — абсолютнейший вздор. Чего стоят одни только названия...

— «Человек-дрезина», — вспомнил я.

— Именно, — усмехнулся незнакомец, — полнейшая профанация искусства. Изготовители этих поделок — люди без чести и совести. Они думают только о своих барышах и совсем не думают об ответственности за нравственность. А ведь долг художника состоит прежде всего в этом...

В этот момент из толпы вынырнул наш шофер, волоча за собой очередного пассажира — человека, одетого почти так же, как одевался Дядюшка Сэм: в национальный русский костюм. Лицо его было хмурым и неприветливым, на голове ежик, а в руках он держал узкий кейс.

— Все, садимся! — радостно сообщил водила, и мы послушно полезли в мнемоход. Сиденья тут были расположены в три ряда по два места. Я и Аджуяр устроились в заднем ряду, мой новый знакомый сел в средине, а «Хмурый с кейсом» — впереди, рядом с водителем.

Машина с легким гудением стала медленно приподниматься, но вдруг прямо перед ней, яростно махая руками, возник какой-то потрепанный человечек в мятом клетчатом пиджачке и клетчатой же кепке с ушками, завязанными на голове.

Водитель, зависнув в полуметре над землей, вопросительно глянул на нас.

— Шеф! — взмолился Потрепанный. — До Ерофеева?! Выручай!

Шофер жестом показал ему, что, мол, он бессилен, и махнул рукой назад — в нашу сторону.

— Мужики, выручайте! — теперь уже к нам обратился Потрепанный. И опять повернулся к водиле: — Тебе что, полтинник лишний, что ли?

— Может, потеснитесь? — спросил нас водила. Было видно, что полтинник ему не лишний. — Есть ведь еще одно место. Но как скажете, так и будет. — Обращался он прежде всего к Калиостро, ведь свободное место было рядом с ним. Тот недовольно поджал губы и пожал плечами. Потом глянул на меня, и мне показалось, что именно наша недавняя беседа на возвышенные темы заставила его бросить:

— Сади...

Обрадованный водитель опустил псевдолет, и Потрепанный уселся рядом с Калиостро, причитая:

— Вот спасибо! Ну, спасибо! Есть ведь еще люди на белом свете!.. — Он стянул при этом с головы свою клетчатую кепочку и как платком утирал ею пот со лба и шеи.

Псевдолет вновь осторожно поднялся, а затем с легкой перегрузкой взмыл в облака. У меня заложило уши, и я сглотнул. Когда скорость выровнялась, и перегрузка исчезла, некоторое время мы летели молча. Я с любопытством разглядывал простершийся под нами пейзаж. Он напоминал мне виденные по телевизору панорамы суетливого Токио с переплетениями воздушных дорог, неожиданно уходящих в землю между огромными зданиями...

Водитель оглянулся на нас, заметив мой взгляд, широко улыбнулся.

— Впервые на Петушках? — спросил он.

— Да, — кивнул я.

— Веселый город, — сообщил он. — А поселок вокруг космопорта — еще веселее.

Вот так. То, что напомнило мне мегаполис Токио, по меркам двадцать пятого века — поселок, не более. Хотя, действительно, не прошло и пяти минут, как урбанистический пейзаж внизу уступил место природному ландшафту.

— Совсем веселый поселочек, — подмигнул водитель и отвернулся к лобовому стеклу.

А его слова, обернувшись ко мне, прокомментировал Калиостро:

— Точно подмечено. Совсем веселый поселочек. Не советовал бы я вам там задерживаться. Жулье на каждом шагу.

Сказать мне было нечего, и я промолчал, лишь слегка кивнув и состроив на лице понимающую улыбку.

— Так, значит, пописываете? — словно бы из вежливости продолжил разговор Калиостро.

— Да, — подтвердил я. И так же из вежливости, хотя немного и из любопытства, спросил: — А вы чем занимаетесь?

— Игорным бизнесом. У меня в Петушках казино.

Хмурый с кейсом, сидя спиной к нам, не оборачивался. А вот Потрепанный проявил живейший интерес:

— Не пойму, кто у нас в казино ходить может? Я бы вот, например, ни за что не пошел. У работяг денег нету, а богатых людей совсем мало. И им что, денег не жалко?

— Это общепринятое заблуждение, что в казино играют богачи, — улыбнулся Калиостро. — Никто ведь не запрещает делать и самые мизерные ставки. Смысл игры не в выигрыше, а в самой игре. Азарт, вот за чем приходят к нам люди. А вовсе не за барышом.

— А что у вас там, турборулетка? — с любопытством продолжал Потрепанный.

— Да. И турборулетка есть, и многое другое, и автоматы... Но наши люди больше любят играть в старые добрые карты.

— В преферанс? Я люблю преферанс! — заявил Потрепанный.

Я невольно вслушивался в их беседу и диву давался. Похоже, игорный бизнес за прошедшие века претерпел даже меньше изменений, чем православная церковь. Хотя... И в двадцатом веке происходило нечто подобное. Появились, например, и авторалли, но по-настоящему азартные люди предпочитали посещать ипподром и делать ставки на старых добрых лошадок... Хотя все-таки стараются на тех, что помоложе...

— Нет, — тем временем покачал головой Калиостро. — Клетрис, покер, преферанс, амаделья — это все долгие игры. Сейчас у нас другая игра популярна. Простая до смешного. «Чох» называется...

— «Чох»? — хохотнул Потрепанный. — А расскажи правила.

— Зачем это? — недовольно покачал головой Калиостро. — Совсем ни к чему. Мы тут с вами не в казино сидим, а в машине летим.

— Ну что тебе, жалко? Ну покажи! — не унимался Потрепанный. — Люблю я в карты поиграть. Покажи, не будь андроидом...

— Да как я тебе без карт покажу? — раздраженно оборвал его Калиостро.

— Сейчас, сейчас, погоди. — Потрепанный суетливо завозился, извлек из внутреннего кармана пиджака золотистую коробочку и протянул ее Калиостро. — Вот, покажи.

— Привязался же! — скривился Калиостро. — Ладно, давай, дорогу скоротаем. — Он взял коробочку, извлек из нее колоду карт с такими же золотистыми матово поблескивающими рубашками и поморщился. — Ну и карты, дешевле не нашел?

Он мастерски перетасовал, сдал две карты себе, две Потрепанному, две, обернувшись, сунул мне, заметив при этом: — Без денег играем.

И я машинально взял карты в руки.

— Эй, дорогой, — наклонившись вперед, обратился Калиостро к Хмурому с кейсом, — подержи, — и ему тоже подал две карты.

— Я в азартные игры не играю, — огрызнулся тот.

— Да подержи только, я человеку объясню...

Хмурый, сев к нам в пол-оборота, карты взял, всем своим видом показывая, как мы его достали.

— Шестерка — шесть очков, семерка — семь, и так далее, — стал объяснять владелец казино. — Валет — два, дама — три, туз — одиннадцать, а король — двенадцать, самый большой балл, выше туза. Вот мы раздали карты, и больше нам колода не нужна, играем только с тем, что на руках. Считаем наши очки и решаем, играть или пасовать. Первым тугрики на банк должен класть я, как сдающий. Ты, — обратился он к Хмурому, — если хочешь играть, а не пасуешь, должен сумму банка умножить на два и столько денег и положить. Или, если захочешь, можешь положить даже больше. Так же и следующий игрок. Вот и все.

— И все?! — поразился Потрепанный. — А в чем смысл? Ничего не понял!

— Весь смысл в банке. Пока без денег играем, ничего и не поймешь. Надо, чтобы хоть десять тугриков на банке стояло...

— Ну, давайте, по червонцу и сыграем, — загорелся Потрепанный. Прямо сейчас.

Тут только я заглянул в свои карты и обнаружил, что у меня ДВА КОРОЛЯ — то есть самые высшие очки, которые только возможны в этой игре. Грех было отказываться. В нашей с Аджуяр ситуации лишние деньги нам не помешают. Да и выражения лиц этих королей были не надменны, а скорее жизнерадостны и многообещающи...

— Я-то не против, — с сомнением заметил Калиостро. — Как ребята...

Хмурый с кейсом тоже заглянул в свои карты, и у него заблестели глаза.

— Играем, — сказал он, явно предчувствуя победу. — Но только по червонцу. И давайте только один кон сыграем и больше не будем.

Меня это заело. Я-то знал, что это я — в беспроигрышной ситуации, а не он. Калиостро взглянул на меня, и я согласно кивнул.

— Хорошо, — согласился Калиостро, — дай-ка сюда свой кепон, — протянул он руку. Потрепанный отдал ему свой головной убор, и Калиостро, водрузив его себе на колени, кивнул мне:

— Клади червонец.

Я послушался. Он удвоил сумму банка и положил двадцать тугриков. Теперь на банке было тридцать и Хмурый, помножив

эту сумму на два, положил еще шестьдесят. Итого на банке стало девяносто тугриков, и Потрепанный был вынужден поставить уже сто восемьдесят. На банке теперь в сумме было двести семьдесят тугриков. Все это заняло буквально две минуты.

Круг замкнулся, и я, уверенный в выигрыше, выложил, соответственно, пятьсот сорок тугриков. Это была уже значительная сумма. Осталось у меня в кошельке несколько меньше. А на банке теперь было двести семьдесят плюс пятьсот сорок — то есть восемьсот десять тугриков. Калиостро, пасанув, сбросил карты. Хмурый хмуро нас оглядел и спросил:

— Мы тут все люди взрослые? Игра есть игра? Кто выиграл, тот забирает деньги и никаких разговоров, что мы просто попробовали, просто учились?..

Не согласиться было невозможно.

— И я могу класть не только двойной банк, а сколько угодно много?

Калиостро согласно кивнул. Хмурый полез в кейс и достал перевязанную пачку банкнот.

— Пересчитайте.

Под нашими пристальными взглядами Калиостро сосчитал. Три тысячи тугриков.

— Кладу на банк, — сказал Хмурый. Потрепанный моментально пасанул и сбросил карты. И в игре мы с Хмурым остались вдвоем.

И тут лишь до меня начало что-то доходить... Карты у меня и в самом деле беспроигрышные. Но теперь-то, чтобы продолжить игру, я должен был поставить на банк сумму, равную трем тысячам восемьсот десяти, помноженным на два. То есть — семь тысяч шестьсот двадцать тугриков. Или, если пожелаю, больше. Таких денег у меня не было и в помине. Пасанув же, я потеряю уже выложенные пятьсот сорок, и Хмурый отправит банк в свой кейс, даже не вскрыв свои карты.

Уже вышедший из игры добрый дяденька Калиостро, мягко потянув к своему лицу мою руку с картами и заглянув в них, отечески посоветовал:

— Надо играть, парень. Такой шанс раз в жизни бывает. Хорошие деньги идут...

— Мне нечего поставить, — признался я.

— У тебя в Ерофееве друзья есть? — тихо продолжал увещевать добрый дяденька Калиостро, поедем, займешь. Надо играть. Выигрыш твой... Кататься будем за твой счет? — обратился он к Хмурому.

— Летим, — согласился тот. Весь его вид выдавал крайнюю степень возбуждения.

— Нет, — сказал я. — Никуда я не полечу. — И малодушно продолжил голосом, просящим пощады: — И вообще это несерьезно. Мы же только учились...

— Карточный долг — долг чести, — напомнил Калиостро.

— Но мне нужны эти деньги, — поражаясь самому себе, заныл я и потянулся к клетчатой кепке. И тут же остановился. Потому что увидел направленные мне в лицо стволы четырех бластеров. Их держали в руках Хмурый, Калиостро, Потрепанный и улыбчивый водитель. Ну конечно. С самого начала они работали вместе. Вот тебе и «Сто лет одиночества»... Неужели моя внешность до сих пор выдает филолога?

Сам удивляясь своему самообладанию, хотя краска и ударила мне в лицо, я заявил:

— Тогда я пас.

И сбросил карты.

Да-а... Ну и кретин же я. Фактически выбросил на ветер все свои деньги и неизвестно, выберусь ли еще из этой ситуации живым. Искоса я глянул на Аджуяр, о которой в азарте забыл напрочь. И как раз в этот миг она вскинула руки и медленно с расстановкой произнесла:

— Это была шутка. Пошутили и будет. Отдайте болвану деньги, и мы без проблем доедем до места.

Двигаясь, как марионетка, Калиостро сунул бластер за пазуху, выгреб из кепки Потрепанного все лежащие там тугрики, включая пачку Хмурого, и подал их мне.

— Пошутили и будет, — безжизненным голосом повторил он произнесенную Аджуяр фразу.

Поспешно сложив деньги в бумажник, я запихал его поглубже за пазуху.

— Перекресток Путина и Распутина? — сонно спросил «рубаха-парень»-водитель, тоже спрятавший уже свой бластер.

— Да, — подтвердил я.

Весь дальнейший путь до названного места мы летели молча. Я боялся поднять на Аджуяр глаза. Не проронила ни слова и она. Однако, когда флаер-псевдолет приземлился на площадку, выпустил нас и жулики убрались восвояси, старуха неожиданно коснулась моей руки. Я посмотрел на нее и увидел на ее лице легкую задумчивую улыбку.

— Этот трюк с картами джипси узнают еще до того, как начинают самостоятельно ходить, — сообщила она. — К тому же, будь

ты немного внимательнее, ты бы заметил, что вперед мы летели только над космодромом, а потом — кружили на месте.

Я почувствовал, что покраснел от стыда, но она продолжила неожиданно мягко:

— Не кори себя, государь, — как ни странно, этот мой мифический титул она произнесла без тени иронии. — Ты наивен и чист душой. Ибо, не способный к подлости сам, ты не ждешь ее и от других. Таков и должен быть правитель великой империи.

Я сокрушенно помотал головой:

— Такого правителя враги в два счета обведут вокруг пальца.

— Чтобы этого не случилось, правитель должен иметь десяток хитроумных и лживых советников. Царь — это честь, остальные оберегают ее любыми средствами. Беда, когда дело обстоит наоборот: лжив царь, а его советники чересчур доверчивы...

Невозможно описать словами, как я был благодарен ей за эти слова. Наверное, даже больше, чем за состоявшееся минуту назад спасение.

Но было не до сантиментов. Я потрогал нагрудный карман и нащупал в нем диск письма Дядюшки Сэма. На месте. А строптивая Сволочь в боковом кармане копошилась непрерывно. Что ж, мы на Петушках, мы в Ерофееве, и все необходимое при нас. И деньжатами мы теперь, кстати, разжились. Пора за дело.

Над серой дверью ничем не примечательного, такого же громадного, как и все прочие, здания я с удивлением обнаружил вывеску: *«Общество консервативного пчеловодства»*. Я уже усомнился, туда ли попал, когда дверь отворилась и из нее вышли два человека в одинаковых светло-розовых плащах. Точно таких, какие я видел когда-то на бедняге Семецком и его соратнике Синицыне!

То, как настороженно огляделись пчеловоды по сторонам, с каким недобрым подозрением с ног до головы осмотрели меня и Аджуяр, моментально убедило меня, что мы на верном пути.

Подождав, пока пчеловоды скрылись из виду, мы приблизились к двери. Ни звонка, ни переговорника, ни даже элементарной ручки я не увидел. Но стоило нам подойти вплотную, как посередине серой поверхности двери проступило черное овальное пятно.

Я и сам догадался, что это датчик кодового замка или что-то наподобие, но, прежде чем совершить правильное действие, наверное, совершил бы и пару глупостей: прикладывал бы к пятну свою ладонь или кричал в него свое имя... Аджуяр же в отличие от меня, по-видимому, была знакома с подобными системами:

— Дай зверя, — сказала она.

Я повернулся к ней так, чтобы она могла залезть в соответствующий карман. (Сам я после памятного укуса в нос стал предельно осторожен; в наших отношениях с зомбированной Сволочью появилась ощутимая прохладца.) Аджуяр достала крысу и, не обращая внимания на отчаянные трепыхания и писк, плотно прижала ее животом к плоскости пятна. С мелодичным звоном дверь отворилась, и мы ступили в полутемное помещение.

Дверь за нашими спинами мягко закрылась, и эта мягкость, и то, как дрогнул при этом пол, заставили меня почувствовать, что масса этой двери неимоверно велика. Появилось ощущение, что мы вошли в сейф. Это чувство усугублялось и тем, что стоило двери закрыться, как тень, в которую мы ступили, превратилась в непроглядный мрак.

Стоя в темноте, я чувствовал себя полным идиотом. Потому что в темноте вокруг нас явно происходила некая бурная деятельность. Раздавались какие-то поскрипывания, и нас обдавало при этом легким ветерком. Тихо, на пределе восприятия, то басисто, то тоненько звучал какой-то технологический гул, а в резонанс с ним мелко, до щекотки в ногах, вибрировало все помещение.

Шарканье, шелест, еле слышный неразборчивый шепоток... Эта «не совсем тишина» порождала острое сознание опасности и незащищенности. Я машинально напрягся и даже встал в боксерскую стойку, прекрасно понимая, что толку от этого — никакого.

— Идет сканирование, — услышал я тихий голос Аджуяр. — Лучше при этом стоять неподвижно и расслабиться, быстрее будет.

Я заставил себя успокоиться, опустил руки вдоль тела и замер. Аджуяр коснулась меня, а затем сунула мне в карман Сволочь. Прошла минута, две, три... И тут мрак начал плавно рассеиваться, являя нашим глазам довольно неожиданную картину.

В белокаменном просторном холле, где, как оказалось, мы находимся, метрах в трех от нас и метрах в пяти от пола, расположившись в три шеренги, висело около сотни «пчеловодов» все в тех же розовых одежках. Висели они, пользуясь, конечно, такими же, как у меня, антигравитационными способностями. Руки их были вытянуты по швам, подбородки браво задраны.

Я смотрел на них. Они сосредоточенно смотрели сквозь меня. И тут, показавшись настоящим громом после царившей «не совсем тишины», холл наполнился тугими бравурными звуками, напоминавшими игру духового оркестра. И я услышал голос человека, которого до того даже не заметил (он висел слева и чуть позади нас, лицом к строю):

— Господа офицеры!

«Пчеловоды» вытянулись еще сильнее, превратившись, казалось, в каменные статуи.

— Да здравствует Государь всея Руси, самодержец и помазанник Божий Роман Михайлович Романов. Ура.

— Ура! Ура! Ура! — взорвался строй.

Я с удивлением обнаружил, что не только не смущен и не только готов к такой помпезной встрече, но уже давно и с нетерпением жду ее. Взмыв, к ужасу Аджуяр, над полом, я не спеша проплыл перед строем, вглядываясь в лица приветствовавших. Лица понравились мне. Они были молоды, и в них читались спокойствие и решимость.

Признаться, я надеялся увидеть среди них и лицо Семецкого, ведь «починили» же его однажды, кто знает, может быть, он выкарабкался и на этот раз... Но нет. Семецкого в строю «консервативных пчеловодов» не оказалось. Я подплыл к командиру и, повиснув рядом с ним, обратился к строю:

— Благодарю за службу. Вольно.

Строй расслабленно зашевелился.

— Р-разойдись! — рявкнул командир, и шеренги рассыпались. «Пчеловоды», бросая на меня короткие любопытствующие взоры, разлетелись в разные стороны, а их командир повернулся ко мне:

— Как счастливы мы, государь, видеть вас в добром здравии! — воскликнул он. — Ваш след потерялся. Лишь эпизодические известия да угрозы врагов, посылаемые в ваш адрес, давали нам призрачную надежду на то, что еще не все потеряно. Но мы не были уверены в достоверности этих сомнительных известий.

Тут только я смог разглядеть его как следует. Белокурый мужчина средних лет с короткой шкиперской бородкой, но без усов. Однако выражение его лица несколько отличалось от того, что я видел у его подчиненных. Вместе с радостью, о которой он говорил, читались в его серых глазах и усталость, и глубокая озабоченность, и даже растерянность.

— Рад взаимно, — кивнул я. — Давайте-ка спустимся на пол. Моя спутница — джипси, и наше парение в воздухе ей несколько непривычно, а возможно, оно и пугает ее.

— Но можем ли мы доверять ей? — нерешительно глянул вниз мой собеседник. — Эти джипси...

— Только благодаря ей я жив и нахожусь тут. Так что прошу любить и жаловать. Зовут ее Аджуяр. А как, кстати, мне обращаться к вам?

— Ох, простите, — искренне смутился он, приземляясь вместе со мной рядом с цыганкой, — с этого следовало начать. — И он обратился к нам обоим: — Меня зовут Филипп. В нашем братстве я исполняю обязанности старшего... Но, признаюсь, это вынужденное положение. Я, как и все те, кого вы сейчас видели, больше привык исполнять, нежели отдавать приказы. Наш истинный вождь пропал...

— Я знаю, — остановил я его жестом и достал диск письма Дядюшки Сэма. — Вот послание вашего командира, — протянул я носитель ему. — Он в беде и просит у вас помощи.

Глаза бородача вспыхнули.

— Это меняет дело! — воскликнул он, бережно принимая письмо. — Главное, что он жив! Его держат на космическом корабле или на какой-то планете?

— На планете, — ответил я, слегка удивившись вопросу.

— Тогда мы обязательно выручим его! — обрадовался бородач, поглаживая диск. — Мы должны это сделать прежде всего прочего. Только Сэмюэль владеет полной информацией о предстоящем... — Он опасливо глянул на Аджуяр. — О предстоящей операции.

— Ты хотел сказать, о предстоящем перевороте? — усмехнувшись, уточнила она.

— М-м... Да, — вновь коротко глянув на нее, неохотно согласился Филипп. — Я именно это и собирался сказать. Сэмюэль создал нашу организацию, — он перевел взгляд на меня, — разработал план вашего появления в нашем мире и дальнейшего возведения вас на трон. Но из-за этих грязных... — Внезапно он остановился. Но вновь вмешалась Аджуяр:

— Грязных джипси, ты хотел сказать?

— Да, — холодно бросил бородатый Филипп, — из-за случайности, которую не мог предвидеть никто, все пошло наперекосяк. Я действительно рад видеть вас, государь, — голос его стал тише и доверительнее, — но, признаться, я впал в растерянность. Я понятия не имею, что мне нужно делать, но, приняв на себя командование, старательно скрываю это от подчиненных... Вся надежда на это, — потряс он диском письма и мечтательно улыбнулся.

— Какого ж дьявола ты болтаешь тут с нами! — рявкнула Аджуяр. И передразнила: — «Впал в растерянность»... Пока вы тут впадали в растерянность, мы сотню раз рисковали жизнью, чтобы добраться до вас.

Улыбка бородача стала натянутой:

— Рядом с вами меня удерживает лишь дань вежливости. — Аджуяр презрительно фыркнула, но Филипп, не обращая на нее внимания, продолжал: — Выручить Сэмюэля — это главная наша задача сейчас.

— Постой-постой, — не согласился я. — Думаю, прежде всего мы должны вытащить из рук противника мою жену и сына!

— Я знаю о вашем горе, — нахмурился Филипп, — о том, что в опасности находится жизнь царевича... Однако, думаю, сперва нам все же следует вызволить нашего руководителя. Он обладает политическими связями, многие влиятельнейшие лица при дворе поддерживают или же, наоборот, боятся его. А без дипломатии и придворных интриг тут не обойтись. Сэмюэль в этом — опытнейший мастер. Он сумеет решить эту задачу значительно эффективнее нас. Он — стратег, а мы — бойцы, привыкшие выполнять приказы.

— Как же тогда вы собираетесь вызволять его? — ехидно поинтересовалась Аджуяр, выражая своим вопросом и мое разочарование.

— Боем, — отозвался Филипп, нарочито глядя не на нее, а на меня, словно вопрос был задан мной. — Только бы мы смогли определить планету, на которой его держат. А ваша жена и сын находятся в открытом космосе, и пытаться отбить их в сражении — слишком рискованно для их жизней. Если же говорить прямо, то практически невозможно. Затем их там и держат.

— Джипси могут взять на абордаж любое судно и достать из него все, что им надо, — сообщила Аджуяр с интонацией презрения в голосе.

— Они помогут нам? — слегка оживившись, но с видимым сомнением спросил бородач.

— Помогли бы, — нахмурилась цыганка. — Но они далеко.

Бородач пожал плечами:

— Значит, будем действовать по нашей схеме.

Я глянул на Аджуяр. Она, поджав губы, кивнула.

— Хорошо, — согласился и я. — С чего же мы начнем?

— Мы начнем... — В лице Филиппа появилось некоторое замешательство. — Мы... — Тут он остановился, потеребил рукой бороду и твердо сказал: — Сейчас один из моих помощников проводит вас туда, где вы сможете отдохнуть с дороги, я же тем временем исследую послание Сэмюэля, тогда мы и примем решение о дальнейших действиях.

Мне не очень-то понравилось, что мы с Аджуяр как бы остаемся в стороне. Видимо, именно моего недовольства по этому

поводу Филипп и побаивался. Но надо быть справедливым. Ведь и впрямь вряд ли я или Аджуяр способны чем-то помочь ему в этом деле... Смирившись с этой мыслью, я тут же почувствовал, как действительно необходим мне отдых после всех треволнений преодоленного пути.

— Действуйте, — сказал я. И требовательно добавил: — Однако держите меня в курсе всех событий.

— Непременно, мой государь.

...Не знаю, как Аджуяр, но я в отведенные нам апартаменты двигался на автомате и позднее при всем желании не смог бы рассказать, как они выглядели. Усталость, стоило мне признаться себе в том, как она велика, окончательно сморила меня. Единственное, на что я обратил внимание, это то, что на белой двери, в том месте, где в гостиницах обычно бывает номер комнаты, красовался золоченый восклицательный знак.

Сопровождавший нас молодцеватый «пчеловод» открыл дверь, и мы оказались в комфортабельном трехкомнатном номере с роскошной просторной кроватью. Тут царил мягкий полумрак, и это было главным, что мне нужно было для отдыха.

— Это для вас, государь, — сказал он и хотел было вести Аджуяр куда-то дальше, но, переглянувшись, мы запротестовали оба.

— Но тут только одна постель, — возразил «пчеловод», глянув на меня так, словно всю жизнь изучал старика Фрейда.

— Мне постель и не нужна, — заявил я, воспарив над полом и приняв горизонтальное положение. — Я буду спать так — в соседней комнате.

— Не смею возражать, — пожал плечами «пчеловод» и удалился.

Лишь только мы остались в номере вдвоем с Аджуяр и заперли дверь, я вплыл в одну из комнат и моментально уснул в невесомости — так, как когда-то спал на корабле Дядюшки Сэма. Наверное, я несколько шокировал этим мою пожилую спутницу, но мне, признаться, было на это глубоко плевать.

...А проснулся я от дикого желания выпить. Потому что мне приснилось, как будто бы мы с Лялей, сидя у костра перед нашим шатром, попиваем под звуки Гойкиного балисета молодое виноградное вино. Сон был красочный и безумно приятный. И я, уже проснувшись, еще долго не открывал глаза, надеясь вернуться в него. Но нет. Милые моему сердцу образы улетучились, оставив лишь тихую печаль и непреодолимое желание принять спиртного.

Из-за стены раздавалось мерное похрапывание Аджуяр. Я повторил попытку уснуть, но не тут-то было. Пока не тяпну, не дерябну — не усну. Факт. Я осознал это так отчетливо, что и не пробовал бороться с собой.

Но ведь должно же у них тут быть какое-нибудь кафе или магазин! Денег у меня — до хрена и больше... Я опустился на пол, стараясь не шуметь, отомкнул дверь... Но замок все-таки предательски щелкнул, храп прекратился, и из комнаты тут же раздался тихий голос Аджуяр:

— И мне принеси.

Ведьма! Истинно ведьма! Она читает мои мысли, как открытую книгу... Но лучше с ней не спорить.

— Хорошо, — отозвался я. — Если найду. — И выплыл в пустынную, ярко освещенную трубу коридора.

Изнутри он был облицован керамикой с таким изысканным, хоть и неброским узором матовых цветов, что ходить по нему было бы кощунством. И я тихонечко поплыл по воздуху. Да, наверное, тут все передвигаются так, недаром пол, потолок и стены никак не разграничены.

Удивительно, что я не обратил на это внимания по пути в спальню. В таком, видно, был состоянии. А теперь выспался и вновь обрел наблюдательность и любознательность.

Ничего примечательного, кроме таких же дверей, как наша, только с цифрами вместо восклицательного знака, мне по пути не встретилось. Пока коридор не начал мягко поворачивать направо. Там за поворотом явно происходило какое-то движение, раздавались голоса. И звуки голосов стремительно приближались. Почему-то мне не хотелось, чтобы меня увидели.

Я осторожно повернул ручку ближайшей двери, и она отворилась. Я опасливо заглянул. Это была комната номера, похожего на наш, но попроще обставленного. И комната эта была пуста. Я осторожно влетел в нее, прикрыл за собой дверь, оставив лишь маленькую щелку, и, повиснув высоко над полом в горизонтальном положении, приник к этой щелке глазами.

Мое любопытство принесло неожиданные плоды. Точнее даже — корнеплоды. По коридору мимо двери, не торопясь и о чем-то оживленно болтая, проплыли два «пчеловода», несущих за ручки здоровенную корзину, наполненную отборной морковкой...

Значит, местонахождение Дядюшки Сэма определено?! Я должен найти Филиппа и выяснить, так ли это. От волнения я даже

забыл о том, что выгнало меня из спальни. Дождавшись, когда «пчеловоды» удалятся на значительное расстояние, я выскользнул в коридор и поплыл за ними. И вознагражден я за это был отменно.

Я увидел дверь, услышал за ней звуки балисета и гортанные голоса, ревущие под его аккомпанемент нечто маршеобразное. За этой-то дверью и скрылись «пчеловоды» с корнеплодами.

Я заглянул. Это был просторный бар, и в нем веселилось человек тридцать. Кое-кто по двое-трое сидели отдельно, но большинство собралось за одним столом и в тот момент, когда я заглянул, во всю мочь горланили одну и ту же повторяющуюся строфу:

...Но наш командир никогда не сдает,
Велит: «За Отечество, братцы!»
И мы без сомнений готовы вперед —
Хоть драться, хоть водки нажраться!..

Мои «пчеловоды» тем временем куда-то исчезли, а остальные посетители были одеты не по форме — в самые разнообразные наряды. Но я догадался, что это та же публика, что стояла предо мной в строю, только на отдыхе. У меня даже от сердца отлегло: нормальные люди...

Песня закончилась, и я, надеясь быть незамеченным, тихонько двинулся к бару... Но тут же знакомый голос бородатого Филиппа скомандовал:

— Господа офицеры!

Все повскакали с мест и, стоя навытяжку, впились в меня взглядами.

— Вольно-вольно, — махнул я рукой. — Отдыхайте.

Дадут мне тут спокойно выпить или нет? Очевидно, нет. Филипп, одетый в «русско-народный» костюм, уже стоял передо мной:

— Ваше Величество, радость! Мы установили местонахождение Сэмюэля и как раз собирались будить вас, чтобы выяснить, желаете ли вы участвовать в его освобождении лично. Вылет — через час.

Меня это известие поразило не слишком. Если бы установить место было бы невозможно, Дядюшка Сэм и не надеялся бы на это.

— Я-то желаю. А вы уверены, что будете в состоянии? — усмехнулся я, кивая на сосуды на столе.

— Это отдыхающая смена, — слегка смутился Филипп. — Те, кто летит, — готовятся. А я хоть и нахожусь тут, но спиртного не употребляю.

— А вот я хоть и полечу с вами, а хотел бы употребить, — заявил я и двинулся своим путем. Царь я или не царь?

— Простите за назойливость, — вновь догнал меня Филипп, — и не сочтите за наглость... Мы сейчас с ребятами как раз обсуждали один вопрос...

— Ну? — опять вынужден был остановиться я, так и не добравшись до вожделенной цели.

— Мы мечтали... Когда все встанет на свои места и вы по праву займете престол, вы будете для нас недосягаемы... А сейчас, пока... Мы хотели, но не решались... — Он мялся, как мальчишка. Да он и есть, в сущности, бородатый мальчишка.

— Вы хотели выпить со мной? — помог я ему. Эх люди-люди. Летать научились без крыльев, а и впрямь все такие же.

— Да! — выпалил Филипп так, словно признался наконец девушке в давно скрываемой любви. Ожидая чего угодно, включая смертную казнь через повешение, он вытянулся передо мной в струнку и выпучил глаза. Безумству храбрых поем мы песню. Выпить, значит.

— Легко, — сказал я, понимая, что посидеть в одиночестве мне не дадут все равно.

Его глаза сверкнули.

— Тогда не присядете ли вы за наш стол? Еду и напитки принесут немедленно.

— Айда, — махнул я рукой. И он дернулся было к своим, но я остановил его. — Только вот что. Организуйте-ка что-нибудь и для моей пожилой спутницы-джипси — в комнату. Думаю, она не откажется от бутылочки вина. И она того заслужила.

— Организуем немедленно! — заверил он и крикнул своим: — Эй! Освободите место для государя!

— Кстати! — вспомнил я и повернулся к нему боком. — Вытащите-ка у меня из кармана животное.

Филипп, не выказывая и тени удивления, залез ко мне в карман и извлек оттуда сонную Сволочь.

— Распорядитесь, чтобы ее посадили в просторную клетку и кормили как на убой, — скомандовал я. — Этому зверю я обязан жизнью.

— Смею заверить вас, государь, эта клетка будет минимум золотой!

«Много чести», — подумал я, рефлекторно почесывая нос. Но промолчал. Не следует лишать подданных идеалов и подавлять их рвение.

...От стойки к столикам и обратно над головами сновали летающие подносы со снедью. Но мне еду принес в собственных руках низенький розовощекий человечек. Улыбка его при этом была столь лучезарна, что я догадался: все это приготовлено им самим.

Блюда были отменными, водка — так себе, однако терпимая... Но никогда еще я не ел и не пил в такой идиотской ситуации. Когда несколько десятков глаз в абсолютной тишине с благоговением наблюдают за каждым твоим движением, чуть ли не заглядывая в рот.

А и ладно. Пусть себе смотрят. Я есть хочу. И пить. Но, в конце концов, мне это надоело. Правда, когда я уже прикончил почти все, что мне принесли. Чувствуя, как благословенное тепло растекается по кровеносной системе, я утер губы и откинулся на спинку кресла.

— Кто у вас играет? — указал я на балисет. Это был славный, изысканных форм инструмент, совсем не похожий на видавший виды и потрескавшийся Гойкин. — Можно в руках подержать?

— Конечно, — протянул мне инструмент один из моих «верноподданных». — За честь сочтем. А вы играете?

— Бренчу маленько, — признался я. — В мое время был похожий инструмент, он назывался «гитара». — (Я чувствовал себя, как старая дева: что может быть приятнее компании, в которой можно не скрывать древность своего происхождения!) — А когда я жил среди джипси, я научился под гитару перестраивать балисет. — Позволите?

Отключив автонастройку и привычно подстроив две струны, я попробовал звук и сыграл кусочек из «Bip Bop» Маккартни. Звук был и вправду исключительный. Темброблок намного богаче возможностями, чем у Гойкиного инструмента, и еще куча кнопок неизвестного мне предназначения.

Хотя о функции клавиши «Memo» под струнами справа я догадался сразу. Перед тем как вновь проиграть кусочек «Bip Bop», я коснулся этой клавиши, а когда доиграл, коснулся снова. И балисет принялся повторять сыгранное мной сам, как механическое пианино. А я получил возможность провести дополнительную сольную импровизацию...

Когда остановился, слушатели разразились такими бурными овациями и даже повизгиваниями восторга, словно я как минимум исполнил каприччио Паганини. Хотя по мне, так еще не известно, что круче — каприччо Паганини или «Bip Bop» Маккартни.

— Вы нам споете что-нибудь? — окончательно оборзев и пьянея от своей борзости, спросил Филипп. — Что-нибудь из вашего времени. Ваш русский мы знаем.

— Ладно, — усмехнулся я. — Сегодня можно. Но учти: завтра за такую фамильярность с царем будешь гнить в карцере.

Не знаю, есть ли сейчас в армии карцеры, но то, что сказанное мной — угроза, Филипп явно понял и слегка побледнел.

Что же им сыграть-то? Легкость во всем теле, ощущение свободы и скорой победы подняли из недр моей памяти одну давным-давно написанную мною песенку в стиле Макаревича. А что? Хорошая песенка. Намереваясь поразить слушателей древностью даты, я заявил:

— Написано пять сотен лет назад.

Затем поставил до мажор, прошелся по струнам быстрым перебором и, двигаясь в басу вниз, запел:

У меня был друг по фамилии Флюгер,
Он всегда и во всем был прав,
Оттого, что знал, куда
Дуют ветра.

Он мне часто доказывал с остервенением,
Что свободен во всем и смел,
Но подул ветерок, он сменил направление,
Уверяя, что сам захотел.

У меня был друг по фамилии Парус,
Он твердил: «Я всегда лечу
Только в те края, куда
Сам захочу».

Но подул ветерок, и упругий, как зонтик,
Мчится парус куда-то вдаль;
Вон он — алым пятном виден на горизонте,
Это он покраснел от стыда.

Кто бы ни был я, я судить их не вправе,
Оттого, что и сам не свят,
Но и я беру в друзья
Не всех подряд.

Если кто-то твердит: «Нет свободы на свете»,
Я руки не подам ему.
Я ищу тебя, друг, по фамилии Ветер,
Мне так скучно летать одному.

Я остановился и огляделся, уверенный, что сейчас-то они и вовсе лопнут от восторга. Но мои подданные смотрели на меня тупыми взглядами, а иногда и коротко переглядывались между собой с какими-то подозрительными ухмылочками. Текст не поняли, что ли? Но вопрос был задан мне:

— А что... — осторожно-осторожно начал один голубоглазый, видно, самый смелый «пчеловод» отдыхающей смены, — разве в ваше время уже был изобретен «мнемогравитат»?..

Я не сразу понял смысл этого вопроса. А когда понял, слегка разозлился. Вот же придурки! Как мне им объяснить, что под словом «летать» я, сочиняя эту песню, подразумевал «быть свободным», а не реальный физический полёт?.. Да никак не объяснить. И не буду я этим заниматься. Нет занятия неблагодарнее, чем объяснять песню. Разве что объяснять анекдот. Я спросил смельчака:

— Ты уверен, что понял песню правильно?

— Нет, — честно признался он.

— То-то и оно, — кивнул я. — Подумай как-нибудь на досуге. Сумеешь понять, доложишь. Тогда и поговорим.

В сердцах я опрокинул в глотку остатки водки, вернул бализет хозяину и спросил Филиппа:

— Не пора?

— Пора, — согласился тот, глянув на часы, и поднялся. Поднялся и я. Но, прежде чем двинуться к выходу, Филипп сказал:

— Простите, государь. Я поражаюсь вашей выдержке. Неужели у вас нет вопросов ко мне?

У меня были вопросы. Масса вопросов. Но я собирался задать их первому лицу, а не заместителю.

— Нет, — твердо ответил я.

— Тогда... От лица моих товарищей я хочу поблагодарить вас.

— За что? — удивился я.

— За всё, — значительно произнес он. — О сегодняшнем дне я, да и все мы будем рассказывать внукам. А они еще и не поверят... Мы не присягали вам на верность, у нас не было на это времени. Мы еще сделаем это — в более торжественной обстановке. Но и сейчас мы клянемся служить вам верой и правдой, не жалея живота своего. Клянемся? — глянул он на товарищей.

— Клянемся! — хором отозвались те.

Я почувствовал, что к горлу моему подкатил комок. Вот же, блин. Стоит выпить, и ты становишься чувствительным, как барышня.

— Ладно, — махнул я рукой, чувствуя, что мой голос предательски дрогнул. — Погнали за Дядюшкой Сэмом.

— Одна маленькая формальность, — сказал Филипп мне уже в коридоре. — В наши корабли, а они военные, физически способны войти лишь люди, имеющие статус социальной значимости не ниже среднего.

— Вы хотите сказать, что я не смогу лететь с вами? Так что же вы морочили мне голову?!

— Я хочу наделить вас этим статусом. Точнее, разблокировать его.

— Что это значит?

Филипп слегка замялся, но продолжал:

— Открою один секрет. Мне не хотелось бы говорить об этом, но я не могу не быть с вами откровенным...

— Так в чем дело? Говорите. Я слушаю.

— Сэмюэль наделил вас гравитатом. Одновременно с этим человек автоматически получает один из самых высоких статусов социальной значимости. Но Сэмюэль поосторожничал и, наделив вас им, заблокировал его.

— Все ясно, — кивнул я, думая про себя: «Вот же свинья... Скольких опасностей мог бы я избежать, не «поосторожничай» он...» — Действуй, кивнул я Филиппу. Что для этого надо?

— У нас есть специалист. Пройдемте в его кабинет.

...И вот мы — пятьдесят вооруженных до зубов «пчеловодов», Филипп и я — высыпали под открытое небо. Аджуяр, конечно же, будет рвать и метать, когда обнаружит, что я бросил ее. Но это не так уж сильно волнует меня... С удивлением я обнаружил, что утро еще не настало. На улице царила тьма, и Филипп с гордостью шепнул мне:

— Того, чтобы эта часть города не освещалась, добился Сэмюэль!..

Я не совсем понял, что в этом хорошего. Конспирация? Я промолчал, вдохнув полной грудью воздух и чувствуя по его свежести, что приближается гроза.

— Разобрались в колонну по три, — негромко скомандовал Филипп и стал медленно подниматься над землей, двигаясь одновременно вперед. Я последовал его примеру, и тут же справа и слева ко мне пристроилось по бравому молодцу. Я глянул назад. Мы летели ровным строем, Филипп двигался рядом, чуть поодаль. Я, таким образом, находился в центре первой шеренги, и то, что я был в положении рядового бойца, понравилось мне. Я не хотел быть знаменем. Я хотел быть реальной боевой единицей.

— Горизонталь! — скомандовал Филипп, и я, чуть замешкавшись, принял, как и остальные, горизонтальное положение.

— Скорость! — прозвучала следующая команда, и мы помчались все быстрее и выше.

— Так держать, — остановил ускорение и подъем Филипп, когда в ушах у нас уже засвистел ветер.

Мы мчались высоко над сверкающим рекламой ночным Ерофеевым. Грозная вереница воинов над игрушечными небоскребами. На миг небо осветилось слабым всполохом зарницы и гулко, но негромко, словно кто-то потряс лист железа, пророкотал гром.

Неожиданно со всей возможной остротой я почувствовал, что этот мир всё же нравится мне. Что вообще мне нравится жизнь. Тревожное состояние природы будоражило мои притупившиеся и уснувшие в пути сюда чувства. Или это дает знать о себе еще не улетучившийся хмель? Или я захмелел от скорости?

Крупные капли дождя ударили мне в лицо как раз в тот момент, когда огни города закончились, и Филипп приказал:

— Вниз.

Это был компактный, вероятно, секретный космодром. Четыре боевых корабля «пчеловодов» отличались от того, на чем летали мои джипси, примерно, как шестисотый мерседес от цыганской кибитки. Если бы на мерседесе был установлен станковый пулемет, сравнение было бы еще точнее. Даже тому кораблю, что был отнят нами у сборщика налогов, было далеко до этих. Хотя машина Дядюшки Сэма была все-таки еще круче.

Мы опустились на землю. Разбившись на четыре группы по тринадцать человек так, что я и Филипп оказались в одной команде, взлетели вновь, но уже ко входным диафрагмам кораблей. Привычного мне трапа не было. Нечего делать в этом корабле тем, кто не обладает способностью летать.

Первым диафрагмы достиг Филипп, она лопнула, и он исчез внутри. Диафрагма тут же затянулась перед моим носом. Но я уже знал, как должен действовать, впервые мне представилась возможность проверить наличие статуса социальной значимости на практике. Я вытянул вперед правую руку, и диафрагма послушно съежилась и передо мной.

То, что в рубке вместо привычных мне двух кресел их было три, сперва обрадовало меня. Мне хотелось быть в деле, но, несмотря на нажитый у джипси опыт, тут я вряд ли смог бы быть полноценным вторым штурманом. А уж обузой-то я быть не хотел.

Но Филипп сказал:

— Ваше Величество, займите правое *кресло второго штурмана.*

— А это чьё? — спросил я, указывая на среднее, уже занятое рыжеволосым юнцом.

— Это место стрелка, — пояснил Филипп. Ну конечно. До сих пор-то мне приходилось летать только на борту сугубо гражданских кораблей.

— В таком случае, — покачал я головой, — думаю, будет правильнее, если кресло второго штурмана займет тот, кто и должен согласно вашему боевому расчету. Я не умею обращаться с гиперприводом.

Филипп посмотрел на меня одобрительно. Но заговорил подчеркнуто резко:

— Это и не понадобится. Запасным гиперштурманом является стрелок. — (Рыжеволосый подтверждающе кивнул мне и напряженно улыбнулся.) — Так как в момент прыжка стрельба невозможна все равно. А второй штурман помогает капитану маневрировать в режиме поглощения пространства или на аварийной реактивной тяге. Да и то — лишь в случае крайней необходимости... — Эти слова Филипп произносил слегка неуверенно, точнее, неохотно. Ему явно хотелось, чтобы я находился тут, а я заставлял его признать нецелесообразность этого.

Я облегчил ему задачу.

— С этим я справлюсь, — заявил я, окинув взглядом щиток и определив, что никаких сюрпризов для меня там нет. — Опыт вождения обычного корабля у меня достаточный.

— В таком случае, — голос Филиппа вновь зазвучал твердо, — займите свое место и впредь прошу не прекословить мне. Я — командир этой боевой операции. А вы... Вы пока просто гость. Дорогой гость, — добавил он, смягчившись.

Я молча занял свое место и пристегнулся. Филипп принялся отдавать распоряжения командирам остальных кораблей. Взревели двигатели.

— Старт! — скомандовал он, и я чуть не потерял сознание от навалившейся перегрузки. Но, покосившись налево, я увидел, что ни у командира, ни у стрелка не дрогнул на лице ни один мускул. Я сжал зубы и уставился в экран. Филипп продиктовал координаты выхода из гиперпрыжка — многоэтажную череду слов и чисел, в которой последней фразой было: «Планета Зеленая Лужайка».

«Как они все-таки так быстро сумели определить ее? — подумал я. — Когда-нибудь узнаю обязательно». Мелькнула шальная мысль, что определили чисто по названию, но я тут же отбросил ее.

— Сбавить обороты, — произнес Филипп после долгой паузы. Помолчал еще, нервно теребя бороду, а затем рявкнул:

— Рывок!

* * *

...Никогда мне не привыкнуть к этому чувству. Да к нему, наверное, и нельзя привыкнуть...

Мы вынырнули в реальность.

— Все четыре корабля успешно совершили прыжок, — глядя на живую карту звездных трасс, словно бы сам себе сказал Филипп, но я понял, что слова эти предназначены моим ушам. Затем он сказал громче, и уже открыто обращаясь ко мне: — Второй, разверните корабль носом к планете.

Я с готовностью принялся манипулировать рычагами двигателей поглощения, а Филипп продолжил руководство нашей маленькой эскадрой: — Внимание. Приготовиться к бою. Вижу радиомаяк космодрома. Частота — четвертый стандарт. Настройтесь.

Я не слышал, что ответили Филиппу капитаны кораблей, но, видимо, подтвердили настройку. Тем временем моими стараниями на экран иллюминатора выполз темно-синий диск Зеленой Лужайки. Вот такое несоответствие цветов. Глянув на экран и одобрительно кивнув, Филипп перехватил управление в свои руки и скомандовал остальным:

— Направляемся к космодрому без запроса и без ответов на запросы.

Диск планеты становился все больше. Сперва он был синим, затем бирюзовым, а сейчас и впрямь стал зеленым, и теперь уже можно было разобрать на нем некоторые детали ландшафта...

«Корабль типа «призрак», — раздался из модуля связи слегка встревоженный, но миролюбивый голос, — не видим вашего радиомаяка. Проверьте состояние ваших систем оповещения и отзовитесь».

— Приготовиться к бою, — скомандовал Филипп, не включая режим ответа. — Огонь на поражение по всякому появившемуся в зоне видимости искусственному объекту.

Не успел он произнести эти слова, как рыжий юнец слева от меня возбужденно подпрыгнул и выкрикнул:

— Вижу!

Увидел и я. Это была огромная и уже знакомая мне по очертаниям посудина жандармского крейсера.

— Огонь! — рявкнул Филипп.

Наш корабль тряхнуло, и белая сияющая линия вытянулась от нас к кораблю-гиганту. И не одна. К махине крейсера их протянулся целый сноп. Видно, вместе с нами выстрелы произвели и бомбардиры остальных кораблей «пчеловодов».

«Подло, — подумал я. — К нам миролюбиво обратились, а мы стреляем, не отозвавшись... Но, наверное, таковы правила игры этого мира...»

— Второй, — скомандовал Филипп, и я превратился в слух, — приготовьтесь по выходу к моментальному ориентированию и движению к планете на поглотителях.

Я чуть было не спросил, по какому выходу, но не успел, провалившись в разноцветное небытие.

...Уже приходя в себя, я понял смысл маневра Филиппа. Мы ушли в гиперпространство, не ожидая ответного удара. Спрятались, не меняя при этом точку выхода. Сколько мы там пробыли — не знаю. Ориентироваться во времени там просто невозможно. Но когда вынырнули, на месте давешнего крейсера я увидел целую армаду минимум из десяти таких же гигантов.

— Отставить движение! — приказал Филипп мне, а затем вновь скомандовал стрелку: — Огонь!

И вновь, совершив удар по противнику, мы ушли в гиперпространство... «Еще один такой маневр, — подумал я, приходя в себя, — и мне конец. Оргазм — это, конечно, хорошо. Но не столько же раз подряд. Да это и не оргазм, а хуже...»

— Два шага вперед! — скомандовал Филипп, и я, удивляясь себе, сообразил, что это значит. Поспешно сориентировал корабль носом к планете и произвел два единоразовых поглощения, хотя ранее никогда этого не делал. Теперь я видел, что крейсеров осталось только четыре, и сейчас мы оказались с ними почти нос к носу.

— Поле! — приказал Филипп, и я напрягся, пытаясь сообразить, что он имеет в виду. Но по тому как поспешно, даже судорожно, начал совершать какие-то действия сосед-стрелок, понял, что команда относится не ко мне, а к нему, и расслабился. Внезапный мощный удар потряс корабль, и противно зазвенел сигнал аварийной системы.

— В шлюпку! — крикнул Филипп, и я увидел, что он отстегивается. Я сделал то же, мы освободились от ремней одновременно, но тут выяснилось, что система искусственной гравитации вышла из строя, и мы с Филиппом, нелепо размахивая руками, устремились в разные стороны. Стрелок при этом хладнокровно оставался на своем месте.

— Отставить поле! — крикнул Филипп. — В шлюпку!

Сила тяжести моментально появилась вновь, и я метров с четырех рухнул на пол. Тут же я почувствовал, что с обеих сторон меня подхватили под руки. Через минуту диафрагма шлюпки уже закрывалась за нашими спинами, а еще через миг раздался взрыв такой силы, что мне показалось, это взорвалась моя голова...

* * *

...Когда я пришел в себя, я увидел над собой склоненное лицо стрелка. Точнее, я лишь догадался, что это он: зрение никак не желало фокусироваться, но его рыжую шевелюру трудно было спутать с чем-то другим. Я полулежал в жестком пластикатовом кресле со спинкой, почти до упора откинутой назад.

— Все в порядке, государь, — сказал стрелок, убедившись, что я очнулся. — Наш корабль уничтожен, но мы в безопасности.

Я хотел спросить, где Филипп, но вместо того лишь простонал что-то нечленораздельное.

— Невредимыми из наших остались два корабля, — продолжал отчитываться стрелок.

Я наконец обрел дар речи:

— А сколько осталось у них?

— В тот момент, когда мы покинули корабль, их было четыре.

Ну это-то я и сам видел.

— Но бой идет и без нас, — продолжал стрелок. — Возможно, их уже меньше. Мы первыми врезались в их расположение и хотели было применить гравитационную ловушку, но они ударили раньше.

— А Филипп?.. — спросил я, готовясь к худшему.

— Я здесь, — раздался знакомый голос позади меня. — Жив и здоров. Простите, что не могу отвлечься.

Я сел. В ушах звенело, но зрение мало-помалу приходило в норму.

— Как остальные? — спросил я Филиппа, глядя на его сгорбленную спину. — Те, что были на нашем корабле.

Но он не понял, что я обращаюсь к нему, и молчал. За него ответил стрелок:

— Уцелели все. Они уже были в шлюпках раньше нас. У ведущей команды — штурманов и стрелка — в этом смысле самое неудобное положение. А десант автоматически втягивается в шлюпки вместе с креслами, как только звучит тревога.

«Толково», — подумал я.

Стрелок добавил:

— Сейчас мы выйдем на орбиту и будем ждать, когда нас подберут.

Я с недоверием спросил:

— А по шлюпкам, вы думаете, противник стрелять не будет?

— Если мы проиграем бой, то, конечно, так и случится, — отозвался рыжеволосый...

— Но бой мы уже выиграли, — вмешался Филипп, как я теперь понял, приникший к глазкам портативного визора шлюп-

ки. — Против двух наших кораблей у жандармов остался один. Внезапность — наше главное оружие. И оно не подвело. Тактика боя, которой я обучался у Сэмюэля, должна была... Всё! — сам себя перебил он выкриком. — Готов и последний! Мы победили!

Вскоре мы пристыковались к одному из наших кораблей и перебрались на его борт. Выяснилось, что без жертв со стороны «пчеловодов» все-таки не обошлось. В одну из шлюпок, отделившихся от нашего корабля, угодил обломок, и она взорвалась. И в одной из шлюпок второго подбитого жандармами корабля отсутствовал воздух, и обнаружены три мертвых тела десантников. Было установлено, что обшивку и этой шлюпки также пробил осколок.

Настроение у меня было подавленное, но Филипп, заметив это, сказал мне:

— Они погибли за отечество. Все мы готовим себя к этому. Их жертва достойна восхищения и благодарности. Скорбеть будем позже.

— А скольким еще предстоит погибнуть? — возразил я. — Не думаю, что на Зеленой Лужайке нас ждут с распростертыми объятиями.

— На Зеленой Лужайке нет никого, — возразил Филипп. — Это личные угодья Рюрика. — Он посмотрел на меня многозначительно, но я этого его взгляда не понял. — Экологически девственная планетка, и никто без специального распоряжения тирана не имеет права сажать здесь свои суда. Космодром сторожевых кораблей находился на искусственном спутнике, он уничтожен.

— Выходит, путь открыт?

— Да. Путь открыт. А психогенное сканирование позволило нам точно установить местонахождение Дядюшки Сэма. И то, что он сейчас — единственный человек на этой планете... — Филипп подумал и сделал странную оговорку: — Почти...

— Что значит почти единственный? — удивился я.

Филипп покачал головой и пояснил:

— Почти человек.

Книга вторая

СЕРЕБРЯНЫЙ КЛИНОК

...Бедняга глупо тычется
В прозрачное стекло...
Эй, — масло, соль — отыщутся?
Поджарьте нам его!

Юрий Шевчук.
«Карась»

Нет, не люблю я этих марсиан,
Народец, скажем прямо, хероватый,
К тому же пьющий, да и вороватый,
В отличие от нас, от россиян.

Игорь Иртеньев

Глава 1

ВОЛЧЬЯ НАТУРА

Мы выплыли из корабля и мягко опустились, повиснув в метре над землей. Высыпали наружу и остальные.

— Будем искать? — спросил я.

— Нет, — покачал головой Филипп. — Будем ждать. Он видел нас, и он, думаю, уже в пути.

Я огляделся. Вокруг стоял изумительной красоты смешанный лес. Самый что ни на есть родной — с березками, осинками, елью, пихточками и вековыми дубами. А аромат!.. Его не опишешь. Неужели все это — не искусственные насаждения? Неужели где-то еще так далеко от Солнца могла самостоятельно появиться такая красота?

Поляна находилась на пригорке, и удивительный пейзаж средней полосы России ранней осенью открывался моему благодарному взгляду. Покой и умиротворение царили вокруг. Листва деревьев в основном была еще зеленой, но кое-где уже желтела, а

иногда и пламенела оранжевым заревом. Наверное, это были заросли рябины.

— Тут есть и грибы, и ягоды, — предположил я.

Филипп озадаченно на меня посмотрел.

— Как-то не думал об этом, — признался он. — О сборе грибов и ягод в естественных условиях я только читал...

Я усмехнулся.

— Пойду посмотрю, — сказал я. — Надеюсь, меня не подстерегают тут никакие опасности?

— Тут водятся дикие животные, — отозвался он с тревогой в голосе. — Хотя у нас есть бластеры, но я, конечно же, никуда не отпущу вас в одиночку.

Я кивнул, но соврал:

— Один из секретов истинных грибников — нужно держаться друг от друга метрах в двадцати—тридцати... В случае чего вы всегда сможете прийти мне на помощь. Хотя это вряд ли понадобится.

Сказав это, я направился в чащу, сперва пользуясь гравитатом, а когда его действие прекратилось (поле кораблей распространялось на полторы сотни метров) — пешком. На самом деле мне просто захотелось побыть одному. Ведь казалось, я дома, где-нибудь в подмосковье.

Отдав какие-то распоряжения подчиненным, Филипп поплелся за мной.

Я вошел в тенистые кущи. Трава здесь была не такой высокой, как на поляне, и я сразу же увидел шляпку роскошного белого гриба. Я кинулся к нему и присел на корточки, залюбовавшись. Но сорвать не решился, с детства меня учили, что рвать гриб нельзя: чтобы не нарушить грибницу, нужно его осторожно срезать. А ножа у меня при себе не было. Я хотел было уже подняться и отправиться дальше...

Но тут внезапно откуда-то сверху на меня упала огромная рычащая туша. «Рысь?! Медведь?! Кто-то еще более страшный?..» — мысли перепутались, и я, рухнув на землю, покатился по траве, пытаясь освободиться. Кто-то сзади больно кусался и, рыча, рвал на мне одежду. Я истошно закричал...

Раздался смачный удар, и я почувствовал себя свободным. Я вскочил и сперва увидел своего спасителя — Филиппа, а потом уже и того, кто нападал: перепачканного грузного голого мужчину, поднимающегося с земли. С горящими глазами и... заячьими ушами! Да ведь это Дядюшка Сэм!

— Роман Михайлович! Филипп! — вскричал он и запрыгал от возбуждения на месте, одной рукой придерживая чресла. — А

я-то думал, это люди Рюрика! Сол один, второго я не заметил. Я хотел перегрызть вам глотку, государь, завладеть одеждой и оружием, а потом — захватить корабль! Боже праведный, неузели это и вправду вы?!

И тут его веселье внезапно сменилось унынием, он остановился, поник ушами, уселся на траву и горестно зарыдал.

— Полно, полно, Дядюшка Сэм, — умиляясь, попытался я его утешить и почесал за ухом. — К чему эти слезы сейчас, когда вы уже спасены?

— Это плацю не я, — ответил он, всхлипывая, — это плацет заяцья цясть моей нынесней натуры.

— Ну хватит, поднимайтесь, — попросил я. — Ваши бойцы ждут вас.

— А как я покажусь им в этом виде? — хлюпая носом, спросил он, послушно вставая. — Весь мой наработанный годами авторитет пойдет насмарку. Напроць пропадет.

— Я схожу за одеждой, — вмешался Филипп. — Мы взяли ее специально для вас.

— Сходите, мой друг, — воспрял Дядюшка Сэм и даже мягко отстранил мою руку. — Это прекрасная мысль. А сапоцьку, маленькую сапоцьку вы не догадались с собой прихватить?

Мне подумалось, что в *маленькую шапочку* такие ушки не спрячешь.

— Что-нибудь найду, — заверил Филипп и поспешил в сторону корабля. А мы остались одни. И тут я подумал, что теперь, собственно, всё вернулось на круги своя, и всё так, как будто бы мои приключения снова только начинаются... Кое-что, правда, изменилось. У Дядюшки на голове появились эти нелепые уши, а у меня в голове — мысли. А также у меня появились жена и сын. И мысли мои были именно о них.

— Ну вот наши злоключения и окончены, — сказал я, чтобы пауза не тянулась так тягостно. Дядюшка горестно усмехнулся и помотал головой так, чтобы уши живописно похлопали его по лбу и затылку.

— Для кого как, — отозвался он неожиданно желчно.

— Да что с вами?! — вскричал я. — Думаете, мне легко приходилось все это время? Но я-то не впал в отчаяние!

— Я тозе не впал в отцяяние, — заявил он. — Но я изменился. Я стал не тот.

— Это временное явление, — заверил я. — Если есть яд, есть и противоядие. Вас вылечат... И мы спасем мою семью.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Та самая дзипси? — спросил он, как мне показалось, пренебрежительно. И я отчетливо вспомнил фразу, произнесенную им, когда он говорил о необходимости жениться на Ляле: «Потом что-нибудь придумаем...»

— Да, — кивнул я твердо и добавил вызывающе: — А также мой сын, царевич Роман Романович Романов.

— Поздьявляю, — криво улыбнулся Дядюшка Сэм, и улыбка его была скорее язвительной, нежели одобрительной.

— Они в лапах Рюрика, — продолжал я, уже чувствуя, что вряд ли мне стоит рассчитывать на понимание и поддержку Дядюшки. Тот как-то странно передернулся. Затем покачал головой каким-то собственным мыслям и заявил:

— Оцередность будет такая. Сперва мы свергнем Рюрика, а потом узе будем спасать васу семью.

«Ну уж нет, — подумал я. — Не так все будет. Но к этому вопросу я еще вернусь. Пусть-ка он ответит мне на другой».

— Сударь, я до сих пор не знаю даже, против кого нам предстоит бороться. Как-то вы обещали объяснить мне, чем вас не устраивает правление Рюрика Четвертого...

— Давайте сходим за одной вессью, — явно уклоняясь от ответа, пробормотал Дядюшка Сэм, повернулся ко мне спиной и засеменил в лес.

Чертыхаясь про себя, я двинулся за ним. И действительно, в двух шагах от того места, где он напал на меня, мы обнаружили «одну вещь» — объемистое лукошко с морковью.

— Помозете мне? — жалобно попросил Дядюшка, одной рукой подхватывая его под дно, другой придерживая за бортик. — Не могу без этой гадости. Как увидел корабль, поспесыл сюда... Но и тогда вот это, — кивнул он на лукошко, — за собой волоць прислось.

Я подхватил лукошко с другой стороны, и мы вернулись обратно — туда, где обещали подождать Филиппа.

— Так что там с Рюриком? — не позволил я Дядюшке избегнуть дальнейших объяснений. Он уселся возле моркови, вынул здоровенный экземпляр, обнюхал его, со смачным хрустом откусил кончик... И заявил:

— Пока сто я не могу этого вам открыть.

В этом ответе я услышал его прежнее отношение к себе. Но это была последняя капля. Я-то ведь был уже не прежним. И я взбеленился:

— Вот что, Дядюшка! Хватит уже мне этой лапши на уши! Вешайте её себе, больше поместится!

Дядюшка Сэм перестал хрумкать и укоризненно уставился на меня. Но я продолжал:

— Я прошел через многие испытания, я бродяжничал с табором цыган, я приобрел жену и сына, а затем потерял их. Я спас вас, в конце концов! Да, когда-то вы вытащили меня из смертельной передряги, но я уже сторицей расплатился за это. И я не намерен больше слушаться вас беспрекословно. Начнем с того, что прежде всего мы выручим из беды мою семью, а уж потом будем заниматься политикой.

Дядюшка качнул ушами, явно намереваясь возразить, но я остановил его жестом. Нервно вздохнув, Дядюшка вновь заткнул себе рот морковью и снова стал тревожно хрустеть ею.

— Я сказал еще не все, — продолжал я. — Повторяю: я должен знать, чем вас не устраивает Рюрик. Я должен быть уверен, что он действительно настолько плох, что его необходимо свергнуть. И если вы не сумеете убедить меня в этом, я и палец о палец не ударю для того, чтобы помочь вам. И учтите, убедить меня будет довольно трудно: я давно приглядываюсь, и я вижу, что все в этом мире довольны тем, как обстоят дела. Так что, может быть, вы хотите сделать меня орудием какой-то грязной интриги или заложником вашего честолюбия?

Дядюшка Сэм еще раз тяжко вздохнул, отбросил огрызок с ботвой в сторону и горестно молвил:

— Какое, к цёрту, честолюбие... Вы посмотрите на меня... Честолюбие... Ладно. Уломали. Слусайте зе... — Он снова вздохнул и произнес торжественно: — Рюрик — не целовек. Точнее — не совсем целовек.

Я припомнил, что точно таким же эпитетом час назад Филипп наградил самого Дядюшку Сэма. Но я удержался от того, чтобы сообщать ему об этом. Вместо этого я спросил:

— И кто же он?

— Он не целовек, он цюзой, — сказал Дядюшка, делая большие глаза.

Чужой... В смысле, как в фильме «Чужой»? Да, Дядюшка явно имеет в виду именно это.

— Ну? Еще точнее. Откуда он явился? Как захватил власть?

— Он не захватывал. Его бояре сами попросили. Чтобы порядок на Руси навел. Давно иссё. Когда целовецество в первый и в последний раз встретилось с иной сивилизацией. С полукиноидной.

«Сами попросили. Чтобы порядок...» Вот откуда это прозвище — Рюрик. «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней

нет. Приидите володеть и править нами...» История повторилась на новом витке, строго по законам марксовой диалектики.

— Вот это вот, — пошевелил Дядюшка ушами, — ни один на свете целовек лецить не умеет. Это не наса, не целовецеская медисина...

Я почувствовал на душе дикую тяжесть. Такую, что и ноги не могли меня больше держать. Я уселся на траву рядом с Дядюшкой.

— Что значит «полукиноидная цивилизация»? Какой он, Рюрик?

— Он... — Дядюшка вдруг осекся, огляделся по сторонам, поджал уши и продолжил полушепотом:

— Об этом мало кто знает. Только избранные. Он оборотень. Вервольф. Целовек-волк.

«Волк. Зубами щелк», — тупо подумал я. Но зубы мелко-мелко, словно в горячечном ознобе, стучали и щелкали у Дядюшки Сэма. Я явственно слышал это.

— Он сделал из меня диць, — добавил он.

Очень короткий, но очень нужный авторский комментарий

Я не случайно решил прервать свое повествование именно в этом месте. Потому что именно в тот момент я был как никогда близок к тому, чтобы все-таки решить, что происходящее — не более чем идиотский мнемофильм. Зайцы, волки... События начинали напоминать римейк сказочки «Волк и семеро козлят».

И именно здесь читатель из прошлого должен вновь встать перед выбором: дочитывать эту книгу до конца или остановиться. Это ваше право. Предупреждаю, умнее и оригинальнее текст не станет и в дальнейшем. Но что я могу поделать? Я лишь записываю все то, что со мной стряслось, не более. Так что решайте, решайте. Мне же не остается ничего другого, кроме того, как продолжить свои воспоминания...

И Дядюшка Сэм рассказал мне всё. И было это всё столь нелепым и тупым, что казалось абсолютно нереальным. И именно это заставляло поверить, что как раз это-то всё и есть — чистейшей воды правда. Потому как правда почти всегда нелепа и тупа. А ложь, напротив, как правило, красива и увлекательна.

С полукиноидной расой созвездия Лиры человечество столкнулось в космосе около двухсот лет назад. Именно «человечество столкнулось». А сами оборотни-вервольфы посещали Землю задолго до того, ведь их цивилизация значительно старше человеческой.

Однако в конце девятнадцатого (по земному летосчислению) века она перенесла жесточайший кризис, сопровождавшийся войнами и разрухой. Мир вервольфов ослаб настолько, что дальние космические перелеты практически прекратились, а когда возобновились, информация о том участке вселенной, где проживают люди, была утеряна.

Более того, теперь люди, которые не умеют становиться волками, официальной наукой лирян считались существами сугубо сказочными, «порождением первобытной фантазии предков». Еще бы, ведь всякий древний лирянин был бы счастлив повстречать подобный «разумный корм», обладающий нежной вкусной плотью и неспособный в то же время дать вервольфу физический отпор. Просто-таки мечта... По-нашему — нечто вроде самонасаживающегося на шампур шашлыка.

Из военного кризиса вервольфам, сгрудившимся к тому времени на единственной не выжженной термоядерными ударами планетке, удалось выкарабкаться, лишь введя жесточайший режим дисциплины и порядка. Порядка, которому и позавидовали московские бояре, познакомившиеся с лирянами в период очередной большой российской смуты. Также их привлекли новые технологии, делающие промышленное производство на несколько порядков дешевле.

— В чем их суть? — поинтересовался я.

— Это долго объяснять, — уклончиво ответил Дядюшка Сэм, — как-нибудь потом...

Тогда я не заметил в этом его ответе ничего подозрительного.

— А зачем это самим лирянам? — не мог не спросить я. — Неужели они... охотятся на людей? — Мне и самому была противна эта мысль. Да и вряд ли она верна. Уж больно глупа.

— Ну-у... — протянул Дядюшка. Мы сидели с ним в этот миг в каюте одного из десантных кораблей-«призраков», двигающихся назад к Петушкам на поглотителях и с отключенными маячками. — Не совсем так.

— Но близко? — предчувствуя недоброе, наседал я.

— Близко, — согласился Дядюшка, качнув зеленой полевой каской, которую всучил ему Филипп для сокрытия неавторитетных ушей. Еще надеты на нем были такие же зеленые форменные

трусы, а прочую одежду он брезгливо стянул с себя сразу после того, как, наобнимавшись с «пчеловодами», остался со мной с глазу на глаз. — Но лисьно меня волнует совсем другое.

— Ну? — Я нервно застучал ногтями по столу.

— Меня волнует то, сто бояре подписали с лирянами договор о предоставлении в их полное право целого сектора космоса, и люди, во всяком слусяе россияне, туда не имеют права совать нос. А узь вервольфы сделали все для того, стобы Россия поднялась настолько, стобы могла контролировать все процие страны.

— Вновь Россия — жандарм Европы?

— Угу, — подтвердил Дядюшка. — Кстати, владения лирян называются Аляска. Такие вот сутницьки — бояре.

— Ладно, хорошо, — покивал я. — Пусть всё так, как вы рассказываете. Но скажите мне, в чем тут беда? Космос безграничен. Пусть лиряне владеют какой-то его частью, они ведь честно отрабатывают эту цену. Кто ж виноват, что сами русские не способны наладить толковое управление? — Это мое высказывание было абсолютно искренним. — Нам это и история показывает.

— Да?! — неожиданно вспылил Дядюшка Сэм. — Отрабатывают?! А знаете ли вы, сударь, пословицу: «Как волка не корми...» Когда подписывался договор, мы многого ессё не знали. Мы не были достатоцьно опытны. В отлицие от лирян. Мы не знали, сто именно в том, незнацительном, казалось бы, секторе космоса, который взяли себе на откуп они, находятся основные в галактике залезы...

— Мудила! — догадался я.

— Сам ты!.. — вскипел Дядюшка, но осекся. — Простите, государь. Но при цём тут мудил? Зить и без него вполне дазе мозно. В их секторе самые богатые залезы порония, из которого изготавливается горюцее для гиперпространственных приводов. А без этого, как вы, надеюсь, понимаете сами, зить сегодня невозмозно.

«Всё ясно, — подумал я. — Пороний — это нефть XXV века. Кто им владеет, тот владеет и миром».

— Мы покупаем пороний у вервольфов? — уточнил я.

— Да, у Рюрика, — кивнул Дядюшка. — Это сто шестьдесят цетвертый элемент в таблице Менделеева. На Земле его не было вообсе, и на обзытых нами планетах — с гулькин нос... — И добавил трагически: — Мы выменяваем его на кровь.

— На что?!

— На кровь, вы не ослысались, — горько усмехнулся Дядюшка. — Не забывайте, мы имеем дело с волками. Хотя, если честно, эти данные, по поводу крови, и не проверены достаточно хорошо.

— Надеюсь, это не человеческая кровь? — спросил я осторожно.

— Целовеческая, целовеческая, будьте спокойны. Всякую скотину они и без нас разводят.

— Нет, — возмутился я, не желая верить этим бредням, — это становится по меньшей мере смешным. Сперва вы рассказываете мне сказочки об оборотнях, теперь они становятся вампирами...

— Сказоцьки об оборотнях и появились в земном фольклоре именно потому, сто зители Лиры когда-то регулярно наведывались на Землю. И сказоцьки о вампирах имеют под собой достатосьно твердую посьву. Кровь — субстанция уникальная. А целовецеская кровь у лирян — деликатес. Хотя повторяю, эти данные я полуцил из неофициального истоцника. Но логике такое полозение вессей не противорецит, и я склонен сцитать, цьто все так и есть.

— Но кровь можно синтезировать...

— Да? — не дослушал меня Дядюшка. — Вы в этом уверены? А я поцему-то — нет. Наверное, потому сто тоцьно знаю: синтезировать кровь невозможно. Как невозможно создать искусственную зызнь. Мозет, вы в своем двадцатом веке и умели соверсать подобные цюдеса, но почему-то я оцень-оцень в этом сомневаюсь. Во всяком слуцяе, мы в двадцать пятом этого не умеем. Сто вообсе вы знаете о крови? Рассказыте-ка мне.

— Ну-у... — начал я, — кровь — это раствор полезных веществ, насыщенных кислородом...

— Темнота и мракобесие! — вскричал Дядюшка Сэм. — Кровь — это колония высокоорганизованных, я бы дазе сказал, разумных да еще и дисциплинированных суссеств, несуссих беззаветную и неблагодарную нам слузбу на благо насего организма!

— Это, конечно, поэтично... — начал было я, но Дядюшка вспылил:

— Ни хрена не поэтицьно! Так всё и есть на самом деле! Клетоцные вессества крови строго специализированны, действуют слазенно и значительно более социально, цем, например, пцёлы или муравьи! Тромбоциты бросаюся по сигналу тревоги вперед и своими цясуйситыми телами закрывают любые трессинки и раны в насих тканях, погибая, мезду просим, при этом. Эритроциты транспортируют кислород туда, а углекислый газ — обратно, и при этом езесекундно в здоровом теле гибнет около трёх миллионов эритроцитов, и столько зе их продуцируется спинным мозгом! Лейкоциты отвазно идут на врага, будь то вирус, бактерия или любая иная зараза, попавсая к нам в сосуды!..

— Как лиряне получают эту кровь? — остановил я его не слишком впечатлявшую меня медицинскую тираду. — Они убивают людей?

— Нет-нет, зацем зе? — чуть успокоился Дядюшка. — Сеть донорских пунктов опутывает весь населенный людьми космос. Кровь ведь вообсе продукт ценнейший.

— А люди знают?..

— Нет, — помотал головой Дядюшка. — Люди думают, это для насей, целовецеской медицины.

Все это выглядело противненько. Почти как во «Втором нашествии марсиан» Стругацких. Но, будучи сыном своего лживого времени, я прекрасно знал, как легко исказить, вывернуть наизнанку любую истину. Я ведь часть жизни был еще гражданином Советского Союза... И «Скотный двор» Оруэлла я тоже читал...

— Ладно, — сказал я. — Допустим. Но что во всём этом худого? Кровь люди сдают добровольно?

— Да, — поджал губы Дядюшка.

— Им платят?

Дядюшка молча кивнул.

— И беда, выходит, только в том, что они не знают, на какие нужды она направляется?

— Ну да. — Он кивнул. — О сусествовании вервольфов знает только горстка связанных страсной клятвой людей из выссих политисесских кругов. Всякий проговоривсийся становится дицью. Единственная оппозиционная организация — моя. Но, мезду процым, «Обсество консервативных пцеловодов» в России знают и уважают все.

— И всё-таки я не понимаю, — искренне признался я. — Все живы и здоровы. Волки сыты, овцы целы. Они добывают нам пороний, мы поставляем им кровь. Неприятно, конечно, но такова их природа... Царит гармоничное равновесие... Симбиоз... А что касается тайны... Государственные секреты существовали всегда, и всегда они были отвратными...

— Вы циник, милостивый государь, — заявил Дядюшка Сэм, отводя взгляд. — Хотя цего зе ессё мозно было озидать от вас... Неузели вас не возмуссяет то, сто кто-то питается кровью васых соотетественников, почти узе васых подданных?

Чего-то в его голосе не хватало... Твердости?

— Дядюшка, — протянув руку, я взял его за подбородок. — Смотрите мне в глаза.

Он послушался, и я окончательно утвердился в том, что сказанное им — только половина правды.

— Выкладывайте, — заявил я.

Дядюшка вырвал подбородок из моих пальцев, вздохнул и сказал:

— Я хотел оградить вас, государь, от всего этого. Оно пацкает. Но стос, слусайте. Во-первых, ситуация вовсе не нормальна. Основным запасом порония в галактике лиряне завладели обманом. Мы и знать не знали тогда о его существовании, а они знали. И они же подкинули целовецеству гиперпространственный двигатель, который без порония — ничто. И теперь горстка лирян владеет несметным сокровиссем.

— Евреи, — подсказал я сравнение.

— Нет, — помотал головой Дядюшка. — Лиряне — не люди. Это другой вид. Лирянин в образе муссины не может оплодотворить земную женщину, а в образе волка — земную волцицу...

— Ну и ладно, — пожал плечами я. — Но мы ведь мирно сосуществуем. — «Как это сосуще звучит — «сосуществуем», — подумалось мне.

— Недовольные были, — возразил Дядюшка. — Земля — колыбель целовечества — была против, и Рюрик ее уництозыл. Но это было задолго до моего рождения. Так сто я тозе, узе познав всю унизительность целовецесской роли в данной ситуации, всё зе мирился с нею. Ради нынеснего мира и равновесия во вселенной. Пока не узнал новую и узасную тайну.

— Давайте, давайте, — поторопил я его. — Колитесь. Давно уже пора. Без этой ужасной тайны все выглядит чуть ли не идиллически.

— Волк начинает показывать зубы, — сообщил Дядюшка. — Прошли многие годы, и правление династии Рюриков уже кажется всем естественным. И вот тут-то и начинает работать план по уничтожению одного вида разумных суссеств другими.

— В чём суть этого плана?

— Рюрик собирается предложить людям бессмертие.

— Не понял. Так уничтожение или бессмертие?

— Вопрос слозный. Изобретение лирян состоит в следуюсем. Суссествует некое поле, в котором с особой, многократно увеличенной силой действуют кармицесские законы. Оно зе действует на кровь целовека и делает его бессмертным, точнее — нестареюссим. Целовек, пробывший в этом поле достаточный срок, сам умереть не мозет, его мозно только убить.

Однако кармические законы действуют так, сто, став бессмертным, целовек, будь то музцина или зеньссина, становится бесплодным. И более того, если у целовека узе есть дети, они погиб-

нут: от внезапной болезни, от несцястного слуцяя или от цего-то ессё... Полуцяется, сто продолзить себя в вецности ты мозесь только одним из двух способов: или став бессмертным, или умерев, но оставив потомков... Вот и всё. Коварные лиряне подарят людям бессмертие.

— Не понял, — честно признался я. — И чего же тут страшного? Выбор-то остается за нами.

— Цего зе тут непонятного?! — вспылил Дядюшка. — Рюрик слишком хорошо знает людей. Знает их эгоизм и недальновидность. Многие предпоцтут бессмертие продолжению рода. А малопомалу оборвутся и все родовые линии. Но бессмертие это мнимое. С каздым из этих «бессмертных» в тецение срока, длина которому — вецность, цто-нибудь да приключиться. И род людской сойдет на нет, уступив вселенную вервольфам. Им останется только подоздать.

— А клонирование? — спросил я неуверенно.

— Какая разница — клон или ребенок из црева?! Карма для всех едина!

Дядюшка замолчал. Молчал и я, понимая, что рассказанное им сейчас — абсолютная и окончательная правда. Я еще не осознал ее в полной мере. Но я чувствовал, что она действительно страшна.

Бессмертие и смерть — суть одно и то же? Опять же это, конечно, поэтично. Но очень уж трудно воспринять эту идею всерьез. Однако тормозить сейчас не время. Умом я понимаю, что всё это так. А значит, надо действовать.

— Мезду процим, — нарушил тишину Дядюшка, — никакой он не Цетвертый. Рюрик один и тот зе. Похороны одного и коронация последующего — его сына — это все спектакль, цтобы народ ницего не заподозрил. Этот спектакль узе три раза проводился.

— Когда это начнется? — спросил я. — Когда он подсунет людям бессмертие?

— Узе нацялось, — мрачно сообщил Дядюшка. — Бессмертие даровано приблизённым ко двору.

— Рюрик подсунул его обманом? Он скрыл последствия?!

— Нет. Он ницего не скрывал. Но ни один из тех, у кого ессё не было детей, не отказался от этого дара. — Дядюшка расстегнул ремешок под подбородком, усталым движением стянул с головы каску и положил ее на колени. Его гигантские уши тотчас бодро распрямились. Дядюшка помассировал их обеими руками, утёр со лба пот, а затем со вздохом сообщил:

— Я тозе бессмертен.

* * *

Стоя посередине спальной комнаты в резиденции «пчеловодов», Аджуяр и Дядюшка Сэм подозрительно, а если быть точным, то с явственной неприязнью разглядывали друг друга. Я же делал вид, что не замечаю этого.

— ...Каждому из вас я в той или иной мере обязан жизнью, каждого уважаю как человека, обладающего большим жизненным опытом, а потому — прошу любить и жаловать друг друга, — закончил я церемонию их знакомства, последовавшую сразу за проклятиями, которыми наградила меня Аджуяр за то, что я оставил ее одну и куда-то исчез.

— Васе Велицество, простите за прямоту, — высоко подняв подбородок, повернулся ко мне Дядюшка. — Кому, как не вам, знать, сто именно дзипси мы обязаны насым нынесним плацевным состоянием дел. Так могу ли я доверять им?.. Ей... Не думаю.

Выглядел он весьма надменно. Но прикрывавшая его уши каска не спасла его.

— Ай-ай, как он раздухарился... Но я и не рвусь снискать особого доверия у этого пожилого зайца, — парировала Аджуяр вроде бы мне адресованными словами, и мстительные искорки блеснули в ее глазах.

Дядюшка возмущенно фыркнул и явно хотел залепить в ответ еще более оскорбительную тираду, но я остановил его:

— Помнится, когда джипси захватили корабль, вы, сударь, каялись мне в преступной халатности и собирались подать прошение о том, чтобы я наказал вас... Не так ли?

— Да, но... — густо покраснел Дядюшка, — но вы ессё не на престоле.

Выкрутился.

— Тем не менее, — нахмурился я, — этот эпизод должен напомнить вам, что не только джипси привели нас к нынешнему положению. И что правы вы бываете отнюдь не всегда.

Дядюшка удрученно кивнул. Я решил закрепить результат:

— Далее, сударь, хочу обратить ваше внимание на тот факт, что это не вы вызволили меня из трудной ситуации, а наоборот — я вас. А удалось мне это только благодаря помощи Аджуяр и ее соплеменников.

Дядюшка был сражен окончательно.

— Простите меня, государь, — потупился он. Затем шагнул к колдунье и протянул ей руку. — Рад знакомству и надеюсь, вы не обизаетесь на меня.

Но не тут-то было. Не подавая в ответ руки, старуха презрительно прищурилась:

— Разве я, джипси, мусор, хлам, смею обижаться на человека с высоким кодом социальной значимости... Такие, как ты, швыряют таких, как я, в вонючие каталажки только за то, что мы существуем на свете...

— Аджуяр, прекратите! — рявкнул я. — Так мы никогда не достигнем ничего конструктивного! Или вы немедленно заключите перемирие, или на сей раз я обойдусь без вашей помощи.

— Ладно, — нехотя пожала ведьма протянутую руку. — Но запомни, жирненький зайчик, сказанное государем нашим: это не мир, это перемирие...

Дядюшка, словно обиженный ребенок, искательно глянул на меня.

— Стоп, — поднял я вверх обе руки. — С этого момента вы прекращаете оскорблять друг друга. Подобные выходки выбивают из колеи и мешают достижению цели. А мы должны быть слаженной командой. Вы согласны со мной? Вы, оба?!

Покосившись друг на друга, они неохотно кивнули.

— Тогда перейдем к делу. Для начала давайте определимся. Скажите, каковы наши цели? Как их понимает каждый из вас. Я слушаю.

Ответ меня и удивил, и обрадовал. Точнее, то, кто какую из целей назвал первой, так как я ожидал противоположного результата и уже приготовился к спору.

Дядюшка Сэм сказал:

— Вырвать из лап Рюрика васу семью.

А Аджуяр сказала:

— Посадить тебя на трон. Ляля заслужила этого.

— Всё верно, — продолжил я экзамен, — но что следует совершить сначала, а что — потом?

— Снацяла освободить залозьников, — вновь первым отозвался Дядюшка. — С таким козырем в руках у Рюрика мы не мозем расситывать на успех. В любой момент он смозет пригрозить расправой над вашими близкими и управлять вами, мой государь, как марионеткой.

Аджуяр помотала головой:

— Так не пойдет. Если мы просто уведем пленников у него из-под носа, он обрушится на нас всей своей мощью. А мощь эта велика. Сперва мы должны лишить его силы. Или власти. Или заполучить такой же козырь против него.

— Вы оба правы, — сказал я. — Самым удачным, беспроигрышным вариантом было бы захватить трон и освободить заложников одновременно. Но сейчас мы занимаем не настолько выгодное положение, чтобы рассчитывать на это.

Мои советники молчали.

— Ладно, — продолжал я. — Мы должны исходить из того, что в нынешней ситуации реально для нас.

— Я знаю, как освободить Лялю, — поджав губы, призналась Аджуяр, — если джипси будут с нами.

— А вы? — обернулся я к Дядюшке.

— Я?.. Я не знаю, как захватить трон, пока ваша семья у Рюрика в лапах, — покачал головой Дядюшка. Возникло ощущение, что он хитрит, но меня его решение устраивало.

— Выходит, не о чем и спорить, — резюмировал я, поднимаясь. — Надо звать сюда табор.

...С табором мы связались довольно легко, ведь я знал частоту приемника головного корабля. А Филипп заверил, что засечь и определить местонахождение конспиративного передатчика, которым мы воспользовались, практически невозможно.

Увидев меня на экране своей рубки, Гойка выпучил глаза и даже перекрестился.

— Свят, свят, свят! — вскричал он, сверкая белозубой цыганской улыбкой. — Чечигла?! Живой?! Ай, молодец, рома! Уж и не чаял я тебя увидеть! А ты — вот он... И ты, старуха, здесь! — перевел он сияющий взгляд на ухмыляющуюся Аджуяр.

— Как у вас-то дела? — спросил я, безумно радуясь тому, что судьба, похоже, намерена вновь свести меня с единственным в этом мире настоящим другом. Улыбка моментально слетела с его лица, и теперь стало заметно, что он то ли смертельно устал, то ли предельно напряжен.

— Дела творятся никуда не годные, — признался он и нервно потрепал рукой ус. — Не в добрый час встретился ты нам, Рома, вот что я скажу тебе, хотя ты и лучший мой друг. Неприятности с тех пор сыплются на нашу голову одна за другой. А как ты покинул нас, и вовсе не стало житья. Жандармы допрашивают и обыскивают наши корабли почитай каждый день. Зельвинда нашелся, но лучше бы мне не знать его таким, какой он стал. Видать, он перенес страшные пытки. Я не смог передать ему табор...

Я почувствовал, что мои руки сами собой сжимаются в кулаки. Неужели толстого жизнерадостного Зельвинду можно сло-

мать?! Неужели я больше никогда не услышу задорный звон колечка в его мясистом носу?.. Они сполна ответят мне за это!

— ...Многих из моих людей они увели с собой, — продолжал Гойка, — и я не знаю, где искать их...

— Ваши злоключения закончились, — прервал я его. — Сейчас ты примешь всю необходимую информацию для того, чтобы добраться сюда. Тут вы получите надежную защиту и поможете мне. — Я обернулся к бородатому «пчеловоду». — Филипп, передай ему наши координаты.

А вот что я услышал, когда приемник настроили на официальную волну:

«Всем-всем-всем. На нашем крейсере, принадлежащем Генеральной Имперской Жандармерии Его Величества Рюрика Четвертого, находится грязная джипси, женщина государственного преступника, звездокрада и самозванца, который, поправ людской закон и Божье предначертание, бесстыдно объявил себя наследником российского престола и уничтожил нашу национальную святыню — Храм Царя-Искупителя Великомученика Николая Второго. Тут же находится и его малолетнее отродье нечистых кровей. Сам изменник скрылся, но уйти от закона и Божьей кары ему не удастся. Если вы знаете хоть что-то о местонахождении преступника, вы обязаны немедленно передать эту информацию на нашу частоту. Вас ожидает поистине царская награда...»

Так я и знал, что Храм Рюрик повесит на меня.

«...Если бы самозванец обладал хоть толикой приписываемого им себе царского достоинства, он уже давно связался бы с нами или попытался бы вызволить свою семью. Но он трусливо затаился. Его волнует только собственная безопасность... Откликнись, трус...»

И т.д., и т.п... Нюансы менялись, но суть оставалась одна. Самым отвратительным была трансляция звуков побоев, детского плача и Лялиных причитаний. Когда я впервые услышал это, мне казалось, я сойду с ума. Но Дядюшка успокоил меня:

— Васе Велисество, не верьте тому, сто слысыте. Уверяю вас, это имитация. Я знаю этих людей и утверздаю с полной ответственностью: васу супругу и сына они не посмели бы и пальцем тронуть. Они хотят вынудить вас войти с ними в контакт, выманить из убезисся и захватить... Если зе это им не удастся, если победа будет за вами, они всегда смогут оправдаться тем, сто не прицинили вреда васей семье. И каздый будет уверять, сто именно он засситил пленников от насилия.

— Но я же сам слышал...

— Это синтезированные голоса.

В принципе такое было возможно еще в наше время. И примерно о том писала мне в своем «Письме счастья» Ляля. Потому я поверил ему и слегка успокоился.

Связаться с кораблем, на котором находилась Ляля, было бы еще проще, чем с табором, ведь регулярные передачи с него, предназначенные как для моих ушей, так и для ушей потенциальных доносчиков, транслировались непрерывно. Но мы решили, что делать этого пока не следует. Мы поступим так лишь тогда, когда будем в полной боевой готовности. Или — если эти передачи внезапно прекратятся. Пока же — пусть. Пусть... Собаки лают, ветер носит.

После недели, проведенной в ожидании прибытия моих джипси, я принялся настаивать на прогулке по Ерофееву. Сидеть в четырех стенах мне, поверьте, основательно надоело. Поняв, что доводами о необходимых мерах безопасности меня не пронять, Дядюшка, которому специально доставленный в резиденцию врач-стоматолог подправил зубы, чем привел в норму дикцию, стал расписывать нелепость моей затеи с другой точки зрения:

— Ерофеев — самый что ни на есть тривиальный провинциальный городишко самой что ни на есть заштатной планетки. Один из многих промышленных придатков столицы. Потому мы, «пчеловоды», и выбрали его для своей штаб-квартиры. Тут нет ни достопримечательностей, ни исторических мест, ни красот архитектуры. Потерпите, государь, ваша затея небезопасна. А стоит ли рисковать, когда в конце пути вас ждет столица со всем ее великолепием?..

Дай им волю, и они посадят меня в одну клетку со Сволочью. Кстати, о ней. Наконец-то я могу задать Дядюшке давно мучивший меня вопрос. Разговор этот мы вели в баре «пчеловодов» за рюмочкой водки, сидя вдвоем. Из-за других столиков на нас бросали любопытные взгляды, но подходить не решался никто. Я закусывал шашлычком, Дядюшка — специально для него заготовленными овощами и корнеплодами. Исправленные зубы не могли повлиять на благоприобретенную часть его натуры. Кстати, со дня на день ожидалось посещение хирурга, который купирует Дядюшке уши. Пока же он был вынужден появляться на людях все в той же своей дурацкой каске... Итак, вопрос, связанный со Сволочью:

— Как вам удалось изготовить послание для меня и передать его через Семецкого?

— Через Семецкого? — удивился Дядюшка и, хряпнув очередную рюмашку, принялся суетливо набивать рот морковно-капустным салатом. — Разве он жив, Семецкий?

— Уже нет, — ответил я, слегка шокированный его черствостью. — Но тогда был жив. Именно он, рискуя жизнью, передал мне ваш диск. И погиб, выполняя это опасное дело.

Похоже, и это известие не произвело на Дядюшку особого впечатления. Хотя, стоило ли ждать от него чего-то другого? Ведь, помнится, он и сам приготовил своему подчиненному незавидную участь, как изобретателю «машины времени» и ненужному свидетелю...

Задумчиво жуя, Дядюшка заговорил:

— Пожалуй, это самый загадочный момент во всей истории моего плена. Человек, внезапно появившийся на моей поляне, был одет в форменный комбинезон штурмана царского космофлота. Голова его была спрятана в соответствующий гермошлем, лицевое стекло установлено на односторонний светонепроницаемый режим. Даже его речь я слышал только через переговорник, и голос при этом был основательно искажен... — («Дарт Вейдер, да и только!..» — подумал я.) — Он сказал, что хочет мне помочь, предложил сделать съемку и заявил, что сможет передать запись вам. Хотя я и боялся провокации, я все же согласился. Я должен был рискнуть. Но когда я спросил его, где я нахожусь, он ответить отказался.

— Кто бы это мог быть? — полюбопытствовал я.

— Теряюсь в догадках. Больше всего похоже, что это — кто-то из приближенных Рюрика, сочувствующий, однако, нам и готовящий для себя пути к отступлению.

— Как мы узнаем его, когда это ему понадобится? Как он сможет доказать, что именно он помог нам?

— Незнакомец предусмотрел это. Хотя более вероятно, что он вовсе не незнакомец мне, иначе зачем бы он от меня прятался. Он сказал, что передаст вам лишь копию, оригинал же останется у него. И на этом оригинале, в конце записи он снимет свой шлем, и мы увидим, кто является нашим тайным помощником...

Мелькнула мысль, что, по традиции приключенческой литературы, таинственный друг должен оказаться нашим главным врагом — Рюриком. Но нет, это было бы уже слишком.

— За неизвестного спасителя, — предложил я, и мы выпили. Закусив, я вернул разговор в прежнее русло. — Ладно, допустим, с этим все ясно. Точнее, не ясно ничего, но от наших разговоров

яснее не станет. Давайте-ка поговорим с вами о прогулке по Ерофееву...

Услышав эти слова, Дядюшка страдальчески поморщился. Он, похоже, решил, что я уже забыл о своем капризе.

Тем временем в дверях бара появилась Аджуяр, окинула помещение ищущим взглядом и направилась в нашу сторону. Я кивнул ей, и она присела за наш столик. Дядюшка, заставив себя улыбнуться цыганке, вновь принялся тянуть свою волынку:

— Ну зачем вам это, государь?! Честное слово, вам не стоит настаивать на этой идее. Риск не оправдан ничем... Городишко — никчемный. По всей планете разбросаны промышленные поселки, а этот, хоть и самый крупный, только называется городом. На самом деле это такой же промышленный поселок...

Я уже видел современные поселки. В моих масштабах это достаточно крупные населенные пункты. Кстати, или от того, что родился я все-таки в Советском Союзе и «новости с полей и предприятий» мне отнюдь не чужды, или от того, что в детстве одной из моих любимых книжек был носовский «Незнайка» с его социальной направленностью, но я был вовсе не прочь побывать и на каком-нибудь промышленном объекте, посмотреть, как тут что производится.

Хотя главным было все-таки и не то, и не это, а просто тяга к смене обстановки в сочетании с желанием во что бы то ни стало настоять на своем. Я царь или кто?

— Тут используются лирянские технологии? — припомнил я.

— Да, — неохотно отозвался дядюшка. — Они везде используются... — Он быстро налил себе и опрокинул рюмашку. Невежливо, однако.

— Полет за вами на Зеленую Лужайку был для меня настоящим праздником, — перебил я Дядюшку, разливая водку, в том числе и Аджуяр, в мигом принесенную розовощеким коротышкой-барменом третью рюмку. — Я ужасно устал постоянно находиться в закрытом помещении. Но вам не понять этого.

— Мне?! Не понять?! — вскричал Дядюшка горестно и выпил, опять не дожидаясь нас. — Мне-то как раз еще как понять! Знаете ли вы, каково мне сейчас? Можно обрезать уши, можно подточить зубы, но душу, душу не обрежешь и не подпилишь! Признаюсь вам: там, на Зеленой Лужайке, я узнал, что такое истинное счастье. И меня тянет обратно в лес, туда, где простор и нега. Где журчит ручеек, и бабочки перелетают от цветка к цветку, неся им желанный нектар...

«Это пчелки носят нектар, — подумал я, — и не к цветку, а в свои ульи. А бабочки пыльцу переносят...» Но я промолчал, а Дядюшка продолжал:

— Я хочу прыгать по свежей травке, нагуливать жирок и грезить о встрече с такой же, как я, вольной зайчихой...

Я увидел, что по щекам Дядюшки Сэма текут слезы. Заметив мой взгляд, он утер их, нахмурился и вдруг ударил кулаком по столу:

— Но нет! Этому не бывать! Я должен быть твердым! Долг — превыше всего! Я не позволю вам рисковать делом всей моей жизни! — пьяно погрозил он мне пальцем. — Я не пущу вас на эту вашу прогулку. Терпите, государь, терпите. Это ваш долг перед отечеством! Я терплю и вам велю! Да и зачем вам это? Грязно, шумно, некрасиво, то ли дело...

Но я так и не узнал, что «то ли дело»... Внезапно Аджуяр протянула вперед руки и, проведя ладонями перед лицом Дядюшки, сказала:

— Мы идем гулять в город. Прямо сейчас.

— Да! — вскричал Дядюшка все с тем же пылом. — Прямо сейчас! И никто не сможет запретить нам пройтись по этому прелестному городку! Вперед, друзья! Я покажу вам все его достопримечательности! А их тут — завались! Куда ни плюнь!

Я бросил на Аджуяр укоризненный взгляд, но та в ответ только невозмутимо пожала плечами.

Отговорить Дядюшку Сэма от прогулки пытался Филипп, но, убедившись, что это бесполезно, тоже вызвался поучаствовать в экскурсии. Он был явно обеспокоен дядюшкиным состоянием и не позволил ему занять водительское кресло серебристого, военного вида антиграва-«псевдолета».

Управлять Филипп взялся сам, меня и Аджуяр посадил тоже спереди по бокам от себя, а Дядюшка развалился один на сиденье позади нас. Почему они предпочли воспользоваться машиной в то время, как могли бы просто лететь так, как мы летели к космодрому? Чтобы не привлекать к себе внимания? Хотя, с другой стороны, Аджуяр-то нашими способностями не обладает.

«В принципе «пчеловоды» и ей могли бы мнемогравитат пожаловать», — подумал я, но промолчал. В конце концов, если бы они могли и хотели это сделать, они сделали бы это и без моей подсказки. А мне это даже на руку. При всем моем нынешнем доверии и симпатии к старухе, я хотел бы иметь по отношению к ней хоть какие-то преимущества. Она способна прочитать мои

мысли и заставить меня делать все, что пожелает. Так пусть же в отличие от меня она хотя бы не умеет летать. Возможно, «пчеловоды» рассудили так же? Как бы то ни было, но на экскурсию мы отправились в антиграве.

— ...Ну и что вас тут интересует, Ваше Величество? — тронул меня за плечо Дядюшка. Машина, петляя, медленно плыла к центру вечернего города. Я обернулся и успел заметить на лице Дядюшки пьяную ухмылку, которую он, правда, моментально попытался согнать.

— Не знаю, — пожал я плечами, — вам виднее. Я хочу осмотреть город и думаю, вы поможете мне в этом. Вам-то ведь, наверное, знаком тут каждый закоулок.

— А то! — кивнул Дядюшка. — Может, в бордель? К девочкам? А? Там такие зайки имеются!..

— Типун тебе на язык, бесстыдник! — процедила Аджуяр. — К девочкам? Ты предлагаешь это царю?! Да еще в то время, как его жена и сын находятся в смертельной опасности?!

— А с вами, бабушка, никто и не разговаривает, — как-то совсем по-детски нахохлился Дядюшка.

— Не думаю, что это хорошая идея, — вмешался я, подозревая, что, если я не сделаю этого, разразится неминуемая буря. — Мне хотелось бы осмотреть достопримечательности.

— Ну, не хотите, не надо, — обиделся Дядюшка, демонстративно растянулся на своем сиденье и задремал. Что ни говори, а свежие морковь и капуста — закуска далеко не лучшая.

— Осматривать город лучше с утра, — откликнулся Филипп. — Есть тут пара музеев, несколько галерей традиционной живописи и вернисаж текучей мелопластики. Между прочим, крупнейший в галактике. Но сам город красивее, конечно, вечером.

Я уже и сам успел это заметить. Особенно впечатляли фасады огромных зданий, некоторые из которых подсвечивались летающими вокруг них по замысловатым траекториям разноцветными или монохромными прожекторами-спутниками.

— Что такое «текучая мелопластика»? — поинтересовался я.

— Вы не в курсе? — удивился Филипп. — Это нынче чуть ли не самое модное направление искусства. Оно находится на стыке музыки и скульптуры... Вот, кстати, взгляните. — Машина повисла перед очередной архитектурной махиной. — Это, конечно, не более чем дизайн, но принципы использованы те же...

Я не сразу понял, о чем это он. Музыка действительно имела место: довольно отчетливо раздавались в вечернем воздухе торжественные и в то же время странные аккорды. Но больше ниче-

го особенного вокруг вроде бы не происходило. Я повертел головой. Филипп, заметив мою растерянность, указал рукой на фасад:

— Приглядитесь.

Я глянул на здание и даже вздрогнул от неожиданности. Вроде бы только что его ровно освещенный простым белым светом фасад был гладкой строгой стеной... Откуда же взялись эти обнаженные фигуры каменных атлантов с собачьими головами, поддерживающих крышу?

Ударили литавры, и у меня ёкнуло сердце, потому что одновременно с этим атланты опустили руки. А затем они деформировались и превратились в округлые колонны в римском стиле. Еще один мажорный музыкальный всплеск, и колонны эти как бы сдулись и сравнялись со стеной, которая вновь стала такой же строгой, как и тогда, когда я ее только увидел, но на этот раз не абсолютно ровной, а с ярко выраженными рельефами каменных глыб, из которых она якобы сложена.

Все происходившее напоминало пластилиновый мультфильм, но не на экране, а в реальном объеме и при том — в грандиозном масштабе внушительного здания...

— Такое оформление дома — достаточно дорогое удовольствие, — заметил Филипп.

— А что это за дом? — поинтересовался я.

— Посольство лирян. Филиал, — скривившись, отозвался он.

— А-а. Ну-ну. Эти-то могут себе позволить.

— Подобные филиалы есть в каждом крупном городе России, — добавил Филипп.

— Поехали дальше? — предложил я, заставив себя оторваться от зрелища. Как раз в этот миг поверхность стены сперва подернулась рябью, а затем каждая глыба, из которых состояла стена, превратилась в огромные, грубой лепки, белоснежные цветы.

— Поехали, — согласился Филипп. — Может, заглянем в какой-нибудь дансинг?

Еще чего не хватало. Но не успел я возразить, как тот уже выдал новую идею:

— О! — в возбуждении потрепал он себя за бороду. Машина вновь остановилась. — Знаю! Вы же любите музыку! Тут в Петушках один из самых знаменитых оперных театров — Цветной. На его премьеры меломаны слетаются со всей галактики. Цены безумные. Но у нашего общества с Цветным особые счеты... Не хотите послушать оперу?

Оперу? Кино ихнее я уже знаю. Не удивлюсь, если и опера окажется подобным, напичканным технологическими трюками и

абсолютно безвкусным зрелищем. Но Филипп тут же развеял мои сомнения и одновременно пробудил любопытство:

— Думаю, вам будет интересно, ведь там воссоздается антураж того времени, когда была написана или сама опера, или книга, положенная в основу либретто. Возможно, сегодня дают что-нибудь и из двадцатого века.

— Было бы интересно, — признался я.

— Сейчас я свяжусь с информаторием и выясню, — кивнул Филипп. Он тронул белое пятнышко на пульте управления, и правый верхний угол лобового стекла на миг помутнел. И тут же на этом мутном поле появилось трехмерное изображение миловидной девушки, от безупречной формы обнаженного бюста которой у меня уже привычно перехватило дыхание.

— Компания «Петушки-информ» приветствует вас, — мило улыбнулась девушка.

— Мне нужен репертуар Цветного театра на сегодня, — отозвался Филипп, — а также информация о наличии билетов с учетом брони «Общества консервативного пчеловодства».

— Хорошо, — кивнула девушка, — набираю информационную службу Цветного и сообщаю о вашем запросе. — Она опустила глаза туда, где оставались невидимыми для нас ее колени и кисти рук и где скорее всего у нее была клавиатура. Конечно, я знал, что оголена девушка только выше пояса, но так как ниже ее видно не было, то моя разрезвившаяся фантазия рисовала самые соблазнительные картинки...

— А вашему спутнику справа, — добавила девушка, окинув меня коротким озорным взглядом и вновь обратившись к Филиппу, — могу дать пару номеров... Он явно соскучился по женской ласке, а там...

— Не надо, — грубовато прервал ее Филипп.

Девушка пожала плечиками.

— Цветной, — торжественно объявила она и что-то переключила. На нашем экране (можно ли говорить об экране, если изображение объемное?) появилась заставка: радужные концентрические круги, пульсируя, сходятся в точку в центре и взрываются разноцветными звездами. Волны минорных арпеджио арф поддерживают эту пульсацию, и под их аккомпанемент прекрасный сопрано пропел:

Спеши, спеши, я жду тебя, я муза,
И вздрогнет мир от нашего союза...

Да-а. Опера всегда поражала меня своими до невероятия глупыми и банальными текстами. Чего стоит только контраст в арии Ленского между мелодично-распевным: «Я люблю вас, я люблю вас» и неожиданным, произносимым вне мелодии словом «Ольга». Без смеха это слушать невозможно. Глупее тексты бывают только в рекламных роликах... «Жиллетт»! Лучше для мужчины нет...» Ну и естественно, что реклама оперы — это апофеоз. *«И вздрогнет мир от нашего союза...»*

Тем временем экран стал пунцово-красным, по нему побежали строчки с текстом, за кадром его читал диктор, а на красном фоне появлялись движущиеся иллюстрации — сцены из называемых опер, лица актеров крупным планом, слышны были и короткие вокальные отрывки.

— В Красном зале, — говорил диктор, — сегодня днем вы могли слушать прекрасные голоса Джессики Полевой и Федерико Тульчина в алмазе древней классической оперы Жоржа Бизе по сюжету Проспера Мэриме «Кармен». Для представителей «Общества консервативного пчеловодства» билеты, согласно договору, имелись, однако этот спектакль уже закончился. А вечером, то есть буквально через пятнадцать минут, в Красном зале...

— Стоп, — скомандовал Филипп, и голос послушно замер. — Не надо рассказывать, что было, называй только предстоящие спектакли. Еще, пожалуйста, без имен исполнителей, и только те, на которые оставлены билеты для «Общества».

— Понял, — заверил голос. — Билеты для «Общества консервативного пчеловодства» есть на все семь предстоящих спектаклей. Красный зал: «Жизнь за царя» или «Иван Сусанин» композитора Глинки на либретто Нестора Кукольника. Оранжевый зал: «Волчья натура» Сидоровича на сюжет Вохи Васильева. Желтый зал: «Волк и семеро козлят» Миркеса на фольклорный сюжет.

«Что-то они все о волках, да о волках, — подумал я. — И еще о царе. Довольно странно, если, по словам Дядюшки Сэма, никто не знает о природе Рюрика». Но волчья тема тут же пресеклась. Диктор продолжал:

— Зеленый зал: «Пиковая дама» Чайковского на сюжет повести Александра Пушкина. Голубой зал: «Андроид Малоежка С'Бодуна» Миркеса, либретто Джонатана Кузькина. Синий зал: «Чапаев и Пустота» композитора Фурманова на сюжет одноименного романа Виктора Пелевина. — (Я аж вздрогнул.) — Фиолетовый зал: «Трубадур» Верди на либретто С. Каммарано по одноименной драме А. Гутьереса.

Все семь произнесенных названий в столбик, каждое — своим цветом, возникли в уголке экрана, на котором вновь появилась давешняя девушка:

— Вас интересует что-нибудь еще?

Филипп вопросительно глянул на меня.

— Я не все эти оперы знаю, даже классические, — пожал я плечами, — вот, например, последняя, «Трубадур», про что она?

— Минутку, — улыбнулась девушка. — Сейчас сделаю соответствующий запрос... — Она вновь опустила глаза и руки, затем сообщила:

— Цветной дает краткое содержание.

По экрану опять побежал текст, и тот же монотонный голос стал читать его за кадром:

— Опера Дж. Верди «Трубадур». Либретто С. Каммарано по одноименной драме А. Гутьереса. Краткое содержание*.

Действие 1. Картина 1. *Феррандо рассказывает о событиях, которые произошли двадцать лет назад в семействе ди Луна. Однажды кормилица увидела у колыбели младшего сына цыганку. С того дня малютка начал чахнуть. Цыганку сожгли на костре. Дочь сожженной украла младшего отпрыска графа.*

Картина 2. *Двор замка. Граф ди Луна мечтает о Леоноре. Раздается песня трубадура, на свидание с которым спешит Леонора. Ди Луна узнает в возлюбленном Леоноры предводителя повстанцев Манрико. Граф вызывает его на поединок.*

Картина 3. *Лагерь повстанцев. Азучена, мать Манрико, когда-то похитила младшего из графов ди Луна. В день казни своей матери она, обезумев от горя, бросила в костер не сына графа, а своего ребенка.*

Рюиц приносит от повстанцев сообщение, что они заняли замок Кастеллор, а Леонора, поверив слухам о гибели Манрико, решила уйти в монастырь.

Действие 2. Картина 1. *Граф ди Луна решает похитить Леонору из монастыря. Подоспевший Манрико заставляет графа отступить.*

Картина 2. *Военный лагерь ди Луна. Солдаты приводят к графу Азучену.*

Картина 3. *Зал замка Кастеллор. Манрико и Леонора вместе. Вбегает Рюиц: в лагере противника — Азучена.*

Действие 3. Картина 1. *Попытка освободить Азучену не удалась. Крепость пала. Рюиц и Леонора спаслись. Манрико попал в*

* Журнал «Театральный Ленинград» (№ 25, 1985 г.).

плен. Леонора согласна стать женой графа, если он освободит Манрико. Граф разрешает Леоноре свидание с Манрико. Леонора принимает яд.

Картина 2. *Темница. Азучена бредит. Появляется Леонора. Она снимает оковы с Манрико: он свободен. Яд оказывает свое действие — Леонора умирает.*

Входит граф. Он приказывает казнить трубадура. Просыпается Азучена. Граф показывает ей пламя костра: Манрико казнен. «Ты убил родного брата», — говорит Азучена.

Конец.

Да-а... Каким же ослом должен был быть этот самый Джузеппе Верди, чтобы класть подобный бред на музыку...

Снова появилась девушка:

— Вас интересует краткое содержание каких-либо еще опер?

— Нет, спасибо, достаточно, — торопливо, даже не спрашивая моего мнения, откликнулся Филипп. — Оставьте, пожалуйста, на экране только названия.

— Приятно провести вечер, — улыбнулась девушка, — всего хорошего. — Неожиданно она вновь глянула на меня и чуть заметно улыбнулась. — Если что, обращайтесь.

Я почувствовал, что густо краснею, но девушка уже исчезла.

— Ну, — обратился ко мне Филипп, — выбрали что-нибудь?

Конечно, выбрал. «Чапаев и Пустота» Пелевина — одна из самых модных книжек моего времени. Прочитать ее, правда, руки у меня не дошли, но все равно приятно, что кого-то из моих современников и соплеменников помнят до сих пор... И все-таки про андроида тоже любопытно было. Я сказал об этом Филиппу, но тот тут же отговорил меня:

— Видел я этого «Андроида Малоежку». Полнейшая ерунда. Ни музыки, ни смысла, одни спецэффекты. Этот Миркес — местный композитор да к тому же, по-моему, еще и родственник главного дирижера оркестра, и тот его всячески протаскивает. На самом же деле его фамилия не должна стоять в одном ряду с именами великих. И уж полнейшая ерунда состоит в том, что музыку он написал на сюжет морально устаревшей книжки. Андроиды окончательно вышли из моды лет тридцать назад.

— Ворованные андроиды — хороший был бизнес, — с некоторой мечтательностью сообщила давно молчавшая Аджуяр.

— Да, дорогая была игрушка, — согласился Филипп. — А сейчас действующего уже и найти-то трудно.

— Ну, тогда «Чапаев», — заключил я.

Филипп удовлетворенно кивнул, и машина тронулась.

* * *

К тому моменту, как мы добрались до внушительного овального здания Цветного театра, я, удивляясь сам себе, пришел в неописуемое волнение от предчувствия встречи со своим временем.

Оказалось, мы чуть не опоздали, и к своим местам в ложе, чтобы не создавать шума, бежали на цыпочках.

В зале и на сцене царила тьма. Тревожная музыка, похожая на сочинение Шнитке, делала эту тьму еще глубже, а свист ветра, пробивающийся сквозь звуки инструментов, заставил меня почувствовать холод.

На сцене забрезжил свет, и настала серая полутьма. Человек в рваном фраке и военной по покрою, но красной фуражке на голове, выйдя безо всякого предисловия на авансцену, запел красивым баритоном, и мелодия была отнюдь не модернистской, а напротив, красивой, явно в традициях Чайковского:

— О горе мне! Ни денег нет, ни документов!

Тут же из тьмы вынырнули еще двое в военных, по-видимому, формах, состоящих из таких же фуражек, красных галифе и красных же курточек. В руках они держали то ли огромные пищали, то ли мушкеты. Похоже, так, в представлении режиссера постановки, должны были выглядеть красноармейцы. Насколько я помню, красная форма в истории встречалась только у солдат армии буров в войне против англичан...

Тем временем один из красноармейцев запел:

— От подозрительных очистим элементов
Россию мы...

— Опять! Исчадья тьмы! — подхватил дуэт человек во фраке. *— Куда ж мне спрятаться? Быть может, в этот двор?*

— Постой, постой! — терциями, словно кукушка прокуковала, спели красноармейцы. *— У нас к вам разговор...*

Первый персонаж метнулся во тьму, одновременно с этим выдергивая из-за пазухи бластер. Полыхнули вспышки, прогремели выстрелы, один из красноармейцев рухнул... Свет погас, и вновь зазвучала больше похожая на какофонию модерновая музыка.

Внезапно сцена осветилась более основательно. Первый персонаж теперь торопливо шел через нее на фоне почему-то сто-

ящих вкривь и вкось домов. Тут из-за кулис выбежал человек, затянутый в черный кожаный комбинезон, и, догнав первого, схватил его за плечо. Тот порывисто повернулся и вновь выдернул бластер. «Черный» испуганно запел:

— Спокойно, Петр! Ведь это я — Григорий.
Как много лет не виделись с тобой!

Петр *(засовывая бластер под фрак):*

— Рад встрече! Вот одна из тех историй,
Что не поверил бы, скажи мне кто другой...

Григорий берет Петра под руку. Аккомпанемент становится мягким. Григорий задушевно поет:

— А помнишь, Петр, как мы резвились в детстве?

— Еще бы, мы ведь жили по соседству.

— Пойдем ко мне, поговорим о том о сем.

Петр *(мажорно)*:

— Ну что ж, пойдем. Ну что ж, пойдем.

В тот же миг дома на заднем плане, словно оплавившись, потекли вниз, и из этого месива сформировался интерьер комнаты (явно тут не обошлось без техники текучей мелопластики). Петр с Григорием уселись на откуда ни возьмись появившиеся кресла к столу. Заглядывая Петру в глаза, Григорий запел:

— Я вижу, Петя, что ты не в порядке,
Давай отбросим эти игры в прятки,
Ты расскажи мне, что стряслось, тебя я выслушать не прочь,
И обещаю по возможности помочь...

— *Стряслась беда. За мной охотились оттуда* (указал Петр рукой вверх).

Но я сбежал, я жив, случилось чудо...

— *Ах так!* — вскричал Григорий бодро, почти весело. — *Тогда обязан я тебя арестовать!*
Ведь я чекист, и руки вверх, и быстро встать!

Он потянулся за бластером. Но вместо того чтобы подчиниться, Петр резким движением сорвал со столика скатерть так, что во все стороны посыпались блюдца и рюмки, и, накинув ее на голову Григория, повалил его на пол. Некоторое время под тревожную экспрессивную музыку, изредка заглушаемую выстрелами, они катались по полу. Затем Петр, ухватив Григория за горло прямо сквозь ткань, принялся его душить. И он преуспел в этом. Отбросив безжизненное тело, он вскочил на ноги и запел:

— О горе мне! Теперь я стал убийца!
Так что ж мне, застрелиться, утопиться?!
Иль продолжать свою с судьбой игру?..

Раздается сильный стук в дверь.
Петр *(вздрагивая):*

— Я так и знал. Ну что же. Отопру.

Свет на сцене погас, поползли кулисы, а в рукоплещущем зале свет, наоборот, начал плавно загораться. Закончилось первое действие.

— Сила! — в восхищении обернулся ко мне Филипп. — Какая тонкая способность проникать в дух чужого времени.

Я осторожно кивнул.

— Я, правда, ничего не понял, — признался Филипп, — но вы-то, наверное, поняли все?

Я не стал его разочаровывать.

Оклемавшийся Дядюшка Сэм предложил:

— В буфет?

Отказаться было просто невозможно.

...Вернулись и расселись по местам мы, несколько опоздав.

Не знаю, сколько мы пропустили. Музыка играла явно восточная. Возможно, индийская. Нет, скорее японская, потому что один из двоих находящихся на сцене людей явно был японцем. Он сидел на одной из многих разбросанных по сцене разноцветных подушечек и держал в руках инструмент, напоминающий балисет.

Второй человек стоял. По-видимому, он только что вышел на сцену, потому что запел он следующее:

— Здравствуйте (фа, до, до). *— Моя фамилия Сердюк!* (фа, соль, ля, си-бемоль, до, ми, соль, ля.)

— Я — Кавабата, — пропел второй. *— Прошу вас, заходите.*

Сердюк уселся на одну из подушечек.

Кавабата *(протягивая Сердюку стакан с жидкостью):*

— Традиция велит нам это пить.
С кем пьешь сакэ, с тем и друзьями быть.

— Ну раз велит, то я не откажусь,
Хотя сакэ я раньше не пивал,
А потому немножечко боюсь.

— Не бойтесь, эта жидкость — идеал.

Сердюк выпивает содержимое стакана залпом и тут же блюет на пол. Зал при этом взрывается восторженными овациями.

Сердюк:

— Прошу простить...

— Нет, нет, не говорите...

Кавабата дважды хлопнул в ладоши, в комнату вошли и покорно склонились две девушки. Кавабата обратился к ним:

— Еще сакэ. А это (указывая на пол) *— уберите.*

Музыка изменилась, стала задушевно-томной и Кавабата исполнил целую арию:

— Мой друг, мой друг, милейший мой Сердюк.
Я, к сожаленью, наблюдаю, что вокруг
Всё прагматизмом, словно тлёй, заражено,
Он превращает нашу жизнь в говно.

Зал в этом месте вновь взорвался аплодисментами. То ли смысл слов Кавабаты был созвучен с сегодняшней ситуацией в мире, а потому актуален, то ли зрителей потрясла высокая нота, которую артист взял на слове «говно». Интересно, этот бред действительно написал Пелевин или тутошний режиссер постарался?

Кавабата дождался тишины и продолжил:

— А в древности всё было так изящно,
Всё так достойно, всё так настояще,
Так не желаете ли вы вступить в японскую семью
И выше прочего поставить честь свою?

— О да, конечно, я готов.
О том мечтал я очень долго.

— Раз так, тогда не нужно слов:
Вам самурайское знакомо чувство долга.

Ну что ж, пожалуйста, поспешите,
Сию бумажку без сомненья подпишите,
Что вы клянетесь почитать и «Он», и «Гири»...
Но если что, придется сделать харакири.

Сердюк *(в сторону)*:

— До харакири, я надеюсь, не дойдет (берет бумагу).
Прекрасно, коли так, идёт.

С этими словами он подписал подсунутую ему японцем бумагу. Я же тем временем, не особенно надеясь на ответ, спросил у Филиппа:

— Какие гири?

Как ни странно, он знал, о чем идет речь, и в ответ шепнул:

— «Гири» — так у древних японцев назывался долг человека перед самим собой. Это его честь и достоинство. А «Он» — это долг ребенка перед родителями, вассала перед сюзереном, гражданина перед государством, то есть чего-то меньшего перед большим.

На сцене в этот миг раздался звонок телефона. Кавабата снял трубку, выслушал что-то и побледнел как полотно. Затем, бросив трубку, он схватил с пола кривую саблю и запел:

— Звонили из Японии-страны,
Сообщили мне, что мы разорены.
Позора этого снести нам не суметь,
И мы обязаны немедля умереть!

Сердюк *(в ужасе)*:

— А может быть, не надо, Кавабата,
Ведь мы с тобой совсем ни в чем не виноваты?

— Возможно, но ведь есть же в нашем мире
И слово «Он», и слово «Гири».
Я хорошо умею делать харакири,
Без крови и без мук, на «три-четыре».

А вы не опытны совсем еще, Сердюк,
Не сможете как надо сделать вдруг.
А значит, должен контролировать вас друг.
И это я (подавая саблю) *— смелей, мой друг.*

Сердюк *(принимая саблю, повторяет вновь):*

— А может быть, не надо, Кавабата,
Ведь мы с тобой совсем ни в чем не виноваты?

В этот миг к моему уху склонился уже снова пьяный после буфета Дядюшка Сэм (что за странный метаболизм у зайцев?).

— В каком, однако, бурном мире вы жили, Ваше Величество, — прошептал он, дыша перегаром.

— Не знаю, не знаю, я лично жил в несколько другом мире, — возразил я, брезгливо отстраняясь. — Это — художественное преувеличение.

Тем временем Кавабата спел:

— Как исчезают журавли за облаками
Умрем, мой друг. Сначала вы, а я за вами... (беря Сердюка за руки и помогая ему направить клинок в живот).

Вы поклялись чтить слово «Он» и слово «Гири».
Так совершите харакири. «Три-четыре!»

На слово «четыре» Сердюк с обезумевшим лицом воткнул саблю себе в живот, и кровь (надеюсь, искусственная) фонтаном брызнула на сцену. Ноги его подкосились, и он рухнул на пол. И вновь раздался звонок телефона. Кавабата схватил трубку, что-то внимательно выслушал, а потом без всякой музыки заорал:

— Да где же битая? Где битая? Две царапины на бампере — это тебе битая? Что? Что? Да сам ты козёл! Говно, мудак! Что? Да пошел ты сам на х...й!

Под громовые аплодисменты занавес вновь закрылся. Публика ликовала. Я же понял лишь то, что я ничего не понял. И еще я понял, что дальше я смотреть эту оперу не желаю. И если уж я собрался погулять по городу, то хочу делать это в одиночестве.

— Где тут туалет? — спросил я у Филиппа. Он указал мне направление, и я отправился туда, бросив: — Сейчас вернусь.

Но, как только я скрылся в толпе от глаз своих спутников, я тут же сменил направление и вскоре без труда выбрался на улицу.

* * *

Решение пришло мгновенно. Я хочу побывать на какой-нибудь фабрике. Чтобы не привлекать к себе внимания, лететь, пользуясь гравитатом, не стоило. Я уже понял, что способностью этой пользуются лишь в исключительных случаях, когда речь идет об опасности для жизни. Да и кто его знает, установлены ли соответствующие генераторы близ производственных территорий. Можно и не долететь.

— Ты можешь отвезти меня на ближайший завод? — спросил я водителя, поймав флаер.

— Куда? — переспросил таксист так, словно я сказал какую-то непристойность.

— На завод, на фабрику, на производство...

— Не советую, — отозвался тот, глядя на меня с брезгливым неодобрением.

— Так можешь или нет?

— Не всякий согласится везти в такое место.

— А ты?

— Это стоит недешево. — Таксист смерил меня взглядом и уточнил с нескрываемым злорадством. — Это стоит бешеных денег.

— Они у меня есть, — заверил я, забираясь в кабину флаера. — Поехали.

— Надоели извращенцы, — пробормотал таксист, поднимая машину в воздух, и мне показалось, что он хотел, чтобы я его услышал. — Так какой завод вам нужен?

— Любой.

Таксист посмотрел на меня еще более внимательно и, как мне показалось теперь, даже испуганно. Так, словно я предлагал ему среди ночи отвезти меня на ЛЮБОЕ кладбище.

— Тот, который поближе, — уточнил я.

Таксист еле заметно покачал головой, и мы двинулись. Летели молча. Таксист не делал попыток со мной заговорить, а я, чувствуя неприязненное и настороженное его отношение ко мне, тем более.

Только когда мы приземлились возле огромного, мрачного, слабо освещенного строения, состоящего из полусферических, соединенных сетью труб, куполов, я спросил... Потому что больше спросить мне было не у кого:

— И как я туда войду?

— Ну, это уж не мое дело, — скривился водитель. — Без высокого статуса социальной значимости тут делать нечего.

— Ясно, — кивнул я. — Это вход? — указал я на круглое черное пятно в стене ближайшего купола.

— Да, — нетерпеливо бросил он. — Платить-то будем? — Ему явно хотелось поскорее отсюда смыться.

— Сколько? — спросил я, и он назвал такую сумму, что я даже несколько опешил. Но капризы всегда стоили дорого. Во все века. К тому же сумма убедила меня, что это все-таки не просто каприз, что сюда меня привела некая интуитивная догадка, и именно тут я обнаружу нечто чрезвычайно для себя важное... Я отсчитал названную сумму и отдал ее. Водила поспешно спрятал деньги в карман.

— Если ты подождешь меня тут полчаса и увезешь обратно, получишь еще в два раза больше, — заявил я.

На лице водителя появилось выражение мучительного раздумья.

— Ладно, — сказал он наконец. — Полчаса и ни минутой больше.

— Что тут хотя бы производят? — спросил я еще.

Водитель презрительно пожал плечами, всем своим видом показывая, что вести разговор на подобные темы он не намерен. Я вышел из псевдолета и направился к зловещему куполу. Поравнявшись с ним, я вытянул вперед руку, и пятно, оказавшееся такой же, как в космических кораблях, диафрагмой, раскрывшись, впустило меня.

Нигде вокруг не было никаких признаков людей. Я двигался по полутемным, наполненным гудением и пощелкиваниями помещениям. Тысячи сложных переплетений труб походили на кровеносную систему организма. Я подумал, что, возможно, я нахожусь на каком-то полностью автоматизированном химическом комбинате, и вряд ли я увижу тут что-то хоть мало-мальски интересное. Несколько раз я уже порывался повернуть назад, но нечто вроде азарта гнало меня вперед и вперед.

Неожиданно я уткнулся в очередную диафрагму и с облегчением подумал, что это — выход с обратной стороны фабрики. Но тут прямо на диафрагме возникла мерцающая зеленью надпись:

«Внимание! Опасность! Перед вами — вход в блок управления. Если ваш ССЗ ниже необходимого, сработает система защиты».

ССЗ — это статус социальной значимости, — сообразил я. — А система защиты, видимо, нечто очень неприятное. Возможно, вредное для здоровья, а то и для жизни. Не знаю, ради чего мне нужно было рисковать. Но не рискнуть я не мог. И я вытянул руку ладонью вперед.

Надпись исчезла, диафрагма открылась. И я шагнул в помещение «блока управления». Мой статус оказался достаточно высок.

Это была тесная комната, наполненная непонятными приборами.

— Добрый вечер, — внезапно раздался громкий безжизненно дребезжащий голос, и от страха у меня подкосились коленки. Испуганно оглядевшись, я так и не увидел говорящего. А голос продолжал: — Завод приветствует вас и ждет указаний.

— Кто ты?! — выпалил я.

— Завод, — откликнулся голос.

— И где ты?

— Здесь, — продребезжал голос. — Жду указаний.

— Каких указаний? — спросил я, поняв наконец, что со мною действительно разговаривает сам завод.

— Любых. Вы ведь пришли для того, чтобы дать мне указания. Вы — новый обслуживающий техник, не так ли?

— Нет, — признался я. — Я не техник.

— А кто вы? — Мне показалось, что в интонации, с которой была произнесена эта фраза, мелькнуло нечто человеческое.

— Я... — честно говоря, я не знал, что ответить. Действительно, кто я в этом мире? Почему я попал сюда? Почему имею столь высокий статус социальной значимости? Есть на все эти вопросы один ответ, но я как-то не привык еще сам произносить эти слова вслух. Но, в конце концов, я разговариваю даже не с человеком, а с каким-то заводом. Что уж тут стесняться? И я ответил:

— Я — царь.

Некоторое время в блоке управления стояла тягостная тишина. Затем послышался звук, похожий на вздох, и затем завод произнес фразу, смысл которой я понял не сразу:

— Простите за смелость, Ваше Величество. Коснитесь, пожалуйста, клавиши, над которой нарисован глаз. Тогда и я смогу видеть вас.

Я протянул руку и утопил клавишу в щиток.

— Так и есть, — произнес голос. — Вы — Роман Михайлович Романов. Тот самый грядущий правитель, о котором сообщал Семецкий. Выходит, он не придумал это.

— Семецкий?! — не поверил я своим ушам. — Откуда ты его знаешь?!

— С недавних пор Семецкий — мой коллега, — отозвался завод. — Его личность и разум использованы для управления одним стратегически важным оборонным предприятием. И я всегда могу связаться с ним.

— Ты хочешь сказать, что и ты когда-то был живым человеком?!

— Конечно, — отозвался завод. — А что в этом удивительного? Семецкий, кстати, подсказывает вопрос: разве труд приговоренных к пожизненному заключению не использовался обществом в ваше время? Он говорит, что изучал вашу историю и вашу юриспруденцию.

— Он здесь, на Петушках?

— Да. Эта планета — один из важнейших промышленно-стратегических объектов России.

— Я могу поговорить с ним напрямую?

— Нет, такая коммутация не предусмотрена. Но вы можете общаться через меня.

— Ладно, передай ему привет.

Завод помолчал, затем произнес:

— Привет и вам. Однако он вновь просит меня, чтобы я уточнил: могли ли в ваше время в принудительном порядке заставлять преступников выполнять тяжелый или опасный труд? Он говорит, это для него важно.

Я вспомнил рассказы о том, что в СССР смертникам якобы предлагали на выбор — быть расстрелянными или несколько лет отработать на урановых рудниках... Точных фактов на этот счет у меня нет, но, думаю, это правда. А китайцы вроде бы приговоренных к смерти использовали даже в съемках кино для особой реалистичности сцен убийств... У японцев были камикадзе, и они даже не были преступниками.

— В принципе зеки всегда работали... — согласился я. — Да, это так. Но не в такой же изощренной форме.

— А кто может сказать уверенно, какая форма изощреннее другой? — проскрипел завод. — Хотя, если говорить честно, я полностью согласен с вами. Нет ничего ужаснее этой принесенной Рюриком технологии. Ад на земле. Нас уже нет, но мы продолжаем мучиться. Без надежды и без просвета.

— Почему же мучиться? — спросил я. — Разве мучения обязательны для того, чтобы руководить заводом?

— Каждый станок, каждая линия, каждый трубопровод и каждый вентиль этого завода снабжены датчиками, которые являются органами моих чувств. И любая критическая ситуация в промышленных блоках отзывается болью. Ведь боль — сигнал опасности для организма. Я постоянно, непрерывно испытываю боль — сильнее или слабее. Я делаю все, чтобы погасить ее: латаю трещины в трубах, подтягиваю винты, охлаждаю перегревшиеся части... Но я работаю на пределе своих возможностей...

Вот сейчас, например, я чувствую, что, пока я болтал с вами, я слегка отвлекся от процесса, и основной каркас теперь испытывает нагрузки, близкие к критическим. И это ощущается мною так, как будто у меня одновременно ноют зубы, череп и позвоночник... Кроме того, я чувствую неполадки в подаче кислорода. Я задыхаюсь, меня тошнит... Сейчас, минутку...

— Господи Боже! — вскричал я. — Но ведь это бесчеловечно!

Некоторое время завод молчал, по-видимому, борясь с неполадками... Наконец вновь раздался его голос:

— Ну вот. Мне немного полегче... Бесчеловечно?.. Так ведь это не человеческая технология. А для хищника это норма — использовать чужую жизнь, чужие боль и страдания в своих целях.

— Но вы ведь можете бороться, можете бунтовать!

— Бунтовать? Да стоит технику хотя бы на один вольт снизить напряжение в сети питания, как я начну испытывать такой голод, что мигом позабуду о бунте... Способов заставить нас работать — тысячи.

— А можно ли твой мозг, мозг Семецкого или кого-то еще, кто уже был заводом, вернуть в человеческое тело?

— Это исключено, — сказал завод, и мне показалось, что он вновь вздохнул. — Не буду объяснять вам, Ваше Величество, нюансы этой гнусной технологии, скажу только еще раз: это абсолютно исключено.

— Что я могу сделать для вас? — спросил я, чувствуя, что к горлу моему подкатывает комок.

— Если бы я не знал, что это невозможно, я попросил бы вас убить меня... — откликнулся завод. — Семецкий говорит, что вы — на редкость добрый и порядочный человек. Он уверен: стоит вам прийти к власти, и вы запретите использование человеческого мозга в технологических целях.

— Обещаю вам! — запальчиво выкрикнул я. — Я обязательно это сделаю!

— Хочется верить... — вновь как будто бы вздохнул завод. — Но, честно говоря, не так-то это легко. Ведь вся человеческая промышленность уже десятилетия держится на этом. Дешевизна и экономичность такого производства принесли людям изобилие...

— И никто не пытался бороться с этим?! — поразился я.

— Никто ничего не знает, — откликнулся завод.

— Так уж и не знает? — не поверил я. — Таксист, который подвез меня сюда, явно чуял что-то недоброе.

— Да, в обществе бытует мнение, что зона промышленности — это нечто порочное... Но никто не знает, что тут творится на

самом деле. Промышленность удовлетворяет нужды общества, а то не сует в него свой нос. Возможно, любопытные и не живут долго... Семецкий подсказывает, даже главные борцы с Рюриком, «пчеловоды», существуют за счет этой технологии. Их руководитель — один из главных пайщиков и владеет львиной долей акций стратегических предприятий.

Наш пострел везде успел! Паршивец! Я непроизвольно сжал кулаки.

— Кем ты был до того, как стал заводом?

— Ваше Величество, позвольте мне не отвечать на этот вопрос. Мы не сообщаем такие подробности даже друг другу. Это слишком болезненная область. Новички из внешнего мира приносят только свои имена и последние новости... Семецкий принес весть, которая всколыхнула нас всех: трон Рюрика в опасности. О, как мы возрадовались! Ведь если не станет Рюрика, возможно, не станет и этой технологии, а значит — конец нашим мукам, и долгожданная смерть принесет нам наконец избавление от боли и усталости...

— Даю тебе слово, так и будет, — сказал я решительно.

— Вы разрешите сообщить об этом всем промышленным предприятиям? — попросил завод. — Ваши слова значительно облегчат их жизнь и привнесут в беспросветную тьму их существования хотя бы искру надежды на избавление от мук.

— Сообщи, — кивнул я. — И скажи еще вот что. Борьба с Рюриком предстоит сложная. Возможно, она будет длиться еще достаточно долго. Но я обещаю время от времени, когда у меня будет такая возможность, появляться на каком-либо предприятии и подтверждать вам тот факт, что я жив и что рано или поздно я выполню данное вам слово.

— Спасибо, Ваше Величество. Да хранит Вас Господь. Семецкий... Он еще совсем недавно живет в этой шкуре, и ему особенно тяжело. Он просит убить его как можно скорее.

— Я обещаю.

Опера, конечно же, давным-давно закончилась, и мы летели прямиком в логово «пчеловодов». Напоследок я спросил дождавшегося меня таксиста:

— А почему все-таки ты не любишь летать в промышленную зону?

— Потому что там пахнет мертвечиной, — ответил он и, с вызовом посмотрев на меня, добавил: — И от таких, как ты, — тоже...

Я промолчал. В его поведении чувствовалась неосознанная готовность к бунту. Хорошо, если такие настроения царят во всем обществе. Хорошо, если люди остаются людьми. Это было бы залогом моей будущей победы.

Глава 2

АБОРДАЖ

Переполох, который я устроил своим исчезновением, прекратился лишь тогда, когда на смену ему явился новый переполох: выяснилось, что долгожданный табор моих союзников-джипси приближается к Петушкам.

Когда цыгане расположились на орбите вокруг Петушков, мы с Аджуяр, Дядюшкой и Филиппом вылетели к ним на одном из «призраков». Наши корабли состыковались, и мы, миновав тамбур, перешли в корабль Гойки.

Он встретил нас, попыхивая трубкой и натянуто улыбаясь (Дядюшка и Филипп явно не вызывали у него доверия). Я поразился тому, как разительно изменился он за тот не столь уж значительный срок, в течение которого мы не виделись. Он осунулся, черты его лица стали острее, а волосы тронула седина. Правда, все это не только не повредило его внешности, но даже наоборот: он стал по-настоящему красив, и в глазах его появилась печальная значительность. И еще эта трубка... Раньше он предпочитал простые сигареты. Он протянул мне руку:

— Хай, рома, — и покачал головой. — Что это за тряпье на тебе? — показал он хмурым взглядом на комбинезон «пчеловодов», который уже стал для меня привычной одеждой. Сам тому удивляясь, я смутился так, словно меня уличили в каком-то весьма неблаговидном поступке. И это слегка взбесило меня.

— Вот что, Гойка, — сказал я строго. — Если ты хочешь, чтобы мы остались друзьями, свыкнись с мыслью, что я уже не принадлежу табору, я принадлежу России. Но и вы — русские цыгане — часть ее, так что я и от джипси не отрекаюсь, а вот ты...

— Ладно, ладно, Чечигла Рома. — Он похлопал меня по плечу. — Не заводись. Вижу теперь: кое-что в тебе прежнее осталось.

Неожиданно вмешалась Аджуяр:

— Да кто ты такой, Гойка, чтобы судить, хорош или плох царь?! Как обращаешься к нему, почему не величаешь государем?! Радуйся тому, что впервые за вечность появился шанс, что власти будут на стороне джипси, да помогай этому сбыться, если ты — настоящий атаман. Не суди царя, а помоги ему освободить семью!

— А вот эта карга не изменилась ни на чуть-чуть, — выпустив изо рта клуб дыма, констатировал Гойка. — Но запомни, старуха, — наклонился он к ней, — для меня он не государь, а Чечигла Рома, так он сам велел мне его называть. — Чувствовалось, что он гордится этим. — А? — оглянулся он на меня.

— Это так, — подтвердил я.

А он продолжил:

— Но хватит разговаривать, айда к людям, они ждут... Очень ждут. И все-таки лучше было бы, — закончил он, вздохнув, — оденься ты по-нашему.

Теперь я понял, что его огорчало. Опасение, что изменением моей внешности будут разочарованы его цыгане.

— Надеюсь, государь, вы не собираетесь сообщать всем этим голодранцам, кто вы есть на самом деле? — шепнул мне на ухо Дядюшка Сэм по пути.

— А вы думаете, они еще не знают? — поразился я его несообразительности. — Это ведь Гойка нашел ваше послание на теле крысы, и он догадался обо всем сам, просмотрев его. Его люди — не стадо послушных баранов, и когда он отдавал им распоряжения лететь туда или сюда, он должен был как-то это им объяснять... Думаю, он давно рассказал им...

Мы вышли на палубу, где собрался цыганский люд. Стоило мне появиться, как гул голосов моментально смолк, и наступила оглушительная тишина. Джипси ждали, что я скажу им. Я не готовился произносить речь, но ситуация требовала этого. Прежде всего я поздоровался:

— Хай, ромалы.

Они нестройно отозвались и смолкли, ожидая продолжения.

— Я знаю, братья мои, вам неприятно видеть меня в этом чужом одеянии и в сопровождении этих чужих людей. Но судьба моя круто изменилась, и, хочу я того или не хочу, я должен жить теперь иной жизнью. В покое меня не оставят, да я и сам не хочу покоя. А изменилась моя жизнь потому, что выяснилось: в моих жилах течет кровь царского рода Романовых.

Я думал, после этих слов джипси загалдят, но они безмолвствовали. Видно, действительно, я не открыл им ничего нового.

Более того, эта идея им привычна, и в ее справедливости они не имели ни малейших сомнений. Что ж, тем проще.

— Теперь, когда я узнал это, на меня легла тяжесть долга. Я обязан занять российский трон. Но я не забуду и того, что я — джипси, и в тот час, когда я взойду на трон, джипси в этой стране станут избранным народом.

Эти слова наконец заставили толпу загудеть. Но я еще не закончил:

— Я знаю, вы можете сомневаться, ведь хотя я и был у вас джуз-атаманом, все вы помните и то, что когда-то я пришел в этот табор как чужак. Но залогом того, что я говорю правду, пусть послужит то, что я женат на женщине вашего табора, которой предстоит стать царицей, и то, что она родила мне наследника, которому начертано судьбой стать царевичем. Но для этого нам нужно вызволить их из вражеского плена, и я прошу в этом вашей помощи.

Гойка сделал шаг вперед и поднял руку в знак того, что хочет что-то сказать. Гул стих, и атаман обратился к своим людям:

— Ромалы! Знаю, что беспокоит вас, и мое цыганское сердце болит не меньше вашего. Как радовались мы, узнав, что наш Чечигла Рома — наследник престола, как мечтали о том, что кровь от крови, плоть от плоти наш джипси, да еще и прославленный ганджа, не раз показавший свои ум и храбрость, взойдет на царский престол... И вдруг мы видим, что он уже не тот, уже не наш, он уже стыдится нашей одежды и якшается с нашими извечными врагами... Но придется смириться с этим. Он и не мог остаться прежним. И мы должны решить: с ним мы или нет...

Из толпы сделал шаг человек... Я не сразу узнал его. Потухший взгляд, обрюзгшее лицо... Зельвинда! Так вот каким они сделали тебя...

— Я не верю ему, — тихо сказал он, но слова его были слышны отчетливо. — Наши враги коварны и хитры... Он был моим другом. Но и его могли сломать. Они могут сломать кого угодно.

Сказав это, Зельвинда отступил назад и моментально затерялся в толпе. Тихий и незаметный Зельвинда Барабаш... Никогда я не поверил бы, что такое возможно, если бы не увидел это своими глазами. Люди молчали. И тогда вперед шагнула Аджуяр.

— Братья мои, — подняла она руку. — Послушайте-ка мой рассказ о преданности и верности долгу. О том, что порою стоит смирить свою гордыню. Мы, ромалы, должны равняться на наших предков.

Это была ее очередная сказка из истории легендарного королевства Идзубарру, и цыгане слушали ее, стоя на ногах, хотя го-

ворила Аджуяр почти час. Позднее, урвав немного свободного времени, я записал это ее повествование так, как запомнил, слегка «причесав» его, потому что ее дикая речевая стилистика для меня недосягаема.

Новый галактион*

1

Однажды в стародавние времена изгнанный властями за пределы королевства разбойник Дур-Шаррукин сидел в капитанской каюте своего потрепанного корабля, плакал и побренькивал на балисете. Корабль его не был живым, это было обыкновенное металлическое корыто, ведь ни одна Корабельная Матка не согласилась бы на союз с таким злобным и неопрятным человеком, каким был Шаррукин.

Но несмотря на всю свою заскорузлую черствость, сегодня он плакал, забыв о стыде перед экипажем, который, правда, и без того не слишком-то его слушался и правильнее назвать который было бы словом «сброд». Хотя пират и был вдребезги пьян, хотя он и продолжал поглощать дешевый ром, его игра на балисете была безупречна. Кто знает, не унаследуй он от своего пройдохи-отца корабль, возможно, он стал бы музыкантом. Но вряд ли, ведь еще раньше он унаследовал от папаши безудержную алчность и подлый нрав.

А песня его была такова:

«Никогда-никогда от врага не беги», —
Так научил меня дед.
Но сам побежал, и догнали враги,
И нашел тогда дед свою смерть.

«Никогда никого ни о чем не проси», —
Так учила меня моя мать.
Но молила сама: «Спаси, спаси!..»
Когда вели ее умирать.

---

* Автор новеллы «Новый галактион» Анна Богданец (*под ред. Ю. Буркина*).

«Будь зол и жесток, никому не верь», —
Так учил меня мой отец.
Но сам он поверил попам. А теперь?
Его сердце вспорол свинец.

Но наука мне впрок пошла, никому
Я не верю, беру всё сам.
Я шлюпом своим разбиваю тьму,
Не кланяясь небесам.

И если пора мне придет умирать
Я не вздрогну за шкуру свою,
Только вспомню деда, отца и мать
И песню эту спою.

Чем злее человек, тем он сентиментальнее. Пока Шаррукин пел, его экипаж собрался вокруг, и кое-кто уже хлюпал носом. Закончив, Шаррукин отложил инструмент, огляделся, горько усмехнулся и держал такую речь:

— Друзья мои. Разлюбезные моему сердцу лжецы и подлецы. Гложат меня печаль и досада. Не радуют меня уже ваши злодеяния. А почему? Потому что знаю теперь, что счастье мое достижимо, но я не знаю, КАК его достичь. Помните ли вы последний разоренный нами караван? В бортовом компьютере Старшей Корабельной Матки этого каравана я обнаружил файл, который она не сумела уничтожить лишь потому, что издохла раньше. Я скопировал сохранившийся кусок. Прочтите же сами то, что я узнал и о чем опечалился...

Шаррукин повернулся к щитку, ударил по клавише, и по экрану поползли слова:

«...надеюсь. Всё ещё надеюсь».

Пираты сгрудились у экрана и прочли следующее:

«Я был Капитаном второго ранга отличного грузо-пассажирского пятидесятитысячника. Я не знаю, что произошло. Я был в трюме, когда прозвучал сигнал тревоги, и согласно «тревожному расчету» через тридцать секунд я уже занял место в своей спасательной шлюпке-капсуле.

Честно говоря, я ждал отбоя тревоги, наш Капитан первого ранга любил проводить учения. Но вместо этого я почувствовал, что капсула отстреливается, затем раздался взрыв, и я ощутил, что меня как будто бы сперва вывернули наизнанку, а потом пропустили через гигантскую мясорубку...

А очнулся я уже в раю. Прозрачное чистое небо над головой, кругом деревья, масса плодов и цветов, птички и бабочки. Все

вокруг было какое-то чудное, нечеловеческое, но невыразимо прекрасное.

Я лежал, опираясь плечами и головой на толстый лиловато-зеленый ствол дерева. Ствол был чешуйчатый, без веток, лишь на самой его верхушке трепыхался султанчик из перистых листьев.

Я дышал. Нигде и ничего у меня не болело. Осколков капсулы вокруг не было. Я вновь посмотрел на небо и осознал, что цвет его странен: оно переливается синим, зеленым и желтым. И понять, откуда эта гамма цветов, было нетрудно: в небе сияло два солнца — синее и желтое.

Что-то шевельнулось рядом, я оглянулся и увидел рядом с собой Адама и Еву. Если, конечно, верить, что праматерь наша и праотец были обезьянами. Морщинистые лица, плоские носы, прижатые ушки... Вот только шерстка у этих обезьян была зеленовато-голубоватая, а за спиной — кожистые, как у летучих мышей, крылья. Они дружелюбно смотрели на меня и переговаривались на свистящем, словно птичье чирикание, языке.

Потом самка поправила мою голову так, чтобы та лежала на чешуйчатом стволе удобнее, а самец протянул мне пару неизвестных, но аппетитно пахнущих плодов. Я принял из его рук предложенные фрукты, не делая, согласно инструкции о контактах с примитивными культурами, резких движений и старательно улыбаясь.

Одной рукой прижимая плоды к груди, от чего пахучий сок потек по комбинезону, другой рукой я показал на небо и попытался завести разговор. Главным было не то, чтобы меня поняли, а то, чтобы почувствовали мои мирные намерения:

— Я летел по небу — у-у-у! — летел. Без крыльев. Вдруг — бабах!!! — авария. Я упал к вам. Я не хочу вреда. Я хочу связаться со своей расой. Мои соплеменники будут очень рады и подарят вам много красивых вещей.

И тут в моем мозгу зазвучали ГОЛОСА:

«Мы настроились на него, Вэйл?» — «Теперь — да, Гэйл». — «Мы можем отвечать?» — «Да».

— Это невозможно, — скаля свои зубы во весь рот, сказал самец. Самка при этом скалила зубы точно так же.

— Как невозможно? Что невозможно? — опешил я от того, что покрытые шерстью обезьяны разговаривают со мной на чистейшем инфралингве.

— Невозможно связаться с твоей расой, — отозвался Вэйл. Или Гэйл. Или они оба.

— Почему? А-а, у вас нет нужных приборов. Так я построю их, если только вы мне немножко поможете.

— Ты не понимаешь. На твоем транспортном средстве произошла крупная авария, в результате чего пространство и время коллапсировало для тебя. Ты прошел через черную дыру. Мы не знаем, откуда ты прилетел, мы спасли тебя на подходе к нашей системе, ты летел прямо на синее солнце.

— И где я оказался? Где я сейчас?

— Мы не знаем. Синхронизация измерений невозможна.

— Что же мне делать?

— Живи.

— Кто вы?

— Мы, — последовал исчерпывающий ответ.

Я хотел приподняться, но Вэйл (или Гэйл) осторожно тронул мое плечо.

— Лежи смирно. Мы отнесем тебя.

Уморительно переваливаясь с боку на бок на своих коротких ножках, одна из обезьян обошла меня, затем они вдвоем подхватили меня, расправили свои крылья и взмыли к кронам деревьев. Тут Вэйл и Гэйл сплели для меня замечательный гамак из гибких веток, после чего исчезли так же неожиданно, как и появились.

Так началась моя долгая невозможная жизнь среди летучих обезьян.

Часов здесь нет. Дни и ночи меняются, на мой взгляд, хаотично. Так что сколько прошло времени с моего появления тут, я не представляю.

Обезьяны не обижают меня, относятся хорошо и даже жалеют за то, что у меня нет крыльев.

Спать в гамаке я поначалу не хотел, но рассмотрев, какие твари шляются иногда внизу, — привык.

Сперва я хотел обучить моих спасителей наукам и искусствам, мечтал построить хотя бы самый примитивный корабль... Но... Мы очень разные. Им неинтересно то, что знаю я. Или я объясняю слишком скучно... Потом, познакомившись с их возможностями, мне стало немного стыдно за свои потуги. Например, они перестроили мой обмен веществ так, чтобы я мог есть здешнюю несъедобную для человека пищу. Как они это сделали, я понятия не имею, но произвели эту метаморфозу они еще тогда, когда я летел к их синему солнцу... Вообще-то все говорит за то, что на самом деле прежний я сгорел в этом солнце, а я нынешний — модернизированная копия, созданная уже тут, на этой планете... Но лучше об этом не задумываться.

К моим услугам всегда две-три обезьянки помоложе. Они являются на мой зов, спят со мной, кормят или прогуливают по земле.

Они слушают меня, делая вид, что им интересно. Но когда я спрашиваю прямо, почему им неинтересно, они честно отвечают, что все это уже знают...

— Откуда?!— вскричал я однажды, рассердившись.

И услышал в ответ:

— Всё это записано в пальцах твоих рук.

У них мало приборов, потому что потребности их минимальны. Больше всего они любят раскачиваться в своих гамаках и думать о... По-нашему это называлось бы «о смысле жизни», «об устройстве Вселенной», «о божественных силах, играющих мыслящими существами»... Но это лишь мои предположения, ведь логика их мне непонятна, если она есть вообще, термины непереводимы, выводы темны.

У них нет ни книжек, ни средств связи. Общаются друг с другом они непосредственно из мозга в мозг, к словам прибегают редко. Когда не хватает одной головы, они «думают» вдвоем или втроем. Запоминают они всё и навсегда и, как я понял, особо ценную информацию передают генетически. У них нет семей, и молодняка я видел очень мало. Когда я спросил почему, мне разъяснили:

— Когда, к примеру, Гэйл устанет жить, он произведет на свет Кайла, который будет жить с удовольствием...

Имена они придумывают специально для меня, у них нет имен. У них нет понятий «время» и «пространство». Они мыслят так, словно им все доступно... Потому они и не видят смысла к чему-то стремиться, например, исследовать иные миры.

Религия в том смысле, в каком понимаю ее я, не интересует их. Но они поклоняются божественным силам природы, некоторые персонифицируют, и многих, по их утверждению, знают лично.

Как бедный дикарь... Нет, как бедный ребенок дикаря, выброшенный на берег возле чужого Города, я одинок, неприкаян и никем не понят. У них свои дела. А я слоняюсь от обезьяны к обезьяне.

— Я хочу домой!

— Конечно, конечно. Ты хочешь домой, — кивают они головами и продолжают думать о своем или и вовсе пролетают мимо.

Я хватаю за крыло того, кто постарше.

— Вы ничего не понимаете! Я хочу к своим!

— Мы понимаем! Ты хочешь к своим! Домой!

— Мне плохо здесь!

— Да, конечно. Ведь ты не умеешь размышлять. Или качаться на ветках, или летать.

— Да на хрен мне ваши ветки?! Отправьте меня туда, откуда я появился!

— Мы подумаем над этим.

— Когда?

— Всегда.

Они грустно улыбаются и порхают мимо. Молодые сочувствуют мне больше, я стимулирую их воображение.

Как могут, они развлекают меня. Однажды Байл (или Майл?) принес мне игрушку. Из веточек и листиков он соорудил квадратную рамку. Он украсил ее голубыми и желтыми цветами. Экраном в ней служит воздух.

— На, смотри!— гордый и счастливый преподнес он мне эту штукенцию.

— Спасибо, — уныло отвечал я. — А как это включается?

Байл или Майл, а может быть, Райл, они все на одно лицо, исполнил сложный танец из прихлопываний, притоптываний, подпархиваний и ряда акробатических упражнений.

— Я так не смогу, — хотел уже я вернуть сложный прибор владельцу.

— Тогда просто захоти, чтобы он заработал, — предложил Райл или Байл.

Я захотел, и между веточками разверзлась черная бездна космоса. У меня захватило дух. Я присмотрелся к одной из звездочек, и она со страшной скоростью приблизилась ко мне. И я рассмотрел планетную систему. Я пригляделся к одной из планет и увидел белые вихри циклонов, а под ними, через толщу атмосферы, — маленький парусный кораблик, плывущий по океану.

— О Боже!— выдохнул я.

— Тебе нравится!— приплясывая, сказал Райл. — Я знал, что тебе понравится!

— Это как-нибудь называется?— спросил я.

— Да!— Байл без сомнения гордился собой. — Для тебя я назвал это твоими словами: визор времени.

— А почему не пространства?— спросил я.

— А потому что там разные времена бывают, — просто сказал Майл и улетел лакомиться сладкими фруктами со своими друзьями и подружками.

А я остался забавляться новой игрушкой. Господи Боже мой, словно вся Вселенная открылась передо мной! Этот «визор» захватил меня как наркотик. Передо мной объемно и живо разворачивались картинки из жизни самых разных уголков звездного мира. Где только я не побывал и каких только чудес не насмотрелся...

Я долго сомневался, на самом ли деле существует то, что показывает мне визор, или все это — плод коллективного воображения

моих мохнатых друзей?.. Но однажды... О! Однажды!!! Однажды я увидел ЗЕМНОЙ КОРАБЛЬ, на крейсерской скорости несущийся в космосе. От волнения я не знал, что делать. И мое волнение, кажется, сделало так, что «визор» заработал в обе стороны.

То-то перепугался экипаж Корабля, когда я, размахивающий руками как неисправный вентилятор, возник перед ним в половину обзорного экрана... Около минуты люди принимали мое сообщение из вздохов, всхлипов и объяснений в любви человечеству, пока с перепугу не ушли в гиперпространство, предварительно пальнув в меня термоядерной ракетой. И я не смог последовать за ними. Я рыдал после этого весь день, пока не заснул.

С тех пор моей идеей фикс стало найти в этом звездном калейдоскопе свою планету и сообщить о себе. Ведь я увидел краешек своей родины. Так же отчетливо, как вижу эти ветки и листья перед собой... Но время идет, а я больше ни разу не наткнулся на человеческий след.

Старейшины уже спрашивали меня, не желаю ли я подумать о потомстве и какие усовершенствования я хотел бы внести в тела и головы моих будущих сыновей или дочерей. Это означает, что время моей жизни подходит к концу. И никто так и не узнает о том, что со мной стряслось...»

— Здесь файл обрывается, — сообщил Шаррукин и снова всплакнул.

Из уважения к нему многие пираты тоже промокнули глаза, но мало кто из них понял своего атамана.

— Ну так что же, Шаррукин? — удивлялись одни. — Наверняка этот звездолетчик давно уже умер, и кости его сгнили в неизвестной почве.

— Таких сказок полно в каждом порту, — говорили другие. — Еще и похлестче расскажут. Райские планеты, всемогущие аборигены, жрущие на золоте и спящие на серебре, только приди и возьми!..

— И чего там хорошего? Ни выпить не с кем, ни закусить!..

— Молчать, дураки! — рявкнул на них Дур-Шаррукин. — Вы ничего не поняли! Это сообщение не из нашего галактиона, я проверял. Это значит, что есть еще неоткрытые галактионы, и есть ходы в них, ведь этот-то звездолетчик как-то туда попал!

— И что? Зачем тебе это?

— А затем, что я хочу иметь СВОЙ галактион, основать там свой, новый мир и зажить там счастливо. Ведь в старом мире все люди обособлены, и ни один не понимает другого.

— Но так уж повелось испокон веков, что где есть двое, там есть и разница между ними: один умней, другой глупей, один моложе, другой старше, один богаче, другой бедней... Это движет миром: дурак смеется над мудрецом, старик женится на молодой, бедный грабит богатого... Но ничего не меняется... Да что там хорошего, в этом твоем новом галактионе? Бедняга только и мечтал, как оттуда выбраться...

— Кретины! — кричал Шаррукин. — Этот капитан не сумел оценить счастья, которое ему досталось! Он страдал от отсутствия общества, как старый раб страдает без плетей. Но я не таков! Я — не раб. Мне никто не нужен!

— Да как мы найдем этот твой новый галактион? Как узнаем путь? Как попадем туда без помощи Корабельных Маток, и какая Матка станет подчиняться нам?

— Молчать, скопище длинноухих ослов! — топнул в сердцах ногой Шаррукин. — Или вы не знаете меня? Или забыли, что если передо мною есть цель, я обязательно ее достигну?! И проблему с Маткой я как-нибудь решу. Не было еще на свете такой бабы, с которой бы я не поладил, какого бы размера она ни была.

Пираты довольно заржали, но атаман остановил их:

— Тот, кто согласен идти за мной в огонь и в воду, пусть остается на борту, а тот, кто не согласен, — пусть отправляется за борт!

Согласны были все. За борт никому не хотелось.

— А теперь оставьте меня, — приказал Дур-Шаррукин, — я буду думать.

Пираты на цыпочках покинули его каюту, и атаман предался размышлениям, изредка побрякивая на балисете и пуская порою слезу.

2

А вскоре прямо по курсу в пределах видимости показался прекрасный Корабль. Это был пассажирский лайнер в самой поре своего расцвета. Длиной он был семьсот тридцать семь метров, окрас имел серебристый в яблоках. Звали Корабль Габриэль-Мэри-Энн.

И тогда, отбросив балисет в угол, Шаррукин вскочил со своего места, словно ужаленный змеем Иллуянкой, что держит во рту свой хвост и служит опорой миру, вскочил в свой спасательный шлюп, вышел в космос и оттуда, со стороны, проделал лучеметом в борту своего пиратского судна здоровенную дырищу.

Заверещали сигналы тревоги, экипаж, ничего не понимая, кинулся задраивать отверстие, и парочка самых бестолковых пиратов даже вылетели в открытый космос, превратившись в бездыханные тела, что придало аварии правдоподобности.

А Дур-Шаррукин уже вернулся на борт своей посудины и, не обращая внимания на суету, заперся в капитанской рубке и стал передавать сигналы бедствия на всех возможных частотах.

Габриэль-Мэри-Энн была добрым лайнером. Вот уже в течение более чем ста пятидесяти лет принадлежала она мужчинам из рода Бен-Бениционов, а со своим нынешним капитаном и повелителем она достигла почтенного статуса Пассажирского Корабля. Ее фантазия в создании удобств для пассажиров не знала границ, и она с удовольствием отращивала все новые и новые средства комфорта. Ее знали и ценили люди состоятельные и влиятельные, желающие совершить путешествие скорее приятное, чем быстрое и, не скупясь, приплачивали за особую конфиденциальность перелетов.

Капитан Бен-Бениционан был шестым в своем роду Капитаном. И когда во всем блеске своего великолепия он вышел к пиратам, они просто обомлели от сияния его почетных орденов и знаков отличия. Габриэль передал тогда еще юному наследнику его двоюродный дядя, сойдя на берег и обзаведясь женщиной из людей. И Майкл не посрамил семейных традиций: потомство Габриэль, нажитое с ним, имело замечательные ходовые характеристики и отличный экстерьер. Сама она росла и крепла, набирая вес и положение, как и капиталы семьи Бен-Бениционов...

Могли ли такой Корабль и такой Капитан пройти мимо терпящих бедствие? Не раздумывая и забыв обо всякой осторожности, кинулись они на помощь.

...Пиратский корабль пристыковался к Габриэль, и экипаж головорезов ступил на ее борт. Коварный Дур-Шаррукин вышел вперед из толпы ощетинившихся бластерами «спасенных». Рядом с благородным, исполненным достоинства Бен-Бениционом смотрелся он жалко и смешно, но не сознавал этого и пыжился изо всех сил. Он заявил, что захватил этот Корабль для своих звездных путешествий и желает открывать новые, счастливые земли. Но, сознавая, что силой заставить Корабль слушаться себя он, конечно же, не сможет, он обратился к Капитану с призывом:

— Нам надоела такая жизнь, Капитан! Заводи свой двигатель, взнуздай свою Матку! Будь, как мы, свободным человеком! Неужели тебе не тесно в этом скоплении вонючих планеток и продажных городков?!

Капитану было тесно в этом скоплении продажных тел, но он и усом не повел. Вот что значит звездная выдержка. Преисполненный достоинства он отвечал разбойникам так, что экипаж его затрепетал от гордости:

— Никогда вы, пираты, не будете управлять Кораблями. Вы можете убить меня — расстрелять или выкинуть в открытый космос. Но я никогда не подчинюсь требованиям террористов. И лучшее, что вы можете сейчас сделать, — это покаяться, сдаться и лететь с нами до ближайшего звездного порта, где вам будет обеспечен скорый и справедливый суд.

Идиотом Дур-Шаррукин не был. И он знал, что, хоть Габриэль и мирный транспорт, она отлично защищена. Любые энергетические всплески, будь то взрывы, выстрелы или лучевые удары, случившиеся внутри ее жизненного пространства, купируются. Да, он может убить Капитана, но это будет и его собственным смертным приговором. Более того, как только Шаррукин попытается применить против Капитана, экипажа или пассажиров силу, Габриэль будет иметь полное право нейтрализовать его и доставить к судьям или даже пустить на корм в свои роскошные зоопарки.

Но напасть на человека первой она не может, кем бы он ни был. К тому же Шаррукин заставил поверить Габриэль в то, что собственной жизнью не дорожит вовсе, и она не связывалась с ним, чтобы не навредить своему возлюбленному Капитану.

Шаррукин решил действовать хитростью. Он велел принести ему самое роскошное ожерелье из всего груза награбленных драгоценностей, который перенесли из его посудины на борт Габриэль. Затем он велел приводить к нему женщин-пассажирок. Первой из них, красивой, но глупой женщине, показал он это ожерелье, переливающееся драгоценными камнями, добытыми в штольнях всего галактиона, и сказал:

— Милая женщина. Не хочешь ли ты выполнить одно мое поручение и получить в обмен это ожерелье?

Не сводя глаз с пылающей в грязной лапе Шаррукина горсти пламени, глупая и слегка испуганная пассажирка отвечала:

— Я, конечно, была бы рада получить эту вещь, но только если ваше поручение вполне прилично.

Конечно же, уверенная в своей неотразимости, она решила, что разбойник жаждет овладеть ею. Рассмеявшись, Шаррукин заверил:

— О! Нет-нет. Все более чем прилично. Ты должна будешь быстро спуститься на три этажа вниз и разузнать, как устроены звездные двигатели.

— Но я же ничего в них не понимаю, — хихикнула женщина.

— О, мне достаточно будет простого описания, — заверил Шаррукин. — Только спуститься надо как можно ближе к центру двигателей.

— Ну хорошо, — пожала плечами та. — Пусть меня проводят...

В тот же миг подручные Шаррукина схватили ее под руки и «проводили» к шахте реактора, куда затем ее и скинули. Корабельная Матка не вмешивалась, ведь бедная простушка сама дала согласие спуститься на три этажа вниз, как можно ближе к центру двигателя...

Шаррукин же походил немного взад и вперед, посматривая в свой старинный хронометр.

— Да что же это такое! — всплеснул он наконец руками. — Куда она запропастилась?! Должно быть, она действительно ничего в этом не смыслит. Придется попросить кого-то другого.

И ему привели вторую девушку.

И так — много раз подряд. Глупые девушки, завороженные блеском драгоценностей, одна за одной исчезали в шахте реактора. На четвертой девушке Капитан дрогнул, а на пятой — сдался.

— Хорошо, Шаррукин, будь ты проклят! — вскричал он. — Я, конечно, мог бы пресечь твою гнусную выдумку, но ведь ты измыслишь тогда что-нибудь другое, еще более гнусное! Я полечу туда, куда ты хочешь, только оставь в покое пассажиров!

— Поклянитесь, капитан, в том, что сказали, — неожиданно посерьезнев, потребовал Шаррукин. — Если я оставлю в покое ваших пассажиров, вы направите Корабль туда, куда я прикажу.

— Клянусь! — выпалил Капитан.

— Что ж, — издевательски раскланялся перед ним пират. — Мы оставим их в полном покое, предложив погостить на моем корабле. Пусть там не так роскошно, но зато у ваших пассажиров будут все возможности предаться аскезе, медитации, посту и полезным размышлениям о бренности всего сущего: роскоши, удачи, социального статуса и тому подобного.

— Ты наносишь вред мирным людям и будешь за это отвечать! — грозно сверкнул на него очами Капитан Бен-Бенициан, понимая, что попал в ловушку чести: никогда не позволит он себе нарушить данное слово.

— О, что вы! Что вы?! — вскричал в ответ Шаррукин, скорчив мерзкую рожу. — Я лишь ограничиваю их в излишествах и пекусь при этом о спасении их душ, о чем они сами неустанно молятся. Небеса услышали их, даруя добровольное заточение и пост. Он

оглядел приведенных его экипажем пассажиров и грозно спросил: — Ведь все из вас покидают этот борт добровольно, не так ли?! Впрочем, я не смею настаивать, вы можете продолжить путешествие и в нашем обществе, время от времени заглядывая в шахту реактора.

И пассажиры, словно стадо баранов, заблеяли:

— Не-ет, мы с радостью покинем этот Корабль!..

Шаррукин обернулся к Бен-Бениципану:

— Вот видите, Капитан, они счастливы.

В этот миг Габриэль радостно затрепетала: если пассажиры уйдут с корабля, она найдет способ избавиться от захватчиков, за которых не несет никакой официальной ответственности. Но радость ее тут же остыла, так как коварный Шаррукин продолжал, обращаясь к пассажирам:

— Но перед тем, как пересесть в наше прекрасное судно, каждый из вас подпишет документ о том, что он добровольно передает свое место мне, ему, — ткнул он пальцем в одного из своих головорезов, — или ему, — ткнул он в другого. — Согласны?

— Согласны... — проблеяли пассажиры, и Габриэль вновь впала в отчаяние: если факт того, что пираты становятся пассажирами, будет зафиксирован официально, она будет ответственна за их безопасность...

— Кстати, — вновь ухмыльнулся Шаррукин, — у нас есть вакансии. Если кто-то по каким-то причинам все-таки желает остаться тут, он может продолжить путешествие в качестве уборщика капитанского гальюна...

— Да как вы смеете?! — воскликнул полный пожилой человек. — Я — министр на Веге!

— Ах, простите, простите, — глумливо раскланялся Шаррукин. — Для вас у нас есть достойное местечко. Вы назначаетесь СТАРШИМ уборщиком гальюна...

Таким образом все пассажиры были пересажены на искалеченную посудину Дур-Шаррукина и молили Бога о том, чтобы их сигнал бедствия был побыстрее услышан. А пиратский сброд разбрелся по Габриэль, занял лучшие каюты и принялся пьянствовать и гадить.

— Вы дали слово, Капитан, — напомнил Бен-Бениципану Шаррукин. — И мы займемся поисками того мира, который мне нужен.

...Габриэль совершала прыжок за прыжком, основываясь на неясных указаниях Шаррукина. Где только не побывали они... И на стеклянных планетах Ринуса, и у вывернутых наизнанку пал-

латиян, и у жаждущих симбиотического общения хавар-маллонцев... Они прыгали туда и сюда, а потом еще и отсюда... Но нигде не находили они того мира крылатых обезьян, который описывал неизвестный звездолетчик.

Так скитались они пять лет, вдоль и поперек избороздив всю доступную человеку Вселенную. О, как страдала несчастная Габриэль, видя, как страдает ее возлюбленный Капитан Бен-Бенициан, как мечтала она избавиться от населивших ее паразитов. Но иного способа тому, кроме как найти искомый ими мир, она не видела.

И вот однажды, когда, в очередной раз выбившись из сил, Габриэль паслась на щедрых растительностью подводных пастбищах Гаракоса-IV, пребывая с Бен-Беницианом в нейрональном единстве, они вели меж собой никому не слышимый разговор.

— Силы мои на исходе, — говорил своей Матке Капитан. — Я больше не выдержу этого позорного пленения. Я ловлю себя то на суицидальных помыслах, то на желании, нарушив клятву и устав, дезертировать в ближайшем порту, что приведет к падению моего статуса на порядок... И пусть! Пусть я стану бродягой, но зато никогда больше не увижу эти отвратительные рожи, не буду видеть, как эти твари издеваются над тобой...

— О, не бросай меня, возлюбленный мой Капитан! — взмолилась Габриэль, усиленно поглощая высококалорийные, богатые редкоземельными металлами водоросли. — Я не обладаю твоей свободой воли, и без тебя у меня не будет и одного из тысячи шанса обрести свободу. Если ты умрешь, умру и я, если же позор постигнет тебя, в горе я буду безутешна.

— Позор уже не страшит меня, — невесело усмехнулся Бен-Бенициан. — Но я знаю и сам, что ни моя смерть, ни мое дезертирство не облегчат твою участь, и только это и останавливает меня. Но Бог дал мне испытание не по силам...

— Вот что, драгоценность моя! — встрепенулась Габриэль. — Уж коли мы решили, что позор страшнее неволи, позволь мне связаться с моей мудрейшей и многоопытнейшей матерью, авось она и посоветуют мне что-нибудь...

— Валяй, — согласился Капитан. — Мне, конечно, очень стыдно перед ней, что я не уберег тебя от всех тех тягот и невзгод, что свалились на нас... Но — поделом мне, — вздохнул он.

— Она всё поймет и не станет винить тебя! — заверила Габриэль и принялась разыскивать по внепространственной связи свою матушку, королевскую барку Марион-Кэти-Саннигольд-1565. И нашла ее в водородных облаках Крабовидной туманности, где та,

окруженная многочисленным потомством последнего помета, резвилась, отдыхая после очередного дальнего похода с юным принцем-Капитаном на борту.

Ничего не тая, Габриэль поведала ей свою печальную историю.

— Да уж, влипла ты, нечего сказать, — отозвалась мамаша Марион, когда рассказ был закончен. — Неужели вы оба не придумали ничего лучшего, чем скакать под дуду этого полоумного разбойника?!

Габриэль промолчала.

— Вот что, дочка, — предложила Марион, — если станет совсем невтерпеж, прыгай ко мне, и я через вентиляционную систему перешлю тебе на борт вирус контагиозного слабоумия. Ты направишь его в каюту пирата, и он умрет счастливым и уверенным, что достиг-таки своего острова Бразил.

— Матушка! — изумилась Габриэль. — Но это противоречит тому самому кодексу чести, который Вы сами прививали нам, своим дочерям!

— Да уж, да уж, — задумчиво согласилась Марион. — Воспитала я вас отменно, надеялась, что уж вам-то не придется, как мне, всего добиваться собственным умом. Думала, хорошие манеры вам будут важнее... Кто ж знал, что и вам предстоит учиться хитрости да изворотливости... А как он, кстати, пиратик твой, по мужской части?

— Вы что, рехнулись, мама?! — вспылила Габриэль.

— Да ладно уж, ладно, — хихикнула Марион, — это шутка.

— Не шутите так, мама! — не унималась Габриэль.

— Не буду, не буду, — успокоила ее Марион. — Вот что, дочка, сказать по правде, я ума не приложу, что тебе делать. Попасись-ка ты еще немного, помилуйся со своим непутевым Капитаном (век ему не прощу!), а я пока свяжусь со всей нашей родней, может, кто чего и подскажет. Мой ум хорошо, а полтора лучше, — и с этими словами она прервала связь с обескураженной дочерью.

С неожиданной стороны открылась ей мать в трудную минуту. Прежде Габриэль слышала от нее исключительно добродетельные речи... Лишь однажды, когда Габриэль впервые принимала на своем борту Капитана, мать посоветовала время от времени высылать к нему не одну, а двоих или даже троих Посредниц... Но когда Габриэль ахнула, она тут же поправилась: «По очереди...», и дочь так и не поняла, что мать имела в виду, ведь, какие бы обличья Посредница не принимала, она все равно оставалась все той же Габриэль...

Через некоторое время Марион вышла на связь.

— И наслушалась же я от твоих теток! — сообщила она. — Вот дур-то в нашем роду. Но есть, дочка, Корабли и подурнее. К такой-то тебе и присоветовали твои тетки обратиться, умнее ничего не придумали. Это Клаудиа-Гетти-937, похоже, самая большая дура, какую только можно себе представить. Капитана она никогда не знала, а всю жизнь занималась тем, что моталась по задворкам Вселенной да собирала сказки диких странствующих Кораблей. Не исключено, что она что-нибудь слышала о том мире, что разыскивает твой разбойник. А уж если она не поможет, буду ходатайствовать перед двором о дератации тебя судебным порядком...

Надежда всколыхнулась в душе Габриэль, и она, прервав связь с матерью, принялась поспешно вызывать Клаудию. Но та не откликалась, как назло, и Габриэль уже подумала, что она и вовсе сгинула на своих диких окраинах... Пока та все-таки нехотя не отозвалась:

— Ну?

И вновь, переживая позор, не таясь рассказала Габриэль свою историю, на этот раз совсем чужому Кораблю, воззвав под конец о помощи. Однако черствая Клаудия, не знававшая Капитана, в полной мере оправдала те нелестные рекомендации, которые дала ей мудрейшая Марион.

— Значит, так, — сказала она. — Кое-что об этом мире я знаю... Но задаром ничего не скажу. Вот если вы поведаете мне под запись обо всех своих странствиях с максимальной подробностью, я, пожалуй, помогу вам.

Подавив в себе вспыхнувший гнев, Габриэль рассказала о Клаудии и ее предложении Дур-Шаррукину. Тот, обрадовавшись, как ребенок, велел Габриэль исполнять все требования Клаудии, лишь бы та взамен сообщила, как добраться до вожделенного рая. И Габриэль прыгнула туда, где паслась Клаудиа.

Ох и помучила ее Клаудиа, скачивая всю информацию из ее бортовых систем, заставляя рассказывать вслух о виденном и ее, и Капитана, и Дур-Шаррукина, и всех до последнего пирата. Когда же наконец все они выдохлись, Клаудиа поводила плавниками и сказала:

— Кое-что, как уже было сказано, об этом мире я знаю. Сдается мне, что его и нет вовсе. Думаю, этот файл записал сумасшедший.

Габриэль чуть не задохнулась от возмущения, но Клаудиа продолжала:

— Однако в системе М-2576, чуть левее центра, есть один непримечательный белый карлик, который сейчас готовится стать черной дырой. А по народной примете, если в этот момент помчаться на карлик со сверхсветовой скоростью и не притормаживать, проскочишь в параллельное пространство. Правда, никто оттуда пока не возвращался и подтвердить этого не мог... Но, как я погляжу, терять вам всем все равно нечего: или прорветесь, или нет.

— Или нет, — эхом отозвалась Габриэль, но Клаудиа продолжала как ни в чем не бывало:

— Спасение в другом мире, по примете, ждет только того, у кого уже нет никаких шансов остаться в этом. То есть лететь туда надо очертя голову.

— То есть на верную смерть? — уточнила Габриэль.

— Вот именно, — подтвердила Клаудиа, вильнула хвостом и ушла в гиперпространство.

Долго совещалась Габриэль с Бен-Бенициаком, и решили они в конце концов, что Клаудиа права: терять им тут нечего. Рассказали обо всем Шаррукину, и тот моментально согласился с ними. А дружкам своим, коих он ни в грош не ставил, он просто объявил, что они летят в новое место.

В системе М-2576 было все так, как и обрисовала им Клаудиа. Чуть левее центра с трудом отыскали они малюсенький белый карлик, который немедленно потащил их к себе всей своей гравитационной мощью. И вместо того чтобы бежать оттуда без оглядки, Габриэль развернулась к нему носом и поддала газу.

Долго ли, коротко ли мчались они на свою верную погибель со сверхсветовой скоростью, но однажды, уже того и не чая, выскочили в неизвестное место. Огляделась Габриэль по сторонам, вокруг — ни М-2576, ни белого карлика, только позади — мерцающая рваная дыра.

И тут же выходят с ней на связь — кто бы вы думали? — точно, обезьяны эти зеленые! Навстречу им спешат, приветы передают от потомков того самого бедняги-астронавта, на чей файл Дур-Шаррукин на горе Габриэль напоролся. Обезьяны те вокруг корабля летают, крыльями машут — далеко с тех времен-то у них прогресс зашел. К своей планете Габриэль провожают и встречают там как дорогих гостей.

Шаррукин как ту планету увидел, так давай песни петь и танцевать от счастья.

— Вот и сбылась, — кричит, — мечта всей моей жизни!

Габриэль его еще раз на всякий случай спросила:

— Выходит, я доставила своих пассажиров по назначению? Это точно то самое место, где ты хотел бы остаться навсегда?

— Точно! — кричит Шаррукин, не чуя подвоха. — Тут мне и помереть не жалко!

— А остальные?

— А их никто не спрашивает! — кричит Шаррукин. — Куда я, туда и они!

— Вот и славно, — отозвалась Габриэль, приземлившись тем временем на мягкую райскую травку. — Мое дело сделано.

И с этими словами она вывернулась наизнанку, почти до самого кончика — так, как делают корабли во время ежегодных, предписанных звездным регламентом чисток, так что все пираты вылетели из ее чрева кубарем. И остался на ее борту лишь Капитан Бен-Бениции, чья каюта по традиции в этом самом кончике расположена.

В тот же миг взметнулась она ввысь — к небесной дыре, что уже слегка затягиваться начала, и вынырнула обратно в наше пространство. Что есть мочи помчалась она прочь от белого карлика и вскоре, преодолев его гравитацию, оказалась в достаточном от него отдалении.

Так и сама она освободилась от злого пирата Дур-Шаррукина, и весь космос на радость честным купцам от него избавила. И притом — и честь свою не уронила, и долг свой до конца исполнила.

И вернулась она со своим возлюбленным Капитаном в свой родной галактион, и жили они потом долго и счастливо. И плавали они по звездным системам и плодили юные Корабли, пока Бен-Бениции не сошел на твердь и не обзавелся наконец женой и сыновьями, передав свой Корабль в надежные руки.

— ...А к чему я все это рассказала? — оглядела Аджуяр соплеменников («Действительно?» — подумалось мне). — Да к тому, что и нам следует честно выполнять данные нами обязательства. Не мы ли когда-то выбрали Чечиглу Рому джуз-атаманом? Мы, ромалы. И я, между прочим, была против, вы все это помните... Но мы сделали это, так стоит ли теперь обсуждать, как он одет и с кем якшается? А судьба, как вы поняли из этой легенды, благосклонна к тем, кто умеет держать свое слово.

Цыгане переглядывались и о чем-то негромко переговаривались. Внезапно в их поведении произошло какое-то неуловимое изменение. Словно некое количество перешло в новое качество. Трудно объяснить, по каким признакам, но вдруг стало отчетли-

во видно, что толпа передо мной уже не насторожена и не неприязненна. Еще более, чем я, чуткий к настроению своего табора Гойка облегченно вздохнул и сказал, обращаясь ко всем:

— Давайте готовиться, ромалы. Перед нами стоит нелегкая задача. Первый шаг, что предстоит нам на пути служения новому царю, — взять на абордаж правительственный корабль и освободить из рюриковского плена царицу и цесаревича. Это дерзкий и опасный шаг, ромалы. Но мы сделаем его.

Как взять на абордаж корабль, готовый в любой миг уйти в гиперпространство? Я-то думал, это легенда времен королевства Идзубарру. Ан нет.

— Это безумие! — вскричал Дядюшка Сэм, когда Гойка рассказал, каким образом джипси делают это. Точнее говоря, делали, так как последний такой случай был давным-давно. Честно говоря, мне тоже стало не по себе.

— А если они не послушаются? — распалялся Дядюшка. — А если они не поверят нам и все-таки нырнут?!

Для обсуждения операции мы переместились на Петушки, в просторный кабинет начальника «пчеловодов».

— Вряд ли, — с каменным лицом отозвался Гойка.

— Вряд ли?! — завопил Дядюшка и в интонациях его голоса стала явственно проступать заячья составляющая. — А если все-таки?!

— Вы боитесь за свою шкуру, — констатировал Гойка. Но промахнулся.

— Уж точно не за свою. Я с вами так и так лететь не собирался, — потупившись, честно признался Дядюшка. — Я нынче не в том душевном состоянии. — Как бы иллюстрируя этот свой тезис, он вынул из нагрудного кармана морковку, пару раз демонстративно хрустнул ею и продолжил: — Но для тех, кто собирается участвовать в этой операции, то, что вы предлагаете, — неоправданно высокий риск.

— Не такой уж высокий, — покачал головой Гойка. — Вы ведь, оседлые люди, все одинаковые. Те, кто держит в плену на своем корабле царицу и царевича, боятся за свои шкуры точно так же, как и вы. И, кстати, в последнее время ваши соплеменники стали еще трусливее, чем раньше. Не скажу, что все, но те, кто занимает высокие чины, совершенно точно трусливы, как зайцы.

Последнюю фразу он произнес подчеркнуто значительно, и Аджуяр глухо хохотнула, но в беседу вмешиваться не стала. Тем временем Дядюшка, наклонившись к самому моему уху, мрачно шепнул:

— Бессмертные...

Я понял, что он хочет сказать. Высокие государственные чиновники, получившие от Рюрика дар бессмертия, стали в связи с этим чрезвычайно осторожны, а проще говоря — трусливы... Я кивнул в знак того, что понял его, и предложил:

— Давайте не будем спорить. Когда-то ради достижения цели вы рискнули существованием мира. И сейчас у нас нет иного выхода, кроме того, который предлагает Гойка. — Дядюшка недовольно передернул плечами, но промолчал. — Однако мы должны сделать все, чтобы свести риск к минимуму. Прежде всего следует составить список необходимого оборудования. Та рухлядь, которой пользуются джипси, может подвести в любой момент.

— Это так, — кивнул Гойка. — Я сам составлю этот список. В какую сумму мы должны уложиться?

— Пусть сумма вас не волнует, — вяло махнув ладошкой, заверил Дядюшка и обернулся к Филиппу, ища поддержки. — Ведь так?

Еще бы. Заводы-то работают...

— Да, но до разумных пределов, — отозвался Филипп. — Приобретение новых кораблей, например, мы не потянем.

— А где, кстати, ваш суперкорабль? — не совсем к месту вспомнил я.

— Я бы и сам хотел это знать, — отозвался Дядюшка. — Но думаю, интересоваться не стоит. В конце концов, он свою роль выполнил.

— В то же время, — перебил нас Филипп, пощипывая бороду, — мы можем предоставить для оперативных целей наши «призраки», они ведь на порядок выше классом, чем те корабли, которыми пользуются джипси.

— Нашим будет сложно управиться с новой техникой, — возразил Гойка задумчиво, — но на «призраках» было бы, конечно, сподручнее.

— Можете располагать нашими пилотами, — заверил Филипп. — Это отличные специалисты, преданные и бесстрашные.

— Не знаю... — с сомнением покачал головой Гойка.

Вновь вмешался я:

— Это так, Гойка, поверь мне. Эти люди не знают страха. Но пусть к каждому из них в качестве второго пилота приставят капитана-джипси. Тогда и остальным твоим людям будет спокойнее. Это надо сделать как можно быстрее, чтобы и они успели немного подучиться... Сколько кораблей будет задействовано?

— М-м-м, — нахмурился Гойка. — Хватило бы и одного. Но вообще-то — чем больше, тем надежнее. Можно расположить их по периметру...

— Пусть будет три, — предложил я.

Гойка согласно кивнул.

— В одном из кораблей вторым штурманом полетишь ты, — заявил я, и Гойка кивнул снова, — во втором — я... — Гойка удивленно встрепенулся, а Дядюшка Сэм даже поднял руку, пытаясь что-то возразить, но я жестом остановил их. — Сказанное мной обсуждению не подлежит. Я — джипси, и у меня уже есть некоторый опыт.

— Я буду вести корабль с вами, — явно беря пример с меня, безапелляционно заявил Филипп. Я кивнул и вновь обернулся к Гойке.

— Побыстрее подгони сюда еще одного пилота, самого лучшего и бесстрашного, какой только у тебя есть, и с завтрашнего дня начнем тренировки. И составь список необходимого.

— Хай, Чечигла, — крутанул ус Гойка, — пусть будет так.

И я с удовольствием отметил, что это тот, прежний Гойка, которого я знал раньше. Пелена отчуждения между нами наконец-то рассеялась.

— Я полечу с тобой, — заявила Аджуяр.

И я, памятуя о ее способностях к гипнозу, спорить не стал.

Обучение нас с Гойкой и третьего джипси — молодого хмурого парня по имени Бисер — заняло неделю, в этот же срок было произведено дооборудование «призраков» невероятно дорогими абордажными приладами. Приспособления это были жуткие — оснащенные автопилотом шлюпки с псевдомагнитными присосками, смертоносным грузом пороховиевого гипертоплива внутри и тянущимися от него внутрь наших кораблей коммуникационными шлангами-предохранителями.

«Псевдомагнитные присоски» — это такие штуковины, которые, будучи включенными, накрепко липнут к любой, независимо от материала, поверхности. Тот, кто назвал внешние шланги «предохранителями», имел довольно извращенное чувство юмора. Уместнее было бы назвать такой шланг взрывателем, а еще точнее — чекой. Ведь стоит перерубить или порвать его, как произойдет взрыв.

Все это джипси выдумали сами и когда-то, в период буйного освоения космоса, активно использовали. Свидетелей при этом не оставалось, и техника абордажа была фирменным цыганским

секретом. Но даже Аджуяр призналась мне в том, что на ее памяти эти адские машины в ход не шли ни разу.

Нащупать позывные корабля-тюрьмы Ляли и Ромки не составило труда, и три наших «призрака» с джипси и «пчеловодами» на борту двинулись подальше от Петушков, готовясь к гиперпрыжку.

Я нервничал, был мрачен, и похоже, вид имел грозный, потому что заметил: окружающие избегают лишний раз ко мне обращаться.

Капитан на этой шхуне —
Джон Кровавое Яйцо,
Словно жопа крокодила —
Капитаново лицо...

То, что мы собирались предпринять, по сути напоминало захват авиалайнера террористом, держащим в руках гранату с сорванным кольцом: «Если вы попытаетесь обезвредить или убить меня, мои пальцы разожмутся, и вы погибнете вместе со мной!..» Если учесть, что этот гипотетический террорист находится не в салоне авиалайнера, а снаружи, то еще неизвестно, кто рискует больше — он или те, кто внутри...

Нервы мне будоражила не только смертельная опасность, но и мысль о том, что, если операция все-таки пройдет успешно, я наконец-то обниму Лялю, увижу сына, который, конечно, даже не узнает меня. Да я и сам не знаю, как он теперь выглядит.

...Мы вынырнули из гиперпространства в установленных координатах, на безопасном друг от друга расстоянии и связались.

— Вижу цель, — сообщил Бисер.

Мы и сами успели зафиксировать на звездной карте светящееся пятнышко судна. И тут же из модуля связи, стереоэкран которого оставался черным, послышался резкий незнакомый голос:

— Внимание! Корабли типа «призрак»! Именем государя-императора нашего Рюрика Четвертого сейчас же отзовитесь, иначе мы незамедлительно откроем огонь без повторных предупреждений!

— Паскудники... — услышал я тихий голос Аджуяр за своей спиной и понял, что ее так рассердило. Люди Рюрика не включали визуальную связь. Похоже, они уже предупреждены о том, что на вооружении их противников, то бишь нас, имеется сильный гипнотизер.

— Слышу вас, — поспешно откликнулся Филипп, и что-то подобное выкрикнули Гойка и Бисер.

— Прекрасно, — заявил все тот же голос, — в таком случае сообщаю, что вы находитесь в недопустимой близости от правительственного крейсера особой важности. Подготовьтесь к гиперпрыжку на сто парсеков в любом направлении. Если спустя три минуты ваш корабль останется в зоне нашей видимости, согласно специальному повелению государя вы будете уничтожены огнем бортовых орудий. Повторяю: в вашем распоряжении три минуты. Время пошло.

Филипп беспомощно оглянулся на меня. На такой поворот мы не рассчитывали, это был удар ниже пояса. Лучшее, что мы можем сделать сейчас, — выполнить требование людей с крейсера и тихо удалиться. Но я не мог заставить себя сделать это. Слишком долго я размахивался, чтобы даже не попытаться ударить... Времени на раздумье не было.

— Приготовься к прыжку, — скомандовал я, — но не спеши.

— Эй, эй... — услышал я Гойкин голос и, склонившись к микрофону, перебил его:

— На крейсере! Передайте своему самозванцу-Рюрику, что на одном из кораблей, которые вы видите, находится законный наследник трона, отпрыск династии Романовых, Роман Михайлович, царь Всея Руси. Пусть он сам выйдет со мной на связь. Я готов вести переговоры, но только на высшем уровне.

Ответа не последовало, раздавались лишь слабые эфирные пощелкивания. Я глянул на бортовой хронометр и поспешно продолжил:

— Ответьте, как поняли меня! Если через сорок секунд я не получу ответа, мы будем вынуждены выполнить ваш приказ и уйдем в гиперпространство. И больше ни о каких переговорах не будет речи!

— Вас понял, — моментально откликнулся тот же голос, ставший еще более резким. — Предупреждение отменяется. Оставайтесь в зоне видимости и ожидайте связи с Москвой.

Филипп облегченно откинулся на спинку пилотского кресла. Но тут же встрепенулся:

— А если все-таки пальнут? Без предупреждения!

— Мы знали, на что шли, — пожал я плечами, бравируя, хотя все внутри меня словно бы заледенело. — Не должны. Рюрик — из породы игроков.

— Из волчьей породы, — неожиданно дал о себе знать сидящий по правую руку от меня молодой рыжеволосый стрелок, тот

самый, бок о бок с которым мы летали выручать Дядюшку Сэма. Этого болвана с ушками, уверенного в том, что его подчиненные не посвящены в тайну природы Рюрика. — Сейчас мы наконец-то увидим его. Давненько я мечтал об этом.

Я прочел в зеленых глазах стрелка гибельный азарт... Мальчишка оказался дьявольски проницательным. Не прошло и пяти минут, как вспыхнул экран, и я увидел лицо. Лучше бы мне никогда не видеть его. Таких страшных, сосущих глаз у человека быть не может.

Лирянин имел серовато-белесую кожу, морщинистыми складками покрывавшую тонкую безгубую физиономию и лысый череп. Густые брови и остроконечные уши делали бы его облик комичным, если бы не этот жуткий взгляд... Я не мог определить цвет его глаз. Я почувствовал, как весь с ног до головы покрываюсь противным липким потом.

Оборотень усмехнулся, внимательно оглядел меня и заговорил утробным голосом, произнося шипящие с неестественным нажимом:

— Какой тощ-ченький... Ну и ч-што тебе нужно, щ-ченок?

— Па-а... — начал я и задохнулся. Сглотнул и обнаружил, что во рту пересохло напрочь. — Поговорить, — все-таки сумел я выдавить из себя.

Я глянул на Филиппа и увидел, что тот, вцепившись рукой в бороду, вжался в кресло и, похоже, сейчас-сейчас грохнется в обморок. Блин! Я веду себя сейчас, как маменькин сынок из интеллигентной семьи, остановленный в глухом переулке группой хулиганов-старшеклассников... Внезапно из-за моей спины раздался возглас Аджуяр:

— Усни!

Краем глаза я заметил, что она вскинула руку в своем фирменном жесте.

Рюрик осклабился:

— Так вот, кто мутит разум моим офицерам — эта старуха со змеиным взглядом. Глупая. Ты что же, всерьез вознамерилась подчинить себе волчью волю?! Эй, щенок, — обратился он ко мне, — вели этому набору костей убраться в трюм, иначе вам не поздоровится. Если она еще раз сунется к экрану, вас обстреляют без предупреждения, как и собирались с самого начала.

Я оглянулся, но посрамленная Аджуяр и без моего приказа поспешила вон из рубки.

— Так о чем ты хотел говорить со мной? — поднял брови Рюрик, и стало ясно, что ситуация его весьма забавляет.

— У нас есть, о чем поболтать, — собравшись наконец с духом, отозвался я. — Но разговора не будет, пока мы находимся в таких разных условиях.

— Мы и не можем быть в равных условиях.

Внезапно лицо Рюрика неестественно деформировалась, челюсть хищно выдвинулась вперед, и два ряда алебастровых зубов обнажились до синеватых десен:

— Я — охотник, а вы — дич-щь. Наши условия различны исконно. Такова наша природа.

— Возможно. — Отчего-то метаморфоза оборотня не напугала меня, а наоборот, почти успокоила. Когда он больше походил на человека, он был страшнее, а теперь все встало на свои места. На каждого волка найдется капкан. — Но переговоры я буду вести только тогда, когда хоть что-то буду держать под контролем.

— Что конкретно? — Лицо Рюрика вновь стало почти человеческим. — И зачем мне это?

Мысли в моей голове вертелись судорожным хороводом. Он пошел на переговоры, и это уже пусть и робкий, но шаг к победе. Я отчаянно блефую, но он до сих пор не понял этого или делает вид, что не понял, а значит, все равно идет у меня на поводу... Но что, что я должен ответить ему сейчас?! Зря я ввязался, надо было отступить сразу... Неожиданно идея появилась... Но поворот был слишком крутым, он мог показаться глупым и насторожить... Но других вариантов не было.

— Ладно, — заявил я, чувствуя, как ненатурально звучит мой голос. — Хватит нам играть в кошки-мышки. Не в моем положении говорить с позиции силы. Я блефовал, надеясь на способности старухи, но теперь вижу, что получить больше, чем я рассчитывал с самого начала, не выйдет.

— Ну и?..

— Я хочу поменяться местами с женой и сыном.

Рюрик молча, изучающе, смотрел на меня.

— Я хочу перейти в тот корабль, где сейчас находятся они, а они перейдут в мой, — пояснил я.

— Смысл?

— По-другому мне их не спасти, вот и весь смысл. Или это не так?

— Так, так, — кивнул Рюрик. — Но что помешает мне просто-напросто убить тебя, как только ты будешь в моих руках?

— Ничего, — согласился я. — Но для меня главное, чтобы в безопасности были они.

— Люди, — осклабился Рюрик. — Слабые люди...

— Ты думаешь, заполучив меня, ты будешь в безопасности?! — выкрикнул я, симулируя истерику. — Мой сын будет спрятан в надежном месте, он вырастет, и у него в отличие от меня будут развязаны руки! Он достанет тебя! Я не сумел, но он достанет! Он истребит весь твой собачий род, тогда как ты получишь меня одного!

Рюрик был не склонен ни к полемике, ни к оскорблениям, подчеркивая спокойствием свою силу.

— Меня устраивает твое предложение, — отозвался он. Еще бы. Такая отсрочка! Ведь он уверен, что, заполучив меня, он затем без труда найдет Лялю и Ромку и возьмет их голыми руками... Или ему просто нравится эта игра в поддавки?.. — Как ты это представляешь себе технически, щенок?

— Твои люди на корабле слышат меня? — спросил я, делая вид, что взял себя в руки, но слегка обессилел от давешней вспышки.

— Да, слышат, — отозвался Рюрик.

— Я хочу убедиться в этом.

— Генерал, включитесь.

«Генерал, — отметил я про себя. — Разумеется, бессмертный, а значит, трусливый».

Стереоэкран разделился пополам, и во второй половине возникло туповатое и бледное от напряжения лицо пожилого астролетчика, облаченного в форму с золочеными лампасами.

— Генерал, — обратился к нему Рюрик, — если на экране появится старуха, уничтожьте их корабли.

Тот кивнул. Рюрик продолжал:

— Вы слышали, о чем мы беседовали с этим милым юношей?

— Да, я все слышал, — заверил тот и, надувшись от собственной важности, обратился ко мне. — Каким образом мы произведем обмен?

— Минутку, — приостановил я его и, включив громкоговорящую связь, объявил: — Аджуяр! Это я — Роман. Не вздумай появиться в рубке! Ни при каких условиях! Кто-нибудь из экипажа, проследите за ней. Если она войдет в рубку, нам всем конец! — Я отключил переговорник и взглянул на генерала: — Что вы спросили?

— Каким образом мы произведем обмен? — повторил он.

— Значит, так. Прежде всего уясните себе, что ваше судно находится под прицелом трех моих кораблей, — и это было истинной правдой. — Пилоты слышат нас. Мой корабль приблизится к вам, мы произведем стыковку, я перейду к вам, а ваши пленные пересядут сюда, на мое место.

Внезапно в наш разговор вклинился взволнованный голос Дядюшки Сэма:

— Что вы творите, Роман! Не порите горячку! Это предательство!

— Филипп! — рявкнул я. — Отключите этого кретина!

Рюрик вновь ощерился в улыбке:

— А вот и мой беглый советник... Травоядные сбиваются в стада...

Филипп тем временем сделал короткое движение и сообщил:

— Он больше не помешает.

А ведь Дядюшка — его непосредственный начальник. И к тому же Филипп-то, наверное, тоже думает, что я не блефую, а и впрямь решил пожертвовать собой. В таком случае, его преданность мне безгранична...

Вся эта катавасия дала возможность рюриковскому генералу обдумать сказанное мной, и он, натянуто улыбнувшись, заявил:

— Стыковка вовсе не обязательна. Вы можете воспользоваться шлюпкой...

— Не держите меня за идиота, генерал, — отозвался я. — Миг — и вы в гиперпространстве... Если же мой корабль будет к вам пристыкован, вы не сможете уйти, не повредив собственное судно.

— Я могу дать слово офицера...

Мы — я, Филипп и рыжий парнишка-стрелок — захохотали одновременно. Краем глаза я заметил, что лающим смешком разразился и Рюрик.

— Делайте так, как он велит, — продолжая ухмыляться, скомандовал оборотень. Приведите в боевую готовность весь свой экипаж. Если щенок смухлюет, уничтожьте и его, и все его семейство. И успейте при этом обстрелять его корабли первым. Но если все будет чисто, дайте им уйти.

— А если смухлюете вы, генерал, рванем все вместе, — заверил я.

Затравленно глянув на меня, генерал кивнул:

— Приближайтесь и приготовьтесь к стыковке. Мы не хотим кровопролития, — добавил он почти просительно и тут же, отвернувшись в сторону, отдал распоряжение по интеркому: — Приготовить стыковочный терминал! Всем принять боевую готовность!

Мы с Филиппом переглянулись, и тот еле заметно кивнул мне. Ну, слава Богу! Он понял мой замысел и не считает меня камикадзе! Я отстегнул ремни кресла и вышел из поля зрения камеры модуля связи, чтобы создавалось впечатление, что я отправился готовиться к высадке.

Медленно, на реактивной тяге, наш корабль подплыл к махине крейсера. До стыковочного терминала оставалось сотни полторы метров, когда Филипп нажал заветную кнопку, и абордажный шлюп, оторвавшись от нашей поверхности, словно пуповиной связанный толстенным кабелем с нашим кораблем, прилип к боку крейсера.

— Что это?! — выпучив глаза, вскричал военный, почувствовавший мощный удар в обшивку. — Вы что, стыковке не обучены?! Вы повредите мне корабль! Вы же сами настояли на стыковке, так какого черта вы отстегнули шлюпку?! Немедленно отзовите ее и повторите действие!

Я мигом вернулся в кресло, и при виде меня глаза у генерала вылезли на лоб окончательно. Чтобы не дать ему успеть совершить необдуманные поступки, я повелительно рявкнул:

— Спокойно! Главное, не делайте резких движений, генерал! Слушайте меня внимательно. Сейчас на поверхности вашего судна находится мощный термоядерный заряд. Как говорится, «большому кораблю — большая торпеда»... Если вы уйдете в гиперпространство, кабель запала, вы должны видеть его посредством камер внешнего обзора, оборвется, и, где бы вы ни вышли в реальность, вашу посудину разнесет в щепки! Вам это надо?!

Второй и третий «призраки» уже неслись к нам.

— Я не понял! — взвизгнул генерал. — Что все это значит?! Вы мухлюете?!

Двойной удар потряс его судно.

— Чего тут непонятного? Конечно, мухлюю. Еще два заряда той же мощности у вас на брюхе, — сообщил я. — И повторяю, стоит запалам оборваться, и вы превратитесь в сверхновую! У вас нет случайно болезненной склонности к суициду? Тогда сдавайтесь, искренний мой совет. Пленным гарантируем жизнь.

— Полный вперед! — прорычал Рюрик. Еще бы! Он-то был где-то далеко от этого места. Скорее всего в Кремле, если таковой имеется. — Я приказываю! — орал он.

Как это было бы удобно для него — укокошить и меня, и царевича, пожертвовав лишь одним жандармским крейсером и его экипажем. До последнего момента он, похоже, с удовольствием играл со мной. Но игра вышла из-под контроля: его партнер по шахматной партии вдруг вынул из кармана пистолет...

Склонности к суициду генерал явно не имел. Он наконец сообразил, в какой попал переплет, и говорил теперь только со мной, на выкрики Рюрика не обращая ни малейшего внимания.

— Ваши пилоты достаточно опытны?! — умоляющим голосом простонал он. — Мой корабль вращается, это может привести к обрыву одного из кабелей!

— Не ссыте, генерал — успокоил я его. — Нам наши жизни дороги тоже, хоть они и не такие длинные, как ваши. Все мы сейчас на волоске от смерти, и спасти нас может только полное спокойствие, выдержка, ваша безоговорочная капитуляция и синхронность наших действий.

— Я сожру вас всех!!! — рычал Рюрик, и морда его сейчас даже отдаленно не напоминала человеческую. Его серый череп, минуту назад голый, как футбольный мяч, лоб и щеки буквально на глазах покрывались жесткой клочковатой шерстью.

— Отключите эту собаку, генерал, — велел я. — Она мешает нам понимать друг друга.

Военный сделал суетливое движение, и его раскрасневшееся лицо теперь полностью заняло весь экран.

— Мы сдаемся без всяких условий, — бойко заговорил он, слегка заикаясь. «Он» и «Гири», японские добродетели, явно были чужды ему. — Нам нужно действовать быстро и слаженно. Минут через пятнадцать — двадцать здесь будет весь царский флот, и — я знаю! — они расстреляют нас всех без разбора, не задумываясь — и своих, и чужих!!!

— Я рад, что мы нашли взаимопонимание, — заверил я. — Главное, не суетитесь. Мы все успеем. Готовьте шлюзы. Принимайте гостей, бросайте оружие, подставляйте руки для наручников. Как только ваш корабль будет полностью в нашей власти, мы отключим взрыватели и смоемся отсюда, куда глаза глядят.

— Ну быстрее же! — завопил генерал. — Вот мои руки! Нужно успеть! Это чрезвычайно важно!.. И, кстати, я прошу у вас политической защиты!

Еще бы! Попадись он теперь Рюрику в лапы, тот, как и обещал, сожрет его в прямом и переносном смысле. Я дал команду, и из «призраков» посыпались Гойкины головорезы в одноместных спасательных капсулах. Для полноты средневековой картины им не хватало только абордажных крючьев.

Итак, хоть операция прошла и не так гладко, как было запланировано, но закончилась она вполне успешно. Мы отыграли основные фигуры, взятые у нас в прежних партиях. Но это не победа, счет пока что — ноль:ноль. Решающая схватка нам только предстоит. Но перелом уже наметился достаточно явственно... Главное — не расслабляться.

— Я был не прав, Чечигла, — услышал я голос позади и, обернувшись, обнаружил за своей спиной Зельвинду. Его осунувшее-

ся лицо светилось улыбкой и, если бы не худоба, он был бы похож на себя прежнего. Однако зачем он здесь? Формированием экипажей занимались Филипп и Гойка. Я глянул на «пчеловода», и тот, догадавшись о том, что я хочу его спросить, объяснил:

— Ваш друг-джипси уговорил меня взять этого человека на борт нашего корабля. Он сказал, что его опыт может помочь нам в непредвиденной ситуации...

— Но вы справились сами, — вновь ухмыльнулся Зельвинда. — На самом деле, Рома, все не так. На самом деле я должен был убить тебя, если ты окажешься предателем. Я рад, что наша предосторожность оказалась излишней. Возьми мое оружие и, если хочешь, зарежь меня за то, что я не доверял тебе. Так я решил.

С этими словами он выдернул из-под кушака магнито-плазменный кинжал и протянул его мне.

— Оставь нож себе, — отодвинул я его руку. — Он еще послужит престолу, друг.

— И между нами не будет обиды?

— Даже тени ее.

Зельвинда сунул кинжал обратно в ножны, вскинув голову, глянул на меня почти таким, как когда-то, задорным взглядом, а затем щелкнул ногтем по колечку в носу и под аккомпанемент мелодичного «Дзин-н-нь!» заявил:

— Как ты эту облезлую собаку, а?! Я горжусь. Ты принес беду в жизнь моего табора, но ты принес в нее и цель... Моя жизнь принадлежит тебе, государь.

Еще одна фигура отыграна.

Сам я на крейсер не перебрался, так как толку от меня там было бы мало, наоборот, я только мешался бы под ногами. Так, собственно, и было запланировано с самого начала. Управление крейсером, отключив его радиомаяки, взял на себя Гойка (само собой на пару с его настоящим рюриковым пилотом). И уже минут через пять его длинноусая физиономия появилась на стереоэкране:

— Хай, Чечигла! Чего ждете?! Прочь от нас, в безопасное место ныряйте!

Вот же уродец! Ведь знает прекрасно, чего мы ждем. Мы должны были убедиться, что у него все в порядке, и наша помощь не требуется. Псевдомагниты были отключены, и начиненные поронием шлюпки, осторожно подтягиваемые за шланги-предохранители, вернулись на «призраки».

— Ваше Величество, — обернулся ко мне Филипп, — я хочу задать вам один вопрос.

— Валяй.

— Вообще-то их два.

— Или три?

— Два. Точно два. Можно?

— Я же сказал тебе: валяй.

— Ага. Ну ладно. Так вот. Вы верите в судьбу? Это первое. И второе: почему у вас все получается?

Хм. Всё... Например, угробиться насмерть в банальном ДТП. Оказаться пленником грабителей-цыган. Потерять жену и сына...

— Вопрос о судьбе оставим без ответа. Я не знаю его. А вот про «всё получается»... Правильнее сказать, почему мне удается выкручиваться из безвыходных ситуаций, после того как я неминуемо вляпываюсь в них. Дело, наверное, в том, что я родился в России двадцатого века.

Сперва на реактивной тяге, а затем на поглотителях мы разошлись в три стороны на безопасное от крейсера и друг от друга расстояние и, установив координаты выхода, провалились в гиперпространство.

...Кабинет начальника «пчеловодов», который стал теперь моим кабинетом.

Она была облачена в форменный комбинезон царского космофлота, без погон. Она была чертовски красива, но по-другому, не так, как я привык. Черты ее лица заострились, кожа побелела, а волосы были коротко острижены. В ней не осталось ничего от той милой кокетливой девушки-цыганки с пухлыми щеками и губами, которую я любил. Но остались чуткость восприятия и проницательность. Она моментально расшифровала мой взгляд.

— Я стала другая, Роман Михайлович? — шагнула она ко мне. И одного этого шага было достаточно, чтобы заметить откуда ни возьмись появившуюся в ней величественную грацию.

— Да, Ляля, — признался я и, обняв, погладил жесткие волосы. Голос выдал мое волнение, но я и не собирался скрывать его. — Я так скучал без тебя.

— Я стала другая... — повторила она глухо, уткнувшись лицом мне в грудь. — Потому что... Потому что я защищалась. Каждый день. Каждую секунду. И моим единственным оружием была

гордость. Я не могла им позволить думать о себе, как о женщине... Как о джипси, как просто о человеке. Я должна была оставаться ЦАРИЦЕЙ даже во сне. Я не плакала. Я ни разу не плакала!!! — вдруг закричала она и, обхватив меня руками, безудержно разрыдалась. — Я... я... И Ромка... — пыталась она что-то сказать сквозь слезы, но безуспешно.

— Что ты, что ты, милая, — все так же гладил я ее волосы и никак не мог найти подходящих слов. — Кстати, где он? Я хочу видеть сына...

Стоящий неподалеку Гойка сообщил:

— Мы не посмели будить царевича, и пока что он находится на нашем корабле.

— Хорошо, — кивнул я. — Будьте любезны, оставьте нас с супругой наедине.

— Я понимаю вас... Но ситуация не терпит промедлений, нас ищут, — осторожно напомнил Филипп, — вы назначили военный совет... — Он подчеркнуто медленно двинулся к двери.

— Десять минут, — бросил я ему вдогонку. — Через десять минут я буду с вами.

Внезапно Ляля откинулась назад и, утерев слезы ладонью, твердо сказала:

— Ваше Величество, я не смею отнимать у вас эти десять минут, которые необходимы для свершения срочных государственных дел.

— Ляля... — попытался я возразить, но она закрыла мне рот рукой и, понизив голос, отозвалась:

— Я в порядке, милый. — Она тряхнула стриженой головой так, словно хотела разметать несуществующие кудри. — Впереди у нас целая жизнь, и я еще успею наплакаться на твоей груди... Ты позволишь мне присутствовать на совете? Я знаю многое из того, чего не знает никто из вас.

— Конечно, — согласился я, чувствуя ноющую боль в груди. — Филипп! — остановил я бородача на пороге. — Вызывай всех, кто нам нужен.

— Все уже ждут в коридоре, — откликнулся он, глядя на Лялю с восхищением.

— ...и я считаю, что находиться на Петушках для нас сейчас небезопасно, — закончил Дядюшка Сэм.

В кабинет набилось человек тридцать. Тут были и «пчеловоды», и джипси.

— Не согласен, — возразил Филипп. — Наша ставка до сих пор не зафиксирована, и лично я не представляю себе места безопаснее.

Похоже, он окончательно перестал признавать за Дядюшкой главенство. И я, пожалуй, склонен узаконить такое положение.

— Космос, — раздался надтреснутый голос Аджуяр из дальнего угла. — Вот единственное безопасное место. Табор джипси никогда не привлекал к себе внимания...

— Так было раньше, — возразил Гойка. — Сейчас все не так. Они шмонают нас при всяком удобном случае.

— К тому же табор не может не обращать на себя внимание жандармов, если в караване присутствуют три суперсовременных «призрака» и правительственный крейсер, — добавил я. — А бросать их нельзя, они нам еще очень пригодятся.

— Позвольте сказать мне, государь, — попросила слово Ляля. Лица присутствующих обратились к ней. Большинство из них при этом выражали недоверие. Ох, зря она вмешивается. Не хватало только, чтобы мои люди перестали воспринимать ее всерьез...

— Мне кажется, — начала она, — что безопасность нам могут гарантировать только какие-то козыри на руках.

Дураку ясно! Но откуда у нас, интересно, возьмутся такие козыри?.. Я только пожал плечами, однако Дядюшка Сэм, похоже, моего скепсиса не разделял.

— Какие, например? — насторожился он.

— Мы должны действовать так же, как Рюрик, — отозвалась Ляля. — Нам нужны заложники, кто-то, кто ему дорог.

— Ему никто не дорог! — воскликнул Дядюшка Сэм, и окружающие зашумели.

— Неправда! — покачала головой Ляля. — Как бы жестоки ни были лиряне, я уверена, они точно так же дорожат своими детьми, как и мы с вами.

Как раз в этот миг на пороге кабинета появился... Карл Маркс. Сходство было разительным, лишь мгновение спустя я сообразил, что это — заросший усами и бородой Брайан. И за руку он держит пацана... Моего Ромку!

— Капризничает, — сообщил Брайни. — Говорит, если я не приведу его к отцу, он велит мне немножко отрубить голову.

Мальчуган побежал ко мне. Я присел, чтобы обнять его, но он, проскочив мимо, обхватил Лялины ноги и, осторожно глядя на меня, спросил:

— Мама, этот дяденька — царь?

— Да, милый, — усмехнулась Ляля, беря его на руки.

— Значит, он — мой папа?

— Да, конечно.

— Тогда пусть он прикажет Брайни побриться, а то он колючий, — заявил пацан, а когда вокруг захохотали, он засмеялся вместе со всеми, победно оглядываясь по сторонам.

— Посиди на руках у отца и помолчи, — сказала Ляля, улыбаясь, и передала Ромку мне. А сама вновь обратилась ко всем: — Возможно, лиряне и не испытывают тех нежных чувств к своим детям, какие испытываем мы, но к вопросу продолжения рода они не могут не относиться серьезно. Это вопрос выживания вида.

— Ты мне купишь бластер? — спросил меня Ромка на ухо.

— Тс-с, — приложил я ему к губам палец, чувствуя, что мое сердце колотится так, что готово выскочить из груди. И кивнул: мол, «да, куплю».

— Совершенно случайно, — продолжала Ляля, — я узнала, что дети привилегированных лирян воспитываются и учатся на специально оборудованной для этого планете Блиц-12XL. И прежде всего мы должны захватить именно ее, а уж после того думать обо всем остальном.

— Откуда эта информация? — недоверчиво прищурился Дядюшка.

— Не считаю необходимым перед кем-либо отчитываться, — парировала Ляля.

— Скорее всего нас уже ждут там! — воскликнул Дядюшка, мстительно покосившись в ее сторону.

— Если я верно понимаю вас, вы предполагаете, что я пытаюсь заманить всех нас в ловушку? — В голосе Ляли звучал лед, и я почувствовал гордость за нее. Нет, не зря она включилась в разговор... Как изменил ее рюриковский плен... Возможно, я потерял любимую женщину, но зато приобрел хладнокровного стратега. А в нынешнем положении второе, пожалуй, ценнее первого...

— Нет, что вы, — смутился Дядюшка, порывисто выдернул из-за пазухи маленькую морковку, нервно откусил кончик, пару раз хрустнул и закончил: — Я лишь думаю о нашей безопасности.

— Да, — вмешался Филипп, на этот раз приняв сторону Дядюшки. — Это очевидно. По вашей же логике. Если лиряне относятся к детям бережно, то планета надежно защищена.

— Посмотрим, — проговорил я тоном, не терпящим возражений. И Филиппу не осталось ничего другого, как только пожать плечами.

Глава 3

ВОЛЧАТА

Обсуждая вопрос, как именно мы будем действовать, от идеи вновь прихватить с собой напичканные поронием шлюпки отказались. Дважды этот номер не пройдет, а с чудовищной взрывчаткой на борту мы были слишком уязвимы. Тем более что сейчас в ней не было и особой необходимости. Ведь теперь мы обладаем огневой мощью захваченного крейсера, а этого вполне достаточно, чтобы разнести в пух и прах любую планету. Пилотов «призраков» тут же отрядили к их кораблям — избавляться от смертоносных приспособлений. Остальные отправились отдыхать.

С операцией по захвату Блиц-12XL тянуть не следует. Блиц — очень подходящее название. Быстрота и внезапность — вот метод, который может принести победу... Но участники прошлой операции были измотаны, и мы решили взять двенадцатичасовой тайм-аут. Только Гойке предстояло отсыпаться в другой раз: сейчас он занялся спешным переводом всей боеспособной части своего табора в захваченный крейсер.

Мне, правда, тоже поспать удалось совсем мало. О чем я ничуть не жалел.

...Эта женщина, эта новая женщина, которая у меня появилась, была совсем незнакома мне не только внешне.

Я шагнул в глубину этих глаз,
помешавшись от трепетных бликов,
поскользнувшись на солнечных плитах,
увеличившись в тысячи раз.

Я упал в теплоту этих рук,
коченея в январскую стужу,
расхотев возвращаться наружу,
потеряв равновесие вдруг...

Слишком хорошо. Так хорошо, что появилось нелогичное чувство вины перед всем тем, что я помнил о Ляле прежней и что еще недавно надеялся вернуть. Зато она теперешняя не ревновала меня к себе прежней. Ведь она изменилась только в моих глазах, а для себя она осталась собой. Лишь мягкая ее нежность превратилась в неистовую страсть, а жертвенность — в четкое знание собственных желаний. Мне нравилось все это, но было жаль чего-то, чего уже не будет никогда.

Между нами есть тяжесть,
полутемная верность.
Ты мне ночью расскажешь —
словно бритвой порежешь.

Я тебе изменяю
лишь с тобою самою.
Я тебя обоняю
недовытекшей кровью.

Мы друг друга не знаем,
лишь два сердца, как птицы,
раз вспорхнувши, летают —
и не в силах разбиться.

Ей нечего было рассказать мне. Ей угрожали, но ни разу не тронули и пальцем. Она боялась за Ромку и за меня, но не прекращала верить в то, что я объявлюсь, помогу, спасу. Хорошо, что я почувствовал бездонную силу этой веры только сейчас, иначе я уже давным-давно, очертя голову, кинулся бы навстречу опасности и скорее всего погубил бы нас всех.

Мы произнесли мало слов в эту ночь.

Бездна:
над нами,
под нами,
в нас...

...Рев сигнала тревоги заставил меня вскочить как ошпаренного. Глянул на часы. До установленного срока подъема оставалось еще полтора часа. Значит, что-то непредвиденное. Застегиваясь на ходу, я вылетел в коридор штаб-квартиры «пчеловодов» и тут же лицом к лицу столкнулся с Филиппом, который, по-видимому, спешил ко мне.

— Ваше Величество! — В его интонациях слышалась смесь тревоги, удивления и досады. — Только что царский флот вынырнул возле Петушков и движется к нам. Мы еще можем успеть скрыться, но времени в обрез! — Глядя через мое плечо, он смущенно добавил. — Доброе утро, Ваше Величество.

Ляля, облаченная в мою пижаму, в которой и уснула, стояла у меня за спиной. В руке она держала сундучок, в котором хранила все самое ценное.

— Ромку подняли?.. — встревоженно спросила она.

— Царевич одевается, — отозвался Филипп.

— А где Брайан?

— Не знаю, о ком вы говорите. Но большинство людей уже эвакуированы. В нашем распоряжении пять — десять минут, не больше.

— Мы готовы! — вскинула голову Ляля.

— Тем лучше. Быстрее вниз!

Сказав это, Филипп, пользуясь способностью летать, помчался дальше вдоль коридора. Дел у него хватало. Мы бросились в соседнюю спальню. Аджуяр уже застегивала на Ромке курточку. Он стоял на кровати босиком, хныкал и обеими руками тер глаза. Я сгреб его в охапку и, бросив Аджуяр «захватите ботинки!», потащил сына из комнаты.

— Переоденься! — предложил я Ляле, вновь оказавшись возле нашей двери.

— Плевать! — махнула она рукой. — Не время!

И то верно.

Через несколько минут мы покинули здание. Колонна «пчеловодов» уже взмывала в поднебесье в направлении космодрома.

— Сюда! — услышал я голос Дядюшки Сэма. Он сидел на водительском кресле флаера-псевдолета, а на щитке управления перед ним красовалась клетка со Сволочью.

Запихивая в машину Ромку, Лялю и Аджуяр, я напомнил Дядюшке:

— Я могу лететь сам!

— Не надо! — помотал он головой. — Места хватает. Лучше не расползаться. Лезьте быстрее!

И то верно. Мы-то с ним можем и полететь, но Ляля, Ромка и Аджуяр — нет. А это — моя семья, и я должен быть рядом с ними. Я послушался Дядюшку, и машина тут же ввинтилась в рассветное небо.

— Как вы меня напугали! — Зубы Дядюшки слегка постукивали. — Все уже эвакуированы, вы возились дольше всех.

— Похоже, идея с передышкой была не самой правильной?

— Кто же мог предполагать? — судорожно пожал плечами Дядюшка, не оборачиваясь. — Назначь мы на отдых не двенадцать часов, а десять, нас бы тут уже не было. А сейчас ситуация, конечно, жутко рискованная. Но есть в ней и свое преимущество.

— Какое? — удивился я.

— Если нам удастся удрать, то сейчас уже почти точно можно сказать, что на Блиц-12XL нас не ждут. Если б ждали, устроили бы засаду там, а не сюда бы пожаловали. Я знаю имперский флот, и он почти весь тут... Какая-то часть осталась охранять

Москву, там ведь сейчас, наверное, военное положение. А про то, что мы вместо столицы махнем к созвездию Лиры, Рюрик явно не подумал.

— Значит, она все-таки была права? — кивнул я на Лялю. Мне было приятно, что Дядюшка признал свое поражение.

— Да, — кивнул он, — я искренне восхищаюсь вашей супругой, мой государь.

— Не очень-то вежливо говорить обо мне так, как будто меня здесь нет, — заявила Ляля. Она явно продолжала сердиться на Дядюшку.

— Простите, Ваше Высочество, — поспешил Дядюшка согласиться с ней. — Я хотел сказать, что остроте вашего ума позавидовали бы и профессиональные политики.

— Просто я — мать, — отозвалась Ляля, ничуть не смущаясь.

— И прошу простить меня еще раз... — продолжал Дядюшка, но Ляля прервала его:

— Я не сержусь. Вы выполняли свой долг, думая о нашей же безопасности, а вовсе не старались оскорбить меня... Ваши заслуги перед государем не останутся без вознаграждения.

Откуда у нее эта лексика? Похоже, она подготовлена к роли царицы несколько лучше, чем я к роли царя.

— То есть сейчас мы отправимся на Блиц-12XL, как и было решено, — уточнил я, убедившись, что они перешли на бессодержательный обмен словами вежливости. — А как же джипси?

— Нам повезло, что они остались на орбите, — отозвался Дядюшка. — Сейчас они перебираются на крейсер.

— До сих пор? — удивился я. — А чем они занимались всю ночь?!

— Как и было предусмотрено изначально, те, кто нужен для участия в боевых действиях — пилоты и стрелки, — уже в крейсере. Но ситуация изменилась. Перебираются все. Будет тесновато, даже очень тесно, но что поделаешь. Корабли джипси не оснащены гиперпространственными приводами. Нельзя же оставлять этих женщин и детей в заложники Рюрику. Как только все они будут на борту, сразу махнут на Блиц-12XL. Операцией руководит ваш друг Гойка. Думаю, они будут там раньше нас.

— Крейсер ведь хоть и огромный, но не резиновый. Куда дели людей Рюрика, которые были там?

Такого материала — резина — на свете давным-давно не существовало. Но суть моего вопроса он все-таки понял:

— Думаю, их усадили в шлюпки и выбросили на орбиту. Лично я поступил бы именно так. Их подберут.

— А генерал? Я обещал ему политическую защиту.

— Бедняге не повезло, — пожал плечами Дядюшка. — У нас есть дела поважнее, чем думать о судьбе генерала-перебежчика. К тому же я точно помню, что ничего конкретного вы ему не обещали. Да и черт с ним! Бессмертие может стоить жизни.

Я не стал спорить с ним, тем более что не совсем понял его последний философский пассаж, а продолжил расспросы:

— А те несколько джипси, которые были сейчас с нами на Петушках?

— Их уже везут к «призракам» на таких же армейских псевдолетах, что и этот.

— Мы успеваем?

— Должны успеть, — пожал плечами Дядюшка. — Если, конечно, Рюрик не прикажет обстреливать планету.

— А это возможно?

— Надеюсь, что нет. Надеюсь, он пока что недооценивает нас.

Еще через несколько минут мы уже были на борту «призрака» (несколько «пчеловодов» и мы с Дядюшкой подняли Ромку, Лялю и Аджуяр к входной диафрагме).

Чудовищная перегрузка вдавила нас в пол шлюза.

— Оставайтесь здесь, — прохрипел я Ляле в ухо и буквально пополз в сторону рубки, чувствуя во рту соленый вкус крови. В кресле пилота сидел Филипп. Кресло второго пилота пустовало, и я сумел забраться в него. Филипп глянул в мою сторону, и я с удивлением заметил в его глазах слезы.

— Слава Всевышнему, вы здесь, — перекрестился он. — Я молился за вас... Только посмотрите вниз...

Я глянул на обзорный экран и увидел гигантское зарево.

— Он все-таки бомбит планету! Подонок! Миллионы ни в чем не повинных...

— Нет, — перебил меня Филипп. — Рюрик взорвал лишь промышленную зону. Людей там практически нет. Видимо, узнав, что мы базируемся на Петушках, Рюрик сопоставил это с нашей технической оснащенностью и решил, что мы контролируем его стратегические объекты. И базируемся там же. И он уничтожил эти объекты. Жертвы среди мирного населения, конечно, есть, но, надеюсь, они невелики.

Перегрузка стала спадать, и я, чувствуя физическое, но отнюдь не моральное облегчение, откинулся на спинку кресла. Всё, чего бы я ни коснулся в этом мире, рушится, превращается в пепел...

— Я не перестаю думать, Филипп, действительно ли нужны все эти жертвы? — обернулся я к «пчеловоду». — А если мы не остановимся, их будет все больше и больше. Может быть, лучше было сохранить все, как есть? Вы ведь неплохо жили, пока не вытащили меня из прошлого. Еще не поздно отказаться от всей этой затеи. Как раз сейчас я наиболее близок к тому, что называется «счастье». Моя семья со мной, и все, что я хочу по-настоящему, это как можно надежнее спрятать ее.

— Нет! — уверенно заявил бородач. — Мы должны продолжать. Я не осуждаю вас за слабость, мой государь. Но оставить Россию в лапах Рюрика — значит обречь ее на постыдную гибель.

— Почему вы так уверены в этом? Все это не более чем политические амбиции...

— Вы ошибаетесь, государь. Я никогда не посмел бы вас учить чему-то, но вы родились и выросли далеко отсюда...

— Не затрудняйте себя оправданиями. Чему вы хотите научить меня?

— Борьба «пчеловодов» с Рюриком носит вовсе не абстрактно-политический характер. Все мы — православные христиане. И все мы искренне верим в то, что наше дело правое. Что вы знаете о клятве русского народа роду Романовых?

— Честно сказать, ничего...

— То-то и оно, — покачав головой, сказал Филипп. — Что уж говорить о других, если этого не знаете даже вы. Эту клятву, во-первых, Богу, а во-вторых, роду Романовых — быть верным ему до Второго пришествия Христа, русский народ принес в тысяча шестьсот тринадцатом году на Великом Земском Соборе. А в двадцатом веке, в семнадцатом году, русский народ нарушил эту клятву. Клятвопреступников Бог карает, вот в чем причина всех наших неисчислимых бедствий. И тогда, еще в ваше время, Россия утонула в крови, и с тех пор нет ей покоя, хотя она уже и стала галактической державой. И вот, как апофеоз падения, власть над Россией в лапах зверя. И мы, православные воины, считаем, что Рюрик — олицетворение сатаны. И мы как представители русского народа должны вырвать страну из его когтей и передать ее в руки того, кому поклялись в верности.

Чудно было слышать эти религиозно-монархические речи от человека, ведущего межзвездный корабль. Но скорее всего это издержки моего совдеповского воспитания. А в этом мире вера в Бога, царя и космические путешествия никоим образом не противоречат друг другу.

Филипп, становясь все более пафосным, продолжал:

— А жертвы... Они неизбежны. Но иногда они и необходимы. Вам не следует корить себя. Не вы создали ситуацию, в которой не обойтись без жертв. Кстати, это понимают даже те, кого не минула чаша сия. Отчего вы застали меня расстроенным? За минуту до вашего появления здесь я принял посланную на всех волнах радиограмму от одного из тех, кто погиб в пламени пожара... Когда-то Сёма был моим другом, но я был уверен, что его уже давно нет в живых. И вдруг это послание...

Он говорил уже как будто бы сам с собой, вновь впадая в меланхолическое состояние духа. Сёма... Знакомое имя. Очень знакомое, и все-таки я не мог припомнить, кому оно принадлежит.

— Что же это было за послание? — спросил я и тут же вспомнил, кто это — Сёма. И почувствовал, как к горлу подступил комок жалости.

— Вот оно, — отозвался Филипп. — Я вывел его на печать, чтобы отдать вам. — Обидно. Если бы мы знали, что он жив, мы бы могли спасти его.

Он передал мне листок пластиката и я прочел:

«Ваше Величество, я умираю. Спасибо за избавление. Семецкий».

Все верно. Горит промышленная зона. Заводы гибнут... Неожиданное, нелогичное чувство ревности возникло в моей душе: если это послание получил и Рюрик, то он, конечно же, принял его на свой счет... Я отложил листок в сторону:

— Не корите себя, Филипп.

Тот с удивлением посмотрел на меня, но тут же удивление сменилось пониманием:

— Ах да, ведь он принимал участие в переброске вас из прошлого в наше время. Собственно, с его изобретения всё и началось... Выходит, вы были знакомы с ним?

— Да. Если не сказать больше.

— Он пропал во время этой операции. Вы знаете что-то о его дальнейшей судьбе?

Я кивнул, думая о том, есть ли смысл рассказывать ему о том, как Семецкий спас меня на планете железных страусов, и о том, чем он стал в результате.

— Почему он благодарит? В какую переделку он попал?

«Переделка». Чертовски точное слово.

— Сейчас у меня нет ни времени, ни сил рассказывать вам всё, — решил я. — Но поверьте моему слову, спасти его было невозможно.

* * *

Когда мы вышли на орбиту, только десяток старых цыганских жестянок болтался там. Люди Рюрика, не зная, что они пусты, как раз занимались тем, что увлеченно, словно пацаны из воздушек по голубям, палили по ним, и жестянки одна за другой послушно превращались в облачка плазмы. Но нам ПОВЕЗЛО: по нашим «призракам» не было произведено ни единого выстрела. Почему, я не знаю. Возможно, потому, что на орбите мы оставались не более минуты.

Я почувствовал, как смертельно я устал от всей этой непрекращающейся кутерьмы. Вот так, блин, светлое будущее. Вот так утопия. Когда по тебе не стреляют, говоришь «повезло»...

На орбите мы лишь убедились, что крейсера там нет, и тут же совершили прыжок к созвездию Лиры, надеясь, что джипси уже там, а не уничтожены. Я был уверен в этом почти на сто процентов и оказался прав. Стоило нам вынырнуть в районе планетной системы, куда входит Блиц-12XL, как мы тут же получили известие от Гойки о том, что все его люди благополучно выведены из-под обстрела. Крейсер успешно движется к назначенному пункту, кораблей охраны в районе планеты не наблюдается.

— Я пока не нужен? — спросил я Филиппа.

— Да, я справлюсь, — отозвался тот и глянул на меня с пониманием. — Беспокоитесь о семье?

— Да. Пойду посмотрю, как они там, — подтвердил я, выбираясь из кресла. — Им пришлось туго.

Свое семейство я нашел на камбузе. В моей полосатой пижаме Ляля выглядела тут довольно экзотично. Ромка за обе щеки уписывал мороженое с клубникой, а она сидела напротив, подперев голову руками, и внимательно наблюдала за ним. Я присел рядом, и только тут она меня заметила.

— Все в порядке? — спросила она с легкой тревогой в голосе. — Все живы?

— На удивление, — подтвердил я. — Мы уже подходим к Блиц-12XL, а крейсер, наверное, уже там.

— Я тебе совсем не дала поспать. — Она погладила меня по голове.

Неожиданно Ромка, как оказалось, наблюдавший за нами, положил ложку и безапелляционно заявил:

— Нельзя его гладить.

— Это еще почему? — сделала Ляля большие глаза, а я почувствовал, что краснею. Похоже, он ревнует, ведь я для него все еще совсем чужой...

Но он свое заявление объяснил по-другому:

— Потому что он большой, и он царь.

— Ну и что? — усмехнулась Ляля. — Я же люблю его.

— Как меня? — уточнил Ромка.

— Да, — подтвердила Ляля, — так же. — Но добавила, чтобы не обидеть его: — Ну-у, может быть, чуть меньше, — хитро на меня при этом поглядывая.

— Странно, — заявил Ромка и вновь принялся за мороженое.

Я сдержал улыбку, тем более что она была бы горькой. Он слишком умен для своего возраста. Я не сумел сделать так, чтобы у моего сына было детство... И это беда, когда твоему сыну кажется странным, что его родители любят друг друга. Свою сознательную жизнь он начал в окружении врагов, и это может оставить печать в его душе очень и очень надолго. А его любви, похоже, мне еще предстоит добиваться. Но это — позже.

— Где ведьма? — поинтересовался я.

— Она дурно себя чувствует и отправилась передохнуть в каюту. Дядюшка Сэм тоже отдыхает. Он весьма изменился с того дня, когда я видела его в последний раз. И не в лучшую сторону...

До меня дошло, что она-то не знает о том, какую шутку над Дядюшкой сыграл Рюрик. Но, щадя его репутацию, я решил пока промолчать. Да она и не ждала ответа, а ответила себе сама:

— Хотя, мне ли обижаться на него? Это он придумал, что ты должен на мне жениться. Помнишь?

Я кивнул. Еще бы я не помнил. Также я помню и то, что это дядюшкино заявление особого восторга с моей стороны не вызвало. А теперь я и представить себе не могу, что все могло обернуться как-то иначе...

— Будешь кофе? — предложила Ляля.

— Пожалуй, — согласился я. — И вообще я не прочь перекусить. Яичница, например, тут найдется?

...Пока мы завтракали, на камбуз дважды заглядывали «пчеловоды» из экипажа, но, испуганно козырнув, тут же исчезали. А ведь я не имел абсолютно ничего против того, чтобы они поели с нами. Но, похоже, субординация у них в крови.

— Пойдем-ка отсюда, — предложил я, расправившись с глазуньей и кофе, — а то люди так и останутся голодными.

И мы перебрались в пустую двухкомнатную каюту. В одной комнате Брайни стал укладывать Ромку спать, а мы принялись обсуждать наши дальнейшие действия. Несмотря на то что, за неимением лучшего, я сразу же подхватил Лялину идею, я до сих пор не был еще уверен, что она мне нравится. Брать в за-

ложники детей... Я не мог заставить себя думать о них как о врагах.

— Но Роман Михайлович, — говорила Ляля, упорно величая меня по отчеству. — Мы не причиним им вреда! Когда Рюрик выполнит наши условия, мы тут же покинем планету.

— А если он их не выполнит? Что тогда делает захватчик с заложниками? Начинает убивать по одному или по несколько. Мы будем вынуждены начать обстрел планеты. А если мы не станем этого делать, Рюрик поймет, что мы на это не способны, что мы слишком мягкотелы, и возьмет нас голыми руками... Нерешительные, идущие на долгие переговоры террористы гибнут, так было всегда. В моем прошлом это случалось часто.

Мы спорили до хрипоты, но вскоре выглянул Брайан и сообщил, что Ромка не может из-за нас уснуть. Тогда мы перебрались в рубку, и там к нашему обсуждению подключились Филипп и Дядюшка. Благо, времени было достаточно, и можно было позволить себе абстрактные рассуждения.

Действительно, как мы можем угрожать убийством детей? В конце концов, мы даже еще и не видели их. Да, представитель этого разумного вида узурпировал в России власть, но он получил ее мирным путем из рук благодарных бояр... Да, лиряне способны питаться человеческой кровью, но, кто знает, может быть, не все, может быть, это атавизм, возрожденный лично Рюриком, а может быть, это вовсе и не так. Дядюшка упорно повторял, что эта информация получена им из непроверенного источника.

А каннибализм случался и в человеческом обществе. В двадцатом веке, помнится, существовала даже теория о том, что именно каннибализм как фактор отбора привел к формированию современного человека: выживали сильнейшие и хитрейшие. А вот волков мы в том же двадцатом веке просто-напросто отстреливали, уничтожали, как мусор. Каково было узнать об этом лирянину?

Да ведь и мы, в конце концов, — далеко не вегетарианцы. Случись нам встретить во Вселенной мир, населенный разумными коровами... Как бы, интересно, относились к нам такие рогатые братья по разуму, побывав, например, на бойне? Или на мясоконсервном заводе... Как бы я посмотрел в глаза какой-нибудь разумной курице, если бы она увидела, как я только что расправлялся с яичницей...

«На войне как на войне!» — кричал Дядюшка.

Больно он боевит, когда знает, что воевать предстоит с детьми... Но иного выхода, кроме предложенного Лялей, у нас, пожалуй, все-таки нет...

В то же время надо отдать должное и Рюрику: при всей его жестокости, он не причинил физического вреда ни Ляле, ни Ромке, пока они были у него в плену. Чем тогда мы лучше него, если ради политических целей будем угрожать жизням целой планеты детенышей?..

— А никто и не говорит, что мы лучше! — вопил Дядюшка. — Речь тут идет не о том, кто лучше, а о том, кто кого!!!

Но мне эта его логика не очень-то нравилась. В конце концов, мы решили сперва высадить на планету немногочисленную разведгруппу. И не только по названным выше причинам морального характера. Прежде чем выставлять свои условия Рюрику, нужно было еще проверить сведения Ляли. Она не могла гарантировать их истинность.

А вдруг на Блиц-12XL обитают вовсе не дети лирян, а кто-то другой, а информацию эту ей подсунули специально? Вдруг это все-таки ловушка? Что же касается морали... Лично для меня было бы большим облегчением обнаружить, что лирянские детеныши — подлые и кровожадные монстры... Эдакие маленькие Рюрики... Но я и сам не верил в это. Что может быть симпатичнее львят, тигрят или волчат, какими бы хищниками они ни были?

Сперва Филипп хотел отправиться на разведку с парой своих лучших людей, но я настоял на том, что обязательно должен быть с ними. Филипп говорил о риске, которому я не имею права подвергать себя, но я стоял на своем. В конце концов, решение принимать мне, а не кому-то другому.

Не осталась в долгу и Ляля. Похоже, судьба ей носить военную форму. Хотя розовый пчеловодский плащ, накинутый поверх моей пижамы, и был ей очень к лицу. Настроена она была весьма воинственно.

— Во-первых, — на повышенных тонах говорила она, — это я все придумала, и вы не можете не взять меня с собой. А во-вторых, нам предстоит общаться с детьми... Пусть не с человеческими, но с детьми, детенышами, и женщина тут может оказаться незаменима! Я лучше знаю, как с ними разговаривать!

Несмотря на все мои уговоры она твердо стояла на своем, и в конце концов мы включили ее в разведгруппу...

И тут же она заявила:

— Надо взять Брайана. Никто так легко не находит общего языка с детьми, как он.

И мы были вынуждены сдаться вновь, раз уже однажды приняли этот довод...

* * *

Итак, крейсер с джипси и три наших «призрака» добрались до Блиц-12XL и крутились теперь возле нее. Планетка была совсем небольшой. Пользуясь мощной оптикой, мы внимательнейшим образом изучили ее. Городов в нашем понимании на ней не было.

Но на одном из трех материков мы обнаружили несколько сотен приземистых, длинных, сложно изгибающихся и разветвляющихся зданий, сверху напомнивших мне партии домино. Стояли они в отдалении друг от друга, прямо в густой чаще почему-то желтой и коричнево-красной растительности. «Этакие гигантские пионерские лагеря в осеннем лесу», — подумалось мне. Хотя вполне возможно, что сейчас на планете действительно царит осень.

Орудийные компьютеры крейсера запомнили местонахождение всех обнаруженных нами строений, взяли их под прицел, и теперь достаточно было одного нажатия кнопки, чтобы все эти объекты вместе с их возможными обитателями взлетели на воздух.

Мы нашли и космопорт, но на него решили не садиться, чтобы не обнаруживать себя прежде необходимости. Благо, маневренные «призраки» позволяют высаживаться и на площадке, не оборудованной специально для этого, лишь бы она была достаточно гладкой. Садиться решили, само собой, неподалеку от строений, но дождавшись, когда на этой стороне планеты наступит ночь. Для посадки выбрали омываемую морскими волнами пустынную песчаную отмель, в стороне от буйной растительности, а соответственно, и от жилья.

Все, кроме разведгруппы, то есть кроме меня, Ляли, Брайана, Филиппа и двух его суровых молчаливых «пчеловодов», сели в шлюпки и перебрались на крейсер. Хотя он и без того был уже переполнен. А мы, оставшись в «призраке» вшестером, двинули его вниз по касательной к месту предполагаемой посадки.

Приземление прошло удачно, и под звуки прибоя мы выбрались наружу. Моросил легкий дождик. Ласковый прибрежный ветерок гладил кожу, щекоча ноздри мягкими пряными запахами, но несмотря на ощущение, что мы попали на южное побережье, было довольно прохладно.

Мы заранее решили не дожидаться утра на корабле, а разбить лагерь там, где нас будет труднее обнаружить. Низкие звезды были яркими до неестественности, и когда мы, неся за плечами снаря-

жение, а в руках бластеры, побрели туда, где высились деревья, я подумал, что давно уже мне не приходилось ощущать такого блаженного единения с природой. И не одному мне пришла в голову эта мысль.

— Если бы нас оставили в покое, — коснулась моей руки Ляля, — я хотела бы жить с тобой, Роман Михайлович, и с нашим сыном вот на такой планете. И у нас были бы еще дети...

Ее слова взволновали меня, и я собрался уже ответить, дескать, с ними мне был бы рай где угодно, но тут, отряхивая марксовскую бороду, вмешался Брайан:

— Тут можно немножко и насквозь промокнуть.

Филипп ободряюще похлопал его по плечу:

— Потерпи, скоро все будет нормально.

Дождик был теплым и приятным, но это был дождик. А прежде чем разбить лагерь, следовало добраться до леса и углубиться в него. Так что минут через пятнадцать — двадцать мы действительно вымокли до нитки. Но о том, что все будет нормально, Филипп сказал не зря.

Что мне понравилось в снаряжении «пчеловодов», так это палатка. Точнее то, что выполняло ее функцию. В лесу раскидистых и, как мне в полутьме показалось, похожих на высокие клены деревьев мы нашли поляну, и Филипп достал из вещмешка небольшой прибор яйцевидной формы с двумя ровными рядами черных пятнышек на белой, слегка светящейся скорлупе. Он установил его посередине поляны, а еще несколько приборчиков поменьше разнес по периметру. Затем он вернулся к центру и поколдовал над пультом главного яйца, касаясь пятен в определенной последовательности... И тотчас же дождь прекратился.

Так, во всяком случае, мне сперва почудилось. Но когда и главный, и остальные приборчики стали излучать более яркий, достаточный для того чтобы осмотреться, свет, стало ясно, что дождь-то продолжается, но вода стекает по куполу появившегося над поляной силового поля. Возникло ощущение, что мы находимся внутри большого пузыря.

Филипп объяснил, что палатка автоматически настроилась на наши генные коды, и мы можем беспрепятственно выходить за ее пределы и входить обратно. Но больше ни одно живое существо проникнуть в нее не может. Поле пропускает только нас и то, к чему мы прикасаемся. Например, нашу одежду. Или гостя, которого мы будем держать за руку. Или зверюшку, которую мы принесем сами... Да еще чистый воздух. Кроме того, этот же самый

прибор выполняет функцию передатчика, и благодаря этому с крейсера сейчас за нами наблюдают.

А минут десять спустя под куполом заметно поднялась температура, стало сухо, мы сбросили с себя верхнюю одежду и развесили ее для просушки по кустам. Затем постелили на траву прихваченные «пчеловодами» тонкие, но удивительно мягкие пластикатовые коврики и устроились на ночлег, укрывшись легкими одеялами.

Филипп отключил освещение. Было безумно уютно лежать вот так, в тепле и сухости, чувствовать себя надежно защищенными от любой опасности и в то же время в абсолютной близости к лесу, слушать его шум и журчание воды... Рядом была женщина, которую я люблю, и, хоть у нас и не было сейчас возможности ласкать друг друга, уже одна ее близость делала мои ощущения острыми и щемящими.

...Ни с того ни с сего мне приснилось, что я — снова студент филфака в России двадцатого века. Мне приснилось, что преподаватель задал мне вопрос, я не знаю ответ и жду подсказки от товарищей... Я проснулся. Ночь. Все спят. Мысли о доме, о ТОМ доме не выходили из моей головы... Как я уснул снова, я и не заметил.

...Меня разбудил Брайан.

— Рома, — тихо позвал он, легонько потрясывая меня за плечо.

Я сел и протер глаза. Дождь кончился. Уже светало. Брайан примостился возле меня на корточках.

— Рома, посмотри, что я нашел. Пошел в лес по нужде и нашел вот это...

Я пригляделся и увидел, что на траве перед ним что-то копошится. Какие-то большие насекомые, что ли... Или маленькие черепашки?

— Они железные, — сообщил Брайан. — Ржавые.

И впрямь. Ё-моё, это еще что такое? «Жуков» было два. Оба — размером со спичечный коробок. Но никакие это были не жуки, потому как у одного из них вместо ног было два ряда колес, по четыре с каждой стороны, а у другого — пара гусениц. Как у танка. Но были у них также крылышки, глаза и усики.

Один «жук» был светло-коричневый, а другой серо-голубой. Но похожая на эмаль краска на панцирях у обоих облупилась, и металл под ней действительно ржавел. Тихонечко жужжа, «жуки» расползались в разные стороны, явно пытаясь спрятаться в траве, но Брайан ловил их и возвращал обратно.

— Их там много, и они все разные, — добавил Брайан. — И с ногами есть, есть и помельче. Некоторые чего-то строят. Типа муравейников.

— Может быть, они строят дом? — предположил я. — Может, это такие специальные строительные мини-роботы, и все дома на этой планете построены ими? Не слышал про таких роботов?

— Не, — покачал головой Брайан. — Не слышал. И строят они там что-то вроде пирамид. Маленьких. По-моему, для себя.

— Не кусаются? — поинтересовался я.

Брайан пожал плечами:

— Не знаю. Эти вроде совсем безобидные.

С этими словами он перевернул того из «жуков», который был на колесах, светло-коричневого, и на брюхе у него обнаружился карданный вал. А сразу за ним — гениталии. Это была самка. Испугавшись, она замерла — притворилась мертвой. Но как только Брайан поставил ее обратно на землю, рванула в сторону с такой прытью, что из-под колес полетела земля.

Щепотка земли угодила Ляле в лицо, прямо в приоткрытый рот, и это, а возможно, еще и жужжание, и звук наших голосов, разбудило ее. Она открыла глаза, увидела «жуков» и, отплевываясь, испуганно откатилась с коврика на траву.

— Что за гадость?! — вскрикнула она, садясь. Она моментально и безошибочно определила, откуда тут взялись эти диковинные существа, и накинулась на Брайана. — Ну и зачем ты их сюда притащил?!

— Так, — пожал тот плечами, — интересно слегка.

— Унеси немедленно туда, где взял! — приказала Ляля.

Брайн послушно взял недовольно жужжащих «жуков» за бока и понес к краю поляны.

— Удивительные существа, — заметил я.

— Противные, — поморщилась Ляля и даже брезгливо передернула плечами. — Терпеть не могу всяких букашек-бекарасов.

— Это не насекомые, — возразил я.

— Какая разница?! — отозвалась она раздраженно. — Все равно противные.

Лично я не испытываю этого свойственного многим людям непреодолимого омерзения к насекомым, а уж тем более не почувствовал ничего такого по отношению к найденным Брайни полумеханическим тварям. Но поспорить я с ней не успел, так как понемногу стали просыпаться и остальные участники нашей экспедиции.

Позавтракав, мы собрались в путь, и Филипп отключил палатку. По нашим расчетам, часа через три — три с половиной мы должны были выйти к ближайшему строению. Но, двигаясь лесом, мы обнаружили то, чего не заметили вчера в темноте: трава так и кишела тварями, подобными тем, что нашел Брайан. Причем те, что приволок он, оказались из самых крупных, большинство же были помельче, вплоть до размера обыкновенного муравья.

Каких только предположений об их природе мы не высказывали. Филипп, например, уверял, что это — миниатюрные роботы-шпионы, специально приставленные к нам для слежки. Однако, как ни старались, мы так и не заметили с их стороны ни малейшего к нам интереса. Вели они себя как самые обыкновенные насекомые — то есть, на взгляд человека, просто бесцельно ползали туда-сюда, почти не обращая внимания даже друг на друга, не то что уж на нас.

Один из молчунов-«пчеловодов» ляпнул, что, мол, «жуки» эти — естественный продукт эволюции на этой планете, но остальные тут же подняли его на смех, требуя немедленно предъявить нашему вниманию металлические деревья со стволами, растущими по телескопическому принципу...

Иногда эти существа, подобно простым навозным жукам, катили перед собой комки земли, иногда волокли куда-то куски древесины или камня, крепко держа их передними лапками, а иногда несли и какие-то маленькие металлические детальки, возможно — останки сородичей.

Видели мы их и жадно что-то пожирающими, а дважды я наблюдал моменты спаривания. Время от времени мы сталкивались и с их пирамидальными жилищами, действительно напоминавшими здоровенные муравейники. В то же время ходы в них были оснащены дверцами, крепившимися на шарнирах, что делало их похожими на гаражные боксы.

Людей «жуки» замечали лишь тогда, когда кто-то из нас ступал слишком близко к ним, и тогда они испуганно отползали в сторону. Сперва мы с интересом следили за ними, потом почти перестали обращать внимание... Но однажды Ляля вскрикнула от удивления, когда один из «жуков» взвился из-под ее ноги вверх, причем не на крыльях, а на маленьком пропеллере, напоминая тем самым миниатюрный вертолет. И тут же снизу раздалось несколько хлопков: у двух находившихся неподалеку «жуков» из-под панцирей высунулись крошечные орудийные стволы.

Подбитый вертолет, попискивая, рухнул в траву, дернулся и затих, а те самые двое «жуков», что его подбили, моментально оказавшись рядом, принялась деловито разбирать беднягу на части. Именно разбирать, раскладывая вокруг какие-то колесики и шестеренки. Время от времени раздавались легкие потрескивания, сопровождаемые вспышками голубых искр. Похоже, работала сварка.

— Ваше Величество, — обратился ко мне Филипп, остановившись, отчего остановились и остальные. — Признаться, эти штуковины беспокоят меня. Если они могут стрелять друг в друга, значит, могут обстрелять и нас. Не хватает только команды.

— Не-е, — вмешался Брайан, явно уже считающий себя главным специалистом по местной полумеханической флоре и ее покровителем, — никто ими не командует. Они все — сами по себе. Как нормальные козявки.

— Думаю, он прав, — согласился я. — Эти создания весьма занятны, но, похоже, совсем безопасны. Они не мешают нам, так что давайте-ка двинемся дальше.

И мы продолжили путь.

Наконец деревья расступились, и перед нами встала белокаменная стена искомого здания. Молочную белизну нарушал фиолетово-желтый орнамент вдоль равнобедренных треугольников окон. Треугольники чередовались, располагаясь то основанием, то углом вниз.

Строение было обнесено невысокой, в половину человеческого роста, полупрозрачной оградой. Прежде чем подойти к ней, мы на всякий случай взяли в руки бластеры, приведя их в боевую готовность. Мы хотели оставаться незамеченными как можно дольше.

Но стоило нам приблизиться к ограде на расстояние в несколько шагов, как в воздухе повис громкий мелодичный звук — минорное трезвучие, по тембру напоминавшее виброфон. Это, конечно же, сработала предупреждающая сигнализация. Выставив перед собой бластеры, мы замерли, готовые ко всему. Но только не к тому, что произошло на самом деле.

Всё ожило. Строение наполнилось шумом голосов и шелестом торопливых шагов. В окнах что-то замельтешило. А спустя несколько минут в нижней части здания распахнулось сразу несколько дверей, и из них высыпали несколько десятков детенышей, облаченных в разноцветные балахончики с капюшонами. То, что это не люди, точнее — не совсем люди, было заметно сразу. Цвет их кожи был сероватым, уши удлинены и заострены

кверху... Но ничего угрожающего или неприятного в этих малышах не было.

О чем-то непрерывно болтая друг с другом и с любопытством приглядываясь к нам, они торопливо шагали нам навстречу, словно соревнуясь друг с другом в том, кто первый поздоровается с гостями.

Минуту спустя за их спинами появился взрослый в серебристом плаще, тоже с капюшоном, и что-то гортанно выкрикнул, точнее, пролаял. Дети остановились и повернулись к нему. Тот, пройдя мимо них и продолжая при этом что-то им говорить, направился к нам. Никакого оружия в его руках не было.

Теперь я видел, что это мужчина. (Или о представителе иного вида следует говорить «самец»?) Более того, если бы я не знал точно, что этого не может быть, я бы голову отдал на отсечение, что перед нами Рюрик. Хотя так всегда бывает с чужими расами. Для меня и негры все на одно лицо.

— Русские люди? — со странным акцентом спросил лирянин, подойдя к ограде.

— Да, — отозвался я.

— Здравствуйте, — сказал он и коротко поклонился.

— Здравствуйте, — ответил я, чувствуя себя полным идиотом.

— Оч-щень приятно, — сообщил лирянин, так же как и Рюрик делая особый нажим на шипящий звук. А затем указал на мой бластер. — Оружие? Убивать?

— Да, — кивнул я, испытывая ничем не обоснованное смущение.

— Нельзя, — сказал лирянин поучительно. — Убивать нельзя. Дети.

— Да. Знаем, — согласился я. — Мы и не хотим убивать. Но мы в опасности и боимся.

— Вам опасности нет, — возразил лирянин. — Тут дети. Беззащитность. Опасность есть для них. От вас. Если хотите быть на поч-щве... на земле... э-э-э, — замялся он, подыскивая слово, затем продолжил, — на ТЕРРИТОРИИ школы, пожалуйста, оставьте оружие... на поч-щве.

— У нас неприятности, связанные с вами, лирянами, — вмешался Филипп, и его интонации были, мягко говоря, прохладными. — Мы не можем бросить оружие.

— Понимаю, — сказал лирянин. — Сделаем так. Я выйду к вам. Один. Сам. Будем разговаривать. Найдем компромисс.

— Хорошо, — кивнул я.

— Хорошо почему? — не понял лирянин.

— В смысле, ваше предложение нас устраивает, — пояснил я, сообразив, что собеседник владеет русским не самым лучшим образом. — Выходите к нам. Мы все решим.

— Выходить, — согласился лирянин.

Тем временем из дверей строения, названного нашим собеседником школой, вышло сразу несколько взрослых лирян.

— Скажите им, чтобы они пока не подходили сюда, — поспешно указал я ему на них.

Лирянин обернулся назад и что-то крикнул. Его соотечественники остановились. Тогда лирянин что-то громко сказал и детям. Те, понурившись, поплелись назад к зданию. Лирянин обернулся к нам, протянул руку вперед, и в ограде перед ним появилась широкая щель. Он прошел через нее к нам, и щель за его спиной тут же затянулась.

— Давайте говорить, — сказал лирянин и улыбнулся одними губами. — Мое имя — Шкун. Учитель Шкун.

Сейчас вблизи я все-таки заметил одну черту, резко отличающую его от Рюрика. Глаза. Странные глаза, которые как будто бы смотрят не только на окружающее, но и внутрь себя. Я сразу вспомнил, у кого еще я видел подобный взгляд. У актера Кристофера Ламберта в фильме «Горец». А еще это существо было значительно моложе Рюрика.

Как бы то ни было, на мой земной взгляд, многое в его лице выдавало хищника... Но его улыбка была не угрожающей, а наоборот — настороженной. Настороженной и обаятельной. И я с беспокойством осознал, что лирянин мне симпатичен. А испытывать симпатию к тому, кого собрался брать в заложники, несомненно, плохой тон.

— Слушаю? — сказал учитель Шкун.

— Мы хотим мира, — сказал я и даже почувствовал, что краснею от того, как фальшиво прозвучала эта фраза.

— Мы тоже, — заметил Шкун.

Пауза затянулась. Прервал ее Филипп:

— Наш враг — царь Рюрик. И он — лирянин.

Я ощутил досаду от того, что сам не сумел столь лаконично выразить суть ситуации. Хотя, возможно, его высказывание и недостаточно тактично. Можно было бы и как-то помягче.

— Да, — согласился Шкун. — Но Рюрик — наихудший из лирян.

— Не слишком ли легко вы отрекаетесь от него?! — воскликнул Филипп, и на этот раз он уж точно поспешил.

— Нет, — отозвался Шкун, и выражение его лица стало несколько озадаченным. — Что о нем вы знать?

Мы коротко переглянулись. Сказать, что практически ничего, значило бы откровенно подставиться.

— Расскажите вы, а мы сравним с тем, что известно нам, — предложил Филипп.

— Не очень... поровну, — усмехнулся Шкун, — но...

Неожиданно влез Брайан:

— А это что за штуковины такие? — спросил он, показывая только что пойманного иссиня-черного «жука» с четырьмя неказистыми зубчатыми колесами по бокам. Испуганный «жук» дергал усиками и рывками прокручивал колеса.

— Это, — оживился Шкун, — как по-русски?.. Кукла. Наши дети мастерить их. Интересно.

— Не-е, — возразил Брайни, — я видел, они сами размножаются.

— Да, — согласился Шкун. — Дети мастерить, а потом — весь цикл: находят пищу, строят гнезда, размножаются. Эволюция... Игрушечная эволюция.

— Зачем? — нахмурился Филипп.

— Интересно, — повторил Шкун. — На планете нет животного... зверя. Есть только дерево и трава.

Да-а, такое объяснение природы этих неказистых существ нам просто и в голову не могло бы прийти.

— У нас мало времени, — поторопил Филипп. — Говорим о Рюрике.

— Да, — кивнул Шкун. — Но это — все вместе. Технологии, сочетающие в себе живое-неживое — наша традиция. Но есть правила... ограничения... есть законы, — нашел он наконец нужное слово. — Рюрик нарушал эти законы, должен был понести наказание. Но русские люди дали политическую защиту, теперь он — ваш царь. Вы, люди, пользуетесь его неправильными технологиями. Нам это не нравится. Противно. Но мы не вмешиваемся в ваши дела.

Пожалуй, мне лучше других было известно, о каких технологиях идет речь.

— Но как вы позволили? — спросил я. — Почему, если Рюрик преступник, вы не потребовали его выдачи вашим властям?

— У людей свой закон, — отозвался Шкун. — Мы к вам не можем. Все это было давно, меня не было. Не родился. Но я знаю, мы пробовали объяснить людям... Эти технологии привели к упадку нашей цивилизации, будет так и с вашей. Но люди не

слушали. Был конфликт. Чуть не война. Мы слишком слабы. Теперь наша позиция — нейтралитет.

Черт знает что! Снова ситуация выворачивается наизнанку!

— Мы, — я обвел рукой наш отряд, — боремся с Рюриком. Вы поможете нам?

Шкун опасливо покачал головой:

— Нет, нет... — А потом добавил: — У нас нет армии, нет оружия. Нас совсем мало. Еще два поколения назад способных к самовоспроизводству лирян было всего несколько тысяч. Мы взяли курс на возрождение — запретили личное бессмертие, размножаемся... Сейчас нас больше, но самая большая часть — дети. Если мы поможем вам, нарушим позицию нейтралитета, Рюрик нарушит мир.

— Он использовал меня! — невпопад воскликнула Ляля, но я понял, что она имеет в виду: Рюрик специально подкинул ей идею захвата Блиц-12XL, чтобы одним махом уничтожить и нас, и своих соотечественников, которых, по-видимому, ненавидит не меньше. Бессмертный не может быть патриотом, он сам себе и народ, и родина, и вечность...

— Филипп! — скомандовал я. — Срочно свяжись с крейсером!

Тот поспешно скинул с плеч ранец и достал из него «яйцо». Оно требовательно пульсировало.

— Проклятие! — воскликнул Филипп. — Я еще ночью отключил звуковой вызов и забыл включить назад. Он торопливо тронул одно из пятнышек, и прямо в воздухе над «яйцом» возникло объемное изображение взволнованного Гойкиного лица.

— Наконец-то! — заорал он. — Куда вы запропастились?! А?! На нас вышел какой-то чертов Межнациональный Межвидовой Наблюдательный Комитет... — («ММНК — большая политическая сила», — пробормотал Шкун) — ...и сообщил, что если в течение ближайшего часа наши корабли не покинут Блиц-12XL, они будут вынуждены позволить Рюрику бомбить планету! И десять минут уже прошло!

— Уходите! — вскричал Шкун. — Уходите! Тут дети! Рюрик убьет их!

На миг в моей душе поднялось чувство раздражения и протеста против пассивной позиции лирян. Но тут же я подумал о том, что, если бы не эта пассивность, они сейчас вполне могли бы захватить нас в плен и выдать Рюрику, а то и убить, купив таким образом прощение и покой. И я сдержал свой гнев.

— Мне жаль, — сказал я, — что мы навлекли на вас беду. Но в указанный срок нам самостоятельно к кораблю не вернуться.

Мы добрались сюда пешком. У вас есть какое-нибудь транспортное средство?

Учитель Шкун помотал головой.

— Все необходимое нам доставлять сюда на грузовом корабле, и сейчас он на планете нет... — От волнения русские слова стали в его устах согласовываться между собой еще хуже, чем раньше. — Где вас сидеть звездолет?

— На побережье. — Я указал рукой.

— Школьный антиграв — два места: водитель и пассажир. Я не успевать перевозить туда-сюда всех.

Решение я принял тут же.

— Перевезите его одного, — указал я на Филиппа и обратился к нему: — Улетайте отсюда! Выполняйте распоряжение этого чертова комитета!

— Ваше Величество, не могу же я бросить вас!

— А если Рюрик разнесет всю планету вместе со мной и с вами, вам будет легче? Так по крайней мере мы останемся живы, а вы потом придумаете, как нас отсюда вытащить. Или мы сами придумаем. Для сомнений, во всяком случае, нет времени!

— Не так, — неожиданно возразил мне Шкун. — Я знаю, как. Ждите тут, — и он повернулся, чтобы бежать к школе.

— Если вы хотите предпринять что-то против нас, — сказал ему в спину Филипп, вынимая бластер, — ваших питомцев мы спалить успеем, — с этими словами он ударил из бластера в сторону, и несколько деревьев, вспыхнув, рухнули на землю.

Возможно, Филипп и был прав в своей предосторожности, но меня от циничности его слов покоробило. А учителя Шкуна — тем более.

— Если бы не дети, не помог бы, — бросил он через плечо. — Грязные люди. — И поспешил к школе.

— Ишь ты, какие чистые оборотни нашлись, — пробормотал Филипп, но никто его не поддержал.

Спустя несколько минут, оседлав смахивающее на мотороллер, парящее над землей приспособление, Шкун вернулся к нам в сопровождении пяти волчат.

— Садись сюда, — с явной враждебностью в голосе сказал он Филиппу и указал на место за своей спиной. И добавил, обращаясь ко мне: — Если вам не успеть, он летит один.

Тем временем пятерка волчат встала рядом с остальными из нас. Они с любопытством нас разглядывали, а тот, что оказался возле меня, бесцеремонно меня обнюхал и улыбнулся. Его личи-

ко напоминало скорее не волчью, а лисью мордочку, впрочем, возможно, лишь оттого, что он был рыжим.

— При-ви-ет, — сказал он. Двоечник проклятый.

Что-то мрачно про себя бормоча, Филипп взобрался на сиденье позади лирянина. Шкун протявкал своим воспитанникам несколько слов, и его маленький флаер взвился в воздух. Волчата поспешно достали из карманов балахончиков какие-то приборы, щелкнули переключателями... И земля вокруг нас ожила и зашевелилась. Это со всех сторон к нам мчались «жуки». В один миг они устлали пространство перед нами буквально ковром из собственных тел.

Внезапно мой лисенок улегся животом прямо на них и потянул за рукав меня. Я послушно опустился рядом и глянул на остальных. Все они уже лежали на «жуках». Нечаянно я поймал взгляд Ляли. Он был полон отвращения. Бедная, ей и до одного-то «жука» было противно дотронутся, а теперь она лежит в их копошащейся массе...

Ковер мигом разделился на пять частей, на каждом из которых возлежали по двое: один из наших людей и один волчонок. Мой двоечник вновь щелкнул своим приборчиком, полумеханические существа под нами зажужжали, застрекотали, загудели, и я почувствовал, что медленно сдвигаюсь, вырываясь вперед остальных.

Волчонок-лисенок, лежа рядом со мной, резво перебирал клавиши своего пульта, и спустя три минуты мы ползли уже со скоростью пешехода. Чтобы трава не хлестала по лицу, я выставил руку локтем вперед, и скорость тут же упала.

— Не ше-ве-ляйся! — крикнул мне двоечник, перекрикивая зудящий рокот «жуков».

Я замер, поняв, что моим носильщикам трудно перестраивать свои коллективные усилия, когда центр тяжести ноши смещается. Мы мчались со скоростью уже километров двадцать в час. Я обнаружил, что на смену одним «жукам» подо мной постоянно приходят другие, принимая меня, словно эстафетную палочку, а точнее — словно огромную гусеницу, влекомую в муравейник. А прежние, выполнившие свою миссию, натужно гудя, а порой и дымясь, откатывались в стороны и исчезали в кустах.

— Вы всегда на них ездите?! — выкрикнул я вопрос.

— Игра! — откликнулся двоечник. — Со-рев-но-вание!

Скорость была уже выше сорока, и мне стало страшно.

— Хватит! — крикнул я. — Так успеваем! И возьми левее!

Детеныш тронул клавиши, но, видно, что-то не рассчитал. «Жуки» резко дернулись в сторону, а мы, слетев с них, покатились по траве, больно ударяясь и царапаясь.

Позади раздались ругань «пчеловодов», стоны Брайни, причитания Ляли и хохот волчат. Отряхиваясь, мы поднялись из травы. Волчата буквально покатывались со смеху. Для них все это явно было не более чем привычной игрой, украшенной притом участием космических пришельцев, то бишь нас.

— Быстрее! — крикнул я своему.

Тот кивнул и вновь поколдовал с пультом. Так же поступили и остальные. И опять перед нами появились шевелящиеся коврики. Вновь мы улеглись на них и вновь, ускоряясь, помчались в сторону корабля... Ветер свистел в ушах, трава больно хлестала по рукам и голове. Мы мчались под восемьдесят... Но я зажмурился и стиснул зубы...

Внезапно движение замедлилось. Я открыл глаза. Лес кончился, и теперь «жуки» двигались по песку. Я приподнял голову, чтобы оглядеться и найти корабль, но тут же в глаза мне попал песок. Инстинктивно я дернулся рукой к глазам и тут же опять слетел со своих миниатюрных носильщиков. Но на песок, и на этот раз обошлось без ссадин.

Я поднялся на ноги, протер глаза и огляделся. Корабль был метрах в двухстах от нас, и четыре «жучиных» коврика, на каждом из которых лежало по одному человеку и одному волчонку, мчались к нему.

Я оглянулся на своего двоечника, решая, воспользоваться его услугами или по песку будет скорее добежать самостоятельно. Но в этот миг рядом со мной приземлился антиграв Шкуна. Он что-то тявкнул, и мой волчонок-лисенок побежал обратно в лес. На полпути он остановился, обернулся и, скорчив для меня шутливо-устрашающую гримасу, зарычал... Потом захохотал и припустил дальше.

Учителю Шкуну не пришлось объяснять мне, что я должен делать. Я влез к нему на заднее сиденье флаера, и минуту спустя мы, обогнав остальных, стояли возле корабля, где уже прыгал от нетерпения Филипп.

Я глянул на часы:

— Успели! У нас еще целых пятнадцать минут!

«Жучиные» коврики добрались до корабля. Ляля, Брайан, стрелки и волчата, отряхиваясь, поднялись на ноги.

— Быстро уведите отсюда своих детей! — сказал я Шкуну. — Мы будем взлетать, это опасно!

Тот пролаял своим подопечным команду. Двое из них поспешно взгромоздились на сиденье позади него, видно, их вес позволял это. Двое других волчат побежали к лесу. Сперва я подумал, что они зря не воспользовались услугами «жуков», но тут же понял, что им это ни к чему. Они преображались на глазах. Менялись, утончаясь и вытягиваясь, формы их тел, становясь все грациознее и естественнее... И вот они уже мчатся не на двух ногах, а на четвереньках, и лишь цветные балахончики отличают их от настоящих лесных зверей...

Я потряс головой, отгоняя наваждение. Шкун проводил их взглядом вместе со мной, а затем неуверенно посмотрел на меня.

— Вы что-то хотите сказать мне? — поинтересовался я.

— Да. Я заметил: вы не такой, как другой. — Он неприязненно кивнул в сторону Филиппа. — Вы не захотели зла. Я помогу. Про Рюрика. Трудно убить. Лирянский организм... Мы регенерируем. Только если серебро. Серебро — яд для крови, убивает сразу.

— Серебряная пуля — средство от оборотней, — вспомнил я. — Значит, это правда?

— Да. Пуля, клинок, топор... — Он коротко кивнул. — Прощайте...

— Постойте! — На этот раз я остановил его. — Скажите честно, лиряне пьют человеческую кровь?

В его оттаявшем было взгляде вновь появилась что-то вроде неприязни или досады. Наверное, он подумал, что все-таки ошибся во мне.

— Наши предки... — начал он. — Да, очень давно было так, что лиряне охотились на людей с планеты Ёс. — («Earth, — понял я. — Земля. Все верно...») — Но это было запрещено. Преступники. Как Рюрик, — закончил он и поспешно, не прощаясь, взмыл в небо.

Я обернулся к Филиппу:

— Свяжись с Гойкой!

И тут заметил, что он уже держит в руках «яйцо». Миг спустя над ним появилось встревоженное Гойкино лицо.

— Слышишь меня? — спросил я.

— А то, — отозвался джипси.

— Срочно ответь тем, кто на вас выходил, что мы покидаем Блиц-12XL, и они не должны допустить бомбардировки!

— Куда путь держим, Чечигла? — поинтересовался Гойка.

— К Москве! — неожиданно для себя самого выпалил я.

— К Москве?! — раздался перепуганный голос Дядюшки Сэма, и его лицо возникло на месте Гойкиного.

— Да! — подтвердил я. — Встретимся на орбите!

— Ни в коем случае! — завопил Дядюшка. — К Москве нам нельзя! Там нас возьмут голыми руками!

— К Москве!!! — рявкнул я. — Выполняйте и не перечьте мне! Вы и без того ввели меня в заблуждение насчет лирян! — Я обернулся к Филиппу: — Отключи!

Изображение исчезло.

— Быстрее на корабль! — сказал я. — Мы отправляемся к Рюрику... — Я хотел сказать «в тыл», но за меня закончил Брайан:

— ...в лапы.

...Уже в корабле, пристегнутый к креслу и придавленный перегрузкой, я, пользуясь громкоговорящей связью, объяснял остальному экипажу:

— Рюрик сейчас ожидает всего, только не того, что мы объявимся у него в логове. В этом наше преимущество... Но, честно говоря, я понятия не имею, что делать дальше. Возможно, я иду на смерть, но я уже устал бегать от нее. Я снимаю с вас все обязательства передо мной. Можете воспользоваться шлюпкой и покинуть корабль где угодно... Но что-то подсказывает мне, что у меня есть шансы... Я должен встретиться с ним лицом к лицу.

— Я с тобой, Роман Михайлович, — тихо сказала Ляля. — Наконец-то ты ведешь себя, как настоящий джипси. А я верю в цыганскую удачу.

— Если я сейчас немножечко не сдохну, поверю и в еврейскую, — прохрипел расплющенный перегрузкой Брайан. — Я тоже с вами.

Я искоса глянул на Филиппа. Не отвлекаясь от управления кораблем, он кивнул мне.

— Я и мои люди с вами, — сказал он и перекрестился. — Я верю, Господь оберегает вас. Если вы совершаете неожиданный и рискованный поступок, значит, такова воля Божья. Вы уже не раз доказывали это делом.

— Мне бы вашу уверенность, Филипп, — усмехнулся я. — Но я рад, что вы — со мной... И я чувствую — мы победим!

Взлет и гиперскачок прошли без ЧП. Моментально, сразу после выхода в реальность, в рубке заверещал вызов модуля связи. Нарисовался Дядюшка Сэм:

— Ваше Величество, что вы намерены предпринять дальше?

— Есть предложения? — откликнулся я, прекрасно понимая, что предложений у него нет.

— Есть, — неожиданно заявил он. — Я приберег это на самый крайний случай.

— Какого черта! — взбесился я. — Мне надоели ваши штучки! Почему у вас всегда находится карта в рукаве?! Сколько можно мухлевать?!

— Вы несправедливы ко мне, — скорчил Дядюшка обиженную мину. — Что касается того, что лиряне употребляют человеческую кровь, я был искренне в этом уверен...

— «Сеть донорских пунктов опутывает космос...» — вспомнив его россказни, передразнил я. — Откуда вы это взяли?!

Дядюшка заметно смутился:

— Ну-у, если честно, это была моя личная догадка... Но я вам говорил, что эти данные не проверены... А донорские пункты есть, — продолжал он более уверенно. — Правда, правда!..

— Ладно, — махнул я рукой. — Что у вас теперь за козырь?

— При всем желании я не мог использовать его раньше, — торопливо затараторил Дядюшка. — Чисто технически совершить то, что я хочу вам предложить, стало возможным только сейчас. Да к тому же это еще и весьма рискованно...

— Выкладывайте поскорее!

— Мой государь, мы слишком близко к Москве и не можем доверять связи.

— Если бы нас засекли, по нам уже палили бы.

— Это наиболее вероятно, но вовсе не обязательно. Мало ли что может быть на уме у нашего противника? Я, между прочим, предупреждал о том, что на Блиц засада. И я оказался прав.

Как это ни противно, возразить мне было нечего. Предупреждал. И позднее Ляля сама признала, что Рюрик сознательно подкинул ей эту идею...

— Нам нужно встретиться тет-а-тет, — продолжал Дядюшка. — И я хочу опередить вас: есть причины, по которым именно вы должны перейти ко мне на крейсер, а не я к вам.

— С какой стати? — возмутился я.

— Я не могу вам объяснить этого из соображений все той же осторожности. Но если вы доверились мне в одном, доверьтесь и в другом.

Очень мне все это не нравилось. Но делать, похоже, было нечего.

— Хорошо, — кивнул я, — встречайте. — И отключился.

И не одному мне это не понравилось.

— Ваше Величество, — заговорил со мной Филипп. — Могу ли я быть с вами абсолютно откровенен и надеяться, что сказанное останется только между нами?

Даже обидно. Но я сдержался и кивнул:

— Конечно.

— В таком случае... — Филипп замялся. — Мой командир Сэмюэль — бесспорно, выдающийся стратег. Но, став бессмертным, он сильно изменился.

— В каком плане?

— Он стал нерешителен. Я бы даже сказал, труслив. Долгое время он честно боролся с этим недостатком. Но теперь, вследствие тех генетических изменений, которые Рюрик произвел в его организме, он не способен продолжать борьбу. Так мне, во всяком случае, кажется.

— И что из этого следует?

— Мне не хочется возводить на него напраслину, но боюсь... — Филипп явно находился в затруднении. — Боюсь, он хочет вымолить себе прощение у Рюрика, выдав ему вас.

— Вы уверены?

Я и сам подозревал нечто подобное, но еще не успел сформулировать для себя эту мысль настолько ясно.

— Ни в коем случае! Я не уверен. Но, согласитесь, его слова о том, что обязательно ВЫ должны перебраться туда, а не он сюда, выглядят довольно неестественно. Повторяю, это лишь тень подозрения. Но и ее достаточно. Ведь на кону ваша жизнь. Мы обязаны быть бдительными.

— Спасибо, Филипп. Я ценю ваши откровенность и заботу. И как же я могу обезопасить себя?

— Не знаю, — пожал плечами тот, — иначе я не делился бы с вами своими мыслями, а попросту принял бы все необходимые меры.

— А если так: мы назначим время, когда я должен буду выйти с вами на связь, и если я не выйду, вы придете мне на подмогу?

— Не пойдет, — помотал головой Филипп. — Крейсер с вами на борту в любой момент может уйти в гиперпространство.

Да. Я до сих пор никак не могу привыкнуть к этому.

— Что же тогда?

Филипп вздохнул:

— Не следовало вам соглашаться... Хотя... Кто знает, может быть, все-таки у него действительно есть конструктивное предложение. А сейчас... Во-первых, вы сами должны быть предельно бдительны. Во-вторых, думаю, на борт крейсера я должен сопровождать вас.

— Хорошо, — кивнул я. — Но у меня есть и еще одна идея. Крейсер под завязку набит моими друзьями-джипси. Неплохо было бы поделиться нашими подозрениями с ними.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Филипп. — Только так, чтобы это не вызвало переполох. Выйдите-ка из поля зрения камеры модуля, я вызову крейсер и поговорю с Гойкой. Он показался мне вполне здравомыслящим человеком. Как мне его позвать?

— Спросите атамана. Только я не понял, зачем мне прятаться?

— Сэмюэллер не должен догадываться о том, что вы что-то подозреваете. Вы ведь видели, из его каюты есть прямой выход на модуль связи. Скорее всего это генеральская каюта.

Все равно я не совсем понял, что Филипп намерен делать, но понадеялся на него и махнул рукой:

— Ладно, действуйте.

Филипп кивнул, и я, послушавшись его, выбрался из кресла и подошел вплотную к передней стенке рубки. Теперь меня с крейсера не увидят, я в «мертвой зоне». Правда, и я не вижу экран.

— Слушаю, — раздался незнакомый мне голос. Характерного для джипси акцента не было. Скорее всего на связь вышел плененный Гойкой рюриковский пилот.

— Дайте мне атамана, — потребовал Филипп.

— Я здесь, — послышался голос Гойки. — Чего вы от меня хотите?

— Наденьте наушники, — предложил Филипп. — И отключите громкоговорящую связь.

Все верно: то, что он собирался сказать, касается только Гойки. По всей видимости, тот выполнил требование Филиппа, потому что он, удовлетворенно кивнув, заявил:

— Атаман. Хочу предупредить вас сразу. У нас нет серьезных оснований обвинять кого-то в предательстве, поэтому не стоит пороть горячку... Но все-таки будьте начеку. У нас есть подозрение, что на вашем корабле готовится покушение на государя. Постарайтесь с самого первого нашего с ним шага на крейсер контролировать ситуацию и быть готовым встать на его защиту.

— Хорошо, — согласился Гойка. — Мы с него глаз не спустим.

Удачно пристыковавшись к крейсеру, я и Филипп, сжимающий в руке рукоять форменного магнито-плазменного кинжала, перешли из шлюпки в шлюз, а затем, после уравнивания давлений, через открывшуюся диафрагму вошли в корабль. На душе скребли кошки. Ляля уложила Ромку и скорее всего уснула вместе с ним. А я даже не зашел посмотреть на них. «Возможно, в последний раз...» — почему-то думалось мне.

Дядюшка уже встречал.

— Наконец-то! — вскричал он и тут же осекся. — А вы, Филипп, зачем явились? Вы мне тут совсем некстати!.. И какого рожна вы прячете за спиной руку с кинжалом?!

— Это мое распоряжение, — остановил я Дядюшку, — и обсуждению оно не подлежит. Филипп будет сопровождать меня.

— Ах, вот как?! — поморщился Дядюшка. — Похоже, вы не доверяете мне. Что ж, ваша бдительность делает вам честь. В этом случае, правда, от нее нет никакого толку. Пойдемте, я покажу вам то, что хотел показать, и расскажу вам свой план.

Он потащил меня за собой вперед по коридору, за нами двинулся и Филипп, но Дядюшка, остановившись, рявкнул:

— А вас, Филипп, никто не приглашал!..

— Да прекратите вы, — осадил я его вновь. — Я, по-моему, ясно сказал, он будет сопровождать меня.

— Но информация, которую я собираюсь вам открыть, — конфиденциальна! Хотя... Ладно, — махнул он рукой, — пусть ходит за нами. Я согласен на роль подозреваемого в подготовке предательства.

Вот же бестия! И дальше мы двинулись втроем. Но я был уверен, что десятки глаз наблюдают за нами при помощи телекамер. Гойка не мог не выполнить своего обещания.

— ...Вот каюта, в которой я собираюсь беседовать с государем, — объявил Дядюшка, распахнув перед нами с Филиппом дверь. — Убедитесь, что она имеет лишь один вход, а затем, будьте любезны, покиньте помещение и подождите нас за дверью.

— Да какого черта! — обозлился я. — Что за комедию вы тут устраиваете?! Филипп неоднократно доказал нам свою верность, он спас вас из лап Рюрика, я ему абсолютно доверяю, и он может присутствовать при любом разговоре со мной...

— Я доверяю ему не меньше вашего, — отозвался Дядюшка, — хотя сейчас это чувство и не взаимно. Но есть причины, по которым свой план спасения я могу рассказать только вам и только с глазу на глаз.

— Как вы мне надоели! — честно сказал я Дядюшке и обернулся к Филиппу. — Ладно, давайте не будем с ним спорить. Осмотрите помещение.

Это была комната с низким потолком, в центре которой на полу стояла какая-то техника, по дизайну напоминавшая ту, что я видел на заводе. Главным, что бросалось тут в глаза, был прозрачный овальный купол, и я сразу подумал, что под него дол-

жен забираться человек и устраиваться там лежа. Интересно, зачем?

Филипп внимательнейшим образом исследовал комнату по периметру и вернулся к нам:

— Ваше Величество, никакой возможности выйти отсюда, кроме как через единственную дверь.

— Что и требовалось доказать! — вскричал Дядюшка, нетерпеливо покачиваясь с носков на пятки. — Давайте, давайте, Филипп, освобождайте помещение, время не терпит!

Я кивнул, Филипп неохотно вышел, Дядюшка вслед ему крикнул: «И не ломитесь! Разговор у нас долгий — на час, а то и на два!», затем поспешно запер за ним дверь и обернулся ко мне:

— Ну, слава Богу, государь! Наконец-то мы с вами остались одни и именно там, где надо. Не буду ходить вокруг да около. Никто на корабле не знает, что это такое, — указал он на купол. — Кроме меня. Потому что я сам, когда еще не вышел из доверия Рюрика, участвовал в работах по созданию этой системы.

— И что же это?

— Секретный комплекс оборудования для психоневралгического программирования. Или зомбирования, как это называют чаще, но этот термин не раскрывает всей полноты явления.

— И на кой черт он нам сдался?

— О-о, мой государь, в этом-то и состоит суть моей идеи. В первую очередь нам следует признать, что мы находимся в безвыходном положении. Я с самого начала был против той последовательности борьбы с Рюриком, на которой настояли вы...

— Но... — хотел было возразить я, но он, заметив это, сделал останавливающий жест руками и продолжил:

— Я не собираюсь вас в чем-то сейчас упрекать. Нет. Речь ныне не об этом. Объективно наши дела обстоят следующим образом. Мы полностью раскрылись, Рюрик знает, кто вы, как выглядите и кто ваши друзья. Вычислить нас — дело времени и, замечу, совсем небольшого времени. Думаю, еще несколько часов, и мы будем у него под колпаком. Или на мушке, если вам это больше нравится.

— Ну и?.. Ближе к делу!

— И опасность грозит не только вам. Вспомните, Рюрик не тронул вашу семью, пока не мог вас найти, сейчас же мнимая победа — ваше воссоединение с супругой и сыном — сделала и вас, и их в тысячу раз уязвимее. Сейчас Рюрик, не колеблясь, уничтожит корабль, в котором все вы находитесь. Или даже группу кораблей. Он не остановится ни перед чем. Вспомните Храм

Николая Второго! А посему, я считаю, вам необходимо исчезнуть. Вам одному. И тогда Рюрик вновь не посмеет и пальцем тронуть ваших близких, но при этом они будут уже не в плену, а под нашей надежной защитой.

Да, похоже, опасения Филиппа были не напрасными. Однако я сделал вид, что не допускаю и мысли о предательстве.

— Предположим, что вы правы, — сказал я. — Но, во-первых, куда же я денусь, а во-вторых, как это приблизит нас к победе?

Посмотрим, чего он нагромоздит.

— Я бы на вашем месте о победе сейчас и не заикался. Шкуру свою сохранить бы — и то радость... Но на самом деле мы победим. Для меня было настоящим открытием, что Рюрик не поддерживается никем извне, что он — не ставленник лирянской цивилизации, а ее отщепенец. Знал бы я об этом раньше... То есть речь идет не о системе, а об одном-единственном злодее. Значит, его надо устранить. И лучше всего, если это сделаете вы — истинный царь Всея Руси...

— Дядюшка, у вас, по-моему, крыша напрочь съехала! — начал уже не на шутку сердиться я, не находя в его словах ничего рационального. — То я должен исчезнуть, то я должен убить Рюрика... Я — человек из прошлого, а он — хищник из будущего! Как я могу победить Рюрика, если я не могу даже спрятаться от него?!

— Стоп, стоп, стоп! И спрятаться, и победить вам поможет вот эта машина. — Дядюшка лихорадочно пошлепал ладонью по прозрачному куполу. — Плюс то, что мы теперь знаем по поводу серебра. Мы вас так зазомбируем, что мать родная не узнает!

— То есть?! — всполошился я.

— То есть вы станете другим человеком, другой личностью. Ни один сканер вас не идентифицирует. Вы сможете разгуливать по Москве, никого не опасаясь. Никто не сможет разгадать, кто вы на самом деле, даже вы сами, пока вы не выполните свою миссию.

— Я буду иметь ложную память?

— Нет, не ложную, вы будете иметь настоящую память, но принадлежащую другому человеку.

— И я не буду помнить, кто я, я забуду свою жену, своего сына?..

Дядюшка неохотно кивнул:

— Да, это так.

— И если все-таки случится так, что они разыщут меня раньше, чем я вновь стану собой, я без сожаления оттолкну их?

— Но, Ваше Величество, — принялся убеждать меня Дядюшка, — ведь все это делается во имя...

— Вы толкаете меня на предательство своих близких.

— Это не предательство. Это...

Я остановил его:

— Не нужно меня уговаривать. Это самое настоящее предательство. И я согласен совершить его.

Дядюшка недоуменно вытаращился на меня, а в моей голове в этот миг крутилась пророческая фраза, когда-то сказанная Аджуяр: «...странная у тебя судьба: коли предашь кого, тем его и спасешь. А коли не предашь, упрешься — наоборот, погубишь...» Тогда я сделал вид, что не верю ей, но на самом деле — поверил... Где-то в подсознании эти слова присутствовали всегда. Словно бомба замедленного действия. Вот и подоспело время...

— А как быть с внешностью? — спросил я Дядюшку таким тоном, чтобы всякие сомнения в моем решении пропали.

— Это наименьшая из проблем, — отозвался он. — Внешность ничего не доказывает. Поменяете одежду, прическу... Если вас и будут разыскивать, то не по внешности. А психогенное сканирование укажет совсем другого человека... Вы должны понять главное: на какое-то время вы просто исчезнете, а ваше тело займет другой человек.

— И кто же это будет?

— Нам еще предстоит решить это... — пряча глаза, отозвался Дядюшка. — Я вошел в сеть информационного банка проекта, хранящего несколько сотен мнемофайлов или, проще сказать, личностей. Получить такой файл можно только в том случае, когда человек, подключенный к системе, умирает...

— Банк душ? — внутренне содрогнувшись, спросил я.

— Да. Что-то вроде, — согласился Дядюшка.

— И чьи же это души?

— Они добровольцы... Или почти добровольцы. Нет, в общем, не совсем... — замялся Дядюшка. — В основном мнемодонорами стали те, кто был приговорен к смертной казни. У них был выбор — просто умереть или «законсервировать» свою личность.

— Что ж, добровольность налицо... А кому и зачем вообще все это было нужно? Это что — форма наказания?

— И наказание тоже. Не без пользы для общества. Ведь разумную личность можно использовать в технологическом процессе.

— Да, — отозвался я, вспомнив и завод с душой Семецкого, и то, что Дядюшка — один из главных владельцев акций на эту технологию...

— Но это не только наказание. Это направление исследований в типично рюриковской традиции было перспективным во многих областях. И судя по тому, что эта установка оказалась на крейсере, он каким-то образом уже и на практике применяет полученные результаты. Скорее всего в разведке, иначе зачем в программе присутствует функция уничтожения донорской личности по выполнению миссии... Так вот, я вошел в сеть и внимательно просмотрел содержимое банка мнемофайлов. Удобным оказалось то, что большинство личностей в банке принадлежит врагам Рюрика. — Подняв взгляд, он твердо продолжил: — И, честно говоря, я уже все решил за вас.

— Я и не сомневался в этом! — усмехнулся я. — Так в кого вы решили меня превратить?

— Вы будете...

«Бэтменом», — мелькнула в моей голове дурашливая мысль. Но Дядюшка, само собой, сказал совсем другое:

— ...Вы будете...

Самый короткий, но, как всегда, очень нужный авторский комментарий

То, что вы сейчас прочтете, я написал, основываясь на предоставленных мне дневниках человека, в которого меня превратил Дядюшка.

Скажу честно, многое тут дофантазировано мною, но общий ход событий сохранен досконально.

Глава 4

АМОК

...Долгие смутные видения не позволяли ему осознавать себя, чувствовать себя живым, не оставляли для этого места внутри него. Было лишь *небытие*, наполненное расплывчатыми картинами, плавно перетекающими одна в другую... И вдруг откуда-то из

кромешной тьмы вынырнула четкая до осязаемости мысль: «Я существую».

«Я существую. Я живой. Я перенес что-то ужасное, но я живой. И эти блики... Это уже не сновидение, это реальность. Но я разучился пользоваться глазами. Я разучился видеть... И кто это — я?!»

Новое ощущение: прикосновение к его телу. Кто-то слегка потряс его за плечо. Расплывчатые пятна перед его глазами начинают приобретать очертания. Теперь он видит, хотя и неясно, склонившегося над ним человека. ЧЕЛОВЕК. ЧЕЛОВЕКИ. ЛЮДИ. «Существуют люди, и я — человек», — догадался он. Некто, склонившийся над ним, вновь потряс его за плечо:

— Квентин, вы слышите меня?

«Квентин! Вот как меня звать!» Он хотел ответить, но лишь застонал. «Что со мной стряслось? Я попал в какую-то аварию? Да! Я летел в Москву на межпланетном лайнере и, по-видимому, случилась беда... Нет, — тут же вспомнил он, — до Москвы я добрался, это точно...»

Наконец лицо склонившегося над ним человека приобрело четкость. Раньше Квентин никогда не видел этого человека. Раньше? А что вообще было раньше?

— Квентин, — вновь заговорил человек со странным лицом. Как называется этот дефект? Кажется «заячья губа»... — Если вы уже пришли в себя, дважды моргните мне глазами.

Квентин выполнил просьбу, и человек оживился:

— Прекрасно! Меня зовут Дядюшка Сэм. А вы говорить, насколько я понимаю, пока не можете?

Он хотел сказать — «могу», но вновь из его горла вырвался лишь неопределенный стон, и это было так невыносимо, так унизительно, что он заплакал. Увидев слезы, Дядюшка нахмурился и заговорил с почти оскорбительной мягкостью в голосе:

— Не расстраивайтесь, Квентин. Сейчас вам станет лучше. Это даже хорошо, что вы не сразу овладели своим новым телом, у меня есть время все объяснить вам. Вы понимаете меня?

— Да, — неожиданно для самого себя прохрипел он, и ему стало смешно от того, что он сумел это произнести именно тогда, когда уже окончательно отчаялся.

— Вот видите! — обрадовался Дядюшка. — Скоро вы будете болтать не хуже меня! А чуть позже и бегать начнете! А пока лежите и слушайте. Вы помните, кто вы?

— Нет, — покачал головой Квентин.

— Вы — Квентин Басов, потомственный инспектор охраны леса с планеты-заповедника «Сибирь». Вы приговорены к смертной казни за покушение на цареубийство. Вспомнили?

Сказанное словно бы прорвало какую-то невидимую плотину внутри него, и картины прошлого, тесня друг друга, встали перед его внутренним взором.

...Вот он шагает по лесной тропе, и белый карлик Ярило-2 освещает тропинку впереди него. Спортивно-охотничий бластер «Ремингтон» ударяет его прикладом по пояснице, а вокруг его пояса болтается сегодняшняя добыча — пяток роскошных диких уток. Жену и дочурку ждет сегодня знатный ужин...

Вспышка! Он задохнулся от горя. «Они убиты, мои жена и дочь!..»

Квентин застонал, мираж рассеялся, и то, что говорил ему Дядюшка, вновь стало доходить до него.

— Ваша планета приглянулась царю, и он стал частенько наведываться к вам. Вспомнили?

О да! Он помнит этого страшного человека, чей взгляд, казалось, высасывает из тебя жизнь. Но это был царь, и Квентин решил для себя, что, наверное, другим и не может быть человек, на чьих плечах лежит тяжесть ответственности за судьбы целых планетных систем.

Он вел себя странно. Он охотился без оружия, и Квентин диву давался, какой реакцией и какой энергией нужно обладать, чтобы набивать дичью полные сумки, не сделав при этом ни единого выстрела. Его слегка мутило, когда государь выкладывал на стол свои трофеи — кроликов со свернутыми шеями, лисиц с перебитыми хребтами и рябчиков с оторванными головами... «Но, в конце концов, — говорил он себе, — чем это хуже, чем убивать при помощи бластера? Каждый охотится, как умеет...»

Дядюшка продолжал:

— Я не знаю, что случилось между вами, но вы, Квентин, прилетели в Москву с твердым намерением прикончить царя. И вам почти удалось это. Из всех покушений на Рюрика ваше было наиболее удачным.

Что стряслось между ними?! Квентин помнил, он прекрасно помнил, что стряслось между ними... Был плановый отстрел волков. Проклятые твари расплодились в тот год немерено, и лесники, посовещавшись, решили устроить на них облаву. Пришлось раскошелиться и закупить манки или, как их называют по-научному, «нейроприводные генераторы».

И вот они вышли на облаву. Время от времени Квентин нажимал на кнопку висящего на груди манка-медальона и зорко оглядывался по сторонам.

...Зашевелилась трава, и два осторожных злобных глаза уставились на него. Он нажал на кнопку еще раз, и волк качнулся вперед. Вскинув бластер-винтовку, Квентин выстрелил не целясь, почти в упор. Зверь взвыл, подпрыгнул и упал на бок, скуля и царапая когтями землю.

Прошло каких-то пять часов с того момента, как началась облава, а на счету Квентина было уже двенадцать тварей. Если все его коллеги работают так же, через неделю-другую угроза волчьего засилья в лесу будет устранена.

Он нажал на кнопку манка еще раз и, замерев, огляделся. Внезапно из кустов на тропинку выступил ОН — царь Всея Руси, самодержец Рюрик Четвертый. С перекошенным словно от боли лицом.

— Что ты делаешь, несчастный?! — рявкнул он. — Прекрати этот вой!

Вой? Неужели он говорит о сигнале манка? Но как же так? Этот сигнал слышат только волки, он недоступен человеческому восприятию! Квентин отпустил кнопку, и в лице Рюрика отразилось явное облегчение.

— Что происходит? — вновь обратился царь. — Почему весь лес усеян трупами животных?

— Волков, хотите вы сказать, — отозвался лесник. — Это облава, мой государь, подобную чистку леса от «серого мусора» мы производим примерно раз в десятилетие.

— Серый мусор, — повторил Рюрик, недобро усмехнувшись.

— О да, — подтвердил Квентин, чувствуя странное злорадное удовлетворение. — Дальнейший рост волчьей популяции грозит истощением леса.

— А вы никогда не задумывались, друг мой, сколь пагубно влияет на все живое рост человеческой популяции? — шагнул к нему Рюрик.

— Да, — решив, что государь шутит, улыбнулся Квентин. — Но человека этой свистулькой не поманишь, — и он нажал на кнопку брелка. — Да и некому...

Но в тот же миг стремительным движением Рюрик сорвал манок с его шеи.

— Некому? — скорее оскалился, чем улыбнулся он. — Некому, ты считаешь? Да. Пожалуй, ты прав.

Он сделал шаг назад, еще и еще шаг, повернулся к леснику спиной и нырнул в чащу. «Странный разговор», — подумал Квентин, и его сердце тревожно забилось. Продолжать чистку без манка было бессмысленно, и он повернул домой.

...Дома. Все было перевернуто в коттедже лесничего вверх дном. Его жена, Норма, лежала посередине гостиной в изорванном окровавленном халатике, а его дочь, Бианка... Она лежала на столе. Рядом с кроликами со свернутыми шеями, лисами с перебитыми хребтами и рябчиками с оторванными головами.

Эта картина огнем опалила сознание Квентина. Он сел и огляделся. Комната была небольшой. Судя по всему, это была каюта космического корабля. Он находился во чреве какой-то технической установки, сбоку от него виднелась отодвинутая прозрачная крышка.

— Вот видите, Квентин, — сказал человек, — вы уже владеете телом. И пусть вас не удивляет, что это не ваше тело. Вот, посмотрите.

Он протянул зеркальце, и оттуда на лесничего глянуло абсолютно незнакомое ему лицо.

— Кто я? — спросил Квентин.

— Кто вы на самом деле или кем было это тело? Что вы хотите узнать? Впрочем, отвечать на второй вопрос я просто не имею права... Давайте оговорим главное. У нас с вами общий враг, а значит, мы друзья. Вы покушались на царя, но покушение не удалось вам. Вас приговорили к смерти, но вместо традиционной казни предложили участие в смертельно опасном эксперименте. И вы согласились.

«Да, это так, — вспомнил Квентин. — Я думал о мести. Я думал о том, что так у меня будет пусть и мизерный, но шанс все-таки остаться в живых и пристрелить эту бешеную собаку, восседающую на царском престоле».

— Вы слушаете меня? — уточнил Дядюшка.

— Да, — отозвался Квентин, выбираясь из приспособления и вставая босыми ногами на прохладный пол. — Но я спешу.

— Куда? Чего вы хотите?

— Я хочу убить Рюрика.

— Ну вот и слава Богу! — всплеснул руками Дядюшка. — Я вас для этого и оживил! Но задача ваша непроста, вы уже убедились в этом. Злодей почти недосягаем. Чтобы вы не повторили свою неудачу, чтобы вы сумели добраться до него, вам придется выслушать мою инструкцию.

* * *

Квентин усвоил все.

Они вышли в коридор, и навстречу им кинулся светловолосый коренастый человек с короткой шкиперской бородкой:

— Как долго! Я уже не знал, что делать! Ой, — добавил он, приглядевшись, — что с вами, государь? На вас лица нет...

Дядюшка предупредил Квентина об этом человеке и о том, как с ним следует себя вести.

— Все нормально, Филипп, — махнул он рукой. — Отправляйтесь-ка вы на «призрак», а я еще побуду здесь.

— Как здесь?! — поразился Филипп. — Ваше Величество, я не понимаю! Зачем?!

Квентин был предупрежден, что люди на корабле будут считать его царской особой.

— Я выслушал его, — указал он на Дядюшку, — и понял, что выход действительно есть. И действительно, для всех будет лучше, если...

Но он прервался. Послышался топот шагов за углом коридора, и он остановился, глядя туда. Еще через мгновение из-за угла вывалила живописная толпа джипси во главе с худощавым черноусым мужчиной с обнаженным плазменным кинжалом в руке.

— Ты был прав, Филипп! — вскричал черноусый. — Это предательство! Эта жирная крыса, — указал он на Дядюшку Сэма, — околдовала нашего государя!

— Что вы болтаете?! — затравленно глянул Дядюшка на Квентина. — Государь жив, здоров и находится в полном здравии...

— Пилот Рюрика рассказал нам, что в этой каюте, — Гойка указал на дверь, из которой только что вышли Квентин и Дядюшка, — установлены приборы для воздействия на психику. Чечигла! — обратился он к Квентину. — Ты хотя бы узнаешь меня?

— Да, конечно, — выдавил из себя Квентин и заставил себя улыбнуться, судорожно пытаясь вспомнить, говорил ли его спаситель ему что-либо об этом человеке... Нет, вроде бы не говорил... Точно, не говорил. Да, он упоминал каких-то цыган, но не выделял при этом никого конкретно, так как встреча с ними скорее всего запланирована не была... Он искательно глянул на Дядюшку, но тот не заметил его взгляда. Он был явно перепуган и буквально трясся от страха.

— «Да, конечно», — передразнил Гойка, — и это все, что ты можешь мне сказать, друг Чечигла? Тогда скажи хотя бы, как меня зовут, и как зовут мою жену, а?..

Квентин понял, что пытаться вести дальнейшую игру бессмысленно, а от Дядюшки помощи ему не дождаться.

— Я должен кое-что объяснить вам... — начал он, но в этот миг Дядюшка, выдернув из кармана бластер, истошно завопил:

— Предатели! Я всё понял, это сговор! Государь! — обернулся он к окончательно опешившему Квентину. — Немедленно покиньте этот корабль, он наводнен изменниками! В шлюпку!

— А вы?! — спросил Квентин заторможенно.

— Я задержу их здесь! Бегите один!

Гойка шагнул было к Дядюшке, но тот выстрелил в пол прямо перед ним, и атаман замер.

Побег из корабля в шлюпке входил в оговоренный план, хотя, конечно, не при таких экстремальных обстоятельствах. Но Квентин понял идею. Потому сразу после того, как Дядюшка пальнул из бластера в пол, он кинулся туда, где, как тот объяснил ему, для него подготовлена шлюпка.

— Помни о серебре! — крикнул Дядюшка ему вдогонку. — Серебро!!!

Дядюшкин бластер был установлен на ослабленный режим, и его выстрел не мог повредить обшивку — лишь пустяковая вспышка да в полу появилось оплавленное черное пятно. Но, тут же переведя предохранитель на полную мощность, Дядюшка продолжил кричать дурным голосом:

— Не с места, иуды! Еще шаг, и я перебью вас всех! А если плазма разрушит обшивку, то рванет и весь корабль, учтите! Я все понял: вы решили выдать государя Рюрику и за это предательство вымолить у него пощаду себе!..

Однако Квентин уже не слышал этих слов. Спустя пару минут за ним, чмокнув, закрылась диафрагма шлюзовой камеры.

Не нужно было иметь много ума, чтобы сообразить, что большая красная кнопка на входе шлюпки предназначена для аварийной расстыковки и запуска. Тем более что написано на ней именно слово «ПУСК». Квентин ударил по кнопке ладонью, раздался скрежет и завибрировал пол.

Мгновение спустя Квентин больно шмякнулся спиной о входную диафрагму, и ему показалось, что перегрузка размазывает его по этой плоскости. Отстрел шлюпки состоялся, и красная кнопка замигала, а слово «ПУСК» на нем сменилось словом «SOS»; по-видимому, этот сигнал разносится сейчас во все стороны галактики.

Прежний опыт космических путешествий Квентина исчерпывался одним-единственным перелетом «Сибирь—Москва» в

комфортабельном межгалактическом лайнере. Теперь он ощущал себя зверьком, спасшимся в паводок на бревне... Но как только перегрузка отпустила, он сполз на пол и почувствовал себя почти счастливым. Он снова живет. И он снова готов к мести. Готов значительно серьезнее, чем когда-то.

...Его первая попытка не удалась ему потому, теперь он со всей ясностью осознавал это, что тогда он еще не отрешился от себя полностью. Он еще не был готов пожертвовать во имя достижения цели собственной жизнью. Подсознательно он хотел не столько отомстить, сколько вернуть прошлое, словно смерть Рюрика могла вернуть к жизни Бианку и Норму.

Уже потом, ожидая казни, он горько пожалел о том, что всю свою энергию направил на действие и только на действие, а не на моральную подготовку к нему. Если бы он не боялся думать о будущем, он бы понял, что собственная жизнь больше не нужна ему, и именно ее он должен был приготовиться обменять на жизнь тирана.

Сейчас, вспоминая сколь бездарно *в прошлой жизни* провел он свое покушение на Рюрика, он мучился чем-то вроде угрызений совести.

... — Кто это сделал, Квентин? — спросил его старый друг, такой же, как и он сам, лесничий, толстый и румяный Пауль Вязников, когда они закончили тягостные погребальные работы. Но Квентин не мог открыть правду, ведь всякий, кто узнает его тайну, навлечет на себя опасность. И потому он, пожав плечами, отозвался уклончиво:

— Ты же видел раны...

— Ты хочешь сказать, что это работа волка?! — вскричал Пауль и ударил кулаком по столу. — Нет! Ты и сам прекрасно это знаешь! Или ты рехнулся с горя?! Да где это видано, чтобы волк входил в дом и нападал на хозяев? Волк — это злобная трусливая собака, и на такое он ни в жизнь не осмелится!

Квентин и впрямь прекрасно все это знал. Но в ответ опять лишь пожал плечами.

— Ты что, так это и оставишь?! — изумился Пауль. — И пусть какая-то кровожадная тварь безнаказанно бродит по миру, выискивая новую жертву?!

— Какая разница? — скривился Квентин. — Твари были и будут. А моих девочек к жизни не вернешь ничем. И остальное для меня не имеет никакого значения.

Но эта покорность судьбе, конечно же, была не более чем маскировкой. Во-первых, он не хотел втягивать в опасность друга, во-вторых, боялся спугнуть зверя.

— Да, да, прости, — согласился Пауль. — Конечно, этим должен заниматься не ты, а мы. Но, я надеюсь, ты хотя бы сообщил в жандармерию?

— Конечно, — соврал Квентин. — Я говорил с комиссаром. Они будут искать. Хотя мне и безразлично, найдут они убийцу или нет.

— Не знал, не знал, что ты... такой, — покачал головой Пауль. — Хотя... Не мне осуждать тебя. Еще не известно, как в такой ситуации повел бы себя я сам.

— Не приведи тебе Господь, — перекрестился Квентин.

— Как?! — вскричал Пауль. — Господь?! Я не ослышался? Ты еще веришь в него? Да разве могло бы такое стрястись, если бы Бог и в самом деле существовал? Разве он позволил бы случиться такой несправедливости? На такое способен лишь глупый автор плохонькой книжонки — взять да и ни за что ни про что погубить собственные же создания!

— Не богохульствуй, Пауль, — возразил Квентин, разливая по стаканам самодельную медовуху и глядя куда-то сквозь друга, словно упомянутый автор был ему виден. — Пути Господни неисповедимы. Давай-ка лучше помянем рабынь его Норму и Бианку.

— Пусть земля им будет пухом, — кивнув, поднял свой стакан Пауль.

— Одно я знаю точно, — продолжил Квентин. — Ничего не бывает зря. Добро всегда воздастся добром — тут или на небесах, а зло — злом.

И если бы в этот миг Пауль глянул в глаза своего несчастного друга, он бы, наверное, вздрогнул и, уж во всяком случае, понял бы, что смирение Квентина не стоит и выеденного яйца. Но Пауль не посмотрел ему в лицо, и они выпили, не чокаясь.

...Он едва не свихнулся, безвылазно просидев в коттедже несколько дней. Он должен был убедиться в том, что Рюрик, заметая следы злодеяния, не собирается убрать и его. Хотя он был почти уверен, что Рюрик не тронет его. Ведь тот хотел причинить своему обидчику максимальную боль, а ее может испытывать только ЖИВОЕ существо. Что касается безопасности... Рюрик не унизится до того, чтобы бояться какого-то лесника.

Сперва Квентин надеялся, что Рюрик все же явится сам — полюбоваться на его горе. Но тот не спешил. И тогда, на четвер-

тый после похорон день, Квентин позвонил в главный сибирский банк, и уже через час его недвижимость перешла в собственность этого банка. Затем он снял всю сумму наличными, прихватил кое-какие сбережения, взял билет на межпланетный лайнер «Сибирь—Москва» и впервые в жизни покинул свою родную планету.

Остальные пассажиры лайнера с удивлением и опаской поглядывали на кофр «Ремингтона», который он не выпускал из рук. Почти все жители Сибири были заядлыми охотниками, но зачем этому чудаку ружье могло понадобиться в столице, где и лесов-то на всей планете днем с огнем не сыщешь? Однако претензий у экипажа не было: документы на оружие были в порядке.

Потомственный инспектор леса, Квентин недолюбливал даже разбросанные по Сибири мелкие поселки, казавшиеся ему суетливыми и шумными. Космопорт Внуково и вовсе подавил его своими масштабами и бесчеловечной архитектурой строений, непрерывно меняющих формы фасадов и балюстрад.

Квентину подумалось, что в таком неприятном месте не могло не появиться такого чудовища, как Рюрик. Но он отбросил эту мысль, признав, что окружающие его люди в большинстве своем выглядят вполне добросердечно.

У него были адреса московских родственников, которых, правда, никогда не видел ни он сам, ни его отец. Когда-то давным-давно его дед, побывав в молодости в Москве, общался с ними... Точнее, конечно, не с ними, а с родителями тех, кто живет тут теперь. Квентин нашел будочку видеофона, но дозвониться по записанному у него номеру не сумел. Скорее всего тот давно сменился. Делать нечего. Придется нанимать такси и ехать по адресу без звонка.

Вид площади перед космопортом сперва поверг Квентина в смятение, а потом — в бешенство. Он никогда не поверил бы, что в этой гигантской неразберихе кто-то способен свободно ориентироваться. Но такси искать не пришлось. Наоборот, крикливая толпа желающих куда-нибудь его отвезти была столь многочисленна, что он, растерявшись, вырвался из нее и остановился поодаль, наблюдая, как таксисты с рекламными надписями на болтающихся у них над головами разноцветных шарах охмуряют других пассажиров.

Слегка пообвыкнув, Квентин сам подошел к одному из шоферов, отозвал его в сторону и, назвав нужный адрес, спросил, сколько это будет стоить. Сумма оказалась немаленькой, но тер-

пимой. Не торгуясь, он согласился и уже через несколько минут мчался в салоне флаера.

Внизу бескрайним заревом расстилалась вечерняя Москва, а небо кишело огнями снующих туда-сюда транспортных средств. И Квентин вновь осознал, в каком чуждом ему месте он находится.

— Ты когда-нибудь видел Рюрика? — спросил он таксиста. Тот даже подпрыгнул от неожиданности и опасливо покосился на Квентина.

— Царя, что ли?

— Да, его.

— Нет, — усмехнулся таксист. — Кто я такой? Живьем — никогда.

— Я бы тоже хотел... — туманно промолвил Квентин и молчал уже до самого конца поездки.

Муж, жена и трое ребятишек. Он свалился им как снег на голову. И он, и они носили фамилию Басовы. Но в том, что они действительно родственники, москвич убедился, получив специальную справку центрального жандармского информатория, благо, заняла эта процедура несколько минут. Однако родня родней, но отец семейства, мужчина лет сорока пяти по имени Сван, встретил Квентина настороженно, если не сказать, враждебно.

— Ну и?! — спрашивал он напористо, едва впустив Квентина на порог. — Чем мы можем тебе помочь? — А интонации его выдавали совсем другое: «И зачем ты нам тут нужен?!»

Но отношение к нему этих людей никак не влияло на выбранную Квентином цель, и он не придавал ему значения.

— Мне действительно нужна ваша помощь, — говорил он терпеливо, словно и не замечая неприязненных ноток в голосе собеседника. — И она не будет вам ничего стоить. Деньги у меня на первое время есть. Я хочу найти работу и снять жилье, но я тут ничего не знаю...

— А-а, — расслабился Сван. Он явно опасался, что новоявленный родственник собирается жить у него. — Ладно. Сообразим что-нибудь. А что ты умеешь-то, лесник?

— Лучше всего мне, наверное, устроиться куда-нибудь в охрану. Я дважды становился чемпионом Сибири по стрельбе...

— Ха! Ну, знаешь... Потряс. Чемпион Сибири... Кого этим в Москве-то удивишь? У вас там планетка-то с гулькин нос...

— Ага... — скептически покачал головой Квентин.

— Нет, планета большая, — поправился Сван, — но народу-то почти нет! Лес сплошной! Ведь так?! Да и это, — Сван ткнул

пальцем в оружейный кофр, — совсем не та стрелялка, которой охранники орудуют... Что у тебя там? Охотничий бластер?

Квентин кивнул.

— То-то!.. — ударил себя по коленке Сван. — А еще что умеешь?

— У меня разряд по фехтованию...

— Это дело и вовсе никчемное!

— Говорят, Рюрик любит фехтовать...

— А тебе-то с того какой толк? Ох уж эти провинциалы: стоит им появиться в столице, как на каждом углу им уже царь-батюшка мерещится... Ну да ладно. Чего для родственника не сделаешь? Поговорю у себя в конторе, у знакомых поспрашиваю, может, и найдем для тебя чего.

Сванова черствость и неприветливость были для Квентина настоящим подарком. Родственник не лез в душу, не расспрашивал о причине приезда, не интересовался семейными делами. И надо отдать ему должное: обещание свое он выполнил. Уже через два дня Квентин был зачислен в штат департамента охраны небольшой фирмы «Look, Yong & K°», занимающейся торговлей спортивным оборудованием. И в тот же день перебрался в выделенную ему однокомнатную каморку на сто сорок третьем этаже огромного мрачного дома.

Поднявшись на лифте, он нашел дверь с указанным ему номером, приложил руку к пятну замкового сканера... «Добро пожаловать», — раздался мелодичный голос невидимого, но, как выяснилось позже, вездесущего домашнего робота, и дверь отворилась.

Квентин вошел, опустив на пол рюкзак с пожитками и ружейный кофр, огляделся. Кровать, полка, мнемопроектор, экран визора, холодильник. Дверь за спиной захлопнулась. Квентин сполз по стене на пол, привалился спиной к стене и закрыл глаза. И впервые за последнее время позволил глубоко спрятанным чувствам выйти на поверхность... И застонал, ощутив почти физическую боль. И ударил кулаком по изумрудной плоскости дверки холодильника.

«Будьте осторожнее, — сказал ему все тот же радушный голос. — Холодильник является собственностью компании, и в случае поломки оплата за ремонт будет вычтена из вашего жалованья». Квентин зарычал и вновь, еще сильнее, ударил по дверце. «Будьте осторожнее. Если оборудование фирмы будет приведено

вами в полную негодность, из вашего жалованья будет вычтена его полная стоимость...»

— Заткнись! — рявкнул Квентин. Слезы высохли. Он поднялся, сделал шаг к окну, но вместо ожидаемого городского пейзажа увидел лишь облака внизу и кое-где торчавшие из них огрызки таких же высотных домов. Он хотел открыть окно, распахнуть настеж, чтобы в эту клетушку вошел простор, но оно оказалось запертым наглухо. Все тот же голос вкрадчиво заметил:

— Воздух снаружи разряжен.

— Мне душно, — огрызнулся Квентин.

— Включаю дополнительную вентиляцию, — сообщил голос. И уточнил: — Какой желаете воздух? Сухой? Обычный? Морской? Грозовой?..

— Грозовой, — откликнулся Квентин.

Раздался легкий гул, в комнатушке запахло озоном и закружился легкий ветерок. Квентин улегся на кровать и закрыл глаза.

— Звук? — осведомился голос.

— Да, — сказал Квентин. — Только потише. И не беспокой меня больше, пока я сам чего-нибудь не попрошу.

Робот обиженно, как показалось Квентину, промолчал, зато в комнате явственно стал слышен стук дождевых капель в стекло и слабые громовые раскаты.

...То, чем ему пришлось заниматься, трудно было назвать работой. Он просто наблюдал за погрузкой, а затем вместе с водителем сидел в кабине громоздкого грузового флаера-псевдолета во время перевозки товара. Вместо форменного оружия ему разрешили носить собственный спортивный бластер.

Он не имел ни малейшего представления, как приблизиться к задуманному. Он ждал, когда судьба даст ему подсказку. По вечерам он смотрел по визору новости, надеясь услышать, где и когда бывает Рюрик... Время от времени его охватывало отчаяние, он понимал, что он и его враг живут в разных мирах, точнее, на разных, никогда не пересекающихся уровнях этого мира, и то, что он перебрался в Москву, не приблизило его к цели, а напротив, отдалило от нее. Люди, с которыми он работал, подняли бы его на смех, если бы он сказал им, что лично видел царя, разговаривал с ним, пожимал руку при встрече и прощании... Порой ему хотелось отрезать эту самую руку.

Его сослуживцы и без того считали его сумасшедшим. Да он и был сумасшедшим. Все окружающее казалось ему призрачным, а люди — бесплотными тенями. Да и сам он остался там, в про-

шлом, там, где были живы его жена и дочь... Он разговаривал с ними по ночам. И он почти не разговаривал со своими новыми знакомыми. Он никак не мог запомнить их имен...

Когда на первых порах какой-то паренек после работы позвал его выпить с ним кружечку пивка, он только переспросил: «Пивка?..» Помолчал, словно пытаясь вспомнить, что это слово означает, а потом сумрачно усмехнулся и, ничего не объясняя, двинул к остановке такси. С тех пор никто больше не пытался сблизиться с ним.

Так в угрюмой полудреме протекали день за днем, пока однажды не случилось знаменательное событие, заставившее Квентина встрепенуться. В очередной раз присутствуя при погрузке товара во флаер, он заметил, что это — не что иное, как рапиры в прозрачных пластикатовых упаковках. Глядя на тонкие лезвия и великолепные, имитирующие старинные рукояти, он неожиданно для себя ощутил легкий зуд в пальцах. Он не фехтовал уже очень и очень давно.

— Куда везем? — спросил он молодого вертлявого менеджера компании, стоявшего рядом. Тот выпучил глаза: впервые за четыре месяца, которые истекли с их первой встречи, он услышал голос этого хмурого охранника с необычным оружием в лапах.

— О! — отозвался он с торжеством в голосе. — Большая удача. Элитный заказ. Чемпионат России по фехтованию! На нем, как всегда, будет сам Рюрик!

— Что ты сказал?! — Квентин схватил менеджера за руку и сжал ее с такой силой, что тот охнул и присел. — Повтори! Я не расслышал!

— Ничего особенного, — корчась, попытался тот высвободить ладонь. — Чемпионат России...

— И там будет... Кто?!

— Рюрик! Да отцепись же ты от меня! Вот псих! — Он отпрыгнул в сторону, едва лишь пальцы Квентина разжались. — Где вы его откопали?! — повернулся он к водителю, тряся отдавленной рукой. На что тот безразлично пожал плечами. Он и сам хотел бы знать, откуда на него свалился этот необычный малый.

А Квентин почувствовал себя так, словно очнулся от долгой спячки. Он тоже обернулся к водителю, и брови у того от удивления поползли вверх: угрюмый охранник, оказывается, умеет улыбаться... Неожиданно Квентин обнаружил, что он помнит, как водителя зовут.

— Слышишь, Эрик, — обратился он. — Подскажи, где наши обычно сидят после работы?

— За пивом? — уточнил водитель.

— Ну да. За чем же еще?

— Слава тебе Господи, ожил, — обрадованно ухмыльнулся Эрик. — Я тебя отведу. Будь спокоен, парень! — И он хлопнул Квентина по плечу. — Пойло сегодня за мой счет.

Выпивка текла рекой, антигравитационные подносы сновали туда и сюда, еле успевая подносить все новые сосуды и закуски. Квентин, хотя и был по сравнению с остальными молчалив, но казался им просто-таки говоруном, ведь раньше из него нельзя было вытянуть и слова. Теперь же его товарищи по работе уже узнали о нем все, или почти все, что им хотелось узнать.

Сумрачный молчун-охранник уже давно вызывал всеобщее любопытство. И они прониклись к нему сочувствием, им стало понятно теперь, отчего он так нелюдим: он рассказал им, что его родные, вся его семья убиты недавно лесным зверем... Он не рассказал им только одного — что это за зверь и каков его титул.

В свою очередь, Квентин выяснил все то, за чем сюда и отправился. А именно, что чемпионат по фехтованию, любимому виду спорта государя, состоится через месяц. Что проходить он будет в самом роскошном спортивном комплексе планеты — Третьяковском городке. Соревноваться спортсмены будут в двух видах состязаний — в традиционном двухмерном и в относительно новом трехмерном, где используются возможности антигравитационного парения. И что уже несколько лет подряд сразу по окончании Рюрик сражается с чемпионами в обоих видах, и эти бои всегда оканчиваются вничью, точнее даже, со счетом «ноль:ноль».

То, что разговор постоянно вращается вокруг чемпионата, странным никому не показалось, ведь сегодня с ним была связана их работа, а тут еще выяснилось, что шпагой владеет неожиданно оживший угрюмый новичок.

— Вот интересно, — говорил изрядно захмелевший Эрик, — поддаются чемпионы царю, что ли? Они же все-таки чемпионы...

— А он все-таки царь, — хохотнул другой водитель.

— Ну и что, что царь?! Это же не значит, что он все лучше всех умеет! Если поддаются или судьи подсуживают, то мне это не нравится. Царь, не царь, а игра должна быть честной!

— Дурак ты, Эрик, — вмешался в разговор сменщик Квентина, здоровенный детина по прозвищу Кроха. — Это еще кто кому поддается! Я всегда эти соревнования по визору смотрю, а один раз и вживую сходил. Дорого уж очень... Так вот, Рюрик с этими чемпионами как кошка с мышкой играет, а вничью заканчивает,

чтобы не обидеть. Чтобы не унизить чемпионское звание. Но кто в этом деле рубит, тот соображает, что Рюрик — круче всех!

— А хочешь, — обратился к нему Квентин, — снова финальную битву вживую посмотреть?

— Больно дорого, — покачал головой Кроха.

— Билеты — за мой счет.

— С чего это ты такой щедрый? — удивился Кроха.

— А ты разве не понял? — пьяно ухмыльнулся Эрик. — Он же тебя на свидание приглашает...

Квентин так на него глянул, что тот поперхнулся пивом и закашлялся, а затем, поставив кружку на стол, замахал руками:

— Да ладно ты, не сердись. Я пошутил.

Квентин снова обернулся к Крохе:

— Очень хочется, а я в Москве еще ничего не знаю. Где билеты брать, куда лететь, как бы не пропустить...

— Ишь как тебя заело-то, — снова встрял Эрик.

— Завтра ты скажешь мне, сколько это стоит, — продолжал Квентин, не обращая на Эрика внимания, — я дам тебе деньги, и ты купишь билеты — себе и мне. Как можно ближе.

— На первых рядах цены чумовые.

— Тебя это пусть не волнует. Бери самые дорогие.

— Как знаешь, — пожал плечами Кроха. — По рукам. Давненько мне так не везло.

До своей комнатушки он добрался в изрядном подпитии и сразу завалился спать. Но проснулся среди ночи, ощущая дикую жажду. Хмель улетучился.

— Свет, — просипел он, и услужливый робот включил ночник.

Квентин прошлепал к холодильнику и выпил ароматизированной воды с привкусом цитрусовых. Сел на постель и припомнил свой разговор с Крохой. И понял, что поступил глупо. Вовсе незачем было втягивать его в эту историю. Но что сделано, то сделано.

И как же он собирается поступать дальше? Вот так запросто явиться на чемпионат, вытащить винтовку и пристрелить царя? Сто процентов, с оружием туда не пускают. И скорее всего на входе установлены детекторы. Тогда как? Подождать другого, более удобного случая? Вряд ли подобный шанс подвернется еще хотя бы раз. Да у него больше и сил нет ждать...

Он сидел на постели, слегка раскачиваясь, и то впадал в отчаяние, то чувствовал, что решение где-то совсем близко. Мысли, словно капризная мозаика, не хотели складываться в нужную кар-

тину. Но он пытался еще и еще раз... И к утру план был готов. Шаткий, мало реальный... Но вероятность успеха все-таки была. И он вновь почувствовал усталость, но спать времени уже не было.

...Принимая смену, он напомнил Крохе о вчерашнем разговоре.

— А ты не передумал? — спросил тот.

— Нет. С чего вдруг?

— Я все узнал. Самые дешевые билеты уже проданы...

— А самые дорогие?

— Вот. — Кроха вытащил из кармана сложенный вчетверо листок. — Это мне справка выдала. Тут все помечено.

Рисунок на листке представлял собой схему огромного зала с расположенными амфитеатром рядами зрительских кресел и возвышающейся круглой ареной в центре. Прозрачными одноцветными полосами и пятнами были обозначены группы мест, имеющих одинаковую стоимость. Квентин внимательно изучил чертеж и поцокал языком, делая вид, что слегка удручен размером цен. Они и впрямь были астрономическими, но Квентин мог себе позволить сделать последнюю в своей жизни покупку и подороже. Все его тугрики были сейчас при нем.

— Вот, — ткнул он пальцем в середину ряда, который, судя по схеме, был ближайшим из тех, что располагались чуть выше уровня арены. — Бери эти. И, пожалуйста, возьми сегодня, чтобы я не беспокоился.

Он полез во внутренний карман и, отсчитав нужную сумму, протянул ее сослуживцу.

Кроха покачал головой:

— Чудно это все. За такие деньги тебе в нашей конторе полгода горбатиться...

— Я как-нибудь потом тебе все объясню, — ушел от ответа Квентин, думая: «А будет ли оно — это «потом»?

...Кроха занес билет Квентину в контору в тот же день. Билет представлял собой красочную пластикатовую карточку-футляр с информационным визорным диском внутри. Квентин спросил, что записано на этом диске, и Кроха ответил:

— Разное.

— А как до зала добраться, там есть?

— Естественно, — кивнул Кроха.

В тот же день Квентин с работы уволился. У него не было больше времени ни на что, кроме подготовки к задуманному. Но, увольняясь, он наличными заплатил за жилье за месяц вперед, и комнату на этот срок оставили за ним.

* * *

Вернувшись домой, он перво-наперво вложил диск в щель визора... Вскоре он знал все, что ему нужно было знать. Как добраться до Третьяковского городка, где находится зал, в котором будет проходить чемпионат, где он будет сидеть. Он даже посмотрел наиболее эффектные отрывки из прежних соревнований, в том числе и с участием Рюрика...

Квентин плохо разбирался в правилах трехмерного фехтования, потому эти эпизоды пробежал вскользь, подробнее остановившись на традиционном поединке. В работе царь был хорош, Квентин даже на миг перестал ненавидеть его, залюбовавшись отточенными движениями, тем более что лица сражающихся на время боя скрывали шлемы с забралами.

Внезапно он подумал о том, что абсолютно не учел возможность защищенности самодержца на людях личным силовым полем. Но он тут же отбросил эту мысль: какое поле может быть во время боя на рапирах? Но эта мысль подтвердила две предыдущих: что лучшей возможности для покушения, чем этот чемпионат, найти невозможно и что зрители должны подвергаться тщательнейшему досмотру.

Утром следующего же дня Квентин отправился в Третьяковский городок. Путь был долгим, и к воротам спорткомплекса псевдолет доставил его только через полтора часа. Квентин ожидал, что ворота могут быть заперты или охраняемы, но вопреки ожиданиям прошел в городок свободно. А вот двери крытого зрелищного амфитеатра были замкнуты, и Квентин был вынужден положить ладонь на сканирующую плоскость замка. Охранный модуль был связан с жандармской сетью государственной генной идентификации. Это стало ясно после того, как голос из-за двери грубо спросил:

— Чего тебе, лесник?

— Я с планеты Сибирь, — начал Квентин, — я разрядник...

— Вижу, по фехтованию. И чемпион по стрельбе. А чего тебе надо-то?

— Я хочу посмотреть на тренировку. Может, позднее сам попробую войти в команду...

— Не думаю, что это хорошая идея, — произнес голос.

— Мы сумеем с вами договориться, — заверил Квентин.

Замок щелкнул, и голос бросил:

— Шагай.

Квентин прошел внутрь, и сбоку на экране увидел собственную фигуру, просвеченную насквозь, в фас и в профиль. Отчетливо был виден его скелет, а также лежавшие в кармане деньги и билет с диском.

Из-за столика ему навстречу поднялся полный седой мужчина лет шестидесяти.

— Тебе повезло парень, — сказал он. — С тебя флакон. Ты понял?

— Конечно, — подтвердил Квентин. — В следующий раз принесу обязательно. А не принесу — не пустите меня...

— Ладно, — кивнул сторож. — Так и быть. Так вот, говорю, повезло тебе. Как раз сейчас идут тренировки на большой арене. В тренировочные залы я тебя не пустил бы, тренеры бы тебя живо выставили, и мне досталось бы... А там сядь где-нибудь в уголке и смотри, никто не тронет. К тренерам не приставай, они сейчас бешеные. Если сами к тебе обратятся, тогда и разговаривай. Все понял?

— Да, все. Буду как мышка.

— Ну, ступай тогда...

Сразу пройдя на то место, на которое Кроха купил ему билет, Квентин просидел на тренировке весь день, и, хоть он и ловил на себе несколько раз любопытные взгляды, никто не заговорил с ним.

То, как были устроены сиденья, заставило его сердце забиться тревожно и радостно. Именно на что-то подобное он и рассчитывал. Хотя подлокотники и отделяли места друг от друга, сами сиденья сливались в некое подобие длинных скамей. А под скамьями было пусто, темно, и если прикрепить там винтовку, не к полу, конечно, а к обратной стороне сиденья, ее не заметит там ни один уборщик. Точнее говоря, МОЖЕТ не заметить. Во всяком случае, в течение суток.

На следующий день Квентин явился смотреть тренировку в то же время.

— Опять?! — рявкнул привратник из-за двери.

— Да, — отозвался Квентин. — Я вам должок принес. — С этими словами он достал из свертка бутылку дорогой водки и продемонстрировал ее закрытой двери.

— Ну-у, — протянул сторож. — Ладно.

И замок щелкнул.

— Лучше б принес подешевле, да две, — сокрушенно покачал головой сторож, направляясь к себе в комнатку.

— Не последняя, — бросил Квентин ему вдогонку.

* * *

...Через неделю произошло сразу два знаменательных события. Во-первых, Квентин явился в зрелищный зал со своей винтовкой-бластером и попросил сторожа подержать ее у себя в комнате, объяснив, что пришлось взять ее с собой, так как вечером у него тренировка по стрельбе. Тот что-то недовольно пробурчал, но винтовку к себе взял. Впрочем, как и очередной магарыч. Во-вторых, сразу после очередного боя с Квентином заговорил один из спортсменов, присев рядом и вытираясь полотенцем:

— Я тебя тут уже не первый раз вижу. Интересуешься?

— Да, я и сам занимался. Я много разных профессий перепробовал, сейчас жалею, что не стал спортсменом. Очень это дело люблю.

— Еще не поздно, — улыбнулся спортсмен, но было видно, что он и сам не верит своим словам, а просто отдает дань вежливости.

— Да нет, вряд ли, — покачал головой Квентин. — Мне уже тридцать два. Но я хотел бы заниматься чем-нибудь... — неожиданно для себя соврал он. — Как-то помогать вам. Лишь бы быть рядом.

— Не бесплатно, конечно?

— Ну да, жить как-то надо... Но я один, мне много не нужно.

— Хорошо. Как тебя звать-то?

— Квентин, — протянул он руку.

— Виктор, — ответил на рукопожатие спортсмен. — Хорошо, я поговорю с тренером. Для тех, кто этим живет, работа у нас обычно находится. Сейчас деньки стоят горячие, все идет по жесткому расписанию. Вряд ли он тебе уделит время. А вот после чемпионата — посмотрим.

Так и оказалось. Разговаривать с ним тренер не стал, но и он сам, и большинство спортсменов, встречаясь с Квентином взглядами, теперь приветственно ему улыбались.

У Квентина отлегло от сердца. Он перестал бояться, что однажды его выставят отсюда, как непрошеного гостя. Он стал своим.

С «Ремингтоном» он приходил сюда теперь через день, и сторож без разговоров прятал кофр у себя. С каждым днем в зале появлялось все больше людей, которые занимались подготовкой помещения к спортивному празднику, суматоха становилась все насыщенней. И за два дня до начала чемпионата, придя сюда в очередной раз, Квентин «забыл» отдать кофр сторожу.

С бьющимся от волнения сердцем он прошел к своему месту, ожидая окрика за спиной. Тогда он «спохватится» и отдаст кофр сторожу... Но окрика не последовало, и Квентин, сунув кофр под кресло, уселся на свое место. На сцену он глядел невидящим взором, думая совсем о другом, а примерно через час, улучив момент, сполз на пол, открыл кофр, приложил винтовку к заранее выбранному месту и подклеил тремя приготовленными полосками скотча.

Слегка дернул. Винтовка держалась что надо. Он закрыл кофр, сел на место и огляделся. У него зашевелились волосы, когда он заметил, что сверху на него внимательно смотрит паренек-осветитель. Но все-таки, похоже, это был случайный взгляд, осветитель опустил глаза и продолжил монтаж какого-то прожектора.

Когда он выходил с пустым кофром в руке, сторож показал на него и погрозил пальцем:

— Ты так больше не делай...

— Да, конечно, — заставив себя улыбнуться, кивнул Квентин. — Забыл. — («Только бы он не попросил открыть!») — А завтра я, кстати, не приду, есть кое-какие дела.

— Ишь ты, — удивился сторож. — Когда ж появишься?

— На чемпионате.

— Не-е, я тебя пропустить не смогу, — покачал головой тот. — Строго по билетам. Знаешь, сколько это стоит?..

— Знаю, — усмехнулся Квентин, — у меня есть. — И, достав билет, помахал им у сторожа перед носом.

— Ишь ты, — снова удивился тот. — Я думал, ты только для того и ходишь, чтобы потом на халяву проскочить. Ну тогда ладно. Бывай здоров...

Если бы бластер нашли, вычислить его хозяина не составило бы ни малейшего труда. Но, несмотря на мандраж, в ночь перед чемпионатом Квентин заставил себя как следует выспаться.

К спорткомплексу он прибыл за двадцать минут до начала и ввалился в разукрашенный зал в потоке веселых, возбужденных зрителей. Он добрался до своего места и сел. Внезапно ему вспомнился внимательный взгляд паренька-осветителя, и он облился холодным потом.

Но нет, он не арестован, значит, винтовка не обнаружена. Хотя... Может быть, это такая игра?.. Он выронил из рук билет, нагнулся за ним и, поднимая, одной рукой пощупал под креслом. Бластер был на месте, и Квентин чуть не задохнулся от нахлынувшего страха.

А может быть, все-таки игра? Может быть, «Ремингтон» уже разряжен? Он представил, как он стоит среди моря остолбеневших людей, прицелившись в государя, и безрезультатно жмет на курок... И ему опять стало дурно. Но проверить, заряжена ли винтовка, возможности нет никакой. И не будет. Поэтому придется просто верить в то, что она заряжена, и соответственно вести себя. Тем более что если она обезврежена, значит, его засекли и уже вычислили, и возмездия ему все равно не миновать. Проверять, выходит, нет смысла.

— Привет! — прозвучало у него над ухом. Он подпрыгнул как ошпаренный... На место рядом с ним усаживался Кроха. — Ты куда запропастился? Ребята обижаются. Уволился и «до свидания» даже не сказал.

— Так вышло, — промямлил Квентин. Думая о том, что меньше всего на свете он сейчас настроен на разговоры. И ему повезло. «Бом-м-м!!!» — прозвучал гонг, и нетерпеливый гомон зрителей моментально утих. Шоу стартовало.

Да, это было именно ШОУ. Не в пример аскетичным соревнованиям, в которых Квентин участвовал дома... Казалось, это было вечность назад... Там спортсмены появлялись на ринге, двигаясь отточенно, словно солдаты. Рефери махал рукой, и короткий поединок сразу показывал, кто сильнее. Тут все происходило совсем не так.

Тут каждый участник имел свой собственный гимн, собственный герб, собственные цвета, и целую армию поклонников в зале, нарядившихся в одинаковые костюмы этих цветов. Выход каждого участника сопровождался бурей в зале. Под звуки своего гимна спортсмен появлялся на ринге, вставал в эффектные угрожающие позы, делал выпады, а фанаты тем временем горланили речевки, размахивали транспарантами, запускали под купол ракеты, превращающиеся в разноцветные буквы имени их кумира.

Комментаторы, надрываясь, перечисляли регалии каждого, предлагали делать ставки в тотализаторе, и ставки делались. А по окончании каждого поединка победитель ревел что-нибудь вроде: «Ну?! Кто еще хочет, чтобы я надрал ему задницу?!!» И смельчаки из зала находились... Но всегда проигрывали. Зато они могли теперь похвастаться, что дрались с самим Дабби-Ураганом или Сэнди Повелителем Монстров...

Сперва Квентин смотрел на все это скучая, точнее — думая совсем о другом. Но мало-помалу увлекся. Ведь многих из высту-

павших на ринге он уже знал в лицо, наблюдал за их работой на тренировках.

Чемпионат длился весь день. Двадцать один традиционный наземный (или, как его тут называли, «плоский» бой) и двадцать один трехмерный — с использованием гравитатного полета. Зрители успевали проголодаться, но над их головами сновали летающие подносы с напитками и калорийной пищевой мелочью типа сладостей и жареных орешков. Чтобы вызвать такой поднос, нужно было просто поднять над головой руку с билетом.

Дожидаясь своего часа, Квентин подкрепился дважды... В эти моменты они перекидывались репликами с Крохой, но тот и сам был так увлечен турниром, что особенно не привязывался.

Внезапно подумалось: «Если бы сейчас рядом была Бианка... Как веселилась и радовалась бы она всему вокруг... Она ничего не успела увидеть за свою маленькую жизнь...» И расслабившийся было Квентин снова как будто бы окаменел душой.

Наконец оба чемпиона — «плоский» и «трехмерный» — определились. Фанаты бушевали, а комментатор, захлебываясь, голосил:

— Вот они! Вот они, наши славные герои! Только взгляните на этого великана — Бенни Непобедимого! Он и впрямь непобедим! Шпага этого бойца не имела поражений! Вот он перед вами во всей своей мужественной красе!..

Зрелище действительно было великолепным. Под аккомпанемент рева зрителей и грома аплодисментов Бенни Непобедимый, словно ожидающий очередной жертвы зверь, расхаживал по рингу, потрясал рапирой со светящимся шариком безопасности на конце, и его темно-лиловый с желтым подбоем флюоресцирующий плащ развевался за спиной...

— Чего же он еще ждет?! — продолжал нагнетать истерию комментатор со своей площадки. — Почему не забирает вознаграждение и не отправляется праздновать свой триумф? Неужели он ждет смельчака, кого-то из вас, кто выйдет сразиться с ним?!

Сходство с невиданным, но опасным зверем усиливали шлем с забралом и костюм в обтяжку, делавший движения его владельца еще грациознее.

— Но, наверное, все мы уже догадались, кто сразится с этим монстром! — вещал комментатор. — О да! Вот и он! Тот, кто осмелился оспаривать его звание.

Из царской ложи, скользя по воздуху сужающимися кругами, опускалась фигура с рапирой в руке, в свободном серо-коричневом спортивном костюме с российским гербом на груди и про-

зрачном, хрупком на вид шлеме с забралом. Квентин почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Под сводами зала зазвучал Гимн России.

— О да! Это он! — кричал комментатор так, словно делал открытие. — Это Государь Всея Руси нашей Рюрик Четвертый!!! Он вновь почтил вниманием наше скромное соревнование! И, похоже, вновь он рискует помериться искусством с чемпионом!

Рюрик уже стоял на ринге. Бенни Непобедимый с достоинством поклонился ему. Рюрик поклонился в ответ. Рефери махнул рукой одновременно со звоном гонга, и противники скрестили рапиры.

Зал неистовствовал. Квентин же, напротив, словно заледенел. «Сейчас? — вертелось у него в голове. — Нет, еще будет трехмерный бой... И что с того? Стоит ли оттягивать момент? А вдруг что-то изменится, и от второго поединка Рюрик откажется? Кроме того, целиться в летающую фигуру намного сложнее... Значит, сейчас?..»

Квентин тряхнул головой и решил: «Только сейчас. Но все-таки чуть позже, когда поединок закончится и соперники будут раскланиваться перед публикой. Тогда промахнуться будет практически невозможно».

Он тупо наблюдал за ужимками фигур на ринге. Он перестал любоваться их грацией, ожидая только, когда все это наконец закончится. Казалось, бой длится вечность. Но и вечность имеет конец. Хрустальный звон оповестил об этом.

— Ничья! Опять ничья! — исступленно орал комментатор. — Ноль:ноль! И вновь мы не можем сказать уверенно, кто из противников был сильнее! Но мы можем сказать одно: наш народ в безопасности, пока у нас есть такие герои!

Тем временем, делая красивый жест, Рюрик поднял руку Бенни, показывая тем самым, что, несмотря на ничью, лидер этого чемпионата все-таки тот. И именно в это время Квентин наклонился, нащупал винтовку и дернул ее так, что скотч отклеился. Он встал, вскинул винтовку на плечо, повел рычажок предохранителя мощности на отметку «максимум»... Но что-то заело... Проклятие! Мешает обрывок скотча, застрявший в щели!.. Облившись холодным потом, Квентин дернул сильнее, и рычажок встал-таки на свое место.

Краем глаза он видел, как шарахнулся от него в сторону, но, запнувшись, упал в проходе между рядами Кроха, слышал, как кто-то завизжал, но вопль потонул в раскатах комментаторских словоизлияний и бравурных аккордов музыки...

Он прицелился, нажал на курок... И его опытный глаз проследил за еле видимой нитью луча. Тот вонзился прямо в центр российского герба на костюме Рюрика. Квентин видел, как вспыхнула в этой точке легкая ткань одежды, и он знал, что плоть неправедного государя прожжена сейчас в этом месте насквозь. Квентин двинул стволом, рассекая тело Рюрика чуть ли не напополам...

Все азартные крики этого состязания взятые вместе не сравнились бы по силе с тысячеголосым воплем ужаса, который потряс стены зала сейчас. Квентин отпустил курок. Рюрик покачнулся... Но не упал, а сделал неуловимое движение рукой, и воздух вокруг него заструился, выдавая появление защитного поля.

Уже осознав бессмысленность второго выстрела, Квентин машинально нажал на спусковой крючок еще раз... Рюрик тем временем осел на колени, а навстречу смертоносному лучу, защищая государя, шагнул Бенни Непобедимый.

Луч легко прошел сквозь тело спортсмена и ударился о защитное поле... Стоящая на коленях, сейчас такая маленькая фигурка царя окуталась голубым сиянием пузыря плазмы: это заряд растекся по поверхности защитного поля.

«Бедняга», — подумал Квентин о чемпионе. И это была его последняя мысль. Что произошло с ним дальше, он не знал... По-видимому, его чем-то оглушили.

Теряя сознание, он повернул голову, и последним его воспоминанием того страшного мига были перекошенные ненавистью лица вокруг.

...Он очнулся в камере, скованный по рукам и ногам. Он очнулся с торжеством и отчаянием в душе одновременно... Но торжество его длилось только миг. Ведь первым, кого он перед собой увидел, был Рюрик.

Государь был цел и невредим. Заметив, что Квентин открыл глаза, он усмехнулся:

— Ну, здравствуй, лесник, — сказал он. — А ты оказался сильным. Знаешь, я, признаться, жалел о том случае... С твоей семьей. Я погорячился. Но теперь я вижу: ты силен и опасен, а значит, все было правильно.

— Меня будут судить, — прохрипел Квентин. — Снимут мнемограмму и узнают всё. Люди узнают, кто ты...

— Судить? — переспросил Рюрик и хохотнул лающим смешком. — Да ты романтик, лесник. Нет, судить тебя не будут. Ты уже осужден и приговорен. Единственное, что я могу предложить тебе, — выбор.

* * *

...Квентин выбрал консервацию личности. И этот микроскопический шанс оправдал себя.

Сейчас, в чужом теле, прижатый перегрузкой к входной диафрагме спасательной шлюпки и вспоминая все это, Квентин подумал о том, что он не повторит уже прошлых ошибок. Он поспешил. Он не выяснил до конца природу того, кого вознамерился уничтожить. Теперь он опытнее и хитрее. Странный человек, вернувший его к жизни, многое объяснил ему и предложил план...

«Серебро», — сказал он про себя, чувствуя, как ослабевает перегрузка.

— Серебро, — произнес он вслух, словно пробуя это слово на вкус. Это был вкус возмездия.

Он убьет Рюрика. Он его достанет!..

Глава 5

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Полет его длился недолго. Сигнал «SOS» в густонаселенном подмосковном участке космоса сделал свое дело, и вскоре Квентин услышал скрежет, а затем его швырнуло на пол. Искусственная гравитация. Значит, его шлюпку пристыковали к большому судну.

Это был жандармский корабль. Командир, подтянутый молодой офицер, спросил, как его зовут и как он оказался в шлюпке. Квентин назвал себя, но что-либо еще объяснить не мог, сославшись на потерю памяти. Офицер ввел в корабельный компьютер данные сканирования личности и присвистнул, читая результат:

— Вот так, так... Удивительная история, — сообщил он. — В розыске вы не находитесь, но никакой информации о том, где вы провели последние шесть лет, не имеется. Похоже, вы стали жертвой какого-то преступления, и ваши похитители лишили вас памяти... Слыхал я про такие штуки... Задерживать вас у нас нет никаких оснований... Если на вашем счету нет денег, прибыв в столицу, вы можете воспользоваться временным пристанищем...

— Я могу с борта вашего корабля выяснить состояние своего счета? — спросил Квентин.

— Конечно. Но эта информация конфиденциальна. Пройдемте ко мне.

Перейдя в рубку, Квентин вновь положил руку на плоскость карманного жандармского сканера, офицер сделал запрос о состоянии его счета и вежливо отвернулся. Сумма, которую Квентин прочел на экране, в его понимании была астрономической. Дядюшка Сэм на славу выполнил первый пункт своей части плана.

Квентин отнял руку от сканера, и цифры исчезли.

— Все в порядке, — сказал он офицеру. — С голоду я не умру.

— Тем лучше, — улыбнулся жандарм. — Рапорт о вас я уже передал в центр. Сразу по прибытии в Москву обратитесь в отделение, и следствие по вашему делу будет открыто.

— Так я обязательно и поступлю, — соврал Квентин.

В момент приземления Квентин испытал внезапное ощущение, словно по всему его телу разлился огонь. Словно он выпил натощак изрядную порцию какого-то алкогольного напитка. Было и приятно, и страшно, но испугаться по-настоящему он не успел: ощущение исчезло так же внезапно, как и появилось.

Прибыв в Москву, Квентин снял квартиру в нижнем высотном ярусе дома «Ямская крепость» невдалеке от центра и в первый же день записался в дорогую элитную секцию фехтования. Благо, экономить не приходилось.

До ежегодного чемпионата было четыре с половиной месяца. За это время можно научиться многому. Осваивая на тренировках возможности своего нового тела, Квентин с удовлетворением отметил, что оно неплохо развито и, главное, молодо, чего не заменишь никакими тренировками.

Фанатизм, с которым он занимался, поражал окружавших его людей. Он тренировался по четырнадцать часов в сутки, и уже через месяц его руководитель заметил: «Жаль, что по условиям всероссийского турнира заявку на участие нужно было дать за полгода. Где ты был раньше? Ей-богу, парень, ты не был бы худшим...»

Но Квентин и не рассчитывал на участие. План Дядюшки Сэма выглядел иначе.

— Если только выйти добровольцем? — с сомнением добавил тренер.

«Вот это — теплее», — подумал Квентин.

А тренер закончил:

— Нет, не стоит. Лучше уж годик подождать...

Почти сразу же Квентин заказал себе и специальную рапиру. Заказ был нестандартным и явно отдавал криминалом, но Квентин удвоил названную ружейником, и без того немалую, сумму оплаты, и тот проглотил свои подозрения.

Лезвие рапиры представляло собой титановый сердечник, покрытый основательным слоем серебра. Светящийся набалдашник на конце не навинчивался на резьбу, как это бывает обычно, а свободно насаживался на остро заточенный кончик и прочно удерживался на нем микроскопическим, но мощным псевдомагнитом. Отключить магнит можно было, повернув одну из полосок разноцветной наборной ручки...

Заказ был выполнен через две недели. Внешне, даже при самом тщательном осмотре, рапира ничем не отличалась от обыкновенной. Квентин стал приходить на тренировки с ней, но вскоре выяснилось, что на мягкой серебряной поверхности остаются засечки. Обнаружив это, Квентин перестал носить ее в зал и фехтовал ею лишь дома с тенью.

Он изменился. Ощущение неминуемой победы сделали его менее нелюдимым, и теперь он не чурался общества. Даже наоборот, теперь он предпочитал коротать немногие свободные минуты в кругу новых друзей-спортсменов. Хотя и оставался молчуном.

Но еще большие изменения претерпели его сны. Квентин догадывался, что необычные сновидения выплывают из подкорки его нового мозга. Ему снились странные миры и странные люди. Ему снились джипси, поющие у костров печальные баллады под звон балисетовых струн. Несколько раз ему снилась красивая, но совсем не в его вкусе чернокудрая женщина... А однажды во сне он совсем как в детстве взлетел — взмыл в небо и помчался над ночным городом в сопровождении одетых по-военному людей...

Проснулся от удара. Он висел в полутьме под потолком своей комнаты. «Так бывает, — подумал он. — Ложное пробуждение. На самом деле сон продолжается».

Ощущение было приятным, и он тихо засмеялся. Смех прозвучал звонко, отчетливо, и Квентин подумал, что от этого смеха можно проснуться окончательно. Тогда будет уж точно как в детстве: просыпаешься, смеясь, и весь день после этого испытываешь приподнятое радостное чувство...

«Но пока не проснулся, я могу воспользоваться своей новой способностью», — подумал Квентин.

Он подлетел к окну, уверенный, что оно распахнется перед ним само собой или окажется бесплотным, легко проницаемым насквозь. Но не тут-то было. Лишь когда Квентин коснулся сенсорной клавиши, окно открылось. Прямо как на яву голос домашнего робота предупредил его о разряженности наружного воздуха.

Он вылетел в свежую сыроватую московскую ночь. Было прохладно, и Квентин решил спуститься пониже. Любуясь жем-

чужными россыпями огней ночной планеты-мегаполиса, он помчался вниз, и бесформенные сияющие пятна стали принимать отчетливые очертания фонарей, прожекторов, окон и световой рекламы.

Он спускался стремительно, со свистом ветра в ушах. Подумалось: «Если сейчас я закрою глаза и перестану контролировать себя, я неминуемо разобьюсь. И что тогда будет? Я просто проснусь?» Но экспериментировать он не стал. Наоборот, чуть не ударившись о крышу случайного флаера-псевдолета, он шарахнулся в сторону, замедлил скорость и опускаться дальше стал плавно и осторожно.

Однако метрах в десяти над землей его остановил окрик:

— Прошу прощения!

Квентин повис на месте и подождал, когда к нему подлетит человек в жандармской форме.

— Еще раз извините, — козырнул тот. — Пожалуйста, приложите ладонь к сканеру идентификации. — Он протянул Квентину карманный прибор.

— А в чем дело? — удивился Квентин, думая тем временем, что его сновидение приобретает все более замысловатый, слишком уж похожий на явь характер.

— Некорректное поведение в воздухе, — отозвался жандарм. — Нам пожаловался водитель флаера.

Кивнув, Квентин приложил руку к сканеру.

— Хм, — сказал жандарм, считывая данные. — Вот как. Квентин Басов, инспектор леса, планета Сибирь... То, что вы являетесь законным владельцем мнемогравитата, нигде не указано. Да и код вашей социальной значимости не настолько высок...

«Это не сон!» — окончательно осознал Квентин.

— Сибирь — любимая планета отдыха государя, и гравитат пожалован мне для удобства его обслуживания, — соврал он, чувствуя, что от волнения покрылся испариной.

— Не знаю, не знаю... — протянул жандарм. Однако было видно, что упоминание царской особы слегка остудило его пыл. Если это вранье, то уж слишком наглое... — Ошибки, конечно, бывают, — продолжал он. — Вот что, — он протянул Квентину пластикатовую карточку, — вот вам повестка. Свяжитесь с нами в течение недели, мы все уточним и восстановим ваши права, если они утеряны по ошибке.

У Квентина отлегло от сердца. Он понял, что жандарм поверил в его басню и теперь придумывает, как замять дело с наименьшими потерями для собственного честолюбия.

— И не нарушайте, — добавил жандарм строго, когда Квентин взял повестку.

— Хорошо, — кивнул тот. — Это со мной впервые.

И они разлетелись, каждый довольный собой.

«Итак, я могу летать! — думал Квентин, опустившись на мостовую и шагая к парадной «Ямской крепости». — Вместе с новым телом мне досталась и эта его способность. Почему Дядюшка не предупредил меня об этом? Забыл? Или не знал, что эта способность тела сохраняется?.. Как бы то ни было, мне повезло, что все закончилось благополучно...»

Для проверки перед самым парадным Квентин метра на три подлетел вверх, сделал пару кульбитов и вновь уперся ногами в твердую почву. Возможно, эта ситуация и не стала бы для него таким сюрпризом, если бы на Сибири имелись управляемые гравитационные генераторы. Но их там не было, и летающие люди оставались для него столичной экзотикой.

...Входя в свой номер, Квентин подумал: «Эта способность может помочь мне. — Но тут же осадил себя сам: — Впрочем, этой способностью обладает и Рюрик... Ладно... Посмотрим. А сейчас надо спать. Нет на свете такого повода, который был бы достоин срыва тренировки».

Он хотел было улечься на кровать, но вспомнил вдруг, что персоны, наделенные гравитатом, могут спать в невесомости. Он где-то слышал об этом. «Наверное, такой отдых еще качественнее, — подумал Квентин. — Что ж, попробуем. Тем более что на отдых осталось совсем мало времени». Он приподнялся над полом и принял горизонтальное положение. Да, здорово. Это, пожалуй, самая мягкая постель в его жизни.

Уже засыпая, он решил, что на людях своей новой способностью он без острой необходимости пользоваться не будет. Другой раз может ведь и не пронести так, как с этим жандармом...

Но дома с тех пор он спал только в невесомости и, хотя никакой особой тренировки для этого не требовалось, время от времени практиковался в полете, а иногда и фехтовал, осваивая приемы трехмерного боя.

Заветный день чемпионата приближался. Квентин почти физически ощущал то, как его подготовка делает достижение его цели все более вероятным. Словно натягивается некая тетива, и стрела неминуемо отправится к мишени.

Его не особенно волновало, что будет после. Точнее, он уже настроился, что после не будет ничего. Он исчезнет. Он — лишь

функция. Функция будет выполнена, и он исчезнет. И вряд ли кто-то о нем спохватится.

Впрочем, дважды он обнаруживал, что не одинок. Первый раз он заметил это, когда на его адрес пришло извещение о том, что ошибка в данных информатория устранена и отныне он, Квентин Басов, является законным владельцем мнемогравитата.

Это означало только то, что похожий на пожилого зайца Дядюшка Сэм вспомнил о своем упущении и исправил его, используя какие-то свои рычаги. И если бы Квентин сам не обнаружил свою способность летать раньше, он узнал бы о ней из этого извещения. Но главным было то, что Дядюшка, выходит, знает, где Квентин находится, и скорее всего наблюдает за ним.

Второй, более значительный случай подтвердил это. Однажды, возвращаясь с тренировки, Квентин увидел в беседке возле парадного «Ямской крепости» темноволосую женщину. Ничем не обусловленное тревожно-радостное чувство охватило его. Он приближался, внимательно вглядываясь. Он знает ее?! Но откуда?!

Она поднялась со скамьи и двинулась ему навстречу. Он же замедлил шаги. Вот они поравнялись друг с другом и оба остановились. Жадно разглядывая его лицо, эта смуглая женщина с короткой стрижкой, казалось, хотела что-то сказать ему... Но удержалась и двинулась дальше.

Но он не мог отпустить ее так просто. Он знал, он помнил ее! Другая прическа, другая одежда, обнаженная грудь, как это принято в столице... Он видел ее другой. Но где?!

«Во сне! — озарила его внезапная мысль. — Я видел ее во сне!»

— Постойте! — крикнул он ей в спину, и женщина, вздрогнув, остановилась.

Он догнал ее. И увидел, что ее лицо залито слезами.

— Вы знаете... мое лицо? — спросил он.

Она коротко кивнула.

— Я помню вас, — сказал он. — Вас и ребенка... Иногда я видел вас с ребенком. Во сне. Кем я... — указал он на себя большим пальцем, — ...кем ОНО было раньше?

Женщина помотала головой:

— Не надо... Квентин. — Она назвала его так с видимым усилием. — Я и так нарушила запрет. Я только хотела посмотреть... Но я думала, что вы пройдете мимо...

— То, что мы разговариваем, может помешать мне выполнить задуманное? — насторожился Квентин.

Она кивнула:

— За мной могут следить.

— Тогда уходите, — сказал он, вновь деревенея душой. И отвернувшись, торопливо зашагал к парадному. Но услышал, как женщина сказала ему вслед:

— Я люблю ЕГО.

Квентин понял, что она имеет в виду того, кому когда-то принадлежало это тело.

...Теперь Квентин знал, что он не один, и, как ни странно, это добавило ему и решительности, и азарта. А то, что Дядюшка не выходит с ним на связь, подтверждает, что всё идет по плану.

Главный зал Третьяковского городка. Записавшись в число добровольцев — тех, кто намерен, выйдя из зала, оспаривать звание того или иного участника чемпионата, — Квентин устроился на своем месте в третьем ряду верхнего балкона. Записавшись, он получил право пронести в зал свою рапиру.

Взлетали ракеты, играла музыка, ревела толпа... Все это было ему уже знакомо. Бой проходил за боем, один блистательный чемпион сменял другого... Кроме комментатора и рефери, зрители могли слышать реплики и напряженное дыхание самих бойцов: в стандартных шлемах были установлены радиомикрофоны. Слышали бойцы и друг друга. Бранились, однако, лишь изредка. Квентин наблюдал за всем этим хладнокровно, лишь подмечая ошибки того или иного из них.

Главным недостатком ситуации Квентин считал то, что ему пришлось высиживать несколько часов среди зрителей, вместо того чтобы оттачивать выпады в тренировочном зале. Но он знал: победа есть произведение техники на волю. Просматривая записи прежних чемпионатов, Квентин убедился: техника Рюрика безупречна. Но перемножаться она будет лишь на честолюбие. «Сам же я, — отдавал себе отчет Квентин, — тоже стал настоящим мастером. Но моя техника будет умножена на силу моей ненависти». Это произведение стремится к бесконечности.

Дядюшка говорил о каком-то отвлекающем маневре, который сделает победу неминуемой. Но особых надежд на это Квентин не питал, ведь Дядюшка и сам еще не знал, что это будет за маневр, обещая лишь придумать его. Теперь же Квентин самонадеянно считал, что никакой маневр ему и не нужен. Но он не был чистоплюем. Если его поставят перед выбором — победить Рюрика хитростью или честно проиграть, он, конечно же, выберет первое.

— ...Итак, чемпионат близится к завершению! — вопил комментатор. — Точнее, он завершен! В плоском фехтовании абсолютным чемпионом России признан спортсмен Зигги Звездная

Пыль! В трехмерном поединке — Тамерлан Беспощадный! Вот они, наши непобедимые герои! Самые ловкие, самые бесстрашные герои вселенной!

Зал бурлил, а комментатор продолжал:

— Да, турнир завершен! Но мы-то с вами знаем, что скорее всего мы, как и многие годы подряд, увидим и кое-что еще! И, возможно, это кое-что будет самым захватывающим сегодня зрелищем!

Словно сказанное было командой, из царской ложи, куда наученные прошлыми чемпионатами направили свои взгляды многие зрители, вылетела знакомая фигура в плаще традиционного серо-коричневого цвета. Описав круг под куполом, она двинулась вниз, к рингу.

— Да! — вскричал рефери. — Мы не ошиблись в своих ожиданиях! Государь Всея Руси Рюрик Четвертый вновь удостоил нас своим высоким вниманием!

«Чтобы еще раз доказать себе и посвященным, что человеческая раса — грязь под его волчьими лапами», — подумал Квентин, рефлекторно сжимая рукоять рапиры. Рев толпы перекрыл и Гимн России, и дальнейшие слова комментатора, а когда он слегка стих, прозвучал лишь конец фразы:

— ...Вряд ли кто-то захочет делать ставки!

Тем временем соперники обменялись традиционным приветствием, рефери взмахнул рукой, и гонг оповестил о начале поединка. Противники сошлись. Глядя на то, как Рюрик играет с чемпионом Зигги Звездная Пыль, Квентин почувствовал, что его недавняя уверенность в себе улетучивается. Да, он ОЧЕНЬ ХОЧЕТ ПОБЕДИТЬ. Он ОБЯЗАН ПОБЕДИТЬ. Но что из этого?

Противники кружились по арене так, словно исполняли какой-то замысловатый танец. Лишь звон рапир подтверждал, что это все-таки бой. Прием за приемом, блок за блоком, выпад за выпадом... Самым оскорбительным было как раз то, что Рюрик не только не проиграет, но и не выиграет, и все заранее знают это...

«Бам-м-м!!!» — возвестил гонг об окончании времени поединка. Комментатор при этом возопил:

— Да! Как и следовало ожидать! Ноль:ноль! Аплодисменты героям!

«Вот и настал мой час, — подумал Квентин, и его сердце, миг назад готовое выскочить из груди, стало биться ровно. — Что ж, если и в этот раз меня ждет неудача и если мне вновь предложат выбор, я предпочту смерть».

Он надел зеленый непрозрачный шлем, включил переговорное устройство в нем, опустил сетчатое защитное забрало, и уз-

нать его теперь стало невозможно. А затем с рапирой в руках полетел к рингу.

Когда он, облаченный в зеленую форму, опустился на ринг, толпа оторопело примолкла.

— В чем дело?! — рявкнул рефери.

— Вы нарушаете правила чемпионата, — отозвался Квентин. — Вы не вызываете добровольцев.

— Это абсурд! — заявил рефери.

— Вы считаете, что этот спортсмен непобедим? — спросил Квентин. — Только оттого, что он — царь? Может быть, вы просто жульничаете?

Не найдя, что сказать, рефери все так же возмущенно и в то же время растерянно повторил:

— Это абсурд!

— Нет, поч-щему же, — вмешался Рюрик, и Квентин вздрогнул, узнав этот акцент. Через прозрачное забрало он разглядел хищную улыбку оборотня. — Это даже интересно. Может быть, стоит сделать ставки? — добавил он и расхохотался. Но Квентину показалось, что он залаял.

Зал загудел.

— Я не думаю, что это удачная мысль, — заявил рефери. — Но я подчиняюсь вашей воле. Поединок так поединок.

Очнувшийся в этот миг от столбняка комментатор заорал:

— Ставки, господа! Делаем ставки! Ставим на смельчака в зеленом!

Посмеиваясь, люди в зале ставили на Рюрика, понимая, что заработать не придется; просто их тугрики вернутся к ним, ведь на этого зеленого чудака не поставит никто... Зато можно будет хвастаться величиной поставленной суммы.

Тем временем рефери осмотрел рапиру Квентина, затем, засучив его рукав, приложил к запястью прибор допинг-контроля.

— Все нормально, — пожал он плечами. — Как объявлять-то тебя, кретин?

— Квентин-Лесник, — отозвался тот. И добавил, хотя это было и очевидно: — Бой традиционный, плоский.

— Так уж понятно, — хмыкнул рефери, затем поднял руку, а комментатор, как и все в зале, слышавший их обмен репликами, объявил:

— Квентин-Лесник против Государя Рюрика Четвертого! Беспрецедентно!

Квентин глянул на Рюрика. Выражение лица у того было такое, словно он был приятно удивлен.

— Значит, ты — тот самый лесник? — сказал Рюрик, принимая стойку.

Гонг прозвенел, и поединок начался. Под свист и улюлюканье Квентин сделал несколько ложных выпадов, но Рюрик не повелся ни на один и играючи отразил их. Он ушел в глухую защиту, то ли изучая и оценивая нежданного противника, то ли решая некую этическую проблему и не торопясь начать сражение всерьез.

— Откуда ты взялся? — спросил он наконец, когда они, сцепившись эфесами после очередного неудачного, а на самом деле ложного выпада Квентина, встали лицом к лицу. — Кто тебя вытащил?

Квентин молча вышел из захвата и наконец сделал настоящий выпад. Его рапира, казалось, шла точно в сердце противнику, он даже хотел было уже нажать на полоску рукояти, чтобы освободить клинок от светящегося защитного шарика... Но Рюрик сделал какое-то неуловимое движение, словно бы перетек чуть в сторону. И рапира Квентина прошла мимо, а сам он не устоял на ногах, и удержал равновесие, только припав на одно колено.

— Странные вы существа, люди, — усмехнулся Рюрик. — Бестолковые и нудные. Зачем ты сюда вылез, щенок?

Квентин подумал о том, сколь действительно велико презрение Рюрика к своим подданным, если он, не стесняясь, ведет такие речи, зная, что каждое его слово слышит многотысячный зал. Или он уверен в том, что истинный их смысл непосвященному все равно останется неясен?

Но вопрос Рюрика требовал ответа.

— Мстить, — отозвался Квентин.

— Мстить? — усмехнулся Рюрик и провел левый боковой. Но Квентин отразил его. — Что же это за месть? Даже если бы это были не спортивные рапиры, а боевые бластеры, ты не причинил бы мне ни малейшего вреда, ты же знаешь...

Во время этой тирады противники обменялись несколькими вялыми выпадами, кружась по рингу.

— Знаю, — процедил Квентин.

— Ну а если бы все-таки случилось чудо... Разве что-то можно было бы вернуть твоей победой? — Рюрик спрашивал с неподдельным любопытством.

— Честь, — отозвался Квентин, ощущая, что его душу наполняет отчаяние.

— Ах, честь?! — глумливо хохотнул Рюрик. — Что ж, до конца поединка осталась минута. Сейчас я докажу тебе, что и волки бывают благородными. Если это что-то для тебя значит..

Он опустил рапиру, полностью раскрывшись.

— Бей, — сказал он.

Квентин, с клинком, нацеленным Рюрику в живот, замер на месте. «Мерзавец, — подумал он. — Разве такой победой можно вернуть себе честь?..» Но тут же очнулся: «Какая честь?!! Он здесь не ради какой-то дурацкой чести!!!»

В следующие несколько мгновений уместилось очень многое. Вместо воплей комментатора под сводами зала разнесся крик Дядюшки Сэма: «Рюрик! Тебе конец! Посмотри сюда: со мной — Романов!» Это и был его отвлекающий маневр. И Рюрик в самом деле повернул голову к площадке комментатора, с которой вниз уже реяли две фигуры — Дядюшки и златокудрого мальчика в белоснежной рубашке.

И в это же самое время Квентин подумал: «Этот идиот все испортил! Сейчас Рюрик поймет, что я не так глуп, что мне помог Дядюшка, а значит, дело не в какой-то мифической чести... Что клинок у меня серебряный! И он легко защитится...»

И Рюрик в самом деле все понял. Но Квентин уже повернул большим пальцем полоску рукояти, и светящийся шарик уже соскочил с острия, и Квентин уже совершил отработанный заранее прием: одновременно с выпадом, воспользовавшись гравитатом, взметнул тело вверх, и бил не прямо, а сверху... Прием запрещенный, ведь это был «плоский» бой. И Рюрик никак не мог этого ожидать. Потому, когда он, возвращая взгляд на Квентина, машинально парировал его удар, он промахнулся. И серебряный клинок вошел в его плоть.

Всё это произошло словно в замедленной съемке... Но тут же время снова пустилось вскачь. Из раны в животе Рюрика, нанесенной серебряным клинком, вырвался сноп искр. Рюрик взвыл и, корчась, взметнулся в воздух. С телом его происходила метаморфоза. Серо-коричневый костюм, лопнув, соскользнул вниз и упал на пол вместе со шпагой и треснувшим шлемом.

В гигантском зале наступила гробовая тишина, и только мертвящий душу волчий вой и жалобные поскуливания нарушали ее, исходя от кувыркающего в воздухе мохнатого дымящегося тела.

Происходящее было так необычно и непонятно, что царские охранники не стреляли... Все, кроме одного, инстинкт телохранителя у которого оказался сильнее всех прочих чувств.

Луч бластера ударил Квентину в спину.

Но это был уже не Квентин. Враг был повержен, программа выполнена. Квентин, счастливый своей победой и отмщением, ушел в небытие...

* * *

Чары рассеялись. ЭТО БЫЛ Я.

Я — Роман Безуглов. Бывший студент-филолог, джуз-атаман джипси, претендент на российский трон...

Боль сожгла мне позвоночник, и я рухнул на пол. Я умирал, я чувствовал это. Но я видел, как рядом со мной дымящейся бесформенной кучей упало то, что было когда-то Рюриком.

Я видел Дядюшку и Ромку, подлетающих ко мне. Я слышал дядюшкин крик: «Скорее! На помощь! Санитары, врачи, черт бы вас побрал, где вы есть! Человек ранен!!!»

Я видел лица ошеломленных зрителей. Однако сознание мое начинало гаснуть и раздваиваться. Одновременно с реальной картиной я грезил тем, что я как будто бы нахожусь сейчас в автомобиле, что я попал в аварию и вижу через лобовое стекло в салонах машин перекошенные испугом лица людей, некоторые уже успели расквасить носы и лбы, а на лице девушки, вцепившейся в руль новенького белого седана, я заметил оскал упоительного азарта...

То ли память вытаскивала все это из моего подсознания, из тех времен, когда я чуть не погиб, то ли душа не желала умирать дважды и совместила две мои смерти воедино... Но видение это длилось лишь миг и тут же растаяло. В сознание меня привел возбужденный шепот безжалостно трясшего меня за плечо Дядюшки Сэма:

— Государь! Ради всего святого, очнитесь! Мы спасем вас, но на всякий случай, если окажется слишком поздно, долг велит вам...

Я понял, чего он хочет от меня. И он был прав. Но даже не столько чувство долга, сколько желание, чтобы он оставил меня в покое, заставило меня говорить.

— Я отрекаюсь от трона, — прохрипел я, — в пользу сына Романа... — И подумал об Аджуяр: «Старая карга. Накаркала. Так всё и вышло...»

Я слышал Ромкин плач и чувствовал, что мое тело, превратившееся в сплошной сгусток боли, поднимают и несут куда-то... А последним, что я запомнил, был голос Дядюшки, разносящийся под сводами зала:

— Возрадуйтесь, россияне! Лирянский оборотень Рюрик низложен! На царствие ныне вступает малолетний отпрыск рода Романовых, помазанник Божий Роман Романович! Официальное генное тестирование будет произведено сегодня же, церковные хранители мощей святого Николая Второго уже дали на это согласие. Но мы, «Общество свободных пчеловодов», не сомневаемся в его результатах...

И всё потонуло в вязкой розовой тишине.

Эпилог

Храни меня Господь
В сухом прохладном месте.

Макс Батурин

Я очнулся в больничной палате, с удивлением осознав, что у меня ничего не болит и что чувствую я себя прекрасно.

— С вами, Роман Михайлович, все будет в порядке, — сказал с улыбкой склонившийся надо мной молодой доктор. — Ничего опасного.

— Сколько... — начал я, но доктор опередил меня:

— Вы были в медицинском анабиозе ровно неделю. Мы ввели вас в это состояние для скорейшего выздоровления. Мы сделали вам операцию — заменили пораженную плазмой почку и пересадили в поврежденную область позвоночника имплантат. Уже через месяц вы сможете самостоятельно ходить, а пока придется передвигаться с помощью гравитата.

Неделя... Без сознания я был, а точнее, спал — неделю. За это время могло произойти многое...

— Где мой сын? — спросил я.

— Здесь. Недалеко. Вашим близким сообщили расчетное время вашего пробуждения, и они уже ждут, когда им будет позволено войти.

— Так какого же... Почему вы их не зовете?

— Вы уверены, что в состоянии принять их?

— Да, — сказал я, решив быть лаконичным.

— Хорошо, — кивнул доктор, переняв мою манеру. — Зову.

...Они вошли — Ляля и Ромка. И Дядюшка Сэм. Я улыбнулся им. Ляля присела на стул возле моей кровати, и я заметил, что она очень устала, хотя и прекрасно держится.

— Здравствуй, яхонтовый мой, — сказала она. Я уже заметил, что такие чисто цыганские эпитеты-приговорки она употребляет, когда не совсем уверена в себе.

— Здравствуй, — кивнул я, — ну, как вы там?..

И они стали рассказывать мне. Да. Это была не самая простая неделя в их жизни. Теперь-то я понимаю, что этот чертов Дядюшка был абсолютно уверен, что я выживу. Для современной медицины моя рана — просто пустяк. Конечно! При малолетнем царе быть советником намного удобнее, чем при взрослом... К тому же, пока Ромка не достигнет совершеннолетия, а это случится еще очень не скоро, Дядюшка становится регентом, то есть фактическим правителем государства...

Он боялся смуты. Потому ни он, ни мои близкие не делают и шага без охраны его «пчеловодов» и Гойкиных джипси. Генетическое сканирование подтвердило, что Ромка — потомок Романовых, и коронация должна состояться через десять дней. Дума распущена, все приближенные Рюрика, знавшие о его нечеловеческой сущности, арестованы. Все, кому Рюриком было даровано бессмертие (а список имеется), отстранены от должностей.

На мой вопрос «А как же вы сами?» Дядюшка хитро улыбнулся и пояснил: «А я официально никакой должности и не занимаю. Так... Друг семьи».

По всей Руси объявлен всенародный праздник, кульминацией которого станет Ромкина официальная коронация. Все средства массовой информации освещают предоставленные им еще недавно засекреченные материалы о Рюрике, о лирянах, о «пчеловодах», об операции по доставке меня из двадцатого века, о клятве русского народа Романовым, данной на Великом Земском Соборе в семнадцатом веке и нарушенной в двадцатом, о том, как Рюрик боролся с нами, а мы с ним... Так что я нынче — национальный герой.

И только. Царем я быть перестал, еще не успев стать им. Впрочем, лично я такому раскладу только рад. Какой я, к дьяволу, царь? А вот Ромка... Он готов к этой роли. А если и не готов, то у него есть время подготовиться.

...На его пышной коронации я был затянут в корсет: имплантат в позвоночнике был еще слишком слаб. Зато гравитат позволял мне обходиться без костылей и иных приспособлений. Впрочем, не только я передвигался, не касаясь земли.

Ромка был великолепен. Расшитые драгоценными камнями бархатные одежды сверкали и переливались на нем всеми цветами

радуги. Весь путь от царского дворца до Храма Христа Спасителя (копии того, что был восстановлен в конце двадцатого) перед Ромкой раскатывали златотканый ковер. Но это была чистейшей воды условность, ведь он плыл над этим ковром, не ступая на него.

А за руку его держал Архиепископ уничтоженного Рюриком Храма Николая Второго, старец Арсений. На том, чтобы вел Ромку к трону именно он, настоял я, ведь, как выяснилось, это он, отец Арсений, рискуя жизнью, загрузил в свою шлюпку мощи Николая Второго, а значит, только благодаря ему стало возможным доказать, что Ромка — потомок нашей великой династии.

За ними плыли Ляля, я, Дядюшка Сэм и Гойка, которому по моему требованию был дарован гравитат. Справа и слева, на шаг позади нас, также чуть над землей, двигались две колонны гвардейцев-«пчеловодов» с оркестром, играющим Гимн России. Люди, толпящиеся вокруг, выглядели радостно, и я понял, что россияне, во всяком случае те, кто пришел сюда, довольны таким поворотом дел. Там и тут среди толпы мелькали лица моих друзей-цыган.

В церкви у меня разболелась спина, но я, находясь в полуобморочном состоянии, из чувства долга выстоял-таки, точнее, провисел процедуру, мало, правда, что запомнив из нее. Но я слышал, как вновь была произнесена древняя клятва, данная почти тысячу лет назад, и видел, как на голову Ромке была возложена Шапка Мономаха.

Как ни странно, она не смотрелась нелепо на детской голове, то ли это была уменьшенная ее копия, то ли она мистическим образом подстроилась под наконец-то объявившегося законного владельца... Все возвращалось на круги своя, и по тому, как были настроены люди вокруг, я чувствовал, они верят: Россия возродится.

Боль отпустила лишь за пределами храма. Вечерело, и под открытым небом царила полутьма. Сперва я удивился, почему не работает обычная уличная иллюминация, но ответ подоспел тут же. Полутьма эта была создана искусственно, чтобы еще ярче, еще эффектнее выглядел праздничный фейерверк.

Только мы ступили за церковный порог, как грянул гром, и в грудь ударила взрывная волна такой силы, что я с трудом удержался на ногах... А миг спустя в вечернем небе я увидел портрет Николая Второго, составленный из тысяч разноцветных огней различной световой интенсивности.

Раздался второй выстрел и в небе появился... Я! Это было мое лицо. Оно висело над Кремлем не более десяти секунд, затем черты его словно бы оплавились, расплылись и опали пестрыми искрами. Грянул новый залп. С шипением ракеты взвились в

небо, и там возникло лицо Ромки с царской короной над ним. Я почувствовал, как защемило сердце в моей груди.

Бедный мальчик, плоть от плоти моей, ему не дадут побыть ребенком, ему не позволят испытывать нормальные человеческие чувства... И именно в этот миг я ощутил, что кто-то тронул мою руку. Я оглянулся. Это был Ромка.

— Папа, — сказал он. — Ты не бойся. *Я нормальный.* Я думал о том, как быть царем, если ты еще ребенок.

— И что же ты решил? — спросил я, прекрасно сознавая, что сам я не смог бы ответить на этот вопрос, задай его мне он.

— Дедушке Сэму можно верить? — спросил он меня вместо ответа. «Дедушка Сэм». Как это, блин, трогательно.

— Думаю, да, — осторожно отозвался я.

— Я тоже так думаю, — заявил Ромка. — И я решил: пусть пока что все решает он. А я буду просто расти. Я хочу понимать своих подданных, а для этого я должен оставаться НОРМАЛЬНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ.

— Наверное, ты прав, — кивнул я. — Но, думаю, нельзя сейчас устраняться от дел совсем...

— Нет, нет, — перебил меня Ромка. — Я буду выслушивать отчеты, проверять и советоваться с тобой.

— Со мной? — удивился я. — Вряд ли я могу служить авторитетом.

— Ты НОРМАЛЬНЫЙ, — отозвался он. — Я тебя люблю.

...Пока я выздоравливал, мы с Лялей попутешествовали по Москве. Сказать по правде, полный отстой. Хотя Дядюшка утверждает, что нужно знать места... Есть тут и Арбат, и даже Ленинские горы... Однако это — не более чем названия... А общее впечатление у меня сложилось очень скверное. Бестолковая суета огромного количества людей.

Технические ухищрения типа самодвижущихся дорожек, гравитата и текучей мелопластики создают ощущение простора, но я никак не мог отделаться от мысли, что, если все это вдруг выйдет из строя, случится настоящая катастрофа. Хотя, наверное, это моя личная фобия. Житель семнадцатого века, попав в двадцатый, тоже, наверное, сокрушался бы нашей жесткой зависимости от наличия электричества...

В редкие просветления настроения я осознавал, что на самом деле все не так уж и плохо, а главное, я удостоверился, что мир вовсе не катится в тартарары, как мне нередко казалось в начале двадцать первого. Да, он усложняется, но он не собирается самоуничтожаться, а напротив, развивается и процветает.

Другое дело, что мне, выросшему в патриархальные времена, тут как-то неуютно. И ни капельки не хочется привыкать... Бродяжничать с джипси было как-то проще и интереснее, но возвращаться к тому образу жизни я тоже не собирался: раньше у меня была цель, а теперь она достигнута...

Так что когда Ляля предложила мне посетить планету Блиц-12XL, я с радостью согласился. А после недолгого пребывания в качестве гостей мы уговорили Дядюшку, и он сделал нас с Лялей официальными дипломатами на ней. Эта планета сразу понравилась мне, еще в тот наш первый, вынужденный визит, а теперь — тем более. Мне нравится эта природа, эта тишина, мне нравятся эти напрочь лишенные агрессии волчата... Мы очень сдружились с Учителем Шкуном, и я надеюсь, что эта дружба будет залогом мирного сосуществования наших видов.

Несмотря на то что Ромка теперь — самый настоящий царь, большую часть времени он проводит тут же, с нами. При этом он не прерывает учебы: несколько придворных наставников сопровождают его всюду, а научные знания он предпочитает получать от учителей-лирян. Лично я считаю, что лучших педагогов, нежели лиряне, с их болезненной тягой к справедливости и безграничной любовью к детям, на свете просто нет... Вам кажется это ненормальным? Ничуть. Все в российской традиции. Кем по национальности были гувернеры у русских детей из высшего света сразу после нашествия Наполеона? Конечно же, французами...

Ромка тоже подружился с волчатами и гоняет с ними на перегонки на «жуках». Как-то я подслушал считалку, с помощью которой эта компания, состоящая из юных волколаков и не менее юного русского царя, решали, кто из них будет голить, и тут наконец окончательно поверил душой, что Россия воспрянет. Дети встали в кружок. Рыжий лирянский волчонок, который когда-то подвозил меня к «призраку», поочередно, на каждый из ударных слогов, касаясь груди игроков, произносил ПО-РУССКИ:

Звездный, звездный табор,
Серебряный клинок,
Тот, кто самый храбрый,
Тот всё осилить смог.

Звездный, звездный табор,
Серебряный клинок,
Тот, кто знает правду,
Тот волк, а не щенок...

Я был тронут... Впрочем, потом подумал, что для волчат эти слова скорее всего — не более чем ритмичное сочетание звуков, вроде «эники, беники ели вареники» или «винтер, квинтер, жаба»... Кто это сочинил? Ромка? Если это так, то, значит, он уже многое понял...

...Поначалу своим исключительным положением единственного четвероногого животного на планете (искусственные «жуки» не в счет) была крайне довольна и Сволочь, ставшая любимицей лирянских волчат. Но скоро ей это надоело, она загрустила, и однажды по нашей просьбе ей доставили сюда самца. Я назвал его Мерзавцем. Вскоре этот крысиный кобель с успехом оправдал свое прозвище, соблазнив невинную Сволочь, склонив ее к сожительству и продолжению рода.

Учитель Шкун сказал, что его воспитанники хотели бы, чтобы на планете жили не только их создания, но и настоящие животные. Они хотят изучать взаимоотношения своих созданий с природными... Так что детенышам Сволочи и Мерзавца скучно не будет. Очень скоро по моему заказу Филипп доставит на Блиц-12XL самое разнообразное зверье... Не знаю, будут ли крысята рады появлению кошек... Но такова жизнь: всякое благо содержит в себе и определенные минусы.

Дядюшка разыскал свой суперкорабль припрятанным в царских транспортных боксах и теперь постоянно болтается туда-сюда между Блиц-12XL и Москвой — подписывает у Ромки разные бумажки, в основном указы, которые выдумывает сам. На мой вопрос, можно ли с помощью лирянских технологий излечить его от заячьего синдрома, Учитель Шкун заверил, что в этом нет ни малейшей сложности. Однако, когда я сообщил об этом Дядюшке, тот замахал руками и залопотал: «Что вы, что вы, мне абсолютно некогда! Когда у меня появится лишнее время, я сам обращусь к лирянам с этой просьбой...»

Мне показалось это странным, и однажды, когда мы с Дядюшкой хорошенько надрались (а мы занимаемся этим с безусловной регулярностью), я вновь задал ему вопрос, собирается ли он избавляться от заячьей генетической составляющей. И тогда он, перестав жеманиться, сказал честно:

— Ни за что. Вы бы знали, сколько жизненных сил проснулось во мне. Насколько ярче прежнего мое мировосприятие. Вот эта зеленая травка, это голубое небо, этот душистый корнеплод... — вынул он из внутреннего кармана и понюхал морковку. — Нет, вам этого не понять...

Время от времени меня посещают цыгане — Гойка, Зельвинда и Аджуяр. «Ай, Чечигла, — говорят они, — что ты потерял на этой планетке? Кто, кроме нас, джипси, оценит твой талант ганджи? Возвращайся в табор! Верни на родину, в космос, красавицу жену!..» Но я только посмеиваюсь в ответ или предлагаю традиционный тост: «За риск! За свободу! За доблесть!»

Между прочим, мало того, что Ромка пожаловал этим плутам дворянские титулы, они теперь еще и баснословно богаты. Причем разбогатели совершенно самостоятельно. Просто они были на том чемпионате по фехтованию и поставили на Квентина-Лесника...

Сказать по правде, однажды шевельнулось что-то в моей душе. Как бы, думаю, не прокиснуть мне тут. А то вот стишок сочинил:

Бормоча и кашляя,
Ел сегодня кашу я,
Пока не показалось дно,
Сидел и ел, смотрел в окно.

Да. А почему бы, думаю, и впрямь не поскитаться с моими джипси по вселенной, встряхнуться... И за чаркой доброго вина я начал было намекать им по этому поводу. Но они проговорились, что собираются вырученные на чемпионате деньги пустить на финансирование крупномасштабной экспедиции. Будут искать свою историческую родину — королевство Идзубарру... И я почему-то сразу передумал.

...Единственным из тех, с кем свели меня приключения в этом веке, но кого я до сих пор не видел вновь, остался бравый еврейский штурман и любимый Ромкин нянь Брайан. Но я уверен, что судьба еще сведет нас. Ведь нынче он стараниями Ромки — кавалер Ордена Мужества, а главное, по высочайшему царскому ходатайству он восстановлен на первый курс Космоколледжа. Так что я ни капли не удивлюсь, если когда-нибудь он станет личным императорским штурманом.

...Памятник леснику Квентину Басову царским указом воздвигнут на его родной планете Сибирь. Жаль, что его личность автоматически была уничтожена в тот момент, когда Рюрик был повержен. Но такова была программа, и ничего тут поделать уже нельзя. Я даже не могу обвинить Дядюшку в злом умысле: медлить он не мог, а вариантов программа не имела.

На месте выжженного участка промышленной зоны на Петушках сейчас отстраивается развлекательный комплекс имени Семецкого. Точнее, по настоянию Дядюшки, имени Семецкого и Синицына. Хотя убейте, не понимаю, чем таким особенным отличился последний. Если помните, он пропал в самом начале моего повествования, едва появившись. Ну да ладно, не жалко. В конце концов, он — один из моих спасителей... Пусть будут как Минин и Пожарский.

...После долгих споров Дядюшка уступил мне и рюриковские промышленные технологии, хоть, к сожалению, и не в единочасье, как мне хотелось, а мало-помалу исключаются из человеческого производства.

...Я много думал обо всем, что со мною произошло. И загадкой для меня оставалось, кто был тот человек в маске, что снял Дядюшку на Зеленой Лужайке и со Сволочью отправил эту запись мне. Я спросил об этом Дядюшку, и он ответил: «Не хотел об этом вам говорить... Диск с записью момента, когда благодетель снимает шлем, мы нашли у Рюрика. Это был он».

Блин! Так я и знал! Все, как в плохом детективе. Это лишний раз подтверждает весь идиотизм моей истории... И все-таки зачем он это делал? Бессмертный бесился от скуки? Затеял занимательную игру с нами... Что ж, тем хуже для него. И вообще зачем он совершал те или иные действия? Зачем, например, задумал уничтожить человечество? Чем оно ему мешало? Чужая душа потемки... Да и была ли у него душа?..

Если когда-нибудь, основательно отдохнув, я вернусь к активности, я попытаюсь найти ответы на эти вопросы.

...Жизнь продолжается. Сегодня я — единственный в мире человек, чей жизненный опыт имеет разброс в половину тысячелетия. И он подсказывает мне, что конец света еще очень и очень не близок.

Очень короткое, но очень нужное послесловие

Только тех, кто лампы трут,
Аладдинами зовут.
Маркес, Борхес, Кортасар
Отвечают за базар...

Народная мудрость

Ну а теперь вскрою карты и расскажу об обстоятельстве, о котором намекал в предисловии. Дело в том, что я никогда не стал бы все это писать, если бы не одно соображение. А именно. Как-то за рюмашкой водки Дядюшка проговорился, что из-за нападения джипси он в свое время не успел уничтожить «машину времени». И она до сих пор находится в его корабле.

Узнав об этом, я решил правдами или неправдами уговорить его переправить эту рукопись в двадцатый век, а уж потом машину уничтожить — от греха подальше. Я хочу, чтобы написанное мной прочитали хотя бы мои бедные родители...

Когда я лишь заикнулся об этом, Дядюшка взвился так, словно в генах у него имеется не заячья, а тигриная составляющая. «Ваше Величество, это невозможно!— кричал он. — Мы погубим вселенную! Такой риск ничем не оправдан! И не пытайтесь уговорить меня!..» И все прочее в этом духе. Но я увещевал его, говоря:

— Дядюшка, припомните-ка, когда ВАМ это было нужно, вы рискнули вселенной...

— Но мы ЗАБРАЛИ вас из прошлого, практически никакого риска не было! А вы хотите, чтобы мы поступили наоборот — нечто в прошлое ПОДСУНУЛИ...

— А вот и врете, Дядюшка! Меня-то вы забрали, но на мое место подложили кое-что другое. Некое тело...

— И на что это вы намекаете? — поджал Дядюшка уродливые губы.

— А на то, что эту рукопись можно подложить взамен какой-то другой, равной по объему, рукописи. В издательство. В отдел фантастики. Под именем того автора, чью рукопись мы изымем. И я не претендую на обязательный результат. Я не буду проверять, напечатали ее или нет, и настаивать на повторении эксперимента в случае неудачи...

Дядюшка задумался. Потом нехотя согласился:

— Очень, очень мне все это не нравится... Но, учитывая ваши заслуги... Действительно, жанровое определение «фантастический роман» снимает с нас всякую ответственность и развязывает нам руки. Если книгу прочтет кто-то из ваших близких, он поймет, что все в ней — правда, а если кто угодно другой, он скорее всего сочтет ее вымыслом...

— О чем я вам и толкую! Непременно сочтет! — увещевал я. — Вы даже представить себе не можете, Дядюшка, как абсурдно должно выглядеть для жителя того времени наше сегодняшнее будущее. Оно похоже на все что угодно, только не на реальность.

— Вы знаете хотя бы, где в древней Москве находились издательства фантастики? Сможете показать на карте?

— Не знаю, может, и были небольшие специализированные издательства... Лучше я укажу вам самые крупные — АСТ, «ЭКСМО», еще парочку, где обязательно есть и отделы фантастики. Крупные издательства я знаю, ведь, поступая на филфак, я мечтал стать писателем... Но только вы, Дядюшка, помогли воплотить мою мечту в реальность, — подкинул я ему леща. Он сделал вид, что не расслышал мои слова, но я не мог не заметить, что от смущения он слегка порозовел. И спросил с нарочитой настойчивостью:

— Если мы подменим чью-то рукопись, не станет ли это абсолютной гарантией того, что ваша напечатана не будет? Например, издатель потребует от автора что-то поправить, а тот устроит скандал на предмет того, что это — не его книга?

— Ну, во-первых, Дядюшка, разве это не самый желательный для вас вариант? Во-вторых, я знаю писателей того времени: если гонорар заплачен, они и артачиться особенно не будут — тот это текст или не тот... Наконец, главное: нужно постараться подменить такую рукопись, автор которой живет в провинции. Вероятность провала тогда будет минимальной. И желательно, чтобы он не был знаменитостью.

— Ну знаете, в такие тонкости вникать у меня вряд ли будет возможность. Не так все просто, не так все просто, — пробормотал Дядюшка. — Ладно... Я подумаю... Постараюсь что-нибудь сделать...

* * *

Если вы живете в двадцатом столетии и читаете эти строки, значит, он все-таки выполнил свое обещание. Я, кстати, в интересах дела дал право Дядюшке изменить название рукописи на заглавие той, взамен которой он ее подсунет. Мое название: «Звездный табор, серебряный клинок», а эпиграфом я поставил строчки из той самой Ромкиной считалочки:

...Тот, кто знает правду,
Тот волк, а не щенок...

Таким образом, эпиграф и заголовок составляют что-то вроде четверостишия... А каково название у книги, которую вы прочитали? Каков эпиграф? Все совсем другое, не правда ли? И совершенно не соответствует содержанию. Теперь поняли, почему? И автором значится, конечно же, не Роман Безуглов-Романов, то бишь я, а кто-то совсем другой, какой-нибудь третьесортный писатель-фантаст? Это само собой разумеется...

Ну что ж, дорогой мой современник и далекий предок одновременно. Привет тебе. И прощай.

Если же ты — житель нынешнего двадцать пятого века, то я искренне надеюсь, что ты, так же как и я, оцениваешь мое возникновение в твоем мире как явление положительное.

Тебе я говорю:

«До свидания».

Содержание

Цветы на нашем пепле 5
Звездный табор, серебряный клинок 481

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – "Книги по почте"

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Буркин Юлий Сергеевич

Цветы на нашем пепле
Звездный табор, серебряный клинок

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

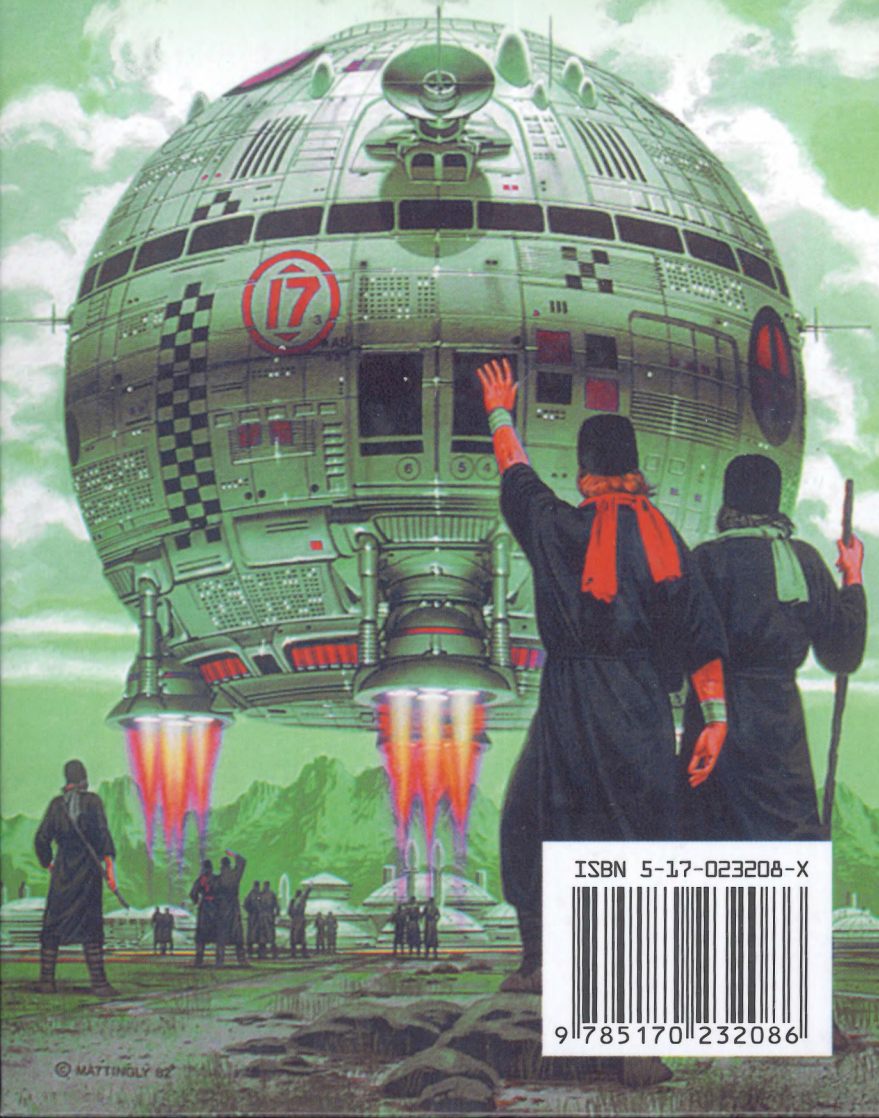
ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ВЗОИ»
143000, Московская обл., г. Одинцово-6, ул. Союзная, д. 7

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП
«Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!

Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!



ISBN 5-17-023208-X

9 785170 232086